СОЧИНЕНІЯ МАРКЕВИЧА

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324443 1

EX LIBRIS
de SAVITSCH

Rev. C. D. Rudame

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Markevich, Boleslav Mikhaĭlovich 5-6
Polnoe sobranie sochineniĭ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

t. 5-6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG
3467
M327
1885
t. 5-6

790588

Содержаніе

ПЯТАГО ТОМА:

СТРАН.

Четверть вѣка назадъ (часть II) . . . . 1—359.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

Памяти графа Алексѣя Толстаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Графъ уѣхалъ тотчасъ послѣ спектакля, отвѣтивъ на просьбы хозяйки остаться ночевать, что у него на завтра въ Москвѣ назначенъ пріемъ просителей, и что онъ очень любитъ спать въ коляскѣ на чистомъ воздухѣ.

— Прощайте, милое дитя! говорилъ онъ, подойдя къ вошедшей Линѣ и похлопывая рукой по ея рукѣ, — прекрасно играете! даже жалко было смотрѣть, точно правда была... А шалунью въ Москву, пѣть! тѣмъ же акаѳистомъ обратилъ онъ рѣчь къ Ольгѣ Акулиной, взирая очевидно не безъ удовольствія на всякія ея красы.

— Вы ужь такой милый, графъ, такой милый! расписывала въ свою очередь барышня, отпуская ему убійственнѣйшіе изъ своихъ *глазенаповъ*. Онѣ втроемъ съ Аглаей Константиновной пошли проводить его и простились съ нимъ на лѣстницѣ. У нижней ступеньки ея, вытянувшись въ струнку, стоялъ въ дорожной формѣ исправникъ Акулинъ.

— Исправникъ! Успѣлъ переодѣться? И парикъ снялъ! воскликнулъ, увидѣвъ его, графъ, подымая вверхъ обѣ свои ладони.—Очень хорошо играешь, я много смѣялся!

— Радъ стараться, ваше сіятельство! воскликнулъ въ свою очередь исправникъ, отвѣшивая ему форменный поклонъ одною головой и не отрывая рукъ, прижатыхъ ко швамъ панталонъ.

— Усталъ? милостиво спросилъ его сіятельство.

— Никакъ-нѣтъ, ваше—ство, хоть сейчасъ снова начать прикажите.

— Нѣтъ! Зачѣмъ! протянулъ смѣясь графъ. — А только ты усталъ. Животъ большой, въ перекладной растрясетъ. Оставайся! Дороги хороши, проѣду и безъ тебя.

— Этого не могу-съ! отпустилъ Акулинъ.

— Почему? еще разъ протянуло начальство и еще разъ приподняло ладони.

— Какъ солдатъ отъ казеннаго ящика, такъ и я отъ вашего сіятельства въ границахъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда отлучиться не могу и не дерзаю. А что до живота-съ, промолвилъ онъ уже съ Полоніевскою ужимкой на лицѣ,—то онъ у меня казенный, ваше—ство, какъ разъ въ мѣрку почтовой телѣги укладывается.

— Балагуръ! запѣлъ предовольный такою остротою графъ, закутываясь въ поданную ему теплую шинель.—Твоя граница гдѣ? спросилъ онъ подумавъ.

— Рѣка Нара, ваше—ство.

— Да, гдѣ паромъ. Знаю!... Отсюда сколько?

— Двѣнадцать верстъ, ваше с...

— Спать буду, не увижу тебя болѣе... Чтобъ не забыть,— Шашковъ, запиши!—чрезъ недѣлю въ Москву пріѣзжай! Ко мнѣ, лично! примолвилъ онъ особеннымъ тономъ.

— Слушаю, ваше—ство! рявкнулъ въ восторгѣ сердечномъ толстый Елпидифоръ. Успѣхъ Полонія и „глазки“ Ольги Елпидифоровны обезпечивали ему, очевидно, ближайшее повышеніе по службѣ.

— Ну, ѣдемъ! сказалъ графъ.—Прощай, Ларіонъ! обратился онъ къ князю, спустившемуся съ нимъ внизъ и, трижды облобызавъ его, шепнулъ на ухо:—изъ Петербурга ничего не получалъ?

— Нѣтъ! коротко отвѣтилъ тотъ, слегка сморщившись и видимо недовольный вопросомъ.

Графъ вышелъ на крыльцо. Исправникова тройка уже гремѣла колокольчикомъ подъ сводомъ *льва*.

Графиня Воротынцева съ своей стороны объявила рѣшительно, что остаться ночевать не можетъ, что ее ждутъ въ Дарьинѣ, но согласилась подождать, пока засвѣтлѣетъ, въ виду какого-то не совсѣмъ надежнаго моста по дорогѣ, о которомъ напомнилъ ей князь Лоло, и по которому, увѣрялъ онъ, было бы не безопасно проѣзжать темною ночью... По настоятельной просьбѣ Аглаи Константиновны „ouvrir le bal avec le jeune comte“, она сдѣлала два тура вальса съ графомъ Анисьевымъ, съ тѣмъ, требовала она, чтобы „уже послѣ этого не обращали на нее никакого вниманія“, что она устала и хочетъ до отъѣзда отдохнуть въ какомъ-нибудь уголкѣ. Она ушла подальше отъ грома бальной музыки въ маленькую, полуосвѣщенную гостиную, куда увела и Софью Ивановну Переверзину, и гдѣ онѣ усѣлись вдвоемъ на маленькомъ угловомъ диванѣ.

Ее очень интересовалъ „романъ“ Лины и Гундурова, и она просила Софью Ивановну сообщить ей о „положеніи вещей“ въ настоящую минуту. Въ этой женщинѣ было такъ много обаятельнаго, захватывающаго, симпатичнаго, что Софья Ивановна, завоеванная ея прелестью съ первой минуты ихъ знакомства, забывъ всю обычную свою сдержанность, откровенно разговорилась съ нею, какъ со старымъ многолѣтнимъ другомъ.

— Elle est bête comme chou cette grosse fermière, воскликнула графиня, говоря про Аглаю Константиновну,—и мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ она рѣшающаго значенія имѣть не можетъ. L'oncle (то-есть князь Ларіонъ), вотъ отъ кого, сколько я понимаю, должно все зависѣть.

Софья Ивановна закачала головой:

— Чѣмъ глупѣе люди, тѣмъ они несговорчивѣе и упрямѣе. Я опасаюсь, напротивъ, что если князь Ларіонъ вступится въ дѣло искренно, онъ своею рѣзкостью можетъ ско-

рѣе напортить, чѣмъ помочь; если же онъ станетъ говорить для формы, безъ внутренняго убѣжденія...

— А вы этого боитесь, вы не увѣрены въ немъ? живо прервала ее собесѣдница.

— Онъ очень любитъ свою племянницу, сколько мнѣ извѣстно, сказала Софья Ивановна,—и, кажется, обѣщалъ ей стоять за ея выборъ. Но самъ онъ въ то же время, превознося на словахъ моего племянника въ глаза и за глаза, въ сущности, я знаю, нисколько не находитъ его подходящимъ мужемъ для княжны.

— Почему это, почему? воскликнула графиня.

— Онъ находитъ его слишкомъ молодымъ, безъ положенія въ свѣтѣ...

Графиня даже руками всплеснула:

— Молодой мужъ, чистый, вѣрующій въ любовь и въ женщину, не истрепавшійся avec toutes ces créatures, съ которыми они тамъ всѣ проводятъ лучшіе свои годы, да вѣдь это счастіе, самое рѣдкое и желанное счастіе! О, сколько бы женщинъ вышли иными изъ этой battle of life, *) если бы выпалъ имъ на долю un vrai mariage, бракъ съ человѣкомъ, такимъ же непорочнымъ въ своемъ прошедшемъ, какъ и онѣ сами, когда выходили замужъ... А „положеніе“?... Боже мой! Да неужели этотъ Milord Walpole, этотъ умный человѣкъ, который такъ независимъ въ своихъ мнѣніяхъ и такъ не нравился за это en certain lieu, неужели и ему нуженъ для такого прелестнаго существа, какъ его племянница, l'éternel aide de camp à carrière въ родѣ этого Анисьева? Вѣдь онъ же знаетъ, чего стòятъ tous ces ignobles ambitieux d'antichambre, которыми полонъ Петербургъ. Онъ долженъ цѣнить людей, которые иного ищутъ, иное дѣлать хотятъ, чѣмъ то, чтò тамъ дѣлается! Il est véritablement Européen, lui, какъ же не противно ему все это наше татарство!... Послушайте, прерывая себя, молвила она, быстро подымаясь съ мѣста,—хотите, я сейчасъ переговорю съ нимъ, мы всегда были большіе друзья...

Софья Ивановна удержала ее за обѣ руки:

---

*) Битва жизни.

— Нѣтъ, милая графиня; тысячу разъ благодарю васъ, но въ эту минуту это было бы во всякомъ случаѣ преждевременно. На мнѣ лежитъ обязанность поговорить и съ нею, и съ нимъ ранѣе всѣхъ, сказала она, и судорожное движеніе повело все ея лицо при этомъ.

— Вы правы, молвила графиня, садясь опять,—и я вижу, что вамъ это будетъ не легко, добавила она, пожимая ей руку.

Онѣ на мигъ замолкли.

— Et le jeune homme, вашъ племянникъ amoureux fou, да? начала опять графиня.

Черты Софьи Ивановны омрачились:

— Да... но не такъ, кажется, какъ бы я желала, проговорила она какъ бы нехотя,—не такъ, какъ этого стòитъ эта удивительная дѣвушка.

— Чтò вы хотите сказать?

— Мнѣ трудно было бы это объяснить вамъ, я сама не могу еще вполнѣ дать себѣ въ этомъ отчетъ, но мнѣ показалось сейчасъ въ театрѣ...

— Онъ былъ удивительно хорошъ! вскликнула графиня Воротынцева: — un vrai désespoir!

— Слишкомъ! отвѣтила сквозь зубы Софья Ивановна. — Ахъ, вотъ онъ! вырвалось у нея въ это же время.

Изъ-за портьеры выглянуло лицо Гундурова: онъ видимо искалъ тетку и не входилъ, видя ее занятою разговоромъ съ незнакомою ему дамой.

— Представьте мнѣ его пожалуйста! съ живостью проговорила графиня.

— Сережа! кликнула Софья Ивановна.

Графиня дружески пожала ему руку, едва названъ онъ былъ ей, и пригласила сѣсть подлѣ себя:

— Не ждите отъ меня комплиментовъ, говорила она, — прежде всего потому, что я никогда не умѣла ихъ дѣлать, а потомъ вы ихъ, я думаю, такъ много уже успѣли наслышаться, что не говорить вамъ ихъ значитъ оказать вамъ услугу, не правда-ли?

— Истинная правда, графиня, сказалъ Сергѣй, — тѣмъ болѣе, что ничего не можетъ быть глупѣе, какъ положеніе

человѣка, которому, заслуженно или незаслуженно, воздаютъ хвалу въ глаза. Я только-что испыталъ это. Одинъ изъ вашихъ петербургскихъ львовъ сдѣлалъ мнѣ честь пожелать познакомиться со мною, — бѣдный герой нашъ видимо старался говорить веселымъ и спокойнымъ тономъ, но Софья Ивановна видѣла, что это стоило ему неимовѣрныхъ усилій,— и насказалъ мнѣ такихъ любезностей, что я не зналъ, куда дѣться. Къ несчастію же моему, это случилось какъ разъ противъ какого-то большаго зеркала, въ которое я нечаянно взглянулъ въ эту минуту и былъ до того пораженъ совершенно идіотскимъ выраженіемъ моей физіономіи, что, не дослушавъ диѳирамба, убѣжалъ отъ него стремглавъ, будто пойманный въ преступленіи.

Графиня громко засмѣялась:

— Это былъ графъ Анисьевъ, cet enthousiaste exagéré?

— Да. Онъ такъ назвался, представляя себя мнѣ, отвѣтилъ Гундуровъ съ худо скрытою ироніей.

— Eh bien, c'est très beau de sa part, я васъ увѣряю, сказала она съ тѣмъ же смѣхомъ, быстро обмѣнявшись взглядомъ съ Софьей Ивановной;—вы должны быть ему не шутя благодарны: онъ можетъ быть гораздо болѣе рыцарь, чѣмъ вы думаете, промолвила она совершенно другимъ тономъ, вспомнивъ вдругъ сказанное ей Анисьевымъ въ театральной залѣ за чаемъ.—On beaucoup plus machiavélique encore, чѣмъ какимъ я его знаю, высказала она тутъ же вслухъ пробѣжавшую у нея вслѣдъ за этимъ мысль, и ея сфинксовые глаза съ загадочнымъ выраженіемъ остановились на Гундуровѣ.

Молодой человѣкъ съ недоумѣніемъ и нѣкоторою тревогой ожидалъ объясненія непонятныхъ ему словъ ея...

Но онъ не получилъ этого объясненія.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, сказала нежданно графиня, — что съ вами было въ Петербургѣ? Ваша тетушка мнѣ сказала, что васъ не пустили за границу?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

— Une valse de Gungl, n'est-ce pas? спросила она его вдругъ, прислушиваясь къ доносившимся къ нимъ изъ залы звукамъ.

— Не сумѣю, право, вамъ сказать, графиня, отвѣчалъ онъ небрежно,—я не музыкантъ, а тѣмъ менѣе танцоръ.

— Нѣтъ, я это когда-то страстно любила, сказала она, моргнувъ вѣками, съ невыразимымъ оттѣнкомъ въ голосѣ,— и встала.—Мнѣ хочется посмотрѣть на вашу Офелію: donnez moi votre bras! обратилась она къ Сергѣю съ обаятельною улыбкой, отъ которой повѣяло ему на мигъ какимъ-то внезапнымъ облегченіемъ.

— А я съ вами прощусь, милая графиня, сказала ей Софья Ивановна, — для меня поздно, и этотъ день истомилъ меня; мнѣ надо протянуться. Спать я не буду, добавила она по адресу племянника. „Я ждать тебя буду“, перевелъ онъ это мысленно.

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю васъ, стала просить графиня Воротынцева, — погодите немножко! Je ferai le tour du salon avec vôtre neveu и вернусь сейчасъ сюда, мы уйдемъ вмѣстѣ. Я скорѣе переодѣнусь и уѣду. J'ai une peur mortelle que cette grosse dondon de princesse не вздумала бы меня провожать со всякими церемоніями. Vite, vite, monsieur Goundourof, вашу руку!

Прелестная женщина не безъ намѣренія дѣлала это. „Романъ“ Гундурова серьезно занималъ ее въ эту минуту. Ей горячо хотѣлось помочь ему, хотѣлось показать этой „grosse dondon de princesse“, всѣмъ этимъ московскимъ ея гостямъ, что она въ этомъ молодомъ человѣкѣ видѣла своего, *quelqu'un*, признавала за нимъ ту степень общественнаго положенія, при которой онъ по всѣмъ правамъ могъ претендовать на руку княжны Шастуновой. И это, по ея мнѣнію, надо было сдѣлать сейчасъ, не упускать случая...

Налегая какъ бы устало своею обнаженною, полною рукой на черный фрачный рукавъ Гундурова, она прошла съ нимъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ разставлены были ломберные столы, и хозяйка дома, игравшая въ преферансъ съ княгиней Додо, Зяблинымъ и походившимъ на стерлядь Костей Подозеринымъ, только-что осталась безъ двухъ въ червяхъ и недоумѣло спрашивала, какъ могло это такъ случиться, обремизившаго ее „бриганта“.

— Ah, chère comtesse, отрываясь отъ картъ, заголосила тутъ же она, увидѣвъ входящихъ,—vous revoilà! Надѣюсь не съ тѣмъ, чтобъ уѣхать?...

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила подходя графиня,—мы съ monsieur Serge отправляемся смотрѣть на танцующихъ.

— И принять самимъ участіе въ танцахъ, j'espère? придавая невѣдомо къ чему своей улыбкѣ лукавое выраженіе, спросила „grosse dondon".

— Если онъ этого непремѣнно захочетъ, отвѣтила „петербургская царица", съ какимъ-то дружескимъ кокетствомъ взглядывая снизу вверхъ на своего кавалера,—я готова съ нимъ сдѣлать туръ вальса.

— О, графиня, проговорилъ смущенно „monsieur Serge",—я не посмѣю никогда, я такъ неловокъ...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, сказала она съ веселымъ смѣхомъ: — вы не изъ тѣхъ, которые ногами дѣлаютъ себѣ карьеру... А когда пріѣдете вы ко мнѣ въ Дарьино? промолвила она, ударяя его слегка вѣеромъ по рукаву и какъ будто это давно было между ними условлено,—j'y tiens beaucoup, je vous prie de croire.

Онъ только могъ поклониться...

— Oh, si vous voulez monter un spectacle, chère comtesse, я вамъ рекомендую monsieur Гундурова, вы видѣли сами, comme il est bon acteur! Я ужь его такъ за это благодарила! возгласила княгиня Аглая Константиновна, улыбаясь во весь ротъ и ворочая глазами съ такимъ выраженіемъ, что ты видишь, молъ, какъ я умѣю цѣнить твою спеціальность.

Сергѣй вспыхнулъ до самыхъ ушей; глаза его блеснули пламенемъ...

Графиня Воротынцева почувствовала еще живѣе, чѣмъ онъ самъ, быть-можетъ, все, что въ этой глупой фразѣ могло быть оскорбительнаго для ея protégé.

— Je quitte sous peu ce cher pays, проговорила она быстро и рѣзко, остановивъ на говорившей насмѣшливые до презрительности глаза,—и устраивать спектаклей мнѣ некогда. Но если-бъ я была на вашемъ мѣстѣ, княгиня, я точно такъ же, какъ вы, не знала бы, какъ достаточно благодарить mon-

sieur Гундурова за честь—она на мигъ остановилась за этимъ сильно подчеркнутымъ ею словомъ,—и удовольствіе, которыя онъ доставилъ бы мнѣ своимъ участіемъ. Pour être aussi prince qu'il l'a été dans son rôle de Hamlet, il faut être né comme il l'est, et *se sentir* en plus très gentilhomme. Это дано не всякому, а я, признаюсь, цѣню это прежде всего...

Она обернулась, заставивъ при этомъ Гундурова описать кругомъ себя вольтъ, и быстро направилась съ нимъ къ дверямъ танцовальной залы.

— Elle est colossalle, vous savez! съ громкимъ смѣхомъ молвила она вслухъ, еще не доходя до этихъ дверей, совершенно равнодушная къ тому, что слова ея могли быть услышаны всею гостиной.

Растерянное лицо „колоссальной" Аглаи цвѣтомъ своимъ напоминало теперь тотъ толченый кирпичъ, которымъ усыпались дорожки ея сада. Она на половину не поняла смысла *нотаціи*, прочитанной ей петербургскою ея гостьей, но по интонаціи ея рѣчи, еще болѣе по этимъ прямо чрезъ столъ устремленнымъ на нее злымъ глазамъ княгини Додо, — которая, дѣйствительно, тасуя въ эту минуту колоду, кусала себѣ губы до боли, чтобы не расхохотаться на всю комнату отъ пронимавшаго ее злаго смѣха, — она не сомнѣвалась, что ей сказано было нѣчто очень жестокое, нѣчто имѣющее опять отношеніе къ ея несчастному „Раскаталовскому" происхожденію... И она механическимъ и тупымъ движеніемъ автомата подбирала одну за одной сдаваемыя ей карты, не смѣя ни на кого поднять глазъ и тщетно стараясь объяснить себѣ, за что вздумала ее обидѣть cette comtesse Vorotintzef-Dariine, которой она со своей стороны кромѣ des politesses ничего не сдѣлала...

Зяблинъ докончилъ сдачу и испустилъ глубокій вздохъ.

— Ça, c'est un vrai ami! поняла Аглая Константиновна и вздохнула тоже.

— Княгиня, вы въ рукѣ! сказалъ Костя Подозеринъ, метнувъ при этомъ взглядомъ искоса на распущенные вѣеромъ короли и дамы въ ея короткихъ и слегка дрожавшихъ пальцахъ.

II.

Оттанцованы уже были три кадрили, кромѣ полекъ и вальсовъ. Чижевскій, въ своемъ качествѣ обычнаго Vortänzer'а московскихъ баловъ, дирижировавшій и здѣсь, рѣшилъ, въ виду что было уже поздно, начать мазурку. Онъ танцовалъ въ первой парѣ съ Женни Карнауховой.

Рядомъ съ ними сѣли Лина съ Духонинымъ...

Въ самомъ началѣ вечера, танцуя съ княжной кадриль, блестящій флигель-адъютантъ спросилъ ее: „дозволено-ли ему будетъ пригласить ее на мазурку".

— A moins qu' *Ophélie* ne la danse avec *Hamlet*, qui y a incontestablement droit aujourd 'hui, добавилъ онъ къ этому тономъ почтительной шутливости, проводя щегольски рукой по своимъ глянцовитымъ усамъ.

— Гамлетъ, кажется, совсѣмъ не танцуетъ, отвѣтила она съ полуулыбкой,—но я дѣйствительно уже приглашена. Благодарю васъ!...

Ее „дѣйствительно" никто еще не приглашалъ, въ предположеніи именно того, что она вѣроятно танцуетъ съ Гундуровымъ; но она ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы танцовать мазурку съ „этимъ"... Она оглянулась, едва успѣлъ онъ отойти отъ нея, ища глазами „кого-нибудь другаго".

Она увидѣла Духонина, котораго знала искренно расположеннымъ къ ней, и подозвала его:

— У меня къ вамъ просьба.

— Говорите, княжна, я счастливъ, если...

— Вы должны танцовать со мною мазурку, если у васъ нѣтъ другой дамы.

— Никакой, но развѣ вы...

— Нѣтъ, не дала она ему договорить,—я не хочу танцовать съ незнакомымъ.

— Прелестно, сказалъ онъ, понявъ,—но вы знаете, какой я мазуристъ.

— Такой точно, какого мнѣ нужно,—и она улыбнулась такою грустною улыбкой, что у Духонина на мигъ сердце сжалось,—я устала ужасно и насилу говорю... Но, пожалуйста, никому объ этомъ, быстро промолвила она.

Онъ съ упрекомъ поднялъ глаза на нее:

— Нужно-ли вамъ это говорить мнѣ, княжна!...

Флигель-адъютантъ своею красиво-небрежною походкой въ интервалѣ между двумя контрдансами подошелъ къ Женни Карнауховой.

— Васъ и спрашивать, вѣроятно, нечего, лѣниво усмѣхаясь, проговорилъ онъ,—приглашены-ли вы на мазурку и кѣмъ?

— Нечего, подтвердила она, смѣясь и слегка краснѣя;—а вы, avec la demoiselle de la maison?

— Нѣтъ, она уже съ кѣмъ-то танцуетъ, сказалъ Анисьевъ, поводя кругомъ прищуренно равнодушнымъ взглядомъ.

Женни заволновалась:

— Ah, mon Dieu, съ кѣмъ же бы вамъ танцовать! Графиня Воротынцева уѣзжаетъ...

И она завертѣла головой во всѣ стороны, отыскивая глазами подходящую для него даму.

— Да развѣ это непремѣнно нужно? проронилъ онъ сквозь зубы, слегка откидывая кончиками обтянутыхъ свѣжѣйшею замшевою перчаткой пальцевъ свой свисшій на грудь эполетъ (этотъ небрежно изящный жестъ особенно удавался ему, вызывалъ множество подражателей и почитался послѣднимъ словомъ военной граціи по всему тогдашнему гвардейскому корпусу).

— Еще бы! воскликнула Женни:—хозяйка дома просто съ ума сойдетъ, если вы останетесь безъ дамы на ея вечерѣ... Ахъ, знаете что̀, тутъ никого другаго нѣтъ, вы же находите ее хорошенькою, пригласите ее!

— Кого это? спросилъ Анисьевъ, усмѣхнувшись невольно ея торопливому усердію.

— La fille de l'исправникъ,—она кивнула головой на красивую, низко оголенную спину Ольги Акулиной, оживленно разговаривавшей въ это время у окна съ только-что представившимся ей проѣзжимъ дипломатомъ, котораго графиня Воротынцева прозвала „le perroquet malade",—au fond она всѣхъ насъ красивѣе здѣсь. Faites lui cet honneur, она будетъ въ восхищеніи.

— L'honneur sera tout pour moi, princesse, молвилъ онъ на это съ галантностью куртизана временъ Lauzun и Richelieu,—и отправился приглашать барышню.

А у барышни голова заходила кругомъ... Ей представляются дипломаты, ее проситъ на мазурку первый петербургскій кавалеръ... Хорошо, что она „такъ умна и предвидчива", у нея было какое-то предчувствіе, она сказала этому „бѣлобрысому судейскому" Маусу, сейчасъ прибѣгавшему приглашать ее, что она не можетъ еще дать ему положительнаго отвѣта, что ее кто-то, кажется, уже ангажировалъ, но она не совсѣмъ помнитъ, кто, и что она скажетъ ему потомъ, потомъ...

— Конечно, графъ, конечно, merci! говорила она теперь Анисьеву, глядя на него такимъ блаженно-млѣющимъ взглядомъ, что у дипломата даже лицо повело отъ пронявшей его въ эту минуту зависти къ счастливому воину, а осторожный воинъ поспѣшно опустилъ глаза, чтобы невольно загорѣвшійся въ нихъ блескъ не былъ замѣченъ дипломатомъ.

— Мы начинать будемъ? спросила тутъ же Ольга.

— Это ужь никакъ! коротко отвѣтилъ совершенно овладѣвшій собою флигель-адъютантъ:—я никогда баловъ не веду, пояснилъ онъ съ учтиво-холоднымъ, почти строгимъ выраженіемъ голоса и лица.

„Да, для него это слишкомъ низко", сообразила тотчасъ же барышня;—„все это надо знать, эти ихъ нюансы..."

Мазурка разсаживалась, когда графиня Воротынцева объ руку съ Гундуровымъ вошла въ залу.

Всѣ глаза обернулись на нее, на всѣхъ устахъ заиграла

оживленная улыбка. Все это давно знакомо было ей; давно привычно ея сознанію себя „царицей“. Она улыбалась тоже, сочувственно и благосклонно улыбалась въ отвѣтъ на всѣ эти неотступно направленные на нее взгляды... Но въ легкомъ вздрагиваніи длинныхъ рѣсницъ, въ чуть-чуть опущенныхъ углахъ ея рта внимательный наблюдатель уловилъ бы, быть-можетъ, признаки того душевнаго состоянія, что̀ на живописномъ старомъ языкѣ Франціи выразилось словами,—словами такой же, какъ и она, отходившей отъ обольщеній жизни женщины: *) „plus ne m'est rien, rien ne m'est plus“...

Знакомые ей мущины, танцовавшіе и не танцовавшіе, артиллерійскій полковникъ изъ гвардейцевъ, дипломатъ съ физіономіей „больнаго попугая“, „Сенька“ Водоводовъ, Толя Карнауховъ подбѣжали къ ней съ привѣтствіями, вопросами, приглашеніями на „extra-tour“...

— Non, non, j'ai mon cavalier servant et j'y tiens, отвѣчала она смѣясь,—и громко, въ двухъ шагахъ отъ Лины, сидѣвшей къ ней спиной:—puisque vous n'en avez pas voulu, il paraît, промолвила она, увидавъ, что княжна обернулась на звукъ ея голоса,—и подвела къ ней Сергѣя, пытливо и нѣжно глядя ей прямо въ глаза.

— Monsieur Гундуровъ меня и не приглашалъ вовсе, сказала на это Лина, тихо улыбаясь и чувствуя въ то же время, что у нея опять закололо у сердца.

— Княжна, я не смѣлъ, отозвался онъ, перемогая дрожь въ голосѣ, и робко, виновато взглядывая на нее, — я такъ дурно танцую...

— Все самолюбіе! чуть слышно промолвила она, не подымая глазъ.

Да, онъ этого заслуживалъ,—и еще виноватѣе, еще смущеннѣе стало его блѣдное лицо. А она... слова эти вырвались у нея противъ воли, подъ вліяніемъ всей муки, испытанной ею въ этотъ день, его жестокости съ нею въ театрѣ, разговора ея съ дядей въ уборной, той физической боли сердца теперь, отъ которой у нея двоилось въ глазахъ. Но

---

*) Валентина Миланская.

она, Богъ знаетъ что̀, дала бы сейчасъ, чтобы взять эти слова назадъ; онъ могъ быть виноватъ предъ нею,—да и виноватъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ?—но она не имѣла права оскорблять, огорчать его...

Двѣ руки захватили и дружески сжимали ея руки.

— Милая княжна, говорила ей вполголоса графиня Воротынцева, усѣвшись на стулъ Духонина подлѣ нея,—я сейчасъ уѣзжаю и заранѣе прошу васъ не обращать на это никакого вниманія: я терпѣть не могу проводовъ и прощаній, и мнѣ, надѣюсь, дадутъ уѣхать безо всего этого. Но я непремѣнно хочу еще увидѣть васъ до моего отъѣзда за границу. Vôtre mère me doit une visite, и вы пріѣдете съ нею, не правда-ли? или я сама еще разъ пріѣду сюда... Во всякомъ случаѣ знайте, что я понимаю васъ и сочувствую вамъ; les sympathies de mon âme sont toutes à vous, повторила она подчеркивая.—А теперь прощайте, не оборачивайтесь, не провожайте меня взглядомъ, а танцуйте спокойно, и, наклоняясь уже къ самому уху Лины,—и не сердитесь на тѣхъ, кто любитъ васъ болѣе жизни! заключила она.

Она встала, разсѣянно и улыбаясь оглянула длинный овалъ готовящихся къ танцу паръ и кивнула обернувшись безмолвно стоявшему за нею Гундурову подать ей руку.

— А вы не танцуете, chère comtesse! раздался нежданно подлѣ нея голосъ.

Графиня изумленно повернула голову назадъ:

Говорила Ольга Елпидифоровна только-что усѣвшаяся на стулъ подлѣ своего кавалера, и которая подъ обаяніемъ его приглашенія, своего „эффектнаго“ наряда, „искорокъ“, мгновенно зажигавшихся, она видѣла, въ глазахъ каждаго мущины, мимо котораго она проходила, шевеля своими атласными плечами, почитала себя теперь въ полномъ правѣ не признавать ни лѣтъ, ни положеній, и относилась къ петербургской „grande dame“, на которую едва смѣла поднять глаза утромъ, этимъ фамильярнымъ тономъ, съ тою вульгарно-пѣвучею интонаціей, отъ которой часто до конца дней своихъ не могутъ отучиться институтки, губернскія барышни и „артистки“ отечественныхъ театровъ.

„Петербургская grande dame“ пристально взглянула на нее, чуть-чуть иронически улыбнулась и съ коротко учтивымъ отвѣтомъ „non, mademoiselle, je ne danse pas“, повела глазами чрезъ ея голову на графа Анисьева.

Онъ еле замѣтно улыбался изъ-подъ прикрученныхъ усовъ, но эта сдержанная и какъ бы извинявшаяся улыбка, на мигъ приподнявшіяся брови и насмѣшливо моргнувшія вѣки говорили: „que voulez vous, en province, не изъ кого выбирать...“

Барышня прижалась и опунцовѣла ярче своихъ розъ. Это былъ въ ея сознаніи первый стаканъ холодной воды, пролитый на ея высокомѣрныя мечтанія нынѣшняго дня...

— Вы въ Петербургъ скоро? все такъ же чрезъ голову спросила графиня ея кавалера.

Анисьевъ зналъ, что она никогда его не долюбливала; она теперь явно протежировала „этого Гамлета изъ профессоровъ“. Онъ навострилъ уши.

— Хоть сейчасъ же послѣ мазурки, сказалъ онъ громко, смѣясь, — если „это можетъ только быть вамъ на что-нибудь нужнымъ, графиня!

Она поняла.

— Si je vous prenais au mot pourtant, засмѣялась она въ свою очередь, — vous qui êtes si „paladin“, промолвила она, напоминая ему его выраженіе.

„О, о!“ подумалъ Анисьевъ,—„какъ скоро понадобилось!“

— Попробуйте! сказалъ онъ вслухъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, если бы вы ѣхали скоро, я бы вамъ прислала письмо къ моей belle-soeur Marie, которое я не хотѣла бы довѣрить aux indiscrets de la poste! Но я никакъ бы не желала, чтобъ оно дошло къ ней позднѣе двухъ, трехъ дней.

Онъ какъ бы сообразилъ:

— Присылайте, графиня!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Tout ce qui il y a de plus „въ самомъ дѣлѣ“, шутливо повторилъ онъ.

— Когда?

Онъ опять пріостановился на мигъ раздумывая.

— Я буду въ Москвѣ, самое позднее, послѣзавтра къ обѣду, проговорилъ онъ особенно отчетливо, какъ бы съ намѣреніемъ, чтобы слышала это не одна его собесѣдница.

Духонинъ, разговаривавшій съ княжной, поднялъ на нее невольно глаза съ вопрошающимъ выраженіемъ. Она такимъ же невольнымъ движеніемъ чуть-чуть повела плечами въ отвѣтъ.

Барышня въ свою очередь вскинула вопросительно глаза на флигель-адъютанта и тутъ же опустила ихъ.

— Такъ я пришлю вамъ письмо завтра утромъ, сказала спокойно графиня Воротынцева.—Сюда?

— Д-да, графиня, или прямо въ городъ, если вамъ ближе туда изъ Дарьина, къ господину исправнику. Я справлюсь тамъ проѣздомъ.

— Grazie, сказала она, ласково кивнувъ ему. И подъ звуки загремѣвшей въ эту минуту мазурки и общей топотни „grand rond“, которымъ Чижевскій имѣлъ обыкновеніе начинать ее, она направилась обратно въ гостиную объ руку съ нашимъ героемъ, болѣе мрачнымъ и болѣе страдающимъ, чѣмъ когда-нибудь.

III.

Въ глазахъ какъ на небѣ свѣтло,
Въ душѣ ея темно какъ въ морѣ.
Лермонтовъ.

Къ числу игравшихъ въ гостиной присоединились теперь князь Ларіонъ, супругъ княгини Додо, глухой бригадный генералъ и князь Хохолковъ; князь Ларіонъ водилъ ихъ предъ этимъ курить въ свои покои.

Они сѣли вчетверомъ въ вистъ за столикъ, ближайшій къ партіи хозяйки.

Присутствіе ея beau-frère'а наложило бы узду на всякую попытку отместки съ ея стороны за „непріятность", полученную ею отъ ея петербургской гостьи, если бы даже наша княгиня и способна была на нѣчто въ этомъ родѣ. Но она по натурѣ своей принадлежала къ породѣ толстокожихъ: въ нее, какъ въ носорога, можно было стрѣлять и оцарапнуть по большей части только ея поверхность; въ глубь въ состояніи были пронять ее. лишь рѣдкія, спеціально заостренныя стрѣлы. А потому первоначальное смущеніе, вызванное въ ней словами графини Воротынцевой, весьма скоро разсѣялось въ силу такого ея разсужденія, что „les dames de Pétersbourg, какъ она всегда слышала, sont toujours très impertinantes avec les Moscovites, но что она съ своей стороны была всегда aimable avec tout le monde, о чемъ даже печатали dans les journaux de Paris, когда она была посланницей въ Ганноверѣ, и что она будетъ все такая же aimable со всѣми malgré tout, потому что c'est la meilleure manière de se faire

des amis". „Témoin monsieur Зяблинъ", промолвила она тутъ же мысленно и, поднявъ голову, взглянула на „бриганта" превратившимися уже въ совершенное масло глазами.

„Бригантъ" стыдливо поникъ очами и испустилъ глубокій вздохъ.

Доказавъ себѣ разъ, что ей слѣдовало быть „aimable со всѣми malgré tout", Аглая Константиновна, когда графиня Воротынцева съ своимъ кавалеромъ показались опять въ гостиной, обернулась къ ней все съ тою же своею стереотипною улыбкой на жирныхъ губахъ и пропѣла:

— Déjà, chère comtesse! Vous ne vous êtes pas laissé tenter?

Но вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ послѣдовалъ другой:

— Мазурку начали? спросила княгиня Додо.

— Да, вы слышите, сказала графиня, подходя ближе.

— Не замѣтили вы, съ кѣмъ танцуетъ моя дочь?

— Съ молодымъ человѣкомъ, который игралъ, кажется, брата Офеліи, un grand blond.

— Съ Чижевскимъ? вскликнула княгиня Додо, и все лицо ея задергало.

— Съ нимъ, княгиня, почелъ нужнымъ подтвердить Гундуровъ, на котораго она почему-то уставилась вопрошающимъ взглядомъ.

— Un charmant jeune homme, запѣла опять Аглая Константиновна,—c'est si dommage qu'il n'ait rien!

— Кромѣ фатства и самонадѣянности! злобно прошипѣла княгиня Карнаухова.

— Ахъ, княгиня, какія вы строгія! проговорила, укоризненно покачивая головой, Аглая: — я совсѣмъ не нахожу.... Et puis le comte son chef l'aime beaucoup! промолвила она какъ доводъ, который долженъ былъ окончательно обѣлить Чижевскаго отъ взводимаго на него обвиненія въ самонадѣянности и фатствѣ.

— Et Lina? И она съ новою жирною улыбкой и масляно-заискивающими глазами обратилась къ графинѣ; — она танцуетъ съ...

— Кто-то также изъ вашихъ актеровъ, я его не знаю...

— Духонинъ, назвалъ Гундуровъ.

— Comment, pas avec le... У нея даже дыханіе сперлось.

„Она сейчасъ отпуститъ какую-нибудь невозможную штуку!“ подумалъ князь Ларіонъ, до котораго доходило каждое слово этого разговора. И, упершись въ спинку своего кресла, онъ, закинувъ назадъ голову, выговорилъ тѣмъ изысканно протяжнымъ тономъ, котораго всегда почему-то побаивалась Аглая Константиновна:

— Что̀ же васъ такъ удивляетъ, княгиня, что Hélène танцуетъ съ тѣмъ, а не съ другимъ изъ вашихъ гостей? Право приглашать ее у всѣхъ у нихъ одинаково, кажется!

— Non, c'est que je croyais qu'elle était engagée d'avance!... пробормотала она, отчаянно ворочая своими круглыми глазами,

— Господинъ Духонинъ, вѣроятно, и пригласилъ ее заранѣе, съ обрывистымъ смѣхомъ вывелъ логическое заключеніе князь, побивая козыремъ карту глухаго генерала.

Графиня Воротынцева слегка толкнула локтемъ локоть своего кавалера:

— Видъ мазурки очень красивъ, громко сказала она, — совѣтую маменькамъ пойти на минуту admirer leurs filles.

Аглая Константиновна томно и робко глянула на княкиню Додо:

— Si nous allions vraiment, princesse?...

— Пойдемте! коротко отвѣтила та, кидая свои карты на столъ.

— Вамъ будетъ сдавать, княгиня, торопливо проговорилъ, вставая за ними, Костя Подозеринъ, и распласталъ колоду линейкой предъ ея мѣстомъ.

Княгини рядышкомъ, взволнованныя обѣ, отправились въ танцовальную залу.

— Et maintenant, monsieur Serge, filons! шепнула Гундурову его дама, увлекая его съ собою въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ ожиданіи ихъ въ глубокомъ раздумьи сидѣла въ углу дивана Софья Ивановна.

Графиня разразилась хохотомъ, какъ только вошла туда:

— Ахъ, какая прелесть ces deux mamans, похожія—одна на тощую, другая на толстую корову Фараонова сна,— одна ядовитая какъ скорпіонъ, другая глупая какъ бочка пива, бѣ-

гающія обѣ за однимъ и тѣмъ же человѣкомъ для своихъ дочерей, не умѣющія скрыть, чего имъ хочется, ненавидящія другъ друга и теперь обѣ обманутыя въ своемъ ожиданіи, отправляющіяся бокъ-о-бокъ, comme deux poules vont aux champs... Ah, tenez, rien de plus bête que le monde! заключила она смѣхъ свой весьма серьезною нотой. И, подойдя къ Софьѣ Ивановнѣ: — Chère madame, я къ вашимъ услугамъ! Пойдемте! Вы ляжете, я уѣду. Куда пройти?

— Сюда, сказала Софья Ивановна, вставая и направляясь къ маленькой, затянутой, какъ и стѣны, стариннымъ штофомъ двери,—наши комнаты рядомъ за этою.

— Да, да, и тутъ же въ корридорѣ маленькая лѣстница, по которой можно спуститься прямо во дворъ, я справлялась... Я чрезъ четверть часа буду готова. Monsieur Serge,— ей почему-то казалось ловче называть его такъ, а не monsieur Гундуровъ, — я давно дала приказаніе, чтобы лошади мои были готовы; распорядитесь, чтобъ онѣ подъѣхали, куда нужно.

— On dirai un enlèvement, говорила она смѣясь, минутъ двадцать послѣ этого, Гундурову, спускаясь съ нимъ, укутанная въ широкій, темный дорожный бурнусъ съ капюшономъ на головѣ, по маленькой лѣстницѣ, къ сѣнямъ которой приказалъ Сергѣй подъѣхать ея коляскѣ:—les deux mamans, je suppose, cuvent leur désappointement jusqu'à ce moment, и я такимъ образомъ избавила себя отъ проводовъ и офиціальныхъ прощаній. Bien joué, n'est-ce pas?

Сергѣй отвѣчалъ только улыбкой черезъ силу. Явное благоволеніе, оказываемое ему нежданно этою блестящею женщиной, обаянія которой онъ не могъ не ощущать, содержало въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ—онъ это испытывалъ все время,— что-то, отзывавшееся горечью въ его сознаніи. Не даромъ Ашанинъ называлъ его „гордецомъ". Онъ ни у кого никогда не искалъ покровительства, а оно теперь какъ-будто навязывалось ему...

— Прощайте, говорила она между тѣмъ, садясь въ коляску и наклоняясь къ нему изъ нея, между тѣмъ какъ горничная ея, щелкнувъ ключомъ въ замкѣ задняго сундука, за-

ключавшаго „туалеты“ графини, перебѣгала, скрипя ботинками по песку, садиться по другую ея сторону, — и не забывайте меня! Я надѣюсь, мы еще увидимся. Я вашу тетушку видѣла сегодня, какъ и васъ, въ первый разъ въ жизни, но я ее знаю съ дѣтства по разсказамъ одной моей тетки, которую я любила, какъ мать. Прошу васъ обоихъ почитать меня другомъ, une véritable amie. Я бы хотѣла доказать вамъ это на дѣлѣ... Во всякомъ случаѣ courage et *bon espoir*, заключила она, выпрастывая руку изъ-подъ бурнуса и протягивая ему.

— Я глубоко благодаренъ вамъ, графиня, сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— A bientôt!...

Она закинула полу плаща на колѣни, и глаза ея съ приподнятыми углами блеснули, какъ двѣ мгновенныя звѣздочки въ предразсвѣтной полутьмѣ, остановившись въ послѣдній разъ на молодомъ человѣкѣ.

Ливрейный слуга ея вскочилъ на козлы. Лошади тронули.

Она ѣхала, вся уйдя въ уголъ просторнаго экипажа, мягко и равномѣрно покачивавшагося на своихъ англійскихъ рессорахъ по гладкой, наѣзжанной лѣтней дорогѣ. Прямо предъ нею, еще низко надъ землей, еще словно стыдясь предъ изнывавшею ночью, алѣлъ далекій край неба. Вѣяло утромъ. Она на половину откинула свой капюшонъ, быстро и широко вдыхая лившуюся ей въ грудь живительную свѣжесть. Изъ придорожныхъ кустовъ не то испуганно, не то радостно вылетали птицы, и пронзительно, и высоко надъ ея коляской уже чувикали жаворонки свою звенящую, словно дѣтскую, пѣснь.

„Какъ хорошо утро“! думала она; „какъ хороша молодость“, сказала она себѣ тутъ же, обращаясь мыслью къ „роману“, занимавшему ее въ теченіе всего этого минувшаго дня,— „хороша и тогда, когда страдаетъ... и болѣе всего можетъ-быть именно *тогда*... Какое кому дѣло до сердечныхъ мукъ зрѣлаго существа, до горькой неудовлетворенности, вынесенной имъ изъ жизни, до его обманутыхъ надеждъ и угрызеній! Но молодое страданіе такъ красиво, такъ влечетъ къ себѣ, такъ вызываетъ желаніе подать ему руку, помочь. Хочется именно сдѣлать для него то, чего не сдѣлали для тебя другіе, когда

сама ты была въ этомъ положеніи и нуждалась въ помощи... Они оба такъ симпатичны! Она — прелесть, une poésie; Танюша С... была въ этомъ родѣ, когда ей было осьмнадцать лѣтъ. А у него какіе хорошіе глаза—строгіе, думающіе! Видно сейчасъ, que c'est *quelqu'un*, совсѣмъ не то, что тѣ *казенные* и куклы Петербурга... Отчего у насъ такъ мало этихъ независимыхъ, самостоятельныхъ, которымъ *тамъ* ничего не нужно, которые не ищутъ, не кланяются?... Les Гундуровъ—вѣдь это старая, хорошая фамилія, и онъ не бѣденъ, c'est un vrai gentilhomme. Еслибъ этотъ милый князь Michel Шастуновъ былъ живъ, онъ ужь конечно предпочелъ бы такого мужа для дочери à ce jésuite d'Анисьевъ..." Князь Michel, она помнитъ его съ того бала, когда она, худенькая, черненькая дѣвочка, появилась въ первый разъ въ свѣтъ и онъ одинъ изъ первыхъ замѣтилъ ее... Какъ это давно, давно, цѣлая вѣчность!... О, сколько съ тѣхъ поръ блеска, успѣховъ, увлеченій... А съ ними, Боже мой, что слезъ, о которыхъ не знаетъ никто!...

Длинная, спѣшная вереница образовъ и картинъ побѣжала внезапно передъ нею. Лина, Гундуровъ исчезли мгновенно изъ ея памяти. Она торопливо, лихорадочно переживала всѣ чары, весь соблазнъ—и весь обманъ собственной жизни; ей было опять тяжко, и жутко, и больно,—больно опять до слезъ за ложь тѣхъ дней очарованія, которые такъ опостылѣли ей теперь.

Да, это минувшее, весь этотъ блескъ, и чадъ, и обольщенія, все это вдругъ, разомъ разлетѣлось и стояло, какъ пѣна и стекло упавшаго со стола бокала... Она никогда, никогда не вернется къ *той* жизни; она извѣдала ее до оскомины, до тошноты. Молодость прошла, она устала, устала,—ей ничего уже болѣе не нужно, какъ забвенія и покоя...

А алое зарево зари захватывало небо все выше и выше. Молочнымъ цвѣтомъ подергивались края сизыхъ ночныхъ тучекъ. Отчетливо и сѣро отдѣлялась уже пыльная даль дороги отъ зеленой щетины набѣгавшихъ на нее озимей. День наступалъ со своимъ тепломъ и горячими красками, со своимъ все воскрешающимъ свѣтомъ...

Графиня Воротынцева велѣла поднять верхъ коляски. Этотъ со всѣхъ сторонъ уже обливавшій ее свѣтъ какъ-будто оскорблялъ ее. Она приткнулась головой къ валику висячей кожаной подушки и закрыла глаза. Но загоравшійся свѣтъ дня билъ и сквозь ея прижмуренныя вѣки, раздражая ее и вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ новыя представленія въ ея мозгу. Она думала о солнцѣ, о солнцѣ другихъ странъ, гдѣ и ее ждетъ иная, свободная жизнь, ждутъ иныя впечатлѣнія, иной смыслъ и содержаніе жизни... Кончено-ли въ самомъ дѣлѣ *все?* спрашивала она себя какъ бы противъ воли,—или тамъ, подъ этимъ новымъ, чужимъ солнцемъ она нежданно должна найти тò, чего напрасно такъ долго искала здѣсь, тò *настоящее* слово, которымъ еще никто не умѣлъ откликнуться на немолчную жажду ея сердца?...

Увы, ей не суждено было обрѣсти то желанное „слово“. Подъ тѣмъ „новымъ солнцемъ“ ожидала ее одна безвременная могила...

IV.

Гундуровъ медленными шагами поднялся опять по лѣстницѣ и направился въ комнату тетки. Онъ зналъ, что она будетъ ждать его,—не уснетъ, не повидавшись съ нимъ.

Она еще не раздѣвалась и въ своей robe feuille-morte de madame Cottin ходила по комнатѣ, часто и озабоченно понюхивая изъ своей маленькой золотой табакерки.

— А, вотъ ты! Ну, садись!... Не надолго, поспѣшила она примолвить,—надо будетъ тебѣ пойти опять туда, ко всѣмъ...

Онъ сѣлъ—опустился въ большое готическое кресло, въ которомъ утромъ сидѣла Лина, и уронилъ руки на колѣни.

Она внимательно поглядѣла на него сбоку. Ей показалось, что онъ даже похудѣлъ съ этого утра.

— Усталъ?

— Да, немножко, отвѣтилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Да, послѣ такой роли. Ты прекрасно игралъ, я даже удивилась... И она, въ свою очередь, насилованно улыбнулась.

Сергѣй зналъ тетку и эту ея привычку ходить по комнатѣ и торопливо нюхать, когда она была чѣмъ-нибудь очень взволнована, и тò, что вслѣдъ за этими „посторонними словами“ она разомъ приступитъ къ предмету, озабочивавшему ее.

Онъ не ошибался.

— Чтò у тебя вышло съ княжной? спросила она ex abrupto, оборачиваясь на-ходу и глядя ему прямо въ лицо.

Онъ ожидалъ почему-то этого вопроса и все-таки смутился.

— Кто вамъ сказалъ, что у насъ чтò-то вышло, и почему вы думаете...

— Никто мнѣ не говорилъ; но я знаю тебя съ пеленъ и ее успѣла узнать достаточно въ это короткое время. Я поняла это изъ выраженія вашихъ лицъ тамъ, на сценѣ... и поняла также, что виноватымъ тутъ никакъ не можетъ быть она, строго промолвила Софья Ивановна.

Ему тѣмъ чувствительнѣе былъ этотъ упрекъ, чѣмъ громче слышался онъ ему въ его собственной совѣсти. Онъ, какъ говорится, повернулъ съ больной головы на здоровую.

— И поэтому, тетя, слегка раздраженнымъ тономъ сказалъ онъ,—вы сочли нужнымъ сообщить о...—онъ не находилъ слова—о... обо всемъ этой свѣтской графинѣ, которую я сейчасъ проводилъ, и по словамъ которой я не могъ не понять, что она знаетъ... Я не говорю, она прелестная, милая женщина и была такъ внимательна ко мнѣ, что я могу быть ей только чрезвычайно благодаренъ, тѣмъ болѣе, что не знаю, чѣмъ могу я заслужить... Но, признаюсь вамъ, мнѣ нисколько не были пріятны намеки на то, что̀, я думалъ, знаете только вы и... и еще одна особа, договорилъ онъ черезъ силу.

— Ты думаешь? съ невеселымъ выраженіемъ шевельнувшихся губъ молвила она на это:—ты думаешь, что ни у кого глазъ нѣтъ, слуха, что никто не въ состояніи видѣть, сообразить и вывести заключеніе?... Эта Аглая развѣ со своею невозможною глупостью ничего не замѣтила, а кто же не видѣлъ, что у васъ тамъ шли не роли, не заученный разговоръ актера съ актрисой, а разыгрывалось что̀-то настоящее, личное между вами!.. Графиня, — она дѣйствительно прелестная женщина, не даромъ весь Петербургъ былъ у ея ногъ,—она съ первыхъ словъ поняла, что въ тебѣ говорило настоящее отчаяніе, „un vrai désespoir“, какъ она выразилась, а что она, княжна, насилу на ногахъ держалась. Какое заключеніе съ умомъ ея, со свѣтскимъ опытомъ, могла она изъ этого вывести? А мнѣ что̀ же лгать ей было, клясться, что ничего подобнаго нѣтъ? Повѣрила бы она мнѣ,—да и къ чему было мнѣ лгать?... Или ты думаешь, что этотъ петербургскій, выписанный Аглаей женихъ ничего не замѣтилъ? Такъ я углядѣла, съ какимъ выраженіемъ лица слѣдилъ онъ за каждымъ словомъ васъ обоихъ... Или князь Ларіонъ? Вотъ его фраза

мнѣ: я его спросила нарочно, когда мы вернулись наверхъ послѣ театра, почему мы были лишены удовольствія слышать пѣніе княжны, и вообще цѣлая ея сцена пропущена; а онъ мнѣ своимъ этимъ дипломатическимъ тономъ, и явно со шпилькой по твоему адресу: „ей было не въ мочь, говоритъ, она слишкомъ серіозно, къ сожалѣнію, вошла въ свою роль Офеліи“.

— Онъ это сказалъ? воскликнулъ Сергѣй.

— Да, сказалъ, и я...

Онъ не далъ ей продолжать, вскочилъ:

— Отчаяніе! Да, тетя, эта графиня была права, настоящее отчаяніе! вырвалось у него неудержимо изъ груди;—что̀ я перечувствовалъ, перестрадалъ съ утра—вы не знаете!... Я воображать даже не могъ, что изо всего этого такая мука выйдетъ!... И какіе-то враги, ненавистники, уколы... униженія, тетя!... Я будто виноватъ предъ нею, будто оскорбилъ ее тѣмъ, что осмѣлился... и всякій нахалъ считаетъ себя въ правѣ вступаться за нее, спѣсь съ меня сбить. Вы бы послушали, что̀ говорили тамъ при мнѣ, нарочно... „Она цѣну должна себѣ знать“, она „не про московскихъ соловьевъ“... Это я, вы понимаете, „соловей“, то-есть я авантюристъ, прощалыга, ворона, залетѣвшая въ высокія хоромы... Я едва... я бы, кажется, растерзалъ его на мѣстѣ! восклицалъ Сергѣй со сверкающими отъ негодованія глазами, — но то, что̀ говоритъ какой-нибудь Свищовъ, вѣдь это думаетъ и вашъ свѣтъ, то пресловутое общество, которое вы называете „хорошимъ“... а я, кромѣ мерзости и гнуснаго разсчета, ничего, ничего въ немъ не вижу... Скажите, ради Бога, этотъ пріѣзжій женихъ, вѣдь онъ ея не знаетъ, онъ понять, оцѣнить ея не могъ... Онъ ея не любитъ, не способенъ... развѣ такіе люди могутъ!... Онъ прямо пріѣхалъ схватить кушъ... Онъ возьметъ ея деньги, а съ ними ужь и ее въ придачу... Я, тетя, вы знаете, думалъ-ли я о ея деньг.... А выходитъ такъ, что на его сторонѣ всѣ права.... сочувствіе къ нему, одобреніе.... а меня, меня, по ихъ мнѣнію, вытурить отсюда слѣдуетъ.... за мою продерзость.... Что̀ же это, скажите, что̀ так....

Страстный молодой гнѣвъ ожигалъ его губы; будто спаленныя на половину, не доканчиваясь, путаясь, обрываясь,

падали изъ нихъ слова... Онъ дрожавшею, какъ въ лихорадкѣ, рукой налилъ себѣ стаканъ воды изъ стоявшаго на столѣ графина, выпилъ его залпомъ и упалъ снова въ кресло, порывисто дыша и судорожно моргая рѣсницами.

Софья Ивановна не прерывая слушала эту горячую вспышку. Она почти радовалась ей. „Все равно, что у дѣтей корь", думала она,—„высыпало—на половину сбыто". Но она сама была взволнована,—не тѣмъ, что заставляло негодовать племянника, а чѣмъ-то, что̀ она прозрѣвала въ немъ за этимъ негодованіемъ.

— По̀шло, безобразно, отвѣчала она, садясь насупротивъ его, — но въ отчаяніе приходить отъ этого все-таки безумно. Ты долженъ былъ это предвидѣть заранѣе. Какъ ты до сихъ поръ ни поглощенъ былъ твоими книгами, но не можешь же ты не знать, въ какой строй сложилось, на какихъ понятіяхъ живетъ наше общество; тебѣ и по исторіи должно быть это наконецъ извѣстно... Ну да, ты по происхожденію тотъ же Рюриковичъ, что̀ и Шастуновы, а дѣдъ этого Анисьева—выслужившійся Гатчинецъ, одной породы съ Аракчеевымъ; въ другой странѣ съ понятіями о „naissance", какъ это разумѣется тамъ, не могло бы и рѣчи быть, кто изъ васъ болѣе въ правѣ претендовать на руку княжны. Но у насъ, милый мой, этихъ взглядовъ нѣтъ, родовая наша знатность—миражъ, и всѣ знаютъ, что за нимъ пустота одна и туманъ. Отсюда и складъ понятій соотвѣтствующій. Хорошъ онъ или дуренъ, и почему не съумѣли мы выработать другаго, — иной вопросъ, но онъ логиченъ, и его ты не перевернешь. Иллюзій себѣ нечего намъ съ тобою дѣлать: въ глазахъ свѣта нашего, его огромнаго большинства во всякомъ случаѣ, этотъ флигель-адъютантъ—партія для княжны, а, выходя за тебя, она дѣлала бы „mésalliance", потому что ты — ничего, кандидатъ, какихъ сотни, а онъ — un personnage, въ милости, близокъ къ солнцу, предъ нимъ кар...

— Вотъ видите, вы тоже, вспыльчиво прервалъ ее еще разъ Гундуровъ, — вы то̀же признаете за нимъ всѣ права, а за мной никакихъ!...

— Самое священное изъ нихъ, воскликнула его тетка:—

она платитъ тебѣ взаимностью... Но самъ ты, говори по совѣсти, стòишь-ли ты ея?... Послушай, Сережа, ты мнѣ съ дѣтства никогда не лгалъ, говори, — и отъ пронимавшаго ее волненія красныя пятна выступили на лицѣ Софьи Ивановны,—чтò ты сказалъ княжнѣ? Я все время тамъ слѣдила за твоимъ лицомъ: у тебя были нехорошіе глаза, когда ты говорилъ съ ней; они были злѣе, чѣмъ того требовала даже твоя роль; она видимо такъ страдала, что на нее смотрѣть нельзя было безъ жалости. Не изъ-за одного же это утренняго разговора здѣсь? Было еще чтò-то потомъ, въ театрѣ? Чтò ты ей сказалъ?

Лицо Сергѣя поблѣднѣло:

— Я былъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ оскорбленій, того, чтò сказано было... и предъ самымъ, какъ нарочно, выходомъ моимъ на сцену... Я... передалъ объ этомъ, чуть слышно договорилъ онъ.

— Счелъ нужнымъ сообщить ей то, чтò говорилъ какой-нибудь Свищовъ!... Отлично! Чтò же дальше?

— Чтò „дальше“? переспросилъ онъ безцѣльно, не зная, куда дѣться отъ неотступнаго взгляда тетки, который онъ чувствовалъ и сквозь опустившіяся его вѣки.

— Отъ того, чтò могъ говорить господинъ Свищовъ, ей не могло быть ни тепло, ни холодно,—я въ этомъ увѣрена, рѣзко промолвила Софья Ивановна: — ты къ этому долженъ былъ прибавить своего, чтобы довести ее до того, что она не могла даже доиграть до конца?...

Въ душѣ Гундурова происходило въ эту минуту нѣчто подобное тому, чтò испытываетъ человѣкъ, стоящій на скалѣ надъ глубокою рѣкой и чувствующій, что у него кружится голова, и онъ сейчасъ, сейчасъ упадетъ съ высоты въ эти темныя волны...

— Чтò могъ я сказать въ такомъ состояніи, проговорилъ онъ не своимъ, визгливымъ, чуть не плачущимъ голосомъ,— когда я видѣлъ, что все противъ этого... когда она сама утромъ сказала, что ея мать никогда... Я сказалъ...

Онъ словно захлебнулся.

— Что̀? Что̀ сказалъ? настаивала Софья Ивановна, не отрываясь отъ него взглядомъ.

— Я сказалъ, что былъ сонъ... Онъ остановился опять.

— „Сонъ“, повторила она, — то-есть, то̀, что ты любилъ и надѣялся—сонъ? Такъ?... Ну, а за этимъ что̀ же?

— Что̀ же послѣ сна? пылко, грубо воскликнулъ Сергѣй, понимая, что скала обрушилась, и онъ безнадежно летитъ въ воду:—послѣ сна пробужденіе...

Софья Ивановна перегнулась всею грудью черезъ столъ, какъ бы желая дотянуться глазами до самыхъ глазъ племянника, причемъ блонды ея чепчика чуть не вспыхнули отъ пламени одной изъ стоявшихъ тутъ свѣчъ. Гундуровъ только успѣлъ схватить ее и отставить.

— Ты это сказалъ княжнѣ? Ты, значитъ, отказался... отказался отъ нея?...

Она такимъ же порывистымъ движеніемъ, упершись руками о столъ, встала на ноги:

— Сергѣй Михайлычъ Гундуровъ наплевалъ на ангела, котораго слѣды онъ не достоинъ цѣловать!... Что̀ же мы здѣсь дѣлаемъ? Для чего я не у себя, въ Сашинѣ, а маюсь здѣсь и участвую во всемъ этомъ уродствѣ?... Пошли мнѣ Машу! Я ни минуты не останусь здѣсь!... Я какъ предчувствовала, боялась увидать княжну послѣ этого театра... Я ея болѣе и не увижу никогда,—мнѣ слишкомъ стыдно и больно было бы взглянуть ей въ глаза! Пошли мнѣ горничную!...

Гундуровъ всталъ, весь блѣдный, съ посинѣвшими губами:

— Дѣлайте, какъ знаете, прогорилъ онъ какъ въ бреду,— но я этого не переживу...

Все ея возбужденіе мигомъ соскочило съ нея: она упала снова въ кресло, испуганно воззрясь ему въ лицо:

— Ты сумасшедшій! проговорила она дрожащимъ голосомъ и подымая плечи.—А я тебя избаловала, это правда, примолвила она помолчавъ,—ты эгоистъ сталъ, не деликатенъ...

— Тетя, пощадите, прошепталъ онъ,—у меня и такъ въ душѣ адъ!...

Ей вдругъ сдѣлалось неимовѣрно его жаль.

— Надо же однако рѣшить, Сережа. У насъ утромъ сегодня положено было, что я завтра должна была говорить съ ея матерью, но если ты отка...

— Боже мой! прокричалъ онъ, отчаяннымъ жестомъ закидывая себѣ обѣ руки за затылокъ,—да скажите же себѣ сами, могу-ли, могу-ли я отъ нея отказаться!...

— Хорошо, сказала Софья Ивановна послѣ новаго, довольно долгаго молчанія, наступившаго за этимъ,—я спрошу княжну, и если она все также согласна будетъ и теперь, я переговорю съ этою Аглаей.

— Она откажетъ! тоскливо выговорилъ Сергѣй.

— Кто?

— Княгиня.

— Лишь бы княжна не отказала... Я бы на ея мѣстѣ навѣрное это сдѣлала послѣ твоей безсмысленной, неделикатной выходки! съ новымъ пыломъ всклинкнула Софья Ивановна.— Какъ ты хоть чутьемъ не понялъ, ужь если сердца у тебя на это не хватило, какъ много обѣщала *она* тебѣ сегодня утромъ и какъ безконечно счастливъ и благодаренъ долженъ бы ты ей быть за это?

Гундуровъ недоумѣло воззрился на нее.

— Она сказала, тетя, что не пойдетъ противъ воли матери...

— Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что не пойдетъ за *того*... И не пойдетъ, не такая она дѣвушка! И этого тебѣ мало? И ты не понялъ до сихъ поръ, сколько надеждъ подаетъ она тебѣ этимъ и на какую муку обрекаетъ себя въ предстоящей ей за это борьбѣ съ матерью, со всѣмъ окружающимъ?... А ты про какія-то дурацкія свои „униженія“ толкуешь и плачешься о томъ, что княгиня откажетъ... Ну да, откажетъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь... и отъ этихъ ягодокъ, торопливо промолвила Софья Ивановна, нервно развязывая ленты своего чепца,—отвѣдывать придется мнѣ, а не тебѣ... И что же изъ того „откажетъ“? Или ты, въ самомъ дѣлѣ, до того ужь набалованъ, что вовсе не способенъ терпѣть и ждать? раздраженно добавила она, досадуя всею душой, что онъ самъ

„сердцемъ не понимаетъ“, и она должна „разжевать все это и ему въ ротъ положить“.

— Тетя... могъ только проговорить онъ.

Словно какимъ-то небеснымъ лучомъ озарило его. Его такъ и подмывало кинуться ей на шею, задушить ее въ своихъ объятіяхъ... Но онъ воздержался: онъ и такъ уже достаточно сегодня „показалъ себя ребенкомъ, мальчишкой...“ Чувство стыда и вмѣстѣ съ нимъ какой-то безмѣрной отрады нажимало ему грудь, туманило глаза его. Онъ сѣлъ опять за столъ и, упершись о него локтями, закрылъ себѣ лицо обѣими ладонями...

Софья Ивановна долго, молча и не улыбаясь, глядѣла на него.

— Ну, а теперь ступай туда, покажись, сказала она наконецъ: — да поди вотъ къ зеркалу, волосы пригладь и поправь галстукъ: онъ у тебя совсѣмъ на бокъ съѣхалъ...

V.

— Maman! тревожно вскликнула Женни Карнаухова въ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ своего *flirtation* съ Чижевскимъ;—отвернитесь скорѣе отъ меня и не смѣйте оборачиваться, пока она здѣсь будетъ!

Княгиня Додо съ хозяйкой дома входили въ двери танцовальной залы съ конца ея, прямо противоположнаго тому мѣсту, которое, именно въ чаяніи этого, по указанію предвидчивой Женни, и было избрано дирижировавшимъ мазуркою кавалеромъ ея. Какъ ни увлекалась она своею полунѣжною, полунасмѣшливою болтовней съ нимъ, глаза опытной свѣтской дѣвицы то-и-дѣло поглядывали на эту дверь, изъ которой съ минуты на минуту могла выйти зубастая мамаша и „въ случаѣ, если-бъ она, Боже сохрани, что̀-нибудь замѣтила“, сдѣлать ей тутъ же „сцену“, или даже прямо, до ужина, увезти домой, „если только папа партію кончилъ“. А ей, какъ нарочно, такъ было весело, и никогда еще Чижевскій не былъ „si amusant“, и не казался такъ влюбленъ въ нее, какъ въ этотъ вечеръ. „Ухъ, какъ надо теперь ухо востро держать!“ говорила она себѣ все время.

— Nos mamans! сочла она даже почему-то нужнымъ предварить княжну Лину, торопливо перегинаясь къ ней мимо золотыхъ очковъ маленькаго Духонина, давно давшаго ей за ея развязность прозваніе „Генечки Карнаухова“.

Чуть не испуганный тонъ ея голоса заставилъ Лину невольно оглянуться. Не замѣтивъ ничего необыкновеннаго въ этихъ входившихъ „mamans“, она перевела вопросительно глаза на Женни.

Но Женни, быстро, судорожно обмахивая себя широко раскинутымъ вѣеромъ, глядѣла теперь невиннѣйшимъ образомъ вверхъ, въ потолокъ, середку котораго занимало прекрасно писанное, въ широкой золотой рамѣ, полотно, изображавшее „торжество Амфитриты;“ Чижевскій, съ своей стороны, казался весь поглощенъ разговоромъ съ сосѣдкой своей слѣва, „образованною окружной,“ танцовавшею съ Петей Толбухинымъ, всегда скучавшимъ за танцами, и который, съ легкимъ зѣвкомъ на крупныхъ, добродушныхъ губахъ, думалъ въ это время, глядя на кончикъ своего сапога: „если-бъ я у этого чорта Волжинскаго вчера, вмѣсто туза, поставилъ девятку, рутировавшую мнѣ весь вечеръ, я взялъ бы sept et le va и отыгрался бы!“...

Лина съ тою же вопросительною усмѣшкой перевела глаза на своего кавалера.

Онъ понялъ и засмѣялся:

— Она такъ напугана своею маменькой, сказалъ онъ, наклоняясь къ ней такъ, чтобы Женни не могла слышать его словъ,—что предполагаетъ такой же страхъ въ каждомъ женскомъ существѣ en puissance de maman... Она и права отчасти: маменька ея на старыхъ и малыхъ наводитъ ужасъ.

— Почему такъ?

— Знаете-ли вы, княжна, спросилъ вмѣсто отвѣта Духонинъ,—стихотвореніе Лермонтова *Тучки небесныя*?

— *Тучки небесныя, вѣчные странники*, прочла Лина,—конечно, знаю.

— Такъ позвольте мнѣ, въ видѣ объясненія, сообщить вамъ нѣкое подраженіе этому стихотворенію.

— Пожалуйста!

Духонинъ началъ медленно и отчетливо, видимо смакуя каждое произносимое имъ слово (онъ былъ авторъ „подражанія“):

Дама московская, вѣчная сплетница,
Въ пору ненастную, пору туманную
Мчишься куда ты, поспѣшная вѣстница,
Съ дальней Остоженки вверхъ на Басманную?

Что тебя гонитъ? Души-ли спасеніе,
Помощь-ли тайная, думушка-ль думная,

Или любви молодой увлеченіе,—
Жажда свиданья, иль ревность безумная?

Нѣтъ, ей слова надоѣли безплодныя:
„Время, молъ, время сыграть мнѣ въ открытую!...“
Злобно смѣются черты благородныя,
Шепчутъ уста клевету ядовитую...

— О, какъ это зло! воскликнула Лина,—и неужели...

Она не успѣла договорить... За ея стуломъ очутилась въ эту минуту сама княгиня Додо.

— Poétique Ophélie, я просто молюсь на васъ, съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ кинула она, проходя, Линѣ, словно букетъ на сцену, и поплыла далѣе къ дочери.

Женни все такъ же невинно глядѣла въ потолокъ, широко опахиваясь вѣеромъ.

— Нечего любоваться тамъ всякими nudités, могли бы приличнѣе себя держать! прошипѣла маменька, наклоняясь къ ея уху.

Дочка будто и не слыхала:

— Что̀, maman, кончилъ папа свою партію? Мы могли бы уѣхать, громко выговорила она.

— Нѣтъ еще! отрѣзала княгиня. „И все лжетъ, все обманъ“, говорила она себѣ удаляясь,—„и, только я уйду, начнется опять кокетство съ этимъ мерзкимъ фатишкой. Никогда замужъ не выйдетъ! А Лоло до ужина и не говори объ отъѣздѣ. Et mon mal de dos qui recommence... Нѣтъ, это не жизнь, а каторга“!...

А другая маменька, хлопая глазами и улыбаясь заискивающею улыбкой, говорила въ это время графу Анисьеву:

— Вы не очень скучаете, mon cher comte?

— Можете-ли вы предполагать, княгиня! живо возразилъ флигель-адъютантъ, любезно и почтительно наклоняя голову предъ своею дамой:—развѣ возможно скучать въ такомъ обществѣ?

— Конечно, sans doute, пропѣла Аглая Константиновна,— Olga a beaucoup d'esprit dans son genre: mais vous êtes habitué aux conversations du grand monde de la capitale...

Она хотѣла что-то прибавить еще въ разъясненіе этого

глубокомысленнаго размышленія, но почему-то воздержалась, уперлась круглыми глазами въ затылокъ не оборачивавшейся на ея голосъ Лины и, въ очевидномъ чаяніи, что дочь услышитъ ея слова, промолвила громко и съ разстановкой:

— Vous avez autant *d'indulgence* que d'esprit, mon cher comte!

На счастіе Анисьева, гоготавшій какъ гусь на болотѣ „Сенька" Водоводовъ подлетѣлъ къ нему въ эту минуту съ двумя дамами, надрываясь со смѣху отъ провинціальной невинности избранныхъ ими „qualités":

— Тюльпанъ или гвоздика?

— Тюльпанъ.

И флигель-адъютантъ, откинувъ свой эполетъ, торопливо вскочилъ со стула и полетѣлъ по залѣ съ выпавшею ему на долю „пуляркой" Eulampe.

— Ольга, ты не знаешь, почему онъ не танцуетъ съ Линой? прошептала ей на ухо Аглая.

— Не знаю, коротко отвѣтила барышня; она сидѣла, вся красная и разобиженная...

Княгиня глянула еще разъ въ затылокъ дочери, вздохнула такъ, что при этомъ лопнула одна изъ петлей ея шнуровки, и направила стопы свои въ гостиную.

VI.

Только что успѣлъ вернуться на свое мѣсто графъ Анисьевъ, какъ къ Ольгѣ подошелъ капитанъ Ранцовъ, держа за руку какую-то уже выбранную имъ блондинку. Онъ глянулъ избока на флигель-адъютанта и, протягивая съ поклономъ руку барышнѣ, проговорилъ скороговоркой:

— *Пермете дангаже пур калите!*

Ольга скорчила ужасную гримасу и съ видимою неохотой поднялась со стула:

— Ignorance! уронила она свысока, не глядя на него и чуть притрогиваясь кончиками перчатки къ его раскрытой рукѣ.

— Connaissance! поспѣшила сказать за нею блондинка, невѣдомо почему хихикнувъ при этомъ.

Бѣдный капитанъ побагровѣлъ, какъ піонъ, и, подавляя вздохъ, повелъ ихъ къ Толѣ Карнаухову, танцовавшему съ прехорошенькою женою уѣзднаго судьи, которую онъ видимо увлекалъ плясаньемъ своимъ на канатѣ напыщеннѣйшихъ романтическихъ фразъ.

— Скажите, пожалуйста, по возвращеніи Ольги на мѣсто, спросилъ ея кавалеръ,—кто это васъ сейчасъ выбиралъ? Я его будто гдѣ-то уже видѣлъ. Онъ служилъ въ военной службѣ, не правда-ли?

— Да, герой даже, говорятъ. Ранцовъ его фамилія, капитанъ отставной, тѣмъ же пренебрежительнымъ тономъ отвѣчала она,—въ Венгріи отличился.

— Такъ, при Коморнѣ, я его тамъ видѣлъ: онъ съ ротой,

перебитой на половину, первый вошелъ въ городъ. Владиміра съ бантомъ получилъ за это; очень храбрый офицеръ... И теперь во фракѣ! Какая же теперь его position sociale?

Ольга широко засмѣялась:

— Главная его position быть безъ памяти и безъ надежды влюбленнымъ въ меня, объявила она напрямикъ.

Анисьевъ наклонилъ голову и пустилъ въ ходъ свою многозначительную улыбку.

— Я полагаю, что имѣющимъ то же положеніе имя легіонъ, сказалъ онъ, обнимая сдержанно-жаднымъ взглядомъ ея искрившіеся глаза, сверкавшіе зубы, ея матово-бѣлую, низко оголенную спину и говоря себѣ мысленно: „Jour de Dieu, quel morceau de roi!“—И другихъ занятій у него нѣтъ? продолжалъ онъ спрашивать.

— Нѣтъ. Да и что̀ ему дѣлать: онъ богатъ!...

— Богатъ? повторилъ нѣсколько удивленно блестящій воинъ.

— Да. Ему съ неба просто свалилось огромное наслѣдство. Былъ у насъ въ уѣздѣ помѣщикъ одинъ, страшный скупердяй, холостой, бездѣтный; онъ сорокъ лѣтъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, гроша на себя не тратилъ, а все скупалъ земли кругомъ и деньги копилъ. И вдругъ онъ умеръ отъ удара, не оставивъ никакого завѣщанія, и все это богатство досталось этому Ранцову, который приходился ему какимъ-то двоюроднымъ племянникомъ и даже въ глаза его никогда не видалъ.

— И много досталось? заинтересовался ея кавалеръ.

— Очень много, всѣ говорятъ. Онъ самъ какъ-то разъ сказалъ при мнѣ, что въ нынѣшнемъ году надѣется получить тридцать и даже сорокъ тысячъ дохода. У него тамъ всякія винокурни есть, заводы...

— И вы оставляете его „безъ на-деж-ды?“ протянулъ, внимательно глядя ей въ глаза, Анисьевъ.

Она повела плечомъ и тутъ же взглянула на него, въ свою очередь, какъ бы удивляясь его вопросу:

— Вѣдь онъ tout à fait impossible! Вы слышали, какъ онъ говоритъ по-французски?

— Нѣсколько... фантастично, не спорю. Но...

— Что „но?“

— Сорокъ тысячъ дохода на полу не найдешь...

Въ богатой сообразительностью головѣ петербургскаго карьериста мелькалъ уже цѣлый планъ зданія, которое представлялся ему случай соорудить...

Пышныя губы барышни сложились еще разъ въ презрительную усмѣшку:

— Есть жиды еще богаче, но вѣдь не выходятъ же за жидовъ замужъ! Не однѣ деньги на свѣтѣ... У меня совсѣмъ другія мечтанія...

— Можно, sans indiscrétion, спросить у васъ—какія?

Она чуть-чуть пріостановилась отвѣтомъ.

— Вамъ... я скажу, одному вамъ: вѣдь мы съ вами союзники, прошептала она, подмигивая ему обоими глазами:—вотъ видите-ли, у меня очень хорошій голосъ... Ахъ, Боже мой! вдругъ вспомнила барышня,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете ѣхать завтра до спектакля, не услышите меня?

— Услышу въ Петербургѣ, надѣюсь, отвѣчалъ онъ такимъ же шопотомъ.

— Да, конечно; она вся загорѣлась отъ радужныхъ представленій, соединявшихся въ ея мысли со словомъ „Петербургъ“,—но развѣ надо такъ спѣшить?

— „Не откладывай на завтра то, что можешь совершить сегодня“, вѣщаетъ древняя мудрость. Это у васъ вѣроятно въ прописяхъ въ институтѣ даже было? промолвилъ весело графъ Анисьевъ.

— Ахъ, да, поторопилась сообщить Ольга,—вамъ это, можетъ быть, интересно будетъ знать. Я узнала, говорила она, осторожно озираясь,—узнала навѣрное, что l'oncle отговариваетъ ее насчетъ... вы знаете, о комъ я говорю...

— А, а! вырвалось невольно у Анисьева.

— И она сама съ нимъ сегодня на спектаклѣ... у нихъ что-то вышло.

— Querelle d'amoureux, ничего не значитъ! пропустилъ онъ сквозь зубы, откинулъ свой эполетъ и примолкъ...

— Нѣтъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ,—я давно привыкъ

вѣрить женскому инстинкту... Какъ вы изволили приказывать, такъ мы и исполнимъ: перемѣна декораціи—Петербургъ! домолвилъ онъ, шутливо сообщая ей этими словами о безповоротномъ по этому предмету рѣшеніи.

— И вы, спросила она съ нѣкоторою задержкой,—такъ и уѣдете не... не объяснившись ни съ кѣмъ?...

Флигель-адъютантъ нахмурился:

— Позвольте оставить этотъ вопросъ безъ отвѣта... И при этомъ осмѣлюсь просить васъ, добавилъ онъ почти строго, чуть слышно пропуская слова подъ громъ мазурки и глядя въ сторону, — что̀ бы вамъ обо мнѣ, послѣ моего отъѣзда, ни случилось услышать, отъ княгини-ли, или отъ кого другаго, и виду не показывать, что вамъ извѣстно что-либо еще помимо того, что̀ можетъ быть вамъ сказано... Съ вашимъ умомъ вы, не сомнѣваюсь, поймете, что это въ вашихъ же интересахъ.

Ольга все это скорѣй угадала, чѣмъ разслышала.

— Вы меня еще не знаете, сказала она:—я могила pour les secrets!... Да еще когда отъ этого зависитъ такое счастіе... Я и не знаю, право, что̀ я готова сдѣлать, чтобы наши планы удались!...

Этотъ горячій взрывъ молодаго желанія перенесъ нашего озабоченнаго Петербуржца къ строю помышленій болѣе игриваго свойства. Онъ устремилъ опять загорѣвшіеся глаза въ сіяющее лицо своей дамы:

— А скажите, пожалуйста, заговорилъ онъ прежнимъ шутливымъ тономъ: — что̀ тянетъ васъ такъ страстно въ Петербургъ? Повеселиться хочется?...

— Веселье своимъ чередомъ... Но у меня другое въ виду. Я вамъ начала говорить, что у меня хорошій голосъ... Очень хорошій, всѣ даже говорятъ—замѣчательный, поясняла Ольга:—и я поэтому дѣйствительно страстно желала бы...

— Поступить на сцену? первою мыслью представилось ея собесѣднику.

— Quelle horreur! я, на сцену, Богъ знаетъ съ кѣмъ! вскрикнула барышня, вскинувъ на него полный упрековъ

взглядъ, — можете-ли вы это обо мнѣ думать!... Я совсѣмъ о другомъ думала.

— Простите великодушно, засмѣялся онъ,—я думалъ, что вы стремитесь сдѣлаться второю Madame Malibran... Ce n'est déjà pas si mal!

Барышня слегка надулась.

— Я вижу, вы надо мной смѣетесь, и я, конечно, послѣ этого ничего уже не могу вамъ сказать.

— Напротивъ, все, бархатнымъ голосомъ, наклоняясь на мигъ почти къ самому ея плечу, пропустилъ Анисьевъ, — я весь слухъ и весь преданность вашимъ желаніямъ.

Его быстрое, горячее дыханіе пробѣжало у нея по кожѣ. Она слегка вздрогнула, вспыхнула и, не глядя на него, протянула руку за вѣеромъ своимъ, которымъ онъ небрежно игралъ все время.

Я совсѣмъ не о сценѣ, начала она, — я думала, что съ моимъ пѣніемъ я могла бы попасть... ко двору, домолвила она скороговоркой.

— Ко двору? повторилъ онъ.—Вы желали бы, чтобы васъ пригласили туда пѣть?

— Нѣтъ, совсѣмъ... словно проглотила барышня.

— Какъ „совсѣмъ"?

— Д-да... Вотъ какъ попала фрейлина Вер...

Она не договорила и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, прежде чѣмъ увидала она выраженіе его лица, поняла, какимъ-то внезапно сказавшимся въ ней теперь чутьемъ, что то, о чемъ она сейчасъ говорила, тотъ планъ, который она съ такою любовью лелѣяла и носила такъ долго въ головѣ своей, что все это представляло собою нѣчто совершенно несбыточное и невозможное.

— Или это глупость, вы думаете? торопливо промолвила она тутъ же, оборачиваясь на него смущенно вопрошающими глазами.

Онъ старательно разглаживалъ свои прекрасные усы, чтобы не дать ей замѣтить улыбки, въ которую невольно складывались его губы.

— Я никогда не посмѣю назвать это такъ, какъ вы, но

смѣю думать, что это принадлежитъ къ міру тѣхъ неожиданныхъ и мгновенныхъ фантазій, которыя часто загораются и проходятъ въ женскихъ головкахъ... Вы позволите мнѣ говорить откровенно? спросилъ онъ уже болѣе серьезнымъ тономъ.

— Je vous prie, сказала Ольга, опуская глаза и усиленно дыша высокою грудью.

— Примѣръ, на который вы ссылаетесь, — de l'histoire ancienne, и именно потому, что онъ былъ, всѣ шансы противъ того, чтобъ онъ повторился. Къ тому же тамъ и условія были другія, промолвилъ какъ бы вскользь флигель-адъютантъ.

Но она поняла.

— Да, тамъ все-таки извѣстная, свѣтская, а я—уѣздная барышня, дочь исправника... „Исправника", со злобнымъ отчаяніемъ повторила мысленно Ольга, быстрымъ переходомъ, какъ это всегда случалось съ нею, чувствовавшая себя въ эту минуту настолько униженною и „презрѣнною", насколько возносилась она надъ остальными смертными тому полчаса.

— На свѣтѣ, конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, продолжалъ ея кавалеръ,—но, насколько я могу судить, для того, чтобы вы могли достичь желаемаго, нужна была бы цѣлая комбинація благопріятныхъ обстоятельствъ, на подготовку которыхъ—протянулъ онъ,—требуется много такого, что̀ дается многолѣтнимъ опытомъ и тонкимъ знаніемъ Петербурга... И къ чему, заговорилъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ,—стали бы вы тратить на это лучшіе дни вашей молодости, итти на непріятности, отказы, когда вамъ сто̀итъ только руку протянуть, чтобы получить положеніе, гораздо болѣе прочное и блестящее, чѣмъ то, которое только издали и въ ваши лѣта можетъ казаться завиднымъ?

— Это про что̀ же вы говорите? спросила недоумѣло Ольга.

Анисьевъ глядѣлъ на нее, какъ-будто отмѣчая въ своей памяти каждую подробность ея соблазнительнаго облика.

— Вы такъ хороши, говорилъ онъ,—въ васъ такъ много огня, вы чувствуете въ себѣ столько законныхъ правъ на наслажденіе жизнью, что вамъ душно, невыносимо въ захолустьи,—я разумѣю подъ этимъ и Москву, вставилъ онъ смѣясь,—васъ

тянетъ туда, гдѣ представляется широкій просторъ для осуществленія вашихъ мечтаній, не такъ-ли?

— О, да, еслибы вы знали! воскликнула она неудержимо:— мнѣ всего, всего хочется!

— Вотъ видите, я угадалъ! Но для того, чтобы достать рукой до этого „всего", нуженъ пьедесталъ, лѣстница... Въ наше время пьедесталъ этотъ прежде всего средства, деньги... А, повидимому, отъ васъ зависитъ...

— Это все опять капиташка? забѣгая впередъ его рѣчи, вскликнула еще разъ барышня.

Воспитанный Петербуржецъ невольно поморщился отъ вульгарности этого выраженія. Ольга тотчасъ же замѣтила это и слегка сконфузилась.

— Я такъ, шутя, называю... monsieur Ранцова, быстро промолвила она.—И вы бы мнѣ совѣтовали?...

Анисьевъ только утвердительно головой повелъ.

— Но онъ, вы видѣли, жалобнымъ тономъ сказала она,— онъ совсѣмъ du простой... И потомъ деньги не все: въ Петербургѣ опять-таки нужно une position. А изъ него что̀ же можно было бы сдѣлать? Тридцать пять лѣтъ—и отставной капитанъ! Куда меня съ нимъ примутъ?

Флигель-адъютантъ засмѣялся:

— А черезъ годъ — почетный членъ дѣтскихъ пріютовъ, на которые онъ пожертвуетъ пять-шесть тысячъ рублей, и камеръ-юнкеръ, а слѣдовательно для молодой красавицы-жены право представиться ко двору и затмить на выходѣ въ Бѣлой Залѣ всѣхъ городскихъ дамъ магнифиценціей своего платья, а всѣхъ ихъ вообще свѣжестью и прелестью своей особы.

У барышни огни въ глазахъ запрыгали. Она никогда объ этомъ не думала, не знала,—и вдругъ цѣлый новый горизонтъ открывается предъ нею.

— И это въ самомъ дѣлѣ? сказала она съ воскресшимъ блескомъ въ глазахъ:—это можно было бы такъ скоро?

— Если бы вамъ въ такомъ случаѣ угодно было поручить мнѣ ваши интересы, отвѣтилъ онъ, проницательно глядя въ эти глаза,—я могъ бы указать вамъ и, надѣюсь, апланировать всѣ надлежащіе къ тому пути.

Ольга въ первую минуту и не подумала поблагодарить его за предложеніе. Она все еще не могла справиться внутренно съ такимъ неожиданнымъ для нея открытіемъ: то, къ чему она стремилась и чего разсчитывала достигнуть далекимъ и—она никогда не скрывала отъ себя этого,—труднымъ путемъ, это совершенно легко и просто могло быть ей доставлено тѣмъ самымъ, страстно влюбленнымъ въ нее человѣкомъ, котораго она звала „капиташкой“, отвергала самымъ рѣшительнымъ образомъ, всячески оскорбляла и огорчала... „Черезъ годъ она можетъ быть въ Бѣлой Залѣ en robe de cour... Ранцовъ камеръ-юнкеръ... и тогда ужь, разумѣется, далѣе и далѣе, — она ужь тамъ сумѣетъ подвигать его“...

Мысли у барышни прыгали теперь, что̀ альпійскія козы, перескакивая невѣроятныя пространства.

Она вдругъ засмѣялась и обернулась на Анисьева съ сіяющимъ лицомъ.

— У меня ужасное воображеніе, расходится—нѣтъ конца!.. Я чувствую, что могу сдѣлать много глупостей, если у меня не будетъ вѣрный совѣтчикъ, который бы мнѣ все говорилъ, что̀ надо дѣлать, а я бы его ужь такъ слушалась, такая была бы паинька...

— И онъ могъ бы разсчитывать дѣйствительно, что вы были бы ему во всемъ послушны? быстро проговорилъ блестящій Петербуржецъ тѣмъ особымъ, вкрадчивымъ шептаніемъ, которое Нѣмцы выражаютъ весьма удачнымъ звукоподражательнымъ „flüstern“.

Глаза его договорили ей, что̀ разумѣлъ онъ подъ этимъ „послушаніемъ“... Она засмѣялась опять, но не отвѣчала и опустила вѣки... Въ первый еще разъ въ этихъ „искоркахъ“, которыя привыкла она вызывать въ глазахъ каждаго мущины, было, она чувствовала, что-то оскорбительное для нея. Это было не то, что-то неудержимо страстное, захватывающее и сообщающееся, что̀ говорило во всемъ существѣ Ашанина, напримѣръ... „А гдѣ онъ однако скрывается? онъ не танцуетъ? какъ хорошъ онъ былъ въ своемъ костюмѣ!“ прыгали опять мысли Ольги... „А у *этого* точно торгъ какой-то, даже гадко...“

„И съ нимъ опасно“, думала она далѣе; „если только дать ему немножко взять себя въ руки, отъ него ужь не вывернешься... И точно-ли все такъ можно сдѣлать, какъ онъ говоритъ, и только чрезъ него?... Главное, не надо спѣшить. Я уѣду съ княгиней въ Петербургъ и все сама тамъ пойму. Капитанъ не уйдетъ: его только поманить, и онъ всегда будетъ *тутъ*, когда только я захочу...“

Чижевскій начиналъ новую, очень сложную какую-то фигуру въ четыре пары разомъ. Каждый кавалеръ долженъ былъ выбрать даму, дама—кавалера.

Ольга медленнымъ шагомъ направилась въ конецъ залы, гдѣ скромно и уныло, рядомъ съ пуляркой Eulampe, сидѣлъ ея будущій камеръ-юнкеръ.

Она не подошла къ нему, а остановилась въ трехъ шагахъ и, какъ намѣревалась мысленно, „поманила“ его къ себѣ кончиками двухъ пальцевъ.

Онъ всталъ и приблизился, темный какъ туча.

Она подала ему руку и глянула ему прямо въ глаза:

— Это что̀ за лицо такое? Вы знаете, что я этого не люблю! Я люблю, когда оно у васъ хорошее, веселое, и я могу каждую минуту прочесть на немъ, что̀ вы думаете обо мнѣ.

— Для васъ, Ольга Елпидифоровна, особенное удовольствіе составляетъ конфузить меня при всякомъ случаѣ, пробормоталъ Ранцовъ черезъ силу, чувствуя теперь въ широкой ладони своей *всю* ея горячую и сквозь перчатку руку...

— А вы, отвѣчала она, тихо двигаясь съ нимъ по залѣ и глядя на него избока тѣмъ знакомымъ ему взглядомъ, отъ котораго всѣ волосы топорщились у него на головѣ,—а вы и потерпѣть не можете?... А если я, положимъ, нарочно васъ мучаю, хочу испытать, вѣрно-ли, что вы меня такъ любите... Что̀ тогда?...

— Для васъ все шутки, а для меня каково? едва могъ онъ договорить отъ волненія.

— Кто знаетъ! Поживете, можетъ быть, и увидите... Вы очень хорошо мазурку танцуете, я замѣтила; гдѣ вы это

выучились, въ Польшѣ? заключила она, становясь съ нимъ въ кругъ фигуры.

Если бы нашъ храбрый капитанъ вмѣсто Владиміра получилъ за Коморнъ Георгія, и даже изъ рукъ самаго фельдмаршала, онъ, конечно, не былъ бы такъ безумно счастливъ, какъ въ эту минуту...

VII.

— Messieurs, grande promenade avec vos dames! подхватывая первый свою даму подъ-руку, крикнулъ на всю залу дирижеръ Чижевскій, которому Костя Подозеринъ, по порученію хозяйки, только что передалъ, что партіи окончены и пора ужинать.—Польскій! далъ онъ знакъ оркестру.

И до смерти усталыя, но все такъ же оживленно двигавшіяся молодыя пары съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ потянулись за нимъ къ давно открытымъ для протока воздуха, но завѣшеннымъ отъ свѣта своими тяжелыми штофными портьерами дверямъ залы, выходившимъ на балконъ со стороны сада.

— День, день! словно при видѣ чего-то совершенно неожиданнаго послышались возгласы въ веселомъ роѣ, высыпавшемъ на балконъ.

— И смотрите, какъ высоко ужь солнце! Ужасъ! визжали *пулярки*.

— А вы думаете, который часъ? гаерничалъ Шйгаревъ.

— А который?

— Часъ купаться итти. Пойдемте!

Пулярки завизжали снова.

— Не смѣйте такъ *моветонничать!* крикнула, обернувшись на него, Eulampe, шедшая предъ нимъ подъ руку съ капитаномъ, и треснула его вѣеромъ по рукаву.

— Сломаете, я вамъ новаго не подарю! засмѣялся Шйгаревъ.

— Очень мнѣ нужно! Я бы и не приняла! фыркнула она на это.

— А ты попробуй преподнести! хихикалъ сзади Свищовъ,— примутъ навѣрное!...

Чижевскій съ Женни и ближайше слѣдовавшія за ними пары уже сбѣгали по ступенямъ лѣстницы въ садъ.

— Останемся здѣсь, я не могу, устала, шепнула Лина своему кавалеру, роняя руки на перила балкона и глядя вдаль мигавшими отъ свѣта глазами. — Ахъ, какъ сладокъ этотъ чистый воздухъ!...

— Господа, mesdames, раздался голосъ выбѣжавшаго изъ залы Кости Подозерина,—куда вы? Княгиня проситъ сейчасъ же въ столовую, ужинать!

— Мы сейчасъ, сейчасъ! крикнулъ снизу Чижевскій,—мы пройдемъ туда садомъ кругомъ дома.

— Графъ Анисьевъ, графъ Анисьевъ!

Подозеринъ поспѣшно сбѣжалъ къ нему.

— Васъ княгиня проситъ...

Флигель-адъютантъ сморщилъ брови.

— Что̀ ей угодно?

— Она желаетъ, чтобы вы повели ее къ столу.

— Но, вы видите, я съ дамой...

— Идите, идите, графъ, сказала вполголоса Ольга,—а то мнѣ за это достанется...

— Въ такомъ случаѣ mille pardons!...

И онъ, посылая мысленно нашу княгиню къ чорту, отправился за Подозеринымъ вверхъ.

Ольга отошла въ сторону. Всѣ остальные пробѣжали мимо нея въ садъ... Она спустилась тоже...

Въ головѣ у нея стояло прежнее: этотъ разговоръ съ Анисьевымъ, открывшій ей то, о чемъ она и не догадывалась: собственный богатый домъ въ Петербургѣ, опера, рысаки, Бѣлая Зала, toilette de cour, мужъ,—этотъ самый „капиташка“, въ золотомъ мундирѣ... „И не будетъ онъ смѣшонъ?“ прыгали ея мысли... „Онъ все же mauvais genre, говорить не умѣетъ... И эти усы щеткой, и онъ съ ними цѣловать меня полѣзетъ. Брр...“

— Какъ же это вы однѣ?

Она вздрогнула... Предъ нею стоялъ Ашанинъ.

— Владиміръ Петровичъ! вскрикнула она: — гдѣ это вы скрывались?

— Я никогда не танцую, холодно отвѣтилъ онъ;—игралъ въ карты, потомъ вышелъ пройтись; утро, видите, какое... А гдѣ же вашъ кавалеръ?

— Его потребовала княгиня... Дайте мнѣ вашу руку, вы будете моимъ кавалеромъ за ужиномъ.

Онъ съ раскрытыми широко глазами взглянулъ на нее... Она чуть-чуть вздрогнула...

И въ то же мгновеніе какимъ-то неожиданно, разомъ закипѣвшимъ въ обоихъ ихъ ощущеніемъ поняли они оба: онъ— что она опять въ его власти, она — что человѣкъ этотъ безконечно ей нравился, и что никто не былъ въ состояніи внушить ей то, что̀ этотъ человѣкъ...

Они были одни въ аллеѣ. Сквозь частую листву низкіе лучи солнца разбивались золотыми брызгами о розы ея вѣнка, о матовую гладь ея плечъ и шеи...

Онъ закинулъ обѣ руки за ея станъ и привлекъ къ себѣ. Она не противилась...

— Ольга, могъ только проговорить онъ, отрываясь отъ ея губъ,—за что̀ промучила ты меня сегодня такъ, за что̀?...

— Намъ пора... тамъ ужинаютъ... пойдемте, говорила она, едва въ свою очередь приходя въ себя... За что̀? повторила она, налегая на его руку и сдвигая его съ мѣста:—знаю-ли я? Я говорила вамъ, я такая капризная, безумная... Нѣтъ, знаю! воскликнула она вдругъ, какъ бы вспомнивъ, и остановилась. — Я, когда васъ вижу... вы видите, совсѣмъ... безсильная. Она нажала свободною рукой грудь, ходившую горой подъ ея корсетомъ,—но этого не нужно болѣе никогда, никогда...

— Опять то же? Ольга, ради Бога! отчаянно вскрикнулъ Ашанинъ.—Ну, хорошо, хорошо, зашепталъ онъ тутъ же, не давая ей времени возразить,—я никогда ужь болѣе, никогда не стану просить... но сегодня, я тебѣ говорилъ, изъ твоей комнаты, по маленькой лѣстницѣ, прямо въ корридоръ, гдѣ уборная... я буду ждать тебя...

— Теперь?... Глядите—день, дрожащими устами пробормотала она,—мало вамъ, что̀ было вчера.

— Лѣстница темная... въ уборныхъ... вездѣ занавѣсы спущены... послѣ этого бала все, и слуги, будетъ спать мертвымъ сномъ... Я буду ждать... да?...

Она вся горѣла... О, этотъ человѣкъ съ его палящими глазами и этимъ голосомъ, проницающимъ, мягкимъ, неотразимымъ!... Тамъ, впереди, что̀ еще будетъ? Тамъ — торгаши Анисьевы, мужъ „съ усами щеткой,“ насильныя ласки, среди блеска неволя... А тутъ, сейчасъ... „Одинъ лишь мигъ!“ пронесся у нея вдругъ какимъ-то страстнымъ откровеніемъ мотивъ Глинкинскаго романса...

— Послушайте... обѣщайтесь... Клянитесь мнѣ, промолвила она вдругъ на низкихъ нотахъ своего густаго контральтоваго голоса,—клянитесь всѣмъ, что̀ вамъ дорого, что это—въ послѣдній разъ, что послѣ этого вы никогда не будете стараться видѣться со мной, будете избѣгать меня даже... Да, я васъ прошу, умоляю, мнѣ это необходимо, чтобы не встрѣчаться съ вами болѣе, не видѣть...

— Я уѣзжаю отсюда совсѣмъ завтра въ ночь, послѣ вашего спектакля: какая еще клятва нужна послѣ этого? шепталъ прерывающимся голосомъ красавецъ,—но ты придешь, придешь?...

Она не отвѣчала и только вся внезапнымъ движеніемъ прижалась къ нему...

— Скорѣе, скорѣе, идемъ, тамъ могутъ замѣтить! вскинулась она разомъ за этимъ, увлекая его съ собою по дорогѣ къ дому...

У дверей столовой, сверкавшей огнями зажженныхъ люстръ и канделябръ, на большихъ и малыхъ столахъ, за которые шумно размѣщалось теперь многочисленное и проглодавшееся общество Сицкаго, ждалъ Ольгу капитанъ Ранцовъ... Онъ весь перемѣнился въ лицѣ, увидѣвъ ее подъ руку съ Ашанинымъ.

Она досадливо и строго подняла на него глаза:

— Что̀ это вы?...

— Вы остались безъ кавалера, Ольга Елпидифоровна, такъ я...

— А вы только теперь замѣтили? прервала она его, смѣясь;—и я такъ бы за ужинъ одна и сѣла, если бы вотъ сейчасъ Владиміръ Петровичъ не встрѣтился... А ваша же дама гдѣ?

— Тамъ-съ, за особымъ столикомъ, ожидаетъ, указалъ капитанъ:—тамъ свободно, я два стула даже пригнулъ къ столу для отмѣтки, что занято.

— Пригните три!... Вамъ все равно, гдѣ ужинать? обернулась она къ Ашанину.

— Гдѣ вамъ угодно! сказалъ тотъ, поводя плечами самымъ равнодушнымъ образомъ.

— Такъ пойдемте; я сяду между васъ двухъ, рѣшила барышня, взглянувъ еще разъ на капитана и при этомъ, замѣтно лишь для него одного, погрозила ему съ улыбкой пальцемъ.

Ранцовъ снова просіялъ душой и побѣжалъ впередъ указывать имъ мѣста.

VIII.

Бѣдный капитанъ, онъ былъ такъ счастливъ за этимъ ужиномъ! Ольга сидѣла подлѣ него, улыбалась... старалась улыбнуться каждый разъ, когда онъ обращалъ къ ней рѣчь, и отвѣчала ему ласково и — разсѣянно... Она какъ-то механически сознавала, что надо было обращаться съ нимъ съ этою ласковостью: надо было „не отталкивать его". Но она старалась не глядѣть на него, не видѣть этихъ „щетинистыхъ усовъ"... и этихъ честныхъ, добрыхъ глазъ, устремлявшихся на нее съ такою безпредѣльною, простодушною любовью. Въ головѣ ея стоялъ туманъ; сердце билось ускоренно и сладко, все существо ея млѣло неодолимо охватывавшимъ ее предвкушеніемъ нѣги, счастья... „Одинъ лишь мигъ", пѣлъ въ ней опять внутренній голосъ молодой, торжествующей страсти... Но этотъ „мигъ",—она не въ силахъ отказаться отъ него, она извѣдаетъ до дна его сладость. Какъ говорила она наканунѣ Ашанину, она „свободная", она „понимаетъ, что̀ такое жизнь, и хочетъ все, все испробовать въ ней"... А онъ такъ хорошъ, и ни въ чьихъ уже болѣе другихъ мужскихъ глазахъ не прочтетъ она того, что̀ въ состояніи сказать ей эти глаза...

Онъ, онъ думалъ объ одномъ: „какъ только дожить до той минуты!" Онъ уже теперь, заранѣе переживалъ ее: она придетъ,—вздумалось бы ей не притти, онъ на все готовъ, онъ ворвется къ ней, ухватитъ, унесетъ ее, какъ левъ свою добычу, заглушая крикъ ея своими поцѣлуями,—она придетъ... И среди гула и смѣха трапезовавшей кругомъ толпы, въ этой

залитой огнями столовой, ему слышался въ безмолвіи и тьмѣ робкій, сдержанный скрипъ женской обуви, скользящей внизъ по ступенямъ узенькой лѣстницы, чувствовалось прикосновеніе, и благоуханіе, и трепетъ всей этой женской прелести, идущей къ нему, замирающей въ его объятіяхъ... Онъ не глядѣлъ на нее, боялся обернуться въ ея сторону, чтобы глаза не измѣнили ему, не выдали того безумнаго чувства блаженнаго и нестерпимаго ожиданія, которое владѣло имъ. Онъ не говорилъ съ ней,—только кончикъ его ботинки нажималъ слегка подъ столомъ ея бальный башмачекъ,—и кровь горячечно билась о его виски, и онъ съ трудомъ осиливалъ дрожь, отъ которой то-и-дѣло принимались стучать его зубы... Онъ почти ничего не ѣлъ, какъ и не ѣла Ольга, и только отъ времени до времени отпивалъ глотками изъ стакана холодную воду, въ которую вылилъ налитую ему рюмку шампанскаго.

— Давно-ль въ водѣ ты горе сталъ топить? продекламировалъ ему по этому случаю сидѣвшій насупротивъ его Свищовъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на него и не отвѣчалъ.

Свищовъ перегнулъ голову по направленію Ольги, между которою и имъ стояла большая японская ваза съ цвѣтами:

— Не скажете-ли вы, Ольга Елпидифорорна, какое мрачное дѣло замышляетъ сосѣдъ вашъ съ лѣвой стороны?

Ваза и цвѣты помѣшали ему замѣтить яркую краску, покрывшую мгновенно все лицо барышни...

Ашанинъ на сей разъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Я замышляю освистать первый балетъ, который ты поставишь на сцену.

Кругомъ засмѣялись; засмѣялся даже капитанъ Ранцовъ, крѣпко не долюбливавшій Ашанина за его пассажъ съ Ольгой прошлою ночью, но которому Свищовъ еще болѣе претилъ своимъ нахальствомъ.

— Хорошо сдѣлаешь, отшучивался между тѣмъ со смѣхомъ тотъ,—потому что я намѣренъ изобразить въ этомъ балетѣ всякое твое коварство и безобразіе.

Дѣвица Eulampe, давно втайнѣ таявшая по московскомъ

Донъ-Жуанѣ, почувствовала себя вдругъ ужасно обиженною за него такими словами.

— Можетъ быть, дѣйствительно, и есть такіе, громогласно отпустила она,—которые, въ самомъ дѣлѣ, и коварные, и безобразные, только, ужь конечно, не monsieur Ашанинъ!

Новый дружный смѣхъ отвѣчалъ на выходку пламенной „пулярки". Свищову рѣшительно не везло...

Ашанинъ откинулся въ свое кресло и изъ-за спинъ Ольги и капитана послалъ своей неожиданной защитницѣ глубокій благодарттвенный поклонъ, приложивъ при этомъ руку къ сердцу. Она вспыхнула до бровей, поспѣшно схватила лежавшій подлѣ ея тарелки букетъ свой и погрузила въ него свое счастливое лицо...

Княгиня Аглая Константиновна, державшаяся того правила, что за ужиномъ не должно быть хозяйскаго мѣста, предоставила гостямъ своимъ разсаживаться по собственному ихъ усмотрѣнію, а сама со своимъ блестящимъ петербургскимъ кавалеромъ, котораго, къ немалой его злости, предварительно долго таскала съ собою, нѣжно налегая на его руку своимъ грузнымъ тѣломъ, по всѣмъ угламъ столовой, какъ-бы на показъ присутствующимъ, направилась къ небольшому столу у окна, за который, не чая грозы, помѣстилась Лина съ Духонинымъ. Чижевскій сидѣлъ по другой рукѣ ея, рядомъ со своею дамой, Женни Карнауховой. Княгиня безцеремонно попросила ихъ передвинуться на два сосѣдніе свободные стула...

— Et nous nous mettrons là, en famille, шепнула она игриво на ухо Анисьеву,—vous serez entre ma fille et moi.

Онъ дорого бы далъ въ эту минуту, чтобъ имѣть право крикнуть ей на всю залу: „Дура, непроходимая, зловредная дура!..." Но дѣлать было нечего,—онъ отставилъ стулъ и скользнулъ, чтобъ усѣсться, мимо Лины, нагибаясь предъ ней съ изысканною учтивостью и извиненіемъ...

Она безмолвно и поспѣшно, не глядя на него, прижала рукой волны газа своей юпки, давая ему мѣсто пройти...

„Я ей внушаю отвращеніе, просто!" заключилъ чуткій Петербуржецъ изъ одного этого торопливаго, нѣмаго, какъ-бы

гадливаго движенія; „je lui fais l'effet d'un cloporte“, перевелъ онъ это себѣ по-французски, морщась и закусывая губу.

Онъ не привыкъ внушать такія чувства и серьезно озлился на ту, которую почиталъ ихъ главнымъ источникомъ.

— Какія порученія дадите вы мнѣ въ Петербургъ, княгиня? проговорилъ онъ отчетливо и громко, развертывая свою салфетку.

— Почему въ Петербургъ? тревожно спросила она, держа вилку надъ глазурной поверхностью подносимаго ей въ эту минуту блюда майонеза.

— Потому что я ѣду завтра и буду тамъ черезъ три дня, спокойно отвѣчалъ онъ.

Тяжелая серебряная вилка выскользнула изъ рукъ Аглаи и, ударившись о край блюда, съ грохотомъ упала на ея тарелку, растрескавъ ее на три большіе куска.

— Это, говорятъ, къ счастію, княгиня! невозмутимо улыбнулся графъ Анисьевъ, учтиво спѣша обмѣнить своею обломки ея тарелки и передавая ихъ вмѣстѣ съ виновною вилкой подбѣжавшему съ испуганнымъ лицомъ слугѣ.

Тарелка была саксонская, дорогая, съ рѣдкимъ, вѣнчаннымъ королевскою короной вензелемъ A. R. *) на ея оборотѣ; но сломайся въ эту минуту и весь цѣнный сервизъ, къ которому принадлежала она, наша разсчетливая княгиня осталась бы къ этому равнодушною. Она была совершенно уничтожена.

— Comment, vous nous quittez, mon cher comte? могла она только вымолвить, растерянно воззрясь на него.

— Къ сожалѣнію моему, обязанъ! отвѣчалъ онъ съ соотвѣтствующимъ пожатіемъ плечъ.

— Mais ce n'est pas du tout ce que j'ai cru comprendre dans notre conversation d'hier? вскликнула она, переводя съ весьма недвусмысленнымъ для него и еще болѣе озлившимъ его намѣреніемъ круглые глаза свои съ него на затылокъ до-

---

*) Augustus Rex, штемпель фарфора Мейсенской фабрики времени основателя ея, Августа 1-го.

чери, спокойно разговаривавшей въ это время со своимъ кавалеромъ.

— Я бы почелъ себя совершенно несчастливымъ, княгиня, отвѣчалъ ей опять по-русски Анисьевъ (въ досадѣ своей онъ какъ-бы наказывалъ ее тѣмъ, что не удостоивалъ ея французскую рѣчь отвѣтомъ на томъ же языкѣ), — если бы вамъ угодно было искать въ моихъ словахъ то, чего въ нихъ нѣтъ. Я уже потому не могъ говорить вамъ о продолжительномъ пребываніи въ вашемъ прекрасномъ Сицкомъ, что я, какъ вы знаете, принадлежу не себѣ...

Онъ не досказалъ и легкимъ движеніемъ руки указалъ на свои эполеты.

Она почтительно, какъ-бы испуганно взглянула на нихъ:

— Конечно, mon cher comte, если вы нужны à Sa Majesté l'Empereur...

— И къ тому же я жду изъ-за границы матушку на ближайшемъ пароходѣ, сказалъ онъ.

— La comtesse votre mère! вскликнула Аглая;—но въ послѣднемъ письмѣ, которое я получила отъ нея три недѣли назадъ, она обѣщала мнѣ très catégoriquement, что какъ только вернется въ Россію, то пріѣдетъ непремѣнно къ намъ сюда...

— Въ настоящую минуту, къ сожалѣнію, это будетъ для нея очень трудно сдѣлать, сухо возразилъ флигель-адъютантъ,—у нея дѣла, которыя на довольно долгое время задержатъ ее въ Петербургѣ.

„Да это отказъ! Lina l'a degouté avec ses grands airs", съ ужасомъ пронеслось въ головѣ нашей княгини;—„мать найдетъ ему другую невѣсту въ Петербургѣ!..."

— Послушайте, mon cher comte, заговорила она, вся красная и рѣшительнымъ тономъ, — я не довольствуюсь всѣмъ тѣмъ, что̀ вы мнѣ сказали; я желаю знать настоящее... *les vraies raisons*, подчеркнула она,—которыя заставляютъ васъ покидать насъ такъ скоро?

И она при этомъ еще разъ, многозначительно и гнѣвно, повела взглядомъ въ сторону княжны.

Лина все также, обернувшись къ нимъ своею увѣнчанною

длинною гирляндой полевыхъ цвѣтовъ головкой, продолжала разговаривать съ Духонинымъ... Разобиженной княгинѣ нашей рѣшительно было суждено въ этотъ вечеръ видѣть дочь только съ затылка...

Но тотъ, изъ-за котораго она такъ негодовала на эту, равнодушную къ нему, дочь, взглянулъ на нее самое въ это время такимъ холоднымъ, чуть не враждебнымъ взглядомъ, что она разомъ опѣшила и смутилась.

— Вы думаете ѣхать завтра... непремѣнно? молвила она, чуть не плача.

Онъ наклонилъ утвердительно голову.

— Вы зайдете ко мнѣ проститься? уже совсѣмъ робко пролепетала Аглая.

— Помилуйте, княгиня, можете-ли вы въ этомъ сомнѣваться,—это мой долгъ! воскликнулъ онъ на это съ отмѣнною любезностью, кланяясь ей въ полоборота...

— Я васъ буду ждать... одна, потому что намъ непремѣнно нужно объясниться, добавила она съ новымъ взрывомъ рѣшительности.

Онъ взглянулъ на нее загадочными глазами и чуть-чуть усмѣхаясь.

— Если вы этого непремѣнно желаете, промолвилъ онъ скороговоркой и понижая голосъ... И тотчасъ же перемѣняя тонъ:—Матушка въ послѣднемъ письмѣ, началъ онъ,—много говоритъ мнѣ о маркизѣ Кампанари, которую вы, кажется, часто видѣли у нея въ Римѣ...

Онъ говорилъ уже ей объ этомъ наканунѣ,—вспомнилъ и отъ маркизы Кампанари перескочилъ поспѣшно къ какому-то приключенію, случившемуся съ нимъ самимъ съ campagna di Roma четыре года тому назадъ. Онъ разсказывалъ бойко и весело и успѣлъ привлечь самое Лину къ разговору, обратившись къ ней съ какимъ-то вопросомъ объ Италіи, на который она не могла не отвѣтить, послѣ чего уже не представлялось для нея возможности уклониться отъ дальнѣйшей бесѣды. Она говорила мало, но слушала его съ учтивою внимательностью, тихо улыбаясь, когда случалось ему сказать что-либо остроумное или оригинальное... Онъ былъ гость ея

матери, и она была слишкомъ благовоспитана, чтобы не оказать ему все то, на что онъ въ этомъ качествѣ гостя имѣлъ право. Но это вниманіе и улыбки дочери лили цѣлебный бальзамъ въ растревоженную душу Аглаи Константиновны. Страхи ея стихали... „Je lui expliquerai tout demain!“ говорила она себѣ, возращаясь мало-по-малу ко врожденному ей оптимизму, хотя весьма затруднена была бы сказать даже себѣ самой, что именно полагала она нужнымъ „expliquer“ этому очаровательному, но мудреному „favori de la cour“, который, вмѣсто ожидавшагося ею на завтра формальнаго предложенія ея дочери, такъ неожиданно объявилъ ей сегодня о своемъ отъѣздѣ... „Онъ уѣдетъ, je le veux bien, но скоро вернется опять, et avec la comtesse sa mère!“ осѣнило вдругъ ея многодумную голову, и она шумно и радостно вздохнула, найдя этотъ ключъ къ недававшейся ей до этой минуты задачѣ...

IX.

Откровеніе это такъ подняло настроеніе нашей княгини, что она возчувствовала какой-то внезапный приливъ необычайнаго благоволенія ко всему ея окружающему и желаніе тутъ же выразить это на дѣлѣ... Гости ея доѣдали сладкое, ужинъ кончался. Трапезные обычаи, видѣнные ею въ незабвенномъ Щипмоунткаслѣ, пронеслись въ ея памяти... Она встала и, широко озираясь кругомъ, громко проговорила:

— Messieurs les hommes, à l'anglaise, можете, когда уйдутъ дамы, оставаться здѣсь курить et boire du champagne, кому угодно!...

Среди грохота отодвигавшихся стульевъ послышались смѣхъ и возгласы одобренія со стороны „господъ мущинъ". Сенька Водоводовъ кинулся съ другаго конца столовой цѣловать ея ручку.

— Вы, княгиня, мать утѣхъ, радостей и всякаго человѣческаго благополучія! вопилъ онъ, надрываясь своимъ дикимъ хриплымъ хохотомъ;—позвольте жженку устроить!

— Je ne sais pas ce que c'est, но позволяю! величественно произнесла она; — если что̀ нужно, adressez vous à Vittorio.

Дамы направлялись къ ней благодарить и прощаться.

— Merci, merci, princesse, за восхитительный день, который провели мы у васъ сегодня! чуть не съ умиленіемъ, закатывая глаза и любезно пожимая ей руку, говорила княгиня Додо. И, обращаясь къ стоявшему подлѣ графу Анисьеву (въ первый разъ въ теченіе всего дня): — Я понимаю, что

для этого можно, какъ вы, пріѣхать сюда нарочно съ края свѣта! отпустила она. — Женни, мы сейчасъ ѣдемъ! И она повелительно взглянула на дочь.

— Et vous, ma poétique enfant (это уже относилось къ Линѣ),—вы ужасно устали, n'est-ce pas?

— Да, очень, сказала невольно княжна.

— Ахъ, Боже мой, что̀ же вы тутъ стоите! Послѣ всего, что̀ вы должны были перечувствовать сегодня, вамъ необходимъ покой. Mais renvoyez la donc, princesse, вы видите, какъ она блѣдна!

— C'est vrai, vous êtes très pâle, Lina, проговорила Аглая, только теперь замѣчая изнеможенный видъ дочери.

— Affreusement pâle! жалостливо заголосила опять княгиня Додо,—и при ея деликатномъ сложеніи... Ступайте, ступайте, моя прелестная, не съ нами же вы будете faire des façons...

— Пойдемъ, Лина, я отведу тебя; я тамъ у тебя оставила всякое мое добро! вскликнула Женни, кидаясь страстно обнимать ее; она вся еще была подъ обаяніемъ сладостныхъ вещей, наговоренныхъ ей Чижевскимъ, и ей нуженъ былъ предметъ, на который могла бы она теперь излить всю переполнявшую существо ея нѣжность.

— Вы, надѣюсь, не заставите насъ съ отцомъ дожидаться васъ? тутъ же выговорила ей княгиня Додо тѣмъ кислымъ тономъ, съ которымъ неизмѣнно обращалась она къ дочери.

Лина простилась съ нею, съ матерью и двинулась къ двери столовой рядомъ съ обвившею ее за талію крупною и блаженствовавшею Женни.

Онѣ поднялись на лѣстницу... Надъ ними на площадкѣ, ярко озаренный бившимъ на него свѣтомъ люстры, показался Гундуровъ, выходившій со шляпой въ рукахъ изъ пустынныхъ теперь покоевъ бельэтажа.

Онъ безсознательно остановился, увидѣвъ княжну.

Женни быстро наклонилась къ ея уху:

— Lina dear, вѣдь это онъ, *твой*, правда?...

Лина не отвѣчала, и только рука ея тѣснѣе прижалась къ глади дубовыхъ перилъ, за которыя держалась она, всходя на лѣстницу, чтобы не упасть отъ усталости.

— Принцъ Гамлетъ, откуда вы, изъ Англіи? со смѣхомъ крикнула ему снизу Женни (Чижевскій успѣлъ представить его ей во время бала).

— Я искалъ свою шляпу, которую оставилъ здѣсь въ гостиной...

Обѣ добрались до площадки.

— Вы не ужинали? спросила Лина.

— Д-да... Конечно... ужиналъ, нѣсколько растерянно отвѣтилъ онъ.

— Я васъ не видѣла, робко проговорила она.

— Нѣтъ, я былъ тамъ... Я сидѣлъ далеко отъ васъ... но я васъ видѣлъ, княжна... Слова видимо съ трудомъ выпадали изъ его устъ.

„Ихъ надо оставить однихъ. Имъ уже вѣрно есть, что̀ сказать другъ другу,“ великодушно рѣшила вдругъ въ головѣ своей Женни:

— Лина, ты устала, отдохни здѣсь, а я сейчасъ добуду у тебя мой бурнусъ и перчатки, et je descends!

Она разомъ прыгнула съ мѣста и понеслась вверхъ, въ третій этажъ.

Наши влюбленные остались одни, другъ противъ друга, оба съ опущенными отъ смущенія глазами, оба съ невыносимо трепетавшимъ сердцемъ въ груди.

— Елена Михайловна, простите мнѣ! заговорилъ первый Гундуровъ. Онъ былъ полотна блѣднѣе...

— Я не сержусь на васъ, медленно промолвила она. И ея лазоревые глаза заискрились, какъ двѣ загорающіяся звѣзды, подъ ея поднявшимися на него рѣсницами.

— Вы не сердитесь? повторилъ онъ, погружаясь всѣмъ взглядомъ въ эти глаза, свѣтившіе ему теперь такимъ божественнымъ, всепрощающимъ пламенемъ;—вы забыли тѣ безсмысленныя слова, которыя грѣшный языкъ мой произнесъ предъ вами тамъ, на сценѣ?... Какое-то безуміе охватило меня тамъ, княжна... Не даромъ, видно, дается близкое общеніе съ этимъ опаснымъ типомъ Гамлета, промолвилъ Гундуровъ, чуть-чуть усмѣхнувшись,—невольно заражаешься его нездоровьемъ, его сомнѣніями, его ожесточеніемъ... Вы не

сердитесь, а я въ моемъ явленіи съ вами такъ грубо, дерзко, такъ субъективно передавалъ его жестокія слова... а потомъ... И вы... вы не были въ силахъ продолжать послѣ этого, доиграть роли... Не такъ-ли?...

Она молча повела головой, продолжая глядѣть на него все съ тѣмъ же лучистымъ, всепрощающимъ пламенемъ глазъ.

— О, Елена Михайловна!...

Шляпа выпала у него изъ рукъ, и онъ, горя неодолимою краской стыда, закрылъ себѣ ими глаза.

— Вы были взволнованы... вамъ пришлось слышать такія вещи... Я понимаю, что вы могли оскорбиться ими, сказала она какъ бы въ извиненіе его предъ нимъ самимъ.

— Да, слышалъ, вскликнулъ онъ горячо,—слышалъ и непростительно принялъ ихъ къ сердцу. А теперь готовъ былъ бы, кажется, съ радостію выслушать ихъ опять и казниться ими. Въ этихъ оскорбительныхъ словахъ есть правда, Елена Михайловна, жестокая для меня правда:—я не достоинъ васъ!...

Вѣки ея безпокойно и болѣзненно заморгали...

Онъ замѣтилъ это и продолжалъ съ возрастающею горячностью:

— Не достоинъ вашего милосердія, вашего нравственнаго совершенства... Если бы вы знали, какъ гадокъ я кажусь себѣ предъ вами.

Она улыбнулась... и какою улыбкой!...

— Это мнѣ знать, „гадки"-ли вы, прошептала она, вся зардѣвшись.

— Елена Михайловна, заговорилъ онъ, задыхаясь,—я не знаю, что̀ ожидаетъ насъ, какія испытанія суждены мнѣ... и вамъ, но знайте, что я съумѣю теперь перенести все, все, съумѣю „терпѣть и не роптать" (это̀ были ея слова ему наканунѣ). Я вашъ, вашъ, вашъ...

— Навсегда? промолвила Лина,—и все лицо ея озарилось выраженіемъ безмѣрнаго счастья.

— До послѣдняго моего вздоха!...

Она протянула ему руку... Онъ страстно прижался къ ней губами...

— Вотъ и я, вотъ и я! на голосъ Гунглевой польки пѣла на возвратномъ пути Женни Карнаухова, спускаясь съ верхняго этажа.

Гундуровъ поспѣшилъ поднять свою шляпу.

„Онъ вѣрно стоялъ сейчасъ передъ нею на колѣняхъ“, рѣшила тутъ же мысленно крупная княжна: „ахъ, какъ жаль, что я этого не видала!...“

— Ну, прощай, Лина, начала она цѣловаться съ нею,— спи хорошо, золотые сны видь! Надѣюсь какъ-нибудь урваться опять къ тебѣ пріѣхать; I have so much interesting to tell you *), прошептала она ей на ухо. — Bon soir, prince Hamlet,—она подала Сергѣю руку,—и съ вами, надѣюсь, до свиданія... Вы куда теперь, внизъ, въ столовую? Тамъ теперь идетъ, должно-быть, un léger кутежъ.

— Я до кутежей не охотникъ, сказалъ онъ.

— Фи, какъ стыдно! вскрикнула Женни,—это очень не хорошо, когда мущина скроменъ, какъ дѣвушка! Если-бъ я не была женщина...

— Вы были бы не хорошій мущина? засмѣялся Гундуровъ.

— Именно, именно!... Да вы презлой,—я это очень люблю... Ну, пойдемте, довольно вамъ любезничать! Good night, Lina dear! Я увожу твоего кавалера до границы нашихъ mamans, а тамъ отпущу его кутить въ мущинское царство. Прикажи ему непремѣнно de se donner une petit pointe въ честь твою и здравіе!...

— Прощайте, Сергѣй Михайловичъ, сказала Лина, счастливо улыбаясь всей этой болтовнѣ,—до завтра!...

Когда она вернулась въ свою комнату, ожидавшая ее Глаша вручила ей запечатанную записку:

— Генеральша приказали отдать вамъ предъ тѣмъ, какъ изволите спать ложиться.

Лина подошла къ столу и прочла:

„Милая княжна,—писала ей Софья Ивановна,—не знаю, какъ увижу васъ завтра утромъ, а нужно мнѣ знать непре-

---

*) Я имѣю такъ много интереснаго сказать тебѣ.

мѣнно. Ради Бога, отвѣчайте просто, да или нѣтъ: то-ли же все ваше расположеніе, какъ нынче утромъ? Короче, могу-ли я говорить съ вашею матушкой, о чемъ вы знаете? Отвѣтъ, прошу васъ, пришлите сейчасъ же, какъ прочтете, горничная моя будетъ ждать.

„С. П“.

Лина схватила перо и подъ этими „С. П“. начертила крупными буквами: „Да, да и да!“ и подписалась полнымъ именемъ: „Елена Шастунова“.

— Отнеси сейчасъ горничной генеральши, она не спитъ, сказала она, запечатавъ, Глашѣ.

Глаша не успѣла повернуться, какъ княжна внезапно опустилась на стулъ, нажимая, что̀ есть силы, грудь рукой и закусивъ губу, чтобы не крикнуть отъ боли.

„Опять, опять, Боже мой!“ проносилось у нея въ головѣ,— „этотъ докторъ въ Ниццѣ былъ правъ, у меня что-то въ сердцѣ: оно не въ состояніи переносить ни муки, ни счастія“!...

X.

— А, Гундуровъ, гдѣ это вы скрываетесь, батюшка? воскликнулъ Духонинъ, завидѣвъ его въ дверяхъ столовой, — къ намъ сюда, скорѣе!

Онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ, уже слегка возбужденный выпитымъ имъ виномъ, и препирался о чемъ-то со стоявшимъ насупросивъ его съ сигарой въ зубахъ дипломатомъ, прозваннымъ „больнымъ попугаемъ“ (онъ былъ какая-то родня Духонину). Кругомъ ихъ въ волнахъ табачнаго дыма то показывались, то изчезали внимавшія лица Чижевскаго, Факирскаго, Толбухина и Ранцова, безъ фраковъ, со стаканами въ рукахъ...

Дамы и пожилые люди всѣ уже разъѣхались или разошлись по своимъ комнатамъ, вслѣдъ за княгиней Аглаей Константиновной, за которою послѣдовали и Зяблинъ съ Шигаревымъ, хранившіе себя отъ излишествъ. Слуги кончали убирать со столовъ. На среднемъ, уже опростанномъ до-гола досокъ столѣ, уставленномъ стаканами и опорожненными бутылками шампанскаго, въ большой серебряной кострюлѣ варилась жженка. Толя Карнауховъ, взъерошенный и красный, рѣзалъ къ ней тонкими ломтями ананасъ, сопровождая свое занятіе какими-то нецензурными куплетами, которымъ подпѣвалъ вторымъ голосомъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Свищовъ. Кругомъ ихъ кучились молоденькіе офицеры артиллерійской батареи, которыхъ командиръ ихъ, красивый полковникъ Шнабельбергъ, представилъ наконецъ послѣ спектакля хозяйкѣ дома, и которые затѣмъ, отработавъ самымъ усерд-

нымъ образомъ ногами въ танцахъ, чувствовали себя въ настоящую минуту, въ виду новой предстоящей имъ „сладости жизни“, въ самомъ счастливомъ расположеніи духа... Огромный кусокъ сахару, уложенный на лезвіяхъ двухъ перекрещенныхъ сабель, ронялъ съ гулкимъ шипѣніемъ свои золотистыя капли въ пылавшій подъ нимъ ромъ, могильно-фантастическій пламень котораго страннымъ образомъ отсвѣчивался на весело взиравшихъ на него молодыхъ, оживленныхъ лицахъ. Одинъ Костя Подозеринъ со своею стерляжьею физіономіей, безмолвно и внушительно помѣшивавшій въ кострюлѣ большою суповою ложкой, походилъ на какую-то каррикатуру Изидина жреца, совершающаго свои заклинанія при таинственномъ мерцаніи сіяющаго ему съ небесъ божества...

На противоположномъ мѣсту Духонина и друзей его концѣ стола помѣщалась другая группа, центромъ которой состоялъ блестящій петербургскій флигель-адъютантъ... Онъ попытался было послѣ ужина ускользнуть незримо изъ столовой, но его замѣтили. Неугомонный Водоводовъ кинулся за нимъ. „Mon cher, mon cher, куда ты?“ хрипѣлъ и гоготалъ онъ, цѣпляясь за его рукавъ, „за компанію Жидъ удавился; тутъ, братъ, выпивка сейчасъ, и свои гвардейцы, Шнабельбергъ, Подозеринъ, я. Не чванься предъ старыми камрадами!...“

Анисьевъ безпрекословно вернулся назадъ. Онъ съ глубокимъ пренебреженіемъ относился въ душѣ вообще къ „камрадству“ и въ особенности къ этому „Сенькѣ-пустой башкѣ,“ товарищу его по выпуску, но далеко отставшему отъ него теперь по службѣ, и „фамильярство“ котораго давно уже коробило его. Но тутъ былъ намекъ на „чванство“,—а этому, по его понятіямъ, „никакъ не надо было дать распространиться“... По выработанному Анисьевымъ ad usum suum кодексу житейской морали можно было утопить „тонкимъ путемъ“ служебное или общественное положеніе лучшаго друга, если-бъ этотъ другъ какимъ-либо образомъ сталъ тебѣ поперекъ дороги, но слѣдовало, рядомъ съ этимъ, держаться строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ, которыми обезпечивается званіе „добраго малаго“ и „товарища,“

столь цѣнимое въ томъ свѣтско-военномъ кругу, къ которому принадлежалъ Анисьевъ. Анисьевъ почиталъ себя вполнѣ въ правѣ смотрѣть на каждаго изъ сослуживцевъ своихъ, какъ на пѣшку, годную лишь для комбинаціи того или другаго хода собственной его игры, но зазнаваться предъ ничтожнѣйшимъ изъ нихъ онъ не дозволилъ бы себѣ уже потому только, что въ этой чертѣ „ближе всего сказывается un parvenu,“ а быть почитаемымъ за parvenu онъ боялся пуще грома небеснаго...

А потому, какъ ни мало расположенъ онъ былъ теперь пить въ этой компаніи людей, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать для себя никакой выгоды, ниже удовольствія, онъ сидѣлъ тутъ со Шнабельбергомъ, Сенькой и присоединившимися къ нимъ всякими московскими свѣтскими господами и, растегнувъ мундиръ, но сохраняя все то же сдержанное и изящное выраженіе, которымъ неизмѣнно отличалась его придворная особа, попивалъ шампанское изъ большаго стакана, стоявшаго предъ нимъ, и повѣствовалъ, къ величайшей потѣхѣ своихъ собесѣдниковъ, недавнюю пикантную исторію нѣкоей Florence, высланной изъ Петербурга за скандалъ, учиненный ею въ одномъ изъ тамошнихъ театровъ.

— Гундуровъ, говорилъ въ то же время Чижевскій, зацѣпляя кончикомъ ботинки ножку сосѣдняго, не занятаго стула и подвигая его къ подходившему къ нимъ герою нашему,—интересный споръ у насъ идетъ...

— О чемъ?

— О Венгерской кампаніи, промолвилъ Петя Толбухинъ съ лѣниво-насмѣшливымъ пожатіемъ плечъ, говорившимъ: и чортъ-ли въ ней!..

— Ну, да, да, заговорилъ Духонинъ, кивая на стоявшаго насупротивъ его дипломата,—онъ вотъ доказываетъ... Повтори то, что ты сейчасъ сказалъ: „Политика Россіи“...

Дипломатъ опустился на стулъ, закинулъ ногу за ногу и, глядя на кончикъ своего сапога, снисходительно повторилъ:

— Я говорилъ, что политика Россіи въ концѣ прошлаго вѣка... создала между раздѣлившими Польшу державами традиціонную солидарность, необходимымъ послѣдствіемъ кото-

рой является наше вмѣшательство въ дѣло возстанія Венгріи въ прошломъ году. C'est une nécessité historique.

— Мое почтеніе! Хороша историческая необходимость играть роль пугала, къ которому прибѣгаютъ чужеземныя правительства, когда оказываются сами не въ силахъ подавить исторически-законныя стремленія своихъ народовъ къ свободѣ, къ политической самостоятельности... За то и любятъ же насъ въ Европѣ и—возблагодарятъ насъ за нашу опеку при случаѣ!...

— Австріяковъ, дѣйствительно, не любятъ въ Венгріи, нѣсколько нежданно отозвался на это капитанъ Ранцовъ,—а насъ по всей землѣ ихней, можно сказать, вездѣ отлично-съ принимали, даже съ угощеніемъ.

Духонинъ не могъ не улыбнуться:

— Ну, а если бы вы пришли въ ту землю сражаться не за „Австріяковъ,“ а противъ нихъ, меньше или больше „угощали“ бы васъ тамъ, какъ вы полагаете?

Храбрый капитанъ нѣсколько опѣшилъ:

— Никаноръ Ильичъ, сказалъ ему смѣясь Гундуровъ,—а спросите-ка его въ вашу очередь, какъ онъ полагаетъ: если-бы вы помогли Венгерцамъ отстоять отъ Австріяковъ ихъ „политическую самостоятельность“, лучше или хуже стало бы жить тѣмъ не-Венгерскимъ народностямъ, которыя очутились бы подъ ихъ властью?

— Ну, само собою, кто о чемъ, а вы о Славянахъ,—и Духонинъ пожалъ плечами:—vous êtes orfèvre, o monsieur Josse!

Гундуровъ взглянулъ на него ласково улыбающимися глазами:

— О Славянахъ, любезный другъ, все о тѣхъ же достойныхъ всякаго вашего презрѣнія Славянахъ, которые, въ силу, надо думать, своей исторической отсталости, отстояли своего государя-Нѣмца противъ возставшихъ на него Нѣмцевъ-подданныхъ.

— Съ чѣмъ ихъ и поздравляю! возгласилъ, къ общему хохоту Духонинъ, комически разводя руками.

Дипломатъ, страдавшій катарромъ желудка, воспользовал-

ся случаемъ подняться съ мѣста и торопливо, съ позеленѣвшимъ и смущеннымъ лицомъ, выскользнулъ изъ залы...

— А и хорошенькая женщина эта Florence, говорилъ между тѣмъ на другомъ концѣ стола красивый полковникъ Шнабельбергъ,—я разъ съ ней ужиналъ у Владзи Броницкаго.

— Съ Marcellin Любарскимъ? спросилъ съ улыбкой графъ Анисьевъ.

— Ну да, ну да, расхохотался, словно ужасно обрадовавшись этому вопросу, Шнабельбергъ, очень дорожившій знакомствомъ съ людьми большаго свѣта,—онъ ее безъ себя никуда не пускалъ, Marcellin, съ видимымъ удовольствіемъ повторилъ это имя полковникъ,—влюбленъ былъ, можно сказать, до сумасшествія...

Анисьевъ небрежно качнулъ головой:

— Чего ужь, коли рѣшился удрать за нею за границу безъ позволенія.

— Нну-у! Можетъ-ли это случиться? вскрикнулъ Шнабельбергъ съ выраженіемъ совершеннѣйшаго ужаса на своемъ красивомъ и благочинномъ нѣмецкомъ лицѣ.

— Mon cher, mon cher, загоготалъ, кидаясь къ нему, „Сенька“ Водовозовъ, — неужели ты этого не зналъ?... А, Анисьевъ, до него не дошло, а!... Удралъ, mon cher, въ бочкѣ... именно, именно, въ бочкѣ! Когда Florence посадили въ часть, онъ сейчасъ же за паспартомъ. Ну, само-собою, не получилъ,—заранѣе приказано было. Онъ прямо въ Кронштадтъ, на американскій корабль, который тутъ стоялъ...

— На американскій корабль... эт-то ужасно! повторилъ, разводя руками, Шнабельбергъ.

— Его тамъ, чтобы скрыть, и посадили въ бочку... Я все это знаю подробно, хрипѣлъ, надрываясь хохотомъ, Водовозовъ, — а тамъ прежде скипидаръ былъ, и онъ чуть не задохся отъ вони... А, какъ ты находишь, mon cher, а! Ламуръ-то куда ведетъ, а?...

— Этто... этто даже совсѣмъ вѣрить нельзя, говорилъ все съ тѣмъ же благочиннымъ недоумѣніемъ Нѣмецъ-полковникъ,—чтобъ изъ такого государства, какъ наше оттечество, можно было удррать—онъ сильно наперъ на это слово,—безъ

вида отъ начальства, и даже въ бочка, гдѣ былъ прежде терпентинъ. Пфуй!...

— Господа, готово! громко возгласилъ Подозеринъ, зачерпывая своею ложкой горячую влагу жженки и медленно выливая ее опять въ кострюлю, въ которой послѣдними струйками индѣ еще пробѣгали синеватые огоньки алкоголя.

— Наливай, наливай, я раздавать буду!... отозвался „Сенька“, бросаясь къ нему съ мѣста, — а вы подайте сюда стаканы! крикнулъ онъ Толѣ и Свищову...

Духонинъ не угомонился между тѣмъ. Въ обыкновенное время онъ былъ всегда весьма сдержанъ, но вино возбуждало его къ спору и приставанію... Онъ вызвалъ Гундурова на новое преніе. Какъ ни поглощенъ былъ нашъ герой своимъ личнымъ чувствомъ, но это самое чувство подымало всего его и несло на какихъ-то побѣдныхъ крылахъ. Въ противоположность тому, что дано было ему прочувствовать предъ выступленіемъ его на сцену подъ траурнымъ плащомъ Гамлета, внутри его звучалъ теперь какой-то могучій мажорный аккордъ, возбуждавшій въ немъ никогда еще не испытанное имъ доселѣ въ такой степени сознаніе бодрости и силы... Неотступно стоялъ предъ нимъ обаятельный образъ княжны, шепталъ въ глубинѣ его мозга ея тихій, проницающій голосъ, — и все настойчивѣе просилась наружу, искала внѣшняго мотива эта тайная музыка счастія, переполнявшая его душу... Онъ до сихъ поръ уклонялся отъ серьезнаго препирательства съ Духонинымъ, ограничиваясь, какъ мы видѣли, шутливыми и поверхностными возраженіями. Но антагонистъ его коснулся основныхъ положеній той школы, къ которой принадлежалъ Гундуровъ, называя ихъ „произвольными“ и „не въ мѣру идеальными“, и Гундурову сказалось внезапно, что никогда еще эти положенія и этотъ самый „идеализмъ“, въ которыхъ упрекали ихъ, не были такъ дороги и близки его душѣ... Онъ весь загорѣлся на защиту ихъ. Горячія слова полились красно и свободно изъ его устъ. Онъ заговорилъ о „призваніи“, объ историческихъ и бытовыхъ особливостяхъ русской земли, о блестящемъ періодѣ до-татарской, Кіевской Руси, онъ доказывалъ, что съ перваго момента на-

шей исторіи указанъ былъ Россіи путь, совершенно иной, чѣмъ государствамъ Запада...

— Вы съ этимъ не можете не согласиться, говорилъ Гундуровъ,—не можете отвергать основательности нашихъ положеній...

— Это, то-есть, то, что „Западъ гніетъ“, а мы цвѣтемъ и благоухаемъ, яко кринъ сельный? спросилъ насмѣшливо Духонинъ.

— То, продолжалъ не смущаясь Сергѣй, — что въ основаніи западныхъ государствъ лежатъ — завоеваніе, вѣковая рознь племенъ, побѣдившаго и побѣжденнаго, борьба церкви съ гражданскою властью; въ основаніи государства русскаго—добровольно призванная народомъ власть, единство духа всей „земли“, и надъ „землею“—непричастная дѣламъ мірскимъ церковь, какъ высшая любовь... Любовь, повторилъ онъ съ невольнымъ повышеніемъ голоса и усиленнымъ блескомъ въ глазахъ.

— И застой, и болото, и мертвечина! горячо возражалъ *Западникъ*, Духонинъ;—вся культура, вся цивилизація человѣческая вышли изъ этой борьбы, отсутствіемъ которой у насъ вы такъ кичитесь. Въ вашемъ „единствѣ“, въ вашей „святости“ нѣтъ мѣста человѣку, развитію человѣческой личности! Ваша „земля“, ваша „община“, ваша „любовь“ засасывали или душили эту человѣческую личность въ продолженіе вѣковъ...

— Мы говорили въ дни Батыя,
Какъ на поляхъ Бородина:
Да возвеличится Россія,
И гибнутъ наши имена! *)

отвѣчалъ на это Гундуровъ цитатой изъ стихотворенія, только что написаннаго тогда и пользовавшагося большимъ сочувствіемъ въ лагерѣ, къ которому принадлежалъ онъ.—Смиреніе—сила, примолвилъ онъ, выражаясь словами, сказанными ему Линой въ первые дни ихъ знакомства, и счастливая улыбка пробѣжала при этомъ по его губамъ;—тотъ не пойметъ

*) *Разговоръ въ Кремлѣ*, стихотвореніе К. К. Павловой.

русской исторіи, кто не разумѣетъ, что сила эта легла въ основаніе жизни русскаго народа, что она составляетъ субстанцію его духа, его историческаго бытія...

Его прервалъ гудящій голосъ „Сеньки“ Водоводова, разносившаго стаканы со жженкой (слуги давно были всѣ отосланы):

— Mon cher, mon cher, господа, вкусите душеспасительнаго напитка!...

Капитанъ Ранцовъ воспользовался этимъ перерывомъ, чтобы подойти къ нашему герою:

— Позвольте пожать вашу руку, молвилъ онъ, восторженно сверкая глазами (у него также, у бѣдняги, пѣли въ этотъ вечеръ райскія птицы на душѣ);—никогда, могу сказать, не слышалъ-съ такихъ умныхъ словъ... а главное-съ, потому все правда... Смиреніе народа, любовь... „Святая Русь“, дѣйствительно-съ! заключилъ онъ, быстро смахивая рукавомъ сорочки слезу, нежданно набѣжавшую ему на глаза.

Гундуровъ пожалъ ему крѣпко руку, поднялъ со стола стаканъ жженки и чокнулся съ нимъ, а затѣмъ съ Духонинымъ...

И снова загорѣлся споръ... Предметомъ его теперь былъ Петръ и „петербургскій періодъ русской исторіи“, безъ чего не могло обойтись въ ту пору никакое подобнаго рода преніе. Кружокъ слушателей тѣснѣе пододвинулся къ нашимъ пріятелямъ. Примолкъ самъ „Сенька“, опустился на стулъ и и сталъ слушать, но сидѣвшій въ немъ дьяволъ гама и суеты поднялъ его съ мѣста черезъ пять минутъ и перекинулъ на другой конецъ стола, гдѣ Шнабельбергъ, съ умиленіемъ въ чертахъ, доказывалъ отставному Подозерину, что если-бъ онъ остался во второй гвардейской батареѣ, онъ еще въ прошломъ году произведенъ былъ бы по линіи въ штабсъ-капитаны, а въ нынѣшнемъ, вслѣдствіе открывшихся неожиданно трехъ полковничьихъ вакансій, „снялъ бы звѣздочки съ рогожки эполетъ“, то-есть, попалъ бы въ капитаны.

— Ну, mon cher, захрипѣлъ Водоводовъ, относясь къ Анисьеву:—такія ужъ тамъ умныя рѣчи ведутъ!...

— Кто это?

— А вотъ тамъ этотъ Гамлетъ и другой вотъ съ нимъ... Д-да,—онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, громчайшимъ образомъ вздохнулъ и принялся мрачно ерошить черные и лоснившіеся, какъ смола, волосы, росшіе густымъ лѣсомъ надъ его низколобымъ и узкоглазымъ татарскимъ лицомъ,—это не то, что̀ наше лагерное воспитаніе!

Анисьевъ поморщился:

— О чемъ же они?

— О Петрѣ Великомъ, mon cher, и такъ это, знаешь, à fond, какъ по книгѣ... Когда вдругъ этакъ невзначай натолкнешься на этихъ... университетскихъ, ученыхъ, тутъ и поймешь всю нашу пустоту, ничтожество, невѣжество наше, mon cher... Вѣдь что̀ мы всѣ, по правдѣ сказать?—онъ повелъ руками кругомъ,—de la chair à canon, больше ничего, mon cher...

— Parlez donc pour vous! досадливо тряхнувъ эполетомъ, проговорилъ на это флигель-адъютантъ, подымаясь съ мѣста.—А интересно послушать...

И онъ направился въ сторону Гундурова.

Всѣ такъ были заняты преніемъ, что и не замѣтили, какъ онъ присѣлъ на стулъ подлѣ Пети Толбухина, медленно, глотокъ за глоткомъ, опоражнивавшаго свой стаканъ жженки и все шире и шире улыбавшагося блаженною улыбкой, по мѣрѣ того, какъ сладостная влага переливалась изъ этого стакана въ его горло.

Жженка производила свое дѣйствіе и не на одного его. Все звончѣе слышался въ столовой гулъ голосовъ и смѣха. Свищовъ и Толя пили брудершафтъ съ артиллеристами подъ громкій аккомпаниментъ пѣсни: „Наливай, братъ, наливай!“ Шнабельбергъ зычно чмокался съ Подозеринымъ и, перекинувъ ему руку за плечо, хлопалъ его широкою ладонью по спинѣ, приговаривая плачущимъ голосомъ: „Старый камрадъ, старый камрадъ!“ Вальковскій, съ самаго начала попойки забившійся въ уголъ съ пріятелемъ своимъ, режиссеромъ, декламировалъ ему стихи изъ *Бориса Годунова*, и Сенька Водоводовъ, очутившійся теперь подлѣ нихъ и успѣвшій уже откинуть въ сторону всякую заботу о своей дѣйствительной

„пустотѣ и ничтожествѣ“, надрывался оглушительнымъ хохотомъ, глядя, какъ „фанатикъ“, страшно выпучивая налитые кровью глаза и неистово стуча кулачищемъ своимъ по груди, ревѣлъ какъ изъ бочки:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла...

Самый споръ пріятелей нашихъ принималъ болѣе возбужденный, болѣе нетерпѣливый оттѣнокъ. Чаще слышались въ голосахъ ихъ крикливыя ноты, чаще перебивали они себя и не давали другъ другу договаривать...

— Ну да, извольте, восклицалъ Духонинъ,—Кіевская Русь, я согласенъ... когда норманскіе конунги бились на моряхъ во славу русскихъ княженъ, когда Гаральды, Кануты... когда французскіе короли посылали за ними сватовъ въ городъ, гдѣ чуть-ли не болѣе было школъ, чѣмъ въ тогдашнемъ Парижѣ... А не ваши собиратели - кулаки, не ваши московскіе ханы!...

— Безъ нихъ не было бы Россіи, возражалъ Гундуровъ,— не было бы единственно свободнаго, самостоятельнаго славянскаго государства! Вы объ этомъ какъ бы знать не хотите, для васъ русская исторія словно начинается съ минуты основанія русскимъ царемъ нѣмецкаго города на болотахъ Ингріи.

— Именно, именно, вы не ошиблись, съ той минуты, когда этотъ царь, эта вѣнчанная сила генія спаиваетъ опять звенья цѣпи нашего общенія съ Европой, порваннаго четырьмя вѣками настоящей и московской татарщины...

— Какою цѣной, пылко молвилъ Гундуровъ,—какою цѣной? Измѣной землѣ, поруганіемъ народа, оторваннаго имъ отъ исконныхъ источниковъ его жизни... Онъ революціоннымъ путемъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева...

— Выраженіе, быть можетъ, нѣсколько рискованное! послышался голосъ графа Анисьева.

— Чего-съ?...

И Духонинъ, и Сергѣй одновременно обернулись на него, затѣмъ взглянули другъ на друга и сочувственно усмѣхну-

лись... *Этотъ* голосъ разомъ мирилъ ихъ и прекращалъ ихъ разногласіе...

Блестящій флигель-адъютантъ, улыбаясь, въ свою очередь, самымъ кроткимъ и любезнымъ образомъ и слегка помаргивая, глядѣлъ на нашихъ молодыхъ людей, растягивая во всю его длину свой изящный гвардейскій усъ.

— Извините, сказалъ ему Гундуровъ, — я не понялъ... Вамъ, кажется, что-то изъ сказаннаго мною не понравилось... Что̀ именно?

— Ахъ, помилуйте, воскликнулъ Анисьевъ,—я былъ бы совершенно несчастливъ, если бы вы такъ приняли слова мои... Вашъ разговоръ касается предмета, столь интереснаго для всѣхъ насъ... русскихъ людей, подчеркнулъ онъ, — и я позволилъ себѣ вмѣшаться въ него...

— Да. Такъ что̀ же вы именно замѣтили?

— Маленькую неточность, если вы мнѣ дозволите такъ выразиться... Говоря о Петрѣ Великомъ, вы сейчасъ употребили слово „революція", не такъ-ли? Не находите-ли вы сами это выраженіе, вырвавшееся у васъ, безъ сомнѣнія, нехотя въ пылу разговора, не совсѣмъ идущимъ къ дѣлу?

— Почему такъ? воскликнулъ Духонинъ.

— Les Robespierres дѣлаютъ *революціи*, но геніальный императоръ, каковъ былъ нашъ Великій Петръ, извлекшій свой народъ изъ тьмы невѣжества и, какъ вы прекрасно изволили выразиться, связавшій звенья нашей цѣпи съ Европой... Онъ произвелъ благодѣтельнѣйшую реформу, можно сказать, а не... а не „ре-во-люцію".

— Реформа, совершенная путемъ насилія, называется „ре-во-люціей", отвѣчалъ на это, подчеркивая, въ свою очередь, Гундуровъ.

— Сверху-ли, или снизу совершается она, все равно, прибавилъ Духонинъ.

Флигель-адъютантъ сложилъ губы въ ту же кроткую, но уже съ оттѣнкомъ многозначительности улыбку:

— Все зависитъ отъ того, что̀ мы будемъ разумѣть подъ „насиліемъ", промолвилъ онъ, подымая глаза на Гундурова.

Сергѣй взглянулъ въ эти моргавшіе, холодные и лживые

глаза и почувствовалъ вновь приливъ неодолимаго отвращенія къ этому человѣку:

— На это, проронилъ онъ, — сторонники Софьи Алексѣевны, стрѣльцы, старовѣры и окончательно закрѣпощенный Петромъ народъ русскій могли бы дать вамъ самый лучшій отвѣтъ.

— Вы, кажется, большой поклонникъ русской старины, замѣтилъ на это съ изысканною учтивостью графъ Анисьевъ,— позвольте вамъ замѣтить, что Іоаннъ Грозный, напримѣръ, со своею опричиной гораздо болѣе жестокостей дѣлалъ, чѣмъ Петръ Первый, не имѣя и половины его генія...

— Табель о рангахъ почище опричины!

— Браво! вырвалось у Факирскаго, жадно слѣдившаго за разговоромъ.

— Это точно-съ! захихикалъ за нимъ и капитанъ Ранцовъ.

Анисьевъ поглядѣлъ на нихъ искоса съ тутъ же сдержанною досадой во взглядѣ:

— Позвольте, какое же отношеніе?...

— Есть-то, есть! И Духонинъ, смѣясь, утвердительно закачалъ головой.

— Такое отношеніе, счелъ нужнымъ пояснить Гундуровъ,—что то, что въ художнической *) натурѣ Ивана было дѣломъ страсти, порывомъ страшнымъ, но временнымъ, исходитъ изъ холоднаго ума Петра въ формѣ, совершенно ясно опредѣленной, безпощадной регламентаціи. Регламентація эта нарождаетъ касту, цѣлое сословіе людей, оторванныхъ отъ земли, съ теченіемъ поколѣній все болѣе и болѣе становящихся чуждыми ей, до потери ими наконецъ уже всякаго пониманія, всякаго чутья народности. Создается положеніе безобразное, воскликнулъ Сергѣй (вся одіозность вынесенныхъ имъ изъ Петербурга впечатлѣній заговорила въ немъ въ этотъ мигъ съ новымъ, ноющимъ раздраженіемъ): — сверху эти оторванные отъ почвы, играющіе въ европейство высшіе классы, съ вашимъ петербургскимъ чиновничествомъ всякихъ

*) Извѣстное воззрѣніе К. Аксакова на Грознаго.

наименованій во главѣ, правящіе землей, какъ съ луны, презирающіе ее за вѣрность ея своимъ исконнымъ преданіямъ; внизу—настоящій, крѣпкій отъ корня народъ и за то самое подавленный, безгласный...

— Безправный, ввернулъ Духонинъ.

— Какіе же это „права“ желали бы вы ему предоставить? язвительно вырвалось на это у флигель-адъютанта.

— А самое простое, человѣческое право—не состоять у насъ съ вами на положеніи вещи или скота, отвѣчалъ насмѣшливо московскій Западникъ:

— Д-да-съ, протянулъ петербургскій дѣлецъ, — это, конечно, желаніе весьма... человѣколюбивое, и вы мнѣ можете сказать, что въ Европѣ давно... Но, къ сожалѣнію (онъ вздохнулъ), мы не Европа, и...

— И русскій народъ долженъ вслѣдствіе этого остаться закрѣпощеннымъ на вѣки вѣковъ? вскрикнулъ, весь покраснѣвъ отъ негодованія, Гундуровъ.

— Я этого не говорю-съ; но позволяю себѣ думать, что разсужденіе о такомъ серьезномъ предметѣ можно отложить до того времени, когда мы будемъ... plus civilisés, договорилъ флигель-адъютантъ уже съ нѣсколько строгимъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ну, конечно, горячо зазвучалъ голосъ Сергѣя,—изъ-за чего намъ безпокоиться! Какое намъ дѣло до этихъ милліоновъ нашихъ братій по Христу и крови, какое дѣло, что ихъ рабство позоритъ насъ еще болѣе, чѣмъ ихъ, и что при этомъ рабствѣ ваше „просвѣщеніе“ одинъ лишь звукъ ложный и пустой, — было бы только намъ хорошо, лишь бы на насъ лилась всякая земная благодать...

Онъ вдругъ сдержался, оборвалъ и отвернулся. „Не стòитъ!“ сказалось въ его мысли...

Графъ Анисьевъ обѣжалъ быстрымъ взглядомъ окружающія его лица... На всѣхъ ихъ онъ прочелъ полное одобреніе и сочувствіе къ прослушаннымъ имъ сейчасъ рѣчамъ.

— Да онъ въ самомъ дѣлѣ преопасный, этотъ Гамлетъ изъ профессоришекъ! сказалъ онъ себѣ, хмурясь и закусывая кончикъ уса.

Онъ всталъ, выпрямляясь всѣмъ своимъ высокимъ, стройнымъ станомъ и глядя черезъ голову Гундурова:

— Вы мнѣ позволите уклониться отъ дальнѣйшаго разговора! выговорилъ онъ внушительнымъ тономъ.

Духонинъ вскочилъ съ мѣста, въ свою очередь, и отвѣсилъ ему учтиво ироническій поклонъ, причемъ не совсѣмъ удачно шаркнулъ слабо уже повиновавшимися ему ногами.

— Мы должны тѣмъ болѣе сожалѣть объ этомъ, сказалъ онъ,—что сами мы вызывать васъ на разговоръ съ нами никогда бы не осмѣлились.

Петя Толбухинъ, ничего уже не слышавшій, но видѣвшій предъ собою подгибающіяся поджарыя колѣнки шаркающаго Духонина, уронилъ голову на свои скрещенныя на спинкѣ стула руки и залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ...

Блестящаго Петербуржца передернуло. Онъ повелъ кругомъ глазами съ невольнымъ смущеніемъ и какъ бы недоумѣвая, какъ слѣдовало отнестись ему къ отвѣту этому и къ этому смѣху...

Выручилъ Сенька Водоводовъ:

— Mon cher, mon cher, хрипѣлъ онъ, уже съ трудомъ шевеля языкомъ, несясь къ Анисьеву, — умора!... Пойдемъ, я тебѣ... покажу... Вотъ этотъ, вотъ (онъ тыкалъ рукой по направленію Вальковскаго, который, обнявъ пріятеля своего, режиссера, за шею, рыдалъ навзрыдъ, икалъ и причитывалъ: „Да, сорокъ тысячъ братьевъ тебя любить не могутъ такъ, какъ я!“) Готовъ, mon cher, совсѣмъ... готовъ! Пойдемъ, я тебѣ...

— Пойдемъ спать, давно пора! громко вымолвилъ флигель-адъютантъ, отстраняя его рукой, и твердою поступью, перекинувшись по пути нѣсколькими словами со Шнабельбергомъ и Подозеринымъ, вышелъ изъ столовой.

Шнабельбергъ, за которымъ поднялись и всѣ его артиллеристы, потянулъ за нимъ... Московскіе господа исчезли тоже... Зала стала пустѣть...

— Да развѣ все, что̀-ли? завылъ вдругъ Сенька, кидаясь къ кострюлѣ, въ которой варилась жженка, и погружаясь въ нее глазами.

— Все, все, отвѣчалъ ему Подозеринъ, тыкаясь туда-же своимъ стерляжьимъ носомъ, — все, до капли... вызюзили... А ты пріѣзжай обѣдать... къ Шна... къ Шнабельбергу... въ городъ... Анисьева провожаютъ. Можно будетъ у... устроить опять... и бан... чишку...

— Mon cher, mon cher... что жь онъ мнѣ, Нѣмчура проклятая, ничего... не сказалъ? Ѣду... сейчасъ... сейчасъ... За нимъ...

И, цѣпляясь за стулья и столы, онъ побѣжалъ къ дверямъ...

— И меня возьми, и меня! крикнулъ ему вслѣдъ Свищовъ, вскакивая изъ-за стола, у котораго сидѣли они съ Толей Карнауховымъ.

— И я, слабо пискнулъ за нимъ студентъ, у котораго голова совсѣмъ уже моталась на плечахъ.

— А ты спи, телецъ! захохоталъ Свищовъ, толкая его ладонью въ затылокъ.

Толя упалъ носомъ на столъ и тутъ же заснулъ сномъ младенца.

— „Любимцы гвардіи, гвардейцы, гвардіонцы“, читалъ на распѣвъ тѣмъ временемъ Духонинъ, подражая голосу актера Ольгина, игравшаго въ ту пору роль Скалозуба на Московской сценѣ. — А вѣдь хорошъ, Гундуровъ, а? хорошъ? захихикалъ онъ, подмигивая по направленію двери, за которою исчезъ флигель-адъютантъ.

Гундуровъ разсѣянно повелъ плечомъ: его мысли были уже далеко отъ предмета, о которомъ онъ сейчасъ такъ горячо спорилъ...

— А скажите пожалуйста, спросилъ онъ, вспомнивъ вдругъ и озираясь,—что это Ашанина не видно, куда онъ дѣлся?

— А у него страшно голова разболѣлась, отозвался капитанъ Ранцовъ,—мы съ нимъ тутъ вмѣстѣ ужинали, ничего даже ѣсть не могъ: какъ встали, онъ спать ушелъ... Ольга Елпидифоровна Акулина, примолвилъ онъ съ засіявшимъ лицомъ,—„Суркомъ“ его даже прозвали, потому онъ говорилъ, что всѣ болѣзни у него сномъ проходятъ...

— Господа, заголосилъ вдругъ Духонинъ, подымаясь и

тутъ же падая опять на стулъ,—мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу...

— Погибъ на полѣ чести! расхохотался Чижевскій, помогая ему приподняться опять.—Отведите его zu Haus, Гундуровъ, а мы съ капитаномъ остальныхъ убитыхъ приберемъ...

— Ничего-съ, отличнѣйшіе дебаты сегодня были! заключилъ Факирскій, подхватывая Духонина подъ другую руку...

Былъ шестой часъ утра; все въ домѣ уже спало мертвымъ сномъ... Только во флигелѣ, гдѣ помѣщался театръ, въ полутемномъ корридорѣ, въ концѣ котораго подымалась узенькая лѣстница въ верхній этажъ, слышался шопотъ двухъ молодыхъ голосовъ:

— Еще одинъ... послѣдній на прощанье...

— Милый, довольно, пусти... Боже мой, что̀ ты сдѣлалъ со мной! И я, безумная...

— О, прости, прости! Ты такъ хороша, я... Ты сердишься?

— Нѣтъ, не знаю, я... я счастлива. Но ты помнишь, ты обѣщалъ... Ты сдержишь?... Не ищи, не соблазняй опять!... Милый, да? Никогда, никогда больше?...

— Обѣщалъ... сдержу!... А ты, ты меня забудешь?...

— „Тебя-ль забыть“, *) изнемогающими отъ нѣги звуками прозвенѣли у самаго уха счастливца очаровательныя ноты груднаго контральто, и горячій, послѣдній поцѣлуй ожегъ его губы.

— Ольга, божество мое!...

Онъ охватилъ ея упругій, трепетавшій сквозь легкія ткани подъ его рукою станъ... Но она вырвалась изъ его объятій,—и легкій шумъ ея торопливыхъ шаговъ замолкъ чрезъ мигъ на поворотѣ лѣстницы...

---

*) Извѣстный цыганскій романсъ.

XI.

На цѣлый часъ позднѣе обыкновеннаго проснулась на другой день аккуратная княгиня Аглая Костантиновна и, послѣ обычныхъ омовеній, облекшись въ широкій утренній пеньюаръ, усѣлась причесываться къ зеркалу и потребовала къ себѣ Витторіо со счетами. Итальянецъ явился съ вытянутымъ и строгимъ лицомъ, заранѣе предчувствуя бурю и готовясь къ ней... Дѣйствительно, княгиня такъ и ахнула, взглянувъ на цифру поданнаго имъ расхода за минувшій день: на одинъ столъ съ винами истрачено было болѣе полуторы тысячи рублей, одного шампанскаго выпито до ста бутылокъ...

— A la campagne! вскликнула Аглая, ужасаясь почему-то, что въ деревнѣ можно было пить столько же, сколько въ городѣ,—il n'y a que les Russes capables de ça!

Прибавляя къ этому издержки на театръ, освѣщеніе и иные второстепенные расходы, вчерашній день обходился ей въ четыре тысячи рублей слишкомъ.

— Seize mille francs! перевела она себѣ громко по-французски, воззрясь укорительно на безмолвно стоявшаго предъ нею Витторіо,—c'est effrayant!

— Tout est cher dans ce pays, проговорилъ съ достоинствомъ мажордомъ, приподнимая плечи.

Началось слишкомъ знакомое ему и надоѣвшее ему до смерти кропотливое, сопровождаемое всякими взвизгиваніями и придирками перебираніе княгинею каждой копѣйки его счетовъ, кончавшееся обыкновенно тѣмъ, что выведенный изъ терпѣнія Итальянецъ объявлялъ ей, что „если madame la prin-

cesse сомнѣвается въ его безкорыстіи и усердіи, онъ съ своей стороны готовъ сегодня же отойти отъ нея", а madame la princesse, испугавшись этой угрозы, принималась улыбаться и томно упрекать его за его „mauvais caractère", послѣ чего брала перо и, съ неизмѣннымъ вздохомъ, подписывала ордеръ о полученіи имъ уплаты по счетамъ изъ ея конторы.

То же произошло и теперь, съ тою только разницей, что, въ виду значительности суммы, княгиня вздохнула такъ, какъ будто вздохъ этотъ исходилъ уже не изъ груди, а изъ самаго желудка ея и, молча, забывъ упрекнуть Витторіо въ его „дурномъ характерѣ", подписала его счеты и меню повара и отпустила величественнымъ мановеніемъ руки.

Затѣмъ, оставшись одна со своими горничными, Аглая Константиновна, поводя мелкимъ гребнемъ по своимъ густымъ, „en arc de Cupidon" бровямъ, стала разсуждать, что день рожденія Лины обошелся ей такъ дорого, что она затѣяла этотъ театръ и танцы изъ-за того только, чтобъ имѣть предлогъ пригласить въ Сицкое „ce jeune comte", который такъ неожиданно вчера за ужиномъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ... При этомъ воспоминаніи черепаховый гребешокъ тревожнѣе замахалъ по „arc de Cupidon" Аглаиныхъ бровей: ее ужасала вся та экстраобычная умственная работа, которая ожидала ее въ этотъ день... Ей предстояло непремѣнно объясниться съ нимъ, „lui expliquer tout cela"... Но, къ несчастію, она до сихъ поръ никакъ не могла составить себѣ понятіе, что̀ именно это „cela", что̀ должна она объяснить ему, а потому перешла къ соображенію о томъ, почему Лина не танцовала съ нимъ мазурки вчера, и что можетъ-ли въ самомъ дѣлѣ быть, чтобъ этотъ „jeune comte, un si beau parti", ей не нравился?... „Il faut aller au fond des choses", съ нѣкоторою мрачностью говорила себѣ наша княгиня, предвидя, что для этого надо поговорить серьезно съ дочерью,—чего она изъ какой-то инстинктивной боязни избѣгала всегда, когда могла это сдѣлать... Внезапная мысль осѣнила вдругъ многодумную голову ея:

— Прежде всего надо спросить Ольгу. C'est une fine mouche, она навѣрное все знаетъ!...

И, обратившись къ первой камеристкѣ своей „Lucrèce“, закалывавшей ей косу шпильками:

— Сходи сейчасъ къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ и попроси ихъ ко мнѣ! сказала она.

Горничная вернулась съ отвѣтомъ, что „Ольга Елпидифоровна еще почиваютъ и не велѣли себя будить къ первому завтраку, потому очень устали отъ танцевъ и должны играть на театрѣ сегодня вечеромъ,—а въ *будуарѣ* Надежда Ѳедоровна и спрашиваютъ, могутъ-ли видѣть ваше сіятельство?“

Княгиня слегка нахмурилась:

— Первый завтракъ я велѣла сервировать сегодня въ двѣнадцать часовъ: могла бы, кажется, подняться къ этому времени... А Надеждѣ Ѳедоровнѣ скажи, чтобы подождала,—я выйду, примолвила Аглая, допускавшая не всѣхъ къ тайнамъ своего туалета.—А мои шлейфы и прочее, что̀ я давала имъ двумъ надѣвать вчера для театра, получила ты въ цѣлости?

— Въ аккуратѣ, ваше сіятельство... И отъ Евгенія Владиміровича Зяблина бриллiанты и все прочее сейчасъ все принесли по счету.

— Ну, у этого не пропадетъ ничего... И стоявшее предъ нею зеркало отразило не то счастливую, не то смущенную улыбку, заигравшую при этомъ имени на крупныхъ губахъ Аглаи.

— Первѣющій баринъ насчетъ всего-съ, прошептала на это, даже прижмурившись отъ избытка чувства, насквозь видѣвшая свою барыню, не высокая, съ плутовскимъ выраженіемъ курносаго, не дурнаго лица и непомѣрно развитою грудью, прожженная, что̀ говорится, „Lucrèce“...

— Что̀ вамъ, ma chère? спросила затѣмъ, окончивъ свой туалетъ и входя въ будуаръ, княгиня ожидавшую ее тамъ Надежду Ѳедоровну.—Ah, mon Dieu, что̀ съ вами, вы больны? вскрикнула она даже, внезапно пораженная восковымъ цвѣтомъ губъ, желтизною лица и опухшими вѣками стоявшей предъ нею особы.

— Я двѣ ночи не спала и... извините, princesse... не могу стоять, разбитымъ голосомъ проговорила дѣвица Травкина,

безсильно падая въ кресло, съ котораго только что встала поклониться княгинѣ.

— Ah, mon Dieu, вы совсѣмъ, совсѣмъ больны, испуганно возгласила та,—надо скорѣй за докторомъ... Велите сейчасъ, je vous prie, запречь старую маленькую коляску и послать за нимъ въ городъ. Ему надо непремѣнно посмотрѣть васъ. Vous avez peut-être quelque maladie contagieuse!... И она всѣмъ грузнымъ тѣломъ своимъ подалась назадъ, какъ бы собираясь бѣжать...

— Не тревожьтесь, княгиня, съ горько-ироническою улыбкой возразила Надежда Ѳедоровна,—болѣзнь моя не заразитъ никого изъ счастливыхъ вашего дома... Я не тѣломъ, я душой больна, добавила она чуть слышно:—за докторомъ посылать безполезно, но я была бы вамъ очень благодарна, если бы вы мнѣ дозволили велѣть запречь коляску... или какой вамъ угодно экипажъ, для меня собственно...

— Для васъ? Вы хотите ѣхать? Куда?

— До ближайшаго мѣста, гдѣ я могла бы взять почтовыхъ или нанять лошадей въ Москву...

— Въ Москву? Mon Dieu, mais pourquoi? ошеломленно спрашивала Аглая Константиновна.

Компаньонка приложила руку къ груди, вздохнула, низко опустила голову и, вскинувъ ее чрезъ мигъ опять вверхъ, взглянула прямо въ глаза княгини, какъ бы желая не упустить ничего изъ того впечатлѣнія, какое должны были произвести ея слова:

— Я пришла проститься съ вами, княгиня... проститься навсегда, повторила она, подчеркивая.

— Проститься! Vous nous quittez!

— Да, я не могу... я должна, я обязана! торопливо повторяла дѣвица Травкина, какъ-бы заранѣе протестуя противу всякаго уговариванія ея остаться.

— Я не понимаю ce que vous entendez par là, ma chère Надежда Ѳедоровна, промолвила, надувъ губы, княгиня:—j'ai toujours été très polie съ вами, жалованье ваше вы получали даже всегда впередъ, et deux fois l'an de très beaux cadeaux toujours...

— Я вамъ очень благодарна, очень благодарна вамъ и всѣмъ вашимъ, прервала ее та,—и повѣрьте, что рѣшеніе мое оставить васъ нисколько не происходитъ отъ того, чтобы мнѣ было дурно здѣсь... Мнѣ многое здѣсь дорого было,—искреннее чувство зазвучало рыданіемъ въ голосѣ бѣдной дѣвы,—я любила Лину, какъ сестру... и никогда, никогда ея не забуду... А ваши подарки, какъ бы припомнила она съ новымъ взрывомъ горечи,—я ихъ оставлю, раздамъ въ вашемъ же домѣ... Тамъ, куда я иду, тамъ этого ничего не нужно...

— Не нужно? Княгиня даже вспыхнула вся.—Вы надѣетесь, что вамъ будутъ давать тамъ больше, чѣмъ я, et que vous pouvez faire fi de mes cadeaux?

Надежда Ѳедоровна не то печально, не то презрительно пожала плечами:

— Богъ даетъ то, чего не въ состояніи дать никто изъ живущихъ, проговорила она, подымая съ нѣкоторою театральностью глаза въ потолокъ:—онъ даетъ страждущей душѣ успокоеніе и миръ.. Я иду въ монастырь, княгиня! заключила она какъ-бы черезъ силу...

Круглые зрачки Аглаи Константиновны непомѣрно расширились:

— Въ монастырь! повторила она:—vous voulez entrer au couvent?...

Надежда Ѳедоровна, молча, повела головой сверху внизъ.

Та поглядѣла на нее, поглядѣла и вдругъ сообразила:

— C'est encore ce Hamlet, je suis sûre, который посылаетъ всѣхъ въ монастырь! вскликнула она, всплеснувъ руками.—Надежда Ѳедоровна, ma chère, я васъ считала всегда такою умною!... Я даже не понимаю, какъ слова d'un personnage какой-нибудь драмы,—des conseils très bêtes qu'il donne, я нахожу, quoique la pièce soit de Shakespeare, какъ это можетъ сводить васъ съ ума и заставляетъ дѣлать une bêtise comme cela!...

Какъ ни была мало расположена къ веселости Надежда Ѳедоровна, но эта комическая рѣчь вызвала невольную усмѣшку на ея поблеклыя губы.

— Гамлетъ никакого вліянія на меня не имѣлъ, княгиня, тихо промолвила она тономъ горестной шутки:—въ немъ нѣтъ той любви, которая заставляетъ принимать тѣ или другія слова человѣка на вѣру.

— „Ah, mon Dieu“, произнеслось теперь въ головѣ Аглаи новое умозаключеніе,—„elle est amoureuse de ce monsieur Goundourof!“... Она воззрилась участливыми глазами на сидѣвшую предъ ней перезрѣлую дѣвицу и заговорила тѣмъ мягкимъ, увѣщевательнымъ голосомъ, какимъ говорятъ съ больными или съ дѣтьми.

— Mais aussi, ma chère Надежда Ѳедоровна, зачѣмъ же требовать невозможнаго!... Il faut être raisonnable! Вы хотите, чтобы человѣкъ васъ любилъ. Mais songez donc, онъ гораздо моложе васъ, et puis malheureusement у васъ гроша нѣтъ, ma chère...

Болѣзненнымъ, лихорадочнымъ румянцемъ покрылось все лицо бѣдной дѣвы. „Это объ Ашанинѣ; княгиня все знаетъ, Ольга передала ей все!“ поняла она...

Она поднялась на ноги:

— Пощадите меня, княгиня!... Упреки ваши безполезны... Я покидаю вашъ домъ!...

— Mais, ma chère, я васъ ни въ чемъ не упрекаю! растерянно возразила Аглая,—les sentiments sont permis à tout le monde... Если вы желаете впрочемъ непремѣнно оставить меня, перебила себя она, принимая снова обиженный видъ,—я васъ не могу удерживать насильно. Я только надѣюсь, что вы останетесь, пока я найду кого-нибудь замѣнить васъ?

— Ни одного дня, ни одного часа долѣе! пылко вскрикнула Надежда Ѳедоровна:—если вамъ не угодно будетъ приказать дать мнѣ сейчасъ лошадей, я пѣшкомъ убѣгу отсюда...

И, шатаясь, невѣрными, но быстрыми шагами она вышла изъ будуара... Добравшись до лѣстницы, она отъ изнеможенія должна была присѣсть на ступеньку:

— Смиренія, Господи, о смиреніи молю тебя, Отецъ небесный! прошептала она, сознавая, что этого „смиренія“, которое такъ красиво рисовалось предъ нею предъ входомъ въ

будуаръ княгини, не хватило у нея на все теченіе предыдущаго разговора и чувствуя вслѣдствіе того смертельную охоту заплакать... Но слезы не пришли на этотъ разъ:—она словно всѣ ихъ выплакала за эти два дня... Она встала и, тяжело опираясь рукой на перила, поднялась въ верхній этажъ. Она шла къ Линѣ—прощаться...

— L'amour lui a complètement tourné la cervelle! разсудила княгиня, проводивъ глазами бѣдное созданіе, уходившее во мракъ кельи отъ жизни, отъ которой ждала она дѣйствительно только „невозможнаго" романа... — Mais quelle indélicatesse! сказала себѣ затѣмъ Аглая, — оставить меня такъ, вдругъ, когда у меня еще никого нѣтъ въ виду на ея мѣсто... Надо будетъ сказать Ольгѣ, чтобъ она теперь разливала чай et tout le reste... Но эта Ольга est une dormeuse et une étourdie: она никогда не будетъ такъ аккуратна... Только что встала я сегодня—и уже двѣ такія непріятности: ce gros compte de Vittorio и вотъ это опять...

И Аглая Константиновна, раздумчиво сжавъ брови, закачала своею жирною, лоснившеюся головой... Несчастная, она и не догадывалась, что это все были одни цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками, которыя ожидали ее въ этотъ день...

На низенькомъ столѣ у низенькаго дивана, обычнаго мѣста ея сидѣнья, вошедшій съ подносомъ личный камердинеръ ея сіятельства, имѣвшій одинъ изъ слугъ право проникать въ святилище ея внутреннихъ аппартаментовъ, уставлялъ въ это время чайный приборъ со всѣми его принадлежностями. Княгиня машинально повела взглядомъ въ эту сторону, и набѣжавшія морщины на половину сгладились съ ея чела. Этотъ объемистый, круглый, сверкающій своею серебряною гладью tea kettle, *) съ весело пылавшимъ подъ нимъ въ канфоркѣ спиртовымъ огнемъ, вызвалъ въ ней мысль о Зяблинѣ, съ которымъ неизмѣнно пила она чай въ эти часы.

— Il n'est pas encore là, подумала она и только-что собралась приказать камердинеру „сходить за Евгеніемъ Вла-

*) Чайный котелъ.

диміровичемъ“, какъ дверь изъ будуара въ „ситцевый кабинетъ“ полуотворилась и кто-то выглянулъ изъ-за нея...

— Entrez, entrez! громко возгласила княгиня.

— Можно? спросилъ чей-то голосъ,—но это не былъ голосъ Зяблина.

Княгиня прищурилась—и привстала...

XII.

Вошла Софья Ивановна Переверзина.

Легкая досада, а еще болѣе удивленіе сказались въ первую минуту на лицѣ Аглаи Константиновны. Но она тотчасъ же приняла радостно-любезный видъ и пошла на встрѣчу своей гостьѣ.

— Chère madame, какъ я рада васъ видѣть! Vous venez prendre le thé avec moi, n'est-ce pas?

— Я сейчасъ пила у себя, благодарю васъ, молвила въ отвѣтъ Софья Ивановна. Она была блѣдна, и руки ея были холодны...

— J'espère que vous allez bien? замѣтивъ это, подавая ей руку, спросила тономъ участія и безпокойства хозяйка.

— Я здорова, спасибо вамъ!... Извините, что обезпокоила васъ такъ рано, но я... Мнѣ необходимо было видѣть васъ, выговорила съ видимымъ усиліемъ надъ собою госпожа Переверзина.

— Mais asseyez vous donc, chère madame, приглашала ее княгиня, усаживаясь сама за чайный столикъ:—мы, кажется, съ вами только однѣ въ домѣ на ногахъ въ этотъ часъ. Уже девять скоро, а всѣ, les dames et les messieurs, послѣ нашихъ вчерашнихъ удовольствій всѣ еще въ постеляхъ. N'est-ce pas que cela a bien réussi hier?... Le messieurs ont fait une жженка après souper... Вы впрочемъ ушли къ себѣ сейчасъ послѣ спектакля, — я такъ жалѣла! Le bal a été vraiment charmant. И графиня Воротынцева такъ рано уѣхала... Quelle femme charmante, n'est-ce pas?

— Очень мила, коротко подтвердила Софья Ивановна.

— „La bonne femme a décidément oublié son français“, сказала себѣ Аглая, видя, что ея гостья настойчиво отвѣчала русскою рѣчью на ея французскую болтовню.

Тѣмъ болѣе изумлена была она, когда въ это же время гостья эта, взглянувъ на стоявшаго въ ожиданіи приказаній въ нѣкоторыхъ шагахъ отъ нихъ слуги, обратилась къ ней на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ со слѣдующими неожиданными словами:

— Я пришла, княгиня, переговорить съ вами объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, а потому буду просить васъ подарить мнѣ полчаса бесѣды *наединѣ*, подчеркнула она. — Я была бы вамъ очень благодарна, если бы на это время вы дали приказаніе, чтобы намъ никто не помѣшалъ.

— C'est donc bien sérieux? съ нѣкоторымъ испугомъ спросила Аглая.

— Въ противномъ случаѣ я бы васъ не безпокоила, отвѣтила гостья.

Хозяйка со вздохомъ обратилась къ камердинеру:

— Ты можешь итти, Ѳиногенъ, и, пока я не позвоню, никого сюда не принимать!...

— Слушаю-съ, почтительно склонивъ голову, проговорилъ слуга, двинулся нерѣшительнымъ шагомъ по направленію двери и, не доходя до нея, обернулся, въ видимомъ намѣреніи сдѣлать какой-то вопросъ.

Аглая поняла:

— Никого! повторила она, торопливо махнувъ ему рукой и слегка краснѣя... Ей показалось почему-то неудобнымъ, чтобы предъ Софьею Ивановной произнесено было теперь имя Зяблина.

Онѣ остались вдвоемъ.

— Eh bien, chère madame? начала первая хозяйка, прерывая наставшее молчаніе.

Софьѣ Ивановнѣ, очевидно, было трудно приступить къ разговору... Она медленно вытащила табакерку изъ-подъ своей шведской перчатки и дрожащими пальцами ущипнула въ ней щепоть...

— Я пришла переговорить съ вами о моемъ племянникѣ, выговорила она внезапно съ рѣшимостью человѣка, кидающагося въ студеную воду, выпуская табакъ изъ этихъ пальцевъ и судорожно захлопывая крышку табакерки.

„Ah, mon Dieu, c'est pour ce sot amour de Надежда Ѳедоровна, sans doute!“ тотчасъ же сообразила многодумная Аглая Константиновна. И, принявъ игривый видъ:

— Она только что предъ вами ушла отъ меня, прошептала она, подмигивая и нагибаясь черезъ столъ къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Кто, княжна? недоумѣло воскликнула та.

— Ma fille? не менѣе недоумѣло воскликнула и Аглая.

— Mais non, я говорю о Надеждѣ Ѳедоровнѣ, ma demoiselle de compagnie, вы ее знаете...

— Что̀ же общаго между вашею компаніонкой и моимъ племянникомъ? недовольнымъ тономъ быстро проговорила госпожа Переверзина.

— Vous ne savez pas? Она совсѣмъ съ ума сошла, cette pauvre Надежда Ѳедоровна... Сейчасъ пришла мнѣ сказать, qu'elle me quitte и идетъ въ монастырь, и когда я ее спросила, что̀ заставляетъ ее faire cette bêtise, она мнѣ отвѣчала, что le prince Hamlet никогда ее не любилъ... Вы понимаете, c'etait monsieur Serge qui jouait le rôle?...

— Княгиня, прервала ее Софья Ивановна, — все это похоже на дурную шутку, и если компаніонка ваша, дѣйствительно, говорила вамъ то, что̀ вы мнѣ передаете, она въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая... или ужь черезчуръ лукава, примолвила тетка Сергѣя, вспоминая разговоръ свой съ Ашанинымъ о его жертвѣ. — Во всякомъ случаѣ вы не сомнѣваетесь, надѣюсь, что племянникъ мой здѣсь ни при чемъ...

— Ah, mon Dieu, je sais bien, что тутъ ничего не можетъ быть, закивала Аглая:—она его гораздо старше, et puis elle n'a pas le sou, la malheureuse.

Какъ ни хотѣлось Софьѣ Ивановнѣ приступить скорѣе къ „дѣлу“, она сочла нужнымъ возразить противъ этой послѣдней фразы.

— Я позволю себѣ замѣтить вамъ, княгиня, что сообра-

женіе о деньгахъ не существуетъ для моего племянника; онъ въ нихъ, во-первыхъ, не нуждается, а во-вторыхъ...

Она оборвала вдругъ, поглядѣла на княгиню, погрузила еще разъ пальцы въ табатерку и, еще разъ выпустивъ изъ нихъ табакъ:

— Я пришла вамъ сказать, быстро проговорила она, — что онъ... что Сергѣй любитъ вашу дочь...

— Votre neveu? Il aime Lina, ma fille! съ ужасомъ пролепетала Аглая, отчаянно хлопая глазами.

— Да, и я имѣю честь просить у васъ руки ея для него, заключила Софья Ивановна торопливо и рѣшительно, какъ бы говоря себѣ: перчатка брошена, а теперь посмотримъ!...

Аглая Константиновна поражена была до того, что долго не могла собраться съ мыслями. Она уперлась глазами въ лицо своей собесѣдницы съ такимъ выраженіемъ, будто старалась допытаться въ немъ, не въ шутку-ли было сказано то, что̀ дано ей было сейчасъ услышать... И вдругъ, къ немалому изумленію Софьи Ивановны, поднесла платокъ къ собственному лицу и громко всхлипнула:

— Madame Pereverzine, тономъ глубокой обиды промолвила она,—j'ai été toujours si polie envers vous, что̀ я вамъ сдѣлала pour que vons m'offensiez comme cela?

Софья Ивановна такъ и привскочила:

— Я оскорбляю васъ? Предложеніе мое вы принимаете за оскорбленіе!... Не потрудитесь-ли вы объяснить мнѣ, что̀ вы понимаете подъ этимъ, княгиня? добавила она спокойнѣе, сдерживаясь, насколько позволялъ ей только ея пылкій характеръ, между тѣмъ какъ багровыя пятна, обычные признаки внутренняго волненія въ ней, выступали на ея лицѣ.

— Вы должны сами знать, madame Pereverzine, отвѣчала Аглая тѣмъ же плачущимъ голосомъ,—что дочь моя, une princesse Schastounof, которой я даю пятьсотъ тысячъ—deux millions de francs, перевела она сквозь слезы, — въ приданое, кромѣ ея законной части въ имѣніи отца, что такая невѣста peut faire un parti plus beau, чѣмъ выходить за monsieur Гундурова.

— Этотъ „monsieur Гундуровъ“, обидчиво въ свою очередь

воскликнула теперь его тетка,—ведетъ свой родъ отъ того же корня, что̀ и князья Шастуновы, и не уступаетъ слѣдовательно дочери вашей по рожденію. Что̀ же касается ея богатства, то я уже вамъ сказала, что Сергѣй равнодушенъ къ деньгамъ и, повѣрьте, что онъ и я мы были бы счастливы, если-бъ онъ могъ получить княжну Лину безо всякаго приданаго.

Княгиня иронически усмѣхнулась на это заявленіе и многозначительно затѣмъ повела головой:

— Permettez, chère madame Pereverzine, замѣтить вамъ, что ma fille и monsieur Гундуровъ совсѣмъ не одно и то же. Elle est titrée et lui est un *simple* (она хотѣла сказать *простой*, то есть не титулованный дворянинъ; не смотря на свой неизмѣнный французскій языкъ, у нашей княгини прорывались иной разъ такіе невѣроятные руссизмы)... Et puis у него никакого position dans le monde... Потому что вы понимаете, chére madame, фыркнула она уже совсѣмъ высокомѣрно,— что я никогда не позволю, чтобы дочь моя, la princesse Lina, сдѣлалась какою-нибудь Frau Professorin, comme en dit en Allemagne!...

„Я всего этого ожидала, и потому сердиться было бы смѣшно, тѣмъ болѣе, что ужь очень она забавна въ своей глупости“, молвила себѣ, между тѣмъ, Софья Ивановна, глядя на окончательно расходившуюся Аглаю и смиряя такимъ разсужденіемъ клокотавшее въ ней самой чувство негодованія противъ этой агрессивной, оскорблявшей ее глупости... И громко:

— Все это очень можетъ быть, Аглая Константиновна, выговорила она это имя и отчество съ такимъ оттѣнкомъ интонаціи, что та ёрзнула на своемъ диванѣ, словно уколотая вылѣзшею оттуда булавкой,—но мы съ вами дожили до того вѣка, когда рѣшать судьбу дѣтей безъ ихъ спроса родителямъ уже не приходится... Увѣрены-ли вы, что княжна Елена Михайловна раздѣляетъ ваше презрительное мнѣніе о профессорскомъ званіи?

— О, съ этой стороны я совершенно спокойна, воскликнула, раздувъ ноздри, княгиня: — Lina se sent trop bien née pour descendre à une mésalliance!...

Софья Ивановна помолчала... То, что̀ приходилось ей сказать сейчасъ, должно было, она знала, отозваться для княжны Лины, которая такъ дорога была ей, цѣлымъ рядомъ мучительныхъ дней борьбы, оскорбленій, слезъ... Ея губы внезапно побѣлѣли и дрогнули.

— Вы, повидимому, княгиня, не совсѣмъ точно знакомы съ понятіями и желаніями вашей дочери, сказала она съ невеселою усмѣшкой:—я должна вамъ сказать, что я съ дозволенія княжны Елены Михайловны прошу у васъ ея руки для племянника моего, Сергѣя Михайловича Гундурова.

Аглая и перепугалась, и разгнѣвалась въ одно и то же время:

— Mais c'est affreux, что̀ вы мнѣ говорите!... Je n'aurais jamais crû cela de vous, madame Pereverzine! чуть не кричала она, вся красная...—По тому, что я позволила моей дочери играть на сценѣ съ вашимъ племянникомъ, il s'est imaginé, и вы тоже, какъ я вижу, qu'il pouvait prétendre à sa main... Вы воспользовались неопытностью, de l'inexpérience et de la trop grande bonté de ma pauvre enfant, всплакнула она еще разъ при этомъ,—чтобы выманить у нея какое-то согласіе...

— Княгиня, довольно! остановила ее Софья Ивановна, сама вся дрожа отъ несдержаннаго гнѣва:—вы забываете, что вы у себя и что я ваша гостья... Оправдываться я предъ вами не стану,—вы бы не поняли меня, полагаю, проронила она съ вырвавшимся у нея помимо воли оттѣнкомъ презрѣнія,—а способна-ли я „выманивать“ и пользоваться чьею-либо „неопытностью“, можетъ вамъ сказать beau-frère вашъ, князь Ларіонъ Васильевичъ, къ которому я и пойду сейчасъ переговорить окончательно объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ дальнѣйшій разговоръ съ вами, княгиня, былъ бы, я вижу, по меньшей мѣрѣ, безполезенъ, докончила тетка Гундурова, вставая съ мѣста, и, поклонившись хозяйкѣ, направилась къ двери.

Та вдругъ струхнула... Тонъ Софьи Ивановны, переписка ея „avec feu l'Impératrice mère“, вчерашняя крайняя любезность съ нею графини Воротынцевой и наконецъ перспектива „d'une scène affreuse avec Larion“ изъ-за нея,—все это разомъ нагрянуло въ многодумную голову нашей княгини и

поразило ее нѣкіимъ ужасомъ... Она кинулась за своею гостьей:

— Mais ma chère madame Pereverzine, pourquoi est ce que vous vous fâchez? Я ничего обиднаго для васъ и вашего племянника не думала сказать... Je vous respecte beaucoup tous les deux; но у меня для Лины совсѣмъ другая партія en vue.?.

Софья Ивановна остановилась:

— Я это знала, сказала она,—и если, не смотря на это, я пришла говорить съ вами сегодня, то это потому, что мнѣ также извѣстно, какъ смотритъ Елена Михайловна на эту „партію", которую вы „имѣете для нея въ виду".

Аглая Константиновна надулась вдругъ опять:

— Я вижу, что ma fille vous dit tout et à moi rien! вскликнула Софья Ивановна.

Княгиня наша опѣшила и, не найдя отвѣта, захлопала растерянно глазами.

Госпожа Переверзина еще разъ поклонилась ей и вышла изъ комнаты.

Княгиня, тяжело и усиленно дыша, опустилась снова на диванъ и, захвативъ съ близъ стоявшаго столика въ одну руку вѣеръ, а въ другую колокольчикъ, принялась одновременно и съ равною долей энергіи опахиваться и звонить:

— Спроси у Lucrèce, приказала она вбѣжавшему камердинеру,—мои капли для нервовъ и попроси сейчасъ сюда Евгенія Владиміровича!...

XIII.

Князь Ларіонъ только что вернулся со своей обычной утренней прогулки, когда Софья Ивановна вошла въ его кабинетъ.

Онъ увидалъ ее изъ глубины покоя и пошелъ ей учтиво на встрѣчу.

— Вы, вѣроятно, удивляетесь моему визиту? сказала она ему съ насилованною улыбкой.

— Очень радъ ему во всякомъ случаѣ, съ холодною любезностью промолвилъ онъ, провожая ее къ креслу у своего письменнаго стола.

Софья Ивановна опустилась въ него... Онъ сѣлъ насупротивъ.

Она была „на полномъ ходу", какъ выражала она сама возбужденное состояніе своего духа въ рѣшительныя минуты жизни, и начала прямо:

— Я сейчасъ отъ Аглаи Константиновны...

— Отъ умной женщины, протянулъ князь въ видѣ вводнаго предложенія, глядя на свои ногти.

— Умъ—Богъ съ нимъ! А вотъ побольше сердца можно было бы, дѣйствительно, кажется, ей пожелать, не могла не сказать на это Софья Ивановна.

Князь Ларіонъ чуть-чуть шевельнулъ плечьми, поднялъ на нее на мигъ свои словно какъ-бы отяжелѣвшія вѣки и снова сталъ глядѣть на свои пальцы.

— Я была у нея просить руки княжны Елены Михайловны для моего племянника, отчетливо выговорила вслѣдъ затѣмъ его собесѣдница.

— А! пропустилъ онъ только на это сквозь зубы, не перемѣняя положенія,—но все тѣло его, показалось ей, дрогнуло за этимъ восклицаніемъ.—И она... началъ онъ вопросительно и—не договорилъ.

— Отказала мнѣ, досказала Софья Ивановна, — и при этомъ разгнѣвалась до слезъ и до того, что позволила себѣ упрекнуть меня, будто-бы я „воспользовалась неопытностью и добрымъ сердцемъ“ княжны, чтобы „выманить“ у нея согласіе на это предложеніе... Я сказала ей на это, что попрошу васъ, человѣка, знающаго меня издавна, объяснить ей, способна-ли я на что-нибудь подобное.

Князь откинулъ голову отъ спинки своего кресла и перегнулъ ее съ низкимъ поклономъ въ сторону Софьи Ивановны, какъ бы говоря: порученіе ваше будетъ въ точности исполнено.

И ни слова при этомъ... Онъ продолжалъ все также не глядѣть на нее...

Это показалось ей страннымъ:

— Я поэтому пришла переговорить съ вами, князь, чуть-чуть нетерпѣливо сказала она:—вѣдь вы все знаете!...

— Что̀ именно? И онъ нахмурился.

— Все! Княжна мнѣ говорила: вы обѣщали ей ваше содѣйствіе, рѣзко вымолвила тетка Гундурова.

Онъ помолчалъ:

— Когда говорила она это вамъ, можно полюбопытствовать? спросилъ онъ затѣмъ:

— Вчера утромъ.

— Да, сказалъ князь, — но со вчерашняго утра могли возникнуть обстоятельства, за которыми сама Hélène, быть можетъ... одумалась?...

— Я знаю, на что̀ вы намекаете, торопливо воскликнула Софья Ивановна: — то, что̀ было между ними въ театрѣ?... Сергѣй былъ виноватъ, и я такъ хорошо понимала, что его безумство могло измѣнить все расположеніе къ нему княжны, что вчера же ночью послала ей вотъ эту записку, примолвила госпожа Переверзина, шаря въ карманѣ своей „robe feuille-morte“...—Вотъ она! Прочтите! Вы увидите, что я прямо

ставила ей этотъ вопросъ о ея намѣреніяхъ на да или нѣтъ,— и ея отвѣтъ. Мнѣ принесли его въ четвертомъ часу утра, послѣ бала... *Они* успѣли объясниться тамъ: все осталось попрежнему...

Князь Ларіонъ дрожавшею рукой взялъ протягиваемую ему записку, поднялся и отошелъ къ окну... „Да, да и да. Елена Шастунова“, начертанное крупнымъ почеркомъ Линою, словно молніей ослѣпило ему глаза. Потухалъ послѣдній лучъ надежды,—онъ всю ночь напролетъ лелѣялъ себя ею,— это было полное „примиреніе между ними“... Безмолвно опустилъ онъ руки...

Онъ долго оставался такъ, недвижный и нѣмой, погруженный въ глубокое, мучительное размышленіе.

— Что̀ же, князь? спросила наконецъ Софья Ивановна.

— Иди, значитъ, и дѣйствуй! иронически проговорилъ онъ вдругъ, какъ будто пробужденный этимъ голосомъ и воззрясь на нее загорѣвшимися зрачками:—вы *этого* хотите?

— А вы не хотите? живо возразила она,—и лицо ея все покраснѣло опять.

Онъ, не отвѣчая, прошелся мимо оконъ, разсѣянно глядя на дальнія вершины дубовой рощи за рѣкой, облитыя горячимъ золотомъ лѣтняго солнца...

— Она простила, она хочетъ, началъ онъ наконецъ, возвращаясь къ Софьѣ Ивановнѣ:—я бы не простилъ...

— Вы никогда, значитъ, молоды не были! воскликнула она,—или забыли... Вы забыли, какъ чутко молодое сердце, какъ способно оно воспринимать самыя разнообразныя впечатлѣнія и страдать, и мучиться ими...

— Молодое сердце не умѣетъ любить! почти злобно прервалъ ее князь Ларіонъ:—оно только ищетъ себя въ предметѣ любимомъ, ищетъ въ немъ только своего отраженія и тупо, и жестоко-безжалостно угнетаетъ по капризу своихъ личныхъ ощущеній нравственную волю чужой души, отдающейся ему...

— Вы правы, я не спорю, заволновалась Софья Ивановна,—и не то̀ еще я говорила Сережѣ... Но молодыя души

понимаютъ лучше другъ друга и снисходительнѣе другъ къ другу, чѣмъ мы съ вами къ нимъ.

— А чѣмъ платится за это снисхожденіе, знаете-ли вы? крикнулъ онъ;—я бы вамъ показалъ ее тамъ вчера, въ уборной... Она изнемогала... Я не спрашивалъ,—я знать не хочу, примолвилъ князь съ быстрымъ и презрительнымъ движеніемъ руки,—чѣмъ довелъ онъ ее до такого состоянія, но позвольте же мнѣ думать послѣ этого, что онъ не тотъ именно идеалъ... супруга—и новая злобно-ироническая усмѣшка пробѣжала по губамъ князя,—который можно было бы призывать въ мечтаніяхъ для такого существа, какъ Hélène...

— Сергѣй... начала было Софья Ивановна... Но онъ не далъ ей продолжать. Глаза его засверкали, голосъ зазвучалъ неудержимою страстностью:

— Понимаетъ-ли онъ, *что̀ такое* Hélène, чувствуетъ-ли, какъ слѣдуетъ это чувствовать, каждымъ фибромъ своего существа, что она одно изъ тѣхъ избранныхъ созданій, предъ душевнымъ совершенствомъ которыхъ преклоняться, благоговѣть надо!... Заслуживаетъ-ли онъ любовь такого созданія, способенъ-ли заслужить ее?

Софья Ивановна разсердилась:

— Что̀ же, князь, если всего этого не понимаетъ и не заслуживаетъ мой племянникъ, то заслуживаетъ, какъ видно, этотъ флигель-адъютантъ, выписанный вашею невѣсткой изъ Петербурга. Не онъ-ли, и по-вашему, тотъ „идеалъ супруга“, о которомъ вы мечтаете для Елены Михайловны?

Страстное возбужденіе князя Ларіона какъ-бы сразу соскочило съ него отъ этихъ словъ:

— Я не Аглая Константиновна, вы знаете, сказалъ онъ, слегка поморщившись и поникая взглядомъ, и, примолкнувъ на мигъ, заговорилъ опять:

— Я всегда видѣлъ въ васъ умную женщину, Софья Ивановна, и потому дозволилъ себѣ говорить съ вами сейчасъ совершенно прямо и откровенно... Я надѣялся, что вы не разсердитесь и поймете, что̀ руководитъ меня при этомъ... Дѣло идетъ о всемъ будущемъ Hélène, моей племянницы. Вы знаете точно также, какъ я, насколько въ этомъ отношеніи

можно ожидать здраваго сужденія со стороны ея матери. Я поэтому стараюсь взвѣсить и обсудить все, до этого касающееся, такъ, какъ сдѣлалъ бы это отецъ ея, покойный братъ мой, если-бъ онъ живъ былъ въ эту минуту.

— Я знала князя Михайлу, какимъ-то строгимъ тономъ сказала на это Софья Ивановна:—онъ поступилъ бы не такъ, какъ вы,—онъ судилъ бы спокойнѣе и безпристрастнѣе.

Угадала-ли она, почему не „безпристрастенъ“ онъ, князь сказать себѣ не могъ, но вся кровь прилила ему мгновенно въ голову. Онъ отвернулся и быстрыми шагами заходилъ снова по комнатѣ.

Глаза Софьи Ивановны машинально слѣдили за нимъ...

— Я прошу васъ не томить меня долѣе! воскликнула она наконецъ.—Какъ думаете вы поступить, князь?

— Какъ поступить? повторилъ онъ на-ходу и, вернувшись къ своему креслу, сѣлъ, уперся локтями въ колѣни и глянулъ ей прямо въ глаза:—какъ поступили бы вы? Рѣшайте!

Въ его голосѣ было теперь что-то такое страдальчески-недоумѣвающее, что Софья Ивановна почувствовала себя глубоко тронутою: она дѣйствительно начинала догадываться...

— Если вы требуете моего мнѣнія, начала она тихимъ, ласковымъ голосомъ,—такъ вотъ оно. Я на вашемъ мѣстѣ постаралась бы отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ впечатлѣній, забыть о всякихъ „взвѣшиваніяхъ“ и „обсужденіяхъ“... Вы говорите съ восторгомъ о вашей племянницѣ, о ея душевномъ совершенствѣ,—и вы тысячу разъ правы, и никто не въ состояніи болѣе меня сочувствовать вамъ въ этомъ отношеніи. Повѣрьте же ей, этой душѣ, повѣрьте тому высшему чутью, которое говоритъ ей, что чувство ея право, что тотъ, кого она полюбила, заслуживаетъ ея любовь! Эти „избранныя созданія“— вы это прекрасно сказали,—не ошибаются: они не въ состояніи любить дурное,—божественный смыслъ говоритъ въ нихъ сильнѣе, проницательнѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ натуръ. Отдайтесь же, не разсуждая, ея инстинкту, поступите такъ, какъ она желаетъ, чтобы вы поступили!... И вы увидите, князь, примолвила какъ-бы невольно Софья Ивановна, участливо

остановившись на немъ взглядомъ,—вы увидите, какъ у самихъ у васъ станетъ легко на душѣ!...

Все лицо его повело; онъ поспѣшно всталъ и отошелъ опять къ окну, чтобъ она не замѣтила, какъ покраснѣли его глаза отъ охватившаго его внезапно умиленія...

— Аглая Константиновна, спросилъ онъ съ мѣста, осиливъ себя, своимъ обыкновеннымъ, ровнымъ голосомъ:—говорила вамъ объ этомъ Анисьевѣ?

— Да, она мнѣ говорила, что имѣетъ въ виду „партію" для княжны,—разумѣется *его*, я поняла.

— Само собою... Одного поля ягодки, пропустилъ онъ, презрительно усмѣхнувшись.

— Но Елена Михайловна прямо сказала мнѣ, что не пойдетъ за него.

Князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее и повелъ одобрительно головой:

— Онъ это, кажется, чувствуетъ самъ и отказывается отъ своихъ плановъ... или по крайней мѣрѣ откладываетъ ихъ на время. Я сейчасъ на прогулкѣ узналъ, что онъ къ двумъ часамъ заказалъ себѣ лошадей.

— Онъ уѣзжаетъ! съ невольнымъ взрывомъ радости вскрикнула тетка Гундурова.

— Да... Но я или очень ошибаюсь, сказалъ раздумчиво князь,—или съ этимъ отъѣздомъ послѣднее слово его еще не сказано. Я эту породу людей знаю!...

— Но, какъ старый дипломатъ, возразила она со слабою улыбкой,—знаете также, надѣюсь, какъ и вести съ ними борьбу?

Онъ повелъ губами:

— Отобьемся отъ одного, развѣ она не найдетъ другаго, по той же мѣркѣ скроеннаго!... Она въ конецъ измучаетъ ими Hélène!

— Но этого нельзя допустить... Вы должны вмѣшаться: у васъ же все авторитетъ есть... Но вы, кажется, вовсе говорить съ нею не умѣете, Ларіонъ Васильевичъ, съ какимъ-то отчаяніемъ промолвила Софья Ивановна.

— А вы умѣете? живо возразилъ онъ съ безсознательно-

комическимъ оттѣнкомъ:—вѣдь надо быть господиномъ Зяблинымъ, чтобы стать на уровень ея пониманія и находить соотвѣтствующія ему слова. И какой прокъ отъ того, что̀ ей скажешь? Вѣдь у нея натура раба, натура той кабацкой расы, изъ которой она вышла:—струситъ и смолчитъ, и тутъ же солжетъ и обманетъ...

Онъ прервалъ себя вдругъ, провелъ рукой по лицу,—и, къ нѣкоторому удивленію Софьи Ивановны, взялъ, подойдя, ея руку и поцѣловалъ ее:

— Я вамъ даю честное слово, сказалъ онъ, — что скажу все, что̀ только можетъ, по моимъ понятіямъ, содѣйствовать желаніямъ Hélène и вашимъ, — и даже постараюсь „сумѣть говорить“ такъ, чтобы меня послушали. Не взыщите, если потерплю крушеніе... Во всякомъ случаѣ, налаживаясь на шутливый тонъ и какъ-бы обрывая, примолвилъ онъ, — ваша маленькая сейчасъ проповѣдь безслѣдно не пройдетъ. Спасибо вамъ за нее!...

— Спасибо и вамъ за доброе обѣщаніе, сказала Софья Ивановна,—я не сомнѣваюсь, что вы его исполните. Но, признаюсь вамъ, я болѣе надѣюсь на время и на самое Елену Михайловну, чѣмъ на то, что̀ можетъ выйти изъ вашего разговора съ ея маменькой.

Онъ какъ-бы сообразилъ что-то, о чемъ не думалъ до сихъ поръ,—и наклонилъ утвердительно голову:

— Конечно... если только здоровье ея выдержитъ.

— Здоровье княжны?

— Да. У нея сердце не здорово... Я говорю въ буквальномъ, а не въ условномъ значеніи этого слова, пояснилъ онъ съ улыбкой, но въ этой улыбкѣ было столько муки и за *нее*, и своей собственной, что у Софьи Ивановны дыханіе сперлось...

— Что̀ это? воскликнулъ вдругъ князь Ларіонъ, устремляя глаза на отворившуюся дверь кабинета:—Hélène и еще кто-то съ нею!

Это были, дѣйствительно, Лина и тяжело опиравшаяся на ея руку, блѣдная, въ дорожной шляпѣ съ полуопущенною вуалью, Надежда Ѳедоровна.

XIV.

But who, alas, can love and then be wise?
Byron.

Князь Ларіонъ поспѣшно подошелъ къ племянницѣ.

— Что̀ случилось? Ты плакала? тревожно спросилъ онъ, замѣтивъ сразу влажные еще отъ слезъ глаза ея.

— Надежда Ѳедоровна насъ покидаетъ, отвѣтила она, — она пришла съ вами проститься, дядя.

Онъ съ удивленіемъ перевелъ глаза на компаніонку...

— Да, князь, проститься, глухо повторила та, откидывая вуаль свою на шляпку, какъ бы для того, чтобъ онъ могъ свободно разсмотрѣть ея „страданіемъ измятыя черты".

— У васъ семейное несчастіе? было его первою мыслью.

— У меня нѣтъ семьи, нѣтъ близкихъ: я одна на землѣ, проговорила она пѣвучимъ голосомъ, поднося платокъ къ глазамъ.

— Но что̀ же побуждаетъ васъ?...

— Не спрашивайте, князь, не спрашивайте! словно только и ждала этого вопроса, прервала его дѣвица Травкина, простирая руки впередъ:—это мое личное, никому неизвѣстное горе... которое я унесу съ собою... въ пустыню, договорила она уже съ рыданіемъ.

Князь недоумѣло повелъ глазами кругомъ; на лицѣ Софьи Ивановны, изъ глубины своего кресла пристально слѣдившей за этою сценой, онъ прочелъ какую-то странную смѣсь жалости и недовѣрія...

— Она идетъ въ монастырь, отвѣтила съ своей стороны шопотомъ на взглядъ его Лина.

— Но неужели,—онъ, сморщивъ лобъ, внимательно поглядѣлъ на „страдалицу“, — все это необходимо такъ скоро?... Вы, кажется, совсѣмъ собрались?

— Да, да, князь, сейчасъ!... Тутъ одна дама (она назвала „образованную окружную,“) ѣдетъ въ городъ и беретъ меня съ собой... Я тамъ найду лошадей въ Москву... Позвольте сказать вамъ прости... „ein ew'ges Lebewohl“, невѣдомо къ чему примолвила она изъ Шиллера...

Князь Ларіонъ еще разъ пристально поглядѣлъ на нее:

— У меня правило уважать личную волю каждаго и не допытываться причинъ чужихъ поступковъ, какъ бы они мнѣ собственно иной разъ и ни казались странными или неосновательными. Вслѣдствіе того я въ настоящемъ случаѣ могу вамъ только выразить искреннее сожалѣніе, что намъ приходится разстаться.

Будто ушатомъ холодной воды окатилъ онъ ее: она ждала (какъ сейчасъ было у нея съ княжной,) допрашиваній, „увѣщаній дружбы“, возможности еще разъ порисоваться своимъ „неисходнымъ горемъ“,—а тутъ такъ просто, холодно, „безжалостно“!...

— Конечно, князь, я понимаю, еще разъ забывая о необходимомъ „смиреніи“, колко проговорила она, — сожалѣніе съ вашей стороны можетъ простираться лишь до той минуты, когда вы найдете кого нибудь вмѣсто меня читать вамъ газеты.

Уколъ пропалъ даромъ: князь Ларіонъ слегка усмѣхнулся и отвѣчалъ съ учтивымъ наклономъ головы:

— Замѣнить васъ въ этомъ отношеніи такъ трудно, что я и искать не буду.

Лина между тѣмъ, замѣтивъ Софью Ивановну, побѣжала къ ея креслу. Онѣ нѣжно поцѣловались.

Мнѣ такъ жаль ее, бѣдную, прошептала княжна: — она идетъ съ отчаянія въ монастырь—отъ любви къ человѣку, который ея не любитъ.

— Къ Сергѣю Михайловичу Гундурову, не такъ-ли? досадливо договорила Софья Ивановна.

— Да совсѣмъ нѣтъ! Кто это могъ вамъ сказать? И жи-

вой румянецъ заалѣлъ мгновенно на изумленномъ лицѣ княжны.

— Она увѣрила въ этомъ вашу матушку, или та не такъ поняла, но я отъ нея слышала.

— Отъ maman? Вся краска такъ же мгновенно сбѣжала теперь съ ея щекъ. Вы уже были у нея?... Не говорите! тутъ же спѣшно промолвила Лина,—я знаю... я вижу по вашимъ глазамъ, какой данъ былъ вамъ отвѣтъ... И вы для этого теперь у дяди?...

— Я говорила съ нимъ, предупреждая дальнѣйшіе вопросы, спѣшила, въ свою очередь, сообщить Софья Ивановна, крѣпко пожимая въ обѣихъ своихъ похолодѣвшую руку княжны и любовно глядя въ самую глубь ея отуманенныхъ васильковыхъ глазъ, — онъ за насъ, я имъ довольна... Но, милая, я не скрываю отъ васъ, я боюсь... все это если должно быть, то не скоро... А до того терпѣть сколько?...

Лина только головой качнула, но въ движеніи этомъ Софья Ивановна прочла непоколебимое рѣшеніе...

— А здоровье, милая? тревожно зазвучалъ ея голосъ.

Черная тѣнь какъ бы легла на мигъ на черты дѣвушки... Она подавила вздохъ, подняла глаза на окно, въ которое горячею синью отливало высокое небо, и прошептала, улыбаясь:

— Богъ его дастъ, если нужно...

— Лина, прощайте, я ухожу! послышался голосъ Надежды Ѳедоровны, подходившей къ нимъ съ почтительнымъ издали поклономъ Софьѣ Ивановнѣ.

— Сейчасъ, Надежда Ѳедоровна, я васъ провожу, отозвалась княжна. И, наклоняясь къ Софьѣ Ивановнѣ, проговорила ей на ухо: — мнѣ еще хочется поговорить съ вами; пожалуйста, зайдите въ первую гостиную,—я ее сейчасъ провожу и приду туда.

Проходя мимо дяди, вслѣдъ за Надеждой Ѳедоровной, она пріостановилась и подала ему руку:

— Merci, oncle, сказала она только, но князь Ларіонъ безсознательно прижмурилъ глаза, какъ бы не выдержавъ сіянія взгляда, сопровождавшаго эти два слова...

На лѣстницѣ ждала Надежду Ѳедоровну готовая къ отъ-

ѣзду „образованная окружная“ съ двумя сынишками своими, изображавшими пажей во вчерашнемъ спектаклѣ (она отвозила ихъ въ городъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться самой къ представленію *Льва Гурыча Синичкина*). Завидѣвъ свою спутницу, сопровождаемую княжной, она сочла своимъ долгомъ завздыхать и закачать головой самымъ трогательнымъ образомъ, протягивая ей съ мѣста руки, какъ бы готовясь поглотить ее въ своихъ обширныхъ объятіяхъ. Но дѣвица Травкина, какъ это часто случается, весьма склонная, какъ мы видѣли, къ утрировкѣ своихъ собственныхъ чувствъ, особенно чутко замѣчала и ненавидѣла ее въ другихъ, а потому на жестикуляцію образованной дамы отвѣчала лишь короткимъ „ѣдемте!“ и первая спустилась съ лѣстницы.

Не успѣла дойти она, однако, до послѣдней ступеньки, какъ неожиданное обстоятельство наладило ее вдругъ опять на тотъ романическій строй понятій, который составлялъ какъ бы субстратъ всего ея существа. Къ ней кинулась толпа женскихъ прислужницъ Сицкаго, между которыми, какъ заявила она заранѣе княгинѣ, раздѣлила она на прощанье всякое свое добро, и принялась со всякими возгласами и причитаніями благодарности подходить къ ней къ ручкѣ... Въ воображеніи начитанной дѣвицы тотчасъ же зарисовалась сцена прощанья Маріи Стюартъ со своими женщинами. Рябая „Lucrèce“, стоявшая впереди всѣхъ, должна была натурально изображать собою вѣрную Анну Кеннеди, и она съ новымъ водопадомъ слезъ упала шляпкой на ея двухбашенную грудь...

Но это было еще не все. Покончивъ съ Кеннеди и К° и расцѣловавшись окончательно съ княжной, она выходила на крыльцо, у котораго въ ожиданіи ея сидѣла уже въ своей бричкѣ „образованная“ окружная, какъ вдругъ между этою бричкой и ею какъ изъ земли выросъ стройный, чернокудрый, слишкомъ хорошо знакомый ей мужской обликъ...

Онъ стоялъ спиной къ ней и своимъ свѣжимъ, беззаботнымъ голосомъ громко спрашивалъ:

— Куда это вы собрались, Катерина Ивановна?

Окружная быстро нагнулась къ нему изъ экипажа и что-то зашептала... Онъ такъ же быстро обернулся на дверь.

Надежда Ѳедоровна ухватилась за ея ручку, чтобы не упасть... Они стояли въ двухъ шагахъ другъ отъ друга...

Онъ сдѣлалъ еще шагъ къ ней, заслоняя ее высокимъ станомъ своимъ отъ любопытныхъ глазъ сидѣвшей въ бричкѣ:

— Правда это? Вы хотите поступить въ мо... Онъ не договорилъ; голосъ его дрожалъ слегка.

О, какъ заскребло на сердцѣ у нея въ эту минуту, какія жестокія слова запросились у нея на языкъ!... Къ счастію, она на этотъ разъ во-время вспомнила о „смиреніи"... Къ тому же за ея спиной, тѣснясь, стояла цѣлая женская арава, норовившая, какъ-бы скорѣе вылиться вслѣдъ за нею на крыльцо... Она наклонила предъ нимъ голову, какъ дѣлаютъ это инокини съ тарелочками на церковь, и разбитымъ голосомъ проговорила:

— Простите, какъ и я вамъ прощаю!...

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но она поспѣшнымъ движеніемъ, опустивъ со шляпки вуаль и нажавъ его рукой къ лицу, скользнула мимо него и вскочила въ бричку. Арава горничныхъ повалила изъ дверей, чуть не сбивъ съ ногъ молодаго человѣка въ усердіи провожанія „милой барышни"... Экипажъ тронулъ...

Ашанинъ, прищурившись, довольно долго глядѣлъ ему вслѣдъ:

„Эхъ, вретъ!" разсмѣялся онъ вдругъ, какъ-бы выводя мораль этой басни: „искренняго тутъ ни фунта, а „хвантазія" одна, какъ разсказываетъ Акулинъ про своихъ Хохловъ"...

XV.

Alles Edle ist von stiller Natur und scheint zu schlafen, bis es durch Widerspruch herausgefordert ist.
Göthe.

— Милая моя, хорошая, говорила Софья Ивановна Переверзина въ пустой гостиной, держа обнявъ княжну Лину, склонившуюся къ ней головой на плечо,—что̀ же дѣлать! Намъ съ нимъ придется уѣхать сегодня же, если Ларіонъ Васильевичъ не успѣетъ склонить ее.

— А гдѣ онъ? тихо спросила Лина:—спитъ еще послѣ вчерашняго?

— Спитъ? Онъ всю ночь не спалъ и, послѣ этой ихъ жженки проходилъ по полямъ. Не успѣла я одѣться, какъ онъ уже сидѣлъ у меня и погонялъ къ княгинѣ... Ждетъ—умираетъ тамъ, должно-быть... Удивляюсь, какъ не вздумалось ему притти сюда, узнать отъ меня скорѣе...

Въ послѣдней залѣ послышались приближавшіеся къ нимъ шаги.

— Вотъ онъ! вскликнула дѣвушка.

Но это былъ не онъ, а Ѳиногенъ, камердинеръ Аглаи Константиновны.

— Я васъ повсюду ищу-съ, ваше сіятельство, обратился онъ съ внушительнымъ видомъ къ княжнѣ:—ихъ сіятельство княгиня просятъ васъ къ себѣ.

Лина поблѣднѣла чуть-чуть.

— Хорошо, скажи—я сейчасъ буду.

Слуга вышелъ.

Софья Ивановна потянула ее за обѣ руки:

— Голубка моя, дай перекрещу тебя!...

Онѣ пали въ объятія другъ другу... Въ то же время портьера надъ дверью второй гостиной слегка колыхнулась, и изъ-за нея выглянуло блѣдное лицо Гундурова.

— Ну вотъ и хорошо, что пришли, обратилась къ нему Лина съ насилованною веселостью,—легче будетъ... Меня требуютъ къ допросу, Сергѣй Михайловичъ! И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее и жадно прильнулъ къ ней губами.

— Довольно! тихо сказала она, вся заалѣвъ и высвобождая пальцы свои изъ его рукъ.

— Елена Михайловна, что̀ же значатъ ваши слова?

— Тетя вамъ все разскажетъ... А я пойду!... промолвила она, вставая.

— Если найдете время до завтрака, торопливо сказала ей Софья Ивановна,—приходите ко мнѣ...

Гундуровъ растерянно сдѣлалъ за нею нѣсколько шаговъ... Дойдя до двери залы, она остановилась, обернулась къ нему и, глядя на него глаза въ глаза, нѣжно и твердо проговорила серебрянымъ голосомъ своимъ и съ какою-то восторженною улыбкой на устахъ:

— Я вамъ вѣрю, вѣрьте и мнѣ...

У княгини была компанія: Зяблинъ, князекъ, ея сынъ, и Англичанинъ-гувернеръ его. Еще изъ ситцеваго кабинета услыхала Лина говоръ ихъ голосовъ... „Не сейчасъ, значитъ, начнется“, промелькнуло въ головѣ ея... Она ошибалась.

Едва успѣла она войти въ будуаръ, какъ на нее такъ и кинулся братишка ея. На странно уже опредѣлившихся для его лѣтъ чертахъ мальчика читалась настоящая злость,—ноздри его раздувались, глазенки неестественно расширились и сверкали...

— O, naughty, naughty Lina, восклицалъ онъ, топая ногою.—I'll n't allow you to marry a rogue of teacher! You must n't forget you are a princess. For shame! *) Онъ оче-

*) О, дурная, дурная Лина, я не позволяю тебѣ выходить за дрянь учитилишку; ты должна помнить, что ты княжна! Стыдно тебѣ!

видно повторялъ по-своему нѣчто сейчасъ имъ слышанное...

Княжна съ измѣнившимся лицомъ взглянула на него, на мать...

Аглая Константиновна сидѣла въ подушкахъ своего дивана, развязавъ, въ знакъ скорби душевной, ленты своего утренняго чепца, и терла глаза кружевнымъ платкомъ.

Англичанинъ, весь покраснѣвъ отъ досады, схватилъ воспитанника своего за локоть.

— Will you hold your tongue, bad fellow! *) крикнулъ онъ на него.

— Order him not to touch me **), онъ хочетъ бить меня, мама, заревѣлъ мальчикъ, отбиваясь и руками, и ногами отъ желѣзной руки гувернера.

— Monsieur Knox, laissez le, je vous prie! залопотала маменька, махая ему съ мѣста словно развинченною рукой.

Но англичанинъ, не взирая на его визгъ и ляганья, потащилъ своего князька изъ комнаты.

— Ахъ, finissez, Basile, ne cricz pas!... Я просто умру отъ всего этого сегодня! захныкала княгиня, покосившись на безмолвно стоявшую еще у дверей дочь, и какъ бы въ подтвержденіе такого рѣшенія скинула окончательно чепчикъ съ головы и схватила вѣеръ со столика.

Зяблинъ, сидѣвшій противъ нея на низенькомъ креслѣ, взглянулъ на нее, потомъ на княжну и испустилъ глубокій вздохъ.

Лина подошла къ матери:

— Bonjour, maman, проговорила она еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, склоняясь надъ ея рукой.

Та отдернула ее...

— Asseyez vous! величественно промолвила она.

Княжна сѣла неподалеку отъ Зяблина.

„Бригантъ“ еще разъ повелъ на нее своими воловьими глазами, откатилъ почему-то свое кресло нѣсколько назадъ и еще разъ вздохнулъ.

---

*) Замолчите-ли вы, скверный мальчишка!

**) Прикажи ему не трогать меня!

— Même votre jeune frère, начала сразу княгиня, нервно обмахиваясь своимъ вѣеромъ, — и тотъ понимаетъ l'inconvenance вашего поведенія.

Лина холодно и вопросительно подняла глаза на нее.

— Вы знаете, о чемъ я говорю, фыркнула Аглая: — эта madame Pereverzine была у меня сейчасъ просить вашей руки pour monsieur son neveu и сказала, что это съ вашего согласія... J'en ai été si saisie, что до сихъ поръ не могу притти въ себя.

Княжна молчала.

— C'est donc vrai? Что же вы не отвѣчаете?

— Мы не однѣ, maman, такъ же холодно и не поворачивая головы, промолвила она.

— Ça, c'est un ami, un vrai, указывая кивкомъ нъ Зяблина, возразила на это умная маменька, — можете говорить при немъ, je ne lui cache rien.

Но самъ „бригантъ" почувствовалъ, какъ была глупа роль, которую заставляла она его играть. Онъ поспѣшно всталъ и проговорилъ съ достоинствомъ:

— Между матерью и дочерью третій всегда лишній; позвольте же мнѣ удалиться!

Княгиня проводила его нѣсколько растеряннымъ взглядомъ и заерзала на своемъ диванѣ: — въ присутствіи „vrai ami", отъ котораго она, повидимому, ждала поддержки въ данныя минуты предстоявшаго ей объясненія съ дочерью, она чувствовала себя какъ бы болѣе въ ударѣ, чѣмъ наединѣ съ нею теперь.

Лина сама теперь начала это объясненіе:

— Вы меня спрашивали, maman, съ моего-ли согласія Софья Ивановна Переверзина просила у васъ моей руки для своего племянника? Да, maman, я сказала ей „да" и прошу васъ съ своей стороны позволить мнѣ выйти за него замужъ.

— Mais vous êtes folle, complètement folle! завизжала Аглая Константиновна не хуже сынка своего сейчасъ, — я этого не хочу, не хочу даже слышать! Si vous avez oublié ce que vous devez à votre nom, величественно возгласила она,—я этого не забываю, я, ваша мать, votre mère qui vous

a mis au monde; я знаю, какая прилична для васъ партія... И когда вы сами знаете, что тотъ, кого я для васъ выбрала, здѣсь, и ждетъ, vous m'arrivez avec ce galopin de professeur manqué!

Княжна слабо усмѣхнулась.

— Я бы вамъ могла сказать, maman, что ничего этого мнѣ не извѣстно, потому что вы мнѣ до этой минуты еще ни одного слова не сказали про этого... господина. Но я не лгу никогда и скажу вамъ, что дѣйствительно знаю, что вы его выписали сватать меня... Но онъ мнѣ не по сердцу, и я не могу итти за него...

Княгиня въ первую минуту опѣшила и отъ силы аргумента, и отъ того крайне спокойнаго тона, съ которымъ говорила дочь. Она захлопала своими круглыми глазами, глядя на нее не то гнѣвно, не то недоумѣло.

— Я вамъ ничего не говорила, попробовала она вдругъ иронизировать,—потому что не знала, что у меня дочь—une républicaine. Я думала, что вы... que vous avez les goûts qui conviennent à une demoiselle de votre rang, и выбрала такого и жениха для васъ... Я вижу, что ошиблась!... Вамъ другое надобно, извините, mademoiselle la princesse, я этого не знала. Je vous offre ce jeune comte qui a tout pour lui... вы, можетъ быть, не знаете, что онъ un des plus brillants cavaliers et des plus en vue de Pétersbourg, и его дядя premier favori, и самъ онъ intime à la Cour, карьера, bientôt général, и непремѣнно долженъ быть министромъ un jour, какъ мнѣ говорила la comtesse sa mère à Rome... Cette princesse Dodo qui est si méchante, увѣряетъ, что будто у него trois cent mille de dettes, но это неправда, elle ment, она это все изъ зависти, потому что сама она хочетъ l'attraper для своей Женни, une fille évaporée et qui n'a pas le sou... И вы, une princesse Schastounof, такому jeune homme distingué предпочитаете un petit monsieur de rien, sans position и которому, вы слышали, даже не позволили за границу ѣхать, потому что онъ, j'en suis sûre, un sans-culotte, хотя madame sa tante и увѣряетъ, qu'il descend du même roi Rurik, какъ и наша фамилія...

Лина терпѣливо, не моргнувъ бровью, выслушала всю эту невѣроятную рацею.

— Что̀ же дѣлать, тихо сказала она только, когда мать кончила,—когда я его люблю, maman, а того нѣтъ?

Иронія не вывезла; Аглая принялась за драму:

— Вы любите! заголосила она, уже рыдая,—противъ желанія матери, contre son gré! Вамъ все равно de me rendre malheureuse! У васъ, я вижу теперь, такой же характеръ, какъ у вашего отца, qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie... Я его любила, j'avais cette bêtise d'être amoureuse de lui, когда выходила за него замужъ, et après, и даже всегда... Я его спасла de la misère, потому что все ихъ имѣніе продавалось съ аукціона, и я все выкупила на свое имя, чтобъ онъ не могъ se ruiner во второй разъ... А онъ сейчасъ же après notre mariage началъ съ этой lady Blackdale à Londres... и она мнѣ разъ dans le monde кинула даже апельсинною коркой въ лицо, — а онъ все-таки ея не оставилъ, а потомъ, когда она сама его кинула pour épouser son ténor, онъ нашелъ une actrice française qui avait de fausses dents, а потомъ была Венгерка, et puis la marquise Ruffo, une Italienne, et puis...

— Maman, ради Бога!... воскликнула, пытаясь остановить ее, княжна.

Но та не слушала: плотина была прорвана, вода уже неудержимо падала на колесо мельницы...

— А я сама была молода, fraîche et bien portante...et de l'imagination... J'avais besoin d'amour!... А онъ со мною ужасы дѣлалъ, il me dédaignait, онъ отъ меня запирался, не ночевалъ дома et d'autres horreurs comme cela... И это—когда я ему принесла два милліона, huit millions en assignats, de fortune... Bien de fois il m'a mis dans un tel désespoir, что я даже два раза писала письмо à Sa Majesté l'Fmpereur—j'en ai encore les brouillons, — pour me plaindre de son aversion pour sa femme légitime, но мнѣ тогда сказали, что онъ могъ чрезъ это мѣсто свое потерять, и я par noblesse de coeur ихъ не послала... Вотъ что̀ ваша бѣдная мать вытерпѣла pendant quinze ans de sa vie!... Il m'est revenu quand il ne valait plus

rien, больной грудью, épuisé,—и вы сами видѣли, какъ я за нимъ ходила, le soignant, точно какъ будто онъ всегда былъ хорошій мужъ...

Все это лилось безъ остановки, сопровождаемое слезами, возгласами, драматическою икотой, сморканіемъ, утираніемъ глазъ и стукомъ вѣера по косточкѣ корсета, обнимавшаго дебелыя красы княгини... Лина закрыла ладонью глаза,—эти упреки, эти грубыя разоблаченія рѣзали ее по самому нѣжному, самому чувствительному мѣсту ея нравственнаго существа. Грязью закидывала циническая рука тотъ идеальный, изящный и скорбящій образъ отца, который она такъ любовно, такъ свято хранила въ сердцѣ своемъ,—и рука эта была ея матери... Это ей было невыносимо больно!..

А та продолжала стонать и причитывать:

— Я ему все простила, il s'est repenti, pauvre Michel, que le bon Dieu ait son âme!.. Умирая, онъ просилъ у меня прощенія, comme un vrai pénitent... И при этомъ вы забыли, вы, sa fille bien-aimée,—потому что онъ, не знаю почему, il n'a jamais aimé Basile,—забыли, что̀ онъ говорилъ вамъ, какъ вы не должны огорчать меня и... и... и... должны ста-араться expier ses torts en-vers... envers... moi? договорила чувствительная вдова сквозь новое, истерическое рыданіе. Оченъ ужь сильно завела она машину...

Лина невольнымъ движеніемъ поднялась съ мѣста:

— Богъ видитъ, со внезапною восторженностью выраженія во всемъ ея обликѣ проговорила она,—что не прошло дня съ тѣхъ поръ, какъ его не стало, чтобъ я не вспоминала этихъ словъ его и не старалась сообразовать съ ними мои поступки! Я прошу сказать васъ, maman, подавала-ли я вамъ когда-нибудь поводъ къ огорченію?

— Parceque je ne vous ai jamais rien demandé, оставляла васъ до сихъ поръ дѣлать, что̀ вы хотѣли, заголосила Аглая Константиновна:—а теперь, quand il s'agit de votre bonheur, вы позволяете себѣ отвергать того, котораго выбрала ваша мать, votre mère qui vous a mis au monde (фраза эта была особенно любима княгиней,)... и даже вчера не танцовали съ

нимъ мазурку (вдругъ вспомнила она), когда вы были къ этому обязаны уже изъ одной учтивости, comme fille de la maison... Это вы называете исполнять волю de ce pauvre Michel и не огорчать меня?

— Maman, сказала княжна, почти строго глядя ей въ глаза,— я не ребенокъ болѣе, я понимаю, что̀ могъ требовать мой отецъ и чего онъ никогда не потребовалъ бы отъ меня. Онъ вѣровалъ, какъ и я... Онъ не потребовалъ бы отъ меня грѣха... Если — голосъ ея задрожалъ, — вы не хотите согласиться на выборъ моего сердца, въ которомъ единственно я могу найти счастіе, какъ я его понимаю, я склоню голову и покорюсь, и вы никогда не услышите отъ меня упрека, не увидите слезъ моихъ... Но я, maman, я поступила бы противъ Христа и совѣсти, если бы рѣшилась обмануть человѣка, выходя за него замужъ безъ любви... и даже съ отвращеніемъ...

Раскаталовская натура Аглаи — она почувствовала себя вдругъ глубоко оскорбленною словами дочери,—вылилась тутъ же на полный просторъ:

— И склоняйтесь. и покоряйтесь, и плачьте, и убивайтесь, потому что я умру, а не соглашусь, чтобы вы выходили за этого monsieur de rien du tout!... И вы отъ меня ни гроша не получите, если не пойдете за графа Анисьева, предваряю васъ... Базилю больше достанется, cela sera un vrai prince lui!..

— Князь Ларіонъ Васильевичъ прислали сказать, что желаютъ повидаться съ вашимъ сіятельствомъ, доложилъ у дверей Ѳиногенъ,—такъ будете-ли однѣ, спрашиваютъ.

Какъ ни возбуждена была наша княгиня, но имя ея деверя прозвучало для нея въ родѣ Нептуновскаго Quos ego! расходившимся не въ мѣру волнамъ. Она заметалась на своемъ диванѣ, будто ища чего-то, потомъ вдругъ разомъ притихла и съежилась (искала она чепчикъ, который тутъ же и вздѣла себѣ на голову).

— Скажи, что прошу, отвѣтила она слугѣ на свой уже обычный, пѣвучій ладъ, приведя себя такимъ образомъ во внѣшній и внутренній порядокъ. — Сейчасъ будутъ звонить ко второму завтраку, сказала она въ полоборота блѣдной и

недвижной Линѣ,—я васъ прошу сойти et présider à ma place. Вы скажете всѣмъ, что у меня голова болитъ, и что я къ завтраку не буду.

Княжня поняла: ея мать боялась, чтобы дядя не засталъ ея тутъ, не угадалъ по ея лицу выдержанной ею бури... Она поклонилась и вышла.

XVI.

Было-ли то нервное возбужденіе, или сила воли, возобладавшая надъ ея физическою слабостью, но Лина шла твердо, болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, но съ тѣмъ же спокойно сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, которое, быть можетъ, болѣе всего остальнаго раздражало княгиню Аглаю Константиновну въ теченіи переданнаго нами сейчасъ разговора ея съ дочерью... „Нести надо“, какъ бы машинально шептала внутри себя Лина слово Писанія, давно обычное ея мысли. „И бороться“, припоминала она тутъ же отвѣтъ Сергѣя на это слово въ одну изъ первыхъ ихъ бесѣдъ... „Да, бороться,— и она началась теперь, эта борьба“...

Она направлялась въ комнату Софьи Ивановны Переверзиной, разсчитывая, что успѣетъ до минуты, когда позвонятъ къ завтраку, передать ей и Гундурову о результатахъ объясненія съ матерью, — откинула полуспущенный портьеръ надъ дверью, отдѣлявшею первую гостиную отъ внутреннихъ комнатъ княгини... и безсознательно остановилась...

Прямо на встрѣчу ей шелъ графъ Анисьевъ, изящный, расчесанный и продушенный отборно-тонкими духами, со своими свисшими à la grognard эполетами и приподнятыми крючкомъ усами, щеголевато скользя по паркету сапогами, лоснившимися какъ зеркало, на небольшихъ, съ высокимъ подъемомъ, „аристократическихъ“ ногахъ.

Онъ чуть-чуть прищурился, узналъ ее въ просвѣтѣ двери и скользнулъ уже какъ по льду—тѣмъ разбѣгомъ, съ какимъ кидаются за стуломъ своей дамы иные усердные юноши на первыхъ порахъ своихъ дебютовъ въ свѣтѣ,—какъ бы съ тѣмъ,

чтобы не дать тяжелому штофному занавѣсу смять, опускаясь, легкія складки ея кисейнаго платья.

Она, въ свою очередь, поспѣшила инстинктивно опустить за собою этотъ занавѣсъ, чтобы не имѣть, за что̀ благодарить его.

Они глянули въ лицо другъ другу... Онъ низко поклонился. Она отвѣчала такимъ же учтивымъ и холоднымъ поклономъ и хотѣла пройти мимо... Онъ остановилъ ее вопросомъ:

— Pardon, mademoiselle, puis-je vous demander si madame la princesse votre mère est visible? J'allais chez elle.

— Она ждетъ сейчасъ дядю, князя Ларіона, отвѣтила княжна по-русски,—и жалуется на головную боль. Она мнѣ даже поручила просить за нее извиненія у всѣхъ за то, что не сойдетъ къ завтраку.

Онъ тотчасъ же перешелъ на русскій языкъ:

— Надѣюсь, однако, что въ этомъ нездоровьѣ нѣтъ ничего серіознаго?

— Я не думаю, и она, по всей вѣроятности, приметъ васъ съ удовольствіемъ послѣ завтрака.

Лина еще разъ поклонилась ему съ тѣмъ, чтобъ уйти... Онъ еще разъ остановилъ ее.

— Княжна, заговорилъ онъ голосомъ почтительнымъ до робости, — дозволите-ли вы мнѣ воспользоваться неожиданнымъ случаемъ, который даетъ мнѣ въ эту минуту судьба, чтобы попросить у васъ пять минутъ аудіенціи?

„Боже мой, еще объясненіе съ нимъ!“ подумала съ ужасомъ Лина.—Я право не знаю, графъ, что̀ вамъ можетъ быть угодно отъ меня, пробормотала она смущенно и досадливо.

— Пять минутъ, не болѣе! сказалъ онъ, простирая къ ней руку умоляющимъ жестомъ:—и по истеченіи ихъ я надѣюсь, добавилъ онъ какимъ-то нѣжно-меланхолическимъ тономъ, — что вы не будете глядѣть на меня такъ враждебно, какъ теперь!...

— Враждебно? повторила она невольно, съ невольнымъ пожатіемъ плечъ,—я ни къ кому вражды не чувствую, а къ вамъ...

— Le mot est mbitieux, я знаю, живо возразилъ онъ и чуть-чуть вздохнулъ: — внушать вамъ вражду была бы своего рода честь, на которую я никоимъ образомъ не имѣю права... Я долженъ былъ сказать: „не благосклоннно“,—и съ глубокою скорбію долженъ сознаться, что вы имѣете поводы смотрѣть именно такъ на меня.

— Я васъ не понимаю! молвила Лина, дѣйствительно не понимая, куда онъ велъ...

— Если бы вамъ угодно было присѣсть, княжна,—разговаривать стоя такъ неудобно,—я бы позволилъ себѣ вамъ это объяснить...

Онъ съ тѣмъ же почтительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и движеніяхъ указалъ ей на диванъ у стѣны, подлѣ двери... Она опустилась на него, рѣшившись выслушать его терпѣливо, такъ какъ другаго ничего не оставалось ей дѣлать.

Онъ сѣлъ на стулъ, сбоку, живописно провелъ по лицу красивою бѣлою рукой, съ крупнымъ сафиромъ en cabochon на мизинцѣ, и началъ:

— Княгиня, матушка ваша, и моя мать, какъ вамъ это извѣстно, княжна, встрѣтившись въ позапрошломъ году въ Римѣ, сошлись и очень подружились другъ съ другомъ... и, какъ это часто случается съ матерями взрослыхъ дѣтей... de deux sexes différents, прибавилъ онъ, позволяя себѣ слегка усмѣхнуться,—стали строить насчетъ ихъ будущности всякіе заманчивые планы.

— О которыхъ мнѣ ничего не говорили, и къ которымъ я никакъ не причастна, холодно и рѣшительно прервала его этими словами Лина.

Онъ вздохнулъ уже громче:

— Вамъ не надо было давать себѣ труда говорить мнѣ это, княжна:—съ первой встрѣчи нашей въ Сицкомъ я въ глазахъ вашихъ прочелъ, какъ эфемерны были эти планы и какъ... (онъ искалъ и не находилъ слова по-русски,)—la réalité des choses,—сказалъ онъ наконецъ,—давала мало надеждъ на ихъ осуществленіе... Я лично впрочемъ никогда и не давалъ имъ никакой цѣны!

Она взглянула на него полуудивленно, полунедовѣрчиво...

Онъ какъ бы не замѣтилъ этого взгляда и продолжалъ, склонивъ голову на грудь, съ выраженіемъ красивой печали на чертахъ:

— Но я былъ бы истинно несчастливъ, если-бъ, уѣзжая отсюда,—я уѣзжаю сегодня же, княжна,—я долженъ былъ увезти убѣжденіе, что съ именемъ моимъ соединяется для васъ понятіе о чемъ-то... (онъ опять искалъ слова и не находилъ его,)—que je vous fais l'effet d'un objet repoussant, досказалъ онъ и заговорилъ затѣмъ уже сплошь по-французски, рѣшивъ мысленно, что „отечественный языкъ est décidement trop rebelle à l'expression des choses délicates":—Я ни за что̀ не хотѣлъ бы оставить въ васъ это впечатлѣніе, княжна,—и это дало мнѣ смѣлость просить васъ выслушать меня... Я не хотѣлъ бы, чтобы вы могли хотя одну минуту думать, что пріѣздъ мой сюда былъ послѣдствіемъ... уговора нашихъ матерей. Нѣтъ, княжна, я точно такъ же, какъ и вы, „не причастенъ" тому, что̀ предположено было другими безъ моего вѣдома... Я только улыбался всегда сладкимъ мечтаніямъ моей бѣдной матери (aux doux rêves de ma pauvre mère) въ тѣхъ ея письмахъ изъ Рима, въ которыхъ съ такими восторгами говорила она мнѣ о васъ... Но эти письма, я сознаюсь вамъ въ этомъ, возбудили во мнѣ горячее желаніе увидѣть васъ... И я увидѣлъ, понялъ... Это было прошлою зимой въ Москвѣ, если угодно вамъ будетъ вспомнить... Я унесъ изъ этого перваго знакомства съ вами впечатлѣніе, о которомъ не стану вамъ говорить, поспѣшилъ прибавить флигель-адъютантъ, и голосъ его весьма эффектно задрожалъ, произнося эти слова,—но при которомъ уже трудно было мнѣ отвѣчать отказомъ на любезное приглашеніе княгини, матушки вашей, пріѣхать сюда ко дню вашего рожденія...

Онъ передохнулъ тяжело, какъ бы подавленный избыткомъ нѣжныхъ чувствованій, и повелъ все такимъ же робкимъ взглядомъ на безмолвно-внимавшую ему княжну. Она сидѣла, сложивъ руки, и глядѣла на него своими лазуревыми глазами съ невольнымъ, какъ могъ онъ замѣтить, любопытствомъ.

— Никакихъ предвзятыхъ намѣреній, никакихъ разсчетовъ, заговорилъ онъ опять,—не везъ я съ собою сюда, княж-

на. Я ѣхалъ съ мыслью... Я претендовалъ никакъ не болѣе какъ на то, чѣмъ вы дарите каждаго изъ окружающихъ васъ... малѣйшаго изъ тѣхъ, напримѣръ, кто вчера учавствовалъ съ вами въ представленіи *Гамлета*... Никакого дальнѣйшаго притязанія у меня не было въ мысли, точно такъ же, какъ въ убѣжденіи моемъ не было за мною никакихъ исключительныхъ правъ на ваше вниманіе... Къ несчастію моему,—голосъ его звучалъ теперь чуть уже не отчаяніемъ,—я долженъ былъ убѣдиться, что съ первой же минуты моего появленія въ Сицкомъ вы составили себѣ самое невыгодное... самое оскорбительное для меня, смѣю сказать, понятіе обо мнѣ... Я вамъ представился, не правда-ли, княжна,—онъ какъ бы сквозь слезы улыбнулся,—чѣмъ-то въ родѣ того невѣдомаго и ненавистнаго жениха, котораго жестокій братъ навязываетъ Лучіи ди Ламмермуръ, когда ея сердце занято совершенно другимъ человѣкомъ,—вставилъ совершенно невиннымъ тономъ Анисьевъ,—и который такъ слѣпо и самодовольно улыбается на сценѣ въ своемъ бѣломъ атласѣ и кружевахъ?....

Она хотѣла отвѣтить какимъ-нибудь учтивымъ возраженіемъ—и не нашла: она именно видѣла въ немъ до сей минуты этого щеголя-жениха Лучіи „невѣдомаго и навязываемаго“ ей...

Онъ горячо заговорилъ опять, сопровождая слова свои движеніями рукъ соотвѣтственнаго, благороднаго характера:

— Я это понялъ, княжна, и уѣзжаю сегодня, чтобы не оставить въ васъ и тѣни сомнѣнія насчетъ неосновательности того, что̀ въ вашей мысли соединялось тяжелаго и непріятнаго съ моею личностью... уѣзжаю, чтобы вамъ опять было жить совершенно легко и свободно... Я сейчасъ шелъ къ княгинѣ проститься, сказалъ онъ, помолчавъ и многозначительно отчеканивая каждое свое слово;—позвольте просить васъ отвѣтить мнѣ совершенно откровенно: полагаете-ли вы что, сообщивъ ей все то, что̀ я сейчасъ имѣлъ честь передать вамъ, я могу этимъ послужить тому полному душевному успокоенію вашему, которое въ настоящую минуту составляетъ предметъ самаго горячаго моего желанія?

Лина почувствовала себя тронутою этимъ „рыцарствомъ“.

— „Послужите-ли“—не знаю, отвѣчала она съ невеселою улыбкой, — но скажите во всякомъ случаѣ и—примите мою искреннею благодарность за доброе намѣреніе... и за прямоту вашихъ словъ... Но, графъ, промолвила она ласково,— зачѣмъ же послѣ этого уѣзжать вамъ такъ скоро, если вамъ нуженъ отдыхъ, и Сицкое кажется вамъ пригоднымъ для этого мѣстомъ?

Блестящій Петербуржецъ глянулъ на нее страстнымъ взглядомъ и тотчасъ затѣмъ опустилъ глаза.

— Нѣтъ, княжна, проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—это было бы свыше силъ моихъ: уйти—можно; видѣть и молчать нельзя!

Лина заалѣла:

— На это я ничего сказать вамъ не могу, тихо промолвила она и встала съ мѣста.

Онъ поспѣшно всталъ тоже и съ глубокимъ поклономъ и тѣмъ же, какъ бы разбитымъ отъ сдержаннаго чувства, голосомъ сказалъ:

— Мнѣ остается одно послѣднее слово, княжна: если приведетъ судьба встрѣтиться намъ опять, смѣю просить васъ видѣть во мнѣ человѣка, для котораго ваше счастіе будетъ всегда дороже его собственнаго, и который ничего такъ не желаетъ, какъ имѣть случай доказать это вамъ на дѣлѣ!...

— Вы уже многое доказали сегодня, чего я не въ правѣ забыть! сказала въ мгновенномъ порывѣ благодарности Лина.

Онъ вздохнулъ уже теперь слышно, во всю грудь:

— Княжна, прошепталъ онъ, — я уѣзжаю отсюда съ сокрушеннымъ сердцемъ, но уношу съ собою слова ваши, какъ высшее утѣшеніе... и лучшую награду за все, что я... Онъ не договорилъ, какъ-бы уже безсильный побороть свое волненіе, низко наклонился еще разъ предъ нею и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной по направленію лѣстницы... Онъ уходилъ, довольный собою такъ, какъ еще рѣдко случалось ему въ жизни...

— Неужели все это искренно? спрашивала себя въ свою очередь Лина,—и тихо закачала головой...

XVII.

Сцена другаго рода шла въ это время въ будуарѣ княгини Аглаи Константиновны между ею и ея деверемъ... Князь Ларіонъ начиналъ терять терпѣніе:

— Вотъ уже битыхъ полчаса, говорилъ онъ,—какъ я вамъ объясняю, что Hélène, что дочь ваша не безсловесное существо, не кукла, которую вы могли бы заставить садиться, пищать, ложиться или вѣнчаться съ такою же куклой, какъ дѣлаютъ это дѣти, по вашему произволу.

Аглая сидѣла, вся багровая и злая донельзя. Какъ ни рѣшительно намѣренъ былъ князь Ларіонъ, по обѣщанію своему Софьѣ Ивановнѣ, „постараться сумѣть" въ разговорѣ съ любезною невѣсткой говорить съ ней такъ, чтобъ она „поняла" и послушала,—но онъ былъ, дѣйствительно, не Зяблинъ: онъ не умѣлъ находить *подходящихъ* подъ ея пониманіе словъ, способныхъ произвести на нее впечатлѣніе и заставить ее уклониться отъ прямаго предмета ея хотѣнія, къ которому она, какъ рогатыя животныя, неслась неизмѣнно головой внизъ, не видя ничего по сторонамъ и топча подъ ногами съ безжалостною тупостью четвероногаго все, что̀ ни попадалось ей при этомъ на пути. Въ каждомъ его даже самомъ спокойномъ, самомъ миролюбивомъ словѣ она инстинктивно чуяла нерасположеніе его, его глубокое пренебреженіе къ ней, къ ея понятіямъ, къ ея „породѣ", — и чувствовала себя глубоко оскорбленною имъ. Она его боялась и ненавидѣла въ одно и то же время во глубинѣ своей, какъ выражался онъ, „рабской" натуры, и цѣплялась тѣмъ упорнѣе за рѣшеніе свое

выдать дочь за графа Анисьева, что (какъ далъ это понять ей однажды „бригантъ“,) общественное положеніе этого предполагаемаго будущаго зятя ея должно было быть настолько же блестящимъ, насколько и положеніе ея beau frére, и что это давало ей возможность не нуждаться въ немъ болѣе, уйти отъ его гнета, отъ того, что̀, говоря о князѣ Ларіонѣ графинѣ Анисьевой въ Римѣ, она называла „l'insupportable tyrannie de son grand air“...

— Моя дочь упряма, отвѣчала она, хныча, на его слова,— et volantaire, comme l'était feu votre frère Michel, qui m'a rendu malheureuse pendant quinze ans de ma vie!...

— Ну, это еще не извѣстно, кто былъ несчастнѣе, вы или мой братъ, такъ и вырвалось на это у князя Ларіона.

— Я, я, j'ai rendu Michel malheureux? возопила, въ свою очередь, Аглая, такъ и вспрыгнувъ на своихъ подушкахъ; — докажите это, докажите!...

— Ничего я доказывать не стану, сказалъ онъ, сдерживаясь,—и готовъ даже признать, что вы были несчастнѣйшею женщиной въ свѣтѣ и заслуживаете поэтому всякой жалости и слезъ, участія, если вамъ угодно... Но, признавъ это въ ваше удовольствіе, я осмѣлюсь спросить васъ далѣе: то̀ именно, что вы были несчастны сами, не должно-ли оно внушать вамъ самое горячее желаніе уберечь отъ такого же несчастія дочь вашу?

Аглая не поняла и захлопала глазами:

— Но о чемъ же я думаю, какъ не о ея счастіи, Larion?

— По-вашему, счастіе для нея—этотъ флигель-адъютантъ, а по ней — это смерть и гибель; какъ не хотите вы это понять?

— Mais ce n'est qu'un caprice de sa part, Larion. Почему бы ей было не любить ce charmant jeune homme qui a tout pour lui?

— „Tout“, презрительно сказалъ онъ, — кромѣ того, что̀ нужно, чтобы заговорило сердце такого созданія, какъ Hélène... Впрочемъ, дѣйствительно, вамъ это не понять! проговорилъ онъ сквозь зубы, поспѣшно вставая съ мѣста и принимаясь

шагать по комнатѣ, какъ дѣлалъ онъ это всегда, когда одолѣвало его волненіе.

— И какъ она можетъ предпочитать ему ce petit monsieur de rien du tout, продолжала, не слушая, Аглая,—qui n'a aucune position pans le monde, и за котораго она теперь вздумала вдругъ выходить замужъ!... Развѣ можно позволить ей faire une mésalliance comme cela, Larion?

Онъ быстро повернулъ на нее изъ противоположнаго конца комнаты съ какимъ-то внезапнымъ нервнымъ порывомъ:

— Ну, да, ну, да, отрывисто, черезъ силу пропускалъ онъ слово за словомъ на-ходу,—предпочитаетъ, любитъ, обожаетъ!... И что̀ же мы съ вами противъ этого сдѣлать можемъ!... Что̀ про-тивъ э-то-го сдѣлать можно? съ какою-то злобой отчеканивалъ онъ. — Никакого тутъ „méssalliance" нѣтъ, все это вздоръ и пустяки ваши, — онъ и по рожденію своему, и по воспитанію развѣ только въ вашихъ понятіяхъ не пара Hélène. Онъ молодъ, не *жилъ*,—вотъ единственное, что̀ можно развѣ сказать противъ него... Но будь онъ и не то, что̀ онъ есть, будь онъ негодяй, бездѣльникъ, отъявленный мерзавецъ, что̀ же вы сдѣлаете, что̀ сдѣлаете, повторилъ князь Ларіонъ неестественнымъ, крикливымъ голосомъ, — когда она его любитъ... любитъ... понимаете-ли вы, лю-битъ!

— Elle ne doit pas l'aimer, Larion! упершись какъ волъ въ стѣну, возглашала на это Аглая.

— „Ne doit pas"! повторилъ онъ ея интонаціей, совершенно выходя изъ себя; — ну, подите, помѣшайте, упросите или заставьте ее не любить, не думать, не страдать по немъ!... Ну, какъ, какъ, хотѣлъ бы я посмотрѣть, взялись бы вы за это?... Я знаю, вы способны на многое... но что̀ же изъ этого? Ну, вы ее убьете, въ гробъ положите, а все же она за вашего селадона-іезуита въ аксельбантахъ не выйдетъ, а умретъ съ именемъ этого Гундурова на устахъ и въ сердцѣ... Господи, какъ бы вдругъ осиливъ себя, заговорилъ онъ другимъ, почти спокойнымъ и насмѣшливымъ тономъ, — да неужели все это не дается понять собственному вашему разсудку?... Ну, вы бы хоть на себѣ когда-нибудь испытали,

легко-ли сердце заставить отказаться отъ того, что̀ его влечетъ... Не велика сравнительно жертва, а попробуйте, напримѣръ, отказаться отъ удовольствія пить съ утра до вечера чай съ господиномъ Зяблинымъ вдвоемъ, какъ вы это дѣлаете каждый день!...

Этого Аглая не ожидала и—не въ силахъ была вытерпѣть; слова деверя били ее по самому, чтобы не сказать единственному, чувствительному мѣсту ея толстокожаго существа: они задѣвали ея чувство къ „бриганту", — а „бригантъ" не на шутку состоялъ уже теперь на положеніи кумира въ сердечномъ храмѣ нашей княгини. Князь Ларіонъ и не думалъ, чтобы былъ такъ мѣтокъ нанесенный имъ ударъ... Она вся вдругъ облилась оцтомъ и желчью:

— Я не позволяю вамъ говорить со мною такъ, князь Ларіонъ! Michel умеръ, и никто не имѣетъ права говорить мнѣ des impertinences... Je suis veuve и я могу дѣлать, что̀ хочу, pourvu qu'il n'y ait rien de scabreux... Я еще не старая женщина и, если захочу, je puis me remarier à monsieur Ziabline et avoir d'autres enfants, и тогда дѣтямъ вашего брата достанется только половина моего состоянiи. Но я этого не хочу, parceque je ne veux pas changer de nom... Monsieur Зяблинъ est un vrai ami, и это правда, что онъ всегда пьетъ чай со мною, parce qu'il aime le чай comme moi, но между нами il n'y a pas du tout ce que vous croyez, и вы это нарочно говорите, чтобъ обижать меня, потому что сами вы, я знаю, amoureux fou de votre nièce, и не хотите, чтобъ она выходила замужъ...

Она не успѣла договорить... и вдругъ вскрикнула и съ ужасомъ на лицѣ откинулась въ спинку своего дивана...

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею, наклонившись до уровня ея глазъ, и, блѣдный какъ смерть, съ исковерканными отъ гнѣва чертами шипѣлъ сквозь стиснутые зубы обрывающимся, бѣшенымъ голосомъ:

— Какъ смѣете это вы говорить! Кто сказалъ вамъ?... Это не ваше... Кто вамъ сказалъ?...

Она перепугана былъ такъ, какъ никогда еще въ жизни:

— Au nom du ciel, Larion, забормотала она, вся расте-

рянная,—не сердитесь!... Я ничего не хотѣла сказать вамъ... de désobligeant... Я только такъ, Larion...

— Кто вамъ сказалъ... Говорите! съ безумнымъ гнѣвомъ повторилъ онъ.

— Mon Dieu, Larion, за что̀ вы такъ сердитесь!... Vous aimez beaucoup Lina, это всѣ знаютъ... и если я даже сказала, что вы немножко... il n'y a pas de mal... потому что уже мущины не могутъ, ils font toujours du sentiment... Это Ольга мнѣ сказала, Larion, вдругъ такъ и выпустила она, сама не вѣдая какъ, подъ вліяніемъ неодолимаго страха, который внушалъ онъ ей въ эту минуту.

— А! сказалъ онъ, только выпрямляясь во весь ростъ,— эта дѣвчонка!...

Онъ нѣсколько минутъ затѣмъ, тяжело дыша и не спуская съ нея своихъ, полныхъ отвращенія и какой-то безконечной тоски, глазъ, оставался безмолвнымъ, какъ бы соображая что-то... Аглая подъ тяжестью этого взгляда не знала со своей стороны, куда дѣвать глаза, и металась грузнымъ тѣломъ своимъ по мягкому дивану, не находя себѣ на немъ мѣста.

— Послѣ того, что̀ вы сказали, молвилъ онъ наконецъ,— мнѣ слѣдовало бы немедленно выѣхать изъ вашего дома и никогда болѣе въ жизни не видать васъ... Я этого не сдѣлаю, не могу сдѣлать, потому я что нуженъ Hélène, *дочери брата моего*, подчеркнулъ онъ: — безъ меня вы ее дѣйствительно въ гробъ вгоните. А этого я вамъ не дозволю, пока живъ!... Но, оставаясь здѣсь, вы понимаете, что я не желаю встрѣчаться съ вашею... наушницей, съ этою презрѣнною дѣвчонкой... Вы попро̀сите ее сегодня же выбраться отсюда,— а не то я самъ ей скажу!...

— Mon Dieu, Larion, залопотала отчаяннымъ голосомъ Аглая,—но какъ же это сдѣлать?... Vous savez, что она сегодня вечеромъ должна играть на театрѣ... nôtre second spestacle... и у насъ гости...

— Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было, — дѣлайте, какъ знаете, а не то я самъ объ этомъ постараюсь, — хуже бу-

детъ... А Hélène, разъ она этого не желаетъ, за вашего Анисьева не выйдетъ,—знайте это разъ навсегда!

Онъ выговорилъ это медленно, отчетливо, спокойно, тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, который какъ бы и не предполагаетъ возможности возраженія — Аглаѣ и въ голову не пришло возражать,—и, не глядя на нее, обернулся и вышелъ изъ комнаты.

XVIII.

Никогда еще такъ угрюмо не проходилъ завтракъ въ Сицкомъ, какъ въ этотъ день. Отыгранный *Гамлетъ* словно унесъ съ собою и весь тотъ духъ оживленія и веселости, которымъ дышало до сихъ поръ молодое общество нашихъ лицедѣевъ. Всѣ они какъ бы попріуныли, какъ бы поопустились. Слѣды вчерашней усталости читались на ихъ лицахъ, вмѣстѣ съ ощущеніемъ какой-то пустоты и того необъяснимаго, но неизбѣжнаго безпокойства, которое овладѣваетъ каждымъ изъ постороннихъ лицъ въ домѣ, гдѣ между хозяевами происходитъ что-то неладное, какъ бы ни скрыто оно было отъ чужихъ глазъ... А этимъ чѣмъ-то неладнымъ такъ и пахло теперь въ Сицкомъ. Непонятный отъѣздъ Надежды Ѳедоровны, о конечной цѣли котораго стало тотчасъ же извѣстнымъ во всѣхъ углахъ дома, отсутствіе княгини за завтракомъ, тоскливое настроеніе княжны Лины и ея дяди, сквозившее сквозь ихъ обычную привѣтливость и спокойный видъ, пустыя наконецъ мѣста за столомъ (многія изъ пріѣзжихъ дамъ еще обрѣтались въ объятіяхъ сна, а московскіе жёнпремьеры, какъ оказывалось, уѣхали съ ранняго утра въ городъ, пировать къ Шнабельбергу, съ тѣмъ, чтобы вернуться вечеромъ къ театру),—все это вмѣстѣ взятое претворялось въ нѣчто тяжелое, гнетущее, впечатлѣніе чего каждый чувствовалъ на себѣ, и чего никто какъ бы не имѣлъ силы стряхнуть и сбросить съ себя... Разговоръ не клеился, начинаемыя рѣчи тутъ же обрывались и смолкали... Одинъ, неизмѣнно все тотъ же, „фанатикъ“, ничего никогда не видѣвшій и въ умѣ не державшій, кромѣ „театрика“ и участія своего въ немъ, жадно пожиралъ блюдо за блюдомъ и мысленно улыбался

чаемому успѣху своему въ роли Синичкина, да успѣвшій проспаться послѣ попойки Толя Карнауховъ усердно опохмѣлялся портвейномъ, тараторя въ интервалахъ съ полусоннымъ еще дипломатомъ, промаявшимся все утро со своимъ катарромъ желудка.

Софья Ивановна Переверзина и Гундуровъ не сходили къ завтраку. Ашанинъ, явившійся къ нему ранѣе всѣхъ, въ надеждѣ поймать пріятеля и переговорить съ нимъ (онъ упрекалъ себя за то, что какъ бы позабылъ со вчерашняго вечера о его сердечныхъ интересахъ), сидѣлъ теперь между Духонинымъ и Факирскимъ, внимательно наблюдая за всѣмъ, что̀ происходило кругомъ него. Онъ съ особымъ прилежаніемъ слѣдилъ за игрой физіономій княжны Лины и блестящаго флигель-адъютанта и, ничего не зная, разумѣется, о происшедшемъ у нихъ объясненіи, замѣчалъ не съ малымъ удивленіемъ, что между ними какъ бы вдругъ перемѣнились отношенія: она глядѣла на Анисьева почти ласково каждый разъ, когда онъ обращалъ къ ней рѣчь (ихъ отдѣляла тридцатилѣтняя московская княжна, занимавшая почетное мѣсто одесную хозяйки, представительницей которой была теперь Лина), сама нѣсколько разъ первая заговаривала съ нимъ... „Что̀ же это значитъ?“ спрашивалъ себя Ашанинъ, съ невольною тревогой за Сергѣя, отсутствіе котораго здѣсь еще болѣе увеличивало его безпокойство...

Уже всѣ сидѣли за столомъ, когда въ комнату влетѣла Ольга Акулина, громко извиняясь... Капитанъ Ранцовъ, сидѣвшій какъ на иголкахъ въ ожиданіи ея, распустилъ все лицо свое въ широкую улыбку, повернувъ его къ ней, будто подсолнечникъ къ дневному свѣтилу... Ашанинъ поспѣшно опустилъ глаза въ тарелку.

Проходя мимо князя Ларіона, Ольга, по обыкновенію, почтительно присѣла предъ нимъ. Онъ отвѣтилъ ей такимъ холодно короткимъ поклономъ, что у нея и у Ашанина одновременно захолонуло сердце... „Боже мой, неужели онъ какъ-нибудь узналъ!“ пробѣжала у обоихъ та же мысль, и оба они мгновенно покраснѣли до ушей.

Ранцовъ покраснѣлъ тоже отъ негодованія за даму своего

сердца. Онъ повелъ злобнымъ взглядомъ по направленію князя и, перекинувъ его тотчасъ на барышню:

— Не прикажете-ли, Ольга Елпидифоровна? промолвилъ онъ своимъ густымъ басомъ, двинувъ порожній подлѣ него стулъ.

Предложеніе оказалось неудачнымъ: точно, показалось ей, хотѣлъ онъ заявить о своемъ покровительствѣ ей послѣ этого обиднаго отвѣта князя Ларіона на ея учтивость, и ей пуще отъ того стало обидно.

— Не каждый день праздникъ! проговорила она, высокомѣрно скользнувъ по немъ сердитымъ взглядомъ, и, пройдя мимо, опустилась на свободный стулъ по другой сторонѣ графа Анисьева.

— Можно? спросила она его, сопровождая вопросъ соотвѣтствующимъ „глазенапомъ“.

— Помилуйте!... вскинулся онъ, учтиво кланяясь и улыбаясь.

Бѣдный капитанъ такъ и захолодѣлъ отъ тоски и ревности...

— А гдѣ же maman, Лина? громкимъ голосомъ произнесла барышня, обращаясь къ княжнѣ (у нея скребли кошки на душѣ, и тѣмъ болѣе старалась она скрыть это подъ своимъ самоувѣреннымъ тономъ).

— У нея голова болитъ, она не сойдетъ.

— Я такъ заспалась сегодня, послѣ бала, не успѣла зайти къ ней предъ завтракомъ... А вы рѣшительно таки ѣдете сегодня, или перемѣнили? полушопотомъ спросила своего сосѣда Ольга, развертывая салфетку.

— Ѣду, въ два часа, сказалъ флигель-адъютантъ.

— Какъ вамъ писать, если-бъ это потребовалось? еще тише пропустила она.

— Потомъ! чуть слышно и торопливо отвѣтилъ онъ, приглашая ее взглядомъ къ молчанію.

Она замолчала, прищурившись оглянула столъ кругомъ и обратясь къ сидѣвшему по другой ея сторонѣ Шйгареву:

— Что это насъ такъ мало сегодня? Куда вся вчерашняя компанія дѣвалась?

— Кто у Сопикова, а кто у Храповицкаго, а кто въ Отъѣзжій полкъ, въ Удиральскую роту записался, отвѣчалъ шутъ.

— Ахъ, какъ это старо! уронила свысока барышня, поморщившись,—вы бы что-нибудь новое придумали!

— Нельзя, отвѣтилъ онъ, вытягивая неестественно-длинное лицо,—постъ насталъ, послѣ кутежа—кутья.

Она засмѣялась:

— Вотъ это правда; такія у всѣхъ лица сегодня, будто за поминальнымъ обѣдомъ... Надѣюсь, что не такія они будутъ сегодня вечеромъ, на нашемъ торжествѣ съ вами, а?... Иванъ Ильичъ, крикнула она черезъ столъ Вальковскому,—будетъ у насъ утромъ репетиція?

— Непреложно сварганимъ! отпустилъ въ отвѣтъ тотъ, отваливая себѣ полную тарелку грибовъ.

У самаго уха барышни зашепталъ въ эту минуту таинственно докладывавшій голосъ:

— Ихъ сіятельство княгиня Аглая Константиновна приказали просить васъ, какъ изволите откушать, немедленно пожаловать къ нимъ.

Ольга невольно вздрогнула и отъ неожиданности, и отъ новой тревоги; та же мысль, что о ея свиданіи съ Ашанинымъ могло быть кѣмъ-нибудь доведено до хозяевъ дома, ходуномъ заходила теперь въ ея головѣ... Но она никому не дала замѣтить своего смущенія, улыбнулась, сказала черезъ плечо слугѣ: „хорошо, сейчасъ буду“,—и, повернувъ голову къ флигель-адъютанту сказала ему, шутливо:

— Княгиня рѣшительно безъ меня жить не можетъ,—сейчасъ прислала просить къ себѣ.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ, живо сказалъ тотъ,—позвольте мнѣ просить васъ узнать отъ княгини, когда дозволитъ она притти къ ней проститься.

— Непремѣнно, графъ, и приду съ отвѣтомъ... Лина, pardon, я ухожу къ вашей maman, сказала она, подымаясь тутъ же.

Ашанинъ, едва кончился завтракъ, побѣжалъ на верхъ, къ Софьѣ Ивановнѣ.

XIX.

— Милочка моя, княгинюшка, прелесть моя, вбѣгая въ будуаръ княгини, щебетала Ольга Елпидифоровна обычные ей ласкательные эпитеты по адресу своей покровительницы, стараясь придать голосу своему и наружности выраженіе полной беззаботности и веселости,—вы за мной посылали! Какъ вамъ не стыдно! Неужели вы думаете, что я бы сама... Но я ужасно заспалась сегодня, не успѣла еще... Княгинюшка моя, голубушка!...

И она съ разбѣга кинулась обнимать и лобызать ее.

Цѣлованья эти приходились повидимому по вкусу Аглаѣ Константиновнѣ: она только подставляла подъ свѣжія губы барышни то одну щеку, то другую, прищуривая при этомъ одинъ за другимъ круглые глаза свои и отвѣчая на каждый получаемый ею звонкій поцѣлуй не менѣе звонкимъ вздохомъ.

— Голубушка моя, княгинюшка, вскликнула Ольга,—вы рѣшительно не здоровы! У васъ голова болитъ,—да?... Вы такъ вздыхаете... Что̀ съ вами?...

— Ты меня спроси, какъ я еще на ногахъ держусь послѣ всего, что̀ я вынесла! забывая даже сказать это по-французски,—такъ глубоко сидѣло въ ней огорченіе,—отвѣтила на это княгиня.

— Боже мой, что̀ же такое случилось?

— Lina et mon cher beau-frère ont décidé de me faire mourir de chagrin!... И Аглая разразилась слезами...

Послѣдовало объясненіе,—объясненіе подробное, безтолко-

вое, нестерпимое, со вставкой въ него всякихъ аховъ, возгласовъ и постороннихъ подробностей, въ которомъ на одномъ и томъ же планѣ стояли, какъ величины равномѣрныя, и „désobéissance“ Лины, которую „эта madame Pereverzine et son neveu qui est un sant-culotte“ совсѣмъ съ ума свели, и огромный счетъ въ douze mille francs за вчерашній день, и воспоминанія объ „infidélités“ князя Михайлы, и „trois cent mille de dettes“ (то-есть, trois cent mille roubles)“, приписываемые „au jeune comte par cette princesse Dodo qui est si méchante“, и „cette folle de Надежда Ѳедоровна, влюбившаяся на старости лѣтъ въ Гундурова, и на мѣсто которой Аглая теперь не знаетъ, кого взять, и наконецъ „Larion“, который наговорилъ ей такихъ „impertinences“ за то, что она любитъ „prendre le thé avec monsieur Зяблинъ“, какихъ она въ жизнь свою никогда еще не слыхала, и даже „il y avait un moment“, когда она „совсѣмъ думала, что онъ прибьетъ ее“...

Ольга слушала, старательно изображая на лицѣ своемъ вниманіе самаго сочувственнаго свойства, и говоря себѣ мысленно въ то же время, что на мѣстѣ князя Ларіона она дѣйствительно „поколотила бы эту несносную дуру“, отъ разсказовъ и жалобъ которой у нея начинало уже нестерпимо ныть подъ ложечкой... Но во всемъ этомъ было тò хорошо, что о ней и объ Ашанинѣ не было рѣчи, что опасенія ея такимъ образомъ оказывались неосновательными...

Какъ же выразить изумленіе и ужасъ нашей барышни, когда въ заключеніе слезнаго повѣствованія Аглаи Константиновны о ея горестяхъ услыхала она слѣдующія слова:

— И онъ (то-есть князь Ларіонъ) прямо, en toutes lettres, объявилъ мнѣ, уходя, что онъ не хочетъ, чтобы Лина épouse le jeune comte, что онъ этого мнѣ не позволитъ... понимаешь ты это? не позволитъ à moi, sa mère, qui l'ai mise au monde!.. и также то, что ты должна уѣхать отсюда.

Ольга въ первую минуту не повѣрила ушамъ своимъ:

— Чтò вы сказали? Я... уѣхать?...

— Да, сегодня же, il l'éxige, ma chère! повторила, утирая глаза, княгиня.

„Все знаютъ!“ громовымъ ударомъ отозвалось у барышни въ самой глубинѣ ея существа...

Но она не склонила головы подъ этимъ ударомъ, она надменно подняла ее, напротивъ, и, глядя на хозяйку во всѣ глаза:

— За что̀ же наносится мнѣ это оскорбленіе? твердо проговорила она;—чѣмъ я провинилась, можно узнать?

— Это онъ за то возненавидѣлъ тебя, ma chère, захныкала та ей въ отвѣтъ,—что ты говоришь про него, что онъ amoureux fou de sa nièce...

Ольга такъ и вскочила, всплескивая руками:

— Но кому же, кому же я когда-нибудь это говорила?... Вѣдь никому на свѣтѣ, кромѣ васъ одной... изъ моей преданности къ вамъ... Кто же могъ сказать это ему?

Аглая захлопала глазами, какъ бы удивляясь такому вопросу:

— Я, Ольга, c'est moi qui le lui ai dit; онъ требовалъ непремѣнно, чтобъ я сказала ему, кто мнѣ сказалъ про это, я и сказала...

— Вы! вы рѣшились!... Такъ вы забыли, что я умоляла васъ не говорить... что это можетъ повредить мнѣ, отцу моему... и вы клялись, божились на образа, что никто не узнаетъ... И вы теперь...

— Mon Dieu, Olga, comme tu es drôle, перебила ее недовольнымъ тономъ Аглая Константиновна,—конечно, je t'ai juré, что я ему не скажу, но я тебѣ говорю, что онъ былъ такой злой, что я думала un moment qu'il allait me battre; я ему и сказала.

Ольгѣ стало вдругъ такъ гадко, что потокъ упрековъ, готовый сорваться съ ея языка, мгновенно стихъ и замеръ на ея устахъ. Она пристально и враждебно взглянула еще разъ на эту тупую и безсердечную женщину и засмѣялась язвительнымъ, не добрымъ смѣхомъ:

— Я, конечно, не останусь ни часу долѣе въ вашемъ домѣ, княгиня, но вы знаете, что я должна была играть вечеромъ на театрѣ, что изъ-за этого у васъ до сихъ поръ здѣсь гости, публика. Какъ же вы велите мнѣ отвѣчать,—вѣдь всѣ

спрашивать станутъ,—почему этого спектакля не будетъ, и отчего я уѣзжаю? Можетъ быть, такъ и говорить всѣмъ прикажете, что князь Ларіонъ Васильевичъ выгоняетъ меня отсюда потому, что онъ влюбленъ въ свою племянницу, и употребляетъ всѣ средства, чтобъ она не выходила замужъ, что я это замѣтила и предварила васъ объ этомъ изъ дружбы, а вы поспѣшили выдать меня ему, испугавшись, что онъ васъ прибьетъ за то, что вы любите пить чай съ господиномъ Зяблинымъ? Вѣдь изъ того, что̀ вы мнѣ сказали, такъ, кажется, выходитъ?...

Не одинъ „Калабрскій бригантъ“ умѣлъ, какъ видно, говорить съ нашею княгиней: слова барышни доняли ее, что̀ называется, доживья. Ей сразу представилось, что изо всего этого можетъ выйти „une histoire affreuse“, сплетня, говоръ, скандалъ, который можетъ дойти „jusqu'à Pétersbourg“, что князь Ларіонъ „qui n'est plus en faveur, mais qui a toujours une grande position dans le monde“, захочетъ тогда оправдаться и отомстить ей, и можетъ въ такомъ случаѣ написать „une lettre confidentielle à Sa Majesté l'Empereur“ про отношенія ея къ Зяблину,—словомъ, ужасы неописанные!...

Она отчаянно замахала обѣими руками:

— Что̀ ты, что̀ ты, Ольга, mais tu es tout à fait folle!... Ты, ты хочешь всѣмъ разсказывать! Развѣ ты не знаешь, что dévoiler des secrets de famille—c'est un crime, Olga!

Злое чувство засверкало въ глазахъ барышни: ей любо было потѣшиться этимъ испугомъ, который внушала она своей „предательницѣ“...

— Это ваши тайны, а не мои, хихикнула она, — мнѣ-то изъ-за чего ихъ хранить? Меня выгоняютъ отсюда; какъ же мнѣ отвѣчать, когда спросятъ меня, за что̀? Солгать что̀-ли на себя самое, поклепъ какой-нибудь взвести, сказать, что я въ вашемъ домѣ неприличное что̀-нибудь сдѣлала, не это-ли еще прикажете? дерзко промолвила она, совершенно успокоенная теперь насчетъ собственной тайны, и почерпая въ этомъ необыкновенную смѣлость: — ужь не пожертвовать-ли вамъ, въ благодарность за поступокъ вашъ со мною, моею репутаціей de jeune personne comme il faut?

Аглая захныкала въ десятый разъ съ утра:

— Mais, mon Dieu, Olga, ты очень хорошо знаешь, что это не я, а Larion, что я тебя, au contraire, всегда любила, потому что ты une fille d'esprit et aimable... И я ему говорила, что ты сегодня должна играть et qu'on ne peut pas te renvoyer aujourd'hiu, но онъ ничего слышать не хочетъ!

— Очень вамъ благодарна за такое предстательство, отвѣтила тѣмъ же язвительнымъ тономъ барышня,—и очень жалѣю, что оно ни къ чему не повело; вы видите поэтому, что мнѣ ничего не остается, какъ разсказывать все, какъ есть.

— Mais c'est impossible, Olga, tout à fait impossible! вскрикнула Аглая Константиновна;—что̀ будутъ говорить про меня... и про всѣхъ... et puis Larion мнѣ бы этого никогда не простилъ... Послушай, Ольга, вдругъ осѣнилась она блестящею мыслью,—я знаю, что ты une pauvre fille, и что, когда ты не будешь жить у меня, ты много потеряешь... pour la toilette et le reste, что̀ я тебѣ давала. Но я тебя не оставлю... я готова даже сейчасъ... j'irai jusqu'à mille roubles, ma chère; съ внезапнымъ азартомъ выговорила Аглая,—только найти средство d'éviter le scandale?...

— Деньги! вскрикнула Ольга, вся задрожавъ отъ негодованія,—вы предлагаете мнѣ деньги, „mille roubles!...“ Да скажите пожалуйста, княгиня, за кого же вы меня почитаете?... Я могла принимать отъ васъ все, когда я была у васъ въ домѣ своя, un enfant de la maison,—я себя, по крайней мѣрѣ, почитала такою. А вы меня предали и гоните теперь вонъ, какъ собаченку какую-нибудь, и чтобъ я не говорила, за что̀ вы мнѣ сулите деньги... Знаете, княгиня, это мнѣ просто смѣшно,—и она, дѣйствительно, захохотала нервнымъ, пронзительнымъ смѣхомъ,—у меня черезъ мѣсяцъ у самой будетъ сорокъ тысячъ дохода, такъ вотъ мнѣ что̀ ваши „mille roubles!“ Можете ихъ отдать, кому угодно... хоть тому самому, съ кѣмъ вы пьете чай съ утра до вечера; ему, можетъ-быть, они нужны, а мнѣ не надо!...

Аглая Константиновна была до того поражена этою нежданною выходкой, что ничего даже сообразить не могла. Это

было нѣчто совершенно невѣроятное для нея и по смыслу рѣчей, и по дерзости ихъ. „La fille de l'исправникъ!“ неслышно бормоталъ только языкъ ея...

А у нея, у этой „fille de l'исправникъ“ были козыри въ рукѣ,—и она это понимала. Изгнаніе ея изъ Сицкаго рѣшало ея судьбу... Она могла колебаться, откладывать до этой минуты; теперь же все было кончено и рѣшено въ ея живой и сообразительной головѣ, планъ начертанъ, исполненіе въ ея волѣ... Она заговорила коротко, рѣзко, чуть не повелительно:

— Вы, княгиня Шастунова, насплетничали на бѣдную дѣвушку и теперь боитесь, чтобъ она вамъ не надѣлала скандала... „mille roubles“ готовы дать, чтобъ его не было... Извольте, скандала не будетъ... и рубли ваши въ карманѣ у васъ останутся, презрительно промолвила Ольга. — И не для васъ я это дѣлаю, прямо говорю, а для отца моего, на службѣ котораго это могло бы отозваться... Да и то!—И она высокомѣрно качнула головой.—Однимъ словомъ, скандала не будетъ, потому что *я* не хочу. Но для этого вы должны сдѣлать то, что̀ я вамъ скажу.

Аглая Константиновна продолжала глядѣть на нее, непомѣрно расширивъ зрачки и рѣшительно не чувствуя себя въ состояніи понять, какъ эта „дѣвчонка“, состоявшая у нея на побѣгушкахъ, „une autre Надежда Ѳедоровна comme position“,—какими чудесами преобразилась она вдругъ въ эту дерзкую, рѣшительную, „командующую ей“ особу... И эти „сорокъ тысячъ дохода“, о которыхъ она говоритъ... откуда это, что̀?... „Во снѣ это или на яву я слышу?“ проносилось въ головѣ Аглаи.

А въ то же время она чувствовала себя въ полной власти этой особы.... Ей бы слѣдовало окрыситься, протестовать противъ этой „insolence“, смутно сказывалось въ ея сознаніи, слѣдовало remettre cette donzelle à sa place“... А она, безпомощно ворочая зрачками и не отводя ихъ отъ барышни, могла только выговорить робко и покорно:

— Что̀ же я должна сдѣлать, Ольга?..

— Скажитесь больной не на шутку, лягте въ постель, „закомандовала“ тотчасъ та,—прикажите даже, чтобы посла-

ли за докторомъ въ городъ, — онъ самъ въ постели второй мѣсяцъ и не будетъ, — все равно, всѣ будутъ знать... Вы скажете, что вамъ очень хочется видѣть нашъ спектакль, но такъ какъ вы не можете на немъ быть, то вы просите отложить его на нѣсколько дней... Съ гостями вашими жениро-ваться вамъ очень не для чего: изъ важныхъ ужь никого нѣтъ, нѣкоторые мущины только... вашъ молодой графъ уѣзжаетъ сегодня утромъ, я знаю... Я съ своей стороны скажу, что охрипла, и что мнѣ нужно съ отцомъ въ городъ дня на два. А въ это время и остальные отсюда разъѣдутся... да и мнѣ самой будетъ уже не до спектакля, многозначительно протянула Ольга;—такимъ образомъ никто ничего не будетъ знать, и мы разойдемся съ вами, какъ порядочные люди.

— Mais, Olga, ma chère, жалобнымъ голосомъ пискнула вдругъ Аглая Константиновна, — мнѣ очень скучно будетъ лежать въ постели, si je t'écoute!...

— Вы предпочитаете „скандалъ"? коротко отрѣзала на это барышня.

Аглая испуганно заерзала на своемъ диванѣ.

— C'est vrai, что я сегодня въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ, совсѣмъ больна отъ всѣхъ этихъ сценъ, заговорила она, какъ бы вспомнивъ вдругъ, и тутъ же взялась за платокъ — утирать чаемыя слезы, — le repos me fera du bien... Mais, Olga, ma chère, я не могу никого не принимать, мнѣ нужно... Le jeune comte, par exemple, долженъ быть ко мнѣ проститься.

— Да, сказала Ольга, — онъ меня даже просилъ сказать вамъ и ждетъ, когда я приду съ отвѣтомъ... Этому я сама скажу, что̀ нужно... А если monsieur Зяблинъ будетъ приходить къ вамъ чай пить,—она взглянула на княгиню и свысока улыбнулась,—такъ это тѣмъ лучше: онъ, выходя отсюда, будетъ такъ усердно испускать вздохи, что напугаетъ каждаго насчетъ вашего здоровья.

Аглая опустила глаза не то стыдливо, не то самодовольно. Страхъ „скандала" нисколько не мѣшалъ тому сюсюкающему чувству нѣжнаго томленія, которое неуклонно испытывала сорокалѣтняя барыня при одной мысли о страсти къ ней „бриганта"...

— А теперь прощайте, княгиня, молвила вставая Ольга,— примите мою благодарность за всѣ ваши ко мнѣ милости, прошедшія и *настоящія*, подчеркнула она съ короткимъ, ироническимъ смѣхомъ.—Лину поцѣлуйте, если я ея не увижу... ей теперь не до меня, я знаю!... А князю Ларіону Васильевичу посовѣтуйте поостыть немножко, — въ его годы юношескій жаръ никуда не годится...

— Olga, ma chère, воскликнула на эти слова, какъ бы внезапно проснувшись, Аглая Константиновна,—il doit t'être arrivé quelque chose de très heureux, что ты вдругъ стала говорить теперь avec tant d'assurance?

— Можетъ-быть... Не увидите, такъ услышите! громко засмѣялась на это барышня, поклонилась и вышла.

XX.

Въ первой гостиной застала она графа Анисьева; онъ, опустивъ голову и крутя усы, въ раздумьи ходилъ, въ ожиданіи ея, по комнатѣ.

— Княгиня одна, можете итти къ ней, графъ, сказала Ольга съ порога.

— Какой сеансъ у васъ былъ продолжительный! молвилъ онъ, подходя и улыбаясь.

— Да, отвѣтила она, улыбаясь тоже,—продолжительный... и рѣшительный,—для меня, по крайней мѣрѣ.

— А что̀?

— Я уѣзжаю отсюда.

— Уѣзжаете!...

— Съ тѣмъ, чтобы никогда сюда не возвращаться.

На лицѣ флигель-адъютанта изобразилось изумленіе и какое-то безпокойство.

— Что̀ же это... ссора? проговорилъ онъ уже шопотомъ.

Ольга помолчала чуть-чуть, глянула ему въ лицо...

— Я вамъ скажу, потому что это вамъ, я думаю, пригодиться можетъ, начала она, озираясь затѣмъ;—моего отъѣзда требуетъ этотъ противный старикашка, князь, дядя Лины... Онъ, надо вамъ сказать, препламенный... онъ и за мною одно время ухаживалъ... Только главная его страсть—княжна... вы можете вообразить, родная племянница!... И онъ теперь рветъ и мечетъ, и всякія средства употребляетъ, чтобъ она ни за кого не вышла замужъ, ни за васъ, ни за этого Гундурова... Я это давно замѣтила, и когда княгиня начала

мнѣ говорить о васъ,—еще далеко до вашего пріѣзда сюда,—я ее предварила объ этомъ, и что онъ навѣрное будетъ отсовѣтывать и возбуждать Лину противъ васъ. Все это, разумѣется, я говорила ей подъ величайшимъ секретомъ, и она клялась и божилась не выдавать меня... И вдругъ по своей непроходимой глупости и трусости,—вы, я думаю, сами поняли, что̀ это за женщица!—она возьми, да и бухни все это прямо въ лицо князю, который сказалъ ей что̀-то насчетъ этого ея *protégé*, Зяблина, лукаво подчеркнула барышня, — и тутъ же испугалась и выдала меня руками и ногами... Онъ само собою разсвирѣпѣлъ... И вотъ я, какъ Агарь,—кажется ее Агарью звали, эту, которую прогнали, вы знаете, въ Священномъ Писаніи?—удаляюсь теперь въ пустыню...—И Ольга Елпидифоровна весело засмѣялась.—Да, вотъ еще: Гундуровъ этотъ чрезъ свою тетку просилъ сегодня руки княжны, но ему самымъ рѣшительнымъ образомъ отказали... Впрочемъ, старуха вамъ это, навѣрное, все сама подробно разскажетъ... А я передаю вамъ главное, для того, чтобы вы на всякій случай взяли къ свѣдѣнію...

— Возьмемъ-съ, возьмемъ-съ... какъ бы про себя проговорилъ петербургскій воинъ, прослушавшій весь этотъ разсказъ, то сжимая, то разжимая брови, согласно съ тѣми соображеніями, какія вызывалъ онъ въ его хитродумной мысли;—а теперь... началъ было онъ, подымая на барышню вопросительный и какъ бы вдругъ просвѣтлѣвшій взглядъ...

— А теперь, подхватила она налету, — вашъ адресъ въ Петербургѣ?

— Моховая, домъ Слатвинскаго...

— Вы позволите мнѣ, когда я буду въ Петербургѣ, прислать вамъ сказать, что я пріѣхала?

— Помилуйте, я буду счастливъ... Но развѣ вы думаете?..

Она взглянула еще разъ ему въ глаза своимъ долгимъ, возбудительнымъ взглядомъ:

— Я думаю поступить по вашему совѣту, медленно выговорила она.

Онъ въ первую минуту не вспомнилъ...

— Вчера, въ мазуркѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ!...—Глаза его внезапно загорѣлись.— Что̀ же, это прелестно, Ольга Елпидифоровна, умно...

— „Прелестно“ — не знаю... „умно“ — вѣроятно... когда другаго пути нѣтъ, проронила она, подавляя вздохъ. — Во всякомъ случаѣ, за совѣтъ спасибо! И она ему протянула руку.

Онъ, какъ вчера, быстро и осторожно оглянулся, схватилъ обѣими своими эту полную, свѣжую, красивую руку и приникъ къ ней выше кисти горячими и жадными губами...

— Совѣтникъ всегда къ вашимъ услугамъ, прошепталъ онъ, — можетъ-ли разсчитывать онъ и впередъ на подобныя награды?

— Какъ знать, чего не знаешь! смѣясь, отвѣтила Ольга довольно вульгарною фразой, отъ которой изящнаго флигель-адъютанта чуть-чуть покоробило опять.—А вотъ что̀, графъ, сказала она, отымая у него свою руку и кивая головой черезъ плечо на аппартаментъ княгини, — эта умная женщина ужасно боится, чтобъ я не разсказала всѣмъ этихъ ея „secrets de famille“; такъ мы положили такъ, что она скажется больною, ляжетъ даже въ постель, сегодняшній спектакль будетъ отмѣненъ, и я подъ этимъ предлогомъ уѣду домой безъ всякихъ лишнихъ разговоровъ... Вы поняли?

— Совершенно! многозначительно улыбнулся на это смѣтливый Петербуржецъ: — вернувшись отъ княгини, я скажу всѣмъ, что нахожу ее весьма серіозно занемогшею и что не дурно было бы послать за докторомъ...

— Ахъ, какой вы умный, право, прелесть! воскликнула барышня, — я только-что объ этомъ именно хотѣла просить васъ сейчасъ... Ну, прощайте, графъ, мы съ вами вѣроятно здѣсь болѣе не увидимся,—я ранѣе васъ отсюда уѣду.

— Но въ Петербургѣ? спросилъ онъ тихо, не отрываясь глазами отъ ея соблазнительнаго облика.

— Тамъ непремѣнно.

— Скоро?

— Осенью, къ открытію италіянской оперы, сказала она, какъ вещь порѣшенную.

— Надо бы вамъ пораньше... устроиться... Напишите, ког-

да соберетесь,—мы постараемся соорудить вамъ un petit coin de paradis terrestre...

Онъ наклонился было еще разъ къ ея рукѣ, но она быстро откинула ее отъ него за спину, присѣла передъ нимъ большимъ, оффиціальнымъ, институтскимъ реверансомъ,—и со словами: „хорошенькаго понемножку!“ выбѣжала, не оглядываясь на него, изъ гостиной.

Она спускалась съ лѣстницы, когда снизу раздался грубый голосъ „фанатика“.

— Что̀ это вы тамъ балуетесь пусто, ждать васъ только приходится всегда! На репетиціи ужь всѣ!...

— Репетиція тю-тю! засмѣялась на это Ольга, прыгнувъ чрезъ ступеньку.

— Что-о̀?!...

— И спектакль—фюить! свистнула она, прыгая чрезъ другую.

Вальковскій однимъ прыжкомъ очутился на ступени рядомъ съ барышней.

— Вы меня морочить, аль что̀! Говорите толкомъ! забормоталъ онъ шипящимъ голосомъ.

— Безъ шутокъ, княгиня заболѣла, въ постели, сойти не можетъ, спектакль отмѣняется.

— До коихъ поръ?

— А когда выздоровѣетъ, должно быть.

— Такъ она, можетъ, въ постели-то, и Богъ знаетъ сколько, проваландаться вздумаетъ! рявкнулъ „фанатикъ“.

— А этого ужь я не знаю, равнодушно проговорила Ольга Елпидифоровна, сходя въ сѣни.

Онъ очутился опять рядомъ съ нею.

— Такъ вѣдь до того разъѣдутся всѣ... Безъ публики играть что-ли будемъ!...

Она только плечами пожала и вышла на крыльцо.

Онъ звѣрски глянулъ кругомъ себя, какъ бы ища предмета, на которомъ могъ бы сорвать свою злость, и не найдя ничего, повидимому, швырнулъ на полъ фуражку, которую держалъ въ рукѣ, и бѣшено, съ какимъ-то дикимъ, волчьимъ рычаніемъ принялся топтать ее ногами...

— Бабы—куриный народъ! можно было только разслышать.

— Что̀ тамъ такое? быстро обернулись на этотъ вой Духонинъ и Факирскій, стоявшіе на крыльцѣ, любуясь только что въѣхавшею во дворъ лихою, подобранною стать ко стати тройкой гнѣдыхъ въ золоченыхъ и звенящихъ бляхахъ поямщицки, запряженною въ щегольской съ иголочки небольшой тарантасъ, съ молодымъ русобородымъ кучеромъ въ грешневикѣ набекрень, убранномъ павлиньями перьями, и черной плисовой безрукавкѣ на красной шелковой рубахѣ навыпускъ...

— А это Левъ Гурычь Синичкинъ собственною особой панихиду себѣ поетъ, отвѣтила на вопросъ, расхохотавшись, Ольга, между тѣмъ какъ Вальковскій, ни на кого не глядя, проносился мимо ихъ съ лихорадочно блуждавшими глазами, направляясь къ театральному флигелю...

Барышня передала двумъ пріятелямъ о болѣзни княгини, объ отмѣнѣ спектакля.

— Я очень рада этому, что̀ меня касается, промолвила она:—вообразите, выходя отъ княгини сейчасъ, я попробовала сдѣлать руладу, и ни-ни, совсѣмъ голоса нѣтъ.... Это Чижевскій вчера, послѣ мазурки, вздумалъ въ садъ всѣхъ повести, въ сырость,—не трудно простудиться... Хорошо бы я пѣла сегодня вечеромъ!... Я хочу воспользоваться этимъ и къ себѣ въ городъ съѣздить... Что̀, отецъ мой здѣсь?

— Нѣтъ, не видать, сказалъ Духонинъ;—вѣдь онъ графа провожать поѣхалъ.

— И говорилъ мнѣ, что вернется сегодня къ завтраку, сказалъ въ свою очередь Факирскій;—задержали, видно...

— А это чьи лошади? спросила Ольга, прищурившись на гремѣвшую бубенцами своими и бляхами тройку на дворѣ:—пріѣхалъ кто или уѣзжаетъ?

— Это Ранцова тройка, отвѣтилъ студентъ, продолжая любоваться;—прелесть запряжка, не правда-ли, Ольга Елпидифоровна?

— Капитана? протянула она,—куда же это онъ?

— Къ себѣ, въ Рай-Никольское.

— Для чего такъ?

— Не знаю. Послѣ завтрака разомъ собрался и велѣлъ запрягать.

Барышня громко разсмѣялась опять.

— Это онъ съ досады на меня за тò, что я не хотѣла сѣсть подлѣ него за столомъ. Уморительный!... А онъ мнѣ именно теперь нуженъ, сказала она тутъ же серьезнымъ тономъ.—Семенъ Петровичъ, будьте такъ добры, сходите за нимъ и скажите ему, чтобъ онъ сейчасъ же приходилъ въ садъ; я буду ждать его тамъ у фонтана.

— А если онъ спроситъ, для чего, засмѣялся Факирскій,— какъ отвѣтить: для головомойки, или для поощренія?

Ольга засмѣялась тоже:

— Скажите только, что раскаиваться не будетъ!

XXI.

Какъ будто чуетъ жизнь двойную,
И ей обвѣяна она.

Фетъ.

Хорошо было въ саду, подъ развѣсистымъ кленомъ, на той каменной скамьѣ у фонтана, на которой, глубоко задумавшись, сидѣла теперь наша барышня въ ожиданіи капитана... Капризными, перебѣгающими узорами ложились кругомъ нея свѣтъ и тѣни на красный песокъ дорожекъ, на густую зелень нескошенныхъ травъ; полуденные лучи, будто играя и радуясь, разбивались радужными брызгами въ пыли высоко бившаго предъ нею водомета. По горячей лазури неба бѣжали веселыя бѣлыя облачка, съ опаловыми отливами краевъ... Природа ласкала, нѣжила, убаюкивала, словно звала она все живущее уйти въ безбрежную ширь божественной красы своей и покоя...

Ольга сидѣла, охваченная неожиданно этою таинственною, обаяющею силой... Мысль какъ-бы замерла въ ней. Она знала, что ей надо было думать о чемъ-то очень для нея рѣшительномъ и важномъ, — и не могла... Нервы ея, крайне возбужденные чрезмѣрнымъ расходомъ энергіи, только что потраченной ею, какъ-бы распускались теперь въ ощущеніи какого-то страннаго самоотчужденія. Предъ нею бѣжали картины, воспоминанія едва пережитой ею дѣйствительности, и это была для нея теперь будто чья-то посторонняя дѣйствительность, чей-то давно прочтенный, не интересный для нея романъ. Сцена съ княгиней, минувшая ночь съ извѣданными ею впервые безумными ласками, погромъ надеждъ, которыми долго жила она, новая, возникающая предъ нею

будущность, — все это сливалось во что-то, чего значеніе было какъ-бы чуждо и не нужно ей, и проносилось мимо нея, какъ случайная пѣна струи, уносимой теченіемъ... И ново, и жутко, и сладко было для нея это внезапное ощущеніе безучастія, оцѣпенѣнія личной жизни, и будто цѣлая вѣчность, казалось ей, уже успѣла пройти между этимъ и тѣмъ чѣмъ-то мимо-бѣгущимъ и „ненужнымъ“...

Заскрипѣвшіе по песку шаги пробудили ее на половину... Она медленно, неохотно, повернула голову...

Капитанъ Ранцовъ робко приближался къ ней, облеченный въ свѣтлыя лѣтнія ткани и голубой галстукъ, и въ фуражкѣ съ краснымъ военнымъ околышемъ надъ гладко причесанными висками.

Все разомъ вернулось въ голову Ольги... „Вотъ она опять жизнь!...“ Она глубоко вздохнула и провела по лицу рукой.

Но помириться съ такимъ пробужденіемъ она въ первую минуту была не въ силахъ. Не благосклоненъ былъ взглядъ, которымъ взглянула она на своего пламеннаго обожателя.

— Вы опять въ этой фуражкѣ! встрѣтила она его этими словами;—сколько разъ говорила я вамъ, что одно изъ двухъ, или военное, или штатское, а что при партикулярномъ платьѣ носить эту штуку на головѣ — въ высшей степени mauvais genre!

— И не ношу никогда-съ, окромя въ вояжъ, если ѣхать куда-нибудь, конфузливо и печально отвѣтилъ на это онъ, стоя предъ нею съ опущенными глазами.

— А вы хотите ѣхать?... Да, я слышала... И это изъ-за меня? насмѣшливымъ голосомъ спросила она, помолчавъ.

Онъ помолчалъ тоже и проговорилъ затѣмъ какъ бы со внезапною рѣшимостью:

— Такъ что-жь, Ольга Елпидифоровна, ужь лучше совсѣмъ не видѣть, чѣмъ такія муки терпѣть!

Она засмѣялась:

— Это потому, что я сказала вамъ, что не каждый день праздникъ?

— Это-съ... и прочее, одно къ одному... Потому съ вами, Ольга Елпидифоровна, не знаешь никакъ, когда милость, когда

гнѣвъ, и угодить вамъ чѣмъ можно... То-есть, просто, подойти какъ къ вамъ, не знаешь, ей Богу... А ужь что̀ бы далъ, кажется, дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ капитанъ,—чтобъ успокоить васъ, чтобы не гнѣвались вы и не рѣзали понапрасну! Каждое слово ваше для меня безцѣнно, малѣйшій то-есть капризъ вашъ былъ бы счастливъ исполнить, лишь бы настоящее съ вашей стороны поощреніе...

Ольга взглянула на него опять и какъ будто въ первый разъ увидѣла глаза его, темные, глубокіе, съ мужественнымъ очеркомъ бровей и выраженіемъ почти дѣтскаго простодушія и доброты...

— Вы меня очень любите, Никаноръ Ильичъ? проговорила она съ медленною улыбкой.

Онъ весь вспыхнулъ:

— Отвѣчать даже на это безполезно, вскрикнулъ отъ,— потому сами, кажется, довольно должны это видѣть! Въ воду сейчасъ по первому вашему знаку кинусь и за счастье почту!

— Это такъ и слѣдуетъ, когда любишь, одобрила Ольга.— А помните-ли, что̀ я сказала вчера вамъ въ мазуркѣ?

— Это, то-есть, что я выучился ее въ Польшѣ танцовать? спросилъ онъ наивно...

— Нѣтъ, а что я испытываю васъ, хочу знать навѣрное, насколько я могу разсчитывать на вашу любовь?

— Какъ не помнить! И онъ вздохнулъ всею грудью.

Она еще разъ примолкла на минуту:

— Испытаніе кончено, выговорила она затѣмъ,—я вамъ вѣрю. Берите!... И она протянула ему руку.

Онъ схватилъ ее; недоумѣло, испуганно глянулъ ей въ лицо...

— Берите, повторила она, слабо усмѣхаясь,—совсѣмъ!...

Онъ вскрикнулъ, зашатался, схватился за розовый кустъ, у котораго стоялъ, накололъ себѣ имъ пальцы и упалъ на скамью подлѣ Ольги, зарыдавъ рыданіемъ безмѣрнаго, невыносимаго счастія...

— Совсѣмъ? Это навѣрное, не перемѣните? могъ только произнести онъ, судорожно прижимая руку ея къ своимъ губамъ.

Ольга была тронута... И вдругъ все лицо ея запылало нежданною краской: ей вспомнились огненные глаза Ашанина, его жгучіе поцѣлуи...

— А вы держите крѣпко!... надо мною воля нужна! почти безсознательно вырвалось у нея... Но она тотчасъ же вернулась къ иному:—Слушайте, Никоноръ Ильичъ, поспѣшно заговорила она, — я не люблю ничего откладывать: свадьбу... Ахъ, я и забыла, въ этомъ мѣсяцѣ ужь нельзя,—Петровскій постъ...

— Двадцать девятаго числа кончается... Чрезъ три недѣли ровно можно... Онъ глядѣлъ на нее между тѣмъ и говорилъ себѣ мысленно: „Господи, дай только, чтобъ это не былъ сонъ!...“

— Я согласна, сказала Ольга;—и на свадьбѣ никого, никакого парада, и прямо изъ церкви къ вамъ въ Рай-Никольское. У васъ вѣдь тамъ хорошо, вы говорили?

— Хоть сейчасъ вамъ въѣхать! Потому я, какъ по вашему обѣщанію, все ожидалъ, что вы пріѣдете ко мнѣ съ Елпидифоръ Павлычемъ на денекъ, на два, такъ у меня все заново отдѣлано; кабинетъ для васъ даже особый и фортепіянъ новый, прямо изъ Петербурга, даже никто еще пальцемъ не притрогивался...

— И садъ, не правда-ли, большой, тѣнистый? спросила она со внезапнымъ возвратомъ задумчивости.

— На десяти десятинахъ, старѣющій, дубы въ два обхвата человѣческіе; еще съ прошлаго года выпланировалъ я его вновь и въ порядокъ привелъ, потому у покойнаго владѣльца въ полномъ запущеніи оставленъ былъ...

— И я буду уходить туда, когда мнѣ вздумается, и мнѣ никто мѣшать не будетъ, промолвила какъ бы про себя Ольга;—я вотъ тутъ сидѣла сейчасъ совсѣмъ одна... и такъ хорошо было, точно уносило куда-то... Со мною это бывало иной разъ, когда я пою... точно собою перестаешь быть... Только это опять еще другое чувство...

Капитанъ глядѣлъ на нее, безконечно любуясь ею и откликаясь всею душой на произнесенныя ею слова. Онъ не подозрѣвалъ въ нихъ тайнаго смысла; онъ съ радостнымъ біені-

емъ сердца говорилъ себѣ, что *она. она* будетъ ходить по этому его старому саду въ Никольскомъ, куда, бывало, уязвленный или осмѣянный ею, уѣзжалъ онъ отъ нея и тоже „переставалъ быть собою“, лежа въ травѣ по цѣлымъ часамъ, вздыхая, плача и мечтая о ней до одурѣнія...

Но инымъ вѣтромъ опять тянуло уже въ подвижномъ воображеніи его возлюбленной:

— А на зиму въ Петербургъ! выговорила она коротко и рѣшительно.

— Въ Петербургъ? изумленно повторилъ онъ.

— Да, непремѣнно! Нечего намъ съ вами гнить въ провинціи, ничего не дѣлая. Вы еще молодой человѣкъ, имѣете состояніе... Я хочу, чтобы вы служили, придворнымъ сдѣлались...

— Я придворнымъ! даже перепугался капитанъ;—гдѣ же мнѣ, помилуйте!

— Ничего не „гдѣ же мнѣ“! передразнила она его,—будете, какъ всѣ. Только слушайтесь меня всегда, во всемъ; я дурнаго вамъ не посовѣтую. Вѣдь у насъ теперь все общее должно быть, одни интересы... Какъ это говоритъ пословица? Мужъ, жена—одна сатана! Она расхохоталась и какъ бы обняла его всего при этомъ мгновеннымъ взглядомъ, ласковымъ чуть не до нѣжности...

— Ольга Елпидифоровна... Ольга! вскрикнулъ онъ, загораясь весь, — мы теперь перво-наперво женихъ и невѣста, такъ ужъ позвольте!...

Онъ протянулся къ ней.

Она отклонила голову на сторону и уперлась рукой въ его губы:

— Послѣ, послѣ, современемъ!... А теперь слушайте! Я ни часу больше не хочу оставаться здѣсь. Княгиня заболѣла, вы слышали; спектакль отложенъ... да и врядъ-ли когда будетъ. Дѣлать здѣсь нечего, надоѣло!... Я хочу сейчасъ домой. Отца нѣтъ, да если онъ и пріѣдетъ, я съ нимъ въ его скверномъ тарантасѣ не поѣду. А у васъ лошади готовы... Это у васъ новая тройка? Вы все на сѣрыхъ ѣздили прежде!...

Онъ не успѣлъ отвѣтить. Она вскочила съ мѣста:

— Погодите меня здѣсь десять минутъ! Я сбѣгаю къ се-

бѣ въ комнату взять свое главное необходимое, — за остальнымъ всѣмъ пришлю потомъ, — и вернусь сейчасъ. Вы повезете меня на своихъ гнѣдыхъ въ городъ... Сами мы господа теперь, не уступимъ всякимъ князьямъ здѣшнимъ! воскликнула она во мгновенномъ порывѣ,—такъ что-ли, mon capitaine?

— Ни единой царицѣ не уступить вамъ, красавица моя неописанная! отвѣтилъ онъ на это, пожирая ее страстными глазами.

Она вскинулась и побѣжала:

— „Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“ зазвенѣла она на-ходу громкимъ смѣхомъ, передразнивая похоронный голосъ, которымъ Ранцовъ произносилъ эти слова въ тѣ первые дни, когда навязана ему была ею роль *Тѣни* въ *Гамлетѣ*...

Она давно уже исчезла за дверями дома, а капитанъ все еще улыбался ей какою-то - словно пьяною отъ блаженства улыбкой... Онъ всталъ со скамьи, поднялъ глаза къ небу, повелъ ими затѣмъ кругомъ себя, улыбнулся еще разъ, уже съ видомъ человѣка, которому цѣлый міръ теперь обязанъ завидовать и поклоняться, и, разставивъ свои длинныя пѣхотныя ноги въ формѣ буквы А, а руки стремительно опустивъ въ карманы брюкъ, внезапно запѣлъ фальшивымъ, но внушительнымъ басомъ:

Спаливъ бригантину султана.
Я въ морѣ врага утопилъ,
И къ милой съ турецкою раной
Какъ съ лучшимъ подаркомъ приплылъ.

Это былъ куплетъ изъ „Молодаго Грека“, не то чувствительнаго, не то бравурнаго романса, пользовавшагося большою популярностью въ средѣ тогдашей арміи и принадлежавшаго, какъ видитъ читатель, къ тому спеціальному репертуару вокальной музыки, который, сохраняясь и понынѣ, можетъ по преимуществу быть названъ офицерскимъ...

XXII.

Quibuscumque vils...

— Ah, cher compte! заметалась, вскрикивая, Аглая Константиновна на своемъ диванѣ, завидѣвъ входящаго Анисьева,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ пришли проститься?...

— Непремѣнно, княгиня...

Онъ сѣлъ, поглядѣлъ на нее съ учтивою улыбкой и примѣсью къ ней извѣстной доли печали во взглядѣ и—промолвилъ:

— Я слышалъ, что вы себя не хорошо чувствуете (разговоръ само собою шелъ теперь сплошь по-французски, и мы будемъ стараться передать его въ наиболѣе близкомъ къ оригиналу переводѣ). — Позвольте мнѣ выразить вамъ глубокое соболѣзнованіе мое по этому поводу.

Она растерянно воззрилась на него, вспомнила, что ей нужно было „expliquer“ что-то ему, не нашла что̀ именно, и вмѣсто „explication“ откинулась въ свои подушки и всхлипнула, закрывая глаза себѣ платкомъ:

— Дорогой графъ (cher comte), я ужасно несчастна!

Онъ холодно поглядѣлъ на нее, не проговорилъ, къ нѣкоторому ея удивленію, ни единаго слова въ утѣшеніе ея и, какъ бы, напротивъ, не желая дать ей распространяться на тему ея „несчастья“, поспѣшилъ заговорить самъ:

— Я имѣлъ честь видѣть княжну, дочь вашу, и разговаривать съ нею, добавилъ онъ, напирая на это слово.

Тонъ рѣчи, выраженіе его лица словно хлестнули нашу княгиню. Она перекинулась изъ глубины дивана къ столу,

раздѣлявшему ихъ, и, глядя на него, какъ будто намѣревалась вскочить ему въ самые глаза:

— О чемъ же былъ разговоръ этотъ, графъ? спросила она встревоженно.

Онъ передалъ ей подробно, отчетливо, кругло, въ однихъ почти и тѣхъ же выраженіяхъ, съ тѣми же благородными жестами и оттѣнками голоса.

Аглая не смѣла прерывать его, но всю ее дергало и подмывало въ теченіе его разсказа. Она *этого* никакъ не ожидала.

„Рыцарство“ его, произведшее въ нѣкоторой мѣрѣ впечатлѣніе на дочь, прошло для маменьки незамѣченнымъ. Она во всемъ этомъ видѣла предъ собою одинъ голый, ужасающій ее фактъ—отказъ его отъ руки Лины...

— Но, Боже мой, испуганно вдрогнула она, когда онъ кончилъ,—для чего же сказали вы ей все это, дорогой графъ! Развѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, не хотите съ вашей стороны того, о чемъ мы такъ дружно и горячо мечтали и хлопотали съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ?

— Не хочу? вскрикнулъ онъ въ отвѣтъ, самымъ эффектнымъ образомъ вскидывая при этомъ глаза къ потолку; — да я почелъ бы себя избраннымъ между избранными (élu entre les élus), если бы могъ надѣяться... Но для этого, къ несчастію, перебилъ онъ себя съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи,—недостаточно моего желанія... ни даже вашего, княгиня... Я счелъ нужнымъ сказать княжнѣ то, что я сказалъ ей, потому что всякое иное мое слово внушило бы ей окончательно отвращеніе ко мнѣ, оскорбивъ ее въ чувствѣ, которое другой, болѣе счастливый, чѣмъ я, умѣлъ внушить ей... Уѣзжая отсюда съ растерзаннымъ сердцемъ (голосъ его послушно задрожалъ на этомъ мѣстѣ), я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, увезти съ собою уваженіе княжны, вашей дочери...

Аглая захныкала:

— Я вижу, графъ, что вы все узнали...

— Я понялъ это съ первой минуты моего пріѣзда въ Сицкое, сказалъ онъ, приподнявъ плечи.

— Нѣтъ, я, признаюсь вамъ, я ничего не знала объ этомъ и не повѣрила бы этому никогда, если бы госпожа Перевер-

зина,—эта ужасная женщина! добавила Аглая, вздымая въ свою очередь глаза въ потолокъ,—не имѣла дерзости явиться ко мнѣ сегодня просить руки Лины для этого своего племянника... И вы повѣрьте, графъ, все это она надѣлала!... Моя дочь, княжна Шастунова, не можетъ серіозно любить этого ничтожнаго господинчика (ce petit monsieur de rien) и желать сдѣлаться какою-нибудь Frau Professorin! Ее сбили съ толку дурные совѣты, и когда она придетъ въ себя, разсудитъ, ей станетъ стыдно за свое увлеченіе и глупость (son entraînement et sa bêtise): она пойметъ, что ея мать (sa mère qui l'a mise au monde) не могла согласиться на ея вздоры... Я, разумѣется, отказала этой барынѣ на отрѣзъ. Линѣ это теперь можетъ быть непріятно, но, повѣрьте, она очень скоро образумится, оцѣнитъ меня и васъ оцѣнитъ, милый графъ, я вамъ ручаюсь...

Онъ глубоко вздохнулъ и недовѣрчиво закачалъ головой.

— Легко сказать, трудно ожидать на самомъ дѣлѣ! Княжна полюбила...

— Она разлюбитъ, дорогой графъ, клянусь вамъ! перебила его Аглая слезнымъ голосомъ и умоляющимъ жестомъ простерла къ нему руки.

— Не вижу почему, княгиня! сказалъ флигель-адъютантъ съ новымъ ироническимъ оттѣнкомъ, — особенно, примолвилъ онъ какъ бы про себя,—при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она находится здѣсь.

— Вы хотите сказать, пока эта змѣя и ея племянникъ тутъ?... Но я надѣюсь, что они выберутся отсюда (qu'ils déguerpiront d'ici) сегодня же!...

— Разлука такъ же мало можетъ помѣшать княжнѣ думать о нихъ... о немъ, какъ не помѣшаетъ она мнѣ скорбѣть о ней и о моихъ потерянныхъ надеждахъ, театрально вздохнувъ еще разъ, возразилъ на это Анисьевъ.

— Не теряйте ихъ, милый графъ, не теряйте, ради Бога! Я приму всѣ мѣры, чтобы прекратить между ними какого бы ни было рода сношенія! заявляла княгиня, грозно насупливая брови.

Но онъ словно задалъ себѣ задачей разбивать одну за другою иллюзіи чувствительной маменьки:

— Другими словами, княгиня, подвергнете дочь вашу надзору, контролю... шпіонству, наконецъ,—извините меня за выраженіе! Но этимъ вы лишь достигнете результатовъ, совершенно противоположныхъ вашему желанію, вы оскорбите княжну и, сколько я могъ понять ея характеръ, укрѣпите только этимъ преслѣдованіемъ тѣ чувства, которыя влекутъ ее... къ этому молодому человѣку...

— Но какъ же быть, графъ! вскрикнула Аглая, багровѣя отъ досады:—я не желаю, я не хочу дозволить ей выходить за этого господина!... Я ей это сказала и—сдержу мое слово... Вы, милый графъ, избранникъ мой для нея (l'homme de mon choix pour elle), и если-бъ она продолжала не желать выйти за васъ, она отъ меня ничего не получитъ...

Флигель-адъютантъ невозмутимо слушалъ, скрестивъ руки на груди и слегка моргая пристально направленными на нее глазами.

— Я столько же польщенъ, сколько и тронутъ вашимъ милостивымъ расположеніемъ ко мнѣ, княгиня, сказалъ онъ, наклоняя голову въ знакъ благодарности,—но смѣю продолжать думать, что избранный вами путь не приведетъ къ желанной вами цѣли... Въ какой мѣрѣ права княжна, сдѣлавъ выборъ, не соотвѣтствующій видамъ вашимъ, насколько, съ другой стороны, вы, ея мать, правы, отказывая утвердить согласіемъ вашимъ этотъ выборъ ея сердца,—объ этомъ я говорить не буду... Въ этомъ случаѣ я въ нѣкоторой мѣрѣ сторона, примолвилъ онъ съ грустною улыбкой,—и потому не могъ бы здѣсь быть, вѣроятно, вполнѣ безпристрастнымъ судьей. Я позволю себѣ поэтому указать вамъ только на положеніе вещей, каково оно есть въ настоящую минуту. Княжна желаетъ выйти замужъ... за господина Гундурова; вы не согласны на это. Чѣмъ болѣе будете вы употреблять усилій, чтобы заставить ее отказаться отъ своего намѣренія, тѣмъ упорнѣе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, будетъ она, по всей вѣроятности, укрѣпляться въ немъ... Такъ можетъ продолжаться до безконечности...

— Я не уступлю! взвигнула Аглая,—она будетъ вашею женой, или ничьею!...

Лицо Анисьева приняло выраженіе оскорбленнаго достоинства:

— Позвольте замѣтить вамъ, княгиня, промолвилъ онъ холодно и строго,—что, не смотря на все то глубокое чувство, которое внушаетъ мнѣ княжна, я не согласился бы никогда получить ея руку путемъ насилія!

Княгиня перепуганно запрыгала въ своихъ подушкахъ:

— Боже мой, вы не понимаете меня, милый графъ!... Я говорю, что она должна васъ полюбить, непремѣнно должна! И почему бы она не полюбила васъ? Вы соединяете въ себѣ все, что̀ должно нравиться порядочной дѣвушкѣ (à une jeune fille bien née)!

Онъ скромно опустилъ глаза и качнулъ головой.

— Я почелъ бы себя счастливымъ и тѣмъ, вздохнулъ онъ,—если бы княжна могла убѣдиться въ моей безкорыстной и безпредѣльной преданности ей, могла бы увидѣть ближе, какимъ пламеннымъ чувствомъ можетъ исполнить она сердце даже отверженнаго ею... Но для этого, примолвилъ онъ опять какъ бы про себя,—нужны были бы другія обстоятельства, другая обстановка... Онъ пріостановился вдругъ, какъ бы не желая договаривать.

Аглая недоумѣло захлопала глазами.

— Что̀ хотите вы сказать, графъ?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ, будто нехотя,—въ той рамкѣ жизни, которая окружаетъ княжну, мысли ея трудно оторвать отъ предметовъ, занимающихъ ее теперь, и мысль эта должна роковымъ образомъ (fatalement) обращаться все въ томъ же неизбѣжномъ кругу...

Онъ взглянулъ на свою собесѣдницу и, какъ бы вдругъ вспомнивъ, что никакой превыспренности рѣчи она одолѣть не въ состояніи, заключилъ просто:

— Пока вы въ Сицкомъ, княгиня, вамъ нечего надѣяться на перемѣну въ чувствахъ и намѣреніяхъ княжны.

Она сразу поняла, завздыхала и таинственно замигала ему своими круглыми глазами:

— Повѣрьте, милый графъ, я бы завтра же въ Петербургъ переѣхала, если бы не любезный мой деверь, который объ этомъ слышать не хочетъ...—Она оглянулась невольнымъ движеніемъ и примолвила шопотомъ:—я должна вамъ сказать, что онъ же главнымъ образомъ и поддерживаетъ Лину въ ея упрямствѣ.

Анисьевъ чуть-чуть повелъ углами губъ, какъ бы желая выразить, что онъ объ этомъ знаетъ, и медленно проговорилъ въ отвѣтъ:

— Могутъ случиться обстоятельства, которыя заставятъ князя перемѣнить образъ его мыслей.

Аглая вопросительно уставилась на него.

— Какія же это обстоятельства, графъ? Ларіонъ ненавидитъ Петербургъ и согласился бы жить тамъ только по нуждѣ, если бы поступилъ опять на службу... Но онъ ужасно гордъ и ни за что не станетъ просить объ этомъ!

— Можетъ сдѣлаться и безъ его просьбы, словно уронилъ флигель-адъютантъ, пуская въ ходъ свою многозначительную улыбку.

Фарфоръ, хрусталь и серебро стоявшаго еще на столѣ чайнаго сервиза внезапно затряслись и зазвенѣли отъ напора дебелыхъ прелестей княгини, нажавшейся всѣмъ тѣломъ на подносъ, въ избыткѣ охватившаго ея волненія. Она вся съѣхала съ дивана и, протягивая черезъ столъ руку къ своему собесѣднику, залопотала прерывающимся отъ радости и нетерпѣнія голосомъ.

— Ради Бога, дорогой графъ, не томите меня,—вы вѣрно знаете что-нибудь! Его хотятъ опять пригласить на службу, да?...

Улыбка мгновенно сбѣжала съ его губъ, лицо приняло обычное ему, холодное, сдержанное выраженіе.

— Я ровно ничего не знаю, княгиня, сказалъ онъ офиціальнымъ тономъ:—я выразилъ одно мое, лично мнѣ принадлежащее предположеніе, основывающееся единственно на блестящей репутаціи князя, деверя вашего, какъ государственнаго человѣка, которую оставилъ онъ по себѣ въ Петербургѣ... и о которой, не было бы ничего удивительнаго, если бы

вдругъ вспомнили въ высшихъ сферахъ сегодня или завтра... Я осмѣлюсь покорнѣйше просить васъ ничего далѣе этого простаго соображенія не искать въ моихъ словахъ.

Она закачала недовѣрчиво головой.

— О нѣтъ, милый графъ, я увѣрена, что вы знаете что-нибудь болѣе положительное, — вы такъ хорошо поставлены при дворѣ (vous êtes si bien en cour)!

— Повторяю вамъ, княгиня, что я ничего не знаю, досадливо, почти рѣзко отвѣчалъ онъ на это, — и мнѣ приходится очень сожалѣть, что вамъ угодно непремѣнно давать словамъ моимъ произвольное... и—позвольте мнѣ прибавить,— непріятное для меня толкованіе.

Но Аглая уже неслась головой внизъ и никакихъ отговорокъ принимать не хотѣла.

— Я вижу, милый графъ, что вы не хотите мнѣ сказать, потому что я женщина, и вы боитесь моего язычка. Но вы меня еще не знаете, я умѣю молчать, какъ могила, когда нужно, и вотъ вамъ самое лучшее, кажется, доказательство: то, о чемъ мы сговорились съ графиней, матушкой вашею, въ Римѣ, я съумѣла сохранить въ тайнѣ цѣлые полтора года и не сказала ни Линѣ, ни Ларіону, и онъ даже теперь узналъ объ этомъ не чрезъ мен , а чрезъ пріятеля своего, графа, которому писалъ вашъ дядя.

Анисьевъ пристально глядѣлъ на нее все время... Осторожность его сдалась на убѣдительность этого аргумента:

— И все-таки я ничего не скажу вамъ, княгиня! засмѣялся онъ... По принципу, по принципу! добавилъ онъ такъ же весело,—я никогда ничего не говорю ненужнаго. А это пока не нужно! Вамъ будетъ достаточно пока знать, что „перемѣна жизни“, какъ говорятъ гадальщицы (онъ сказалъ это, смѣясь, по-русски,)—вещь, для васъ возможная въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени.... Но знать это должны вы только про себя, молвилъ онъ, принимая опять видъ озабоченный и строгій; — если бы князь Ларіонъ провѣдалъ какъ-нибудь, что вамъ что-либо извѣстно, онъ бы тотчасъ же заподозрилъ насъ съ вами въ заговорѣ, принялъ бы, пожалуй, съ своей стороны какое-нибудь неожиданное рѣше-

ніе... а это могло бы скомпрометировать и не меня одного! досказалъ флигель-адъютантъ, сопровождая эти слова такимъ мрачно-значительнымъ взглядомъ, что Аглая Константиновна отъ испуга прижалась къ сидѣнью своему, какъ будто намѣревалась продавить его до самаго дна.

Она уже не смѣла ничего дальше спрашивать и глухо повторила только:

— Я могила для секретовъ, графъ, могила, могила...

Онъ учтиво наклонилъ голову и продолжалъ опять:

— Смѣю думать, что, въ виду того, что̀ можетъ случиться, вамъ можно было бы, княгиня, принять по отношенію ко княжнѣ, дочери вашей, образъ дѣйствій выжидательный, такъ-сказать, и примирительный; другими словами, какъ бы забыть о ея... забыть о причинахъ вашего недовольства ею, не напоминать ей о нихъ и не вызывать ее такимъ образомъ на новыя... пренія съ вами. Княжна слишкомъ благовоспитана, чтобы предпринять что-либо серьезное противъ вашей воли, и вамъ поэтому особенно безпокоиться нечего... Если бы однако, поспѣшилъ онъ прибавить, чуть-чуть сморщивъ брови, — вы замѣтили какіе-нибудь угрожающіе симптомы (quelques symptômes alarmants), то вы всегда найдете хорошій со̀вѣтъ у моей матушки... Вѣдь вы, надѣюсь, будете продолжать переписываться съ нею?

— О, непремѣнно!... А что̀ лучше было бы, милый графъ,— это, разъ она уже въ Петербургѣ, если-бъ она могла сама пріѣхать теперь сюда?

— Я объ этомъ думалъ одну минуту, возразилъ онъ раздумчиво,—но нахожу это положительно непрактичнымъ. Матушка, кажется, никогда не сходилась съ княземъ, деверемъ вашимъ, и пріѣздъ ея сюда тотчасъ же возбудилъ бы его подозрѣнія. А этого надо положительно избѣгать... Нѣтъ, княгиня, будемъ ждать лучшаго отъ времени и перемѣны мѣста... Быть можетъ—и ждать долго не придется! примолвилъ онъ со мгновенно блеснувшимъ взглядомъ. — А затѣмъ позвольте проститься съ вами, сказалъ онъ, вставая и обходя столъ, чтобы поцѣловать ей руку.

Она вскочила съ мѣста.

— Милый графъ, позвольте обнять васъ... какъ сына, шепнула она ему на ухо, закидывая ему руку за шею и припадая къ его плечу.

Онъ приложился раздушенными усами къ жирной ея длани, изобразилъ на лицѣ своемъ нѣкое подобіе сердечнаго умиленія и направился къ двери.

— Я провожу васъ до лѣстницы, объявила Аглая, идя за нимъ.

— Что̀ вы, что̀ вы, княгиня! воскликнулъ онъ, оборачиваясь и вспоминая рекомендацію Ольги Елпидифоровны:—вы забыли, что вы больны; вамъ не на лѣстницу, а въ постель надо... Непремѣнно въ постель, я вамъ совѣтую...

И онъ исчезъ за портьерой.

Она закивала головой ему вслѣдъ, вернулась къ своему дивану и торопливо зазвонила. Явившемуся Финогену она отдала приказаніе принести новый чайникъ съ кипяткомъ и „сейчасъ, сейчасъ отыскать и просить къ ней Евгенія Владиміровича“...

XXIII.

Ольга Елпидифоровна объ руку съ блаженствовавшимъ капитаномъ выходила изъ сада въ большія сѣни дома, когда увидѣла предъ собою вваливавшееся изъ противоположныхъ дверей, со стороны двора, громоздкое туловище почтеннаго своего родителя. Елпидифоръ Павловичъ, покрытый пылью, съ загорѣвшимъ докрасна отъ солнца и вѣтра лицомъ, несъ впередъ свой огромный животъ съ какимъ-то необыкновенно торжественнымъ и радостнымъ видомъ... Завидѣвъ дочь, онъ заковылялъ къ ней поспѣшно своими коротенькими ножками, махая ей еще издали руками...

— Что̀ вы такъ поздно? крикнула она ему.

— Сто двадцать верстъ безъ малаго отмахалъ со вчерашняго вечера, отвѣтилъ онъ, отдуваясь все съ тѣмъ же торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ и подходя къ ней

— Это для чего же сто двадцать верстъ? спросила съ изумленіемъ Ольга.

— Въ чужой уѣздъ заѣхалъ, до самаго Подольска проводилъ его сіятельство, пояснилъ онъ со смѣхомъ, вопросительнымъ и нѣсколько удивленнымъ взглядомъ обнимая дочь и ея кавалера и протягивая послѣднему руку. Ранцовъ съ радости пожалъ ее такъ, что Акулинъ чуть не крикнулъ отъ боли.

— Ну, дочурка, сказалъ онъ, тряхнувъ пальцами, выдернутыми имъ изъ этой медвѣжьей лапы,—въ Бѣлокаменную собирайся!

— Это какъ?

— Назначеніе получаю.

— Полицмейстеромъ въ Москву? вскрикнула Ольга.

— Пониже маленечко, да посытнѣе пожалуй! И жирная улыбка раздула еще разъ необъятныя ланиты Елпидифора.

— Что̀ же это такое: „пониже“? спросила она хмурясь и надувая губы.

— А что̀ пониже полицмейстера бываетъ, и не слыхивали, можетъ, никогда? спросилъ онъ въ свою очередь, передразнивая голосъ ея и мину.

— Частный приставъ есть, сердито отвѣчала она;—такъ развѣ вы согласитесь пойти въ частные пристава?

Онъ разсмѣялся во всю мочь, уткнувъ руки въ бока и насмѣшливо глядя ей въ лицо своими лукаво подмигивавшими глазками.

— Въ Городскую-то часть? Да какой же, съ позволенія вашего сказать, пентюхъ и оселъ не пойдетъ на этакое мѣсто!

— Частный приставъ, протянула брезгливо и свысока Ольга,—какая гадость!

— А исправникъ не гадость? протянулъ и онъ, передразнивая ее еще разъ.—Имѣлъ уже я честь, матушка моя, Ольга Елпидифоровна, докладывать вамъ не разъ, что званіе—звукъ пустой, и что ни къ чему человѣку честь, коли нечего ему ѣсть... Спроси-ка вотъ Никанора Ильича, какъ онъ про это скажетъ?...

— Извѣстно, Ольга Елпидифоровна, поспѣшилъ подтвердить тотъ,—званіе безъ средствъ тягость одна-съ...

— Колибъ я продолжалъ по военной лямку тянуть, заговорилъ опять Акулинъ,—я, по товарищамъ судя, въ настоящую пору въ роли превосходительнаго пѣтуха глотку бы дралъ предъ бригадой, а за усердіе мое получалъ бы содержанія столько, что на одну вотъ на статью на эту (онъ треснулъ себя рукой по животу,) доходовъ бы не хватало, не говоря о другомъ прочемъ... А тутъ и не казиста съ виду должность, а какъ ежели, бѣдно, бѣдно, пятнадцать тысячъ цѣлковенькихъ получать съ нея ежегодно, такъ, пожалуй, съ ни-

зостью-то званія помириться можно,—какъ вы полагаете Никаноръ Ильичъ?

Капитанъ промычалъ что-то, не то сконфуженно, не то нѣжно поглядѣлъ на будущаго тестя и, слегка покраснѣвъ и ухмыльнувшись, опустилъ глаза.

— Это, то-есть, съ купцовъ взятки брать, громко и откровенно хватила за то Ольга.

Елпидифоръ Павловичъ и не подумалъ разсердиться; онъ только плечами пожалъ.

— И безо всякихъ взятокъ, и даже отцомъ-благодѣтелемъ всякій называть станетъ... потому матерію эту мы насквозь прошли, не сомнѣвайтесь, дочка моя достолюбезная... И какая вы тамъ ни на есть *грандамъ*, а какъ ежели захотите въ Благородное Собраніе, или къ самому графу на балъ туалетомъ блеснуть, такъ къ тому же отцу—частному приставу за презрѣннымъ металломъ отъявитесь,—и *мерси боку* скажете, что есть у него таковаго достаточно, чтобы никогда вамъ въ немъ отказу не знать...

— Будьте покойны, возгласила на это Ольга,—никогда я за деньгами къ вамъ приходить не буду, и не вы, а мужъ мой будетъ платить за мои туалеты... Не правда-ли, mon capitaine? И она, улыбнувшись, подняла на Ранцова свои зажигательные глаза...

Онъ не успѣлъ отвѣтить... Все огромное тѣло Елпидифора Павловича всколыхнуло вдругъ, словно двѣнадцативесельный барказъ подъ внезапнымъ набѣгомъ вала морскаго, маленькіе глазки запрыгали, отвислыя щеки раздулись мгновенно и также мгновенно опали...

— Да что̀ же это такое? едва былъ онъ въ состояніи произнести,—что̀ же вы не говорите?.. Кончено у васъ что-ли?..

— Рѣшено и подписано! расхохоталась на это Ольга, между тѣмъ какъ капитанъ безъ словъ, но весь мокрый отъ слезъ, хлынувшихъ тутъ же у него изъ глазъ, кидался на шею дебелаго ея родителя.

— Голубчикъ... зятекъ ты мой любезный... Никанорушка! въ избыткѣ радости шепелявилъ тотъ, чмокая капитана влажными губами во всякое мѣсто воинственной его физіономіи.

— Вотъ видите, продолжала хохотать барышня, — и спѣшить вамъ не къ чему было мѣсто принимать... И надѣюсь, что вы не поступите раньше, чѣмъ насъ обвѣнчаютъ... Мы уже порѣшили:—тридцатаго, безо всякаго парада, и сейчасъ же къ нему, въ Рай-Никольское...

Она оборвала вдругъ... Кто-то быстрыми шагами спускался съ лѣстницы... Она обернулась—и увидала Анисьева.

— Ахъ, графъ, это вы... Совсѣмъ?

— Совсѣмъ, повторилъ онъ, смѣясь и сбѣгая къ ней, — сейчасъ заходилъ къ князю проститься...

Онъ еле замѣтно поморщился, замѣтивъ ея собесѣдниковъ, но принялъ тотчасъ же любезный видъ и учтиво поклонился имъ общимъ поклономъ.

Ольга сочла нужнымъ представить ихъ ему—и при этомъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ, коротко, словно проглатывая слова, назвала Акулина: „Отецъ мой“, и тутъ же отвернулась отъ него.

— А капитана, сказала она, — вы мнѣ говорили вчера, графъ, что знаете его еще съ прошлаго года, въ Венгріи?... Никаноръ Ильичъ Ранцовъ, отчетливо прибавила она.

Флигель-адъютантъ протянулъ ему руку, изобразивъ на лицѣ любезнѣйшую изъ своихъ улыбокъ.

— Не знаю, помните-ли вы меня, но мы съ вами встрѣтились въ Коморнѣ, куда я привозилъ награды за дѣло, въ которомъ вы приняли такое блестящее участіе...

— Я что же-съ... исполнять долженъ, конфузливо пробормоталъ на это капитанъ,—а рота у меня, дѣйствительно, отличная была-съ... Покорнѣйше благодарю за вниманіе! промолвилъ онъ коротко, какъ бы не желая продолжать разговора на эту тему.

— Скроменъ, какъ всѣ герои! расхохоталась Ольга.

— Совершенно справедливо! поспѣшилъ примолвить Анисьевъ, наклоняя утвердительно голову.

Никаноръ Ильичъ растерянно повелъ на нихъ глазами.

— Не смущайтесь, cher capitaine, возгласила съ новымъ смѣхомъ барышня,—а просите лучше графа не оставить васъ своимъ знакомствомъ, когда вы будете въ Петербургѣ!

— Помилуйте, очень радъ, если только позволите, поспѣшилъ сказать петербургскій воинъ, протягивая ему снова руку.

Онъ при этомъ взглянулъ на Ольгу, какъ бы спрашивая ее глазами, слѣдуетъ-ли ему поздравить ее съ предстоящимъ бракомъ.

Она чуть-чуть приподняла плечи въ отвѣтъ, будто говоря: „не стоитъ труда“! и обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Когда же вы ѣдете? Сейчасъ?

— Сейчасъ, подтвердилъ онъ.

— И мы тоже... Ѣдемте, mon capitaine!...

— Куда это, куда? вскрикнулъ изумленный Акулинъ.

— Домой, въ городъ... Вѣдь и вы туда же, графъ? Вмѣстѣ и выѣдемъ...

— Такъ какъ же это? продолжалъ недоумѣвать родитель,— а спектакль сегодняшній?

Она разсмѣялась.

— Никакаго спектакля нѣтъ, княгиня больна... Собирайтесь во-свояси!

— Да у меня и лошадей нѣтъ, озадаченно молвилъ онъ,— пріѣхалъ я на почтовыхъ, а своимъ велѣлъ только къ завтрашнему утру прибыть...

— Я могу, если прикажете, довезти васъ до города, обязательно предложилъ Анисьевъ, побуждаемый къ такой любезности тѣмъ все болѣе и болѣе возбуждающимъ впечатлѣніемъ, которое производила на него Ольга.

Исправникъ былъ чрезвычайно польщенъ предложеніемъ.

— Почту себя счастливымъ, пробормоталъ онъ, — если только не обезпокою васъ, графъ...

— Нисколько, засмѣялся тотъ,—коляска у меня просторная, мѣшать другъ другу не будемъ...

Всѣ они вмѣстѣ вышли на крыльцо.

Уже вся уложенная, запряженная почтовою четверкой коляска флигель-адъютанта, съ камердинеромъ его въ военной ливреѣ у дверцы, стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, готовая подать. За нею, на козлахъ капитанскаго тарантаса виднѣлось румяное лицо его молодаго кучера, сер-

дито подергивавшаго возжами отъ скуки ожиданія и самолюбія, оскорбленнаго надменнымъ тономъ, которымъ слуга Анисьева приказалъ ему осадить, чтобы дать проѣхать впередъ экипажу своего барина.

Онъ крайне возликовалъ поэтому, когда самъ этотъ „чужой баринъ“ отдалъ первымъ дѣломъ приказаніе коляскѣ своей отъѣхать назадъ и дать мѣсто тарантасу, въ которомъ должна была занять мѣсто хорошо знакомая капитанскому возницѣ „исправникова дочка“. Онъ подобралъ разомъ вожжи, натянулъ, тряхнулъ головой такъ, что гречневикъ съѣхалъ ему прямо на правый глазъ, и ухорски, будто едва сдерживая рвущихся коней, подкатилъ къ самымъ ступенькамъ крыльца.

— Образцовая упряжка! возгласилъ одобрительно флигель-адъютантъ, глядя на нее знатокомъ и цѣнителемъ.

— Ольга Елпидифоровна, что̀ же это такое, вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете, и никому не сказавъ! раздались голоса съ одной изъ висячихъ галлерей, огибавшихъ домъ съ обѣихъ сторонъ, и на которыхъ любила во всякое время собираться молодежь Сицкаго курить и болтать, лежа на расположенныхъ тамъ широкихъ турецкихъ диванахъ.

Толя Карнауховъ мигомъ перекинулъ оттуда ноги за перила, ухватился за водосточную трубу и, спустившись по ней благополучно внизъ, кинулся къ тарантасу, въ который только что подсадилъ капитанъ Ольгу.

— Розалинда безумной мечты, зашепталъ онъ ей, подбѣгая со стороны, противоположной крыльцу, пока она усаживалась, а капитанъ дрожащими отъ счастія руками подкладывалъ ей подъ ноги какую-то подушку,—вы взаправду такъ и укатите въ тетатетѣ съ христолюбивымъ воинствомъ?

— Не правда-ли какъ жалко, что не съ вами! громко фыркнула она въ отвѣтъ, повернувшись къ нему спиной, уткнулась въ уголъ экипажа и подняла голову.

Всѣ они были тамъ и глядѣли на нее жадно и удивленно,—и Чижевскій, и Шигаревъ, и Духонинъ съ Факирскимъ, и „стряпчій“ Маусъ, и... и Ашанинъ, нѣсколько поблѣднѣвшій, показалось ей, — Ашанинъ, съ его искристыми, „на-

сквозь прожигающими“ глазами и не то злою, не то насмѣшливою улыбкой на устахъ...

Что-то въ родѣ сожалѣнія или раскаянія промелькнуло у нея въ душѣ... О чемъ, къ кому, — она сказать бы себѣ не могла... да и не такова она была, чтобъ останавливаться долго на разборѣ своихъ ощущеній. Она на мигъ прижмурилась, открыла опять глаза, остановила ихъ на капитанѣ, робко заносившемъ ногу на подножку экипажа, и проговорила нетерпѣливымъ тономъ:

— Да садитесь же скорѣе, наконецъ!...

Онъ заторопился, сѣлъ... Она еще разъ подняла голову, обвела взиравшихъ на нее съ галлереи какимъ-то вызывающимъ взглядомъ и звонко, своимъ густымъ контральтовымъ голосомъ, крикнула имъ, кивнувъ на Ранцова:

— Господа, честь имѣю представить вамъ моего жениха!... И тутъ же, обернувшись къ кучеру, закомандовала уже полною госпожой и хозяйкой:—А ты трогай и пошибче!...

Тройка дружно рванула, загремѣла, понеслась...

Флигель-адъютантъ многозначительно улыбнулся изъ-подъ прикрученныхъ усовъ, степенно усѣлся съ исправникомъ Акулинымъ въ поданную ему коляску и коротко отдалъ ямщику свое приказаніе: „не отставать“.

— О, капитане, капитане, загаерничалъ имъ вслѣдъ Шигаревъ,—о герой Венгерскій, ходить тебѣ на четвереньках, быть тебѣ въ ярмѣ!...

— А я тебѣ вотъ что̀ скажу, съ засверкавшими глазами обернулся на него Ашанинъ,—это единственная женщина изо всѣхъ, какихъ я знаю, которая способна не надоѣсть тебѣ до конца жизни!

— Еще бы! засмѣялся Чижевскій,—она тебя до этого десять разъ успѣетъ разжевать и выплюнуть...

— Въ этомъ-то и прелесть, живо возразилъ московскій Донъ-Жуанъ,—въ этомъ-то и прелесть, какъ ты этого не понимаешь!...

Бѣдный Маусъ ничего не сказалъ. Онъ съ высоты своихъ правовѣдскихъ правъ и нѣмецкой крови такъ долго привыкъ презирать своего русскаго и непривилегированнаго ривала,

что неожиданное объявленіе побѣды Ранцова надъ ними кинуло его въ жаръ и подкосило ноги... Онъ повалился на диванъ безпомощно и безсильно, и надменные его воротнички, смоченные выступившимъ у него лихорадочнымъ потомъ, повисли внезапно жалкою тряпкой кругомъ его длинной, худой, съ большимъ напереди желвакомъ, нѣмецкой шеи...

XXIV.

Черезъ нѣсколько минутъ Ашанинъ всталъ и ушелъ съ галлереи.

„Что дѣлать теперь здѣсь?“ думалъ онъ. Для него лично все уже было кончено; съ отъѣздомъ Ольги и этою „забавною помолвкой“ ея съ однимъ изъ „ея фофановъ“ изсякалъ для него всякій интересъ, всякій поводъ дальнѣйшаго пребыванія въ Сицкомъ. Онъ сегодня же уѣхалъ бы въ Москву съ Чижевскимъ, который уже послалъ за лошадьми и предлагалъ ему мѣсто въ своемъ экипажѣ, если бы не Гундуровъ. Нашъ Донъ-Жуанъ сердечно интересовался романомъ пріятеля, но, занятый самъ любовными похожденіями своими, не имѣлъ случая говорить съ нимъ со вчерашняго вечера, и послѣднія страницы этого романа были ему невѣдомы. Онъ, какъ мы видѣли, тотчасъ послѣ завтрака отправился къ Софьѣ Ивановнѣ, которую засталъ вдвоемъ съ Сергѣемъ, но немедленно вслѣдъ за нимъ вошла княжна Лина, и по первому взгляду, кинутому ею на Гундурова, на его тетку, Ашанинъ понялъ, что въ теченіе утра произошло для нихъ нѣчто важное и рѣшительное, о чемъ должно было итти между ними совѣщаніе, при которомъ онъ оказывался лишнимъ. Онъ поспѣшилъ уйти...

Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе часа. „Они вѣроятно успѣли ужъ теперь передать другъ другу все нужное“, разсуждалъ Ашанинъ, направляясь опять къ покоямъ, занимаемымъ госпожей Переверзиной. „Дѣло идетъ у нихъ очевидно о послѣднемъ шагѣ,—просить руки княжны у ея матери... И почти

несомнѣнно, что она откажетъ, и тогда придется имъ сегодня же уѣхать въ Сашино... Сережа будетъ съ ума сходить, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это можетъ кончиться... Его оставить нельзя, бѣдной Софьѣ Ивановнѣ съ нимъ одной не справиться... Я уѣду съ ними во всякомъ случаѣ", рѣшилъ онъ.

Проходя черезъ первую гостиную, онъ услышалъ шаги за собой и машинально обернулъ голову.

Это былъ князь Ларіонъ. Ашанинъ остановился.

— Вы не къ Софьѣ-ли Ивановнѣ Переверзиной? спросилъ его тотъ.

— Такъ точно-съ...

Князь замедлилъ шаги, и на лицѣ его какъ бы пробѣжало легкое выраженіе досады.

— Не знаете, у себя она... и одна-ли? промолвилъ онъ какъ бы нехотя.

— Теперь не знаю, а съ часъ тому назадъ, когда я былъ тамъ, у нея былъ Гундуровъ и...

Онъ какъ-то безсознательно пріостановился.

— И кто же еще, развѣ это секретъ? нетерпѣливо вырвалось у князя, и онъ строгими глазами глянулъ на молодаго человѣка.

— Нисколько, отвѣтилъ, нѣсколько смущенно улыбаясь, Ашанинъ:—была княжна Елена Михайловна...

— А!...

Князь Ларіонъ остановился—какъ бы въ раздумьи.

— Вы мнѣ можете оказать услугу, сказалъ онъ, помолчавъ.

— Какую прикажете, князь?

— Я бы хотѣлъ поговорить съ пріятелемъ вашимъ... Сергѣемъ Михайловичемъ Гундуровымъ. Если увидите его, благоволите передать это ему и сказать, что я буду ждать его у себя въ кабинетѣ.

— Сію же минуту, князь!

Они разошлись.

Лина была еще у Софьи Ивановны...

Гундуровъ сидѣлъ блѣдный, какъ и она, и, какъ она, стараясь казаться спокойнымъ. Софья Ивановна ходила по ком-

натѣ, судорожно погружая то-и-дѣло пальцы свои въ табакерку и каждый разъ просыпая табакъ прежде, чѣмъ донести его до ноздрей...

Они дѣйствительно давно уже успѣли передать другъ другу все, что̀ представляло для нихъ взаимный интересъ: княжна—разговоръ свой съ матерью и встрѣчу съ графомъ Анисьевымъ, Софья Ивановна — объясненіе съ княземъ Ларіономъ... На фактѣ подтвердилось то, что̀ заранѣе предвидѣлъ, предчувствовалъ каждый изъ нихъ: княгиня отказывала наотрѣзъ, впереди стояла разлука, неизбѣжная, непереносимая разлука... Правда, нельзя еще было назвать все потеряннымъ: князь Ларіонъ самымъ формальнымъ образомъ обѣщалъ вступиться, поговорить... Но никто изъ нихъ въ глубинѣ души не вѣрилъ въ успѣхъ этого предстательства...

А между тѣмъ всѣ трое они, невольно прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ сосѣднемъ корридорѣ, безмолвствовали въ тревожномъ ожиданіи вѣсти объ исходѣ этого обѣщаннаго княземъ рѣшительнаго разговора съ невѣсткой, и чѣмъ долѣе тянулось время, тѣмъ мучительнѣе становилось это ожиданіе...

Въ эту минуту послышались спѣшные шаги въ корридорѣ, и кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите! вскрикнула Софья Ивановна.

Вошелъ Ашанинъ.

— Сережа, тебя князь Ларіонъ Васильевичъ желаетъ видѣть, сказалъ онъ.

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста. Тетка его и Лина съ измѣнившимися лицами глянули другъ на друга. У всѣхъ на минуту сперлось дыханіе.

— Не знаешь для чего? вырвалось безсознательно у Сергѣя.

— Не знаю.

Ашанинъ передалъ разговоръ свой съ княземъ.

— Ступай скорѣе, Сергѣй! заторопила его Софья Ивановна.

Лина подошла къ нему.

— И что̀ бы ни было, прошептала она, вся заалѣвъ,—не теряйте спокойствія духа!

Она протянула ему руку.

— Можно? спросилъ онъ, наклоняясь надъ ней и насилованно улыбаясь:—на счастіе!

Она чуть-чуть кивнула печальною головкой. Онъ прикоснулся губами къ ея нѣжнымъ пальцамъ и вышелъ, сопровождаемый Ашанинымъ.

— Послушай, Сережа, молвилъ ему тотъ, шагая съ нимъ рядомъ по пустыннымъ параднымъ комнатамъ, — ты понимаешь, что не изъ пустаго любопытства спрашиваю я тебя: скажи, на чемъ стоитъ въ эту минуту дѣло у васъ съ княжной?

— Тетѣ княгиня отказала... Вся надежда теперь на то, что̀ могъ сдѣлать тамъ князь, проговорилъ отрывисто Гундуровъ.

У Ашанина болѣзненно защемило на сердцѣ.

— Ну, Сережа, голубчикъ, вскликнулъ онъ,—ты знаешь, денегъ у меня никогда не бываетъ, а только вотъ мое клятвенное обѣщаніе: если ты теперь отъ князя выйдешь женихомъ, я прямо же отсюда въ Москву, и хоть послѣднее пальто заложу, а за тебя пудовую свѣчу Спасу у Воротъ поставлю!

Онъ довелъ пріятеля до покоевъ князя Ларіона, а самъ усѣлся на лавкѣ въ передней, въ ожиданіи его возвращенія.

XXV.

Гундуровъ входилъ въ кабинетъ князя Ларіона въ первый разъ со дня того разговора съ нимъ, внутренній смыслъ котораго заключался въ желаніи князя удалить молодаго человѣка отъ княжны. Видъ покоя съ его величавыми свидѣтельствами минувшаго и чѣмъ-то внушительнымъ и строгимъ, вѣявшимъ отъ его поблекло-роскошнаго убранства, сразу напомнилъ этотъ разговоръ нашему герою и вызвалъ въ немъ тяжелое ощущеніе. Въ этихъ стѣнахъ, сказалось ему, не суждено тебѣ услышать слова надежды и радости.

Онъ былъ правъ... на половину.

Князь разбиралъ какія-то бумаги за столомъ и такъ погруженъ былъ, казалось, въ это занятіе, что замѣтилъ Гундурова, лишь когда тотъ стоялъ уже въ двухъ шагахъ отъ него.

— А, Сергѣй Михайловичъ, проговорилъ онъ, поспѣшно вставая и закрывая папку съ бумагами, — милости просимъ!

Онъ отошелъ отъ стола къ дивану у противоположной стѣны, сѣлъ и указалъ молодому человѣку кресло подлѣ себя...

Прошло долгое молчаніе.

— Вы знаете, вѣроятно, чрезъ тетушку вашу, началъ наконецъ съ видимымъ усиліемъ князь, — что я долженъ былъ переговорить съ Аглаей Константиновной... относительно сдѣланнаго ей сегодня утромъ Софьей Ивановной... предложенія?

— Знаю, князь, глухо промолвилъ Сергѣй.

— Сломить я ее не могъ, заговорилъ тотъ опять послѣ новаго молчанія;—есть стѣны, которыхъ ничѣмъ, никакимъ тараномъ не прошибешь, добавилъ онъ съ презрительною усмѣшкой.

Гундуровъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, не смотря на всю приготовленность его къ принятію такого удара.

Князь внимательно поглядѣлъ ему въ лицо.

— Ничѣмъ, повторилъ онъ, — кромѣ какъ терпѣніемъ... Способны-ли вы на него?

— Князь, вскрикнулъ Гундуровъ,—долженъ-ли я понимать изъ этого, что надежда еще для меня не потеряна?

— На это, сказалъ князь Ларіонъ со страннымъ движеніемъ губъ, — можно было бы отвѣтить вамъ вопросомъ: насколько сами вы надѣетесь на себя... и на особу—онъ какъ бы не находилъ соотвѣтствующаго выраженія, — отвѣчающую вамъ взаимностью? досказалъ онъ наконецъ, хмурясь и глядя въ сторону.

— Не знаю, пылко выговорилъ на это молодой человѣкъ,— насколько заслуживаю я вѣры въ вашихъ глазахъ, но знаю, что княжна не сомнѣвается во мнѣ... А я, я какъ въ Богѣ увѣренъ въ ней!

— Да, какъ бы про себя, тихо и печально сказалъ дядя Лины,—ей вѣрить можно, она не измѣнитъ... не измѣнится... Послушайте, Сергѣй Михайловичъ, началъ онъ вдругъ, откидываясь отъ стѣнки дивана и облокачиваясь о стоявшій передъ нимъ столъ,—я буду говорить съ вами откровенно... Я не Аглая Константиновна, и вы должны понять, что я не признаю ни одного изъ тѣхъ основаній, въ силу которыхъ она отказываетъ вамъ... Напротивъ, то̀, какъ вы были воспитаны и какъ смотрите на задачи жизни, отвѣчаетъ вполнѣ моему мнѣнію о томъ, какой человѣкъ можетъ быть желателенъ для такой дѣвушки, какъ... моя племянница... Князь пріостановился на мигъ—и продолжалъ:

— Но, признаюсь, мнѣ все же не хотѣлось этого брака... Я не довѣрялъ вамъ, — не довѣрялъ вашей молодости... Вы увлечены Hélène, околдованы, влюблены... вы ее любите, не

сомнѣваюсь, поспѣшилъ добавить онъ въ отвѣтъ на движеніе Гундурова, собиравшагося, показалось ему, протестовать противъ недостаточности первыхъ его выраженій, — но въ ваши годы кто же не любитъ? Весь вопросъ въ томъ: кого и какъ любятъ!... Вы провели теперь три недѣли въ ея обществѣ, могли оцѣнить ея наружную и душевную прелесть. Но вы ея еще всю не знаете, не знаете всей цѣны этой чуткой, нѣжной, глубокой души... Полюбитъ она — до могилы, отдастъ себя безъ остатка, for better and worse, какъ говорятъ Англичане... Такую душу—я говорилъ это вашей тетушкѣ,—заслужить надо, всю жизнь заслуживать, Сергѣй Михайловичъ! протянулъ дрожавшимъ голосомъ князь Ларіонъ. — Заслуживать—и беречь, промолвилъ онъ, еще разъ не давая нашему герою возможности вставить слова,—не такъ, какъ поступили вы съ нею вчера...

— Князь, вскликнулъ Гундуровъ со мгновенно проступившими на глазахъ слезами,—я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, чтобы вычеркнуть эти минуты безумія!.. Повѣрьте...

Невольная горечь послышалась въ голосѣ его собесѣдника:

— Извиняться безполезно, она вамъ простила... и я напомнилъ вамъ это для очистки совѣсти, такъ сказать... Ваша тетушка права, примолвилъ онъ, проводя рукой по лицу и какъ бы остановившись на окончательномъ рѣшеніи, — такія существа, какъ Hélène, прозрѣваютъ внутреннимъ чутьемъ и дальше, и глубже, чѣмъ наша старая мудрость и опытность... Она васъ избрала: мнѣ остается отложить въ сторону всякія мои личныя сужденія и... протянуть вамъ руку. Да будетъ ея воля!...

Слова замирали въ горлѣ Гундурова; онъ схватилъ эту протягиваемую ему руку и горячо пожалъ ее обѣими руками.

— И вамъ, и ей предстоитъ тяжелый и долгій, быть можетъ, искусъ, заговорилъ снова князь Ларіонъ,—его надо будетъ имѣть силу выдержать. Съ княгиней Аглаей Константиновной справиться не легко... а безъ материнскаго согласія ни Hélène, ни вы, я полагаю, не допустите возможности брака?... Останется поэтому—ждать. Годъ, два, быть можетъ, если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго, которое все

измѣнить можетъ... Въ настоящую минуту выиграно, по крайней мѣрѣ, тò, что этотъ графъ Анисьевъ отложилъ, повидимому, намѣренія свои на время, а въ настоящую минуту, должно быть, уже и уѣхалъ отсюда...

— Онъ положительно отказывается отъ всякихъ притязаній, поспѣшно молвилъ Сергѣй,—онъ это сказалъ княжнѣ.

— Вотъ какъ! Онъ объяснялся съ нею?

Гундуровъ передалъ сообщенное ему Линой.

— За этимъ цѣлый échafaudage интриги! внимательно прослушавъ, пропустилъ сквозь зубы его собесѣдникъ.—Вы понимаете, что если-бъ онъ дѣйствительно хотѣлъ отказаться, онъ этихъ чувствительныхъ словъ не далъ бы себѣ труда говорить, а уѣхалъ бы, какъ уѣзжаютъ въ подобныхъ случаяхъ, безъ разговоровъ и безъ рисовки... Все равно (глаза князя блеснули), чтò бы они тамъ ни затѣвали, пока я живъ,—я это объявилъ Аглаѣ Константиновнѣ,—Hélène насильно замужъ не выдадутъ!... А когда меня не будетъ, съ загадочною улыбкой договорилъ князь Ларіонъ,—вы, я надѣюсь, будете уже ея мужемъ...

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста.

— Князь, у меня нѣтъ словъ сказать вамъ все, чтò я чувствую, выразить вамъ мою благодарность, мое благоговѣніе къ вамъ... Я сознаю, вы имѣли право почитать меня недостойнымъ того счастія, на которое указываете вы теперь мнѣ... Вы говорите вѣрно: счастіе это слѣдуетъ заслужить... заслужить годами терпѣнія, покорности, мукъ. И я вынесу, выдержу, заслужу, клянусь вамъ Богомъ... Чтò всѣ эти искусы и муки предъ тѣмъ, чтò можетъ ждать меня!...

„О, молодость!“ слушая его, безысходною тоской сжималось сердце князя Ларіона. Онъ опустилъ глаза, чтобы не видѣть выраженія этихъ молодыхъ надеждъ на этомъ счастливомъ молодомъ лицѣ...

Сергѣй оборвалъ вдругъ:

— А теперь, князь, чтò же, проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ,—намъ надо уѣзжать съ тетушкой.

— Я полагаю, что самимъ вамъ въ настоящую минуту

было бы не ловко оставаться... послѣ отвѣта Аглаи Константиновны тетушкѣ вашей... Она все же хозяйка дома...

— И не видать болѣе княжны, не встрѣчаться съ нею... До какихъ же поръ? еле слышно прошепталъ молодой человѣкъ.

— Пока я въ Сицкомъ, не сразу отвѣчалъ князь,—я буду очень радъ, если вамъ отъ времени до времени вздумается навѣщать меня... Вы можете встрѣтиться съ Hélène... „Чтобы гусей не раздразнить“, добавилъ онъ, усмѣхаясь черезъ силу,—спѣшить не надо! Положимъ, напримѣръ, срокъ первому визиту въ концѣ этого мѣсяца.

— И за то великое спасибо, князь! вздохнулъ, подумавъ, Гундуровъ.

Послѣдовало новое, продолжительное молчаніе.

Сергѣй остановилъ глаза на князѣ. Его поразилъ его разстроенный, лихорадочный видъ.

— Вамъ какъ будто нездоровится, князь?

Тотъ поднялъ глаза какъ будто съ просонковъ.

— Усталъ, сплю плохо... Года, что же дѣлать! примолвилъ онъ, пытаясь еще разъ вызвать улыбку на лицо, но молодому человѣку стало вдругъ жутко отъ вида этой улыбки.

— Надо будетъ пойти проститься съ княгиней, сказалъ онъ, возвращаясь къ предмету личной своей заботы;—не знаю, приметъ-ли она насъ?

— Она сказывается больною, не выходила къ завтраку, отвѣтилъ князь Ларіонъ,—вѣроятно, не приметъ... и избавитъ васъ такимъ образомъ отъ личной непріятности... Пошлите ее спросить во всякомъ случаѣ.

— А теперь, князь, молвилъ черезъ мигъ Гундуровъ,—мнѣ остается только выразить вамъ еще разъ мое глубокое сердечное спасибо и проститься съ вами... до послѣднихъ чиселъ іюня, не такъ-ли?...

Хозяинъ всталъ въ свою очередь.

— Да, да!... До свиданія, Сергѣй Михайловичъ!... А къ тетушкѣ вашей я самъ сейчасъ зайду пожелать ей добраго пути.

Молодой человѣкъ поклонился и вышелъ.

„Что̀ же“, оставшись одинъ, спросилъ себя князь Ларіонъ,—„легче-ли мнѣ стало теперь, какъ обѣщала эта добрая женщина?... Нѣтъ, все то-же!“ глухо вырвалось у него изъ груди, и онъ откинулся опять въ глубь дивана, нажимая глаза себѣ рукой.

XXV.

Les myrtes sont flétris, les roses mortes.
Nadaud.

На небо взглянулъ я, и тучи
Увидѣлъ я черныя тамъ.
Плещеевъ.

Читатель, если не даромъ прошла ваша молодость, и на разсвѣтѣ ея выпало вамъ на долю счастіе любви, — первой, чистой, благословенной любви, съ ея волшебною дѣйствительностью и золотыми снами, если вы подъ сѣдинами сохранили память о свѣтломъ существѣ, въ которомъ въ тѣ дни соединялись для васъ вся прелесть, все добро, весь свѣтъ и красота человѣческой жизни,—для васъ понятно будетъ все, что̀ происходило въ душѣ Гундурова въ минуту разставанія съ княжной... Онъ походилъ на человѣка, ошеломленнаго ударомъ грозы: хотѣлъ говорить — и не могъ, искалъ собрать мысли—и пуще терялся... Тутъ были Софья Ивановна, князь Ларіонъ, Ашанинъ,—но онъ не видѣлъ никого, не отвѣчалъ ни на чьи рѣчи, не слыхалъ ихъ! Онъ только растерянно глядѣлъ на Лину и чувствовалъ въ груди, въ сердцѣ, словно тысячу иголокъ разомъ коловшихъ его и не дозволявшихъ ему сознавать никакого иного ощущенія, кромѣ этой острой, нестерпимой боли. Онъ пробормоталъ что-то въ послѣднюю минуту и ушелъ вслѣдъ за теткой, спотыкаясь на каждой ступенькѣ лѣстницы... Уже въ коляскѣ, у крыльца, вспомнилъ онъ, что не сказалъ и сотой доли того, что̀ готовился сказать ей, внезапно, къ ужасу тетки, выскочилъ стремглавъ

изъ экипажа, кинулся обратно въ домъ, догналъ княжну въ гостиной, куда она, проводивъ отъѣзжавшихъ до лѣстницы (Софья Ивановна упросила ее не итти далѣе), побѣжала взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ изъ окна, схватилъ ея руку, попытался что-то выговорить... и не могъ, а судорожно приникъ губами къ этой рукѣ,—и такъ и замеръ... Ашанинъ прибѣжалъ за нимъ, весь въ тревогѣ.

— Сережа, что̀ ты дѣлаешь! Увидятъ люди, узнаетъ весь домъ, княгиня...

— Что̀-жь такое, пусть знаютъ! неожиданно для него выговорила Лина, блѣднѣя, какъ мраморное изваяніе, и сіяя такимъ блескомъ широко раскрытыхъ глазъ, какого въ нихъ еще никогда не видывалъ никто.

— Ради Бога, уходите, княжна! воскликнулъ испуганно пріятель Гундурова, — иначе его не уведешь, не избѣжишь скандала... И сами вы, глядите, едва на ногахъ стоите!...

— Сейчасъ уйду, погодите минуту! сказала она... И тихо отнявъ руку отъ прильнувшихъ къ ней устъ Сергѣя, она скинула съ шеи возвращенную имъ послѣ вчерашняго представленія старинную крупнокольчатую золотую цѣпочку съ портретомъ отца ея, отомкнула, сняла съ нея медальонъ и протянула ему ее.

— Возьмите и носите на рукѣ: пусть всѣ знаютъ, что это отъ меня, и что вы мой навсегда...

Ашанинъ чуть не силой увелъ нашего героя.

— Ну, слава Богу! перекрестилась даже Софья Ивановна подъ своимъ бурнусомъ, когда выѣхали они изъ Сицкаго.

Ѣхали они втроемъ съ Ашанинымъ, на котораго тетка Гундурова глядѣла теперь глубоко признательными глазами; она безконечно рада была предложенію его ѣхать съ ними въ Сашино и „остаться тамъ, пока его не прогонятъ“. Его присутствіе крайне облегчало тяжесть предстоявшей ей задачи „возиться съ этимъ сумасшедшимъ“, говорила она себѣ, поглядывая искоса на сидѣвшаго противъ нея съ опущенною головой племянника: „изныла бы я совсѣмъ одна-то съ нимъ“... И тутъ же съ просящимися на глаза слезами вспоминалось Софьѣ Ивановнѣ, какъ, въ минуту прощанія, нѣжно охвативъ

ей шею рукой и крѣпко прижавшись золотистою головкой своею къ ея плечу, прошептала ей на ухо Лина: „тетя, берегите его!“

Быстро мчали ихъ добрыя караковыя лошадки. Сицкое скрылось за пригоркомъ; потянули поля съ желтоватою зеленью ржи, словно легкимъ туманомъ подернутою золотистою пылью цвѣтенія... Вотъ и лѣсъ за границей Шастуновскихъ владѣній... О, такимъ-ли видѣлъ его Гундуровъ въ тотъ незабвенный полдень, послѣ первой встрѣчи съ княжной? Онъ не узналъ его: гдѣ тѣ краски, гдѣ тѣ волшебные переливы свѣта и тѣней? Погода съ утра успѣла измѣниться, надъ вершинами березъ низко проносились темнолиловыя тучи. Непривѣтно смотрѣла лѣсная чаща, птицы замолкли, весенніе ландыши отцвѣли давно... Безцвѣтно и уныло, какъ и въ его душѣ, было теперь подъ густою сѣтью нависавшихъ надъ ними вѣтвей, и лишь шумъ плюскавшихъ по листьямъ капель засѣявшаго дождя, да индѣ гулкій стукъ дрозда о стволъ древесный доносились до его слуха, вмѣсто тѣхъ неисчислимыхъ голосовъ, что̀ привѣтствовали его здѣсь на зарѣ его счастія.

Счастія... Да развѣ закрылось оно для него навсегда, развѣ не ждетъ оно его впереди, развѣ все это не временная мука, не „искусъ“, о которомъ говорилъ ему князь Ларіонъ, и который самъ онъ такъ торжественно обѣщалъ „выдержать, вынести“?... Гундуровъ внезапно поднялъ голову, оглянулъ своихъ спутниковъ, ощупалъ на лѣвой рукѣ обмотанную о кисть ея цѣпь Лины и улыбнулся мгновенною безсознательною улыбкой.

— Дождь пошелъ, сказала ему Софья Ивановна, не покидавшая его взглядомъ,—садись съ нами подъ верхъ, усядемся всѣ трое.

— Спасибо, тетя, отвѣчалъ онъ, скидывая шляпу,—пусть капаетъ, головѣ свѣжѣе.

— Дождь—къ счастію! проговорилъ на это Ашанинъ съ такою комическою серьезностью, что Софья Ивановна засмѣялась.

Но Сергѣй уже снова впалъ въ свою задумчивость...

И много дней должно было пройти, прежде чѣмъ сталъ

онъ въ состояніи перемочь себя и внести извѣстную ровность въ душевный свой обиходъ,—много дней, въ теченіе которыхъ онъ то проводилъ по цѣлымъ часамъ, запершись въ своей комнатѣ, уткнувъ голову въ руки, недвижный и безмолвный, то пропадалъ до поздней ночи въ поляхъ и оврагахъ, возвращался истомленный домой, будилъ Ашанина и заставлялъ его до зари выслушивать страстныя рѣчи о княжнѣ, объ обѣщаніяхъ князя Ларіона, о „случайностяхъ", которыя могли бы заставить Аглаю Константиновну измѣнить свое рѣшеніе... Ашанинъ терпѣливо выслушивалъ его, утѣшалъ, напоминалъ о терпѣніи и не разъ при этомъ посылалъ внутренно къ чорту пріятеля, прерывавшаго сонъ, въ которомъ онъ держалъ въ объятіяхъ своихъ Ольгу Акулину,—Ольгу Акулину, надолго, если не навсегда, потерянную для него теперь, но о которой каждый день думалъ московскій Донъ-Жуанъ.

— Мнѣ просто не въ мочь ждать до конца этого мѣсяца, говорилъ ему съ отчаяніемъ Гундуровъ черезъ недѣлю послѣ отъѣзда ихъ изъ Сицкаго,—хотя бы на мигъ, издалека взглянуть на нее!

— Только раздразнить себя больше, возражалъ Ашанинъ;—и гдѣ же это такъ взглянуть на нее, чтобы не увидѣли другіе, не пошли толки, сплетни?

— Но какъ же жить такъ, безо всякихъ извѣстій! Она не здорова, можетъ быть, заболѣла отъ непріятностей, отъ преслѣдованій матери...

— Объ этомъ узнать можно, сказалъ подумавъ красавецъ:—я поѣду въ Сицкое.

— Ты?...

— А что же? Я—сторона, никакой у меня размолвки съ княгиней не было, и благоволила она ко мнѣ всегда. Поѣду къ ней съ визитомъ, навезу ей скоромныхъ анекдотцевъ коробъ цѣлый. Она предовольная останется.

— Но она узнаетъ, что ты отъ насъ, изъ Сашина...

— И не полюбопытствуетъ! А узнаетъ, такъ что же такое! Если она заговоритъ о тебѣ, я тебя ругать стану! засмѣялся Ашанинъ:—скажу, что ты ужасно гордишься и важничаешь своею Рюриковскою кровью, и почитаешь поэтому,

что чортъ тебѣ не братъ. Это на ея Раскаталовщину произведетъ самое внушительное впечатлѣніе... А княжну я тѣмъ временемъ увижу, переговорю, узнаю все...

— Володя, я напишу, передай ей! вскрикнулъ, блеснувъ взглядомъ, Гундуровъ.

— Хорошо... Нѣтъ пусть лучше напишетъ Софья Ивановна: и мнѣ передавать, и княжнѣ получать будетъ этакъ ловчѣе...

Гундуровъ кинулся ему на шею.

XXVI.

Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки
И слѣды недавнихъ слезъ.
Жуковскій.

А въ Сицкомъ... Какое безмолвіе, какая тоска свила себѣ въ немъ теперь гнѣздо послѣ недавняго гама, смѣха, праздничнаго сіянія! Какъ пустынно и угрюмо глядѣли эти пышныя хоромы, по лощенымъ паркетамъ которыхъ кое-когда лишь развѣ безшумно проходилъ теперь полусонный дежурный офиціантъ, посланный бдительнымъ Витторіо спустить занавѣсы отъ солнца или смести насѣвшую на мебель пыль... Изъ гостей оставался одинъ лишь Зяблинъ, каждый день, впрочемъ, заявлявшій о своемъ ближайшемъ отъѣздѣ, но изо дня въ день продолжавшій все также пить чай съ очарованною имъ хозяйкой. Сама она выходила изъ своихъ внутреннихъ аппартаментовъ лишь въ часы завтрака и обѣда; въ одни лишь эти часы видѣлась она съ деверемъ и дочерью. Не веселы и тяжелы для всѣхъ были эти трапезы, за которыми каждый сидѣлъ, глядя въ свою тарелку, часто ни единымъ словомъ во все продолженіе ихъ не обмѣнявшись со своими сосѣдями, и прислушивался, отъ нечего дѣлать, къ пустой болтовнѣ князька „Базиля“ съ его невозмутимымъ Англичаниномъ. Аглая Константиновна не то дулась, не то конфузилась, не смѣя поднять глазъ на князя Ларіона и отворачивая ихъ отъ Лины. Изъ-за стола вставали всѣ поспѣшно, какъ бы отбывъ обременительный долгъ, и тотчасъ же расходились, каждый въ свою сторону. Князь Ларіонъ усиленно ходилъ, читалъ, ѣздилъ

верхомъ. Лина гуляла до устали и заигрывалась по вечерамъ Бахомъ и Марчелло, строгія вдохновенія которыхъ ладились съ невеселымъ настроеніемъ ея духа... Между дядей и племянницей отношенія какъ бы вдругъ совершенно порвались: они не сходились, не видались, кромѣ какъ въ часы общихъ трапезъ, тяжелыхъ и безмолвныхъ. Какое-то взаимное недоразумѣніе лежало между ними. Онъ, послѣ того разговора съ ея матерью, наружно какъ бы столько же боялся возобновленія прежней интимности своей съ Линой, сколько внутренно жаждалъ и томился по ней. Онъ ждалъ, что она „подойдетъ" сама, сама почувствуетъ потребность тѣхъ прежнихъ, близкихъ, дружескихъ отношеній, „заставитъ его" возобновить ихъ. „Не пожертвовалъ-ли онъ себя весь", не подарилъ-ли себя, не обѣщалъ-ли „избранному ею" полное содѣйствіе и покровительство?... Княжна, въ свою очередь, чувствовала себя исполненною къ нему искреннѣйшей благодарности и томилась желаніемъ выразить ее ему. Но какъ? Онъ казался ей мраченъ до суровости, онъ удалялся, не искалъ случая разговора съ нею. Она боялась сказать ему слишкомъ мало, или слишкомъ много,—все то же внутреннее чутье подсказывало ей, что горячее выраженіе этой благодарности ея способно было бы только растравить ту рану, которую, она знала, носилъ онъ въ себѣ съ первой почти минуты появленія Гундурова въ Сицкомъ... Она не старалась углубиться въ разгадку двигавшихъ его побужденій, она останавливалась на тѣхъ объясненіяхъ, которыя самъ онъ далъ ей по этому поводу: онъ одинокъ, привыкъ, привязанъ къ ней, онъ видѣлъ въ ней свой „bâton de vieillesse", ему тяжела мысль потерять ее, разстаться съ существомъ близкимъ ему по крови, по чувствамъ, по симпатіямъ... „Онъ добръ, дядя, благороденъ, онъ это доказалъ намъ теперь", разсуждала Лина,—„но въ немъ, какъ во всѣхъ старыхъ людяхъ, есть своя доля эгоизма: онъ рѣшился теперь стать прямо на нашу сторону, но все же простить мнѣ это онъ сразу не можетъ"...

И такъ шли дни, и какъ бы все далѣе и далѣе расходились они, „и какъ враги избѣгали свиданія и встрѣчи.

Не весело, но и не мятежно было на душѣ Лины. Она вѣри-

ла,—она умѣла вѣрить. Тяжко было для нея отсутствіе любимаго человѣка, и слезы невольно текли о немъ изъ ея глазъ, но она знала, что онъ думалъ ежечасно о ней, какъ и она ежечасно думала и молилась о немъ, знала, что она его увидитъ черезъ извѣстный промежутокъ времени, и терпѣливо считала дни, отдѣлявшіе ее отъ этой минуты. О болѣе дальнемъ будущемъ она загадывать не смѣла, но и не отчаявалась въ немъ,—она была увѣрена и въ себѣ, и въ Сергѣѣ,—„да и не грѣхъ-ли отчаяніе?...“ Забвеніе, въ которомъ она была какъ бы оставлена окружавшими ее, не тяготило ея; въ настоящую минуту оно было дорого ей, напротивъ: ей были дороги это царствовавшее кругомъ ея людское безмолвіе, и ничѣмъ не стѣсняемая свобода долгихъ размышленій, и одинокія прогулки по межамъ засѣянныхъ полей, куда обыкновенно направляла она шаги, исчезая какъ птичка среди высокихъ хлѣбовъ, и эта тишь, и ширь, и простота волнующихся линій русской, еще новой для нея, природы, о которой съ дѣтства мечтала она на чужбинѣ и которая такъ близка, такъ родна была ея тихой душѣ. Ей слаще всего было среди этой природы думать о Гундуровѣ, вспоминать его восторженныя рѣчи, его страстную любовь къ этой дорогой имъ обоимъ родинѣ, „безбрежной“, какъ и то чувство, которое соединяло ихъ „на вѣки“ другъ съ другомъ...

Она возвращалась какъ-то домой съ одной изъ такихъ своихъ прогулокъ (былъ третій часъ пополудни), какъ вдругъ увидѣла на дворѣ предъ крыльцомъ знакомую ей четверку караковыхъ. Сердце забилось у нея. „Неужели онъ“?..

— Кто это пріѣхалъ? спросила она, насколько ей было возможно спокойнѣе, входя въ сѣни.

— Господинъ Ашанинъ, Владиміръ Петровичъ, отвѣчалъ слуга.

— Къ кому?

— Къ ея сіятельству княгинѣ.

Лина поднялась въ первый этажъ...

А Донъ-Жуанъ нашъ сидѣлъ тѣмъ временемъ въ ситцевомъ кабинетѣ княгини и потѣшалъ ее, какъ обѣщался Гундурову, всякими разсказами легкаго содержанія. „Il est vrai-

ment charmant, ce monsieur Ашанинъ!“ повторяла она, покатываясь и одобрительно относясь съ этими словами къ неизбѣжному Зяблину, сидѣвшему тутъ же, и на обычно оживленномъ лицѣ котораго изображалось не менѣе одобренія, а удовольствія вдвое, за то неожиданное развлеченіе, которое пріѣздъ Ашанина вносилъ въ его безконечный tête-a-tête съ этою умною женщиной.

Ашанинъ сообразилъ совершенно вѣрно. Аглая Константиновна даже не „полюбопытствовала“ узнать, кто тѣ „друзья въ ея сосѣдствѣ“, у которыхъ, на ея вопросъ при его появленіи „откуда вы?“ онъ отвѣчалъ, что „поселился на время“. Какое было ей до этого дѣло? Ее интересовало въ жизни единственно то, что̀ касалось ея лично, да и въ этомъ лично касающемся ея она никакими дальнозоркими вопросами не задавалась. Ей и въ голову не пришло, что визитъ молодаго человѣка могъ имѣть какое-либо отношеніе къ тому, что̀ она на своемъ живописномъ французскомъ діалектѣ называла „ce bète d'amour de ma fille pour un monsieur de rien du tout“.

— А княжны я не увижу? самымъ невиннымъ тономъ спросилъ Ашанинъ, исчерпавъ до дна свой запасъ анекдотовъ.

— Она гуляетъ, должно быть; это ея обыкновенный часъ, отвѣчалъ Зяблинъ.

— Вы увидите ее за обѣдомъ, промолвила хозяйка;—вѣдь вы съ нами обѣдаете?

— Извините, княгиня, не могу!..

— Pourquoi donc? Вы, можетъ быть, боитесь que le dîner sera mauvais, потому что мы одни, безъ гостей, полуигриво, полуобидчиво отпустила Аглая.

— Помилуйте! засмѣялся Ашанинъ, — я знаю, что вы съ гостями и безъ гостей обѣдаете, какъ обѣдалъ одинъ только покойный Лукуллъ.

Она недоумѣло вперила въ него свои круглыя очи:

— Ah, oui, Lucullus, ce général de Rome qui avait un si bon cuisinier, вдругъ вспомнила она былые уроки madame Crébillon и расхохоталась, несказанно обрадованная. — Il a

toujours le mot pour rire! примолвила она, подмигивая все тому же Зяблину.—Такъ отчего же вы не хотите manger un bon dîner? допытывалась она опять у своего молодаго гостя.

— Мнѣ надобно еще въ городъ отъ васъ, объяснилъ онъ:— мнѣ поручено привести оттуда ящикъ книгъ, присланный... моимъ друзьямъ...

— И ужь вѣрно не книги, съ новою игривостью закачала головою Аглая, — a quelque affaire de femme?... Ахъ, я знаю, вскрикнула она, — вамъ хочется, je suis sûre, увидѣть Olga Akouline; вы, кажется, были немножко amoureux d'elle?... Только опоздали, она выходитъ за мужъ за monsieur Ранцова.

— Это не новость, княгиня. Она это намъ всѣмъ громогласно объявила, уѣзжая съ нимъ отсюда въ одинъ день, что̀ и всѣ мы, когда разстроился *Левъ Гурычъ Синичкинъ*.

— Нѣтъ, я это узнала недавно вотъ чрезъ него! — И Аглая опять кивнула на „бриганта". — C'est une joule fille, et de l'esprit, mais très impertinente, n'est-ce pas? спросила она его.

Зяблинъ нѣжно покосился на нее и испустилъ глубокій вздохъ.

— И какое ей счастіе! Il se trouve, что этотъ monsieur Ранцовъ очень богатъ, говорятъ...

Ашанинъ поспѣшно всталъ со своего кресла. Произнесенное имя Ольги внезапно пробудило въ немъ съ новою силой помыслъ о ней, желаніе увидѣться съ нею. Онъ, дѣйствительно, по просьбѣ Гундурова, взялся заѣхать въ городъ за ящикомъ книгъ, высланныхъ по почтѣ изъ Москвы его пріятелю, и говорилъ себѣ теперь, что вѣдь „Ольга тамъ, и что кто чего сильно хочетъ, того непремѣнно достигаетъ"...

— Позвольте поцѣловать вамъ ручку, княгиня, проговорилъ онъ,—мнѣ пора!

— Vous avez voulu voir Lina? молвила она, не безъ извѣстнаго внутренняго удовольствія касаясь жирными губами своими наклонившагося къ ней горячаго лба красавца.

— Я постараюсь найти ее на прогулкѣ...

— Надѣюсь, до свиданія, если вы останетесь въ нашихъ странахъ?

— Надоѣмъ еще вамъ моими посѣщеніями, княгиня, будьте покойны! смѣялся онъ, прощаясь.

Онъ вышелъ. Зяблинъ пошелъ проводить его.

Внезапная мысль блеснула по пути въ сообразительной головѣ Ашанина.

— Евгеній Владиміровичъ, спросилъ онъ, когда очутились они вдвоемъ въ пустой и полутемной отъ спущенныхъ занавѣсъ гостиной, глядя во всѣ глаза на своего спутника:—скажите пожалуйста, долго-ли будетъ упорствовать княгиня въ намѣреніи выдать дочь противъ ея воли за этого петербургскаго флигель-адъютанта?

„Бригантъ“ никакъ не ожидалъ этого и пришелъ въ первую минуту въ конфузъ.

— Я, право, не знаю... и почему вы это меня спрашиваете? пробормоталъ онъ своимъ глухимъ, сдобнымъ голосомъ.

— Ахъ, полноте, засмѣялся красавецъ,—будто я не знаю, какъ вы дружны со здѣшней хозяйкой!

— Что же... друженъ... пролепеталъ, еще болѣе смущаясь и хмуря брови, Зяблинъ.

— Ну, да, невиннѣйшимъ тономъ пояснилъ тотъ, — у всѣхъ бываютъ друзья, и несомнѣнно, что вы болѣе близки съ княгиней, чѣмъ всѣ мы вотъ, жившіе здѣсь такъ долго... И я совершенно понимаю васъ: она премилѣйшая женщина... Упряма немножко, — что дѣлать, у всѣхъ свои недостатки... Но вотъ я именно и думаю, что обязанность настоящихъ друзей употреблять свое вліяніе на тѣхъ, кого они любятъ и кто вѣритъ имъ, чтобы предотвращать ихъ отъ ложныхъ поступковъ... особенно же, когда съ этимъ соединяется и ихъ *собственная невыгода*, подчеркнулъ Ашанинъ.

Зяблинъ насторожилъ уши.

— Это, то-есть, чья же невыгода?...

— Невыгода друзей, поспѣшилъ объяснить Ашанинъ.

— Какъ же это вы понимаете?

— Очень просто! Согласись княжна выйти замужъ за того, кого желаетъ мать, она уѣдетъ съ мужемъ въ Петербургъ, а за нею и сама княгиня, и мы такимъ образомъ лишимся дома, въ которомъ, и въ Москвѣ, и здѣсь, всѣ мы, а

вы первый, находили столько удовольствія бывать... Объ этомъ стоитъ подумать!

— Княгиня не обязана ѣхать за дочерью, промямлилъ Зяблинъ, искоса поглядывая на своего собесѣдника,—она можетъ и въ Москвѣ остаться.

— Съ кѣмъ это и для кого? воскликнулъ недовѣрчиво Ашанинъ;—что ее здѣсь можетъ удержать?

„Я", могъ бы себѣ, пожалуй, сказать „бригантъ"... Но онъ не сказалъ этого себѣ,—много уже воды успѣло примѣшаться въ послѣднее время къ вину его первоначальныхъ иллюзій. Онъ въ глубинѣ души своей долженъ былъ сознаться, что эта „тупая тетёха", которую онъ въ первую пору ихъ отношеній думалъ, въ силу своихъ прежнихъ Печоринскихъ успѣховъ, держать „подъ ногами", держала его въ дѣйствительности „при себѣ" и нисколько не расположена была пока отдать ему верховенство надъ собою. Онъ мирился, скрѣпя сердце, съ этимъ положеніемъ, надѣясь добиться все-таки своего со временемъ, но понималъ, насколько положеніе это было до сей минуты шатко, и какъ не возможно было бы ему и вовсе сохранить его въ случаѣ переселенія княгини въ Петербургъ. Въ качествѣ чего послѣдовалъ бы онъ за нею туда? (Евгеній Владиміровичъ Зяблинъ дорожилъ наружнымъ своимъ гоноромъ). Слова Ашанина заставили его призадуматься.

— Вы, конечно, таинственно пропустилъ онъ,—все это на пользу пріятеля вашего, Сергѣя Михайловича Гундурова говорите?

— Непремѣнно, засмѣялся еще разъ Ашанинъ;—прежде всего въ виду его, а потомъ „на пользу" и насъ съ вами.

Зяблинъ помолчалъ.

— У этого Анисьева, все такъ же таинственно прошепталъ онъ затѣмъ, — большое количество долговъ, говорятъ... Но княгиня до сихъ поръ не хочетъ этому вѣрить.

— А на то, вотъ я и говорю, друзья, живо молвилъ на это красавецъ,—чтобъ умѣть убѣдить ее въ томъ... а при томъ и намъ не мѣшать, примолвилъ онъ, многозначительно устремляя взглядъ на „бригантa".

— Это само собою, будьте увѣрены! отвѣтилъ, осторожно озираясь кругомъ, тотъ и протянулъ ему руку.—Ахъ, да вотъ и княжна; я ретируюсь! поспѣшно выговорилъ онъ, исчезая тутъ же за портьерой двери, отдѣлявшей парадные покои отъ интимныхъ аппартаментовъ княгини.

Ашанинъ устремился навстрѣчу дѣйствительно показавшейся въ дверяхъ слѣдующей комнаты княжны.

— Здравствуйте, Владиміръ Петровичъ, какъ я рада васъ видѣть! молвила она:—откуда вы, изъ Сашина?...

— Изъ Сашина, княжна... Я имѣю къ вамъ письмо, сказалъ онъ, засовыя руку въ боковой карманъ.

— Письмо? повторила она, невольно вся заалѣвъ.

— Отъ Софьи Ивановны Переверзиной...

— Ахъ, давайте, давайте!...

Оно заключалось лишь въ нѣсколькихъ задушевныхъ строкахъ. Софья Ивановна поручала Ашанину передать княжнѣ все, что̀ могло бы интересовать ее въ „Сашинскомъ ихъ житьѣ-бытьѣ“, а ее просила „писать о себѣ, о своемъ здоровьѣ какъ можно подробнѣе...“ „Вы съ *нами* мысленно и душевно, и днемъ и ночью. Услышитъ-ли Богъ наши молитвы, чтобы въ явѣ совершилось то, что̀ такъ пламенно призываемъ въ мечтаньяхъ?“ говорилось въ концѣ записки.

Лина усадила подателя ея около себя на диванъ, жадно и умиленно глядя ему въ глаза, засыпая его вопросами. Онъ отвѣчалъ горячо и пространно, съ нѣжнымъ, братскимъ какимъ-то чувствомъ любуясь на нее, любуясь сердечною прелестью, сквозившею сквозь каждое слово, каждый взглядъ ея, вызывая не разъ смѣхъ на ея уста намѣреннымъ комизмомъ передачи иныхъ разговоровъ своихъ о ней съ Гундуровымъ и тѣхъ якобы пытокъ, которыя заставляетъ его переносить пріятель, рѣшившій-де окончательно уморить его посредствомъ лишенія сна...

— А теперь все, княжна, хоть выжмите, ни капельки не осталось! закончилъ онъ.—Мнѣ остается только дождаться теперь отвѣта вашего на это письмо и затѣмъ уѣхать...

— Я пойду, напишу сейчасъ, сказала подымаясь Лина.

— Отлично, а когда кончите, пошлите за мною къ Факирскому. Я у него ждать буду.

— Его нѣтъ здѣсь, вскликнула княжна:—у него въ Москвѣ заболѣла опасно мать, и онъ третьяго дня уѣхалъ къ ней.

— Жаль! сказалъ раздумчиво Ашанинъ.—Я, признаюсь вамъ, княжна, думалъ было устроить чрезъ него постоянныя сношенія съ Сицкимъ. Намъ въ Сашинѣ всего мало, промолвилъ онъ, смѣясь:—мы бы желали имѣть тамъ о васъ ежедневныя, ежечасныя свѣдѣнія, и Факирскій съ этой стороны могъ служить для насъ живымъ дневникомъ... Нечего дѣлать, какъ-нибудь иначе устроимъ! договорилъ онъ какъ бы про себя.—Пойду прогуляться въ садъ въ ожиданіи вашего отвѣта... Вы скоро пишете, княжна?

— Да! А что̀?

— Часа вамъ будетъ довольно на письмо? спросилъ онъ со смѣхомъ.

— Постараюсь, отвѣчала она тѣмъ же.

— Такъ я черезъ часъ приду сюда за нимъ.

Онъ довелъ ее до лѣстницы. Она поднялась къ себѣ. Онъ собирался спуститься, когда услыхалъ шумъ шаговъ бѣжавшихъ за нимъ по параднымъ комнатамъ и чей-то звавшій его голосъ:

— Господинъ... Мусью... Мусью Ашанинъ!...

Онъ повернулъ назадъ.

Къ нему неслась, вся запыхавшись, первая камеристка княгини, обильногрудая и неимовѣрно перетянутая въ таліи „Lucrèce“, держа въ рукахъ плетеную корзиночку, укрытую широкими кленовыми листьями.

— Это вамъ-съ ихъ сіятельство, княгиня, изволили вишни прислать на дорогу, чтобы ѣхать вамъ было не скучно-съ, доложила она сюсюкая и устремляя на него свои живые мышиные глазки.

Ашанинъ воззрился на нее.

„Какія монументальныя красы!“ подумалъ онъ: — „ничего подобнаго, кажется, и не было до сихъ поръ въ моей коллекціи“. И новое соображеніе мелькнуло тутъ же въ головѣ его.

— Искреннѣйше поблагодарите отъ меня княгиню за вни-

маніе, сказалъ онъ громко, помаргивая владѣлицѣ этихъ „монументальныхъ красотъ“ своимъ искусительнымъ донъ-жуанскимъ взглядомъ,—только у меня такая привычка, что я фруктовъ никакъ въ одиночествѣ ѣсть не могу, а чтобъ была у меня при этомъ пріятная компанія.

— Это, то-есть, какже-съ понимать надо-съ? принялась тотчасъ же поджиматься и скалить крупные бѣлые зубы опытная „Lucrèce“.

— А я вотъ сейчасъ въ садъ иду, такъ мы можемъ съ вами тамъ въ укромномъ уголку опорожнить эту корзинку вдвоемъ.

„Lucrèce“ сочла нужнымъ на первый разъ выразить извѣстнаго рода оппозицію.

— Извините, мусью, я такой променажъ не слишкомъ предпочитаю. Потому далеко иттить. Можно и совсѣмъ свое спокойствіе духа потерять.

— Напрасно! сказалъ невозмутимо Ашанинъ, приподымая двумя пальцами покрывавшіе корзину листья: — вишни преспѣлыя и превкусныя, надо быть.

Онъ обернулся и пошелъ.

— Что̀ же мнѣ съ ними дѣлать-то? молвила она ему вслѣдъ:—взять ихъ не желаете?

— Въ саду, не иначе! отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь.

— Такъ гдѣ же васъ тамъ найтить? уже шопоткомъ промолвила на это дебелая красавица.

— Въ гротѣ, надъ рѣкой. Знаете мѣсто?

— Бывала-съ...

XXVII.

Черезъ полчаса послѣ этого, подъ темнымъ и низкимъ сводомъ таинственно заросшаго кустами грота, въ корзинѣ, стоявшей на широкой дерновой скамьѣ, между „монументальною Lucrèce“ и московскимъ Донъ-Жуаномъ оставались отъ вишень однѣ косточки, а разговоръ отзывался характеромъ нѣкоей трогательной интимности.

— И ужь доподлинно можно сказать, говорила жирная Церлина, — что на нашу сестру вы самый какъ ни на есть ловкій, самый жестокій господинъ.

— Да, я ужасно жестокъ на женщинъ! пресерьезно молвилъ шалунъ, чиркая спичкой о скамью и закуривая папиросу.

— Потому, главное, ужасный вы насмѣшникъ, продолжала она, примазывая рукой свои жесткіе, значительно растрепавшіеся волосы,—а которая себя чувствуетъ, очень для нея это обидно бываетъ, и даже иной разъ лучше совсѣмъ со свѣта сойтить... Вотъ, хошь-бы сказать Надежда Ѳедоровна наша, въ монашенки теперича пошла, примолвила Lucrèce, усмѣхаясь съ самымъ рѣшительнымъ лукавствомъ, — чьихъ это рукъ дѣло, не знаете?

— Я чужими дѣлами не интересуюсь, хладнокровнѣйшимъ тономъ отвѣчалъ онъ.

Она фыркнула во весь ротъ.

— Не интересуетесь? Безсовѣстный вы, прямо сказать!... А исправникова-то барышня въ садъ сюда ночью на свиданье къ кому ходила,—можетъ тоже не знаете?

„О, всевидящее око переднихъ, кто уйдетъ отъ тебя“! съ нѣкоторымъ ужасомъ произнесъ мысленно Ашанинъ.

— И все это вы вздоръ несете, милая моя, воскликнулъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, — ничего подобнаго не бывало никогда!

— Ска-а-жите по-о-жалуйста! медленно и гнусливо выговорила она, насмѣшливо закачавъ головой направо и налѣво.— Ну, а если васъ спросить теперича, для чего вы сегодня къ намъ пріѣхали? молвила она, чуточку помолчавъ предъ этимъ.

— Какъ для чего? Съ визитомъ пріѣхалъ къ княгинѣ...

— Та-акъ! И больше ничего?

— Чего же еще больше?

— Съ княжной нашею, съ Еленой Михайловной, не видались?

— Видѣлся...

Lucrèce осторожно потянулась головой ко входу грота и вполголоса спросила:

— Письмо ей привозили?

Онъ тотчасъ же сообразилъ, что отрицаніе было бы совершенно безполезно.

— Привозилъ, отъ генеральши Переверзиной.

Lucrèce сочувственно повела головой сверху внизъ.

— Солидная, такъ надо сказать, барыня эта генеральша! внушительно произнесла она.

— Вы одобряете? не могъ не засмѣяться Ашанинъ.

— А вы такъ полагаете, нѣсколько обидчиво всклинкула на это его новая жертва, — что мы, люди, всю эту коммерцію про господъ распознать не въ состояніи, кто *настоящій* есть, а кто только-что, тяпъ-ляпъ, по-французскому обученъ, а самъ, или сама изъ того же хамства произошли? Оченно вы ошибаетесь, потому мы, можетъ, лучше васъ самихъ до тонкости насчетъ этого самаго понимаемъ.

Ашанинъ поглядѣлъ на нее.

— Я вижу, красавица моя, проговорилъ онъ, — что щедрая природа надѣлила васъ такимъ же умственнымъ, какъ и тѣлеснымъ обиліемъ, а потому прямо васъ спрошу такъ: какъ вы насчетъ княжны полагаете?

Она подняла на него глаза.

— Что̀ про княжну говорить? Святая барышня: всему дому и даже каждому чужому извѣстно.

— Ну-съ, а маменька ея, повелительница ваша?...

Lucrèce такъ и прыснула (очень ужь понравилось ей это выраженіе).

— „Повелительница“, повторила она, — это ужь точно!... Ишь вѣдь вы бѣдовый какой, а еще меня спрашиваете! Что̀ же это вамъ про нихъ знать нужно?

Тонкій Ашанинъ сообразилъ тотчасъ же изъ этихъ отвѣтовъ, что могъ смѣло приступить къ дѣлу.

— А вотъ что̀, достопрекрасная...

— Лукерья...

— По батюшкѣ ка̀къ?

— Ильинична-съ.

— Такъ вотъ что̀, восхитительная Лукерья Ильинична: во-первыхъ, я желалъ бы продолжать съ вами столь пріятно начатое знакомство...

— Что̀ же, это можно-съ, прошептала она, признавъ при этомъ необходимымъ стыдливо опустить рѣсницы.

— А, во-вторыхъ, я очень любопытенъ, а потому весьма желательно было бы мнѣ знать всякую штуку, какая у васъ здѣсь можетъ происходить.

Церлина лукаво подмигнула ему.

— Сами-то вы, мусью Ашанинъ, штука, у, какая тонкая! Это вамъ, значитъ, нужно знать все и прочее?

— Вы сказали, моя прелесть! расхохотался онъ,—именно такъ: „все и прочее!“

— И это можно, рѣшила она,—потому я у Французинки въ Москвѣ шесть лѣтъ въ обученіи находилась, и все, даже до послѣдняго почти слова, понять могу, и даже съ мусью Витторіо всегда по-ихнему говорю, и, кромѣ того, все знаю насчетъ этого петербургскаго графа, что за него княжна не хочетъ иттить, а онъ все надѣется, потому княгиня имъ очень протежируетъ, и даже съ ихнею матушкой у нихъ переписка постоянно идетъ...

— Ну вотъ, ну вотъ, все это намъ знать и нужно! вос-

кликнулъ радостно Ашанинъ:—если какое-нибудь новое письмо получится, и что̀ они затѣвать будутъ...

— Читать я сама по-французскому не обучена, возразила Lucrèce,—а что княгиня безпремѣнно станутъ объ этомъ съ мусью Зяблинымъ разговаривать, и я всегда это услышать могу.

— Прелестно! А вотъ еще что̀, моя красавица, если бы нужно было, напримѣръ, княжнѣ опять письмо доставить, или отъ нея получить?

Красавица подумала.

— Отчего же, вновь рѣшила она затѣмъ,—и доставить, и получитъ опять-таки въ нашихъ рукахъ.

— Только при этомъ такъ надо было-бы устроить, чтобы княжна не знала, что это вы.

— И не будутъ знать. Глаша ихняя безграмотная, а я всегда вхожа въ ихъ комнаты, и могу имъ письмо на столъ положить, или взять ихнее, если напишутъ.

— Вы просто богъ Меркурій въ юпкѣ, очаровательная Лукерья! еще разъ вскликнулъ Ашанинъ:—ну, а теперь какъ же намъ собственно съ вами-то сообщеніе устроить, если увидаться или послать, что̀ нужно?

И на этотъ предметъ нашлось въ умственномъ запасѣ бывалой Lucrèce подходящее рѣшеніе:

— А у меня тутъ на селѣ родной братъ живетъ, Ѳедоръ Ильинъ прозывается, потому я сама здѣшняя, Сицковская; третья его изба справа, если изъ города примѣрно ѣхать. Такъ если что̀ нужно, только къ нему пошлите, велите Ваську спросить: шустрый этто у него мальчикъ есть, племянникъ мой. Онъ это все сорудуетъ, если мнѣ что̀ отъ васъ, или къ вамъ отъ меня послать... Къ вамъ въ Сашино, въ Гундуровское посылать?

— Да, я тамъ, у Гундурова...

— Ахъ, какъ этотъ самый вашъ господинъ Гундуровъ прекрасно Гамлета представляетъ! нежданно воскликнула она:—очень даже, могу сказать, обожаю ихъ за это, скажите имъ! Когда онъ этто про мать свою говорилъ, что она башмаковъ еще не износила, а за другаго вышла, а самъ въ слезы,

я даже убѣжала, потому у самой-то такъ и текутъ у меня, такъ и текутъ, а лакеишки-дурачье смотрятъ и смѣются... Ужь потомъ пришла смотрѣть опять, когда это они съ нашей княжной: „въ монастырь, говоритъ, ступай, въ монастырь!“ А пошла-то не она, а Надежда Ѳедоровна наша, безмозглая. Стòитъ! И Lucrèce, поведя насмѣшливо взглядомъ въ сторону нашего Донъ-Жуана, прыснула еще разъ со смѣху. — А чтò они, пріятель-то вашъ, въ княжну нашу очень врѣзамшись? спросила она тутъ же:—какъ вы скажете, мусью?

— Есть таки, Лукерья Ильинична, есть!..

— И сейчасъ видать, что настоящее это у нихъ, а не изъ-за приданаго, какъ у того, у петербургскаго-то. Хоть и холопка я, а понимать могу... Такъ вы имъ, такъ и скажите, разсмѣялась она,—что отъ сердца даже желаю, чтобы высватали они себѣ нашу княжну, потому ужь оченно они чувствительно этого самаго Гамлета умѣютъ играть.

„Господи“, сказалъ себѣ мысленно Ашанинъ,—„даже любовью къ искусству пылаютъ „сіи огромные сфинксы!“

— Восхитительная Лукерья, возгласилъ онъ, обнимая ея колѣноподобныя плечи,—добродѣтели ваши достойны всякихъ наградъ!..

— Баловникъ вы, баловникъ! залепетала она, зажмуривая отъ удовольствія свои плутоватые и сластолюбивые глазки...

XXVIII.

Княжна встрѣтила Ашанина въ гостиной съ письмомъ въ рукѣ.

— Не поручите-ли вы мнѣ передать *имъ* еще что-нибудь на словахъ? спросилъ онъ, принимая письмо и опуская его въ карманъ.

— Я написала, молвила она съ тихою улыбкой, — но вы скажите имъ, какою вы нашли меня сами... Я спокойна, здорова пока, какъ видите; думаю и не отчаяваюсь, примолвила она, опуская вѣки.—Да скажите *имъ*, что я получила вчера письмо отъ графини Воротынцевой... Мы должны были ѣхать къ ней съ maman, но она вдругъ очень скоро собралась за границу и написала мнѣ очень милое, симпатичное письмо на прощанье, въ которомъ также проситъ *меня* передать много очень дружескаго Софьѣ Ивановнѣ... и Гамлету... Она не знала, что мы уже... не видимся... заключила Лина слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Княжна, сказалъ Ашанинъ,—княгиня Аглая Константиновна весьма любезно пригласила меня посѣщать ее въ Сицкомъ, пока я „въ здѣшнихъ странахъ“, какъ выразилась она (о томъ, гдѣ эти „страны“, она не справлялась, и едва-ли, кажется, знаетъ, что живу я именно въ Сашинѣ). Приглашеніемъ ея я, само собою, не премину воспользоваться и на будущей недѣлѣ пріѣду сюда опять. Но до этого, и вообще въ интервалахъ между моими пріѣздами сюда, могутъ случиться какія-нибудь обстоятельства, о которыхъ вы сочтете, быть можетъ, нужнымъ извѣстить немедленно... Софью Ивановну. Какъ думаете вы это сдѣлать?

— Какъ сдѣлать? повторила, нѣсколько удивляясь вопросу, Лина:—если бы что-нибудь такое нужное случилось, я напишу и пришлю.

— Съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ-нибудь изъ слугъ.

— Это можетъ быть доведено до свѣдѣнія княгини.

— Такъ что̀-жь такое? съ гордою интонаціей въ голосѣ проговорила княжна: — я не скрываю своихъ поступковъ; никто не можетъ находить дурнымъ, что я пишу такой высокопочтенной женщинѣ, какъ Софья Ивановна Переверзина.

— Да, молвилъ Ашанинъ,—но увѣрены-ли вы, что не подвергнете гнѣву княгини того, кого вы пошлете съ письмомъ?... Увѣрены-ли вы, примолвилъ онъ, понижая голосъ,— что не дано какого-нибудь приказанія по дому насчетъ такихъ *возможныхъ* писемъ вашихъ въ Сашино?...

Лина не отвѣчала, и все лицо ея покрылось краской стыда отъ мысли, что ея мать, дѣйствительно, была способна отдать „по дому“ подобныя приказанія...

— Я нашелъ средство, княжна, продолжалъ между тѣмъ уже нѣсколько таинственно Ашанинъ,—избавить васъ отъ всякой заботы относительно доставки вашихъ писемъ, если понадобится вамъ писать.

— Что̀ такое? Она внимательно глянула на него.

— Очень просто: напишите, положите письмо въ конвертъ съ адресомъ и оставьте на вашемъ столѣ. Оно будетъ доставлено по назначенію въ тотъ же день.

— Какимъ же образомъ? недоумѣло спросила княжна.

Онъ засмѣялся.

— Это мой секретъ, — секретъ романа, примолвилъ онъ весело.

Она слегка нахмурилась и закачала головой.

— Я романовъ и всѣ эти таинственныя средства не люблю, сказала она,—и надѣюсь, что не буду въ необходимости прибѣгать къ нимъ.

— Но не забудьте ихъ въ случаѣ надобности, отвѣтилъ на это Ашанинъ, кланяясь и протягивая руку проститься съ нею.

— Прощайте, Владиміръ Петровичъ... Вы дядю не видали? спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, мнѣ говорили, онъ уѣхалъ верхомъ...

— Я его совсѣмъ не вижу, кромѣ какъ за столомъ, словно вырвалось у нея. Она тутъ же умолкла и слабо улыбнулась...

Ашанинъ поклонился еще разъ и вышелъ.

— А теперь въ городъ! сказалъ онъ кучеру, садясь въ Гундуровскую коляску, предовольный тѣмъ, какъ успѣлъ онъ „устроить почту“ между Сицкимъ и Сашинымъ и отвлечь „бриганта“ отъ союза съ „противною стороной“. Все это великолѣпно устроилось, говорилъ онъ себѣ, и мысли его обратились теперь опять къ предмету личной его заботы— Ольгѣ Акулиной и къ шансамъ увидаться съ нею въ городѣ.

Доѣхавъ туда, онъ прежде всего велѣлъ себя везти въ почтовую контору, гдѣ долженъ былъ получить по довѣренности посылку съ книгами на имя Гундурова, и первое лицо, съ которымъ встрѣтился онъ тамъ на крыльцѣ, былъ Вальковскій.

— Ты какъ сюда попалъ? вскрикнулъ онъ въ изумленіи.— И что̀ съ тобой? спросилъ онъ тутъ же, замѣтивъ блѣдное, сильно разстроенное лицо „фанатика“.

— Маргоренька къ гусару ушла, сейчасъ отъ Васи Тимоѳеева письмо получилъ! могильнымъ голосомъ проговорилъ тотъ, звѣрски поводя глазами и показывая грязно-исписанный листокъ почтовой бумаги, который держалъ въ рукѣ.

Ашанинъ померъ со смѣху (Маргоренька была та рябая швея, которую Вальковскій готовилъ на сцену, на роли Селименъ).

— „Маргоренька къ гусару ушла!“ повторилъ онъ, передразнивая его:—плачь, русскій театръ, плачь!

— Дуракъ! фыркнулъ ему на это „фанатикъ“.

— Само собою! продолжалъ хохотать Ашанинъ: — а ты все же объясни мнѣ, какъ ты очутился здѣсь?

— А такъ очутился, сердито молвилъ Вальковскій,—что уѣхали вы оттуда, изъ Сицкаго-то, съ Сережей, ничего мнѣ не сказавъ...

— Не до тебя было, братъ, не взыщи!

— *Льва-то Гурыча* къ тому же похоронили... Золъ я былъ, какъ чортъ; въ виду ничего, а въ карманѣ ни гроша, въ Москву не съ чѣмъ вернуться... Ну и вспомнилъ я, что туша эта, Елпидифоръ, звалъ меня къ себѣ сюда, говорилъ какъ-то, что *театрикъ* можно будетъ здѣсь сварганить. А тутъ, вечеркомъ, подвода отъ него пришла за всякимъ тамъ скарбомъ, что̀ оставила Ольга Елпидифоровна. Ну, я, не долго думавъ, въ телѣгу,—и съ юпками ея и прикатилъ къ нимъ.

— Ты у нихъ и живешь? вскрикнулъ радостно московскій Донъ-Жуанъ.

— У нихъ... Славнымъ виномъ поитъ онъ меня, толстопузый этотъ,—и Вальковскій облизнулся,—только надулъ подлецъ, никакого *театрика*...

— Вотъ что̀, Ваня, прервалъ его Ашанинъ,—я тутъ сейчасъ сбѣгаю въ контору посылку получить, а ты погоди минуточку, отсюда пойдемъ вмѣстѣ.

— Куда это?

— Къ нимъ, къ Акулинымъ.

— Да его нѣту. Съ утра уѣхалъ. Свадьба вѣдь эта у нихъ затѣялась...

— Такъ что̀ же?

— Ну, вотъ тамъ всякіе у нихъ сборы. Къ зятю будущему уѣхалъ, въ Рай-Никольское.

— Съ дочерью?

— Нѣтъ, она дома.

— Одна?

— Стало быть одна, коли ни отца, ни жениха нѣтъ.

У Донъ-Жуана отъ радости въ глазахъ задвоилось.

— Сейчасъ, Ваня, сейчасъ!...

Минутъ черезъ двадцать полученная имъ тяжелая посылка уложена была на козлахъ коляски, и Ашанинъ, сидя въ ней съ „фанатикомъ“, диктовалъ ему свои инструкціи.

— Ты, говоришь, застрялъ здѣсь, потому что денегъ нѣтъ?

— Не было, хихикнулъ вдругъ Вальковскій,—а теперь будутъ; ты дашь.

— У самого въ обрѣзъ, а у Сережи найдемъ.

— Я и то думалъ завтра у Елпидифора лошадей просить, къ нему ѣхать.

— Сегодня же поѣдемъ... Только ты слушай, Ваня: придемъ мы теперь къ Акулинымъ, ты сейчасъ же войди и скажи ей, что вотъ я нарочно за тобою сюда пріѣхалъ увезти къ Гундурову, и что ты сейчасъ же пойдешь укладываться, а когда войду я,—ты тутъ же убирайся къ себѣ и собирай свои пожитки, а меня оставь одного съ нею.

— На что̀ это тебѣ? угрюмо отвѣтилъ, помолчавъ, „фанатикъ“:—вѣдь она невѣста, чортъ ты этакой!

— А это не твоего ума дѣло! Не разсуждай, а дѣлай, что̀ тебѣ говорятъ! Есть тутъ гостиница какая-нибудь?

— Есть, на почтовой станціи, пропустилъ сквозь зубы тотъ.

— Ну вотъ и прекрасно! Уложишь ты свой чемоданъ и тутъ же—къ намъ не заходя, смотри!—велишь его вынести въ коляску, самъ въ нее сядешь и прикажешь ѣхать на станцію. Тамъ скажи кучеру отпречь и лошадямъ корму дать, а намъ на двухъ закажи обѣдъ. Далеко отъ Акулинскаго-то дома до станціи?

— Недалеко, черезъ улицу...

— Такъ я приду къ тебѣ туда пѣшкомъ,—а ты меня жди тамъ.

Вальковскій помолчалъ опять, глянулъ сбоку на товарища:

— Володька!...

— Чего тебѣ?

— Большой руки ты пакостникъ!

— Совершенно справедливое сужденіе имѣете вы въ мысляхъ, Иванъ Ильичъ! невозмутимо молвилъ на это красавецъ, смѣясь:—а ты все-таки дѣлай то, что̀ тебѣ сказываютъ!

Коляска ихъ между тѣмъ подъѣзжала къ одноэтажному, чистенькому, веселаго сѣраго цвѣта домику, съ необыкновенно свѣтлыми, широкими и раскрытыми въ эту минуту окнами, выходившими по улицѣ въ палисадникъ, обнесенный низенькою, свѣжеокрашенною зеленою рѣшеткой, и въ которомъ пышно распускавшіеся кусты лилей и столиственныхъ розъ несомнѣнно свидѣтельствовали о развитости вкуса къ изящ-

ному у обитавшихъ здѣсь лицъ. (Толстый Елпидифоръ называлъ себя не даромъ „артистомъ“).

— Тутъ! притрогиваясь къ спинѣ кучера, указалъ Вальковскій.

Изъ оконъ домика лились волной звуки свѣжаго женскаго голоса...

— Стой! остановилъ Ашанинъ лошадей, шагахъ въ десяти не доѣзжая до крыльца:—стой и не трогайся!...

Онъ выскочилъ изъ коляски, побѣжалъ къ калиткѣ, замѣченной имъ въ углу палисадника, отворилъ ее, вошелъ и, подкравшись къ одному изъ оконъ, жадно погрузился въ него глазами.

Вальковскій съ сумрачнымъ лицомъ прошелъ въ домъ въ ворота чернымъ ходомъ.

Ольга была одна и пѣла, аккомпанируя себѣ на „новомъ“ выписанномъ Ранцевымъ фортепіано, о которомъ говорилъ онъ ей въ Сицкомъ и которое теперь, до свадьбы ихъ, велѣлъ перевезти къ ней изъ Рай-Никольскаго.

— Я помню чудное мгновенье,—
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты!

пѣла она опять волшебный Глинкинскій романсъ, поднявшій въ душѣ Ашанина все обаяніе первыхъ встрѣчъ его съ нею. и самое ее всю пронимало ея пѣніе, сама она словно вся выливалась въ тѣ горячіе звуки, что̀ излетали изъ ея груди. Въ сильныхъ мѣстахъ она приподымала свои великолѣпныя, сквозившія сквозь кисею платья плечи, длинныя рѣсницы прикрывали на половину блестящіе зрачки карихъ глазъ, губы пылали, какъ тѣ алыя розы, что̀ цвѣли тутъ подъ ея окномъ,— и вся она сама была и страсть, и нѣга, и вдохновенье...

Она ничего не слышала, не видѣла, — ни шума колесъ подъѣхавшей коляски, ни этой чернокудрой головы красавца, подымавшейся надъ уровнемъ открытаго окна прямо насупротивъ табурета, на которомъ сидѣла она, ни вошедшаго Вальковскаго, который, въ ожиданіи, когда она кончитъ, стоялъ теперь въ дверяхъ комнаты, глядя себѣ подъ ноги съ

видомъ звѣря, которому непремѣнно хочется укусить кого-нибудь.

Она кончила и какъ бы устало уронила руки на колѣни. „Фанатикъ“ передвинулъ ступнями. Она подняла глаза.

— А, Иванъ Ильичъ, лѣниво проговорила она,—что̀ скажете?

— А я пришелъ сказать вамъ, пропустилъ онъ въ отвѣтъ своимъ грубымъ тономъ,—что за мною Володька пріѣхалъ.

— Кто такой?

— Володька Ашанинъ, къ Гундурову съ нимъ ѣхать...

— Гдѣ онъ? громко вскрикнула Ольга.

— А во, въ окно глядитъ! И онъ ткнулъ пальцемъ по тому направленію. — А я ужь пойду собираться. Прощайте, за̀ хлѣбъ, за̀ соль вашу спасибо, вамъ и батькѣ вашему! промычалъ онъ, трогаясь съ мѣста и уходя, пока она съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и засверкавшими глазами оборачивалась на то окно.

— Вы! Здѣсь? могла она только вымолвить отъ волненія.

— Я, Ольга, я! Можно войти? отвѣтилъ Ашанинъ торопливо и страстно...

— Къ чему? Чего вы хотите?...

Онъ оторопѣлъ весь.

— Ольга, что̀ съ тобою? Ольга! пробормоталъ онъ.

— Зовите меня Ольга Елпидифоровна, зовите, какъ слѣдуетъ! Какъ вы смѣете! подбѣгая къ окну, крикнула она на него такъ, что онъ съ невольнымъ страхомъ обернулся на улицу, по которой, къ счастію, никто не проходилъ въ эту минуту.

— Я хотѣлъ... началъ было онъ.

— А я не хочу! взвизгнула она, топая ногой:—не хочу, не хочу васъ видѣть!

— Извольте, Ольга Елпидифоровна, извольте! молвилъ озадаченный Ловеласъ, тщетно стараясь прикрыть видомъ ироніи то неодолимое смущеніе, которое овладѣло имъ въ эту минуту: — благоволите только объяснить мнѣ, за что̀ вы такъ разгнѣвались?...

— Вы безчестный, скверный человѣкъ! говорила она, по-

низивъ голосъ и свѣшиваясь къ нему слегка изъ окна: — вы клялись не искать меня, избѣгать со мною встрѣчи... А вы теперь дерзко, нахально смѣете являться сюда!... Зачѣмъ? Вы знаете, что я невѣста... Женихъ мой добрый, честный, благородный человѣкъ... Что̀ же вы думаете про меня, на что̀ надѣетесь?...

— Глаза ея, показалось ему, становились все злѣе, все безпощаднѣе... И тѣмъ соблазнительнѣе, тѣмъ желаннѣе была она для него въ эту минуту...

— Ольга Елпидифоровна, позвольте... попытался онъ было уговорить ее,—но она не дала ему на это времени.

— Вы мнѣ противны, отвратительны! Уходите, а не то я погублю себя и васъ, скандалъ надѣлаю, разскажу все капитану, отцу!... Этого-ли вы хотите?...

— Я удаляюсь, сударыня, проговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, съ желчною улыбкой на побѣлѣвшихъ губахъ: — ни чьей гибели я не желаю. Успокойте ваши нервы, сдѣлайте милость!...

И онъ быстрыми и невѣрными шагами вышелъ изъ палисадника.

Она вскинулась съ мѣста, пробѣжала черезъ весь домъ въ свою комнату и, бросившись тамъ на постель, разрыдалась въ подушки неудержимыми слезами:

— Противный, мерзкій, говорила она себѣ сквозь эти слезы,—хорошо, что онъ стоялъ тамъ, за окномъ!... Будь онъ въ комнатѣ, я бы, пожалуй, дура, подъ конецъ не выдержала, на шею ему кинулась...

Ашанинъ прошелъ изъ палисадника во дворъ дома, встрѣтилъ тамъ какого-то мальчика-слугу въ куцомъ фрачкѣ, метавшаго камешками въ сосѣдній заборъ, прервалъ его полезное занятіе, пославъ его сказать Вальковскому собираться скорѣе, а самъ, отдавъ кучеру приказаніе пріѣхать съ Иваномъ Ильичемъ на станцію, направился туда или, вѣрнѣе, направился, самъ не зная куда, по улицамъ незнакомаго ему города, пытаясь заглушить усиленнымъ движеніемъ клокотавшее въ душѣ его бѣшенство... О, что̀ бы онъ далъ теперь, чтобы сломить, смять, задушить это „своенравное, злое... и

очаровательное созданіе“, задушить эту злость безконечными, безумными поцѣлуями...

„Фанатикъ“ давнымъ-давно уже поджидалъ его на каменномъ крыльцѣ большой двухъэтажной станціи, изучая тѣмъ временемъ „подходцы и складку“ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ какого-то ямщика-ухоря съ наглымъ и пьянымъ лицомъ („типъ“ этого ухоря онъ тутъ же порѣшилъ „воспроизвести“ въ пьесѣ *Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ*, которую давно уже жаждалъ поставить на „благородномъ театрикѣ“), когда нашъ Донъ-Жуанъ, все такъ же злой, но успѣвшій уже порядочно устать, появился предъ нимъ.

— Гдѣ это ты шатался? Обѣдъ давно готовъ, пробурчалъ онъ,—у меня въ животѣ барабанщики съ часъ ужъ времени зорю бьютъ.

— Тебѣ бы жрать все! злобно отрѣзалъ въ отвѣтъ Ашанинъ, подымаясь къ нему по ступенямъ крыльца.

— Ну, а что̀ у тебя тамъ? подмигнулъ ему Вальковскій съ нескрываемымъ злорадствомъ въ тонѣ и усмѣшкѣ, сопровождавшей эти слова: — сорвалось, видно? И въ комнату то̀есть не пустили даже?...

— Молчи, болванъ! прошипѣлъ на него красавецъ, сверкая загорѣвшимися новымъ бѣшенствомъ глазами.

— Работа! крикнулъ въ то же время сидѣвшій подлѣ „фанатика“ ямщикъ, кидаясь съ мѣста внизъ подъ шумъ колесъ подъѣзжавшей къ станціи дорожной кареты, и, огибая крыльцо, побѣжалъ къ лошадямъ своимъ въ конюшню.

Городъ стоялъ на большомъ московско-курскомъ шоссе: проѣздъ былъ огромный; къ станціи съ громомъ колокольчиковъ и гикомъ ямщиковъ то-и-дѣло подъѣзжали и отъѣзжали отъ нея экипажи всякихъ родовъ и видовъ.

Изъ подкатившей теперь къ ея крыльцу кареты вышла молодая, маленькая и худенькая барыня съ полуболѣзненнымъ, полупикантнымъ выраженіемъ блѣднаго и капризнаго лица. Она держала въ одной рукѣ дорожный мѣшокъ и, чуть-чуть приподнявъ другою спереди платье, брезгливо принялась всходить по пыльнымъ ступенямъ на самыхъ кончи-

кахъ крохотныхъ ножекъ, обутыхъ въ ботинки бронзовой кожи.

— Зинаида Васильевна! вскликнулъ, уставясь глазами на эти ножки, отверженный искуситель Ольги Акулиной.

— Ахъ, Владиміръ Петровичъ! отвѣтила она такимъ же восклицаніемъ, моргнула съ видимо радостнымъ видомъ недурными, быстрыми, темными глазами, — здравствуйте! Какъ вы здѣсь?

— Проѣздомъ. А вы куда и откуда?

— Изъ Москвы, въ деревню къ maman, которая должна прислать сюда за мною лошадей. И, вообразите (личико ея при этомъ все сморщилось какою-то очень милою жалобною гримаской), горничная моя, какъ нарочно, заболѣла вчера горячкой, я должна была отправить ее въ больницу, а сама уѣхала fine seule и, если теперь лошади отъ maman не пришли, я принуждена буду ожидать одна здѣсь, въ этой отвратительной гостинницѣ,—я ее давно знаю...

— Можно сейчасъ провѣдать, сказалъ Ашанинъ:—Ваня, сходи тутъ, спроси, нѣтъ-ли лошадей и посланнаго изъ деревни Маріи Николаевны Кошанской?

Вальковскій глянулъ злобнымъ взглядомъ на него и на говорившую съ нимъ даму, поднялся однако послушно съ мѣста и отправился исполнять порученіе.

— А у матушки вашей имѣніе тутъ неподалеку? сказалъ Ашанинъ, продолжая стоять на крыльцѣ съ пріѣзжею.

— Ахъ, нѣтъ! еще цѣлыхъ тридцать верстъ и отвратительной дороги...

— Ну, мужъ вашъ что̀? не давъ ей продолжать, спросилъ онъ опять.

Она искоса глянула на него и слегка приподняла плечи:

— Все то же, — въ клубѣ, въ Паркѣ, у Цыганъ, est-ce que je sais?

Онъ все внимательнѣе глядѣлъ на нее.

— А вы все такъ же милы, другъ мой! тихо пропустилъ онъ на бархатныхъ нотахъ своего голосоваго регистра.

Лицо молодой особы сложилось опять въ жалобно-забав-

ную гримаску; маленькіе, бѣлые, ровные зубы сверкнули промежъ раскрывшихся, заалѣвшихъ губъ.

— Стара стала, третій годъ замужемъ, не шутка! молвила она, улыбаясь.

— Опытъ пріобрѣли за то! проговорилъ онъ самымъ серіознымъ тономъ.

Она еще разъ подняла на него глаза, и страннымъ упрекомъ зазвучалъ ея голосъ:

— Для этого не нужно было и замужъ выходить. Вы чему не научите!

— Ахъ, Зиночка, для чего вы такія жестокія слова говорите! расхохотался на это откровеннѣйшимъ образомъ московскій Донъ-Жуанъ.

Она... она засмѣялась тоже...

Вальковскій вернулся къ нимъ съ отвѣтомъ, что „никого и никакихъ лошадей нѣтъ и не бывало“.

— Боже мой, какая скука! воскликнула молодая женщина,— каково мнѣ будетъ теперь ждать, быть можетъ, до ночи, въ этой saleté.

— Нечего дѣлать, пойдемте, предложилъ ей тутъ же Ашанинъ:—можетъ быть, найдемъ нумеръ почище!

— Юпочникъ проклятый, тьфу! чуть не громко вскрикнулъ имъ вслѣдъ „фанатикъ“, плюнулъ и отчаянно махнулъ рукой.

„Барабанщики“ все неотразимѣе „били зорю въ его желудкѣ“,—а Ашанинъ какъ ушелъ съ пріѣзжею дамой, такъ и пропалъ... Вальковскій отправился отыскивать его наверхъ, въ гостинницу, и не нашелъ. Онъ рѣшилъ, наконецъ, не ждать его и велѣлъ подавать себѣ „обѣдъ“, состоявшій изъ миски щей, какой-то котлеты, безпощадно посыпанной петрушкой, и двухъ бутылокъ пива, которыя „фанатикъ“, съ досады на пріятеля, выпилъ одну за другою.

Онъ кончалъ, когда явился, наконецъ, улизнувшій красавецъ, неся на лицѣ свое обычное, не то насмѣшливое, не то побѣдное выраженіе, давно и хорошо знакомое Вальковскому.

— А ты, уродина, смѣялся онъ, — такъ и не дождался меня?...

— А то какъ еще? буркнулъ тотъ: — околѣвать изъ-за тебя?...

— Ну, и прекрасно сдѣлалъ!... Принеси, братецъ, что-нибудь поѣсть! обратился Ашанинъ къ слугѣ.

Онъ торопливо принялся за поставленныя предъ нимъ все тѣ же щи.

— Съ кѣмъ это ты теперь въ прятки вздумалъ? все тѣмъ же звѣремъ прохрипѣлъ Вальковскій.

— А ты не знаешь?... Зиночка Кошанская бывшая, за Смарагдова вышла... не помнишь развѣ, три года назадъ, я тебѣ подробно разсказывалъ...

— Не мало твоихъ такихъ сказовъ было, обо всѣхъ не вспомнишь... А ты вотъ скажи, когда лошадей-то запрягать? Давно выкормили, седьмой часъ въ исходѣ. До Гундурова-то, сказываютъ, цѣлыхъ двадцать пять верстъ отсюда,—вѣдь засвѣтло не доѣдемъ.

Ашанинъ доѣлъ, вскочилъ.

— А ты погоди маленько, Ваня, голубчикъ, заговорилъ онъ вдругъ нѣжненькимъ, кошачьимъ, ласкательнымъ голосомъ, — доѣдемъ, непремѣнно доѣдемъ, прелесть моя. Ты только потерпи немножко, потерпи, Ваня,—я сейчасъ, сейчасъ!...

Вальковскій не успѣлъ открыть рта, какъ онъ уже исчезъ изъ комнаты.

Часы летѣли, лошади за „Зиночкой“ все не приходили. Ашанинъ все также продолжалъ играть съ нею „въ прятки“... Желчныя пятна успѣли за это время покрыть все угреватое лицо „фанатика“...

Глубокая ночь стояла уже на дворѣ, когда, наконецъ, ругательски ругаясь, полѣзъ онъ въ поданную имъ коляску вслѣдъ за Ашанинымъ, хохотавшимъ до-упаду отъ его гнѣва и отъ веселаго воспоминанія только-что пережитаго имъ новаго эпизода въ своей безконечной любовной эпопеѣ...

XXIX.

Es denkt der Mensch die freie That zu thun,—
Umsonst..
Schiller's *Wallenstein's Tod.*

Недѣли три послѣ представленія *Гамлета* въ Сицкомъ, въ одно прекрасное утро доложили князю Ларіону, что къ нему пріѣхалъ исправникъ „съ порученіемъ“ и проситъ дозволенія явиться.

— Проси, сказалъ князь, нахмурясь, вспомнивъ невольно объ этомъ представленіи и о той „презрѣнной дѣвчонкѣ“.

Толстый Елпидифоръ вошелъ съ видомъ серіознымъ и холоднымъ (выходъ его дочери замужъ за богатаго человѣка и завоеванное имъ личное расположеніе къ нему его прямаго начальства чрезвычайно подняли въ немъ чувство собственнаго достоинства), отвѣсилъ хозяину офиціальный поклонъ и, вынувъ изъ кармана письмо, запечатанное большою гербовою печатью, положилъ его на столъ предъ княземъ.

— Получилъ въ казенномъ пакетѣ—съ приказаніемъ лично доставить вашему сіятельству, проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ намѣренной сухости въ интонаціи (безъ того-молъ ты, конечно, меня у себя бы не видалъ!).

— Очень вамъ благодаренъ! еще суше отрѣзалъ князь.

Елпидифоръ поклонился еще разъ, обернулся со свойственною грузному тѣлу его прыткостью и вышелъ тутъ же изъ комнаты.

Письмо было отъ *графа* и поразило князя Ларіона неожиданностью своего содержанія:

„Поздравляю тебя, *любезный Ларивонъ* (писалъ ему его

старый пріятель), *ѣсли* только *признаешь* что есть съ *чемъ* поздравлять? Получилъ *сейчасъ извещѣніе* изъ *Петербурха* что *назначаешься* ты *члѣномъ* Государственнаго Совѣта о *чомъ* выйдетъ указъ 1 іюля. Не знаю *будѣшь* ли доволенъ *конѣшно почотъ* а власти никакой и только непріятности *ѣсли* противъ министра *какова очень* спорить. Я ожидалъ что тебѣ дадутъ постъ настоящій а тутъ съ твоими способностями только болтать безъ толку или подписывать *сбольшинствомъ*. *Впрочѣмъ* это можетъ-быть только первый шагъ *кназначенію*. Онъ (то-есть, сильный человѣкъ, дядя Анисьева) *ничѣго* далѣе не пишетъ а только пишетъ *мне* сказать тебѣ *штобъ* ты былъ въ *Петербурхѣ* 1-го іюля потому *этово желаютъ* (послѣднее слово было подчеркнуто въ подлинникѣ). Ѣхать тебѣ полагаю надо. Потому иначе не хорошо. *Советую* и надѣюсь когда чрезъ Москву *проѣдишь* увидаться съ тобою. Поклонись своимъ *што милая дѣтя* племянница твоя. Обнимаю тебя".

Князь Ларіонъ прочелъ письмо разъ и два, останавливаясь на каждой строчкѣ, но разбирая не ихъ, а тò, чтò-то, чтò скрывалось за сообщаемою ему въ нихъ вѣстью. Лицо его становилось все раздраженнѣе и мрачнѣе; желчная усмѣшка кривила его тонкія губы, и огонь глубокаго внутренняго негодованія горѣлъ въ темной впадинѣ его глазъ.

„Впрочемъ это можетъ быть только первый шагъ къ назначенію", прочелъ онъ еще разъ и швырнулъ письмо на столъ презрительнымъ жестомъ.

„Утѣшить меня хочетъ, а и самъ не вѣритъ! Старикъ уменъ; чрезъ него шли ихъ предложенія, онъ долженъ понимать, какъ и я, что *назначенію* не бывать, пока я... О безстыдные интриганы, какъ ловко подвели мину!... Не удалось въ первый разъ, такъ теперь новое: надѣть на меня погремушки почета, чтобъ вызвать меня насильственно въ Петербургъ, а со мною ихъ, и тамъ... тамъ она склонится, думаютъ они, а меня будутъ водить все тою же перспективой портфеля, пока окажется, что и безъ меня обойтись можно... можно будетъ оставить меня навѣки въ моемъ государственномъ бездѣйствіи... Ловко, удивительно ловко!..."

И князь Ларіонъ, какъ бы нежданно для себя самого, засмѣялся вдругъ короткимъ и злымъ смѣхомъ.

— Но они *ея* не знаютъ... И меня не знаютъ! примолвилъ онъ, вставая и принимаясь шагать по своему огромному кабинету. Волненіе его все росло, и слова гнѣвно и обрывисто вырывались уже слышно изъ его устъ.—Я скажу... мнѣнія мои могутъ быть *пріятны* или *не пріятны*, но не уважать... они не могутъ меня... Я служилъ Россіи, государямъ моимъ вѣрно... и съ пользою... имя оставилъ! Они должны знать, понимать. Пусть тогда, какъ прежде... дѣло... А *такъ*—нѣтъ!... Дѣло, а не... а не „болтать безъ толку", повторилъ онъ выраженіе стараго своего друга.—А ея не видать имъ тамъ... не видать! вырвалось у него съ новою силой,—я оберегу ее... до конца... До *конца*! повторилъ онъ съ какимъ-то вдругъ страннымъ движеніемъ губъ, и съ не менѣе страннымъ выраженіемъ глазъ направилъ ихъ и остановилъ на одномъ изъ угловъ покоя. Тамъ стоялъ старинный шкафъ изъ чернаго дерева, драгоцѣнный обращикъ итальянской работы XVII-го вѣка, украшенный превосходными изображеніями плодовъ изъ pietra dura; князь хранилъ въ немъ свои деньги, семейные документы и бумаги.

Но онъ черезъ мигъ отвелъ отъ него глаза, подошелъ къ висѣвшему у стѣны шнурку колокольчика и позвонилъ.

— Сходи къ княжнѣ, приказалъ онъ вошедшему камердинеру,—и скажи, что мнѣ нужно переговорить съ нею, такъ не сойдетъ-ли она сюда сейчасъ, если не занята... А затѣмъ распорядись уложить мои чемоданы, и чтобъ лошади были подъ коляску часамъ къ восьми. Я ѣду сегодня въ Петербургъ.

Лицо камердинера все заходило отъ удивленія и любопытства, но, встрѣтясь глазами со строгимъ взглядомъ князя, онъ немедленно же поникъ ими долу и поспѣшно вышелъ исполнить данное ему приказаніе.

Не менѣе удивлена и нѣсколько встревожена была имъ Лина (она только-что вернулась къ себѣ съ прогулки), когда о немъ сообщено было ей. Она немедленно сошла къ дядѣ.

Онъ все такъ же ходилъ взадъ и впередъ мимо длиннаго

ряда оконъ своего кабинета, отъ времени до времени подымая голову, какъ бы невольно заглядываясь на сіявшую сквозь эти окна горячую краску лѣтняго дня. Онъ обернулся на шумъ ея шаговъ, неторопливо пошелъ къ ней навстрѣчу и, указывая ей на кресло у стола:

— Садись, сказалъ онъ,—и прочти! И онъ подкинулъ ей письмо графа.

— Княжна принялась читать, по-временамъ чуть-чуть улыбаясь примитивному правописанію „дядинаго пріятеля", или сжимая слегка брови, когда полнѣйшее отсутствіе запятыхъ въ его посланіи дѣлало на первый разъ читаемое не совсѣмъ понятнымъ. Но, дойдя до конца его, она внезапно поблѣднѣла: послѣдствія того, что̀ сообщалось здѣсь, совершенно ясно выступали предъ ней.

— Это, значитъ, намъ надо въ Петербургъ переѣзжать, дядя? вскрикнула она.

— Значитъ! подтвердилъ онъ ироническимъ тономъ:—они на это очевидно разсчитываютъ, подчеркнулъ онъ.

Она пристально воззрилась на него:

— Вы полагаете, что это все... не договорила она.

— Все та же интрига, договорилъ за нее князь Ларіонъ:—я тебѣ тогда не говорилъ: мнѣ уже были сдѣланы предложенія, изъ которыхъ истекало, что меня можетъ ждать высокое положеніе, но что за это̀ я долженъ заплатить содѣйствіемъ моимъ браку твоему съ этимъ... Анисьевымъ. Ихъ комбинація, презрительно молвилъ князь, — не увѣнчалась успѣхомъ; этотъ петербургскій Макіавель изъ кавалеристовъ имѣлъ возможность лично убѣдиться, что ничѣмъ подобнымъ меня не возьмешь... Они это и придумали теперь (онъ кивнулъ на письмо), заставить меня жить въ Петербургѣ, зная, что твоя мать только объ этомъ и мечтаетъ, что она тотчасъ же перетащится туда за мною... что ты будешь у нихъ подъ руками, разсчитывая, что имъ тамъ будетъ легче купить насъ съ тобою. Тамъ у нихъ готовые, неотразимые, въ ихъ понятіяхъ, соблазны: свѣтъ, дворъ, обаянія власти, тщеславія... Предъ этимъ, увѣрены они, не выдержитъ никто, измѣнитъ всякое убѣжденіе, склонится самая гордая голова... Хочешь

ли испробовать все это на себѣ, Hélène? спросилъ онъ съ легкою усмѣшкой, между тѣмъ какъ глаза его съ какою-то безконечною любовью и тоской останавливались на мигъ на ея наклоненной золотистой головкѣ...

Она подняла ее и отвѣчала его улыбкѣ такою же тихою, невеселою усмѣшкой:

— Нѣтъ, дядя, не нужно,—я въ себѣ увѣрена.

— Я это зналъ заранѣе, сказалъ онъ,—и согласно съ этимъ и поступлю.

— Согласно съ моимъ желаніемъ? проговорила она съ замѣшательствомъ:—но, дядя, мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ вы должны спросить себя, а не меня, какъ вамъ лучше поступить. Если служба ваша еще нужна, если вы опять можете приносить ту пользу, которую вы всегда приносили, основательно-ли было бы вамъ отказываться... изъ-за меня? Меня бы это постоянно мучило, дядя!...

Онъ улыбнулся еще разъ.

— Напрасно мучилась бы, другъ мой! Я въ этомъ случаѣ не могу похвалиться даже тѣмъ, что приношу тебѣ жертву. Служба моя, какъ оказывается изъ этого (онъ опять указалъ кивкомъ на письмо), никому не нужна,—меня просто намѣрены, въ виду личныхъ соображеній, посадить почетнымъ образомъ въ Hôtel des Invalides.

— А вы не на это годны, дядя, сказала княжна:—съ вашимъ умомъ, образованіемъ и характеромъ...

— Ну, возразилъ онъ,—на что̀ я годенъ теперь, право, трудно сказать (и странное движеніе еще разъ передернуло его губы), но, какъ ты видишь, далеко не всѣ раздѣляютъ твое лестное мнѣніе обо мнѣ, примолвилъ онъ, насилуя себя на веселый тонъ.—Такъ или иначе, молвилъ князь Ларіонъ по минутномъ молчаніи, надо отправляться *туда*, чтобъ остановить все это... если еще не поздно, или распорядиться en conséquence въ противномъ случаѣ. Я выѣду сегодня вечеромъ, чтобы попасть въ Москву завтра утромъ.

Онъ какъ бы вдругъ вспомнилъ:

— Что̀ у насъ сегодня? 26-е число! Hélène, *онъ* долженъ

былъ не сегодня, завтра быть у меня... Я лишаю тебя теперь моимъ отъѣздомъ случая увидѣть его. Прости меня, другъ мой!

И голосъ его зазвенѣлъ нотой, какой еще никогда не доводилось слышать въ немъ Линѣ. Она поднялась съ мѣста съ глазами, полными слезъ.

— Дядя, воскликнула она,—вы такъ добры, такъ благородны!... Я, вы знаете, не умѣю говорить, а вы, дядя, вы еще какъ будто сами отстраняли меня отъ себя въ послѣднее время... Я не смѣла подходить къ вамъ... Но теперь представляется случай, я хочу вамъ сказать... какъ я вамъ благодарна, какъ я чувствую все... Я узнаю въ васъ папа, моего милаго, незабвеннаго...

Онъ не далъ ей продолжать, подошелъ, взялъ ее обѣими руками за голову и прикоснулся губами къ ея матово-блѣдному лбу.

— Спасибо за это, Hélène! Научишься и отцомъ быть на краю гроба, примолвилъ онъ нежданно тономъ шутки.

— Это что же такое „на краю гроба?“ промолвила она, глядя на него тѣмъ не менѣе нѣсколько встревоженнымъ взглядомъ:—до этого еще далеко, дядя!

— Я сейчасъ и не собираюсь... Не умру, пока тебѣ нуженъ! отвѣтилъ онъ и уже громко разсмѣялся.—А о причинахъ моего отъѣзда,—тутъ же перемѣнилъ онъ разговоръ,—лучше чтобъ... Аглая Константиновна и этотъ перезрѣлый франтъ съ разбойничьей физіономіей (разумѣлся злополучный „бригантъ“ Зяблинъ) ничего не знали.

— А если maman спроситъ? молвила Лина.

— Спроситъ меня, я скажу: нужно, и только... Она къ моимъ короткимъ отвѣтамъ привыкла, какъ бы уронилъ князь;—а спроситъ тебя, ты скажешь: не знаю. Вѣдь и не знала бы, если-бъ я тебѣ не сказалъ?

— Это долго не можетъ остаться отъ нея скрыто, замѣтила княжна, — ей непремѣнно напишетъ про это графиня Анисьева, если, какъ вы говорите, все это ихъ „интрига“.

— По всей вѣроятности (онъ повелъ утвердительно головой)! Пусть чрезъ нее и знаетъ, а намъ съ тобой не для чего давать заранѣе разыграваться ея пылкому воображенію! до-

молвилъ князь Ларіонъ съ тою злою ироніей, которая неизмѣнно прорывалась у него каждый разъ, когда говорилъ онъ о своей невѣсткѣ, и которую не въ силахъ онъ былъ преодолѣть и теперь, не смотря на все его нежеланіе оскорблять дочернее чувство племянницы.

Лина только вздохнула.

XXX.

Аглая Константиновна такъ и привскочила, когда по окончаніи обѣда, вставая изъ-за стола, князь Ларіонъ, не глядя на нее, а какъ бы относясь ко всѣмъ тутъ бывшимъ, проговорилъ равнодушнымъ голосомъ и какъ о чемъ-то, не имѣющемъ ни для него, ни для другихъ никакого особеннаго значенія:

— Я думаю сегодня вечеромъ въ Петербургъ ѣхать.

— Въ Петербургъ! воскликнула она со мгновенно расширившимися зрачками своихъ круглыхъ глазъ, и даже губы ея вздрогнули отъ изумленія и любопытства: — et pourquoi cela, prince Larion? (со времени знаменитаго объясненіи своего съ нимъ она просто „Larion“ перестала его называть).

Онъ повелъ взглядомъ черезъ ея голову.

— А тамъ, вы, можетъ, слышали, Исакіевскій храмъ строится: такъ я взглянуть хочу.

— И какъ скоро думаете вы вернуться? спросила опять княгиня, не смотря на далеко не вызывавшій на новые вопросы сухой и насмѣшливый тонъ этого отвѣта.

— Не загощусь долго, не безпокойтесь! еще рѣзче отвѣтилъ онъ теперь и тутъ же вышелъ изъ комнаты.

Она поспѣшила, въ свою очередь, уйти къ себѣ на верхъ, пригласивъ взглядомъ Зяблина слѣдовать за ней.

— Oh, il y a quelque chose, il y a quelque chose! заголосила она, всплескивая руками, какъ только очутились они вдвоемъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ.

— Что̀ такое? спросилъ „бригантъ“.

— Ce départ Ларіона Васильевича; il ment, говоря, что онъ на какой-то храмъ тамъ хочетъ смотрѣть, il a assez vu de ces vieux temples en Italie! Онъ нарочно, pour me piquer, такъ отвѣтилъ; тутъ, я увѣрена, совсѣмъ другое. Мнѣ Vittorio говорилъ предъ обѣдомъ, что у него былъ ce gros homme d'исправникъ, и я сейчасъ же подумала...

— Почта-съ! проговорилъ въ эту минуту Финогенъ, личный камердинеръ ея сіятельства, входя съ письмами и газетами на серебряномъ подносѣ.

— Une lettre de la comtesse! взвизгнула Аглая, узнавая знакомый почеркъ на одномъ изъ конвертовъ;—а теперь nous allons savoir, je suis sûre!

Она отослала слугу движеніемъ руки, торопливо сорвала обложку съ письма и погрузилась въ него глазами.

— C'est cela, c'est cela! крикнула она черезъ мигъ, мечась отъ радости и подпрыгивая на своемъ диванѣ, словно карась на сковородѣ,—я вамъ говорила!... Онъ назначенъ... Larion получилъ мѣсто! Читайте, lisez vous-même! восклицала она, протягивая Зяблину листокъ, исписанный крупною, почти мужскою рукой графини Анисьевой.

„Une nouvelle que je Vous communique en toute hâte et très confidentiellement, chère princesse (прочелъ онъ громко): Vôtre beau-frère doit être nommé pour le 1 Juillet membre du Conseil de l'Empire. C'est magnifique, n'est ce pas, et tout-à-fait exceptionnel, car le prince est en retraite et n'a jusque là exercé des fonctions de ministre que temporairement, sans jamais en avoir porté le titre effectif; mais mon excellent frère a levé toutes les diflicultés. Je lui en suis pour ma part chaleureusement reconnaissante, car nous allons grâce à cela Vous posséder enfin ici, chère amie. Je saute de joie d'avance à l'idée de reprendre avec Vous nos bonnes conversations de Rome...“

— Не правда-ли, какъ она пишетъ délicieusement, cette chère comtesse? C'est un véritable génie pour la correspondance! голосила Аглая, взявъ обратно письмо изъ рукъ Зяблина и принимаясь снова за его чтеніе.—Дальше она мнѣ говоритъ про своего сына, какъ онъ влюбленъ въ Лину.

Pauvre jeune homme, онъ такой интересный!... Et tant d'esprit! Какъ онъ это хорошо устроилъ cette nomination Ларіона. n'est-ce pas?... Ну, я надѣюсь теперь, молвила она уже таинственно, подмигивая безстрастно слушавшему ее „бриганту",— когда мы будемъ въ Петербургѣ, les choses iront tout-à-fait autrement, et Lina...

— Вы полагаете, что въ Петербургѣ она непремѣнно должна перемѣниться и полюбить графа Анисьева? протянулъ Зяблинъ своимъ глухимъ и тягучимъ голосомъ.

— Конечно, должна! самымъ убѣжденнымъ тономъ подтвердила она;—c'est un jeune homme qui a tout pour lui... И потомъ, главное, тамъ je serai soutenue, за меня будетъ la comtesse, и братъ ея qui est si puissant; у меня будетъ такимъ образомъ l'appui de la Cour, примолвила Аглая уже шопотомъ,—а тутъ я одна et tout-à-fait impuissante противъ Ларіона... А онъ будетъ тамъ занятъ службой, и ему некогда будетъ даже знать et commenter mes actions... Да онъ и не посмѣетъ là-bas, не посмѣетъ me faire des scènes affreuses, которыя онъ позволялъ себѣ дѣлать мнѣ здѣсь! воскликнула она, окончательно торжествуя.

— Сколько мнѣ извѣстно, заговорилъ опять „бригантъ", сопровождая, по привычкѣ, слова свои глубокимъ вздохомъ,— въ Государственномъ Совѣтѣ служба болѣе почетная, чѣмъ обременительная, и даже нѣкоторые его члены вовсе не засѣдаютъ и живутъ даже не въ Петербургѣ.

Аглая даже въ лицѣ перемѣнилась.

— Вы думаете, что Larion можетъ такъ устроить, чтобы не жить à Pétersbourg?...

— Ничего не могу думать, потому что не знаю, возразилъ онъ,—а только полагаю, что если другіе...

Она не дала ему кончить, раздула ноздри и ёрзнула по своему сидѣнью съ видомъ внезапной, охватившей мысль ея рѣшимости:

— Cela m'est égal! Если онъ не согласится жить въ Петербургѣ, я туда переселюсь и безъ него. Avec mon nom, ma fortune, у меня тамъ не послѣдній домъ будетъ, и, съ под-

держкой графини и ея брата, всѣ ко мнѣ пріѣдутъ, всѣ, même la Cour!...

— Князь—опекунъ и попечитель вашихъ дѣтей, замѣтилъ, насупливаясь, Зяблинъ.

— Братъ графини можетъ такъ устроить, что Ларіона смѣнятъ! фыркнула совсѣмъ ужь расходившаяся барыня.

„Бригантъ“ молчалъ.

— Вы рѣшились? спросилъ онъ затѣмъ.

— Что̀?

— Переѣхать въ Петербургъ во *всякомъ* случаѣ?

— Конечно! воскликнула она.—Я ни за что̀ ужь другой зимы dans ce trou de Moscou не проведу.

Онъ вздохнулъ еще разъ, уже съ особою значительностью.

— Мнѣ очень жаль, пропустилъ онъ точно изъ желудка.

— Почему вамъ жаль, mon ami? пожелала она узнать, сентиментально и съ нѣкоторою тревогой воззрясь на него.— Развѣ вы также туда не переѣдете?

— Зачѣмъ? И онъ отвернулъ глаза къ окну.

— Зачѣмъ? повторила тономъ нѣжнаго упрека, впрягая въ него круглые зрачки свои, Аглая. — Такъ я ужь... je ne suis plus rien pour vous... Eugène?...

„Eugène“ вздохнулъ въ третій разъ.

— Я давно привыкъ къ битвамъ и обманамъ жизни, заговорилъ онъ, *разочарованно* улыбаясь и воскрешая въ лицѣ своемъ и складѣ рѣчи весь пошибъ своего былаго Печоринства, — давно знакомъ съ женскимъ сердцемъ и знаю, какъ ничего ему не стоитъ ставить въ вину другаго свою собственную измѣну... или прихоть, извините меня, княгиня?... Вы приглашаете меня слѣдовать за вами на берега Невы...

— Mais pourquoi n'y viendriez vous pas, mon ami!

Онъ остановилъ ее рукой.

— Я знаю этотъ городъ! И я когда-то былъ на этой сценѣ, въ этомъ вихрѣ, который зовется петербургскимъ свѣтомъ... И я не прошелъ тамъ незамѣченнымъ, смѣю сказать, мои успѣхи... Но къ чему упоминать объ этомъ? Я всегда другаго искалъ... Мнѣ скоро опостылѣли эти „образы бездушные людей, приличьемъ стянутыя маски“... Я уѣхалъ въ

страну, гдѣ однѣ горы и жужжаніе вражьихъ пуль, уѣхалъ на Кавказъ... Судьба перенесла меня затѣмъ dans ce trou de Moscou", какъ вы презрительно выражаетесь, хотя именно тутъ, въ этой ямѣ, суждено было встрѣтиться нашимъ двумъ жизнямъ...

Никогда еще такъ много—но и внушительно же какъ за то!—не говорилъ „бригантъ", и Аглая Константиновна глядѣла на него съ глубокимъ восхищеніемъ; она гордилась счастливымъ выборомъ своего сердца...

— Comme vous parlez bien, mon ami! вздохнула она, устремляя глаза въ потолокъ.—Но вы можете tout aussi bien жить въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ! настаивала она на своемъ.

Горечь человѣка, познавшаго тщету земныхъ обольщеній, изобразилась вторично на лицѣ „бриганта".

— Княгиня, началъ онъ опять и уже нѣсколько въ носъ,— я мечталъ о неразрывномъ союзѣ этихъ двухъ жизней нашихъ, о тихой пристани, гдѣ послѣ бурь сердце мое могло бы отогрѣться у сердца любящей женщины. А вы меня въ Петербургъ зовете, гдѣ одна суета тщеславія, гдѣ посреди вѣчнаго „шума мірскаго" такъ легко забыть преданное сердце друга...

— Забыть васъ, Eugène? визгнула въ отвѣтъ Аглая,—oh, jamais, mon ami, jamais!

— Мнѣ незачѣмъ въ вашъ Петербургъ, княгиня, язвительно заключилъ Зяблинъ,—для меня нѣтъ тамъ роли, нѣтъ положенія! Я отсталъ отъ всякихъ служебныхъ отличій.... и, наконецъ, самыя средства мои... Онъ провелъ трагическимъ жестомъ рукой по лицу: — оставьте же меня одинокимъ въ моемъ углу допить до дна чашу страданій!...

И съ этими словами „бригантъ" поднялся со своего кресла и направился къ двери.

— Куда же это вы, mon ami, куда? крикнула ему вслѣдъ Аглая.

— Нѣтъ, ужь позвольте, отвѣтилъ онъ въ-полоборота, — разговоръ этотъ слишкомъ взволновалъ меня!...

И онъ исчезъ за портьерой.

Аглая Константиновна озабоченно закачала головой и задумалась.

— Il faudra payer ses dettes, а иначе я рискую de le perdre pour toujours! заключила она вслѣдъ за этимъ размышленіемъ и вздохнула уже такъ, что что-то опять крякнуло въ ея корсетѣ.—Только бы ужь не слишкомъ много было у него этихъ долговъ! тутъ же сказала себѣ разсчетливая барыня и съ новою озабоченностью на многодумномъ лицѣ принялась усиленно опахивать себя вѣеромъ.

А княжна Лина, простившись съ дядей (онъ уѣхалъ въ назначенный имъ часъ,) и вернувшись затѣмъ въ свою комнату, долго раздумывала, какимъ способомъ извѣстить скорѣе „Сашинскихъ друзей“ объ этомъ обстоятельствѣ. Послать кого-либо изъ людей съ письмомъ она, послѣ того, что говорилъ ей Ашанинъ по этому поводу, не рѣшалась,—а теперь менѣе чѣмъ когда-нибудь, имѣя въ виду, что за отъѣздомъ князя Ларіона ничто уже не могло помѣшать ея матери принять мѣры къ недопущенію ея переписки съ Софьей Ивановной. Прибѣгать съ другой стороны къ тѣмъ „романическимъ“ средствамъ сообщенія, о которыхъ ей говорилъ другъ Гундурова, ей очень не хотѣлось: въ этомъ, въ ея понятіяхъ, было что-то не совсѣмъ честное, „не правдивое“, какъ выражалась она. Самого Ашанина она не ждала такъ скоро: онъ пріѣзжалъ уже третій разъ въ Сицкое, гдѣ княгиня принимала его все съ тою же любезностью, съ письмами изъ Сашина къ Линѣ, и былъ тутъ не далѣе какъ за два дня предъ этимъ; пройдетъ непремѣнно пять, шесть дней, пока онъ пріѣдетъ опять... А между тѣмъ *ихъ* надо было извѣстить какъ можно скорѣе объ отъѣздѣ князя Ларіона, чтобы Сергѣй не пріѣзжалъ понапрасну, и чтобы такой пріѣздъ его не подалъ повода ничего не знающей объ уговорѣ его съ княземъ Аглаѣ Константиновнѣ къ обвиненію его, пожалуй, въ дерзости или желаніи нанести ей непріятность... Но какъ же быть въ такомъ случаѣ?

Лина колебалась очень долго... Боязнь подвергнуть гнѣву матери, державшей домъ свой на очень строгой ногѣ, того изъ слугъ, кого она послала бы съ письмомъ въ Сашино,

взяла верхъ наконецъ надъ другими ея соображеніями. Предъ тѣмъ, какъ отойти ко сну, она написала Софьѣ Ивановнѣ о случившемся, сообщивъ при этомъ изъ разговора своего съ дядей все, что̀ могло успокоить ея друзей, запечатала конвертъ, надписала адресъ и оставила письмо на своемъ письменномъ столѣ.

— Любопытно, что̀ изъ этого выйдетъ! невольно сказала она себѣ при этомъ.

На другой день, проснувшись (она долго не смыкала глазъ въ эту ночь), первая ея мысль была объ этомъ. Еще не одѣтая, въ утреннемъ пеньюарѣ, она поспѣшила изъ спальни своей въ кабинетъ, подошла къ столу, устремила взглядъ на мѣсто, на которомъ оставила наканунѣ письмо. Его тамъ уже не было.

— Что̀ это вы изволите искать, княжна? спросила ее горничная ея Глаша, идя за нею.

— Я тутъ, кажется, письмо одно оставила, отвѣтила Лина, глядя ей въ глаза.

Но Глаша такъ искренно и равнодушно проговорила на это: „Не знаю-съ, не видала“, глядя, въ свою очередь, съ нѣкоторымъ изумленіемъ на вопрошавшую ее „какъ-то странно“ княжну, что та тотчасъ же должна была притти къ заключенію, что молодая ея прислужница никоимъ образомъ не могла состоять на должности агента въ устроенной Ашанинымъ таинственной „почтѣ“ между Сицкимъ и Сашинымъ.

Въ ту же пору, черезъ сутки, княжна одѣвалась въ своей спальнѣ, когда Глаша, вышедшая за чѣмъ-то въ кабинетъ, вернулась оттуда съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ.

— Вотъ-съ вы вчера какое-то письмо искали, такъ не это-ли?

— Гдѣ ты его нашла? вскрикнула Лина.

— Да на столѣ же-съ. Не запримѣтили, должно быть, или сунули куда-нибудь предъ тѣмъ...

Княжна тревожно кинула на него глаза... Но это было не ея письмо, а уже отвѣтъ на него Софьи Ивановны Переверзиной.

— Удивительно! невольно сказала она себѣ, опять улыбаясь.

Она вѣроятно удивилась бы еще болѣе, если-бъ узнала, что почталіономъ для этой корреспонденціи служила горничная ея матери, та самая „Lucrèce“, Лукерья Ильинишна, которую Глаша называла „аспидомъ“ и „ехидною“, и весь домъ почиталъ „шпіонкой“ княгини и клевретомъ ненавидимаго за его взыскательность „Тальянца Виторія“, и которая, ревнуя пламенно о вящшемъ „продолженіи знакомства“ своего съ „жестокимъ“ московскимъ Донъ-Жуаномъ (почитавшимъ съ своей стороны священнѣйшимъ своимъ долгомъ каждый разъ, когда бывалъ въ Сашинѣ, посвящать извѣстное время на ѣду съ нею вишенъ въ пустынномъ гротѣ надъ рѣкой), каждое утро, подымаясь съ зарей, когда Лина и сама Глаша еще спали, прокрадывалась о-босу-ногу въ кабинетъ княжны „навѣдаться“ и „исполнить, буде есть что̀“...

XXXI.

Setz einen Spiegel in's Herz mir hinein
Und der Spiegel wird weisen: es ist nichts darin
Als Liebe und Treue und ehrlicher Sinn.
Volkslied.

Въ Сашинѣ полученное отъ княжны письмо произвело въ первую минуту очень тревожное впечатлѣніе. Гундуровъ, собиравшійся къ князю именно въ тотъ денъ, когда получено было оно, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Свиданіе съ Линой, по которому онъ томился съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, все болѣе отлагалось такимъ образомъ вновь на неопредѣленное время, и къ этому присоединялся еще дамокловъ мечъ возможности переселенія всей семьи Шастуновыхъ въ Петербургъ, а „тамъ она пропала для меня навсегда!“ говорилъ себѣ съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца Сергѣй... Софья Ивановна старалась утѣшить его, успокоить, ссылаясь на сообщавшійся Линою разговоръ ея съ дядей, изъ котораго было очевидно, что онъ не желаетъ поступать обратно на службу, не хочетъ жить въ Петербургѣ. Но въ душѣ тетка Гундурова была сама далеко не спокойна. „Онъ былъ всегда честолюбивъ“, думала она о князѣ Ларіонѣ, „всегда былъ въ дѣлахъ, привыкъ ко власти; онъ разстался съ нею добровольно, но не можетъ не томиться теперь своимъ бездѣйствіемъ; онъ не доволенъ въ настоящую минуту, что его посадили въ Совѣтъ, а не сдѣлали министромъ, но вѣдь, быть можетъ, и сдѣлаютъ, — ясно, что о немъ вспомнили, что вернули ему милость, а самъ онъ пріѣдетъ въ Петер-

бургъ, соблазнится, останется"... Софья Ивановна не менѣе племянника волновалась мыслью о томъ, какой жестокій ударъ могъ быть нанесенъ его надеждамъ переѣздомъ Шастуновыхъ изъ Москвы. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Ѣхать и ему въ Петербургъ, поступить на службу (какое положеніе для молодаго человѣка въ Петербургѣ внѣ службы?), пойти по извѣстной колеѣ свѣтскаго чиновничества, отъ котораго она всю жизнь свою мечтала уберечь его?... Софья Ивановна воспитана была, провела всю свою молодость на невскихъ берегахъ; ей вѣдомъ былъ тотъ „нравственный воздухъ, которымъ живутъ тамъ люди", тотъ строй взглядовъ и понятій, что̀ царилъ тамъ неумолимымъ деспотомъ въ тѣ времена. Она знала, что „съ московскою, да еще студентскою", какъ она выражалась, „независимостью Сергѣя" онъ такъ же мало былъ способенъ помириться съ „казенщиной" петербургской канцеляріи, какъ и съ „казенностью" петербургскаго большаго свѣта, что онъ или обратитъ тамъ „откровенностью своихъ сужденій" вниманіе на себя — вещь весьма опасная въ ту пору, — или раздражится, вовсе не станетъ ѣздить въ то общество, гдѣ единственно представлялся бы ему шансъ встрѣчаться съ княжной Линой. Да и наконецъ, говорила себѣ Софья Ивановна, если-бъ онъ и подчинился всему этому, рѣшился терпѣливо вынести все, что̀ такъ противно было тамъ и природѣ его, и воспитанію, если-бъ онъ и обратился въ приличнаго молодаго человѣка „съ хорошимъ служебнымъ будущимъ", — насколько въ глазахъ этого свѣта прибавилось бы ему правъ отъ этого на руку одной изъ первыхъ по имени, богатству и красотѣ невѣстъ въ Россіи? Не такъ же ли все и вся завопило бы о неслыханной дерзости его „претензій", если бы чувство его къ княжнѣ стало тамъ извѣстно?... А сама она, Елена Михайловна, не подверглась-ли бы она пересудамъ и толкамъ самаго злобнаго свойства за „поощреніе этого чувства, за такой amour indigne d'elle", какъ сказали бы эти люди? „Не измаялась-ли бы она въ конецъ, сердечная, не истаяла-ли бы, милая, подъ гнетомъ неустанныхъ намековъ, уколовъ, упрековъ, среди этого неумолимаго безсердечія и пустоты?..."

Такъ разсуждала тетка Гундурова, и въ обнимавшей ее тревогѣ мысль о племянникѣ не отдѣлялась отъ мысли о княжнѣ; она сама не могла сказать себѣ теперь, кто изъ нихъ былъ дороже, былъ ближе ея душѣ... „Какъ она будетъ въ состояніи вынести все это“, озабочивало Софью Ивановну даже гораздо болѣе, чѣмъ то, какія послѣдствія „все это“ могло имѣть на жизнь, на всю судьбу Сергѣя.

Но у Софьи Ивановны, какъ и у глубоко родственной ей по душѣ княжны Лины, была одна великая внутренняя сила: она вѣрила! „Не унывай и борись до конца, а тамъ да будетъ воля Мудрѣйшаго насъ!“ Въ этихъ словахъ находила она неизмѣнно то „окрыляющее“, по выраженію ея, чувство, при которомъ бодрѣлъ ея духъ и яснѣлъ помыселъ въ самыя трудныя минуты жизни, и которое невольною властью своей подчиняло себя и всѣхъ ее окружавшихъ. (И счастливъ въ этой жизни тотъ, кому суждено испытать надъ собой „окрыляющее“ вліяніе такой вѣрящей, любящей и не клонящей головы своей подъ грозою женщины!)...

И теперь произошло то же самое. „Никто какъ Богъ!“ сказала себѣ Софья Ивановна послѣ долгаго передумыванья всякихъ тяжелыхъ мыслей и ни къ чему не приведшихъ соображеній, возбужденныхъ въ ней полученнымъ изъ Сицкаго извѣстіемъ. И она какъ-то вдругъ успокоилась и ободрилась, и вернувшуюся къ ней ясность духа сообщила и „ютившимся подъ ея материнскимъ крыломъ птенцамъ несмыслящимъ“, какъ называлъ въ шутку себя съ пріятелями Ашанинъ. Всѣмъ имъ, включая сюда и Гундурова, какъ бы вдругъ стало очевиднымъ, что не-изъ-чего приходить заранѣе въ отчаяніе, что тонъ письма княжны былъ гораздо болѣе успокоительнаго, чѣмъ устрашающаго свойства, и что сама она, наконецъ, не принадлежала къ числу тѣхъ созданій, чья зыбкая воля клонится по прихоти всякой перемѣны вѣтра: „ея не сломить никакому Петербургу!“ подумалось всѣмъ имъ.

Оба пріятеля Гундурова одинаково отъ всего сердца желали ему успѣха, хотя и руководились при этомъ не совсѣмъ одинаковыми побужденіями. Донельзя распущенный въ нравственномъ отношеніи, но искупавшій свои слабости дѣй-

ствительно „золотымъ“, какъ говорила Софья Ивановна, пылкимъ и великодушнымъ сердцемъ, Ашанинъ не имѣлъ ничего иного въ виду при этомъ, какъ счастіе друга, котораго онъ любилъ какъ брата и глубоко уважалъ, какъ человѣка. Искренній „фанатикъ“ театральнаго искусства, Вальковскій таилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ своею, весьма часто намѣренною, грубостью не мало, что̀ говорится, „хитростцы“ и практическаго разсчета. Онъ любилъ Гундурова по-своему, за „охоту и талантъ“ его къ сценѣ, и въ бракѣ его съ дѣвушкой, имѣвшею принести мужу въ приданое такое огромное состояніе, какъ княжна, видѣлъ прежде всего ту выгоду, которую самъ онъ, Вальковскій, въ случаѣ такого приращенія земныхъ благъ у пріятеля, могъ извлечь для себя какъ по части устройства всякихъ будущихъ „театриковъ“, такъ и относительно грядущаго размѣра тѣхъ вспоможеній всякаго рода, которыми онъ искони привыкъ пользоваться со стороны обоихъ своихъ пансіонскихъ товарищей... На этомъ основаніи онъ гораздо болѣе Ашанина волновался заботой объ исполненіи желаній“ Гундурова и очень часто, самъ не подозрѣвая того, оскорблялъ нашего героя въ его чистомъ и благоговѣйномъ чувствѣ ко княжнѣ Линѣ.

— Послушай, братъ, говорилъ онъ ему озабоченно на другой день послѣ полученія ея письма въ Сашинѣ,—я всю ночь продумалъ о твоихъ обстоятельствахъ и пришелъ къ тому, что нечего намъ тутъ всѣмъ киснуть, когда настоящее дѣло дѣлать треба!

— Какое это такое „настоящее дѣло“? спрашивалъ Сергѣй.

— А такое, что колибъ эта лядащая фря, княгиня, захотѣла дочь силой въ Питеръ везти, такъ вѣдь и мы можемъ ей такой камуфлетъ подпустить... Я все сообразилъ подробно. На козлахъ ямщикомъ—я. Весь этотъ аллюръ ихній знаю я теперь до тонкости, то-есть въ самомъ настоящемъ видѣ изображу, не отличить! Володька—лакеемъ. Мы же и свидѣтели. Подкатываемъ ночью къ саду,—она тамъ ждетъ. Живо въ коляску, валяй въ Анцыферово,—село тутъ есть, двадцать верстъ, все это разузналъ я до ниточки, а въ селѣ-то попъ

Гаврило, пропоица и шельма изумительнѣйшая: за сто цѣлкашей козла съ козой обвѣнчать готовъ, говорятъ, а не то, что...

— Ты самъ не знаешь, что̀ говоришь, Вальковскій! вскрикнулъ, весь вспыхнувъ, Гундуровъ.

— Экая дубина, экая безобразина! расхохотался тутъ же бывшій Ашанинъ;—и вѣдь изъ того онъ это все изобрѣлъ въ дурацкой головѣ своей, чтобъ ему ямщикомъ молодцомъ на козлахъ сидѣть, въ клюкъ свой кабаній соловьемъ свистать... А что̀, Ваня, „Маргоренька-то къ гусару ушла“? закончилъ онъ вопросомъ, которымъ преслѣдовалъ его съ утра до вечера, съ самаго дня встрѣчи ихъ въ городѣ.

Вальковскій, само собою, ругнулъ его, плюнулъ и отошелъ.

А вечеромъ сидѣли они опять всѣ трое за вечернимъ чаемъ у стола, за которымъ Софья Ивановна въ круглыхъ оччахъ на носу вязала какое-то одѣяло и восторгались *Ромео и Юліей*, въ появившемся въ ту пору въ одномъ изъ повременныхъ изданій переводѣ этой драмы на русскій языкъ. Такія чтенія Шекспира, начатыя по мысли тетки Гундурова, видѣвшей въ этомъ лучшее средство развлекать Сергѣя отъ муки и тревогъ его личныхъ помысловъ, соединяли каждый вечеръ Сашинское общество и часто заставляли засиживаться его далеко за полночь. Сама Софья Ивановна, сохранившая подъ сѣдыми волосами всю горячую впечатлительность молодости, увлекалась до слезъ геніальными красотами поэта и просила чтеца продолжать, забывая первая, что обычный часъ ея отхода ко сну давно отзвонилъ во всѣхъ комнатахъ дома. Гундуровъ, душевное состояніе котораго такъ близко подходило къ тому страстному возбужденію, которымъ исполнено все существо молодаго Веронца Шекспира, находилъ для передачи его рѣчей звуки, глубоко потрясавшіе его слушателей, и отъ которыхъ самъ онъ иной разъ пьянѣлъ и замиралъ въ неизъяснимомъ восторгѣ, или растрогивался до рыданія въ горлѣ. Послѣ каждой нѣсколько значительной сцены начинались толки, комментаріи, споры. „Фанатикъ“ сжималъ кулаки и зубы, чтобы не ругнуться отъ избытка восхищенія въ при-

сутствіи импонировавшей ему Софьи Ивановны. Ашанинъ, неустанно тѣшившійся имъ и преслѣдовавшій его все тѣми же незлобивыми насмѣшками, всячески поджигалъ и вызывалъ его энтузіазмъ на какую нибудь забавную выходку.

— Да, говорилъ онъ однажды,—Ромео несомнѣнно первая изъ первыхъ молодыхъ ролей, какія только существуютъ на театрѣ!

— Первѣющая! подтвердилъ Вальковскій, сіяя непомѣрно раскрытыми глазами.

— Вотъ бы тебѣ попровать себя когда-нибудь на ней, Ваня? невиннѣйшимъ тономъ продолжалъ за этимъ красавецъ.

— Вѣдь ты не дашь, Володенька? возразилъ на это тотъ голосомъ, исполненнымъ такого страстнаго внутренняго желанія, униженной мольбы и страха за отказъ, что все кругомъ разразилось неудержимымъ хохотомъ.

— А вотъ вы, въ самомъ дѣлѣ, возьмите, прочтите намъ что-нибудь изъ роли Ромео, Иванъ Ильичъ, молвила Софья Ивановна, принимая тутъ же серьезный видъ и грозя пальцемъ Ашанину:—Владиміръ Петровичъ не одинъ здѣсь судья!

„Фанатикъ“ жадно потянулъ къ себѣ книгу, лежавшую предъ Гундуровымъ, остановившимся на первой сценѣ Ромео съ Лоренцо, и съ первыхъ же словъ загудѣлъ такимъ звѣремъ, что Ашининъ, ухватившись за бока, вскочилъ, выбѣжалъ въ гостиную и повалился тамъ на диванъ, надрываясь новымъ истерическимъ смѣхомъ. Гундуровъ уронилъ голову на столъ и залился тоже.

— Да, рѣшила Софья Ивановна, укалывая себя до боли спицей въ подбородокъ, чтобы не заразиться ихъ примѣромъ,—мнѣ кажется, дѣйствительно, Иванъ Ильичъ, что для васъ годятся роли... менѣе пламеннаго характера...

Вальковскій надулся, но только на этотъ вечеръ. Ему слишкомъ удобно жилось въ Сашинѣ, онъ слишкомъ хорошо тамъ ѣлъ, пилъ и спалъ, чтобы расходиться съ его гостепріимными хозяевами изъ-за какой-нибудь „рольки“, какъ выражался онъ своими обычными уменьшительными обозначеніями. Чтенія Шекспира продолжались попрежнему, и не-

удачная попытка „фанатика“ передать эту молодую „рольку“ не оставила малѣйшаго слѣда въ строѣ общаго добраго согласія, царствовавшаго въ тихой сѣни стараго Сашинскаго дома.

Такъ прошло болѣе недѣли. Съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе ждали теперь наши друзья новыхъ извѣстій изъ Сицкаго, отъ княжны. Но извѣстій не приходило...

XXXII.

Готовься съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ!
Баратынскій.

Волшебный лѣтній вечеръ лежалъ надъ заснувшими липами Сашина. Нарождавшійся мѣсяцъ индѣ сверкалъ тонкимъ серебрянымъ очеркомъ сквозь темную сѣть ихъ многолиственныхъ вѣтвей, и нѣжный запахъ политыхъ къ вечеру цвѣтовъ несся проницающими струями на низенькій балконъ дома, двумя-тремя ступеньками спускавшійся въ садъ. Свѣтъ высокой лампы и свѣчей въ стеклянныхъ колпакахъ, стоявшихъ на столѣ на этомъ балконѣ, добѣгалъ до разбитой подъ нимъ клумбы, и какъ бы вынырнувшая изъ ближайшаго ея куста большая бѣлая роза чуть дрожала на невидимомъ стеблѣ своемъ, вся облитая и вся будто зачарованная этимъ нежданнымъ и незнакомымъ ей свѣтомъ...

Кругомъ стола сидѣлъ „Сашинскій квартетъ“, какъ выражалась Софья Ивановна въ веселыя минуты. Они только-что отпили чай. Предъ Гундуровымъ лежалъ томъ Пушкина, открытый на *Каменномъ Гостѣ*, котораго собирался онъ читать вслухъ. Но онъ медлилъ приняться за книгу и глядѣлъ прищуренными глазами въ садъ, охваченный тишью и красотой ночи.

— Какъ хорошо! проговорилъ онъ, ни на кого не глядя.

„Что̀ за ночь, за луна, когда“... вспомнилось Ашанину тутъ же одно изъ любимѣйшихъ его стихотвореній.

— Нѣтъ, вы посмотрите на эту розу, молвила въ свою

очередь Софья Ивановна,—какъ она выдѣляется изъ темноты и точно глядитъ на насъ!

— Я давно на нее любуюсь, сказалъ Ашанинъ,—точно глядитъ и стыдится,—прелесть!... Сережа, не напоминаетъ она тебѣ...

— Офелію? И Гундуровъ съ засверкавшимъ взглядомъ обернулся на него.

— Именно, именно! Вотъ что̀ называется симпатія душъ, засмѣялся красавецъ:—мнѣ это сейчасъ пришло въ голову! Она такъ...

Онъ не успѣлъ досказать свою мысль, прерванный восклицаніемъ Софьи Ивановны:

— Кого это Богъ даетъ!

Всѣ разомъ примолкли. Изъ-за сада, мимо котораго шла дорога въ усадьбу, доносился звонъ колокольчика.

Гундуровъ вздрогнулъ отъ невольнаго нервнаго ощущенія. Колокольчикъ такъ живо напоминалъ ему пріѣздъ Анисьева въ Сицкое, трепетъ Лины, всю пережитую ими тогда муку.

— Кто это, въ самомъ дѣлѣ? пробормоталъ онъ.

— Ужь не за мною-ли начальство шлетъ? У меня вторая недѣля какъ отпускъ просроченъ, заявилъ со мгновеннымъ смущеніемъ Вальковскій.

Ашанинъ расхохотался:

— Станетъ оно еще давать себѣ трудъ посылать за тобой! Просто выключитъ, если къ сроку не явился.

„Не изъ Сицкаго-ли что̀?“ подумалось одновременно и Сергѣю, и его теткѣ; они переглянулись.

— Нѣтъ, тогда бы безъ колокольчика! сказала она громко въ отвѣтъ угаданному обоими ими вопросу и успокоенно улыбнулась ему.

Топотъ лошадей между тѣмъ уже явственно слышался на дворѣ. Кто-то подъѣзжалъ ко крыльцу.

— Исправникъ! доложилъ вслѣдъ за этимъ, выходя изъ комнатъ, старикъ Ѳедосей, камердинеръ Гундурова.

— Что̀ ему нужно? невольно вскрикнула Софья Ивановна.

— За мною, вѣрно за мною!... радостно возгласилъ „фа-

натикъ",—театрикъ, должно быть, устроивается, такъ онъ за мною, толстопузъ, прикатилъ!...

И онъ со всѣхъ ногъ кинулся съ балкона.

— Они Сергѣя Михайловича спрашиваютъ! угрюмо пѣвучимъ голосомъ промолвилъ Ѳедосей, не трогавшійся съ мѣста.

— Меня?... Проси! сказалъ Сергѣй, взглянувъ на тетку.— Не попался-ли въ чемъ кто-нибудь изъ нашихъ крестьянъ? объяснилъ онъ.

— Сюда!... сюда проси! торопливо добавила Софья Ивановна...

Въ гостиной уже раздавался скрипъ сапоговъ входившихъ, и на балконѣ черезъ мигъ, слегка споткнувшись о его порогъ, но сейчасъ же оправившись и молодцовато выставивъ грудь впередъ, появился Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ во всей внушительности своей громоздкой фигуры и съ такою же внушительностью на неулыбавшемся и какъ бы чѣмъ-то чрезвычайно озабоченномъ лицѣ. Вальковскій шелъ за нимъ, опустивъ голову и поводя исподлобья кругомъ какъ бы нѣсколько сконфуженными глазами. Пріѣздъ „толстопуза", очевидно, не имѣлъ цѣлью театрикъ.

— Madame la générale! проговорилъ исправникъ, подходя къ хозяйкѣ и шаркая съ ловкостью бывалаго гвардейца.

— Здравствуйте, monsieur Акулинъ, проговорила Софья Ивановна, внимательно глядя на него:—не угодно-ли присѣсть? примолвила она черезъ мигъ, указывая на кресло.

Елпидифоръ отблагодарилъ поклономъ, тяжело опустился въ это кресло, протянулъ и перекинулъ одна на другую толстыя свои ноги и, уложивъ фуражку на колѣняхъ, а голову опустивъ на грудь, принялся съ намѣренною какъ бы неторопливостью стаскивать съ рукъ перчатки.

Софья Ивановна съ невольнымъ волненіемъ слѣдила за всѣми его движеніями.

— Да не угодно-ли вамъ чаю? спросила она, вспоминая свою обязанность хозяйки, и поставила чайникъ на конфорку еще не потухшаго самовара.

— Если позволите... полстаканчика... Некогда больше! примолвилъ онъ, подымая глаза и останавливая ихъ на ней.

— А развѣ вамъ еще куда-нибудь отъ насъ нужно? проговорила она, скрывая подъ равнодушнымъ тономъ вопроса серіозное безпокойство, которое начинало овладѣвать ею.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ исправникъ, принимая видъ человѣка, который обязанъ, но весьма неохотно исполняетъ это, объявить другому непріятную вѣсть:—я имѣю дѣльце... къ Сергѣю Михайловичу...

— Какое такое? спросилъ Гундуровъ, хмуря брови.

— Вотъ, если позволите на минуточку... къ вамъ въ кабинетъ, медлительно выговорилъ исправникъ, протягивая руку къ налитому ему хозяйкой стакану чая,—мы съ вами переговоримъ...

— Отчего же не здѣсь, не сейчасъ? сказала, выпрямляясь въ своемъ креслѣ, Софья Ивановна:—у Сергѣя нѣтъ никакихъ тайнъ... и никакихъ *дѣлъ*, подчеркнула она, — о которыхъ нельзя было бы говорить громко, при всѣхъ...

Елпидифоръ повелъ любезно головой внизъ.

— Отъ всей души готовъ вамъ вѣрить, madame la générale... тѣмъ болѣе, что мнѣ лично ничего не извѣстно... И даже повѣрьте (онъ счелъ нужнымъ вздохнуть), почитаю для себя возложенное на меня порученіе весьма тяжкимъ... Еще такъ недавно подвизались мы съ Сергѣемъ Михайловичемъ, какъ собратья по искусству, въ *Гамлетѣ*... котораго передалъ онъ намъ съ такимъ совершенствомъ... И вдругъ, я такъ сказать, во всемъ атрибутѣ моихъ полицейскихъ обязанностей...

— Да говорите, сдѣлайте милость, перебила его тетка Гундунова,—какое у васъ порученіе?

Акулинъ чуточку помолчалъ, затѣмъ развелъ руками, уперся въ нее взглядомъ и выпустилъ словно изъ ружья:

— Извините меня, ваше превосходительство, я обязанъ доставить племянника вашего къ его сіятельству, графу, въ Москву.

У Софьи Ивановны сверкнули глаза и побѣлѣли губы; Ашанинъ вскочилъ съ мѣста, глядя на исправника, какъ будто не довѣрялъ ушамъ своимъ. Вальковскій какъ-то мгновенно исчезъ въ неосвѣщенной сторонѣ балкона.

— „Доставить“! повторилъ, весь вспыхнувъ, Сергѣй.—Что ему отъ меня нужно?

— Это ужь имъ извѣстно, отвѣтилъ исправникъ съ легкою улыбочкой, потягивая чай изъ своего стакана,—а я тутъ, какъ говорится, не что иное, какъ слѣпой исполнитель. Получилъ предписаніе-съ!

И онъ все такъ же медлительно откинулся спиной въ кресло, отстегнулъ двѣ пуговицы своего форменнаго сюртука и полѣзъ рукой подъ бортъ его въ карманъ (онъ видимо наслаждался производимою имъ тревогой: онъ зналъ, какъ нелестно было о немъ мнѣніе хозяевъ Сашина, и не могъ простить этого имъ).

— Самого меня, говорилъ онъ тѣмъ временемъ, — чрезвычайно это какъ разстроиваетъ. — Дочь мою единственную, какъ это можетъ вамъ извѣстно (онъ повелъ неопредѣленно глазами кругомъ), только что выдалъ за товарища же нашего по спектаклю, Никанора Ильича Ранцова. Третій день всего, какъ свадьбу сыграли, и я, признаюсь, надѣялся поотдохнуть у нихъ недѣльки двѣ, порадоваться на нихъ... Любо, вѣдь, дорого смотрѣть: не натѣшатся другъ другомъ, не нанѣжатся...

„Поздравляю ихъ обоихъ!“ злобно подумалъ и чуть громко не отпустилъ Ашанинъ, на которомъ какъ бы невзначай остановились въ эту минуту глаза Акулина.

— И вдругъ это меня отрываютъ, продолжалъ расписывать тотъ,—и даже для исполненія такихъ непріятныхъ обязанностей... Вотъ-съ, не угодно-ли взглянуть? заключилъ онъ, дошарившись до нужнаго въ своемъ карманѣ и протягивая Гундурову сложенный вчетверо по-казенному листъ бумаги.

Сергѣй быстро пробѣжалъ его про себя и передалъ теткѣ.

— Я кандидатъ университета, а не... какъ тамъ сказано, сказалъ онъ только съ презрительною улыбкой.

Бумага гласила, что, по приказанію его сіятельства, исправникъ такой-то „имѣетъ извѣстить проживающаго во ввѣренномъ ему уѣздѣ неслужащаго дворянина, бывшаго студента Московскаго университета, Гундурова, явиться, для личнаго объясненія, къ его сіятельству, въ Москву, во вторникъ, 6-го іюля, въ $9^1/_2$ часовъ утра.

Софья Ивановна прочла тихо, затѣмъ вслухъ, останавливаясь черезъ слово: она старалась добраться того непонятнаго для нея смысла, который могъ заключаться въ словахъ: „для личнаго объясненія“. Какія нужны ему объясненія съ Сережей, о чемъ?...

Исправникъ привсталъ съ мѣста и потянулся къ ней черезъ столъ съ устремленнымъ впередъ указательнымъ пальцемъ:

— Собственноручную приписку извольте замѣтить... сбоку-съ, сбоку...

Она прочла прибавленныя на полѣ бумаги крупною рукой московскаго владыки два слова: „привезти самому.

Елпидифоръ опять опустился въ кресло и еще разъ вздохнулъ.

— „Самому“, это то-есть мнѣ... везти!...

— Ахъ ты шельмецъ этакой, шельмецъ! сказалъ себѣ Ашанинъ, чувствуя въ эту минуту неодолимое желаніе помять отвислыя жабры бывшаго Полонія.

— Во вторникъ, 6-го іюля, перечла Софья Ивановна. — Что̀ у насъ сегодня? Понедѣльникъ; пятое... Это, значитъ, ему надо завтра утромъ быть въ Москвѣ?

— Такъ точно-съ, подтвердилъ Акулинъ, опираясь обѣими руками въ ручки кресла, чтобы подняться окончательно на ноги;—девяносто шесть верстъ, Сергѣй Михайловичъ, обратился онъ къ нашему герою, который молча, сжавъ неестественно губы, прислушивался къ этому чтенію и разговору, какъ-бы рѣшившись не принимать въ немъ никакого участія,— да проселкомъ до города, верстъ двѣнадцать: только къ утру доѣхать успѣемъ... Собираться бы вамъ надобно...

Всѣ примолкли на мигъ.

— Что̀ же, Сережа... какъ ты думаешь? заговорила первая его тетка, подымая на него глаза.

Она пожала плечами.

— Собираться мнѣ не долго... Хоть сію минуту!...

— Ты когда думаешь... вернуться? не совсѣмъ твердо спросила она его опять.

— Да завтра-же объ эту пору, я полагаю.

— Весьма-бы желательно-съ, весьма! промолвилъ на это

исправникъ съ интонаціей голоса, злое намѣреніе которой не ускользнуло отъ Софьи Ивановны.

Багровыя пятна выступили у нея на лицѣ. Она взглянула на него такимъ негодующимъ взглядомъ, что Елпидифоръ смутился и кашлянулъ въ руку, чтобы скрыть это смущеніе,—и встала изъ-за стола.

— Вы мнѣ позволите васъ оставить одного, пока племянникъ мой будетъ укладываться. Пойдемъ, Сережа!

— И я съ вами! поспѣшно сказалъ Ашанинъ.

Они ушли втроемъ.

Вальковскій внезапно выскользнулъ изъ своего темнаго угла, подошелъ, озираясь, къ исправнику и шопотомъ проговорилъ:

— Не знаешь, братъ, для чего онъ требуется: дѣло въ самомъ дѣлѣ какое, или согрѣшилъ чѣмъ?

Тотъ глянулъ на него черезъ плечо.

— Слышалъ, сказано: „привести самому",—значитъ, чтобы не утекъ. Не по головкѣ гладить, стало-быть! фыркнулъ онъ, доставая папироску изъ сигарочницы и наклоняясь съ нею къ одной изъ свѣчей, стоявшихъ на столѣ.

„Фанатикъ" опустилъ голову и словно съежился весь.

— Скажи мнѣ, ради Бога, Сережа, говорила тѣмъ временемъ Софья Ивановна, ведя молодыхъ людей въ кабинетъ племянника,—не знаешь-ли ты за собою чего-нибудь, изъ-за чего могли бы тебѣ выйти непріятности?

Онъ засмѣялся даже.

— Что̀ же могу я знать такого за собою, тетя? Все, что̀ я дѣлалъ и дѣлаю, вамъ точно такъ же извѣстно, какъ и мнѣ самому.

— И почему вы думаете, заговорилъ съ живостью Ашанинъ,—что Сережу должны ждать какія-нибудь „непріятности" отъ нашего воеводы московскаго? Я такъ совсѣмъ напротивъ того думаю. Князь Ларіонъ Васильевичъ въ Сицкомъ, при насъ же всѣхъ, такъ лестно и горячо рекомендовалъ ему Сережу и, вѣроячно, теперь проѣздомъ черезъ Москву повторилъ это ему, что старцу, я увѣренъ, пришла въ голову блестящая мысль пригласить Сережу къ себѣ на службу.

Онъ и вызываетъ его чрезъ исправника, какъ знающаго, гдѣ его найти.

— Такъ такъ было бы и сказано, я полагаю, возразила Софья Ивановна,—а то *привезти*, точно арестанта какого-то, преступника... Это просто оскорбительно!...

— А этотъ старецъ нашъ не понимаетъ, комическимъ тономъ объяснилъ Ашанинъ, — онъ по простотѣ: нужно ему кого-нибудь, ну и подавай его такъ или иначе. Вы на него не обижайтесь, генеральша: у пашей турецкихъ, говорятъ, еще простѣе обычай бываетъ!...

Софья Ивановна невольно усмѣхнулась, но глаза ея глядѣли все такъ же не весело и озабоченно.

— Этотъ исправникъ, сказала она,—со своими какими-то грозящими намеками...

— Ну, вотъ эту толстую шельму я охотно бы поколотилъ! воскликнулъ пріятель Гундурова.—Вѣдь вы понимаете, генеральша, что онъ ровно ничего не знаетъ, для чего вызывается Сережа къ графу, и знать не можетъ. А строитъ онъ эти угрожающія хари въ отместку вамъ за то, что вы его къ себѣ въ домъ какъ знакомаго не пускали, а Сережа, когда мы въ Сицкомъ играли, ему, кромѣ репликъ, слова не сказалъ никогда. Такъ не тревожиться же вамъ въ самомъ дѣлѣ изъ-за его рожи, воронья пугала!...

Ашанинъ говорилъ тономъ такого глубокаго убѣжденія, и то, что онъ говорилъ, имѣло за собою притомъ такъ много правдоподобности, что Софья Ивановна въ эту минуту какъ-то вдругъ успокоилась. Она все время слѣдила за выраженіемъ лица Гундурова и осталась имъ довольна: ни малѣйшаго волненія, ниже суеты, а лишь та невольная брезгливость, съ какою смотрѣлъ бы порядочный человѣкъ, по ошибкѣ посаженный въ часть.

Онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и безсознательно перебиралъ пальцами по его сукну.

— Къ *нему* вѣдь во фракѣ явиться нужно, Сережа, сказала ему тетка,—не забудь взять!

— Возьму... И бѣлый галстукъ тоже нужно? спросилъ онъ, насмѣшливо и чуть-чуть надменно улыбаясь.

— Само собою... А что̀ ты ему однако скажешь, Сережа? молвила черезъ мигъ Софья Ивановна,—если онъ тебѣ въ самомъ дѣлѣ предложитъ служить у него?

— Поблагодарю за честь и—откажусь!.. „Пашамъ“ я не слуга! промолвилъ онъ, повторяя выраженіе Ашанина.

Она помолчала.

— Однако вотъ что̀, другъ мой, начала она затѣмъ:—даю тебѣ два дня сроку; если по истеченіи ихъ ты не вернешься въ Сашино, я поѣду въ Москву.

— Къ чему это, тетя? вскрикнулъ онъ.

— Я буду безпокоиться... у насъ всего ожидать можно...

— А позвольте мнѣ, милѣйшая моя генеральша, заговорилъ опять Ашанинъ все тѣмъ же обычнымъ ему, шутливымъ и веселымъ тономъ,—позвольте сдѣлать вамъ слѣдующее предложеніе: я поѣду теперь съ Сережей въ Москву и, если бы что-нибудь дѣйствительно задержало его тамъ, даю вамъ честное слово, что черезъ два дня, то-есть послѣ-завтра, буду у васъ здѣсь съ извѣстіемъ.

— Отлично, Володя, спасибо! воскликнулъ, вставая съ мѣста, Гундуровъ.—Мнѣ совѣстно было просить тебя, а я только-что объ этомъ думалъ. Тетя будетъ спокойна, а меня ты избавишь отъ единственной непріятности во всемъ этомъ: ѣхать бокъ-о-бокъ цѣлую ночь съ этимъ господиномъ. Вы согласны, тетя?

— Хорошо, сказала она,—спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ!... А вотъ и Ѳедосей! Собирай барина!...

— Слышалъ-съ, проговорилъ угрюмо старый слуга, дѣйствительно слышавшій весь разговоръ изъ сосѣдней съ кабинетомъ спальни Гундурова,—у меня готово.

— Такъ вели въ старую коляску разгонныхъ четверку сейчасъ же! приказалъ Сергѣй.

— Да и его возьми съ собою! молвила ему тетка.

— А то развѣ отпущу я ихъ однихъ! уже совсѣмъ сердито отрѣзалъ старикъ и даже дверью хлопнулъ, уходя.

Всѣ невольно улыбнулись.

— А теперь я васъ оставлю, сказалъ Ашанинъ: — пойду крошечку надъ Елпидифоромъ потѣшиться.

Онъ вернулся на балконъ, на которомъ Акулинъ, развалившись по-хозяйски въ креслѣ, пускалъ кольца дыма въ недвижный воздухъ, а „фанатикъ“, опустивъ голову и сложивъ руки крестомъ на груди, шагалъ отъ перилъ до перилъ съ видомъ трагика, обдумывающаго свой монологъ пятаго дѣйствія.

— Что̀ же вашъ пріятель! спросилъ исправникъ, оборачиваясь ко входившему:—пора ѣхать!

Ашанинъ развелъ широко руками, въ подраженіе тому, какъ разводилъ своими исправникъ въ разговорѣ съ Софьей Ивановной, и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Ушелъ! Нѣту!

— Что̀-д̀? не понялъ въ первую минуту тотъ.

— Вы спрашиваете про Гундурова?

— Про него!

— Я вамъ и говорю, нѣтъ его, ушелъ! повторяя то же движеніе руками, подтверждалъ шалунъ.

Вся прыткость, вся юркость Елпидифора вернулись къ нему въ одно мгновеніе. Онъ привскочилъ съ кресла, съ легкостью резиннаго мячика, и кинулся къ молодому человѣку.

— Удралъ? прохрипѣлъ онъ, и безконечныя щеки его мгновенно поблѣднѣли и запрыгали,—верхомъ?... потому колесъ слышно не было...

— Нѣтъ, пѣшкомъ, отвѣчалъ Ашанинъ съ самою невозмутимою серьезностью.

— Такъ далеко еще не успѣлъ... Въ какую сторону?

— Недалеко, дѣйствительно:—въ сторону конюшни.

— За лошадью?

— За лошадьми; приказалъ запрягать подъ коляску, ѣхать къ графу, въ Москву.

— Эхъ, чтобъ васъ! махнулъ со злостью рукой исправникъ,—я вѣдь подумалъ и въ самомъ дѣлѣ!... И нашли чѣмъ шутить!...

— Я и не шучу,—вы спрашиваете, я даю отвѣты. Я не виноватъ, что вы ихъ толкуете по-своему, по-полицейски.

Акулинъ надулся.

— И къ чему это ему коляску еще свою! Я думалъ его въ своемъ тарантасѣ везти...

— Не имѣете права! возгласилъ Ашанинъ.

— Чего это?

— Можете подъ уголовную отвѣтственность попасть!

— Да что̀ это вы мнѣ расписываете! фыркнулъ исправникъ, все сильнѣе гнѣваясь.

— Вамъ предписано „привести“ Гундурова къ графу для „личнаго объясненія“, значитъ привезти живаго, такъ какъ съ мертвымъ объясненія бываютъ обыкновенно нѣсколько затруднительны. Если же онъ бы съ вами сѣлъ рядомъ въ экипажъ, вы бы его, надо полагать, при Богомъ вамъ данномъ преизобиліи тѣлесномъ, на первой же колеѣ придавили до смерти. Во избѣжаніе чего мы и порѣшили съ нимъ оставить васъ ѣхать въ одиночествѣ, а самимъ ѣхать въ его коляскѣ.

— Однако позвольте вамъ сказать, милостивый государь... началъ и не договорилъ уже весь красный отъ злости исправникъ.

— Что̀ сказать? съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ спросилъ тотъ, укладывая локти на столъ и глядя ему прямо въ глаза своими большими черными глазами.

Взбѣшенный, но осторожный Елпидифоръ вспомнилъ во̀время, что этотъ черноглазый красавецъ, глядѣвшій на него такимъ вызывающимъ взглядомъ, былъ вхожъ „въ домъ его сіятельства“ и даже, какъ слышалъ онъ, пользовался особымъ расположеніемъ къ нему этого „дома“, и что потому размолвка съ нимъ была бы очевидно съ его стороны не разсчетомъ.

— На васъ, конечно, сердиться нельзя, Владиміръ Петровичъ, повернулъ онъ неожиданно на шутливый тонъ,—вы привыкли съ дамами къ веселому разговору...

— А вамъ какого же угодно? протянулъ Ашанинъ, продолжая глядѣть ему въ глаза.

Не извѣстно, что̀ нашелъ бы отвѣтить исправникъ, но въ эту минуту „фанатикъ“, сосредоточенно прислушивавшійся къ пренію, трагически шагнулъ къ пріятелю.

— Это какъ же ты съ Гундуровымъ въ Москву собрался? А я?

— Что̀ ты?

— Мнѣ что̀ же оставаться-то здѣсь безъ васъ?...

— Мы вернемся завтра или послѣ-завтра утромъ.

— А если какъ не вернетесь? мрачно промычалъ Вальковскій.

Ашанинъ уперся ему въ лицо проницательнымъ взглядомъ.

— Ты глупъ, Иванъ Непомнящій, подчеркнулъ онъ:— если бы то, что̀ ты предполагаешь, должно было случиться, тѣмъ менѣе, кажется, слѣдовало бы тебѣ думать удирать теперь изъ этого дома!

„Фанатикъ“ понялъ и, покраснѣвъ до ушей, быстро отошелъ отъ него и зашагалъ опять по балкону.

На порогѣ его показались хозяева.

— Лошади готовы; если вамъ угодно, можемъ ѣхать, какъ бы уронилъ Сергѣй, глядя черезъ голову исправника.—Ѳедосей твои вещи уложилъ, сказалъ онъ Ашанину.

— Спасибо!

Красавецъ отвелъ Софью Ивановну въ сторону.

— Вы извѣстите княжну? спросилъ онъ ее шопотомъ.

— Къ чему? выразила она:—это могло бы только ее встревожить, а вы надѣетесь, говорите, быть здѣсь послѣ-завтра съ Сережей... или безъ него, примолвила она чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ,—всегда успѣемъ.

— Вѣрно, генеральша, вѣрно! согласился Ашанинъ,— позвольте ручку поцѣловать на прощанье.

Со двора доносился грохотъ выѣхавшихъ экипажей.

Всѣ прошли туда черезъ садъ.

— Какъ вамъ удобнѣе наблюдать, чтобы мы отъ васъ какъ нибудь не „удрали“, Елпидифоръ Павлычъ? громко и со смѣхомъ спросилъ исправника Ашанинъ, выходя на дворъ,— намъ-ли ѣхать впередъ, или вамъ?

Въ толпѣ дворовыхъ, собравшихся у крыльца смотрѣть на неожиданный отъѣздъ молодаго барина, послышалось вызванное этими словами сочувственное и дружное хихиканье.

— Ахъ, сдѣлайте милость, какъ вамъ угодно! отвѣтилъ съ досадой исправникъ (онъ чувствовалъ себя сильно не въ авантажѣ), направляясь къ поданному первымъ своему тарантасу.—Вашему превосходительству честь имѣю кланяться! сухо промолвилъ онъ, снимая на ходу фуражку предъ госпожой Переверзиной, и заковылялъ далѣе.

— Ну, Богъ съ тобою, Сережа! говорила она тѣмъ временемъ, остановившись съ племянникомъ въ темномъ углу у забора,—знаю, что вздоръ, а сердце не на мѣстѣ, такое ужь глупое оно у меня...

Она подняла руку и трижды осѣнила его крестнымъ знаменіемъ.

Тройка исправника уже выѣзжала за ворота. Молодые люди поспѣшили къ своей коляскѣ.

— Ваня, будь умникъ, крикнулъ изъ нея Ашанинъ Вальковскому, безмолвно и угрюмо глядѣвшему на нихъ съ крыльца,—и отучись подбирать съ тарелки горошекъ ножомъ: вилкой гораздо удобнѣе...

Среди дворовыхъ пискнулъ чей-то новый сочувственный смѣхъ... „Фанатикъ“ плюнулъ и ушелъ въ домъ подъ топотъ тронувшихъ лошадей.

XXXIII.

Увѣшанная картинами угольная красная комната, предшествовавшая кабинету графа и выходившая четырьмя окнами на Тверскую площадь, въ бойкую пору года полная обыкновенно народа, была теперь, по случаю лѣтняго времени и еще ранняго часа дня, почти пуста. Пріемъ просителей — для чего графъ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ въ городъ изъ своей подмосковной,—былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. Въ красной комнатѣ поэтому въ ту минуту, когда вошелъ въ нее Гундуровъ, за которымъ въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ исправникъ Акулинъ, находились только дежурный чиновникъ канцеляріи, длинный и худой молодой человѣкъ, глядѣвшій въ окно съ видомъ смертельной скуки, и такой же дежурный военный чиновникъ особыхъ порученій, лысый майоръ Чесминъ *), растянувшійся съ ногами на покрытомъ чехломъ, по-лѣтнему, какъ и вся мебель, диванѣ.

Услыхавъ шумъ шаговъ, майоръ полуоткрылъ сонные глаза и спустилъ ноги съ дивана.

— А! Вы зачѣмъ къ намъ? лѣниво вымолвилъ онъ, узнавая нашего героя, съ которымъ встрѣчался въ одномъ знакомомъ имъ обоимъ домѣ въ Москвѣ.

— Вызвали! отвѣтилъ Гундуровъ съ невольнымъ пожатіемъ плечъ. (Онъ ѣхалъ всю ночь, только-что успѣлъ обмыться и переодѣться, и лицо его носило видимые слѣды безсонницы и утомленія).

---

*) См. *Типы прошлаго.*

— Вотъ какъ! зѣвнулъ Чесминъ, указывая ему мѣсто подлѣ себя на диванѣ; — а на что̀ вы ему нужны? (майоръ никогда иначе какъ этимъ мѣстоимѣніемъ не обозначалъ своего начальника, съ которымъ состоялъ въ самыхъ оригинальныхъ, брюзгливо-нѣжныхъ отношеніяхъ).

— Это я у васъ хочу спросить, молвилъ, хмурясь, молодой человѣкъ: — живу я преспокойно у себя въ деревнѣ, пріѣзжаетъ вдругъ ко мнѣ вчера вечеромъ исправникъ...

— Вотъ эта туша, перебилъ его майоръ, кивая на Акулина, подошедшаго въ эту минуту къ длинному чиновнику, стоявшему у окна и затѣявшему съ нимъ шопотомъ какой-то разговоръ.

— Онъ самый.

— Слышалъ! Дочь, говорятъ, красавица и голосъ чудный... Въ любимчики за то попалъ (майоръ мигнулъ теперь по направленію кабинета графа); переводитъ онъ его сюда частнымъ приставомъ въ Городскую часть... все равно, что тысячу душъ подарилъ, примолвилъ онъ своимъ хрипящимъ и насмѣшливымъ голосомъ.—И про васъ слышалъ. Вы тамъ съ нашимъ Чижевскимъ у Шастуновыхъ на сценѣ отличались!... И княжна играла, да?... Божественная особа! прохрипѣлъ опять Чесминъ, вздыхая и сентиментально закатывая глаза подъ свой нескончаемый лобъ.

Гундуровъ отвернулся, чтобы не дать прочесть ему на своемъ лицѣ волненіе, вызванное въ немъ упоминаніемъ о княжнѣ.

— Не долго сегодня Ѳедоръ Петровичъ... проговорилъ въ эту минуту длинный чиновникъ, оборачиваясь отъ окна къ щелкнувшей замкомъ двери кабинета.

Дверь распахнулась и изъ нея вышелъ довольно высокаго роста мущина съ крестомъ на шеѣ и чрезвычайно привѣтливымъ и открытымъ лицомъ, управляющій графскою канцеляріей. Онъ передалъ вынесенную имъ кипу только-что доложенныхъ бумагъ поспѣшившему къ нему за ними чиновнику и быстрыми шагами подошелъ къ окну, у котораго въ почтительной позѣ, переминаясь на толстыхъ ногахъ, стоялъ Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ.

— Господинъ исправникъ *** уѣзда? съ учтивою улыбкой проговорилъ онъ.

— Точно такъ, ваше—ство!

— Графъ васъ проситъ!

Исправникъ, прижавъ шпагу къ колѣнкѣ и вздрагивая всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, понесся на кончикахъ ногъ по направленію кабинета.

— Что̀ онъ сегодня надолго пріѣхалъ, Ѳедоръ Петровичъ? спросилъ съ мѣста Чесминъ.

— Въ два часа, покончивъ съ просителями, уѣзжаетъ обратно въ Покровское, отвѣтилъ, подходя къ нему, правитель канцеляріи, повелъ, слегка поклонившись, на сидѣвшаго рядомъ Гундурова бѣглымъ и какъ бы сочувственнымъ взглядомъ, подалъ майору руку и вышелъ обычнымъ ему торопливымъ шагомъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ васъ, думаете, вызвалъ? захрипѣлъ опять Чесминъ, оставшись вдвоемъ съ Гундуровымъ.

— Говорю вамъ, не знаю...

— И я не знаю, а догадываюсь.

— Скажите пожалуйста, если такъ!

— Онъ вѣдь былъ у Шастуновыхъ, когда вы тамъ съ Чижевскимъ лицедѣйствовали?

— Былъ.

— Видѣлъ васъ на сценѣ?

— Да.

— Ну вотъ! У него тоже театръ въ его Покровскомъ. Прослышали его барыни про новый талантъ — мало у нихъ своихъ-то всякихъ ломакъ! промычалъ Чесминъ,—и загорѣлось видно, подавай молъ намъ его, да и только!... А онъ у насъ все, что̀ хотятъ онѣ, то и...

Онъ не успѣлъ договорить, какъ изъ кабинета бочкомъ выползъ пространный Акулинъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, скользнулъ черезъ всю комнату съ гвардейскою ловкостью и, какъ бы робѣя и смущаясь, между тѣмъ какъ на губахъ его играла самая плутоватая улыбка, подошелъ къ Чесмину.

— Извините меня, началъ онъ, — если такъ... не имѣя

чести быть вамъ знакомымъ... но его сіятельство приказали мнѣ звать... а кого именно—я не понялъ...

— Господина Гундурова? указалъ майоръ на молодаго человѣка,—такъ вы вѣдь его знаете!

— Нѣтъ-съ, Сергѣй Михайловичъ не подходитъ къ тому слову... промямлилъ Елпидифоръ.

— Къ какому слову? Какъ онъ вамъ сказалъ?

— А они сказали: „Пошли ко мнѣ плешандаса!“ объяснилъ исправникъ, стыдливо опуская глаза и закусывая въ то же время губу, чтобы не расхохотаться.

— Вѣдь вотъ—нà поди! буркнулъ майоръ, сердито подымаясь съ мѣста,—самъ до пятокъ лысъ, а тутъ же насчетъ другихъ прохаживается!...

И онъ, лѣниво разваливаясь на ходу, какъ дѣлалъ это самъ графъ, съ которымъ Чесминъ имѣлъ и этотъ пунктъ сходства, отправился къ нему въ кабинетъ.

— Здравствуй, плешандасъ! тѣмъ же словомъ привѣтствовалъ его изъ самой глубины длинной и довольно темной комнаты голосъ начальства.

Графъ сидѣлъ у своего письменнаго стола, въ большихъ серебряныхъ очкахъ на носу, и перебиралъ бумаги.

— А вамъ очень нужно, затворяя за собою дверь и дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ, отгрызся Чесминъ,—очень нужно обращать меня въ смѣшки предъ каждымъ встрѣчнымъ?

— Не сердись, майоръ! запѣлъ со смѣхомъ графъ, не оборачиваясь къ нему и продолжая искать въ своихъ бумагахъ.

— И откуда вы этакого слона добыли? Насилу къ вамъ въ двери влѣзъ!

— Слонъ, а распорядительный! Я такихъ люблю!... И на театрѣ пресмѣшно играетъ!...

— На чтò я вамъ нуженъ? спросилъ Чесминъ за наставшимъ послѣ этихъ словъ молчаніемъ.

— Хотѣлъ спросить: у чьихъ ногъ лежишь теперь? (это была стереотипная шутка, которою старецъ допекалъ влюбчиваго майора чуть не каждый день).

— Только за этимъ и звали! фыркнулъ тотъ.

— За этимъ! продолжалъ смѣяться графъ. — Тамъ есть одинъ молодой человѣкъ?

— Есть... Гундуровъ?

— Да, Гундуровъ... Отца зналъ! Въ Клястицкомъ гусарскомъ полку служилъ. Какъ ты, майоръ былъ, веселая голова!...

— Ну, а его, сына-то, вы зачѣмъ теперь къ себѣ вызвали?

— Мое дѣло, а не твое! запѣлъ опять „московскій воевода".—Зови его сюда!

Чесминъ повернулся и вышелъ.

Нашему герою было не по себѣ: и усталость, и чувство человѣческаго достоинства оскорбленнаго безцеремонностью вызова его и „доставленія" сюда, и перспектива объясняться съ этимъ московскимъ „пашой" въ качествѣ актера, какъ предсказывалъ ему Чесминъ,—все это мутило его и раздражало... Съ угрюмымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица вошелъ онъ въ кабинетъ графа.

— Дверь за собой заприте! едва успѣвъ переступить порогъ его, услыхалъ онъ голосъ хозяина.

Сергѣй сдѣлалъ шагъ назадъ, потянулъ незатворенную имъ при входѣ дверь...

— Подойдите, продолжалъ голосъ.

Онъ подошелъ къ самому столу.

Графъ засыпалъ пескомъ только-что подписанную имъ бумагу, излишекъ песку ссыпалъ обратно въ песочницу, снялъ очки, вложилъ ихъ аккуратно въ футляръ и только теперь, взглянувъ на молодаго человѣка, указалъ ему кивкомъ на стоявшій противъ него у стола стулъ:

— Садитесь!

Гундуровъ молча опустился на него.

— Ну, что же вы теперь дѣлаете? началъ „паша", помолчавъ и уставившись на него.

„Какъ же я это ему объясню?" сказалъ себѣ нѣсколько озадаченный этимъ вопросомъ Сергѣй.

— Я жилъ теперь у себя въ деревнѣ.... отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Хозяйствомъ занимаетесь?

„На что̀ это все ему?“ продолжалъ думать молодой человѣкъ.

— Нѣтъ... я въ хозяйствѣ мало смыслю. У меня... тетушка, воспитавшая меня... и которая продолжаетъ управлять моимъ имѣніемъ.

— Какъ зовутъ?

— Меня... или тетушку? нѣсколько оторопѣло спросилъ Сергѣй.

— Вашу тетушку!

— Софья Ивановна Переверзина.

— Переверзина! Мужъ служилъ по интендантской части? Генералъ-майоръ? Онуфрій Петровичъ звали?

— Да-съ.

— Знаю! И ладони графа поднялись вверхъ:—добрый человѣкъ былъ, только слабый! Мошенники окрутили, подъ судъ попалъ. Хорошо, что умеръ, въ солдаты бы разжаловали!

„Къ чему это все, къ чему?“ спрашивалъ себя, ничего не понимая, Гундуровъ.

— Зачѣмъ не служите? услышалъ онъ новый ex abrupto вопросъ.

— Я готовилъ себя къ ученой карьерѣ, отвѣчалъ онъ,— имѣлъ въ виду занять каѳедру въ здѣшнемъ университетѣ и для этой цѣли думалъ съѣздить въ славянскія земли...

— Не пустили, знаю! прервалъ его голосъ,—все знаю! Сами виноваты! Зачѣмъ ѣздили въ Петербургъ? Должны были явиться ко мнѣ, какъ главному здѣшнему начальнику! Я бы отпустилъ.

— Я... очень жалѣю... въ такомъ случаѣ, пробормоталъ Сергѣй.

— Жалѣть поздно! А тамъ неосторожно себя вели, кричали, обратили на себя вниманіе!

— Я не кричалъ, сказалъ Гундуровъ,—а удивлялся и старался узнать тѣ поводы, которыми я могъ бы себѣ самому объяснить этотъ отказъ мнѣ въ паспортѣ за границу, когда

цѣль моей поѣздки была прямо и ясно прописана въ моемъ прошеніи...

— Нечего было удивляться и прописывать нечего было! прервалъ его опять голосъ,—сами виноваты!... И до сихъ поръ не унялись, всякій вздоръ мелете!...

Герой нашъ вспыхнулъ весь и отъ рѣзкости выраженія, и отъ неожиданности самаго обвиненія.

— Позвольте узнать... ваше сіятельство, неловко какъ-то примолвилъ онъ, вспомнивъ, что надо было хоть разъ употребить этотъ титулъ въ разговорѣ съ „воеводой",—что̀ же я говорилъ такого вздорнаго?

Ладони поднялись.

— Императора Петра Перваго браните! Пьяницѣ мужику, говорите, надо волю дать! О Славянахъ какихъ-то болтаете!

Сергѣя покоробило опять, но, глядя на добродушное лицо сидѣвшаго противъ него старца, онъ не могъ не сознавать внутреннимъ чувствомъ, что въ словахъ его не было никакого обиднаго намѣренія, и что все это очевидно говорилось имъ такъ потому, что онъ иначе говорить не умѣлъ. Гундурову и досадно было, и смѣяться хотѣлось... „Но какъ же объяснить ему цѣлую теорію, цѣлую историческую школу?" думалъ онъ.

— Мы, сказалъ онъ безсознательно, разумѣя именно всю ту „школу", къ которой принадлежалъ онъ (и противъ которой, объяснялъ онъ себѣ, московскій правитель почиталъ почему-то нужнымъ ратовать въ его лицѣ,)—Петра Перваго не бранимъ, а упрекаемъ его въ томъ, что онъ все русское незаслуженно подавилъ, а все иностранное не въ мѣру возвысилъ.

— И иностранцы есть хорошіе и полезные слуги! пропѣлъ графъ;—князь Барклай-де-Толли Нѣмецъ былъ, и его дураки у насъ измѣнникомъ считали, и я самъ видѣлъ, что почтенный человѣкъ плакалъ отъ этого! А онъ лучше каждаго Русскаго служилъ государству, и съ нашими войсками въ Парижъ вошелъ!

Сергѣй могъ только смолкнуть на этотъ неожиданный аргументъ...

— И опять вы про мужиковъ, продолжалъ, не останавливаясь, пѣть свой акаѳистъ графъ,—что ихъ надо отпустить на волю. Вы хотите разбойниковъ наплодить, Россію вверхъ дномъ поставить!

— Не разбойниковъ, а вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ Россіи и ея государя чаемъ мы видѣть въ освобожденномъ русскомъ народѣ, отвѣтилъ нѣсколько рѣзко задѣтый за живое Гундуровъ,—и, какъ извѣстно, примолвилъ онъ, приводя доводъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ имѣть наиболѣе вѣса въ глазахъ его собесѣдника,—мысль эта существуетъ у самого правительства, и оно уже два раза пыталось...

— Знаю! перебилъ его графъ, вознося горѣ свои ладони;—и что̀ было бы хорошаго? Одинъ вредъ! Потому распустить легко, а потомъ и остано́вить нельзя.

— Мы полагаемъ напротивъ, графъ...

— Что̀ вы мнѣ говорите „мы“! вскрикнулъ вдругъ тотъ, раздосадованный недостаточною почтительностью тона, съ которымъ объяснялся съ нимъ молодой человѣкъ,—я про васъ говорю, а не про другихъ! Все отъ того, что нечего вамъ дѣлать! Отъ того и болтаете пустяки!... Я получилъ изъ Петербурга... сказать вамъ, чтобъ вы опредѣлились на службу! неожиданно заключилъ онъ.

„Насильно заставляютъ, значитъ!“ воскликнулъ мысленно Гундуровъ, и все лицо его вспыхнуло вновь.

— О васъ уже писано оренбургскому генералъ-губернатору! запѣлъ опять старецъ, не давъ ему времени произнести слова,—вы, я знаю, хорошо учились, можете быть тамъ полезны!

— Въ Оренбургъ! Что̀ же это, ссылка!...

Гундуровъ вскочилъ съ мѣста. Громовой ударъ, павшій у его ногъ, не поразилъ бы его такъ, какъ эта „невозможная“ вѣсть.

— За что̀ же это, графъ? Что̀ я сдѣлалъ?... Вѣдь это насиліе! Я никогда не готовилъ себя къ административной службѣ, я посвятилъ себя ученымъ занятіямъ...

— Можете заниматься и тамъ! возразилъ невозмутимо старецъ;—а вы дворянинъ, должны служить!

— Противъ воли, противъ призванія? Кто имѣетъ право дѣлать это съ неповиннымъ ни въ чемъ человѣкомъ?... Это гибель всѣхъ надеждъ моихъ, всего моего будущаго!...

Ладони вознеслись еще разъ.

— Не правда! Будущее все отъ васъ зависитъ! Василій Алексѣичъ *) умный человѣкъ, любитъ образованныхъ! Можете у него карьеру сдѣлать!

— Но я не хочу карьеры, я ѣхать не согласенъ! вскрикнулъ Гундуровъ, безсильный сдержать негодованіе свое и волненіе.

— О согласіи вашемъ не спрашиваютъ! Я васъ отправлю съ жандармомъ!

Сергѣй глянулъ на него во всѣ глаза, глянулъ на этого „пашу", сидѣвшаго передъ нимъ въ наглухо застегнутомъ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ мясистыми подбородкомъ и щеками, подпертыми высокимъ чернымъ галстукомъ, и все такъ же добродушно выпяченною впередъ нижнею губой, словно смѣявшеюся надъ строгостью, напущенною ея владѣльцемъ на всѣ остальныя черты его широкаго, оголеннаго лица, и понялъ, что протестовать, что возражать было бы безполезно, что цѣлый міръ лежалъ между его понятіями и тѣмъ строемъ воззрѣній, среди которыхъ взросъ, дѣйствовалъ и благодушествовалъ этотъ старецъ, такъ жестоко располагавшій теперь его судьбой, и что, поступая съ нимъ такъ, старецъ этотъ поступалъ безъ малѣйшей злобы, какъ и безо всякой тѣни сомнѣнія въ законности своего права и правильности своего рѣшенія.

„Что̀ же съ этимъ подѣлаешь!" подумалъ несчастный. Онъ стиснулъ зубы и смолкъ.

Графъ остался видимо очень доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ грозою его словъ. Онъ уже почти ласково взглянулъ на молодаго человѣка.

— Вы не должны огорчаться на то, что̀ для вашей же

---

*) Перовскій, тогдашній генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края.

пользы дѣлается! Послу̀жите, вернетесь назадъ,—все будетъ позабыто! Я первый готовъ буду тогда оказать вамъ содѣйствіе!

„Что̀ позабыто, что̀ я сдѣлалъ!“ говорилъ себѣ Сергѣй, все такъ же не понимая, какъ могъ пасть на него этотъ ударъ.

— Гдѣ вы остановились здѣсь? спрашивалъ его между тѣмъ „московскій воевода“.

— Въ собственномъ домѣ, въ Денежномъ переулкѣ.

Графъ взялъ со стола карандашъ и записалъ на бумажкѣ.

— Даю вамъ три дня на сборы. А потомъ отправляйтесь съ Богомъ! пропѣлъ онъ,—о васъ въ Оренбургъ уже писано, я вамъ сказалъ. Я велю полиціи наблюсти, чтобы вы черезъ три дня выѣхали!

Гундуровъ поднялъ глаза.

— Я говорилъ вамъ, графъ, что у меня тетушка; она меня воспитала замѣсто матери... Я не могу не повидаться съ нею; она осталась въ деревнѣ... позвольте мнѣ (какъ странно, обидно зазвучало въ его ушахъ это произнесенное имъ сейчасъ слово „позвольте“) съѣздить къ ней!

— Совсѣмъ не нужно вамъ самимъ! Тетушка ваша можетъ сюда пріѣхать; напишите ей!

— Но на это пройдетъ двое сутокъ, пока она получитъ извѣщеніе, пока пріѣдетъ! Я не успѣю переговорить...

— Въ сутки можно обо всемъ переговорить, пропѣлъ графъ, не допускавшій, чтобы могло найтись какое-либо возраженіе тому, что̀ въ головѣ его было уже разъ рѣшено и подписано.

Гундуровъ хотѣлъ что-то сказать, но старецъ не далъ ему на это времени. Онъ всталъ и поклонился.

— Я вамъ все сказалъ. Прощайте!... Поѣзжайте на Нижній! Тамъ теперь по Волгѣ пароходы внизъ ходятъ! уже совсѣмъ добродушно говорилъ онъ черезъ мигъ, идя къ двери вслѣдъ за уходившимъ героемъ нашимъ.

— Акулинъ! крикнулъ онъ, высовывая лысину свою въ красную гостиную.

Исправникъ, стоявшій тамъ въ ожиданіи у окна, понесся стремглавъ на этотъ зовъ.

— О какихъ это государственныхъ тайнахъ толковали вы съ нимъ такъ долго? прохрипѣлъ Чесминъ, подымаясь съ дивана на встрѣчу Гундурову.

Тотъ остановился, взглянулъ растерянно на вопрошавшаго и проговорилъ, мгновенно блеснувъ глазами:

— Меня ссылаютъ!...

— Куда? И брови майора отъ удивленія приподнялись чуть не поверхъ лба.

— Въ Оренбургъ на службу...

— За что̀!

Гундуровъ руками развелъ.

— Ничего не понялъ!... Про мои славянофильскія мнѣнія говорилъ... про то, что я будто „кричалъ“, когда мнѣ отказали въ Петербургѣ въ заграничномъ паспортѣ... Но послѣ этого отказа я цѣлые полгода прожилъ тамъ, и никто ко мнѣ не придирался, а мнѣнія мои тѣ же самыя, которыя съ дозволенія цензуры печаются въ *Москвитянинѣ* въ *Бесѣдѣ*... Словомъ, придрались, чтобы сдѣлать со мною нѣчто, совершенно не возможное, не слыханное!

— И не то̀ совсѣмъ! промычалъ майоръ, внимательно выслушавъ и глядя на него изподлобья,—онъ у насъ въ этомъ отношеніи либералъ, за такой вздоръ не преслѣдуетъ... Не отсюда это вышло! пояснилъ Чесминъ, кивая на кабинетъ.

— Онъ мнѣ говорилъ, что получилъ что-то изъ Петербурга, вспомнилъ Сергѣй.

— Ну вотъ!... Тамъ и ищите! произнесъ многозначительно „плешандасъ“.

— Но отчего же, разсуждалъ Гундуровъ,—меня тамъ не думали преслѣдовать, а теперь здѣсь...

— А зачѣмъ вы Гамлета такъ хорошо играете! помолчавъ и подымая на него еще разъ глаза, пропустилъ вполголоса тотъ.—А впрочемъ знаете что̀, примолвилъ онъ, подумавъ,—разсчетъ плохой: долго васъ тамъ держать нельзя, а вернетесь вы—герой!

— А пока—изгнанникъ! выговорилъ съ неудержимою горечью Сергѣй.

— Счастливецъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь... Повѣрьте, я понимаю! отвѣтилъ Чесминъ съ глубокимъ вздохомъ и, повалившись снова на диванъ, воздѣлъ нѣжно очи свои къ потолку.

„Изгнанникъ“ поглядѣлъ на него съ невольнымъ изумленіемъ, но, охваченный вновь сознаніемъ „павшаго на него удара“, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, забывъ и проститься съ чувствительнымъ и милѣйшимъ майоромъ.

XXXIV.

Будетъ буря,—мы поспоримъ.
И помужествуемъ съ ней.
Языковъ.

Nunc animis opus, nuns pectore firmo.
Virg.

Ашанинъ, пріѣхавшій съ Гундуровымъ въ домъ московскаго правителя и ожидавшій въ швейцарской окончанія его „объясненія“, выскочилъ оттуда въ сѣни, увидавъ быстро проходившаго по нимъ ко крыльцу пріятеля.

— Ну, что? съ жаднымъ любопытствомъ спросилъ онъ... И самъ весь перемѣнился въ лицѣ, взглядѣвшись въ лицо его...

— Потомъ, потомъ! глухо только проговорилъ тотъ,—поѣдемъ скорѣе!

Они садились на извощика, какъ изъ дверей дома выбѣжалъ, весь запыхавшись, толстый Елпидифоръ и кинулся къ нимъ.

— Позвольте узнать, Сергѣй Михайлычъ, куда вы намѣреваетесь ѣхать въ настоящую минуту?

— А вамъ это очень любопытно? иронически вскрикнулъ въ отвѣтъ Ашанинъ.

— Я не изъ любопытства, а по долгу-съ, позвольте вамъ замѣтить! отрѣзалъ ему на это въ свою очередь Акулинъ.

— Я къ себѣ домой, сказалъ, насколько могъ хладнокровнѣе, Гундуровъ,—а гдѣ, это вы знаете, такъ какъ доѣзжали туда сегодня утромъ вслѣдъ за нами. Трогай, любезный! молвилъ онъ извощику.

Онъ молчалъ во все время пути. Молчалъ и его пріятель, какъ ни ныли въ немъ безпокойство и любопытство; онъ понималъ, что вышло что-то очень серьезное, о чемъ не объясняться же тутъ, за спиной извощика.

Они пріѣхали, вошли въ гостиную. Гундуровъ какъ бы безсильно опустился въ большое кресло у окна и оставался такъ съ минуту недвижимъ, но поднялъ затѣмъ вдругъ голову и, сказавъ: „а теперь слушай!“ передалъ все Ашанину.

Тотъ слушалъ, попеременно то блѣднѣя, то краснѣя, сверкая своими большими черными глазами и прерывая разсказъ восклицаніями глубокаго негодованія, вырывавшимися у него противъ воли изъ горла:

— Вѣдь это чортъ знаетъ что̀ такое, вѣдь этому повѣрить нельзя! Нашъ старецъ совсѣмъ съ ума спятилъ!

Гундуровъ закончилъ разговоромъ своимъ съ Чесминымъ.

— Ну вотъ! Это такъ! вскликнулъ тутъ же красавецъ,— это изъ Петербурга идетъ, несомнѣнно! А паша нашъ только... Послушай, Сережа, перебилъ онъ себя,—вѣдь это отпарировать можно, передѣлать! Надъ нимъ барыни его всевластны; я сейчасъ поскачу къ нимъ въ Покровское, подыму ихъ, возмущу, разскажу, какой ты актеръ превосходный, а тебя ссылать хотятъ... Какъ подымутся онѣ на него ополченіемъ...

— Нѣтъ, голубчикъ, остановилъ его Сергѣй, — къ барынямъ его ѣхать я тебя не уполномочиваю, а коли ты не усталъ, поѣзжай, не теряя времени, въ Сашино извѣстить обо всемъ и привезти сюда тетушку. Самому мнѣ туда ѣхать, какъ видишь, не позволяютъ... а черезъ три дня мнѣ надо выѣхать... въ Оренбургъ...

— Да, да, ты правъ, Софью Ивановну прежде всего надо! Я сейчасъ въ путь!... Сережа, а княжна!... вырвалось у Ашанина.

Гундуровъ безъ словъ закрылъ себѣ лицо руками...

— Ахъ ты мой бѣдный, бѣдный! воскликнулъ Ашанинъ съ полными слезъ глазами. — Да это не можетъ быть, я не вѣрю, все это устроится! прервалъ онъ себя еще разъ. — Вѣдь вотъ, какъ нарочно, князя Ларіона нѣтъ! Онъ бы ужь конечно нашелъ средство помѣшать этому. Отсутствіемъ его

видимо и воспользовались... Но теперь некогда объ этомъ говорить... И онъ выбѣжалъ въ переднюю.

Черезъ часъ времени онъ скакалъ въ коляскѣ Гундурова по Московско-Курскому шоссе, давая по рублю на водку ямщикамъ, которые и мчали его „по-курьерски“ въ волнахъ удушающей пыли палящаго лѣтняго дня.

Онъ въ осьмомъ часу вечера былъ уже въ Сашинѣ.

— Вы одни! Что̀ случилось? было первымъ словомъ Софьи Ивановны, вышедшей на крыльцо при первомъ донесшемся до нея звукѣ его колокольчика.

— Пойдемте къ вамъ, я вамъ все разскажу, отвѣтилъ онъ.

Она увела его къ себѣ въ комнату, заперла дверь и спокойно промолвила, сдерживая нервную дрожь, которая всю пронимала ее:

— Говорите! Что̀ съ Сережей?

— Нѣчто, противъ чего надо скорѣе дѣйствовать...

Она выслушала его разсказъ все такъ же спокойно, вперивъ въ него неподвижно глаза и ни единымъ мускуломъ лица своего не изобличая того, что̀ происходило въ душѣ ея. Особенность характера Софьи Ивановны сказывалась здѣсь еще разъ: она волновалась, пока неслышная еще гроза только чуялась ею въ воздухѣ, — „но громъ ударилъ“, и она снова обрѣтала всю свою твердость, всю силу духа для борьбы съ „несчастіемъ“...

— Какъ онъ это принялъ? спросила она, когда Ашанинъ кончилъ.

— Онъ бодръ... пока... Раненые, говорятъ, въ первую минуту никогда не чувствуютъ всей боли своей раны, примолвилъ печально пріятель Гундурова.

— Не даромъ говорило мнѣ предчувствіе, проговорила тихо Софья Ивановна,—какъ только пріѣхалъ этотъ исправникъ... Вы казались мнѣ тогда правы, объясняя это просто и въ добромъ смыслѣ, и я все время старалась себя успокоить... Но я тогда же говорила, я знала,—у насъ все возможно... Ссылка Сережи — это басня Волка и Ягненка. Привязались теперь къ тому, что̀ онъ въ Петербургѣ, послѣ отказа ему въ пас-

портѣ, могъ сказать неосторожнаго... рѣзкаго, пожалуй; онъ горячъ, не спорю, но принимать противъ него такія мѣры...

Она встала вдругъ съ кресла.

— Но все это пустыя слова! Надо ѣхать!

— Я предложилъ Сережѣ... началъ и не кончилъ Ашанинъ.

— Что̀ предлагали?

Онъ передалъ о намѣреніи своемъ ѣхать въ подмосковную графа, „ополчить“ на него его „барынь“ и добиться чрезъ нихъ отмѣны его распоряженія относительно Гундурова.

Софья Ивановна вся покраснѣла даже.

— Сережа не согласился, надѣюсь?

— Нѣтъ!

— И вамъ, конечно, сказала она, — могла притти эта мысль лишь сгоряча, въ первую минуту, въ добромъ желаніи помочь Сережѣ... Но не этими путями, Владиміръ Петровичъ, не этими! Сергѣй виноватъ, или не виноватъ. Въ первомъ случаѣ—пусть несетъ онъ наказаніе, во второмъ—съ нимъ поступать такъ нельзя! Ему не протекція, а оправданіе нужно!... Я его воспитала, знаю съ пеленъ,—онъ не рабъ, но и не революціонеръ; онъ вѣрноподданный своего Государя и сынъ родины своей!... Не въ *его* подмосковную, а въ Петербургъ надо ѣхать... И я поѣду; меня тамъ еще помнятъ, я найду доступъ... если бы нужно было, я кинусь къ ногамъ самого Государя!...

Ашанинъ схватилъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Вы всегда и тысячу разъ правы, милая генеральша! Само собою, что этотъ путь безо всякаго сравненія достойнѣе и васъ, и Сережи... Но это потребуетъ времени; вы, надѣюсь, выхлопочете, что его вернутъ оттуда, а ѣхать ему туда все-таки надо. У меня же, дѣйствительно, въ первую минуту одна только мысль была: добиться, чтобы нашъ старецъ тутъ-же отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобы Сережа не уѣзжалъ вовсе... Потому что ссылка его произведетъ потрясающее дѣйствіе на княжну, на Елену Михайловну... А я, признаюсь вамъ, столько же о ней, сколько о немъ думалъ въ ту минуту!

Софья Ивановна, въ свою очередь, схватила руку молодаго человѣка.

— А я теперь болѣе еще о ней думаю, чѣмъ о немъ!... Если бы не она, я бы также негодовала на поступокъ съ Сергѣемъ, но помирилась бы легко съ самимъ фактомъ отъѣзда его на службу въ Оренбургъ. Разъ каѳедра для него вещь невозможная въ настоящее время, пусть онъ ужь лучше постарается принести посильную помощь тамъ, на окраинѣ Россіи, гдѣ образованные люди нужны, и гдѣ онъ самъ можетъ многому научиться среди живой и новой дѣятельности... Но она, милая моя, дорогая, для нея этотъ отъѣздъ его — гибель! Она изноетъ, исчахнетъ по немъ, мучась еще притомъ мыслью, что онъ страдаетъ изъ-за нея, потому, что ей... точно также, какъ мнѣ, невольно должна притти въ голову мысль, что ссылка Сережи — дѣло людей, имѣющихъ интересъ удалить его отъ нея многими тысячами верстъ...

— И она будетъ права такъ же, какъ и вы! воскликнулъ Ашанинъ: — Чесминъ, котораго вы знаете, прямо говорилъ Сережѣ, что все это затѣяно не въ кабинетѣ графа, а въ Петербургѣ!

Софья Ивановна помолчала.

— Гадко объ этомъ думать, сказала она затѣмъ съ брезгливымъ движеніемъ губъ,—да и не для чего пока!... Теперь надо прежде всего написать Еленѣ Михайловнѣ, предварить ее и успокоить, а затѣмъ спѣшить въ Москву... и далѣе. Пошлите мнѣ мою горничную Машу, Владиміръ Петровичъ!...

Ашанинъ вышелъ исполнить порученіе. Въ гостиной онъ наткнулся на „фанатика“, который, со скрещенными на груди руками и страшно взъерошивъ ворохъ волосъ своихъ на головѣ, прохаживался по комнатѣ съ совершенно растерзанною физіономіей. Увидавъ пріятеля, онъ остановился на-ходу, обернулся и пропустилъ, какъ изъ подземелья:

— Ну что̀, по-моему вышло?

— Что̀ это „по-твоему“?

— Сережу-то въ узилище ввергли?

Ашанинъ, невольно засмѣявшись этому библейскому вы-

раженію, прошелъ мимо него, не отвѣчая, отыскалъ горничную Софьи Ивановны и, отправивъ ее къ барынѣ, вернулся въ гостиную, по которой Вальковскій продолжалъ расхаживать со своимъ растерзаннымъ видомъ провинціальнаго трагика.

— Пойдемъ-ка въ садъ, сказалъ онъ ему,—коли хочешь узнать обо всемъ.

Они усѣлись тамъ на скамьѣ.

„Фанатикъ“ слушалъ, и все мрачнѣе становилась его физіономія. Его недавнія розовыя мечты разлетались, какъ дымъ, уносились, какъ „тѣнь, бѣгущая отъ дыма“. Гундуровъ, этотъ пріятель, котораго онъ и любилъ по-своему, и на блестящую женитьбу котораго онъ такъ разсчитывалъ для устройства будущихъ „театриковъ“ и своимъ собственныхъ благъ,—этотъ пріятель оказывался теперь опальнымъ лицомъ, ссыльнымъ, не только не имѣющимъ уже болѣе возможности „поддержать товарища при случаѣ“, но и уносящимъ съ собою лучшія упованія Вальковскаго на эти чаявшіеся имъ въ будущемъ театрики, „потому теперь тю-тю“, съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ, „на первыя драматическія роли некого рѣшительно поставить!“

— Оренбургъ, вѣдь это къ Азіи ближе, а, чортъ ихъ возьми? вопросительно промычалъ онъ, когда договорилъ Ашанинъ.

— Къ Азіи точно! подтвердилъ тотъ съ новою невольною усмѣшкой.

— Это, значитъ, то самое мѣсто, откуда „въ три года ни до какого государства не доѣдешь“, куда „воронъ костей не заноситъ“?...

— Да въ этомъ родѣ...

— Это въ тартарары, значитъ, упрячутъ бѣднягу? продолжалъ живописать Вальковскій.

Красавецъ не отвѣчалъ.

— Ну, а съ княжной-то что же? началъ опять тотъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— А съ княжной, молвилъ Ашанинъ, быстро поднявъ свою опустившуюся было подъ вліяніемъ невеселаго разговора

кудрявую голову,—тò, что ты ей завтра отвезешь письмо отъ Софьи Ивановны.

— Я!... А ты же самъ чтò?

— Я не успѣю; мы съ Софьей Ивановной сейчасъ въ Москву ѣдемъ.

— А я-то когда же туда уѣду? воскликнулъ Вальковскій.

— Когда исполнишь порученіе въ Сицкомъ... Я пріѣду за тобой сюда опять, какъ только съ Сережей простимся. Мнѣ необходимо повидать княжну, узнать, какъ это все будетъ ею принято, какъ она рѣшитъ... Но я могу пріѣхать никакъ не раньше, какъ черезъ три дня, а ее надо извѣстить по возможности скорѣе, чтобъ объ отъѣздѣ Гундурова не дошло ранѣе изъ Москвы въ Сицкое въ такомъ видѣ, что она страшно перепугаться можетъ. Ты поэтому долженъ непремѣнно ѣхать туда завтра утромъ.

— Да, вѣдь, у тебя же, ты говорилъ, „почта“ устроена...

— Есть, только вѣрнѣе будетъ, если ты лично передашь письмо княжнѣ, и притомъ для меня важно тò, что, когда я пріѣду сюда, я буду имѣть возможность узнать сейчасъ черезъ тебя, какое впечатлѣніе произвела на нее эта вѣсть и чтò затѣмъ слѣдовало... Но слушай, Ваня, добавилъ Ашанинъ:—ты долженъ вести себя тамъ крайне умно. Во-первыхъ, какъ пріѣдешь, не спрашивай сразу о княжнѣ, а вели о себѣ доложить княгинѣ. Она тебя, по всей вѣроятности, приметъ, но долго не продержитъ,—разговоровъ у тебя для нея интересныхъ нѣту: она тебя, надо полагать, сама скоро отошлетъ къ дочери, а нѣтъ, такъ ты ее спроси, можно-ли тебѣ засвидѣтельствовать почтеніе княжнѣ, простись и уходи. Если-бъ она тебя спросила: откуда вы къ намъ пріѣхали? ты отвѣчай, какъ я ей всегда отвѣчалъ на это: живу-молъ въ окрестностяхъ, у знакомыхъ. Понялъ?

— Да ужь не расписывай, самъ знаю, какъ говорить! промычалъ „фанатикъ“ недовольнымъ тономъ.

Ашанинъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ продолжать:

— Когда же ты будешь съ княжной наединѣ, сдѣлай ты мнѣ милость, никакихъ твоихъ собственныхъ заключеній о происшедшемъ ей не передавай и перепуганныхъ твоихъ

рожъ передъ нею не строй, а просто-напросто вытащи письмо изъ кармана и отдай ей, сказавъ, что велѣно передать, и ни полслова болѣе! Если же она тебя начнетъ спрашивать о какихъ-нибудь подробностяхъ, говори, что я буду въ Сицкомъ черезъ два дня и все объясню ей лично, а что ты ничего не знаешь, кромѣ того, что Софья Ивановна и я уѣхали въ Москву, и что оба мы нисколько не теряемъ духа и надѣемся на добрый конецъ...

— Ну, извѣстно, что̀ же мнѣ больше-то говорить ей, пробурчалъ еще разъ Вальковскій, одобрительно качнувъ головой.

— Еще вотъ, послѣднее, — надо все предвидѣть! Въ случаѣ, если бы какъ-нибудь ты не добился увидаться съ княжной наединѣ и не могъ ей такимъ образомъ передать письма, надо тебѣ будетъ прибѣгнуть къ содѣйствію моей „почты“... Живя въ Сицкомъ, молвилъ красавецъ, чуточку помолчавъ,—ты вѣрно видалъ и знаешь съ лица старшую горничную княгини Аглаи Константиновны!

— Лукерьюшку... Лукерью Ильинишну, поправился „фанатикъ“, и угреватое лицо его осклабилось широкою и самодовольною улыбкой,—знаю!

— А-а! протянулъ Ашанинъ, пристально глядя ему въ глаза, и покатился со смѣху.—Ваня, ты удивительно хорошъ бываешь, когда заходитъ рѣчь о твоихъ побѣдахъ! Точно самооблизывающійся кабанъ какой-то!... Такъ ты „Лукерьюшку“ знаешь!... Гдѣ же позналъ ты ее, Ловеласъ ты этакой непроходимый? Въ гротѣ надъ рѣкой, что̀-ли?

— Нѣтъ, въ театрикъ она ко мнѣ хаживала, вечеркомъ, на сцену, когда я тамъ устраивалъ, отвѣчалъ Вальковскій, нофыркивая отъ пріятнаго воспоминанія.

— Вишни ѣсть съ дружкомъ?

— Гдѣ же! вишни тогда еще не поспѣли! Малину носила она мнѣ... Очень я эту ягоду люблю!... пресерьезно объяснилъ „фанатикъ“.

Ашанинъ долго не могъ притти въ себя отъ пронявшаго его новаго хохота.

— Ну, такъ вотъ, сказалъ наконецъ онъ, — постарайся,

если бы не удалось тебѣ лично передать княжнѣ письмо, пригласить опять „Лукерьюшку“ на малину въ укромное мѣстечко и передай его ей отъ меня,—она доставитъ...

— Владиміръ Петровичъ! раздался съ балкона голосъ Софьи Ивановны.

Онъ поспѣшилъ къ ней.

Она увела его опять въ свою комнату.

— Вотъ что̀ я пишу княжнѣ, сказала она:—какъ вы находите? „Вслѣдствіе недоразумѣнія, которое, я надѣюсь, скоро разъяснятся, племянникъ мой обязанъ уѣхать изъ Москвы на нѣкоторое время. Я сама уѣзжаю изъ деревни въ Москву и вѣроятно въ Петербургъ. Полагаю вернуться дней черезъ десять и тогда напишу вамъ подробно, дорогая моя Елена Михайловна. Не повѣрите, какъ хотѣлось бы увидать самое васъ, обнять и обо многомъ, многомъ переговорить. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни повернули обстоятельства, я молюсь о васъ ежедневно и нахожу душевное успокоеніе въ томъ, что если Отецъ нашъ небесный посылаетъ намъ испытанія, то Онъ же во благости своей даетъ намъ и силу переносить ихъ и часто уготовляетъ намъ неожиданный и счастливый послѣдствіями своими исходъ изъ такихъ даже обстоятельствъ, которыя по слѣпотѣ нашей принимаются нами за конечную гибель. Знаю, что и вы также чувствуете и вѣрите. Потерпимъ же, милая княжна, храня себя паче всего отъ унынія и ропота и надѣясь на Него, всевѣчнаго Покровителя, Утѣшителя и Устроителя нашего. Прижимаю васъ мысленно къ сердцу и остаюсь до могилы горячо васъ любящая С. Переверзина“.

— Прекрасно, милая генеральша! сказалъ прочтя Ашанинъ, — только прибавьте къ этому, что я черезъ три дня буду въ Сицкомъ и сообщу ей устно все, что̀ вы не почитаете нужнымъ или возможнымъ передать ей въ настоящую минуту письменно.

— Это хорошая мысль, спасибо вамъ, Владиміръ Петровичъ!

Софья Ивановна приписала, запечатала письмо и протянула ему.

— Какъ вы его отправите, какъ въ первый разъ?

— Нѣтъ, его отвезетъ завтра Вальковскій и вручитъ самой княжнѣ.

Она чуть-чуть нахмурилась и закачала головой.

— Боюсь, чтобъ онъ бѣдную Елену Михайловну не напугалъ своимъ похороннымъ выраженіемъ, сказала она, осторожно озираясь: — онъ на меня этимъ съ утра самаго тоску нагналъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ, усмѣхнувшись, Ашанинъ,—ему на этотъ счетъ даны мною строжайшія инструкціи: просто отдать ей письмо въ руки и при этомъ никакихъ объясненій и никакихъ рожъ.

Черезъ часъ послѣ этого сборы Софьи Ивановны были кончены, чемоданы ея уложены, и сама она въ дорожныхъ плащѣ и шляпѣ выходила на балконъ, по пути къ садовой калиткѣ, у которой стояла запряженная четверкой коляска.

Она повела кругомъ себя послѣднимъ хозяйскимъ взглядомъ, и глаза ея остановились на пышной бѣлой розѣ въ клумбѣ подъ балкономъ, которая словно млѣла вся и трепетала подъ обливавшимъ ее багрянымъ лучемъ заходившаго солнца.

— Поглядите, сказала Ашанину тетка Гундурова.—Это та самая, которою такъ любовался *онъ* въ ту минуту, когда пріѣхалъ... за нимъ... этотъ исправникъ... Я ее отвезу ему,— ему ужъ не видать въ этомъ году Сашинскихъ розъ...

Она потребовала ножницы, срѣзала цвѣтокъ, осторожно опустила его стебель въ какой-то флаконъ съ водой и, увязавъ кругомъ всего листъ газетной бумаги колпакомъ, отправилась съ *его* розой въ экипажъ въ сопровожденіи Ашанина.

XXXV.

На другой день утромъ они втроемъ съ Гундуровымъ пили чай въ его хорошенькомъ домикѣ, въ Денежномъ переулкѣ, въ Москвѣ.

Сергѣй почти не смыкалъ глазъ въ теченіе предшествовавшей ночи, но бодрился и всячески старался не обнаружить предъ теткой снѣдавшей душу его муки.

Онъ и жаждалъ, и боялся свиданія съ нею, боялся увидать ее испуганною, встревоженною, больною ото „всего этого“, пожалуй.

Онъ ошибся. Софья Ивановна была спокойна, спокойнѣе, чѣмъ онъ, на видъ, говорила ровно, отчетливо, не торопясь... Только глаза ея какъ будто расширились и горѣли не совсѣмъ обычнымъ въ нихъ блескомъ, и рука чаще опускалась въ карманъ за табатеркой, чаще просыпала захваченную изъ нея щепоть табаку, не донося ее до назначенія.

— Что же, спрашивала она, помѣшивая ложечкой сахаръ въ своей чашкѣ,—онъ тебя такъ и отправитъ „съ жандармомъ“, какъ грозилъ тебѣ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Гундуровъ, насильно улыбаясь:—одумался, или уговорили, не знаю, только вчера, часу въ третьемъ, пріѣзжалъ ко мнѣ отъ него добрякъ этотъ Чесминъ сказать, что если я готовъ дать честное слово выѣхать въ положенный срокъ, а до того времени, замѣтьте, не ѣздить мнѣ къ себѣ въ деревню, то онъ мнѣ дозволитъ отправиться одному, безъ казеннаго провожатаго.

— И ты далъ слово?

— Далъ.

— Хорошо сдѣлалъ!...

— Чесминъ сказалъ мнѣ даже, продолжалъ Сергѣй,—что я могу „не торопиться пріѣздомъ къ мѣсту назначенія“, какъ выражался онъ, смѣясь... И при этомъ передалъ мнѣ странную фразу, примолвилъ, замолкнувъ предъ тѣмъ на мигъ, молодой человѣкъ.

— Какую? Софья Ивановна живо отвела глаза свои отъ чашки и устремила ихъ на племянника.

— „Скажи ему“, приказалъ онъ Чесмину сообщить мнѣ, „что попутешествовать по Россіи будетъ ему полезно“.

— То-есть, то самое, что̀ говорилъ тебѣ тогда въ первое наше время въ Сицкомъ князь Ларіонъ Васильевичъ! воскликнулъ Ашанинъ.

— Да... Оттого это и поразило меня, молвилъ раздумчиво, какъ бы про себя, его пріятель.

Всѣ какъ-то разомъ замолчали.

„Неужели это его штуки?“ сказалось мысленно Софьѣ Ивановнѣ, но она тутъ-же отогнала эту „нехорошую“ мысль и громко отвѣтила на нее себѣ самой:

— Не можетъ быть!...

— Что̀ „не можетъ быть“? повторилъ съ удивленіемъ Сергѣй.

Она слегка покраснѣла.

— Нѣтъ, я думала.... Развѣ князь Ларіонъ видѣлся съ нимъ проѣздомъ въ Петербургъ? поспѣшила она спросить тутъ-же.

— Нѣтъ; я нарочно узнавалъ у Чесмина: онъ говоритъ, что они не видѣлись, что графъ былъ у себя въ подмосковной, когда проѣхалъ князь черезъ Москву, а въ подмосковную онъ къ нему не заѣзжалъ. Чесминъ это навѣрное знаетъ, потому что самъ тамъ былъ въ это время.

— Онъ долженъ вернуться на дняхъ, мнѣ надо застать его въ Петербургѣ, не разъѣхаться съ нимъ, проговорила вдругъ Софья Ивановна, вся выпрямляясь въ своемъ креслѣ:— я сегодня же уѣду!

— Сегодня, тетя? невольно вырвалось у Гундурова.

— Да, молвила она рѣшительнымъ тономъ.—Лишнія сутки намъ утѣшенія не принесутъ; только пуще размаешься, а время дорого!... Я уѣду сегодня, а ты отправляйся завтра же, совѣтую, не ожидая даннаго тебѣ срока... Разлука наша долго не продолжится: я добьюсь, чтобы тебя вернули, добьюсь справедливости!... Если-жь нѣтъ, какъ продамъ хлѣбъ, пріѣду къ тебѣ осенью въ Оренбургъ. А пока, благо соизволили разрѣшить тебѣ „не спѣшить", остановись по пути во Владимірѣ у родныхъ нашихъ Паншиныхъ и жди отъ меня письма изъ Петербурга. А какъ осмотрюсь тамъ, повидаюсь съ кѣмъ нужно, сейчасъ же напишу тебѣ.

На этомъ было порѣшено. Изъ сарая выкатили на дворъ старый, объемистый дормезъ Софьи Ивановны, сохранившійся у нея еще отъ временъ мужа и оказавшійся прочнымъ и годнымъ для проѣзда въ Петербургъ и обратно. Племянника она отправила съ Ашанинымъ за подорожной, а сама принялась съ горничной перекладывать въ важи дормеза привезенныя въ чемоданахъ изъ Сашина бѣлье и платья. Ей, видимо, хотѣлось отвлечь себя этою внѣшнею возней отъ глодавшихъ ее внутренно тяжелыхъ и возмущенныхъ мыслей,— ей хотѣлось скорѣе уѣхать, скорѣе вступиться за нарушенныя права безвиннаго племянника, а до тѣхъ поръ ей было невыносимо больно видѣть его, оставаться съ нимъ, потому что она за себя не ручалась, потому что „не выдержу какъ-нибудь", говорила она себѣ „разольюсь слезами, доведу его до отчаянія, Боже сохрани!"...

Покончивъ со своими дорожными сборами, она перешла въ кабинетъ Сергѣя, пересмотрѣла весь его гардеробъ, составила съ помощью Ѳедосея реестръ вещамъ, предназначавшимся ему въ дорогу, передала старику, постоянному приходорасходчику своего молодаго барина, деньги, привезенныя ею на этотъ предметъ, и, не чувствуя наконецъ ногъ подъ собою отъ усталости, присѣла на минуту на диванъ и тутъ же мгновенно заснула послѣ сорока восьми часовъ мучительной безсонницы.

Отдыхъ этотъ—ее разбудилъ часамъ къ четыремъ звонъ колокольчика вернувшихся молодыхъ людей,—подкрѣпивъ ее

тѣлесно, придалъ новую бодрость ея духу. Лошади, по ея инструкціи Ашанину, были заказаны въ шесть часовъ, и въ ожиданіи ихъ сѣли за обѣдъ, принесенный изъ какого-то ближайшаго трактира и оказавшійся очень плохимъ. Но никому и такъ ѣсть не хотѣлось, и Софья Ивановна была очень рада случаю взвалить вину за это насчетъ „поварихи, изъ-за красотъ которой", увѣряла она, „по всей вѣроятности Владиміръ Петровичъ Ашанинъ счелъ нужнымъ заказать ей, а не въ порядочномъ ресторанѣ, эти невозможныя брашна". Она все время старалась поддерживать этотъ шутливый тонъ, далеко не обычный ей, и отклонять всякіе зачатки разговора о томъ, что̀ единственно стояло теперь въ головѣ у нея и сердцѣ... На Сергѣѣ она старалась вовсе не останавливать взгляда, боясь прочесть въ его глазахъ то, что̀ нестерпимо ныло на днѣ ея собственной души. Тѣмъ прилежнѣе занималась она его пріятелемъ и приставала къ нему. Прозорливый Ашанинъ угадывалъ до тонкости двигавшія ее побужденія и помогалъ ей, вызывая все новыя шутки съ ея стороны всякими подходящими разсказами, признаніями и намеками... Гундуровъ, въ свою очередь, чтобъ не отстать отъ нихъ, наладилъ себя на притворное оживленіе. Этотъ прощальный обѣдъ близкихъ другъ къ другу лицъ, разлучавшихся Богъвѣсть на какое время, прошелъ почти весело.

Въ условленный часъ пришли лошади. Почтовая шестерка подкатила старый дормезъ подъ крыльцо дома. Софья Ивановна поспѣшила облечься въ дорожный плащъ свой и шляпу, затѣмъ сѣла. За нею сѣли остальные: Гундуровъ, Ашанинъ, горничная Маша, старикъ Ѳедосей. Посидѣли, молча и сосредоточенно, минуты съ три, встали, обернулись къ иконѣ въ углу, набожно крестясь и склоняя голову.

— Ну, прощай, Сережа! прервала всеобщее молчаніе Софья Ивановна, простирая руки къ нему.

Онъ кинулся къ ней.

— Мы васъ проводимъ до Тріумфальныхъ воротъ, сказалъ Ашанинъ.

— А и то! молвила она на это, прикасаясь вскользь гу-

бами ко лбу племянника, и торопливымъ шагомъ направилась къ сѣнямъ.

— Не сѣсть-ли мнѣ съ вами, тетя, до заставы, а Маша доѣхала бы съ Ашанинымъ? спросилъ Гундуровъ.

— Нѣтъ, что̀ тамъ опять пересаживаться! Поѣзжай съ Владиміромъ Петровичемъ! поспѣшила отвѣтить она, занося ногу на первую ступеньку своего безконечно высокаго экипажа.

Она избѣгала оставаться съ нимъ глазъ на глазъ, она попрежнему отводила взглядъ свой отъ него.

Только у Тріумфальныхъ воротъ, когда онъ, въ свою очередь, полѣзъ къ ней прощаться по безконечнымъ ступенькамъ стараго дормеза, она охватила его шею рукой, припала головой къ его плечу—и такъ и замерла...

Она отпустила его всего облитаго ея слезами и, наклоняясь къ нему въ открытыя дверцы, трижды перекрестила его сверху, шепча:

— Надѣйся на Бога и не унывай, а думай о насъ съ нею!

Это было первое и единственное слово, относившееся ко княжнѣ, произнесенное ею съ минуты пріѣзда ея изъ Сашина.

XXXVI.

Mais elle était du monde où les plus belles choses
Ont le pire destin...

Malherbe.

Вальковскій, оставшись одинъ въ Сашинѣ на положеніи хозяина, заказалъ себѣ прежде всего въ тотъ же вечеръ ужинъ съ поросенкомъ и варениками, которые онъ, вѣрный своему хохлацкому происхожденію, предпочиталъ всѣмъ тончайшимъ яствамъ на свѣтѣ, наѣлся по горло, залегъ спать и проснулся на слѣдующій день чуть-свѣтъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Совершивъ свои омовенія, онъ вздѣлъ на плечи оставленный Гундуровымъ старый бухарскій халатъ и въ этомъ костюмѣ, въ туфляхъ, обутыхъ на босую ногу, вышелъ во дворъ, къ не малому скандалу попавшейся ему на встрѣчу старой экономки Софьи Ивановны, привыкшей къ чинности домашняго обихода своихъ господъ, и которой онъ весьма величественно отдалъ приказаніе принести ему крынку молока.

— На то, батюшка, есть среди мужскаго пола, кому приносить вамъ... въ этомъ видѣ, а меня ужь, старуху, увольте! фыркнула она ему въ отвѣтъ, съ цѣломудреннымъ негодованіемъ отворачивая взоръ отъ зрѣлища нижняго бѣлья, откровенно выступавшаго наружу изъ-подъ развѣвавшихся полъ его халата, и поспѣшно отходя отъ него.

Вальковскій все также величественно запахнулъ халатъ и прошелъ въ конюшню, которую нашелъ запертою, а оттуда въ кучерскую избу, гдѣ засталъ всѣхъ спящими, за что,

разбудивъ виновныхъ, прочелъ имъ строгую нотацію и повелѣлъ, чтобы къ девяти часамъ „была у него готова, смотри! четверка караковыхъ подъ новую коляску, ѣхать въ Сицкое“.

Вернувшись затѣмъ въ комнаты, „фанатикъ“, чтобъ убить какъ-нибудь время до отъѣзда, закусилъ остатками вчерашняго поросенка, запилъ его огромнымъ кувшиномъ молока и перечелъ цѣлыя двѣ драмы изъ коллекціи театральныхъ піесъ, которую неизмѣнно возилъ съ собою въ чемоданѣ, куда бы онъ съ нимъ ни отправлялся.

Въ девять часовъ невступно сѣлъ онъ въ щегольскую „выѣздную“ коляску Гундурова, развалился въ углу ея и, сказавъ себѣ мысленно: „а славно, чортъ его возьми, пропріетеромъ быть, въ собственномъ экипажѣ разъѣзжать!“ велѣлъ „катить къ Шастуновымъ“. Онъ разсчитывалъ попасть туда прямо къ часу перваго завтрака.

Но застоявшаяся въ конюшнѣ за послѣднее время добрая молодая четверка караковыхъ помчала его такъ рѣзво по гладко наѣзженной лѣтней дорогѣ, что большіе часы, высившіеся подъ угломъ фронтона Сицковскаго дома, только-что отзвонили половину десятаго, когда Вальковскій подъѣзжалъ подъ ворота.

По случаю отъѣзда князя Ларіона, офиціальный breakfast въ столовой былъ вовсе отмѣненъ распоряженіемъ Аглаи Константиновны: его замѣнилъ русскій, попросту, „чай“, сервировавшійся въ ситцевомъ кабинетѣ ея внутреннихъ аппартаментовъ, и на который сходились утромъ, въ десятомъ часу, дѣти княгини и неизбѣжный другъ, наперсникъ и совѣтникъ ея, Зяблинъ.

Чай этотъ теперь только-что былъ отпитъ; князекъ со своимъ Англичаниномъ уже поднялись и ушли совершать свою обычную гигіеническую прогулку, а Лина собиралась послѣдовать ихъ примѣру, когда вошедшій Финогенъ громко возгласилъ у дверей:

— Иванъ Ильичъ Вальковскій!

— Кто такой? переспросила княгиня, въ числѣ другихъ прирожденныхъ ей духовныхъ даровъ имѣвшая необыкновенную способность перезабывать всѣ имена и фамиліи.

— Monsieur Вальковскій, maman, который устраивалъ у насъ театръ, молвила княжна Лина съ невольнымъ волненіемъ въ голосѣ: она знала по разсказамъ Ашанина, что „фанатикъ“ гостилъ въ Сашинѣ, и объяснила себѣ тотчасъ же его пріѣздъ въ Сицкое тѣмъ, что онъ привезъ къ ней оттуда извѣстія.

— Ah oui! возгласила Аглая Константиновна, глядя на Зяблина,—ce monsieur qui est si mal élevé et si glouton aux repas!... Проси! обернулась она, подумавъ и слегка нахмурясь, къ ожидавшему у дверей камердинеру.

„Фанатикъ“ вошелъ самоувѣренно и развязно („откатавъ“ въ полчаса времени пятнадцать верстъ на „своихъ“ лошадяхъ, въ щегольскомъ экипажѣ, высаживать его изъ котораго кинулось изъ сѣней этого „княжескаго дома“ съ полдюжины слугъ, Вальковскій чувствовалъ себя болѣе чѣмъ когда-нибудь независимымъ пропріетеромъ, которому, что̀ говорится, „чортъ не братъ“).

— Добраго утра, княгиня! сказалъ онъ, кланяясь ей и Линѣ, пожалъ руку Зяблину, и, не ожидая приглашенія хозяйки, которая на его привѣтствіе отвѣчала довольно сухимъ поклономъ, опустился въ стоявшее противъ нея кресло, улыбаясь и оглядывая съ видомъ знатока отянутыя стѣны ея кабинета, въ которой входилъ онъ въ первый разъ въ жизни, такъ какъ въ пору пребыванія его въ Сицкомъ она его въ святилище внутреннихъ своихъ аппартаментовъ не допускала.

— Прекрасный ситецъ у васъ, княгиня! проговорилъ онъ баскомъ и тономъ любезной снисходительности.

Аглая Константиновна съ нѣкоторымъ удивленіемъ повела взглядомъ на Зяблина, потомъ на дочь, какъ бы спрашивая ихъ, „что̀ это за жанръ?“ и проговорила, въ свою очередь, тономъ высокомѣрной насмѣшливости:

— Vous trouvez?

— Чего-съ? спросилъ Вальковскій.

„Il ne comprend pas même le français!“ съ глубокимъ презрѣніемъ сказала себѣ мысленно княгиня. И громко:

— Вамъ нравится мой ситецъ?

— Д-да, произнесъ все также снисходительно онъ, — со вкусомъ выбранъ... Вы гдѣ его покупали?

— Изъ Парижа выписала, коротко и раздувъ ноздри отвѣтила она.

— Только даромъ деньги кидать, отрѣзалъ на это пропріетеръ,—потому у насъ теперъ ситцы ничѣмъ не хуже, чѣмъ у Французовъ, дѣлаютъ...

И онъ тутъ-же, вспомнивъ о письмѣ, имѣвшемся у него въ карманѣ, обернулся въ сторону княжны, поднявъ неестественно брови ко лбу и глядя на нее такъ, какъ глядитъ актеръ на публику, готовясь сказать „въ сторону“ тайну, которая въ дѣйствительности должна быть услышана всѣми находящимися съ нимъ въ эту минуту на сценѣ.

Лина съ своей стороны тревожно глядѣла на него, чувствуя, что онъ непремѣнно, вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь неподходящее, вызоветъ ея мать на неприличную выходку, или скомпрометтируетъ „друзей“ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ. „Онъ привезъ мнѣ письмо, навѣрно“, говорила она себѣ,—„но отчего онъ, а не Владиміръ Петровичъ? не случилось-ли чего-нибудь особеннаго?...“ И она чувствовала, что сердце ея начинаетъ биться учащеннымъ болѣзненнымъ біеніемъ... „Его надо скорѣе увести отсюда“, думала она,— „но какъ?...“

Она опустила глаза, чтобы заставить его, по крайней мѣрѣ, отвести отъ нея эти „такъ неловко и безполезно“ выпученные глаза его.

Онъ ихъ отвелъ дѣйствительно и перевелъ на княгиню.

— А вы ужь чай отпили? спросилъ онъ ее.

— Да... А вы еще нѣтъ? небрежно промолвила она, подставляя нехотя остывшій чайникъ подъ кранъ стоявшаго предъ нею серебрянаго англійскаго „чайнаго котла“.

— Я, признаться вамъ, молвилъ на это игриво Вальковскій,—поросеночкомъ сегодня хоть уже и закусилъ, только давно этому, а теперь, послѣ дороги, чашечку съ бутербродцемъ (онъ кивнулъ на стоявшую на столѣ тарелку съ сандвичами) пропустить не вреднымъ считаю.

— А гдѣ же это ужь вы успѣли поросеночка „пропустить“? спросилъ подсмѣиваясь Зяблинъ.

— Да у себя, въ Сашинѣ, сорвалось съ устъ „фанатика“.

— Сашино, attendez donc! возгласила, неожиданно, вспомнивъ вдругъ, княгиня!—je crois savoir ce que c'est!... Это имѣніе этой генеральши... de cette madame Pereverzine, n'est ce pas?...

— Д-да, Гундуровское, то-есть, племянника... пробормоталъ онъ, почувствовавъ вдругъ, что „лѣзетъ въ болото“.

— А вы тамъ теперь, у нихъ, живете? протянула Аглая Константиновна, такъ и уставившись на него круглыми и грозными, показалось ему, глазами.

Вальковскій обозвалъ себя мысленно „дурнемъ“, пришелъ въ конфузъ и, разсчитывая „поправиться“, поспѣшилъ возразить:

— Я тамъ совершенно одинъ теперь... А *Левъ Гурычъ Синичкинъ* такъ у насъ и провалился, княгиня? заговорилъ онъ тутъ же, въ надеждѣ „покончить съ тѣмъ разговоромъ“.

Зяблинъ, угадывая его смущеніе и боясь съ своей стороны продолженія бесѣды на тему Сашина въ виду находившейся тутъ княжны, тотчасъ же отозвался на этотъ вопросъ:

— Да, очень жаль, что тогда болѣзнь княгини помѣшала: вы были превосходны въ этой роли... А ваша водевильная дочка, засмѣялся онъ слегка, — Ольга Елпидифоровна Акулина, замужъ успѣла выйти съ тѣхъ поръ?

— Какъ же, какъ же, окрутили! хихикнулъ Вальковскій.

— Une personne bien impertinente! фыркнула, услыхавъ непріятное для нея имя барышни, хозяйка.

— Это, то-есть, вы насчетъ ея бойкости? продолжалъ смѣяться онъ, предовольный тѣмъ, что рѣчь перешла на этотъ предметъ: — что̀ говорить, юнкеръ въ юпкѣ! Только ужь и умна, бестія!...

Аглая Константиновна изобразила на лицѣ презрительную гримасу, продолжая все также глядѣть на него недовольными и подозрительными глазами. Она, обыкновенно ничего не замѣчавшая и не предвидѣвшая, озарилась теперь вдругъ какимъ-то неожиданнымъ свѣтомъ: неосторожно выпущенное

Вальковскимъ слово о его пребываніи въ Сашинѣ приводило ее къ убѣжденію, что его пріѣздъ теперь былъ подсылъ со стороны этой „ужасной madame Pereverzine“ и ея племянника, что они задумали, „qu'ils fomentent quelque affreuse intrigue“ противъ нея, съ цѣлью поддержать Лину въ ея непослушаніи матери, „de sa mère qui l'a mise au monde“... Аглая Константиновна была настроена на подозрѣніе во вражескомъ умыслѣ всѣхъ и каждаго противъ задушевныхъ плановъ своихъ и разсчетовъ. Не далѣе какъ наканунѣ получила она изъ Петербурга письмо отъ друга своего, графини Анисьевой, въ которомъ сообщались „des choses incroyables“ насчетъ деверя ея, князя Ларіона. „Mon excellent frère, говорилось въ этомъ письмѣ, n'y comprend rien. Le prince a été reçu ici avec une grâce, une attention, dirais je, toute particulière, mais il y semble plus qu'indifférent et sous prétexte de maladie prétend tout haut se voir obligé de décliner l'honneur de siéger au Conseil“... Quant à nos projets, говорилось въ заключеніе, il s'y déclare tout-à-fait hostile, ainsi qu'il l'annonce très péremptoiremeut à mon frère. Je ne Vous en dis pas davantage“... Съ другой стороны, „бригантъ“, которому она „дала понять“, что если онъ согласится переѣхать за нею въ Петербургъ, „une main amie pourra racheter tous ses векселя“, принялъ этотъ великодушный намекъ очень холодно и отвѣтилъ, что „это не дастъ ему въ Петербургѣ того общественнаго положенія, которымъ онъ всегда пользовался въ Москвѣ и надѣется пользоваться, пока душевныя страданія не сократятъ его дней“... А теперь этотъ „подсылъ“ изъ Сашина „de ce monsieur si mal élevé!“ О, надо отъ него все вывѣдать, все!...

— Вы говорите, что вы тамъ одни, въ этой деревнѣ? огорошила она вновь „фанатика“, возвращаясь этимъ вопросомъ къ предмету бесѣды, отъ котораго онъ думалъ было счастливо „улизнуть“.

— Одинъ совершенно! повторилъ онъ, стараясь не глядѣть на „допрощицу“.

— А гдѣ же сами они, les maîtres de la maison?

— То-есть, это кто-съ?

— Эта madame Pereverzine и ея племянникъ? фыркнула презрительно Аглая.

— Въ Москву уѣхали.

— Въ Москву? C'est très drôle! промолвила недовѣрчивымъ тономъ княгиня; даже—невѣроятно!...

— Да что̀-жь, я вамъ лгать что̀-ли буду, княгиня? огрызся Вальковскій.

Она свысока усмѣхнулась:

— Je ne dis pas cela, а только удивляюсь: кто же посреди лѣта изъ деревни въ городъ уѣзжаетъ?

— Поѣдешь и лѣтомъ, коли надобность! сказалъ онъ, не находя другаго возраженія.

— Какая же „надобность"!

„Ишь допекаетъ-то какъ!" подумалъ Вальковскій и вдругъ озлился, какъ всегда это бывало съ нимъ, когда чувствовалъ онъ себя припертымъ къ стѣнѣ.

— Вызвали, ну и поѣхали! крикнулъ онъ почти.

Но она продолжала „допекать" его: къ ея подозрѣніямъ примѣшивалась теперь еще бо̀льшая доля женскаго, назойливаго, неотступнаго любопытства.

— Вызвали? повторила она:—что̀ же такое? Какія-нибудь дѣла?

Онъ помялся на мѣстѣ, не отвѣчая и сердито исподлобья озираясь.

Но она хотѣла знать непремѣнно, во что̀ бы ни стало.

— Un procès, или что-нибудь другое?

— Не „просе", — графъ! буркнулъ онъ со злости:—„на вотъ, молъ, отвяжись"! и невольно покосился въ сторону Лины.

Она сидѣла, ни жива, ни мертва, съ широко раскрытыми вѣками недвижныхъ, словно застывшихъ, глазъ.

— C'est très drôle! воскликнула еще разъ Аглая Константиновна:—графъ „вызвалъ" къ себѣ madame Pereverzine?

— Да не ея же, его! визгнулъ, уже весь красный отъ досады, „фанатикъ".

— Его?... Вы, то-есть, говорите про ея племянника... de

се monsieur Hamlet? пояснила она съ злорадною усмѣшкой:— для чего же его вызвали?

Вальковскій не выдержалъ и, окончательно выходя изъ себя, лопнулъ, что̀ говорится, во всю:

— Ну, исторія тамъ какая-то вышла, неосторожность, чортъ ихъ тамъ знаетъ!... а только его, бѣднягу, въ Оренбургъ ссылаютъ, коли желаете знать! прохрипѣлъ онъ, словно давясь и глядя на нее глазами озлобленнаго волка.

— Княжна, что̀ съ вами? крикнулъ вдругъ Зяблинъ, съ перепуганнымъ лицомъ вскакивая съ мѣста.

Лина, ухватившись рукой за сердце, безъ вопля, безъ слова, валилась съ кресла своего на полъ.

XXXVII.

Въ Москвѣ, въ тотъ же день раннимъ утромъ, Ашанинъ съ дрожащими на рѣсницахъ слезами прощался съ Гундуровымъ на крыльцѣ его дома, къ которому уже подана была его совсѣмъ снаряженная въ путь коляска.

— Ты сейчасъ же, сейчасъ отсюда въ Сицкое? говорилъ ему герой нашъ.

— Будь покоенъ, ни минуты не помедлю. Лошади мои сейчасъ придутъ сюда... Если-бъ я могъ предвидѣть, что ты цѣлыми сутками ранѣе уѣдешь, я бы не поручилъ Вальковскому отвезти письмо Софьи Ивановны княжнѣ, а самъ успѣлъ бы это сдѣлать прежде, чѣмъ какіе-либо слухи могли дойти къ нимъ отсюда.

— Ты ее увидишь, вырвалось чуть не стономъ изъ груди Сергѣя,—скажи ей, что я все выдержу, все вынесу, безъ ропота, безъ... какъ сказалъ ей... Она пойм... Дыханіе его сперлось, онъ былъ не въ силахъ продолжать.

— Знаю, голубчикъ, знаю, что̀ ей сказать!... А ты живи себѣ спокойно во Владимірѣ и жди дня черезъ два-три письма отъ меня. Если бы что-нибудь особенное приключилось, я самъ къ тебѣ туда буду.

— Смотри же! вскрикнулъ Гундуровъ,—а иначе, ссылай они меня потомъ хоть въ Камчатку, я прискачу оттуда въ Сицкое... О, Боже мой, хоть бы издали, мелькомъ, взглянуть мнѣ на нее!...

— Увидишь, скоро, я увѣренъ въ этомъ! твердилъ, успокоивая его, Ашанинъ...

Они еще разъ обнялись, поцѣловались... Гундуровъ сѣлъ въ коляску рядомъ со старикомъ Ѳедосеемъ. Экипажъ тронулъ.

— Стой, стой! раздался крикъ съ дрожекъ, въѣзжавшихъ въ эту минуту на встрѣчу имъ во дворъ. Ямщикъ, откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, осадилъ свою четверку.

— Позвольте узнать, куда это вы изволите отправляться? прохрипѣлъ, юрко соскакивая съ дрожекъ и подбѣгая къ коляскѣ, слонообразный исправникъ Акулинъ.

Гундуровъ отвернулся.

— Покажи ему подорожную, Ѳедосей! сказалъ онъ.

Елпидифоръ, разобиженный этимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нему, вырвалъ изъ рукъ старика-слуги свѣже-бѣлый еще казенный листъ и полугромко принялся читать:

... Въ городъ Оренбургъ, съ будущимъ, подъ собственный экипажъ...—Но его сіятельству графу угодно было дать вамъ дозволеніе пробыть три дня въ Москвѣ? смущенно проговорилъ онъ.

— А если мнѣ не угодно воспользоваться этимъ дозволеніемъ, сказалъ Сергѣй,—а угодно не завтра выѣхать, а сегодня?... Или вы, можетъ быть, почитаете себя въ правѣ заставить меня оставаться здѣсь лишнія сутки?...

Исправника передернуло; онъ, не отвѣчая, отвелъ глаза отъ молодаго человѣка.

— Такъ ужь позвольте мнѣ отправляться съ Богомъ, сказалъ тотъ тѣмъ-же презрительнымъ тономъ.—Трогай, ямщикъ!... Прощай, Ашанинъ! обернулся онъ къ нему послѣднимъ кивкомъ, уже выѣзжая за ворота дома.

— Прощай, Сережа, до свиданія, до скораго! крикнулъ въ отвѣтъ, подчеркивая, красавецъ.

Онъ стоялъ на крыльцѣ въ трехъ шагахъ отъ Акулина и глядѣлъ на него своимъ лукаво-невиннымъ взглядомъ, какъ бы спрашивая: „ну, что взялъ, старый шельмецъ?...“

Тотъ, какъ бы мгновенно сообразивъ что-то, шагнулъ къ нему.

— Такъ, повѣрите, не пріятны подобныя порученія, заго-

ворилъ онъ вдругъ, — и даже совсѣмъ къ прямымъ обязанностямъ моимъ не относящіяся... Сами понимаете, что̀ я могу имѣть противъ Сергѣя Михайлыча, а между тѣмъ и онъ и вы, Владиміръ Петровичъ, какъ мнѣ кажется, почитаете, что тутъ съ моей стороны какъ будто что-нибудь...

— А, вотъ и лошади мои пришли! вскрикнулъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ.

На дворъ въѣзжала тройка подъ почтовою телѣгой.

— Заворачивай, братъ, заворачивай, да сѣна спроси тутъ у дворника побольше. А я сейчасъ готовъ!

Онъ побѣжалъ въ домъ и тутъ же вернулся со своимъ дорожнымъ чемоданомъ и кожаною подушкой.

Акулинъ не трогался съ мѣста: ему видимо хотѣлось довести свое объясненіе до конца.

Но пріятель Гундурова, въ свою очередь, никакъ не хотѣлъ доставить ему этого удовольствія. Онъ принялся возиться съ убивкой сѣна подъ сидѣнье, потребовалъ веревку для устройства себѣ переплета, уложилъ подушку, сунулъ чемоданъ подъ мѣсто ящика и, когда все это было кончено, живо вскочилъ въ телѣгу и, усѣвшись, огорошилъ Елпидифора слѣдующимъ нежданнымъ вопросомъ:

— Такъ та̀къ и прикажете сказать графу? Я къ нему въ Покровское ѣду.

— Что̀ это „сказать“? вскрикнулъ растерянно исправникъ.

— Что вы находите очень „не пріятными“ порученія, которыя онъ возлагаетъ на васъ?

Акулинъ, мгновенно поблѣднѣвъ, подбѣжалъ къ его телѣгѣ.

— Да что̀ вы это, Владиміръ Петровичъ, Богъ съ вами! Да развѣ это можно говорить! перепуганнымъ шопотомъ пробормоталъ онъ.

— Почему же? засмѣялся Ашанинъ:

Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣряйся въ дружбѣ!
Не ссорься, а поссорившись будь твердъ!...

— Да что̀ это вы мнѣ говорите? Къ чему? прервалъ его съ отчаяніемъ въ голосѣ Елпидифоръ.

— А вы ужь и забыли? Да это изъ вашей же роли Полонія, — напутственная его рѣчь Лаерту. Вы еще такъ прелестны были въ этомъ мѣстѣ... Вотъ увижу Чижевскаго въ Покровскомъ, вѣроятно... припомнимъ вмѣстѣ... Прощайте, Елпидифоръ Павлычъ!...

— Но, Владиміръ Петровичъ, позвольте вамъ сказать...

— Некогда, Полоній Павлычъ, некогда, спѣшу!

И, несказанно тѣшась перепугомъ, изображавшимся на всѣхъ чертахъ толстаго представителя благочинія, красавецъ съ громкимъ смѣхомъ выѣхалъ за ворота.

Къ обѣду, то-есть часу въ пятомъ въ началѣ, онъ былъ въ городѣ, знакомомъ уже нашему читателю, черезъ который лежала ему прямая дорога въ Сицкое, гдѣ онъ разчитывалъ застать еще Вальковскаго („не уѣдетъ же онъ отъ хорошаго обѣда", говорилъ себѣ Ашанинъ,) и, переговоривъ съ княжной Линой, уѣхать къ вечеру съ „фанатикомъ" на Гундуровскихъ лошадяхъ въ Сашино.

Но едва успѣлъ онъ подъѣхать ко крыльцу станціи, какъ со скамьи у этого крыльца поднялся съ поклономъ по его адресу степеннаго вида мущина въ лѣтнемъ армякѣ и поярковой шляпѣ, въ которомъ онъ узналъ хорошо ему знакомаго кучера Гундурова.

— Ты какъ здѣсь, Павелъ? вскрикнулъ онъ, изумившись, выскакивая изъ телѣги.

— Съ лошадьми, отвѣчалъ пѣвучимъ и какъ бы недовольнымъ тономъ тотъ.

— Съ какими лошадьми?

— Да съ молодыми, съ нашими... Господина Вальковскаго привезъ, примолвилъ онъ уже видимо хмурясь.

— Онъ здѣсь?

— Нѣтути... Уѣхали! Почтовыхъ взяли.

— Куда?

— А тутъ верстъ за двадцать, Шатилово село есть...

— Ничего не понимаю! вскрикнулъ еще разъ Ашанинъ,— откуда вы сюда пріѣхали?

— А мы, значитъ, перво-наперво въ княжое, въ Сицкое выѣхали...

— Ну?...

— А оттелева—и съ полчаса тамъ не пробыли,—выскочили они опять, сѣли, велѣли сюда въ городъ гнать... во всю, тоись, мочь, не жалѣючи... Лошади, сами знаете, молодыя, по пятому году, долго-ль испортить? Не годится такъ дѣлать господину! Я имъ, хоша и гнѣваться, знамо, стали на меня за это, не хорошо, говорю, баринъ, не ваши лошади, а я въ отвѣтѣ завсегда должонъ быть, потому господа мои уѣхали, а я завсегда тутъ... Такъ и не согласенъ я сталъ съ ними дальше ѣхать, въ село въ это самое, потому зарѣзать лошадей надо...

— Да зачѣмъ ему въ это село? нетерпѣливо прервалъ красавецъ резонера возницу.

— За дохтуромъ, стало быть, поскакали, потому онъ туда, слышно, съ вечера еще уѣхалъ...

— За докторомъ? повторилъ Ашанинъ. У него похолодѣли руки. Онъ какъ-то разомъ, чутьемъ угадалъ, что докторъ понадобился для Лины, и что въ этомъ виноватъ „фанатикъ", а болѣе всего онъ самъ, отправившій въ Сицкое этого „волка безобразнаго".

— Это тамъ въ княжемъ... заболѣлъ кто-нибудь, проговорилъ онъ невѣрнымъ, словно соскакивающимъ съ мѣста языкомъ и не рѣшаясь поднять глазъ.

Павелъ принялъ тотъ дипломатическій видъ, на который были такъ падки пожилые дворовые старыхъ временъ.

— Я опять вамъ, баринъ, про этотъ самый предметъ въ точности объяснить не могу, потому, сами знаете, наше дѣло — на козлахъ сиди да вожжами орудуй... А только такъ понять, что барышня... княжна, тоись, тамошняя, договорилъ онъ уже шопотомъ.

— И доктора нѣтъ... Онъ поѣхалъ за нимъ? растерянно спрашивалъ Ашанинъ, проклиная мысленно и себя, и Вальковскаго и замирая отъ тревоги.

По площади, на углу которой стояла станція, шелъ въ это время сѣдой, но бодро выступавшій старичекъ въ форменной съ синимъ бархатнымъ околышемъ фуражкѣ и съ суковатою палкой въ рукѣ. Онъ направлялся къ сосѣдней

улицѣ, но, проходя мимо станціи, поднялъ глаза и, замѣтивъ разговаривавшихъ, остановился вдругъ, приподнялъ свободную руку къ глазамъ отъ солнца, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, и пошелъ прямо на Ашанина.

— Извините меня, имѣлъ несчастіе позабыть фамилію вашу, вы изволили участвовать въ представленіи *Гамлета* на домашнемъ спектаклѣ у княгини Шастуновой... и даже именно исполняли роль Гораціо?

— Такъ точно, молвилъ тотъ въ недоумѣніи.

— Тутъ сейчасъ былъ одинъ изъ вашихъ товарищей по спектаклю...

— Вальковскій? Ради Бога, скажите, не видѣли-ли вы его?

— Я потому именно осмѣлился подойти къ вамъ, не имѣя чести быть вамъ знакомымъ, заговорилъ торопливо старичекъ:— товарищъ вашъ заѣзжалъ ко мнѣ, такъ какъ мы имѣли случай встрѣчаться съ нимъ въ пору его кратковременнаго пребыванія въ нашемъ городѣ, заѣзжалъ справляться насчетъ доктора Ферапонтова...

— Княжна заболѣла! не далъ ему договорить Ашанинъ.

Старичекъ поднялъ глаза къ небу.

— Вамъ это, быть можетъ, покажется удивительнымъ и, такъ сказать, даже невѣроятнымъ, только повѣрьте, что я, совершенно незнакомый въ вашемъ обществѣ индивидуй, пораженъ былъ этою вѣстью такъ, что съ той минуты просто, что̀ говорится, мѣста себѣ не нахожу... Я имѣлъ счастіе видѣть княжну въ роли Офеліи и послѣ того обмѣняться съ нею нѣсколькими словами...

— Вы господинъ Юшковъ, смотритель здѣшняго училища? вскликнулъ красавецъ,—мнѣ о васъ недавно говорила княжна, она васъ помнитъ, интересуется вами...

— Небесное созданіе эта дѣвушка! перебилъ его въ свою очередь Юшковъ;—отъ того такъ и страшно за нее: физическая оболочка-то у этихъ созданій очень не надежна всегда бываетъ...

— Да что̀ случилось съ нею? разскажите мнѣ, ради Бога!

— Ничего обстоятельнаго отъ вашего товарища добиться

я не могъ; самъ онъ очень былъ разстроенъ и напуганъ. Прибѣжалъ онъ ко мнѣ спросить, куда уѣхалъ Ферапонтовъ, такъ какъ у того на квартирѣ ни до какого отвѣта добиться онъ не могъ, а только указали на меня, потому что докторъ у меня, дѣйствительно, засидѣвшись вчера вечеромъ поздно, остался ночевать, а утромъ за нимъ прислали изъ Шатилова лошадей къ больному ѣхать. Я это господину Вальковскому такъ и передалъ, а онъ успѣлъ мнѣ только сообщить, что Офелія наша безподобная вдругъ, посреди разговора, лишилась чувствъ и въ теченіе того времени, пока былъ тамъ вашъ товарищъ, никакими средствами въ сознаніе приведена быть не могла. Матушка ея и всѣ домашніе потеряли голову, суетня пошла, стонъ по всему дому, а пользы никакой... Наконецъ надоумило ужь кого-то за докторомъ послать. Онъ и поскакалъ, и вотъ когда-то еще найдетъ...

— Вѣдь пожалуй до ночи не успѣетъ привезти... И никого другаго здѣсь нѣтъ? спрашивалъ съ отчаяніемъ Ашанинъ.

— Одинъ врачъ на весь городъ! молвилъ, пожимая плечами, смотритель.—Не знаю, догадались-ли они, примолвилъ онъ въ раздумьи,—руки и ноги ей въ теплую воду поставить? Такой продолжительный обморокъ очевидно анемію сердца или мозга обозначаетъ... Компрессы холодной воды на сердце были бы также полезны, полагаю...

— А вы разумѣете нѣсколько по части медицины?

— Три года медицинскимъ студентомъ былъ, отвѣтилъ Юшковъ,—только запаху кадаверовъ, признаюсь, никогда переносить не могъ, такъ перешелъ на филологію.

— Послушайте, вскрикнулъ молодой человѣкъ, схватывая его за руку,—поѣдемте сейчасъ въ Сицкое! Вы можете принести ей хоть какую-нибудь помощь...

У старичка блеснули глаза.

— Сказать вамъ по истинѣ, самъ я объ этомъ думалъ, что все же могу, вспомнивъ старую науку, кое-какими указаніями послужить до пріѣзда доктора... да не рѣшался. Съ барами съ этими, знаете, не ровенъ часъ, какъ это еще ими принято быть можетъ!...

— Я беру все на себя, скажу, что привезъ васъ, угово-

рилъ... Ѣдемте!... Павелъ, обратился Ашанинъ къ молча стоявшему тутъ же и внимавшему кучеру Гундурова, — лошади у тебя отдохнули, кормлены? Можешь сейчасъ же запречь и ѣхать? А за Вальковскимъ и докторомъ сейчасъ же вышлемъ экипажъ изъ Сицкаго.

— Сею минутой готово будетъ, Владиміръ Петровичъ, отвѣтилъ тотъ, съ видимымъ сочувствіемъ и разумѣніемъ правильности принятаго теперь „господами“ рѣшенія, и побѣжалъ къ своимъ лошадямъ.

— А вы захватите съ собою бѣлья, сказалъ старику смотрителю предвидчивый Ашанинъ, — придется намъ, можетъ быть, ночевать тамъ...

— Вы полагаете? молвилъ Юшковъ, какъ бы нѣсколько испугавшись этой перспективы ночевать въ „барскихъ хоромахъ“, какъ выражался онъ мысленно.

— Конечно, если докторъ, задержанный своимъ больнымъ не пріѣдетъ ранѣе, чѣмъ завтра утромъ.

— Это точно... Такъ я сейчасъ, живу тутъ по близости, заберу узелокъ и сюда... Офелія-то наша, Офелія божественная, не дай Господи! бормоталъ про себя старикъ, громко вздыхая и сбѣгая со ступенекъ съ торопливостью двадцатилѣтняго юноши.

XXXVIII.

Два дня спустя послѣ того, что̀ сейчасъ передано нами читателю, въ кабинетъ къ графу, пріѣхавшему въ Москву изъ своего Покровскаго по случаю какого-то празднества, въ девятомъ часу утра входилъ только-что вернувшійся изъ Петербурга князь Ларіонъ Шастуновъ.

— Здравствуй, здравствуй, Ларивонъ, очень радъ тебя видѣть! заголосилъ старецъ, быстро идя ему навстрѣчу изъ глубины комнаты;—давно-ли пріѣхалъ?

— Сейчасъ, и...

Графъ не далъ ему продолжать.

— Ну, садись, разсказывай! Когда проѣзжалъ, не заѣхалъ ко мнѣ, ничего про тебя не знаю! Что̀-жь, какъ ты тамъ былъ принятъ?

— Очень милостиво и...

Графъ, поднявъ свои ладони, прервалъ его опять:

— Знаю, писалъ мнѣ (все тотъ же петербургскій сильный другъ графа), что даже обрадовались искренно видѣть тебя, но что ты все отпрашивался, „въ лѣсъ глядишь“, не хочешь въ Петербургѣ жить, отъ нездоровья будто бы?

— Все это совершенно справедливо, молвилъ поспѣшно князь Ларіонъ съ видомъ человѣка, которому хочется скорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго и скучнаго для него разговора,— приняли прекрасно, но серіознаго дѣла очевидно дать мнѣ намѣрены не были, а „болтать безъ толку“, какъ вы совершенно основательно выразились въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, не представляетъ для меня заманчивой перспективы.

— Способныхъ людей надо на дѣло настоящее употреблять! пропѣлъ на это акаѳистомъ старецъ;—какъ же ты устроилъ? Будешь ѣздить въ Совѣтъ?

— Тамъ вакантъ теперь, что̀ же ѣздить! молвилъ на это его собесѣдникъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ интотаціи.

— Осенью начнется опять.

— До осени еще долга пѣсня! проговорилъ сквозь зубы князь Ларіонъ,—но Петербургъ меня болѣе не увидитъ... если только вы, подчеркнулъ онъ, пристально и съ какимъ-то укоромъ въ глазахъ воззрившись въ лицо стараго своего пріятеля,—если вы не заставите меня сегодня же уѣхать туда обратно.

— Я? воскликнулъ въ величайшемъ изумленіи графъ,— что̀ это ты говоришь?

— Вотъ что̀...

Князь вдругъ примолкъ, провелъ рукой по глазамъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ удобнѣе сосредоточиться внутренно, и началъ затѣмъ, медленно и вѣско роняя слова свои одно за другимъ:

— На полдорогѣ изъ Петербурга встрѣтился я на станціи съ хорошою знакомой моею, теткой того молодаго человѣка, Гундурова, котораго я вамъ представилъ, когда вы у насъ были въ Сицкомъ...

— Знаю, запѣлъ графъ,—вдова покойнаго Онуфрія Петровича Переверзина, который подъ судомъ умеръ въ тысяча восемьсотъ...

Князь продолжалъ, не слушая его:

— Она ѣхала въ Петербургъ для того, чтобы кинуться къ ногамъ Государя, просить за „безвинно“, говоритъ она, сосланнаго вами въ Оренбургъ племянника ея. Я не повѣрилъ, чтобы вы могли это сдѣлать безъ настоящихъ, уважительныхъ на то причинъ, и просилъ ее не подымать дѣла прежде, чѣмъ я не повидаюсь съ вами. Мы порѣшили, что она доѣдетъ до Петербурга, но ни къ чему не приступитъ прежде, чѣмъ получитъ отъ меня обстоятельное объ этомъ письмо. Я съ своей стороны далъ ей слово вернуться тотчасъ же на содѣйствіе ей въ Петербургъ, если ссылка Гундурова рѣшена

тамъ, а не здѣсь, въ вашемъ кабинетѣ. Я едва успѣлъ пріѣхать, переодѣться и, какъ видите, прямо къ вамъ... Предваряю васъ, что имѣю самыя серьезныя причины интересоваться этимъ молодымъ человѣкомъ, и прошу васъ именемъ нашей почти сорокалѣтней пріязни сказать мнѣ всю истину. За что̀ онъ сосланъ?

— Онъ всякій вздоръ болталъ, возразилъ старецъ.

— Да кто вамъ сказалъ, откуда вы это знаете?

— Я тебѣ покажу, на бумагѣ...

И графъ, отомкнувъ ключомъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола, въ которомъ хранились „конфиденціальныя“ бумаги и письма, отыскалъ въ кипѣ одно изъ нихъ и передалъ его сидѣвшему противъ него князю Ларіону.

— Вотъ что̀ *онъ* (все тотъ же сильный человѣкъ) пишетъ мнѣ *за нумеромъ*!

Въ письмѣ сообщались всѣ тѣ пункты виновности Гундурова, которые въ разговорѣ съ нимъ пересчиталъ ему „московскій воевода“; напиралось въ особенности на „высказываемыя Гундуровымъ мнѣнія о необходимости будто бы освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей надъ ними власти“, — мнѣнія, „распространеніе которыхъ могло бы повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія“. Въ заключеніе письма говорилось слѣдующее: „Признавая необходимымъ о такомъ вредномъ направленіи неслужащаго дворянина Сергѣя Гундурова поставить ваше сіятельство къ извѣстность, а съ другой стороны принимая во вниманіе, что его неосторожныя и запальчивыя рѣчи могутъ быть отнесены столько же къ его еще очень молодымъ лѣтамъ, сколько къ праздности, въ которой онъ проводитъ жизнь со времени его выхода изъ мѣста ученія, полагаю на ваше усмотрѣніе: не признаетъ-ли ваше сіятельство полезнымъ склонить кандидата Гундурова на поступленіе на службу въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ онъ, при полученномъ имъ въ Московскомъ университетѣ прекрасномъ образованіи, о чемъ правительству извѣстно, могъ бы принести несомнѣнную пользу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ отдаленіи отъ центровъ опасныхъ умственныхъ увлеченій, нашелъ бы возможность достичь большей зрѣлости въ образѣ мыслей и

приготовить изъ себя впослѣдствіи вполнѣ способнаго, благонадежнаго и опытнаго чиновника? На случай, если бы мѣра сія признана была вашимъ сіятельствомъ сообразною необходимости, присемъ препровождается надлежащее для сего письмо къ Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору".

Князь Ларіонъ, съ избороздившими весь лобъ его морщинами, недвижно и сосредоточенно дочелъ это письмо до конца.

— Любезный графъ, сказалъ онъ затѣмъ, подымая на него невольно сверкнувшіе глаза,—что̀ же вы дѣйствительно убѣдили, „склонили" этого молодаго человѣка ѣхать въ Оренбургъ?

— Да, самымъ наивнымъ образомъ подтвердилъ тотъ,—я ему сказалъ, чтобъ онъ ѣхалъ; онъ и отправился.

— Вы поняли, что этого именно требовало отъ васъ это письмо? молвилъ князь съ едва скрываемою желчною ироніей, передавая ему черезъ столъ „конфиденціальный" документъ;— а знаете, что̀ изъ этого выйдетъ? Тетка Гундурова далеко не дюжинная женщина, это натура энергическая и настойчивая. Ее притомъ въ Петербургѣ знаютъ, помнятъ: она была одна изъ любимыхъ воспитанницъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Смольномъ Монастырѣ, у нея много въ свѣтѣ старыхъ подругъ и связей... Она своего добьется, дойдетъ, будетъ жаловаться...

Ладони графа вознеслись горѣ.

— Пусть жалуется!

— Да, но вслѣдствіе этой жалобы пожелаютъ узнать сущность дѣла. Писавшій вамъ это сообщеніе откажется отъ всякой личной отвѣтственности за послѣдовавшее, скажетъ, что онъ все передалъ на ваше усмотрѣніе, что вы распоряжались, какъ знали, и, говоря съ полною откровенностью, какъ я тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ привыкъ говоритъ съ вами, вы, человѣкъ и добрый, и умный, окажетесь тутъ разомъ и жестокимъ, и—обойденнымъ...

— Что̀ такое? Объясни, говори откровенно! запѣлъ старецъ, видимо пораженный и смущенный внутренно этими словами.

— Объясненіе не долго, сказалъ князь; — услать Гундурова подальше потребовалось въ надеждѣ облегчить этому Анисьеву, котораго вы знаете, путь къ рукѣ, или вѣрнѣе къ приданому моей племянницы. А обдѣлали это такъ, что въ случаѣ чего отвѣтчикомъ за это являетесь вы и „произволъ“ вашъ, и никто больше.

Графъ внимательно выслушалъ и затѣмъ, слегка перегнувшись черезъ столъ, зорко глянулъ въ глаза пріятелю.

— Да вѣдь и тебѣ же это „требовалось“, молвилъ онъ,— и признаюсь, для тебя я это больше и сдѣлалъ: когда я былъ у васъ въ деревнѣ, ты меня просилъ, чтобъ ему выхлопотать паспортъ за границу, а что пока ты ему совѣтовалъ проѣхаться по Россіи? Я его и отправилъ, пусть поѣздитъ... Думалъ, ты будешь радъ!

Князь Ларіонъ смутился, въ свою очередь, теперь.

— Да, проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ,— я дѣйствительно думалъ тогда... тогда это еще не было слишкомъ поздно... и не этимъ насильственнымъ путемъ во всякомъ случаѣ... А теперь... Я прямо долженъ сказать вамъ, любезный графъ, племянница моя любитъ этого молодаго человѣка, и если вѣсть о случившемся дойдетъ... или дошла уже, можетъ быть, до нея, произведетъ на нее самое потрясающее впечатлѣніе. Съ ея не сильнымъ здоровьемъ всего можно бояться въ этихъ случаяхъ... Вы не хотѣли бы быть ея палачомъ, не правда-ли? вскрикнулъ князь со свойственною ему страстностью, и глаза его загорѣлись мгновеннымъ, лихорадочнымъ пламенемъ.

— Зачѣмъ? Милое дитя! Я не зналъ! протянулъ, раскидывая длани свои вѣеромъ, его старый пріятель, сочувственно глядя на него.

— Вы его сослали въ силу этого письма... Но вы могли и не дѣлать этого, могли ограничиться наставленіемъ, если ужь въ самомъ дѣлѣ „мнѣнія“ этого молодаго человѣка кажутся имъ такими „опасными“, примолвилъ князь съ новою ироническою усмѣшкой,—а мнѣнія эти, долженъ я вамъ сказать, между прочимъ, составляютъ ученіе цѣлой у насъ школы такъ называемыхъ „славянофиловъ“...

— Знаю! возгласилъ графъ.

— Совершенно благонадежной въ политическомъ отношеніи, продолжалъ князь Ларіонъ, — которая съ дозволеніемъ цензуры печатаетъ эти мнѣнія и имѣетъ даже для этого здѣсь, въ Москвѣ, два весьма почтенные журнала.

— Я всѣхъ этихъ глупостей не читаю! объявилъ старецъ.

— Да, съ невольной усмѣшкой возразилъ князь, — но вы согласитесь, что совершенно не основательно было бы подвергать человѣка наказанію за то, что онъ выражаетъ устно то самое, что̀ безнаказанно и съ согласія правительства говорится печатно?

— Я противъ него ничего не имѣю, объяснилъ графъ, при чемъ его нижняя губа съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ выпятилась впередъ, — я для его же пользы думалъ сдѣлать, я не зналъ, что у васъ дѣло такъ стоитъ!... И что̀ же невѣстка твоя, согласна она?

— Разумѣется, нѣтъ! Князь дернулъ плечомъ.

— Она не умная! засмѣялся старецъ.

— Скажите: непроходимая! вскрикнувъ князь Ларіонъ:— не будь тутъ я, она давно вогнала бы въ гробъ несчастную дочь моего брата!... Послушайте, почтенный другъ мой, вамъ нужно поправить эту... ошибку, поправить, какъ можно скорѣе! примолвилъ онъ настоятельно, замѣтивъ какъ бы какое-то колебаніе въ выраженіи лица графа.

— Надо подождать! сказалъ тотъ, — я уже написалъ въ Петербургъ, что онъ выѣхалъ къ мѣсту назначенія.

— Такъ что̀ же такое, развѣ это можетъ васъ стѣснять? Онъ выѣхалъ, а вы его вернули. Вамъ предоставлено поступить „по вашему усмотрѣнію“; я полагаю, что вы такъ и поступили, а не по командѣ изъ Петербурга, добавилъ старый дипломатъ, давно и хорошо разумѣвшій слабыя струнки пріятеля.

Графъ гордо поднялъ вверхъ голову и руки.

— Никто не можетъ мнѣ командовать, окромя моего Государя!... Хорошо, я пошлю, чтобъ онъ вернулся! рѣшилъ онъ тутъ же.

Онъ быстро всталъ съ мѣста, направляясь къ двери своею

раскачивавшеюся походкой и, просунувъ въ нее голову, кликнулъ дежурнаго чиновника:

— Өедоръ Петровичъ здѣсь?

— Здѣсь, съ бумагами, ваше—ство! доложилъ тотъ.

— Просить ко мнѣ!

Управляющій канцеляріей вошелъ съ портфелемъ и учтивымъ поклономъ по адресу князя.

— Скажите, когда отправлено письмо объ этомъ Гундуровѣ, вы знаете? спросилъ его „московскій воевода".

— Оно не отправлено, ваше сіятельство, отвѣчалъ Өедоръ Петровичъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—вы его изволили удержать у себя, желали послать вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ къ...

— Точно! забылъ! пропѣлъ графъ:—началъ писать къ нему и не успѣлъ! Осталось, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня, въ Покровскомъ... Ну, твое счастіе! обратился онъ, смѣясь и подмигивая, къ князю Ларіону.—А вы, Өедоръ Петровичъ, пошлите сейчасъ казака за этимъ толстякомъ, котораго я назначилъ въ Городскую часть частнымъ приставомъ... Исправникъ вашъ бывшій, еще у васъ на театрѣ такъ хорошо игралъ, и дочь хорошенькая! пояснилъ онъ, обернувшись еще разъ къ князю.

— Онъ у меня въ канцеляріи теперь, доложилъ Өедоръ Петровичъ,—ему какая-то справка тамъ оказалась нужна.

— Пошлите скорѣй ко мнѣ!

Черезъ пять минутъ еле дышавшій отъ усердія, съ которымъ несся онъ на коротенькихъ ножкахъ своихъ изъ канцеляріи черезъ дворъ и по лѣстницѣ, Елпидифоръ Акулинъ предсталъ предъ очи начальства, почтительно остановившись у дверей.

— Здравствуй, толстякъ! Въ должность вступилъ?

— Нѣтъ еще, ваше—ство, завтра, надѣюсь, совсѣмъ.

— Нѣтъ, пропѣлъ графъ,—и не завтра! Пузо свое порастрясти еще тебѣ надо! Сейчасъ поѣзжай!...

— Куда прикажете, ваше—ство?

— Догнать Гундурова, ты знаешь, котораго ты привозилъ ко мнѣ. Когда онъ, бишь, уѣхалъ?

— Третій день, ваше—ство.

— Ну, еще не очень далеко, стало-быть! Я ему позволилъ не спѣшить... Догони и скажи, что я его простилъ, что онъ можетъ ѣхать себѣ домой, въ деревню!

— Слушаю, ваше—ство.

— Сейчасъ отправляйся!... А что̀ дочь?

— Замужъ вышла, ваше—ство...

— Вотъ какъ! За кого?

Князь Ларіонъ поднялся съ мѣста.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, любезный графъ, и поблагодарить васъ, промолвилъ онъ тише и какъ бы нехотя и взялся за шляпу.

— Зачѣмъ спѣшить? молвилъ графъ;—мнѣ еще время! А въ одиннадцать часовъ ѣду въ Воспитательный Домъ; князь Сергѣй Михайлычъ Голицынъ пригласилъ туда на молебствіе.

— Нѣтъ, я спѣшу, домой скорѣе хочется... Я вамъ говорю, что имѣю основанія безпокоиться... не договорилъ князь.

— Да, да, знаю! Ничего, пустяки! Милое дитя! голосилъ старецъ, обнимая пріятеля и провожая его до дверей.—Когда ко мнѣ въ Покровское будешь?

— Постараюсь быть непремѣнно, непремѣнно, машинально повторилъ князь Ларіонъ, нисколько не думая исполнить обѣщаніе и отвѣчая разсѣяннымъ головнымъ кивкомъ на низкіе поклоны прижавшагося къ окну, чтобы дать ему свободно пройти въ дверь, и какъ-то непріятно дышавшаго приэтомъ всею громоздкою фигурой своею Елпидифора.

XXXIX.

Князь Ларіонъ остановился въ гостиницѣ Дрезденъ, въ двухъ шагахъ отъ казеннаго дома, въ которомъ жилъ графъ. Переходя отъ него черезъ площадь, онъ замѣтилъ, что къ крыльцу гостиницы подъѣхали дрожки съ какимъ-то сидѣвшимъ въ нихъ молодымъ человѣкомъ въ сѣрой шляпѣ на кудрявыхъ черныхъ волосахъ, обликъ котораго показался ему знакомымъ. Обмѣнявшись какими-то словами со стоявшимъ на крыльцѣ швейцаромъ, молодой человѣкъ быстро обернулъ голову, увидалъ князя и, спрыгнувъ съ дрожекъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Князь узналъ Ашанина.

— Я къ вамъ, ваше сіятельство, началъ тотъ какимъ-то смущеннымъ, показалось князю, голосомъ, — я сейчасъ былъ у васъ на дому и засталъ вашего камердинера; онъ сказалъ мнѣ, что вы остановились здѣсь... Я изъ Сицкаго...

— Что̀ тамъ? поспѣшно спросилъ князь Ларіонъ, глядя на него тревожнымъ взглядомъ.

— Вы теперь къ себѣ? молвилъ вмѣсто отвѣта Ашанинъ.

— Да.

— Такъ позвольте зайти къ вамъ; я вамъ все разскажу...

— Пойдемте!...

— Не добрыя вѣсти, а? съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ, проговорилъ князь, едва вошли они въ его нумеръ.

— Богъ дастъ, ничего не будетъ, молвилъ молодой человѣкъ,—она пришла въ себя...

— Она, Hélène? прервалъ его князь Ларіонъ, воззрясь ему прямо въ лицо.

— Да...

— Она узнала, что... вашего пріятеля отправили въ Оренбургъ?

— Именно!...

— Я сейчасъ отъ графа. Гундурова послано вернуть обратно. Все это кончилось ничѣмъ... Но что̀ случилось, разсказывайте! Я встрѣтился на дорогѣ съ Софьей Ивановной Переверзиной. Она передала мнѣ, что писала къ Hélène, и письмо вы послали съ пріятелемъ вашимъ, господиномъ Вальковскимъ?

— И этого я простить себѣ не могу, князь! вскликнулъ Ашанинъ, съ отчаяніемъ схватывая себя за голову:—я полагалъ лучше сдѣлать, вышло не въ примѣръ хуже. Его княгиня Аглая Константиновна принялась допрашивать, онъ не съумѣлъ найтись, сконфузился и бухнулъ объ этомъ прямо при княжнѣ...

— Какъ это было и что̀ произошло затѣмъ? обрывисто спрашивалъ князь Ларіонъ.

Ашанинъ передалъ ему все, что̀ онъ зналъ объ этомъ по разсказу очевидца происшествія, Зяблина. Княжна упала въ обморокъ, изъ котораго ни одно изъ употребленныхъ затѣмъ домашнихъ средствъ не могло ее вывести. Она лежала съ судорожно сжатыми конечностями, полуоткрытые глаза глядѣли недвижно, какъ у восковыхъ фигуръ, и только учащенное, но чрезвычайно слабое біеніе сердца свидѣтельствовало, что жизнь еще не совсѣмъ ее покинула. Въ этомъ каталептическомъ состояніи застали ее Ашанинъ и привезенный имъ съ собою старикъ-смотритель, прискакавшіе въ Сицкое въ седьмомъ часу вечера, то-есть, восемь часовъ послѣ перваго момента обморока. Въ домѣ всѣ потеряли голову. Вальковскій ускакалъ за докторомъ. Княгиня, въ ожиданіи его, лежала пластомъ у себя на диванѣ и голосила во все горло: „ma fille est morte, je n'ai plus de fille“, не умѣя ничего придумать лучшаго и приличнѣйшаго въ эту минуту. Въ ладъ барынѣ шелъ вой и стонъ женской дворни съ верху до низа дома... Юшковъ, импровизованный докторъ, велѣлъ принести теплой воды и льду: въ воду погру-

зили руки и ноги княжны, а ледъ приложили въ пузырѣ къ темени. Минутъ черезъ двадцать конечности отошли, а вскорѣ затѣмъ княжна пришла въ себя. Она открыла глаза, но весьма долго какъ-бы никого не узнавала и глядѣла на всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ. На вопросы матери она не отвѣчала и повидимому не понимала ихъ... Ее до того времени успѣли только, поднявъ съ полу, перенести на ближайшій диванъ ситцеваго кабинета княгини, подложивъ ей подушку подъ голову и распустивъ шнуровку ея корсета. Ей было видимо неловко на этомъ короткомъ и узкомъ диванѣ. Княгиня отдала приказаніе принести сверху ея кровать съ постелью, говоря при этомъ, что желаетъ, „чтобы дочь ея осталась тутъ, поближе къ ней“... Больная вдругъ застонала, и на лицѣ ея изобразилось страданіе, но говорить была она еще не въ состояніи. Когда же принесена была кровать, и ее уложили на нее, она черезъ силу прошептала: „домой, до...“ „Тебѣ будетъ лучше здѣсь, chère enfant“, старалась ее увѣрить мать,—„я за тобой ходить буду“. Она чуть-чуть задвигала головой, и слезы закапали изъ ея глазъ. Старикъ смотритель замѣтилъ шопотомъ Аглаѣ Константиновнѣ, что „желанія и даже прихоти больныхъ должны быть вообще исполняемы“, и что въ настоящемъ случаѣ было бы даже и весьма опасно противорѣчить имъ. Онъ подошелъ къ княжнѣ и, наклонившись къ ней, спросилъ, желаетъ-ли она, чтобы перенесли ее въ ея спальню. Она чуть-чуть улыбнулась, приподнявъ на него глаза съ удивленнымъ и довольнымъ видомъ, и поспѣшно проговорила: „да, да!“ Княгиня замѣтно поморщилась, но должна была согласиться. Княжну, какъ была она въ кровати, перенесли въ ея спальню. Тамъ горничная ея Глаша съ помощью „Lucrèce“ переодѣли ее и уложили „на ночь“... Но она спать не хотѣла или не могла и долго металась съ боку на бокъ. Затѣмъ притихла и, укладываясь щекой на руку, тихо, но внятно проговорила: „Гдѣ ста-ри-чекъ?“ Ее сначала не поняли, но Аглая Константиновна догадась наконецъ и, выйдя изъ ея спальни, обратилась съ досадливо-высокомѣрною улыбкой къ Юшкову, усѣвшемуся съ Ашанинымъ въ кабинетѣ княжны, сказавъ

ему: „Она васъ кажется требуетъ!“ послѣ чего, не возвращаясь уже къ дочери, сошла въ свои апартаменты, приказавъ, чтобы „въ случаѣ она будетъ нужна, прислать ей сказать“. Она, очевидно, забывъ, какъ за часъ предъ этимъ ревѣла, что „ma fille est morte“, дулась теперь на больную и на этого „старичка“, котораго потребовала дочь, „когда она тутъ, sa mère qui l'a mise au monde“, и на Ашанина, привезшаго его, и, заставъ въ своемъ ситцевомъ кабинетѣ ожидавшаго ее тамъ Зяблина, фыркнула: „Je ne sais pas vraiment ce que c'est que ce vieux drôle que monsieur Ашанинъ nous a colloqué!...

А княжна видимо обрадовалась „старичку“. Она указала ему взглядомъ стулъ противъ нея. Онъ подвинулъ его и сѣлъ. Она, не перемѣняя положенія, долго глядѣла на него съ легкою улыбкой на блѣдныхъ губахъ и наконецъ проговорила: „я васъ узнала... вы... добрый!“—„Постарайтесь заснуть, милая княжна!“ сказалъ онъ въ отвѣтъ. Она послушно закрыла глаза и принялась дремать. Но вѣки ея то-и-дѣло раскрывались, и она каждый разъ устремляла на него взоръ, полный какой-то тревоги, какъ бы боясь, чтобъ онъ не ушелъ, не пересталъ охранять ее... Онъ такъ и просидѣлъ всю ночь у ея изголовья. Посылать за княгиней не оказалось нужнымъ, а сама она сочла безполезнымъ приходить навѣдываться: „не присылаютъ, значитъ, я не надобна!“ разсуждала она весьма логично и весьма гнѣвно... На зарѣ княжна наконецъ уснула спокойнымъ и крѣпкимъ сномъ.

На другой день только, часу въ девятомъ утра, пріѣхали Вальковскій съ докторомъ Ферапонтовымъ.

Длинный, несуразный, изъ барсуковъ, похожій на Донъ-Базиліо, уѣздный врачъ произвелъ на княжну своимъ *фатальнымъ* видомъ и не совсѣмъ чисто вымытыми руками, которыми ощупывалъ онъ ей пульсъ, довольно отталкивающее впечатлѣніе (она послѣ подкрѣпившаго ее сна находилась въ полномъ сознаніи и говорила безъ труда), къ великому горю старика-смотрителя, котораго потребовала опять къ себѣ, какъ только покончила съ утреннимъ умываньемъ и туалетомъ. Онъ страдалъ и за нее, и за пріятеля своего, Ферапонтова,

извѣстнаго ему за недурнаго практиканта и добраго, хотя неотесаннаго человѣка. Тотъ съ своей стороны, произведя діагнозъ княжны по всѣмъ правиламъ тогдашнихъ медицинскихъ пріемовъ и способовъ опредѣленія, какъ бы смутился вдругъ и долго безмолвно глядѣлъ на нее, насупившись и сопя сквозь не въ мѣру расширившіяся ноздри. Юшковъ, въ свою очередь, глядѣлъ на него во всѣ глаза, въ страхѣ за возможность какого-нибудь „неловкаго" слова. Но докторъ никакого слова не произнесъ. Заговорила сама больная.

— Мнѣ сегодня хорошо, усталость одна, но я бы хотѣла встать, сѣсть въ кресло... Можно докторъ?

— Если чувствуете себя въ силахъ, почему же?...

— Такъ я встану? (Ей хотѣлось, чтобъ онъ скорѣе ушелъ отъ нея).

— Какъ угодно!

Онъ вышелъ въ кабинетъ съ Юшковымъ, и все также, молча, закачалъ головой. У старика задвоилось въ глазахъ... Въ то же время явилась сюда княгиня со всякими вопросами, вздохами и неестественнымъ ворочаньемъ круглыхъ глазъ, нисколько впрочемъ не точившихъ тѣхъ слезъ, которыя она, повидимому, ожидала отъ нихъ теперь. Докторъ отвѣчалъ неопредѣленными и немногосложными фразами... Онъ сказалъ, что вчерашнее каталептическое состояніе княжны свидѣтельствуетъ очевидно объ *анеміи мозга* (княгиня, услыхавъ этотъ невѣдомый ей научный терминъ захлопала глазами пуще прежняго, но ей и въ голову не пришло спросить, что̀ именно долженъ былъ означать онъ,) и что вмѣстѣ съ тѣмъ по общимъ указаніямъ организма слѣдуетъ предполагать извѣстное пораженіе въ полости сердца.

— Ah, mon Dieu, вскрикнула на это княгиня,—мнѣ уже объ этомъ говорилъ докторъ Чипріяни въ Ниццѣ qu'elle a un défaut au coeur, но я думала, что это у нея совсѣмъ прошло... И это очень опасно, докторъ? возгласила она такъ громко, что Юшковъ кинулся притворять дверь спальни, испугавшись, что больная могла услышать эти слова.

— Конечно-съ, отвѣтилъ помолчавъ Ферапонтовъ,—если бы такіе припадки возобновились... Тутъ необходимо постоян-

ное наблюденіе врача... притомъ главное условіе—полное душевное спокойствіе больной; въ этихъ случахъ психія играетъ весьма существенную роль...

Княгиня еще разъ не поняла и спросила:

— А лѣкарство вы ей дадите?

— Успокоительную микстурку прописать можно-съ.

Онъ подошелъ къ письменному столу Лины прописать рецептъ.

— А, впрочемъ, молвилъ онъ, расчеркиваясь,—осмѣлился бы предложить вашему сіятельству адресоваться въ Москву съ приглашеніемъ къ себѣ спеціальнаго врача для пользованія княжны, такъ какъ я уже выразилъ вамъ о необходимости постояннаго наблюденія; я же его принять на себя не могу, въ виду обязанностей моихъ по больницѣ въ городѣ...

— Ah, mon Dieu, я сегодня же пошлю, сегодня же! заголосила Аглая Константиновна и поплыла сообщать объ этомъ дочери.

— А... Василій Григорьевичъ, поспѣшно проговорила на это, вспоминая вдругъ имя и отчество старика-смотрителя, Лина,—онъ останется?

— На что̀ онъ тебѣ, chère enfant? нѣжнымъ голосомъ молвила ей маменька;—вѣдь онъ не докторъ!

— Мнѣ... лучше, когда онъ тутъ, тихо сказала княжна.

Аглая Константиновна повела плечомъ.

— Caprice de malade!... И вернулась опять въ кабинетъ, гдѣ Ферапонтовъ съ фуражкой въ рукѣ, готовясь уѣхать, переговаривался вполголоса съ Юшковымъ.

— Она вотъ *ихъ* все проситъ! сказала она доктору, кивая на смотрителя.

— Василія Григорьевича? улыбнулся тотъ,—что̀ же, это хорошо-съ! Онъ наше дѣло маракуетъ не хуже другаго иного, только что степени надлежащей не имѣетъ... Честь имѣю кланяться вашему сіятельству.

Вальковскій, все время поджидавшій его выхода въ аппартаментѣ Зяблина (куда забился онъ тотчасъ по пріѣздѣ, во избѣжаніе Ашанина, съ которымъ страшно боялся встрѣчи, предвидя всѣ тѣ упреки, которыми тотъ не преминулъ бы

осыпать его), выскочилъ на дворъ, едва заслышалъ скрипъ колесъ подаваемаго тарантаса доктора.

Онъ кинулся къ сидѣвшему уже въ немъ Ферапонтову

— И я съ вами, погодите!

Въ то же время изъ сѣней выскочила полногрудая Lucrèce и, быстро сбѣжавъ по ступенькамъ крыльца, передала доктору незапечатанный бумажный конвертецъ.

— Отъ ея сіятельства княгини.

— Здраствуйте, Лукерья Ильинишна! молвилъ, скаля зубы по ея адресу, „фанатикъ", влѣзавшій къ своему попутчику въ тарантасъ.

Она даже не взглянула на него и, проговоривъ сухо: „здравствуйте-съ!" обернулась и побѣжала въ домъ.

Лошади тронули. Докторъ, державшій въ опущенной на колѣни рукѣ переданный ему пакетецъ, полюбопытствовалъ, какъ только выѣхали они за ограду, узнать о количествѣ содержимаго въ немъ и, опустивъ надъ нимъ глаза, осторожно вытащилъ изъ него на половину двѣ красныя бумажки, которыя тотчасъ же и сунулъ обратно.

— Мзда приличная, а? тутъ же полюбопытствовалъ узнать „фанатикъ", подмѣтившій это движеніе и успѣвшій уже сойтись съ Ферапонтовымъ на самую короткую дружескую ногу.

— Извѣстно, люди богатые, могутъ! промычалъ тотъ,—а только я все же предпочелъ отклонить дальнѣйшее полученіе таковой, добавилъ онъ съ выраженіемъ грубоватой бурсацкой ироніи.

— Что̀ такъ?

Докторъ помолчалъ.

— Баре большіе! Съ ними и говорить-то какъ не знаешь... Да и субъектъ очень ужь нѣжный, принимать на свою отвѣтственность тоже штука опасная можетъ быть! какъ бы неохотно пояснилъ онъ наконецъ.

Вальковскій глубоко вздохнулъ. Онъ по-своему искренно любилъ княжну и желалъ ей всякаго блага, что̀ не мѣшало ему уѣзжать теперь въ Москву изъ боязни отвѣтственности предъ Ашанинымъ за то, что чуть не уморилъ ее на мѣстѣ, и изъ желанія поскорѣе отдѣлаться отъ самой мысли о ней

въ затѣяхъ какого-либо новаго „театрика“, хоть бы въ Замоскворѣчьи, у того же знакомаго ему купца Телятникова, у котораго устраивалъ таковые „за полтораста цѣлкашей“. Таковы люди!...

А Лину между тѣмъ, чувствовавшую себя еще слишкомъ слабою, чтобы подняться на ноги, перекатили въ большомъ креслѣ изъ спальни въ кабинетъ, къ открытому въ садъ окну, куда она просила подвезти ее, и гдѣ вскорѣ очутилась одна со старикомъ-смотрителемъ (Аглая Константиновна, никогда, а теперь тѣмъ менѣе не умѣвшая находить предметы разговора съ дочерью, и которую къ тому же давно ждали и чай, и Зяблинъ въ ея ситцевомъ кабинетѣ, отправилась туда почти тотчасъ вслѣдъ за отъѣздомъ доктора.)

— Вамъ не тяжело оставаться со мной, скажите? начала дѣвушка;—а я, примолвила она, не ожидая отвѣта,—мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы всегда оставались тутъ, со мною...

Онъ поднялъ на нее свои большіе голубые глаза... Они мгновенно подернулись влажнымъ туманомъ, и онъ, въ перепугѣ, чтобы не испугалась она, отвернулся, смущенный и безмолвный.

Лина провела рукой по лицу.

— Какъ удивительно Богъ все устраиваетъ... Мы съ вами разъ только видѣлись и говорили, а между тѣмъ если бы меня вчера, когда я совсѣмъ пришла въ себя послѣ этого обморока, если бы меня спросили, чье лицо было бы мнѣ всего пріятнѣе видѣть подлѣ себя, я бы, кажется, прямо указала на васъ... И вдругъ именно вы! Скажите, какимъ чудомъ вы здѣсь?

Онъ ей разсказалъ свою встрѣчу въ городѣ сначала съ Вальковскимъ, отъ котораго узналъ о случившемся съ нею, потомъ съ Ашанинымъ, предложившимъ ему ѣхать съ нимъ въ Сицкое, на что онъ согласился, зная, что Ферапонтовъ можетъ пріѣхать не скоро, и полагая, что онъ, имѣя коекакія медицинскія свѣдѣнія, могъ на первыхъ порахъ оказать ей нѣкоторую помощь.

— Да, сказала она, тихо улыбаясь,—и привели меня въ чувство... Помните, когда мы съ вами познакомились, вы мнѣ сказали, что, если вы мнѣ будете нужны, вы всегда явитесь...

И вотъ явились! И больше никого не надобно, промолвила она страннымъ тономъ.

Юшковъ недоумѣло поглядѣлъ на нее.

— Maman хочетъ посылать въ Москву за докторомъ, продолжала она черезъ мигъ.

— Да.

— Онъ мнѣ не поможетъ.

— Почему вы думаете, княжна?

Она поглядѣла вдаль, въ садъ, съ его зелеными вершинами, по которымъ играли золотые лучи солнца, обернулась затѣмъ къ нему какъ бы для отвѣта... но не отвѣтила, а спросила:

— Владиміръ Петровичъ... Ашанинъ здѣсь? Или я во снѣ видѣла вчера?

— Здѣсь, подтвердилъ старикъ,—онъ тутъ рядомъ въ комнатѣ до утра пробылъ, пока вы не заснули и я отъ васъ не ушелъ.

— И онъ добрый... очень добрый, прошептала Лина и примолкла... Какая-то глубокая, внутренняя тоска выразилась вдругъ въ чертахъ ея лица.

— Василій Григорьевичъ, неожиданно проговорила она,— знаете что̀, я дурная! Мнѣ надобно, я хочу его видѣть... и вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь...

Онъ понялъ (наканунѣ, ѣдучи въ Сицкое, Ашанинъ счелъ нужнымъ объяснить ему причину обморока княжны,) и поспѣшилъ возразить:

— Напрасно вы боитесь, Елена Михайловна; я полагаю, что онъ васъ скорѣе успокоить можетъ, чѣмъ причинить лишнюю тревогу.

Легкій румянецъ заалѣлъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Да?... Скажите, вы знаете? протянула она, многозначительно глядя ему въ глаза.

— О... объ Офеліи и Гамлетѣ? сказалъ онъ съ улыбкой послѣ легкаго колебанія.

— Да!... Я не скрываю... ни отъ кого! молвила она, медленно закачавъ головой и все также не отрываясь отъ него взглядомъ.

— Вы божественное существо, Елена Михайловна! восторг-

женно воскликнулъ старый идеалистъ, изъ глазъ котораго на этотъ разъ уже прямо брызнули слезы.

— Не надобно этого говорить, грѣхъ! усмѣхнулась и она теперь.—Такъ вы думаете я могу повидаться съ нимъ... съ Владиміромъ Петровичемъ?...

— Я полагаю, княжна, если только вы не станете волноваться; для васъ это вредно!...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣдь знаю, что мнѣ нужны силы... чтобы дождаться его, добавила она съ какимъ-то опять загадочнымъ выраженіемъ.

Юшковъ ушелъ за Ашанинымъ, который, уснувъ на зарѣ весь одѣтый на диванѣ въ бывшей комнатѣ Надежды Ѳедоровны, только-что проснулся въ эту минуту и приводилъ коекакъ въ порядокъ свое измятое платье и спутавшіеся во время сна волосы.

Входя ко княжнѣ, онъ наладилъ черты свои на такое спокойное, чуть не веселое выраженіе, что одинъ видъ его произвелъ на нее благотворное впечатлѣніе. Она протянула ему съ кресла свою тонкую, прозрачную бѣлую руку.

— Спасибо вамъ! Вы оба такіе хорошіе, она повела глазами на старика Юшкова;—я васъ измучила обоихъ...

— Мы отъ этого не растаемъ, княжна, возразилъ Ашанинъ, широко улыбаясь,—и я за тревожно проведенную изъ-за васъ ночь вознагражу себя съ избыткомъ удовольствіемъ оттрепать самымъ наиположительнымъ образомъ этого болвана Вальковскаго, напугавшаго васъ такъ дурацки, а затѣмъ и самого себя, за то, что возымѣлъ несчастную мысль послать его сюда.

И, не давъ ей времени сказать слова, онъ поспѣшно принялся передавать ей о письмѣ къ ней Софьи Ивановны, съ которымъ посланъ былъ въ Сицкое „фанатикъ“ (смотритель было всталъ, съ намѣреніемъ отойти въ другую сторону комнаты, оставя ихъ говорить вдвоемъ, но княжна удержала его на мѣстѣ, сказавъ: „у меня нѣтъ секретовъ, я вамъ говорила!“), о томъ, что Гундуровъ отправленъ графомъ въ Оренбургъ вовсе не „въ ссылку“, а *на службу*, и то вслѣдствіе очевиднаго какого-то недоразумѣнія, для разъясненія кото-

раго Софья Ивановна поѣхала въ Петербургъ, гдѣ она увидится съ княземъ Ларіономъ, и что нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ скоромъ, скоромъ времени Сережа будетъ возвращенъ къ себѣ, въ деревню, и пріѣдетъ въ Сицкое, къ князю.

Лина слушала его молча, опершись щекой объ руку и пристально глядя ему въ лицо своими, какимъ-то таинственнымъ пламенемъ вдругъ загорѣвшимися, васильковыми глазами.

— Да, медленно вымолвила она,—я *знаю*, что я его еще увижу...

Ашанинъ вздрогнулъ отъ этихъ словъ, отъ выраженія этого взгляда...

Она все такъ же тихо продолжала:

— Дядя долженъ пріѣхать завтра или послѣ-завтра въ Москву; я отъ него третьяго дня письмо получила.

— Боже мой, неужели они разъѣхались съ Софьей Ивановной? вскликнулъ, вскакивая съ мѣста, Ашанинъ.—Я сейчасъ же поскачу въ Москву: надо предварить князя, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, повидался съ графомъ прежде, чѣмъ сюда вернуться...

— Поѣзжайте, это хорошо, сказала княжна,—и зайдите къ maman. Она хочетъ выписать мнѣ оттуда доктора, такъ выберите мнѣ, пожалуйста, такого, чтобы былъ добрый и не мучилъ меня лѣкарствами...

— Непремѣнно, княжна!...

Онъ подошелъ проститься съ нею.

Она подала ему руку, которую Ашанинъ наклонился поцѣловать.

Она не дала ему коснуться ея губами и, сжимая его руку, проговорила дрожащимъ голосомъ, подымая на него глаза:

— А *онъ*, что онъ, скажите мнѣ?

— Онъ бодръ, онъ вѣритъ въ васъ, княжна, и онъ ни въ чемъ не виновенъ, отвѣчалъ другъ Гундурова;—онъ уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что это лишь временное испытаніе...

Она удержала вздохъ, просившійся у нея изъ груди, и улыбнулась черезъ силу...

Ашанинъ побѣжалъ къ княгинѣ, засталъ ее за чаемъ, въ компаніи неизбѣжнаго „бриганта“. Предложенію его привезти изъ Москвы доктора она очень обрадовалась.

— Sans cela ce bon monsieur Зяблинъ voulait, en vrai ami, y aller lui-même, объяснила она съ нѣжнымъ взглядомъ по адресу „vrai ami“.—Привезите monsieur Овера! прибавила она величественно къ этому.

— Это будетъ довольно трудно, княгиня; Оверъ такъ занятъ, и такой большой баринъ.

— Je veux absolument que ce soit lui! Je le payerai ce qu'il voudra. Я конечно ничего не пожалѣю quand il s'agit de sauver ma fille. Поѣзжайте, cher monsieur Ашанинъ, и скажите Vittorio, чтобы вамъ заложили коляску...

XL.

— Когда вы пріѣхали? спросилъ князь Ларіонъ, когда Ашанинъ передалъ ему въ общихъ чертахъ все, что̀ могло быть ему лично извѣстно изъ того, что̀ мы, по нашему праву повѣствователя, имѣли возможность представить читателю въ подробномъ изложеніи.

— Вчера вечеромъ.

— У Овера были?

— Былъ. Онъ уже легъ спать, но я настоялъ, чтобы ему было передано о моемъ порученіи. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что сегодня у него какая-то серіозная операція, и что онъ рѣшительно ѣхать не можетъ.

Князь поднялся съ мѣста.

— Я его уговорю. Застану-ли я его теперь дома, какъ вы думаете?

— Нѣтъ, вспомнилъ Ашанинъ:—мнѣ сказали у него, что операцію онъ дѣлаетъ въ десятомъ часу въ Екатерининской больницѣ. Онъ долженъ быть тамъ теперь.

— Хотите вы поѣхать со мною?

— Я весь къ вашимъ услугамъ, князь!

Операція была благополучно окончена, и Александръ Ивановичъ Оверъ, московская знаменитость тѣхъ временъ, въ вицмундирѣ, застегнутомъ на двѣ пуговицы, въ темномъ паричкѣ съ хохолкомъ на правомъ боку, и съ высоко и тѣсно повязаннымъ чернымъ галстукомъ, на который твердо опиралось его еще замѣчательно красивое, оголенное, съ живыми, проницательными черными глазами, лицо, стоялъ въ сѣняхъ

Екатерининской больницы, торопливо передавая своему ассистенту послѣднія инструкціи относительно оперированнаго субъекта, въ ожиданіи своей выѣзжавшей со двора кареты, когда въ эти сѣни вошли князь Ларіонъ Шастуновъ и его молодой спутникъ.

— Какъ я радъ, что застаю еще васъ здѣсь, Александръ Ивановичъ! молвилъ князь, поспѣшно подходя къ нему и подавая ему руку (они были лично знакомы, и знаменитый практикантъ пользовалъ князя зимой отъ какого-то подагрическаго припадка).

— И я радъ видѣть васъ, князь, отвѣтилъ тотъ, — хотя заранѣе могу сказать, примолвилъ онъ, съ улыбкой глядя на Ашанина,—что вы намѣрены потребовать отъ меня того, что̀ я въ настоящую минуту не нахожу никакой возможности исполнить.

— И все-таки исполните, быстро возразилъ князь Ларіонъ,—когда я вамъ скажу, что я твердо рѣшился не отставать отъ васъ, обратиться въ вашу тѣнь, ждать васъ у всѣхъ дверей, мѣшать вамъ ѣсть, пить, спать, пока вы не поѣдете со мною!

Не смотря на полушуточную форму этихъ словъ, Оверъ былъ пораженъ глубокою страстностью настоянія, сквозившаго сквозь нихъ. Онъ понялъ, что дѣйствительно этотъ человѣкъ отъ него не отстанетъ. Онъ провелъ машинально рукой по хохолку своего парика и пристально взглянулъ на князя.

— Развѣ ваша невѣстка такъ больна? спросилъ онъ.

— Кто вамъ говоритъ про мою невѣстку! вскрикнулъ, весь даже покраснѣвъ, князь Ларіонъ, — дѣло идетъ о моей племянницѣ, которую вы видѣли, о которой я говорилъ вамъ зимой...

— Oh, pardon, cher prince, pardon! — Я не понялъ! Я ужь совсѣмъ засыпа̀лъ вчера, когда мнѣ пришли сказать, что они (онъ указалъ на Ашанина, котораго зналъ, какъ знала его вся Москва,) пріѣхали приглашать меня. Не разслышалъ я, или мнѣ перевралъ человѣкъ, но понялъ я такъ, что зоветъ *княгиня* Шастунова, то-есть, для себя. Что̀ съ ней мо-

жетъ случиться—грибковъ развѣ обкушалась... Изъ-за этого скакать, оставляя серіозно больныхъ паціентовъ... А вы говорите княжна, племянница ваша?... Une adorable créature! вырвалось при этомъ изъ устъ Овера, принадлежавшаго къ числу горячихъ поклонниковъ женской красоты.—Да, я помню, вы мнѣ говорили: она страдаетъ сердцемъ? Что̀ же было съ нею теперь?

— Я вамъ все это разскажу подробно дорогой, а до тѣхъ поръ примите мое честное слово, что случай серіозный... вопросъ о жизни и смерти быть можетъ... Голосъ князя Ларіона болѣзненно задрожалъ.

Оверъ сочувственно повелъ на него своими живыми темными глазами.

— Далеко это ѣхать къ вамъ? молвилъ онъ помолчавъ.

— Къ ночи вы будете дома въ Москвѣ.

— Я живу на дачѣ въ Кунцовѣ; думалъ, признаюсь вамъ, поотдохнуть сегодня in's Grüne... Но дѣлать нечего: для такого прелестнаго созданія, какъ ваша племянница, готовъ пожертвовать этимъ днемъ... Когда-жь ѣхать?

— Сейчасъ же, если можете!

— Нѣтъ! Мнѣ еще надо отсюда къ одному тяжелому больному... Черезъ часъ, если хотите, сказалъ онъ, взглянувъ на часы:—надо же и домой заѣхать... Я пріѣду къ вамъ. Все тамъ же, на Покровкѣ?

— Нѣтъ, я только что изъ Петербурга и остановился въ Дрезденѣ, расчитывая сейчасъ же ѣхать въ деревню.

— Тѣмъ лучше, мнѣ туда ближе.

— Такъ я буду ждать васъ навѣрное?

— Навѣрное!

Они подали руки другъ другу и разъѣхались.

— А теперь вотъ что̀, сказалъ князь Ашанину, садясь въ коляску: — я сейчасъ напишу Софьѣ Ивановнѣ Переверзиной въ Петербургъ, а вы потрудитесь свезти это письмо на почту и немедленно отправить его туда эстафетой. Она ждетъ его и несомнѣнно тотчасъ же вернется, когда получитъ... За вашимъ пріятелемъ Гундуровымъ графъ уже распорядился послать этого толстяка, исправника нашего бывшаго. Онъ

въ настоящую минуту ускакалъ даже, вѣроятно. Но весьма было бы важно знать, гдѣ онъ его можетъ нагнать, и когда, слѣдовательно, можно разсчитывать, что Сергѣй Михайловичъ будетъ въ своемъ Сашинѣ... Разъ уже вы принимаете такое живое участіе... во всемъ этомъ дѣлѣ, вамъ необходимо было бы слѣдить за минутой его возвращенія и...

— Я лучше сдѣлаю, князь, перервалъ его Ашанинъ, — я самъ поскачу къ нему. Онъ во Владимірѣ и ждетъ письма отъ меня именно объ этомъ... о княжнѣ... Я передамъ ему все и привезу... Черезъ два дня мы будемъ съ нимъ въ Сашинѣ. Мнѣ теперь фельдъегерская служба ни по чемъ! добавилъ онъ съ невольною вспышкой обычной своей веселости.

Князь кивнулъ одобрительно головой.

— Это хорошо, но вы должны дать мнѣ честное слово, что вы не допустите пріятеля вашего пріѣхать въ Сицкое ранѣе, чѣмъ вы, или онъ, извѣстите меня о возвращеніи его въ Сашино и не получите отъ меня разрѣшенія пріѣзжать... Вы понимаете, что... для Hélène каждое волненіе, каждая неожиданность могутъ имѣть...

Голосъ его оборвался.

— Даю вамъ въ этомъ за него честное слово, князь! молвилъ глубоко тронутый молодой человѣкъ: — моего вамъ не нужно.

Они вернулись въ гостиницу.

Князь Ларіонъ потребовалъ свой портфель и усѣлся за письмо къ Софьѣ Ивановнѣ. Онъ запечаталъ его и передалъ Ашанину вмѣстѣ съ деньгами на эстафету.

— До свиданія, сказалъ онъ и какъ бы черезъ силу примолвилъ:—дай Богъ при лучшихъ обстоятельствахъ!...

Ашанинъ поспѣшилъ уйти.

— Извощикъ! крикнулъ онъ, выбѣгая на крыльцо и вытаскивая на-ходу изъ кармана бумажникъ, чтобъ уложить въ него письмо и деньги князя. — А у самого-то сколько у меня осталось? пришло ему въ эту минуту въ голову.

Онъ развернулъ бумажникъ: въ немъ оказывались одна трехрублевая и двѣ рублевыя бумажки.

„Съ этимъ до Владиміра не доскачешь!“ сказалъ онъ себѣ, вытягивая губы кружечкомъ.

Онъ на мигъ задумался и тутъ же разсмѣялся этому думанью:

— На Кузнецкій Мостъ! закомандовалъ онъ, садясь на извощика.

На Кузнецкомъ Мосту онъ велѣлъ остановиться у входа въ знакомый ему магазинъ золотыхъ издѣлій. Онъ вошелъ въ него и направился къ конторкѣ, за которою хозяинъ записывалъ что-то въ свою книгу.

— Можете-ли вы дать мнѣ двадцать пять рублей на два дня подъ залогъ вотъ этого? сказалъ онъ ему, отстегивая отъ жилетной пуговицы часовую цѣпочку и передавая ее съ часами чрезъ рѣшетку.

Ювелиръ, у котораго нашъ Донъ-Жуанъ пріобрѣталъ не разъ всякіе колечки и браслетцы для своихъ Эльвиръ и Церлинъ, повелъ на него глазами, улыбнулся и, приподнявъ доску своей конторки, вынулъ оттуда сѣренькую и протянулъ ему.

— Извольте-съ, а часики ужь при себѣ оставьте, пригодятся.

— Ну и спасибо вамъ! расхохотался красавецъ, пожалъ ему руку и, выбѣжавъ изъ магазина, вскочилъ на своего извощика.

— Въ почтамтъ, и полтинникъ на водку, если хорошо поѣдешь!

Черезъ часъ онъ скакалъ въ перекладной по дорогѣ къ Троицѣ. Фельдъегерская служба дѣйствительно была для него теперь обычнымъ дѣломъ...

XLI.

Аглая Константиновна выскочила даже самолично на лѣстницу, когда въ началѣ восьмаго послѣ обѣда пришли ей сказать, что пріѣхалъ ея деверь, а съ нимъ и „господинъ докторъ Оверъ“. Она была польщена тѣмъ, что эта первая „célébrité médicale de Moscou“ поспѣшила прискакать къ ней въ деревню по первому ея зову, и положила по этому „être très aimable pour lui“... Но болѣе всего подмывало ее любопытство поскорѣе взглянуть на князя Ларіона и, если не изъ его устъ, то „à l'expression de sa figure“ надѣялась она узнать „съ чѣмъ“ пріѣхалъ онъ изъ Петербурга, какое окончательное рѣшеніе принялъ онъ „relativement à sa position là-bas“.

Ничего, разумѣется, не прочла она относительно всего этого на его строгомъ, блѣдномъ и страшно осунувшемся, показалось только ей, лицѣ. Князь сухо поклонился ей и даже не спросилъ о здоровьѣ Лины (онъ почиталъ совершенно безполезнымъ обращаться къ ней съ такимъ вопросомъ), а, указывая на своего спутника, сказалъ первымъ словомъ:

— Мы съ Москвы ничего не ѣли, и Александръ Ивановичъ, я увѣренъ, умираетъ съ голода. Дадите-ли вы ему скорѣе пообѣдать?

Vittorio, выбѣжавшій въ сѣни встрѣчать пріѣхавшихъ, поспѣшилъ отвѣтить, что князя ждутъ второй день и обѣдъ будетъ „servi à la minute“.

Княгиня повела сама пожелавшаго привести себя нѣсколько въ порядокъ, послѣ дороги, Овера въ одну изъ ком-

натъ для гостей въ бельэтажѣ, разсказывая ему по пути о „fâcheux accident“, случившемся съ ея дочерью, но болѣе всего о томъ, какую „secousse“ произвелъ этотъ „accident“ на ея собственную персону, на ея „système nerveux“, причемъ объявила, что она была всегда „d'une nature de sensitive“, которую вѣроятно и „имѣла несчастіе передать дочери“.

Умные глаза доктора такъ и запрыгали отъ пронявшаго его внутренняго смѣха. Онъ глянулъ искоса на эту расплывшуюся бабищу, сентиментально ворочавшую своими глупыми круглыми зрачками и, обернувъ парикъ, проговорилъ насколько могъ серіозно:

— Я бы этого никогда не подумалъ, въ виду вашей цвѣтущей наружности, княгиня... А впрочемъ les apparences sont trompeuses,—même pour un médecin, примолвилъ онъ тутъ же съ любезностью бывалаго свѣтскаго практиканта.

Князь Ларіонъ между тѣмъ прямо поднялся въ верхній этажъ.

Лина, которую Глаша прибѣжала извѣстить о его пріѣздѣ, выслала ее просить скорѣе къ себѣ старика-смотрителя, котораго все также продолжала не отпускать отъ себя, и который съ своей стороны съ чувствомъ какого-то болѣзненнаго блаженства въ душѣ исправлялъ при ней должность сидѣлки. Онъ все утро сегодня провелъ за чтеніемъ ей *Ундины*, къ великому обоихъ ихъ наслажденію.

Князь не видалъ его никогда до этой минуты, но, взглянувъ въ лицо стараго романтика,—въ это доброе, открытое лицо съ ворохомъ сѣдыхъ волосъ, разлетавшихся во всѣ стороны, и большими юношескими глазами, въ которыхъ говорила какая-то совершенно дѣтская чистота и впечатлительность,—онъ сразу понялъ то внутреннее душевное родство, которое должно было сказаться этому простому старику и этой дѣвушкѣ, такъ далеко поставленнымъ другъ отъ друга на общественной лѣстницѣ, съ первой же минуты знакомства ихъ другъ съ другомъ. То, что для Аглаи Константиновны могло само собою быть объясняемымъ единственно какъ „caprice de malade“, принимало совсѣмъ иное значеніе въ глазахъ князя Ларіона: онъ прозрѣвалъ за этимъ ту тоскливую потребность

страждущаго существа въ другомъ, близкомъ ему по духу существѣ, въ которомъ увѣрено было бы оно найти необходимыя ему въ эту минуту нѣжность, опору, покровительство... Больная Лина, говорилъ себѣ князь, инстинктивно ограждала себя опорой и нѣжностью этого старика „съ улицы“ отъ тупаго и назойливаго безсердечія родной матери...

— Племянница моя очень полюбила васъ, я слышалъ, сказалъ онъ, пожимая Юшкову руку.—Я очень радъ этому... Не говорю *благодарю,* потому что за такія вещи не благодарятъ...

— За что̀ благодарность, ваше сіятельство! возразилъ тотъ восторженнымъ и дрожащимъ голосомъ,—за то, что допустили послужить ангелу небесному!...

— Такъ можно къ ней теперь? спросилъ князь.

— Пожалуйте, проситъ васъ.

Она встала со своего кресла и пошла навстрѣчу дядѣ, какъ только его увидѣла. Онъ поспѣшилъ къ ней, обнялъ ея голову обѣими руками, прильнулъ губами къ ея золотистымъ волосамъ...

— Садись, садись! поспѣшно заговорилъ онъ, отводя ее опять на мѣсто,—ты еще слаба...

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ, я гораздо лучше себя чувствую сегодня.

Онъ сѣлъ противъ нея, уткнувшись руками въ колѣни, съ невыразимымъ восхищеніемъ и мучительною тоской воззрясь въ черты ея лица. Никогда еще такою красотой не исполнены были эти черты... но это была какая-то никогда еще имъ невиданная, пугавшая его красота.

Онъ чрезмѣрнымъ усиліемъ заставилъ себя улыбнуться, заставилъ голосъ свой зазвучать ровнымъ, обычнымъ ему звукомъ:

— И болѣть совсѣмъ не нужно было, началъ онъ: — я тебѣ привезъ очень хорошія вѣсти.

— Да, дядя?... Я была увѣрена! промолвила она тутъ же.

— Ты была увѣрена, что я не допущу несправедливости, что *это* могло случиться только въ моемъ отсутствіи? спросилъ онъ въ объясненіе себѣ ея восклицанія.

— Да... и *такъ*, отвѣчала она, слегка сжимая брови и какъ бы спрашивая теперь себя сама, откуда могло явиться у нея это убѣжденіе.

— „И такъ“? повторилъ онъ, вызывая новую улыбку на свои уста; — такъ отчего же ты такъ испугалась, лишилась чувствъ?

— Нѣтъ, это послѣ... со мною сдѣлалось, молвила Лина.

— Что̀ „послѣ“?

— Я право не умѣю вамъ это объяснить, дядя (она въ свою очередь теперь старалась улыбнуться):—будто что̀-то раскрывается предо мною, говоритъ впередъ... Такъ странно... И она провела себѣ рукою по лицу.

—А если такъ, поспѣшилъ заговорить опять князь Ларіонъ,—заговорить свою тревогу, — то подсказываетъ-ли тебѣ это что-то, что испытанія твои близятся къ концу?...

Внезапный румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

— Что̀ хотите вы сказать, дядя?

— А то̀, что послѣ того, что̀ было съ тобою теперь, Аглая Константиновна сама пойметъ, надѣюсь, что вещи не могутъ оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ они стояли до сихъ поръ, что дальнѣйшее ея упорство было бы преступленіемъ... Это скажетъ ей и Оверъ, котораго она выписала для тебя; я всю дорогу стилировалъ его въ этомъ смыслѣ... Повторяю, испытанія твои кончены! Все оказалось фальшивою тревогой. За Сергѣемъ Михайловичемъ послано въ догонку; никакой ссылки нѣтъ и не будетъ; онъ во Владимірѣ, и господинъ Ашанинъ, поскакавшій съ своей стороны за нимъ, обѣщалъ привезти его домой въ Сашино послѣ-завтра. Софьѣ Ивановнѣ Переверзиной я сегодня же отправилъ въ Петербургъ эстафету! мы встрѣтились съ нею на дорогѣ и условились: она тотчасъ же выѣдетъ, получивъ мое письмо. Чрезъ нѣсколько дней ты ихъ увидишь здѣсь... увидишь *его* на правахъ жениха твоего, Hélène, примолвилъ князь невольно дрогнувшимъ голосомъ.

Она откинулась вдругъ въ спинку своего кресла и поднесла руку къ глазамъ.

— О, если бы это раньше, раньше! вырвалось у нея мучительнымъ стономъ.

— Hélène, другъ мой, что съ тобою? вскрикнулъ онъ, помертвѣвъ.

Она не отвѣчала, но изъ-подъ этой тонкой, прозрачной руки, прикрывавшей глаза ея, потокъ слезъ двойнымъ ручьемъ покатился и закапалъ на легкія сборки корсажа ея лѣтняго платья.

Князь Ларіонъ стоялъ предъ нею, безсильный сказать слово.

А Лина какъ-то вдругъ собралась, совладала съ собою, отерла глаза платкомъ и, глядя на него уже съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ, схватила его руку:

— Дядя, милый, простите!... Я еще слаба, нервна... я печалю васъ, когда мнѣ слѣдуетъ такъ благодарить васъ... Вы говорите, вы привезли доктора, поспѣшно промолвила она,— я очень рада, дядя, пусть онъ вылѣчитъ меня скорѣе, скорѣе, если можетъ...

XLII.

Пообѣдавъ наскоро въ обществѣ князя Ларіона, который отъ обнимавшаго его внутренняго волненія едва прикасался къ подаваемымъ имъ блюдамъ, знаменитый московскій врачъ просилъ провести его къ княжнѣ.

— Я желалъ бы, чтобы вы мнѣ позволили остаться наединѣ съ больною, сказалъ онъ Аглаѣ Константиновнѣ, которая почитала теперь нужнымъ не отставать отъ него и свидѣтельствовать ему своими охами и сентиментальнымъ ворочаньемъ глазъ о своей нѣжности къ дочери и тревогѣ за нее: — присутствіе домашнихъ всегда невольно отвлекаетъ и врача, и паціента, и мѣшаетъ имъ сосредоточиться настолько, насколько это требуется въ данномъ случаѣ.

— Vous êtes un prince de la science, comme on dit, monsieur Auvert, отпустила Аглая, любезно усмѣхаясь,—et puis vous êtes un homme si comme il faut; il ne peut y avoir rien de mauvais que vous restiez seul avec ma fille.

Оверъ слегка закусилъ губу и обмѣнялся съ княземъ Ларіономъ быстрымъ, говорящимъ взглядомъ.

— Пойдемте, Александръ Ивановичъ, сказалъ ему тотъ, вставая.

— Вотъ, Hèlène, кто поможетъ тебѣ обрадовать всѣхъ, кто тебя любитъ, скорѣйшимъ исцѣленіемъ, молвилъ онъ, вводя его въ комнату племянницы: — ты Александра Ивановича не разъ видѣла у меня зимой, и страшнымъ онъ тебѣ вѣроятно не покажется.

— Non, non, воскликнулъ Оверъ, смѣясь,—je me flatte de

n'avoir jamais fait l'effet d'un Croquemitaine à mes belles malades... Что̀ это съ вами случилось, милая княжна? заговорилъ онъ, садясь противъ нея и беря ее за руку, — не надо себя такъ дурно вести!... Онъ какъ бы беззаботно улыбался, зорко въ то же время глядя на нее и собирая въ мысли всѣ болѣзненныя подробности, улавливаемыя имъ въ ея наружности.

Она тоже чуть не весело улыбнулась и все между тѣмъ угадывала, все понимала.

— Я дурная, я знаю, говорила она,—и совсѣмъ не такъ веду себя, какъ слѣдуетъ...

— Александръ Ивановичъ хорошенько побранитъ тебя за это, и, чтобы не мѣшать ему, я ухожу, въ свою очередь, тономъ шутки сказалъ князь, выходя за двери кабинета съ какимъ-то невыносимо ноющимъ чувствомъ тоски и чуть не злости на ту никого не обманывавшую комедію, которую разыгрывали они сейчасъ всѣ трое.

Онъ прошелъ въ бывшую комнату Надежды Ѳедоровны, куда ранѣе его удалился старикъ-смотритель, и сидѣлъ теперь у окна, воззрясь въ даль, въ садъ, залитый въ эту минуту багрянцемъ вечерней зари, и такъ всецѣло погруженный въ это зрѣлище, что и не замѣтилъ, не слыхалъ шаговъ входившаго князя. Онъ вполголоса бормоталъ что-то про себя.

Князь Ларіонъ опустился на стулъ въ глубинѣ комнаты, машинально прислушиваясь. Старикъ читалъ старинные стихи Жуковскаго:

— Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна цвѣтетъ!
Для тебя иная
Тамъ, въ долинѣ рая,
Снова жизнь блеснетъ...

— „*Тамъ!*“ громко повторилъ князь Ларіонъ въ порывѣ неудержимаго раздраженія; — что̀ мы знаемъ объ этомъ! Мы знаемъ только, что *здѣсь* отъ насъ уходитъ безвозвратно неповинная жизнь...

Старикъ быстро обернулся на звукъ этого голоса... Юношескіе глаза его загорѣлись какимъ-то вдохновеннымъ пламенемъ. Онъ вытянулъ руку, указывая на пламенѣвшее въ огняхъ заката небо:

— Какъ это вѣчное солнце угасаетъ здѣсь, чтобы загорѣться лучезарно надъ другимъ міромъ... И не какимъ нибудь отцомъ церкви сдѣлано это превосходное сравненіе: „великій язычникъ“ Гёте *) нашелъ его, ваше сіятельство!...

Онъ вдругъ разомъ смутился и замолкъ, отвернувшись лицомъ къ раскрытому окну... Смутился словно за нимъ и князь, нахмурился и опустилъ голову... Оба они безсознательно, противъ воли, вымолвили громко тò, чего внутренно допустить никто еще изъ нихъ не хотѣлъ, противъ чего возмущались они оба душой, какъ бы противъ какого-то неслыханнаго, невозможнаго, недопустимаго насилія... Обоимъ имъ словно страшно стало отъ этихъ, Богъ вѣсть какъ, вырвавшихся у нихъ словъ.

Такъ просидѣли они долго, молча и не глядя другъ на друга, пока не раздались въ корридорѣ шаги выходившаго отъ княжны Овера.

Князь поспѣшно всталъ и пошелъ ему на встрѣчу.

— Зайдемте сюда, Александръ Ивановичъ, сказалъ онъ, вводя его въ ту же комнату Надежды Ѳеодоровны.—Ну чтò? примолвилъ онъ съ усиліемъ.

Тотъ вскинулъ на него на мигъ свои проницательные глаза.

— Прямой опасности въ настоящую минуту я не вижу, началъ онъ, помолчавъ,—въ особенности, если никакого повода къ новой коммоціи не будетъ ей дано извнѣ, моральными опять-таки причинами... Но въ полости сердца не ладно,

---

*) Подлинныя слова Гёте передаются въ извѣстныхъ разговорахъ съ Эккерманомъ такъ:

„Unser Geist ist ein Wesen ganz unstörbarer Natur; es ist ein fortwirkendes von Ewigkeit zu Ewigkeit. Es ist der Sonne ähnlich, die blos unsern irdishcen Augen unterzugehen scheint, die aber nie untergeht, sondern unaufhörlich vorleuchtet“.

не ладно! повторилъ онъ, хмурясь,—скрывать отъ себя этого нельзя...

— И ваша медицина не имѣетъ противъ этого средствъ? невольнымъ упрекомъ зазвучалъ голосъ князя Ларіона.

Опытный и умный московскій практикантъ только плечомъ дернулъ:

— Eh, mon cher priche, la chirurgie c'est quelque chose,— la mèdecine ce n'est rien!... *) Надежды въ настоящемъ случаѣ надо возлагать не на насъ, эскулаповъ, а на молодость паціентки... Молодость—необыкновенный врачъ и производитъ иногда совершенно невѣроятныя цѣленія. Молодость и счастіе, добавилъ онъ, — отсутствіе душевныхъ заботъ, страданій...

— Вы, надѣюсь, не забудете это сказать моей невѣсткѣ? молвилъ князь Ларіонъ.

— Непремѣнно, непремѣнно и сейчасъ же!... Онъ направился къ двери.

— А насчетъ гигіены княжны не будетъ никакихъ предписаній? вскинувшись съ мѣста за уходившимъ, спросилъ смотритель, жадно прислушивавшійся все время къ разговору.

Оверъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Господинъ Юшковъ, поспѣшилъ назвать его князь Ларіонъ,—о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ.

— Ахъ, да, и княжна сейчасъ тоже говорила мнѣ... Вы привели ее въ чувство и внушаете ей большое довѣріе. Это очень хорошо и всегда полезно больному...

Онъ взялъ старика подъ руку и повелъ его по корридору, сообщая ему о томъ, что предписано было имъ Линѣ.

Отпустивъ его съ этимъ къ ней, Оверъ обратился къ князю.

— У нея какая-то удивительная, необыкновенная красота, у вашей племянницы... La beauté d'une inspirée, сказалъ онъ въ объясненіе своей мысли.

---

*) Слова, слышанныя лично отъ покойнаго Овера пишущимъ эти строки.

— Это меня пугаетъ, глухо проговорилъ князь Ларіонъ,— у нея какія-то прозрѣнія, что-то въ родѣ галлюцинацій...

— Въ этихъ болѣзняхъ явленіе это довольно обычно, сказалъ Оверъ:—нервная система дѣлается особенно воспріимчивою, чуткою и...

— Да, это я такъ и понялъ, перебилъ его князь, видимо обрадованный этимъ объясненіемъ.—Я еще одного боюсь, Александръ Иванычъ, заговорилъ онъ черезъ мигъ опять:— перваго свиданія ея съ молодымъ человѣкомъ... Не произведетъ-ли это опять на нее коммоціи, какъ вы говорите?

— Вы предварили ее, что она его увидитъ?

— Да, я ей сказалъ.

— Хорошо сдѣлали... А когда онъ пріѣдетъ, надо будетъ опять приготовить ее къ этому, дать ей время освоиться съ мыслью, что она его увидитъ сейчасъ. Я надѣюсь, что сойдетъ совершенно благополучно... Сколько мнѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ, счастіе никого не убивало! засмѣялся онъ въ заключеніе, спускаясь по лѣстницѣ съ княземъ въ бельэтажъ.

Аглая Константиновна ждала ихъ въ своихъ внутреннихъ аппартаментахъ. Зяблинъ, увидѣвъ входившихъ, тотчасъ же исчезъ (онъ постоянно, когда только могъ, избѣгалъ находиться въ обществѣ князя Ларіона).

— Eh bien, cher docteur? заголосила она, идя навстрѣчу Оверу.

— Eh bien, princesse, началъ онъ съ-оника,—ваша дочь страдаетъ серьезно сердцемъ, а чтобъ избѣжать могущихъ произойти отъ этого... весьма печальныхъ послѣдствій, надо прежде всего устранить тѣ моральныя причины, которыя вызвали, напримѣръ, ея третьягодняшній припадокъ... Я не имѣю права вмѣшиваться въ семейныя дѣла и тайны, но почитаю своимъ долгомъ медика предупредить васъ, что исцѣленія княжны можно ожидать единственно тогда, quand elle se sentira moralement satisfaite et heureuse, примолвилъ онъ для большаго эффекта на нее по-французски.

Аглая растерянно захлопала глазами.

— Mais, mon Dieu! cher docteur, je ne pense qu'à son bonheur! слезливо пролепетала она, испуганно косясь въ то

же время на князя Ларіона, безмолвно стоявшаго противъ нея и глядѣвшаго на нее неотступнымъ, прожигавшимъ ее взглядомъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, княгиня, возразилъ Оверъ со всею свойственною ему свѣтскою любезностью,—какъ и не сомнѣваюсь въ томъ, что вы для счастія вашей дочери желаете того же самого, чего и она желаетъ... Въ противномъ случаѣ, повторяю, ни за что̀ поручиться нельзя!

— Mais il faut la traiter contre son mal, cher monsieur Auvert! испуганно вскрикнула на это умная маменька;—я знаю, что вы сами не можете à cette distance, mais je vous supplie прислать намъ изъ Москвы хорошаго доктора, который все время былъ бы при ней... Je ne me fie pas du tout à ce vieux monsieur, котораго Богъ знаетъ откуда взяли, et dont ma fille s'est engouée...

Глупость этой женщины начинала раздражать Овера.

— Объ этомъ мы уже уговорились съ княземъ, beau-frère'омъ вашимъ, перебилъ онъ ее:—завтра же я вамъ вышлю изъ Москвы одного изъ моихъ ассистентовъ, даровитаго и уже опытнаго молодаго человѣка... Но я долженъ вамъ сказать еще разъ, княгиня, что ни онъ, ни я, никакой врачъ въ мірѣ не въ силахъ принести ей пользы, если прежде всего не будутъ отстранены тѣ моральные поводы, которые привели дочь вашу къ настоящему ея состоянію... Еще такой обморокъ—и ничто уже, пожалуй, не будетъ въ состояніи вернуть ее къ жизни, предваряю васъ! Если ея домашнимъ угодно принять на себя отвѣтственность за такой исходъ дѣла, воля ихъ, но медицина во всякомъ случаѣ умываетъ себѣ въ этомъ руки!...

Онъ сухо поклонился ей и обратился ко князю Ларіону:

— А за симъ полвольте, любезный князь, напомнить вамъ ваше обѣщаніе отпустить меня, какъ только минуетъ во мнѣ надобность... Я бы хотѣлъ хоть къ раннему утру завтра вернуться въ Москву, чтобы не опоздать къ пріему больныхъ...

— Я велѣлъ уже запрягать, отвѣтилъ тотъ,—пойдемте ко мнѣ пока.

Оверъ еще разъ поклонился княгинѣ,—которая была до того поражена тѣмъ, что̀ выслушала отъ него, что не въ состояніи была вымолвить слова и только руку протянула ему съ мѣста на прощанье. между тѣмъ какъ отъ испытаннаго ею ужаса крупныя капли испарины выступили изо всѣхъ поръ ея жирнаго и тупаго лица,—и вышелъ съ княземъ Ларіономъ.

Аглая долго не могла притти въ себя. Въ первый разъ сознавала она себя притиснутою къ стѣнѣ, лишенною всѣхъ тѣхъ средствъ обойти, солгать, обмануть, которыми орудовала она до сихъ поръ въ борьбѣ ея съ чувствомъ дочери и авторитетомъ ненавистнаго ей деверя, и надѣялась въ будущемъ достигнуть „полнаго исполненія желаній“.... Этотъ московскій „prince de la science“, котораго „всѣ тамъ знаютъ“ и который „будетъ всѣмъ тамъ объ этомъ разсказывать“,—онъ прямо сказалъ ей теперь, что за всякія „печальныя послѣдствія“, которыя могутъ быть съ Линой, „отвѣтственность должна лежать на ея домашнихъ...“ „Домашніе—c'est moi, разсуждала Аглая,—parceque Larion et Lina ne font qu'un!...“ Она конечно жалѣла о болѣзни дочери и боялась за нее, но слово „отвѣтственность“ болѣе всего пугало ее. „On dira des horreurs de moi en cas d'accident, que Dieu nous en préserve!“ съ ужасомъ повторяла она мысленно. Да, но тогда „la comtesse, le jeune comte qui a tout pour lui, l'oncle premier favori, la Cour où Lina serait si bien,“—всѣ эти завѣтные планы ея и лучшія мечты, все это надо было забыть, вычеркнуть, признать поконченнымъ, погибшимъ навсегда. Вмѣсто Петербурга, съ его дворомъ и гранмондомъ, „ce trou de Moscou;“ вмѣсто „jeune comte,“—„un petit monsieur de rien du tout;“ вмѣсто того, чтобы попасть въ министерши un jour, дочери ея предстоитъ сдѣлаться „Frau Professorin, comme on dit en Allemagne!“ О, позоръ! о, горе неисходное!... Сердце благородной дочери цѣловальника Раскаталова обливалось кровью, думая объ этомъ.

„Que faire, mon Dieu, que faire?“ повторяла она себѣ, мечась по дивану своего ситцеваго кабинета и не находя себѣ на немъ мѣста. Если бы только она могла надѣяться,

что Лина скоро выздоровѣетъ... Но нѣтъ, „prince de la science ей прямо сказалъ, что выздоровленіе Лины зависитъ отъ удовлетворенія ея желаній, „c'est à dire de son mariage avec ce petit monsieur,“ перевела это на реальный языкъ свой Аглая. А впрочемъ, осѣнила ее вдругъ одна изъ тѣхъ счастливыхъ мыслей, съ обращиками которыхъ не разъ уже встрѣчался читатель въ теченіе этого длиннаго повѣствованія,— „si ce monsieur Auvert exagérait... et mentait même, pour faire plaisir à mon cher beau-frère?“...

И вслѣдъ за счастливою мыслью уже цѣлый планъ дѣйствій начиналъ созидаться въ многодумной головѣ ея. Она прежде всего „привлечетъ на свою сторону“ того доктора, котораго Оверъ долженъ прислать имъ изъ Москвы; она „обѣщаетъ ему mille roubles“, чтобъ онъ сказалъ ей только „le vraie vérité“ насчетъ здоровья Лины; дастъ ему „еще другія mille,“ если онъ обѣщаетъ вылѣчить ее независимо отъ всѣхъ тѣхъ „causes morales dont parle ce monsieur Auvert въ угоду князю Ларіону“... Что̀ касается этого „petit monsieur“, въ котораго Лина „a eu malheur влюбиться“, то она про него ни слова не будетъ говорить „pour ne pas aggraver l'état de la malade“. Но вѣдь онъ сосланъ въ дальнія страны, „откуда его скоро не выпустятъ“, и потому бояться его въ настоящую минуту нечего, а пока онъ еще вернется, Лина успѣетъ выздоровѣть „et deviendra plus raisonnable, надо надѣяться“...

Остановившись на такомъ мудромъ соображеніи, Аглая облегчила себя вздохомъ полною грудью и, отложивъ вѣеръ, которымъ все время лихорадочно обмахивала свое вспотѣвшее лицо, схватила со стола колокольчикъ и зазвонила.

— Попросить сейчасъ ко мнѣ Евгенія Вла... обратилась она было къ показавшемуся въ дверяхъ камердинеру и не договорила.

— А я васъ осмѣлюсь попросить отложить это на полчаса! молвилъ, входя на эти слова, князь Ларіонъ

Финогенъ тотчасъ же исчезъ. Аглая Константиновна ёрзнула пугливо на своемъ диванѣ, предчувствуя „une scène affreuse“...

Князь остановился предъ нею.

— Вы слышали, что̀ сказалъ докторъ, тихо и медленно проговорилъ онъ.

— Да, Larion, certainement, я слышала...

— И что̀ же полагаете вы теперь дѣлать?

— Mon Dieu, Larion, залепетала она,—я право не знаю... но я думаю qu'il exagère beaucoup, и особенно quant aux causes du mal. Вы помните, что у Лины были такіе же припадки въ Ниццѣ...

— Вызванные совершенно однородными причинами, досказалъ князь Ларіонъ:—то-есть, такими же „моральными" страданіями, тоской по умершемъ отцѣ... Впрочемъ, если вамъ не достаточно авторитета Овера, никто вамъ не мѣшаетъ выписать сюда на консультацію хоть цѣлый медицинскій факультетъ изъ Москвы. Я же вполнѣ довѣряю его словамъ, и сто̀итъ только взглянуть на Hélène, чтобъ убѣдиться, насколько они вѣрны. А такъ какъ вы слышали, какими средствами можно способствовать ея исцѣленію, то, предваряю васъ, я и сообщилъ Hélène, что она черезъ нѣсколько дней увидится съ молодымъ человѣкомъ... котораго она любитъ, какъ-бы съ нѣкоторымъ усиліемъ договорилъ онъ.

Аглая такъ и вспрыгнула.

— Mais il est exilé, ce jeune homme! визгнула она, расширивъ вопросительно и растерянно зрачки, устремленные на деверя.

Онъ усмѣхнулся презрительно и желчно.

— Да; вы на это надѣялись, кажется, и ваши петербургскіе друзья устроили эту штуку такъ, что невиннаго человѣка чуть было, въ самомъ дѣлѣ, не отправили въ Азію... Но мы все же не Турція, слава Богу, и произволу есть мѣра! Гундурова послали воротить, и онъ будетъ у себя завтра или послѣ-завтра... И благо, что этимъ кончилось! вскрикнулъ раздраженнымъ голосомъ князь Ларіонъ: — потому иначе я твердо положилъ вернуться тотчасъ же въ Петербургъ и поднять тамъ такую исторію, отъ которой имъ не сдобровать бы, какъ они ни почитаютъ себя сильными!...

Аглая, усиленно и трепетно дыша, такъ и прижалась въ уголъ своего дивана.

„Il est revenu plus fort que jamais en Cour, Larion!“ объяснила она себѣ тотчасъ же мысленно владычный и рѣшительный тонъ этой выходки.

Князь прошелся раза два по комнатѣ и, подходя опять къ ней, заговорилъ уже болѣе спокойно, но съ тою же рѣшительностью выраженія:

— Вы видите изъ этого, что вамъ предстоитъ теперь одно изъ двухъ: или согласиться на желанія вашей дочери, или принять на себя окончательно отвѣтственность за... за ея смерть. Выбирайте!

Нѣжная маменька замахала неистово руками, кинулась лицомъ внизъ въ свои подушки и зарыдала во всю глотку:

— Дѣлайте, что̀ хотите! Je suis la plus malheureuse des mères!...

Князь Ларіонъ глянулъ на нее съ невыразимою ненавистью:

— Вотъ какъ разъ для васъ время теперь посылать за вашимъ утѣшителемъ! словно выронилъ онъ изъ устъ, повернулся и вышелъ.

XLIII.

Прошло двое сутокъ. Князь Ларіонъ только-что вернулся со своей утренней прогулки, когда ему доложили о пріѣздѣ Ашанина.

— Здравствуйте! сказалъ онъ, идя ему навстрѣчу; — вы изъ Владиміра? Когда пріѣхали?

— Сегодня въ ночь.

— Въ Сашино?

— Да!

— Что... вашъ пріятель?...

Молодой человѣкъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ поднялъ глаза на вопрошавшаго:

— Онъ здѣсь, князь, проговорилъ онъ вполголоса.

— Какъ здѣсь?... Вы дали мнѣ честное слово за него, что онъ не явится сюда прежде, чѣмъ не получитъ на то моего дозволенія?

— Онъ и не явился, живо возразилъ Ашанинъ: — но вы сами поймете, какъ невыносимо было бы для него, зная, что было съ княжной, ожидать въ Сашинѣ, пока я привезу ему извѣстіе о ней отсюда. Онъ пріѣхалъ со мною, чтобъ узнать скорѣе...

— Гдѣ же онъ? перебилъ его князь.

— Я его выпустилъ на селѣ, откуда онъ долженъ былъ пройти въ садъ и тамъ ждать меня въ гротѣ надъ рѣкою, гдѣ его никто не увидитъ.

Князь Ларіонъ чуть-чуть усмѣхнулся.

— Въ надеждѣ, что я положу гнѣвъ на милость, сказалъ

онъ,—и найду возможнымъ дозволить ему сегодня же увидаться съ Hélène?

— О, князь, воскликнулъ пріятель Гундурова, — какъ онъ счастливъ былъ бы!... На него смотрѣть больно: онъ не спитъ, не ѣстъ вотъ уже пятый день...

Князь Ларіонъ повелъ на него мелькомъ своими впалыми глазами; губы его сложились въ какую-то болѣзненную, горькую улыбку. „Меня этимъ не удивишь!“ словно говорила она.

— А что̀ княжна, какъ? участливо спрашивалъ между тѣмъ Ашанинъ.

— Ей какъ будто лучше... По наружности и совсѣмъ лучше; она ходитъ, даже выходитъ... Вчера она довольно долго гуляла по саду...

— А *духомъ* какъ? спросилъ Ашанинъ, понижая безсознательно голосъ.

— Бодра... или силится казаться такою, — князь Ларіонъ вздохнулъ;—ждетъ! примолвилъ онъ черезъ мигъ.

— Его... Гундурова?

Князь не отвѣчалъ на этотъ вопросъ и, сжавъ брови, глянулъ въ сторону.

— Препятствія со стороны Аглаи Константиновны, кажется, отстранены, сказалъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Какое счастіе! радостно вырвалось изъ устъ Ашанина, и онъ, сіяя благороднымъ взглядомъ, глянулъ на своего собесѣдника.

Тотъ еще разъ не отвѣтилъ ему и принялся, все такъ же щурясь на сторону, за обычное ему хожденіе вдоль оконъ своего обширнаго кабинета.

Молодой человѣкъ машинально слѣдилъ за нимъ глазами, нетерпѣливо ожидая продолженія разговора.

Князь остановился посреди комнаты и поднялъ глаза къ потолку, какъ бы разглядывая на немъ что-то или прислушиваясь.

— Она встала и одѣта, молвилъ онъ, — у нея заходили (кабинетъ и спальня княжны приходились какъ разъ надъ

библіотекой, служившею ему кабинетомъ). Я схожу къ ней, а вы погодите меня здѣсь! обрывисто прибавилъ онъ, направляясь къ дверямъ маленькой лѣстницы, которая изъ его покоевъ вела прямо въ ту часть верхняго этажа, гдѣ находились комнаты княжны.

Выйдя на эту лѣстницу, онъ услышалъ шумъ шаговъ кого-то, спускавшагося по ней съ верхняго этажа. Князь Ларіонъ, прищурившись, поднялъ глаза.

Крѣпко прильнувъ къ желѣзнымъ периламъ одною рукой, а другою придерживая на груди полы своей рясы, сходилъ тщедушнаго вида, маленькій, съ рѣденькими волосами на головѣ и такою же жидкою бородой, священникъ... За нимъ шелъ старикъ-смотритель, очевидно провожая его.

Князь былъ такъ пораженъ, что не въ силахъ былъ произнести слова. Онъ остановился на ступенькѣ съ широко-испуганно-открытыми глазами.

Священникъ, низко кланяясь и косясь на него такими же испуганными отъ робости глазами, торопливо проскользнулъ мимо него внизъ.

— Что̀ это? остановилъ этимъ вырвавшимся у него восклицаніемъ князь Ларіонъ сходившаго вслѣдъ Юшкова.

— Отецъ Іоаннъ... прихода здѣшняго, пробормоталъ тотъ нетвердо.

— Для чего онъ?...

— Княжна пожелала, молвилъ онъ еще тише.

Князь Ларіонъ схватилъ его за руку.

— Пойдемте! безсознательно проговорилъ онъ, увлекая его съ собою по ступенькамъ.—Что̀ съ ней, дурно? молвилъ онъ, останавливаясь на верхней площадкѣ и осиливая первый порывъ тревоги.

— Нѣтъ, князь, не замѣтно... не видать... А только пожелала, объяснялъ старикъ: — рано утромъ сегодня, шестаго въ началѣ, послала ко мнѣ горничную разбудить меня, что княжнѣ, молъ, очень нужно видѣть... Я, само собою, поспѣшилъ... Она, совсѣмъ одѣтая, ожидаетъ меня, извиняется, — просто даже больно слушать такія извиненія, ваше сіятельство, потому что для нея, кажется, готовъ бы всю душу...

Только говоритъ она мнѣ, что вотъ Успенскій постъ насталъ, что она говѣть собиралась, а тутъ съ ней этотъ припадокъ случился, и слаба стала, въ церковь не въ силахъ ѣздить, а только что очень хотѣлось бы ей Святыхъ Тайнъ пріобщиться. И проситъ меня сейчасъ же за отцомъ Іоанномъ сходить,—но только, говоритъ, чтобы никто этого не зналъ, потому что если дойдетъ до дяди и maman, они перепугаются, пойдутъ разспросы... А мнѣ, говоритъ, хуже отъ этого будетъ!... И даже прибавила: „а мнѣ силъ нужно сегодня и чтобы спокойна я была духомъ“...

Онъ оборвалъ вдругъ и со внезапнымъ смущеніемъ поднялъ глаза на князя, какъ бы только теперь сообразивъ все, что̀ было тревожнаго въ переданномъ имъ.

Князь Ларіонъ съ подрагивавшими судорожно губами уставился на него въ свою очередь.

Прошло довольно долгое молчаніе.

— Что̀ же теперь къ ней можно? спросилъ наконецъ князь.

— Можно, ваше сіятельство. Мы какъ уходили отъ княжны съ отцомъ Іоанномъ, такъ къ ней, я видѣлъ, по корридору докторъ шелъ...

— Такъ пойдемте...

— Князь Ларіонъ Васильевичъ, только ужь позвольте просить васъ, говорилъ, запинаясь и двигаясь за нимъ, смотритель, — не показывать княжнѣ виду, что вы объ этомъ узнали. Она меня такъ объ этомъ просила и съ горничной своей взяла слово никому не говорить, и отца Іоанна провелъ я изъ сада по этой лѣстницѣ, такъ что никто не видалъ его...

— Будьте покойны!...

Лина сидѣла за чайнымъ столомъ съ докторомъ Рудневымъ, бѣлокурымъ, еще молодымъ человѣкомъ, съ открытымъ, симпатичнымъ лицомъ (онъ только наканунѣ утромъ пріѣхалъ изъ Москвы), и разсказывала ему что-то.

— А вотъ и дядя! воскликнула она, увидавъ входящаго князя;—здраствуйте, oncle; вы, кажется, у меня еще никогда чаю не пили? Позвольте предложить вамъ какъ хозяйка...

На лицѣ ея игралъ румянецъ, лазоревые глаза горѣли какими-то искристыми брызгами.

— Ты очень оживлена, Hélène. Какъ вы находите ее сегодня? обратился къ доктору князь Ларіонъ, стараясь придать голосу своему самую ровную, спокойную интонацію.

— Ничего, улыбнулся тотъ,—княжна очень крѣпко, хотя и не долго спала, говоритъ. Пульсъ—позвольте ручку, княжна! — нѣсколько сильнѣе противъ вчерашняго, но вчера онъ былъ слабѣе противъ нормальнаго, такъ что въ этомъ надо видѣть хорошій признакъ...

— Да, мнѣ сегодня хорошо, очень хорошо! молвила поспѣшно Лина, глядя на дядю неотступнымъ и проницающимъ взглядомъ, производившимъ на него жуткое, тяжелое впечатлѣніе.

Разговоръ какъ бы оборвался на этомъ словѣ. Смотритель и Рудневъ поспѣшили допить свои чашки, поклонились молодой хозяйкѣ и вышли.

Она ихъ не удерживала.

— Дядя, прошептала Лина, какъ только остались они вдвоемъ, перегибаясь къ нему черезъ столъ, — онъ пріѣхалъ, онъ здѣсь?...

— Почему ты думаешь? спросилъ князь, невольно вздрогнувъ.

— Я чувствую... я вижу... Это у васъ на лицѣ написано, дядя! быстро промолвила она какъ бы въ объясненіе.

— Да, онъ пріѣхалъ, сказалъ онъ не сейчасъ.

— И здѣсь! настоятельно повторила Лина.

— Да... Но я его еще не видѣлъ, счелъ нужнымъ прибавить князь.

— Дядя!... проговорила она только.

Его что-то словно рѣзануло по сердцу, но онъ тотчасъ же осилилъ въ себѣ мгновенный отзвукъ чувства, представлявшагося ему теперь чѣмъ-то чуть не святотатственнымъ.

— Ты желаешь видѣть его, Hélène? съ тихою улыбкой сказалъ онъ.

Она только головой повела.

— Но довольно-ли ты сильна для этого, не произведетъ ли-это на тебя слишкомъ сильнаго впечатлѣнія?

— Я каждый день молила Бога объ этомъ, отвѣтила она съ какимъ-то сосредоточеннымъ движеніемъ бровей,— вы видите, я дожила... Я готова...

— Да, вспомнились князю Ларіону слова, сказанныя ему Оверомъ: „счастье еще никогда никого не убивало".—Погоди же, молвилъ онъ громко,—господинъ Ашанинъ сидитъ у меня въ кабинетѣ, ты позволишь мнѣ послать за нимъ?

— Я буду очень рада, oncle, я его очень люблю!

— Гдѣ звонокъ къ твоей горничной?

Появившейся на этотъ звонокъ Глашѣ князь приказалъ сбѣгать къ нему въ покои и пригласить находившагося тамъ молодаго человѣка къ княжнѣ.

Ашанинъ вошелъ въ комнату, весь раскраснѣвшійся и запыхавшійся отъ смѣха, съ которымъ несся снизу по лѣстницѣ.

Она привѣтствовала его дружескою улыбкой.

— Ну, вотъ и вы, молвила она,—и все хорошо, не правда-ли?

— Все хорошо, Елена Михайловна, если только вамъ хорошо! отвѣчалъ онъ весело, подавая ей знакъ глазами, что онъ понялъ ее, понялъ все, и что „ахъ Сережа" тутъ, и только ждетъ минуты войти въ эту самую дверь, въ которую онъ только-что вошелъ.

Она его поняла тоже, и на мигъ, показалось ему, въ глазахъ ея сказалось опять то загадочное, зловѣщее выраженіе, которое такъ пугало его въ нихъ на другой день послѣ ея обморока.

Но она тутъ же улыбнулась еще разъ и обернула голову въ сторону дяди, какъ бы ожидая теперь его слова.

Онъ обернулся въ свою очередь:

— Гдѣ же вашъ пріятель таится? спросилъ онъ молодаго человѣка, налаживая себя на шутливый тонъ.

— Въ гротѣ, надъ самой рѣкой, засмѣялся широко тотъ,— чтобъ отправиться въ нее головой внизъ, если вы не смилуетесь надъ нимъ, ваше сіятельство!

Князь Ларіонъ чуть-чуть повелъ бровями и взглянулъ на племянницу.

— Такъ пригласить его сюда, Hélène?

— Пригласите, дядя! прелепетала она съ загорѣвшимся взглядомъ.

XLIV.

Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime la fin d'un beau jour...

A. Chénier.

Гундуровъ, шагая объ руку съ Ашанинымъ по пути отъ рѣки къ дому, испытывалъ ощущенія существа, у котораго въ одно и тоже и время выросли бы крылья за плечами и очутилисъ бы пудовыя гири на ногахъ. Онъ хотѣлъ летѣть— и не могъ. Сердце рвалось къ безумной, безконечной радости и тутъ же замирало... „Препятствія со стороны княгини устранены", сообщилъ ему сейчасъ Ашанинъ, но что-то колющее, язвительное, мертвящее словно винтило внутри его, словно шептало въ какомъ-то израненномъ углу его мозга, что отстранены они лишь потому, что „все равно", что „счастія ему все-таки не видать", что *она*... Дрожь пронимала его, въ глазахъ двоилось при этой страшной мысли, ноги подкашивались подъ его изнуреннымъ пятидневною безсонницей туловищемъ. Онъ алчно, судорожно ждалъ минуты свиданія съ нею, и боялся, и вздрагивалъ, и замедлялъ безсознательно шаги.

— Что̀ же, ты, Сережа, говорилъ ему Ашанинъ, прижимая крѣпче локтемъ его локоть,—усталъ что-ли такъ, или испугался предъ входомъ въ рай?

— Очень она перемѣнилась, скажи? въ десятый разъ спрашивалъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Да нѣтъ же говорятъ тебѣ, нѣтъ! Сегодня ей даже значительно, замѣтно лучше. И совсѣмъ то лицо, тотъ худо-

жественный обликъ, какой былъ у нея, помнишь, въ третьемъ дѣйствіи *Гамлета*, въ сценѣ съ тобою, гдѣ была она такъ прелестна, примолвилъ Ашанинъ.

О, какой зудящей, до сихъ поръ не зажитой раны коснулся неосторожно красавецъ этимъ напоминаніемъ! Гундуровъ весь перемѣнился въ лицѣ, на которомъ мгновенно набѣжали и также мгновенно исчезли краски.

— Нѣтъ, не можетъ быть, неужели все *оттуда* идетъ?... Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! глухимъ и прерывающимся голосомъ вскрикнулъ онъ, увлекая теперь за собою пріятеля, который, занятый въ ту пору собственною эпопеей съ Ольгой Елпидифоровной, не владѣлъ достаточно вниманіемъ, чтобы вникнуть въ интимную драму, разыгрывавшуюся между Гундуровымъ и княжной въ упомянутой имъ сейчасъ сценѣ, и приписывалъ поэтому теперь вырвавшіяся у Сергѣя слова какому-то горячечному припадку.

— Не напугай ты княжну, ради Бога! говорилъ онъ ему, взбѣгая за нимъ на лѣстницу и пугаясь теперь въ свою очередь.

Гундуровъ остановился передохнуть въ корридорѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ комнаты Лины, и прислонился къ стѣнѣ, боясь упасть отъ усталости и волненія.

Дверь этой комнаты отворилась; изъ нея вышелъ князь Ларіонъ.

— Здравствуйте, Сергѣй Михайловичъ, очень радъ васъ видѣть, промолвилъ онъ, протягивая ему руку;—войдите, Hélène васъ ждетъ!

Онъ пропустилъ его мимо себя, затворилъ за нимъ дверь и, обращаясь къ Ашанину, стоявшему тутъ-же:

— Пойдемте покурить по сосѣдству, какъ бы уронилъ онъ, направляясь къ бывшей комнатѣ Надежды Ѳедоровны.

Гундуровъ переступилъ черезъ порогъ, усиленно сдерживая трепетъ, пронимавшій всѣ его члены, приказывая себѣ смотрѣть твердо и спокойно.

Его точно ослѣпило солнечнымъ лучомъ въ первую минуту. Онъ на мигъ прижмурилъ глаза, открылъ ихъ опять. Прямо предъ нимъ, привставъ съ кресла, словно готовясь

летѣть къ нему, стояла Лина, озаряя его всего блескомъ своихъ лазоревыхъ, жадно устремленныхъ на него глазъ, съ невыразимо счастливою улыбкой на заалѣвшихъ устахъ.

Всю жизнь свою потомъ не могъ онъ забыть этотъ взглядъ, эту улыбку.

— Вы... вы, наконецъ!... пролепетала она, опускаясь снова въ кресло.

Онъ кинулся къ ней...

Лицо ея сіяло... Она протянула ему руку.

Вся тревога, страхъ, все, что̀ наполняло душу его суевѣрною, невыносимою мукой за мгновеніе предъ этимъ, все это разомъ исчезло, стаяло теперь, какъ пѣна „горныхъ рѣкъ вытекающихъ въ степь“, по выраженію поэта... *) Вериги спали; какъ птица небесная несся онъ теперь на вольныхъ крыльяхъ въ самую глубь лазури, въ голубыя поля надежды счастья, довѣрья.

Онъ схватилъ эту протянутую ему руку, нагнулся, глядя ей всѣми глазами въ глаза... и очутился у ногъ ея.

Что̀ происходило у нея на душѣ? Кто это скажетъ? Но и она отдавалась, хотѣла отдаваться вся блаженству этой минуты. И она забыла въ эту минуту все, что̀ тамъ, глубоко внутри ея, рокотало глухимъ, роковымъ звукомъ объ иномъ, близкомъ, ожидающемъ ее... Онъ смолкъ теперь: она заставила его смолкнуть, этотъ роковой, могильный голосъ. Она опять, какъ въ тѣ дни, предъ пріѣздомъ Анисьева, хотѣла жить, жить хотя бы только этотъ краткій мигъ, но исчерпавъ въ немъ все блаженство, какое лишь способна давать земная жизнь.

Она, въ свою очередь, не сводила съ него глазъ.

— Какъ вы блѣдны, худы!... Вы изстрадались изъ-за меня, бѣдный? тихо говорила она.

— А вы сами развѣ не... Онъ не осмѣлился договорить.

— Да, изъ-за васъ... и я! молвила она, какъ бы радуясь этому страданію *изъ-за него.*

Его охватила и понесла неотразимая волна.

---

*) Полонскій.

— Вы моя... навсегда? прошепталъ онъ, прижимаясь горячими губами къ ея тонкимъ, блѣднымъ пальцамъ.

— Да, ваша... Въ этой жизни, и въ вѣчной, такъ же тихо произнесла она, торопливо надъ его наклоненною головой отирая свободною рукой выступившія у нея внезапно слезы.— А что наша милая тетя? поспѣшила она тутъ же спросить, улыбаясь опять, заставляя опять смолкнуть зловѣщій голосъ, прорывавшійся изъ тайника ея души.

Онъ поднялся, сѣлъ подлѣ нея, не выпуская руки ея изъ своей, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ. Они заговорили... То были тѣ слова, тѣ рѣчи, которыхъ „значенье темно иль ничтожно“, но выше и слаще которыхъ нѣтъ на человѣческомъ языкѣ.

Такъ прошло болѣе часа.

— Не довольно-ли на сегодня? молвилъ имъ князь Ларіонъ, входя въ комнату съ Ашанинымъ, съ которымъ они тѣмъ временемъ успѣли раза два обойти кругомъ сада.— Не правда-ли, Hélène? Ты рано встала сегодня, утомиться можешь...

Она и Гундуровъ взглянули на него какъ спросонья... Этотъ голосъ, дѣйствительно, будилъ ихъ ото сна, отъ того лучезарнаго сна молодой любви, который лишь разъ въ жизни снится на землѣ человѣку и проносится предъ нимъ, какъ мимолетный отблескъ, быть-можетъ, его первоначальной, небесной родины.

Ни Гундуровъ, ни Лина не отвѣчали на слова князя.

— И Сергѣю Михайловичу надо отдохнуть, настаивалъ князь между тѣмъ:—онъ нѣсколько ночей сряду не спалъ. Уѣзжайте къ себѣ, Сергѣй Михайловичъ, отдохните хорошенько и возвращайтесь завтра. Я предварю о вашемъ пріѣздѣ Аглаю Константиновну, значительнымъ тономъ добавилъ онъ.

Гундуровъ понялъ, что оставалось еще окончательно уломать княгиню, а что онъ пока допущенъ лишь контрабандой въ Сицкомъ. Онъ вздохнулъ, уныло взглянулъ на Лину и поникъ головой.

Лина страшно поблѣднѣла вдругъ. Она словно вся при-

ковалась неподвижными зрачками къ лицу Сергѣя. Мучительная борьба изображалась на ея собственномъ лицѣ. Мгновенная буря словно смела съ него разомъ теперь весь цвѣтъ, все обаяющее оживленіе жизни; выраженіе какой-то леденящей тоски и страха пробѣгало теперь въ этихъ тонкихъ, въ этихъ нѣжныхъ чертахъ... „За что̀, за что̀?“ словно вырывалось изъ глубины души ея наружу.

Но она превозмогла себя еще разъ. Вѣки ея опустились; она протянула руку и уронила ее опять.

— Да, такъ лучше, прошептала она чуть слышно: — уѣзжайте, отдохните... вамъ силы нужны...

Онъ безмолвно, растерянно глядѣлъ на нее... повелъ глазими въ сторону князя, встрѣтился съ его глазами, настойчиво требовавшими, чтобъ онъ уходилъ, уходилъ скорѣе.

— Прощайте, Елена Михайловна, до свиданія! пробормоталъ онъ, наклоняясь поцѣловать ей руку.

Она какимъ-то стыдливо-любовнымъ жестомъ занесла ему другую руку на плечо, прильнула блѣдными губами къ его лбу и, оторвавшись отъ него, проговорила надъ самымъ его ухомъ:

— Молитесь за меня... Я за васъ не перестану молиться...

Онъ испуганно, со страшнымъ біеніемъ сердца поднялъ на нее глаза.

Но она уже улыбалась своею обычною, тихою улыбкой.

— Да, вы измучились, вамъ отдохнуть надо. Уѣзжайте!

— Я привезу его вамъ завтра свѣжимъ, какъ роза, княжна, вмѣшался Ашанинъ, подходя и продѣвая руку подъ руку Гундурова.

— Завтра, да... завтра! повторила она черезъ силу. Губы ея дрожали.

— Ну, и довольно, Сережа, пойдемъ!

И Ашанинъ почти силой увлекъ пріятеля изъ комнаты.

Лина откинулась на спинку своего кресла и съ глухимъ рыданіемъ закрыла глаза себѣ платкомъ.

Князь Ларіонъ кинулся къ двери, за которою только-что вышли наши друзья, притворилъ ее и поспѣшно вернулся къ ней.

— Тебѣ дурно, Hélène? Я говорилъ... мнѣ не нужно было, не нужно пускать его сюда!

— Нѣтъ, дядя, ничего, пройдетъ.

Она скоро успокоилась, отняла платокъ, повела на него мутными, какъ бы слипавшимися глазами.

— Тебѣ не хорошо... я сейчасъ доктора позову! воскликнулъ онъ.

— Не надо, мнѣ ничего... напротивъ... мнѣ только очень спать захотѣлось, дядя.

— Ступай, я пошлю тебѣ горничную...

— Нѣтъ, здѣсь хорошо, въ креслѣ, совсѣмъ уже соннымъ голосомъ говорила она.

— Такъ положить тебѣ, по крайней мѣрѣ, подушку подъ голову?

— Да, спасибо, oncle!

Она уложила руку на приставленную имъ къ углу кресла подушку, прижалась къ ней щекой и—тутъ же уснула.

Онъ опустился на близь стоявшій стулъ, уперся локтями въ колѣни и погрузился въ это спящее, прелестное лицо неотступными и помертвѣлыми отъ внутренней муки глазами.

XLV.

А Аглая Константиновна въ это время переживала свое послѣднее разочарованіе. Надежды, которыя она возлагала на прибывшаго изъ Москвы доктора, окончательно рушились. Пригласивъ его къ себѣ во внутренніе аппартаменты, она весьма пространно и весьма запутанно начала объяснять ему, что, по ея мнѣнію, болѣзнь дочери, которая страдала сердцемъ, когда онѣ еще жили въ Ниццѣ, нисколько не зависитъ отъ тѣхъ какихъ-то „моральныхъ причинъ", которыми этотъ „monsieur Auvert veut bien объяснять ихъ теперь, и что, ей кажется, каждая болѣзнь должна быть лѣчима, какъ это слѣдуетъ, то-есть лѣкарствами и другими средствами, между тѣмъ какъ ce monsieur Auvert никакихъ лѣкарствъ не предписалъ, а только говорилъ объ этихъ causes morales, которыя совсѣмъ не дѣло доктора, а принадлежатъ къ secrets de famille, въ которые постороннимъ не слѣдуетъ вмѣшиваться", а потому она проситъ его, Руднева, „сказать ей настоящую правду, можетъ-ли онъ взять на себя лѣчить Лину *просто*, безо всякихъ этихъ хитростей, которымъ она не вѣритъ, потому что знаетъ, откуда онѣ идутъ" (тутъ разумѣлся, само собою, князь Ларіонъ, подговорившій или подкупившій, по ея понятіямъ, Овера изъ злости къ ней, Аглаѣ, съ цѣлью противодѣйствія ея планамъ относительно замужства ея дочери), и что за эту „правду" она „съ большимъ удовольствіемъ готова ему дать mille roubles хоть сейчасъ же". На это молодой врачъ, весь вспыхнувъ, весьма рѣшительно и рѣзко объявилъ ей, что тò, чѣмъ страдаетъ княжна, не нарывъ на пальцѣ,

или жировая шишка, которые можно вылѣчить мазью или надрѣзомъ, что всякая внутренняя болѣзнь тѣсно связана съ условіями жизни больного, съ тѣми именно „моральными причинами“, о которыхъ говорилъ докторъ Оверъ, а тѣмъ болѣе такія страданія, какъ страданія сердца, чувствительнѣйшаго изъ нашихъ органовъ, находящіяся въ прямой зависимости отъ этихъ условій и причинъ. „Это извѣстно каждому профану“, заключилъ разгорячившись онъ,—„а потому я въ вашемъ предложеніи, княгиня, вижу не только обиду для себя, но и какое-то намѣреніе съ вашей стороны, въ обсужденіе котораго я не вхожу, но участвовать въ которомъ я не намѣренъ и предпочту лучше сегодня же покинуть вашъ домъ!“ Аглая страшно перепугалась и, облившись мгновенно слезами, принялась клясться и божиться, что она ничего другаго не имѣла въ виду, кромѣ „le bonheur de ma fille“, и готова все сдѣлать для этого, а потому умоляетъ доктора остаться и „лѣчить больную, какъ онъ знаетъ“. По его уходѣ она тотчасъ же послала за Евгеніемъ Владиміровичемъ для обычнаго совѣщанія. Но „бригантъ“ напугалъ ее еще болѣе, сказавъ ей, что докторъ весьма основательно могъ заключить изъ ея предложенія и разговора съ нимъ, что она довела свою дочь до серьезной болѣзни и теперь хочетъ скрыть это, подкупая его деньгами, и что это можетъ сдѣлаться тотчасъ же извѣстнымъ всей Москвѣ.

— Mais c'est affreux, affreux! завопила Аглая, такъ и вспрыгнувъ на своемъ диванѣ. — Que faire, mon ami, que faire?...

— Доказать на дѣлѣ ему и всѣмъ, что это не правда, протянулъ Зяблинъ своимъ сдобнымъ голосомъ, — и воспользоваться представляющимся вамъ для этого случаемъ!

— Какимъ случаемъ, que voulez vous dire?

— Гундуровъ здѣсь, молвилъ „бригантъ“ съ нѣкоторою торжественностью.

Она привскочила другой разъ.

— Гунду... Déjâ! Гдѣ онъ?...

— У княжны, къ которой привелъ его князь Ларіонъ Васильевичъ...

— Il l'a mené chez ma fille!...

— Вы дали ему на это полное право: вы сказали ему, чтобъ онъ дѣлалъ, „какъ хочетъ".

— C'est donc fini, fini! заголосила Аглая, роняя отчаянно руки и разражаясь новыми слезами.

— Да что̀ же это наконецъ, княгиня, воскликнулъ Зяблинъ, теряя всякое терпѣніе (а сколько его было у него съ этою умною женщиной, про то могло бы сказать одно небо!), — неужели вы еще надѣялись послѣ всего, что̀ было, навязать вашей дочери этого петербургскаго... молодца! Пора, кажется, понять, что она умретъ скорѣе, чѣмъ выйти за него!

— Je dois donc accepter ce petit monsieur pour mon beau-fils! злобно вскрикнула Аглая.

— Если вы не хотите, чтобы съ вашею дочерью...

— Знаю, знаю! перебила она его съ желчнымъ хихиканьемъ, — и вы съ ними говорите заодно! Je n'ai personne pour me défendre!..

Зяблинъ съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства на разбойничьемъ лицѣ поднялся съ мѣста.

— Если вы такъ принимаете мои слова, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ удалиться...

Она отчаянно замахала руками.

— Ну bien, ну bien, зовите его сюда, зовите, et que cela finisse!...

„Бригантъ" медленными шагами вышелъ изъ кабинета и черезъ пять минутъ вернулся. За нимъ шла Lucrèce, съ которою онъ встрѣтился на лѣстницѣ.

— Она говоритъ, что онъ уѣхалъ, промолвилъ онъ, кивая на полногрудую Церлину и опускаясь въ любимое свое кресло подлѣ дивана хозяйки.

— Господинъ Гундуровъ? Такъ точно, ваше сіятельство, залопотала немедля та,—уѣхали сейчасъ, я сама видѣла. Съ господиномъ Ашанинымъ изволили уѣхать...

— Что̀ же это значитъ? воскликнула княгиня, изумленно разводя руками.

— Ничего этого я не могу знать, ваше сіятельство, возразила горничная, — потому что они... ни даже господинъ

Ашанинъ, недовольнымъ голосомъ примолвила она, — ни съ кѣмъ въ домѣ, кромѣ князя и княжны, не говорили...

Аглая, вся покраснѣвъ, обернулась къ „бриганту“.

— On vient chez moi, dans ma maison, къ моей дочери отправляются, et l'on ne se donne même pas la peine de se présenter chez moi!... J'éspère que la princesse Lina voudra bien m'expliquer ce que cela veut dire!...

И она гнѣвно поднялась съ дивана, намѣреваясь тотчасъ же итти къ дочери съ требованіемъ этой „экспликаціи“...

— Княжна уснула, поспѣшила сказать понимавшая по-французски Lucrèce: — сейчасъ отъ нихъ вышли князь Ларіонъ Васильевичъ и наказывали Глашѣ, чтобы къ нимъ, кромѣ доктора, никого не пускать.

Княгиня опустилась снова на мѣсто.

— Весь домъ теперь у меня вверхъ дномъ поставили! фыркнула она, сердито махнувъ рукой и принимаясь тутъ же усиленно обмахивать себя вѣеромъ.

XLVI.

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,—
Потухъ огонь на алтарѣ!...
Пушкинъ.

Часу въ шестомъ въ комнату, которую занималъ Василій Григорьевичъ Юшковъ въ верхнемъ этажѣ дома, постучала горничная княжны, Глаша. Онъ поспѣшилъ отворить дверь и вышелъ къ ней въ корридоръ.

— Я опять за вами, сказала она ему:—проснулись, просятъ васъ къ себѣ опять.

— Что̀, какъ ей?

— Ничего-съ... Сидятъ у окна, задумались очень, добавила со вздохомъ Глаша.

Лина такъ задумалась дѣйствительно, что не слышала, какъ онъ вошелъ къ ней, какъ приблизился къ самому ея креслу. Она глядѣла въ садъ пристальнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, словно уйдя всѣмъ существомъ своимъ въ эту тишь, и ширь, и свѣтъ сіявшей предъ нею подъ лучами солнца природы.

„Будто никогда не видѣла ея, или прощается съ нею навсегда“, пронеслось въ мысли старика, тревожно глядѣвшаго на нее. Ему стало жутко... Онъ сдѣлалъ еще шагъ и присѣлъ къ окну рядомъ съ нею.

— Вы почивали до сихъ поръ, Елена Михайловна? тихо спросилъ онъ.

Она вздохнула всею грудью, медленно повернула къ нему

голову, по верху которой словно золотистымъ вѣнчикомъ бѣжала горячая полоска свѣта, и остановила на немъ глаза. Еще никогда не сіяли они такимъ глубокимъ... „уже не земнымъ“, показалось ему, блескомъ.

Она повела утвердительно головой внизъ.

— Я его опять видѣла, сказала она послѣ долгаго томительнаго для него молчанія.

— Кого, княжна? вскликнулъ дрожащимъ голосомъ старикъ.

— Папа... Отца моего покойнаго, пояснила она.—Онъ мнѣ и ночью сегодня являлся... Онъ меня ждетъ.

— Ждетъ? повторилъ безсознательно Юшковъ.

— Да!... Я умру сегодня, промолвила она твердымъ голосомъ.

У него зазеленѣло въ глазахъ.

— Что̀ вы, Елена Михайловна, что̀ вы, Богъ съ вами!...

Все лицо ея озарилось улыбкой...

— Не страшно, нѣтъ!... Тамъ хорошо... гдѣ онъ... Не страшно, Василій Григорьевичъ, право!

— Княжна, придите въ себя, вы разстроены... Я позову сейчасъ доктора! бормоталъ вскакивая бѣдный Юшковъ, чувствуя, какъ ужасъ охватывалъ всѣ его члены, и силясь вырваться изъ-подъ его гнета...

Она протянула къ нему руку:

— На что̀? Только мучить меня!... Вы добрый, вы не захотите...

Онъ безсильно опустился снова въ кресло; большіе, зеленые круги забѣгали у него опять предъ глазами...

— Все равно, счастья бы не было, заговорила она, опять опуская голову и какъ бы отвѣчая на какой-то не сдѣланный имъ вопросъ:—maman никогда бы не простила... дядя Ларіонъ, онъ не пережилъ бы... я знаю!... Я бы все, за всѣхъ ихъ... мучилась... Счастья здѣсь нѣтъ! Его всѣ ищутъ... вотъ и графиня Воротынцева говорила мнѣ... и не найдутъ никогда... никогда! повторила она трепетнымъ и прерывистымъ шопотомъ;—здѣсь счастья нѣтъ... правда, Василій Григорьевичъ?

Онъ сложилъ руки, едва сдерживая стоявшее у него у горла рыданіе.

— Елена Михайловна, родимая, голубушка моя, не говорите такъ!...

Она улыбнулась ему опять нѣжною, ласкающею улыбкой.

— Вы добрый... Но вы сами знаете... Въ Богѣ въ одномъ...

Она не договорила и повернула опять голову къ саду, пламенѣвшему подъ лучами вечерняго солнца. Цѣлая гамма птичьихъ голосовъ неслась изъ-подъ его зеленыхъ кущей, разлеталась въ воздухѣ пѣвучими струями...

Она долго, чутко прислушивалась къ нимъ... Старикъ глядѣлъ на нее, едва дыша.

„Офелія, Офелія!“ повторялъ онъ мысленно, охваченный внезапно какимъ-то мучительнымъ восторгомъ.

— Василій Григорьевичъ, сказала она вдругъ, и на длинныхъ рѣсницахъ ея росинки слезъ сверкнули подъ косымъ лучомъ солнца,—скажите мнѣ, прошу васъ, эти стихи, вы знаете: Ich habe geliebt und gelebt, вы говорили ихъ мнѣ по-русски...

— Въ превосходнѣйшемъ переводѣ Жуковскаго, княжна! добавилъ невольно старый романтикъ.

— Да! Повторите ихъ мнѣ, прошу васъ.

Онъ опустилъ голову и началъ читать, медленно, благоговѣйно, со слезами въ горлѣ, со слезами въ глазахъ:

— Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ отъ міра перешла:
Мой другъ, я все земное совершила,—
Я на землѣ любила и жила...

— „Любила и жила“, повторила она чуть слышно, подымая руки и нажимая глаза обѣими ладонями... И не отнимая ихъ:— Василій Григорьевичъ, когда... когда все будетъ кончено... скажите ему, я не хотѣла, чтобъ онъ былъ тутъ... Онъ такъ измученъ былъ, я не хотѣла, чтобъ онъ видѣлъ... Ему жить надо! Онъ не забудетъ меня, я знаю... память моя убережетъ его отъ... Онъ вѣрить будетъ, вѣрить... до конца...

Она не докончила и откинулась въ спинку кресла...

Въ широко раскрывшуюся дверь входилъ князь Ларіонъ, въ сопровожденіи доктора Руднева.

Увидавъ его, старикъ смотритель быстро поднялся съ мѣста и устремилъ на него многозначительно глаза, указывая ими на Лину.

Князь Ларіонъ съ исковерканнымъ лицомъ бросился къ ея креслу.

— Что̀ же это? былъ онъ только въ силахъ прошептать.

Рудневъ съ своей стороны ухватилъ ея руку, ища пульса.

— Докторъ, не мучьте... напрасно... проговорила она, болѣзненно сжимая брови.—Дядя, вы пришли... я рада... я...

Голосъ ея внезапно дрогнулъ и оборвался.

— Лина, другъ мой, тебѣ хуже! въ безумномъ отчаяніи лепеталъ князь Ларіонъ.—Я виноватъ, я дозволилъ... Онъ своимъ пріѣздомъ...

Она тоскливо закачала головой.

— Нѣтъ, вы не знаете... зачѣмъ говорить?... Какъ онъ страдать будетъ, бѣдный!...

Онъ слушалъ, содрагаясь, не смѣя дышать.

Она смолкла и схватилась вдругъ за сердце. Ея помутившіеся зрачки неестественно расширились, судорожно подкатываясь подъ трепетно бившіяся вѣки.

Рудневъ быстрымъ движеніемъ наклонился къ самому лицу ея.

Онъ внезапно отшатнулся съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ.

— Я... умираю... пронесся слабый, какъ сонный и счастливый вздохъ ребенка,—и тутъ же замеръ послѣдній звукъ ея голоса.

Князь Ларіонъ глухо вскрикнулъ, схватилъ ея холодѣющіе пальцы...

Старикъ-смотритель какимъ-то экстатическимъ движеніемъ вскинулъ глаза свои и руки вверхъ:

— Отлетѣла! вырвалось у него стономъ изъ груди.

Дверь широко распахнулась еще разъ, и съ раскинутымъ вѣеромъ въ одной рукѣ, съ распущеннымъ платкомъ въ другой, вплыла въ комнату Аглая Константиновна.

— Eh bien, Lina, le sommeil vous a-t-il fait du bien? Et moi je meurs de chaud et d'avoir monté cet escalier si raide! заголосила она еще съ порога, тяжело отдуваясь и никого не видя изъ-за прыгавшаго предъ лицомъ ея огромнаго опахала.

Молчаніе въ отвѣтъ. Эти три темныя мужскія фигуры, какою-то зловѣщею группой обступившія кресло ея дочери и застилавшія ее собою... Аглаѣ стало вдругъ страшно.

— Qu'est cé qu'il y a donc? крикнула она, подбѣгая и отталкивая наклонившагося еще разъ къ лицу Лины доктора.

Она глянула, увидала эти закатившіеся, уже неподвижные глаза...

— Ils m'ont tué ma fille, ils m'ont tué ma fille! визгнула она во всю силу своихъ легкихъ и повалилась навзничь въ истерическомъ припадкѣ.

XLVII.

Настала ночь... Она лежала на столѣ, озаренная свѣчами въ высокихъ церковныхъ шандалахъ, вся бѣлая, въ бѣлой кисеѣ, усыпанная свѣжими цвѣтами, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ на распущенныхъ волосахъ, со сложенными на груди крестомъ руками... Такими на полотнахъ старыхъ мастеровъ пишутся непорочныя съ летящими встрѣчать ихъ съ неба дѣтскими головками ангеловъ на трепещущихъ свѣтлыхъ крылахъ... Она уснула—и небесныя видѣнія, казалось, видѣлись ей теперь; что-то безбрежное, глубокое, божественно-счастливое лежало на этомъ обликѣ, говорило въ складкѣ строго, таинственно улыбавшихся устъ. Такой улыбки, такого выраженія нѣтъ у живыхъ,—ихъ даетъ на грани земнаго бытія какъ бы мгновенное прозрѣніе иной, вѣчно сущей, безпредѣльной жизни...

Въ открытыя настежь окна покоя глядѣли съ темнаго неба сверкающія звѣзды; изъ сада лился волною ночной воздухъ, примѣшивая свою живительную свѣжесть къ проницающему запаху раскиданныхъ по ней цвѣтовъ... Она уснула и улыбалась небеснымъ видѣніямъ...

Старикъ-смотритель стоялъ у нея въ ногахъ, разбитый, съ подгибавшимися то-и-дѣло колѣнями, и глядѣлъ на нее неотступно сквозь влажную пелену, застилавшую ему глаза. Подлѣ него, на выдвинутомъ теперь изъ ея спальни prie-Dieu княжны лежала между двумя свѣчами книга въ бархатномъ переплетѣ съ золотыми застежками, Псалтирь ея, по которому онъ собирался теперь читать надъ нею... Но старый ро-

мантикъ медлилъ приступить къ этому чтенію, и дрожавшія уста его шептали строки, неустанно, неотразимо звенѣвшія теперь въ его ухѣ:

Мой другъ, я все земное совершила,—
Я на землѣ любила и жила...

Онъ былъ одинъ. Княгиня Аглая Константиновна, въ преизобиліи горя удалившаяся вслѣдъ за обморокомъ подъ сѣни своего ситцеваго кабинета, гдѣ долго лежала пластомъ на диванѣ, зарывшись головой въ подушкахъ, заснула теперь на немъ, какъ сурокъ. Всѣ обитатели дома, приходившіе поклониться усопшей, перебывали уже тутъ... Глаша, горничная ея, только-что вышла изъ комнаты, — и изъ-за стѣны, отдѣлявшей спальню княжны отъ бывшей комнаты Надежды Ѳедоровны, глухимъ и надрывающимъ стономъ доносилось до слуха старика ея нескончаемое, отчаянное рыданіе...

Онъ отеръ еще разъ глаза, подошелъ къ налою и, раскрывъ книгу, началъ медленнымъ, прерывающимся голосомъ: *„Блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни“*...

Кто-то притронулся до его локтя. Онъ вздрогнулъ и обернулся.

Подлѣ него стоялъ князь Ларіонъ, и старикъ вздрогнулъ еще разъ, взглянувъ ему въ лицо... Оно было страшно, страшно своимъ ледянымъ, мертвящимъ спокойствіемъ. Глаза словно ушли въ какую-то пещеру и горѣли оттуда ровнымъ, но прожигающимъ пламенемъ. „Я не жилецъ уже земной“, сказали съ перваго раза глаза эти Юшкову.

— Можете оставить меня одного здѣсь? сказалъ ему шопотомъ вошедшій; — не надолго, успѣете всегда начать... не договорилъ онъ.

Старикъ повелъ чуть-чуть головой и отошелъ отъ налоя.

— И еще, промолвилъ еле слышно князь, прикасаясь еще разъ рукой къ его рукѣ,—если можно, чтобы никто не входилъ сюда...

Юшковъ молча кивнулъ и вышелъ.

Князь Ларіонъ неслышно подошелъ къ изголовью покой-

ницы. Онъ низко наклонилъ надъ ней голову и жадно впился глазами въ недвижныя черты ея. Судороги поводили все лицо его.

Онъ долго, долго стоялъ такъ, съ наклоненною головой, не отрываясь отъ этого прелестнаго, отъ этого говорившаго теперь о какой-то чудной тайнѣ лица... Онъ стоялъ въ какомъ-то священномъ ужасѣ, пораженный его выраженіемъ, силясь проникнуть мыслью въ эту страшную загадку смерти.

— Вотъ ты какая теперь, произносилъ онъ, какъ въ бреду, несвязно и не раскрывая губъ,—вотъ какая!... Что̀ ты видишь, что̀ узнала? Вся твоя жизнь... да, теперь такъ ясно, — была только преддверіе... предлогъ къ *этому*... Для тебя земное, человѣческая любовь... ты сама обманывала себя здѣсь... къ иному неслась ты... тебя звало вотъ это... невѣдомое, чудное... и страшное... Hélène, гдѣ же ты?.... Что̀ говоритъ этотъ счастливый и строгій ликъ твой... что̀ обѣщаешь ты мнѣ оттуда?... Или это все то же одно: реакція мускуловъ, покой безчувствія... все то же,—тлѣнъ, прахъ, уничтоженіе!... Hélène—прахъ... О, если бы на мигъ только, на мигъ одинъ взглянуть опять въ твои синіе глаза!... О, какіе глаза это были! повторилъ онъ со страстнымъ, охватившимъ его мгновенно порывомъ.

Онъ выпрямился вдругъ всѣмъ своимъ высокимъ станомъ: изъ-за стѣны долетѣло до него глухое стенаніе Глаши.

— Кто тамъ рыдаетъ? Не онъ-ли успѣлъ узнать и тутъ теперь?... Онъ улыбнулся вдругъ, улыбнулся словно торжествующею, злою улыбкой: — Да, ты не возьмешь ее себѣ, не возьмешь!... Вы умѣли всѣ—и любовью вашей, и тупостью довезти ее до могилы... а сойду туда, лягу рядомъ съ нею—я!... А вы живите, живите!...

Онъ повелъ блуждающимъ взоромъ кругомъ себя... опустилъ его снова.

— Hélène, красота моя! вырвалось у него неудержимо изъ груди... И, припавъ головою къ головѣ усопшей, онъ приникъ горячечно пылавшими устами къ ея сомкнутымъ на вѣки глазамъ,—и такъ и замеръ...

— Князь, вамъ дурно? пробудилъ его чей-то дрожавшій голосъ и прикосновеніе чьей-то руки.

Это были голосъ и рука старика-смотрителя, поспѣшившаго войти въ комнату на вопль, донесшійся до него въ корридоръ.

— Я ухожу... довольно!... Можете начинать свое, пробормоталъ князь Ларіонъ, глядя на него растеряннымъ и какъ бы внезапно потухшимъ взглядомъ.

Но онъ тутъ же оправился, наклонился въ послѣдній разъ надъ покойницей и, захвативъ изъ покрывавшихъ ее цвѣтовъ бѣлую на тонкомъ стеблѣ лилію, быстро направился къ дверямъ.

— Докторъ еще не спитъ, князь, говорилъ выходя за нимъ въ корридоръ Юшковъ, — позволите-ли вы мнѣ послать его къ вамъ?...

— Очень прошу васъ этого не дѣлать, очень прошу, мнѣ никого не нужно! вскрикнулъ на это почти запальчиво князь Ларіонъ.— Благодарю васъ за доброе намѣреніе, примолвилъ онъ черезъ мигъ ласковымъ тономъ и стараясь улыбнуться, — но мнѣ, право, никого не нужно, а всего менѣе доктора; я всю жизнь проходилъ мимо этихъ господъ, говоря: nescio vos!... *).

Онъ кивнулъ ему, пошелъ... и вернулся.

— Благодарю васъ за нее; она одолжена была вамъ многими добрыми часами предъ смертью...

Старикъ схватился руками за голову и залился слезами.

Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, князь Ларіонъ опустился въ кресло у своего письменнаго стола, сжалъ виски обѣими ладонями и долго оставался такъ, недвижимъ, закрывъ глаза и какъ бы уйдя весь въ какую-то неизмѣримую глубь тоски и муки... Онъ вскинулъ затѣмъ голову, протянулъ руку къ колокольчику и позвонилъ.

Вошелъ его камердинеръ.

— Раздѣваться!... сказалъ онъ ему, направляясь въ свою спальню.

---

*) Я васъ не знаю.

Совершивъ свой обычный туалетъ предъ сномъ, князь какъ бы вспомнилъ.

— Рязанскій мой управитель долженъ былъ пріѣхать сегодня... началъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, онъ тутъ... Только я не смѣлъ доложить, пробормоталъ слуга,—по тому случаю, что какъ княжна...

— Да, да... Такъ ты скажи ему, что я приму его завтра, послѣ моей прогулки, въ восемь часовъ, чтобъ приходилъ со счетами...

— Слушаю-съ... Свѣчи въ библіотекѣ прикажете погасить? спросилъ помолчавъ слуга, видя, что баринъ его собирается спать ложиться въ тотъ же обычный ему часъ, и говоря себѣ не безъ нѣкотораго удивленія, что смерть племянницы нисколько, повидимому, не должна внести измѣненій въ его „аккуратный“ образъ жизни.

— Нѣтъ, сказалъ, какъ бы еще разъ вспомнивъ, князь Ларіонъ,—мнѣ написать нужно будетъ... Подай шлафрокъ и туфли!... Да принеси мнѣ туда графинъ воды холодной,—жарко!...

Онъ облекся въ длинный сюртукъ, служившій ему шлафрокомъ, перешелъ опять въ кабинетъ и отпустилъ камердинера...

Князь Ларіонъ долго прислушивался къ его удалявшимся шагамъ,—затѣмъ взялъ со стола связку ключей и свѣчу и направился съ ними въ уголъ библіотеки, къ стоявшему тамъ старинному флорентинскому шкафу изъ чернаго дерева, уже знакомому нашему читателю. Внутренность его представляла видъ портика, съ колонетками, оконными капителями и ступеньками изъ разноцвѣтнаго штучнаго дерева и слоновой кости, скрывавшими за собою многое множество всякихъ выдвигавшихся ящиковъ и ящичковъ. Растворивъ дверцы шкафа, князь прежде всего вынулъ изъ одного изъ нихъ хранившіяся тамъ бумаги, выбралъ какой-то, повидимому, денежный документъ,—и кинулъ остальное въ прежнее мѣсто. Задвинувъ ящикъ, онъ на мигъ задумался, какъ бы вспоминая, нагнулся, ища чего-то глазами, нашелъ и подавилъ невиди-

мую пружину. Одно изъ оконцевъ портика откинулось въ сторону, открывая потайное, темное углубленіе. Онъ опустилъ въ него пальцы и вытащилъ небольшой, гладкій хрустальный флаконъ, головка котораго тщательно обвязана была лоскуткомъ бѣлой лайки. Онъ какъ бы машинально поднесъ его къ свѣчѣ, поставленной имъ на откинутую доску шкафа, и сквозь толстыя стѣнки его отличилъ переливавшуюся въ немъ влагу.

Князь Ларіонъ закрылъ шкафъ, вернулся къ письменному столу, присѣлъ къ нему и, доставъ листъ почтовой бумаги, написалъ слѣдующія строки:

„Прошу Василія Григорьевича Юшкова принять, въ память *ея*, заключающееся въ семъ пакетѣ, для вспомоществованія бѣднымъ по своему полному усмотрѣнію, но имѣя преимущественно въ виду дѣтей недостаточныхъ родителей, желающихъ получить образованіе; имя же жертвователя сохранить навсегда въ тайнѣ“.

Онъ подписался, сложилъ листъ, бѣгло взглянулъ на вынутый имъ изъ шкафа документъ (это былъ билетъ Опекунскаго Совѣта въ 25,000 рублей) и, вложивъ то и другое въ конвертъ, запечаталъ его, надписалъ имя старика-смотрителя и, выдвинувъ передній ящикъ стола, сунулъ пакетъ въ кипу сложенныхъ тамъ бумагъ.

Глаза его, поднявшись отъ задвинутаго имъ опять ящика, остановились внезапно на стоявшемъ на столѣ портретѣ... То была *живая* Лина, та Лина, которая упала ему головой на плечо въ Ниццѣ при первой встрѣчѣ его съ нею послѣ смерти князя Михайлы, когда онъ пріѣхалъ туда разбитый, истомленный трудами и разочарованіями своей петербургской дѣловой жизни. Она стояла въ ростъ, вдумчиво смотря впередъ своими лазоревыми глазами изъ-подъ темнаго капишона, накинутаго на золотистые волосы, съ букетомъ бѣлыхъ фіалокъ въ рукѣ... О, съ какою невыносимою болью воскресало теперь предъ нимъ то волшебное время!... Вся его была она въ тѣ дни,—не было у него совмѣстниковъ въ душѣ ея, предъ нимъ однимъ раскрывала сокровища свои эта свѣтлая душа, для него одного благоухала ея нѣжная, ея дѣвствен-

ная прелесть... А самъ онъ... Какъ примятая трава въ полѣ, расправляющая свои больные стебельки подъ врачующимъ вліяніемъ весеннихъ лучей, расцвѣтало подъ ея обаяніемъ усталое его существо въ тѣ блаженные дни. Покинутая имъ власть, Россія, враги, чаянія и недочеты его честолюбія, все, чѣмъ до тѣхъ поръ жила его мысль, полонъ былъ его умъ,— все это теперь какъ снѣгъ таяло подъ ея лучами, все это такъ скоро на его глаза не стало стоить этого букета бѣлыхъ фіалокъ, который тогда, въ Ниццѣ, ходилъ онъ каждое утро заказывать для нея у садовника... И вотъ... „Изъ праха твоего теперь выростутъ фіалки", вспомнилось ему вдругъ смутно изъ словъ Лаерта надъ гробомъ Офеліи...

„Она для меня его сдѣлала, сюрпризомъ, ко дню моего рожденія,—я нашелъ его у себя въ комнатѣ, на столѣ, вернувшись съ прогулки", вспоминалъ князь Ларіонъ, захвативъ себѣ голову обѣими руками и потухшими глазами глядя на портретъ... „Пусть же и исчезнетъ онъ вмѣстѣ со мною!" вскликнулъ онъ, срываясь съ мѣста и простирая къ нему руку... „Нѣтъ",—и онъ упалъ опять въ кресло,—„подозрѣніе... его не нужно... Пусть же хоть не этому тупому палачу— матери ея съ ея сынкомъ достанется онъ!"...

Онъ взялъ новый листъ бумаги:

„Въ случаѣ моей смерти, имѣющійся у меня акварельный, дѣланный въ Ниццѣ, въ 1849 году, портретъ племянницы моей, княжны Елены Михайловны Шастуновой, прошу передать, въ память обо мнѣ и какъ свидѣтельство искренняго моего уваженія, вдовѣ генералъ-майора, Софіи Ивановнѣ Переверзиной",—написалъ онъ, помѣтилъ днемъ 4 іюня (днемъ объясненія своего съ Софьею Ивановной) и, вложивъ это въ обложку съ надписью: „Моимъ наслѣдникамъ", запечаталъ гербовою своей печатью и заперъ въ тотъ же ящикъ письменнаго своего стола.

Онъ всталъ... „Пора кончить"! вымолвилъ онъ про себя, прищурился и пошелъ къ камину. Онъ взялъ съ него небольшой, изящной формы, на стройной, тонкой ножкѣ венеціанскаго стекла бокалъ, вдоль краевъ котораго бѣжала легкая гирлянда зеленыхъ листьевъ и розъ, и перенесъ осто-

рожно хрупкую вещицу на столикъ, стоявшій у открытаго окна, и на который поставленъ былъ его камердинеромъ принесенный по его приказанію графинъ съ водой и стаканъ на подносѣ... Князь Ларіонъ налилъ въ стаканъ, жадно отпилъ изъ него—во рту у него было невыносимо сухо,—и небольшое количество оставшейся въ немъ воды перелилъ въ бокалъ.

Онъ вздрогнулъ вдругъ, насторожилъ ухо... Сверху, сквозь открытыя окна, долетали до него изъ кабинета покойницы дрожавшіе, обрывавшіеся звуки голоса читавшаго надъ нею старика-смотрителя... „*Единымъ мгновеніемъ и сія вся смерть пріемлетъ*“, явственно разслышалъ князь Ларіонъ..!

Онъ машинально кивнулъ, какъ бы въ подраженіе этихъ донесшихся до него словъ, вынулъ изъ кармана шлафрока добытый имъ изъ тайника шкафа флаконъ и, развязавъ обматывавшій его лоскутъ лайки (онъ тутъ же кинулъ его въ стоявшую подъ столомъ корзину съ рваной бумагой), осторожно вытащилъ стеклянную пробку и—вылилъ въ бокалъ до капли содержавшееся въ стклянкѣ...

„Теперь уничтожить это!“ молвилъ онъ, отвѣчая мысленно послѣдовательному ходу своего заранѣе и давно обдуманнаго плана. Онъ направился къ одному изъ баютовъ библіотеки, вынулъ изъ стоявшаго тамъ ящика съ англійскими ручными инструментами молотокъ и, подойдя затѣмъ къ камину, отставилъ стоявшій передъ нимъ экранъ, нагнулся, положилъ стклянку на плиты камина и принялся дробить ее молоткомъ. Онъ дѣлалъ это спокойно, не спѣша, съ тою „аккуратностью“, которая дѣйствительно входила въ привычки его западнаго воспитанія... и какъ бы находя теперь какое-то удовольствіе въ этой механической работѣ, оттягивавшей на нѣсколько мгновеній *то̀*, рѣшенное, послѣднее...

Обративъ флаконъ въ порошокъ, князь Ларіонъ выпрямился, раскидалъ его ногой по плитамъ, смѣшавъ съ разсѣяннымъ по нимъ пепломъ, поставилъ экранъ на прежнее мѣсто, а молотокъ положилъ въ тотъ же ящикъ съ инструментами и, заперевъ шкафъ на ключъ, вернулся къ столику у окна.

„Видимыхъ слѣдовъ нѣтъ, по наружнымъ признакамъ окажется—апоплексія... а добираться глубже ни для кого не будетъ интереса“... Онъ повелъ усталымъ взглядомъ по обширному покою, въ которомъ все говорило ему о его прошломъ, о завѣтахъ и преданіяхъ его рода, и горькая усмѣшка, какъ бы прощальнымъ привѣтомъ этимъ преданіямъ и идеаламъ прошлаго, скользнула по его губамъ.

„Со мною кончится... Не Шастуновы... Раскаталовы пойдутъ“, несвязно прошепталъ онъ, болѣзненно прижмуривая вѣки. Онъ взялъ со стола принесенную имъ отъ усопшей лилію и жадно наклонилъ къ ней лицо, какъ бы желая вычерпать изъ нея весь ея обаяющій запахъ.

„Какъ ты... цвѣла...“ не договорилъ онъ, выронилъ цвѣтокъ изъ руки и, протянувъ ее къ бокалу, поднялъ его и подошелъ съ нимъ къ самому окну.

Луна зашла... Сверкавшія звѣзды, словно миріады вопрошавшихъ глазъ, представилось ему на мигъ, глядѣли на него съ недостижимой высоты неба. Вѣковыя липы прадѣдовскаго сада склоняли надъ землею свои неподвижныя вѣтви, будто задумавшись о немъ и ожидая...

Онъ еще разъ болѣзненно моргнулъ вѣками.

„Какъ любила она эти звѣздныя ночи!“ пронеслось у него въ памяти.

„*Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится*!“ донеслось до него сверху.

„Сейчасъ узнаемъ!“ проговорилъ онъ, быстро поднося бокалъ къ губамъ—и, опорожнивъ разомъ, выкинулъ его разсчитаннымъ послѣднимъ движеніемъ далеко за окно.

Слабый звонъ тонкаго стекла, разлетѣвшагося въ мельчайшія дребезги на пескѣ аллеи, не успѣлъ еще замереть въ сонномъ воздухѣ, какъ бездыханное тѣло князя Ларіона, ударившись вискомъ о косякъ стѣны, опрокидывалось всею тяжестью своею на паркетъ...

КОНЕЦЪ.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

Содержаніе

ШЕСТАГО ТОМА:

	стран.
Часть первая	1
Часть вторая	285

ПЕРЕЛОМЪ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ *).

Безумный натискъ здѣсь, а тамъ
отпоръ *безсильный.*
Изъ пародіи.

T'is all in vain to keep a pother
About a vice, and fall into an other
Pope.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

E pur si muove
Galileo.

Тебя-ль забыть!...
Цыганскій романсъ.

Въ Большомъ театрѣ шли *Пуритане* съ Бозіо и Калцолари. Княгиня Краснорѣцкая давала въ этотъ понедѣльникъ большой балъ Двору, и театральная зала представляла по этому случаю особенно праздничный видъ. Въ креслахъ возсѣдали военные и статскіе сановники, въ звѣздахъ и лентахъ; въ бельэтажѣ счастливыя избранницы петербургскаго high life прикрывали роскошными sorties de bal свои обнаженныя плечи, и осторожно, не ворочаясь, держали свои пышно убранныя цвѣтами и брилліантами головы; за ними

*) Впервые напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ" во 2, 3, 4, 6 и 9 книжкахъ за 1880 годъ и въ 1, 3, 4, 7, 8, 11 и 12 книжкахъ за 1881 годъ, а въ 1882 году книжный магазинъ „Новаго Времени" напечаталъ ее первымъ отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ.

изъ глубины выглядывали бѣлые галстуки и шитые воротники мужей ихъ и поклонниковъ, тѣсно жавшихся къ задней стѣнкѣ ложъ, изъ боязни помять разстилавшіяся предъ ними волны газа и шелка надъ необъятными кринолинами. Весь этотъ свѣтскій людъ, поглощенный мыслію о предстоявшемъ балѣ, разсѣянно, чуть не угрюмо, внималъ Беллиніевскимъ мелодіямъ, между тѣмъ какъ сверху, изъ той счастливой области подъ плафономъ, гдѣ наслажденіе искусствомъ даруется цѣною бани въ сорокъ градусовъ жары, раздавались послѣ каждой аріи оглушительныя рукоплесканія и клики восторженныхъ молодыхъ голосовъ. Внизу сочувственнѣе всѣхъ относился, повидимому, къ этимъ поднебеснымъ восторгамъ высокій, богатырски-сложенный генералъ въ парикѣ съ хохломъ и алмазами на груди, занимавшій кресло рядомъ съ генералъ-губернаторскимъ и небрежно отвѣчавшій кивками на низкіе поклоны проходившимъ мимо него звѣздоносцевъ; важный сановникъ питалъ, какъ извѣстно это было всему Петербургу, старческую невинную страсть къ сладкозвучной примадоннѣ, заливавшейся, какъ бы въ угоду ему, въ этотъ вечеръ во весь раскатъ своего соловьинаго голоса. Бѣдная дочь страны, любимой солнцемъ, она не предчувствовала, что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ее должно было унести изъ числа живыхъ суровое дыханіе враждебнаго сѣвера.

Въ пятомъ ряду креселъ, у самаго прохода, сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30—32-хъ, въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ и съ Георгіевскимъ офицерскимъ крестомъ на пѣхотномъ мундирѣ кавказской формы. Свѣтлорусый, съ бровями и усами темнѣе волосъ на головѣ—признакъ породы—лицо его отличалось замѣчательною правильностью и изяществомъ своихъ очертаній; но внимательный наблюдатель могъ бы прочесть на этомъ красивомъ лицѣ несомнѣнные слѣды мятежно и страстно прожитаго прошлаго. Въ общемъ выраженіи этихъ тонкихъ чертъ, въ складкахъ рта, въ абрисѣ опущенныхъ, чуть-чуть помаргивавшихъ глазъ сказывалась какая-то будто утомленная энергія, пресыщеніе или горечь неудовлетворенной жизни. Онъ сидѣлъ, весь согнувшись высокимъ и худымъ тѣломъ, въ своемъ креслѣ, подпирая голову лѣвою рукой, а

правою разсѣянно перебирая по черной густой волнѣ папахи, лежавшей на его колѣняхъ. Легкая, какъ бы необычная ему улыбка играла на его губахъ—улыбка, которую вызывало въ немъ зрѣлище того впечатлѣнія, какое очевидно производило превосходное исполненіе оперы на сосѣда его съ правой стороны. Сосѣдъ этотъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ широкимъ, выпуклымъ и голымъ черепомъ и чертами лица, напоминавшими Сократа, былъ по всѣмъ признакамъ меломанъ въ квадратѣ, меломанъ-фанатикъ, меломанъ-факиръ. Откинувшись затылкомъ въ спинку своего сѣдалища, онъ полулежалъ, закрывъ глаза и расширивъ ноздри, словно стараясь вбирать въ себя ими опьянявшіе его звуки; увлаженныя, чувственныя губы причмокивали, будто тѣ же звуки вливались въ нихъ въ то же время въ видѣ сладчайшаго напитка, и до слуха Кавказца явственно доносились отъ времени до времени легкій стонъ и едва сдержанное завываніе, вырывавшіеся изъ гортани сосѣда отъ преизбытка музыкальнаго наслажденія. „Небеса, не-бе-са!“ приговаривалъ онъ какимъ-то таинственнымъ шопотомъ, ежась и поджимаясь, какъ сытый котъ на окнѣ, пригрѣтый весеннимъ солнцемъ...

Онъ пришелъ въ себя лишь въ ту минуту, когда опустилась занавѣсь за послѣднимъ аккордомъ финала перваго дѣйствія.

— Еще немножко, и я бы началъ безпокоиться за васъ, сказалъ ему насмѣшливо Кавказецъ, лѣниво подымаясь съ мѣста и оборачиваясь спиной къ сценѣ; — музыка производитъ на васъ то же дѣйствіе, какъ на другихъ опіумъ или гашишъ.

— Да помилуйте-съ, обидчиво возразилъ тотъ,—вѣдь это надо понимать-съ, вѣдь это послѣдніе соловьи-съ, послѣдніе Могиканы великой классической школы пѣнія!... Вѣдь это божественно-съ! Вѣдь отъ этого-съ должны у самаго черстваго человѣка во всей вселенной расцвѣсти на душѣ гораціанскія розы! приговаривалъ онъ, уже шипя, язвительно поглядывая на своего собесѣдника, словно именно его разумѣлъ онъ самой черствою душой во всей вселенной.

Кавказецъ продолжалъ улыбаться: артистическій энту-

зіазмъ его театральнаго сосѣда былъ слишкомъ видимо искрененъ, чтобъ имѣлась какая-либо возможность оскорбиться его ребячески агрессивнымъ способомъ выраженія.

— А вѣдь хорошо! улыбаясь и слегка пришепетывая заговорилъ, оборачиваясь къ разговаривавшимъ, сидѣвшій предъ ними въ четвертомъ ряду большаго роста господинъ, съ неправильнымъ, добродушнымъ и умнымъ лицомъ, носомъ формы истоптаннаго башмака и довольно длинными, сѣдоватыми волосами, густыя пряди которыхъ, падавшія ему на лобъ, онъ то-и-дѣло откидывалъ головой или рукой назадъ.

— Еще бы! выразилъ меломанъ движеніемъ плеча, между тѣмъ какъ тотъ обводилъ биноклемъ окружность бельэтажа.

— Какой старикъ великолѣпный! сказалъ онъ, остановивъ его на одной ложѣ.

— Это—Кавказецъ повелъ взглядомъ въ ту же сторону,— англійскій посланникъ при нашемъ дворѣ.

— Благороднѣйшая англо-саксонская кровь! воскликнулъ меломанъ. — Глядите, какая тонкость и твердость очертаній, а въ выраженіи какое сознаніе своего я, *Iam a man, я человѣкъ*, такъ и читаешь на этомъ изящномъ родовитомъ лицѣ.

— Да, подтвердилъ сѣдоватый господинъ, глянувъ кругомъ прищуренными глазами,—особенно если посравнить...

— Вѣдь этого нельзя-съ, Петенька, зашепталъ тутъ же, осторожно озираясь, меломанъ, хватая на-лету недосказанную мысль,—тутъ-съ—позволь тебѣ сказать, сравненія неумѣстны. Вѣдь *раса*, любезный другъ, не есть случайный физіологическій продуктъ, а результатъ цѣлаго процесса исторіи, да-съ! Вѣдь тамъ-съ уже сто лѣтъ послѣ норманскаго завоеванія не оставалось ни единаго раба на всемъ пространствѣ страны. Тамъ-съ въ продолженіе столѣтій взростаютъ поколѣнія въ сознаніи своей свободы, своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ-съ. Соотвѣтственно сему выработался и этотъ типъ независимаго, гордаго, оригинальнаго человѣка.... А тутъ-съ, уже зашипѣлъ онъ, — отъ чухонской помѣси, татарской плети и московскаго батожья могли произойдти единственно индючьи носы, какъ у насъ съ тобою, Петенька, и

выраженіе *усердія* на челахъ — да-съ! Такъ какія же тутъ сравненія!...

Джентльменъ, котораго пріятель его называлъ „Петенькой“, весело разсмѣялся. Кавказецъ, слегка наморщившись, поглядѣлъ на нихъ:

„Индючьи носы“, недурно! Заявили себя низшею „расой“, племенемъ рабовъ, — и ликуютъ... Какъ это у нихъ, по-новому, называется: „самообличеніе“ или „самооплеваніе?“ спрашивалъ онъ себя съ какимъ-то гадливымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Троекуровъ, взгляни, какъ эффектна сегодня madame Rantzof! проговорилъ въ эту минуту ему на ухо проходившій мимо адъютантъ.

Онъ, какъ бы нехотя, лѣниво обернулъ голову на ложу перваго яруса съ лѣвой стороны, гдѣ въ пунцовой, расшитой золотомъ мантильѣ, накинутой на великолѣпныя плечи, вѣнчанная головнымъ уборомъ изъ пунцоваго же бархата, перевитаго жемчугомъ, и сіяя двумя огромными шатонами, продѣтыми въ маленькія розоватыя уши, сидѣла молодая черноглазая женщина, весьма, дѣйствительно, „эффектная“ своею яркою, вызывающею красотой. Напереди, рядомъ съ нею, помѣщалась какая-то выцвѣтшая особа, по всѣмъ признакамъ компаніонка или бѣдная родственница. Дверь ложи постоянно отворялась, впуская и выпуская антрактовыхъ посѣтителей, преимущественно изъ военной молодежи, обмѣнивавшихся съ красавицей очень веселыми очевидно рѣчами, судя по тому, что она то-и-дѣло прикрывала большимъ, отороченнымъ бѣлыми перьями, вѣеромъ свои алыя, широко раскрывшіяся отъ смѣха губы.

— Est-ce qu'elle va au bal? все такъ же шопотомъ спросилъ адъютантъ не то насмѣшливымъ, не то недоумѣвающимъ тономъ, разсматривая издали роскошный туалетъ госпожи Ранцовой. Онъ разумѣлъ, само собою, балъ у княгини Краснорѣцкой, куда ѣхалъ самъ „et tout le monde élégant“.

Вопросъ этотъ, повидимому, былъ не пріятенъ Троекурову; онъ сдвинулъ брови и дернулъ плечомъ:

— Поди, спроси ее. Я почемъ знаю.

И вдругъ глаза его блеснули, — блеснули живымъ, молодымъ блескомъ, странно противорѣчившимъ общему характеру его усталаго облика. Они наткнулись случайно на бинокль, упорно направленный на него изъ ближайшей къ ложѣ г-жи Ранцовой, крайней ко входу въ кресла, ложи. Держала его обнаженная, мясистая женская рука, а надъ нимъ красовалась нарядная кружевная наколка съ желтыми цвѣтами на темныхъ съ просѣдью волосахъ. Рядомъ съ владѣлицей бинокля сидѣла другая женская молодая особа...

Адъютантъ, остановившійся подлѣ Троекурова—звали его барономъ Грюнштейномъ, — продолжалъ допрашивать его между тѣмъ:

— А ты самъ будешь?

— Гдѣ? нетерпѣливо проговорилъ Кавказецъ.

— На балѣ.

— А я тебѣ тамъ очень нуженъ?

Грюнштейнъ засмѣялся и пошелъ.

„Это онѣ“, говорилъ себѣ мысленно Троекуровъ... Онъ задумался на мгновеніе и двинулся затѣмъ съ мѣста вслѣдъ за толпой, валившею изъ креселъ къ выходамъ на время антракта.

Онъ намѣревался зайти къ красавицѣ въ пунцовой мантильѣ. „Оттуда можно видѣть вблизи“... неопредѣленно, не договаривая себѣ самому мысли своей, думалъ онъ.

До него донесся по пути разговоръ двухъ юныхъ конногвардейцевъ, остановившихся на мгновеніе въ проходѣ и глядѣвшихъ на ту же, ближайшую къ ложѣ г-жи Ранцовой, ложу, на которой сосредоточено было все вниманіе самого его, Троекурова.

— Какъ хороша, видишь! говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Прелесть! Я ее видѣлъ въ Москвѣ; это сестра Сережи Лукоянова, кавалергарда...

И ему вдругъ стало досадно до злости за эти слова, за то, что эти „молокососы“ знали *ее*, смѣли говорить о *ней*, любоваться *ея* красотой...

А бинокль изъ той ложи продолжалъ все такъ же не

отрываться отъ него... „Странно!“ думалъ на-ходу Троекуровъ, слѣдившій за нимъ, въ свою очередь.

Въ ложѣ г-жи Ранцовой сидѣли двое молодыхъ людей: нѣкто Хазаровъ, изъ недавнихъ правовѣдовъ, бѣлокурый, низенькій господинъ, съ плоскимъ, нагловатымъ лицомъ, и такой же низенькій, еще безусый лейбъ-гусарскій корнетъ, крѣпышъ на пѣтушьихъ ногахъ, отличавшійся совершенно купеческимъ пошибомъ физіономіи, хотя и носилъ одну изъ древнѣйшихъ фамилій Россіи и состоялъ даже ея послѣднимъ представителемъ, князь Шастуновъ. Обоихъ ихъ словно передернуло при входѣ Троекурова. Хазаровъ, сидѣвшій подлѣ хозяйки, тутъ же всталъ, пожалъ ей руку и, склонившись внимательнымъ, какъ бы робкимъ поклономъ предъ вошедшимъ, вышелъ изъ ложи. Гусаръ, помѣщавшійся за спиной компаніонки, поклонился также учтиво и поспѣшилъ откинуть въ спинку стула свой не по лѣтамъ развитый торсъ, перевалившійся было къ самымъ колѣнямъ черноокой красавицы.

Кавказецъ медленно опустился на мѣсто, оставленное Хазаровымъ, и подалъ ей руку.

Она глянула ему прямо въ глаза:

— Зачѣмъ не пріѣхали обѣдать сегодня?

— Не могъ; я обѣдалъ у Свистунова.

— Bon dîner au moins?

— Détestable! разсѣянно отвѣчалъ онъ, не глядя на нее.

Досадливое выраженіе пробѣжало по ея лицу. Она обратилась къ Шастунову:

— Такъ что̀ же, князь? Это очень интересно.

Онъ принялся сообщать ей какую-то городскую новость.

Говорилъ онъ, что̀ называется, *нудно*, словно жернова ворочалъ, съ какою-то внушительною интонаціей въ голосѣ, какъ говорятъ вообще тупые и притомъ самодовольные люди. У Троекурова подымалась желчь отъ тягучихъ звуковъ этого голоса, отъ вида этой „иньйобильной“ наружности.

Онъ закусилъ усъ и закинулъ голову себѣ за плечо.

Словно только и ждала она этого, владѣлица бинокля,

сидѣвшая въ сосѣдней ложѣ, торопливо закивала ему головой самымъ привѣтливымъ образомъ.

Онъ отвѣчалъ на это почтительнымъ, чуть-чуть удивленнымъ поклономъ.

Она потянулась къ нему съ мѣста и изъ-за спины дочери — занимавшая рядомъ съ нею кресло напереди ложи молодая особа была ея дочь, Александра Павловна Лукоянова, — спросила его:

— Какъ же это вы здѣсь, а не въ Москвѣ?

Онъ съ величайшимъ изумленіемъ взглянулъ на нее:

— А почему это мнѣ надо быть въ Москвѣ?

— Развѣ вы ничего не знаете? видимо изумилась она, въ свою очередь.

— Ровно ничего! отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Такъ зайдите къ намъ сюда, я вамъ разскажу, поспѣшно молвила она.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и поднялся со стула.

— Кто это? какъ бы испуганно проговорила ему на ухо, прежде чѣмъ онъ успѣлъ встать на ноги, красавица Ранцова, не проронившая ни слова изъ предыдущаго разговора.

— Вы ихъ не знаете, коротко отвѣтилъ онъ на это, пожалъ ей еще разъ руку и вышелъ.

Добродушное, нѣсколько массивное, но хранившее слѣды несомнѣнной красоты лицо госпожи Лукояновой выражало необычайное оживленіе. То, что она собиралась сообщить Троекурову, имѣло, очевидно, въ ея понятіи крайнюю важность для него. Едва успѣлъ онъ переступить черезъ порогъ ложи, какъ она усадила его въ темный ея уголъ, и сама близко подсѣла къ нему, прикрывъ на половину его колѣни своимъ огромнымъ нескладнымъ кринолиномъ, съ которымъ она ни какъ не умѣла справиться.

— Такъ вы рѣшительно ничего не знаете? начала она.

— Про что? я васъ не понимаю, все съ тѣмъ же изумленіемъ проговорилъ онъ.

— Про дядю вашего, Острожѐнко?...

— Что мнѣ про него знать! отвѣчалъ онъ, нахмурясь.

Московская барыня положила свою руку на его руку.

— Простите ему по-христіански, monsieur Троекуровъ, молвила она, сжимая ему пальцы,—въ эту минуту его, вѣроятно, уже на свѣтѣ нѣтъ.

— Что̀ вы говорите!...

— Не мудрено; въ его годы такая потеря, продолжала она,—вѣдь подумайте, единственный сынъ!...

— Какъ сынъ? чуть не крикнулъ Троекуровъ.

— Ахъ, Боже мой, заспѣшила она,—я все забываю, что мы въ Петербургѣ и что ничего еще не дошло до васъ... У насъ въ Москвѣ успѣли объ этомъ во всѣ колокола перезвонить. Да и какой же случай ужасный!... На прошлой недѣлѣ, въ четвергъ.... да именно, въ прошлый четвергъ утромъ, выѣхалъ двоюродный вашъ братъ Иванъ Акимовичъ въ саняхъ прогуляться.... Вы знаете, онъ лошадникъ былъ страстный, только вѣдь и занятія было у него, такъ хотѣлъ, говорятъ, новаго рысака объѣхать.... тысячи двѣ, говорятъ, заплатилъ онъ за него Воейкову. Вотъ, ѣдетъ онъ по Арбату, вдругъ изъ Денежнаго переулка, на перерѣзъ ему, выѣзжаетъ гремя какая-то пустая бочка. Лошадь испугалась, закинула, да съ Арбата понесла вправо къ Подновинскому. На поворотѣ Иванъ Акимовичъ изъ саней вылетѣлъ, да такъ несчастливо, теменемъ прямо о тумбу... Принесли его домой безъ чувствъ—и двухъ часовъ не прожилъ.... А въ ту же ночь со старикомъ ударъ.... Вчера предъ самымъ моимъ отъѣздомъ заѣзжалъ ко мнѣ прямо отъ него Варвинскій, онъ отходилъ....

Она остановилась и пристально глянула въ глаза молодому человѣку.

— А вы вчера изъ Москвы уѣхали? проговорилъ онъ почти безсознательно. Что-то еще темное, странное шевелилось въ глубинѣ его души.... Онъ перевелъ глаза на молодую дѣвушку. Она сидѣла къ нему профилью, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ нарцисовъ, съ низко опущенною къ затылку, по модѣ того времени, огромною косой, черною съ синеватымъ отливомъ, какъ крыло ворона. Онъ глядѣлъ на эту великолѣпную косу и на эти нарцисы, на длинную, лоснящуюся пуховую кисть ея бѣлаго бурнуса, закинувшуюся за спинку ея стула;

онъ любовался художническимъ любованіемъ безупречнымъ тонкимъ очеркомъ ея носа, брови и подбородка, и чувствовалъ, что тò, чтò копошилось теперь внутри его, имѣло какъ будто прямое отношеніе къ ней, къ этой безмолвно сидѣвшей тутъ молодой особѣ съ ея строгими чертами и вдумчивымъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ, какъ у Гомеровской „волоокой Геры“...

А мать ея объясняла ему между тѣмъ:

— Вчера уѣхали, а сегодня, вообразите, на балѣ въ Петербургѣ, dans le grand monde, у Краснорѣцкой!... Мы съ нею въ родствѣ считаемся, но мнѣ въ голову бы не пришло напрашиваться къ ней, да еще въ самый день пріѣзда. Все это мой Сережа бѣдовый!... Онъ тамъ вѣдь свой. На желѣзной дорогѣ, вообразите, встрѣтилъ насъ съ пригласительнымъ билетомъ въ рукѣ: „Княгиня, молъ, проситъ, требуетъ, чтобы вы Сашу непремѣнно привезли къ ней сегодня, что Дворъ будетъ, что ей лучшаго случая не представится вашъ здѣшній бомондъ увидать...“ — Помилуй, говорю, Сережа, я всего на три дня пріѣхала, собственно для тебя, говорю, налегкѣ; у Саши съ собою ни одного бальнаго платья нѣтъ. А онъ мнѣ на это: „Не безпокойтесь, говоритъ, maman: платье давно ждетъ у Andrieux; княгиня, говоритъ, сама заказывала...“ И вообразите, дѣйствительно, въ два часа принесли къ намъ— мы у Сережи остановились,—принесли платье, точно по ней сшито... Какъ по васъ, авантажна она? нежданно спросила московская маменька;—повернись, Саша!

Она обернулась, приподымая навстрѣчу его жадному взгляду свои длинныя рѣсницы...

Онъ низко поклонился ей.

— Зачѣмъ спрашивать! учтиво отвѣчалъ онъ ея матери, но въ этомъ банальномъ отвѣтѣ зазвучало повидимому что-то, заставившее дѣвушку всю зардѣться, и она, поспѣшно прикрывъ глаза биноклемъ, направила его безцѣльно вдаль... Рука ея слегка дрожала...

— А вы на балѣ будете? спросила его госпожа Лукоянова, улыбаясь замѣтно довольною улыбкой.

— Н-нѣтъ, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— Жаль, Сашинаго дебюта не увидите, даже слегка вздохнула она.

Троекуровъ пристально и пытливо взглянулъ ей въ лицо...

Она очевидно смутилась, нѣсколько отодвинулась отъ него со своимъ мятежнымъ кринолиномъ и принялась обмахиваться вѣеромъ.

— Я думаю, васъ очень удивило, поспѣшила заговорить она,—что я васъ такъ безцеремонно пригласила сюда; но я думала, что вамъ будетъ интересно...

Она не досказала, замѣтивъ любопытный взглядъ обернувшейся въ ея сторону въ-полоборота красивой сосѣдки ея по ложѣ.

— Скажите пожалуйста, кто эта jolie femme, тихо спросила она Троекурова,—у которой вы сейчасъ сидѣли?

— Ее зовутъ Ольга Елпидифоровна Ранцова, промолвилъ онъ протяжно.

Московская барыня чуть не крикнула:

— Ахъ, Боже мой, такъ это она, скажите! Рожденная Акулина? Я про нее такъ много слышала... Отецъ ея вѣдь частный приставъ былъ; rien de plus, добавила она, наклоняясь уже къ самому уху Троекурова,—а она... Мужъ ея камеръ-юнкеръ, да?... И скажите, ее у васъ здѣсь всюду принимаютъ? У нея туалетъ такой восхитительный; вѣрно также къ Краснорѣцкой ѣдетъ?

— Право, не знаю, сухо отвѣчалъ Кавказецъ.

А госпожа Лукоянова продолжала тараторить тѣмъ же шопотомъ:

Онъ, Ранцовъ, вѣдь совсѣмъ du prostoï, говорятъ, темный армеецъ какой-то былъ, и вдругъ нечаянно наслѣдство большое получилъ, я знаю. Но они, я слышала, чуть ужь не совсѣмъ промотали его теперь... Какіе у нея шатоны, прелесть! Вѣдь это тысячъ десять должно стоить!... И она у васъ въ большой модѣ, кажется? Что̀ молодежи перебывало у нея въ ложѣ! Видно, кокетка страшная, mais très, très jolie femme, надо правду сказать; даже смотрѣть на нее пріятно... И вы ужь тутъ, навѣрно, пропадаете? фамиліарно и какъ бы съ какою-то тайною боязнью домолвила она.

Онъ молча пожалъ плечами.

Она замѣтила его недовольный, омрачившійся видъ и, со свойственною ей торопливостью, вернулась къ первоначальному предмету ихъ разговора:

— Когда же вы къ намъ, въ Москву, monsieur Троекуровъ?

— Въ Москву? повторилъ онъ, какъ бы думая о другомъ.

— Ну, да, засмѣялась она;—да вы, кажется, мимо ушей пропустили все, что̀ я вамъ передавала? Подумайте же, Акимъ Ивановичъ Острожѐнко родной вамъ дядя по матери, а за смертью сына его, Ивана Акимовича, вы его прямой, законный наслѣдникъ,—имѣніе вѣдь все родовое. Положимъ, старикъ упрямъ,—и злопамятливъ былъ онъ, не тѣмъ будь помянутъ,—положимъ, онъ бы, на зло вамъ, могъ имѣніе все свое продать и деньги по монастырямъ разсовать. Такъ вѣдь онъ объ этомъ подумать не успѣлъ, какъ его самого... прихлопнуло... Этимъ вѣдь нельзя шутить, monsieur Троекуровъ, уже захлебываясь отъ волненія, восклицала г-жа Лукоянова;—вѣдь это три тысячи душъ въ двухъ губерніяхъ, незаложенныя, и какого имѣнія! Въ одной межѣ, что̀ земли, говорятъ! И денегъ куча у старика въ опекунскомъ совѣтѣ,—я навѣрное знаю!... Вамъ надо скорѣе, завтра же летѣть въ Москву... Я бы на вашемъ мѣстѣ взяла экстренный поѣздъ,—ну, пятьсотъ рублей бросите, вы теперь можете себѣ это позволить!...

Онъ слушалъ эти спѣшныя до комизма рѣчи, эти въ перегонку бѣжавшія одно за другимъ слова, и только теперь, какъ изъ тумана, стало выдвигаться предъ нимъ ясное представленіе того, чего-то невѣроятнаго, невозможнаго, что̀ совершалось въ его судьбѣ. Онъ снова богатъ, вдвое богаче, чѣмъ былъ когда-то прежде;—и отъ кого же валится ему въ руки это богатство? Отъ людей, которые при жизни съ радостью увидали бы его умирающимъ съ голоду предъ ихъ окнами. А вѣсть объ этомъ приноситъ ему эта вальяжная и добродушная московская маменька, которая еще такъ недавно оберегала отъ него дочь свою, какъ отъ чумы... „Ужь не сплю-ли я?“ проносилось въ головѣ Троекурова,—„все это

похоже на сонъ, на сказку изъ *Тысячи и одной ночи*"... Онъ отвелъ глаза отъ своей собесѣдницы и устремилъ ихъ въ залу... Нѣтъ, онъ не спалъ: толпа приливала изъ выходовъ, возвращаясь на свои мѣста, и все тотъ же важный, видный генералъ въ алмазахъ, обернувшись спиной къ сценѣ, туго поворачивалъ голову, отвѣчая снисходительно на заискивающія рѣчи вившагося вокругъ него необыкновенно приличнаго и прилизаннаго адъютанта, котораго звали барономъ Грюнштейномъ; тотъ же отставной откупщикъ Гусинъ, изъ іерусалимскихъ дворянъ, котораго еженедѣльно въ то время продергивали каррикатуры сатирическихъ листковъ, шушукалъ озабоченно съ сосѣдомъ своимъ, вертлявымъ французомъ, поучавшимъ его за большія деньги хорошимъ манерамъ, — увѣряли тѣ же газетные зубоскалы; а тамъ, какъ разъ насупротивъ ложи Лукояновыхъ, въ ближайшемъ ко входу бенуарѣ съ правой стороны, все тѣ же, извѣстныя всему Петербургу, Берта и Клемансъ выкладывали какъ на блюдѣ свои оголенныя красы, которыя такъ и пожиралъ сквозь золотую одноглазку, остановившійся въ проходѣ, не менѣе тогда извѣстный Петербургу своимъ цинизмомъ и служебнымъ вліяніемъ, *статскій генералъ* Прытковъ... Нѣтъ не спалъ нашъ герой...

— Такъ когда же вы ѣдете? спрашивала его тѣмъ временемъ г-жа Лукоянова.

Онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

— А сами вы когда думаете? молвилъ онъ, вмѣсто отвѣта, еще разъ пристально взглянувъ ей въ глаза.

Она еще разъ какъ бы сконфузилась, заиграла вѣеромъ и проговорила, насколько могла равнодушнѣе, будто не придавая никакого значенія тому прямому указанію, какое давала она этими словами Троекурову:

— Мы пріѣхали сюда для Сережи, на самый короткій срокъ, и думали уѣхать черезъ три дня, въ четвергъ, съ двухчасовымъ поѣздомъ...

Кавказецъ чуть-чуть кивнулъ головой, всталъ съ мѣста и изъ темнаго угла пересѣлъ по другую сторону ложи на стулъ, стоявшій за спиной дѣвушки.

— Такъ вы сегодня въ свѣтъ, на балъ, Александра Павловна? молвилъ онъ, чуть-чуть нагибаясь къ ней,—и рады?

— Везутъ, равнодушно пожимая плечомъ, проговорила она.

— А если бы не везли? спросилъ онъ смѣясь.

— Она никуда бы ногой, отвѣчала за нее мать съ оттѣнкомъ упрека, усаживаясь въ свое кресло напереди ложи.

— И правда! молвила дѣвушка, не оборачиваясь, и медленно кивнула головой впередъ, причемъ, подъ низко опущенною косой ея, въ глаза молодаго человѣка метнулся на мигъ очеркъ ея матовой, словно изваянной шеи.

— А что̀, сказала г-жа Лукоянова, улыбнувшись,—если бы на твоемъ мѣстѣ была теперь Кира?...

— Кира? съ удивленіемъ повторилъ Троекуровъ.

— Племянница моя, княжна Кубенская, объяснила она.

— Какое необыкновенное имя!

— Она вся у насъ необыкновенная, какъ бы невольно сорвалось съ языка московской барыни, и она поспѣшила примолвить со смѣхомъ:—это чудакъ братъ мой покойный выискалъ; Кира по-гречески, говорятъ, значитъ *госпожа*, такъ онъ этимъ смысломъ плѣнился и окрестилъ ее нарочно...

Дверь ложи отворилась и въ нее вошелъ красивый, похожій лицомъ на Александру Павловну, невысокаго роста, но прекрасно сложенный молодой человѣкъ, въ кавалергардскомъ мундирѣ. Онъ замѣтно удивился, увидавъ Троекурова, но также замѣтно поборолъ тутъ же это первое впечатлѣніе и, пожавъ ему дружелюбно руку, сѣлъ подлѣ матери и сталъ шептать ей что-то на ухо.

На лицѣ ея изобразилось безпокойство.

— Саша, громко заговорила она,—вотъ Сережа говоритъ, что намъ надо пораньше собраться къ Краснорѣцкой, прежде чѣмъ нахлынутъ. Дворъ никогда, говорятъ, не пріѣзжаетъ позднѣе половины одиннадцатаго,—такъ чтобъ успѣла княгиня заранѣе повидать тебя и переговорить, объяснила все также громко откровенная московская дама, къ большому, повидимому, неудовольствію ея сына, нетерпѣливо покусывавшаго тоненькіе свои усы и нѣсколько смущенно поглядывавшаго на Троекурова изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Vous voilà prévenues, mesdames, сказалъ онъ, вставая.— Alexandrine, я тебя буду ждать тамъ на лѣстницѣ съ букетомъ, un bouquet de narcisses blancs, ma chère, analogue à la coiffure... На счетъ кавалеровъ не безпокойся,—можешь заранѣе записать на вѣерѣ весь нашъ полкъ по старшинству... Онъ улыбнулся, подалъ еще разъ руку Кавказцу и вышелъ.

— Милъ, что̀ говорить, милъ! только-что затворилась за нимъ дверь, принялась восхищаться его мать, перегибаясь къ Троекурову,—любезенъ, уменъ, находчивъ! Отъ него всѣ дамы здѣшнія безъ ума. А ужь какъ о насъ, о сестрѣ заботится! Обо всемъ подумаетъ, все предвидитъ, устроитъ,— вотъ вы слышали сейчасъ... Одно горе, вздохнула вдругъ она, до̀рогъ, очень до̀рогъ обходится...

— До̀рогъ? не могъ не разсмѣяться Троекуровъ.

— Три тысячи вотъ теперь, въ этотъ пріѣздъ, привезла, долги заплатить... Въ прошломъ году пять уплатила,—все-таки меньше. И за то спасибо! Конечно, молодъ и въ такомъ полку служитъ... Да и соблазну что̀ въ вашемъ Вавилонѣ!... А который часъ?

— Безъ четверти десять, сказалъ Троекуровъ, вынимая часы.

— Ахъ, Боже мой! Пора... пока доѣдемъ... До свиданія, monsieur Троекуровъ, enchantée de vous avoir vu... Собирайся, Саша!

— Я готова, maman...

Она поспѣшила встать, обернулась спиной къ залѣ... и молодаго человѣка такъ и обдало лучами безконечной нѣжности, лившимися изъ ея широко устремившихся на него глазъ. Она не слышала разговора матери съ нимъ, но изъ звука ихъ голосовъ, изъ того, что мать пригласила его въ ложу, изъ ея какой-то теперь торжествующей улыбки, дѣвушка поняла, что судьба ея рѣшена, что въ углу этой петербургской ложи совершилось то, о чемъ она въ Москвѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ со слезами и тревогой въ сердцѣ молилась по ночамъ въ своей дѣвической комнатѣ предъ родовою иконой Божіей Матери Нечаянной Радости, которою, умирая, благословила ее бабушка, княгиня Кубенская,—и на полномъ просторѣ взглянула она теперь въ лицо любимому человѣку,

вознаграждая себя однимъ этимъ взглядомъ за всѣ тѣ дни мученія и сомнѣній...

Госпожа Лукоянова, забирая мятежный кринолинъ свой обѣими руками, пропустила сначала его, а затѣмъ вышла сама изъ ложи. Александра Павловна медленно слѣдовала за нею.

Троекуровъ не выдержалъ: у самой двери онъ быстрымъ движеніемъ руки коснулся пальцевъ дѣвушки и проговорилъ чуть слышно:

— Вы та же все?

— Зачѣмъ спрашивать? громко, со всею дерзостью счастія, повторила она его отвѣтъ матери о ней и прошла въ коридоръ.

Онъ готовился выйти за нею, когда услыхалъ за собою голосъ, звавшій его по имени.

Онъ обернулся.

Перегнувшись всѣмъ плечомъ черезъ барьеръ, отдѣлявшій ея ложу отъ опустѣвшей ложи Лукояновыхъ, сверкая гнѣвными глазами, звала его Ольга Елпидифоровна Ранцова:

— Борисъ Васильичъ, deux mots!

Гусаръ Шастуновъ все еще сидѣлъ у нея, и Троекуровъ поймалъ на-лету полный затаенной ненависти взглядъ, какимъ глядѣлъ на него этотъ „пузырь“.

Невольная усмѣшка пробѣжала у него по губамъ. Онъ вернулся отъ двери и низко наклонился къ красивой барынѣ.

— Я ѣду сейчасъ домой и *требую*, чтобы вы пріѣхали! быстро и рѣшительно прошептала она ему на ухо.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ онъ вслухъ веселымъ тономъ и вышелъ.

Онъ добылъ свою шинель и успѣлъ догнать московскихъ своихъ знакомыхъ довольно во-время, чтобы раскланяться съ ними на подъѣздѣ театра.

Здоровый выѣздной въ кавалергардской ливреѣ захлопнулъ дверцы ихъ кареты и, проворно вскочивъ на козлы, крикнулъ: „пошелъ“. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ окно экипажа, сквозь которое нашъ Кавказецъ могъ различить еще на мигъ бѣлый вѣнокъ на головѣ дѣвушки и руку въ перчаткѣ, быстро протиравшую платкомъ запотѣвшее стекло...

II.

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ списокъ.
Пушкинъ.

Троекуровъ очутился одинъ на улицѣ. Извощики, будто стая сѣрыхъ волковъ, облѣпили его со всѣхъ сторонъ, голося зычно и разомъ и подталкивая свои сани прямо ему подъ ноги. Онъ не взялъ извощика и пошелъ пѣшкомъ, шагая по камнямъ и снѣгу, не разбирая ихъ. Свистящій, порывистый вѣтеръ срывалъ ему высокую папаху съ головы; мерзлые хлопья залѣпляли ему глаза, но онъ какъ бы ничего не замѣчалъ, не чувствовалъ. Подъ гулъ и свистъ сѣверной метели „горацiанскiя розы", какъ сказалъ бы прiятель его меломанъ, разцвѣтали на душѣ его.

„Non parlar di lei che adoro,
Non parlar..."

запѣлъ онъ вдругъ громко, стараясь дотянуть уже охрипшимъ голосомъ до высокихъ фальцетныхъ нотъ Калцолари и смѣясь тому, какъ это у него скверно выходило... Онъ чувствовалъ какую-то потребность насмѣшки надъ собою: ему было совѣстно, чуть не стыдно за то ликующее настроеніе, которое уносило его, помимо воли, въ „какую-то нѣмецкую лазурь неба", говорилъ онъ себѣ съ напускною презрительностью. Онъ такъ давно отвыкъ отъ этого, ото всего, что̀ походило на „радость жизни"... Онъ старался наладить себя на спокойное, объективное отношеніе къ тому, что̀ произошло съ

нимъ... Эта встрѣча съ *ними*, наслѣдство Острожѐнковъ, — да, это, дѣйствительно, похоже все на какую-то волшебную сказку. Воспоминанія, образы тѣсною и шумною толпой проносились предъ нимъ,—безпутные годы молодости, *прожиганіе* жизни, на которое ухлопалъ онъ въ пять, шесть лѣтъ состояніе, тысячъ въ сорокъ дохода, оставленное ему строгимъ сановнымъ отцомъ: *парадёры*, скаковыя лошади, пари, товарищескія оргіи, Француженки, банкометъ Бачмановъ, маневры Краснаго Села, *Минерашки*, эта черноглазая Ранцова, изъ-за которой онъ безумно дрался съ лучшимъ своимъ другомъ... И все это вдругъ какъ бы отрѣзано разомъ,—перемѣна декорацій: темный армейскій полкъ, куда переведенъ онъ былъ за дуэль, война, шесть мѣсяцевъ на Севастопольскихъ бастіонахъ, лишенія, кровь, стоны, тупая смерть, разгромъ цѣлаго строя понятій, преданій, вѣрованій... Тамъ, въ этихъ развалинахъ, въ госпиталѣ, куда тяжело раненаго отвезли его послѣ Черной, о многомъ научился думать бывшій пажъ и конногвардеецъ; тамъ, вмѣстѣ съ изгнившимъ, въ клочья порваннымъ въ траншеяхъ старымъ бѣльемъ своимъ, оставилъ онъ навсегда прежняго *петербургскаго* человѣка. Онъ вспоминалъ тѣ дни мучительныхъ вопросовъ, унынія, дни глубокаго иной разъ внутренняго ожесточенія... Онъ не захотѣлъ вернуться въ гвардію, куда „за отличное мужество“ переводили его вновь по окончаніи войны, отклонилъ предложенное ему мѣсто адъютанта у высокопоставленнаго лица. Онъ былъ въ такомъ *стихѣ* тогда, что *карьера* представлялась ему чѣмъ-то незаконнымъ, почти преступнымъ. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Севастополя, были слишкомъ живучи, слишкомъ болѣзненны: ему хотѣлось далекой, безвѣстной, дикой жизни, пустыни и одиночества. Онъ попросился въ ряды той же „темной арміи“, на Кавказъ...

Онъ былъ тамъ раненъ опять въ экспедиціи. Чуть живого довезли его въ мѣсто расположенія баталіона, которымъ онъ командовалъ въ Дагестанѣ. Онъ лежалъ въ темной, сырой саклѣ, страдая и раной, и невыносимою тоской того одиночества, въ которомъ годъ тому назадъ чаялъ вкусить „забытья и покоя“, когда нежданно получилъ письмо... Стран-

ное впечатлѣніе произвело оно на него... Писала ему одна московская его кузина, княжна Женни Карнаухова, дѣвица лѣтъ тридцати съ хвостикомъ, состоявшая другомъ всего міра и по этому случаю переписывавшаяся со всѣмъ міромъ. Къ нашему Кавказцу, въ его качествѣ „героя“, она питала особенную благосклонность и, узнавъ, что онъ раненъ, поспѣшила отправить ему посланіе, полное христіанскихъ утѣшеній, изложенныхъ на безподобнѣйшемъ французскомъ языкѣ, и всевозможныхъ московскихъ вѣстей и сплетокъ, имѣвшихъ въ ея понятіи служить той же христіанской цѣли: „apporter un peu de distraction au pauvre blessé...“ „Votre état éveille ici des sympathies générales“, писала она между прочимъ: „я узнала даже une chose qui m'a fort touché: прелестная дѣвочка, Сашенька Лукоянова (она даже въ свѣтъ еще не ѣздитъ), которую ты видѣлъ у насъ, ходитъ каждый день со своею няней, sous prétexte de promenade, съ Арбата къ Спасскимъ воротамъ, ставить Спасителю свѣчку о твоемъ выздоровленіи...“

Бываютъ нежданныя, рѣшающія минуты въ жизни... Троекурову показалось, что въ эту грязную, мрачную его саклю, гдѣ ожидалъ онъ умереть забытымъ, „какъ Робинзонъ на своемъ островѣ“, ворвался вдругъ золотой лучъ солнца и все пригрѣлъ и освѣтилъ собою, и принесъ ему жизнь, счастіе, воскресеніе... А между тѣмъ онъ съ трудомъ въ первую минуту могъ вызвать въ памяти образъ той, о комъ писала Женни... Дѣйствительно, онъ видѣлъ ее у Карнауховыхъ, въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ, по заключеніи мира, устраивать дѣла свои съ кредиторами (и, само собою, ничего не устроилъ). Онъ пріѣхалъ туда однажды вечеромъ, засталъ много гостей; Женни посадила его въ кружокъ дѣвушекъ, пріятельницъ своихъ, и заставила разсказывать „о войнѣ“. Ему было досадно сначала, но на него глядѣли всѣ эти молодыя лица такъ жадно, такъ восторженно и такъ сочувственно, что онъ увлекся подъ конецъ, заговорилъ горячо, сердечно... Онъ вспомнилъ теперь, что замѣтилъ ее тогда: внимательные большіе черные глаза, матовая блѣдность лица, великолѣпные волосы, словно подавлявшіе ея небольшую правильную головку...

Она была моложе всѣхъ въ этомъ кружкѣ, почти еще ребенокъ, видимо робѣла и не проговорила слова во весь вечеръ... И она каждый день теперь ходитъ „ставить свѣчку Спасителю за его исцѣленіе“. „Она будетъ моею женой“! сказалъ себѣ нежданно, съ какою-то безповоротною твердостью Троекуровъ.

Онъ какъ-то очень быстро выздоровѣлъ послѣ этого письма и зимою былъ въ Москвѣ. Женни Карнаухова, не смотря на свой тридцатилѣтній возрастъ даже, подпрыгнула отъ радости, узнавъ, что онъ „интересуется“ Сашенькой Лукояновой, обѣщала ему „все, все устроить“ и, дѣйствительно, устроила дѣвичій вечеръ, какъ въ позапрошломъ году, на который пригласила „дѣвочку“ (ей въ ту пору только-что минуло 17 лѣтъ). Троекурову удалось обмѣняться съ нею тутъ лишь нѣсколькими словами, но въ этихъ словахъ все какъ бы сказано и рѣшено было между ними. Пылкіе комментаріи, которыми сочла нужнымъ украсить ихъ тутъ же Женни, провожая Сашеньку до лѣстницы, когда она уѣзжала домой, ничего не прибавили къ тому, что̀ успѣла прочесть сама дѣвушка въ глазахъ того, кто съ первой минуты ихъ встрѣчи завладѣлъ неотразимо ея молодымъ чувствомъ. Онъ любилъ ее: она это понимала, видѣла, ощущала каждымъ фибромъ своего существа, какъ понимала и то̀, что онъ со своей стороны „*все* знаетъ о ней“...

Обѣщанное Женни Троекурову *устроеніе* этимъ вечеромъ и покончилось. Она попробовала было *сондировать* мать Сашеньки, Марью Яковлевну Лукоянову, съ которою состояла, какъ „со всею Москвой“, въ величайшей пріязни. Но едва произнесла она имя своего cousin, какъ та замахала своими большими мясистыми руками: „И не говори, ma chère! Мотъ, mauvais sujet, сорви-голова, котораго не сегодня, завтра и совсѣмъ пристрѣлятъ Черкесы,—терпѣть не могу такихъ“! Женни прикусила язычекъ, но догадливая Марья Яковлевна, на основаніи правила „подальше отъ грѣха“, положила тотчасъ же „принять свои мѣры“. Она перестала пускать дочь въ тѣ дома, гдѣ она могла встрѣтить Троекурова, и прежде всего къ Карнауховымъ. Онъ такъ и уѣхалъ обратно на Кав-

казъ, не добившись увидѣть ее еще разъ.. „А все же будетъ она моею женой“! говорилъ онъ себѣ упорно, кривя уста досадливою улыбкой, во все продолженіе пути...

Походъ 1859 года, увѣнчавшійся плѣненіемъ Шамиля, подалъ ему случай отличиться еще разъ. Имя его выдвинулось внезапно впередъ, пріобрѣло боевую извѣстность. Онъ награжденъ былъ Георгіевскимъ крестомъ, произведенъ въ полковники... „Ну, теперь покончено, Кавказъ покоренъ, воевать не съ кѣмъ“, молвилъ онъ себѣ мысленно, „новаго дѣла поневолѣ искать приходится“...

Онъ взялъ годовой отпускъ и уѣхалъ осенью въ Москву. Старички-патріоты Англійскаго клуба приняли его съ особеннымъ почетомъ; компанія *жуеровъ*, во главѣ которой стоялъ извѣстный мастакъ во всѣ игры, добрѣйшій *товарищъ* и перворазрядный питухъ, котораго почему-то звали всѣ—въ переводѣ его русской фамиліи на французскій языкъ—monsieur Lecourt, устроила въ честь его колоссальную жженку и поила его шампанскимъ на смерть каждый разъ, какъ появлялся онъ въ клубѣ. Женни Карнаухова и мать ея, извѣстная княгиня Додо, все еще продолжавшая называть свой салонъ „un petit coin de Pétersbourg transportê à Moscou *), но былой авторитетъ которой уже ни въ грошъ не ставился въ пустѣвшемъ съ каждымъ годомъ московскомъ свѣтѣ, ужасно *мусировали* „les exploits militaires“ ихъ *кузена*. Но сердечныя дѣла его нисколько не подвигались отъ этихъ овацій и выхваленій. Г-жа Лукоянова была женщина практическая, къ „военнымъ подвигамъ“ относилась съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, кѣмъ бы они совершены ни были, и все такъ же говорила о Троекуровѣ, какъ объ „отъявленномъ *мотыгѣ* и *злючкѣ*, которому поставить человѣка на барьеръ все равно, что̀ стаканъ воды выпить, и у котораго, кромѣ долговъ, ничего въ настоящую пору за душой не осталось“. Она, попрежнему, прятала отъ него дочь... Троекурову удалось увидѣть на этотъ разъ Сашеньку совершенно невзначай, на пріемномъ утрѣ у princesse Louise, гдѣ менѣе всего почему-то разсчи-

*) *Четверть вѣка назадъ*. Часть 1-ая.

тывала натолкнуться на него бдительная Марья Яковлевна. Онъ уже сидѣлъ тамъ, когда она вошла съ дочерью; хозяйка, повинуясь обычаю, сочла нужнымъ представить его „незнакомымъ ему дамамъ“. Бѣжать было нельзя сейчасъ, показать себя неучтивою тоже. Марья Яковлевна поклонилась, улыбнулась кислою улыбкой, сѣла и, какъ на иголкахъ, ждала удобной минуты встать и уѣхать... Но, на ея бѣду, часъ еще былъ ранній, кромѣ ея съ дочерью и Троекурова никого не было въ гостиной, и princesse Louise привѣтливо завела съ нею разговоръ, который она, со своей стороны, обязана была поддерживать приличія ради. Тѣмъ временемъ Сашенька успѣла спросить Кавказца, надолго-ли онъ въ Москвѣ, и получила въ отвѣтъ, что онъ принужденъ ѣхать на дняхъ въ Петербургъ, но вернется *непремѣнно* въ теченіе зимы. „Я положилъ себѣ, что вы будете моей женой!“ прочла она, въ добавку, въ его глазахъ. „Ничьею, какъ вашею!“ отвѣчалъ ему, въ свою очередь, мгновенно загорѣвшійся и такъ же мгновенно отвернувшійся отъ него взглядъ ея... Марья Яковлевна продолжала сидѣть, какъ на иголкахъ, угадывая этотъ новый разговоръ своимъ материнскимъ чутьемъ и не находя никакого средства помѣшать ему. Но вотъ, наконецъ, еще кто-то пріѣхалъ... Она поспѣшно встала, подняла дочь съ мѣста повелительнымъ взглядомъ, распрощалась съ хозяйкой, отвѣтила короткимъ кивкомъ на учтивый поклонъ молодого человѣка и, взглянувъ еще разъ на Сашеньку, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ увѣриться, что та не отстаетъ отъ нея, вышла быстрыми шагами изъ гостиной, словно спасаясь изъ загорѣвшихся хоромъ.

Троекуровъ на другой же день уѣхалъ въ Петербургъ... Тамъ его сразу охватилъ и понесъ старый, знакомый водоворотъ. Его давно не видѣли, онъ вернулся *съ именемъ*, онъ *представлялся* въ Царскомъ Селѣ, и хотя не сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ („и не будетъ имъ никогда“, предсказывали, на основаніи какихъ-то особыхъ соображеній, компетентные въ этой области вѣдѣнія люди), но принятъ былъ очень милостиво, съ весьма лестными для него словами одобренія... А главное, онъ былъ „интересенъ“ и остеръ,—„mordant d'esprit et des yeux altiers et doux en même temps“, сказано

было даже про него въ одномъ дворцѣ; этого было достаточно, чтобы вознести его сразу на положеніе *льва* начинавшагося петербургскаго сезона. Онъ изнемогалъ подъ бременемъ приглашеній, раздушенныхъ записокъ, „милыхъ упрековъ“, званыхъ обѣдовъ, вечеровъ „en petit comité“ въ обществѣ „des plus charmantes *mondaines* de Pétersbourg“, пьяныхъ ужиновъ въ компаніи всякихъ Бертъ и Клемансъ, и выяснявшагося для него вполнѣ только теперь отчаяннаго положенія его финансовыхъ обстоятельствъ...

Онъ былъ „окончательно нищъ,“—для него уже не оставалось сомнѣній. Не далѣе какъ сегодня утромъ ростовщикъ Розенбаумъ, которому онъ въ теченіе семи, восьми лѣтъ переплатилъ до полутораста тысячъ рублей одними процентами, отказалъ наотрѣзъ переписать его векселя еще на годъ, но въ видѣ утѣшенія пригласилъ къ себѣ на завтракъ съ графомъ Зубрицкимъ, княземъ Щенятевымъ и генераломъ Сергоегорьевскимъ, „моими большими *фахворитами*“, тщеславно говорилъ отвратительный жидъ про этихъ неоплатнѣйшихъ изъ его „аристократическихъ“ должниковъ. „Этотъ déjeûner des victimes у Розенбаума съ вами,—это послѣдній ударъ, значитъ!“ отпустилъ Троекуровъ тутъ же громко за столомъ, къ общему хохоту товарищей своихъ по трапезѣ и „несчастію...“

„И вдругъ это богатство съ неба“, воскресало теперь опять въ его мысли, съ усиленнымъ приливомъ крови къ вискамъ, съ какимъ-то сладостнымъ стѣсненіемъ въ груди,—„эта маменька, которая сама гонитъ меня теперь въ Москву...“

— Па-ади! Или не видишь, мазурикъ! облаялъ счастливца, не различивъ за слѣпившею глаза изморозью его военной папахи, надменный кучеръ съ высоты быстро катившей щегольской кареты, подъ колеса которой чуть не попалъ нашъ Кавказецъ, перебѣгая съ тротуара на тротуаръ у Почтамтскаго переулка.

Троекуровъ обернулся и засмѣялся вдругъ неожиданнымъ для него самого смѣхомъ. Онъ узналъ и карету, и кучера...

— Съ *этимъ* надо будетъ теперь же покончить! съ какою-то суровостью проговорилъ онъ себѣ затѣмъ, заворачи-

ваясь плотнѣе въ шинель отъ вѣтра, съ новою силой задувшаго ему въ лицо при поворотѣ въ переулокъ.

Чрезъ пять минутъ онъ входилъ въ широкія сѣни барскаго двухъэтажнаго дома въ Почтамтской.

— Дома Ольга Елпидифоровна? машинально спросилъ онъ, скидывая въ то же время, не ожидая отвѣта, шинель свою на руки толстаго швейцара, двинувшагося ему навстрѣчу.

— Только-что изъ театра изволили вернуться, отвѣчалъ соннымъ голосомъ тотъ.

Троекуровъ неспѣшными шагами поднялся въ бельэтажъ.

III.

O, femme, femme, sexe faible et décevant, tout animal créé ne peut manquer à son instinct; le tien est-il donc de tromper?

Beaumarchais.

Du, übersinnlicher, sinnlicher Freier,
Ein Weib nasführet dich.

Faust.

Онъ вошелъ въ гостиную.

Это была большая, глубокая, съ тремя окнами на улицу, комната, обтянутая темномалиновымъ атласомъ, на благодарномъ фонѣ котораго особенно ярко и выпукло, при свѣтѣ двухъ зажженныхъ на столахъ высокихъ карселей, выступала позолота панелей и карнизовъ, обтянутой тою же темною матеріей, стиля Louis XV, мебели, рѣзныхъ рамъ кругомъ зеркалъ и картинъ, блестящая бронза люстры, канделябръ и большихъ часовъ Pompadour на каминѣ изъ сѣраго мрамора. Мягкій Обюсоновскій коверъ во всю гостиную выкидывалъ изъ-за ножекъ обильно и безпорядочно разставленныхъ на немъ креселъ и кушетокъ гдѣ листъ, гдѣ розу, гдѣ завитокъ своихъ вычурныхъ разводовъ. Великолѣпное фортепіано Эрара, съ развернутою тетрадью оперной партитуры на пульпетѣ, стояло въ углу подъ сѣнью длиннолиственной пальмы. Между окнами, отражаясь въ широкихъ зеркалахъ, подымались горки пестрѣвшихъ въ густой зелени пахучихъ цвѣтовъ. Нѣсколько довольно крупнаго размѣра, но далеко не завидныхъ по живописи, картинъ симметрически развѣшены были по стѣнамъ: дюжинные морскіе виды Айвазовскаго, какая-то

нимфа съ чухонскимъ лицомъ и зеленымъ тѣломъ, копія со злосчастнаго *Поцѣлуя* Моллера, а въ самой середкѣ съ каждой стороны глядящіе другъ на друга черезъ комнату портреты высокопоставленныхъ лицъ, словно пріобрѣтенные изъ какого-нибудь присутственнаго мѣста... Фотографія за то являла здѣсь самые блистательные образчики своихъ преуспѣяній: „карточки-портреты“, большіе и малые, группами и въ одиночку, раскрашенные и „не ретушованные“, на темномъ фонѣ и на свѣтломъ, въ рѣзныхъ и гладкихъ, скромныхъ и цѣнныхъ, картонныхъ, деревянныхъ, бронзовыхъ стальныхъ, филиграновыхъ, плетеныхъ изъ соломы, выклеенныхъ изъ перьевъ, рамкахъ, выглядывали изо всѣхъ угловъ, со столовъ, мольбертовъ, этажерокъ, шкафовъ современной имитаціи стараго Буля, громоздились на мраморѣ камина, на палисандровой поверхности эраровскаго инструмента. Тутъ былъ въ ликахъ, какъ говорится, „весь Петербургъ“ — *мужской* Петербургъ того времени: и Гриша Сѣверовъ, извѣстнѣйшій и популярнѣйшій изъ тогдашнихъ *жуировъ* и покорителей сердецъ, и тогдашній молодой, красивый и изящный петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, и „статскій генералъ“ Прытковъ, и цѣлая семья генералъ-адъютантовъ и свитскихъ генераловъ, мрачныхъ и игривыхъ, то въ регаліяхъ, съ рукою на эфесѣ сабли, то en négligé, верхомъ на стулѣ, съ сигарою въ зубахъ; итальянцы-тенора и секретари посольствъ съ прикрученными въ нитку усами и проборомъ до затылка; надворные и коллежскіе совѣтники морскаго министерства, всѣ до одного готовившіе себя въ тѣ дни на посты министровъ, и даже въ срокъ самый непродолжительный; тоненькіе кавалергарды и пухлые лейбъ-гусары; красавецъ-гимнастъ Леотаръ на своей трапеціи, и рядомъ съ нимъ варшавскій баронъ изъ Евреевъ, прибывшій на берега Невы съ какимъ-то, какъ говорили, необыкновеннымъ финансовымъ проектомъ, имѣвшимъ поступить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но который онъ, какъ „цивилизованный Европеецъ“, полагалъ прежде всего *провести* способомъ не извѣданнымъ еще „дореформенною“ тогда Россіей, а именно чрезъ посредство „вліятельныхъ дамъ“... Все это въ перемѣжку съ дорогими бомбоньерами-

ящиками изъ китайскаго лака, слоновой кости, перламутра, оксидированнаго серебра, съ фарфоровыми вазами, расписными вѣерами, саксонскими куклами, яшмовыми чашами, хрустальными флаконами въ оправахъ изъ драгоцѣнныхъ камней, серебряными пепельницами, каррикатурными фигурками изъ гутта-перчи и папье-маше и всякими иными ненужностями самоновѣйшихъ фасоновъ, какъ бы только-что доставленными сюда прямо отъ Кнопа или La Renommée *). Салонъ Ольги Елпидифоровны Ранцовой походилъ на выставку благотворительнаго базара, составленнаго изъ пожертвованій доброхотныхъ дателей. Но это былъ очевидно весьма любимый въ Петербургѣ и многопосѣщаемый салонъ. Мебель хранила явные слѣды многочисленныхъ туловищъ, придавившихъ первоначальную упругость ея пружинъ, напомаженныхъ затылковъ, опиравшихся объ ея мягконабитыя спинки; къ благовонію цвѣтовъ примѣшивался всюду тотъ острый запахъ, который неизбѣжно оставляетъ за собою въ комнатахъ куреніе табаку. Безцеремонный смѣхъ и легкія рѣчи словно струились въ тепличной атмосферѣ этого роскошнаго и безалабернаго покоя...

Троекуровъ, съ легкимъ зѣвкомъ и пожимаясь отъ ощущенія пронизавшаго его на улицѣ холода, опустился на низкое кресло предъ каминомъ, въ которомъ еще вспыхивали синіе огоньки потухавшаго угля, и досталъ портсигаръ изъ-подъ полы своего мундира.

— Вы здѣсь? крикнулъ ему голосъ изъ другой комнаты.

— Да, и смерзъ, отвѣчалъ онъ.

Портьера приподнялась, и въ гостиную торопливо вошла-вбѣжала хозяйка. Она была еще въ своемъ изысканномъ туалетѣ, со своими сверкающими шатонами въ ушахъ и ожерельемъ въ три нитки крупнаго жемчуга на обнаженной, восхитительной шеѣ.

— Что̀, хорошо, прелестно, какъ вы находите, поступила со мною ваша Краснорѣцкая? воскликнула она сразу, подходя къ самому креслу Троекурова и глядя на него въ упоръ.

*) Извѣстные до сихъ поръ магазины на Невскомъ проспектѣ.

Онъ, повидимому, ожидалъ не этого вопроса и слегка усмѣхнулся:

— Прежде всего, почему она „моя?“ сказалъ онъ, учтиво швыряя въ каминъ только что закуренную имъ папироску.

— Разумѣется, *ваша*, вашего монда, вашей crême, пылко вымолвила красавица-барыня, сверкая глазами изъ-подъ сжатыхъ темныхъ бровей,—а я для нея une Dieu sait qui, une madame Rantzoff! Madame Rantzoff, qu'est-ce que c'est! Меня можно только доить какъ корову, деньги съ меня тащить безсовѣстно... Сама скупится, или нѣтъ у нея, а я дала три тысячи „на улучшеніе пищи“ ея школы, и мой мужъ сидитъ теперь третій мѣсяцъ въ деревнѣ и бьется тамъ изъ-за денегъ, а она... Я съ нею въ томъ же совѣтѣ патріотическихъ школъ сижу, и она всѣхъ нашихъ дамъ сегодня пригласила, и даже cette affreuse madame Паульсонъ, которая чужія платья носитъ, — я знаю навѣрное, Сашенька Василинина ей два своихъ подарила, — а меня... Она сочла, съ меня довольно, что она мнѣ карточку забросила: нарочно, гадина этакая, пріѣхала, когда—знала вѣдь!—когда меня дома не бываетъ... Это за мои три тысячи! Un peu cher обходятся ея визиты!.. А Лиза Стародубская, родная ея племянница, еще третьяго дня божилась и клялась, что я непремѣнно, непремѣнно получу приглашеніе... Мерзкія, отвратительныя онѣ всѣ! Подличаютъ, когда нужно имъ что-нибудь, и фыркаютъ, когда... И я очень хорошо понимаю, изъ-за чего не хотятъ онѣ меня всѣ. Потому что ихъ мужьямъ, сыновьямъ и *любовникамъ* — подчеркнула она злобно,—тысячу разъ веселѣе у меня, въ моемъ домѣ, чѣмъ въ ихъ противномъ гранжанрѣ, и онѣ это знаютъ и бѣсятся... И я очень рада, что у нея сегодня будетъ bal manqué,—нежданно добавила Ольга Елпидифоровна, — потому что императрица не поѣдетъ!

— Кто это вамъ сказалъ? тихо и глядя на тлѣющіе угли, спросилъ Троекуровъ.

— Мнѣ говорилъ Петруша Луповъ: онъ вчера дежурный флигель-адъютантъ былъ. Pour sûr не поѣдетъ!

— А я сегодня обѣдалъ у Свистунова съ гофмаршаломъ

Гагинымъ, который былъ *тамъ* сегодня утромъ, — всѣ ѣдутъ, напротивъ, протянулъ Кавказецъ.

Красивая барыня гнѣвнымъ движеніемъ швырнула на каминъ перчатки, которыя держала въ рукѣ, и быстро опустилась въ кресло насупротивъ своего собесѣдника.

— Ну, и поздравляю ее... и васъ! Отправляйтесь и веселитесь!...

— Вы разрѣшаете? промолвилъ онъ съ новою усмѣшкой, выпрямляясь и устремляя на нее глаза.

— Что̀ такое?...

— Ѣхать мнѣ на балъ къ княгинѣ? Вы съ меня требовали слово, и я вамъ далъ его, что я поѣду туда только въ томъ случаѣ, если и вы будете... Но разъ вамъ угодно теперь, чтобъ я „отправился“...

— Ну, конечно, язвительно прервала она его,—вамъ только этого и нужно! Вы меня въ душѣ проклинаете теперь за это данное вами слово, потому что вы умираете, хотите ѣхать туда... Вы думаете, кажется, что̀ я ничего не понимаю, Борисъ Васильевичъ, проговорила она внезапно измѣнившимся тономъ, тономъ мнимаго спокойствія, скрещивая на груди свои полныя, высоко обнаженныя руки съ ямочками на локтяхъ, — вы даже вздумали скрытничать. Это просто смѣшно! Я васъ спрашиваю въ театрѣ, кто эти барыни, къ кому вы ушли отъ меня, и вы принимаете вашъ grand air и отвѣчаете: „вы ихъ не знаете“, и цѣлый часъ шушукаетесь тамъ въ углу съ этою госпожей, которая такъ нахально вытребовала васъ отъ меня. А у меня сидитъ Шастуновъ, который ихъ знаетъ по Москвѣ, и говоритъ мнѣ прямо, кто онѣ. Къ чему же эти тайны, развѣ я не узна̀ю всегда все, что̀ мнѣ нужно? Но вы сочли лучшимъ принять со мною равнодушный видъ, чтобъ я не обратила вниманія, какъ вы будете разсыпаться съ этою ingénue, у которой глаза, какъ тарелки... Что̀ она очень богата, по крайней мѣрѣ? не выдержавъ, съ новою язвительностью проронила г-жа Ранцова.

Брови Троекурова сжались на мигъ, но онъ, какъ бы сознавая это, провелъ по лицу рукой и совершенно спокойно возразилъ:

— Для чего это вы меня спрашиваете?

— Очень просто, гнѣвно отвѣчала она:—не стали же бы вы, la coqueluche du grand monde, компрометировать себя публично въ театрѣ съ какою-то неизвѣстною московскою колокольней, если-бъ у васъ не были свои какіе-нибудь особенные виды?

— „Виды“ уплатить мои долги приданымъ богатой жены,—такъ вѣдь это? промолвилъ онъ все также хладнокровно.

Она пренебрежительнымъ движеніемъ приподняла плечи:

— Что-жь такое, не вы первый, не вы послѣдній!

— Само собою! засмѣялся онъ, глядя на нее съ какою-то безсознательною жалостью.— И вообразите, я не спрашивалъ и даже весьма склоненъ думать, что тутъ никакого приданаго нѣтъ, или очень мало...

— Онѣ ѣдутъ на этотъ балъ? прервала она его вдругъ.

— Ѣдутъ.

— И вы, если-бъ я сняла съ васъ ваше слово, поскакали бы сейчасъ туда же produire эту интересную безприданницу въ мазуркѣ? Говорите чистосердечно!

— Поѣхалъ бы, Ольга Елпидифоровна, отвѣтилъ онъ серьезнымъ голосомъ, съ поднятыми на нее глазами.

Изъ ея глазъ брызнули мгновенно слезы:

— Вы меня никогда не любили! воскликнула она, поспѣшно доставая изъ кармана кружевной платокъ.

„Вотъ оно когда настоящее-то!“ пронеслось въ мысли Троекурова.

— Я бы могъ, однако, привести вамъ доказательства противнаго, выговорилъ онъ вслухъ, какъ бы вскользь.

— Ахъ, пожалуйста, замахала она на это руками,—знаю напередъ, что вы мнѣ можете сказать!... Старая исторія, какъ вы безумствовали изъ-за моей жестокости, всѣхъ ревновали, чуть не убили бѣднаго Ордынцева, который не болѣе васъ тогда былъ dans mes bonnes grâces... Да развѣ это любовь,— настоящая? „То кровь кипитъ, то силъ избытокъ“, какъ сказалъ Лермонтовъ. Каждый новопроизведенный корнетъ и до сихъ поръ считаетъ своимъ долгомъ влюбиться въ меня такъ, какъ вы влюблены были тогда... А вы, хоть и не корнетъ

ужь были, а тотъ же юноша, пылкій, безтолковый, ne sachant rien de la vie...

— И вы тогда надъ этою безтолковостью смѣялись, вырвалось невольно изъ устъ Троекурова,—смѣялись и надо мною, и надъ Ордынцевымъ съ опытнымъ и *толковымъ* графомъ Анисьевымъ?...

Она вся вспыхнула.

— Не напоминайте мнѣ этого имени, я сто разъ вамъ говорила! воскликнула она;—вы знаете, что я никогда его не любила, никогда не былъ онъ моимъ... Этотъ человѣкъ терроризовалъ меня просто: въ первые годы моего замужства онъ забралъ насъ съ мужемъ въ руки и заставилъ буквально плясать по своей дудкѣ. Мы тогда только-что пріѣхали сюда, никому неизвѣстные; надо было устроить себѣ положеніе, отношенія создать... Онъ зналъ, что былъ необходимъ намъ, и пользовался этимъ... Я не скрываю, онъ все сдѣлалъ, чтобъ отдалить меня отъ васъ тогда, онъ пугалъ меня страхомъ потеряться во мнѣніи свѣта... Но къ чему эти ретроспективные упреки,—прервала себя вдругъ она:—мало вамъ того, что теперь, когда мы опять увидѣлись, я, сумасшедшая, имѣла глупость первая на шею къ вамъ кинуться?...

Онъ слушалъ ее, поникнувъ головой, съ учтивою внимательностью, едва скрывавшею выраженіе недовѣрія, которое повидимому внушали ему ея слова. Когда договорила она, онъ, не вставая, пододвинулся къ ней на колесцахъ своего низенькаго кресла, наклонился и захватилъ обѣ ея руки въ свои... Эти теплыя, холеныя руки, проникнутыя тонкимъ, знакомымъ ему, не разъ опьянявшимъ его до экстаза, запахомъ духовъ, такъ и манили прижать ихъ къ горячимъ губамъ. Но онъ воздержался, сжалъ ихъ и, глядя ей глазами въ глаза, проговорилъ съ мягкою насмѣшливостью:

— Упрековъ вы отъ меня никогда не слышали и не услышите, а все же долженъ я сказать вамъ, моя прелесть, что въ то время я васъ, хотя и „безтолково“ пожалуй, но за то и безъ памяти любилъ; вы же „настоящимъ“ образомъ не любили меня ни тогда, ни теперь... да и едва-ли способны такъ любить...

Она съ сердцемъ выдернула у него руки.

— Вотъ какъ!... Что̀ же, вы, можетъ быть, правы, нежданно вскликнула она черезъ мигъ, какъ бы одумавшись,— такъ, по-*настоящему*, безъ оглядки, *васъ* любить я дѣйствительно, можетъ быть, не способна. Для этого, какъ въ музыкѣ, надо быть увѣреннымъ, что втора идетъ за вами вѣрно. А у васъ вѣчно полутономъ выше или ниже звучитъ, потому что вы, какъ Шопенъ, ищете вѣчно какихъ-то неслыханныхъ, неизвѣстныхъ простому человѣчеству звуковъ. Вы та же больная аристократическая натура, только онъ въ музыкѣ, а вы въ жизни.

— Откуда мнѣ сіе, помилуйте! засмѣялся на это Кавказецъ.

— Да, да! воскликнула Ольга Елпидифоровна:—я умна, вы знаете, и вижу людей насквозь. Вы—aristocrate par l'épiderme... Это Montebello про васъ сказалъ, и отлично!... Въ васъ какая-то особенная, обидная утонченность нервовъ, вы способны коробиться и возмущаться отъ того, что̀ проходитъ незамѣченнымъ для девяти десятыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, отъ какого нибудь нечаянно вырвавшагося неудачнаго слова, неловкаго движенія, отъ цвѣта платья, выбраннаго не къ лицу. Вы вѣчно все видите и все судите... Оттого вы и любите—точно снисходите; въ вашей любви вѣчно чувствуется озабоченность брезгливаго человѣка, который, входя въ незнакомый домъ, говоритъ себѣ: какъ бы здѣсь чѣмъ нибудь непріятнымъ не запахло!... Я всегда, съ тѣхъ поръ какъ... какъ мы близки, производила на васъ это впечатлѣніе,—правду я говорю, скажите?... Я всегда была для васъ une fleur trop vulgaire. Въ первые годы молодости вы любили меня, какъ молодой звѣрь. Кугда мы встрѣтились опять, вы *дозволили* любить себя, какъ позволяетъ какой нибудь пойманный орелъ кормить себя, но съ тѣмъ же затаеннымъ презрѣніемъ и враждою глядитъ на того, кто подаетъ ему пищу...

И, такъ же мгновенно и нежданно, какъ въ первый разъ, мгновенныя и нежданныя для нея самой слезы закапали изъ глазъ красавицы. Она отерла ихъ, уронила руку на колѣни и печально взглянула въ лицо Троекурова.

Онъ медленно закачалъ головой:

— Не справедливо и противорѣчитъ даже тому, что̀ сами вы сказали сейчасъ. Разъ вы находите во мнѣ такую необыкновенную „утонченность нервовъ“, допустите же, что я могу столько же цѣнить и любоваться, сколько „коробиться“ и „возмущаться“, какъ вы сказали. А я увѣряю васъ, что вами я всегда самымъ искреннимъ образомъ любовался... Вы представлялись мнѣ всегда блистательною бабочкой, которая летитъ на все, что̀ свѣтитъ и горитъ... Вы видите даже, какъ я по этому случаю поэтически говорю! добавилъ онъ поспѣшно, какъ бы извиняясь за необычную ему *фразу*.

— Это меня не трогаетъ, полуулыбаясь и приподымая свои великолѣпныя плечи, возразила Ольга Елпидифоровна:— не такіе еще стихи мнѣ писали! Что̀ же дальше?

— А то̀, отвѣчалъ онъ,—что и *вы* любить можете, и *васъ* любить должно въ границѣ этихъ вашихъ инстинктовъ...

— Летѣть на свѣчку?

Онъ съ мягкою улыбкой повелъ утвердительно бровями.

— И вы считаете теперь своимъ долгомъ, иронически засмѣялась она,—свѣчку эту задуть, sous prétexte не дать мнѣ слишкомъ обжечь крылья?

— Безо всякихъ предлоговъ; вы знаете, что я не фатъ, съ преднамѣренною сухостью произнесъ Троекуровъ.

Она остановила на немъ внимательный взглядъ и слегка поблѣднѣла.

— А-а, протянула она,—c'est donc la fin?... Вы *этого* хотите?

Онъ поднялся съ мѣста и оперся объ уголъ камина.

— Поневолѣ, учтиво промолвилъ онъ:—я долженъ уѣхать отсюда и, по всей вѣроятности, надолго.

— Куда же это, въ Оренбургъ? спросила она, насколько могла хладнокровно, видимо сдерживая все, что̀ кипѣло у нея внутри:—вчера у меня былъ (она назвала тогдашняго генералъ-губернатора того края); онъ мнѣ говорилъ, что приглашалъ васъ туда, что тамъ готовится какая-то экспедиція въ Среднюю Азію.

— Нѣтъ, медленно проговорилъ Троекуровъ,—довольно

воевать!... Мнѣ, по всей вѣроятности, будутъ предстоять иныя заботы, какъ-то невольно добавилъ онъ къ этому.

— Что̀ такое?... Или это опять тайна?

— Н-нѣтъ... Мнѣ съ неба падаетъ, повидимому, наслѣдство, о которомъ мнѣ и не снилось никогда...

— Какое наслѣдство? вскрикнула она съ тѣмъ женскимъ любопытствомъ, которое у прекраснаго пола не остываетъ и среди самыхъ поглащающихъ тревогъ жизни.

Онъ принужденъ былъ сообщить ей по этому поводу все, что̀ уже извѣстно нашему читателю.

Она слушала, глядя на него взглядомъ, въ которомъ угадывалось, что она вовсе не думала о томъ, о чемъ онъ велъ рѣчь. Какіе-то недобрые огоньки пробѣгали будто при этомъ въ ея зрачкахъ.

— Когда же вы узнали объ этихъ счастливыхъ для васъ смертяхъ? иронически спросила она.

— Сегодня.

— Утромъ?

— Нѣтъ...

— Вамъ это сообщила сейчасъ въ ложѣ эта башня въ желтомъ чепцѣ?

— Госпожа Лукоянова, подчеркнулъ Троекуровъ.

— Да, расхохоталась вдругъ красивая барыня, подымаясь съ мѣста,—вы, дѣйствительно, настоящій теперь женихъ для дочери ловкой московской маменьки!...

Троекуровъ не отвѣчалъ и только потянулъ себѣ усъ, съ видомъ человѣка, готоваго встрѣтить спокойно всякую бурю.

— Не сердитесь пожалуйста, это къ вамъ не пристало! сказала она, проходя мимо него и оглянувъ его быстрымъ взглядомъ.

— И не думаю! поспѣшилъ онъ усмѣхнуться на это.

Ольга Елпидифоровна подошла къ своему Эрару, ударила пальцемъ по клавишѣ въ басу, провела его затѣмъ по всей клавіатурѣ, зѣвнула и со скучающимъ видомъ опустилась въ стоявшее близь инструмента кресло.

— Во всякомъ случаѣ, съ вами сегодня не весело!

— Я не виноватъ: вы сами же заставили меня разска-

зывать вамъ сейчасъ о вещахъ, которыя могутъ быть интересны только для меня.

— Все, что васъ касается, Борисъ Васильевичъ, не можетъ не быть для меня интересно, насмѣшливо кланяясь ему съ мѣста, сказала она.

Онъ отвѣчалъ ей такимъ же поклономъ и усмѣшкою:

— Позвольте выразить вамъ всю ту благодарность, которую заслуживаетъ ваша любезность...

— Прелестно! Точно изъ какого-нибудь романа Александра Дюма... Да, перебила она себя:—я все время въ театрѣ спрашивала, и никто изъ моихъ умниковъ не умѣлъ мнѣ сказать: изъ какого романа взятъ сюжетъ des *Puritains?*

Троекуровъ не успѣлъ отвѣтить. Ольга Елпидифоровна скинула мантилью съ плечъ, обернулась съ кресломъ къ фортепіано и торопливо, словно спѣша не забыть чего-то, отстегнула браслеты съ обѣихъ рукъ, уронила ихъ на коверъ... Ея захватывающій голосъ огласилъ чрезъ мигъ комнату: она пѣла каватину баритона въ первомъ дѣйствіи *Пуританъ*:

Ah, per sempre io ti perdei,
Fior d'amore, fior d'amor, la mia speranza,
E la vita ché s'avanza
Sara diena di dolor. *).

Она подражала Ронкони, усиливая, какъ бы въ насмѣшку, густоту звука своего контральтоваго тембра, но, словно помимо ея воли, задушевная нѣжность очаровательной мелодіи лилась и плакала въ ея горлѣ во всей искренности создавшаго ее вдохновенія. Ее самое проникало это вдохновеніе, губы ея увлажились, глаза пылали томно и страстно.

Но она оборвала вдругъ; руки ея скользнули съ клавишей на колѣни, она откинула голову назадъ:

— Удивительный былъ артистъ этотъ Ронкони! проговорила она будто въ утомленіи:—четыре ноты въ голосѣ, а всю душу забиралъ...

---

*) О, навсегда потерялъ я тебя,
Цвѣтокъ любви, моя надежда,
И приближающаяся жизнь
Будетъ полна однимъ страданіемъ.

— Зачѣмъ вы кончили! вырвалось у Троекурова,—его какъ-то внезапно всего подняло ея пѣніе:—еще, пожалуйста, еще!

Онъ отодвинулся отъ камина и шагнулъ къ ней.

Она лѣниво скользнула по задку кресла, о который опирался ея затылокъ, и слегка свислась головой въ его сторону:

— Вамъ еще мало музыки?... Впрочемъ, вы тамъ, въ театрѣ, не тѣмъ были заняты! промолвила она, пока онъ подымалъ съ пола ея браслеты.

— Спойте еще, прошу васъ! повторилъ онъ настойчиво.

— Вы просите?...

Глаза ея засверкали вдругъ; она разомъ выпрямилась, встряхнула головой:

— Примите кресло, на немъ низко пѣть!...

Троекуровъ поспѣшилъ исполнить приказаніе: онъ отодвинулъ кресло, пододвинулъ ей табуретъ. Усаживаясь на него со своимъ пышнымъ кринолиномъ, она сдѣлала неловкое движеніе, какъ-бы падая, слегка вскрикнула... Онъ ее поддержалъ за локоть, за этотъ прелестный, полный локоть съ ямочкою на сгибѣ, который и во снѣ снился ему въ оны дни... Матово-бѣлая, низко открытая спина ея вздрогнула, покалось ему при этомъ... Глаза его невольно остановились на ея соблазнительномъ очертаніи...

— Хорошо, можете слушать, не оборачиваясь, обрывисто сказала она.

Онъ обошелъ инструментъ, уложилъ обѣ руки на его доску и устремилъ на нее глаза.

— „Торжество побѣдителя“! со смѣхомъ возгласила Ольга Елпидифоровна,—и начала:

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турнирѣ;
Всѣ цвѣточки полевые...

— Fleurs vulgaires, скороговоркой вымолвила она, воспользовавшись ritardando въ мотивѣ,—

Лишь моя одна какъ ро-оза,—

каррикатурно допѣла она колѣно, и тою же скороговоркой:— Изъ московскаго грунтоваго сарая прямо въ оранжерею archichic княгини Краснорѣцкой! И кому-то смерть хочется туда же, и онъ, бѣдняжка, не можетъ... Ну, просите хорошенько,—я, можетъ быть, возьму да и сжалюсь,

Car moi j'en ris,
Car moi j'en ris, tant je suis bonne fille,

заключила она, съ неподражаемымъ ухорствомъ выраженія, припѣвомъ изъ не совсѣмъ салонной пѣсни Беранже.

— Какъ можете вы дурачиться съ такимъ голосомъ! полудосадливо, полугорячо вскликнулъ Троекуровъ.

— О, о, какая строгость! И она насмѣшливо и гордо окинула его взглядомъ:—съ какого права?

— Вы капризничаете! сказалъ онъ, хмурясь.

— А если-бъ и такъ?

Она быстро скинула партитуру съ пульпета фортепіано, опустила его, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ удобнѣе вглядѣться въ лицо Кавказца, разговаривавшаго съ нею поверхъ этого пульпета, и нагнулась къ нему такъ, что его всего обдало опьяняющимъ благоуханіемъ ея роскошнаго тѣла...

— Изъ-за чего, скажите, стала бы я тѣшить васъ?... А я могла бы, дѣйствительно, сегодня—мгновенно перемѣняя тонъ, продолжала она:—я въ голосѣ, какъ никогда. Если-бъ я пѣла на сценѣ, я чувствую, не было бы сегодня человѣка въ театрѣ, который бы не палъ къ моимъ ногамъ...

— Я постараюсь замѣнить вамъ публику, насколько будетъ въ моихъ силахъ, сказалъ онъ, стараясь скрыть подъ беззаботнымъ видомъ шутки начинавшее разбирать его волненіе.

Она кивнула головой вверхъ:

— Tempi passati! Эти предложенія теперь къ лицу развѣ кому нибудь изъ моихъ amoureux transis, въ родѣ Шастунова, а никакъ не...

— А знаете, кстати, прервалъ ее Троекуровъ,—я никакъ не понимаю, какъ вы можете съ нимъ возиться!

— Съ кѣмъ это?

— Съ вашимъ Шастуновымъ.

— Что̀-жь такое! Молодой звѣрь, какъ я ихъ называю... И вы были такимъ dans le temps!...

Троекуровъ гадливо повелъ губами:

— Онъ и не звѣрь, онъ просто животное!...

— И носъ кривой, замѣтили вы! расхохоталась Ольга Елпидифоровна.—А вы не видѣли, какую онъ discrétion проигралъ мнѣ вчера?... Вотъ тамъ на столѣ, въ футлярѣ... Подайте сюда!

Это былъ довольно объемистый, чеканнаго золота ящичекъ въ формѣ ковчежка, на крышкѣ котораго во всю его ширину читалось французское слово *Epingles*, начертанное бриллiантами и рубинами весьма почтенныхъ размѣровъ.

Троекуровъ взглянулъ и пожалъ плечами.

— Quel mauvais goût, не правда-ли? продолжала смѣяться Ранцова; — а вѣдь онъ увѣренъ былъ, что ничего нельзя выдумать de plus grand genre, какъ поднести для грошовыхъ булавокъ вещь тысячи въ полторы или двѣ! Такъ и видна купеческая кровь... Вѣдь его маменька, рожденная Раскаталова, excusez du peu! Вы эту его маменьку не знаете? Феноменальная дура!...

— Къ чему вы отъ него принимаете? сказалъ тихо Троекуровъ.

— А что̀-жь такое? отвѣчала, не смущаясь, красивая барыня, любуясь игрою свѣта, падавшаго на Шастуновскiй подарокъ: — камни эти, разумѣется, я велю вытащить вонъ и сдѣлаю изъ нихъ браслетъ, Renaissance, о которомъ давно мечтаю...

Онъ потихоньку вынулъ у нея футляръ изъ рукъ, закрылъ и кинулъ его на столъ:

— Спойте лучше, чѣмъ вздоръ говорить!

Она усмѣхнулась новою ироническою усмѣшкой:

— А, а, „l'épiderme aristocratique“ ужь закоробило!... Удивительный вы человѣкъ!... Чего вы хотите отъ меня? спросила она вдругъ, погружаясь ему глазами въ глаза.

— Чтобъ вы пѣли, произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ

Она продолжала неотступно глядѣть на него:

— Неправда!

— Какъ „неправда?“

— Совсѣмъ не о пѣніи вы думаете.

— Можетъ быть, проговорилъ онъ не сейчасъ и какъ бы противъ воли... Онъ стоялъ теперь, нѣсколько склонясь высокимъ тѣломъ предъ нею, охватываемый видомъ, атмосферою ея женской прелести.

— Вотъ видите! лукаво сказала она.—О чемъ же, говорите!

— Отгадайте!

Она насмѣшливо прикусила алую губу своими сверкающими зубами:

— Вамъ хочется меня умаслить, чтобъ я разрѣшила вамъ ѣхать къ Краснорѣцкой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ почти съ сердцемъ,—я бы не поѣхалъ теперь, если бы вы и разрѣшили.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Взоръ ея сверкнулъ неваризимымъ торжествомъ.—Что̀ же это должно значить, Борисъ Васильевичъ? промолвила она, обнимая его взглядомъ, отъ котораго тысячи искръ запрыгали у него предъ зрачками...

— Вы прелестны, Ольга! еле слышно вырвалось изъ его гортани.

— Развѣ это такъ говорятъ? произнесла она такимъ же шопотомъ, будто уносимая тою же страстною волной; — à genoux, monsieur, á genoux, и просите у меня прощенія!

Онъ, уже безвластный, опустился къ ея колѣнямъ.

— Прелесть моя! могъ онъ только выговорить, охватывая обѣими руками ея гибкій станъ.

Она мгновенно откинула отъ себя эти руки, вскочила съ мѣста—и взглянула на него пристальными и злыми глазами:

— Ужь если разрывъ, такъ не отъ васъ, а отъ меня. Я хочу разрыва, Борисъ Васильевичъ, помните это!... Можете теперь безпрепятственно ѣхать на балъ!...

Она присѣла предъ нимъ большимъ реверансомъ, какіе дѣлались въ бывшемъ тогда въ модѣ танцѣ *Lanciers*, захватила съ кресла свою пунцовую мантилью и вышла изъ гостиной, прежде чѣмъ нашъ Кавказецъ нашелъ слово въ отвѣтъ.

Да и что̀ бы отвѣтилъ онъ ей? Въ первую минуту онъ готовъ былъ броситься за ней, но онъ сдержалъ себя и судорожно сжалъ вѣки, какъ бы съ тѣмъ, чтобы подавить мутившее его сознаніе раскаянія и стыда...

Уже на улицѣ, остуженный метелью и сыростью, спросилъ онъ себя, ѣхать-ли ему теперь къ Краснорѣцкой или нѣтъ. „Нѣтъ, — подойти къ *той* послѣ *этого?*“... Онъ не договорилъ, кликнулъ извощика и, уткнувшись носомъ въ шинель, отправился спать въ свою гостиницу.

IV.

Ба! Знакомыя все лица!
Горе отъ ума.

Три дня послѣ того, что̀ передано сейчасъ читателю, на отходившемъ пассажирскомъ поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги только-что прозвонилъ второй звонокъ. Утро стояло ясное, слегка морозило; свѣтъ ослѣпительною волной вливался въ широкую и высокую выѣздную арку, игралъ на мѣдныхъ принадлежностяхъ только-что подкатившаго паровоза, бѣжалъ длинною пеленой по каменной настилкѣ пространнаго дебаркадера. Чувствовалось, что тамъ, сейчасъ, въ полѣ, нестерпимо и весело заблещетъ солнце, отражаясь въ холодныхъ алмазахъ безбрежнаго снѣговаго савана... Весело было и далѣе, въ глубь, на противоположной оконечности поѣзда, погруженной въ полусумракъ, падавшій отъ занесенной свѣжимъ снѣгомъ стеклянной крыши. Среди общаго движенія, сквозь торопливый говоръ, гулъ и шлепанье калошъ и тяжелыхъ сапоговъ, прорывались звонкія молодыя рѣчи, неудержимый смѣхъ. На площадкѣ самаго послѣдняго, *семейнаго*, вагона, на двухъ окнахъ котораго значилась этикетка „занято“, стояла въ бархатномъ, каштановаго цвѣта, дорожномъ платьѣ, отороченномъ соболями, съ собольею же шапочкой на густыхъ волосахъ, Ольга Елпидифоровна Ранцова и, держась одною рукой за перила, съ огромнымъ букетомъ пунцовыхъ камелій и бѣлыхъ розъ въ другой, перекликаясь съ цѣлою толпой пріѣхавшихъ проводить ее и только-что едва уговоренныхъ жандармомъ отойти за рѣшетку, военныхъ молодыхъ людей въ бѣлыхъ и красныхъ фуражкахъ.

— Чрезъ недѣлю, никакъ не позднѣй, не обманете?...

— Я прямо отсюда, на тройкѣ въ Сергіевскую пустынь, служить молебень о вашемъ счастливомъ странствованіи, кричалъ молоденькій кавалергардикъ съ розовымъ, точно прямо съ вербы лицомъ.

— А я о вашемъ скорѣйшемъ возвращеніи—въ Ново-Дѣвичій монастырь, хохоталъ рядомъ его товарищъ.

— Спасибо, смѣялась въ отвѣтъ она,—я вамъ каждому по сайкѣ изъ Москвы привезу... Ah, monsieur Vaquier, grand merci pour le waggon, j'y serai comme une reine! прервала она себя, протягивая руку подошедшему къ ней господину съ иностранною физіономіей.

— Vous l'êtes déjà, madame, par la grâce et la beauté et j'aurais voulu avoir tout un palais roulant à vous offrir, галантерейно отвѣчалъ monsieur Vaquier, представлявшій „французскіе интересы" въ правленіи Николаевской дороги.

— Merci, vous êtes charmant!

— А мнѣ что̀ вы привезете? возгласилъ изъ-за рѣшетки „пупырь" Шастуновъ.

— Ma bénédiction et la manière de s'en servir, отвѣчала она съ новымъ смѣхомъ и взглянула на Vaquier, какъ бы спрашивая: „C'est chic ce que je dis là, n'est ce pas?"

Степенный французъ снисходительно улыбнулся, учтиво поднялъ шляпу и пошелъ далѣе вдоль вагоновъ.

— Moi je veux une tabatière отъ Лукутина, прохрипѣлъ за рѣшеткой Шастуновъ.

— Пустите, господа, пустите! раздался за нимъ запыхавшійся голосъ. И Хазаровъ въ бекешѣ и цилиндрѣ, держа высоко надъ нимъ что-то завернутое въ бумагу и перевязанное накрестъ узенькою красненькою тесемочкой, протиснулся къ нему.

— Опоздалъ, братъ, опоздалъ! захохотали кругомъ.—Не станетъ Ольга Елпидифоровна ѣсть твоихъ конфетъ; у нея ими и такъ вагонъ доверху набитъ!...

— *Moi je* lui ai apporté seul dix livres, загоготалъ Шастуновъ.

— Мои—парижскія, Ольга Елпидифоровна, отъ Siraudin.

Отвѣдайте хоть одну, а остальное бросьте! жалобно взывалъ къ ней Хазаровъ, потрясая своимъ ящикомъ въ воздухѣ.

Проходившій мимо по платформѣ высокій, чернокудрый, лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то мущина въ синей, московскаго фасона, длинной шубкѣ изъ сѣрыхъ смушекъ, и въ такой же смушковой круглой и низкой шапочкѣ, замѣтивъ его отчаянныя тѣлодвиженія, остановился на-ходу:

— Желаете передать? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Сдѣлайте одолженіе! воскликнулъ Хазаровъ.

Тотъ улыбнулся еще разъ, взялъ конфеты и направился къ площадкѣ вагона, съ которой красавица, не слушая и не глядя на юное стадо своихъ обожателей, уже нѣсколько мгновеній съ широко раскрывшимися глазами слѣдила за нимъ...

— Приказано вручить вамъ, промолвилъ онъ, подходя къ ней съ глубокимъ поклономъ.

Она наклонилась къ нему, вскрикнула:

— Monsieur Ашанинъ... Владиміръ Петровичъ, такъ это вы?

— Самъ, къ вашимъ услугамъ.

— Боже мой, какъ я давно васъ не видѣла!

— Девять лѣтъ счетомъ! возразилъ онъ, глянувъ на нее взглядомъ, отъ котораго, вмѣстѣ съ краской, покрывшею все ея лицо, цѣлый минувшій міръ молодости воскресъ внезапно въ ея памяти.

— Вы ѣдете съ этимъ поѣздомъ? поспѣшила она спросить, чтобы скрыть невольное смущеніе.

— Имѣю счастіе! отвѣчалъ онъ, кланяясь еще разъ и трогаясь съ мѣста.

— Мы еще увидимся? Зайдите ко мнѣ на пути, у меня особое отдѣленіе.

Онъ поднялъ на нее свои большіе черные глаза, вздохнулъ и пресерьезно выговорилъ:

— *Съ мужатицею не сиди, да не когда преклонится душа твоя на нію и духомъ твоимъ поползнешися въ пагубу.*

— Это что такое? воскликнула она въ изумленіи.

— *А* это изъ *Книги премудрости Іисуса сына Сирахова*, глава седьмая, пояснилъ онъ и вздохнулъ еще разъ.

Кондукторъ, стоявшій у подножки сосѣдняго вагона перваго класса, заторопилъ его въ эту минуту:

— Пожалуйте, пожалуйте въ вагонъ, третій звонокъ сейчасъ!

Онъ послушно взбѣжалъ по ступенькамъ.

— Вы объясните мнѣ потомъ, какую это тарабарщину вы мнѣ проговорили? сказала ему со своего мѣста Ранцова чрезъ раздѣлявшія ихъ перила.

Онъ повелъ головой и вошелъ въ свой вагонъ.

Она полуоткрыла дверь въ свое отдѣленіе и обернулась къ своимъ поклонникамъ:

— До свиданія, господа!

Все загалдѣло разомъ, приложило руки къ фуражкамъ:

— До свиданія, Ольга Елпидифоровна! До скораго! Не заживайтесь въ Москвѣ!

— Ne vous laissez pas séduire par les charmes de la Бѣлокаменная! восклицалъ Хазаровъ, высоко помахивая своимъ цилиндромъ.

— Телеграфируйте, въ какой день будете,—мы къ вамъ навстрѣчу всѣ выѣдемъ!

— Съ букетами...

— *Moi je* vous apporterai toutes les fleurs rares du Ботаническій садъ! кричалъ Шастуновъ.

— И не привезешь! пожалъ на это плечами стоявшій рядомъ товарищъ его по полку.

— Привезу! возразилъ онъ,—кто тебѣ сказалъ, что не привезу?

— Тамъ казенное, не продаютъ.

— Дамъ три тысячи, а привезу! фыркнулъ „пупырь“,— *moi je* sais, quand je veux quelque chose...

Звонъ сигнальнаго колокольчика и послѣдовавшій за нимъ оглушительный свистъ двинувшагося локомотива покрыли его „moi je“, его хвастливыя рѣчи и нудный голосъ. Ольга Елпидифоровна исчезла въ своемъ отдѣленіи. Длинный поѣздъ, съ грохотомъ натягивавшихся цѣпей и визгомъ желѣза о желѣзо, медленно потянулъ въ арку навстрѣчу сверкавшему тамъ, за нею, на свободѣ, веселому зимнему солнцу... Молодежь,

гремя шпорями и саблями, отправилась къ ожидавшимъ ее на площади *одиночкамъ* и извощикамъ...

Вагоны перваго класса того времени состояли изъ трехъ отдѣленій: одного, въ срединѣ, большаго, съ нѣсколькими рядами креселъ, обращенныхъ попарно передками другъ къ другу, и двухъ малыхъ, на каждой изъ оконечностей вагона, съ продольными диванами по обѣ стороны ихъ. Въ большое отдѣленіе можно было пройти лишь чрезъ одно изъ малыхъ.

Отдѣленіе, чрезъ которое приходилось проходить Ашанину, было биткомъ набито дамами. Шубы, капоры, пледы, подушки, дорожные мѣшки, корзинки, несессеры, ящики въ футлярахъ и въ наволочкахъ—все это такъ и запестрѣло въ глазахъ молодого человѣка. Негдѣ было уже болѣе яблоку упасть. Пассажирки, съ озлобленными лицами, устраивались кое-какъ на своихъ мѣстахъ. „Извините!—Pardon!—Тѣснота-то какая!—Что̀ же это такое, Господи“! несся говоръ и громкіе вздохи. Духота была уже и теперь страшная.

Ашанинъ остановился у дверей, затрудняясь проложить себѣ путь въ этой толчеѣ женщинъ и вещей...

— Каково-то напихали насъ, что̀ сельдей въ боченокъ? Полюбуйтесь, батюшка! обратился очевидно къ нему изъ ближайшаго угла знакомый голосъ.

— Ахъ, Марья Яковлевна, воскликнулъ онъ, узнавая свою московскую знакомую,—я и не зналъ, что вы въ Петербургѣ... И вы тоже, Александра Павловна!..

Онъ подалъ руку г-жѣ Лукояновой и сидѣвшей подлѣ нея дочери.

— Какъ же, пріѣзжали, какъ видите, на нѣсколько дней, заговорила московская барыня; — и даже на балъ попали въ прошлый понедѣльникъ, dans le grand monde, у Краснорѣцкой; я ей родня, вы знаете, и даже не дальняя... Очень кстати такъ вышло, Дворъ былъ, Саша всю царскую фамилію видѣла,— лицо Марьи Яковлевны засіяло удовольствіемъ,—и всѣ милы такъ съ нею были, говорили, и даже одинъ изъ князей танцовалъ съ ней. Она, правду сказать, очень авантажна была въ этотъ вечеръ...

Александра Павловна при этихъ словахъ чуть-чуть поморщилась и повела какъ бы съ упрекомъ глазами на мать.

— А ужь только, признаюсь, ѣхать на этихъ желѣзныхъ дорогахъ смерть моя; не привыкну я къ нимъ никогда! продолжала она между тѣмъ; — Серёжа сегодня дежурный, провожать насъ не могъ. Пріѣхали мы съ его человѣкомъ спозаранку, заняли вотъ эти мѣста и надѣялись, что насъ не обезпокоятъ...

Поѣздъ въ эту минуту двинулся. Марья Яковлевна слегка привскочила, широко перекрестилась и проговорила:—Фу, ты, Господи, каждый разъ испугаетъ!..

Ашанинъ воспользовался этимъ и пробрался въ большое отдѣленіе, гдѣ ему заранѣе было занято артельщикомъ мѣсто.

V.

Колпино, десять минутъ...

Поѣздъ стоялъ у станціи. Ашанинъ поспѣшилъ подняться и направился къ выходу.

— Ну, слава Богу, хоть отдышаться можно будетъ! говорила въ то же время Марья Яковлевна Лукоянова, успѣвшая за это время возбудить къ себѣ враждебное настроеніе со стороны всѣхъ своихъ спутницъ громкими своими воздыханіями и жалобами на тѣсноту и духоту; — выйдемъ, Саша, на воздухъ.

Ольга Елпидифоровна Ранцова, смертельно скучавшая одна въ восьмимѣстномъ отдѣленіи, предоставленномъ ей любезностью monsieur Vaquier, стояла уже на своей площадкѣ, глядя прищуренными глазами впередъ, какъ бы выглядывая кого-то въ толпѣ, выходившей изъ вагоновъ.

Она тотчасъ же узнала массивную, въ тяжелой лисьей шубѣ, московскую барыню, съ трудомъ продиравшуюся въ дверь, насупротивъ ея. Марья Яковлевна, въ свою очередь, живо обернулась къ слѣдовавшей за нею дочери и шепнула ей: „Узнаешь, Саша?“

— Сходите осторожнѣе на платформу, maman, скользко! громко отвѣтила на это та.

— А вотъ Владиміръ Петровичъ поможетъ мнѣ, любезный кавалеръ, засмѣялась громоздкая маменька, завидѣвъ приближавшагося къ нимъ Ашанина.

Она сошла при его помощи и тутъ же остановилась и стала повѣствовать ему, какъ имъ дурно и тѣсно въ вагонѣ,

и ѣдутъ съ ними все какія-то провинціалки и „даже большія *мовешки*“, судя по ихъ разговору: разсказываютъ, какъ онѣ „кутили“ въ Петербургѣ, а одна такъ прямо говоритъ, что очень любитъ пить шампанское и „притти отъ него въ то состояніе, которое называется *bon courage...*“ „И отродясь не слыхивала я подобнаго выраженія, и что это за „bon courage“ такое, восклицала сердито Марья Яковлевна:—„сейчасъ видно, что ужасныя mauvais genre. И такъ это не пріятно, ѣду я съ дочерью, молодою дѣвушкой, и вдругъ рисковать слышать такіе разговоры! Не понимаю, какъ этакой всякій сбродъ пускаютъ въ первый классъ!..“

Ашанинъ слушалъ эти рѣчи со снисходительною улыбкой, подымая отъ времени до времени украдкой глаза на Ольгу Елпидифоровну Ранцову, которая, въ свою очередь, закусивъ нижнюю губу, внимательно прислушивалась къ нимъ со своего мѣста, какъ бы соображая что-то, и въ то-же время любопытно разглядывала стоявшую къ ней бокомъ безмолвную дѣвушку, на чертахъ которой угадывала она неодобреніе пылкимъ откровенностямъ ея маменьки.

— Monsieur Ашанинъ, внезапно сходя на платформу, громко произнесла она: — présentez moi à ces dames, je vous prie!

Онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, но, повинуясь, выговорилъ ея имя, имя дамъ, съ которыми стоялъ...

Она не дала ему кончить и протянула руку еще болѣе, чѣмъ онъ, изумленной московской барынѣ:

— Прошу у васъ тысячу разъ извиненія за мою смѣлость, торопливо заговорила она на французскомъ языкѣ:—но я невольно услышала то, что вы говорили monsieur Ашанину: вамъ не удобно въ вашемъ вагонѣ, и притомъ непріятныя спутницы... А у меня полвагона въ моемъ распоряженіи, и я совершенно одна. Позвольте предложить вамъ перейти ко мнѣ, вы меня осчастливите, vous me rendrez tout-à-fait heureuse, madame! съ очаровательною улыбкой говорила г-жа Ранцова.

Это было такъ неожиданно, что Марья Яковлевна могла только пробормотать:

— Но какъ же это такъ... въ чужой вагонъ!... Мы васъ все-таки стѣснить можемъ...

— Vous me rendrez tout-à-fait heureuse, madame! повторяла та умоляющимъ голосомъ.

— Но у насъ тамъ... вещи, слабо возразила московская барыня:—она, видимо, сдавалась на предложеніе.

Оно застигало ее врасплохъ. Во всякомъ другомъ случаѣ она была бы, вѣроятно, менѣе сговорчива, не рѣшилась бы такъ легко принять услугу отъ этой „дамочки", о которой слышала, какъ о большой кокеткѣ, отъ которой всѣ мущины безъ ума и которая, „конечно, не совсѣмъ компанія для ея Саши". Но здѣсь, на желѣзной дорогѣ, гдѣ приходится „душиться въ скверномъ вагонѣ" и слушать разсказы о какомъ-то „bon courage", имѣть возможность „протянуться на привольѣ"... И притомъ „cette madame Rantzoff все-таки bien élevée, видно, и такая хорошенькая, такъ любезно проситъ, и туалетъ на ней такой восхитительный, богатый и со вкусомъ"... „Да и *его*, какъ видно, нѣтъ на поѣздѣ", молвила себѣ въ заключеніе г-жа Лукоянова, обѣгая быстрымъ взглядомъ платформу, по которой съ разрумянившимися лицами разгуливали пригрѣваемые солнцемъ пассажиры.

— Вещи ваши сейчасъ перенести можно! суетливо говорила тѣмъ временемъ „хорошенькая madame Rantzoff":—monsieur Ашанинъ, вы, кажется, въ одномъ вагонѣ, распорядитесь скорѣе!...

— Саша можетъ показать... уже совсѣмъ томно улыбаясь, проговорила Марья Яковлевна, взглянувъ не совсѣмъ увѣренно на все такъ же безмолвную дочь.

— Merci, madame, merci! воскликнула Ольга Елпидифоровна, захватывая и горячо пожимая ея большія безъ перчатокъ руки.—Войдите ко мнѣ скорѣй, вы увидите, какъ намъ будетъ хорошо!...

Ашанинъ отправился вслѣдъ за дѣвушкой въ ихъ вагонъ.

— Мнѣ это совсѣмъ не нравится! проговорила она вполголоса по пути.

Онъ не отвѣчалъ. „Это" далеко не нравилось и ему: онъ

никакъ не разсчитывалъ на компанію тамъ, въ этомъ отдѣльномъ помѣщеніи, куда приглашала его при отъѣздѣ Ранцова...

— Скажите, что̀ она, хорошая? спросила его Александра Павловна, сходя съ нимъ опять на платформу, пока кондукторъ переносилъ указанныя ею вещи въ отдѣленіе Ранцовой:—вы ее знаете?

— Я ее девять лѣтъ не видалъ, отвѣчалъ Ашанинъ:— а была она... Какъ бы вамъ сказать?... Попадешься ей на удочку, выдерешься не легко.

— Опасная? выговорила дѣвушка какъ бы съ тревогой.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ кому?... А впрочемъ, все это далеко отъ меня, Александра Павловна! произнесъ онъ вдругъ со вздохомъ и принимая смиренный видъ.

Она хотѣла что-то сказать, но въ это время сама та, о которой они говорили, показалась въ дверяхъ своего вагона, въ который она только-что отвела Марью Яковлевну.

— Venez, ma charmante, venez! говорила она, протягивая руку Александрѣ Павловнѣ и притягивая ее къ себѣ на площадку.—Monsieur Ашанинъ, и вы также, не правда-ли?...

Онъ поклонился и пошелъ за ними.

Въ отдѣленіи Ранцовой было и обширно, и тепло, и удобно. Въ углу стояла только-что нагрѣвшаяся чугунная печь. Огромная медвѣжья шкура на подбойкѣ краснаго сукна разстилалась ковромъ предъ диваномъ, на который хозяйка поспѣшила усадить своихъ новыхъ спутницъ. На этомъ диванѣ, на сѣткахъ для поклажи, уложены, раскиданы были коробки съ конфетами, фруктами и всякимъ съѣстнымъ снадобьемъ, будто въ каютѣ какого-нибудь корабля, снаряженнаго въ полярное плаваніе. Крошечный king-charles, свернувшись клубочкомъ, спалъ на великолѣпномъ мѣху шубы Ольги Елпидифоровны изъ чернобурой лисицы, полуприкрытый развернутымъ, но еще не разрѣзаннымъ томомъ французскаго романа. Запахъ одеколона и англійскихъ духовъ несся изъ раскрытаго тутъ же nécessaire de voyage, съ его сверкавшими въ блескѣ дня хрустальными флаконами и серебряными принадлежностями.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо! восклицала Марья Яковлевна, усаживаясь комфортабельно въ уголъ вагона и растегивая крючокъ шубы;—вотъ такъ путешествовать я понимаю, съ этимъ полнымъ баловствомъ себя, такъ сказать... Да у васъ здѣсь цѣлая кондитерская! засмѣялась она, озираясь кругомъ.

— Да, я должна признаться, меня вообще ужасно балуютъ! засмѣялась на это тоже хозяйка, подсовывая ей подъ голову подушку въ синемъ грогреновомъ чехлѣ и тутъ же съ нѣжною улыбкой протягивая Александрѣ Павловнѣ коробочку съ шоколатомъ отъ Балле.

— Да какъ же васъ не баловать,—merci mille fois, мнѣ, право, совѣстно!—вы такъ милы! Васъ, надо думать, съ дѣтства каждый почиталъ за удовольствіе баловать, молвила, совсѣмъ уже разчувствовавшись отъ расточаемой ей любезности, московская барыня.

— Ахъ, вотъ ужь совсѣмъ нѣтъ! закачала головой, все такъ же однако продолжая смѣяться Ранцова:—молодость моя совсѣмъ не couleur de rose была! Вотъ monsieur Ашанинъ знаетъ.

— А вы давно знакомы съ Владиміромъ Петровичемъ? поспѣшила спросить г-жа Лукоянова.

— Ахъ, ужасно, просто вспоминать стыдно!... И не видѣлись мы съ нимъ... Сколько лѣтъ вы говорите?... Une éternité enfin... Что̀ же вы дѣлаете, Владиміръ Петровичъ, разскажите, пожалуйста. И она повернулась всѣмъ тѣломъ къ Ашанину, усѣвшемуся подлѣ нихъ въ креслѣ. (Александра Павловна, сохраняя свое безмолвіе, перешла къ окну на противоположной разговаривавшимъ сторонѣ вагона).

— А это я вамъ скажу, что̀ онъ дѣлаетъ, не давъ ему времени отвѣтить, заговорила окончательно расходившаяся Марья Яковлевна:—онъ все душу теперь спасаетъ.

— Свою или чью-нибудь чужую? блеснувъ весело глазами, спросила Ольга Елпидифоровна.

— Свою, свою собственную, неисчислимые грѣхи свои замаливаетъ.

— То-то онъ мнѣ при отъѣздѣ сейчасъ что-то изъ

священнаго проговорилъ, кажется, я не поняла... Что̀ вы мнѣ отпустили?—говорите, только не по-славянски, а чтобы понять можно было!

Ашанинъ поднялъ глаза къ потолку и проговорилъ, не шевельнувъ ни единымъ мускуломъ лица:

— Отнюдь не сиди съ женою замужнею, чтобы не склонилась къ ней душа твоя и ты не поползнулся духомъ въ погибель.

Обѣ дамы такъ и прыснули со̀-смѣху.

— И что̀ же вы теперь по монастырямъ ѣздите, Богу молитесь? спросила его опять молодая женщина.

— Молюсь, Ольга Елпидифоровна! вздохнулъ онъ въ отвѣтъ.

— На сценѣ больше не играете?

— Помилуйте, все тотъ же нашъ вѣчный jeune premier! вскликнула московская барыня.

— И играете по-прежнему, значитъ, продолжала трунить надъ нимъ Ранцова:—и сидите теперь у меня, у замужней женщины. Вѣдь это все по-вашему грѣхъ? Какъ же соглашаете вы это съ вашею святостью?

Онъ вздохнулъ еще разъ:

— Не согрѣшишь — не покаешься: не покаешься — не спасешься, Ольга Елпидифоровна.

Марья Яковлевна махнула рукой:

— Неисправимъ, хоть брось!...

Красивая петербургская барыня перемѣнила разговоръ:

— Что̀ вы служите гдѣ-нибудь, Владиміръ Петровичъ?

— Служу гдѣ-то, да-съ, но, право, весьма затруднился бы доложить вамъ, гдѣ именно.

Она пожала съ улыбкой плечами:

— Это только отъ Москвича услышать и можно! Никакого честолюбія, да?

Онъ беззаботно пожалъ плечами въ свою очередь...

— Видѣли-ли вы въ Петербургѣ пріятеля вашего бывшаго, Гундурова? обратилась она къ нему еще съ новымъ вопросомъ.

— Онъ и теперь мнѣ пріятель, только я его не видѣлъ,

отвѣчалъ Ашанинъ,—онъ очень занятъ, а я пріѣзжалъ всего на два дня. Вѣдь онъ членъ комиссіи по устройству крестьянъ.

Ольга Елпидифоровна сморщила какъ бы озабоченно брови:

— Д-да, проговорила она нѣсколько сквозь зубы,—и даже пользуется вліяніемъ тамъ...

— Вы его видаете? съ живостью спросилъ молодой человѣкъ, заинтригованный страннымъ тономъ ея словъ.

— Нѣтъ: онъ, какъ вы сказали, очень занятъ... Et puis, промолвила она какъ бы нехотя,—онъ въ другомъ лагерѣ... il est du parti rouge...

— А у васъ, значитъ, лагерь бѣлаго цвѣта? спросилъ онъ невиннѣйшимъ тономъ.

Она слегка прищурилась:

— Je déteste les démocrates! произнесла она уже совершенной *грандамой*.

Марья Яковлевна покосилась на нее. „Частнаго пристава дочка!“ промелькнуло у нея въ головѣ. Однако мнѣнію, высказанному этою дочкой частнаго пристава, не могла она не выразить сочувствія и, слегка фыркнувъ большимъ, породистымъ носомъ, уронила свысока:

— Да, нечего сказать, наши московскіе, говорятъ, отличаются тамъ!...

Но разговоръ на эту тему тутъ же оборвался и перешелъ на московскія сплетни, по части которыхъ Марья Яковлевна оказалась докой, а г-жа Ранцова большою, повидимому, охотницей. Она такъ и подбивала на нихъ свою собесѣдницу разспросами своими и одобрительнымъ смѣхомъ, а та все сильнѣе приходила въ паѳосъ, захлебывалась приливавшими ей къ горлу изліяніями по адресу ближняго.

— А что у васъ княгиня Шастунова дѣлаетъ? пожелала узнать между прочимъ красивая барыня;—вы ее знаете?

— Аглаю-то? воскликнула госпожа Лукоянова,—кто-жь ея въ Москвѣ не знаетъ! А вотъ какъ вы—петербургская, какъ она *вамъ* извѣстна?

— Мы съ нею сосѣди по имѣнію, примолвила вскользь Ольга Елпидифоровна,—и сынъ ея часто бываетъ у меня въ Петербургѣ.

— Молодчикъ, молодчикъ, протянула московская маменька,—можно къ чести сказать, сынокъ-то ея! Года нѣтъ какъ офицеръ, пятьдесятъ тысячъ долгу заплатила она уже теперь за него... Всѣ они, конечно, должаютъ, офицерство-то это,—но этакую сумму!... Протретъ онъ глаза ея милліонамъ, протретъ!...

— А скажите, спросила съ лукавою усмѣшкой и нагибаясь къ ней Ранцова, какъ бы для того, чтобы слова ея не дошли до Александры Павловны, сидѣвшей впрочемъ настолько далеко отъ нихъ, что при шумѣ поѣзда не могла слышать и громкаго ихъ разговора:—что̀ у нея все также... какъ бишь его... господинъ Зяблинъ?

Марья Яковлевна такъ и заходила отъ удовольствія.

— Тоже все, тоже! замахала она и лицомъ, и руками:—извелся ужь весь, несчастный, точно моль его всего выѣла, а все по-прежнему около нея старается... Надѣется и по сю пору, что она за него замужъ выйдетъ... Ѣздитъ онъ ко мнѣ „душу отвести“, говоритъ, плачется на нее: „въ гробъ, говоритъ, вгонитъ она меня глупостью своею и неблагодарностью!“—„А вы, говорю ему, перестаньте-ка благодѣтельствовать, батюшка; поглядите на себя, вѣдь чуть не на ладанъ ужь дышете; вамъ бы куда-нибудь въ монастырь, на покой... вотъ, какъ Владиміръ Петровичъ Ашанинъ, напримѣръ, душу спасать“, кивнула развеселившаяся Москвичка на чернокудраго красавца, безмолвно, но съ видимымъ интересомъ и сочувствіемъ внимавшаго ея бойкой рѣчи,—„душу спасать, да, а не старухъ ублажать“... А онъ нѣтъ—уповаетъ все еще!...

— Сугубо воздастся ему кара на томъ свѣтѣ! возгласилъ Ашанинъ, принимая комически жалобный видъ.

— „Сугубо-то“, батюшка, ужь за что̀ же? возразила смѣясь массивная дама.

— За храбрость превыше силъ человѣческихъ, Марья Яковлевна! Господь Богъ этого не любитъ, отвѣчалъ онъ, вознося очи горѣ.

Собесѣдницы его покатились еще разъ...

VI.

She loved me for the dangers I have pass'd,
And I loved her for she dit pity them.
Shakespeare. *Othello.*

Въ этихъ пріятныхъ разговорахъ время шло незамѣтно. Поѣздъ опять остановился; сиплый голосъ оберъ-кондуктора прохрипѣлъ опять:

— Тосна, десять минутъ!...

Ольга Елпидифоровна поднялась съ мѣста, подошла къ окну, у котораго сидѣла Александра Павловна, обернувшись къ нему лицомъ, и взяла ее нѣжно за руку:

— Вы не очень скучаете, ma charmante?

Дѣвушка не отвѣтила, какъ бы не слышала. Она глядѣла сквозь двойныя стекла этого окна какими-то словно привороженными, не отрывавшимися глазами.

Ранцова быстро кинула взглядомъ по направленію этихъ глазъ и слегка перемѣнилась въ лицѣ,—но тотчасъ-же совладала съ собою.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула она совершенно естественно,—да это, кажется, Троекуровъ! Откуда онъ взялся? Я его не видѣла при отъѣздѣ.

Марья Яковлевна даже привскочила на своемъ диванѣ:

— Троекуровъ! словно выстрѣлила она,—и тутъ-же прикусила себѣ языкъ, чтобы не выдать радости своей и смущенія.

— Да, подтвердила Ольга Елпидифоровна все тѣмъ же естественнымъ тономъ,—Борисъ Васильевичъ Троекуровъ...

Mais vous le connaissez, madame, — какъ бы припомнила вдругъ она;—въ понедѣльникъ я имѣла удовольствіе быть вашею сосѣдкой въ итальянской оперѣ, и онъ еще отъ меня перешелъ къ вамъ...

— Д-да, мы съ нимъ нѣсколько знакомы, пробормотала московская маменька.

— Онъ съ ружьемъ, вѣрно на охотѣ былъ гдѣ-нибудь въ этихъ мѣстахъ, а теперь ѣдетъ... Неужели въ Москву?... Онъ вамъ ничего не говорилъ объ этомъ? обратилась къ ней самымъ невиннымъ образомъ петербургская барыня. И, не ожидая отвѣта, подбѣжала къ ней *кошечкой* и залепетала вкрадчивымъ голосомъ:

— Знаете что̀, plus on est de fous, plus on rit,—если онъ ѣдетъ съ нашимъ поѣздомъ, пригласимте его сюда къ намъ!

— Помилуйте, вы здѣсь хозяйка, а я... я ничего не имѣю... не договорила Марья Яковлевна. Она никакъ еще сообразить была не въ состояніи, что̀ изъ этого могло выйти, но только смутно топырилась въ душѣ и раскаивалась, что согласилась перейти изъ общаго вагона къ этой „Цирцеѣ“ (Марья Яковлевна въ молодости воспитана была, само собою, на французскихъ „классикахъ“).

А та, словно обрадованная пансіонерка, вскинула на нее благодарнымъ взглядомъ, проговорила: „Merci, madame, vous êtes adorable!“—и поспѣшила выйти изъ вагона.

Троекуровъ, въ черной, мягкой дубленкѣ и высокихъ сапогахъ, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и отдавалъ какія-то приказанія своему слугѣ, Грузину, въ длинной черкескѣ, съ буркой на плечахъ и огромною папахой на головѣ, державшему ружье его въ рукахъ... Онъ только-что различилъ лицо Александры Павловны за окномъ семейнаго отдѣленія и растягивалъ слова свои не въ мѣру, пріостанавливаясь и повторяя тѣ же фразы, чтобъ имѣть предлогъ оставаться подолѣе на этомъ мѣстѣ. „Нужно было имъ брать особый вагонъ,—въ общемъ гораздо удобнѣе было бы подойти“, говорилъ онъ себѣ, глядя въ то же время словно

незрячими глазами на уныло, съ выраженіемъ непроходимой скуки на лицѣ, внимавшаго ему Грузина.

— Что̀ же это такое! чуть не вскрикнулъ онъ.

Рядомъ съ *ея* окномъ, выходя очевидно изъ *ея* двери, показалась женщина, съ которою навсегда, думалъ онъ, покончены его счеты, которую надѣялся онъ никогда болѣе не встрѣчать на своемъ пути. И вдругъ она тутъ... и улыбается какою-то вызывающею улыбкой, и самоувѣренно зоветъ его:

— Борисъ Васильичъ, вы были на охотѣ, да? И теперь ѣдете? Куда, въ Москву?

— Въ Москву, машинально повторилъ онъ.

— Какъ я рада! Войдите скорѣй ко мнѣ въ вагонъ, vous y trouverez des connaissances.

„Къ *ней*, онѣ у *нея*, какъ онѣ попали сюда?“ со злостью спрашивалъ себя Троекуровъ, между тѣмъ какъ она, въ свою очередь, говорила себѣ въ это время: „какую же комедію сострою я сейчасъ со всѣми ими!“...

Но глаза ея въ эту минуту встрѣтились съ зорко устремившимся на нее блѣдноголубыми, какъ сталь холодными глазами этого человѣка, который еще три дня тому назадъ стоялъ колѣнопреклоненный передъ нею, и она прочла въ нихъ что-то, отъ чего разомъ безсильно опустились ея дерзкіе и лукавые глаза. Она поняла, что никакой „комедіи“ онъ не допуститъ, что она дорого бы заплатила за малѣйшую попытку прикоснуться къ его чувству, — къ его чувству „къ *ней*, къ этой куклѣ, которая таетъ тамъ у окна, глядя на него“...

— Войдите, Борисъ Васильевичъ, повторила она инымъ, чуть уже не робкимъ голосомъ, — madame Loukoianof désire beaucoup vous voir.

Троекуровъ низко наклонилъ голову.

— Очень вамъ благодаренъ... Если только мой костюмъ...

— Помилуйте, съ охоты и зимою! C'est très élégant votre costume...

Они вошли въ вагонъ.

Госпожа Лукоянова отвѣчала на поклонъ Троекурова смущенною, какъ бы виноватою улыбкой, причемъ сочла нуж-

нымъ вскрикнуть, будто изумляясь: „ахъ, вотъ ужъ не ожидала!“ — но изумленія не вышло... Она сама это почувствовала, покраснѣла и начала поспѣшно объяснять ему, будто извиняясь въ чемъ-то, „какимъ чудомъ застаетъ онъ ихъ въ *чужомъ* вагонѣ;“ но, встрѣтившись взглядомъ съ уставившеюся вопросительно на нее хозяйкой этого вагона, тутъ же оборвала и усиленно закашляла... Троекуровъ повелъ чуть-чуть углами губъ и перевелъ глаза на Александру Павловну. „Наконецъ-то!“ сказали ему поднявшіеся на него темные глаза ея, въ отвѣтъ на его молчаливое привѣтствіе...

— Вы не знакомы, messieurs? спрашивала его между тѣмъ Ранцова, указывая ему на Ашанина.

— Мы встрѣчались въ Москвѣ, сказалъ тотъ, вставая и подавая ему руку.

Всѣ затѣмъ усѣлись, и разговоръ быстро завязался (поѣздъ уже катилъ далѣе). Говорилъ впрочемъ почти одинъ Троекуровъ, отвѣчая на разспросы дамъ объ его охотѣ. Онъ убилъ наканунѣ медвѣдя. Разсказывая объ этомъ, онъ оживился, увлекся; быстрая рѣчь его лилась, полная образовъ, мѣткихъ очерковъ мѣстностей и лицъ; за горячимъ охотникомъ угадывался зоркій и тонкій наблюдатель... Марья Яковлевна слушала, воззрившись въ него такъ, будто собиралась въ ротъ ему вскочить. Въ выразительныхъ чертахъ впечатлительнаго Ашанина отражалось сочувственное впечатлѣніе, производимое на него разскащикомъ. Ольга Елпидифоровна, съ загадочнымъ выраженіемъ на лицѣ, поводила глазами то на одного изъ нихъ, то на другаго, какъ бы сравнивая ихъ и... и припоминая... Александра Павловна сидѣла по-прежнему нѣсколько поодаль отъ другихъ.

— Тебѣ не все слышно, Саша, проговорила скороговоркой ей мать:—Борисъ Васильевичъ такое интересное разсказываетъ...

— Нѣтъ, maman, мнѣ хорошо, тихо отвѣтила она на это, не поднимая рѣсницъ и продолжая гладить обнаженною рукою волнистую шерсть собачки госпожи Ранцовой, которую взяла къ себѣ на колѣни.

Марья Яковлевна обратилась къ Троекурову:

— Какіе это вы всѣ мужчины безстрашные, я всегда удивлялась... Скажите, вы, я думаю, отродясь и не знали, что̀ такое бояться?

Онъ улыбнулся.

— Кто скажетъ вамъ, что никогда не испытывалъ страха, тотъ хвастунъ и даже очень мелкаго сорта... А что̀ до меня, такъ я долженъ вамъ признаться, что со мною былъ даже случай, когда я отъ *страха* лишился чувствъ, какъ самая слабонервная женщина.

— Въ сраженіи? вскрикнула наивно московская барыня.

Александра Павловна мгновенно вскинула глаза на мать и вся зардѣлась.

— Не совсѣмъ... возразилъ Троекуровъ съ новою улыбкой.

Онъ вдругъ примолкъ и слегка поморщился: онъ подумалъ, что все это не сто̀итъ въ сущности разсказывать.

— Начали, такъ продолжайте! молвила Ранцова, — а не то мы думать будемъ, что вы похвастались своимъ страхомъ.

Онъ холодно взглянулъ на нее:

— Нѣтъ, безъ хвастовства и преувеличенія... Я вамъ разскажу, если это можетъ васъ интересовать.

— Ахъ, пожалуйста, я ужасно люблю страшныя исторіи...

Онъ началъ:

— Это было въ экспедиціи, въ Дагестанѣ. Я былъ въ отрядѣ съ ротой. Послѣ утомительнаго перехода по горамъ, мы спустились къ вечеру въ одно ущелье, гдѣ назначена была ночевка. Погода была сырая, туманная, всѣ мы ужасно утомились. Мнѣ разбили палатку, добыли сѣна. Я разстегнулся, упалъ на него и, прикрывшись буркой, заснулъ какъ убитый... На зарѣ просыпаюсь я вдругъ отъ какого-то страннаго ощущенія: что-то будто щекотало мнѣ подъ мышкою лѣвой руки. Я поднесъ къ ней правую—и какъ-то инстинктивно откинулъ ее назадъ... Тамъ, выше, на груди, подъ рубашкой, шевельнулось что-то... Я осторожно приподнялъ голову, не двигая тѣломъ, прижался подбородкомъ къ горлу и глянулъ сверху внизъ: въ разрѣзѣ рубахи быстро мелькнулъ узкій, зеленоватый хвостъ...

— Змѣя? Какіе ужасы! визгнула Марья Яковлевна, поднося обѣ руки къ лицу.

— Мѣдянка, продолжалъ, кивнувъ утвердительно, Троекуровъ; — онѣ, дѣйствительно, цвѣта vert antique; въ тѣхъ мѣстностяхъ ихъ много,—небольшія, но укушеніе ихъ почти всегда смертельно. У меня въ той же экспедиціи умерли отъ этого двое солдатъ моей роты, и въ страшныхъ мученіяхъ... Она очень любитъ тепло и, забравшись въ палатку, не нашла ничего лучшаго, какъ пригрѣться у меня за пазухой... Я обмеръ... Это слизистое, ползущее по тебѣ тѣло... трудно передать, какое это отвратительное ощущеніе... Всего меня внутренно поводило... А дѣлать было нечего, змѣя каждую минуту могла раздражиться и укусить. Оставалось лежать по возможности недвижно — и ждать: авось-либо вздумается ей самой уйти, какъ пришла, не причинивъ мнѣ вреда...

— Не томите, батюшка! вскликнула, перебивая его, Марья Яковлевна:—что̀ же, сама вылѣзла?...

— Нѣтъ. Я былъ спасенъ... Пока я лежалъ въ этомъ безпомощномъ состояніи, въ лагерѣ пробили зорю, и мой фельдфебель вошелъ въ палатку за приказаніями. Видя, что я лежу безмолвенъ, онъ подумалъ, что я сплю и громко окликнулъ меня. Я не отвѣчалъ. Онъ подошелъ ближе. „Ваше высокоблагородіе!..“ Я потихоньку приподнялъ правую руку и указалъ ему пальцемъ на мѣсто, гдѣ уложилась змѣя. Онъ высоко приподнялъ брови, нагнулся надо мною и вдругъ кинулся вонъ изъ палатки. Черезъ нѣсколько минутъ она наполнилась народомъ. Сбѣжались офицеры, солдаты; окружили меня... Мѣдянка, какъ бы почуявъ опасность, зашевелилась снова; по моей кожѣ опять заскользили ея холодные извивы... Некрасиво, должно быть, было выраженіе моего лица, судя по тому, что̀ читалъ я самъ на лицахъ присутствующихъ. Всѣ они были блѣдны и молчали, будто приговоренные къ смерти.... Только вотъ изъ толпы солдатъ отдѣляется одинъ, протискивается впередъ, мимо моихъ офицеровъ, и ко мнѣ. Скулатый, низколобый, маленькіе, живые татарскіе глаза,—я его зналъ, звали его Скоробогатовымъ. Подошелъ: „Ваше высокоблагородіе“, говоритъ мнѣ шопотомъ,—„позвольте, я ее вытащу“. Я

повелъ на него глазами. Человѣкъ рискуетъ для меня жизнью и рискуетъ безполезно: змѣя могла при этомъ точно такъ же ужалить меня, какъ и его. Я хотѣлъ заговорить, сказать: „оставь!“ Но языкъ уже не повиновался мнѣ... Онъ тихо опустился на колѣни, засучилъ по-локоть рукавъ, перекрестился... „Платкомъ оберни, платкомъ!“ услыхалъ я чей то сдавленный голосъ. „Ловчай такъ будетъ!“ И съ этимъ словомъ онъ запустилъ мнѣ разомъ руку въ разрѣзъ рубахи... Я судорожно прижмурилъ глаза... и тутъ же широко раскрылъ ихъ. Надо мною быстро, какъ молнія, пронеслась красная, жилистая рука съ чѣмъ-то мотавшимся на ней, зеленымъ, длиннымъ и узкимъ какъ лента... Все разомъ крикнуло кругомъ: „Не тронула?“—„Цѣлъ.“—„А ротный?..“ Кинулись ко мнѣ: „Борисъ Васильичъ!..“ Но я уже лежалъ въ глубокомъ обморокѣ, каюсь,—закончилъ, усмѣхаясь Троекуровъ,—нервы не выдержали!..

— Еще бы! Господи!.. И Марья Яковлевна звонко вздохнула и перекрестилась.

— Ужасъ! проговорила вздрогнувъ Ранцова.

— А что̀ этотъ солдатъ, спросила Александра Павловна, все время блѣдная и не переводя дыханіе слушавшая разсказъ Троекурова,—живъ онъ еще?

Троекуровъ обернулся на нее съ блеснувшимъ какъ бы благодарностью взглядомъ:

— Вообразите, въ тотъ же день натолкнулись мы на довольно сильную партію Чеченцевъ. Дѣло вышло довольно жаркое. Потеряли мы тутъ человѣкъ сорокъ. Однимъ изъ первыхъ повалился Скоробогатовъ...

— Убитъ! вскрикнула дѣвушка.

— Нѣтъ, къ счастію, выходился; мѣсяца однако четыре промаялся въ госпиталѣ. Я выхлопоталъ ему чистую отставку тогда...

— И воображаю, что̀ денегъ дали ему при этомъ, avec votre générosité ordinaire! сказала Ольга Елпидифоровна.

Александра Павловна и Троекуровъ обмѣнялись мгновеннымъ взглядомъ: ихъ обоихъ внутренно какъ бы передернуло отъ этихъ словъ.

— Гдѣ онъ теперь? Вы имѣете о немъ извѣстія? спросила она.

— Да. Онъ грамотный, изрѣдка пишетъ ко мнѣ... Живетъ на родинѣ, въ Казанской губерніи, но жалуется на скуку. Онъ вдовъ и бездѣтенъ, — понятно... Вотъ поселюсь въ деревнѣ, выпишу его къ себѣ.

— А вы думаете? Марья Яковлевна такъ и впилась въ него глазами.—И какъ славно, Борисъ Васильичъ!

— Да, сказалъ онъ, съ мгновенно освѣтившею все лицо его улыбкой,—время теперь настаетъ такое...

— Хорошее! досказалъ сочувственнымъ голосомъ Ашанинъ.

Троекуровъ кивнулъ головой:

— Хорошее, дѣйствительно, повторилъ онъ какъ бы про себя,—для того, кто старое видѣлъ, въ особенности.

— Ну, батюшка, возгласила г-жа Лукоянова,—нечего Бога гнѣвить, и старое-то не дурно было!

Но слова эти, видимо для нея, ни въ комъ не возбудили отзвука. Она перемѣнила разговоръ.

VII.

O, learn to read what silent love hath writ.
Shakespeare. Sonnets.

Время бѣжало. Недолгій свѣтъ февральскаго солнца догоралъ въ розовыхъ отливахъ на безбрежной снѣговой глади. Углы вагона уже тонули во мракѣ... Марья Яковлевна заговорила объ обѣдѣ.

Обѣдали въ Вишерѣ, за особо-сервированнымъ столомъ (о чемъ молодые люди, по мысли Ашанина, телеграфировали за часъ до прибытія на мѣсто). Въ холодильникѣ стояла приготовленная бутылка шампанскаго. Ашанинъ разлилъ его по рюмкамъ дамъ.

— Какъ живо мнѣ помнится, какъ я наливалъ вамъ такъ въ послѣдній разъ, прошепталъ онъ чуть слышно сидѣвшей подлѣ него Ольгѣ Елпидифоровнѣ, между тѣмъ какъ Марья Яковлевна относилась съ какимъ-то вопросомъ къ помѣщавшемуся между ею и дочерью Троекурову.

Красивая барыня слегка зарумянилась, затѣмъ прищурилась и улыбнулась:

— Вы въ ту пору, сказала она, внимательно взглянувъ на него,—въ святость еще, кажется, не вдавались? Скажите пожалуйста, съ чего вы это вздумали? Совѣсть очень уже замучила, вѣрно?

— Воспоминанія, Ольга Елпидифоровна, проговорилъ онъ знакомымъ ей комически смиреннымъ тономъ, который такъ и обдалъ ее еще разъ воспоминаніемъ ихъ первыхъ встрѣчъ.

— Да развѣ вы способны помнить? засмѣялась она.

Онъ вздохнулъ и, опустивъ глаза въ свою тарелку, произнесъ вполголоса:

— *Вода многа не можетъ угасить любве, и рѣки не потопятъ ея.*

— Что это—опять текстъ, спросила она, или собственнаго сочиненія?

— Сочиненія нѣкоего премудраго царя, пѣвца и великаго сердцевѣдца, а звали его Соломономъ, Ольга Елпидифоровна; это изъ его *Пѣсни Пѣсней.*

— И вы проповѣдуете мнѣ это для чего теперь? быстро промолвила она.

Онъ поднялъ такъ же быстро голову и ожегъ ее своими огненными глазами, между тѣмъ какъ голосъ его звучалъ на тѣхъ же низкихъ бархатныхъ нотахъ:

— Вы такъ умны были всегда, Ольга Елпидифоровна... развѣ измѣнились въ Петербургѣ?...

Она вскинула головой:

— Вы все тотъ же, рѣшительно! сказала она громко.

Марья Яковлевна обернулась къ ней смѣющимся лицомъ:

— Я вамъ говорила: неисправимъ!... Что онъ вамъ разсказывалъ, не про свою-ли Цыганку? спросила она тихо, наклонясь къ ней и подмигивая на Ашанина.

— А-а! вскликнула Ранцова,—la belle du moment?...

Она повела на него загадочными глазами и перевела ихъ на Троекурова.

Онъ доѣдалъ молча свое жаркое и, видимо, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Сидѣвшая подлѣ него Александра Павловна не ѣла и тоже молчала.

Ольга Елпидифоровна чуть-чуть сморщила брови и улыбнулась пренебрежительною улыбкой...

Она понимала: онъ былъ „отрѣзанный ломоть и навсегда“... Она и не жалѣла о немъ. Да и любила-ли она его когда-нибудь?... Нѣтъ, она завладѣла имъ въ этотъ разъ, послѣ его „кавказскихъ удачъ“, потому что „всѣ *онѣ* изъ *гранжанра* кинулись на него“, и ей не хотѣлось, чтобъ „онъ имъ достался“. Но онъ былъ „не ея поля ягода“; онъ дѣй-

ствительно „аристократическая натура“, не умѣющая беззавѣтно отдаваться,—не умѣвшая отдаться ей, по крайней мѣрѣ... Она вѣчно чувствовала судью въ этомъ страстномъ любовникѣ, онъ не понималъ... „Да и кто изъ нихъ понимаетъ!“ тоскливо проносилось въ мысли красивой барыни: „они всѣ мелки такъ, жалки, точно въ шорахъ ходятъ, какъ старыя объѣзженныя лошади. Они годами иногда добиваются любви женщины и—презираютъ ее, едва достигши своей цѣли... Онъ не такой, этотъ Троекуровъ, онъ какимъ-то лордомъ смотритъ; но онъ все-таки узкій и гадливый баричъ, болѣе ничего! Онъ не допускаетъ въ душѣ,—я это всегда понимала,—чтобы страсть, желаніе, минутный капризъ, какъ и жажда „положенія“, роскоши, вліянія, власти, чтобы все это было такъ же законно въ женщинѣ, какъ и у нихъ самихъ, и чтобы такъ же законно было для нея искать всему этому удовлетворенія. У него, какъ и у всѣхъ остальныхъ, для женщины только два оборота медали: или кормилица и няня, или лоретка. Тошно становится, когда только подумаешь!... Одинъ вотъ этотъ московскій коптитель неба,—и темные глаза Ольги Елпидифоровны еще разъ на мигъ остановились на Ашанинѣ,—одинъ онъ умѣетъ любить безъ оглядки и думанья, любить—какъ поютъ птицы, какъ цвѣтутъ цвѣты... И одного этого au fond, сказалось ей послѣ минутнаго размышленія,—одного этого... перваго, и любила я въ жизни...

— Звонятъ! громко проговорила она тутъ же, спѣшно подымаясь со стула,—пойдемте!...

Вагонъ нашли они уже освѣщеннымъ. Толстая свѣча горѣла въ фонарѣ, полузадернутомъ синею тканью. Колеблемый воздухомъ, неяркій свѣтъ ея длинною и узкою полоской едва добѣгалъ до противоположной стѣнки, таинственно и мягко играя на лоснящемся мѣху шубы Ольги Елпидифоровны, на желтой оберткѣ кинутой на него книги; все остальное пространство тонуло въ голубоватыхъ, сгущавшихся въ углахъ тѣняхъ...

— Какъ темно! воскликнула, входя, Ранцова;—у меня впрочемъ есть свѣчи и все, что нужно; можно сейчасъ зажечь...

— И столъ тутъ... Можно было бы составить партію, слабо примолвила къ этому Марья Яковлевна.

Никто не отозвался на ея предложеніе, да и сама она не настаивала на немъ: ее клонило ко сну. Она усѣлась на прежнее свое мѣсто, въ углу дивана, и тутъ же задремала... Ольга Елпидифоровна, со своей стороны, не возобновила разговора о свѣчахъ...

Она помѣстилась на краю того же дивана. На складномъ табуретѣ, прямо противъ нея, у стола, на которомъ помѣщался ея несессеръ, сѣлъ Ашанинъ, спиной къ Александрѣ Павловнѣ и Троекурову, занявшимъ рядомъ мѣста на противоположной сторонѣ вагона. „Этакъ мы другъ другу мѣшать не будемъ“, рѣшилъ онъ въ своей сообразительной головѣ. Онъ имѣлъ особенный даръ все замѣчать и все угадывать, а съ Лукояновыми къ тому же былъ довольно близокъ: одного выраженія глазъ молчаливой „Сашеньки“ въ ту минуту, когда вошелъ въ вагонъ „этотъ бѣлокурый Аммалатъ-бекъ“, достаточно было ему, чтобы проникнуть въ ихъ тайну...

А они, очутившись теперь рядомъ, вдвоемъ въ этой таинственной полутьмѣ вагона, довольно долго оставались безмолвными. Какое-то блаженное, томительное и робкое чувство оковывало „Сашеньку“; ему все еще было не по себѣ: ему противна была мысль, что первый случай говорить съ нею на свободѣ доставляется ему этою, въ двухъ шагахъ сидѣвшею отъ нихъ женщиной, ея какъ-будто содѣйствіемъ и какъ бы подъ ея покровительствомъ. Не при такихъ условіяхъ должно было въ его мечтаньи произойти ихъ первое объясненіе.

— Извините меня за нескромный вопросъ, Александра Павловна, началъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ;—какимъ образомъ очутились вы здѣсь, въ этомъ вагонѣ?

— Это не хорошо, не правда-ли? мгновенно вскликнула она на это, обернувъ къ нему съ выраженіемъ тревоги свое невинно строгое лицо.

— Я этого не говорю, уклончиво отвѣтилъ онъ,—но мнѣ нѣсколько странно. Какъ это произошло, можете мнѣ сказать?

Она передала ему. Онъ слушалъ какъ можно спокойнѣе, стараясь не выдать ни малѣйшимъ движеніемъ въ чертахъ оттѣнковъ тѣхъ впечатлѣній, которые пробѣгали у него въ мысли въ это время.

— Это ничего, что maman согласилась перейдти къ ней, какъ вы думаете? повторила она свой тревожный вопросъ.

Онъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ:

— Ей было скучно одной въ своемъ вагонѣ, матушкѣ вашей неудобно въ своемъ; онѣ оказали другъ другу взаимное одолженіе... Это ни къ чему дальнѣйшему не обязываетъ, добавилъ онъ къ этому съ удареніемъ.

Дѣвушка замолчала, а чрезъ мигъ подняла опять свои большіе глаза на Троекурова.

— Скажите, правда, что она... такая опасная? прошептала она, слегка заикаясь.

— Чѣмъ это? возразилъ онъ съ усмѣшкой,—кусается, вы думаете?

— Она очень хороша, не правда-ли? объяснила чрезъ мигъ Александра Павловна.

— И смѣла очень, проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Вотъ видите!...

— Что? тихо выговорилъ онъ на это, вырвавшееся у нея, восклицаніе и пристально глянулъ на нее.

Она не отвѣчала, схватила лежавшую подлѣ нея муфту и, торопливо вложивъ въ нее обѣ руки, приникла къ ней своимъ пылающимъ лицомъ.

— Александра Павловна, послѣ довольно долгаго молчанія, началъ опять Троекуровъ, стараясь скрыть подъ тою же спокойною улыбкой внутреннее волненіе, надъ которымъ чувствовалъ онъ уже себя не властнымъ,—замѣтили вы, что между нами все какъ-будто уже сказано, и ничего не говорено между тѣмъ? Такъ сложились наши отношенія, и въ этомъ есть — для меня, по крайней мѣрѣ, — большая прелесть... Но безъ словъ все-таки не обойдемся...

Она поспѣшно высвободила свою руку изъ муфты и чуть-чуть притронулась ею къ его рукѣ:

— Зачѣмъ, прошу васъ, не говорите! прошептала она ка-

кимъ-то не то испуганнымъ, не то умоляющимъ голосомъ:— это портитъ!...

Онъ понялъ: всякое слово, какъ-бы сердечно ни вылилось оно изъ его груди, отозвалось бы рѣзкимъ звукомъ въ этой чистой молодой душѣ, „испортило“ бы дѣйствительно ту прелесть захватывающаго, сосредоточеннаго чувства, которымъ исполнена была она... Онъ примолкъ и только поймалъ коснувшіеся его пальцы и пожалъ ихъ мгновеннымъ, нѣжнымъ пожатіемъ.

— А поблагодарить васъ все-таки мнѣ надо, заговорилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, принимая шутливый тонъ, — хотя бы изъ простой учтивости...

— За что̀ благодарить? спросила съ изумленіемъ она.

— За давнишнее, Александра Павловна...

— За что̀?

Голосъ его дрогнулъ, слегка отвѣчая:

— Когда я, раненый и забытый, лежалъ тамъ, въ дикой трущобѣ, кто-то въ Москвѣ ходилъ каждый день ставить за меня свѣчу у Спасителя...

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула дѣвушка, вся застыдясь,— это все Женни! Она какъ-то узнала и написала вамъ... Зачѣмъ это... точно я напрашивалась?...

— А я, возразилъ на это Троекуровъ,—я не знаю, чѣмъ готовъ бы я былъ воздать ей за то письмо... Оно спасло меня отъ отчаянія,—отъ смерти, можетъ быть.

Александра Павловна вскинула на него вопрошающіе глаза и остановила ихъ на немъ.

— Рана моя была далеко не смертельна, продолжалъ онъ, поясняя свои слова, — но я... самому-то мнѣ жить не хотѣлось... Бываютъ въ жизни такія времена... Разсказывать объ этомъ трудно...

— Говорите, я пойму, тихо сказала она...

Глаза его заискрились:

— Да, вы поймете! Знаете, это... вотъ это самое, сказалъ я себѣ тогда, получивъ письмо Женни... Мнѣ было скверно тогда, я почиталъ себя и жизнь свою безвозвратно растраченными... Молодость моя прошла безобразно...

Онъ пріостановился на мигъ и продолжалъ, увлекаясь самъ не зная какъ, на исповѣдь, на душевныя изліянія, далеко не входившія въ обычай его сдержанной натуры:

— Въ самый разгаръ ея, меня, къ счастію, сослали въ армію...

— Вы дрались на дуэли, я знаю, перебила дѣвушка, — за что̀?

Его какъ бы озадачилъ этотъ вопросъ въ первую минуту. Онъ не отвѣчалъ, поглядѣлъ на нее только молча и смущенно.

— Безуміе! проронилъ онъ наконецъ, нервнымъ движеніемъ проводя себѣ рукой по лицу.—Меня сослали, поспѣшно заговорилъ онъ снова; — теперь я за это очень благодаренъ судьбѣ, но тогда, въ первое время, я озлобился... Тутъ началась война, повели насъ подъ Севастополь... Потомъ я перешелъ на Кавказъ. Я жилъ тамъ одинокъ, уйдя въ себя, въ свой внутренній, невеселый міръ... Я выписывалъ много книгъ: съ моимъ пажескимъ воспитаніемъ мнѣ многому приходилось учиться... Дѣло мое опостылѣло мнѣ давно, съ Севастополя, но я не приготовленъ былъ ни къ какому другому. А между тѣмъ и до моей трущобы долетали вѣсти о томъ, что̀ начиналось съ новымъ царствованіемъ. Небывалое что-то... новое... Издали рисуется это еще болѣе заманчиво... Я говорилъ себѣ, что пришло время, когда людямъ, кромѣ ремесла, предстанетъ еще что-то, болѣе важное, что они перестанутъ быть только солдатами или чиновниками, а станутъ... (Троекуровъ слегка заикнулся, какъ бы боясь употребить слишкомъ притязательное выраженіе), а станутъ прежде всего *гражданами*, произнесъ онъ будто вскользь, безсознательно взглянувъ на дѣвушку вопросительными глазами.

Она тихо кивнула головой, какъ бы говоря ему: „я поняла, продолжайте!“

Онъ продолжалъ:

— Что̀, однако, какъ, какой смыслъ могло это имѣть для меня, чѣмъ я со своей стороны могъ служить *этому?* Меня по цѣлымъ днямъ мучили эти вопросы. Я приходилъ всегда къ заключеніямъ самымъ безотраднымъ. Положимъ, въ этомъ общемъ движеніи найдется мѣсто и для меня. Но къ чему,

для кого? Меня такъ и придавливала эта мысль тогда... Я былъ одинъ на свѣтѣ; матери я лишился ребенкомъ, ни одного *нѣжнаго* воспоминанія не вынесъ я изъ моего прошедшаго; подлѣ меня, за мною не стояло ни одной, что̀ говорится, „родной души“...

Троекуровъ оборвалъ вдругъ и усмѣхнулся опять:

— Я зналъ въ Петербургѣ одного очень умнаго и несчастнаго человѣка. Болѣзнь отымала у него постепенно ноги, руки, зрѣніе, вкусъ. А онъ все продолжалъ страстно желать жить: „изъ любопытства“, говорилъ онъ... Признаюсь, я никогда этого не понималъ... Я ужь сказалъ вамъ, что рана моя была не важная, да не поправлялся я никакъ. Старый мой баталіонный лѣкарь даже ругался съ досады. „Вы бы у барабанщика Ѳирсова призаняли на двугривенный жизненной силы, а то васъ всякая курица осрамитъ“... И вотъ въ это время пишетъ мнѣ Женни... Меня сразу всего будто подняло и понесло. Черезъ двѣ недѣли я былъ на ногахъ Все стало для меня вдругъ яснымъ, простымъ, достижимымъ... Куда бы я ни пошелъ теперь (знаете, что это такъ сразу, безповоротно, и сказалось мнѣ тогда!), есть существо, которое пойдетъ за мною!...

— Куда хотите! быстро и твердо проговорила Сашенька, вся загорѣвшись опять.

Какіе-то лучезарные круги завертѣлись у него подъ глазами...

— Вотъ видите, Александра Павловна, воскликнулъ онъ въ неудержимомъ порывѣ, завладѣвая еще разъ ея рукою,— вотъ съ этимъ, чистымъ, безкорыстнымъ женскимъ чувствомъ я до сихъ поръ не встрѣчался еще въ жизни!

Она не отвѣчала, только пальцы ея мгновенно дрогнули и захолодѣли въ его рукѣ.

— Вы, стало-быть, въ Петербургѣ бываете? говорила въ то же время Ольга Елпидифоровна Ранцова Ашанину,—а мнѣ въ продолженіе девяти лѣтъ не подумали ни разу хоть карточку забросить?

— У меня и карточекъ нѣтъ вовсе, отвѣчалъ онъ,— я ѣзжу только туда, гдѣ, я знаю, меня навѣрное примутъ. А

ѣхать къ вамъ, въ моемъ понятіи, значило только для карточки.

— Это почему такъ? воскликнула она.

Онъ взглянулъ на нее своими лукаво-невинными глазами:

— Вы меня такъ жестокосердно изгнали отъ лицезрѣнія вашего въ послѣднюю встрѣчу нашу *)...

Она сжала брови, стараясь припомнить, и расхохоталась, вспомнивъ:

— Какъ вы однако памятливы, въ самомъ дѣлѣ!... А знаете, что если бы вы тогда не ушли... вырвалось у нея вдругъ и не договорилось.—Нѣтъ, прервала она себя съ новымъ смѣхомъ,—я вамъ не скажу, вы и такъ достаточно балованы... Шутки въ сторону, вы напрасно не бываете у меня въ Петербургѣ, я могла бы быть вамъ полезна. Вѣдь вы ничего не дѣлаете въ Москвѣ?

— Живу, улыбнулся Ашанинъ.

— То-есть грѣшите, замаливаете по *Пѣсни Пѣсней царя Соломона* и принимаетесь опять грѣшить. Это прелестно, конечно, и очень какъ-то идетъ къ вамъ. Но мнѣ кажется, что это нисколько не должно бы вамъ мѣшать дѣлать, какъ всѣ, подумать о вашей карьерѣ, о будущемъ...

— Помилуйте, какая ужь карьера! засмѣялся онъ,—я такъ отсталъ въ чинахъ отъ моихъ сверстниковъ...

— Это ничего не значитъ, прервала его красивая барыня,—я скажу Прыткову,—онъ мнѣ не смѣетъ ни въ чемъ отказать,—онъ васъ опредѣлитъ въ одинъ изъ своихъ комитетовъ...

— Впречься въ ярмо, въ канцелярію ходить!

Московскій „коптитель неба“ даже руками замахалъ.

— Какой вздоръ! То же будете дѣлать, что̀ теперь; можете даже по-прежнему въ Москвѣ жить, если это вамъ не наскучило, а чины будутъ вамъ итти каждые два года, а потомъ, когда вы будете статскій совѣтникъ, мы васъ губернаторомъ сдѣлаемъ.

— Что̀ вы, Ольга Елпидифоровна, какой я губернаторъ!

---

*) *Четверть вѣка назадъ.* Гл. XCIV.

— Это вы разсуждаете такъ потому, что засѣли въ вашей старой дурѣ, Бѣлокаменной. Вы все еще тамъ по-старому смотрите и судите... А я живу въ центрѣ движенія, comme on dit, ко мнѣ ѣздятъ всѣ, кто теперь всю эту машину нашу ведетъ... Вѣдь это все совсѣмъ другое теперь, Владиміръ Петровичъ! Прежде все это было туго—рутина, правила; нужна была „опытность", какъ они говорили, долгая служба, на большихъ мѣстахъ стояло одно старье... Ну, и увидѣли наконецъ, къ чему это старье привело насъ;—Севастополь и прочее... Теперь пошли молодые въ ходъ; кто только смѣлъ и понимаетъ, какъ и чрезъ кого... Теперь, Владиміръ Петровичъ, воскликнула съ какимъ-то внезапнымъ увлеченіемъ, вся даже выпрямившись, Ольга Елпидифоровна,—теперь все, все можно, только ловкимъ надо быть!

Ашанинъ наклонился къ ней, какъ бы съ тѣмъ, чтобы ближе слѣдить за игрой ея лица.

— А вы, не то насмѣшливо, не то укорительно промолвилъ онъ,—вы и дѣйствительно, какъ говорятъ про васъ, превратились въ „политическую женщину?"

Ольга Елпидифоровна поглядѣла на него съ довольнымъ видомъ:

— Вы это про меня слышали?... „Femme politique", да?... Это не совсѣмъ такъ, хотя я знаю, что въ Михайловскомъ дворцѣ про меня сказано было: „la madame Roland du parti perruque". Это моихъ бѣдныхъ генералъ-адъютантовъ называютъ „париками", расхохоталась вдругъ „femme politique" своимъ прежнимъ, беззавѣтнымъ, дѣвическимъ смѣхомъ, отъ котораго сладостно повело все существо московскаго Донъ-Жуана;—тамъ вѣдь главное гнѣздо du parti libéral, а у меня, напротивъ, большинство изъ ancien régime. Они у меня сиднемъ сидятъ всѣ, и я чрезъ нихъ могу все обдѣлать. Ихъ кислыя grandes dames жены бѣсятся на меня за это и дѣлаютъ мнѣ всякія аваніи,—mais je m'en fiche!

— И весело вамъ съ этимъ вашимъ „ancien régime?" спросилъ Ашанинъ, все неотступнѣе глядя на нее своими страстно разгоравшимися глазами.

— У меня и молодыхъ неотолченая труба,—вы видѣли,

сколько пріѣхало ихъ меня проводить... Я совсѣмъ нечаянно собралась, а они узнали; вчера еще утромъ не знала, что поѣду, а вечеромъ получила телеграмму отъ отца,—вѣдь вы его знаете?—онъ заболѣлъ очень, испугалъ меня...

Она все время видимо избѣгала этихъ пожиравшихъ ее глазъ Ашанина, и вдругъ, какъ бы уже невластная предъ ними, уронила сложенныя руки на колѣни и взглянула ему прямо въ лицо:

— Вы меня спрашиваете, весело-ли мнѣ?.. Нѣтъ, скажу вамъ прямо. Ни со старыми, ни съ молодыми!.. Скажите, отчего это они всѣ такіе?.. Разные вѣдь они у меня: есть умные, злые, сентиментальные,—старички все больше сантиментальны, ужасно любятъ становиться на колѣни и все просятъ поцѣловать le bout de ma pantoufle, — только всѣ они какіе-то... точно изъ кислаго тѣста сдѣланы. Flasques et mous comme des outres vides, говоритъ про нихъ Непиръ. Англичанинъ этотъ—злючка и терпѣть насъ не можетъ, а это онъ вѣрно замѣтилъ... Съ ними все можно сдѣлать, и ни на кого изъ нихъ въ то же время положиться нельзя. И сами они меньше всего на себя надѣются... Я съ ними вѣчно бранюсь за это... Они, напримѣръ, ужасно теперь боятся и бранятъ этихъ либераловъ, „les rouges“, и я сама ихъ терпѣть не могу; я читаю иногда *Колоколъ* и то, что у насъ пишутъ, и очень хорошо понимаю, чего хотятъ tous ces va-nu-pieds. Но мои „парички“ такъ запутаны и Герценомъ, и этими семинаристами, что только руками машутъ и вздыхаютъ: „c'est le commencement de la fin...“ А впрочемъ, они всѣ премилые, ужасно балуютъ меня, и я не хочу говорить про нихъ дурно! неожиданно заключила, разсмѣявшись, Ольга Елпидифоровна.

— Что всѣ они васъ „балуютъ“ и рвутся облобызать кончикъ вашей туфли, совершенно понятно, проговорилъ Ашанинъ,—но... сами вы?..

— Онъ все про свое! прервала его она съ новымъ смѣхомъ.—Я вамъ сейчасъ цѣлую лекцію прочла, о—говоря по газетному — „о современномъ состояніи высшаго русскаго общества“, а вы... Васъ ничего въ мірѣ, видно, не интересуетъ, кромѣ все одного и того же...

— Истинную правду изволили сказать, смиренно вздохнулъ онъ въ отвѣтъ, потому что это *мое* одно неизмѣнно, какъ самый міръ; все же остальное—преходяще какъ вѣтеръ, какъ тучи въ небѣ...

Онъ остановился и замолкъ.

— У васъ одно несомнѣнное качество, медленно начала она,—вы горите какъ солома или смола, не долѣе ихъ, но за то и *весь* какъ онѣ. *Подтопокъ* не нужно вамъ: кинута спичка, вы вспыхнули и горите до конца, безъ остатка. Ни разсчета при этомъ, ни тщеславія, ни задней мысли; горничная или царица — все равно, лишь бы женщина, способная дѣлать вашъ этотъ пожаръ, а затѣмъ ни суда надъ нею, ни злобы, ни упрека... За то уже ни сожалѣнія, ни воспоминанія по большей части... Такъ это?

— Почти такъ, улыбнулся онъ,—но не всегда... Васъ я никогда забыть не могъ!..

— Будто?.. Можетъ быть, потому, что мы такъ мало...

— Я вамъ скажу откровенно, молвилъ Ашанинъ,—вы мнѣ сказали однажды *тогда*: „я не изъ тѣхъ, кого кидаютъ, я кину первая...“ И вы, дѣйствительно, первая кинули меня, чего со мною въ жизни не бывало. И я поэтому ни одной женщины такъ не любилъ, какъ васъ!..

— Какъ это на васъ похоже! промолвила, покачивая головой, Ранцова, кинувъ украдкой взглядъ въ сторону г-жи Лукояновой.

Но Марья Яковлевна, уткнувшись большою головой своею въ подсунутую ей хозяйкой вагона подушку, сладостно похрапывала подъ гулкій стукъ мчавшагося впередъ поѣзда...

Молодая женщина почувствовала въ то же время на своихъ колѣняхъ горячую руку московскаго донъ-Жуана, ухватившую и страстно сжимавшую ея пальцы.

— Вѣдь я „кину“... какъ и тогда! прошептала она не сейчасъ, въ отвѣтъ на это нѣмое моленіе...

— Что же!.. Вы когда-то пѣли: „Одинъ лишь мигъ!..“ такимъ же шопотомъ, подъ самымъ ея ухомъ проговорилъ онъ. Губы его скользнули по ея разгорѣвшейся щекѣ...

Она испуганно оттолкнула его дрожавшею какъ въ лихорадкѣ рукой:

— Что̀ вы, Бога ради, здѣсь!..

Марья Яковлевна продолжала все такъ же мирно почивать. Троекуровъ и Александра Павловна забывали весь міръ, сидя другъ подлѣ друга... А желѣзное чудище, пыхтя, съ хвостомъ огненныхъ брызговъ и чернаго дыма за собою, мчало, не уставая, длинный поѣздъ по безконечной снѣговой равнинѣ, и мѣдный мѣсяцъ, скользя промежъ опаловыхъ тучекъ, равнодушно глядѣлъ на него, на землю, съ высоты холоднаго темносиняго неба...

VIII.

Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Горе отъ ума.

Moi renoncer au monde avant que de vieillir
Et dans vôtre désert aller m'ensevelir!
Melière. *Le misanthrope.*

Въ одиннадцатомъ часу утра поѣздъ, пронзительно свистя выпускаемыми парами, медленно подкатывалъ къ Московской станціи.

Троекуровъ и Ашанинъ, простившіеся со своими спутницами въ Бологовѣ и ушедшіе отъ нихъ спать въ первый классъ, стояли теперь у полураскрытой двери своего вагона, готовясь выскочить первыми высаживать дамъ изъ ихъ отдѣленія. Платформа дебаркадера уже плыла имъ навстрѣчу со своею обычною, разновидною толпой оживленныхъ радостью или тревогой ожиданія лицъ: румяныя бабы съ грудными ребятами, синія длиннополки въ картузахъ, лакеи въ ливреяхъ, востроглазыя барыни, толстопузые купцы и чиновные господа, въ тѣхъ пышныхъ шубахъ, которыми искони любила щеголять Москва...

— Проходите, проходите! проговорилъ вдругъ поспѣшно Ашанинъ въ минуту, когда, судорожно встряхнувъ въ послѣдній разъ всѣмъ своимъ желѣзнымъ многочленнымъ остовомъ, замеръ, останавливаясь, поѣздъ у станціи. И онъ, быстро подавшись тѣломъ назадъ, пропустилъ своего спутника въ дверь.

На платформѣ, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, въ форменной фуражкѣ, установленной для придворнаго вѣдомства, съ ко-

кардой на бархатномъ околышѣ и въ старой сѣраго сукна шинели съ бобровымъ воротникомъ, видимо, передѣланной изъ военной, стоялъ мужъ его красавицы, бывшій капитанъ, нынѣ камеръ-юнкеръ и коллежскій совѣтникъ, Никаноръ Ильичъ Ранцовъ. Донъ-Жуанъ немедленно сообразилъ, что кидаться этому мужу съ перваго раза на глаза было по меньшей мѣрѣ безполезно.

Но тотъ едва-ли бы увидѣлъ, едва-ли бы былъ въ состояніи замѣтить его. Ашанинъ, отошедшій къ окну, норовя теперь выйти изъ вагона послѣднимъ, видѣлъ, какъ подъ щетинистыми усами этого человѣка задрожали губы, какъ судорожно замигали готовые заплакать отъ счастія глаза его, принимая на руки сходившую съ площадки вагона жену.

— Оленька! былъ онъ только въ силахъ произнести.

— Какъ это вы здѣсь? всклинкнула она на это, сжавъ брови и торопливо подставляя щеку подъ неизбѣжный для нея поцѣлуй его тянувшихся къ ней губъ.

— Узналъ въ деревнѣ про батюшкину болѣзнь, вчера пріѣхалъ. Онъ мнѣ сказалъ, что ты сегодня будешь... Ему лучше, ждетъ тебя, не дождется... Ѣдемъ, мой другъ, у меня и карета, и сани, какъ пожелаешь, потому погода чудесная. Гдѣ твой багажный билетъ?

— У моей Амаліи.

— Ну, и прекрасно, она и поѣдетъ съ вещами во второмъ экипажѣ, суетился заботливый мужъ.

— Погодите! нетерпѣливо прервала его она,—я тутъ съ дамами...

Она обернулась къ вышедшимъ передъ нею изъ вагона Лукояновымъ.

— Тутъ, должно быть, мой выѣздной съ каретой, говорила Марья Яковлевна, прищуренно глядя на проходившую мимо ихъ густую толпу,—я предъ отъѣздомъ приказъ отдала...

Ольга Елпидифоровна быстро обратилась къ мужу:

— Ступайте, отыщите скорѣе человѣка madame Loukoianoff!... Mon mari!—проговорила она, не видя возможности не представить его, и тутъ же:—скорѣе, mon cher, скорѣе! поспѣшно повторила она.

Ранцовъ нѣсколько заметался, торопясь и поклониться дамамъ, и пожать руку, которую протягивалъ къ нему стоявшій у вагона Троекуровъ, и исполнить скорѣе владычную волю супруги, но успѣлъ совершить все это безъ особенной неловкости и помчался отыскивать Лукояновскаго выѣздного.

Марья Яковлевна громко заголосила, пожимая въ своихъ большихъ рукахъ руки молодой женщины:

— Мнѣ просто совѣстно; вы ужь такія любезныя, такія внимательныя, что я не знаю, какъ и благодарить васъ! Надѣюсь, что мы еще увидимся? Вы долго думаете въ Москвѣ пробыть?...

— Нѣсколько дней, я думаю...

— Такъ сдѣлайте милость, не забудьте меня!... На Арбатѣ, собственный домъ, всѣ извощики знаютъ. Только, пожалуйста, ужѣ безъ визитовъ, а просто откушать, чѣмъ Богъ послалъ, или вечеркомъ... Да вотъ, безъ церемоніи, сегодня же, напримѣръ, день мой — пятница; я такъ нарочно и пригнала выѣхать изъ вашего Петербурга, чтобы къ этому дню дома быть, у себя. Такъ вотъ и прекрасно, пріѣзжайте, моя милая, вечеркомъ!... И je vous prie, безъ лишнихъ élégances, а то предъ вами другимъ слишкомъ совѣстно будетъ! И пораньше, je vous prie, у меня не полуночничаютъ, какъ у васъ въ Петербургѣ, говорила Марья Яковлевна, уже нѣсколько свысока, чувствуя себя опять на родной, московской почвѣ и разсудивъ при томъ, по впечатлѣнію, какое произвела на нее наружность мужа этой красавицы, что онъ дѣйствительно, какъ слышала она о немъ, „du prostoï“ и „не важная птица, не смотря на свой придворный мундиръ“.

— Я, право, не знаю, какъ расположу мой день, небрежно отвѣтила на это по-французски Ольга Елпидифоровна, тотчасъ же замѣтившая этотъ оттѣнокъ въ обращеніи, и принимая свой air de grande dame: — не знаю, впрочемъ... не обѣщаюсь, но можетъ быть, заѣду, словно уронила она съ губъ.

Московская барыня тотчасъ же почуяла, въ свою очередь, эту перемѣну тона, и, поведя украдкой взглядомъ на безмолвно

внимавшаго ихъ разговору Троекурова (она робѣла предъ нимъ теперь), заегозила съ новою любезностью:

— Нѣтъ ужь, пожалуйста, не обижайте меня, обѣщайтесь!... Вотъ и monsieur Троекуровъ сдѣлаетъ мнѣ, надѣюсь, удовольствіе... Вы будете, monsieur Троекуровъ? (Онъ поклонился въ знакъ согласія). И Владиміръ Петровичъ тоже, кивнула она на подходившаго къ нимъ, наконецъ, Ашанина,— онъ ужь всегда, хоть къ ужину, да подъѣдетъ...

Московскій Донъ-Жуанъ поднялъ глаза на молодую женщину; она чуть-чуть усмѣхнулась...

Ранцовъ бѣжалъ назадъ въ сопровожденіи сѣдаго и красноносаго ливрейнаго лакея, въ шляпѣ съ потертымъ серебрянымъ галуномъ, мрачно надвинутой на самыя брови.

— Гдѣ это ты, батюшка, ползъ? обратилась къ нему барыня,—никогда тебя нѣтъ, гдѣ нужно!...

— Гдѣ? пробурчалъ на это слуга,—извѣстно, съ каретой ѣхалъ.

— А по дорогѣ во царевъ кабакъ заѣзжалъ?...

— Ѣдемъ, maman, пора! поспѣшила прервать Александра Павловна эти интимныя объясненія.

— Ѣдемъ, мой другъ!... Такъ до свиданія, chère madame Rantzoff, не правда-ли? А теперь позвольте васъ поцѣловать и поблагодарить еще разъ за себя и за Сашу...

Она двинулась наконецъ, прошла нѣсколько шаговъ — и вдругъ вспомнила, что забыла первый долгъ учтивости: поблагодарить того, кто бѣгалъ за ея красноносымъ служителемъ. Она обернулась, отыскивая глазами Ранцова, но онъ уже исчезъ съ женою.

Троекуровъ усадилъ мать и дочь въ ихъ большую, четверкой съ форейторомъ карету, которую пріѣхавшая съ ними горничная успѣла уже набить до верху всякими картонками, шкатулками и узлами, получилъ отъ Марьи Яковлевны повторительное приглашеніе быть у нея непремѣнно вечеромъ, простился съ ними и, перейдя на другую сторону двора станціи, готовился сѣсть на извощика, когда увидалъ опрометью бѣгущаго къ нему Ашанина.

— Вы гдѣ думаете остановиться? торопливо спрашивалъ онъ.

— У Шевріе.

— А багажъ вашъ гдѣ?

— Человѣкъ мой привезетъ, онъ знаетъ.

— Такъ возьмите меня съ собой,—я въ двухъ шагахъ тамъ живу.

— Сдѣлайте одолженіе! сказалъ Кавказецъ, прижимаясь къ краю саней, чтобы дать ему мѣсто.

Ашанинъ проворно вскочилъ къ нему ò-бокъ:

— За вашею папахой отлично, какъ за деревомъ густымъ... Не увидитъ!

— Кредиторъ? обернулся на него, засмѣявшись, Троекуровъ.

— Хуже!—женщина.

— Цыганка?

— Вы почемъ знаете? воскликнулъ удивленно тотъ.

— Я слышалъ: васъ вчера за обѣдомъ дразнили наши дамы.

— Ну, да! Я уѣхалъ въ Петербургъ, ничего ей не сказавъ,—вотъ она и шмыгаетъ, должно быть, на каждый прибывшій поѣздъ, въ надеждѣ тутъ же и сцапать меня... Стою я преспокойно сейчасъ у рѣшетки багажной, чемодана своего жду. На счастіе мое, обернулся я какъ-то: вижу, а она летитъ стремглавъ—опоздала къ поѣзду... Я такъ чемоданъ свой тамъ и оставилъ, и дрàла, прежде чѣмъ успѣла она сыскать меня.

— Да, проговорилъ Троекуровъ тономъ равнодушной шутки,—это часто мѣшаетъ.

Тонкій Ашанинъ тотчасъ-же навострилъ уши:

— То-есть, чтò именно хотите вы сказать?

— Старая связь.

— Нѣтъ, чтò же, своею комически невинною интонаціей отвѣчалъ чернокудрый красавецъ,—на то она и старая, чтобъ ее бросить; а вотъ какъ если съ третьяго слова наровятъ глаза тебѣ выцарапать...

— А эта привычка у вашей барыни имѣется? засмѣялся еще разъ его спутникъ.

— Такая ужь порода! вздохнулъ Ашанинъ,—съ древности! Въ Книгѣ Премудрости не даромъ сказано: къ *спѣвающейся не примѣшайся, да не како увязнеши въ начинаніяхъ ея!*... „Начинанія“—это должно быть вотъ этотъ самый дурной ихъ обычай рукамъ волю давать.

— Такъ вы бы ихъ оберегались, какъ въ этой книгѣ сказано.

— Кого это? Цыганокъ?

— Вообще „поющихъ“, неспѣшно проговорилъ Кавказецъ, слегка покосясь на него.

— Да какъ же отъ нихъ оберечься? самымъ наивнымъ тономъ произнесъ на это Ашанинъ; — если у васъ рецептъ противъ этого есть, сообщите на милость!

Троекуровъ невольнымъ нервнымъ движеніемъ дернулъ плечомъ и тутъ же безмолвно усмѣхнулся. Оба они замолкли.

Очутившись въ каретѣ вдвоемъ съ женою, Ранцовъ схватилъ ея руки и нѣжно принялся ихъ цѣловать поверхъ перчатокъ.

— Какъ я радъ, Оленька, какъ я радъ видѣть тебя! говорилъ онъ разчувствованнымъ голосомъ.

— Что̀ съ отцомъ было, скажите пожалуйста, прервала она его изліянія;—ударъ?

— Въ этомъ родѣ, Оленька... да, озабоченно отвѣчалъ онъ,—лѣвая рука отнялась... А впрочемъ докторъ не отчаявается... электричество прописалъ... Голова у него совсѣмъ свѣжая; про тебя все говоритъ...

— Упалъ духомъ?

— Н-нѣтъ!... А только все же видно...

Онъ не договорилъ.

— Боится смерти? заключила за него Ольга Елпидифоровна.

— Не то, чтобы... а, видно, занятъ мыслію на счетъ будущаго... Говорилъ, боится, что, если насъ тутъ не будетъ, растащатъ у него все...

Ольга Елпидифоровна замолчала, прижалась плотнѣе къ углу кареты, затѣмъ спросила:

— Ну, а у васъ какъ, въ Рай-Никольскомъ?

— Да не хорошо, Оленька, проговорилъ онъ замѣтно смущеннымъ голосомъ, не глядя на нее.

— Все та же пѣсня! отрѣзала она.—Хлѣбъ продали?

Онъ повелъ глазами въ окно.

— Продавать-то не много пришлось... Что̀ было хлѣба, на винокурню все пошло; сама знаешь, какой урожай былъ у насъ въ прошломъ году...

— Денегъ мнѣ привезли? спросила она послѣ новаго молчанія.

— Тысячи полторы собралъ, проговорилъ онъ чуть слышно.

— Только? До какихъ же поръ?

— Я ужь, право, не знаю, Оленька, пробормоталъ бѣдный Ранцовъ,—раньше конца апрѣля, когда вино сдамъ, никакой то-есть получки и въ виду не имѣю...

— Чѣмъ же я буду жить, пока у васъ опять будутъ деньги?

— Да вотъ, Олечка, я привезъ тебѣ...

— Полторы тысячи! Этого, вы знаете, на мѣсяцъ мнѣ не хватитъ!...

Ранцовъ заерзалъ на мѣстѣ, судорожно провелъ языкомъ по своимъ, какъ бумага, сухимъ и побѣлѣвшимъ губамъ и, все такъ же избѣгая глазъ жены, началъ, заикаясь и глотая половину словъ, видимо давно и мучительно задуманное объясненіе:

— Ты не должна сердиться на меня, Оленька, потому—сама знаешь, я всей душою, и, кажется, ты видѣла и видишь... Только мы такъ больше не можемъ... потому сама знаешь...

— Что̀ „не можемъ“, что̀ „не можемъ“? гнѣвно вскрикнула она, передразнивая его.

— Такъ жить, Оленька, произнесъ онъ насколько могъ твердо,—потому доходовъ не хватаетъ... и подъ конецъ можно этакъ по міру пойти.

— Прелестно, превосходно! злобно засмѣялась она;—послѣ девяти лѣтъ замужства, вотъ какую перспективу обѣщаетъ мнѣ мой мужъ—нищую суму!

Лицо Ранцова стало еще бѣлѣе его губъ; глаза его болѣзненно заморгали:

— Я знаю, Олечка, что ты вспыльчива и не резонно гнѣваешься часто,—только ты бы меня пожалѣла, потому, сама знаешь, мнѣ это хуже, чѣмъ ножомъ... Онъ передохнулъ съ мучительнымъ усиліемъ и продолжалъ: — мнѣ ничего не нужно, лишь бы тебя успокоить... Какъ ты всегда желала, я ни слова противъ никогда. Сама знаешь, по первому абцугу на переѣздъ нашъ и устройство въ Петербургѣ пошло сорокъ тысячъ... Стали мы тутъ же жить вельможами: дохода въ хорошій годъ двадцать пять и тридцать тысячъ, а мы сорокъ, да и всѣ пятьдесятъ въ иной годъ проживали. Обѣды, ужины,—такъ съ перваго года и по днесь жили. Всегда притомъ расходы непредвидѣнные, то на школы твои, то на тò, то на другое... За границу захотѣлось тебѣ съѣздить, — чтò тамъ денегъ осталось!... Имѣнье мы все позаложили... Теперь опять чтò будетъ съ *волею*? Даровой трудъ отъ насъ отойдетъ, опять убытки...

Ольга Елпидифоровна слушала безмолвно, устремивъ прищуренные глаза на мелькавшіе сквозь окно кареты дома, заборы, занесенные снѣгомъ сады пространнаго города, и закусивъ нижнюю губу съ видомъ глубокаго и тяжелаго раздумья.

Она вдругъ обернулась и пристально взглянула въ лицо мужу:

— Какой же доходъ разсчитываете вы получать теперь и на будущее время?

— Если, какъ теперь я, входить во все самому, тысячъ пятнадцать вѣрныхъ всегда можемъ получить, Оля, отвѣтилъ онъ съ радостнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, въ упованіи, что она „сдается на его резоны“.

Она презрительно захохотала:

— Пятнадцать тысячъ! Да развѣ съ этимъ можно существовать?

— Конечно, Олечка, попробовалъ онъ возразить,—если бы ты согласилась въ деревню... или даже сюда, въ Москву, поспѣшилъ онъ прибавить.

— Не жить въ Петербургѣ? крикнула она,—никогда!

— Такъ какъ же быть, растерянно залепеталъ Ранцовъ,—когда доходы...

— Доходы! насмѣшливо повторила она,—у васъ никогда доходовъ не будетъ, вы не умѣете...

— Помилуй, Олечка, я, кажется...

— Не нужно мнѣ вашихъ доходовъ! неожиданно перебила она его,—я безъ нихъ обойдусь!...

Онъ испуганно, со страшнымъ біеніемъ сердца, воззрился въ свою очередь ей въ лицо: „съ ней припадокъ или... или...“ не смѣлъ онъ досказать себѣ своей мысли.

Она улыбалась теперь. Въ ея подвижномъ воображеніи рисовался уже въ самыхъ радужныхъ краскахъ исходъ изъ положенія, которое она за минуту до этого почитала безнадежнымъ.

— Нечего глядѣть на меня какъ сова! обратилась она къ мужу,—я вижу, что если *вы* не умѣете устроиться въ жизни, такъ *мнѣ* приходится за это приниматься. И я начну.

— Начнешь что̀? недоумѣло спросилъ мужъ.

— Аферы дѣлать.

— Какія, съ кѣмъ?

Она отвѣчала ему не сейчасъ:

— Да вотъ одинъ ужъ баронъ Функель даетъ мнѣ триста тысячъ, молвила она съ тою же улыбкой радужныхъ надеждъ.

— За что̀? крикнулъ Ранцовъ, вспыхивая до самыхъ волосъ.

— За то̀, что я проведу ему въ государственномъ совѣтѣ дѣло, которое принесетъ ему пять или шесть милліоновъ барыша.

Онъ глубоко вздохнулъ, какъ бы скидывая тяжелый камень съ груди, но тутъ же, съ прежнею тревогой, взялъ потихоньку ея руку:

— Олечка, другъ мой, подумай: какъ же ты это можешь сдѣлать? Въ государственномъ совѣтѣ, шутка сказать!

— Въ совѣтѣ, въ сенатѣ, въ комитетѣ—не все-ли равно! нетерпѣливо возразила она на это;—вы точно будто не знаете, не видѣли сами, *кѣмъ* я окружена и какъ готовы всѣ они дѣлать все, что̀ я ни пожелаю!

— Это, конечно, молвилъ добродушно мужъ, видимо успокоенный и побѣжденный „резонностью“ такого аргумента, принимаясь снова цѣловать ея перчатки,—ты у меня умни-

ца, всякую тонкость понимаешь, и я дѣйствительно знаю, какіе козыри у тебя въ рукѣ... Только все же, Оленька, на такую аферу, какъ ты говоришь, полагаться трудно... Разскажи ты мнѣ, по крайней мѣрѣ, что̀ это за дѣла и какъ именно думаешь ты приняться...

— Ну, это когда-нибудь въ другой разъ, а теперь скучно! не дала ему договорить Ольга Елпидифоровна, откидываясь снова въ уголъ кареты и запахивая на колѣняхъ полы своей великолѣпной шубы.

IX.

> What should poor Jack Falstaff do in the days of villainy? I have more flesh than another man, therefore more frailty
>
> Shakespeare. *King Henry* IV.

На одной изъ московскихъ Мѣщанскихъ, въ глубинѣ двора, невидимый съ улицы за выходившими на нее деревянными флигелями, стоялъ небольшой, каменный одноэтажный домъ, обитаемый отставнымъ частнымъ приставомъ Елпидифоромъ Павловичемъ Акулинымъ, и который, какъ и всѣ окружавшія постройки, составлялъ его благопріобрѣтенную собственность. За нимъ, высоко подымая надъ крышею свои опорошенныя инеемъ вѣтви, виднѣлись деревья довольно, повидимому, обширнаго сада.

Ранцовыхъ ждали. Едва успѣла въѣхать карета ихъ во дворъ, какъ подъ навѣсомъ небольшаго крыльца, пристроеннаго къ одному изъ угловъ дома, появился молодой малый въ куцомъ фрачкѣ и съ глупо улыбающимся лицомъ кинулся принимать господъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте! голосилъ онъ, ни датъ ни взять лавочникъ въ Городѣ, *) зазывающій покупателя. И, подхвативъ Ольгу Елпидифоровну подъ мышки, повелъ ее вверхъ по нѣсколькимъ, обитымъ сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, ступенькамъ просторной, чистенькой, освѣщенной большимъ продольнымъ окномъ лѣстницы, стѣны которой сверху до низу оклеены были весьма оригинальною коллекціей лу-

*) Московскій гостинный дворъ.

бочныхъ картинъ патріотическаго содержанія, подобранныхъ съ эпохи Двѣнадцатаго Года.

Немногочисленныя, но довольно объемистыя комнаты „укромнаго уголка“, какъ называлъ свой домъ Елпидифоръ Павловичъ, едва-ли уступали роскошному петербургскому аппартаменту его дочери по количеству наполнявшихъ ихъ предметовъ самаго разнообразнаго свойства. Но между тѣмъ какъ тамъ все носило печать новизны и случайности, здѣсь все свидѣтельствовало о прирожденномъ артистическомъ вкусѣ и терпѣливой страсти къ *собирательству* своего хозяина. Недаромъ цѣлыхъ восемь лѣтъ состоялъ главнымъ полицейскимъ окомъ въ Городской части Елпидифоръ Павловичъ, не даромъ зналъ онъ наизусть каждую лавченку своего торговаго муравейника, не даромъ являлся самъ „надзирать“ за подчиненными ему квартальными, при составленіи ими описи движимости сколько нибудь состоятельнаго должника, назначенной къ продажѣ съ аукціоннаго торга. Онъ, очевидно, не пропустилъ ни единаго изъ тысячи представлявшихся ему случаевъ пріобрѣтать дешево—если не всегда даромъ—художественныя вещи, настоящая цѣнность и рѣдкость которыхъ въ тѣ времена и не вѣдомы были весьма часто ихъ владѣльцамъ, и которыя угадывалъ Акулинъ и чутьемъ своимъ, и наглядкой, пріобрѣтенною долгими годами этого собирательства. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ. Тутъ были и картины, и старинная мебель, фарфоръ и бронза, мозаика и яшма, монеты и мраморные бюсты,—всякое добро, выставленное въ-явь, или тщательно хранимое въ глуби завѣтныхъ ящиковъ...

— Да у него тутъ цѣлый музей! восклицала Ольга Елпидифоровна, проходя съ мужемъ мимо всего этого неожиданнаго для нея художественнаго богатства (она еще въ первый разъ посѣщала отца послѣ отставки въ этомъ его давно купленномъ имъ домѣ, куда онъ постепенно отправлялъ свои пріобрѣтенія, признавая *неудобнымъ* „выставлять ихъ на показъ“ въ казенной квартирѣ,) по узенькимъ коврикамъ, протянутымъ во всю длину веселыхъ, свѣтлыхъ комнатъ, съ бросавшеюся въ глаза, совершенно голландскою опрятностью.— Откуда это у него все? спрашивала она съ удивленіемъ.

Ранцовъ не отвѣчалъ и продолжалъ итти за нею, вперя взглядъ въ носки своихъ сапоговъ.

— Оля, другъ мой! раздался изъ глубины послѣдней комнаты, спальни Елпидифора Павловича, его взволнованный, уже полный слезъ голосъ.

Она поспѣшила переступить черезъ порогъ.

Акулинъ сидѣлъ полулежа, протянувъ коротенькія ноги свои во всю длину, въ старинномъ глубокомъ и удобномъ вольтеровскомъ креслѣ, съ большою подушкой за спиной, и другою съ лѣваго боку, на которой лежала недвижно его отнявшаяся рука. Противъ него на стулѣ помѣщался смуглый, съ ворохомъ черныхъ волосъ спускавшихся низко на лобъ, довольно еще молодой человѣкъ въ синихъ очкахъ. За кресломъ Елпидифора Павловича стояла красивая, съ широкимъ развитіемъ плечъ и груди, лѣтъ двадцати осьми женщина, повязанная по-купечески шелковымъ платочкомъ по свѣтлорусымъ волосамъ, въ шелковой синей кофтѣ крестьянскаго покроя, изъ плечевыхъ отверстій которой выступали широкіе собранные у локтя полотняные рукава рубахи ослѣпительной бѣлизны. Обѣ руки ея, пухлыя и бѣлыя, съ бирюзовымъ колечкомъ на одной изъ нихъ, лежали рядомъ на верхушкѣ спинки кресла, какъ бы выжидая чего-то. Ея подернутое легкимъ румянцемъ лицо и синіе съ поволокой глаза глядѣли чрезвычайно спокойно, мягко и умно.

— Оля! повторилъ Акулинъ, ухватываясь здоровою рукой за ручку кресла и усиливаясь приподняться.

Синеглазая женщина запустила тотчасъ же свои ожидавшія руки за подушку и осторожно наваливала ее къ спинѣ больнаго, съ незамѣтною, но несомнѣнною силой удерживая его отъ паденія назадъ.

Молодой человѣкъ, вскочивъ со стула, бросился помогать ей.

— Оставьте! тихо проговорила она. Онъ послушно опустился на прежнее мѣсто.

— Оля!... И Елпидифоръ Павловичъ разрыдался истерическимъ рыданіемъ.

Дочь быстро подошла къ нему, наклонилась, обняла:

— Что̀ это вы, папа, какъ не стыдно! Ну, вотъ я, и очень рада, и нечего вамъ плакать!...

— Вотъ видишь! пробормоталъ онъ, указывая на недвижную руку.

Ольга Елпидифоровна едва узнавала его. Онъ страшно измѣнился. Громоздкая его фигура словно стаяла на половину; лишенная своей жировой подкладки, кожа лица моталась мѣшкомъ при малѣйшемъ его движеніи, падала тряпкой на отложные воротнички его ночной рубахи; прежніе живые, „полицейскіе“ его глазки странно увеличились въ объемѣ, тускло свѣтя изъ-подъ нависшихъ, непричесанныхъ бровей...

— Это ничего, пройдетъ... электричество очень помогаетъ въ этихъ случаяхъ, отвѣчала она ему словами банальнаго утѣшенія, тронутая несомнѣнно его жалкимъ положеніемъ, но еще болѣе заинтригованная этими двумя, никогда ею невиданными прежде у отца лицами, этою „барыней-крестьянкой, которая, конечно, не случайная сидѣлка“, тотчасъ же догадалась Ольга Елпидифоровна.

А та между тѣмъ, перегнувшись черезъ спинку кресла къ уху ея отца, шопотомъ спрашивала его:

— Опустить?

Онъ кивнулъ въ знакъ согласія. Она все также осторожно опустила его съ подушкой, направилась беззвучною походкой къ столу, на которомъ разставлена была обычная печальная кухня всякаго больнаго, налила счетомъ изъ стклянки въ рюмку съ водой предписанное количество капель и вернулась съ этимъ къ креслу.

— Что̀ это такое? спросила Ольга Елпидифоровна, беззастѣнчиво уставившись прямо ей въ глаза.

— Капли-съ, невозмутимо, какъ бы вовсе не замѣтивъ этого взгляда, отвѣтила та.

— Кто у васъ докторъ, папа?

Онъ назвалъ.

— Онъ предписалъ?

— Да.

— Для успокоенія, промолвила синеглазая, принимая отъ

Елпидифора Павловича опорожненную имъ рюмку, отнесла ее на столъ и остановилась тамъ въ заповѣдной позѣ русскаго женскаго простонародья, уложивъ щеку на правую руку и подперевъ ее лѣвою, и глядя на отца и дочь все тѣмъ же мягкимъ и спокойнымъ взглядомъ.

Господинъ въ очкахъ въ свою очередь глядѣлъ на Ольгу Елпидифоровну во всѣ глаза сквозь свои синія стекла.

— Олечка, безъ малаго три года не видались! заговорилъ Акулинъ.

— Да, я была за границей... потомъ Петербургъ, выбраться изъ него такъ трудно... Видите, впрочемъ, сейчасъ же пріѣхала, какъ только вы дали знать... А какъ у васъ здѣсь хорошо! прервала себя она, обводя взглядомъ кругомъ стѣнъ, увѣшанныхъ картинами французской школы прошлаго столѣтія.

— Ты у меня еще не была здѣсь, вздохнулъ онъ;—да, собралъ кое-что, собралъ...

— Давно это все у васъ?

— Да вотъ, какъ выдалъ тебя, а самъ сюда на должность поступилъ, скука одолѣла; ну, случаи были, началъ потихоньку, потомъ пристрастился... Домикъ купилъ, отдѣлалъ. Вотъ, думалъ, подъ старость отдохнуть въ укромномъ уголкѣ, любуясь и Бога благодаря... за милость Его... ко мнѣ... грѣшному... Да видно, не Его... воля святая, договорилъ, уже всхлипывая, Елпидифоръ Павловичъ.

— Полноте, полноте, почтеннѣйшій, заговорилъ вдругъ господинъ въ очкахъ, нагибаясь къ нему и какою-то кошачьею ухваткою принимаясь гладить его по колѣнкѣ,—налюбуетесь еще, поживете, насъ похороните!...

Голосъ его визгливый, какъ у мальчишки, странно противорѣчилъ его далеко не ребяческой наружности; говорилъ онъ съ замѣтнымъ малорусскимъ акцентомъ. Ольга Елпидифоровна поморщилась.

— А у васъ, сколько я понимаю, есть вещи рѣдкія, папа? обратилась она снова къ отцу.

— Хорошія есть вещи, хорошія! сказалъ онъ, внезапно оживляясь.

— Знатокъ извѣстный Елпидифоръ Павловичъ! молвилъ гость, одобрительно покачивая головой со своей стороны.

Онъ нагло, почувствовалось ей, разсматривалъ ее сквозь темную синеву своихъ очковъ.

Она отвернулась отъ него и отыскала глазами мужа, усѣвшагося у окна и безмолвно внимавшаго всему этому разговору.

— Вы видѣли Троекурова на станціи?

— Видѣлъ, Оленька; а что?

— Онъ большой любитель du bric à brac и знаетъ въ немъ толкъ. Вотъ его бы привезти къ папа показать; онъ оцѣнитъ.

— Я очень радъ, Оля! проговорилъ Акулинъ, — если знатокъ въ особенности...

Господинъ въ очкахъ внезапно заволновался:

— Троекуровъ! воскликнулъ онъ: — позволите-ли, сударыня, узнать имя и отчество?

— Борисъ Васильевичъ, небрежно проговорила Ранцова.

— Вы изволите говорить, онъ здѣсь, пріѣхалъ... Неизвѣстно вамъ, гдѣ остановился?

— Не спрашивала! отвѣчала она тѣмъ же тономъ.

На лицѣ больнаго заиграла словно какая-то злорадная улыбка; онъ обернулъ голову къ говорившему:

— Это самый и есть наслѣдникъ твоего... Ивана Акимовича покойнаго? спросилъ онъ.

Тотъ не отвѣчалъ и поднялся съ мѣста:

— Я ужь съ вами прощусь, почтеннѣйшій, въ сенатъ пора! сказалъ онъ, подходя къ Елпидифору Павловичу и осторожно прикасаясь пальцами къ его здоровой рукѣ,—позволите зайти понавѣдаться на дняхъ?

— Приходи! съ видимою неохотой проговорилъ больной.

Женщина, стоявшая у стола, сдвинула еле замѣтно брови и тотчасъ же опустила глаза.

Гость отыскалъ свою фуражку, поклонился хозяину, дочери его и зятю и, проходя мимо стола, проговорилъ скороговоркой:

— Анфисѣ Дмитріевнѣ мое всепочтеніе!

Она отвѣчала степеннымъ пояснымъ поклономъ ему вслѣдъ.

— Кто это? быстро спросила отца Ольга Елпидифоровна, какъ только исчезъ онъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Такъ одинъ... дѣлами занимается... Троженковъ по фамиліи, отвѣчалъ сквозь зубы Елпидифоръ Павловичъ.

Онъ видимо затруднялся говорить, какъ бы хотѣлось. Ольга Елпидифоровна тотчасъ же это замѣтила и сообразила: она обернулась къ синеглазой женщинѣ, имя которой только что узналъ читатель.

— Вы, должно быть, устали, милая, стоять; можете себѣ итти,—если что̀ нужно будетъ батюшкѣ, я тутъ.

— Ничего-съ, постоимъ, возразила со смиренною усмѣшкой та.

— Ступайте, ступайте! довольно уже рѣзко сказала на это петербургская барыня:—мнѣ нужно поговорить съ папа, васъ позовутъ въ случаѣ нужды.

Анфиса Дмитріевна медленно двинулась съ мѣста, медленно прошла за спиной Ранцовой и, направившись въ глубь спальни, исчезла за невидимою съ перваго взгляда небольшою дверью, оклеенною одними обоями съ комнатой.

Больной съ замѣтною тревогой слѣдилъ за ней глазами. Но она прошла, и взгляда на него не кинувъ.

Онъ обернулся къ дочери и заговорилъ слабымъ, жалобнымъ голосомъ:

— За что̀ это ты, Оля, за что̀?..

— Что̀ такое? спросила она, сжимая брови.

— Обидѣла... женщину...

Ранцова уставилась на него пристально:

— Да что̀ она у васъ такое, слуга, или...

— Э... экономка у меня... она, промямлилъ онъ, отворачивая отъ нея глаза.

— И, какъ видно, нѣчто еще болѣе вамъ близкое? промолвила Ольга Елпидифоровна съ ироническою усмѣшкой.

Онъ смутился, заметался на своей подушкѣ:

— Что̀ же, Оля, всѣ мы люди, всѣ человѣки...

— И вы ее боитесь! отчетливо выговорила она съ той же усмѣшкой.

Эти слова внезапно какъ бы встряхнули больнаго, отнесли его къ другому, дремавшему въ немъ до этой самой минуты помыслу. Онъ приподнялъ голову, отыскивая Ранцова, все также молчаливо сидѣвшаго у окна, и поманилъ его къ себѣ глазами.

Тотъ поспѣшилъ подойти къ нему, наклонился.

— Погляди за дверью, прошепталъ ему на ухо тесть, кивая въ сторону, куда ушла „экономка", — и запри... на ключъ!..

Никаноръ Ильичъ зашагалъ послушно къ двери, полуоткрылъ ее, взглянулъ въ комнату, въ которую вела она, и тотчасъ же заперъ. Это была комната самой Анфисы Дмитріевны; въ углу подъ иконами съ теплившеюся предъ ними лампадкой стояла кровать ея, покрытая сшитымъ квадратиками изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ одѣяломъ, и сама она сидѣла на этой постели въ обычной позѣ, оперевъ щеку на руку, а локоть этой руки на колѣни... Онъ нащупалъ крючекъ на двери, закинулъ его безшумно въ петлю и вернулся къ креслу Елпидифора Павловича.

— Садись... ближе, сказалъ ему тотъ, приглашая глазами дочь сдѣлать то же.

Они подвинулись къ нему.

— Вотъ ты сейчасъ сказала, Оля, началъ онъ шопотомъ, смущенно и какъ бы робко поглядывая въ глубь комнаты:— я „боюсь..." Я точно, Оля... Недужный, какъ видишь, сталъ, поразилъ меня Господь за прегрѣшенія... Одинъ, на чужихъ рукахъ... Страшно, дѣйствительно...

— Помилуйте, батюшка, чего вамъ бо... счелъ было нужнымъ успокоить его волненіе Ранцовъ, но взглядъ жены остановилъ его на полусловѣ.

— Давно у васъ эта женщина? спросила она отца.

— Четвертый годъ... Привыкъ, слезливо молвилъ больной,—весь домъ на руки ей сдалъ...

— Я не видала ея у васъ, когда въ послѣдній разъ была въ Москвѣ.

— Стыдилась тебя... не показывалась, пробормоталъ онъ.

— Кто она, откуда?

Акулинъ завздыхалъ:

— Изъ мелкоты изъ купеческой... Въ племянницахъ жила у торговца одного. Выдали они ее молоденькою замужъ за прикащика, пропоицу горькаго... Помучилась она съ нимъ... Только умеръ онъ вскорѣ тутъ; дѣваться некуда, вернулась опять къ этому дядѣ въ домъ... Красавица была она, въ полномъ цвѣтѣ. Ну, а у этихъ ракалій извѣстны нравы:—сталъ этотъ мужланъ соблазнять ее... на сожительство... Не захотѣла она грѣха на душу брать,—тиранство пошло, извѣстно, ихнее, грызня, колотухи... Ухо ей было совсѣмъ, повѣришь, оторвалъ разъ у бѣдной... Въ этомъ видѣ, въ крови вся, прибѣжала она ко мнѣ въ частный домъ: „Спасите", говоритъ, и въ ноги, безъ чувствъ... А я еще раньше съ лица ее зналъ, какъ она еще замужемъ жила. Тихая такая была, милая... Останься, говорю, у меня; никакой чортъ-дядя не сунется сюда отбирать тебя, потому я его съ лица земли сотру... И, дѣйствительно, прижалъ я чорта этого такъ, что онъ не то отступился отъ нея, полторы тысячи чистаганчикомъ окромя того за безчестье ей отсчиталъ... Всѣмъ она мнѣ, могу сказать, обязана: поена, кормлена, холена... не ждалъ я отъ нея черноты такой!..

И Елпидифоръ Павловичъ захлебнулся слезами.

— Полноте плакать, папа, не стòитъ! строго вымолвила Ранцова:—если вы что нибудь замѣтили, надо скорѣе принять мѣры.

— Нѣтъ, Оля, ты не знаешь, продолжалъ онъ, отирая влажное лицо,—умница вѣдь она, тонкая... всякія мои до корешка дѣла знала,—въ нашей должности, извѣстно, всякое бываетъ,—все знала... Да чтò! Жить меня научила, деньгу хранить...

— И чтò же, нетерпѣливо прервала его дочь,—вы боитесь теперь, чтобъ она на счетъ этихъ вашихъ „дѣлъ" не выдала васъ?

Тусклые глаза бывшаго полицейскаго блеснули внезапно старымъ, яркимъ и острымъ блескомъ:

— А выдавать-то что̀? ухмыльнулся онъ:—съ меня взятки гладки: состою въ чистой, по формуляру ни сучка, ни задоринки, за тридцатипятилѣтнюю службу удостоенъ подобающей пенсіи: сорокъ два съ полтиной получаю въ треть,—въ чемъ же выдать-то меня кто можетъ?

— Вы говорили мужу, боитесь, чтобы васъ не обобрали, вспомнила Ранцова.—Вы *ее* подозрѣваете?

Онъ снова болѣзненно заметался и занылъ:

— Измѣнница она, неблагодарная! За мою... привязанность... съ кѣмъ связалась! Вотъ, вы видѣли, сидѣлъ тутъ... сейчасъ... Змѣй! Путаетъ онъ ее, наущаетъ...

— Да вы что̀ же, узнали что-нибудь, замѣтили? допрашивала тревожно Ольга Елпидифоровна;—когда? Давно, или теперь только?

Брови больнаго сосредоточенно сдвинулись,—онъ видимо старался припомнить все подробно:

— Боленъ я сегодня шестой день, началъ онъ,—а ты объ этомъ когда депешу получила?

— Третьяго дня вечеромъ, поздно.

Онъ испуганно закачалъ головой:

— Вотъ оно, вотъ! Доказательство! Раньше не получала?

— Нѣтъ!

— А я... Когда это со мной случилось (Акулинъ указалъ глазами на руку), я, какъ только отошла голова, на другой же день, значитъ, говорю *ей* при *немъ*,—языкъ-то у меня едва еще ворочался тогда: „Олѣ сейчасъ дай телеграмму въ Петербургъ“.—„Хорошо, говоритъ, сейчасъ“. А *онъ* тутъ же съ услугою. „Позвольте, говоритъ, я напишу и отвезу самъ для вѣрности на телеграфъ“. Сѣлъ, дѣйствительно, къ столу, написалъ, показалъ мнѣ и ушелъ... Это, значитъ, въ понедѣльникъ было,—ноньче пятница... Тутъ опять сонливость на меня напала, безъ малаго двое сутокъ голову не могъ отъ подушки оторвать. И сплю я, и не сплю, а глазъ растворить не могу, лежу трупомъ безчувственнымъ... И ужь не знаю, утромъ-ли рано, ночью-ли, только слышу я вдругъ,—шепчутся, а въ уши такъ ясно мнѣ голоса звенятъ: „Не встать ему ни за что̀!“ Это говоритъ *онъ*. „Это про меня“,

думаю, и такъ страшно стало мнѣ тутъ; кому-жь онъ это говоритъ? Только опять слышу, *ея* ужь голосъ: „А ты послалъ депешу?“ *Ты!* Она ему „ты“, можете себѣ представить! Я бы ее, кажется, въ другое время... а я и вѣкой моргнуть не въ силахъ, и чувствую только, лучше бы, кажется, умереть мнѣ сейчасъ...

Онъ пріостановился, тяжело дыша и мотая головой...

— Что̀ же, папа, дальше? съ возрастающею тревогой и любопытствомъ молвила Ранцова.

— Не разслышалъ я, или забылъ что̀ за этимъ, а только помню опять, она говоритъ: „Грѣхъ“! А онъ ей на это: „А у него-то самого (у меня, то-есть, значитъ,) откудова деньжищи?“ И потомъ: „Мы съ тобой на вѣки счастливы будемъ...“

Ольга Елпидифоровна поблѣднѣла и во всѣ глаза глянула на мужа.

— И вы это такъ именно, эти слова самыя и слышали? обратился онъ съ вопросомъ къ тестю.

— Я тебѣ вотъ что̀ скажу, отвѣчалъ на это медленно тотъ, какъ бы снова силясь собрать разбѣгавшіяся мысли:— я тутъ сейчасъ опять въ безчувствіе впалъ. А пришелъ я въ себя наконецъ настоящимъ образомъ третьяго дня, значитъ въ среду. Далъ мнѣ что-то докторъ, голова освѣжилась, и тутъ я вспомнилъ,—только такъ вспомнилъ, что самъ не могъ себѣ сказать: дѣйствительно, или во снѣ я этотъ разговоръ ихъ слышалъ. И спросилъ я тутъ: сколько я спалъ, и какой нынче день?—„Среда“, говорятъ.—„Что̀ же, говорю, до сихъ поръ отъ Оли отвѣта нѣтъ? Послана-ли ей депеша?“ А *она* мнѣ на это: „При васъ, говоритъ, третьяго дня написана и повезли на станцію“.—„Видно пропала, говорю опять, Оля непремѣнно бы отвѣчала“.—„Развѣ можетъ то̀ быть, чтобы пропала, когда Степанъ Акимычъ самъ ее свезъ?“ возражаетъ мнѣ на это Анфиса. Я тогда къ доктору,—при немъ это было: „сдѣлайте милость, говорю, Акинфій Николаевичъ, вы около самаго телеграфа живете, отвезите вотъ новую депешу дочери, Анфиса сейчасъ напишетъ“. Она сѣла къ столу и написала подъ диктовку мою,—тихо, будто не-

хотя писала-то, я все время на нее глядѣлъ;—написала еще тутъ же письмо отъ меня къ тебѣ, потому, думаю, пусть и Никаноръ пріѣдетъ; докторъ взялъ и депешу, и письмо и отправилъ тогда.

— Какой же тутъ сонъ! воскликнула Ольга Елпидифоровна;—это совершенно ясно: они разсчитывали, что вы... что вамъ не оправиться, и собирались прибрать ваши деньги, а для того, чтобъ имъ никто помѣшать не могъ, телеграмму вашу ко мнѣ не отправили!...

— Все онъ, все онъ, Оля! захныкалъ еще разъ больной.

— Да кто онъ, скажите пожалуйста, откуда вы его добыли?

— Не добывалъ я его, дочь моя любезная, самъ онъ ко мнѣ за кускомъ хлѣба пришелъ. Писаремъ у меня съ полгода служилъ... Потому въ ту пору выгналъ его отецъ изъ дому за безпутство какое-то... Незаконный онъ, богатаго одного, недавно вотъ померъ, человѣка сынъ...

— Чей сынъ?

— Говорю, одного... Остроженко по фамиліи, богачъ, оригиналъ былъ тутъ такой.

— А! знаю теперь, знаю! воскликнула она припоминая:— „Троекурова дядя“! сказала она себѣ.

— Пригрѣлъ я его, опериться далъ, продолжалъ больной,— дѣлу научилъ. Боекъ онъ, способный! Отъ меня въ сенатъ перешелъ, тяжебными дѣлами теперь занимается, деньгу зашибать сталъ. Только корысти у него и злобы на людей нѣсть конца; грызетъ его, что вотъ, молъ, магнатомъ могъ очутиться, а повернуло такъ, что ни гроша, ни имени... И изъ этой только злобы и корысти своей,—продолжалъ, все болѣе и болѣе волнуясь, Акулинъ,—подбился онъ къ *ней* теперь. Вѣдь если-бъ она рѣшилась... вѣдь онъ бы тутъ же какъ липку обобралъ ее, бѣдную, и бросилъ...

— Зачѣмъ вы такого человѣка пускали къ себѣ, батюшка? тихо промолвилъ Ранцовъ.

— Да развѣ я могъ подозрѣвать, Никанорушка! Вѣдь я *ей* вѣрилъ, какъ въ Христа *ей* вѣрилъ!

И слезы уже градомъ полились изъ глазъ бывшаго частнаго пристава.

— Успокойтесь, папа, вѣдь нельзя такъ, сказала ему строго дочь;—выпейте воды!

— Капель этихъ... Позови ее... Анфису... Она нальетъ мнѣ...

— Зачѣмъ же ее звать? возразила Ольга Елпидифоровна,— я сама съумѣю вамъ накапать.

Она поднялась, подошла къ столу и, пробѣжавъ рецептъ, налила нужное въ рюмку.

Онъ выпилъ, примолкъ и, прижавшись головой къ подушкѣ, робко поднялъ на нее глаза. Чувство своей немощи, очевидно, лишало его теперь всякой самостоятельности передъ этою владычною его дочерью, которой онъ и такъ всегда побаивался.

— Что̀ же вы думаете теперь дѣлать? давъ ему успокоиться, категорично поставила она ему вопросъ:—разъ уже въ васъ закралось подозрѣніе, нельзя при вашемъ состояніи здоровья жить въ вѣчной тревогѣ: это можетъ имѣть для васъ очень серіозныя послѣдствія. Надо на что-нибудь рѣшиться... Ее слѣдовало бы удалить, папа, промолвила тише и не сейчасъ петербургская барыня.

Онъ задрожалъ даже весь:

— Пожалѣй ты меня, Оленька... пожалѣй меня! проговорилъ онъ такимъ жалкимъ голосомъ, что Ранцовъ поднялъ на жену полные какого-то ужаса и мольбы глаза.

— Не я, батюшка, а вы хозяинъ въ вашемъ домѣ, поспѣшила возразить она на это;—я сказала вамъ мое мнѣніе, *вы* вольны принять его или нѣтъ... Во всякомъ случаѣ *его*, я надѣюсь, вы перестанете пускать къ себѣ, добавила она съ презрительнымъ выраженіемъ на губахъ.

— Да, другъ мой, да, закивалъ онъ радостно головой;— я такъ радъ, что вы теперь здѣсь... Такъ и прикажите малому моему, Ѳедькѣ: въ шею его, въ шею!...

— И учтивѣе можно, проронила свысока Ранцова;—только этого мало!

— Что̀ же еще, Оленька, что̀? растерянно проговорилъ онъ.

— Если, какъ вы говорите, „*онъ ее* наущаетъ“, она послушна его волѣ, такъ вѣдь опасность остается все та же.

Вы, дастъ Богъ, станете поправляться, мы съ мужемъ уѣдемъ, и вы опять останетесь подъ épée de Damoclès, что васъ обворуютъ... Надо было бы отнять у *нихъ* самый соблазнъ къ этому.

— Да, да! закивалъ онъ опять своею исхудалою головой съ прыгавшею по его воротничкамъ отвислою кожей щекъ;— ты всегда была умна, Олечка!

— У васъ есть списокъ вашимъ вещамъ? спросила она.

— Есть, умница моя, есть! Аккуратнѣйшимъ образомъ все до малости записано.

— И деньги? проговорила она небрежно;—много у васъ денегъ здѣсь?

На лицѣ его заиграла нежданно самодовольная улыбка:

— Есть малая толика, Олечка, есть!

— *Она* знаетъ гдѣ онѣ? медленно протянула та.

Елпидифоръ Павловичъ подалъ утвердительный знакъ глазами.

— Тутъ они у меня! со внезапною живостью сказалъ онъ и кивнулъ на стоявшій у стѣны противъ него старинный шкапъ голландской работы.

— Ключъ у васъ?

— На мнѣ. Сыми цѣпочку!

Онъ отдѣлилъ голову отъ подушки.

— Вы хотите сейчасъ?...

— Сейчасъ, сейчасъ! залепеталъ онъ торопливо;—для васъ же берегъ... Берите сейчасъ, чтобъ и духу ихъ здѣсь не было!..

Ранцовъ открылъ изумленно глаза, воззрился на него, на жену:

— Какъ же это такъ брать, батюшка? что̀ намъ съ ними дѣлать? недоумѣло произнесъ онъ.

— Развѣ ихъ нельзя отвезти въ банкъ на сохраненіе? отвѣтивъ на его взглядъ холодною усмѣшкой, спросила Ольга Елпидифоровна.

— Можно, конечно... На ваше имя, батюшка, не иначе! твердо примолвилъ Никаноръ Ильичъ.

— Безполезныя слова все говорите! фыркнула ему на это жена.

— Бери ключъ, Оля, отворяй! нетерпѣливо говорилъ между тѣмъ Елпидифоръ Павловичъ съ капризною настойчивостью больнаго. „Увезутъ деньги, *ему* не разсчетъ будетъ таскаться сюда, съ *нею* по-прежнему у насъ пойдетъ“, стояла у него въ головѣ единственная мысль.

Ольга Елпидифоровна сняла у него съ шеи стальной, тонкой старинной работы, довольно большихъ размѣровъ, висѣвшій на серебряной цѣпочкѣ ключъ, подошла къ шкапу, повернула замокъ; онъ щелкнулъ со звономъ, разлетѣвшимся по всѣмъ комнатамъ... Она даже вздрогнула слегка отъ неожиданности.

Шкапъ открылся на обѣ половинки.

— Помоги ей! сказалъ Ранцову Акулинъ:—средній ящикъ надо вонъ вынуть.

Когда это было исполнено, онъ приказалъ зятю отыскать въ гирляндѣ рѣзныхъ украшеній, бѣжавшей кругомъ ящиковъ, какую-то пуговицу и подавить ее.

Ранцовъ нажалъ пальцемъ: другой ящикъ, совершенно подобный вынутому, выскользнулъ на его мѣсто изъ темнаго зада шкапа. Онъ заключалъ въ себѣ десятка три бумажныхъ пакетовъ, исписанныхъ цифрами и уложенныхъ самымъ тщательнымъ образомъ.

— Вынь и его, неси сюда! закомандовалъ опять Елпидифоръ Павловичъ; — и давайте сюда какой нибудь столъ поближе, да карандашъ вонъ тамъ возьми, Оля, и бумаги: станешь записывать, а мужъ считать будетъ.

Они принесли столъ. Ранцовъ поставилъ на него ящикъ; она присѣла къ нему съ бумагой и карандашомъ, молча глядя на отца, на эти многочисленныя бумажныя обложки, въ которыхъ очевидно уложены были деньги... много денегъ... Удивленіе сковывало ей уста.

А въ отвѣтъ этому сказывающемуся въ чертахъ ея ощущенію лицо недужнаго освѣщалось замѣтнымъ выраженіемъ какого-то лукаваго удовольствія. Онъ видимо радовался изумленію дочери, забывая теперь ослабѣвшею головой все, что предшествовало этому лишь за нѣсколько минутъ назадъ.

— Ну, давайте, давайте! говорилъ онъ веселымъ тономъ;— считай, братъ, Никаноръ, считай, а ты записывай, дочка!

Ранцовъ вынулъ одинъ изъ пакетовъ и вытащилъ изъ него билетъ Опекунскаго Совѣта.

— Три тысячи пятьсотъ рублей, прочелъ онъ, — на имя неизвѣстнаго.

— Пиши, Оля, пиши! приказывалъ Елпидифоръ Павловичъ;—а ты погляди, проценты получены-ли? — на обложкѣ помѣчено.

— По пятнадцатое ноября прошлаго года, прочелъ опять Ранцовъ.

— Такъ! Ну дальше, другой бери!

— Билетъ Опекунскаго Совѣта въ пять тысячъ четыреста рублей... на имя неизвѣстнаго.

— У меня только такіе билеты и есть, да серій тысячъ на пять надо быть...

— Проценты получены по восьмое августа.

— За полгода, значитъ, дополучить надо... Читай дальше, читай!

Ольга Елпидифоровна записывала. Мужъ ея внятно и невозмутимо произносилъ одну за другою крупныя цифры, значившіяся на билетахъ. Акулинъ все шире и шире улыбался: онъ видимо наслаждался всласть „пріятнымъ сюрпризомъ“, который доставлялъ дочери. Она безсознательно отворачивала отъ него глаза; глухое чувство стыда за него и за себя, за жадную радость, разыгрывавшуюся помимо воли ея въ ней по мѣрѣ наростанія тысячъ подъ ея карандашомъ, скребло гдѣ-то въ глубинѣ ея существа...

— Все! сказалъ Ранцовъ, дочтя сумму послѣдняго билета.

— Сложи, Оля, промолвилъ Елпидифоръ Павловичъ.

Она подвела итогъ:

— Сто шестьдесятъ семь тысячъ шестьсотъ рублей... Откуда это у васъ столько денегъ, папа? вырвалось у ней неудержимо.

Онъ засмѣялся вдругъ своимъ давнишнимъ, грузнымъ, давно ей знакомымъ смѣхомъ:

— А все трынка, Оля, все въ трынку набилъ!

— Что это такое? спросила она въ недоумѣніи.

— А игра такая дурацкая есть; купцы научили,—я ихъ и наказалъ вотъ!...

— И такъ много выиграть могли?...

— А я фортель съ ними ужь такой изобрѣлъ, продолжалъ онъ смѣяться, — что ни сядутъ со мной играть бородачи, я ихъ взлуплю!

Въ этомъ смѣхѣ, въ этомъ залихватствѣ словъ откликнулся снова на мигъ балагуръ-любимецъ стараго *графа* *), ухарь-исправникъ прежнихъ дней... Увы, только на мигъ!...

— Шш... проговорила вдругъ Ольга Елпидифоровна.

Изъ глубины покоя доносился слабый визгъ крючка въ петлѣ двери замкнутой Ранцовымъ: чье-то, очевидно, тѣло напирало на эту дверь съ другой ея стороны.

— Насъ подслушиваютъ! громко и рѣзко выговорила она.

Визгъ сразу замолкнулъ.

Выраженіе лица больнаго мгновенно измѣнилось; щеки затряслись, глаза забѣгали, словно у пойманнаго звѣря.

— Забирай скорѣе все, Никанорушка, вези въ банкъ, торопливо зашепталъ онъ, указывая глазами на пакеты съ деньгами.

— Во что бы нибудь сложить въ одно, озабоченно молвилъ Ранцовъ, оглядываясь.

— А тутъ въ шкапу, второй справа ящикъ, портфель есть; вали туда, и съ Богомъ!...

Никаноръ Ильичъ вынулъ портфель, сложилъ туда пакеты.

— Росписку вамъ дать... началъ было онъ.

Тесть поспѣшно замахалъ ему здоровою рукой.

— Что это ты! Отъ себя вези, на свое имя клади, на свое!

— Да для чего же, батюшка! возражалъ тотъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Вѣрнѣе такъ, вѣрнѣе, Никанорушка, дрожащимъ и опустившимся голосомъ проговорилъ Акулинъ,—самого себя боюсь, пойми ты... Отдамъ вѣдь...

---

*) *Четверть вѣка назадъ.*

Онъ не договорилъ, закинулъ голову въ подушку и закрылъ глаза. Возбужденныя временно пріѣздомъ дочери, объясненіемъ съ нею силы отказывались, очевидно, служить ему долѣе; натянутые не въ мѣру нервы распускались, какъ струны ветхаго, не держащаго болѣе строя инструмента.

— Отправляйтесь скорѣе и дѣлайте, какъ вамъ сказано! быстро вымолвила мужу Ольга Елпидифоровна, повелительно указывая ему взглядомъ на дверь въ слѣдующія комнаты.

Онъ вздохнулъ, заперъ портфель, закинулъ его подъ мышку и вышелъ.

— Что̀, папа, устали? обратилась она къ больному.

— Усталъ... заговорился, съ усиліемъ отвѣчалъ онъ, — ко... ко сну... клонитъ...

— Хотите на постель лечь?

— Н-нѣтъ... не люблю... Я такъ... Скажи Анфи...

— Что̀? спросила Ранцова, наклоняясь къ нему.

Но онъ уже спалъ.

Она постояла надъ нимъ, притронулась рукою къ его головѣ. Онъ не открывалъ глазъ; ровнымъ дыханіемъ вздымалась и опускалась грудь подъ мягкимъ мѣховымъ халатомъ; легкая испарина выступила на лбу...

Ольга Елпидифоровна только теперь почувствовала, что сама она не мало утомлена и этимъ разговоромъ, и ночью неудобно проведенною въ вагонѣ, что она послѣ дороги не успѣла еще совершить своего туалета, умыться. Она потихоньку вышла изъ спальни отца. Черезъ комнату отъ этой спальни приготовлена была ей комната, и ея Амалія, Чухонка изъ Ревеля, уставляла уже тамъ на столѣ вещи, вынутыя изъ барынинаго дорожнаго несессера.

Наша красавица готовилась приступить къ тому многосложному процессу омовенія, раздѣванія и новаго одѣванья, что̀ извѣстенъ вполнѣ лишь хорошенькимъ женщинамъ, когда вдругъ вспомнила, сѣла и приказала горничной позвать къ ней слугу отца, „малаго“, котораго звали „Ѳедькой“.

Ѳедька явился немедленно въ своемъ куцомъ фрачкѣ, со своею румяною, глупою и гостинодворскою физіономіей. Онъ ухмылялся самою счастливою улыбкой и глядѣлъ на „пріѣз-

жую дочку хозяина“ во всѣ глаза. Ольга Елпидифоровна не могла не улыбнуться при его видѣ. „Quel Jocrisse!“ сказала она себѣ мысленно, повторяя безсознательно эпитетъ, которымъ одинъ изъ большихъ ея поклонниковъ, старикъ графъ Наташанцевъ, неизмѣнно угощалъ за глаза своихъ болѣе молодыхъ риваловъ.

— Знаешь ты, спросила она,—этого господина въ синихъ очкахъ, который былъ сегодня у батюшки?

— Что̀ вы, значитъ, изволили даже застать у нихъ, когда пріѣхать изволили-съ? выговорилъ Ѳедька съ видимою претензіей на красноречіе.

— Этотъ самый.

— Степанъ Акимычъ, значитъ; Тарашенкинъ по фамиліи, знаю-съ!... Ну-съ? спросилъ онъ въ заключеніе, выставляя правую ногу впередъ и закладывая руки за спину.

Ольга Елпидифоровна такъ и покатилась.

— „Ну-съ“, повторила она,—если этотъ господинъ пріѣдетъ, ты скажешь ему, что батюшка боленъ...

— Они знаютъ-съ, прыснулъ въ свою очередь „малый“.

— Все равно! Скажешь ему, подчеркнула Ранцова,—что батюшка боленъ и не при-ни-маетъ. Понялъ?

— Понялъ-съ. Только они сегодня ни за что̀ ужь не будутъ. Потому имъ далече. Они только разъ въ день ѣздютъ-съ.

— Ты очень глупъ, я вижу! вскрикнула нетерпѣливо она;—говорится это тебѣ не на сегодня только, а навсегда. *Когда бы* этотъ господинъ ни пріѣхалъ, ты ему *всегда*—понялъ?—скажешь то же самое: „боленъ“ и *не принимаютъ*.

Ѳедька на этотъ разъ дѣйствительно *понялъ*. Все его широкое лицо осклабилось вдругъ подъ очевиднымъ впечатлѣніемъ непомѣрнаго удовольствія. Онъ поднялъ къ носу обшлагъ своего рукава и словно чихнулъ туда неудержимымъ смѣхомъ.

— Изволите, значитъ, приказывать, сказалъ онъ,—чтобъ ихъ къ намъ въ комнаты николи не пущать?

— Приказываю. Никогда!

— Слушаю-съ!

Онъ переступилъ съ пятки на пятку:

— А какъ ежели, заговорилъ онъ снова,—какъ ежели Анфиса Дмитревна прикажутъ, чтобъ я ихъ пустилъ?

Ольга Елпидифоровна вспыхнула:

— Да ты знаешь ли кто я?

— Какъ не знать-съ!—И Ѳедька вытянулся вдругъ по военному, приложилъ руку ко швамъ своихъ сѣрыхъ брючекъ:—Елпидифора Павлыча дочка изъ Питербурха, Ольга Елпидифоровна, значитъ.

— Такъ кого же долженъ ты слушать?

— Извѣстно кого-съ.—Онъ ухмыльнулся еще разъ во всю ширину своего дурацкаго лица.—Такъ я имъ такъ и скажу-съ!

— Кому это?

— Анфисѣ Дмитревнѣ.

— Скажи! непремѣнно скажи! И этого господина ни за что̀ не пускай!

— Не пущу, ни за что̀-съ! возгласилъ Ѳедька съ совершенно уже ликующимъ выраженіемъ.

— Хорошо, ступай!

Онъ умильно поглядѣлъ на „распрекрасную барыню“, повернулся и ушелъ.

— Wie dumm der Kerl! проговорила ему вслѣдъ Амалія, отвѣчая смѣхомъ на улыбку своей госпожи.

— Слушайте, Амалія, сказала ей та:—я раздѣнусь и лягу,—я очень устала, а васъ прошу расположиться вотъ въ этой комнатѣ, по сосѣдству съ батюшкой. Онъ спитъ теперь, но васъ я прошу не спать и прислушиваться. Если онъ проснется и позоветъ кого нибудь, вы тотчасъ же разбудите меня. А безъ меня никого къ нему не пускайте, кто бы ни хотѣлъ къ нему войти!

— Nu, gut schon, gut! молвила смышленная и бывалая ревельская субретка, подмигивая барынѣ правымъ, нѣсколько косымъ глазомъ.

— Если бы васъ не хотѣли послушаться, опять-таки сейчасъ разбудите меня... Да приготовьте мнѣ мое бордо фай платье, примолвила Ольга Елпидифоровна,—я, можетъ быть, выѣду вечеромъ.

X.

A nous deux maintenant!
A. Dumas. *Antony.*

Часу въ четвертомъ, подкрѣпленная сномъ, бодрая и довольная собою, петербургская барыня позвала свою горничную и спросила, вернулся-ли Никаноръ Ильичъ (первою мыслью ея, открывъ глаза, было о портфелѣ, который Ранцовъ повезъ съ собою въ банкъ).

— Гдѣ онъ? сказала она на утвердительный отвѣтъ Амаліи.

— Сейчасъ къ вашему папенькѣ прошелъ, молвила та.

— Онъ проснулся?

— Только сейчасъ.

— А вы сидѣли подлѣ, какъ я вамъ сказала?

— Все время.

— Никто не входилъ къ нему?

Амалія осторожно оглянулась и начала шопотомъ своею полурусскою, полунѣмецкою рѣчью передавать барынѣ, что съ часъ тому назадъ вошла къ ней въ гостиную какая-то женщина, eine gewisse Frau „по-простому, wie die Bäuerinen sich kleiden, doch etwas schöner,“ и хотѣла пройти къ больному, но что она, Амалія, не пустила ее и сказала: „нельзя, keinesweges“. Женщина сказала тогда, что къ ней дверь изъ комнаты барина заперта на крючокъ и что ей теперь къ нему „другаго хода нѣтъ“.—А на что̀ вамъ къ нему? спросила Амалія и получила въ отвѣтъ, что она, das Ding, за бариномъ ходитъ и что, можетъ быть, ему кушать теперь

хочется, потому что онъ всегда въ этомъ часу обѣдаетъ. „Я ей тогда сказала, что Herr von Акулинъ спитъ, а когда люди спятъ, они не кушаютъ, и что meine Herrschaft приказали мнѣ никого къ нему не впускать, пока онъ спитъ. И она это не поняла и спросила меня, „wer das“, кто? „И я тогда kurz und klar сказала ей: моя госпожа, madame von Rantzof!...“

— И что̀ же она на это? прервала ее съ любопытствомъ Ольга Елпидифоровна.

— Она посмотрѣла на меня такимъ большимъ глазомъ. Sie kuckte mich so grossaugig an и спросила: „Это меня не приказали пускать?“ Ну, сказала я, и васъ, и всѣхъ!... И она тогда ушла, doch sah ich wohl gleich dass es ihr gar nicht lieb war!...

— Хорошо, молвила Ранцова съ улыбкой; — дайте мнѣ одѣться...

Она отправилась, покончивъ съ туалетомъ, въ спальню отца. Изъ нея торопливо выходилъ ея мужъ.

— Куда вы? спросила она.

— Да вотъ обѣдать проситъ батюшка...

— Скажите Ѳедькѣ!

— Онъ эту... Анфису требуетъ, прошепталъ Ранцовъ ей на ухо.

Она остановила на немъ глаза, какъ бы намѣреваясь сказать ему что-то, но не сказала, пожала только плечомъ и прошла мимо.

Она не успѣла обмѣняться и двумя словами съ отцомъ, какъ со стороны комнаты „экономки“ послышался стукъ въ дверь.

— Это мнѣ несутъ.... Отвори, Оля! проговорилъ, весь встрепенувшись, Елпидифоръ Павловичъ, повертывая голову по тому направленію.

Она, поморщась, пошла къ той двери, скинула крючокъ.

Анфиса Дмитріевна, держа въ обѣихъ рукахъ большой подносъ съ установленнымъ на немъ приборомъ, суповою чашкой и графиномъ, прошла бочкомъ мимо барыни, склонивъ при этомъ медленно голову, какъ бы благодаря за услугу, уставила принесенное на столикъ съ колесками, подкатила

его къ больному и, зайдя за спинку его кресла, проговорила тономъ дружескаго упрека.

— Ишь подушку-то какъ сбили безъ меня!

Онъ улыбнулся радостною улыбкой, закидывая неестественно глаза подъ лобъ, чтобы глянуть на нее снизу, пока она, какъ въ первый разъ, отодвигала его туловище своею сильною рукой и въ тоже время вытаскивала изъ-за его спины и взбивала другою рукой сбившуюся въ комъ подушку.

Ольга Елпидифоровна внимательно и безмолвно глядѣла на нихъ обоихъ. Каждое движеніе Анфисы, ловкое, спокойное, ровное, казалось, говорило ей: „Ты видишь, что я ему необходима и что замѣнить меня при немъ ты не въ состояніи, хоть и родная ты ему дочь...“

Она усадила его наилучшимъ для ѣды образомъ, подвязала ему салфетку подъ отвислый подбородокъ и, наливъ до края супу въ поставленную предъ нимъ тарелку, принялась кормить его съ ложки. Онъ продолжалъ улыбаться радостно-животною улыбкой подъ двойнымъ вліяніемъ насыщаемаго желудка и ея присутствія. О присутствіи тутъ же дочери онъ видимо забылъ.

Та сѣла поодаль и все также молча глядѣла на нихъ.

— Жаркое! жадно проговорилъ Акулинъ, едва доглотнувъ послѣднюю ложку своего бульона, который заѣдалъ онъ большими ломтями бѣлаго хлѣба.

— Сейчасъ, родимый, сейчасъ! успокоивала его „экономка“, спѣшно перемѣняя ему приборъ.—Не извольте, барынька, двери за мной запирать, потому тутъ ближе къ кухнѣ! молвила она вслѣдъ за этимъ, проходя мимо Ранцовой къ своей комнатѣ и взглянувъ ей прямо въ лицо своими прекрасными, голубыми, необыкновенно кротко улыбавшимися глазами.

Выраженіе „барынька“ и эти невозмутимые глаза взорвали Ольгу Елпидифоровну. Она вся зардѣлась, но сдержалась опять и не отвѣчала ни единымъ словомъ, будто не слышала.

Та мигомъ вернулась съ жаркимъ, поставила его предъ больнымъ, принялась разрѣзывать.

Вошелъ Ранцовъ.

„Погоди, голубушка, ты видно еще не знаешь!“ мелькнуло вдругъ въ головѣ его жены. И обернувшись къ нему:

— Были въ банкѣ? спросила она.

— Какже, Олечка, я батюшкѣ докладывалъ, заторопился онъ отвѣтить, глядя на тестя.

Но тотъ, держа въ здоровой рукѣ ножку цыпленка, сосалъ и грызъ ее теперь съ такою алчностью, что ни о чемъ другомъ, очевидно, не былъ въ состояніи думать въ эту минуту.

— Деньги положили? продолжала спрашивать Ольга Елпидифоровна.

— Положилъ.

— Всѣ? подчеркнула она.

— Само собою, мой другъ, нѣсколько оторопѣло проговорилъ Никаноръ Ильичъ,—законный документъ привезъ.

— Гдѣ онъ?

— Въ портфелѣ, въ шкапу; сейчасъ мы вотъ съ батюшкой...

— Покажите мнѣ! прервала она его.

Онъ еще разъ повелъ глазами на тестя, какъ бы вызывая его на утвержденіе такого приказанія, подошелъ къ шкапу, въ которомъ еще торчалъ ключъ, снятый съ шеи Акулина, и, доставъ портфель, вынулъ документъ и подалъ женѣ.

Голубые глаза Анфисы мгновенно блеснули, метнулись на мигъ издали въ бумагу, которую разсчитаннымъ, медленнымъ движеніемъ развертывала въ эту минуту Ольга Елпидифоровна, и такъ же мгновенно опустились, встрѣтившись съ упорно слѣдившимъ за нею взглядомъ петербургской барыни.

— Принято, года, мѣсяца, числа... на храненіе... громко и растягивая начала читать та, перескакивая черезъ цифры,— отъ коллежскаго совѣтника Никанора Ильича Ранцова... билеты Опекунскаго Совѣта подъ нумерами... а всего на сумму сто шестьдесятъ семь тысячъ шестьсотъ рублей... Всѣ! На свое имя положилъ, папа, какъ вы приказывали, возвышая голосъ, будто говоря съ глухимъ, обратилась она къ отцу, указывая кивкомъ на мужа.

— Да, да, промычалъ безучастно больной, продолжая глодать своего цыпленка.

— А я, папа, портфель къ себѣ возьму... вѣрнѣе будетъ! промолвила она, вставая.

Онъ закивалъ головой не то утвердительно, не то безсознательно.

Ольга Елпидифоровна зашагала по направленію своей комнаты. Ранцовъ безотчетно тронулся съ мѣста за нею.

Анфиса съ мертво-блѣднымъ лицомъ, съ судорожно-заморгавшими глазами быстро вдругъ наклонилась къ больному и задыхаясь прошептала:

— Это вы отъ меня, что-ль, отъ меня отдали имъ прятать?

— Что̀, Анфисушка, что̀? перепуганно залепеталъ онъ, глядя на нее, ничего, очевидно, не понимая, кромѣ этого грознаго выраженія на этомъ любимомъ лицѣ.

Она не успѣла отвѣтить. Ольга Елпидифоровна входила опять въ комнату; она вернулась съ полпути, сказавъ себѣ вдругъ почему-то, что „ихъ ни минуты, ни мгновенія не надо оставлять наединѣ“.

— Да, я хотѣла сказать вамъ, папа, заговорила она:—я ваше приказаніе исполнила на счетъ этого... какъ его... Таращенковъ, Трощенковъ... въ синихъ очкахъ, который сидѣлъ у васъ утромъ. Я сказала вашему Ѳедору, чтобъ его никогда болѣе къ вамъ не пускать.

Она скользнула взглядомъ по „экономкѣ“ и безсердечно улыбнулась: она замѣтила, какъ у той задрожали нервнымъ ознобомъ руки, прибиравшія тарелки. Ударъ былъ окончательно нанесенъ,—она „сломила эту женщину!“

— Что̀ это ты говоришь, Олечка? забормоталъ между тѣмъ больной,—я ничего... Ослабѣлъ очень я...—Голосъ его зазвучалъ опять жалкими, слезливыми нотами:—утромъ еще ничего, бодрѣе... а вотъ какъ... Куда это ты, Анфисушка? перебилъ онъ себя съ мучительнымъ выраженіемъ въ чертахъ, увидавъ, что она уходитъ.

— За компотомъ вамъ, отвѣчала она обрывисто и исчезла за своею дверью.

Онъ уронилъ голову на грудь и нежданно заплакалъ.

Громкій вздохъ, какъ бы въ откликъ этимъ слезамъ, вырвался изъ угла, въ которомъ по обыкновенію помѣстился Ни-

каноръ Ильичъ Ранцовъ. Жена его повела въ ту сторону своими карими глазами и приподняла плечи.

Такъ прошло нѣсколько времени.

— А что же сладкое батюшкѣ? вспомнила Ольга Елпидифоровна;—спросите! обернулась она къ мужу.

Онъ было всталъ, когда изъ двери, ведшей въ гостиную, выступилъ Ѳедька съ миской компота, покрытою стеклянным колпакомъ.

— Приказали подать, проговорилъ онъ, ставя ее на столъ предъ Акулинымъ, широко улыбаясь и словно вопросительно глядя на „распрекрасную барыню“.

— Кто приказалъ? быстро спросила она.

— Анфиса Дмитревна.

— А сама она гдѣ?

— Вышли-съ. Угорѣли оченно, говорятъ, отвѣчалъ „малый“ шопотомъ и лукаво подмигивая ей.

— Ступай вонъ, хорошо! гнѣвно вымолвила она на это.— Хотите сладкаго, папа, я васъ накормлю? молвила Ольга Елпидифоровна, подходя къ отцу.

— Ан... фи... сушка! протянулъ плаксиво онъ, не подымая головы.

— Она на минуту вышла, придетъ... Хотите кушать, я могу за нее, папа...

— Я... спать... хочу... Анфис... залепеталъ несвязно недужный, валясь головой въ подушку.

Ранцовъ торопливо вскочилъ со своего мѣста и подбѣжалъ къ его креслу.

— Не хуже-ли ему, Олечка, Боже сохрани! тревожно проговорилъ онъ ей на ухо.

Она наклонилась:

— Нѣтъ, дышетъ ровно, лицо не красно... Уснулъ опять... Пойдемте!...

— Не послать-ли за докторомъ? спросилъ онъ ее уже въ гостиной.

Она остановилась у окна и забарабанила ногтями по стеклу, глядя на дворъ:

— Отчего же, пошлите... если только застанутъ...

Никаноръ Ильичъ двинулся—и остановился:

— Олечка! не совсѣмъ твердымъ голосомъ началъ онъ.

— Что̀? спросила она, не перемѣняя положенія.

— Ты ужь очень строга, Олечка!...

— А вы не понимаете ничего! отрѣзала она, всѣмъ тѣломъ на этотъ разъ обернувшись къ нему:—это *она* его до этого довела; въ его лѣта, съ его корпуленціей, и *такая* женщина!...

Ранцовъ открылъ большіе глаза, поникъ головой и отправился въ переднюю искать Ѳедьку. Онъ послалъ его за докторомъ въ каретѣ, которую нанялъ съ утра для жены.

Докторъ жилъ не далеко, былъ дома и тотчасъ же пріѣхалъ. Онъ былъ еще не старый человѣкъ и любопытствовалъ увидать скорѣе красавицу-дочь своего кліента, о которой тотъ постоянно говорилъ ему. Она произвела на него весьма чарующее впечатлѣніе, и онъ, что̀ называется, тотчасъ же *загогозилъ*, чтобы въ свою очередь вызвать въ ней мнѣніе о себѣ, какъ о человѣкѣ воспитанномъ и даже свѣтскомъ; ввернулъ въ разговоръ нѣсколько французскихъ, правильно произнесенныхъ фразъ, два, три очень ученыхъ медицинскихъ термина и при этомъ улыбался самымъ пріятнымъ образомъ, глядя на нее сквозь щегольски оправленные золотые очки. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ нею въ спальню, довольно долго стоялъ надъ спавшимъ больнымъ, осторожно притрогиваясь къ его головѣ, щупая пульсъ и слѣдя по часамъ за скоростью его дыханія. Продѣлавъ съ подлежащею серьезностью лица всю эту свою процедуру, онъ поднялъ глаза на красивую барыню и повелъ раза два головой въ видѣ ободренія ея, а затѣмъ, вернувшись за нею въ гостиную, объявилъ, что „онъ не видитъ никакого измѣненія противъ вчерашняго, что замѣчается даже нѣкоторое какъ бы стремленіе къ улучшенію въ общемъ состояніи организма и что если не представится какихъ-нибудь новыхъ усложненій...

— Послушайте, перебила его поспѣшно Ольга Елпидифоровна,—un médecin est un confesseur, говорятъ; я поэтому буду говорить съ вами совершенно откровенно. Вы лѣчите мое-

го отца съ начала его болѣзни и потому, вѣрно, замѣтили, что при немъ тутъ женщина...

— *Анфисушка?* протянулъ онъ тонко и насмѣшливо.

— Да. Вы, конечно, поняли, какую... роль она играетъ у него?

Докторъ улыбнулся одними углами губъ и поправилъ молча свои золотые очки.

Ранцова продолжала:

— Онъ къ ней, видимо, чувствуетъ одну изъ тѣхъ старческихъ страстей, которыя всегда, вы лучше меня должны это знать, имѣютъ самыя дурныя послѣдствія... Я думаю, что и самый ударъ у него просто... отъ этого былъ... Вы какъ находите?

Докторъ слегка покачался на своемъ стулѣ:

— Пораженія такого рода, уклончиво отвѣчалъ онъ,— могутъ несомнѣнно, въ числѣ множества другихъ, происходить и отъ такой причины... Въ настоящемъ же случаѣ, въ виду общаго, такъ сказать, апоплексическаго предрасположенія субъекта, я не почиталъ нужнымъ констатировать, произошло ли это именно отъ такого повода, тѣмъ болѣе...

— Тѣмъ болѣе, прервала еще разъ его собесѣдница,— что *она* всегда тутъ, и что вы не могли при ней говорить съ больнымъ, какъ слѣдуетъ?..

— Конечно... и это... проговорилъ онъ нѣсколько разсѣянно, глядя на нее и любуясь подвижностью и оживленіемъ ея красивыхъ чертъ.

— И, кромѣ того, я, — да и не я одна, — онъ самъ, мы имѣемъ причины весьма сомнѣваться въ ея... безкорыстіи, молвила вполголоса, наклоняясь къ нему Ольга Елпидифоровна;— понимаете?

Докторъ закачалъ головой и процѣдилъ:

— Ска-ажите!..

— Такъ я поэтому и хотѣла васъ спросить: думаете-ли вы, что было бы полезно удалить эту женщину отъ больнаго... И чѣмъ скорѣе, по-моему, тѣмъ лучше...

— Онъ такъ привязанъ къ ней, Оля, привыкъ... загово-

рилъ вдругъ Никаноръ Ильичъ, бывшій тутъ въ комнатѣ и все время молчавшій.

— Я спрашиваю *доктора!* рѣзко отвѣтила она на это, поведя на него разгнѣваннымъ взглядомъ.

Врачъ, въ свою очередь, повелъ глазами на нее, на Ранцова и тотчасъ же сообразилъ, что она мужу господинъ и владыка, и что услужить такой хорошенькой и энергичной женщинѣ столько же лестно было бы для него, сколько и разсчетливо. Но чувство совѣстливости взяло верхъ надъ соблазномъ такой мысли:

— Конечно, сказалъ онъ,—pour vous, madame, какъ дочери, очень непріятно, je comprends... И спустя нѣкоторое время, когда мы... надѣюсь, поставимъ вашего батюшку совершенно на ноги... удаленіе этой... особы, дѣйствительно, можетъ быть полезно (онъ все время покачивался на стулѣ какъ бы въ тактъ словъ своихъ, держа сложенныя ладонями руки межъ прожатыхъ колѣнъ). Но въ настоящую пору, когда... когда болѣзненный процессъ, такъ сказать, еще не разрѣшенъ окончательно, такого рода, скажемъ, переворотъ въ привычкахъ, въ обычномъ ходѣ жизни больнаго... былъ бы не совсѣмъ удобенъ. Надо избѣгать всякаго повода къ новому, скажемъ, потрясенію организма... Въ этихъ разстройствахъ...

Ольга Елпидифоровна встала:

— Что̀ же, проговорила она, не давая ему кончить своей, надоѣдавшей ей рѣчи, — нельзя, такъ нельзя! Оставимъ ее пока!.. Во всякомъ случаѣ, очень вамъ благодарна, докторъ, за откровенное мнѣніе...

Она улыбнулась ему кисло-любезною улыбкой, кивнула и ушла въ свою комнату.

Сконфуженный практикантъ вскочилъ со стула и взялся за шляпу.

— Не пропишете-ли вы что нибудь больному, докторъ? спросилъ, подбѣгая къ нему, Ранцовъ.

— Нѣтъ, что̀ же-съ, я не нахожу перемѣны... Продолжайте капли... Честь имѣю кланяться!..

И онъ торопливо, съ недовольнымъ, нѣсколько покраснѣвшимъ даже лицомъ, вышелъ изъ комнаты.

Никаноръ Ильичъ провелъ его до лѣстницы, громко вздохнулъ тамъ раза два и отправился къ женѣ спросить, желаетъ-ли она обѣдать теперь, или позднѣе.

Она отвѣчала досадливымъ тономъ,—точно онъ въ этомъ былъ виноватъ,—что она, кромѣ чашки чаю, выпитаго въ вагонѣ и кусочка шоколата, „ничего не имѣла во рту съ утра и *конечно* ѣсть хочетъ“.

Онъ побѣжалъ распорядиться.

Въ столовой Ольга Елпидифоровна была пріятно изумлена видомъ старинныхъ, превосходной рѣзьбы панелей изъ чернаго дуба, обрамлявшихъ до высоты почти человѣческаго роста всѣ четыре стѣны довольно пространной квадратной комнаты. Она видѣла такія панели у графини Бобрищевой въ Петербургѣ и вспомнила тутъ же, какъ графъ Наташанцевъ говорилъ ей про нихъ „que cela a une grande valeur artistique“. „Какъ же онъ будетъ удивленъ, когда увидитъ такую же valeur у меня въ столовой!“ мгновенно пронеслось у нея въ головѣ вмѣстѣ съ мыслью: „удивительный человѣкъ этотъ папа, откуда это онъ все добыть умѣлъ?.. Неужели въ самомъ дѣлѣ *всему этому* научила его эта „Анфисушка?..“

И вслѣдъ за этимъ, съ обычною ей быстрою измѣнчивостью впечатлѣній, она тутъ же подумала, что теперь эта женщина... у которой въ самомъ дѣлѣ такіе прекрасные „сиреневые“ глаза и которая, конечно, весьма естественно думаетъ о своемъ будущемъ... нисколько ей не опасна, что всѣ деньги теперь въ банкѣ, а банковый билетъ запертъ у нея, Ольги Елпидифоровны, въ шкатулкѣ, а насчетъ расхищенія отцовскихъ вещей она съумѣетъ заранѣе принять надлежащія мѣры... „Я напрасно говорила о *ней* съ этимъ докторомъ,—къ чему? au fond, въ случаѣ, если-бы папа... не выздоровѣлъ, надо будетъ устроить cette pauvre femme qui a été à lui и такъ хорошо за нимъ ходила“, явилось даже нежданно вѣнцомъ помышленій нашей барыни.

Она ужасно развеселилась вдругъ, сознавая себя такою въ одно и то же время и умною, и великодушною, и принялась кушать съ большимъ аппетитомъ. Обѣдъ былъ очень вкусенъ и не тяжелъ, что̀ еще болѣе расположило ее къ душев-

ному благодушію. Мужъ сидѣлъ понурясь за столомъ противъ нея; онъ показался ей вдругъ такимъ достойнымъ сожалѣнія и сочувствія. „Я ужасно гадкая была съ нимъ сегодня, надо поправить“, рѣшила она и стала „поправлять“.

— Никсъ? громко вдругъ произнесла она, употребляя уменьшительное, придуманное ею въ первые дни замужства, („Никаноръ такое мужицкое имя“, разсудила она тогда,) и звукъ котораго былъ теперь также рѣдокъ въ ея устахъ, какъ свѣтъ солнца въ туманномъ Лондонѣ, какъ дождь въ песчаныхъ пустыняхъ Сахары..

Ранцовъ даже вздрогнулъ отъ внезапной радости и поднялъ засіявшіе глаза на жену.

— Никсъ, повторила она улыбаясь, — а что моя *Примадонна?*

— Здравствуетъ, Оля, здравствуетъ; я ей каждый день проводку дѣлалъ и сахаромъ баловалъ въ твое воспоминаніе.

Она поблагодарила его кивкомъ и повела рѣчь о Рай-Никольскомъ, самомъ любезномъ для него предметѣ разговора. Онъ тотчасъ же пустился въ подробнѣйшій разсказъ о томъ, что̀ онъ тамъ дѣлалъ и думалъ дѣлать для увеличенія какъ дохода „экономіи“, такъ и крестьянскихъ заработковъ. Она слушала его, одобрительно поводя головой и улыбаясь мягкою, ласковою улыбкой, которая привела Ранцова въ самое блаженное состояніе. Но это продолжалось недолго. Онъ сталъ глядѣть на нее такими влюбленными глазами, что ей сдѣлалось вдругъ „гадко“ (увы, страстные порывы бѣднаго Никанора Ильича неизмѣнно производили такое впечатлѣніе на его красивую супругу!). Она нахмурилась и, такъ какъ обѣдъ приходилъ къ концу, встала изъ-за стола и, пройдя въ гостиную, объявила ему, что она „хотѣла бы поговорить съ этою женщиной, Анфисой“...

— На что̀ она тебѣ теперь? съ внезапнымъ страхомъ спросилъ онъ ее;—не трогать бы ее ужь, Оля...

— А кто же вамъ сказалъ, живо возразила она,—что я ее хочу „трогать?“ Я не обидчица всеобщая, кажется... Пожалуйста, позовите мнѣ ее!

Ранцовъ поспѣшилъ повиноваться. Онъ ушелъ и долго не

возвращался. Нетерпѣніе начинало разбирать Ольгу Елпидифоровну...

— Ну, что же? воскликнула она, когда онъ показался наконецъ въ дверяхъ гостиной.

— Да никакъ дозваться ее нельзя, отвѣчалъ онъ:—и изъ буфета къ ней дверь заперта, и съ чернаго хода тоже; ворочалъ ужь я, ворочалъ замкомъ и тутъ и тамъ,—ни отклика даже...

— Дома нѣтъ вѣрно?.. Ѳедька говорилъ тогда, будто она угорѣла и вышла...

— И вернулась, возразилъ онъ, — онъ же сказалъ мнѣ сейчасъ: прошла до кухни и назадъ... Развѣ вотъ чрезъ ту дверь попробовать, изъ батюшкиной спальни...

Онъ отправился туда на цыпочкахъ... Но и эта дверь оказалась запертою изнутри.

— Разгнѣваться изволили! уронила, надувъ губы, красивая барыня.

— А я такъ думаю, Олечка, что заснула крѣпко, не слышитъ... Замаялась, вѣдь и день и ночь на ногахъ...

— А батюшка все спитъ? спросила она, помолчавъ.

— Спитъ.

Она встала и прошла въ свою комнату. Онъ нетвердыми шагами пошелъ за нею.

Ольга Елпидифоровна взяла со стола привезенный ею изъ Петербурга романъ и присѣла съ нимъ къ окну, но тутъ же бросила его на подоконникъ:

— Темно. Пора бы, кажется, и огня подать!

Никаноръ Ильичъ поспѣшно добылъ изъ кармана спичечницу и зажегъ двѣ стоявшія на столѣ свѣчи.

— А лампы развѣ нѣтъ въ домѣ?

— Сейчасъ, Олечка, сейчасъ принесутъ!

Онъ вышелъ и вернулся съ Ѳедькой, который несъ тяжелый карсель обѣими руками. Онъ поставилъ его осторожно на столъ, уставился на „распрекрасную барыню“ и донесъ:

— Анфиса Дмитревна дома-съ.

— Поздравляю тебя! коротко засмѣялась она.

— Сейчасъ въ буфетъ приходили за спичками... Я имъ докладывалъ: васъ, молъ, Анфиса Дмитревна, самъ мужъ барынинъ искали, потому онѣ васъ къ себѣ требуютъ, — Ольга Елпидифоровна то-ись.

— Ну?

Онъ въ свою очередь теперь хихикнулъ въ рукавъ.

— А онѣ ничего не сказали-съ; вернулись къ себѣ въ комнату и заперлись опять на ключъ.

Она вся вспыхнула:

— Хорошо, ступай! отрѣзала она и большими, гнѣвными глазами уставилась на мужа.

Онъ опустилъ свои въ землю.

Ольга Елпидифоровна схватила книжку своего романа за отвернутый уголъ, притянула ее къ себѣ, разложила и, упершись о столъ обоими локтями, погрузилась въ чтеніе.

Такъ прошелъ часъ или два. Она читала. Ранцовъ курилъ въ неосвѣщенной гостиной, усѣвшись такъ, что могъ оттуда видѣть жену въ отворенную къ ней дверь, и тихонько вздыхая отъ времени до времени. Глубокая тишина воцарилась въ домѣ; лишь кое-гдѣ въ углу стѣны шелестили срывавшіяся песчинки мусора подъ обоями, или половица еще свѣжихъ паркетовъ издавала глухой трескъ. Когда нѣсколько утомленная пестротой печатныхъ строкъ, молодая женщина отводила на половину глаза свои отъ книги, предъ нею вдали чрезъ комнату мерцали досадливыми ободками свѣта двѣ свѣчи подъ зелеными абажурами, зажженныя, по заведенному обычаю, Ѳедькой на столѣ у одного изъ оконъ спальни больного. Этотъ убогій свѣтъ, въ продольной линіи котораго слабо вырисовывались изъ общей теми очеркъ уха и коричневатый рукавъ одиноко и безмолвно сидѣвшаго подъ угломъ ея зрѣнія мужа, раздражалъ ее, и она снова поспѣшно устремляла зрачки въ лежавшій предъ нею *Affaire Clémenceau* Дюма-сына. Романъ былъ увлекателенъ, но она чувствовала невозможность отдаться, какъ бы хотѣла, его обаянію; сквозь интересъ уносившаго ее разсказа неустанно выпирало щемящее чувство этого глухаго молчанія, этого скорбнаго освѣщенія, этого бѣднаго влюбленнаго мужа, робко вздыхающаго

по ней „гдѣ-то тамъ у окна“, — сознаніе всей этой тоски, всей этой скуки...

— Никаноръ Ильичъ, проговорила она вдругъ громко, откидываясь затылкомъ въ спинку своего кресла, — который часъ?

Онъ быстро вышелъ къ ней изъ своего мрака, вынулъ часы:

— Семь безъ четверти, Оля.

— А папа все спитъ?

— Спитъ... не слыхать...

— И долго онъ такъ, какъ вы думаете?

— Къ чаю, надо-быть, Оля, проснется... Всегда говорятъ, къ этому времени, часу въ десятомъ... Ночью часто сна нѣтъ у него, а днемъ и до вечера всегда, говорятъ, какъ вотъ сегодня...

— Вы не отпускали карету? спросила она, помолчавъ.

— На дворѣ она; я на весь день взялъ.

Она помолчала опять.

— Я обѣщала непремѣнно этой madame Loukoianof пріѣхать къ ней вечеромъ... Вы не разсердитесь? примолвила красавица, взглянувъ нежданно на мужа чуть не нѣжнымъ взглядомъ.

— Помилуй, другъ мой, залепеталъ онъ, схватывая ея руку и страстно прижимаясь къ ней своими щетинистыми усами, — что̀-жь тебѣ одной скучать! Поѣзжай, голубка моя, а я ужь тутъ распоряжусь насчетъ всего...

— Да, да, пожалуйста!... И вотъ что̀: устройте, чтобы все по-прежнему, какъ привыкъ папа, чтобы эта... Анфиса подала ему чай и оставалась при немъ, сколько нужно... Вѣдь вы тутъ же будете?

— Конечно тутъ, Оля, куда же мнѣ! Не безпокойся, я ужь постараюсь, чтобы все какъ слѣдуетъ...

— Ну и прекрасно!... Пошлите мнѣ Амалію одѣваться!

Черезъ часъ наша петербургская дама въ demi-toilette моднаго тогда цвѣта Bordeaux, съ кружевною наколкой на гладко причесанныхъ волосахъ и съ темнымъ вѣеромъ въ обтянутой сѣрою перчаткой рукѣ, прошла изъ своей комнаты

въ спальню отца, поглядѣла на него, какъ бы для убѣжденія себя, что онъ дѣйствительно спитъ и слѣдовательно не нуждается въ ней, и затѣмъ направилась въ переднюю. Ранцовъ поспѣшилъ за нею:

— Съ тобою, Олечка, мой Сергѣй поѣдетъ, я его привезъ съ собой изъ Никольскаго.

— Безъ ливреи! вскликнула она:—такъ я его и возьму!... И, закутавшись въ шубу, вышла на крыльцо.

— Домъ Лукояновыхъ на Арбатѣ, знаешь? спросила она у возницы подкатившей кареты.

— Какъ не знать-съ? самодовольно произнесъ онъ со своихъ козелъ;—намъ по Москвѣ всѣ дома господскіе извѣстны.

— Ну, такъ и вези туда! Adieu, Никсъ! послала она въ видѣ конфетки на прощанье подсаживавшему ее мужу, — и уѣхала.

Ранцовъ вернулся въ домъ. Акулинъ все еще не просыпался. Никаноръ Ильичъ вынесъ изъ своей комнаты (кабинета Елпидифора Павловича) привезенныя имъ изъ деревни счетовыя книги, разложилъ ихъ въ гостиной на столѣ, перенесъ туда свѣчи изъ комнаты жены и принялся провѣрять итоги по винокуренному заводу, внимательно прислушиваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ малѣйшему шороху, чудившемуся ему въ покоѣ недужнаго.

Много времени прошло такимъ образомъ... Но вотъ изъ спальной донесся до него звукъ продолжительнаго зѣвка и вслѣдъ затѣмъ звонъ колокольчика.

Онъ вскочилъ и устремился туда.

— Что̀, батюшка, проснулись? спрашивалъ онъ, подбѣгая къ больному;—что̀, какъ вамъ?

Елпидифоръ Павловичъ сидѣлъ выправившись въ своемъ креслѣ и глядѣлъ на него бодрымъ взглядомъ:

— Ничего, выспался... Поздно?

— Десятый въ началѣ.

— Во̀ какъ хватилъ! засмѣялся онъ слегка; — чай пить пора!...

— Я сейчасъ прикажу.

— Ты скажи Анфисѣ: у нея всегда во̀-время готово...

Никаноръ Ильичъ зашагалъ къ двери „экономки“... Она по-прежнему была заперта замкомъ изнутри.

— Анфиса Дмитріевна, проговорилъ онъ, наклоняясь къ щелкѣ, сквозь которую пробивалась струйка свѣта,— Анфиса Дмитріевна, батюшка чаю проситъ!...

— Сейчасъ! послышался чрезъ нѣсколько секундъ неторопливый отвѣтъ ея.

— Что̀ она говоритъ, что̀? заволновался въ своемъ креслѣ Акулинъ.

— Сейчасъ, говоритъ, подадутъ, отвѣтилъ Ранцовъ.

— Скажи, чтобы сама шла сейчасъ, чтобы сама! нетерпѣливо закомандовалъ больной.

Тотъ наклонился опять къ замочной скважинѣ:

— Батюшка проситъ васъ, Анфиса Дмитріевна, самихъ притти сюда.

— Хорошо, приду, отвѣчала она все такъ же неспѣшно.

Но дверь по-прежнему не отворялась, а изъ дверей гостиной выступилъ Ѳедька, держа въ одной рукѣ подносъ съ двумя налитыми стаканами и корзинкой въ другой, съ лежащими въ ней сайкой и грудой сушекъ. Все это онъ опустилъ на столикъ подлѣ кресла барина и, отступивъ отъ него затѣмъ на нѣсколько шаговъ, сталъ въ выжидательную позу, заложивъ руки за спину.

Больной вдругъ страшно закипятился:

— Что̀ это такое, что это за чай! Развѣ я та̀къ пью! Гдѣ кипятокъ, гдѣ чайница?... И зачѣмъ *ты*... зачѣмъ *ты*!...

— Не могу знать-съ, приказали мнѣ подать, возразилъ ухмыляясь „малый“.

— Кто приказалъ? кто приказалъ? болванъ ты этакой...

— Извѣстно кто-съ: Анфиса Дмитревна приказывали.

Елпидифоръ Павловичъ конвульсивно заметался въ подушкахъ:

— Не смѣй, не смѣй!... Вонъ, мурло дурацкое, вонъ, мерзавецъ, и чтобы не смѣлъ ты никогда входить ко мнѣ!... Анфиса, Анфиса! кричалъ онъ, уже не помня себя.

Ѳедька испуганно скрылся... Въ то же время щелкнулъ

замокъ въ двери Анфисиной комнаты, и сама она появилась на ея порогѣ.

— Что̀ это вы крикомъ-то кричите, Елпидифоръ Павлычъ? проговорила она своею пѣвучею московскою интонаціей, — только себѣ вредите.

Онъ разомъ смирился, завидѣвъ ее; щеки его запрыгали отъ волненія, глаза заискрились радостнымъ блескомъ.

— Ты не сердись, Анфисушка, залепеталъ онъ, — сама видишь, безъ тебя и порядку никакого нѣтъ...

Она не отвѣчая поглядѣла на него съ мѣста и медленно закачала головой.

— Да что̀ ты тамъ стоишь! Подойди ты сюда, скажи слово!

Она двинулась и остановилась у стѣны, насупротивъ него, все такъ же не разжимая рта.

— Не видать мнѣ тебя отсюда, темно, заволновался снова недужный.—Никаноръ Ильичъ, родной, подай сюда свѣчи!

Ранцовъ пошелъ за ними къ окну и поставилъ ихъ на столъ, на которомъ стылъ поданный Ѳедькой чай.

Елпидифоръ Павловичъ поднялъ здоровую руку и лихорадочнымъ движеніемъ сбросилъ съ нихъ зеленые колпачки. Въ разбѣжавшемся свѣтѣ вырисовалась на темномъ фонѣ обоевъ стройная фигура „экономки“, со строгимъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ.

— Что̀ ты молчишь все, Анфисушка? тоскливо заныл онъ, тяжело приподнимаясь на своемъ креслѣ и подаваясь тѣломъ впередъ, чтобы лучше разсмотрѣть ее,—сердишься ты что-ли? За что̀? Говори, не томи ты меня, Христа ради!

Она еще разъ закачала головой и громко вздохнула:

— Было времячко, да прошло; пѣли пташечки, да слетѣли. Не Анфисушка я вамъ, Елпидифоръ Павлычъ, ни что̀... Была хороша, а теперь не нужна стала, Богъ съ вами!

— Да что̀ это ты говоришь, что̀! со страшнымъ перепугомъ воскликнулъ онъ.

— Что̀ говорю? безстрастно отвѣчала она,—извѣстно что̀... Прощайте, счастливо вамъ оставаться!

— Да ты... съ ума... сошла... ты...

Языкъ его путался.

— Успокойтесь, ради Бога, батюшка! тревожно заговорилъ Ранцовъ, быстро наклоняясь къ нему и обнимая его за спину,—я право не знаю, что̀ это вздумалось Анфисѣ Дмитріевнѣ...

— И ничего мнѣ не „вздумалось", баринъ, это вы напрасно, проговорила она на это съ холодною усмѣшкой,— а только что безъ меня *вѣрнѣе*, говорятъ, будетъ, и сами вы себѣ спокой найдете, и всѣ...

Ранцовъ покраснѣлъ до самыхъ волосъ:

— Если вы насчетъ того, что жена моя могла сказать, заторопился онъ возразить, — такъ вы не такъ, повѣрьте слову, поняли, Анфиса Дмитріевна... Потому она и сейчасъ вотъ, какъ уѣзжала, говорила мнѣ, чтобы непремѣнно попросить васъ къ батюшкѣ, по-прежнему чтобъ... Она очень хорошо понимаетъ, что онъ привыкъ къ вамъ... и вы, такъ это хорошо все... Она понимаетъ, повѣрьте, а что если она иной разъ скажетъ по живости своего характера, такъ вы не обижайтесь на нее, очень прошу васъ, потому она, повѣрьте, самая прекрасная по душѣ женщина.

Она дала ему договорить, пристально и съ какою-то презрительною жалостью глядя на него.

— Вамъ лучше знать про нихъ, баринъ, промолвила она нараспѣвъ,—не даромъ, знать, мужемъ ея прозываетесь. А мнѣ что-жь на нихъ обижаться! Коли-бъ еще ровня! А то вѣдь не по одной дорожкѣ бѣжимъ, не изъ одной миски хлебаемъ. Какъ знаютъ, такъ пусть и политику свою ведутъ... А я тоже свою честь понимать должна...

Она отдѣлилась отъ стѣны и поклонилась больному глубокимъ поклономъ:

— Простите, Елпидифоръ Павлычъ, если въ чемъ согрѣшила вамъ!... А впрочемъ четыре годика прожили вмѣстѣ, не жаловались ни разу... Счастливо вамъ оставаться! Кому прикажете хозяйство завтра сдать?

Онъ слушалъ ее оторопѣло, съ широко, судорожно раскрытыми глазами, не разумѣя видимо ничего изъ выслушаннаго имъ разговора, кромѣ того, что она покидаетъ его, уходитъ...

— Да ты что̀, обезумѣла! забормоталъ онъ опять, дрожа всѣмъ тѣломъ и судорожно кривя побѣлѣвшія губы:—я... я не хочу... Я не пущу тебя!... Не смѣй!...

Она надменно глянула на него:

— Я вамъ не крѣпостная, Елпидифоръ Павлычъ! Вольная я птица, вдова купецкая, куда хочу, туда и иду.

— А! взвизгнулъ онъ вдругъ отчаяннымъ кликомъ, какъ бы внезапно вспомнивъ:—ты къ Степкѣ къ этому, къ подлецу Троженкову!...

— А и опять моя на то воля, къ нему иль не къ нему! слегка поблѣднѣвъ, отвѣтила она на это и направилась къ своей двери.

— Анфиса!...

Она и ухомъ не повела на этотъ стонъ, на этотъ хрипъ...

— Анфи...

То былъ какой-то уже не человѣческій голосъ, она вздрогнула и обернулась.

Голова Елпидифора Павловича валилась безжизненнымъ мѣшкомъ черезъ ручку кресла, внизъ, на руки едва успѣвшаго подставить ихъ, пораженнаго ужасомъ зятя...

XI.

> Une fois que la chimère est née, ils la recueillent chez eux comme un passetemps de salon; ils jouent avec le monstre encore petit; ils n'imaginent pas qu'il puisse jamais devenir une bête enragée et formidable.
>
> Taine. *Ancien régime.*

Марья Яковлевна Лукоянова принимала по пятницамъ въ своей большой, полукруглой гостиной, украшенной тѣми двумя неизбѣжными колоннами, оштукатуренными подъ мраморъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не могла обойтись ни одна гостиная въ московскихъ городскихъ домахъ, построенныхъ послѣ пожара Двѣнадцатаго Года. По случаю возвращенія своего изъ Петербурга (о чемъ заранѣе извѣстно было ея знакомымъ,) и названныхъ ею въ гости вагонныхъ своихъ спутниковъ, она отдала приказаніе, помимо двухъ стоячихъ лампъ, освѣщавшихъ въ эти дни комнату, зажечь еще пару изъ дюжины старинныхъ, полинялаго зеленаго цвѣта съ золотомъ *кенкетовъ*, висѣвшихъ, очевидно, кругомъ ея стѣнъ болѣе въ видахъ украшенія, чѣмъ практической пользы. *Кенкеты* чадили немилосердно, и хозяйка уже два раза высылала съ ними красноносаго Архипа „промыть ихъ, вычистить и новыми фитилями заправить“, на что̀ онъ злобно возражалъ ей, унося ихъ, что „онѣ съ самаго царя Гороха *не воздержны*, потому въ нихъ жесть давно прогнила насквозь, а не то чтобъ фитиль али мыть...“ Сама она, сидя на диванѣ, массивная, *простоволосая* (чепцовъ на себѣ она дома не терпѣла,), съ огромнымъ, твердымъ, похожимъ на кирасу корсе-

томъ, подымавшимся чуть не до горла и заканчивавшимся чуть не у колѣнъ ея, играла въ шашки со стоявшимъ противъ нея на табуретѣ по другой сторонѣ небольшаго столика карликомъ Памфиломъ Иванычемъ, причемъ щелкала его легонько по крохотному носу, когда онъ проигрывалъ (выигрышъ свой, опредѣленный въ двѣ копѣйки асссигнаціями за партію, Памфилъ Иванычъ каждый разъ аккуратно вписывалъ своими дѣтскими ручками въ книжечку съ карандашикомъ, который вынималъ съ лукавою улыбочкой изъ боковаго кармашка своего чистенькаго сюртючка). За нею въ глубинѣ, образуемой впадиной окна въ толстой стѣнѣ, сидѣла приживалка, горбоносая старая дѣва, грузинскаго происхожденія, Катерина Борисовна Амилахвари, полусѣдая, съ огромными коровьими глазами, въ темной юпкѣ и большомъ шерстяномъ платкѣ, повязанномъ накрестъ по широкой, отвислой груди, и вязала чулокъ. Предъ нею стоялъ старинный нашъ знакомый Шйгаревъ *), все также продолжавшій разыгрывать шута въ московскомъ обществѣ, и занимался дразненіемъ ея. Дразненіе состояло въ томъ, что онъ заводилъ съ нею рѣчь о первомъ попавшемся предметѣ, но непремѣнно въ вопросительной формѣ и, что̀ бы ни отвѣтила она, онъ вытягивалъ длинное лицо и произносилъ тоѣомъ чрезмѣрнѣйшаго удивленія:

„Браво, брависсссимо
Катерина Борисссссовна!“

На что̀ она въ свою очередь неизмѣнно фыркала въ отместку: „а ты—рыжій песъ!“ хотя Шйгаревъ никогда рыжимъ не былъ, а въ настоящую пору былъ даже лысъ, какъ тыква, и походилъ всегда гораздо болѣе на пигалицу, чѣмъ на благородное животное, именуемое псомъ.

Александра Павловна на противоположномъ концѣ залы сидѣла за круглымъ столомъ съ Ашанинымъ и разсѣянно улыбалась какому-то его разсказу.

Онъ, въ нетерпѣливомъ чаяніи новой встрѣчи съ Ольгой Елпидифоровной Ранцовой, пріѣхалъ спозаранку къ Лукоя-

*) *Четверть вѣка назадъ.*

новымъ и засталъ обѣдавшихъ у нихъ Шигарева и племянника покойнаго мужа Вѣры Яковлевны, Иринарха Овцына, молодаго человѣка, съ которымъ мы не замедлимъ познакомить читателя.

Почти по самой срединѣ комнаты, между двухъ ея колоннъ, стояли длинные пяльцы, на половину прикрытые простыней. По открытой части натянутой канвы быстро двигались, вышивая какой-то пестрый коверъ, длинные пальцы сидѣвшей за этою работой молодой дѣвушки. Она была почти полголовой выше Александры Павловны, нѣсколько еще худа и нескладна, хотя ей уже минуло девятнадцать лѣтъ, и широкій складъ ея плечъ говорилъ о несомнѣнномъ пышномъ развитіи ея организма въ весьма недалекомъ будущемъ. Русые волосы, съ тѣмъ особымъ каштановымъ оттѣнкомъ, который Англичане называютъ auburn, собраны были въ одну огромную косу надъ бѣлою, высокою и тонкою шеей. Глаза были у нея совсѣмъ почти зеленые, холодные,—какіе-то пронзающіе и недосягаемые вмѣстѣ съ тѣмъ глаза,—которыми она, казалось, могла, какъ ясновидящая сквозь стѣну, читать въ душѣ другихъ, но которые не давали никоимъ образомъ другимъ проникнуть въ свою очередь въ ея душевную глубь. Выдавала она себя, какъ арабская лошадь, лишь говорящимъ движеніемъ своихъ подвижныхъ, тонкихъ до прозрачности ноздрей, да высокомѣрнымъ очеркомъ красивыхъ, твердо вырисованныхъ и, видимо, неохотно открывавшихся губъ... Ея мало обычный, почти странный обликъ могъ многимъ не нравиться, но никто бы не прошелъ, не замѣтивъ ея... Дѣвушка эта была княжна Кира Никитишна Кубенская, двоюродная сестра „Сашеньки“.

Противъ нея сидѣлъ Иринархъ Овцынъ, господинъ лѣтъ двадцати трехъ, съ бѣлокурыми, жидкими волосами, зачесанными за уши, бѣлымъ безкровнымъ лицомъ и нѣсколько подслѣповатыми сѣрыми глазами, съ замѣтною опухолью кругомъ вѣкъ. Черты его были довольно правильны и не дурны, но судорожное выраженіе, казавшееся присущимъ его длиннымъ, узкимъ, то-и-дѣло подергивавшимся губамъ, давало общему характеру его наружности нѣчто какъ бы злое и ехидное.

Росту онъ былъ средняго, худощавъ; одѣтъ былъ и держался съ намѣренною, казалось, небрежностью и нескрываемою презрительностью ко всему окружающему.

— Съ одной стороны, сила и энергія молодаго поколѣнія, съ другой—немощь и тупоуміе отживающаго старья,—выборъ, кажется, не труденъ! говорилъ онъ дѣвушкѣ, покачиваясь на стулѣ, не громкимъ и самоувѣреннымъ голосомъ въ заключеніе какой-то предыдущей, пространной, повидимому, проповѣди.

Онъ вытащилъ изъ боковаго кармана своего сюртука смятую папироску, расправилъ ее костлявыми пальцами, съ сизыми оконечностями обгрызанныхъ ногтей, и потянулся съ мѣста закурить ее къ шандалу, стоявшему на пяльцахъ княжны.

— Нѣтъ, ты пожалуйста ужь это оставь! крикнула ему Марья Яковлевна, замѣтивъ его движеніе.

— А почему такъ? Онъ обратилъ на нее недовольные глаза.

— Потому что у меня здѣсь не курятъ.

— Вотъ что̀!—И онъ хихикнулъ:—стѣсненіе личной свободы, значитъ?

— Ахъ, батюшка, расхохоталась она,—да я-то въ своемъ домѣ хозяйка, кажется!

— Что̀-жь, пользуйтесь... пока не отняли, примолвилъ Овцынъ съ тѣмъ же ядовитымъ хихиканьемъ, но понижая голосъ, и взглянулъ избока на безмолвную Киру.

— Что̀ ты тамъ мурлыкаешь, что̀? крикнула ему опять съ мѣста Марья Яковлевна.

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

Еле слышными шагами вошла въ комнату худенькая, невысокая, лѣтъ за тридцать, женская особа въ темномъ платкѣ на плечахъ, кисейномъ чепцѣ сь оборками, охватывавшими вплотную ея увядшее, чрезвычайно добродушное и нѣсколько слезливое лицо, и съ туго набитымъ мѣшкомъ на рукѣ. Она, точно скользя по паркету, торопливо и робко кивая по пути направо и налѣво, подошла къ хозяйкѣ и, не говоря ни слова, поцѣловала ее въ плечо.

— Лизавета Ивановна, воскликнула та,—что̀ это васъ

такъ давно не видать? Мы и въ Петербургъ успѣли съѣздить съ тѣхъ поръ.

— Слышала, ангелъ мой (она произносила не *ангелъ*, а „анделъ“), слышала... А я у Троицы побывала, сегодня вернулась только...

Марья Яковлевна засмѣялась:

— Сердце не камень, на владыку лишній разъ воззриться ѣздили,—онъ тамъ вѣдь теперь?... Ну, садитесь, разсказывайте!

Она грузно двинулась на своемъ диванѣ, указывая вошедшей подлѣ себя мѣсто. Лизавета Ивановна присѣла на краюшкѣ и улыбнулась кроткою и счастливою улыбкой:

— Сподобилась, какже, матушка Марья Яковлевна, сподобилась! Отъ *самого* благословеніе имѣла счастье получить, заговорила она вполголоса, растягивая и удлинняя слова отъ удовольствія, которое видимо производили они на нее;—до слезъ, ангелъ мой, до слезъ умилена была... Велелѣпіе-то какое, благочиніе, и словами не сказать! А какъ двинулся онъ это, идолъ мой, послѣ службы, идетъ весь въ золотѣ, голубчикъ, на головкѣ митра такъ и сіяетъ; діакона его два въ облаченіи подъ мышечки ведутъ, а у самого ручки-то такія масенькія, интересныя, косточки однѣ, ну мощи, милая, какъ надо быть мощи... Какъ увидала я его, старца моего святенькаго, не смогла, просто, анделъ мой, Марья Яковлевна, впала ему прямо на путь въ ноги: „благослови, говорю, владыка, меня грѣшную!...“ Онъ, идолъ мой безцѣнный, поглядѣлъ на меня таково ласково, возложилъ на чело мое знаменіе и тихонько такъ,—голосокъ-то слабенькій, какъ у комарика:— „встаньте, говоритъ, пропустите!“ А я ужь и не могу, милая, заливаюсь, ну просто такъ и льетъ, такъ и льетъ изъ меня слеза... Просвирочку вамъ, анделъ мой, привезла, прервала себя Лизавета Ивановна, смахивая верхомъ руки навернувшіяся у нея при этомъ воспоминаніи новыя слезы и поспѣшно развязывая свой мѣшокъ,—подавала за здравіе ваше и барышни нашей многоцѣнной, промолвила она уже громко, улыбаясь чрезъ комнату сидѣвшей на другомъ концѣ залы и дружески кивавшей ей въ свою очередь Сашенькѣ.

— Спасибо вамъ, милая, спасибо! Вѣдь никогда не забудетъ... говорила Марья Яковлевна, принимая отъ нея просфору.

Та поцѣловала ее въ плечо еще разъ и поднялась съ мѣста:

— Ну, а теперь я со сокровищемъ моимъ поздравствоваться, усмѣхнулась она опять своею кроткою улыбкой и поплыла, перебирая быстро маленькими, худыми ногами въ сторону Александры Павловны. Она замедлила шаги, проходя мимо княжны Киры, и почтительно поклонилась ей.

— Благодати масла и ладона отвѣдали всласть, а? отпустилъ ей чрезъ спину Овцынъ, прислушивавшійся, кривя губы, съ мѣста къ разговору ея съ теткой.

— Что̀-жь, батюшка, Иринархъ Ѳедоровичъ, краснѣя и какъ бы испуганно останавливаясь на ходу, возразила она, заикаясь,—развѣ что̀ въ этомъ дурно?... Сказано: *храмъ Мой храмъ молитвы наречется...*

— Какъ тебѣ не стыдно, Иринархъ! быстро молвила Сашенька, вставая съ мѣста и идя съ протянутыми руками навстрѣчу маленькой особѣ.

Княжна Кира подняла свои зеленые глаза, остановила ихъ на мигъ на кузинѣ и опустила ихъ опять съ тѣмъ же непроницаемо холоднымъ выраженіемъ.

— А помнишь ты, Ира, раздался неожиданно изъ глубины окна звучный басъ грузинской дѣвы Амилахвари, — помнишь, какъ за грубость твою высѣкла тебя при мнѣ разъ матушка твоя покойница, Анна Ивановна, царство ей небесное?

— Видно, мало! отпустила къ этому такъ же громко Марья Яковлевна.

Овцынъ, не удостоивая ихъ взгляда, отчеканилъ медленно и внятно, продолжая относиться къ сидѣвшей противъ него княжнѣ:

— Давно пора весь этотъ безобразный порядокъ смести съ лица земли!

— Мети, батюшка, мети, тебѣ здорово! расхохоталась

хозяйка, *фукая* шашку у проглядѣвшаго Памфила Ивановича,—вѣники хоть на мой счетъ покупай, жертвую!

Княжна Кира чуть-чуть повела углами губъ, но никто бы не могъ сказать, словамъ-ли Овцына, или отвѣту тетки выражала сочувствіе ея нѣмая улыбка.

— И все-то изъ-за меня грѣшной, Господи! съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ и сжимая нервно руки, прошептала Лизавета Ивановна, растерянно глядя на Сашеньку, усадившую ее подлѣ себя и Ашанина.

— И нисколько! успокоительно молвилъ ей на это Ашанинъ: — будто вы не знаете, что Марья Яковлевна и такъ при всякомъ случаѣ жучитъ его и старается изъ него дурь выбить.

— Мнѣ это нисколько не нравится впрочемъ,—и Александра Павловна, вздохнувъ, закачала головой: — Иринархъ еще болѣе раздражается и путается въ этихъ своихъ... идеяхъ... Я боюсь, что изъ него ничего не выйдетъ...

— А вы питали еще надежду? разсмѣялся онъ.—Но что̀ въ немъ находитъ занимательнаго Кира Никитишна, хотѣлъ бы я знать; онъ вѣчно къ ней пристроится со своими проповѣдями, а она слушаетъ!...

Александра Павловна съ мгновенною морщинкой на лбу медленно пожала плечами... и вдругъ слегка вздрогнула, пріосанилась и вся обернулась взглядомъ на дверь въ сосѣднюю комнату, изъ которой долетѣлъ до нея легкій шумъ чьихъ-то мужскихъ, неспѣшныхъ шаговъ.

Кира Кубенская подняла еще разъ глаза и устремила ихъ по тому же направленію.

Стройный, красивый, съ папахою подъ мышкой, обтирая тонкимъ батистовымъ платкомъ свои еще влажные отъ мороза усы, вошелъ Троекуровъ.

— Вотъ это мило, по-нашему, по-московски, радостно заголосила, завидѣвъ его, Марья Яковлевна, — а то я боялась, вы, по обычаю вашего петербургскаго grand genre, вздумаете за полночь пріѣхать ко мнѣ, когда у насъ добрые люди давно въ постеляхъ.

— Я пріѣхалъ, какъ вы приказывали, отвѣчалъ онъ съ подлежащею свѣтскою улыбкой.

— Вотъ и прекрасно! Садитесь пожалуйста!... Надо васъ познакомить со всѣми... Сашеньку и Владиміра Петровича вы знаете. А это племянница моя, княжна Кубенская.

Троекуровъ отвѣсилъ дѣвушкѣ глубокій поклонъ.

Она внимательно поглядѣла на него, отвѣчала короткимъ кивкомъ и, опершись затѣмъ головой объ руку, принялась съ какою-то ироническою поощрительностью глядѣть на тетку, какъ-бы говоря: „ну, ну, продолжайте это ваше забавное называніе, гдѣ не мужчину дамѣ, а даму мужчинѣ представляютъ“...

Овцынъ, въ свою очередь, насмѣшливо улыбаясь, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

Расходившаяся Марья Яковлевна продолжала:

— Алексѣй Ѳедоровичъ Шигаревъ, старинный нашъ пріятель... А это племянникъ мой по мужу, Овцынъ, сказала она, указывая на него: — большой забавникъ, сочла она нужнымъ прибавить отъ избытка блаженныхъ чувствъ, — золъ на весь міръ, предваряю васъ.

Тотъ, закусивъ поблѣднѣвшія губы, круто повернулъ на каблукахъ и воззрился въ лицо Троекурову:

— Точно такъ-съ, фамилія моя — Овцынъ, но овечьей кротости въ себѣ не питаю!

Кавказецъ, безотчетно сжавъ брови, серьезно, поглядѣлъ въ свою очередь ему въ лицо.

— Бодаетъ! скорчивъ гримасу, отпустилъ Шигаревъ:—изъ Овцыныхъ въ Козловы просится.

Въ сторонѣ отъ говорившихъ послышался будто какой-то мышиный пискъ: сочувственно смѣялся обрадованный карликъ Памфилъ Ивановичъ.

— Въ Козловы готовъ, но никакъ не въ паяцы! отрѣзалъ Овцынъ, вызывающими глазами глядя на зубоскала.

— Иринархъ Ѳедоровичъ! раздался вдругъ твердый и чистый голосъ Киры,—оставьте! Сядьте ко мнѣ!

Онъ подошелъ и опустился на прежнее мѣсто съ дрожавшими еще отъ гнѣва и торжества губами.

Марья Яковлевна гнѣвно поглядѣла на нихъ, готовясь, надо думать, отпустить опять колкость, — на сей разъ и по адресу племянницы,—когда въ комнату вступило новое лицо.

Это былъ извѣстный въ тѣ дни всей Бѣлокаменной Фифенька Веретеньевъ, свѣтскій жуиръ, замѣнившій давно переселившагося на службу въ Петербургъ Чижевскаго *) въ должности Vortänzer'а московскихъ баловъ, дирижировавшій ими повсюду, въ „maisons huppées", какъ на купеческихъ свадьбахъ (Фифеньку „нанимали" бородачи на эти торжества, увѣряли злые языки,) облекаясь въ эти дни въ сочиненный имъ особаго рода фракъ съ обтянутыми бѣлымъ атласомъ обшлагами и подбойкой, — добрѣйшій и безпутный малый, безбоязненно говорившій по-французски, какъ испанская корова, и вообще безграмотный, какъ семилѣтній школьникъ; находившій средство проѣдать и проигрывать тысячъ пятнадцать въ годъ на миѳическій капиталъ какого-то, никогда имъ самимъ невиданнаго, костромскаго лѣса, „который", утверждалъ онъ, „подъ Москвою стоилъ бы, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ тысячъ", но, къ несчастію, находился въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и гроша мѣднаго за это добро никто ему дать не хотѣлъ; дожившій тѣмъ не менѣе безъ печали въ этихъ условіяхъ до сорокалѣтняго возраста и мечтавшій теперь, для увѣнчанія своей карьеры, „подцѣпить какую нибудь милліонную приданницу изъ Рогожской", надъ раскольническими учрежденіями которой состоялъ онъ одно время, по милости вліятельныхъ сестрицъ, смотрителемъ отъ правительства. Таково было общественное положеніе Фифеньки, самаго популярнаго въ ту пору персонажа въ Москвѣ.

Красный, хохочущій, съ двумя недостававшими у него спереди зубами, вбѣжалъ онъ въ комнату, пришепетывая и присвистывая въ пустое отверстіе этихъ зубовъ и махая отъ входа хозяйкѣ обѣими руками:

— Марья Яковлевна, даму вамъ привезъ, une femme... quelle encore! (то-есть въ вольномъ переводѣ: „какая еще!"). Первый сортъ, изъ Петербурга... На Вздвиженкѣ ѣду въ са-

---

*) *Четверть вѣка назадъ.*

няхъ, смотрю: на боку карета, колесо отлетѣло. Я сейчасъ: „стой!“ кричу, выскочилъ; слышу женскій голосъ: „выпустите меня, ради Бога!“ Я ей: „madame, говорю, отворяя дверцу,— soyez si bon, sortez“. А она какъ вышла, я такъ и крикнулъ: „Ольга Елпидифоровна, déesse! Какъ вы здѣсь, куда?“ А она мнѣ говоритъ, что къ вамъ... Скажите пожалуйста!... „Asseyez, говорю, plus vite dans mes traineaux“...

— Вы ее привезли, madame Rantzof, гдѣ же она?

И Марья Яковлевна поднялась съ мѣста.

— Въ передней у васъ обтираютъ ей платье; прямо вѣдь изъ кареты въ снѣгъ выскочила...

— Саша, ступай скорѣе, прими! поспѣшно молвила ей мать.

— А, Троекуровъ, mon cher, давно-ли? присвистывалъ тѣмъ временемъ Фифенька, кидаясь къ нашему герою (онъ имѣлъ талантъ быть знакомымъ и на „ты“ со всѣмъ міромъ,) и принимаясь обнимать его;— пріѣдешь въ клубъ ужинать?... Здѣсь дохлятиной кормятъ, прошепталъ онъ ему уже на ухо.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался звонкій голосъ петербургской гостьи:

— Нѣтъ, нѣтъ, merci, я никогда не простужаюсь, да и ногъ я совсѣмъ не промочила, на мнѣ были мѣховыя ботинки... Quelle aventure! молвила она со смѣхомъ, появляясь на порогѣ залы и быстро кивая шедшей навстрѣчу ей хозяйкѣ;— если бы не Фифи...

— Да, Филиппъ Андреичъ намъ сейчасъ говорилъ... Не ушиблись вы? заботливо допрашивала Марья Яковлевна.

— Нѣтъ, ни малѣйше, цѣла и невредима!

— А карета ваша что̀ же?

— А, право, не знаю!... Надѣнутъ колесо, пріѣдетъ вѣроятно; кучеръ знаетъ куда...

— А если тамъ сломано и не скоро поправить можно?.., Я тогда прикажу для васъ мою карету заложить, любезно предложила хозяйка.

— Ни за что̀! всклинкнула Ранцова,—я въ саняхъ поѣду; погода теплая.

Ашанинъ съ поклономъ и протянутою рукой быстро подошелъ къ ней:

— У васъ карета извощичья?

— Да.

— Такъ это его долгъ пріѣхать съ этою или съ другою каретой. Позвольте, я это сейчасъ устрою.

И торопливо, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не слыхать возраженій своей предусмотрительности, онъ вышелъ изъ комнаты.

Марья Яковлевна повела торжественно петербургскую даму къ своему дивану (изящный туалетъ Ранцовой производилъ на нее невольно импонирующее впечатлѣніе,) и усадила подлѣ себя, сказавъ при этомъ Памфилу Ивановичу, продолжавшему все такъ же стоять на своемъ табуретѣ у шашечнаго стола: „убирайся, будетъ!“

Ольга Елпидифоровна обняла быстрымъ взглядомъ старушечій чепецъ на головѣ Лизаветы Ивановны, сморщенное какъ старое яблоко лицо карлика, восточную физіономію приживалки съ чулкомъ и повела его, прищурясь, на сидѣвшаго тутъ же Троекурова: „Москва pur sang, не правда-ли?“ говорилъ этотъ насмѣшливый взглядъ. Но глаза его не отвѣчали на ея вопросъ. Ему досадно было присутствіе самой ея здѣсь, да и занятъ онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ... Онъ съ какимъ-то враждебнымъ и осторожнымъ любопытствомъ поглядывалъ со своего мѣста на „странную“ дѣвушку, склонившуюся надъ пяльцами посреди залы. Его покоробило и отъ небрежнаго кивка ея на его поклонъ, и отъ „неучтивой выходки“ ея въ поощреніи „этого длинноволосаго мусьяка“, — и онъ безотчетно старался теперь прочесть въ чертахъ ея лица смыслъ и поводъ всего этого. „Не вульгарность это, не mauvaise éducation“, говорилъ онъ себѣ,—онъ чутьемъ это чуялъ и понималъ своимъ долгимъ свѣтскимъ опытомъ,—„а что-то крайне независимое, надменное и презрительное. Она, видимо, глубоко убѣждена въ превосходствѣ своемъ надо всѣмъ, что здѣсь. Откуда это, съ какого права?...“ Но ничего прочесть онъ не могъ: дѣвушка не отрывала глазъ отъ своей работы и только иной разъ, казалось издали Троекурову, выражала чуть замѣтнымъ движеніемъ головы одобреніе

или сочувствіе тому чему-то, что, наклоняясь къ ней чрезъ пяльцы и подергивая губами, говорилъ ей Овцынъ.

А про нее въ то же время зашла рѣчь между хозяйкой и гостьей. Онъ сталъ прислушиваться.

— Qui est cette jeune personne? пожелала узнать г-жа Ранцова, обратившая тотчасъ же вниманіе на необычайную наружность той, которая занимала самого его въ эту минуту.

— А это племянница моя родная, брата моего покойнаго дочь, сирота, княжна Кубенская.

— Она точно une jeune reine, молвила улыбаясь петербургская барыня, — между этими двумя колоннами, dominant l'alentour, серіозная такая, важная...

— Дда, не сейчасъ и сквозь зубы молвила на это Марья Яковлевна,—царицей себя держитъ... Привыкла!... Про брата моего, князя Никиту Яковлевича, вѣрно слышали? спросила она черезъ мигъ.

— Онъ въ Сибири генералъ-губернаторомъ былъ?

— Пятнадцать лѣтъ цѣлыхъ царствовалъ тамъ... Она тамъ и родилась... Съ женой онъ всего только два года прожилъ, умерла она, оставя ему эту дѣвочку... Какъ выросла, такъ у него и принимала, и всѣмъ домомъ, почитай, всѣмъ краемъ ворочала, когда онъ болѣть тамъ сталъ...

— Ахъ, Боже мой, воскликнула Ольга Елпидифоровна,— я теперь вспоминаю: я ихъ видѣла въ Баденъ-Баденѣ тому два года.

— Да, ноги отнялись у него, онъ тогда должность оставилъ и поѣхалъ съ нею за границу.

— Я встрѣчала ихъ тамъ въ allèe de Lichtenthal, всегда вдвоемъ; его возили въ колясочкѣ, а она рядомъ идетъ въ широкой соломенной шляпѣ... Я бы ее впрочемъ не узнала... Они ни съ кѣмъ тамъ не знакомились, ни у кого не бывали...

Марья Яковлевна только головой качнула.

— Давно она у васъ живетъ? вмѣшался въ разговоръ Троекуровъ.

— Да вотъ, какъ братъ померъ. Я сейчасъ же ей написала... Куда-жь ей было, окромя какъ къ теткѣ къ родной!

Привезла ее мнѣ тогда Швейцарка, компаніонка; второй годъ съ тѣхъ поръ пошелъ...

— Отецъ оставилъ ей состояніе? спросила довольно безцеремонно Ранцова.

Марья Яковлевна пожала плечами:

— Монеты какія-то, да камни; охотникъ былъ до нихъ покойный. А окромя этого хлама ни гроша мѣднаго. Все тамъ въ Сибири прожилъ... Положилъ ей Государь двѣ тысячи пенсіи въ годъ до замужства, да единовременно три тысячи изъ кабинета ей прислали: вотъ и все наслѣдство у нея!...

— Познакомьте меня пожалуйста съ ней, chère madame!

— Ахъ, виновата, я вамъ не представила... Кира! громко крикнула г-жа Лукоянова.

Дѣвушка приподняла голову отъ канвы и медленно обернула ее на тетку. Ноздри ея словно оскорбленно дрогнули и расширились...

— Что̀ вамъ угодно? произнесла она своимъ отчетливымъ голосомъ.

— Поди сюда, я хочу тебя представить madame Rantzof...

Ольга Елпидифоровна вскочила съ мѣста:

— Ne vous dérangez pas, princesse! Позвольте мнѣ поглядѣть на вашу работу...

Она подбѣжала къ пяльцамъ, схватила и стиснула руку Киры и заговорила о томъ, что она два года тому назадъ „любовалась ею“ въ Баденѣ, но что княжна вѣрно и не замѣтила ея, а она такъ рада теперь, такъ рада случаю познакомиться съ нею...

Зеленые глаза княжны пристально остановились на расточительницѣ этихъ любезныхъ словъ:

— Благодарю васъ, промолвила она,—но знакомство со мною никому не можетъ доставить удовольствія.

— Это почему? воскликнула наша барыня.

Что-то въ родѣ улыбки сложилось на характерныхъ устахъ Киры.

— Почему? повторила она:—потому что я дикая.

Та сочла долгомъ разсмѣяться:

— Вы, то-есть, хотите сказать, что вы *дичитесь* насъ

грѣшныхъ? Это совсѣмъ другое дѣло. И я позволю себѣ спросить васъ тогда, за что̀ такая немилость?

— Я говорю то, что̀ говорю, отвѣчала протяжно на это дѣвушка.

— Изъ чего же вы заключаете то, въ чемъ вы никогда не увѣрите меня? продолжала все съ тою же любезностью ея собесѣдница.

— Я себя знаю, а вы меня не знаете.

„Да, съ нею трудно!“ подумала Ольга Елпидифоровна. Она наклонилась къ пяльцамъ и спросила!

— Кому вышиваете вы этотъ прелестный коверъ?

— На могилу на одну, отвѣчала, помолчавъ и видимо нехотя, Кира.

„Ah, mais cela devient lugubre à la fin!“ сказала себѣ на этотъ разъ по-французски Ранцова и, прищурившись, оглянулась кругомъ, ища, съ кѣмъ бы можно было завести болѣе пріятнаго рода бесѣду... Александра Павловна разговаривала стоя съ Веретеньевымъ у фортепіано, приставленнаго къ одному изъ простѣнковъ залы; она направилась къ нимъ.

— Аппробую! сказалъ съ ликованіемъ въ чертахъ Овцынъ княжнѣ, какъ только та удалилась.

— Что̀? спросила она, продѣвяя иглою снизу вверхъ.

— А то, что безъ буржуазной ипокризіи вы прямо заявили ей свои убѣжденія.

— Какія убѣжденія? словно уронила Кира.

— Вы ей честно на ея безсмысленное свѣтское кудахтанье отвѣтили, что вы „*дикая*“.

— Такъ что̀ же? спросили поднявшіеся на Овцына глаза княжны.

— Вы ей сказали этимъ, пояснилъ онъ,—что вы презираете тѣ искусственныя, нелѣпыя условія, которыми до сихъ поръ опредѣлялась жизнь людей въ обществѣ, и не хотите признавать ничего, кромѣ естественныхъ, нормальныхъ потребностей человѣка.

Она не отвѣчала сразу.

— Я терпѣть не могу фамиліарности, вымолвила она наконецъ и опять замолкла.

Фифенька говорилъ тѣмъ временемъ Александрѣ Павловнѣ:

— Я къ камъ чай пить пріѣхалъ до клуба. Pourquoi pas до сихъ поръ?... Вотъ и déesse моя тоже хочетъ.—Онъ подбѣжалъ къ подходившей петербургской барынѣ,—n'est-ce pas, vous buverez московскаго чайку?...—Онъ взялъ ея руку, повернулъ ее ладонью вверхъ и приложился губами къ голому мѣстечку между перчаткой и рукавчикомъ.—Ну, что̀ Наташанцевъ, Bazancourt, Chou-Pail? У вашихъ ногъ toujours? Люблю! Всѣмъ tête tourne, а сама ничего... N'est-ce pas, ничего? Молодецъ déesse!...

Въ дверяхъ залы появился старикъ-буфетчикъ, въ сюртукѣ, но въ бѣломъ галстукѣ и нитяныхъ перчаткахъ на рукахъ.

— Чай готовъ, пойдемте! громко сказала Александра Павловна.

Она нетерпѣливо ждала этой минуты, когда наконецъ представится ей возможность поговорить съ Троекуровымъ.

Всѣ поднялись и потянулись въ столовую.

Въ дверяхъ Сашенька обернулась, отыскивая глазами Лизавету Ивановну.

— Куда вы, куда, голубушка? вскликнула она, увидавъ, что та улепетываетъ на неслышныхъ своихъ ножкахъ въ противоположную дверь залы, и побѣжала за нею.

— Нѣтъ, нѣтъ, ангелъ мой, залепетала маленькая особа,— оставьте!... Народу у васъ сегодня, чужіе все.... Сами знаете, на что̀ я имъ, да и боязно какъ-то. Я къ нянюшкѣ, къ Глафирѣ Савельевнѣ, мы ужь завсегда, какъ гости, чай пьемъ вмѣстѣ... А въ спаленку къ вамъ, какъ придете, можно? спросила она тутъ же съ какою-то робкою и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательно нѣжною интонаціей въ голосѣ, подымая на дѣвушку вопросительные глаза.

— Непремѣнно приходите, непремѣнно! — И Сашенька съ мгновеннымъ порывомъ закинула ей обѣ руки за шею.— Я все вамъ, душечка Лизавета Ивановна, все разскажу, прошептала она ей на ухо, крѣпко поцѣловала ее въ щеку и побѣжала назадъ.

Троекуровъ, пропустивъ всѣхъ впередъ, поджидалъ ее у дверей. Онъ со своего мѣста все видѣлъ.

— Скажите, сказалъ онъ, глядя на нее со свѣтлою, всю ее озарившею улыбкой, — кто это, кому я теперь такъ завидую?

Она разсмѣялась какъ бы безсознательно, въ унисонъ этой улыбкѣ его.

— Ахъ, она такая хорошая... Сердечная! примолвила она, тутъ же перемѣняя тонъ, — и несчастная такая, если бы вы знали!.. Ее зовутъ Лизавета Ивановна, по фамиліи Срѣтенская; она дочь священника одного, богатаго, осталась молоденькая сиротой... И былъ у нея женихъ, офицеръ, котораго она ужасно любила, и его убили въ Венгерскую кампанію. Она все тогда, что̀ у нея было, раздала бѣднымъ и пошла въ монастырь. Только тамъ игуменья одна, Наѳанаила, очень ее обижала, она и вышла.

— И теперь у васъ живетъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ мы просили ее, она не хочетъ. Квартирка у нея своя... Она все по церквамъ, да за больными ходитъ...

— Вы ее очень любите?

— Да, очень, она сто̀итъ...

Троекуровъ остановился и поглядѣлъ на нее...

— Больше, чѣмъ вашу кузину, княжну *Киру*, что̀ по-гречески значитъ *госпожа?* подчеркнулъ онъ, намекая на объясненіе, данное ему Марьей Яковлевной въ ложѣ Большаго Театра.

— Зачѣмъ это вы у меня спрашиваете? молвила она съ удивленною и какъ бы смущенною улыбкой.

— Потому что я чувствую, что я никогда не былъ бы въ состояніи полюбить ее, на вашемъ мѣстѣ, отвѣчалъ онъ серіознымъ тономъ.

— Напрасно! поспѣшно возразила Александра Павловна,— она тоже несчастная!..

— Саша, гдѣ ты, иди разливать! раздался изъ столовой громкій голосъ г-жи Лукояновой.

— Иду, maman!.. *Идемъ*, тихо добавила она, вся сіяющая и вся розовая, обернувшись на своего спутника...

XII.

...Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что̀ слово—приговоръ!
Горе отъ ума.

Ein schöner Stern geht auf in meiner Nacht
Und neues Leben mir verspricht.
O, lüge nicht!
Heine.

Александра Павловна сѣла на одномъ изъ концовъ длиннаго стола за большой, сіявшій какъ зеркало вычищенною своею мѣдью самоваръ, и поспѣшно подставила чайникъ подъ кранъ. Рука ея слегка дрожала... Подлѣ нея, на углу, сѣлъ Троекуровъ, и она избѣгала встрѣтиться съ нимъ глазами: „а не то непремѣнно обожгу пальцы кипяткомъ“, говорила себѣ мысленно дѣвушка, съ нѣмой улыбкой, точно вылетавшею изо всего ея существа. „А если-бъ обожглась—нарочно“, пробѣгала у нея мысль, — „воображаю, какъ бы онъ испугался, кинулся... Нѣтъ, ни за что̀! Онъ такая прелесть!..“

Прямо насупротивъ, на самой срединкѣ другаго узкаго конца стола, медленно опустилась на стулъ княжна Кира. Это было ея обычное мѣсто; она терпѣть не могла „чувствовать у своего бока локоть сосѣда“, говорила она... Овцынъ помѣстился по ея лѣвую руку на углу, какъ Троекуровъ подлѣ Сашеньки, и Шигаревъ, замѣтивъ это, тотчасъ же вытянулъ длинное лицо, имѣвшее изобразить комично мрачное выраженіе, и обратился къ приживалкѣ грузинскаго рода, рядомъ съ которой усѣлся онъ:

— Катерина Борисовна, когда двѣ стороны треугольника равны между собою, что̀ тогда выходитъ?

— А ты—рыжій песъ! фыркнула неизмѣнный свой отвѣтъ дѣва.

— Вотъ и неправда ваша, захихикалъ онъ, подставляя ей свой указательный палецъ,—выходитъ: дважды два *ламуръ!*

Катерина Борисовна отгрызлась и, протянувъ руку къ огромной корзинѣ, со всякими печеньями стоявшей посреди стола, достала изъ нея сайку и положила ее предъ нимъ:—знаю, что любишь, ѣшь!

— Карета ваша тутъ! коротко проговорилъ вошедшій въ это время Ашанинъ, наклоняясь къ уху Ольги Елпидифоровны Ранцовой, которую усадила подлѣ себя хозяйка (Веретеньевъ занялъ мѣсто по другую ея сторону).

— Merci! сказала она ему въ-полоборота, продолжая начатый ею Марьѣ Яковлевнѣ разсказъ о какой-то дворцовой сплетнѣ.

Фифенька закинулъ вверхъ голову и подмигнулъ на нее Ашанину:

— Déesse, а? Можно par concience сказать?

— По совѣсти... и безо всякой совѣсти сказать можно, молвилъ смѣясь московскій Донъ-Жуанъ.

— Ахъ, comme bien dit! засвисталъ въ восторгѣ Фифенька, откидываясь въ спинку своего стула и хлопая въ ладоши:—какъ въ свайку попалъ! Молодецъ, mon cher! Въ нее именно такъ и влюбляются всѣ—*безсовѣстно!*...

Петербургская барыня, сидя къ нимъ спиною, чутъ-чуть усмѣхнулась и пожала плечами.

— Сестрица, съ пріѣздомъ! проговорилъ нежданно надъ нею чей-то голосъ.

Она вздрогнула чуть-чуть, повела вверхъ головой и вопросительно повернула ее затѣмъ въ сторону Веретеньева.

— Отецъ вотъ этого длинноволосаго, поспѣшилъ объяснить ей тотъ, кивнувъ осторожно въ сторону Овцына.

Это былъ коротко остриженный, сѣдой, длинный и худой мущина въ золотыхъ очкахъ на длинномъ носу и во фракѣ застегнутомъ снизу и вплоть до высокаго галстука, туго повязаннаго кругомъ шеи, и изъ котораго торчали, прижимаясь къ его щекамъ, не менѣе туго накрахмаленные и вы-

сокіе воротнички, углами угрожающіе небу, какъ говорятъ Французы. Видъ онъ имѣлъ чрезвычайно внушительный и глубокомысленный, и имѣлъ претензію походить на Ламартина, которымъ кто-то прозвалъ его въ шутку въ клубѣ, въ пору Февральской революціи во Франціи.

— А, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, здравствуй! проговорила Марья Яковлевна, оборачиваясь и подавая ему руку, къ которой тотъ, низко наклонясь, немедленно и приложился съ какою-то старинною, искательною галантерейностью.—А я съ твоимъ успѣла ужь сегодня побраниться;—и она указала ему глазами на сына.

— За что̀ это, сестрица, позвольте узнать?

— Да за то же все: вздоръ несетъ не описанный!...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ поднесъ руку къ очкамъ, медленно приподнялъ ихъ и опять опустилъ, и проговорилъ баскомъ:

— Это намъ часто кажется, сестрица, потому что мы одного поколѣнія, а они другаго; а въ сущности-то выходитъ, что не извѣстно... да-съ, не извѣстно,—повторилъ онъ, таинственно вдругъ понижая голосъ, — вздоръ-ли они дѣйствительно несутъ.

— Да ты слышалъ, что̀ онъ поретъ? вскрикнула Марья Яковлевна, не смущаясь присутствіемъ другихъ.

— Знаю, что̀ онъ *говоритъ*, подчеркнулъ тотъ.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— Поздравляю тебя въ семъ случаѣ!...

Онъ все съ тѣмъ же таинственно внушительнымъ и глубокомысленнымъ видомъ нагнулся къ ней и прошепталъ:

— Повѣрьте, сестрица, имъ внятнѣе, чѣмъ намъ... требованія вѣка.—Онъ усмѣхнулся, видимо довольный произнесенными имъ, модными еще тогда, словцами, и заключилъ:—Они ужь тѣмъ правы, что молоды-съ, а мы роль свою отыграли, что̀ дѣлать!...

Марья Яковлевна только рукой махнула.

Онъ выпрямилъ опять свой длинный и худой станъ, поправилъ очки съ какою-то недменностью и, закинувъ по-Ла-

мартиновски руку подъ обшлагъ своего застегнутаго фрака, отправился здороваться съ Александрой Павловной.

— Хороши нынче папеньки! громко промолвила Марья Яковлевна, подъ вліяніемъ досады своей на него.

Ранцова, смѣявшаяся чему-то въ это время съ Веретеньевымъ (Ашанинъ, обойдя кругомъ стола, сидѣлъ теперь противъ нихъ, подлѣ Шигарева,) повернулась опять къ ней:

— C'est un parent à vous, n'est ce pas?

— Да, beau-frère, на сестрѣ мужа моего покойнаго женатъ былъ... Съ состояніемъ былъ большимъ человѣкомъ, все въ картишки проигралъ, добавила откровенная барыня (она не почитала нужнымъ вообще „менажировать" мужнюю родню). А теперь въ либералы играетъ... Сумасбродъ!...

— Много развелось ихъ такихъ въ наше время! одобрительно замѣтила на это Ольга Елпидифоровна.

А Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ, пожавъ руку Сашенькѣ и разскланявшись своимъ стариннымъ кругловатымъ поклономъ Троекурову, котораго дѣвушка, занятая разливаніемъ чая и „своими мыслями", позабыла познакомить съ нимъ, прошелъ на другой конецъ стола и съ новымъ, еще болѣе почтительнымъ на сей разъ поклономъ протянулъ и пожалъ руку княжнѣ Кирѣ. Покончивъ со всѣми этими обязанностями, онъ повернулъ къ мѣсту сына, сѣлъ и пододвинулся къ нему со стуломъ.

— Здравствуй, Ира, со вчерашняго не видались, тихо и далеко не внушительно заговорилъ онъ.—Ты здѣсь обѣдалъ?

— Здѣсь, отрѣзалъ тотъ, не глядя на отца и помѣшивая ложкой въ только-что поданномъ ему стаканѣ.

— А я сегодня у доктора, у Перцова былъ, началъ опять Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — онъ согласенъ дать тебѣ свидѣтельство о болѣзни...

— Это на что̀? воскликнулъ сынъ.

— А въ университетъ-то представить. Вѣдь ты изъ Петербурга второй мѣсяцъ съ зимнихъ вакацій. Взыщутъ пожалуй!

— А ну его къ чорту!

— Такъ вѣдь нельзя же, залепеталъ отецъ,—пока у васъ

такіе... стѣснительные, конечно, Ира, я не спорю, а все же... порядки есть...

Иринархъ высокомѣрно глянулъ на него черезъ плечо:

— А тебя кто проситъ вмѣшиваться? Изъ-за этого самаго жить съ тобой не хотѣлъ, въ Петербургъ перешелъ, а ты опять за свое принимаешься... А если я, можетъ, медленно проговорилъ онъ,—и вовсе не хочу въ твой университетъ опять?

Бѣдный Ѳедоръ Ѳедоровичъ такъ и остолбенѣлъ.

— Какъ же ты... не хочешь? былъ онъ только въ состояніи проговорить.

— А такъ!—Иринархъ повелъ ядовито губами.—Послѣдній *Колоколъ* прочелъ? уронилъ онъ помолчавъ.

— Прочелъ, какже, прочелъ! поспѣшилъ отвѣтить отецъ:— какъ ты принесъ, я отъ аза до ижицы...

— Ну, и что̀ же?

— Удивительно, Ира, удивительно!—И Ѳедоръ Ѳедоровичъ закатилъ изъ-за своихъ очковъ глаза къ потолку.— Уменъ-то какъ, остеръ человѣкъ!

— Остеръ! повторилъ презрительно Иринархъ,—ты въ суть-то самую вникнулъ-ли? Вѣдь прямо говоритъ: довольно наболтано, пора за живое дѣло приниматься.

Сбитый съ толку Ламартинъ залепеталъ опять:

— Конечно, Ира, кто говоритъ... живое дѣло... Мы вотъ не умѣли, а вамъ это все предстоитъ... Только какъ же это такъ, изъ университета выйти... безъ правъ безо всякихъ?...

— Пошелъ опять зудить свою старую ложь!

И Иринархъ, отвернувшись отъ отца, воззрился на княжну Киру, словно намѣреваясь призвать ее въ судьи пренія ихъ съ отцомъ.

Но она и не слышала его. Опершись головою на лѣвую руку, она устремила непроницаемые глаза свои на противоположную сторону стола, и трудно было отгадать: глядѣла-ли она въ задумчивости безцѣльно впередъ, или наблюдала за сидѣвшею тамъ двоюродною сестрой и ея собесѣдникомъ. Тѣнь отъ руки падала ей на лицо, какъ бы ограждая его отъ нескромныхъ взглядовъ, и только Овцынъ, для котораго оста-

валась открытою свѣтлая сторона его, могъ бы замѣтить нервное вздрагиваніе ея тонкихъ ноздрей и спросить себя: чему слѣдовало приписать этотъ несомнѣнный у нея признакъ обнимавшаго ее внутренняго волненія? Но Овцынъ былъ не физіономистъ, а всякую „психологію“ къ тому же презиралъ всѣмъ существомъ своимъ; онъ ничего не замѣтилъ и ничего не спрашивалъ себя.

Но Троекуровъ *почувствовалъ* эти упорные лучи устремленныхъ на *нихъ* глазъ и отвѣчалъ имъ, въ свою очередь, долгимъ и пристальнымъ взглядомъ. „Чья возьметъ?“ словно хотѣлъ онъ сказать имъ...

„Взялъ“ онъ. Княжна опустила вдругъ руку и обернулась всѣмъ лицомъ къ Овцынымъ.

„А-а!“ пронеслось у него въ головѣ; онъ безотчетно улыбнулся...

— Вы мнѣ сказали, обратился онъ къ Сашенькѣ,—что кузина ваша „тоже несчастная“. Хотите, я скажу вамъ отчего?

— Скажите! отвѣчала она съ любопытствомъ и какою-то тревогой.

— Она не можетъ позабыть роль, которую играла она тамъ, у себя, въ Сибири; здѣсь ей и тѣсно, и мелко...

— Не говорите, мнѣ ее такъ жалко! прервала его Сашенька;—ей, въ самомъ дѣлѣ „мелко“ здѣсь, она очень умна, вѣчно за книгами сидитъ... Ей было бы надобно другое общество... и простору больше, добавила дѣвушка, нѣсколько затрудняясь выразить свою мысль;—мнѣ иногда она представляется точно большая, сильная птица, засаженная въ клѣтку...

— Она характерна очень, это видно! молвилъ Троекуровъ.

— Это ужь въ роду у насъ, мы всѣ характерны, возразила Александра Павловна, и ея оживленныя черты приняли мгновенно то обычное имъ спокойно строгое выраженіе, которое такъ нравилось въ ней нашему Кавказцу.

— Да? протянулъ онъ, любуясь ею;—и вы?

— И я!—Она взглянула на него со счастливою улыбкой:—я знаю, чего хочу, и никогда отъ этого не отступаюсь.

Онъ понялъ и улыбнулся тоже:

— А вѣдь вы знаете, говорятъ, что одинаковые характеры никогда не могутъ прочно сойтись?

Она взглянула вдругъ на него такъ испуганно, что въ головѣ его пронеслась безумная мысль схватить, обнять и страстно сжать ее въ объятіяхъ тутъ же, при всѣхъ...

— Александра Павловна, съ легкою дрожью въ голосѣ и съ разстановкой проговорилъ онъ:—можете вы мнѣ сказать, въ которомъ часу я могу застать завтра утромъ матушку вашу?... Одну, домолвилъ онъ, подчеркивая;—сегодня, я боялся, она будетъ утомлена послѣ дороги...

Дѣвушка поблѣднѣла вся и опустила вѣки...

— Въ двѣнадцать... въ часъ... Когда хотите,—я ей скажу, чуть слышно прошептала она.

— Ахъ, Боже мой, княгиня Аглая Константиновна! раздался въ это время звонкій голосъ Марьи Яковлевны.

Она шумно отодвинула свой стулъ и направилась навстрѣчу входившей.

— Вы знаете эту princesse des eaux de vie? спросилъ на ухо Веретеньевъ свою сосѣдку.

— Comme mes poches, разсмѣялась она.—А вы?

— Пробовалъ призанять у нея,—не даетъ, бестія! вздохнулъ на это Фифенька...

Княгиня Аглая Константиновна Шастунова довольно сильно измѣнилась со времени послѣдней встрѣчи съ нею читателя *). Не даромъ сказано еще Расиномъ: „des ans l'irréparable outrage“... Былая полнота ея замѣтно начинала теперь переходить въ тучность, наводненіе которой уже не въ силахъ былъ сдержать никакой корсетъ; знаменитыя брови „en arc de Cupidon“ представляли гораздо болѣе признаковъ искусной живописи, чѣмъ природной растительности, а прижимавшіеся ко лбу, ярко лоснившіеся, подобранные какъ по ниточкѣ и словно приклеенные черные волосы заставляли сомнѣваться въ преизобиліи ихъ и настоящемъ цвѣтѣ на мѣстахъ, которыя прикрывалъ ея низко спускавшійся, разубран-

*) *Четверть вѣка назадъ.*

ный лентами и цвѣтами модный чепецъ. Но на короткихъ пальцахъ блестѣли все тѣ же цѣнныя кольца, нитка крупнаго жемчуга переливала молочною бѣлизной кругомъ обширной и красной шеи, а темнолиловое муаре платье шуршало всею добротностью своей густой ліонской ткани.

— J'ai dîné chez mon vieil ami, le comte, заголосила она входя, подавая руку хозяйкѣ и оглядываясь круглыми глазами на ея гостей;—онъ мнѣ сказалъ, что хотѣлъ къ вамъ быть ce soir; вотъ и я къ вамъ пріѣхала... Ахъ, princesse, bonsoir!

И она шагнула по направленію къ Кирѣ, которая, въ силу носимаго ею титула, признавалась ею in petto главною особой въ этомъ домѣ.

Княжна встала и присѣла съ какою-то величавою учтивостью.

— Vous savez, вы моя grande favorite! закачала умильно головой Аглая Константиновна, подавая ей четыре пальца руки, къ ладони которой прижимала она большимъ пальцемъ свои свернутыя перчатки.—Elle mé rappelle beaucoup ma fille défunte pour la tenue, прошептала она Марьѣ Яковлевнѣ, вздохнувъ и отходя съ нею къ чайному столу,—mais une autre expression dans les traits, глубокомысленно добавила она.—Et Basile, mon fils, вы его не видѣли въ Петербургѣ?

— Вы забыли, что вы никогда его мнѣ не представляли, княгиня, засмѣялась г-жа Лукоянова, — я его не знаю... Но вотъ кто можетъ дать вамъ о немъ подробныя извѣстія... Вы, кажется, знакомы... madame Rantzoff...

Аглая Константиновна взглянула.

— Ah mon Dieu, mais c'est, je crois... mademoiselle ci devant Akouline? поспѣшила она поправиться, едва узнавая свою бывшую „барышню на побѣгушкахъ“ въ этой „петербургской“ отъ головы до ногъ въ своей „tenue“ и туалетѣ, красивой и самоувѣренной женщинѣ, которой смѣлый и нѣсколько насмѣшливый взглядъ далъ ей сейчасъ же почувствовать, что она ее „оборветъ“ при малѣйшей попыткѣ неучтивости, или даже невниманія.

— Enchantée de vous voir, madame, сказала она, подавая ей руку и опускаясь подлѣ нея на стулъ;—я васъ не видѣла

depuis que vous êtes mariée... Такъ давно этому... Et ma pauvre Lina, помните ее?

— Она была мой лучшій другъ въ жизни, молвила на это самымъ убѣдительнымъ тономъ madame Rantzoff и глубоко вздохнула.

— Oui, oui, vous nous êtiez si dévouée alors!

— Si *amie*, madame, подчеркнула Ольга Елпидифоровна, глядя съ улыбкой мимо нея на хозяйку дома, покусывавшую себѣ губу отъ заранѣе предчувствовавшагося ей смѣха, изобильно доставляемаго ей всегда „глупостями“ княгини Шастуновой.

— Certainement, говорила та между тѣмъ, — и мы avec Lina, nous vous aimions tant! Вы теперь изъ Петербурга?... И говорятъ, vous y voyez Basile, mon fils?

— Да, онъ бываетъ у меня довольно часто. Je reçois beaucoup, промолвила вскользь Ранцова, — и у меня любятъ бывать, говорятъ, у меня весело. Она засмѣялась.

— Oh, je le crois, сказала любезно Аглая Константиновна и вдругъ начала громко вздыхать, какимъ-то заискивающимъ взглядомъ воззрясь на нее.

— Ахъ, если бы вы могли,—vous êtes si jolie, — prendre de l'influence sur lui! Il me désole!

— Чѣмъ это, княгиня?

— Вообразите, il n'y a pas un an что онъ офицеръ, и онъ уже мнѣ стоитъ cinquante mille, figurez vous ça!

— Peu! проговорилъ Фифенька Веретеньевъ, все время съ мѣста подмигивавшій Марьѣ Яковлевнѣ: погодите, молъ, сейчасъ представленіе начнется!

— Quoi „peu?“ повторила княгиня, оборачиваясь на его голосъ, и, узнавъ его, кивнула ему небрежно головой.

— Cinquante mille. Я вотъ ѣду въ Петербургъ, на дняхъ, и непремѣнно скажу ему, чтобъ онъ pour l'autre an непремѣнно cent mille, по крайней мѣрѣ, истратилъ.

— Vous dites toujours des bêtises, monsieur Веретеньевъ! вскликнула она, вся покраснѣвъ отъ досады.

— Да куда вамъ деньги дѣвать, княгиня! засвисталъ хо-

хоча Фифенька въ пустое отверстіе своихъ зубовъ; — у васъ ихъ куры не клюютъ.

— А вы ихъ считали, мои деньги? спросила она отгрызаясь.

— Не я, такъ другіе считали. У васъ, я знаю, два милліона однѣми серіями лежитъ теперь въ сундукѣ.

— Quel menteur!—И Аглая Константиновна всплеснула въ негодованіи руками;—кто вамъ сказалъ cette calomnie?

— И вѣдь никому руки помощи протянуть не хотите, продолжалъ все такъ же Фифенька, оставляя ея вопросъ безъ отвѣта, — не то ужь мнѣ, сиротѣ, а на что̀ кажется другъ вамъ Зяблинъ, Евгеній Владиміровичъ, и тому вѣдь вы ни гроша никогда въ займы не дадите!

И онъ, надрываясь отъ удовольствія, замигалъ обоими глазами сидѣвшему противъ него съ пресерьезнымъ лицомъ Ашанину.

— И никогда вамъ не дамъ, никогда, parceque c'est sans retour! У васъ rien que des dettes! отгрызалась все злѣе княгиня...

Хозяйка и Ольга Елпидифоровна, отодвинувшаяся даже со своимъ стуломъ, чтобы сидѣвшимъ направо и налѣво ея воюющимъ удобнѣе было обмѣниваться выстрѣлами, едва держались отъ пронимавшаго ихъ хохота.

— Спорятъ! Узнаю̀! Фифенька! Вретъ, вѣрно, какъ всегда! заговорилъ нежданно кто-то, незамѣченно вошедшій въ комнату подъ гоготъ этого спора.

— Ахъ, графъ! вскликнула Марья Яковлевна, вскакивая съ мѣста,—какъ я рада! Спасибо, что вспомнили обо мнѣ... Я только сегодня изъ Петербурга...

— Знаю! Чесминъ встрѣтилъ васъ утромъ, когда ѣхали. Обѣдалъ у меня сегодня, сказалъ. Я пріѣхалъ! запѣлъ онъ акаѳистомъ въ отвѣтъ, вознося вверхъ свои пухлыя ладони и обводя общимъ поклономъ поднявшихся со своихъ мѣстъ вслѣдъ за хозяйкою гостей.

Знакомый читателю *) лысый, тучноватый старецъ, со

---

*) *Четверть вѣка назадъ.*

своею добродушно выпяченною впередъ, отдутою губой, китайскими глазками и мягкими щеками, переваливавшими съ обѣихъ сторонъ черезъ туго натянутый высокій форменный галстукъ,—бывшій грозный главноначальствующій Москвы,—жилъ въ ней теперь, по замѣнѣ его въ должности другимъ лицомъ, мирнымъ гражданиномъ, сохранивъ лишь свое генералъ-адъютантское званіе, но болѣе чѣмъ когда прежде популярный и любимый въ московскомъ обществѣ. Сочувственная улыбка заиграла у всѣхъ на губахъ, отвѣчая на его поклонъ. Только Иринархъ Овцынъ, принужденный невольно подняться со стула за остальными, не сѣлъ уже на него вновь, а со злобно задрожавшими губами прошелъ въ залу, гдѣ и повалился на диванъ, задравъ ноги кверху и шипя сквозь зубы: „Старые идолы!“...

— Графъ, не знаю, помните-ли вы меня? говорила тѣмъ временемъ Ранцова, вставая съ мѣста и идя къ нему съ протянутою рукой.

Онъ зорко взглядѣлся въ нее.

— Нѣтъ, помню, воскликнулъ онъ, засмѣявшись всѣмъ своимъ отдутлымъ и добродушнымъ лицомъ и ласково трепля ея руки въ своихъ пухлыхъ ладоняхъ: — шалунья! Сейчасъ узналъ! Не перемѣнилась! Такая же хорошенькая, и глаза! Въ Петербургѣ все живете?

— Да, графъ...

— Давно пріѣхали въ Москву?

— Сегодня.

— Это хорошо! невѣдомо къ чему счелъ нужнымъ одобрить старецъ и спросилъ затѣмъ:

— Отца видѣли?

Она поспѣшила скорѣе замять этотъ вопросъ и, не отвѣчая на него, проговорила:

— Я чрезвычайно рада видѣть васъ, графъ, и въ добромъ здоровьѣ... Вы всегда были такъ добры ко мнѣ!...

Хозяйка между тѣмъ, подозвавъ къ себѣ глазами Троекурова, подвела его къ графу и назвала его.

— Троекуровъ! воскликнулъ онъ разводя ладони, — Василья Борисовича сынъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ; — покойный батюшка мнѣ не разъ говорилъ о васъ; онъ васъ очень любилъ.

— Знаю! А зачѣмъ ты у меня не бываешь? Стыдно! Съ отцомъ твоимъ вмѣстѣ флигель-адъютантами у государя Александра Павловича были!...

Троекуровъ не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ старецъ, быстро обернувшись въ сторону княжны Кубенской, заголосилъ ласково, кивая на нее:

— Вотъ и ея отецъ тоже! Здравствуйте! Гордая какая сидитъ, меня не видитъ! засмѣялся онъ.

— Я вамъ кланялась, графъ, *вы* не видѣли, сказала она, и мимолетная улыбка, измѣнившая всю ея физіономію, пронеслась и тутъ же потухла на ея губахъ.

Она встала, шагнула къ нему и подала руку.

— На отца похожа! запѣлъ онъ снова, удерживая эту руку въ своей рукѣ;—умный человѣкъ былъ! Желѣзный, кланяться не умѣлъ! Если бы не характеръ, не такую бы карьеру сдѣлалъ! Въ Сибири держали до смерти... Покойный императоръ его цѣнилъ, только ходу не давали...

— Угодно вамъ чаю, графъ, спросила подходя къ нему и присѣдая Сашенька.

— Благодарствуйте! Пилъ дома! Милое дитя!

Онъ опустилъ руку Киры и принялся хлопать по рукѣ Александры Павловны:

— Въ Петербургѣ были,—знаю! Весело было?

Марья Яковлевна поспѣшила отвѣтить за дочь:

— Очень, графъ, очень! На большой балъ попали, въ grand monde, къ Краснорѣцкой; всю царскую фамилію видѣли. Одинъ изъ князей танцовалъ съ нею.

— Un des grands... вся сомлѣвъ отъ неожиданной возможности такого счастья для такой незнатной въ ея понятіяхъ дѣвушки, какъ Сашенька Лукоянова, воскликнула княгиня Аглая Константиновна; — il a dansé avec vous, mademoiselle? примолвила она, съ нѣкоторою уже благоговѣйностью взглянувъ на дѣвушку.

— Да, да; она—я и не ожидала даже, — имѣла большой

успѣхъ на этомъ балѣ, заморгала, наклоняясь къ ея уху, Марья Яковлевна, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не оскорбить скромности дочери. — Да что же, графъ, хоть присядьте къ намъ, по крайней мѣрѣ! обратилась она къ нему, опускаясь сама на свое мѣсто.

Онъ сѣлъ подлѣ нея.

— Что въ Петербургѣ слышали? спросилъ онъ.

— Насчетъ чего, графъ?

— Ну, вотъ, что они тамъ насчетъ крестьянъ сочиняютъ?

— Ничего, по правдѣ сказать, не слышала, повинилась смѣясь Марья Яковлевна;—съ балами этими, да выѣздами ни съ кѣмъ и говорить-то объ этомъ не пришлось... И не слышно тамъ ничего особеннаго, каждый своимъ занятъ, Вавилонъ какой-то!...

— Если вамъ угодно, графъ, я могу вамъ сообщить совершенно свѣжія новости, вмѣшалась въ разговоръ Ольга Елпидифоровна: — я вижу многихъ участвующихъ въ коммисіи и...

Онъ не далъ ей договорить: ему нисколько не было интересно то, что могла она сообщить ему; мнѣніе его о томъ, о чемъ онъ спросилъ сейчасъ г-жу Лукоянову, не способно было измѣниться ни отъ какого извѣстія; оно непререкаемо и цѣльно стояло въ головѣ его, и самый вопросъ былъ сдѣланъ имъ развѣ лишь для того, чтобъ имѣть случай высказать это свое имѣніе:

— Знаю! Все вздоръ! Людей сначала приготовить надо! А то распустятъ, а потомъ некому сдержать будетъ! Гдѣ люди? Всѣхъ знаю! Никого нѣтъ!

— Распустятъ, ахъ, распустятъ, вѣрно это! завздыхала Марья Яковлевна.

— C'est affreux! испустила за нею вслѣдъ княгиня Аглая, испуганно закатывая свои круглые глаза подъ лобъ;—je m'enferme déjà maintenant pour dormir, de peur des gens.

— Нельзя вѣдь однако противъ требованій вѣка, сестрица, заговорилъ съ другой стороны стола Ламартинъ. Овцынъ, обращаясь словомъ къ хозяйкѣ, но косясь на графа, которому намѣренъ былъ отпустить колкость (онъ былъ однимъ изъ

рьянѣйшихъ ораторовъ оппозиціи московскаго „государственнаго совѣта“, какъ называлъ графъ тамошній Англійскій Клубъ, въ пору владычества нашего старца надъ Москвою),— когда вся образованная Европа свободна, оставаться намъ однимъ варварами.

— Поѣзжайте въ Европу, болтуновъ и тамъ много! такъ и огорошилъ его бывшій московскій паша;—а эти варвары вашу Европу спасли въ Тринадцатомъ году, и она имъ въ ножки кланялась вся до едина!

— Я позволю себѣ замѣтить однако вашему сіятельству... язвительно началъ было Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Дворянство по міру пустятъ! запѣлъ опять свое графъ, не слушая его,—а кѣмъ замѣнятъ? На дворянствѣ тронъ держался! Жили вѣка такъ! Худъ-ли, хорошъ, порядокъ былъ какой-нибудь! А какъ тронете, между трономъ и зипуномъ ничего не оставите, что̀ тогда? Старыхъ слугъ вонъ, а новыхъ изъ прохвостовъ станете брать? Теперь всякъ мѣсто свое зналъ, а тогда каждый вверхъ захочетъ лѣзть. А не попалъ— за топоръ! Такое государство развѣ можно вдругъ безъ фундамента? Смута пойдетъ одна, мерзость, вотъ какъ во Франціи было!...

— Я позволю себѣ замѣтить однако вашему сіятельству, упорно повторилъ свою фразу Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—что дворянство и такъ теперь разорено до тла, или въ долгахъ все...

— Кто съ крестьянъ дралъ послѣднее и въ карты проигрывалъ, невозмутимо отпустилъ на это графъ, — тотъ и остался безъ ничего! А хорошій помѣщикъ и свою выгоду знаетъ, и народу пользу приноситъ.

— Мнѣ кажется однако, графъ, сказалъ Троекуровъ, заинтересовавшійся и личностью, и оригинальною рѣчью этого представителя иныхъ временъ и воззрѣній, и оставшійся стоять подлѣ него, прислушиваясь къ разговору, — хорошій помѣщикъ ничего не потеряетъ отъ уничтоженія крѣпостнаго права; ихъ, мнѣ кажется, даже можетъ больше у насъ явится, потому что каждый тогда человѣкъ съ умомъ и капиталомъ будетъ имѣть право пріобрѣсти землю.

Ладони графа раскинулись вѣеромъ!

— А кто онъ будетъ? Говори! Бородачъ? Онъ въ три года землю эту выпашетъ, лѣсъ спуститъ весь на срубъ, капиталъ свой съ процентомъ вернетъ—и кинетъ! А примѣръ народу забылъ? Духъ какой—подчеркнулъ старикъ,—перейдетъ отъ него въ народъ? Народъ знаетъ теперь барина, воспитаніе его и службу уважаетъ. Знаетъ и солдатъ, потому впереди его идетъ баринъ въ сраженьи! А этотъ чему научитъ? Обмѣривать и обвѣшивать своего же брата мужика?

Кавказецъ не нашелъ отвѣта и замолкъ.

Княгиня Аглая Константиновна шептала тѣмъ временемъ на ухо хозяйкѣ:

— Ce monsieur Троекуровъ est le neveu du vieux Остроженко?

— Да! Борисъ Васильичъ, сказала та,—позвольте васъ представить княгинѣ Шастуновой...

Онъ поклонился. Она протянула ему руку:

— Je vous félicite, monsieur, avec un superde héritage! Вы знаете, графъ, вѣдь это теперь наслѣдникъ всего имѣнія Остроженковскаго.

— Знаю! Помню, сказалъ онъ вдругъ, обернувшись къ Троекурову,—когда отецъ твой съ покойнымъ Акимомъ Иванычемъ еще друзьями были, на одной квартирѣ въ Семеновскомъ полку жили! А потомъ враги стали; и до смерти не могли простить другъ другу!

— Отецъ мой не имѣлъ ничего противъ Акима Ивановича, замѣтилъ Троекуровъ;—тòтъ никакъ простить не могъ, что сестра его вышла противъ его воли за моего отца.

— Il ne vous aimait pas aussi, vous! отпустила ему княгиня со своею глупою улыбкой;—онъ всегда пріѣзжалъ ко мнѣ по четвергамъ faire ma partie de préférence, и когда говорилъ о васъ, то toujours en mal!...

— Отчего у нихъ первая ссора вышла? прерывая ее, спросила Марья Яковлевна графа.

— Завистливъ былъ покойный всегда, отвѣчалъ онъ:—Троекуровъ, Василій Борисычъ, воспитанный человѣкъ былъ, ловкій, за границей учился. Александръ Павлычъ адъютантомъ его къ себѣ взялъ. Ну, а тотъ, не смотря на богатство,

остался лямку тянуть... Простить не могъ... И женщина тутъ одна примѣшалась, вдовушка хорошенькая,—добавилъ графъ шепоткомъ и подмигивая своимъ собесѣдницамъ:—тотъ жениться хотѣлъ, а Троекуровъ отбилъ и безо всякой свадьбы...

— Ну, конечно, это причина достаточная! разсмѣялась Марья Яковлевна.

— Стрѣлялись вѣдь они тогда изъ-за этого, засмѣялся и графъ, — только и тутъ ему не повезло: Троекуровъ же всадилъ ему пулю въ икру! Тутъ онъ со злости и на службу плюнулъ, и въ Москву жить переѣхалъ!

— Я была еще очень молода, въ свѣтъ еще не выѣзжала, продолжала г-жа Лукоянова, относясь къ Троекурову,—когда по всей Москвѣ было только и говору, что про эту свадьбу вашей матушки. Акимъ Ивановичъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; онъ ее, говорятъ, запиралъ, морилъ голодомъ... Вѣдь она гораздо его моложе была; онъ послѣ смерти родныхъ воспиталъ ее и привязался какъ къ дочери, жениться самъ не хотѣлъ изъ-за нея...

— Совершенно такъ, сказалъ Троекуровъ,—и мой покойный отецъ самъ говорилъ мнѣ, что онъ вполнѣ понималъ, какъ должно было казаться ужаснымъ Акиму Ивановичу отдать за него сестру! Но это все-таки не дозволяло ему дѣлать то, что̀ онъ дѣлалъ...

— Совсѣмъ спятилъ тогда человѣкъ! прервалъ графъ.— Я былъ тогда финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, и оттуда къ себѣ, въ Студенецъ, пріѣхалъ, когда эта свадьба была. Онъ по всей Москвѣ траурные билеты разослалъ: сестра моя, молъ, Маргарита Ивановна, волею Божіею помре такого-то числа, въ такомъ-то часу, въ томъ самомъ, когда ей вѣнчаться ѣхать.

— Да, да, воскликнула Марья Яковлевна,—я помню, тогда разсказывали...

— У меня до сихъ поръ сохранилось такое траурное извѣщеніе, сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ какою-то заискивающею улыбкой, адресуясь черезъ столъ къ Троекурову.

— Если бы не князь Дмитрій Владиміровичъ, молвилъ графъ,—государь покойный за эту штуку хотѣлъ его въ су-

масшедшій домъ на цѣпь! Сослали только въ имѣніе. Черезъ годъ вернули опять!

— Отецъ мой самъ просилъ объ этомъ государя, промолвилъ Кавказецъ.

— Да, добрый былъ человѣкъ Василій Борисовичъ, и умный!... А теперь гдѣ люди? воскликнулъ старецъ, возвращаясь къ залегшему въ головѣ его помыслу, и поднялся съ мѣста.

— Да, мало, сказала усмѣхнувшись Ольга Елпидифоровна;— я *всѣхъ ихъ* вижу въ Петербургѣ, но *человѣка*, по правдѣ сказать, не встрѣчала.

— Les hommes sont si rares en général, сочла нужнымъ вздохнуть по этому случаю княгиня Шастунова.

— А плотину снести хотятъ, чтобы все затопило! произнесъ таинственно на этотъ разъ графъ, склоняя голову и не подымая уже, а разводя веслами свои ладони.

Онъ взялъ со стула фуражку, всталъ и обвелъ общимъ поклономъ присутствующихъ.

— Куда же это вы, графъ, рано? плачущимъ тономъ проговорила хозяйка.

— Нѣтъ! У меня положено! Въ одиннадцать ровно—въ постелькѣ! Прощайте! Троекуровъ, стыдно, что у меня не былъ!...

Онъ пожалъ руку дамамъ и вышелъ изъ комнаты, переваливаясь съ боку на бокъ своею быстрою и еще бодрою походкой. Хозяйка провела его до передней...

— И вотъ-съ, подъ гнетомъ такого человѣка десять лѣтъ мы здѣсь прожили! обращаясь снова къ Троекурову, желчно выговорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ.

— Ничего не гнетъ, сказалъ на это Ашанинъ:—добрѣйшій человѣкъ со старою генеральскою придурью,—какимъ на мѣстѣ былъ, такимъ и теперь остался.

Кавказецъ улыбнулся:

— Фонвизинскій Здравомыслъ!... А впрочемъ, кто поживетъ—увидитъ, промолвилъ онъ шутливо, и отошелъ опять къ Александрѣ Павловнѣ.

Княжна Кира повела ему вслѣдъ длиннымъ взглядомъ, поднялась и прошла въ залу.

Чай былъ отпитъ; все остальное общество послѣдовало за нею.

Фифенька, не любившій „головоломныхъ“ разговоровъ, а потому молчавшій во все время, пока былъ графъ, попробовалъ было теперь опять поднять на-смѣшки княгиню Аглаю Константиновну, но она отвернулась отъ него за первымъ его словомъ, и махнувъ рукой проговорила:

— Ne vous approchez pas de moi, vous êtes une peste!

Онъ расхохотался, и подошелъ къ Ашанину:

— Вы здѣсь ужинать останетесь?

— Не знаю... нѣтъ, у меня голова болитъ.

Фифенька наклонился къ его уху:

— Одинъ кусокъ готовятъ свѣжій для хозяйки, а остальное все вчерашнее, разогрѣтое. Вы замѣтьте, Архипъ подавать станетъ ей первой и пальцемъ-то большимъ ткнетъ на хорошій кусокъ; она возьметъ, а гостямъ дохлятина.

— Какой вздоръ!

— Вѣрьте, не вѣрьте, а я подглядѣлъ le truc... Какъ это настоящее говорится, спохватился онъ вдругъ почему-то: truc или tric?... Развѣ у умной княгини спросить?—Онъ свистнулъ и фыркнулъ со смѣха.—А, все равно! Прощайте, я въ клубъ!... А хороша déesse правда? Femme chic, настоящая!...

И онъ исчезъ.

Въ залѣ разбились группами. Княжна Кира сѣла опять за свои пяльцы, а къ ней опять присѣлъ неизбѣжный Овцынъ. Княгиня Шастунова совершенно завладѣла Ольгой Елпидифоровной: она допытывала петербургскую барыню чуть не до обморока про сына, про эту „coquine Lucie Ladrague“, на которую онъ истратилъ cinquante mille, про его „tenue dans le monde“, про то, какъ она думаетъ, „когда его могутъ сдѣлать aide de camp de Sa Majesté?“ Марья Яковлевна слушала смѣясь, глядя на свою молодую гостью, и только плечами пожимала.

— Помилуйте, княгиня, какъ можетъ знать это все madame Rantzof? попробовала было она выручить ее.

— Oh, une jolie femme sait toujours ce qu'elle veut savoir! отпустила въ отвѣтъ княгиня, любезно улыбаясь своей жертвѣ,

и продолжала допекать ее разспросами и просьбами „prendre de l'influence sur mon fils qui me coûte les yeux de la tête!“

Ольга Елпидифоровна подняла умоляющіе глаза на сидѣвшаго невдалекѣ Ашанина, какъ бы говоря: „хоть бы вы нашли средство меня избавить“.

Но Ашанинъ только закусилъ губы и не тронулся. Онъ не подходилъ къ ней съ видимою нарочитостью, которую она какъ-то смутно угадывала и объясняла себѣ тѣмъ, что онъ избѣгалъ повода напомнить княгинѣ о его ухаживаніи за ней въ пору ея дѣвичества, и дать тѣмъ возможность этой глупой женщинѣ ляпнуть какую-нибудь пошлую шутку. „Это хорошо съ его стороны!“ подумала она—и предалась со смиреніемъ на дальнѣйшія истязанія своего палача въ наколкѣ.

Подъѣхали между тѣмъ новые гости. Вошелъ нѣкто Моховъ, недавно кончившій курсъ въ университетѣ, небогатый молодой человѣкъ, два уже года страстно и безнадежно влюбленный въ Сашеньку; вползла какая-то очень древняя княжна съ двумя сѣдыми букольками, въ видѣ колбасокъ пристегнутыми къ налѣзавшему на самые глаза чепцу, и съ французскимъ произношеніемъ русской рѣчи, родственница хозяйки, которая и сочла нужнымъ представить ей незнакомаго ей Троекурова. Древняя особа затрясла головой въ видѣ поклона, поглядѣла на него тусклыми глазами и, обернувшись на Марью Яковлевну, громко спросила:

— Кто онъ, ma chère, офисеръ аль capitan?

— Полковникъ, тетушка! крикнула ей на ухо нѣсколько раздосадованная Марья Яковлевна.

— Грибоѣдовская Москва! фыркнулъ вслухъ у пялецъ Иринархъ Овцынъ.

Овцынъ-Ламартинъ обернулся испуганно на сына. Но эпизодъ прошелъ незамѣченнымъ, затерявшись въ звукахъ какой-то фортепіанной піески, заигранной Моховымъ по просьбѣ Александры Павловны.

Не было еще одиннадцати часовъ, но никакого уже терпѣнія не хватало Ольгѣ Елпидифоровнѣ. Она встала съ мѣста и начала прощаться съ хозяйкой.

— Куда же вы? всполошилась та, — рано, у меня всегда ужинаютъ...

— Нѣтъ, pardon chère madame, не могу, право, я очень устала...

Марья Яковлевна поглядѣла на нее:

— Я васъ впрочемъ понимаю, сказала она, пожимая ей обѣ руки и чуть-чуть мигнувъ въ сторону Аглаи Константиновны,—и отпускаю васъ съ миромъ. Надѣюсь, до свиданія?...

— Непремѣнно, если только пробуду въ Москвѣ...

— Et moi aussi j'espère que vous viendrez me voir, запѣла княгиня. — Я очень буду рада. Vous me rappelez un si bon temps. Помните la pauvre Lina? Vous lui êtiez si dévouée!...

Пока шла эта болтовня, Ашанинъ, присѣвшій было къ круглому столу, за которымъ помѣщалась Сашенька, вмѣстѣ съ Троекуровымъ и Шигаревымъ, разсказывавшимъ ей какой-то старый анекдотъ, всталъ и взялся за шляпу.

— Вы уходите? проговорила равнодушно дѣвушка. „Если бы всѣ они могли уйти и оставить меня съ *нимъ!*“ подумала она.

— Да, у меня ужасно голова болитъ, торопливо отвѣтилъ онъ и выскользнулъ изъ залы.

Ольга Елпидифоровна, распрощавшись со всѣми и доведенная до передней очарованною ею хозяйкой и ея дочерью, спускалась съ лѣстницы, кутаясь въ свою чернобурую лисицу и выражая мысленно по-французски вынесенное ею изъ этого дома впечатлѣніе: „Mon Dieu, quelle province!“ Красноносый Архипъ, выѣздной Марьи Яковлевны, крѣпко придерживаясь за перила, чтобы не уронить своей вѣчно упитанной спиртомъ особы, трусилъ, предшествуя ей ко крыльцу, говоря себѣ въ свою очередь: „Безъ человѣка своего ѣздютъ, а еще петербургской дамой прозываются!“

Онъ дернулъ ходившею на блокѣ выходною дверью и вышелъ во дворъ.

— Пожалуйте! сказалъ онъ, возвращаясь черезъ мигъ.

У самаго крыльца стояла только-что подкатившая карета.

— А фонари? вскликнула Ранцова, подымая глаза на кучера, слабо освѣщеннаго на козлахъ своихъ свѣтомъ масля-

ной лампы за стеклянным колпакомъ, вставленной надъ выходною дверью;—ты фонарей не зажегъ!

— Ничего-съ, отвѣчалъ онъ соннымъ голосомъ,—и такъ довеземъ!..

— У насъ въ Москвѣ просто! добавилъ къ этому самодовольно Архипъ и отворилъ дверцы:—пожалуйте.

Она вошла...

— Пошелъ! крикнулъ онъ, захлопывая дверцы за нею...

Карета тронулась, и въ то же мгнованіе кто-то, быстро отворивъ ее съ другой стороны, вскочилъ въ нее на-ходу и опустился рядомъ съ красивой барыней.

— Владиміръ Петровичъ! вскрикнула она, еще не распознавъ его въ темнотѣ, но тотчасъ же догадавшись, что это онъ, по дерзости выходки,—что̀ вы дѣлаете! Карета нанята мужемъ, кучеръ знаетъ его въ лицо, разскажетъ...

— Вашу карету я отослалъ, это другая, кучеръ не знаетъ ни васъ, ни меня... А я такъ счастливъ!..

Онъ охватилъ ее одною рукой, другою завладѣлъ ея руками, и его палящія губы такъ и ожгли ея лицо...

XIII.

Нѣтъ ужь не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покоя;
Сила и воля нужны мнѣ для страшнаго боя...

Графъ А. Толстой.

Карета только-что скрылась за воротами, и Архипъ еще стоялъ на крыльцѣ, глядя слезившимися глазками на мѣсячное небо, какъ во дворъ, визжа полозьями, скользнули широкимъ раскатомъ сани, и сидѣвшій въ нихъ господинъ въ шинели и фуражкѣ съ кокардой окликнулъ его изъ нихъ:

— Эй, любезный, это домъ Лукояновой госпожи?

— Извѣстно ихній... а то чей еще? фыркнулъ въ отвѣтъ огорошенный и видимо даже оскорбленный такимъ удивительнымъ для него вопросомъ старый дворовый.

Господинъ выскочилъ изъ саней:

— Такъ вотъ что̀, любезный,—у барыни твоей гости?...

— Точно такъ, гости-съ... А вамъ что̀ угодно?...

— Такъ вотъ что̀, повторилъ, прерывая его, тотъ:—тутъ моя жена...

— Не могу знать-съ!

— И не знаешь, конечно, нетерпѣливо молвилъ пріѣхавшій: — она въ первый разъ у васъ... Пріѣзжая изъ Петербурга, молодая дама, Ольга Елпидифоровна Ранцова.

— Изъ Петербурга? протянулъ Архипъ,—молодыя, безъ человѣка пріѣзжали?

— Да, да!

— Онѣ вотъ сею минутой только уѣхать изволили: онѣ изъ воротъ только, а вы въ ворота...

— Такъ это она была! Ранцовъ кинулся къ своимъ санямъ.—Поворачивай скорѣе! крикнулъ онъ извощику.—Я карету ея не призналъ, проговорилъ онъ.

Архипъ ухмыльнулся и качнулъ головой:

— А и какъ признать-то? Потому, первое, не свой экипажъ, да и не та совсѣмъ, потому ихняя безъ колеса осталась, такъ самъ Владиміръ Петровичъ ѣздили имъ другую нанимать.

— Какой Владиміръ Петровичъ?

— Ашанинъ господинъ... извѣстно какой! фыркнулъ опять тотъ съ выраженіемъ новаго изумленія: не знать, молъ, такого господина, какъ Владиміръ Петровичъ!

— Пошелъ! крикнулъ Ранцовъ, вскакивая въ сани съ безсознательно сдвинувшимися бровями; — тутъ карета одна выѣхала сейчасъ, видѣлъ? Норови нагнать скорѣе!

— Видѣлъ, влѣво приняла; нагонимъ, баринъ. Извощикъ хлестнулъ свою лошадь.

„Досадно“, говорилъ себѣ Никаноръ Ильичъ, нетерпѣливо и тревожно выглядывая прищуренными глазами изъ-за спины его въ даль пустынныхъ московскихъ улицъ: „не засталъ ее тутъ, бѣдную, и предувѣдомить не успѣлъ... Придется теперь уже дома... Не пущу войти безъ себя, пока не приготовлю къ бѣдѣ къ этой“.

Онъ глубоко скорбѣлъ и путался въ мысляхъ. „Она можетъ на отвѣтственность мою возложить... Какъ я допустилъ, зачѣмъ далъ этой Анфисѣ?.. Такъ вѣдь она-жь сама приказывала, чтобы по-прежнему, чтобъ та и чай подала ему, и все... Какъ же мнѣ предвидѣть было!.. А теперь „до утра, до утра не проживетъ“, говоритъ докторъ... Господи...“.

Онъ упросилъ доктора („милый человѣкъ, сейчасъ пріѣхалъ!“) оставаться при *немъ*, покуда самъ онъ съѣздитъ за женой и привезетъ ее... „И докторъ тутъ, ну, и Анфиса эта, и Сергѣя моего тоже нарядилъ, чтобы ни на минуту не покидалъ его... Не одного оставилъ... Только чтобъ ей теперь застать его еще, застать, чтобы по крайности дочерняя рука глаза ему закрыла!..“

— Во, катитъ, обернулся на него извощикъ, указывая

кнутомъ на быстро подвигавшійся впереди черный остовъ колеснаго экипажа;—перегнать что-ль требуется?

— Д-да, двигайся живѣй... за нею! нерѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ Ранцовъ.

Обычная ему съ женой робость впала ему опять въ душу. „Что̀-жь ее останавливать теперь посреди улицы, только испугать хуже!“ доказывалъ онъ самъ себѣ,—„не засталъ тамъ, у этихъ Лукояновыхъ, такъ теперь ужь какъ пріѣдемъ, на крыльцѣ ее высажу... и приготовлю...“

— Пошевеливай-ка кнутомъ, пошевеливай! закомандовалъ онъ со внезапною опять мыслью перегнать карету, чтобы пріѣхать раньше и дождаться ея на этомъ крыльцѣ, и тутъ же попридержалъ за плечо своего рисхлеставшагося возницу:

— Добро, довольно, не отставай только!...

„Съ этими наемными экипажами—бѣда!“ пришло ему въ голову: „лучше ѣхать за нею, а то неравно что̀ случится, не замѣтишь! Вотъ, говорилъ этотъ, та карета ея безъ колеса осталась, а это другая... „Владиміръ, молъ, Петровичъ сами нанимали“, повторилъ съ невольною усмѣшкой онъ... „Это тотъ самый, который“... не договорилъ себѣ Никаноръ Ильичъ. Предъ нимъ мгновенно блеснуло далекое воспоминаніе: темная лѣтняя ночь въ богатой усадьбѣ Шастуновыхъ, полусумасшедшая старая дѣва, влюбленная въ этого самого Владиміра Петровича, бесѣдка въ саду, „скандалъ“, и тамъ съ нимъ она, Оля...

Онъ мотнулъ головой, отгоняя этотъ „вздоръ“ изъ головы. „Своевольница была она всегда такая, сумасбродница... и безъ умыслу безо всякаго дурнаго, а такъ, что̀ въ голову втемяшется, такъ сейчасъ и“... Чего онъ только въ ту ночь ни передумалъ, какъ ни перемучился, а понялъ все же, что это „легкомысліе одно“, да молодость — и простилъ. И вотъ онъ десятый годъ женатъ на ней, „и какого, кажется, еще больше соблазну нужно женщинѣ, какъ отъ всѣхъ этихъ ея въ Петербургѣ графовъ, князей и вельможъ? А она только, умница моя, водитъ ихъ всѣхъ, да вертитъ, и сама же мнѣ, какъ найдетъ на нее такой стихъ, про все про это до ниточки доложитъ, и хохоту-то тутъ что̀ бываетъ у нея, что̀

словъ такихъ ловкихъ, что кажется бы въ книжку только напечатать. И сама даже очень, можно сказать, строга, напротивъ, насчетъ всего такого, вотъ хоть бы взять нынче съ этою Анфисой, напримѣръ"...

— Да куда-жь это она? уже громко проговорилъ онъ, замѣтивъ, что карета, доѣхавъ до Никитскихъ воротъ, не продолжала вверхъ по Тверскому бульвару, а повернула по Никитской внизъ.

— А намъ все за ними, баринъ? спросилъ извощикъ, умѣряя рысь лошади.

— Да, да, пошелъ... Все одно, низомъ можно, объяснилъ себѣ Ранцовъ, запахиваясь плотнѣе въ шинель отъ пронимавшаго его холода.

„Господинъ Ашанинъ", воскресало у него опять въ памяти, „барчукъ балованный, безпардонная головка! Можетъ, теперь поскромнѣе сталъ, а въ ту пору даже жутко слушать было, что̀ про него разсказывали"... И Никанору Ильичу вспомнился вдругъ во всей подробности одинъ изъ тѣхъ, всегда коробившихъ нравственное чувство его, разнузданныхъ разсказовъ про Ашанина, которыми наглый Свищовъ послѣ ужина имѣлъ привычку угощать въ Сицкомъ холостую компанію лицедѣевъ „*Гамлета:*" — какъ этотъ „баловень" однажды, нанявъ нумеръ въ одной извѣстной московской гостиницѣ, назначилъ будто бы тамъ свиданіе въ одинъ и тотъ же день двѣнадцати барынямъ, „все мужнинымъ женамъ", опредѣливъ каждой изъ нихъ по часу, отъ 12 часовъ дня до 12 ночи, и пробесѣдовалъ затѣмъ съ ними все положенное время, съумѣвъ такъ устроить, что ни одна изъ нихъ не заподозрила, что у нея могутъ быть конкуррентки, и каждая ушла счастливая и увѣренная въ неизмѣнной къ ней одной страсти ихъ общаго, безсовѣстнаго Донъ-Жуана... Ранцовъ и тогда не повѣрилъ этой исторіи, но, по его строгимъ понятіямъ, со стороны Ашанина уже было то̀ скверно, что онъ не опровергалъ съ негодованіемъ этихъ разсказовъ Свищова, а смѣялся имъ сочувственно вмѣстѣ съ другими, да пожалуй и пуще всѣхъ другихъ...

А карета Ольги Елпидифоровны, за которою шагахъ въ

пятнадцати слѣдовали сани ея мужа, свернувъ съ Никитской, выѣзжала тѣмъ временемъ Камергерскимъ и Кузнецкимъ переулками на Кузнецкій Мостъ и, проѣхавъ первый его кварталъ, взяла вправо по Неглинному проѣзду.

— Да что-жь это, куда? Назадъ, налѣво! крикнулъ безотчетно Никаноръ Ильичъ, порывисто подымаясь со своего сидѣнья и ухватывась за плечи своего извощика.

Тотъ затпрукнулъ и осадилъ лошадь:

— Ворочать что-ль?

— Нѣтъ, нѣтъ, *они* не туда взяли,—догоняй!

Но карета, проѣхавъ улицу до перваго ея перекрестка, круто повернула за уголъ Софійки и исчезла изъ глазъ.

— Пошелъ, пошелъ! погонялъ Ранцовъ.

Сани его, описавъ широкую дугу, завернули за тотъ же уголъ, очутясь на другой сторонѣ улицы.

— Стали! проговорилъ извощикъ, натягивая вожжи и осаживая еще разъ.

Никаноръ Ильичъ, ухватившійся на раскатѣ за его поясъ, чтобы не вылетѣть изъ саней, быстро повернулъ голову.

Карета дѣйствительно остановилась и стояла у крыльца той именно, знакомой Ранцову по своей репутаціи, гостиницы, въ которой когда-то Ашанинъ назначилъ въ одинъ и тотъ же день свиданіе двѣнадцати полоненнымъ его красотой „мужнинымъ женамъ“... И самъ онъ, собственною особой, стоялъ теперь на этомъ крыльцѣ въ шубкѣ и шапкѣ изъ сѣрыхъ смушекъ (Ранцовъ какимъ-то чутьемъ угадалъ его скорѣе, чѣмъ призналъ въ первое мгновеніе,) и нервно дергалъ за ручку колокольчика, обернувшись въ то же время къ каретѣ всѣмъ освѣщеннымъ мѣсяцемъ, лицомъ своимъ.

— Мнѣ, значитъ, совралъ этотъ лакей, растерянно проговорилъ себѣ Никаноръ Ильичъ, — *онъ* нанималъ карету для себя, а Оля... Господи, что же это такое? внезапнымъ стономъ застонало тутъ же въ его груди. Въ отворившуюся дверь гостиницы, вслѣдъ за Ашанинымъ, быстро скользнула только-что высаженная имъ изъ кареты женская особа съ укутанною вплоть кружевнымъ платкомъ головой и въ бархатной шубѣ, малиновый цвѣтъ которой отлилъ на мигъ подъ

свѣтомъ, вырвавшимся изъ двери наружу... И все затѣмъ исчезло за этою снова захлопнувшеюся дверью съ быстротой какого-то сновидѣнія.

— Стой! крикнулъ Ранцовъ задыхавшимся голосомъ, выскочилъ изъ саней и, перебѣжавъ улицу, ухватился за колокольчикъ—и рванулъ.

Дверь отворилась не сейчасъ, и придерживавшій ее рукою за замокъ полусонный швейцаръ опросилъ его хриплымъ голосомъ:

— Что̀ вамъ угодно?

— Тутъ сейчасъ пріѣхали... господинъ одинъ, съ дамой... ужинать, домолвилъ Ранцовъ насколько могъ спокойнѣе и находчивѣе.

— Ужинать? протянулъ какъ бы недовѣрчиво тотъ, принимая однако руку отъ замка и пропуская его въ дверь: — вы съ ними?...

— Да... Гдѣ они?

— На верхъ пожалуйте! съ видимою неохотой промолвилъ травленый Церберъ, лѣниво скидывая шинель съ плечъ вошедшаго;—тамъ спро̀сите...

Никаноръ Ильичъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и трясущимися руками взбѣжалъ стрѣлой по ступенькамъ и очутился въ недлинномъ корридорѣ, куда выходили двери шести или семи помѣщавшихся тутъ нумеровъ. У одной изъ этихъ дверей стоялъ слуга, замѣтно только-что вышедшій изъ нея и остановившійся тамъ при видѣ поспѣшно шагавшаго къ нему „господина“.

— Поди сюда! глухо и рѣзко кликнулъ его на-ходу тотъ.

Слуга двинулся не торопясь ему навстрѣчу.

— Ты господина... Ашанина знаешь? проговорилъ черезъ силу Ранцовъ, передохнулъ и спросилъ снова:—Ашанина, понялъ? Знаешь его въ лицо?

— Знаю-съ, пробормоталъ оторопѣло слуга; — а вамъ на что̀-съ они?

— Онъ здѣсь, въ этомъ нумерѣ? отрѣзалъ, указывая рукой, Никаноръ Ильичъ и пошелъ далѣе.

Слуга побѣжалъ за нимъ.

— Позвольте, надо доложить! громко выговорилъ онъ, храбро становясь передъ дверью нумера, къ которому направлялся Ранцовъ.

Зеленые огни запрыгали въ глазахъ бывшаго браваго армейца. Онъ схватилъ его за шиворотъ, отшвырнулъ отъ себя съ какою-то самимъ имъ невѣданною силой и, нажавъ разомъ ручку, дернулъ къ себѣ дверь—и вошелъ...

Онъ какъ-то мгновенно обнялъ взглядомъ всю внутренность комнаты: полинялые, тисненные подъ бархатъ, зеленаго цвѣта обои и темный коверъ во весь покой, старомодная краснаго дерева мебель, обитая порыжѣвшимъ трипомъ, двѣ зажженныя въ высокихъ шандалахъ свѣчи на овальномъ гладкомъ столѣ, — и въ углу, отгороженномъ ширмами, очеркъ двухъ взбитыхъ подушекъ на широкой кровати.

Ольга Елпидифоровна, закинувъ нѣсколько голову назадъ, съ отброшеннымъ на затылокъ кружевомъ вуали, стояла посреди этой комнаты, и Ашанинъ, наклонившись до уровня ея подбородка, торопливо и неловко отъ спѣха и волненія, хлопоталъ надъ отстегиваніемъ крючка спиравшей ее у горла шубы...

Внезапный шумъ, шаги, чей-то неожиданный, прерывавшійся, грозный голосъ поразили его слухъ... Онъ вздрогнулъ, обернулся, отпрянулъ инстинктивно отъ нея и, зардѣвшись отъ смущенія и досады до самыхъ волосъ, устремилъ тутъ же сверкающіе глаза на вошедшаго.

Шуба какъ бы сама собою скользнула и скатилась за спину молодой женщины. Она безотчетно, движеніемъ купальщицы, застигнутой въ минуту раздѣванія, поднесла руку къ груди и съ задрожавшими, бѣлыми губами обернулась въ свою очередь всѣмъ тѣломъ къ мужу.

— Вы... вы, хрипѣли и путались слова въ его горлѣ, — у васъ отецъ умираетъ, а вы... *Гдѣ* вы?...

— Никсъ! вскрикнула она,—и оборвала на этомъ словѣ... Изъ страшнаго, никогда ею до тѣхъ поръ невиданнаго такимъ выраженія его лица она поняла разомъ, что это слово было уже безсильно, какъ была бы безсильна всякая попытка

обмана, что для него уже не оставалось сомнѣній, и что сбыть бѣду она могла лишь крайнею дерзостью и самообладаніемъ.

Она шагнула къ нему вся блѣдная:

— Безъ скандала, прежде всего!

Онъ глядѣлъ на нее дикими, будто ничего не видѣвшими глазами. Грудь его тяжело вздымалась и падала; руки поводило судорогами...

— Не для меня, такъ хоть для вашего имени... которое я ношу до сихъ поръ, проговорила она полушопотомъ.— Владиміръ Петровичъ, — обраталась она съ мѣста къ Ашанину,—прошу васъ уйти!

Замѣтное колебаніе сказалось въ чертахъ молодаго человѣка.

— Прошу васъ!... Меня не тронутъ! добавила скороговоркой Ольга Елпидифоровна со скользнувшею на мигъ по губамъ ея надменною улыбкой.—Пропустите Владиміра Петровича! молвила она тутъ-же, вскидывая опять глаза на мужа.

Онъ машинально, какъ бы съ привычною покорностью прежнихъ дней, двинулся съ мѣста.

Ашанинъ низко наклонилъ голову предъ своею сообщницей, словно прощаясь съ нею въ ея гостиной, и направился къ двери.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ! тихо произнесъ онъ, проходя мимо Ранцова.

Тотъ встрепенулся вдругъ, вздрогнулъ:

— Если, — и безумное, глубоко потрясающее отчаяніе сказалось въ звукѣ этихъ словъ,—если я васъ не разорвалъ въ клочки въ первую минуту, то... ступайте съ Богомъ!—И онъ твердымъ и печальнымъ жестомъ указалъ ему пальцемъ на дверь.

Московскій Донъ-Жуанъ не нашелъ слова отвѣтить. Онъ безсознательно опустилъ глаза и вышелъ. На душѣ у него было скверно; онъ предпочелъ бы десять вызововъ этому нѣмому презрѣнію и сознанію той муки, которую несъ отъ него теперь этотъ „сильный“, чувствовалъ онъ, и „хорошій человѣкъ“.

Онъ спустился поспѣшно внизъ, въ буфетъ гостиницы,

потребовалъ бутылку шампанскаго, выпилъ ее залпомъ до дна и, выйдя на улицу, пошелъ къ себѣ домой пѣшкомъ, покачиваясь отъ разобравшихъ его на морозѣ винныхъ паровъ и съ готовыми брызнуть сейчасъ изъ глазъ слезами.

Ольга Елпидифоровна по его уходѣ вздохнула полною грудью; главная,—да и пожалуй вся, думала она,—опасность миновала для нея. Она опустилась на стулъ, подлѣ стола, оперлась о него локтемъ.

— Объясните мнѣ теперь, пожалуйста, начала она своимъ самоувѣреннымъ, давно знакомымъ Ранцову тономъ,—какъ вы сюда попали... и къ чему вся эта сцена?

Онъ стоялъ недвижно, въ трехъ шагахъ отъ нея, и страненъ былъ въ эту минуту взглядъ, которымъ неотступно глядѣлъ онъ ей въ лицо. Какая-то будто новая, никогда имъ доселѣ невиданная женщина сидѣла теперь предъ нимъ и вела съ нимъ рѣчь съ этимъ безстыдствомъ. Горькая усмѣшка блуждала подъ его щетинистыми усами...

— Я вамъ сказывалъ... я поѣхалъ предварить васъ: отецъ вашъ при смерти... а вы... съ любовникомъ, въ этой грязи! неудержимо сорвалось вдругъ у него съ языка. Онъ отвернулся и, сжавъ до мучительной боли свои заледенѣвшіе пальцы, упалъ, словно подкошенный, въ стоявшее близь него кресло.

Ольга Елпидифоровна вспрянула съ мѣста:

— Я не поняла... Папа хуже?... Ѣдемте!

Она кинулась поднимать свою шубу съ пола.

— Помогите же надѣть! почти крикнула она на него.

Онъ поднялся, дрожавшими ознобомъ руками накинулъ ей мѣхъ на плечи—и отошелъ.

— Никсъ, проговорила она вдругъ со внезапнымъ порывомъ,—вы мнѣ простите?

Онъ пристально поглядѣлъ на нее и засмѣялся.

Смѣлая барыня перемѣнилась въ лицѣ:

— Что же это значить должно? гнѣвно вскрикнула она.

Ранцовъ нервно тряхнулъ плечами:

— И къ чему спрашиваете? Извѣстно, вамъ одна дорога, а мнѣ...

Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и вышелъ первый изъ комнаты.

Въ корридорѣ человѣкъ пять слугъ, а съ ними самъ хозяинъ гостиницы похаживали съ озабоченными лицами, въ очевидномъ чаяніи и страхѣ: „не дай Богъ чего въ 3-мъ нумерѣ“.

Никаноръ Ильичъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Чего вамъ тутъ? пропустилъ онъ сквозь стиснутые зубы, шагнувъ къ первому стоявшему у него на пути:—деньги требуются?

— Pardon, monsieur, tout est payé! поспѣшилъ заявить Французъ содержатель, выступая впередъ съ приторно-любезною улыбкой.

— Врешь ты, я плачу за удовольствіе! бѣшено крикнулъ на это Ранцовъ, выхватилъ изъ кармана бумажникъ и, забравъ изъ него въ комъ все, что̀ тамъ случилось ассигнацій, швырнулъ ими въ лицо говорившему.

Жена его между тѣмъ, укутанная до подбородка вуалью, скользила какъ тѣнь мимо стѣны, пробираясь къ лѣстницѣ.

Швейцаръ усадилъ ее въ карету. Она поспѣшно уткнулась въ уголъ и судорожно прижмурила глаза.

Чрезъ мгновеніе вышелъ на крыльцо Никаноръ Ильичъ, кликнулъ свои сани, сѣлъ и, поднявъ до самаго лба свой старенькій бобровый воротникъ, не опускалъ его уже до самаго дома.

Онъ пріѣхалъ ранѣе жены нѣсколькими минутами, и изъ растеряннаго лица Ѳедьки, выбѣжавшаго отворять ему, понялъ, что она уже не застанетъ отца въ живыхъ. Онъ сбросилъ ему на руки шинель и, не выговоривъ ни единаго слова, пробѣжалъ въ спальню Елпидифора Павловича.

Взбѣжавъ на лѣстницу въ свою очередь, Ольга Елпидифоровна застала въ сѣняхъ вышедшаго ей навстрѣчу доктора. Онъ несъ на себѣ офиціально понурый видъ, приличествовавшій данному обстоятельству, который все ей сказалъ...

— Докторъ, неужели?... могла она только выговорить, блѣднѣя и едва переводя дыханіе.

— Que faire, madame? прошепталъ онъ ей на это въ отвѣтъ, вздохнувъ и внушительно разводя руками, — наука не Богъ.

Красивая барыня опустилась на стоявшую тутъ лавку, закинула безпомощно голову назадъ и лишилась чувствъ—въ первый разъ жизни.

XIV.

In welche soll ich mich verlieben,
Da beide liebenswürdig sind?
Heine.

Къ полуночи, послѣ ужина, гости Марьи Яковлевны Лукояновой стали разъѣзжаться. Сашенька вся сіяла, такъ какъ все время по отъѣздѣ Ранцовой и Ашанина проговорила невозбранно съ Троекуровымъ подъ звукъ фортепіано, за которое усадила злополучнаго вздыхателя своего, Мохова, заставивъ его проиграть всѣ до одной піесы его довольно обширнаго репертуара. Бѣдный молодой человѣкъ принимался вздыхать послѣ каждаго новаго указанія дѣвушкой той или другой изъ нихъ, но ослушиваться не смѣлъ и принимался снова бѣгать по клавишамъ своими длинными и худыми пальцами... Шигаревъ присѣлъ къ хозяйкѣ и княгинѣ Аглаѣ, которую онъ не менѣе упорно, чѣмъ Веретеньевъ, подымалъ на-смѣшки каждый разъ, какъ встрѣчался съ нею, но дѣлая это гораздо успѣшнѣе, чѣмъ легкомысленный Фифенька. Онъ никогда не противорѣчилъ ей, а напротивъ поддакивалъ и „входилъ“ въ тонъ и пошибъ ея рѣчей, причемъ передразнивалъ голосъ ея и движенія такъ тонко и искусно, что все кругомъ помирало со смѣху, а она одна благодушествовала и, ни о чемъ не догадываясь, поддакивала ему въ свою очередь и самодовольно озиралась на присутствовавшихъ, говоря: „Monsieur Шигаревъ et moi nous nous entendons toujours si bien“!

Марья Яковлевна такъ и покатывалась, слушая ихъ рѣчи.

Она любовно поглядывала между тѣмъ на дочь и на сидѣвшаго рядомъ съ нею „наслѣдника всего Остроженковскаго имѣнія“ и—чувствовала себя совершенно счастливою.

— Et comment va votre mal de côté, chère madame Loukoianof? вздумалось вдругъ спросить ее княгинѣ Аглаѣ.

— Да все побаливаетъ... Варвинскій говоритъ, что это у меня отъ сердца идетъ. Сердце у меня не въ порядкѣ давно; я знаю, примолвила Марья Яковлевна съ мимолетною тѣнью озабоченности на лицѣ.

— Сердце! воскликнула Аглая, испуганно воззрясь на нее своими „boules de loto“, какъ называли въ Москвѣ ея глаза,— mais c'est très effrayant ça!

Марья Яковлевна засмѣялась.

— Ну, дастъ Богъ, еще поживемъ, княгиня!

— Non, non, ne croyez pas ça! возразила убѣдительнѣйшимъ тономъ та,—les maladies de coeur ne pardonnent jamais!

— Очень вамъ благодарна, княгиня, за такую любезность, отпарировала съ сердцемъ Марья Яковлевна,—но я надѣюсь, что отъ вашего слова не сбудется.

— Ne vous fâchez pas, невозмутимо отпустила на это умная женщина,—я вѣдь это говорю par intêret pour vous.

И она при этомъ встала, пожала вздыхая руку только-что обреченной ею на близкую смерть собесѣдницѣ и поплыла къ двери, мимо княжны Киры, усѣвшейся не вдалекѣ отъ фортепіано, рядомъ со все такъ же не отходившимъ отъ нея Иринархомъ Овцынынъ (Овцынъ-Ламартинъ уѣхалъ еще до ужина).

Она остановилась на-ходу, ухмыльнулась и закивала дѣвушкѣ съ какимъ-то многозначительнымъ и какъ бы лукавымъ видомъ.

Та привстала и поклонилась, отвѣчая на этотъ знакъ прощанья.

— Adieu, chère princesse, проговорила Аглая Константиновна, нагнулась нежданно къ ней и уже прошептала таинственнымъ шопотомъ, который впрочемъ явственно донесся и до Овцына, и до учтиво провожавшей гостью, хотя и донельзя на нее взбѣшенной за „пророчество“ хозяйки:

— Я всегда, chère princesse, когда васъ вижу думаю: Dieu fasse чтобы вы нашли себѣ un parti convenable!—Она пріостановилась и, какъ бы осѣненная новою лучезарною мыслью, тяжело вздохнула и прибавила, глядя на дѣвушку съ выраженіемъ чрезвычайной жалости:—quoique ce soit bien difficille pour une personne qui n'a rien!

Зеленые глаза Киры загорѣлись молніей. Она такъ и ожгла ими свою непрошенную радѣтельницу:

— Je n'ai que faire de vos souhaits, madame, проговорила она чистѣйшимъ парижскимъ акцентомъ,—gardez les pour qui vous les demande!

— Mais... mais je n'ai pas voulu vous offenser, chère princesse, залепетала растерянно Аглая, озираясь кругомъ какъ бы прося себѣ защиты,—bien au contraire...

— Княгиня, кинулся къ ней Шигаревъ, рѣшившій мысленно, что необходимо „произвести сейчасъ же диверсію, а не то до потасовки, пожалуй, дойдетъ",—а что я слышалъ про *Basile, votre fils!* протянулъ онъ ея голосомъ:—весь вечеръ хотѣлъ вамъ разсказать, да все не успѣвалъ, васъ заслушивался...

Она, вся уже багровая, поспѣшно обернулась къ нему:

— Ah, mon Dieu, quoi donc encore,—de nouvelles dettes?

— Н-нѣтъ!. Пожалуй, почище будетъ! отпустилъ онъ, наклонясь къ ея уху съ комически вытянутымъ лицомъ.

Она вскрикнула даже:

— Pourquoi m'effrayez vous comme çà, monsieur Шигаревъ!—Это очень не хорошо que vous dites: „почище"!

— А вотъ пойдемте! сказалъ онъ, завертывая локоть *калачикомъ*:—я васъ доведу до кареты и все вамъ разскажу дорогой...

Она послушно продѣла руку свою подъ его руку и, торопливо обведя послѣднимъ поклономъ присутствовавшихъ, вышла съ нимъ изъ залы въ самомъ жалкомъ состояніи духа.

— Какая дура безобразная! едва исчезла она за дверью, воскликнула Марья Яковлевна, обращаясь къ Троекурову:—вы этакихъ, пари держу, отродясь еще не видывали!

Онъ засмѣялся:

— Да, это не простая, а какая-то triple essence глупости, и даже глупости агрессивной, сколько я могъ замѣтить, примолвилъ онъ, скользнувъ бѣглымъ взглядомъ въ сторону княжны.

Она, уже совершенно овладѣвшая собою, сидѣла по-прежнему холодная и безмолвная, незамѣтно слѣдя за нимъ глазами и прислушиваясь къ его словамъ, между тѣмъ какъ Иринархъ Овцынъ, хихикая и злорадствуя ея отповѣдью княгинѣ Шастуновой, выражалъ ей новую „аппробацію“ по этому случаю:

— Люблю то, что вы не миндальничаете съ этими аристократами, говорилъ онъ ей,—вы сознаете ваше право на жизнь и счастье внѣ условій ихъ безобразной морали. Да, вамъ дѣйствительно не нужно ни пожеланій ихъ, ни совѣтовъ, ни образцовъ! Вы съумѣете пойти по своей, свободной, новой дорогѣ; въ васъ всѣ задатки для этого. И вы ихъ чувствуете въ себѣ, не правда-ли?

Онъ глядѣлъ на нее какими-то хищными, сверкающими и жадными какъ у волка глазами.

— Что̀? спросила разсѣянно Кира, словно пробуждаясь ото сна.

Овцынъ передернулъ желчно губами, замѣтивъ ея невниманіе:

— Если вамъ не интересно слушать, такъ для чего же повторять!

Она, не возражая, посмотрѣла на него.

— А книгу принесли? спросила она, помолчавъ.

— Принесъ, съ неостывшею еще досадой сказалъ онъ.

— Гдѣ же она?

— У меня въ шинели...

— Дайте сюда!

— Не передавать же вамъ при всѣхъ! фыркнулъ онъ.

— А вы за кого боитесь: за себя или за меня? высокомѣрно и нѣсколько насмѣшливо проговорила княжна: — я никого и ничего не боюсь.

Его такъ и повело всего со злости: это значило, что онъ, Иринархъ Овцынъ, могъ кого нибудь или чего нибудь бояться.

— Мнѣ ужь подавно на всѣхъ ихъ наплевать! бравурно заявилъ онъ;—а на счетъ васъ,—домолвилъ онъ уже съ нѣкоторою язвительностью,—то вы не то что боитесь, а васъ, пожалуй, можетъ смущать, что кто-нибудь изъ нихъ васъ за это осудитъ.

Кира еще разъ пристально остановила на немъ нѣмые глаза.

— Кто же именно „изъ нихъ“ по-вашему? медленно выговорила она.

— Да хоть бы этотъ представитель христолюбиваго воинства, изъ франтовъ, хихикнулъ Иринархъ, метнувъ взглядомъ въ сторону Троекурова (Кавказецъ нашъ съ перваго появленія своего возбудилъ въ немъ враждебное чувство);—онъ, кажется, призванъ играть маркантную роль въ этомъ домѣ; не даромъ же любезная сестрица моя, Александра Павловна, внимаетъ ему съ такимъ рабскимъ подобострастіемъ!..

Княжна не отвѣчала. Она встала съ мѣста, подошла къ инструменту, за которымъ все еще сидѣлъ Моховъ, задумчиво перелистывая лежавшую на пульпетѣ нотную тетрадь, и обращаясь къ нему:

— Сыграйте пожалуста *la Marseillaise*, громко сказала она;—вы знаете?

— Нѣтъ, княжна, не знаю, поспѣшно обернулся онъ къ ней;—и нотъ у меня никогда не было... да я не помню ея совсѣмъ...

— А еще студентомъ были недавно, — и не знаете, не слыхали такой вещи, какъ *Marseillaise!* все такъ же громко, съ какимъ-то намѣреннымъ напираніемъ на свои слова молвила Кира;—это стыдно!

Добродушный молодой человѣкъ сконфузился и опустилъ глаза. Троекуровъ, все слышавшій со своего мѣста, чуть-чуть улыбнулся подъ своими усами и поднялъ глаза на Александру Павловну, прислушивавшуюся, какъ и онъ, къ тому, что̀ говорилось у фортепіано. Она нѣсколько смущеннымъ взглядомъ отвѣчала на этотъ взглядъ его.

Кира видѣла все и отгадывала въ свою очередь. Она словно торжествовала:

— Такъ погодите же, сказала она Мохову, — я вамъ сыграю, а вы слушайте и запомните, смотрите!

Онъ торопливо соскочилъ съ табурета, уступая ей мѣсто. Она сѣла и заиграла вѣско, отчетливо, съ какою-то преувеличенною суровостью:

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé!..

— Ну, скажетъ мнѣ спасибо „Basile mon fils!“ влетѣлъ въ эту минуту въ залу съ громкимъ хохотомъ Шйгаревъ:— я увѣрилъ ее, что онъ хочетъ жениться на французской актрисѣ; она завтра же собирается къ нему въ Петербургъ ѣхать!

— Что̀ вы! такъ и привскочила Марья Яковлевна, находившаяля до этой минуты все еще подъ меланхолическимъ впечатлѣніемъ Аглаинова „пророчества“ объ исходѣ болѣзни, которою она дѣйствительно страдала. „Штучка“ Шйгарева возвратила ее къ свойственной ей смѣшливости: — она вамъ повѣрила и въ самомъ дѣлѣ собирается ѣхать въ Петербургъ?

— Ѣдетъ, ѣдетъ! замахалъ шутъ обѣими руками, надрываясь отъ смѣха, — приглашала меня завтра проводить ее на желѣзную дорогу. Соберу цѣлую компанію, и поѣдемъ на этотъ *шпектакль*.

— Однако пора и честь знать, сказалъ тихо Троекуровъ Сашенькѣ, взявъ свою папаху и пожимая ея руку долгимъ и нѣжнымъ пожатіемъ. — Завтра... началъ и не кончилъ онъ, и съ договорившею остальное улыбкой повелъ на нее прощальнымъ взглядомъ.

За нимъ поднялись и Моховъ, и Овцынъ.

— Прощайте, Борисъ Васильевичъ, очень вамъ благодарна, запѣла Марья Яковлевна, — надѣюсь, до свиданія... до скораго?..

— Завтра... Я сказалъ Александрѣ Павловнѣ... тихо и значительно промолвилъ онъ, низко склоняя голову надъ протянутою ему рукой ея.

— Да?.. краска радости покрыло все ея лицо. — Такъ до свиданія, Борисъ Васельевичъ, желаю вамъ пріятнаго сна!.. Прощайте, батюшка, и вамъ того же! безпощадно засмѣялась она тутъ же, кивая раскланивавшемуся предъ ней бѣдному Мохову (о несчастной любви его къ ея дочери она знала еще прежде, чѣмъ объ этомъ догадалась сама дѣвушка), наслаждаясь въ душѣ его безпомощнымъ и убитымъ видомъ. „Страдай, голубчикъ мой, страдай; не тебѣ-голышу чета—нашла я ей партію!“ проносилось въ ея головѣ.

Овцынъ вышелъ за прочими въ переднюю, добылъ книгу изъ кармана своей шинели и, вернувшись въ комнату, передалъ ее княжнѣ Кирѣ.

— Это что̀ еще? спросила увидавъ Марья Яковлевна.

— *Полярная Звѣзда* Герцена, лондонское изданіе, отвѣтила дѣвушка, глядя ей въ глаза, какъ будто хотѣла нарочно вызвать какое нибудь замѣчаніе.

— Это запрещенное-то? замѣтила ей дѣйствительно тетка.

— Запрещенное! кивнула утвердительно Кира.

— Охота вѣдь смертная!... И гдѣ это ты достаешь все? обратилась Марья Яковлевна уже къ племяннику.

— Мое дѣло! грубо отвѣтилъ онъ.

— Ну, и отправляйся съ нимъ... Довольно потѣшился, мы спать хотимъ.

Иринархъ вышелъ, ни съ кѣмъ не простившись.

— Ну что̀, довольна? тихо и нѣжно улыбаясь, спросила Марья Яковлевна подошедшую къ ней дочь, между тѣмъ какъ Кира, спиной къ нимъ и уложивъ принесенную ей Овцынымъ книгу на крышку фортепіано, жадно погружалась въ нее глазами,—довольно наговорилась?... Что̀ же онъ говорилъ тебѣ, Сашенька? спросила она, помолчавъ, глядя на нее и видимо любуясь ею.

Губы Сашеньки задрожали. Она приподняла рѣсницы, опустила ихъ опять, прижалась вдругъ головкой къ плечу матери и прошептала чуть слышно:

— Онъ будетъ къ вамъ завтра, maman... вы знаете зачѣмъ...

Марья Яковлевна взяла эту упавшую на ея плечо головку

обѣими руками, тихо приподняла ее и приникла долгимъ поцѣлуемъ къ горячему лбу дочери; двѣ крупныя слезы выкатились изъ ея глазъ:

— Суженаго конемъ не объѣдешь, истинно, вижу это, прошептала она:—сама знаешь, не помышляла, не желала,— а Богъ лучше знаетъ; видишь, какъ устроилось!... Ну, и да будетъ милость Его и благословеніе надъ тобою!... А мнѣ что же, уже блаженно смѣялась наша барыня,—мнѣ только на васъ смотрѣть, да радоваться, надѣюсь, останется...

XV.

Oui c'est demain, oui, c'est demain
Que l'on nous marie...
Fra Diavolo, paroles de Scribe.

Спальни обѣихъ кузинъ расположены были въ двухъ смежныхъ, довольно просторныхъ, но низкихъ комнатахъ, на антресоляхъ барскаго дома Марьи Яковлевны, весь бельэтажъ котораго, за исключеніемъ собственной ея спальни и туалетной, состоялъ, по обычаю, изъ однихъ пріемныхъ покоевъ. Кромѣ дверей, выходившихъ въ тотъ же длинный и узкій корридоръ, упомянутыя „опочивальни барышень", какъ назывались онѣ въ домѣ, не сообщались между собой: ихъ раздѣляла сплошная, хотя тонкая перегородка, обтянутая съ обѣихъ сторонъ одними и тѣми же голубенькими обоями, съ того же цвѣта ситцевыми занавѣсами и обивкой мебели въ обѣихъ комнатахъ (такъ было устроено нарочно Марьей Яковлевной въ пору ея перваго, мечтательнаго чувства къ никогда еще въ ту пору невиданной ею племянницѣ, когда послѣ смерти князя Никиты Кубенскаго вызывала она ее жить къ себѣ на положеніи „второй дочери"). Съ комнатой же Сашеньки соединялась внутреннею дверью комната ея няни, Глафиры Савельевны, болѣзненной и довольно ворчливой старушки, которую Александра Павловна тѣмъ не менѣе очень любила, не умѣя и заснуть иначе, какъ если эта старушка-ворчунья „затычетъ ей одѣяльце" подъ ноги и перекреститъ ее большимъ крестомъ, со лба къ „душкѣ" и къ оконечности плечъ, на сонъ грядущій. За спальной княжны находилась узенькая

въ одно окно каморка, служившая помѣщеніемъ ея горничной, рябой Агаѳьи, которую она не любила и, кромѣ самыхъ необходимыхъ приказаній, не удостоивала ни словомъ разговора.

Простившись съ Марьей Яковлевной, кузины отправились одновременно къ себѣ.

— Кира, молвила, подымаясь за нею по лѣстницѣ, Сашенька, — какую еще глупость сказала тебѣ эта княгиня Шастунова, за которую ты такъ ей отвѣтила? Я не поняла хорошенько.

— Я очень жалѣю теперь, что даже дала себѣ этотъ трудъ! сказала нехотя княжна:—такимъ существамъ не отвѣчаютъ. Она хотѣла меня уколоть тѣмъ, что я бѣдная и что никакой parti convenable не захочетъ меня въ жены.

— Ахъ, comme elle est bête! воскликнула съ негодованіемъ Александра Павловна; — развѣ непремѣнно изъ-за богатства женятся?... Развѣ я богата, напримѣръ? невольно вырвалось у нея къ этому.

— А все-таки нашла le parti convenable demandé? съ холодною усмѣшкой договорила ея мысль Кира, оборачиваясь къ ней съ площадки передъ корридоромъ, до которой дошла она тѣмъ временемъ.

Сашенька быстро поднялась къ ней въ свою очередь, обняла ее за талію и прошептала ей на ухо прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Завтра, Кира... завтра... все рѣшится!...

— Поздравляю! уронила та съ высоты губъ... И насмѣшливая улыбка скользнула по нимъ:—какъ люди иногда умираютъ во-время! домолвила она.

Сашенька испуганно шевельнула бровями:

— Какіе люди, кто умираетъ?

— А эти, какъ ихъ? Остроженко père et fils... До этого счастливаго событія твоя мать не хотѣла и слышать...

Александра Павловна замахала руками:

— Ну что объ этомъ говорить, Кира! Ты знаешь, *мнѣ* это все равно,—я его полюбила, когда онъ былъ разоренъ, и пошла бы за него и тогда...

— Ну, прощай! перебила ее княжна и двинулась съ мѣста.

Кузина удержала ее за руку:

— Кира, милая.—И она робко и жадно глянула ей въ лицо:—я хотѣла тебя спросить, скажи, какъ ты *его* находишь?

— А тебѣ мало своего, нужно еще мое мнѣніе?... И слегка раздувшіяся ноздри Киры словно договорили: я бы не спрашивала ни у кого!...

— Comme il est bien, n'est-ce-pas?...

Счастливой Сашенькѣ такъ хотѣлось на это отклика въ эту минуту.

— Д-да... пожилъ много! протянула, не отвѣчая прямо на вопросъ и какимъ-то страннымъ тономъ княжна.

— Что̀ это значитъ?...

— Нѣтъ, такъ... отецъ мой покойный говорилъ бывало... про иныхъ, объснила она разсѣянно и неопредѣленно.—А тебѣ Мохова не жаль? спросила она неожиданно съ обычною ей короткою усмѣшкой.

— Ахъ, Кира, что̀ это! воскликнула, вся вспыхнувъ даже, Александра Павловна.

— Напрасно! Этотъ любилъ бы тебя, кажется, совсѣмъ по-твоему. Вѣдь ты идеалистка...

— А развѣ.... И къ чему это я тебя все спрашиваю! прервала себя досадливо Сашенька,—ты ужь всегда такая!...

— Какая это?

— Недобрая... Сама никого не любишь и... Но Богъ съ тобой, я не сержусь.—Она во мгновенномъ порывѣ закинула ей руку за шею и поцѣловала въ щеку:—je suis si heureuse! прошептала она.— Прощай, спи хорошо!...

— Прощай!...

Онѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Едва вошла къ себѣ Александра Павловна, какъ изъ комнаты ея няни выглянуло маленькое, отцвѣтшее лицо Лизаветы Ивановны.

— А я васъ все поджидала, сокровище мое, выговорила она, идя навстрѣчу дѣвушкѣ, и, захвативъ обѣ ея руки въ свои, принялась цѣловать ихъ.

— Что это вы, Лизавета Ивановна! воскликнула та, краснѣя и отымая ихъ у нея;—поцѣлуемся и такъ! Она обняла ее.

— Давно не видала васъ, голубушка моя, такъ съ радости! Очень ужь я васъ люблю всегда за смиреніе ваше и тихость... По закону, ангелъ мой, по Христову, такъ и надо! А то, сами знаете, въ мірѣ нынче злоба одна!..

— Ахъ, не говорите, милая! На свѣтѣ такъ хорошо, и всѣ мнѣ кажутся такими добрыми, такими... Вы знаете,—и голосъ Сашеньки такъ и замеръ отъ пронимавшаго ее блаженнаго волненія,—вѣдь кончено все, завтра...

— На счетъ это чего „завтра“? недоумѣло спросила Лизавета Ивановна,—не въ домекъ мнѣ...

— Ахъ, Боже мой, да, вѣдь вы были у Троицы, а мы въ Петербургъ ѣздили, а за это время...

И Сашенька въ спѣшныхъ, прерывавшихся словахъ передала ей о нежданномъ происшествіи, сдѣлавшемъ возможнымъ то, о чемъ давно знала Лизавета Ивановна, о чемъ онѣ вдвоемъ въ продолженіе двухъ лѣтъ переговаривались съ тихими слезами въ этой самой спальнѣ, въ эти поздніе часы предъ сномъ, и объ осуществленіи чего маленькая особа, не говоря своей пріятельницѣ, еженедѣльно ставила свѣчи предъ иконами Спасителя и Божіей Матери Иверской.

Она такъ и всплеснула руками:

— Въявь, ангелъ мой, въявь десница Вышняго надъ вами! воскликнула она съ восторженнымъ лицомъ,—возблагодаримъ Отца Небеснаго!

Она обернулась на уголъ, въ которомъ, надъ бѣлѣвшею своимъ свѣжимъ бѣльемъ кроватью Сашеньки, зажженная лампадка освѣщала темные лики старинныхъ иконъ, и зашептала умиленнымъ голосомъ:

„Свѣте тихій святыя славы безсмертнаго Отца Небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе! Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа...“ *).

Она упала на колѣни, лбомъ въ землю, договорила молитву

---

*) Гимнъ Софронія, патріарха Іерусалимскаго.

уже неслышнымъ шопотомъ, встала, еще разъ обняла дѣвушку. Слезы стояли у той на глазахъ.

— Ну, а теперь, ангелъ мой, сказывайте: самый вотъ это, значитъ, и есть господинъ, военный, что̀ съ вами въ дверяхъ разговаривалъ, какъ я ушла-то снизу?

— Онъ, онъ самый, милая! Нравится онъ вамъ, скажите? спрашивала торопливо Сашенька.

— Какъ не нравится! Видный изъ себя, молодой еще, вполнѣ вельможественный баринъ, видать! Развѣ бы вы себѣ дурного выбрали, ангелъ мой? улыбалась радостно маленькая особа.

— Онъ такой благородный, храбрый, Лизавета Ивановна!

— Чего ужь, золотая моя, за Христа и Россію въ бояхъ съ невѣрными Агаряны кровь свою проливалъ! Сочтется это ему, ангелъ мой, сочтется въ вышнихъ, потому, какъ грѣшенъ и онъ,—вольно или невольно, а грѣшенъ, какъ всяко дыханіе земное,—а только впишется ему тамъ претерпѣнное имъ за его иройство, это вѣрно! Вѣсы-то на спасеніе ему и перетянутъ...

Лицо Александры Павловны отуманилось вдругъ:

— Я спрашивала про него Киру, какъ она его находитъ... Она такъ странно отвѣтила мнѣ...

Лизавета Ивановна глубоко вздохнула вдругъ и наклонилась къ ея уху:

— Одержима она, милая, одержима! выговорила она чуть слышно.

— Что̀ это вы! вскликнула Сашенька почти испуганно.

— Духомъ гордыни и возмущенія обуяна... Смущаетъ онъ ее, анделъ мой, да!...

— Кто это, вы думаете? Иринархъ?

Та закачала отрицательно головой:

— Что̀ этотъ, милая. Такъ, съ жиру мелетъ; развѣ бы стала она его пустыя слова слушать!... Врагъ, врагъ человѣческій, — вотъ кто!... Лизавета Ивановна даже вздрогнула и перекрестилась:—За нее молиться надо, анделъ мой, молиться,—вотъ что̀!

— Ну, вы, полунощницы, полно языки-то чесать! забрюж-

жала, входя въ спальню съ ночною сорочкой Александры Павловны на рукѣ, старая няня ея,—второй часъ въ началѣ, и по постелькамъ пора!...

— Давно не видались, Глафира Савельевна, матушка, такъ вотъ и загуторили на радостяхъ-то, молвила ласкательно и извиняясь Лизавета Ивановна.

— А мнѣ васъ до пѣтуховъ глазъ не смыкаючи дожидаться!... Ну, ладно ужь, ладно, буде!—усмѣхнулась старуха, отстраняя морщинистою рукой обнявшую ее маленькую особу; — тутъ вамъ что-ль, на диванѣ стелить, аль у меня въ комнатѣ заночуете?

— Здѣсь, няня, здѣсь! воскликнула Сашенька,—ты только не ворчи, мы будемъ съ Лизаветой Ивановной потихонечку, потихонечку разговаривать, не помѣшаемъ тебѣ спать!

Старушка раздѣла ее, уложила, „затыкала“ одѣяло подъ тюфякъ и, перекрестивъ ее, задула стоявшія на туалетѣ свѣчи, вышла и заперла за собою дверь.

Лизавета Ивановна, скинувъ въ свою очередь платье, причемъ какъ-то боязливо оглядывалась и ежилась всѣмъ своимъ маленькимъ и зябкимъ тѣльцемъ, стыдливо нырнула подъ старую шубку Сашеньки, служившую ей одѣяломъ, и, осѣнивъ трижды крестнымъ знаменіемъ себя и свою подушку, уложилась головой на сложенныя руки и воззрилась ласково улыбавшимися глазками на молодую свою пріятельницу, лежавшую противъ нея съ разсыпавшимися по бѣлой наволочкѣ роскошными черными волосами, по которымъ дрожа игралъ красноватый цвѣтъ зажженной предъ иконами лампады...

И долго еще среди ночной тиши раздавались ихъ задушевныя и тихія, какъ дѣтскій лепетъ, рѣчи.

А по другой сторонѣ стѣны княжна Кира, раздѣвшись, отпустила свою горничную и въ широкомъ ночномъ пеньюарѣ сѣла за столъ, оперлась головою на обѣ руки и принялась за чтеніе книги, принесенной ей Овцынымъ. Но *Былое и Думы* бойкаго беллетриста съ ихъ сверкающимъ, какъ фейерверочные огни, разсказомъ не въ силахъ были преодолѣть то чувство грызущей тоски, которою чувствовала она себя охваченною... Она встала и зашагала безшумно по комнатѣ, сжавъ

брови и поводя кругомъ своими зелеными, заискрившимися теперь на волѣ глазами, словно красивая пантера въ своей клѣткѣ.

„Душно здѣсь!“ проговорила она про себя, подошла къ окну и, отдернувъ занавѣси, отворила форточку... Струя морознаго воздуха вмѣстѣ съ луннымъ сіяніемъ ворвалась къ ней въ комнату... „Простудиться можно“, пронеслось у нея въ мысли. Но она тутъ же презрительно улыбнулась и, сложивъ на груди свои обнаженныя до локтя руки, встала прямо навстрѣчу леденившей ее мгѣ и устремилась широко раскрытыми зрачками въ далекое небо, будто вызывая его и мигавшія на немъ безчисленныя звѣзды на какой-то таинственный, смертельный—и безцѣльный бой...

XVI.

...Духа злобы надъ душою
Я слышу тяжкое крыло.
Фетъ.

На другой день, часу въ девятомъ, Троекуровъ, только-что совершившій утренній туалетъ, сидѣлъ въ своемъ нумерѣ, въ халатѣ, съ газетнымъ листкомъ въ рукѣ, и прихлёбывалъ чай изъ похолодѣвшаго уже стакана, когда въ его передней отворилась дверь, послышался звукъ голосовъ, и вслѣдъ затѣмъ слуга его, Грузинъ, вошелъ въ комнату.

— Кто тутъ? спросилъ его Борисъ Васильевичъ.

— А не знаю! Грузинъ пожалъ плечами и подалъ визитную карточку;—говорятъ, чтобы вы прочитали хорошенько, и тогда будете знать.

Троекуровъ поднесъ карточку къ глазамъ. На ней читалось:

Степанъ Іоакимовичъ

Троженковъ.

Ходатай по дѣламъ.

— Проси! по минутномъ размышленіи сказалъ Троекуровъ.

Вошелъ господинъ въ синихъ очкахъ, съ которымъ читатель уже встрѣтился въ „укромномъ уголкѣ“ Елпидифора Павловича Акулина.

— Извините, что принимаю васъ въ такомъ туалетѣ,

учтиво проговорилъ привставъ хозяинъ,—я не хотѣлъ заставить васъ ждать... Не угодно-ли? И онъ указалъ ему на стулъ подлѣ дивана, на которомъ помѣщался самъ.

Тотъ поклонился, сѣлъ и молча сквозь темныя свои стекла уперся въ него взглядомъ.

Такой дебютъ не понравился нашему Кавказцу.

— Вы желали меня видѣть, сухо проговорилъ онъ,—чему именно обязанъ я этою честью?

— Вы изволили прочесть мою офиціальную, такъ-сказать, кличку? медленно вымолвилъ на это вошедшій, кивнувъ подбородкомъ на карточку, лежавшую на столѣ предъ Троекуровымъ.

— Какже, прочелъ!

— И полагаю, продолжалъ тотъ, растягивая слова, усиленно придыхая на гортанныхъ звукахъ и особенно напирая на гласную о,—полагаю, что вы, не смотря на великороссійское *закончаніе* на *вѣди-еръ*, разобрали въ той кличкѣ обрубленный, съ позволенія сказать, какъ у собаки хвостъ, фамиліи очень близкой вамъ по связямъ родства?

Троекуровъ съ видимымъ уже любопытствомъ воззрился на него въ свою очередь.

— Разобралъ, вы не ошиблись... Мнѣ впрочемъ о васъ было ранѣе извѣстно, примолвилъ онъ помолчавъ.

— Было извѣстно? повторилъ Троженковъ и повелъ какъ бы съ удовольствіемъ головой;—извѣстно вамъ слѣдовательно то обстоятельство, что по естеству природы, такъ-сказать, я вашей покойной матушкѣ состою роднымъ племянникомъ, а вамъ двоюроднымъ братомъ?

Невольное брезгливое ощущеніе пробѣжало по лицу Троекурова, но онъ тутъ же сдержался и съ безстрастнымъ выраженіемъ поднялъ опять глаза на говорившаго.

Но тотъ очевидно все видѣлъ, все замѣчалъ. Рѣчь его приняла тутъ же не то беззаботно-насмѣшливый, не то язвительно-ироническій оттѣнокъ:

— По тому же естественному основанію могу предаться и дальнѣйшей, такъ-сказать, игрѣ моей фантазіи, какъ-то: почитать себя потомкомъ древнихъ предковъ, единственно на-

стоящимъ наслѣдникомъ значительныхъ маетностей, перешедшихъ отъ оныхъ родившему меня отцу,—и вообще въ нѣкоторомъ смыслѣ видѣть въ себѣ персону... А по дѣйствительности, какъ опредѣлилъ мнѣ законъ человѣческій, ничто болѣе есмь, какъ червь земляный, хуже даже того червя, могу сказать, потому какъ съ перваго момента непрошеннаго появленія моего въ мірѣ семъ отмѣченъ, могу сказать, клеймомъ позора...

— Позвольте, перебилъ его Троекуровъ,—я не понимаю, для чего вамъ угодно объяснять мнѣ все это?

— Потому угодно, невозмутимо возразилъ странный его собесѣдникъ,—что прежде всего желалъ бы знать, съ какой стороны вамъ *угодно* будетъ взглянуть на меня, имя рекъ? И онъ снова указалъ подбородкомъ на свою визитную карточку.

— То-есть со стороны „персоны", или со стороны „червя", какъ вы изволите выражаться?—Борисъ Васильевичъ чуть-чуть усмѣхнулся.—Ни съ той, ни съ другой, позвольте сказать вамъ откровенно. Рожденіе ваше я ни въ какомъ случаѣ позоромъ для васъ не почитаю, а вижу въ этомъ... несчастіе, за которое вы никакъ не отвѣтственны, и которое, напротивъ, можетъ только возбудить сожалѣніе о немъ въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ... Что же касается вашего гражданскаго положенія, то я, вы понимаете, не властенъ его измѣнить и могу смотрѣть на него лишь такъ, какъ создано оно для васъ закономъ.

Троженковъ повелъ всѣмъ тѣломъ:

— Извините, натянуто проговорилъ онъ,—я полагалъ, что, какъ сынъ нашего просвѣщеннаго вѣка, вы признаете неправедность писаннаго закона вообще и принимаете въ основаніе естественныя права человѣка...

— На что? коротко отрѣзалъ Троекуровъ.

Вопросъ этотъ какъ бы смутилъ „ходатая по дѣламъ": онъ примолкъ на минуту и началъ затѣмъ опять, не отвѣчая прямо на него:

— Не знаю, извѣстенъ-ли вамъ слѣдующій фактъ: по выходѣ замужъ матушки вашей, Маргариты Ивановны, про-

тивъ воли брата ея, а моего отца, подчеркнулъ онъ,—сей послѣдній подалъ на Высочайшее имя просьбу объ узаконеніи меня, тогда пятигодоваго дитяти, во всѣхъ правахъ законнаго сына своего и наслѣдника.

— Въ чемъ ему было отказано, холодно замѣтилъ Троекуровъ.

— Отказано, какъ бы машинально повторилъ тотъ,— остается знать, признаѐте-ли вы за онымъ фактомъ нравственное, такъ-сказать, значеніе утверждающаго меня обстоятельства?

— Въ чемъ утверждающаго, я не понимаю?

— Да хотя бы въ возрѣніи самого родившаго меня лица на права моего рожденія?

— Послушайте, Степанъ Акимычъ, молвилъ не сейчасъ Троекуровъ, глядя въ стекла его очковъ, сквозь которыя тщетно старался онъ уловить выраженіе его глазъ,—я не философъ и не юристъ и въ соціологическія пренія вступать полагаю безполезнымъ какъ для васъ, такъ и для меня. На вашъ же фактъ я отвѣчу такими же фактами. Отецъ вашъ, дѣйствительно, желалъ васъ одно время узаконить и просилъ объ этомъ... Вы меня извините, если я позволю себѣ замѣтить, что онъ при этомъ руководился гораздо болѣе ненавистью къ матери моей и намѣреніемъ лишить ея потомство всякой надежды на его наслѣдство, чѣмъ заботой о „правахъ вашего рожденія“. Доказательствомъ этому служитъ тò, что, получивъ отказъ въ своей просьбѣ, онъ тутъ же женился на дочери своего управителя, прижилъ отъ нея сына, покойнаго Ивана Акимыча, а о вашей судьбѣ, сколько мнѣ извѣстно, позабылъ и думать... Я былъ вчера у занимавшагося его дѣлами и близкаго его пріятеля, Захара Петровича Успенскаго; онъ мнѣ говорилъ, что отношенія къ вамъ... *отца* вашего... и *брата* были далеко не нѣжны, и что вы съ вашей стороны...

— Успѣли ужь побывать и справиться! ядовито всликнулъ Троженковъ,— и почерпнули, разумѣется, самыя неблагопріятныя обо мнѣ данныя?

— Я не справлялся о васъ: то, чтò до васъ относится, сказано мнѣ было мимоходомъ.

— Понимаю—и плюю на презирающихъ меня такъ же, какъ и они на меня плюютъ, неожиданно отпустилъ на это господинъ въ синихъ очкахъ; — но я позволю себѣ спросить васъ, какъ челокѣка... какъ человѣка, такъ-сказать, въ абстрактномъ смыслѣ слова, — имѣю-ли я право обиды на того, кто, родивъ меня на свѣтъ безъ спроса моего и желанія, угнеталъ затѣмъ все это, имъ же данное, мнѣ существованіе, не только не обезпечивъ его въ юныя, но даже и въ зрѣлыя мои лѣта, лишивъ меня даже средствъ пріобрѣсти права служебныя, такъ какъ, по окончаніи мною гимназическаго курса въ Полтавѣ, гдѣ я проживалъ, до ея смерти, съ матерью на пенсіонъ въ 500 рублей въ годъ, назначенный ей этимъ ея обольстителемъ, онъ на поступленіе мое въ университетъ ни за что не согласился, а опредѣлилъ писцомъ въ губернское правленіе, въ коемъ и прозябалъ я въ убожествѣ и, можно сказать, въ грязи до болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго возраста?.. Такъ если я, пріѣхавъ послѣ того сюда, по недостатку средствъ, съ обознымъ извощикомъ, въ видѣ поклажи, требовалъ отъ того человѣка и сына его настоящаго себѣ обезпеченія, а они мнѣ въ этомъ злостно отказывали и меня своею же противъ меня виной корили,—такъ вы какъ скажете: меня, или ихъ казнить треба за это? Прошу отъ васъ откровеннаго мнѣнія.

— Вы правы съ вашей точки зрѣнія, сказалъ внимательно прислушивавшійся къ рѣчи его Троекуровъ, — но, быть-можетъ,—промолвилъ онъ, нѣсколько запинаясь,—съ вашей стороны были также... поступки, объясняющіе въ нѣкоторой мѣрѣ, если далеко и не оправдывающіе, суровость къ вамъ покойнаго Акима Ивановича...

У Троженкова дрогнула челюсть:

— А, поднесли вамъ уже и о моихъ „поступкахъ!“ злобно захихикалъ онъ;—доложили, вѣроятно, о томъ, какъ я со стола милліонера, Акима Иваныча Остроженко, тысячу рублей позволилъ себѣ самовольно присвоить разъ, и какъ за это панъ сей большой меня, дѣтище свое первородное, крова и хлѣба послѣдняго лишилъ?

Онъ вскочилъ съ мѣста и перегнулся черезъ столъ такъ,

что Троекуровъ поспѣшно откинулся въ спинку своего дивана, чтобы не почувствовать его дыханія на своемъ лицѣ.

— Взялъ-съ, дѣйствительно, взялъ... потому и мнѣ... и мнѣ пожить захотѣлось *разъ*, какъ жилъ ежедневно *законный* братецъ мой, Иванъ Акимычъ, что̀ такія тысячи карбованцевъ въ одну ночь у Фараоновыхъ дѣвъ оставлялъ!... Взялъ-съ, и не отказался, когда допытывали: „Ты взялъ?“ — Я!... Мошенникомъ меня они изъ-за того сдѣлали, а сами честные остались! Полна грошей кишень,—и честные! А отъ другихъ съ честности, голодомъ чтобы померъ, требуютъ!...

Онъ опустился снова на стулъ, порывисто дыша и трясущеюся рукой поправляя свои слегка скользнувшіе внизъ по носу очки. Поверхъ ихъ на мгновеніе выглянули глаза его— недобрые, мышиныя щелки глазъ, лукавые и тревожные...

— Несправедливость общественная, что̀ съ нею подѣлать! выговорилъ онъ, какъ бы въ résumé всего предыдущаго, съ изнеможеннымъ видомъ опуская обѣ руки.

„Что-то подобное говорилъ вчера этотъ... Овцынъ“, мелькнуло въ головѣ Бориса Васильевича, „но̀ тутъ посеріознѣе основаніе“...

Онъ глядѣлъ на этого своего „двоюроднаго брата по естеству природы“ съ какою-то странною смѣсью жалости и отвращенія. Онъ вполнѣ признавалъ естественность высказывавшагося этимъ обездоленнымъ человѣкомъ протеста, но голосъ, выражавшій этотъ протестъ, звучалъ въ его ухѣ чѣмъ-то неестественнымъ и заученымъ. Забѣга̀вшее впередъ признаніе о кражѣ имъ денегъ у отца вслѣдъ за первымъ намекомъ о его „поступкахъ“ отзывалось гораздо болѣе злымъ цинизмомъ, чѣмъ душевною страстностью; самые *подходы* его рѣчи наконецъ и какъ бы ощупываніе своего собесѣдника, прежде чѣмъ приступить къ самому дѣлу, за которымъ (Троекуровъ понялъ это изъ одного уже его визита,) этотъ господинъ явился къ нему, коробили нашего джентльмена своею грубою *дѣланностью* и лукавствомъ.

Но онъ не хотѣлъ поддаться этому впечатлѣнію. „Мало-ли что̀ кажется иной разъ фальшивымъ, а на самомъ дѣлѣ совершенно искренно!“ настойчиво доказывалъ онъ себѣ; „че-

ловѣкъ этотъ несчастливъ, и если даже и пороченъ,—не по своей винѣ; онъ не просился, въ самомъ дѣлѣ, на этотъ свѣтъ, въ эту свою несчастную шкуру незаконнорожденнаго, заклейменнаго, какъ говоритъ онъ справедливо, съ первой минуты его рожденія; отвѣтственность за него, за его исковерканность, за неблаговидность его дѣлъ лежитъ не на немъ, а на томъ, кто, родивъ его, не далъ ему ни средствъ къ жизни, ни настоящаго образованія... Безсердечный, по истинѣ, человѣкъ былъ этотъ мой дядя, Акимъ Ивановичъ!...“

— Да, я понимаю, соотвѣтственно этому внутреннему разсужденію громко уже выговорилъ онъ,—обезпеченному человѣку трудно себѣ представить даже, сколько нужно иной разъ мужества бѣдняку, чтобы противостоять соблазну зла...

Троженковъ поднялся еще разъ съ мѣста и протянулъ ему черезъ столъ руку:

— Позвольте поблагодарить васъ, Борисъ Васильевичъ, за такія ваши слова! Запишу ихъ, вѣрьте слову, на вѣчныя времена въ памяти своей и сердцѣ. Сказанныя такимъ человѣкомъ, какъ вы...

Троекуровъ поспѣшилъ прервать его и принять руку, которую тотъ продолжалъ давить въ своихъ холодныхъ и какихъ-то склизкихъ пальцахъ:

— Словамъ цѣна—грошъ, говорятъ, вымолвилъ онъ съ невольною рѣзкостью, — и вѣроятно вы не для этого почтили меня своимъ посѣщеніемъ... Господинъ Успенскій — поспѣшилъ онъ тутъ же перейти на другую почву разговора,—говорилъ мнѣ, что онъ за нѣсколько времени до смерти Акима Ивановича склонялъ его обезпечить васъ извѣстною суммой, и что тотъ совсѣмъ было согласился на это, и обѣщалъ ему даже внести на ваше имя въ банкъ, съ тѣмъ, чтобы вы, пока онъ живъ, пользовались процентами съ нихъ, двадцать пять тысячъ рублей.

— Отъ полуторамилліоннаго состоянія двадцать пять тысячъ! У него однѣхъ чистыхъ денегъ билетами до трехсотъ пятидесяти тысячъ оставлено! злобно захихикалъ Троженковъ:—справедливо это, какъ полагаете?

Борисъ Васильевичъ чиркнулъ спичкой о стоявшую на

столѣ коробку, закурилъ папироску и, жмурясь какъ-бы отъ дыма, проговорилъ торопливымъ голосомъ:

— Духовнаго завѣщанія, какъ достовѣрно извѣстно Успенскому, покойный не оставилъ никакого; всему такимъ образомъ долженъ наслѣдовать я... Я обязуюсь, по вводѣ меня во владѣніе, выдать вамъ вдвое того, что̀ онъ назначалъ вамъ:— пятьдесятъ тысячъ.

Онъ старался не глядѣть на него, говоря себѣ: „только бы онъ опять не сталъ мнѣ глупыхъ благодарностей выражать, а главное не хваталъ бы еще разъ за руку!...“

— Полагаю, что имѣю право на бо̀льшее! къ немалому своему удивленію услышалъ онъ въ отвѣтъ шипящій, словно оскорбленный голосъ „ходатая по дѣламъ“.

Онъ глянулъ теперь на него во всѣ глаза и громко разсмѣялся:

— На все, то-есть? Потому что я иначе не понимаю: или вы, въ самомъ дѣлѣ, почитаете себя въ правѣ оспаривать у меня это наслѣдство,—тогда я не причемъ; если же наслѣдникъ я, то торговаться со мною въ томъ, что̀ я добровольно желаю отдѣлить вамъ... по крайней мѣрѣ, забавно!...

— Есть все же совѣсть, Борисъ Васильевичъ! проговорилъ тотъ уже нѣсколько обробѣвшимъ тономъ.

Троекуровъ поблѣднѣлъ весь и нервно закусилъ усъ:

— Есть, сказалъ онъ,—я съ нею согласно и поступаю: *отецъ* вашъ давалъ вамъ цѣны ровно на половину меньше!..

„Смертный мнѣ врагъ съ этой минуты“, сказалъ онъ себѣ тутъ-же, угадывая сквозь непроницаемыя стекла Троженкова змѣиный взглядъ, направленный на него вслѣдъ за этими его словами, и презрительно усмѣхнулся.

Но тотъ не доигралъ еще всей своей игры:

— Правы вы были, Борисъ Васильевичъ, правы! завздыхалъ онъ вдругъ, какъ-бы внезапно одумавшись:—безсиленъ бѣднякъ предъ соблазномъ... туманъ, такъ-сказать, напускаетъ ему въ очи... И вотъ, какъ предъ Богомъ, повѣрите, изъ чего это я, вмѣсто слезъ благодарности, въ такой постыдный, извините великодушно, съ вами торгъ вступилъ? Всю душу вамъ свою открою. Какъ дитею еще себя помню въ имѣніи

отцовскомъ, пока не отослалъ онъ насъ изъ него безчеловѣчно съ матерью, такъ и до сегодняшняго дня, все одно я въ мысли держалъ: удалиться отъ людей, да зажить себѣ панкомъ въ деревнѣ тихо, честно, благородно... И даже сколько разъ пытался съ покойнымъ объ этомъ, даже изъ Полтавы письмо ему писалъ: дайте, говорю, мнѣ изъ земель вашихъ хотя кусочекъ масенькій, построю я тамъ себѣ хибарку, стану наймомъ работать,—потому я, какъ не имѣя дворянскихъ правъ, крѣпостнымъ людомъ владѣть не могу. А онъ даже и отвѣта никакого на то мнѣ не далъ... И вотъ теперь какъ разъ, занимаясь веденіемъ процессовъ по присутственнымъ мѣстамъ, такой случай вышелъ, что могу я знатнѣйшее имѣніе пріобрѣсти, давъ подъ залогъ его теперь сорокъ тысячъ, а когда, уповательно, объявлена будетъ воля крестьянская и всѣмъ безъ исключенія предоставится право владѣнія землей, доплатить еще двадцать тому помѣщику и переѣхалъ туда пановать на его мѣсто. И такъ ни о чемъ, какъ предъ Богомъ, думать не могу, какъ объ этомъ имѣніи; и какъ вы сказали... „пятьдесятъ тысячъ“, а у меня въ головѣ сейчасъ: „не хватаетъ до полной суммы“...

— Дѣло, значитъ, въ лишнихъ десяти тысячахъ, гадливо воскликнулъ Троекуровъ, не давая ему договорить:—хорошо, я согласенъ ихъ прибавить.

Онъ всталъ и поклонился, давая ему этимъ знать, что переговоры ихъ кончены.

Троженковъ медленно поднялся въ свою очередь:

— Такъ я буду въ надеждѣ, Борисъ Васильевичъ, проговорилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго обоюднаго молчанія и какъ бы имѣя вымолвить что-то другое заботившее его.

— У меня одно только слово! отрѣзалъ Троекуровъ, которому видъ этого человѣка уже глубоко претилъ, поклонился ему еще разъ и прошелъ въ свою спальню.

„Паны проклятые!“ не слышно прошипѣли позеленѣвшія губы Троженкова... „А гроши съ гонора съ одного заплатитъ всѣ, и документа не треба, только бы самъ дожилъ до ввода во владѣніе“, добавилъ онъ мысленно чрезъ мигъ, усмѣхнулся, надѣлъ шапку тутъ же въ комнатѣ и вышелъ.

XVII.

Нѣтъ искръ живыхъ во мнѣ на голосъ
твой привѣтный,
Одна глухая ночь, и нѣтъ для ней утра.
Тютчевъ.

Онъ жилъ на Грачевкѣ, въ домѣ діакона, у котораго нанималъ двѣ комнаты на дворѣ, сквозь который, промежъ подымавшихся какъ горы сугробовъ снѣга, протоптана была чернѣвшая оттаявшею грязью тропинка до его квартиры. Ворота во дворъ были постоянно заперты наглухо, и хода въ него другаго не было, какъ черезъ низенькую калитку, куда Троженковъ, давно привычнымъ движеніемъ нагибая заранѣе голову, и направился, отпустивъ на улицѣ своего извощика. Но, столкнувшись въ проходѣ съ выходившимъ отъ себя въ эту минуту въ просторной лисьей шубѣ и шапкѣ и съ высокою тростью въ обнаженной красной рукѣ высокимъ и тучнымъ хозяиномъ дома, оборвалъ его самымъ неожиданнымъ для сего послѣдняго образомъ:

— Когда это вы, отецъ-діаконъ, по-человѣчески жить зачнете, ворота отколотить прикажете?

Отецъ-діаконъ отступилъ на шагъ, пропустилъ его и, прислонившись къ стѣнкѣ дома, открылъ большіе глаза:

— А для чего это теперича требуется, Степанъ Акимовичъ?

— А *для* того что *теперича*, передразнилъ его Троженковъ,—порядочному человѣку у васъ и доѣхать-то до своего крыльца нельзя!

— Кому-жь это, къ примѣру, батюшка? наивно выговорилъ отецъ-діаконъ, моргая все съ тѣмъ же удивленіемъ, и, не дождавшись отвѣта, поглядѣлъ вслѣдъ быстро удалявшемуся отъ него жильцу, покачалъ подозрительно головой и шагнулъ къ калиткѣ, но тутъ же отступилъ еще разъ.

Въ нее торопливо входила съ улицы статная и бѣлолицая женщина въ шубкѣ, укутанная большимъ платкомъ, черты которой были намѣчены въ его памяти (онъ уже не въ первый разъ встрѣчался съ нею, или видѣлъ ее изъ своихъ оконъ пробирающеюся къ флигелю Троженкова).

Онъ осанисто усмѣхнулся, поднесъ руку къ шапкѣ и спросилъ:

— Къ Степану Акимовичу изволите?

— Да; онъ дома? усиленно переводя дыханіе, молвила женщина, пріостанавливаясь.

— Въ аккуратъ сейчасъ подъѣхалъ...

Она кивнула ему головой и прошла мимо.

Отецъ-діаконъ усмѣхнулся опять, повелъ усами, какъ тараканъ (съ которымъ вообще представлялъ нѣкоторое сходство), и вышелъ на улицу, проговоривъ себѣ подъ-носъ въ видѣ одобрительнаго отзыва:

— Тѣлостроеніе знатное!

А она, быстро перебѣжавъ дворъ и войдя въ сѣни, раздѣлявшія флигель на два отдѣленьица, въ одномъ изъ которыхъ жилъ Степанъ Акимовичъ, схватилась за ручку его двери, передохнула еще разъ отъ спѣха ходьбы и вошла въ комнату.

Сквозь ледяные кристаллы, заволакивавшіе зеленоватыя стекла низенькихъ оконъ, проникалъ въ нее свѣтъ зимняго дня, освѣщая ея неряшливую и грязноватую обстановку. Крашеная подъ красное дерево мебель, состоявшая изъ дивана и четырехъ креселъ, обитыхъ черною волосяною матеріей, приставленный къ стѣнѣ столъ, покрытый подранною клеенкой, на которомъ рядомъ со сложенною кипкой „дѣлъ“ въ сѣрыхъ сенатскихъ обложкахъ и X-мъ томомъ Свода Законовъ въ зеленомъ корешкѣ лежали два, три нумера тогдашняго *Современника* и истрепанный, видимо перебывавшій во многихъ

рукахъ, тоненькій листикъ лондонскаго *Колокола*, — таковъ былъ этотъ покой, служившій кабинетомъ и пріемною нашему „ходатаю по дѣламъ“.

— Кто тамъ? раздался его голосъ изъ сосѣдней, спальной его, комнаты, куда только-что прошелъ онъ снять верхнее платье.

— Я! произнесла женщина, устало опускаясь въ кресло подлѣ стола и откидывая къ затылку толстый шерстяной платокъ, покрывавшій ея голову.

— Анфиса Дмитріевна! воскликнулъ онъ, поспѣшно выходя къ ней.—Какъ это въ такой часъ?

Она подняла на него свои голубые, отуманенные теперь, глаза съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ печали и робости и тихо проговорила:

— Кончился онъ...

Троженковъ качнулся на ногахъ:

— Померъ... Ну? глухо проговорилъ онъ, наклоняясь къ самому ея лицу и жадно впиваясь ей зрачками въ зрачки.

Она медленно закачала головой:

— Вчерась еще... утромъ,—падали чуть слышно ея слова изъ блѣдныхъ устъ,—все, до копѣйки... въ банкъ... отвезли...

— Кто? Кто отвезли? спрашивалъ онъ, блѣднѣя въ свою очередь.

— Дочка... съ мужемъ...

— Вы мнѣ-жь говорили, что они про тѣ деньги ничего не знаютъ?...

— И не знали... только вчера, какъ ты ушелъ... выслала она меня изъ комнаты... самъ онъ, должно, боясь часа смертнаго, открылъ имъ... разговоръ у нихъ былъ большой... Слушала я, да черезъ дверь не разслышала... Только сказала потомъ безстыжая барыня эта, что „такъ *вѣрнѣе* будетъ“... это насчетъ, то-есть, что увезли они эти деньги... меня опасаючись, значитъ!...

Она говорила порывисто, нескладно, передавая ему съ судорожною поспѣшностью тò, въ чемъ принимала участіе сама и чтò могло быть ей лично извѣстно изъ общаго хода этого дѣла, подробно изложеннаго нами читателю.

Онъ слушалъ ее теперь, шагая крупными шагами изъ угла въ уголъ комнаты и заставляя хрустѣть одинъ за другимъ какимъ-то гробовымъ звукомъ всѣ суставы своихъ пальцевъ.

— Ни съ чѣмъ теперь осталися, браво! злобно захихикалъ онъ въ заключеніе всего того, что̀ узналъ изъ ея сообщеній;— не захотѣли слушать меня: допрежъ того... пока хозяйкой всему были, обезпечить себя могли.

— Допрежъ того! зашептала Анфиса, тревожно слѣдя за нимъ все такъ же робкимъ взглядомъ:—грѣхъ, не могла я противъ благодѣтеля моего рѣшиться...

— „Благодѣтеля", ядовито перебилъ онъ ее:—въ крѣпости состояли и духомъ, и тѣломъ у хапуги того полицейскаго!

— Оставьте! строго проговорила она на это, подымая голову:—человѣкъ на столѣ лежитъ, а вы обиждать!

— Извините, государыня моя милостивая, зашипѣлъ онъ,— извините, что до драгоцѣннаго сокровища вашего коснуться осмѣлился... Вдовою вы, значитъ, неутѣшною по формѣ теперь сдѣлалися?

— Не поминать бы ужь лучше, Степанъ Акимычъ, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ возразила она;—четыре года какъ за Кремлемъ каменнымъ выжила я за нимъ; можетъ, для другихъ, а для меня благоволительный былъ господинъ, сами видѣли. Въ глаза, можно сказать, глядѣлъ, ка̀къ бы успокоить, да жизнь мою вдовью усладить; такъ должна я или нѣтъ жалѣть его, какъ вы полагаете?... Когда, можетъ, и померъ-то онъ даже черезъ злость мою на него!—вырвалось у нея стономъ изъ груди.—Я теперича къ вамъ за совѣтомъ пришла, потому какъ осталась я, почитай, сиротою послѣ того человѣка, а вы меня такими словами вашими какъ изъ ведра на морозѣ обливаете!...

— Какихъ же вамъ еще словъ?—онъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе злился;—когда были у васъ въ рукахъ козыри всѣ, да и тутъ въ дурафьяхъ себя оставили! Что̀ же я теперь могу совѣтовать?

Анфиса Дмитріевна поспѣшно растегнула свою шубку, развязала и сорвала съ шеи тяжелый платокъ: кровь приливала ей въ голову:

— Степа, вскрикнула она, блеснувъ глазами,—чтой-то ты говоришь теперь, Бога ты не боишься! Кто-жь до теперешняго довелъ меня, какъ не ты! Памяти въ тебѣ, видно, не осталось крошечки, или совсѣмъ ужь безъ совѣсти? Забылъ ты, какъ писаришкой убогонькимъ къ нему поступилъ, на меня въ ту пору глядѣлокъ-то своихъ лукавыхъ поднять не смѣлъ... а потомъ съ кухни бѣгать сталъ, Лазаря пѣть, да улещать меня словами змѣиными, въ ноги кидался, колѣнки цѣловалъ... Онъ въ часть или въ иное мѣсто на службу, а ты шасть изъ канцеляріи тутъ какъ тутъ,—годъ цѣлый гвоздилъ, сердце мое смущалъ... И обошелъ таки, спуталъ... Совѣсть-то свою всю съ тобой потеряла! Кабы не любилъ еще онъ меня такъ, да не вѣрилъ, а то мукою мучусь бывало объ этомъ думаючи, а ты придешь, да и распишешь опять языкомъ, будто и права̀ я съ тобой... И какихъ ты мнѣ только тогда словъ ни говорилъ, чего ни наобѣщивалъ, замужъ меня взять за счастье себѣ почиталъ! Говорилъ ты, нѣтъ? И до вчерашняго утра даже до самаго, какъ вышла я къ тебѣ въ переднюю, ты мнѣ что̀ первымъ дѣломъ: „Изнылъ, говоришь, весь ожидаючи, какъ бы съ тобой въ законный сыграть, да на деревню ѣхать!“... А теперь у тебя словъ нѣту!...

Голосъ ея оборвался, и одни глаза ея, съ прежнею мучительною тревогой устремленные на него, договорили ему остальное.

— Вы это напрасно себя безпокоите, Анфиса Дмитріевна, началъ онъ въ отвѣтъ, продолжая шагать по комнатѣ и не глядя на нее:—я все это очень хорошо разумѣю; только вѣдь сами знаете, на счетъ деревни и прочаго, такъ мы съ вами предполагали, какъ если будетъ изъ чего... А если теперь ни у васъ, ни у меня *нема ничого, такъ ничого й не буде*, говорятъ у насъ въ Полтавѣ; сами ужь разсудите послѣ этого!...

Но она еще не „разсудила“, слова еще неудержимо просились у нея изъ души наружу:

— Какъ бы не ты, развѣ бы оставилъ онъ меня ни съ чѣмъ? Умный онъ былъ, догадливый... Скажемъ прямо такъ,

что онъ только не говорилъ, меня жалѣючи, а все про насъ понималъ, видѣлъ... а то, можетъ, и слышалъ, какъ ты со мной ночью-то шопотомъ шепталъ... „Спитъ“, а какъ если не спалъ?... А механику-то твою съ депешей оченно онъ хорошо замѣтилъ; сейчасъ опосля того велѣлъ мнѣ при докторѣ другую написать, а какъ она съ мужемъ пріѣхали, такъ первымъ дѣломъ чтобы тебя вонъ... Сама при мнѣ ему сказала: „Я молъ, папа, Ѳедькѣ, по вашему приказанію, передала, чтобъ этого Троженкина къ вамъ на глаза не пущать“...

Троженковъ остановился на-ходу:

— Покорнѣйше васъ благодарю! Я, значитъ, и до разоренія васъ довелъ, и „благодѣтеля“ лишилъ, и...

— А то кто-жь? пылко прервала она его; — кабы ты все сердце мое не возмутилъ, что не у него, а у тебя дѣйствительно я за крѣпостную была, онъ бы и теперича живъ остался! Лукавствомъ твоимъ и жадностью душу ты мнѣ отравилъ, вотъ что̀! Какъ вижу, денежки-то сплыли, да о тебѣ тутъ подумала, а и еще барыня эта ошельмовать меня вздумала, такая меня злость взяла, что вотъ, кажется, всѣхъ бы ихъ въ ступѣ истолкла сама... И пришла я тутъ къ нему,— знаю, что все одно, какъ ножомъ ему:—„счастливо молъ оставаться, Елпидифоръ Павловичъ, говорю,—не хочу у васъ больше жить“... Такъ даже страхъ на него глядѣть было: затрясся весь... и зять его даже кинулся просить меня, чтобъ осталась я... А я и слушать не хочу: „пропадай вы всѣ про̀падомъ“, думаю... И пошла, обернуться-то на него въ послѣднее не захотѣла... и обернулась только, какъ ужь онъ...

И Анфиса залилась вдругъ неудержимымъ истерическимъ рыданіемъ. Не даромъ, дѣйствительно, далось ей удовольствіе сорвать свою злость на покойномъ „благодѣтелѣ“...

Степанъ Акимовичъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее, вышелъ въ спальню, вынесъ оттуда налитый водою стаканъ, молча поставилъ его подлѣ нея на столѣ и заходилъ опять по комнатѣ.

Она успокоилась чрезъ нѣсколько минутъ, отпила, утерла

слезы концомъ платка и остановила на немъ пристальный взглядъ:

— Что̀ же теперь, Степа? медленно проговорила она.

— А что̀? не оборачиваясь, отвѣтилъ онъ.

— Какое твое на счетъ меня рѣшеніе будетъ?

Онъ, все также не глядя на нее, обвелъ рукой кругомъ себя:

— Обитель сію видите,—противъ вашихъ съ нимъ хоро̀мъ добрѐ покажется?

— А деньги же гдѣ? спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Какія деньги?

— Какія! А мало ты ихъ перебралъ у меня за три года?

— Много, правда! фыркнулъ онъ насмѣшливо.

— Всѣ; ничего себѣ не оставила... Билетами было три тысячи, да серіями пятьсотъ... Съ возвратомъ бралъ,—съ усиліемъ добавила она,—всю душу-то свою, почитай, проклялъ, божившись, что отдашь...

— Такъ эти деньги въ дѣлѣ; не разъ, кажется, говорилъ вамъ! молвилъ Троженковъ обиженнымъ тономъ.

— Слышала! Документъ все обѣщалъ принести, сегодня, да завтра,—а и по сю пору нѣтъ!...

— Какой документъ?

Она все время не отрывала отъ него глазъ. Презрительное выраженіе все сильнѣе и сильнѣе заволакивало ея красивое и измученное лицо; голубые глаза горѣли темнымъ пламенемъ...

— Плутъ ты, плутъ безстыжій! глухо вымолвила она вдругъ, вставая и быстро окутывая снова голову платкомъ:— проклятъ будь тотъ день, какъ забыла я, на пагубу свою, совѣсть съ тобою!...

И, едва держась на ногахъ, она двинулась къ двери.

Онъ вдругъ смутился:

— Позвольте, Анфиса Дмитріевна, что̀ же вы однако такъ...

Она обернулась на него съ горькою и выкомѣрною усмѣшкой:

— Небось, въ пролубь кинусь съ большаго черезъ тебя горя? И не мни! На-зло тебѣ жить стану! Только ты отъ нонѣшняго часа и встрѣчаться со мною не смѣй, чтобъ я тебѣ при всемъ народѣ подлеца не сказала!

И она исчезла за дверью.

XVIII.

Who is't can read a woman?
Shakespeare.

Mobile comme l'onde.
V. Hugo.

Черезъ день послѣ этого Ольга Елпидифоровна Ранцова, вернувшаяся часа два назадъ изъ Андроньева монастыря съ похоронъ отца и прилегшая было отдохнуть, поднялась быстрымъ движеніемъ съ кровати (заснуть она не могла ни минуты) и кликнула свою горничную, занимавшую сосѣднюю съ ней комнату.

— Что̀, баринъ вернулся? спросила она ее.

Амалія приняла нѣсколько таинственный видъ:

— Пріѣхалъ изъ монастырь, опять сичасъ уѣхалъ и сичасъ wieder hier.

— Гдѣ онъ?

— Въ свой комната.

Она оглянулась кругомъ и прошептала по-нѣмецки:

— Собираются уѣзжать.

— Куда это еще?

Амалія махнула неопредѣленно рукой по воздуху:

— Aus Moskau weg!...

— Вы вздоръ говорите! гнѣвно вскликнула Ольга Елпидифоровна.

Горничная пожала плечами и чуть-чуть усмѣхнулась.

Барыня наша задумалась на мигъ.

— Сходите сейчасъ къ нему и попросите его ко мнѣ! сказала она уже болѣе спокойнымъ тономъ.

Она въ видимомъ волненіи заходила по комнатѣ въ ожиданіи мужа.

Шли вторыя сутки, какъ онъ не говорилъ съ ней, ограничиваясь лишь самыми необходимыми словами въ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда требовалось ея мнѣніе по предмету похоронъ. Всѣ хлопоты по нимъ взялъ онъ на свою обязанность: уговаривался съ гробовщиками, съ духовными лицами, съ пѣвчими. Онъ уѣзжалъ съ утра, возвращаясь домой къ панихидѣ, и опять уѣзжалъ... Она имѣла такимъ образомъ нѣкоторое основаніе думать, что ему „*некогда* говорить съ ней, и только“... Возможности окончательной размолвки она все еще допустить не хотѣла. „Ну да, я поступила неосторожно, и кто бы могъ предвидѣть такой случай, что онъ пріѣдетъ за мной къ Лукояновымъ въ ту самую минуту, когда я оттуда уѣхала, и что этотъ сумасшедшій Ашанинъ вскочитъ ко мнѣ въ карету! Но мало-ли сколько разъ проходили въ Петербургѣ подобнаго рода неосторожности такъ, что онъ или совсѣмъ не замѣтитъ, или, если что-нибудь ему и покажется, онъ понадуется день, другой, и я же надъ нимъ насмѣюсь, объясню, и онъ тутъ же повѣритъ, кинется руки цѣловать... А теперь что̀ же это такое?—онъ собирается уѣзжать въ деревню, не спросившись, не предваривъ даже меня“, разсуждала наша барыня; „я сама хочу не позднѣе какъ завтра уѣхать въ Петербургъ; на кого же я домъ этотъ оставлю, и вещи, и распоряженія всѣ?... Не думаетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ разводиться со мной!“ улыбнулась даже Ольга Елпидифоровна... Но на душѣ ея тѣмъ не менѣе не было спокойно...

Ранцовъ вошелъ съ какою-то бумагой въ рукѣ. Онъ былъ блѣденъ и видимо усталъ, но торопливо и зорко взглянувшая на него жена не прочла на лицѣ его ни гнѣва, ни упрека... Нѣмымъ взглядомъ отвѣтилъ онъ на ея взглядъ, подошелъ къ столу и положилъ предъ ней листъ гербовой бумаги:

— Довѣренность, коротко промолвилъ онъ.

— На что̀ это? спросила удивленно Ольга Елпидифоровна, садясь.

— На полученіе капитала изъ банка.

— Билетъ у меня вѣдь.

— На мое имя положены, по желанію покойнаго...

— Такъ не все-ли равно?

— Не мои-съ, — ваши. Получите, на свое имя положите опять, или какъ вамъ угодно будетъ...

— Да я этого вовсе не хочу! воскликнула она, отпихивая отъ себя бумагу,—пусть останется, какъ есть!

Онъ закачалъ головой.

— Этого нельзя-съ, мнѣ вашего не нужно... а, какъ у насъ дѣтей нѣтъ, въ случаѣ моей смерти родственники мои могутъ явиться съ претензіями...

— Не собираетесь же вы умирать завтра! перебила она его съ внезапною тревогой подъ тономъ шутки.

— Для чего собираться! спокойно возразилъ онъ,—а что только въ животѣ и смерти Богъ воленъ, такъ все предвидѣть надо... Если васъ это безпокоитъ, — молвилъ онъ подумавъ, — такъ пожалуйте документъ, я съѣзжу, на ваше имя перепишутъ.

Она безмолвно воззрилась ему опять въ лицо.

— Никсъ, промолвила она тихо затѣмъ на своихъ низкихъ, ласкательныхъ нотахъ, — вы все еще сердитесь на меня?

На лбу его у виска внезапно вспухла и посинѣла жила; онъ, не подымая глазъ, чуть-чуть усмѣхнулся страдальческою улыбкой...

— Вы мнѣ простить не можете!

— На что вамъ мое прощеніе!—еле слышно проговорилъ онъ и поспѣшно прибавилъ: — Пожалуйте документъ, я сейчасъ съѣзжу.

— Нѣтъ, это не возможно! пылко вскликнула Ольга Елпидифоровна:—намъ надо объясниться; я не хочу ссориться съ вами, не хочу, чтобы вы меня подозрѣвали Богъ знаетъ въ чемъ!... Ну да, я сумасшедшая, я сдѣлала глупость, согласилась ѣхать ужинать съ этимъ... съ Владиміромъ Петровичемъ. И не вдвоемъ даже: должны были еще пріѣхать Веретеньевъ и другіе молодые люди, — мы тамъ у Лукояновыхъ согласились. А вы сдѣлали тутъ сцену Богъ-знаетъ изъ чего...

Его какъ ножомъ пырнуло отъ этой лжи.

— Туда... гдѣ вы были... не ужинать ѣздятъ, съ усиліемъ проговорилъ онъ,—мнѣ извѣстно.

Она покраснѣла вся.

— Такъ онъ меня обманулъ! Я не Москвичка, я не знала...

— И не обманывалъ онъ васъ, прошепталъ Никаноръ Ильичъ, все также отводя отъ нея глаза,—какой онъ человѣкъ, вы давно знаете!

— Такъ что-же это такое? растерянно молвила она, не находя даже въ себѣ силы притвориться разгнѣванною:—я слышала, вы хотите уѣхать... вы меня кинуть хотите?

— Свободу предоставить вамъ хочу, медленно сказалъ онъ.

— Какую свободу?

— Какъ пожелаете, — голосъ его дрогнулъ:—такъ какъ жить ужь намъ по-прежнему... не приходится.

Ей сдѣлалось страшно вдругъ. Насмѣшливыя слова одного изъ ея петербургскихъ поклонниковъ по адресу этого самаго ея мужа пронеслись у нея въ головѣ: „un mari est un intendant donné par la nature“. Какъ же станетъ она жить безъ этого „управителя“?

— Да я никакъ не желаю! возгласила она: —я хочу, чтобы вы перестали дуться... Слышите, сейчасъ, сейчасъ перестать, Никсъ! заговорила она вдругъ *кошечкой*, улыбаясь ему во всю ширину своихъ алыхъ и полныхъ, какъ спѣлыя вишни, губъ и ловя заискрившимися глазами его поникшіе глаза.

— Не мучьте! не то отчаянно, не то бѣшено вырвалось у него на это изъ груди. Онъ быстро отвернулся отъ нея, подошелъ къ окну и приникъ къ нему лбомъ.

Она смущенно отшатнулась на мѣстѣ, въ свою очередь, пораженная звукомъ его голоса.

— Къ чему напрасныя слова говорить? началъ онъ неожиданно, поворачивая опять къ ней свое исковерканное теперь мукой лицо:—любилъ-ли я васъ, сами знаете... Всю душу, всѣ мысли, все... Девять лѣтъ!.. Ежели когда и приходило въ голову, такъ я... я и допустить не хотѣлъ... Вѣрилъ, молился на васъ, какъ...

Слова путались у него въ горлѣ, замирали на ссохшихся губахъ:

— Что-жь чужой вѣкъ заѣдать! Человѣкъ я темный, не свѣтскій вашъ... Понималъ я это хорошо, только думалъ: все-жь никто изъ нихъ... никто покоить ее такъ не способенъ... А тутъ... Обманъ-то зачѣмъ, обманъ? Сказали бы просто,— развѣ я бы не понялъ! Срамиться зачѣмъ?... Вѣдь, кажется, весь открытъ былъ, насквозь меня видѣли. Сказали бы прямо: отступись!... Вы его еще дѣвушкой... любили. Вы, можетъ, полагаете на счетъ состоянія... Такъ мнѣ на что! Ваше все, берите... Идите за него... Я все на себя возьму...

Ольга Елпидифоровна внезапно разрыдалась.

— Вы съ ума сошли, говорила она, всхлипывая,—вы меня за какую-то дуру почитаете; можете-ли вы воображать, что я пошла бы за него замужъ!... Неужели вы думаете, что если-бъ я захотѣла... разойтись съ вами, я бы не нашла никого лучше этого... вѣтрогона? Но я не хочу расходиться... я васъ люблю, Никсъ; вы добрый, благородный; вы меня вотъ до слезъ довели... Я хочу, чтобы... пожалуйста, Никсенька!... чтобы все оставалось по-прежнему...

— Да развѣ это возможно, воскликнулъ онъ,—развѣ возможно!

— Все можно, Никсъ, все! Забудьте, умоляю васъ!

Онъ горько усмѣхнулся:

— Забыть!.. А довѣріе прежнее, гдѣ взять!

Она не успѣла отвѣтить, какъ въ дверь, запертую при входѣ Ранцовымъ, послышался стукъ.

— Кто тамъ? быстро утирая глаза платкомъ, спросила она.

— Depesehen, gnädige Frau! отвѣтилъ голосъ Амаліи.

— Войдите!

Амалія поспѣшно повела на-ходу своимъ косымъ взглядомъ на барина, перевела его вопросительно на барыню и, очевидно уяснивъ себѣ вполнѣ то, что происходило у нихъ сейчасъ, самодовольно усмѣхнулась и подала Ольгѣ Елпидифоровнѣ двѣ принесенныя ею телеграммы.

— Aus Petersburg, произнесла она съ достоинствомъ.

Ольга Елпидифоровна вскрыла одну изъ нихъ, взглянула на подпись и прочла:

„Въ Петербургѣ не осталось ни одного розана, ни камеліи. Всѣ цвѣтутъ у васъ на квартирѣ и ждутъ васъ. Ѣзжу туда каждый день. Тоска безъ васъ хуже смерти. Умоляю телеграфировать, когда вернетесь. Отвѣтъ за сорокъ словъ уплаченъ. Базиль Шастуновъ.“

На едва просохшемъ послѣ слезъ лицѣ красивой барыни скользнула невольная, освѣтившая его на мигъ улыбка. Но она тотчасъ же согнала ее съ устъ и съ озабоченнымъ видомъ вскрыла вторую депешу. Содержаніе ея было слѣдующее:

„Не извѣстили о своемъ отъѣздѣ. Только сегодня узналъ о вашемъ адресѣ. Жестокая. Не ожидалъ. Для чего уѣхали? Мучусь, не сплю. Должны бы пожалѣть. Знаете, что преданности нѣтъ границъ. Отвѣтъ уплаченъ. Леонидъ“.

Это было *petit nom* одного изъ дѣйствительно „преданнѣйшихъ“ ей „паричковъ“ ея, какъ выражалась она, говоря съ Ашанинымъ о своихъ поклонникахъ, графа Натешанцева, человѣка вдоваго, богатаго, съ большимъ служебнымъ положеніемъ и весьма „goûté en haut-lieu“, какъ говорится въ свѣтѣ.

Внезапное раздумье охватило вдругъ теперь Ольгу Елпидифоровну. „И старый, и молодой“... пронеслось и не досказалось у нея въ мысли... Что-то зарождалось тамъ, еще неясное, но освѣщавшее уже совсѣмъ инымъ свѣтомъ то, что сейчасъ еще казалось ей такимъ тяжелымъ и „сквернымъ“...

Она долго молчала, не отрывая глазъ отъ депеши.

— Хорошо, сказала она наконецъ, подымая ихъ на горничную,—ступайте!

Амалія вышла. Ольга Елпидифоровна закусила губу, продолжая видимо соображать, и затѣмъ неспѣшно обернулась на мужа, стоявшаго все также у окна съ печально опущенными взглядомъ и руками... Подвижныя черты ея приняли разомъ теперь строгое и обиженное выраженіе:

— Такъ вы, говорите, потеряли довѣріе ко мнѣ, да? начала она.

Онъ только глубоко вздохнулъ въ отвѣтъ.

Она помолчала опять.

— Значитъ, вы меня разлюбили, потому что нѣтъ любви безъ довѣрія. Если-бъ у васъ оставалась ко мнѣ хоть капля

чувства,—поспѣшила она прибавить, какъ бы боясь возможнаго возраженія съ его стороны,—вы бы не рѣшились сказать мнѣ, что̀ сказали.

— Какъ же говорить-то мнѣ было послѣ того...

Онъ не въ силахъ былъ кончить.

— Ну да, само собою, молвила она уже съ преобладающимъ оттѣнкомъ ироніи въ тонѣ, — вы рѣшились... Я рѣшилась тоже!—почти весело примолвила она.—Что̀ же дѣлать, Никаноръ Ильичъ, насильно милъ не будешь!... Вы предлагаете мнѣ разводъ, — замѣтьте, вы, а не я... Мнѣ остается только повиноваться.

Онъ слушалъ ее, не перерывая, — и не вѣря своимъ ушамъ... Да, онъ вошелъ къ ней въ комнату съ твердымъ намѣреніемъ „все покончить разомъ“: онъ не даромъ три ночи не спалъ, шагая до одури по своей спальнѣ, переходя отъ лютаго, бѣшенаго отчаянія до полнаго изнеможенія, до ребяческаго рыданія, которое заглушалъ онъ, забиваясь головой въ подушки. Онъ зналъ: счастье... нѣтъ, не „счастье“, развѣ былъ онъ когда-нибудь счастливъ?—обольщеніе исчезало для него на вѣкъ. Онъ уже не могъ обманывать себя: то, что̀ онъ видѣлъ, „собственными глазами видѣлъ“, открывало ему вѣжды и на все остальное, на все, что̀ такъ часто мутило его душу недобрымъ подозрѣніемъ, и что̀ „допустить“, во что̀ углубиться онъ не хотѣлъ... Онъ понималъ теперь: „развѣ одинъ этотъ Ашанинъ!“ А въ Петербургѣ, когда онъ по мѣсяцамъ проживалъ въ деревнѣ, а она оставалась одна со всею этою своею свитой... а за границей, можетъ-быть... И онъ девять лѣтъ, девять лѣтъ... „Господи, что̀ же это за женщина! Что̀ за унизительную роль заставляла она играть его! Вѣдь онъ честный, ничѣмъ не запятнанный человѣкъ, и онъ такъ, такъ любилъ ее!... А она такъ безсердечно, такъ „*страмно*“ могла поступить съ нимъ!... Нѣтъ, нѣтъ, кончить скорѣе, разомъ кончить!“

Но когда онъ очутился въ ея присутствіи, когда на него пахнуло опять ея женскою прелестью, когда она глянула на него тѣми неотразимыми глазами, заговорила тѣмъ, всю душу его проникавшимъ голосомъ, съ какими смотрѣла и говорила

она съ нимъ въ одну незабвенную для него минуту (послѣ болѣзни, отъ которой думала она умереть), заговорила, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, называя его „ты“: „Никсенька, я знаю, что никто на свѣтѣ не можетъ меня любить болѣе тебя“,—онъ почувствовалъ, что онъ не выдержитъ, что всѣ рѣшенія его, вся суровость, а съ ними и все его достоинство сгинутъ какъ дымъ предъ ея властью, что онъ будетъ „сто разъ проклинать себя потомъ за это, всю остальную жизнь свою будетъ терпѣть изъ-за этого муку,—но проститъ, не въ силахъ будетъ не простить“...

И вотъ, не онъ теперь, — она говоритъ о разлученіи съ нимъ, она—внезапно, послѣ этой телеграммы, — она, только-что плакавшая и молившая о прощеніи, говоритъ, что она *повинуется*, что насильно милъ не будешь, она, видимо, придравшись къ его словамъ, предлагаетъ ему развестись съ нимъ... Она *хочетъ*, у нея есть человѣкъ, для котораго она его броситъ, кинетъ навсегда... Навсегда...

Сердце у бѣднаго Ранцова забилось съ такою невыносимою болью, что онъ безсознательно поднесъ къ нему руку (сознательно онъ почелъ бы верхомъ для себя счастія въ эту минуту пасть мертвымъ къ ея ногамъ).

— За кого же вы это думаете выходить теперь? крикнулъ онъ ей со злостью.

Она смутилась на мигъ, на одинъ мигъ, но тотчасъ же оправилась и, остановивъ на немъ ледяной взглядъ, проговорила спокойно:

— Не все-ли это вамъ равно, разъ вы находите, что жить вамъ по-прежнему не приходится? Вѣдь сами вы сказали?

Онъ стиснулъ зубы, такъ что судорожный скрежетъ ихъ донесся до ея слуха.

— Вы не въ правѣ сердиться, сказала она:—вы, я повторяю это вамъ еще разъ, предложили мнѣ развестись съ вами. Я просила васъ помириться... Я дошла до того, что просила наконецъ у васъ прощенія въ... въ небывалой винѣ... Вы и выслушать меня не хотѣли. Вы мнѣ отказали наотрѣзъ... А я не такая женщина, чтобъ это забыть — и простить, заключила она, подчеркивая. (Она самымъ искреннимъ образомъ

успѣла убѣдить себя теперь, что обиженною и достойною всякаго сочувствія была она, одна она).

Ранцовъ качнулся на ногахъ и двинулся къ ней со страшнымъ, обезображеннымъ лицомъ. Она съ испуга вскочила съ мѣста.

Онъ вдругъ остановился, повелъ растерянно рукой по лицу и вдругъ захохоталъ:

— За что̀ же Анфису-то эту вы такъ хаяли?...

Она сѣла опять, пожала плечами и примолвила уже совсѣмъ величественно:

— Не забывайте, Никаноръ Ильичъ, что оскорблять женщину низко!

Онъ вперилъ въ нее глаза съ видомъ человѣка, не понимающаго, кто и о чемъ ему говоритъ. Не по его, дѣйствительно, простому разумѣнію была эта непостижимая перемѣна фронта. Въ дѣлѣ его на вѣки разрушеннаго существованія отвѣтственнымъ лицомъ оказывался теперь въ ея и—что̀ было непостижимѣе всего,—въ его собственномъ понятіи онъ, и никто иной.

— Низко! повторила она,—да!...

Онъ опустилъ вѣки, подавилъ вопль, вырывавшійся у него изъ груди, и собралъ свои послѣднія силы.

— Такъ ка̀къ прикажете? вымолвилъ онъ съ поклономъ, какъ бы въ знакъ извиненія.

— Я вамъ напишу объ этомъ изъ Петербурга, не сейчасъ и холодно отвѣтила она.—А вы въ самомъ дѣлѣ собираетесь сегодня въ деревню?

Онъ кивнулъ утвердительно головой.

— Какъ же я однако останусь съ этимъ домомъ и вещами? воскликнула Ольга Елпидифоровна, вспоминая вдругъ опять, что „un mari est un intendant donné par la nature“, и что, пока онъ еще „mari“, онъ не долженъ забывать, что онъ „intendant“, — и потомъ съ этимъ наслѣдствомъ всякія формальности, я ничего не понимаю, кто же этимъ всѣмъ займется? Я сама хочу чрезъ день или два уѣхать въ Петербургъ; не пропадать же мнѣ здѣсь со скуки!...

— При домѣ можетъ остаться мой Сергѣй, я его оставлю

вамъ, возразилъ Ранцовъ:—онъ, вы знаете, человѣкъ вѣрный и исполнительный,—можете ему поручить все, что надо. Бумаги нужныя въ шкапу, гдѣ деньги у покойнаго... Елпидифора Павловича (онъ не считалъ для себя болѣе возможнымъ сказать по-прежнему „батюшка", и эта мысль уколола его какъ острою булавкой). А на счетъ формальностей я былъ уже у одного знакомаго мнѣ, хорошаго человѣка: въ гражданской палатѣ служитъ; онъ обѣщалъ быть сюда часу въ третьемъ. Вы ему можете довѣриться, — а за все платы ему двѣсти рублей, ужь сговорено. Затрудненій особыхъ никакихъ нѣтъ, и не предвидится... А я ужь сегодня уѣду! вырвалось вдругъ у бѣдняги: онъ едва держался на ногахъ.

— А съ этимъ какъ-же? И Ольга Елпидифоровна кивнула на принесенную имъ и лежавшую на столѣ довѣренность.

— Дана съ передовѣріемъ, объяснилъ онъ,—можете тому же Чернову, Николаю Иванычу, поручить, если не желаете сами въ банкъ съѣздить.

— Нѣтъ, сказала она хмурясь,—я бы желала, чтобы вы ужь сами это сдѣлали; вѣрнѣе такъ!

— Чтобъ я въ банкъ съѣздилъ?

— Да, будьте такъ любезны!...

Она потянулась къ своей шкатулкѣ, открыла ее, вынула билетъ Сохранной Казны на внесенную туда Ранцовымъ сумму и передала ему.

Онъ вложилъ его въ бумажникъ, кивнулъ, все также не подымая на нее глазъ, и молча вышелъ изъ комнаты, заперевъ за собой дверь.

Красивая барыня, не теряя времени, подбѣжала къ письменному столику между оконъ, на которомъ разложенъ былъ серебряный бюваръ ея, достала изъ него почтовый листокъ, перо и принялась писать:

1) „Царское Село. Лейбъ-Гусарскій полкъ. Князю Шастунову.

„Вы сумашедшій, но очень милый человѣкъ. Буду скоро. Дамъ знать когда. Видѣла вашу матушку. Увижу еще. Она проситъ меня принять васъ подъ *особенное* (это слово она

подчеркнула) мое покровительство. Я думаю, вы не разсердитесь".

2) „Петербургъ. Сергіевская, собственный домъ. Графу Наташанцеву.

„Тысячу разъ виновата. Грустныя обстоятельства. Болѣе чѣмъ когда нуждаюсь въ преданности. Вы для меня вѣчный, несравненный другъ. Потерпите немножко. Сама жажду видѣть. Телеграфирую заранѣе".

— Амалія, крикнула она, подписавшись подъ обѣими депешами однимъ именемъ своимъ „Ольга",—это надо сейчасъ послать съ кѣмъ-нибудь на телеграфъ. За обѣ получено въ Петербургѣ.

— Gut schon! подмигнула на это Чухонка, верхнимъ чутьемъ угадывавшая въ самомъ зернѣ каждую новую продѣлку своей барыни,—сама съѣзжу, знаю гдѣ...

— Хорошо... Ахъ, да! Вотъ что̀, Амалія, вспомнила вдругъ та,—дома женщина эта, Анфиса? Я, уѣзжая съ похоронъ, видѣла ее и предлагала взять съ собою въ карету. Она отказалась. Вернулась-ли она теперь?

— Дома.

— Что̀ она?

— Нишего, плашетъ. Собралъ свой вся вещь въ сундукъ, сѣлъ на него и плашетъ... А серебро, и все, что̀ у нея было на рукахъ, сдала вчера аккуратно по описи, по вашему приказанію, мнѣ и Сергѣю, объяснила уже по-нѣмецки Амалія.

— Сходите къ ней, сказала Ольга Елпидифоровна,—и попросите ее,—поучтивѣе и поласковѣе, прошу васъ,—зайти ко мнѣ. Скажите, что я хочу ее *поблагодарить*. Поняли?

Минутъ черезъ десять Анфиса, съ красными и опухлыми глазами, но съ обычнымъ ей невозмутимымъ выраженіемъ лица вошла неслышно въ комнату, остановилась въ дверяхъ и почтительно поклонилась.

— Я хотѣла поговорить съ вами, Анфиса... Дмитріевна, начала поспѣшно Ранцова...—Подойдите пожалуста! Вы очень устали, я думаю... Зачѣмъ не хотѣли вы, чтобъ я васъ довезла?

— Что-жь вамъ себя безпокоить, отвѣчала та своимъ пѣ-

вучимъ голосомъ,—я и такъ дойти могла... Да и помолиться-то еще на могилкѣ остаться захотѣлось, тихо примолвила она, опуская глаза.

— Вы очень... преданы были батюшкѣ, я знаю.

— Эвто точно-съ. Потому какъ они мнѣ, можно сказать, благодѣтелемъ были... Очень я была несчастная, когда мужъ мой померъ, такъ они меня тутъ вызволили...

— Покойный говорилъ мнѣ объ этомъ... И какъ вы ему полезною всегда были, даже въ дѣлахъ его... Вы, можетъ-быть, обо мнѣ дурно судили до сихъ поръ,—Ольга Елпидифоровна не совсѣмъ твердо проговорила это (ее нѣсколько грызло воспоминаніе о враждебныхъ отношеніяхъ, въ которыя поставила она себя къ этой женщинѣ въ первый день своего пріѣзда, вслѣдствіе чего та не нашла возможнымъ оставаться долѣе при ея отцѣ и этимъ „невольно“ ускорила его смерть),—но я желаю доказать вамъ, что вы ошибались и что у меня не черствое сердце.

У Анфисы дрогнули брови:

— Какъ же я судить васъ смѣю, сударыня, когда, можетъ, сама я грѣшница, предъ вами, можетъ, сама чѣмъ провинилась. Во имя Христа Спаса нашего простите великодушно!

И она поклонилась ей въ поясъ.

Ольга Елпидифоровна почувствовала себя вдругъ тронутою до слезъ. Она быстро подошла къ „экономкѣ“, обняла ее и поцѣловала:

— Всѣ мы грѣшны, всѣ мы нуждаемся въ прощеніи... Я бы желала поговорить съ вами... о васъ, о томъ, что вы думаете дѣлать... У меня даже было намѣреніе предложить вамъ остаться здѣсь, въ этомъ домѣ, на спокоѣ и смотрѣть за нимъ. Но такъ какъ я въ Москвѣ не живу, да и бывать въ ней никогда не намѣрена, то я думаю всего лучше домъ этотъ продать... Да и вы еще такъ молоды... и хороши, вы можете замужъ выйти...

Тоскливая усмѣшка пробѣжала по губамъ Анфисы:

— Наплакалась я, сударыня, вдосталь и въ первой-то разъ. Лучше ужь въ монастырь, за Божью ограду, иттить,

потому на міру соблазнъ одинъ, да обманъ, произнесла она съ какою-то нежданною, какъ бы безсознательною живостью.

Петербургская барыня съ удивленіемъ поглядѣла на нее:

— Неужто вы, милая моя, серіозно думаете въ монастырь итти?

— Къ примѣру говорю, сударыня... Потому въ серіозъ и думать-то о себѣ до нонѣшня дня некогда было.

— Вамъ непремѣнно надо замужъ пойти... Я увѣрена, что у васъ есть кто-нибудь въ предметѣ, уже лукаво промолвила Ольга Елпидифоровна, вспоминая господина въ синихъ очкахъ, „къ которому папа покойный ревновалъ эту Анфису,“ сказала она себѣ при этомъ.

Анфиса подняла глаза и съ мучительнымъ выраженіемъ устремила ихъ въ глаза своей собесѣдницы. Губы ея замѣтно побѣлѣли:—она поняла.

— Можетъ есть такой человѣкъ, что я его проклясть должна, а не то что итти за него, неудержимо сорвалось у нея съ языка.

— Я вѣдь не знаю... Я только такъ сказала, молвила нѣсколько смущенная этимъ горячимъ отвѣтомъ Ранцова; — я желаю вамъ добра, Анфиса Дмитріевна... Куда же вы думаете переѣхать отсюда?

— А тутъ сестренка у меня есть замужняя, къ ней пойду пока, а тамъ мѣста искать буду... Привыкла въ услуженіи-то находиться.

— Скажите мнѣ откровенно, я знаю, что батюшка былъ щедръ, остались у васъ какія-нибудь средства?

— У меня свои деньги были... отъ дяди получены, не сейчасъ отвѣчала экономка, — да въ четыре года на всемъ готовомъ жила, жалованье собрала... А вотъ теперь всего осталось, — молвила она съ какою-то какъ бы уже веселою улыбкой, вынимая изъ кармана старый, затасканный портъ-моне и вынимая оттуда три красненькія и двѣ рублевыя бумажки.

— А остальное же гдѣ? воскликнула Ольга Елпидифоровна.

Та улыбнулась опять:

— Кому повѣрила,—не отдалъ, значитъ, и нѣтъ.

— Послушайте, милая, молвила поспѣшно петербургская барыня, — я не допускаю, чтобы вы вышли нищая изъ этого дома. Если бы покойный папа зналъ о такомъ вашемъ положеніи и не умеръ бы такъ внезапно, онъ, вы понимаете, обезпечилъ бы васъ непремѣнно... и я, въ его имя и воспоминаніе, прошу васъ принять за ваши заботы о немъ... полторы тысячи рублей. Они вамъ на черный день пригодятся...

Анфиса вскинула на нее опять свои синіе, увлаженные глаза и еще разъ поклонилась ей въ поясъ:

— Спасибо вамъ, барыня, за милости ваши... Только это напрасно будетъ...

— Какъ напрасно?

— Потому какъ не нужно мнѣ этого. Поминать-то его въ молитвѣ и такъ каждоденно стану, на что тутъ деньги!

— Я вамъ ихъ и не предлагаю въ награду за молитвы ваши, нѣсколько обиженнымъ тономъ возразила Ранцова,—я прошу васъ ихъ принять отъ меня во имя его на случай нужды, какъ онъ бы ихъ вамъ далъ въ такомъ случаѣ.

Брови Анфисы судорожно вздрогнули.

— Коли-бъ захотѣла я, сударыня, *онъ* не то чтобъ.... онъ.... *все* бы мнѣ отдалъ... А мнѣ теперича награды не нужно!

И, не давъ той сообразить отвѣта:

— Мнѣ, можетъ, сударыня, тихо, словно застыдясь вдругъ, проговорила она,—самая она и есть награда настоящая, что какъ вошла я въ домъ этотъ нищая, такъ и ухожу изъ него теперь... Можетъ, такъ отъ Господа и положено, чтобы мнѣ за грѣхи мои нужду терпѣть, такъ я это чувствовать должна...

Ольга Елпидифоровна пристально глянула ей въ лицо.

„Этотъ Троженкинъ большой должно-быть мерзавецъ“, сказалось въ ея сообразительной головѣ, „а она раскольница какая-то, видно“.

— Я, конечно, принудить васъ не могу, Анфиса Дмитріевна, сказала она вслухъ, — но прошу васъ знать, что я положу на ваше имя въ банкъ полторы тысячи рублей, и

билеты на нихъ вы можете получить отъ меня во всякое время, когда вамъ понадобится.

„Раскольница“ безмолвно и недвижно выслушала эти слова.

Ранцова, не дождавшись отвѣта, замолкла въ свою очередь.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Позволите иттить? спросила наконецъ Анфиса.

— Вы думаете уже отправляться... совсѣмъ? молвила разсѣянно Ольга Елпидифоровна, мысли которой за это время успѣли ужь отлетѣть за тысячу верстъ.

— Такъ точно, собралась совсѣмъ, подтвердила та.

— Для чего вы спѣшите? могли бы пожить здѣсь, пока не найдете мѣста... А впрочемъ какъ хотите!... Прощайте въ такомъ случаѣ!

— Счастливо вамъ оставаться, сударыня, дай вамъ Господь въ жизни вашей благополучія и всякаго споспѣшествованія.

И Анфиса, подойдя, наклонилась къ ея рукѣ.

Ольга Елпидифоровна не допустила поцѣловать ее и, обнявъ еще разъ „раскольницу“, поцѣловалась съ ней щека въ щеку.

Та отвѣсила низкій, прощальный поклонъ, вздохнула и вышла изъ комнаты.

XIX.

> Alles opponirende Wirken geht auf das Negative hinaus, und das Negative ist Nichts. Es kommt nicht darauf an dass eingerissen, sondern dass Etwas aufgebaut werde...
>
> *Göthe.*

На Арбатѣ, въ домѣ Лукояновыхъ, шло ликованіе. Троекуровъ былъ объявленъ женихомъ Александры Павловны.... Марья Яковлевна, когда онъ въ назначенный имъ день пріѣхалъ дѣлать *предложеніе,* не дала ему и договорить его en forme, вскочила съ мѣста и, всхлипывая, отверзла ему свои объятія. „Знаю, знаю", говорила она, „любите ее давно и она васъ, я согласна, — а до сихъ поръ не могла, сами должны понимать,—Сашенька слишкомъ молода была, да и согласитесь, Борисъ Васильевичъ, что при вашихъ привычкахъ"... Она запнулась: — „Мужъ мой покойный оставилъ дочери по завѣщанію, нарочно для нея куплены, триста душъ, незаложенныя".... Троекуровъ прервалъ ее: „Сдѣлайте милость, Марья Яковлевна, оставимте это; то, что вы даете вашей дочери, до меня не касается". Она замахала большими руками, уже смѣясь сквозь непросохшія еще слезы: „Знаю, знаю, мой батюшка, вы тысячи всегда за грошъ почитали, такъ вамъ что это!... А теперь все-таки остепениться надо будетъ, жена, дѣти пойдутъ; совѣтую вамъ"... На лицѣ его невольно изобразилось неудовольствіе. Заботливая маменька испугалась, перебила себя опять на полусловѣ и поспѣшно зашагала къ двери сосѣдней комнаты, гдѣ, вся блѣдная отъ волненія „въ

ожиданіи своей судьбы", какъ выражалась маленькая Лизавета Ивановна, сидѣла Сашенька. Мать вывела ее оттуда за руку и, подведя къ Троекурову, проговорила протяжно и, для большей, повидимому, торжественности нѣсколько въ носъ:

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, мой другъ, проситъ твоей руки. Я на это согласна,—остальное теперь зависитъ уже отъ тебя.

Блѣдная Сашенька отъ этихъ словъ мгновенно заалѣла какъ маковъ цвѣтъ и молча, сіяя райскою улыбкой, протянула жениху руку... Онъ горячо прильнулъ къ ней губами...

Марья Яковлевна вытащила платокъ изъ кармана и погрузила въ него свое снова омочившееся ради такой оказіи лицо.

Лизавета Ивановна робко выглядывала на нихъ изъ-за полуоткрытой двери, утирая глаза въ свою очередь, крестясь и шепча отъ глубины сердца молитву „о благоденственномъ будущемъ житіи" молодой пріятельницы своей и ея нареченнаго...

Вѣсть о ихъ помолвкѣ облетѣла въ тотъ же день всю дворянскую Москву, съ доброю половиной которой Лукояновы состояли въ родствѣ или близкой пріязни. Со слѣдующаго же утра и „ближайшіе" эти, и дальнѣйшіе ринулись на домъ Марьи Яковлевны, какъ на приступъ. Дни тріумфа настали для его хозяйки,—тріумфа, который росъ въ ея глазахъ съ поздравленіями каждаго новаго лица и питалъ, какъ солнце падающими въ него астероидами, свѣтъ свой и пламень всѣмъ тѣмъ обильнымъ матеріаломъ безсильной злобы и зависти, которую ея счастливая игра внушала всѣмъ совмѣстницамъ ея, маменькамъ, обладательницамъ дочекъ на возрастѣ... Дѣйствительно, на той многотрудной, тяжелой, требующей, говорятъ, самыхъ спеціальныхъ способностей тонѣ, которую на свѣтскомъ языкѣ называютъ умѣньемъ пристроить дочь замужъ, savoir marier sa fille, Марьѣ Яковлевнѣ удалось выловить такого осетра, предъ которымъ всѣмъ остальнымъ товаркамъ ея по ремеслу оставалось только ахнуть и развести руками... Не успѣли всѣ онѣ притти въ себя отъ смерти Ивана Акимовича Остроженки, забулдыги-лошадника, проводившаго жизнь

свою въ клубахъ и у Цыганъ, но залучить котораго къ себѣ въ домъ составляло въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ предметъ упорнѣйшаго желанія и хитроумнѣйшихъ „подходовъ“ со стороны каждой уважающей свой домъ московской родительницы,—а Марья Яковлевна, не говоря дурнаго слова, успѣла ужь пронюхать, отыскать, *обойти* и *окрутить* никому еще неизвѣстнаго наслѣдника всего этого богатства, и выдаетъ теперь за него свою Сашеньку! Какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, не возненавидѣть ея, не проклясть тайно и явно, не объявить „интриганкой“,—а потому и не поспѣшить къ ней съ поздравленіемъ, съ возгласами радости, хотя бы для того, чтобъ имѣть случай при этомъ доставить себѣ удовольствіе ввернуть со змѣиною улыбкой: „Это такой сюрпризъ для всѣхъ, такая неожиданость!... И гдѣ они успѣли познакомиться?... Вы впрочемъ были всегда *такъ умны*, Марья Яковлевна!...“ Марья Яковлевна была и въ самомъ дѣлѣ весьма умна въ житейскомъ дѣлѣ, читала насквозь въ душѣ своихъ добрыхъ пріятельницъ и змѣиными намеками не только не смущалась, а даже вызывала ихъ и лакомились ими, какъ бы сладчайшимъ блюдомъ, подносимымъ ей ея современниками въ награду за блестящее исполненіе материнскихъ обязанностей, возложенныхъ на нее Небомъ. „Нынѣ отпущаеши рабу твою съ миромъ“, готова она была сказать себѣ послѣ каждой новой колкости на сахарной подкладкѣ, послѣ каждаго тонкоядовитаго намека на ея „интриганство“...

Явилась одною изъ первыхъ извѣстная читателю *) Женни Карнаухова, незлобиво носившая свое теперь тридцати уже съ чѣмъ-то лѣтнее дѣвство, все также продолжавшая благоволить ко всему міру и почитать себя необходимою для его блаженства и видѣвшая въ помолвкѣ Сашеньки съ ея cousin свое созданіе, дѣло своего ума, своихъ „комбинацій“ и заботъ. Она дѣйствительно радовалась, искренно умилялась, сердечно прыгала и лобызалась въ восторгѣ своемъ съ „нареченными“, съ „другомъ своимъ“ Марьей Яковлевной, съ маленькою Лизаветой Ивановной, съ крупною, какъ и она

*) *Четверть вѣка назадъ.*

сама, грузинскою дѣвой Катериной Борисовной. Явилась она въ самый день сговора и съ этой минуты являлась уже сюда каждый день, хотя на полчаса. Домъ Лукояновыхъ съ его благорастворенною атмосферой „двухъ влюбленныхъ сердецъ“ обратился для нея въ эдемъ, гдѣ могла она „отдыхать душой“ отъ невыносимой скуки и тоски, испытываемыхъ ею дома, въ обществѣ зубастой маменьки, болѣе чѣмъ когда гнетомой своимъ „mal de dos„ и недочетами своихъ тщеславныхъ грезъ (Толя, на котораго она такъ долго глядѣла, какъ на звѣзду первой величины, ея Толя, вмѣсто блестящей карьеры, проживалъ уже второй годъ безъ ногъ въ Ахенѣ на излѣченіи), и которая на „établissement“ самой Женни давно махнула рукой, какъ на вещь, разъ навсегда поконченную и сданную въ архивъ. Женни пользовалась этимъ и отсутствовала изъ дому, насколько могла чаще, увѣривъ и мать, и самое себя, что Марьѣ Яковлевнѣ нельзя обойтись безъ нея „насчетъ приданаго Сашеньки“.

Почти ежедневно являлись и Овцыны, отецъ съ сыномъ. Старый либералъ видимо льнулъ къ Троекурову. Чувство изящнаго, свойственное всѣмъ людямъ его эпохи, подкупало его въ пользу будущаго мужа его племянницы. Ему нравились въ Троекуровѣ его „аристократическій“, нѣсколько холодный обликъ, сдержанность пріемовъ и движеній, простой, краткій, тщательно избѣгавшій всякаго книжнаго оборота складъ рѣчи,—„вся эта какая-то смѣсь англійскаго съ лезгинскимъ“, объяснялъ онъ себѣ, тщательно скрывая впрочемъ такое свое преступное сочувствіе отъ сына, предъ которымъ бѣдный „Ламартинъ“ робѣлъ, какъ рядовой предъ строгимъ фельдфебелемъ. Иринархъ, само собою, злился на Троекурова и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже сознавалъ безсиліе свое предъ нимъ. Употребляя одно изъ тѣхъ чужеземныхъ выраженій, которыя въ ту пору сотнями и цѣликомъ начинала переносить періодическая печать въ русскій языкъ,—Троекуровъ *импонировалъ* ему противъ его воли, *осаживалъ*, какъ говорится, однимъ словомъ, взглядомъ всѣ тѣ попытки къ фамильярности или дерзости, которыя ежедневно роились въ намѣреніяхъ и просились наружу изъ души злобнаго студента. Онъ не да-

валъ ему даже удовольствія раздразнить его своею *прогрессивностью*, и когда тотъ за обѣдомъ или ужиномъ начиналъ „разрушать міръ“, по выраженію Марьи Яковлевны, молчалъ глубокимъ молчаніемъ, пока кто-либо не заговаривалъ о чемъ-либо постороннемъ, къ чему онъ тотчасъ же и присоединялся... „Шваль великосвѣтская, Печоринъ изъ военныхъ усоносцевъ!“ измышлялъ Иринархъ внутренно бранныя слова по адресу будущаго мужа двоюродной своей сестры... „И не проберешь вѣдь его ничѣмъ, вотъ что!“ принужденъ онъ былъ сознаваться съ невыносимою досадой... Онъ однажды попробовалъ не отвѣтить на поклонъ входившаго въ гостиную Троекурова и отвернулся, будто не видавъ его. Марья Яковлевна, замѣтившая это, вспыхнула вся отъ негодованія. „Ты слѣпъ, что-ли“, крикнула она ему, „не видишь, что тебѣ кланяются?“ Иринархъ поднялъ на нее сверкающіе глаза, но встрѣтился на пути съ глазами Бориса Васильевича, скользнувшими по немъ на мигъ съ такимъ всецѣлымъ, уничтожающимъ равнодушіемъ, что онъ весь позеленѣлъ, торопливо мотнулъ головой въ видѣ поклона и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты...

Онъ давно „наплевалъ бы на этотъ домъ“, если бы не влекло его сюда двойнымъ влеченіемъ къ одному предмету,— ко княжнѣ Кирѣ. Апостолъ „новаго слова“, какъ начинали говорить тогда въ той же петербурской журналистикѣ, онъ предвкушалъ въ этой дѣвушкѣ съ ея своеобразною и гордою красотой, дразнившею и возбуждавшею въ немъ то „естественное стремленіе“, которое „чопорные пуристы искусственной морали называютъ всякими сентиментальными существительными на своемъ пошломъ языкѣ“ *), будущую, близкую сектантку и поборницу его „свободныхъ ученій“; ненавистникъ „Печориныхъ изъ военныхъ усоносцевъ“, онъ угадывалъ въ ней ту же, не высказывавшуюся, но несомнѣнную въ его убѣжденіи враждебность къ жениху ихъ общей кузины...

Для него же въ настоящую миниту наступило самое благопріятное время для тѣснѣйшаго сближенія съ нею, возможность подолгу и безпрепятственно излагать ей свои теоріи,

*) Добролюбовъ.

вліять на ея „развитіе“ невозбраннымъ многоглаголаніемъ своей „прогрессивной“ проповѣди. Марья Яковлевна была такъ поглощена самоуслажденіемъ блестящей партіи, которую устроила она для дочери, и блаженными заботами о ея приданомъ, что ни о чемъ иномъ не могла думать, ни на что другое не обращала никакого вниманія. Иринархъ проводилъ теперь цѣлые вечера съ княжною въ какомъ-нибудь углу дома, читая ей вслухъ *Былое и Думы* или *Современникъ*, толкуя о „послѣднихъ выводахъ науки“ по Молешоту и Бюхнеру, Фейербаху и Карлу Фохту, сочиненіями которыхъ снабжалъ онъ ее въ изобиліи, отмѣчая при этомъ въ нихъ мѣста, въ которыя должна она была „вникнуть“, и рекомендуя не читать остальнаго на томъ основаніи, что „самый умный Нѣмецъ—все-таки филистеръ и не прочь *сподлить* здѣсь или тутъ предъ старою пошлостью“, между тѣмъ какъ она, склонясь надъ пяльцами, слушала его съ обычнымъ ей безмолвіемъ, прерывая его лишь изрѣдка какимъ-нибудь нежданнымъ, часто нѣсколько смущавшимъ его вопросомъ, или грамматическою поправкой какой-нибудь приводимой имъ цитаты на нѣмецкомъ языкѣ, который онъ зналъ плохо... Внимательнѣе и оживленнѣе, замѣчалъ онъ, становилась она, когда онъ заводилъ рѣчь о „женскомъ вопросѣ“, все по тому же поводу предстоявшаго брака Сашеньки съ Троекуровымъ, къ которому онъ и относился всегда съ крайнимъ, насилованнымъ ожесточеніемъ.

— Наша Александра Павловна достигла высшаго ранга на своемъ служебномъ пути, говорилъ онъ однажды, хихикая.

— Это какой-же „служебный путь“? спрашивала Кира, чуть-чуть улыбнувшись.

— А замужсто! Вѣдь при нынѣшнемъ безобразномъ строѣ общества для женщинъ нѣтъ иныхъ путей, иныхъ задачъ въ жизни! Выходи замужъ, — это ея единственная цѣль, промыселъ, работа, назначеніе! Выходи замужъ,—и какъ можно выгоднѣе, то-есть употреби весь тебѣ данный умъ, напрягай всю имѣющуюся въ тебѣ способность къ притворству и лжи, чтобы продать себя наивозможно дороже, какъ продаются на Востокѣ гаремныя невольницы, съ тою разницей, что ихъ

тамъ продаютъ насильно другіе, а у насъ онѣ сами воспитываются съ дѣтства на ремесло торговли собою!...

— Саша не продаетъ себя, неторопливо молвила на это княжна, — она влюбилась въ... въ этого господина, когда у него ничего не было, и ея мать и слышать не хотѣла, чтобъ она шла за него.

— Саша! принялся опять *иронизировать* Иринархъ,—да что̀-жь такое сама-то эта любезная персона? Вѣдь это чистѣйшій продуктъ нашего отвратительнаго патріархальнаго курятника, и вѣдь дальше такого курятника не простираются ея способности мышленія и желанія. Вы говорите, она въ *этого* „влюбилась", когда онъ былъ бѣденъ, и мать не соглашалась отдать ее за него. Ну, а какъ вы думаете, если-бъ онъ остался бѣденъ, и милая маменька все также не отдавала бы ее за возлюбленнаго, наша *кисейная* родственница не пошла бы, по волѣ этой же маменьки, за любаго стараго подагрика съ милліономъ въ шкатулкѣ?

Кира закачала головой:

— Она упрямѣе, чѣмъ вы думаете... Въ крови это у насъ, промолвила она какъ бы про себя.

— Ну да, прошипѣлъ онъ, уязвленный этими словами,— кровь у васъ особая, княжая, спеціальнаго химическаго состава, синяя что-ли, а не красная, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ! Вы до сихъ поръ въ это вѣруете, Кира Никитишна, вопреки самой простой логикѣ...

„Вѣрую", отвѣчало, показалось ему, на это чуть-чуть замѣтное движеніе ея бровей.

Онъ вскипятился:

— Никакой крови нѣтъ-съ! Есть среда, да-съ—среда и влагаемыя ею въ насъ съ ранняго дѣтства уродливыя, или здоровыя, естественныя воззрѣнія и понятія. А среда родившихъ и воспитавшихъ всѣхъ насъ,—*князей*, какъ вы съ кузиной, и плебеевъ... какъ я,—яйца̀ выѣденнаго не сто̀итъ! Надо особенно сильную натуру...

Княжна подняла вдругъ глаза, уложила локти на пяльцы и, продѣвая шерстинку въ ушко высоко приподнятой иголки, прервала его вопросомъ:

— Что̀ вы думаете, будетъ она съ нимъ счастлива?

— Александра-то Павловна со своимъ нещечкомъ? возгласилъ Иринархъ;—помилуйте, таять будетъ, въ лужу блаженства распуститъ свою идеальную особу! Что̀ дѣтей народитъ ему съ благодарности съ большой!...

Ея внезапно сжавшіяся брови заставили его примолкнуть.

— А онъ? спросила она черезъ мигъ.

— Господинъ Троекуровъ, то-есть?... Я полагаю, протянулъ Овцынъ,—что сей сподвижникъ отечественнаго милитаризма и аристократъ изъ россійскаго музея древностей найдетъ въ нашей кузинѣ вполнѣ соотвѣтствующую его вкусамъ и идеаламъ рабыню, которая что̀ Иверской, что̀ ему станетъ земные поклоны класть... Какого ему еще счастія нужно?

— Онъ... уменъ, проговорила съ разстановкой и какимъ-то загадочнымъ тономъ княжна.

Иринарха всего даже передернуло отъ злости:

— Уменъ... Вотъ и мой достойный родитель почитается тоже умникомъ... Въ „чернокнижной“ Англійскаго Клуба рѣчи держитъ, между двумя пульками преферанса въ великобританскую оппозицію играетъ, Маколеемъ до одури зачитывается, либеральныя пѣсни, что̀ твой соловей, свищетъ. Такъ и у него, по-вашему, мозги въ головѣ?

— Этотъ очень мало говоритъ, напротивъ, небрежно промолвила Кира.

— Ну да-съ, тотъ же объектъ, только съ другаго фаса. Вѣдь это у нихъ всѣхъ та же игра въ великобританскій палисандръ, насаженный на русское дубье. У господина Пушкина, помните, въ стихахъ даже выражено: „сей двойственный соборъ“ и даже какія-то „пружины смѣлыя гражданственности новой“, то-есть, которыя они въ невѣжествѣ своемъ мнятъ и по сю пору „новыми“. Ну, такъ вотъ-съ и изображаютъ они собою въ россійскихъ лицахъ сей знаменитый „двойственный соборъ“, какой онъ тамъ есть въ Англіи: родитель мой, напримѣръ, пламенный „коммонеръ“, изъ нижней *говорильни*, ратующій потоками пустыхъ словъ за гроша мѣднаго не стоящія „вольности“; господинъ Троекуровъ — недосягаемый лордъ, „краса и честь націи“, дозволяющій себѣ

разжимать зубы не для всякаго и не во всякое время, разжимающій ихъ на дѣлѣ лишь для „суроваго отпора“—это я опять-таки словами господина Пушкина выражаюсь, — всему тому, что̀ здорово, свѣжо и молодо, всѣмъ законнымъ требованіямъ современнаго демократическаго прогресса и гуманности...

Кира подняла голову какъ бы съ намѣреніемъ возразить, или замѣтить что-то по поводу этихъ послѣднихъ его словъ, но опустила ее вновь тутъ же и проговорила только съ неодобрительною, понялъ онъ, усмѣшкой:

— Вы между прочимъ и отца роднаго не щадите?

— Отца! вскрикнулъ позеленѣвъ Иринархъ:—что̀ такое отецъ? Случайность, въ которой онъ такъ же неповиненъ, какъ я! Изъ-за чего же долженъ я щадить его болѣе, чѣмъ другаго? Заповѣди-то Моисея отжили свой вѣкъ, и этимъ пугаломъ современнаго человѣка не испугаешь. Хочешь почтенія теперь, такъ требуй не въ силу родительскаго званія, а ради настоящихъ правъ на уваженіе тебя. А у моего Ѳедора Ѳедорыча какія такія имѣются? Не изъ-за того ли мнѣ его уважать, что у него на третьемъ словѣ „Европа“ и очеса къ небу? А этотъ самый Европеецъ съ русскаго крѣпостнаго мужика тянулъ послѣднее, пока и всѣхъ ихъ, своихъ и матери покойницы, мужиковъ въ карты не продулъ, а сына пролетаріемъ по міру пустилъ... Не изъ того-ли, что онъ мнѣ чуть не съ десятилѣтняго возраста предоставилъ волю жить, думать и пробавляться съ кѣмъ, что̀ и какъ мнѣ вздумается, потому я, молъ, твою свободу стѣснять не хочу,—а въ дѣйствительности потому, что тунеядничать въ клубѣ интереснѣе, чѣмъ надъ мальчуганомъ съ указкой сидѣть?.. А я вамъ вотъ что̀ скажу: покойница-мать моя въ дѣтствѣ выпорола меня разъ розгами за то, что старую няню кулакомъ по лицу съѣздилъ,—такъ я ее до сихъ поръ помню и *экзекуцію* ея надо мной почитаю во сто разъ *гуманнѣе*, чѣмъ весь протухлый либерализмъ Ѳедора Ѳедоровича!.. „Либералы“ во вкусѣ просвѣщеннаго моего тятеньки всю жизнь свою, по истинѣ, были лишними *человѣками* и пошлыми *Гамлетами Щигровскаго уѣзда*, не способными во всю жизнь ни на какое путное дѣло и не додумавшимися ни до одной серіозной идеи.

— А вы... додумались? промолвила Кира.

Иринархъ сверкнулъ глазами:

— Еще бы!

Онъ схватилъ лежавшую на сосѣднемъ столикѣ только что возвращенную ему княжной книжку *Современника*, быстро перелисталъ ее и, отыскавъ мѣсто, принялся читать:

„Ежели наши читатели поймутъ, что точно русская жизнь и русская сила вызваны на рѣшительное дѣло, и если они *почувствуютъ* (подчеркнулъ онъ) законность и важность этого дѣла“...

Кира прервала его:

— Да, я помню, и даже хотѣла спросить васъ, что̀ надо понимать подъ этимъ дѣломъ?

— Ненавидѣть прежде всего!—такъ и отрѣзалъ онъ.

Тонкія ноздри ея какъ-бы сочувственно дрогнули.

— А потомъ? медленно протянула она.

— Уничтожать весь этотъ гнилой и гнусный строй прежней жизни, съ его угнетателями и пошляками.

— Какими способами?

— Всѣми, какіе у кого подъ руками! воскликнулъ онъ, пожирая ее глазами:—печатнымъ словомъ, живою проповѣдью, неустанною насмѣшкой, ежечаснымъ, ежеминутнымъ протестомъ противъ мертвящихъ бредней старой ѳеогоніи, противъ мрачнаго формализма семейной жизни, безгласности и покорности... Противъ всего того, — быстро и наклонясь къ ней, проговорилъ онъ полушопотомъ, — что̀ окружаетъ и душитъ васъ самихъ въ этомъ домѣ... Скажите, развѣ вы не изнемогаете здѣсь, не возмущаетесь понятіями, складомъ, привычками всей этой затхлой среды?..

Кира нежданно откинулась затылкомъ на свое кресло, прижмурила вѣки и словно уронила съ губъ:

— Да, душитъ!..

Все лицо Иринарха освѣтилось плотояднымъ пламенемъ. Онъ торопливо откинулъ одною рукой прядь длинныхъ своихъ волосъ, упавшую ему на лицо, схватилъ другою съ пялецъ ту же книжку *Современника*, открылъ ее...

— Слушайте, Кира Никитишна, точно про васъ и *для васъ*, подчеркнулъ онъ,—писано:

„Не бойтесь за нее: она можетъ на время или покориться, повидимому, или даже пойти на обманъ, какъ рѣчка можетъ скрыться подъ землею, или удалиться изъ своего русла; но текущая вода не остановится и не пойдетъ назадъ и все-таки дойдетъ до своего конца, до того мѣста, гдѣ можетъ слиться съ другими водами и вмѣстѣ съ ними бѣжать къ водамъ Океана“ *)...

— Да, воскликнулъ онъ дочтя, — вы та же „многоводная рѣка“, какъ Катерина Островскаго, вы можете „покориться на время“, но не остановитесь на полпути! Придетъ день,—и я чувствую, что онъ близокъ,—когда вы бодро сорвете и отшвырнете отъ себя послѣдніе путы старой ветоши предразсудка и гордо отдадитесь новой, свободной жизни!...

— Я здѣсь не останусь, промолвила Кира быстро и рѣшительно.

Онъ потянулся къ ней всѣмъ тѣломъ.

— Вы знаете, заговорилъ онъ еле слышнымъ, прерывающимся голосомъ,—что вамъ стоитъ только слово сказать... Я вамъ все устрою. У меня такія мѣста есть... и связи... Никто не отыщетъ, не узнаетъ...

Она быстро выпрямилась, глянула изумленно ему въ лицо, видимо не понимая, о чемъ онъ говоритъ, и безъ словъ встала и вышла изъ комнаты.

---

*) *Лучъ солнца въ темномъ царствѣ* (*Гроза* Островскаго). Добролюбовъ.

XX.

Le génie est bien beau, j'aimerais mieux l'amour.
Si j'étais jeune fille.
V. de Laprade.

Эти-ли разговоры ея съ Иринархомъ и „освободительныя“ книжки, которыя давалъ онъ ей читать, или иные, тайно зрѣвшіе въ ней, помыслы,—только съ каждымъ днемъ, казалось, становилась все мрачнѣе Кира, съ каждымъ днемъ будто дѣлалось для нея тяжелѣе общеніе съ тою „средой“, въ которой жила она. Эдемъ, какимъ рисовался домъ Лукояновыхъ скучавшей у себя въ семьѣ княжнѣ Карнауховой, представлялся чуть не однимъ изъ мытарствъ, ожидающихъ человѣческую душу за гробомъ обитавшей здѣсь княжнѣ Кубенской. Ее здѣсь дѣйствитетьно „душило“ все и вся... То праздничное настроеніе, та неустанная сутолока, что̀ неизбѣжно воцаряется въ *домѣ невѣсты* съ самаго дня помолвки и на многіе и многіе дни превращаетъ его въ какую-то Вавилонскую башню, — усиленно усердное прислуживаніе и возня слугъ, поставщики и магазинщицы, шмыгающіе съ ранняго утра со своими картонами, свертками и узлами, кипы матерій развернутыхъ по столамъ и стульямъ, часовые споры о выборѣ бархата на шубу, букеты, подарки и *сюрпризы*, аханье горничныхъ, примѣриванія и раздѣванія, встрѣчи и проводы *жениха*, казенное умиленіе и приторныя улыбки,—все это раздражало ее до слезъ, до разлитія желчи... Кира не выходила изъ своей комнаты до обѣда; часто и къ обѣду не являлась она подъ предлогомъ головной боли, или даже просто потому, что

ей-де „ѣсть не хочется“, коротко отвѣчала она слугѣ, прибѣгавшему извѣстить ее, что „господа ужь всѣ за столомъ сидятъ“. Въ первое время Сашенька или сама тетка считали долгомъ подняться въ этихъ случаяхъ къ ней послѣ на антресоли, узнать, не заболѣла-ли она въ самомъ дѣлѣ; но на вопросы ихъ она такъ язвительно давала разумѣть, что онѣ ей докучаютъ ими, что̀ Марья Яковлевна объявила наконецъ: „пусть-молъ она какъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ“, и оставила ее уже совершенно съ этой минуты „безъ вниманія“... Это являлось теперь новымъ поводомъ злиться нашей княжнѣ. Она чувствовала себя какъ бы покинутою, заброшенною, какъ бы „пренебреженною“ этими всѣми ликующими, счастливыми людьми... Она, которую — давно-ли! — цѣлый край носилъ на рукахъ, которая съ самаго дѣтства привыкла почти къ царственному обращенію со всѣмъ ее окружавшимъ... Никогда еще такъ не было тяжело для нея сознаніе сиротства своего и одиночества,—сознаніе паденія съ высоты, съ которой, юная орлица, рѣяла она надъ общественнымъ доломъ. Она не обманывалась на счетъ себя,—она знала, что холодность къ ней и отчужденность, которыя она встрѣчала кругомъ, были единственно ея дѣломъ, что стоило ей только протянуть руку, чтобы привлечь всю эту боязливо отстранявшуюся теперь отъ нея родственную среду... Но она—*не могла*, уста ея не способны были отомкнуться для повинныхъ, „заискивающихъ“, даже примирительныхъ рѣчей. Она могла сознавать себя in petto виноватою, пожалуй, но она умерла бы скорѣе, чѣмъ признаться въ этомъ вслухъ, чѣмъ „отступиться“, чѣмъ сдѣлать шагъ назадъ на пути, по которому вели ее душевные ея инстинкты... Да и на что̀ ей было примиреніе, на что̀ дружба, на что̀ ласка этихъ людей?

„I learn'd to love dispair“ *), говоритъ Байрононскій Шильонскій узникъ. Княжна Кира привыкла любить „ненависть“, которой поучалъ ее Иринархъ Овцынъ; ей была люба и сочувственна его излюбленная проповѣдь противъ „гнилаго строя“ того *общества*, въ которомъ не представлялось ей

*) Я научился любить отчаяніе.

исключительнаго главенства; она „презирала“ и почитала подлежащимъ разрушенію все то, надъ чѣмъ властвовать не могла...

Болѣе всѣхъ другихъ, быть можетъ, возбуждалъ въ ней враждебное чувство Троекуровъ, — она никогда не говорила съ нимъ, старалась не глядѣть на него, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе могла она найти внутри себя поводовъ презирать его. Онъ былъ уменъ, что̀ она прежде всего цѣнила въ людяхъ. Онъ былъ гордъ и независимъ, съ тою къ тому же особенною чертой присутствія „синей крови“, надъ которою глумился Иринархъ и которая именно, въ глазахъ ея, опредѣляла степень превосходства его надъ Иринархомъ. Онъ „пожилъ“, по выраженію ея отца, то-есть многое видѣлъ, испыталъ, чувствовалъ, способенъ былъ опредѣлить, взвѣсить и оцѣнить все это видѣнное имъ и испытанное.... И этотъ „пожившій“, независимый, умный и снова богатый человѣкъ... къ чьимъ ногамъ несетъ онъ все это? Что̀ нашелъ онъ въ простой, дюжинной дѣвочкѣ, какова это Сашенька, смиренной и равнодушной ко всему, что̀ не ея гнѣздо, не ея „курятникъ“,—да, Иринархъ правъ! для которой „нѣтъ лучше компаніи, какъ какая-нибудь ханжа Лизавета Ивановна“, нѣтъ иного чтенія, какъ „какой-нибудь Пушкинъ, или глупѣйшій *Heir of Redcliffe* *), надъ которымъ проплакала она два вечера сряду?“... Неужели красотою ея увлекся онъ? Но, во-первыхъ „красивы у нея только волосы и глаза, да и то глаза ничего не выражаютъ, а цвѣтъ волосъ просто черный, какъ у всѣхъ, а лицо слишкомъ безжизненно, и она очень скоро разжирѣетъ“. А во-вторыхъ, „развѣ онъ никогда не встрѣчалъ красивыхъ женщинъ лучше Саши, не могъ выбрать себѣ другой... болѣе подходящей къ себѣ?“ разсуждала Кира... „Что̀ же послѣ этого“, мысленно говорила она въ заключеніе съ желчною усмѣшкой“, что̀ же это за *герои*, за *лучшіе* этого общества, къ чему служитъ имъ умъ, чего добиваются и чѣмъ удовлетворяются они въ жизни? Противны они, какъ и весь тотъ milieu, изъ котораго вышли!“...

---

*) Романъ весьма нравственнаго содержанія, соч. миссъ Йонгъ.

А то самое простое и смиренное, что возбуждало въ Кирѣ такое высокомѣрное отношеніе къ ея кузинѣ, исполняло Троекурова какимъ-то цѣлебнымъ умиряющимъ чувствомъ. Острое ощущеніе недовѣрія и пренебреженія къ людямъ, вынесенное имъ изъ недочетовъ и ошибокъ своего прошлаго, таяло, какъ снѣгъ весеннимъ первовременіемъ, подъ тепломъ той, не испытанной имъ до сихъ поръ, чистой, глубокой, „безкорыстной“ женской привязанности, о которой говорилъ онъ Сашенькѣ въ вагонѣ по пути изъ Петербурга. Долголѣтній „скиталецъ по міровой пустынѣ“, онъ дорожилъ именно тѣмъ *запахомъ* „гнѣзда“, тою благоухающею *домовитостью*, которыми исполнена была она. Разочарованный давно честолюбецъ, ему самому ничего иного не хотѣлось, какъ уложить будущую жизнь свою въ рамки тѣхъ скромныхъ горизонтовъ, далѣе которыхъ не заходили ея дѣвическія мечты. „Довольно эпоса и драмы“, готовъ онъ былъ сказать: „Ich auch war in Arcadia geboren“, я тоже идилліи хочу!... Сидя съ нею по часамъ вдвоемъ въ будуарѣ Марьи Яковлевны, уступленномъ какъ бы имъ теперь въ исключительное владѣніе, ему часто вспоминалась одна, прочтенная имъ въ ранней молодости, французская книга. Это была трогательная и милая исторія одного заключеннаго и полеваго цвѣтка, Богъ знаетъ какъ занесеннаго въ зернѣ и разцвѣтшаго въ щели его рѣшетчатаго окна, и на которомъ мало по малу сосредоточиваются всѣ заботы, всѣ интересы и упованія жизни бѣднаго узника *). Онъ, Троекуровъ, точно также теперь лелѣялъ и холилъ распускавшійся предъ нимъ драгоцѣнный цвѣтъ молодой души, жадно любуясь каждымъ новымъ раскидывавшимся лепесткомъ его, каждымъ оттѣнкомъ его нѣжныхъ, не поддающихся взгляду каждаго, красокъ. Для него, для него одного распускался онъ и благоухалъ; онъ одинъ, сказывалось ему, былъ въ состояніи понять всю его тихо проникавшую прелесть... „Мнѣ кажется иногда, что я совсѣмъ не жила до сихъ поръ“, сказала ему однажды Сашенька, нежданнымъ движеніемъ схватываясь въ восторгѣ за

*) *Piccola* par Saintine.

голову: „точно какой-то ангелъ принесъ меня откуда-то изъ темноты, поставилъ сюда и сказалъ: вотъ оно что̀!“ „*Вотъ оно что!*“ повторилъ онъ — и лучше, выше и умнѣе этихъ словъ, показалось ему, не изобрѣталъ человѣческій языкъ...

Свадьба ихъ назначена была послѣ Пасхи, на *Красную Горку,* по извѣстному московскому обычаю. Къ этому времени Троекуровъ долженъ былъ быть окончательно введенъ во владѣніе наслѣдствомъ Остроженковъ, о чемъ усиленно хлопоталъ вліятельный въ Москвѣ чиновникъ Успенскій, большой пріятель и повѣренный покойнаго Акима Ивановича, человѣкъ честный и хорошій, которому Борисъ Васильевичъ и ввѣрилъ всѣ свои интересы. Послѣ вѣнчанія *молодые* должны были сѣсть въ карету и ѣхать въ отстоявшее на сто съ чѣмъ-то верстъ отъ Москвы село Всесвятское, великорусское имѣніе покойнаго, въ которомъ онъ года за два до смерти началъ постройкою новый, каменный, нынѣ только что оконченный, одноэтажный домъ; въ немъ никто еще не жилъ, и комнаты стояли пусты, такъ какъ смерть унесла его владѣльца прежде, чѣмъ успѣлъ онъ сдѣлать распоряженіе о его меблированіи. Троекуровъ предпочелъ *основаться* (предположенія жить когда-нибудь въ городѣ у нихъ съ Сашенькой и вовсе не было,) въ этомъ имѣніи, а не въ старомъ малорусскомъ Остроженковскомъ гнѣздѣ на берегахъ Сулы, съ его строеннымъ по планамъ Растрелли въ Екатерининскія времена „дворцомъ“,—предпочелъ не столько ради близости къ столичнымъ центрамъ, сколько въ виду тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, которыя могли ожидать его среди той дорогой ему, но соединенной съ такими враждебными по отношенію его воспоминаніями старины. „Тамъ тѣни ненавидѣвшихъ меня съ матерью мѣшали бы намъ, кажется, не только спать, но и обѣдать“, говорилъ онъ съ невеселою усмѣшкой Сашенькѣ, въ воображеніи которой рисовалось такъ заманчиво синее небо Украйны, какимъ знала она его по *Майской Ночи* Гоголя, да по стихамъ „какого-то“ Шевченки, которые приносилъ ей какъ-то Моховъ и которые ей такъ понравились, что она ихъ выучила наизустъ и читала съ презабавнымъ акцентомъ:

Садокъ вышнéвій коло хаты
. . . . . .
. . . . . .
Дочкà вечѐрять подаé,
А маты хоче научаты,
Да соловейко не даѐ.

„Да соловейко не даѐ,“ какая прелесть! повторяла она, декламируя ихъ съ загоравшимися глазами пріятельницѣ своей, Лизаветѣ Ивановнѣ...

„Но съ *нимъ* не все-ли равно гдѣ жить, съ *нимъ* вездѣ рай, вездѣ блаженство!“ говорила она себѣ теперь. *Онъ* принесъ ей планъ этого нововыстроеннаго дома въ *русскомъ* имѣніи, въ которомъ поселятся они, и указалъ ей между прочимъ на чертежъ большой крытой террасы, выходившей въ садъ. Садъ огромный, старинный, вѣтвистый, съ глубокою и свѣтлою рѣчкой по самой середкѣ его,—узнала она отъ бывавшаго тамъ Успенскаго... И *тамъ* будетъ пѣть „соловейко“, „пѣть именно тогда, когда мы туда пріѣдемъ въ концѣ апрѣля, и все въ зелени, и по небу ходятъ тѣ веселыя бѣленькія тучки, что̀ я такъ люблю, а вечеромъ изъ-за большой, большой липы выплываютъ золотые рожки мѣсяца, и мы съ нимъ тутъ одни... Царица Небесная, чѣмъ заслужила я себѣ такое счастіе!“ прервала себя дѣвушка, закрывая обѣими руками омоченные непереносимою полнотой этого счастія глаза свои.

О будущемъ обиталищѣ своемъ говорили они каждый день. Домъ оказывался по плану если не весьма обширнымъ по числу комнатъ, то весьма удобнымъ по размѣрамъ и расположенію ихъ: къ тому же съ обѣихъ сторонъ его выстроено было по павильону „для гостей“, небольшія зданія, комнаты въ четыре каждое, съ балкономъ, выходящимъ въ садъ, какъ и терраса дома... Троекурову было досадно лишь то, что все это съ иголочки.

— Выписать еще мебель отъ Тура или Galepin *), говорилъ онъ насмѣшливо однажды за обѣдомъ по этому поводу,—

*) Мебельные магазины въ Петербургѣ.

и у насъ будетъ такъ же *модно*, какъ въ любой петербургской чиновнической квартирѣ.

— Ахъ, батюшка, вскликнула на это Марья Яковлевна,— не любите новаго и моднаго, можете хоть на три дома старья изъ Покровскихъ-то хоромъ Акима Иваныча перевезти велѣть. Вѣдь биткомъ тамъ этимъ набито!

— Нѣтъ, сказалъ, слегка поморщившись, онъ,—изъ этого дома я стула не возьму... и не пойду въ него никогда, домолвилъ онъ какъ бы нехотя.

— Внаймы отдадите съ мебелью?

— И внаймы не отдамъ.

— Продадите?

Онъ повелъ отрицательно головой.

Марья Яковлевна покосилась на него: „Мудренекъ-таки мой будущій зять“, пронеслось у нея въ мысли.

— Такъ онъ у васъ впустѣ и стоять будетъ?

— Такъ и стоять.

— До втораго пришествія? засмѣялась она.

Онъ усмѣхнулся тоже.

— До втораго поколѣнія, пожалуй. Тому будетъ все равно.

Марья Яковлевна пожала недоумѣло плечами: она не поняла.

Но Сашенька отгадала чутьемъ то деликатное и двойственное чувство, которое сказывалось въ его словахъ, и незамѣтно подъ салфеткой (она сидѣла рядомъ съ нимъ,) пожала ему руку.

Поняла и Кира, сидѣвшая напротивъ его. Ея зеленые русалочьи глаза остановились на Троекуровѣ со страннымъ выраженіемъ: „Такъ вотъ ты какой еще!“ словно говорили они.

Онъ замѣтилъ это и, въ свою очередь, вопросительно взглянулъ на нее.

Лицо ея тотчасъ же измѣнилось, ноздри дрогнули...

— У Сухаревой Башни, говорятъ, иронически проговорила она, — сколько угодно можно купить подержаннаго, цѣлыя ameublements: и старо, и дешево...

— Про дешевизну никто не говоритъ! отрѣзала вдругъ обиженнымъ тономъ Марья Яковлевна (желчь, давно копив-

шаяся у нея противъ племянницы, то-и-дѣло теперь прорывалась наружу).

Александра Павловна обернулась испуганно на нее. Троекуровъ поспѣшилъ предупредить *сцену*.

— Вы даете мнѣ блестящую мысль, княжна; какъ я самъ объ этомъ не подумалъ! Завтра же отправлюсь туда...

— Ахъ, Боже мой, какая у меня голова! воскликнула вдругъ его невѣста:—мнѣ Лизавета Ивановна говорила, тутъ одинъ цѣлый домъ прекрасной мебели продается, и все старинная.

— Гдѣ?

— Не знаю. У нея есть одна женщина, съ которою она познакомилась въ церкви, такъ она ей сказала. Послѣ одного умершаго господина А... Акулина, да, по фамиліи.

— Акулина! Марья Яковлевна такъ и привскочила:—Да это отецъ этой хорошенькой Ранцовой. То-то она и не пріѣхала даже поздравить, я очень удивлялась...

— Она въ Петербургѣ, сказалъ Троекуровъ.

— Почемъ вы знаете?

— Мнѣ говорилъ какъ-то Фифенька Веретеньевъ.

— И давно уѣхала?

— Право не знаю, равнодушно промолвилъ онъ.—А если въ самомъ дѣлѣ старинныя вещи, надо будетъ съѣздить, сказалъ онъ тихо Сашенькѣ: — хотите вмѣстѣ? Я выпрошу у maman.

Она быстро закивала головой, вся розовая отъ радости...

XXI.

Drum prüfe wer sich ewig bindet,
Ob sich das Herz zum Herzen findet.
Schiller.

Марья Яковлевна, само собою, не рѣшилась отказать въ просьбѣ внушавшему ей *решпектъ*, смѣшанный съ нѣкотораго рода страхомъ, зятю, хотя и почитала далеко несогласнымъ съ конвенансами „отпускать съ нимъ дочь одну до свадьбы",— не рѣшилась предложить ему ѣхать сама съ ними. Но, въ виду все тѣхъ же конвенансовъ, она потребовала, чтобы съ ними поѣхала Лизавета Ивановна: она, молъ, „какъ знаетъ, куда ѣхать, пусть васъ туда и привезетъ".

Троекуровъ ни словомъ не возразилъ противъ этого, но въ день и часъ, назначенные для поѣздки, во дворъ Лукояновскаго дома въѣхали двое саней: однѣ — просторныя, парой, другія—обыкновенная одиночка.

— Такъ вы не всѣ вмѣстѣ ѣдете? воскликнула глядѣвшая въ окно и тотчасъ же сообразившая „хитрость" хозяйка.

— Троимъ вѣдь не усѣсться въ однѣхъ саняхъ, объяснилъ преспокойно Троеруковъ.

— Ловокъ, батюшка, ловокъ! засмѣялась только она, махнувъ рукою.

„Вотъ и увезъ!" говорилъ весело женихъ, спускаясь по лѣстницѣ объ-руку съ едва чувствовавшею у себя землю подъ ногами невѣстой.

Онъ усадилъ ее въ парныя сани, сѣлъ рядомъ съ нею. Маленькая особа тронулась за ними на одиночкѣ...

Они поѣхали бульварами. Стояла уже половина марта, но вьюгою за два дня предъ тѣмъ нанесено было опять снѣгу на оттаявшія было улицы; морозецъ прихватилъ и угладилъ ихъ снова набѣло. „Вторая первопутка пошла“, говорили, радостно посмѣиваясь, извощики... Добрыя лошади помчали съ мѣста...

Холодно чуть-чуть, ровно настолько, чтобы живѣе заиграла молодая кровь подъ кожею и заалѣло нѣжное лицо, а солнце уже пламенѣетъ на безоблачномъ небѣ, и въ воздухѣ несутся ласкающія струи, предвѣстники близкаго тепла...

— Благодать-то Господня на человѣковъ отъ вѣка нерушимая! шепчетъ, выѣзжая на улицу, маленькая Лизавета Ивановна первыя попавшіяся ей на языкъ слова „отъ Писанія“, подъ вліяніемъ объемлющаго и ее радостнаго возбужденія.

Сашенька не въ состояніи говорить: въ ней, по выраженію поэта, говорили „развѣ только сердце, да рука“,

Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо“... *)

Она только чувствовала, какъ сквозь опущенную вуаль пріятно ожигалъ ее разсѣкаемый быстрою ѣздой морозный воздухъ, какъ въ большую ея муфту пробирается эта рука любимаго человѣка и мягко и нѣжно сжимаетъ ея пальцы,— чувствовала, что солнце свѣтитъ надъ ними, что она мчится съ нимъ куда-то въ блаженную даль, и что всему этому ея счастію не предвидится конца...

Ее пробудилъ голосъ Троекурова:

— Погоди, говорилъ онъ, притрогиваясь къ плечу ихъ возницы,—одиночка отстала...

Они пріостановились на минуту на углу Тверскихъ Воротъ.

— Здравствуйте, куда это вы? крикнулъ кто-то проѣзжавшій мимо.

Это былъ Ашанинъ. Онъ выскочилъ изъ своихъ саней и подбѣжалъ къ нимъ:

---

*) Фетъ.

— Александра Павловна! Съ женихомъ вдвоемъ? Браво, вотъ это я люблю!

— Втроемъ! поправилъ, слегка нахмурившись, Троекуровъ:—вотъ за нами porte-respect ѣдетъ! кивнулъ онъ на нагонявшую ихъ Лизавету Ивановну.

Сашенька разсмѣялась, какъ ребенокъ: такъ забавнымъ показалось ей, что ея маленькая, робкая пріятельница могла служить кому-либо „porte-respect".

А та, подъѣхавъ, такъ и завздыхала:

— Мать Пресвятая Богородица, отродясь еще никогда такого страха не чувствовала! Того гляди, думаю, вывернетъ, да о тумбу... Всѣ молитвы, какія знала, перечла, страсть просто!...

Извощикъ ея только посмѣивался и моталъ головой.

— Развѣ не прелесть такъ летѣть! крикнула ей, оборачиваясь, Александра Павловна.

— Да куда это вы „летите"? спросилъ опять Ашанинъ, любуясь ея прелестнымъ въ своемъ оживленіи лицомъ.

— Старую мебель въ деревню покупать, прошептала она съ шутливою таинственностью.

— У Сухаревой Башни?

Троекуровъ лукаво покосился на него:

— Въ домѣ умершаго отца извѣстной вамъ особы, спутницы нашей изъ Петербурга, Ольги Елпидифоровны Ранцовой... Не хотите-ли съ нами?

— Да развѣ она въ Москвѣ? воскликнулъ Донъ-Жуанъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не нужно было бы приглашать васъ; сами вы, полагаю, давно бы тамъ были, возразилъ смѣясь Кавказецъ:—нѣтъ, она уѣхала...

— Съ мужемъ?

— Должно быть... Нѣтъ, онъ вернулся въ деревню, говорили мнѣ, вспомнилъ Троекуровъ.

— Поѣдемте съ нами, Владиміръ Петровичъ, прибавила Сашенька: — садитесь съ Лизаветой Ивановной, ей не такъ страшно будетъ!...

Ашанинъ, ѣхавшій по очень важному для него дѣлу—переписать вексель у одного ростовщика, едва склонившагося на это послѣ трехъ дней всякихъ увѣщеваній его и просьбъ,

но ни разу еще въ жизни не умѣвшій отказаться отъ встрѣчавшагося ему на пути соблазна, или даже просто разсѣянія,—послушно наклонилъ голову, отпустилъ своего извощика и вскочилъ въ сани къ маленькой особѣ.

— Вѣдь я васъ обниму, Лизавета Ивановна, для большей безопасности, объявилъ онъ ей тутъ же.

— А что же, обнимайте, голубчикъ, невинно отвѣтила она,—и точно безопаснѣе...

— И прижму къ себѣ.

— Значитъ, вывалиться чтобъ помягче было, засмѣялась она на это.

Выѣхавъ на Садовую, сани помчались опять... Рука Троекурова очутилась опять въ муфтѣ блаженствовавшей Сашеньки. Ашанинъ, какъ сказалъ, обнялъ свою спутницу и прижалъ къ себѣ,—даже гораздо ближе и крѣпче, чѣмъ этого требовала безопасность.

Домъ покойнаго Акулина отыскали не сейчасъ, такъ какъ будочникъ на ближайшемъ къ нему углу оказался пьянымъ и отправилъ спрашивающихъ въ какой-то переулокъ, гдѣ они въѣхали торжественнымъ поѣздомъ во дворъ дома какого-то „кофешенка 7-го класса“ Микулина, полный нѣкіихъ неистовыхъ собакъ, которыя съ истерическимъ ревомъ и накинулись на ихъ лошадей и едва отпустили ихъ цѣлыми выѣхать обратно за ворота... Сашенькѣ всѣ эти приключенія доставляли большое удовольствіе, а Лизавета Ивановна только крестилась, прижмуривая глаза.

— Ахъ, да вотъ она сама! воскликнула она неожиданно, завидѣвъ спѣшно пробиравшуюся черезъ улицу мимо первыхъ саней женщину въ темной шубкѣ и съ чернымъ шерстянымъ платкомъ на головѣ:—Анфиса Дмитріевна!

Та, обернувшись на зовъ, остановилась, узнала (она предварена была Лизаветой Ивановной) и, обращаясь къ Александрѣ Павловнѣ и ея жениху:

— За уголъ сейчасъ, налѣво, вторыя ворота будутъ, пожалуйте! промолвила она привѣтливо и побѣжала впередъ, спотыкаясь на скользкомъ и избитомъ тротуарѣ.

Ашанинъ, какъ только увидѣлъ это бѣлое, чистое лицо,

эти синіе глаза съ поволокой, такъ и откинулъ немедленно руку отъ стана своей спутницы и возчувствовалъ къ ней даже мгновенное отвращеніе...

Знакомый намъ Ѳедька, въ томъ же куцомъ, страшно истрепанномъ фрачкѣ (онъ непробудно спалъ теперь въ немъ по цѣлымъ суткамъ), взъерошенный и неумытый, выбѣжалъ встрѣчать посѣтителей на крыльцо и съ обычнымъ своимъ „пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!“ повелъ ихъ по лѣстницѣ. Анфиса, пробѣжавшая чернымъ ходомъ, встрѣтила ихъ въ передней. Она была вся въ черномъ, въ платьѣ *нѣмецкаго* покроя и въ чепцѣ.

— Ну вотъ я вамъ, голубушка моя, и привезла нашихъ нареченныхъ, заговорила Лизавета Ивановна, цѣлуясь съ нею щека въ щеку,—какъ вы мнѣ сказали, что можно посмотрѣть и продается...

— Это точно, протяжнымъ и невеселымъ голосомъ (Сашеньку почему-то сразу тронулъ этотъ голосъ,) промолвила та,—въ продажу назначено... отъ наслѣдницъ...

— Все? живо обернулся на нее Троекуровъ, входя въ ближайшую комнату и первымъ дѣломъ натыкаясь взглядомъ на превосходный баютъ голландской *манеры* XVII вѣка.

— Какія вещи *онѣ* желаютъ себѣ оставить, такъ билетики на нихъ приклеены, объяснила Анфиса,—а прочее все продавать приказали...

— Ольга Елпидифоровна?

— Такъ точно... Изволите знать ихъ? добавила она черезъ мигъ, слабо усмѣхаясь.

— Знаю... Давно она уѣхала?

— Какъ батюшка ихъ скончались, на четвертый день и уѣхали... Третья недѣля теперича пошла.

Троекуровъ изумленно и жадно оглядывалъ картины на стѣнахъ:

— C'est un vrai Watteau! невольно вскрикнулъ онъ, указывая на одну изъ нихъ Сашенькѣ.

— Да? вскрикнула машинально и она, въ унисонъ вырвавшемуся у него выраженію художественнаго наслажденія,

хотя молодой Москвичкѣ ровно ничего не сказало это славное имя.

— А билетиковъ не много, сказалъ онъ, оглядываясь.

— Мало-съ, молвила Анфиса,—*онѣ* сказывали, что у нихъ у самихъ въ Петербургѣ *небели* и прочаго такого некуда дѣвать, такъ оставили себѣ изъ этого почитай самую бездѣлицу; изъ мелкихъ вещей, такъ тѣхъ много при себѣ отправили, и увезли даже съ собою.

— А вы тутъ при домѣ остались? спросила ее Александра Павловна, пока женихъ ея, влекомый любопытствомъ, проходилъ въ другую комнату.

— Нѣтъ-съ, а какъ я служила при покойномъ, и оставленный ими, Ольгой Елпидифоровной то-есть, человѣкъ очень заболѣмши и въ больницу легъ, такъ и просилъ меня присмотрѣть пока... потому тутъ только малый этотъ остался, ненадежно...

— Alexandrine, подите сюда! позвалъ невѣсту Троекуровъ показать ей подобранную въ гостиной мебель чистѣйшаго *empire*, красное дерево съ бронзовыми рельефными украшеніями.

Ашанинъ, все время молчавшій до сихъ поръ, пожирая издали огненными глазами стройную и роскошную наружность Анфисы, подбѣжалъ теперь къ ней своими короткими и быстрыми шажками.

— Со вкусомъ былъ человѣкъ Елпидифоръ Павлычъ покойный, проговорилъ онъ вполголоса.—Я его зналъ.

— Знали-съ? протянула она, печально вскидывая на него свои прекрасные глаза:—да-съ, любитель были! добавила она со вздохомъ.

— Еще-бы! Не даромъ отыскалъ такую красавицу, прошепталъ Донъ-Жуанъ уже совсѣмъ ей на ухо.

Она мигомъ отшатнулась отъ него, не то испуганно, не то надменно обмѣрила его взглядомъ и молча прошла въ гостиную.

Ашанинъ нѣсколько смущенно закусилъ губу.

— Не обиждайте, голубчикъ, не обиждайте! тихо заговорила вдругъ подлѣ него слѣдившая за ними маленькая Лизавета Ивановна тревожнымъ, чуть не плачущимъ голосомъ,— никого у нея на свѣтѣ нѣтъ у бѣдной... Вы бы лучше, анделъ

мой, помочь ей сдѣлали, на мѣсто ее опредѣлить... Она въ монастырь желаніе имѣетъ, только я не совѣтую. Сама была, знаю, въ келіи-то, можетъ, соблазну еще болѣе нечѣмъ на міру...

— Сдѣлайте милость, засмѣялся неисправимый шалунъ,— предложите ей ко мнѣ поступить, я съ удовольствіемъ ей мѣсто предоставлю.

Лизавета Ивановна съ болѣзненно передернувшимся лицомъ закачала головой.

— Ахъ, не хорошо, голубчикъ, не хорошо! Сами божественное любите, а что на умѣ держите? Душа спасенія проситъ, а вы на пагубу... Если въ шутку, такъ все не хорошо, анделъ мой, грѣхъ!...

Ему стало совѣстно.

— Ну, полно голосить, святая душа, полно! само собою, я пошутилъ... А вы мнѣ скажите вотъ, откуда вы ее знаете, красавицу эту?

— Откуда, голубчикъ, повторила она,—извѣстно, въ церкви встрѣчались. Въ Андроньевскомъ монастырѣ заупокойную обѣдню въ девятый день по этомъ самомъ помершемъ хозяинѣ дома здѣшняго служили. А я тутъ случаемъ зашла. И никого, почитай, нѣту, окромя вотъ этой самой женщины. И плачетъ она, заливается, ажно больно мнѣ стало. По комъ плачете, милая? подошла, спрашиваю:—отецъ или мужъ вамъ былъ?—Ну и пошли мы съ нею опосля того на могилку къ нему, помолились и изъ монастыря ушли вмѣстѣ. Она мнѣ всю исторію про мебель и прочее тутъ разсказала.

— Ну послушайте, скептически молвилъ на это красавецъ,— благодѣтеля-то ея я зналъ и навѣрное скажу вамъ, что была она у него ужь, конечно, не за дочь.

— Такъ что же, анделъ мой? невозмутимо молвила на это маленькая особа:—тѣмъ паче, значитъ, за него молиться, а ей себя смирять всячески должно!..

„Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“, пронеслось въ головѣ Ашанина. Онъ провелъ рукой по лицу и медленно двинулся на голоса Сашеньки и Троекурова, отъискавшаго среди картинъ въ бывшей спальной Елпидифора

Павловича портретъ madame de Sévigné, писанный несомнѣнно Миньяромъ, утверждалъ онъ.

Онъ былъ страстный любитель и, въ извѣстной мѣрѣ, знатокъ искусства, воспитанный на немъ, такъ-сказать, съ дѣтства въ домѣ отца, всю жизнь свою собиравшаго картины и мраморы, которые затѣмъ *спущены* были Борисомъ Васильевичемъ въ пору его Sturm und Drang-Periode. Онъ съ глубокимъ наслажденіемъ любовался теперь художественнымъ подборомъ предметовъ, которые представлялись ему здѣсь и которые такъ мало чаялъ онъ найти въ обиталищѣ „какого-то частнаго пристава".

Онъ взялъ вошедшаго Ашанина подъ руку и отвелъ его нѣсколько въ сторону, стѣсняясь присутствіемъ Анфисы:

— Какъ все это пріобрѣтено, понятно, — сказалъ онъ, — но выборъ самый замѣчателенъ и показываетъ въ человѣкѣ рѣдкое чутье прекраснаго... Знали вы его?

— Зналъ, и очень одно время. Игралъ съ нимъ въ *Гамлетѣ*. Лучшаго Полонія я и не видѣлъ... А былъ онъ отставной, промотавшійся кавалеристъ, исправникомъ потомъ служилъ, переведенъ приставомъ въ Городскую часть нашимъ почтеннымъ *графомъ*. Вотъ и вся его біографія. Хапалъ онъ, извѣстно, по преданію, гдѣ и какъ могъ,—а художникъ былъ въ душѣ, стихи бывало говоритъ, плачетъ, искренно плачетъ... Вотъ вы и подите, разберите русскаго человѣка! заключилъ смѣясь Ашанинъ.

— Да, проговорилъ задумавшись Троекуровъ, — мудреная штука этотъ русскій человѣкъ. Безъ подготовки, безъ культуры, вѣчно наитіемъ какимъ-то...

— И вѣчно прахомъ все и кончается, замѣтьте. Ни къ чему и ни для кого, промолвилъ красавецъ:—хоть бы теперь: отецъ все собиралъ, а дочь, не успѣлъ онъ глаза закрыть, не надо мнѣ-молъ, прочь возьми все!...

— Самая любимая картина у покойнаго—эта вотъ и была, говорила тѣмъ временемъ Анфиса Сашенькѣ, указывая на портретъ, обратившій на себя вниманіе ея жениха:—Ольга Елпидифоровна за себя ее оставили.

— Да, молвилъ досадливо, подходя къ нимъ, Троекуровъ,—

о madame de Sévigné она слышала (его уже разбирала художественная жадность)... А скажите мнѣ, сударыня, есть тутъ опись вещамъ и цѣна имъ? И какъ желаютъ продать, знаете вы: гуртомъ все, или въ розницу, съ аукціона?

— Этого навѣрное я сказать вамъ не могу-съ, молвила Анфиса, — потому какъ у Ольги Елпидифоровны повѣренный есть, такъ ему поручено. А что, конечно, имъ лучше, если бы кто гуртомъ взялъ, такъ какъ онѣ оченно даже желаютъ скорѣе и домъ продать, и даже покупщикъ уже на него есть... А опись тутъ имѣется, и цѣны всѣ означены...

Она потянула къ себѣ ящикъ одного изъ столовъ, вынула изъ него листы и подала ему. Онъ опустился на стулъ и принялся пробѣгать ихъ.

— Вамъ, я думаю, жаль, что этотъ домъ продается? обратилась Александра Павловна къ синеокой женщинѣ, которая все болѣе привлекала ее сдержанными пріемами своими и „порядочностью“.

— Видно, надо такъ, съ горечью молвила та, — чтобы гнѣздо разорить... И тутъ же, какъ бы спохватившись, промолвила смиренно и вздохнувъ: — а впрочемъ, извѣстно, воля ихняя!...

Сашенька помолчала и спросила потомъ:

— Что̀ же вы думаете дѣлать теперь?

— А сама не знаю, барышня, какъ Богъ дастъ!

— Рукодѣлье знаете какое-нибудь?

— Шить, извѣстно... Крою, промолвила она.

— И платья можете, и бѣлье?

— Покойному сорочки всегда сама кроила. Одобряли.

— Вотъ что̀, милая, быстро проговорила Александра Павловна: — у насъ теперь много кройки и шитья по случаю моего... приданаго. Такъ приходите къ намъ работать, я очень рада буду... А на счетъ цѣны, какъ вы тамъ положите съ Лизаветой Ивановной... Хотите?

Анфиса подумала и поклонилась затѣмъ въ поясъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, извольте-съ... И то отъ тоски сердце сосетъ, сидя-то день-деньской руки поклампши.

— Pour rien! прервалъ этотъ разговоръ невольный возгласъ Троекурова, дочитавшаго опись до конца.

Невѣста подошла къ нему.

— Эта сумасшедшая женщина и ея совѣтники, продолжалъ онъ по-французски,—не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о цѣнности всего, что̀ тутъ есть. Покойный владѣлецъ обозначилъ своею рукою ту, видимо, цѣну, за какую самъ онъ пріобрѣталъ вещи, а пріобрѣталъ онъ ихъ очевидно задаромъ, случаемъ. Они же на все это накинули 50 процентовъ, почитая это совершенно достаточнымъ.... Я ни одного гвоздя отсюда изъ рукъ не выпущу, воскликнулъ онъ со мгновеннымъ возбужденіемъ,—но пріобрѣсти все это за такую цѣну просто воровство!

Онъ обернулся къ Анфисѣ:

— Кто же повѣренный тутъ у Ольги Елпидифоровны?

Она назвала.

— Можете-ли вы дать ему знать, что вотъ такой-то (онъ вынулъ карточку свою изъ бумажника и протянулъ ей) желаетъ купить *все*, что̀ назначено ею въ продажу, а потому проситъ его зайти къ нему — я живу въ гостиницѣ Шевріе,— для переговоровъ?

— Могу-съ. Сегодня же даже исполню.

— Благодарю васъ! А Ольгѣ Елпидифоровнѣ я самъ буду писать.

— Слушаю-съ...

Компанія поднялась затѣмъ и, пройдя еще разъ черезъ всѣ комнаты дома, направились въ переднюю.

— Вы къ намъ обѣдать, Владиміръ Петровичъ? сказала Сашенька.

Онъ наклонился въ знакъ согласія,—и тутъ же вскрикнулъ:

— Ахъ, Боже мой, а Зильберманъ?

— Кто это такой?

— Ростовщикъ, у котораго я долженъ былъ быть въ два часа.

— А теперь пятаго четверть, разсмѣялся Троекуровъ.

Ашанинъ раздумчиво покачалъ головой,—и махнулъ въ заключеніе рукой:

— Ну, такъ, значитъ, и самъ Богъ не велѣлъ!...

Они разсѣлись по санямъ въ прежнемъ порядкѣ.

— Только я ужь васъ теперь обнимать не буду, Лизавета Ивановна, объявилъ онъ своей спутницѣ, цѣловавшейся на прощанье съ Анфисой и кидая на эту пламенный и, мы должны сознаться въ этомъ, весьма сурово встрѣченный ею взглядъ.

— И не нужно, голубчикъ, отвѣтила ему маленькая особа, — сама придержусь за рукавчикъ вашъ, какъ если на ухабѣ...

— Вы будете писать... сами? едва выѣхали они на улицу молвила тихо и какъ бы смущенно Сашенька жениху своему.

— Кому это?... Ахъ, да, Ранцовой? Непремѣнно! Я хочу поскорѣе кончить... Лучше fond d'ameublement представить себѣ нельзя, не говоря уже о предметахъ художественныхъ...

Она молчала.

Онъ поглядѣлъ на нее нѣсколько удивленно.

— Развѣ вамъ непремѣнно нужно писать самому къ ней? повторила она наконецъ:—вѣдь къ вамъ придетъ ея повѣренный?...

— Повѣренный этотъ можетъ-быть мошенникъ... началъ было Троекуровъ, но оборвалъ на половинѣ фразы, взглянулъ на нее еще разъ и усмѣхнулся.—А вы имѣете что-нибудь противъ, Сашенька? протянулъ онъ, называя ея уменьшительнымъ, которое никогда не употреблялъ при другихъ.

Она опять задержала отвѣтъ, видимо озабоченная, какъ выразить его... И вдругъ онъ нежданно такъ и сорвался съ ея губъ:

— Борисъ, видите, я увѣрена, что вы были влюблены въ нее!

— Изъ чего же это заключеніе? засмѣялся онъ.

— Я не знаю... И ничего, и все... Когда я васъ увидѣла въ ея ложѣ въ Петербургѣ и она васъ спросила—я слышала!—почему вы не пріѣхали къ ней обѣдать, и когда она васъ увидѣла на станціи желѣзной дороги, и какіе у нея глаза, когда она говоритъ съ вами... Ну, положимъ,—Борисъ, милый, признайтесь! прервала она себя, подымая на него

умоляющій взглядъ,—положимъ, что вы—нѣтъ, но она? Поклянитесь, что она никогда васъ не любила... aimé d'amour! прибавила она для большаго поясненія.

Троекуровъ спокойно, почти строго, обернулся къ ней лицомъ:

— Совершенно безполезно! сказалъ онъ.

— Почему? вскрикнула она.

— Прежде всего потому, что это до васъ не касается.

— Какъ не касается! пылко возразила Сашенька: — вы мой будущій мужъ!

— Именно по этой причинѣ! (Онъ не могъ не улыбнуться ея неожиданному „азарту"). Вы должны знать, если только вы меня уважаете, что, дѣлаясь вашимъ мужемъ, я съ этой минуты отдаю вамъ всего себя и отрубаю какъ топоромъ наше начинающееся общее съ вами будущее отъ моего личнаго, *безъ васъ*, прошедшаго. Какое же вамъ дѣло до него, до того времени, когда васъ для меня *не было?* Допытываясь узнать, что̀ и какъ происходило тогда, не ставите-ли вы меня въ непріятное положеніе быть однимъ изъ трехъ: или хвастуномъ, или бездѣльникомъ, выдающимъ не одному ему принадлежащія тайны, или, наконецъ, лжецомъ по отношенію къ вамъ?...

Дѣвушка внимательно, сжавъ брови, прислушивалась къ этимъ словамъ.

„Онъ правъ, онъ благороденъ, какъ всегда", думала она,— „но мнѣ такъ хотѣлось бы знать"...

— Ну, хорошо, молвила она вслухъ послѣ новаго молчанія,—я согласна, что мнѣ этого не нужно спрашивать... Ну, а потомъ, когда мы будемъ mari et femme, я буду имѣть право требовать отъ васъ, чтобы вы никого, кромѣ меня, не любили... Никакой женщины, то-есть?

— Полное! вскликнулъ онъ, глядя на нее съ восхищеніемъ.

— Смотрите же, Борисъ, помните! проговорила она вдругъ, понижая голосъ до шопота: — *я не прощу обмана!*

Онъ былъ пораженъ звукомъ этихъ словъ, выраженіемъ ея лица. Обычная этому лицу строгость линій приняла те-

перь какъ-бы рѣшительность и холодность мрамора; глаза недвижно глядѣли впередъ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, возразить шуткой... и не нашелъ ея... Онъ только наклонился и спросилъ усмѣхаясь:

— А теперь что-же, милая, „летѣть“?

— Ахъ, пожалуйста!...

Она встрепенулась вся и съ загорѣвшимися вновь, возбужденными счастіемъ глазами прошептала чуть слышно у его уха:

— На край свѣта, вмѣстѣ... и всегда. Такъ, Борисъ?

— Трогай! крикнулъ Троекуровъ.

Лошади помчались, сверкая стальною гладью копытъ по матовому серебру снѣга...

XXII.

Fair is foul, and foul is fair.
Shakesp. *Macbeth.*

Троекуровъ въ тотъ же день написалъ въ Петербургъ къ госпожѣ Ранцовой и дня черезъ три получилъ отъ нея отвѣтъ, который и не преминулъ тутъ же показать своей невѣстѣ. На *дѣловое* его посланіе она отвѣчала такимъ же дѣловымъ письмомъ, начинавшимся съ „Mon cher monsieur Troékourof“ и кончавшимся „Recevez l'assurance de mes meilleurs sentiments“, — въ которомъ она благодарила его за его „manière toute chevaleresque de traiter les choses“ и выражала полное удовольствіе, что именно ему можетъ уступить (céder) доставшуюся ей по наслѣдству движимость. Купецъ, покупающій ея московскій домъ, желалъ бы пріобрѣсти его со всѣмъ въ немъ находящимся и даетъ за все это купно 25 тысячъ рублей; но такъ какъ онъ, само собою, ничего не разумѣетъ „en fait d'art“, то она ему и продастъ „однѣ стѣны“, остальное же предлагаетъ съ радостью Троекурову. Относительно его „scrupules de conscience“ по поводу слишкомъ, по его мнѣнію, низкой оцѣнки предметовъ, она спѣшитъ его предварить, что „pour lui faire plasir“ она готова накинуть еще на нихъ три тысячи (общій итогъ въ описи былъ выведенъ въ пять тысячъ), и „pas un sou de plus“, такъ какъ она „все лучшее оставила за собою“ (Троекуровъ пожалъ насмѣшливо плечомъ, дойдя до этого мѣста), съ остальнымъ же не знала бы, что̀ дѣлать. Пришлось бы перевозить вещи въ Петербургъ, искать для нихъ помѣщенія и рисковать въ концѣ-концовъ не найти

на нихъ покупщиковъ даже и за уменьшенную цѣну, такъ какъ, увѣряла она, „il y a ici une panique d'argent générale en vue de l'émancipation prochaine“...

— Мнѣ кажется, весело молвилъ Троекуровъ, дочтя письмо, — что я затѣмъ могу не смущаясь купить все это. Она ничего не понимаетъ и дѣйствительно спустила бы это сама въ Петербургѣ уже совсѣмъ задаромъ. Я говорилъ съ ея повѣреннымъ; вещи можно будетъ отправить сейчасъ же во Всесвятское. Я немедленно распоряжусь... Но мнѣ надо будетъ самому туда съѣздить на день, на два, чтобы посмотрѣть, сообразить и устроить нашъ home нѣсколько комфортабельно къ нашему пріѣзду.

Сашенька вся поблѣднѣла даже, услышавъ это.

— Вы уѣдете... на два дня! могла только проговорить она.

— Даже и на три, если будетъ нужно, отвѣчалъ онъ смѣясь.—Я не хочу, чтобы вы нашли тамъ казарму...

Онъ быстро повелъ дѣло. Деньгами онъ не стѣснялся, такъ какъ, до окончательнаго ввода его во владѣніе, Успенскій ссудилъ его довольно значительною суммой,—разсчитался тутъ же за Акулинскую движимость съ повѣреннымъ Ольги Елпидифоровны и немедленно велѣлъ отправлять ее въ имѣніе. Ближайшій надзоръ за этимъ поручилъ онъ Анфисѣ, все еще остававшейся добровольно при домѣ, за болѣзнью приставленнаго къ нему Ранцовымъ довѣреннаго слуги, Сергѣя, и которая къ этому приложила всевозможное стараніе. Вслѣдъ за вещами отправилъ онъ принимать ихъ во Всесвятское архитектора, обойщика и столяра, назначивъ свой выѣздъ позднѣе.

Какъ ни глупо казалось это ей самой и какъ ни старалась она этого избѣгнуть, но, прощаясь съ нимъ на лѣстницѣ, Александра Павловна не выдержала и заплакала.

— Ну, не буду, Борисъ, не буду! воскликнула она тутъ же, пересиливая себя и глядя ему въ глаза, боясь прочесть въ нихъ выраженіе нетерпѣнія или неудовольствія, — только по вечерамъ будетъ такъ скучно! промолвила она ему на ухо, пока онъ наклонился къ ея рукѣ.

Троекуровъ обернулся съ улыбкой къ провожавшему его

въ числѣ другихъ Ашанину, который послѣ ихъ прогулки въ саняхъ зачастилъ, какъ это періодически происходило у него съ тѣмъ или другимъ изъ знакомыхъ ему домовъ, каждый почти день къ Лукояновымъ.

— Владиміръ Петровичъ, будьте добры, найдите такое средство, чтобъ Александру Павловну заставить три вечера сряду думать о предметѣ, нѣсколько болѣе интересномъ, чѣмъ поѣздка моя во Всесвятское!

— Трудно, батюшка, трудно! засмѣялась, покачивая головой, Марья Яковлевна.

— Будьте покойны, средство есть! отозвался на это рѣшительнымъ тономъ Ашанинъ: — явлюсь съ нимъ нынче же вечеромъ. А теперь возьмите меня съ собою, Борисъ Васильичъ, и киньте на Кузнецкомъ мосту,—вы мимо ѣдете...

— Отлично! Ѣдемъ!..

Вечеромъ, къ чаю, за которымъ, кромѣ домашнихъ, сидѣли Женни Карнаухова и Ламартинъ-Овцынъ, нашъ Донъ-Жуанъ явился къ Лукояновымъ съ книгою въ рукѣ.

— Это что-ли средство ваше? усмѣхнулась Марья Яковлевна, кивнувъ на нее подбородкомъ.

— Самое оно и есть.

— Ну ужь!.. (Марья Яковлевна никогда не питала особенной страсти къ книгамъ, а послѣднее время „ученость“ племянника и племянницы внушила ей къ нимъ даже рѣшительную антипатію).

— А вотъ дайте начну, а потомъ и увидите, молвилъ на это невозмутимо Ашанинъ. — Я впрочемъ не васъ пріѣхалъ лѣчить, а Александру Павловну.

— А что это вы привезли? спросила дѣвушка.

— *Дворянское гнѣздо* Тургенева; я вѣдь знаю, что въ этомъ домѣ его не читали до сихъ поръ.

— Я читала, молвила небрежно Кира.

— Чего ты не читала! сквозь зубы пропустила на это тетка.

Княжна какъ бы не слышала...

— On dit que c'est très joli, встрепенулась Женни, которой maman Dodo и до сей минуты не дозволяла читать ни-

чего, кромѣ англійскихъ романовъ, и притомъ почти исключительно тѣхъ лишь, авторами которыхъ были женщины.

— Превосходная вещь, а въ чтеніи Владиміра Петровича выиграетъ вдвое, галантерейно подтвердилъ Ламартинъ.

Ашанинъ раскрылъ книгу и, не откладывая, началъ чтеніе тутъ же за чайнымъ столомъ.

Читалъ онъ, дѣйствительно, очень хорошо; онъ умѣлъ увлекать и увлекался самъ. Публика его, послѣ первыхъ, довольно холодно прослушанныхъ страницъ, унесена была имъ.

Сашенька слушала все внимательнѣе, съ пробѣгавшими то-и-дѣло въ темныхъ глазахъ ея искорками сочувствія и глубокаго внутренняго наслажденія. Ламартинъ-Овцынъ, забывъ о клубѣ, не подымался со стула и только покачивался на немъ какъ бы въ ритмъ музыкальному языку произведенія, значительно и самодовольно улыбаясь каждый разъ, когда, въ его понятіи, „авторъ тонкимъ штрихомъ намекалъ на *оппозиціонный* характеръ убѣжденій“ своего героя. Женни Карнаухова такъ и подпрыгивала отъ восторга, возносила глаза къ потолку и восклицала отъ времени до времени: „Ravissant“, „adorable“, „comme il connait le coeur féminin!“ (Она, по старой привычкѣ отождествлять себя съ героиней каждаго читаемаго ею англійскаго *novel*, переносила себя всецѣло въ образъ Лизы и по этому случаю глядѣла теперь на Донъ-Жуана-чтеца такими пожирающими глазами, какими, конечно, и въ голову бы не пришло тихой, сдержанной Лизѣ смотрѣть на „медвѣдя“ Лаврецкаго). Сама Марья Яковлевна, вся застывъ въ нескончаемой кирасѣ своего корсета, видимо любопытствовала, хотя нѣсколько и оскорблялась тою „дурацкою ролью“, говорила она, которую „во всемъ этомъ“ играла такая же, какъ она, маменька, и даже „теска ей“, Марья Дмитріевна Калитина *).

— У этихъ новыхъ сочинителей, извѣстно, говорила она въ перерывахъ чтенія, — всѣ молодые не-вѣсть какіе умные, а всѣ старые дрянцо; по нынѣшнему же времени, я почитаю, что это даже совсѣмъ напротивъ, добавляла она, косясь то на

*) Мать героини романа.

племянницу, то на золотыя очки на длинномъ носѣ свояка своего, Овцына...

Кира, уложивъ голову на руку и опустивъ глаза, слушала въ свою очередь въ томъ глубокомъ безмолвіи и неподвижности, которыя составляли какъ бы ея особую спеціальность и имѣли даръ непомѣрно оскорблять и „выводить изъ себя“ ея впечатлительную, горячую и ребячески-невоздержную въ выраженіи впечатлѣній своихъ тетку.

Чтеніе протянулось до ужина, и по общему желанію положено было продолжать его на слѣдующій день „съ самаго послѣ-обѣда и до тѣхъ поръ, пока хватитъ у Владиміра Петровича голоса“, къ чему самъ Ашанинъ смѣясь прибавилъ: „и даже послѣ того, какъ *онаго* у меня не окажется.“

Такъ и случилось. Начавъ въ половинѣ шестаго, онъ къ одиннадцати, изнеможенный чтеніемъ, которое не чувствовалъ себя въ силахъ перервать хотя на мгновеніе, уже хрипѣлъ и задыхался отъ устали и накипа пережитыхъ имъ художественныхъ ощущеній, передавая послѣднія страницы романа.

„Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы“, читалъ онъ глубоко тронутымъ голосомъ прощаніе Лаврецкаго съ юнымъ поколѣніемъ столь дорогаго ему нѣкогда „Калитинскаго дома“,—„жизнь у васъ впереди и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ-бы уцѣлѣть,—и сколько насъ не уцѣлѣло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать...“

— Святая истина! раздался вдругъ неумѣстнымъ диссонансомъ въ гармоніи общаго усиленнаго и трепетнаго вниманія голосъ Ѳедора Ѳедоровича Овцына,—немногіе уцѣлѣли изъ насъ, немногіе!...

Всѣ глаза обернулись на него съ негодованіемъ.

— Да не мѣшай! крикнула на него, махая рукой, хозяйка.

Ашанинъ дочиталъ... Натянутые нервы его слушательницъ не выдержали:

— До слезъ вѣдь хорошо, до слезъ! всхлипнула Марья Яковлевна.

Сашенька тихо плакала, закрывъ лицо платкомъ. Пылкая

Женни рыдала уже громко, словно на панихидѣ... Сама Кира поводила кругомъ какими-то смягченными взорами...

— Художникъ, да-съ, большой художникъ! возгласилъ опять старый Ламартинъ, вставая въ ростъ и расправляя свои длинныя ноги,—и какъ вѣрно отмѣтилъ: мало изъ насъ, дѣйствительно, мало кто „уцѣлѣлъ!“...

— Изъ какихъ это *васъ?* послышался неожиданно рѣзкій голосъ Иринарха Овцына (онъ вошелъ къ концу чтенія и сѣлъ у дверей, незамѣченный никѣмъ): — изъ, то-есть, какъ ты, *вдовцовъ французской республики* тысяча *восемьсотъ* сорокъ восьмаго года?

Онъ подошелъ къ отцу хихикая, насмѣшливо поглядѣлъ на него и пожалъ плечами.

— Мое почтеніе! проговорилъ онъ тутъ же сквозь зубы, встрѣтивъ разгнѣванный и вызывающій взглядъ тетки, готовой сейчасъ же, онъ зналъ, *оборвать* его, и съ которою онъ не почиталъ нужнымъ ссориться, какъ ни кипѣла въ немъ желчь въ эту минуту.

Онъ злился и на это чтеніе, и на то, что̀ именно прочтено было, и на „успѣхъ“, какой выпадалъ при этомъ на долю Ашанина, — злился въ особенности на то, что все это „повліяло“ на Киру, на то, „почти растроганное“ выраженіе (онъ все время не отрывалъ отъ нея взгляда изъ своего угла), которое читалъ онъ теперь на ея лицѣ...

— Да что̀-жь, Ира, говорилъ между тѣмъ, нѣсколько заикаясь, смущенный, какъ всегда въ присутствіи сына, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—ты никакъ отрицать не можешь, что, какъ говоритъ Лаврецкій, если вамъ дѣйствительно приходится теперь „дѣло дѣлать“, то мы могли только „бороться и падать“ среди мрака. Но вѣдь все же мы были *носителями идеи*, Ира, да, — протянулъ онъ, значительно и даже таинственно понижая голосъ,—и васъ, что̀ тамъ ни говори, приготовили— *мы!*

— Тряпки, то-есть, въ родѣ твоего Лаврецкаго? отпустилъ съ глубокимъ презрѣніемъ Иринархъ.

— Откуда же было у насъ взять характеровъ? уже слезливо воскликнулъ Ламартинъ, прижимая умоляющимъ же-

стомъ растопыренную пятерню длинныхъ и костлявыхъ пальцевъ къ лацкану своего застегнутаго фрака, — ты ужь не маленькимъ совсѣмъ былъ, долженъ помнить, каково время-то наше было!

— Помню, возразилъ сынъ съ новымъ хихиканьемъ, — помню, напримѣръ, какъ неповинныя тысячи сыновъ народа водили съ палками вмѣсто ружей на убой дальнострѣльныхъ англо-французскихъ винтовокъ, а ваша либеральная братія радовалась, что ихъ бьютъ, какъ побѣдѣ цивилизаціи — вашей *буржуазной* цивилизаціи—надъ варварствомъ. Отъ тебя вѣдь слышалъ эти умныя слова!...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ быстро разстегнулъ фракъ, вытащилъ часы и торопливо проговоривъ: „пора мнѣ однако!“ подошелъ прощаться къ *ручкѣ* хозяйки, занятой въ это время выраженіемъ благодарности Владиміру Петровичу за его прелестное чтеніе, но которой это нисколько не мѣшало прислушиваться обоими ушами къ пренію отца съ сыномъ.

— Плодами дѣлъ своихъ можешь любоваться, батюшка, возгласила она громко, машинально протягивая губы къ его лбу, пока онъ наклонялся къ ея рукѣ; — молодца взрастилъ, нечего сказать, молодца!...

Бѣдный Ламартинъ не то вздохнулъ, не то усмѣхнулся, раскланялся галантерейно съ дамами, пожалъ съ чувствомъ находу локоть Ашанина и поспѣшными шагами вышелъ изъ комнаты.

Марья Яковлевна тотчасъ же обратилась къ Иринарху:

— Отецъ твой съ большаго характера привыкъ предъ тобою пасовать; ну, а у меня, батюшка, и свой царь въ головѣ есть, авось предъ умомъ твоимъ и не струшу. Почему это по-твоему, скажи на милость, Лаврецкій этотъ—„тряпка“?

Студентъ судорожно повелъ своими безцвѣтными губами:

— А по-вашему, онъ—*человѣкъ?*

— А чѣмъ не „человѣкъ“, по-твоему?

Онъ чувствовалъ, что она его „допекаетъ“ и хочетъ „къ углу прижать“, и что дальнѣйшій разговоръ по этому поводу долженъ непремѣнно вызвать бурю.

— Очень ужь онъ грузенъ и тяжелъ на подъемъ, сказалъ онъ уклончиво подъ видомъ шутки.

Но въ то же время глаза его встрѣтились съ обернувшимися на него глазами Киры. „Что̀ же ты, отступаешь?“ насмѣшливо, показалось Иринарху, говорили они ему...

Онъ весь загорѣлся вдругъ.

— Что̀ можно другаго сказать, желая выражаться *учтиво*, поспѣшилъ онъ добавить къ первымъ словамъ своимъ,—про такого господина, которому счастіе само дается въ руки, и который, въ виду перваго затрудненія и смущаясь всякими старыми бреднями, добровольно отказывается отъ него и, поджавъ хвостъ, ретируется, какъ послѣдній изъ пошляковъ?...

— Какъ это такъ „ретируется“? воскликнула Марья Яковлевна;—что̀-жь ему дѣлать было, когда жена его не померла и пріѣхала къ нему?

— Такъ что̀ же такое?

— Какъ что̀? Значитъ, жениться ему на Лизѣ нельзя было.

Губы Иринарха задергало снова:

— Да любилъ онъ ее, или нѣтъ?

— Конечно, любилъ.

— А она его?

— Если-бъ не любила, не пошла бы она съ отчаянія въ монастырь, вмѣшалась въ разговоръ Сашенька.

— Въ этомъ-то и пошлость! фыркнулъ Овцынъ.

— Неужели, d'après vous, ей лучше было бы épouser cet affreux Паншинъ? визгнула въ свою очередь Женни, отирая глаза.

Иринархъ еще разъ глянулъ въ сторону княжны Киры. Она склонилась надъ своею работой и какъ бы не слушала.

— Когда люди любятъ другъ друга не салоннымъ, дряблымъ чувствомъ, а искреннею страстью, вымолвилъ онъ особенно рѣзко, какъ бы съ тѣмъ, чтобы вызвать ея вниманіе,— нѣтъ соображеній, какъ и не можетъ быть препятствій для нихъ къ удовлетворенію влекущаго ихъ другъ къ другу естественнаго и вполнѣ законнаго стремленія!

Марья Яковлевна такъ и вскинулась:

— То-есть, это, батюшка, по-нашему, по-русски, то значитъ, что ей, Лизѣ, надо было бѣжать изъ родительскаго дома, да еще съ женатымъ человѣкомъ. Такъ оно по-твоему, или нѣтъ?

— Вы сказали! хихикнулъ онъ на это.

— То-есть, продолжала Марья Яковлевна, все болѣе разгорячаясь,—чтобы честная дѣвушка сдѣлала изъ себя потерянную женщину?

— Зависитъ отъ понятій, отрѣзалъ онъ въ отвѣтъ:—по вашему міровоззрѣнію—„потерянная", а съ естественной и здравой точки зрѣнія, *честность* ея только бы и началась съ той минуты, когда-бъ она рѣшилась разорвать путы пошлой старой морали и слѣдовать открыто прямому влеченію своей природы.

Марья Яковлевна уже не въ силахъ была сдержать свой гнѣвъ:

— Да какъ ты смѣешь,—вся багровая, закричала она на него,—какъ ты смѣешь въ моемъ домѣ... при дѣвушкахъ, проповѣдывать такія мерзости!... Если отецъ твой довелъ свою слабость до того, что ты чуть его не бьешь... если тебя здѣсь можетъ кто и слушаетъ съ удовольствіемъ,—и она сверкнула взглядомъ въ сторону племянницы,—такъ я тебѣ этого не позволю никогда, слышишь!

— Такъ вѣдь сами вы спросили, я вамъ и отвѣчалъ; не стану врать изъ угоды вамъ! нагло отпустилъ онъ въ свою очередь, чувствуя, что сожигаетъ свои корабли, но держа прежде всего въ мысли „не показаться трусомъ" въ глазахъ Киры.

— Иринархъ! вскликнула перепуганно Александра Павловна, подымаясь съ мѣста.—Maman, прошу васъ, оставьте это!...

Но Марья Яковлевна, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, была тѣмъ болѣе оскорблена, чѣмъ справедливѣе было возраженіе, что сама же она его вызвала на отвѣтъ:

— А я тебя прошу выйти вонъ, крикнула она на него,— я твоихъ дерзостей слушать не хочу!

Иринархъ поднялъ на нее глаза, полные неисходной зло-

бы... Губы его перекосились, какъ бы готовясь разразиться потокомъ язвительныхъ словъ... Но онъ сдержался, кивнулъ презрительно головой и съ мѣста, никому не кланяясь, быстрыми шагами направился къ двери.

Не доходя до нея, онъ остановился подлѣ Киры, сидѣвшей по своему обыкновенію одна на концѣ стола, и протянулъ ей руку.

— До *свиданія*, Кира Никитишна! громко, вызывающимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— До свиданія, машинально повторила она, равнодушно подавая ему свою.

— Только не въ моемъ домѣ, конечно! послышался слѣдомъ за этимъ возгласъ разбѣшенной Марьи Яковлевны, между тѣмъ какъ онъ, энергическимъ движеніемъ пожавъ пальцы княжны, исчезалъ за дверью.

Княжна воззрилась въ нее черезъ столъ съ какою-то странною усмѣшкой и высоко приподняла плечи.

Умоляющій взглядъ Александры Павловны остановилъ вовремя срывавшееся съ устъ ея матери рѣзкое, непоправимое уже, быть можетъ, слово...

Кира вернулась къ своему мѣсту, собрала со стола лежавшія на немъ шитье, ножницы и катушки нитокъ, уложила все это въ свой рабочій ящикъ, обвела присутствовавшихъ общимъ кивкомъ и вышла изъ столовой.

Послѣдовало общее, тяжелое молчаніе. Никто словно не смѣлъ поднять глазъ на другаго. Хозяйка, съ багровыми пятнами на лицѣ, порывисто дышала подъ своею кирасой, упрекая себя внутренно за излишнюю горячность и въ то же время усиленно доказывая себѣ, что поступить такъ, какъ она поступила, былъ ея „прямой священный долгъ“, и что она, конечно, чрезъ порогъ свой не допуститъ болѣе въ жизни этого „мерзавца“, а что касается до того, чтобъ *она* (то-есть Кира) видѣлась съ нимъ въ другомъ мѣстѣ, — „такъ это мы еще посмотримъ!“.. Ашанинъ, упершись взглядомъ въ скатерть, молча барабанилъ по ней ногтями: „шутъ-то вѣдь этотъ гороховый на сочувствіе ея, пожалуй, разсчитываетъ“, разсуждалъ онъ мысленно про Иринарха и княжну, „а онъ для

нея букашка и взгляда не стоящая"... У Сашеньки отъ волненія то-и-дѣло выступали слезы на рѣсницахъ. Сконфуженная Женни сидѣла подлѣ нея, размышляя въ свою очередь, что „эта Кира навѣрно ужь *убѣжала бы* съ Лаврецкимъ, если-бы была на мѣстѣ Лизы Калитиной... да что впрочемъ и сама она, Женни, право, не знала бы, какъ поступить, если бы *такой*, женатый, человѣкъ ей *ужь очень* нравился"...

Она первая сочла нужнымъ заговорить „pour rompre ce silence glacé":

— Борисъ завтра будетъ? спросила она Сашеньку.

— Надѣюсь, да! встрепенулась та. И быстро понижая голосъ:—если-бъ онъ былъ тутъ, ничего бы этого не случилось, прошептала она ей на ухо.

Слуги вошли съ приборами. Но Женни поспѣшила встать и объявила, что ее ждутъ дома. Ашанинъ послѣдовалъ ея примѣру: онъ понималъ, что никому не до ѣды теперь... По ихъ отъѣздѣ мать и дочь тотчасъ же, не прикасаясь къ ужину и не размѣнявшись ни единымъ словомъ, разошлись по своимъ комнатамъ.

XXIII.

...Душа ея
Была изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы.

Лермонтовъ.

Вернувшійся на слѣдующій день Троекуровъ успокоилъ всѣ тревоги Сашеньки, которая подъ впечатлѣніемъ происшедшей наканунѣ *сцены* всю ночь спать не могла. Онъ доказалъ ей, что ничего такого особенно „ужаснаго", какъ выражалась она, тутъ не было, что, конечно, можно пожалѣть о томъ, что „*татап* черезъ-чуръ разгорячилась и *прогнала этого господина* со слишкомъ большимъ *трескомъ*, вслѣдствіе чего онъ можетъ почитать себя въ нѣкоторой мѣрѣ оскорбленнымъ ею,—но что рано или поздно она, все равно, вынуждена была бы закрыть ему двери своего дома"... „Онъ вамъ родня", говорилъ Борисъ Васильевичъ, „и я очень понимаю, что вамъ его жаль, жаль и что *татап* съ нимъ такъ строго поступила, а съ другой стороны что и самъ онъ, какъ я понимаю, какой-то озлобленный неудачникъ, котораго ждетъ самое печальное будущее"...

— Да, говорила Александра Павловна,—потому что въ этомъ главнымъ образомъ виноватъ не онъ, а то̀, какъ его воспитали. Вы знаете теперь дядю Овцына. Тетя умерла, когда Ирѣ не было еще девяти лѣтъ, и онъ остался на ру-

кахъ отца. А тотъ ничего въ жизни, кромѣ своихъ belles phrases, не дѣлалъ и въ карты игралъ. Онъ совсѣмъ иногда забывалъ о бѣдномъ мальчикѣ, по цѣлымъ днямъ не возвращался домой, забывалъ кормить его и одѣвать. Ира къ намъ тогда черезъ всю Москву бывало во всякую погоду пѣшкомъ ходилъ обѣдать... Онъ съ начала былъ въ пансіонѣ, но не хотѣлъ тамъ остаться потому, что тамъ были у него богатые товарищи, которые смѣялись надъ его порванными сапогами, жаловался онъ намъ тогда... Онъ этого выдержать не могъ. Тогда отецъ отдалъ его въ гимназію и взялъ ходить къ нему на домъ повторять уроки одного семинариста, отъ котораго, я знаю, и научился Ира всему тому вздору, который онъ говоритъ.

— Все это прекрасно, возражалъ Троекуровъ,—но его „вздоръ“ однако не такого сорта, чтобы быть терпимымъ... Изъ того, напримѣръ, что у него вырывается громко, при всѣхъ, можно себѣ представить, что онъ проповѣдывалъ кузинѣ вашей, княжнѣ Кирѣ, въ теченіе тѣхъ безконечныхъ часовъ, которые проводилъ онъ до сихъ поръ съ нею совсѣмъ почти наединѣ... Какъ мы съ вами теперь, Сашенька, но безъ тѣхъ же правъ, какъ мы на это, заключалъ онъ, улыбаясь и цѣлуя ея руку.

— Кирѣ нечего научаться отъ него, Борисъ, повѣрьте, молвила съ такою же улыбкой счастливая невѣста:—она гораздо умнѣе его.

— Положимъ. Ну, а сами вы на мѣстѣ *maman*, почти строго проговорилъ онъ,—потерпѣли бы вы, чтобы въ вашемъ домѣ проповѣдывали все это дѣвушкѣ, сиротѣ, которой вы замѣняете мать?

— Нѣтъ... Конечно, нѣтъ! согласилась невольно Сашенька со вздохомъ внезапнаго облегченія.

Такое же облегченіе почувствовала и Марья Яковлевна, узнавъ объ аппробаціи ея поступка будущимъ ея зятемъ, который все болѣе и болѣе подымался въ ея глазахъ на степень неопровержимаго авторитета. Она возсіяла вся и въ неоспоримомъ уже теперь для нея сознаніи своей правоты рѣшила отнестись какъ можно „снисходительнѣе“ къ „этой

сумасшедшей Кирѣ", какою почему-то представилась ей въ ту минуту ея мятежная племянница, „которая вѣчно на сторонѣ этого *сквернаго мальчишки стоитъ*".

Но она никакъ не ожидала того, чѣмъ въ тотъ же день должна была озадачить ее эта племянница.

Минутъ за десять до обѣда весь домъ, по обыкновенію, собрался въ большой бѣлой гостиной въ ожиданіи оповѣщенія буфетчикомъ торжественнаго: „кушанье готово!" Недоставало только Киры. „Дуется еще, пожалуй, со вчерашняго, не сойдетъ", тревожилась внутренно Марья Яковлевна и съ обычною своею торопливостью и нетерпѣніемъ обратилась къ карлику Памфилу Ивановичу:

— Сходи сейчасъ наверхъ къ княжнѣ и спроси, будутъ ли онѣ кушать?

Но въ это время сама княжна появилась въ дверяхъ комнаты.

— А-а! Здравствуй! протянула Марья Яковлевна, привѣтливо улыбаясь ей: — я сегодня проспала, не выходила къ завтраку, не видала тебя еще... Здорова?

Кира наклонилась безмолвно и холодно.

— Письмо какое-то было тебѣ загородное, принесли съ моими,—я послала къ тебѣ. Получила?

— Какъ же, благодарю васъ...

— Изъ Петербурга по штемпелю, продолжала г-жа Лукоянова:—отъ кого это? спросила она небрежно.

Кира помолчала, подняла потомъ глаза на тетку и проговорила медленно и отчетливо:

— Я въ Петербургъ переѣзжаю, такъ это объ этомъ...

— Что-о? вскрикнула и такъ и замерла Марья Яковлевна.

Княжна молча вынула изъ кармана исписанную почтовую четвертушку и протянула ей.

Все бывшее въ комнатѣ подняло на нее вопрошавшіе и недоумѣлые глаза, пока Марья Яковлевна, принявъ отъ нея листокъ задрожавшею нервно рукою, принималась жадно разбирать его.

Кира обвела кругомъ себя спокойнымъ и какъ бы невольно насмѣшливымъ взглядомъ. Какъ ни была она сдер-

жанна, но зорко глядѣвшій на нее Троекуровъ прочелъ въ этомъ взглядѣ какое-то презрительное торжество: „А вы думали въ самомъ дѣлѣ, что я способна буду терпѣть долѣе вашу компанію!“ словно говорилъ онъ.

Письмо было отъ старой камеръ-фрейлины Охвостовой, приходившейся теткой покойной матери Киры,—особы, пользовавшейся уваженіемъ и даже извѣстнымъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ,—и говорило слѣдующее:

„Ma chère enfant,—

— Tenant fort à coeur de vous prouver tout l'intérêt que je prends à votre position d'orpheline, je me suis empressée de soumettre à qui de droit le désir que vous m'exprimez dans votre lettre. Une circonstance fortuite et très inattendue, le mariage de la baronne de Hagern avec le jeune comte Nataschantzef, étant venue tout particulièrement en aide aux démarches que je faisais en votre faveur, je me fais une vraie fête de vous annoncer que votre demande a été gracieusement agréée par Son Altesse Impériale et a déjà même obtenu l'assentiment Suprême. Je suis heureuse de vous dire que vous devez cette haute faveur tant aux éminents services rendus à la patrie par feu le prince votre père, qu'à l'impression toute favorable faite par votre personne elle-même sur Son Altesse Impériale, à laquelle vous avez eu l'honneur d'avoir été présentée à Bade et qui en a gardé un très bon souvenir... *).

Княжна Кубенская назначалась фрейлиной къ одному изъ

*) Милое дитя, желая отъ всего сердца доказать вамъ все то участіе, которое внушаетъ мнѣ ваше сиротское положеніе, я довела до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о желаніи выраженномъ вами въ письмѣ ко мнѣ. Случайное и весьма неожиданное обстоятельство, помолвка баронессы Гагернъ съ молодымъ графомъ Наташанцевымъ, пришло особенно кстати на помощь моему о васъ ходатайству, и я почитаю для себя настоящимъ праздникомъ извѣстить васъ, что ваша просьба принята весьма милостиво Ея Императорскимъ Высочествомъ и удостоилась уже Высочайшаго соизволенія. Вы одолжены этою высокою милостью столько же превосходнымъ заслугамъ покойнаго князя, отца вашего, сколько и благопріятному впечатлѣнію, какое произвели вы и сами на Ея Императорское Высочество, которой вы имѣли честь представляться въ Баденѣ и которая сохранила объ этомъ очень хорошее воспоминаніе...

„малыхъ“ дворовъ. Въ письмѣ читалось далѣе, что офиціальную бумагу о назначеніи своемъ она получитъ на дняхъ чрезъ Московскаго генералъ-губернатора, послѣ чего совѣтовалось ей поспѣшить пріѣздомъ, такъ какъ баронесса Гагернъ, преемницею которой должна была поступить она, покидаетъ дворъ, уѣзжая въ Курляндію, къ роднымъ, до свадьбы, назначенной послѣ Пасхи. Писавшая заключала повторительнымъ поздравленіемъ съ высокою милостью, которой удостоивалась княжна, и приглашеніемъ, по прибытіи въ Петербургъ, остановиться у нея, Охвостовой, пока не опростается во дворцѣ, гдѣ должна была жить Кира, аппартаментъ ея предшественницы.

Марья Яковлевна, начавшая было читать громко, не въ силахъ была дойти до конца. Она какимъ-то безпомощнымъ движеніемъ опустила руку съ письмомъ и подняла на Киру не то оскорбленные, не то опечаленные глаза.

— Не ожидала, признаюсь, проговорила она:—побольше, кажется, довѣрія отъ тебя заслуживала! — И переходя для большей язвительности съ *ты* на *вы*: — Я, вы очень хорошо знаете, никогда ни въ чемъ вамъ не препятствовала; какъ для себя лучшимъ почитали, такъ всегда и дѣлали, а я, тетка вамъ родная, въ сторонѣ стояла, и только гляжу иной разъ и... удивляюсь только... Такъ прятаться отъ меня и бѣжать теперь, сюрпризомъ, изъ моего дома, я ужь и не знаю, для чего вамъ понадобилось...

Ноздри Киры надменно раздулись.

— Не въ моихъ привычкахъ прятаться и бѣгать, тетушка, промолвила она съ насилованною усмѣшкой, — и никакого сюрприза я не намѣрена была вамъ дѣлать. Не говорила я вамъ *объ этомъ* раньше потому, что не знала, будетъ оно или не будетъ, а тѣшить себя и другихъ пустыми чаяніями я не люблю.

Глаза Марьи Яковлевны заискрились,—но, замѣтивъ тревожныя лица, съ какими слѣдили за нею Александра Павловна и ея женихъ, она воздержалась, какъ Гомеровскій Одиссей отъ „крылатаго слова“, и проговорила, какъ могла толь-

ко спокойнѣе, между тѣмъ какъ губы ея еще нервно вздрагивали:

— Конечно, въ петербургскомъ дворцѣ поинтереснѣе для дѣвушки, чѣмъ на Арбатѣ сидѣть... Могу только поздравить тебя съ этимъ... И скоро ты такимъ образомъ думаешь ѣхать?

— Какъ соберусь, тетушка... Вы читали, la tante Okvostof пишетъ, что надобно скорѣе...

— И къ Сашенькиной свадьбѣ, разумѣется, не пріѣдешь?

— Постараюсь... если только можно будетъ... промямлила Кира. Эти вопросы видимо докучали ей...

Александра Павловна поспѣшила вмѣшаться. Она поднялась съ мѣста и, подойдя къ кузинѣ, обняла ее:

— Зачѣмъ загадывать заранѣе, maman? веселымъ тономъ заговорила она:—пріѣдетъ, я увѣрена, если пустятъ; а если нѣтъ, такъ вѣдь она не виновата будетъ...

— Какъ не виновата птица, попавшая въ раззолоченную клѣтку, въ унисонъ этому тону промолвилъ Троекуровъ.

Кира быстро подняла глаза и вопросительно воззрилась на него. „Что̀ это: укоръ или предупрежденіе?“ словно говорили они.—„Что̀ вамъ будетъ угодно!“ отвѣчали имъ невозмутимо глядѣвшіе на нее его глаза...

— Кушанье готово!..

И, вслѣдъ за появившимся въ дверяхъ красноносымъ Архипомъ, влетѣлъ въ комнату Шигаревъ:

— Ну, была игра, могу сказать, была! хохоталъ онъ, мотая головой и голосомъ Садовскаго въ роли Расплюева,—боксомъ, то-есть, настоящимъ боксомъ, насилу ноги унесъ!..

— Гдѣ это, батюшка, кто тебя обидѣлъ? заголосила, вся внезапно взрываясь, Марья Яковлевна, которую всякое подобное шутовство имѣло постоянно способность развлекать и тѣшить, какъ бы ни была она озабочена.

— А все же она, умница моя разумница, Аглая! гаерничалъ онъ: — вѣдь я ее въ Питеръ-то послалъ, помните, сыномъ напугалъ, что онъ будто на француженкѣ-актрисѣ жениться хочетъ.

— Ну, какъ же, да! Что̀-жь она, вернулась?.. И съ сы-

номъ экспликація была? допрашивала уже съ тревожнымъ любопытствомъ хозяйка.

— Само собою, отвѣчалъ шутъ продолжая надрываться;— „Basile mon fils“, вы понимаете, забрыкалъ и руками, и ногами: „Откуда вы-молъ это выдумали?“ А она ему: Я, говоритъ, знаю, que vous voulez épouser cette vilaine Lucie Ladrague“. А онъ ей: „Vous mentez, maman!“ А она ему: „Comment est ce que vous osez!“ А онъ ей: „Съ такою непроходимою, какъ ты, все очень можно“...

— Что̀ это, батюшка! вскликнула, прерывая его, Марья Яковлевна:—сынъ ее въ глаза дурой назвалъ?

— Ну, не назвалъ, а въ томъ же родѣ, должно-быть, сказалъ, объяснилъ не смущаясь Шигаревъ, — только она, разумѣется, сейчасъ меня и выдала: „Вотъ-молъ кто меня на счетъ этого напугалъ“. „Basile mon fils“ на это гусарскую свою прыть впередъ: „Я, говоритъ, его—то-есть меня грѣшнаго—за это на дуэль вызову!“ Съ этимъ она и уѣхала. Пріѣзжаетъ она вчера сюда, за мною сейчасъ шлетъ. Я, само собою, поспѣшилъ: потѣха будетъ, чувствую... Въ самомъ дѣлѣ, гляжу, глазища-то у нея въ кегельные шары выросли, такъ и наровятъ *кономъ* меня сбить. Съ первыхъ же словъ такъ и огорошила: „Vous courez un grand danger, monsieur Шигаревъ“, говоритъ, „vous savez comme mon fils Basile tire bien du pistolet“.—Не слышалъ никогда, говорю, а если дѣйствительно, такъ чего-жь лучше!—А она мнѣ на это: „Ne plaisantez pas, parce qu'il veut vous tuer pour avoir voulu le calomnier à mes yeux“... Ну, знаете, я такъ и померъ... А она тутъ и пошла, и пошла“. Vous savez, говоритъ, que semer la zizanie — и откуда вѣдь слова такія беретъ? — entre une mère et un fils est un grand pêché devant Dieu et un crime contre les lois du gouvernement...

— Что̀ вы! такъ и прыснула Марья Яковлевна, замахавъ отъ избытка удовольствія своими большими руками.

— Обѣдъ поданъ, maman, напомнила ей Александра Павловна.

— Ну, пойдемте, пойдемте!..

„Аглаина глупость“, по выраженію Марьи Яковлевны,

продолжала служить мотивомъ разговора и во все время обѣда. Разговаривали впрочемъ почти исключительно она и ея гость. Троекуровъ невольно то-и-дѣло поморщивался, и невѣста его, замѣчая это, поглядывала на мать и нѣсколько разъ пыталась навести ее на какой-либо другой предметъ бесѣды. Но Марья Яковлевна чувствовала себя на верху блаженства отъ скоморошескихъ выходокъ Шигарева; она вторила ему и поощряла на новый вздоръ, поддакивая, подмигивая и одобрительно покачивая головой. О „сумашедшей“ и „неблагодарной“ племянницѣ она видимо позабыла и думать въ эту минуту...

А та, сжавъ вдумчиво брови и не прикасаясь почти къ своей тарелкѣ, сидѣла погруженная въ глубокое внутреннее раздумье,—только зеленые, непроницаемые глаза ея подымались иной разъ, какъ бы украдкой на жениха ея кузины и съ выраженіемъ какой-то будто неудовлетворенности опускались опять. Онъ это замѣчалъ и въ свою очередь взглядывалъ на нее отъ времени до времени, пощипывая усы и не то разсѣянно, не то задумчиво усмѣхаясь.

Едва встали изъ-за стола, какъ Александру Павловну поманила къ себѣ пальцемъ Катерина Борисовна и проговорила ей таинственно на ухо, что ее „на верху“ ждетъ швея „насчетъ кофточекъ“.

— Опять что-нибудь примѣривать? спросилъ, пожимая плечами, Троекуровъ.

— Что дѣлать! чуть не жалобно молвила извиняясь Сашенька;—я сейчасъ приду, Борисъ... Это вы знаете, кто пришелъ? Наша protégée Анфиса, которая вамъ вещи и картины отправляла, и вы такъ еще были довольны ею...

Она нѣжно кивнула ему и побѣжала.

Онъ досталъ папироску изъ портсигара, закурилъ ее...

Всѣ прошли уже въ гостиную. Слуги принялись убирать со стола. Одна Кира стояла лицомъ къ окну и безмолвно глядѣла на улицу.

Онъ двинулся съ мѣста, мимо нея.

Она внезапно обернулась къ нему:

— Какъ вы сказали: „золоченая клѣтка“?

Троекуровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее: такъ странно было это неожиданное обращеніе къ нему, послѣ того явнаго недоброжелательства, какое онъ до сихъ поръ имѣлъ право видѣть по отношенію себя въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

— Такъ точно, княжна, отвѣтилъ онъ учтиво и холодно.

Она скрестила руки на груди и уперлась затылкомъ къ рамѣ окна. Слегка прищуренные глаза ея обратились въ одну точку въ стѣнѣ...

— Вы осуждаете меня! медленно уронила она.

Невольная улыбка скользнула по губамъ Троекурова. „Она объясненія хочетъ,—къ чему?“ пронеслось у него въ мысли.

— Вы желаете моего мнѣнія? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да!

— И позволите сказать его съ полною откровенностью?

— Конечно!

— Извольте! улыбнулся онъ еще разъ: — мнѣ кажется, вамъ и такъ *тѣсно*, а отъ золотой проволоки кругомъ шире не будетъ...

— Такъ хоть выше! быстро проговорила она, не давъ ему продолжать. Что-то горькое и надменное заразъ зазвучало вдругъ въ ея голосѣ: — меня не любитъ здѣсь никто, я знаю... и не удивляюсь, pour être aimée il faut être aimable, а я... Что̀ же дѣлать, я въ этихъ рамкахъ не могу...

— А *тамъ* что̀ же вы думаете найти? тихо спросилъ онъ.

— Выше... шире... Я вамъ сказала, глухо отвѣчала она не сейчасъ, все такъ же не отрываясь взглядомъ отъ стѣны.

— А потомъ?

— Не знаю... Увижу!

Онъ зоркимъ, скептическимъ взглядомъ бывалаго петербургскаго человѣка воззрился ей въ лицо.

Но онъ не прочелъ на немъ того, что̀ заподозрилъ на мигъ въ ея словахъ. Недосказанная мысль захватывала далѣе тщеславнаго женскаго разсчета, который думали прозрѣть въ ней его сообразительность и „бывалость“... Его самого какъ бы подняло вдругъ что-то. Онъ объяснилъ себѣ

вдругъ нежданность и стремительность ея рѣчей. Брови его вдумчиво сжались:

— Вы думаете... дѣйствовать? проговорилъ онъ, растягивая, — положимъ, вы успѣете.... Но дѣла бываютъ разныя, княжна, хорошія... и недобрыя...

Она въ свою очередь глянула ему прямо въ глаза широко раскрытыми, заискрившимися глазами:

— Вы думаете, я зла, потому что вижу зло тамъ, гдѣ оно есть?... А вы его не видите?... Сами вы счастливы... или почитаете себя счастливымъ, добавила она съ какою-то какъ бы безсознательною презрительностью,—но неужели вы полагаете отъ этого, что весь окружающій насъ міръ—совершенство изъ совершенствъ?

Онъ закачалъ головой:

— Нѣтъ, и я даже, смѣю думать, имѣлъ болѣе васъ случаевъ убѣдиться, насколько въ немъ несовершенства. Но я знаю и тò, что ненавистью никогда еще дурное положеніе не передѣлывалось въ хорошее въ этомъ мірѣ, сказалъ онъ, смягчая по возможности тономъ голоса то, чтò могло бы показаться ей оскорбительнымъ по сущности.

Ноздри ея вздрогнули.

— Надо прежде всего *знать* и *возненавидѣть* дурное, подчеркнула она,—чтобъ *умѣть* дѣлать добро...

— Не наоборотъ-ли? возразилъ Троекуровъ, — не начать ли съ горячей любви къ добру?... Вы поймете это, Кира Никитишна, промолвилъ онъ съ оттѣнкомъ дружескаго участія,—когда сами полюбите...

Она свысока и иронически прервала его:

— Да, да! Старый Шиллеровскій рецептъ.

fiechten und weben
Himmlische Rosen in's irdische Leben *);

и вы полагаете, что у женщинъ теперь не можетъ быть другихъ задачъ и дороги менѣе избитой?

— Попробуйте, если вѣрите въ это! отвѣчалъ онъ съ какимъ-то невольнымъ выраженіемъ жалости.

---

*) Вить и вплетать небесныя розы въ жизнь земную.

Зеленые глаза ея замерцали словно двѣ крупныя звѣзды:

— И не раскаюсь, конечно!...

Она быстро отдѣлилась отъ окна и съ зардѣвшимся лицомъ безмолвно прошла мимо него по направленію къ гостиной.

— Странная какая! сказалъ Троекуровъ, глядя ей вслѣдъ;— но что̀ можетъ изо всего этого выйти въ Петербургскомъ дворцѣ?... Любопытно!

Вернувшаяся „съ примѣриванія“ Сашенька застала его одиноко курившимъ у того же окна, у котораго происходилъ разговоръ его съ Кирой.

— Вы меня все ждали здѣсь, одни? спросила она.

— Ждалъ... какъ всегда...

Онъ тихо взялъ ея руку и съ какою-то особенною нѣжностью прижалъ ее къ губамъ.

О бесѣдѣ своей съ княжною онъ не счелъ нужнымъ передавать ей.

XXIV.

Fare thee well, and if for ever,
Still for ever fare thee well!

Byron.

Дня три спустя княжну Киру провожала на станцію Николаевской желѣзной дороги довольно большая компанія. Кромѣ *своихъ*, тутъ были „завсегдашніе“ дома ея тетки, Ашанинъ, Веретеньевъ, Моховъ, Женни Карнаухова (никогда особенно не дружившая съ отъѣзжавшею, но со дня назначенія ея фрейлиной возгорѣвшая къ ней самою восторженною пріязнью,), и даже гораздо менѣе ей знакомыя двѣ, три маменьки и дочки изъ московскаго бомонда, движимыя тѣмъ соображеніемъ, что пріѣдешь-молъ въ Петербургъ, не мѣшаетъ заручиться этимъ ходомъ на случай придворнаго бала, или даже и поважнѣе чего-нибудь...

Киру повелъ подъ руку Ламартинъ-Овцынъ... Онъ со дня изгнанія Иринарха Марьей Яковлевной проводилъ всѣ вечера свои на Арбатѣ и былъ крайне любезенъ со всѣми, какъ бы желая торжественно доказать, что нисколько не почитаетъ себя солидарнымъ съ сыномъ. Вокругъ княжны онъ какъ-то особенно вился, очевидно намѣреваясь что-то объяснить ей. Но она или занята была своими сборами, или представлялась ему „не въ своей тарелкѣ“, и онъ робко отступалъ предъ этимъ просившимся у него на уста объясненіемъ... Теперь же онъ, выступая съ нею шагъ въ шагъ вдоль длинной линіи ожидавшихъ вагоновъ, почтительно склонивъ къ ней голову и устремивъ пристально глаза себѣ подъ ноги, будто чая

каждую минуту попасть ими въ провалъ, говорилъ ей полушопотомъ:

— Смѣю надѣяться, Кира Никитишна, что если бы вамъ что-нибудь понадобилось въ дорогѣ, вы прямо обратитесь къ Иринарху... Онъ тутъ,—ѣдетъ съ вами въ одномъ поѣздѣ, примолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже таинственно, кивнувъ на рядъ вагоновъ втораго класса, мимо котораго проходили они.

Она не отвѣтила,—она и не слышала.

Ламартинъ заговорилъ еще тише:

— Онъ здѣсь, какъ вамъ извѣстно, проживалъ безъ отпуска изъ университета, единственно изъ удовольствія, которое доставляло ему ваше общество...

— Что̀? разсѣянно спросила она, пробуждаясь изъ раздумья, въ которое погружена была вся.

Онъ вдругъ обробѣлъ опять и, не повторяя сказаннаго, торопливо залепеталъ:

— Я хотѣлъ васъ просить, княжна... Я все-таки отецъ и... и долженъ предвидѣть... Если бы, чего Боже сохрани, надъ Ирой стряслась, говоря по-народному, какая-нибудь бѣда, не откажите быть его, такъ сказать, предстательницею въ высшихъ сферахъ...

Она поглядѣла на него:

— Я сама ничего не знаю... Какъ же вы хотите, чтобъ я... не дотянула она до конца и замолкла.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ замолкъ тоже.

„Вотъ она, птица-то породистая, крылья какъ отросли, она и... А мой *плебей* воображалъ, что она его...“ проносилось у него обрывками въ головѣ. И весьма затруднительно было бы сказать, къ этой-ли „*породистой* птицѣ“, или къ тому, ему близкому существу, котораго онъ, съ его же словъ, называлъ „плебеемъ“, болѣе влеклись при этомъ тайныя сочувствія стараго либерала.

Вслѣдъ за *господами*, съ кожанымъ мѣшкомъ въ одной рукѣ, съ пледомъ „своей барышни“ на другой, шла Анфиса... Не безъ тоскливой внутренней смуты рѣшилась она принять неожиданное предложеніе, сдѣланное ей княжной, по совѣту Александры Павловны (бывшая экономка все это послѣднее

время жила у Лукояновыхъ, работая надъ бѣльемъ невѣсты, и съ каждымъ днемъ возбуждала къ себѣ со стороны той все болѣе расположенія и довѣрія), ѣхать съ нею въ чужой, пугавшій ея воображеніе городъ. Уговорила ее Лизавета Ивановна, случайно зашедшая къ Лукояновымъ послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ ею у какого-то больнаго, и къ которой Анфиса тотчасъ же и обратилась за совѣтомъ. Маленькая особа, горячо привязавшаяся къ бывшей „экономкѣ" за набожность ея и „тихость", доказывала ей, что ей „*Бога для* безпремѣнно ѣхать надо".

— Испробовать себя надо, милая, говорила она,—приневолить; вотъ какъ апостолъ сказалъ: *аще можеши свободнымъ быть, тѣмъ паче поработи себя!*

— Барышня-то, говорятъ, нравная очень! возражала шопотомъ Анфиса.

— *Обуянная* она, милая, вотъ что̀! подтвердила тѣмъ же голосомъ Лизавета Ивановна;—такъ изъ-за этого изъ-за самаго и ѣхать надо съ нею. Кротостью учить ее надо, примѣромъ да молитвой, чтобы сердце у нея умягчилось, на ваше смиреніе глядя... Можетъ, подвигъ большой возлагаетъ на васъ Царица Небесная, перейти же его грѣхъ, ангелъ мой!... Намеднись вотъ невѣста моя золотая, Александра Павловна, сказываетъ мнѣ: „ахъ какъ хорошо бы-молъ, если бы сестрица княжна Анфису съ собой взяли, потому ея Агаѳья неряшлива и лѣнива". Очень вы полюбились Александрѣ-то Павловнѣ, милая; сама-бъ она васъ къ себѣ взяла, да по добротѣ своей безконечной прежде всего не о себѣ, а о сестрѣ-сиротѣ подумала, чтобъ ей васъ предоставить...

— Къ ней бы я съ радостью.—Слезы выступили на глазахъ Анфисы:—Что̀ же, Лизавета Ивановна, видно надоть... Какъ Богу угодно, пойду, скажу, что согласна...

Маленькая особа кинулась обнимать ее.

Она, боязливо озираясь кругомъ, словно чтобъ ея не раздавили, шла теперь рядомъ со своею пріятельницей и шепталась съ нею, уговариваясь о томъ, какъ имъ писать другъ другу...

Ашанинъ, имѣвшій повсюду услужливыхъ пріятелей, устро-

илъ для княжны на поѣздѣ особое, просторное отдѣленіе, куда она и вошла въ сопровожденіи родныхъ.

Но вотъ раздался звонокъ.

У нея вдругъ сжалось сердце. Она уѣзжала *одна*, на невѣдомую жизнь... Что̀ ждетъ ее? „А если *тамъ* еще тяжеле?“ пробѣжало на мигъ у нея въ мысли. Глаза ея заморгали,— она протянула вдругъ обѣ руки Марьѣ Яковлевнѣ:

— Простите, тетушка,—голосъ ея слегка дрогнулъ,—если я не всегда была такая къ вамъ, какъ мнѣ слѣдовало... Повѣрьте, я не забуду...

Пылкая, но незлопамятливая „тетушка“ всхлипнула и не дала ей продолжать:

— Ну, что̀ тамъ, свои люди, сочтемся! заговорила она, охватывая ее за шею своими массивными руками и прижимая къ своей нескончаемой кирасѣ;—не забывай, пиши... да смотри, на свадьбу Саши непремѣнно пріѣзжай; причина законная, кажется, такъ и скажи своей Княгинѣ: сестра-молъ двоюродная, одна и есть у меня близкая...

— Кира, милая, кинулась къ ней, въ свою очередь, вся въ слезахъ Сашенька,—будь счастлива!... Я за тебя каждый день молиться буду, чтобы ты нашла себѣ такое же счастіе, какъ я, прошептала она ей на ухо.

— Второй звонокъ, пожалуйте изъ вагона! возгласилъ у дверцы кондукторъ, между тѣмъ какъ Анфиса, разцѣловавшись съ Лизаветой Ивановной, проворно вскакивала съ платформы.

— Ахъ ты, Господи, еще увезутъ!...

И Марья Яковлевна испуганно поспѣшила вонъ.

Сашенька послѣдовала за нею.

Троекуровъ на мгновеніе остался вдвоемъ съ княжной.

— Прощайте, Борисъ Васильевичъ, промолвила она, протягивая ему руку.

Онъ сжалъ ее, склонивъ голову...

— Все то же, по-вашему: „золотая клѣтка“, и ничего больше? прошептала Кира, слабо усмѣхаясь.

— Если я ошибаюсь — тѣмъ лучше! могъ только сказать онъ.

Странные глаза ея загадочно остановились на немъ...

— Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, пожалуйте! торопилъ его съ платформы кондукторъ.

Онъ пожалъ еще разъ ея оставшіеся въ рукѣ его пальцы и молча вышелъ изъ вагона.

Поѣздъ двинулся. Провожавшіе замахали руками. Дамы судорожно закивали, посылая ручками несмѣтное количество поцѣлуевъ по адресу отъѣзжавшей... Кира стояла блѣдная за окномъ, медленно и безъ улыбки поводя головой на эти знаки прощанія. За нею Анфиса истово крестилась на горѣвшіе въ свѣтѣ весенняго дня кресты московскихъ церквей. „Прости матушка Бѣлокаменная“, шептали неслышно уста ея, „на чужой на сторонушкѣ позабыть-ли, что̀ было мнѣ тутъ радости на краткій часъ, что̀ кручины злой на долгіе дни!...“

XXV.

O, Erd'! o, Wonne!
O, Sonne! o, Lust.
Göthe.

То было въ утро нашихъ лѣтъ,
О, счастіе! О, слезы!
О, лѣсъ! О, жизнь! О, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!
Гр. А. Толстой.

Прошли еще три недѣли.

Все уже цвѣло, все зеленѣло, все пѣло кругомъ, когда, только что обвѣнчанные, Борисъ Васильевичъ и Александра Павловна Троекуровы выѣхали изъ Москвы въ щегольскомъ съ иголочки англійскомъ дормезѣ шестерикомъ по пути ко своему Всесвятскому... Вѣнчали ихъ, какъ положено было, на *Красную Горку*, въ Ѳомино воскресенье, у Бориса и Глѣба *), тотчасъ послѣ обѣдни, и по настоятельному требованію Троекурова, въ присутствіи самаго ограниченнаго кружка ближайшихъ родныхъ. Сашеньку благословляла мать съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Овцынымъ, который, не смотря на свое *западничество*, весьма обрядливо, хотя и нѣсколько театрально, отбылъ свою должность посаженаго отца (онъ былъ ею весьма польщенъ, сказать кстати). Княгиня Додо, никуда еще не выѣзжавшая, благословила жениха у себя на дому со старикомъ *графомъ*, который, въ свою очередь, съ большимъ удовольствіемъ принялъ на себя „быть за отца“ у сына бывша-

*) У Арбатскихъ воротъ.

го товарища своего „по службѣ при государѣ Александрѣ Павловичѣ“. Шаферами были: у Троекурова Веретеньевъ и Ашанинъ, а у невѣсты—братъ ея, кавалергардъ, пріѣхавшій къ этому дню изъ Петербурга. (Вторымъ шаферомъ напросился было самъ къ ней отвергнутый обожатель ея, Моховъ, но отказался отъ этого подъ предлогомъ болѣзни за сутки до вѣнчанія и провелъ весь тотъ день у себя, рыдая въ подушки и затыкая себѣ уши, чтобы не слышать праздничнаго звона колоколовъ, представлявшагося ему какою-то безпощадною насмѣшкой надъ его „растерзаннымъ сердцемъ“)... Кира Кубенская не пріѣхала на свадьбу, поручивъ двоюродному брату сказать матери и сестрѣ, что въ этотъ самый день вѣнчаютъ въ ея дворцѣ предмѣстницу ея, баронессу Гагернъ, съ секретаремъ нашего посольства въ Вѣнѣ, графомъ Наташанцевымъ, и что она, Кира, обязана по должности быть въ этомъ торжествѣ при своей Княгинѣ. Марья Яковлевна вскипятилась было за первыми словами сына и назвала племянницу „возмечтавшею о себѣ *фрелкой*“, но Сережа очень спокойно и обстоятельно объяснилъ ей, что „фрелка“ иначе поступить не могла, особенно на первыхъ порахъ своей службы при дворѣ, и заслуживаетъ поэтому гораздо скорѣе поощренія, чѣмъ порицанія. На послѣдовавшій же затѣмъ, уже болѣе насмѣшливый, чѣмъ гнѣвный, вопросъ матери: „ну, какъ же ей тамъ живется, нашей недотрогѣ-царевнѣ, въ Петербургѣ-то?“—молодой кавалергардъ, со свойственными ему осторожностью и сдержанностью тона, сказалъ, что къ Кирѣ, какъ кажется, весьма благоволитъ высокая особа, при которой состоитъ она, „mais que dans le monde on la trouve quelque peu étrange“...

Изъ церкви поѣхали всѣ въ домъ къ Марьѣ Яковлевнѣ, гдѣ, послѣ тотчасъ же поданнаго и не долго длившагося déjeûner dinatoire (до Всесвятскаго было 120 верстъ, изъ которыхъ послѣднія двадцать по проселочной, не совсѣмъ надежной дорогѣ, и Троекуровъ разсчитывалъ проѣхать ихъ еще засвѣтло), *молодая* поспѣшила переодѣться въ дорожное платье и, разцѣловавшись со всѣми, принявъ напутственное благословеніе разрыдавшейся при этомъ матери, вся въ слезахъ

спустилась объ-руку съ мужемъ съ лѣстницы, сопровождаемая всѣми приглашенными, родными и друзьями, домочадцами и слугами, кидавшимися ей на пути „къ ручкѣ“, на прощанье,— и сѣла съ нимъ въ поданный ко крыльцу, весело сверкавшій подъ солнцемъ свѣжимъ своимъ лакомъ и шелковою, темно-малиновою обойкой, дормезъ...

Шестерикъ тронулъ.... На крыльцѣ замахали платками, заголосили пожеланія добраго пути и всякаго благополучія. Марья Яковлевна, высоко поднявъ руку, осѣнила въ послѣдній разъ отъѣзжающихъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Слезы закапали вновь изъ глазъ Александры Павловны.

Но не надолго. Не успѣли они доѣхать до Никитскихъ воротъ, какъ она, сунувъ въ карманъ отиравшій слезы эти платокъ, обернулась лицомъ къ безмолвно сидѣвшему подлѣ нея мужу и глянула на него съ улыбкой безконечнаго счастья.

Онъ улыбнулся тоже, взялъ ея руку и страстнымъ поцѣлуемъ приникъ къ ней, словно съ тѣмъ, чтобы никогда отъ нея не отрываться.

Мчали ихъ, какъ говорится, *по-царски*. Впереди скакалъ почталіонъ, предоставленный къ услугамъ Троекурова обязательнымъ московскимъ почтдиректоромъ. Заранѣе готовыя лошади ждали ихъ въ хомутахъ у каждой станціи и впрягались мигомъ въ ихъ экипажъ совокупностью всѣхъ состоявшихъ тамъ на лицо ямщиковъ, которымъ Троекуровъ выкидывалъ по двадцати пяти рублей каждый разъ, какъ новый шестерикъ снова пускался съ мѣста вскачь по влажной еще отъ весеннихъ дождей поверхности шоссе. Къ одиннадцати часамъ вечера, благополучно миновавъ всякія ухабистыя гати и дребезжащіе мосты, они въѣзжали въ свое Всесвятское.

Сашенька, убаюканная мягкою качкой рессоръ, заснула къ концу дороги на плечѣ мужа... Она проснулась въ его объятіяхъ, — онъ выносилъ ее изъ экипажа, — и широко открыла глаза.

Они стояли на ступеняхъ уставленнаго высокими растеніями балкона-крыльца, спускавшагося во дворъ, усаженный старыми тѣнистыми кленами. Изъ раскрытыхъ настежъ дверей, изъ длиннаго ряда оконъ дома лился свѣтъ ярко освѣ-

щенныхъ внутри покоевъ. Кучка слугъ, прибывшая на мѣсто еще за нѣсколько дней назадъ, суетилась кругомъ господъ, высаживала горничную Александры Павловны изъ-подъ ея будки надъ заднимъ сидѣньемъ дормеза.

— А, Скоробогатовъ, говорилъ Борисъ Васильевичъ радостнымъ голосомъ невысокому и коренастому усачу въ солдатской шинели, стоявшему, вытянувшись въ струну и съ фуражкой въ рукѣ, у самыхъ перилъ балкона,—давно-ли здѣсь? Я тебя не ждалъ такъ скоро.

— Какъ получилъ письмо отъ вашего вскоблагородія, такъ и заспѣшилъ тотчасъ; вчерась прибылъ, рапортовалъ тотъ, весело глядя на него маленькими и живыми глазками.

— Ну, вотъ и жена моя, — поцѣлуй ей ручку, она про тебя знаетъ.

— Ахъ да, знаю! съ горячимъ порывомъ вскликнула Александра Павловна, прикасаясь губами къ загорѣлому лбу служиваго, кинувшагося цѣловать ея руку,—и какъ благодарить уже не знаю...

— Ну, пойдемъ, другъ мой, ты устала! сказалъ ей Троекуровъ.

Онъ повелъ ее въ комнаты. Все говорило въ нихъ объ изяществѣ вкуса и нѣжной заботливости влюбленнаго мужа, уготовившаго ей это „голубиное гнѣздышко“... Но она не хотѣла останавливаться въ нихъ: — у ней въ головѣ неотступно стояло то̀, какъ она въ дѣвическихъ мечтахъ своихъ представляла себѣ ихъ первое прибытіе во Всесвятское.

— Въ садъ пойдемъ, Борисъ, говорила она ему, — мнѣ такъ хочется скорѣе увидѣть его!...

Она прошла съ нимъ на террасу.

Да, все это было такъ, какъ она чаяла, — это былъ сонъ ея наяву.

Въ прозрачной полутьмѣ апрѣльской ночи стояли предъ нею великаны-дубы, вѣковыя липы и золотые рожки молодаго мѣсяца, выплывая изъ-за дымчатыхъ тучекъ, сверкали перебѣгавшими искрами въ недвижной глади затоплявшей низы сада рѣки... Проницающій и тонкій струился въ воздухѣ нѣжный запахъ фіалокъ...

— Шш... Слышишь? тихо промолвилъ Троекуровъ, обнимая станъ ея рукою и прижимая къ себѣ.

Робко сначала, какъ бы пробуя, *заурчалъ* незримый пѣвецъ... Сашенька вся замерла. Какая-то нѣжная, трогательная мольба послышалась ей въ этихъ звукахъ... Но вотъ онъ ударилъ, *запленкалъ*, задробилъ, — и задорный рокотъ его понесся звенящимъ вызовомъ въ необъятную даль...

— Борисъ, прошептала молодая жена, это то, что̀ я... Нѣтъ, все это лучше того, что̀ я воображала, — это рай на землѣ!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Du musst nur Alles nicht verlangen gleich von Allen
So wird in seiner Art dir Alles wohlgefallen.
Rückert. Die Weisheit des Bramahnen.

Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ...
Пушкинъ.

Une femme d'esprit est un diable en intrigue.
Molière. L'école des femmes.

Мы опять въ Петербургѣ, опять въ знакомомъ читателю салонѣ Ольги Елпидифоровны Ранцовой... Истекъ почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нею. Вернувшись изъ Москвы послѣ смерти отца, она недолго оставалась на берегахъ Невы, находя себя послѣ этого обстоятельства въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Ей казалось неприличнымъ,—да и внутренно „совѣстно было" — не надѣть траура по человѣкѣ, горячо любившемъ ее всегда, и о потерѣ котораго сама она скорбѣла, насколько было это лишь дано ея подвижной натурѣ, но съ другой стороны, ее коробило отъ одной мысли, что трауръ долженъ будетъ естественнымъ образомъ вызвать разговоръ объ этомъ отцѣ ея, имени котораго

никогда не произносила она до сихъ поръ предъ своими петербургскими знакомыми. „Раскапывать опять старую генеалогію начнутъ“, разсуждала она,—„что̀ позабыто всѣми, снова на верхъ выплыветъ, и *частный приставъ*, и прочее“... На основаніи такого соображенія, она, по возвращеніи изъ Москвы, объявила себя вольною, не велѣла принимать никого, кромѣ двухъ-трехъ изъ интимнѣйшихъ ея „паричковъ“, вытребовала письмомъ отъ мужа (онъ дѣйствительно и тяжело больной лежалъ одиноко въ своемъ Рай-Никольскомъ,) свидѣтельство на свободное полученіе заграничнаго паспорта, получила таковое чрезъ недѣлю и въ концѣ марта уѣхала по варшавской дорогѣ, ни съ кѣмъ не простившись и никого не увѣдомивъ о днѣ своего отъѣзда... Нежданное исчезновеніе это произвело въ первую минуту настоящій переполохъ среди „элегантнаго“ мужскаго роя, привыкшаго жужжать отъ 2-хъ до 5-ти пополудни въ ея гостиной, на Почтамтской. „Что̀ такое, куда, зачѣмъ?“ Объясненія, само собой, искали и отыскивали менѣе всего подходящія къ простой истинѣ: намекали на dépit amoureux вслѣдствіе-де женитьбы Троекурова, о которой, вмѣстѣ съ вѣстью о его колоссальномъ наслѣдствѣ, много было тогда рѣчей въ свѣтѣ. Пронесся слухъ, Богъ вѣсть кѣмъ пущенный, о томъ, что изъ-за этого самаго Троекурова произошелъ-де у прелестной женщины разрывъ съ ея „sapajou de mari“, вздумавшемъ будто бы приревновать ее къ Кавказцу въ ту минуту, когда всего менѣе было это кстати; говорили, наконецъ, что она просто уѣхала отъ долговъ, въ уплатѣ которыхъ этотъ ужасный мужъ отказалъ-де ей наотрѣзъ. Но все это весьма скоро смолкло послѣ того, какъ графъ Наташанцевъ, весьма высокопоставленный и всѣми уважаемый человѣкъ, со свойственнымъ ему grand air заявилъ торжественно и со вздохомъ печали за обѣдомъ въ Яхтъ-Клубѣ, что „cette charmante jeune femme a pris une fluxion de poitrine dans ce chien de Moscou“, что онъ „имѣлъ честь быть допущеннымъ къ ней предъ отъѣздомъ“ и засталъ у нея доктора Здекауера „qui a cru nécessaire de l'expédier dare-dare avant la débâcle, de crainte de quelque complication sérieuse“. Относительно слуха о размолвкѣ съ ея „sapajou de

mari“, о чемъ тутъ же было упомянуто кѣмъ-то, графъ, ни подтверждая, ни отрицая этого, пожалъ только плечами и медленно уронилъ съ губъ: „Un triste sire en tout cas!..“— „Позвольте узнать, ваше сіятельство“, спросилъ обѣдавшій за тѣмъ же столомъ пупырь Шастуновъ, обращаясь къ нему съ почтительною улыбкой,—„куда же она направилась и гдѣ можетъ находиться теперь?“—„Je l'ignore absolument, mon prince“, сухо и слегка нахмурившись, отвѣтилъ ему тотъ и отвернулся отъ него... Пылкій Basile счелъ нужнымъ съ отчаянія опрокинуть въ себя вслѣдъ за этимъ бутылки двѣ шампанскаго и, уѣзжая изъ клуба въ каретѣ съ товарищемъ, которому во все время пути валился безнадежно на плечо, упорно повторялъ со стономъ и икотой: „*Moi je* la trouverai... *moi je* partirai la chercher... и если генералъ не дастъ мнѣ отпуска, *moi je* prendrai mon congé“...—„Не дадутъ предъ лагеремъ, нечего и думать“, доказывалъ ему его спутникъ. — „Дадутъ“, кричалъ Шастуновъ, „parceque *moi* je puis dépenser cent mille par an (онъ говорилъ по-французски совершенно, какъ маменька), et c'est toujours flatteur pour un régiment“... Но отпуска все-таки ему не дали, а товарищи посовѣтовали ему подъ рукой выражаться осторожнѣе о своихъ доходахъ, такъ какъ его хвастовство ими не только не лестно для его полка, но можетъ, весьма не лестно для него самого, окончиться тѣмъ, что его попросятъ избавить этотъ полкъ отъ своего присутствія. Basile тотчасъ же поджалъ хвостъ, какъ ошпаренный пудель, и, убѣдившись въ невозможности скакать за границу отыскивать Ольгу Елпидифоровну Ранцову, обратился за утѣшеніями на время ея отсутствія къ m-lle Irma Thénard, замѣнившей извѣстную намъ Lucie Ladrague въ роляхъ ingénues Михайловскаго театра.

Ольга Елпидифоровна вернулась въ Петербургъ лишь въ первыхъ числахъ декабря, послѣ осьмимѣсячнаго отсутствія. Весну она провела въ Парижѣ, лѣтомъ побывала въ Эмсѣ, Гамбургѣ и Баденѣ, гдѣ много играла и, какъ говорили, даже порядочно проигралась; прожила три недѣли въ Карлсбадѣ, не съ цѣлью лѣченія, но „изъ дружбы“, такъ какъ графъ Наташанцевъ пилъ тамъ свой обычный курсъ Шлосбруна, а

осенью свидѣлась съ нимъ опять на берегахъ Сены, гдѣ были у него давнишнія и близкія отношенія въ faubourg St.-Germain, куда онъ и успѣлъ ввести madame de Rantzof. Княгиня Краснорѣцкая, находившаяся одновременно съ нею въ Парижѣ и уѣхавшая оттуда ранѣе ея, разсказывала, по пріѣздѣ въ Петербургъ, со злобнымъ удивленіемъ, что она встрѣчала ее chez la duchesse de la Trémouille et chez madame de Gabriac", и что „cette péronelle s'y tient avec un toupet incroyable. Къ довершенію торжества *весь Петербургъ* прочелъ однажды въ фельетонѣ *Indépendance Belge*, что „madame de Rantzof, cette grande dame russe d'une beauté si éminemment slave et d'un brio d'esprit si parisien", состояла въ числѣ приглашенныхъ „aux dernières chasses de Compiègne" *).

Когда послѣ такихъ звонкихъ рекламъ Ольга Елпидифоровна появилась въ первый разъ въ Большомъ Театрѣ въ платьѣ новомоднаго тогда цвѣта Solferino, — неподражаемый cachet котораго тотчасъ же сказалъ всему тутъ бывшему женскому бомонду, что оно выходило прямо изъ ateliers великаго Ворта **),—изо всѣхъ угловъ театра устремились на нее бинокли, а ложу ея (ложа эта была теперь первая внизу, подлѣ царской,) въ первый же антрактъ буквально осадилъ весь знакомый ей сановный и военный персоналъ понедѣльничныхъ абонентовъ италіянской оперы. Возгласамъ, радостнымъ привѣтствіямъ, ухищренно льстивымъ шуткамъ не было конца. Успѣхъ былъ несомнѣнный, *публичный*, заставлявшій покусывать губы не одну изъ чистокровныхъ mondaines, надменно взиравшихъ на него съ высоты противоположнаго бельэтажа. Досада этихъ дамъ увеличивалась еще болѣе тѣмъ, что tenue и *обстановка* особы, къ которой относился этотъ успѣхъ, были совершенно безукоризненны. Во-первыхъ, рядомъ съ нею сидѣла не какъ прежде какая-то никому невѣдомая компаніонка, а всѣмъ извѣстная, принадлежащая къ хорошему обществу, уже не молодая и почтенная вдова, занимавшаяся спеціально благотвореніемъ ближнихъ, Варвара Петровна Мосягина, рож-

*) Бывшая, какъ извѣстно, осенняя резиденція Наполеона III.

**) Женскій портной въ Парижѣ, обязанный своею знаменитостью императрицѣ Евгеніи.

денная графиня Салгутова, съ которой Ольгу Елпидифоровну познакомилъ въ Карлсбадѣ графъ Наташанцевъ, сказавъ ей предварительно, что „cette ravissante jeune femme n'est pas heureuse en ménage“, вслѣдствіе чего та воспылала съ первой минуты къ этой бѣдной „ravissante jeune femme“ самою горячею и преданною дружбой, что̀ и доказывала она ей теперь предъ лицомъ всего свѣтскаго Израиля присутствіемъ своимъ въ ея ложѣ. Во-вторыхъ, сама г-жа Ранцова держала себя неузнаваемо даже для ближайшихъ своихъ поклонниковъ, сравнительно съ тѣмъ, какою привыкли они знать ее въ продолженіе многихъ прежнихъ лѣтъ. Она была для нихъ, само собою, все такъ же „прелестна“, какъ всегда, но эта прелесть, чувствовалось, приняла теперь какой-то сдержанный, сосредоточенный характеръ, какъ бы запрещавшій слишкомъ восторженное и откровенное отношеніе къ ней. Голосъ ея словно потерялъ на половину свою прежнюю звучность; внезапный, широкій смѣхъ, которымъ она, бывало, не стѣсняясь, въ томъ же театрѣ, отвѣчала на нѣсколько *рискованную* иногда галантерейность антрактовыхъ своихъ посѣтителей, замѣнила снисходительная, чуть-чуть даже недовольная улыбка. Подвижность выраженія, игра глазъ, веселое то-и-дѣло сверканіе бѣлыхъ зубовъ изъ-подъ пышныхъ алыхъ губъ, чѣмъ недавно еще такъ восхищались *всѣ они*,—тщетно отыскивали они это теперь на ея лицѣ, спокойномъ, самообладающемъ, чуть не безжизненномъ. Все это исчезло вмѣстѣ съ русскою рѣчью, московскій пошибъ которой и бойкіе обороты были всегда такъ милы въ ея устахъ для большинства ея обожателей. Г-жа Ранцова говорила теперь уже неизмѣнно по-французски, примѣшивая страннымъ сочетаніемъ самомоднѣйшія въ ту пору словца парижскаго свѣтскаго argot Второй Имперіи къ изысканно рутиннымъ фразамъ петербургско-французскаго придворнаго и дипломатическаго языка...

Все это тотчасъ же было замѣчено и со свойственною свѣтскимъ людямъ проницательностью соображено, разобрано и истолковано надлежащими побужденіями. „Elle pose pour la femme sérieuse“, рѣшено было прежде всего... „Elle quitte son mari et veut se faire épouser par Наташанцевъ“, разнес-

лось вскорѣ за тѣмъ негодующимъ крикомъ по всѣмъ будуарамъ петербургскаго большаго свѣта.

Въ какой мѣрѣ было основательно это послѣднее предположеніе, терпѣливый читатель узнаетъ изъ послѣдующихъ страницъ настоящаго разсказа. Но мы считаемъ нужнымъ сообщить ему, не откладывая, что Ольга Елпидифоровна вернулась дѣйствительно изъ-за границы болѣе чѣмъ когда-либо femme politique... Вопросъ первостепеннаго государственнаго значенія рѣшался въ ту пору на берегахъ Невы. Съ нимъ, весьма хитро сплетенною комбинаціей ея пылкаго воображенія, соединялась для нея лично цѣлая программа и цѣлая перспектива будущаго...

Въ ту минуту, когда мы застаемъ ее опять у себя въ Почтамтской,—это было въ началѣ февраля 1860 года,—она, сидя на диванѣ, съ блестящими отъ какого-то волненія глазами, быстро перекидывалась словами со стоявшимъ предъ ней въ вицмундирѣ и звѣздахъ и со шляпой въ рукѣ чиновнымъ господиномъ, извѣстнымъ въ то время всему Петербургу подъ кличкой: „*статскій генералъ* Прытковъ“. Онъ уже минутъ съ двадцать сидѣлъ у нея и спѣшилъ теперь куда-то... Она его удерживала:

— Погодите, Петръ Владиміровичъ, еще рано, всего три часа, вы мнѣ ничего толкомъ не успѣли разсказать. (Бесѣда велась на этотъ разъ сплошь по-русски, такъ какъ „статскій генералъ“ не разумѣлъ никакого иностраннаго нарѣчія)...

Онъ страдалъ какимъ-то тикомъ горловыхъ нервовъ, заставлявшихъ его то-и-дѣло дергать судорожно головой въ бокъ, точно отъ слишкомъ туго повязаннаго галстука. Онъ дернулъ ее, откинулъ назадъ, подавшись при этомъ всею грудью впередъ, и захохоталъ безпричиннымъ, оглушительно грубымъ смѣхомъ, бывшимъ у него почему-то въ обычаѣ...

— Все еще вамъ мало! Ненасытная!... Скажите, прелестная женщина, добавилъ онъ съ весьма пошловатымъ по своему намѣренію подмигиваніемъ глаза,—вы и въ любви не знаете предѣловъ... своему любопытству?...

Она брезгливо поморщилась:

— Пожалуйста, не говорите мнѣ вашихъ гадостей! Я тер-

пѣть не могу этого жанра... Доскажите лучше, что̀ умирающій... Когда же, вы говорите, Государь былъ у умирающаго?

— Въ четвертомъ часу утра сегодня.

— Какой ангелъ Государь! Стоилъ-ли такой милости этотъ monstre, который со своими Линютиными, Бековичами и Гундуровыми хотѣлъ всѣхъ насъ, дворянъ, по̀-міру пустить!... Скажите, и Государь оставался тамъ до послѣдней его минуты?

— Да, онъ уѣхалъ въ половинѣ седьмаго, когда все уже было кончено.

— И до этой минуты никакого разговора у нихъ не было, не знаете?

— Нѣтъ; когда Государь пріѣхалъ, агонія уже началась...

— Господинъ Хазаровъ! доложилъ въ дверяхъ слуга.

Прытковъ протянулъ ей руку.

— Ну, прощайте, прелестная женщина!

Она слегка ударила по ней пальцами.

— Погодите, вамъ говорятъ!... Скажи, что одѣваюсь, принять не могу, отпустила она докладывавшаго.—И кто же на его мѣсто, обратилась она снова къ своему собесѣднику, — извѣстно?

— *Не извѣстно,* подчеркнулъ онъ.

— Вы, вы! всплеснула она вдругъ руками:—признайтесь, что вы, милый Петръ Владиміровичъ!... Мнѣ говорили, что вы этого очень желаете сами...

— Кто вамъ говорилъ? быстро и тревожно замоталъ онъ головой, спрашивая.

— Конечно, не скажу! Вы знаете, что я никогда никого не выдаю. Вы можете поэтому совершенно откровенно говорить со мной... Тѣмъ болѣе вы знаете, что въ этомъ случаѣ исполненіе вашего желанія обрадовало бы всѣхъ насъ ужасно...

Прытковъ осторожно оглянулся.

— Я знаю, что вы такая же умная, какъ и очаровательная женщина, и что съ вами дѣйствительно можно говорить серіозно и не опасаясь... Я дѣйствительно не прочь былъ бы взять это дѣло въ руки и, полагаю, не безъ пользы... *для спокойствія Россіи,* значительно примолвилъ онъ; — но тутъ повыше меня люди на примѣтѣ...

— Кто такой?

— Во-первыхъ, самъ покойный указывалъ, слышно, какъ на лучшаго себѣ преемника, на графа Кисловскаго... Онъ къ тому же Линютину дядя родной и въ Михайловскомъ дворцѣ большой другъ, не безъ ядовитости примолвилъ Прытковъ.

— На графа Павла Дмитріевича! вскликнула Ольга Елпидифоровна: — я у него обѣдала двѣ недѣли тому назадъ въ Парижѣ. Ему слишкомъ хорошо тамъ, онъ не промѣняетъ своего посольства на незавидное наслѣдство господина Ростовцова, онъ никуда оттуда не уѣдетъ, онъ мнѣ это en toutes lettres сказалъ... Ну, кого же еще думаютъ?...

— Князь Шастуновъ, лейбъ-гусаръ! доложилъ еще разъ слуга въ дверяхъ.

Она досадливо замахала руками:

— Ахъ, Боже мой, скажи, что занята, что не принимаю...

Слуга удалился.

Прытковъ торопливо подсунулъ большую, круглую, въ золотой оправѣ, одноглазку подъ правую бровь и направилъ ее на красивую барыню, стараясь придать всему чиновничьему облику своему выраженіе самаго тонкаго свѣтскаго лукавства:

— Графъ Леонидъ Александровичъ запретилъ? пропустилъ онъ шопотомъ и хихикая. — Скажу непремѣнно Ирмѣ: она этого богача-князька ужасно къ вамъ ревнуетъ. Успокою ее, бѣдную, донесу, что вы его къ себѣ не пускаете.

— Вы опять со своимъ вздоромъ! строго возразила она, пожимая плечами. — И когда это вы успѣваете среди такихъ серьезныхъ занятій, удивляюсь, ко всякимъ Ирмамъ ѣздить?..

— Не могу жить безъ этихъ погибшихъ, но милыхъ созданій! возгласилъ, закатывая глаза, Прытковъ, тщательно и всячески старавшійся поддерживать свою ложную репутацію неистоваго женолюбца.—Ну, однако прощайте, прощайте, очаровательница,—заторопился онъ, взглянувъ на часы:—я обѣщалъ князю Алексѣю Ѳедоровичу *) заѣхать къ нему сейчасъ послѣ панихиды, и вотъ съ вами заболтался...

---

*) Тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта и главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ.

Онъ схватилъ ея руку, высоко приподнялъ ее, чмокнулъ жирными губами, причемъ небольшіе глазки его приняли прескверное выраженіе напускной страстности и, проговоривъ скороговоркой: „Ручка одна—цѣлый міръ блаженства!“, быстро повернулъ налѣво кругомъ и направился къ двери, закидывая на-ходу правою ногой впередъ съ какимъ-то спеціальнымъ, далеко не изящнымъ ухорствомъ.

— Когда же мы увидимся? крикнула ему вслѣдъ хозяйка;—мнѣ такъ много еще сказать вамъ...

Но изъ другой комнаты несся уже его оглушительный хохотъ и возгласы какой-то словно неслыханной радости:

— Графъ Леонидъ Александровичъ! тянулъ онъ на сей разъ визгливымъ дискантомъ, какъ бы отъ преизбытка счастія:—легки на поминѣ,—мы вотъ только что съ красавицей о васъ говорили... Здравствуйте, здравствуйте!...

Ольга Елпидифоровна вскочила съ мѣста и побѣжала навстрѣчу новому гостю.

Онъ стоялъ посреди комнаты, чуть-чуть улыбаясь на неестественныя изъявленія чувствъ чиновнаго проходимца, какимъ былъ для него въ душѣ Прытковъ, и глядя, какъ тотъ мялъ и прижималъ руку его ко груди своей, съ учтивымъ спокойствіемъ прирожденнаго барина, проведшаго всю жизнь свою въ изысканномъ обществѣ и при дворѣ.

— Cher comte! bonjour! молвила, быстро подходя къ нему, Ранцова:—вы уже все знаете, разумѣется.

— Да, сказалъ онъ, почтительно и нѣжно поднося ея руку къ губамъ,—и удерживая ее затѣмъ на мигъ въ своей:—Знаете ли вы,—обратился онъ къ Прыткову негромкимъ голосомъ,—что Государю доставлена часъ тому назадъ племянникомъ Якова Ивановича предсмертная его записка?

— Онъ оставилъ предсмертную записку? воскликнулъ тотъ, задергавъ въ объявшей его вдругъ тревогѣ головой уже такъ, какъ будто хотѣлъ отвинтить ее и скинуть съ плечъ.

— И Государь, принимая ее, изволилъ сказать: „Яковъ Ивановичъ оставилъ намъ этою запиской завѣщаніе, которое мы должны свято исполнить“. Его Величество сказалъ это

очень взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, благоговѣйно примолвилъ Наташанцевъ.

— Значитъ, все у нихъ тамъ, въ коммиссіи, останется теперь по-прежнему, le même esprit révolutionnaire! вскрикнула Ольга Елпидифоровна.

Онъ наклонилъ только голову и слегка развелъ руками.

— Останется, можетъ быть... и даже вѣроятно, подтвердилъ Прытковъ, подымая вдругъ глаза и съ совершенно измѣнившеюся, уже бодрою интонаціей въ голосѣ,—но послѣднее слово все-таки не этимъ господамъ принадлежитъ. Положенія, которыя выработаются редакціонными коммиссіями, поступятъ въ Главный Комитетъ, а потомъ и въ Государственный Совѣтъ,—а тамъ мы еще увидимъ, какъ все это пройдетъ!...

Графъ молча поглядѣлъ на него и какъ бы недовѣрчиво и невесело повелъ губами.

Прытковъ мгновенно вскинулся и сталъ прощаться.

— Да, словно припомнилъ Наташанцевъ,—то, что̀ я сообщилъ вамъ сейчасъ, Петръ Владиміровичъ, не секретъ, сколько я понимаю, и въ настоящую минуту вѣроятно извѣстно всѣмъ, кого это интересуетъ, но я былъ бы обязанъ вамъ, если бы вы не говорили, что слышали это именно отъ меня...

Тотъ схватилъ его руку обѣими своими и опять притиснулъ къ лацкану своего вицмундира.

— И самому князю Алексѣю Ѳедоровичу не скажу, отъ кого узналъ, и ему не скажу, будьте покойны! загоготалъ онъ, надрываясь своимъ неизбѣжнымъ смѣхомъ;—прощайте, ваше сіятельство, прощайте, очаровательница!...

— Погодите, возгласила она,—я васъ не пущу прежде, чѣмъ вы мнѣ не дадите слова извѣстить меня двумя словами, какъ только узнаете, кто будетъ назначенъ на мѣсто Ростовцова. Вы знаете, что графъ Леонидъ Александровичъ и я—могила!...

— Вамъ очень хочется знать первой?

— Да, очень.

— Ну хорошо, извѣщу!

— Слово?

— Слово.

Онъ исчезъ.

— Quel monsieur impossible! тутъ же свысока проговорила по его адресу Ольга Елпидипоровна и, обращаясь къ своему поклоннику:—Et vous, cher, какъ вы милы, что пріѣхали сегодня раньше обыкновеннаго! проговорила она, озирая его изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ долгимъ, проницающимъ взглядомъ.

Онъ въ свою очередь засіялъ счастіемъ, осторожно продѣлъ подъ локоть ея руку и, приникнувъ къ ней губами, съ наклоненною головой, медленно повелъ „очаровательницу“ въ гостиную.

II.

En vérité les gens d'un mérite sublime
Entraînent de chacun et l'amour et l'estime;
Et le vôtre, sans doute, a des charmes secrets
Qui font entrer mon coeur dans tous vos intérêts.
Molière. *Le Misanthrope.*

Menschen sind schwimmende Töpfe, die sich an einander stossen.
Göthe.

Графу Леониду Александровичу Наташанцеву было далеко за пятьдесятъ, но онъ казался, да и самъ чуствовалъ себя, гораздо моложе своихъ лѣтъ, и могъ не въ шутку еще нравиться инымъ умнымъ и слегка экзальтированнымъ женщинамъ... Его *точеныя* черты, бѣлые какъ лунь волосы, при живыхъ черныхъ и, какъ говорится, „въ душу просящихся" глазахъ, давали всему характеру его наружности подобіе тѣхъ изящныхъ пастелевыхъ портретовъ, которые аристократическій XVIII вѣкъ завѣщалъ, словно въ насмѣшку, грубому равенству нашихъ поколѣній... Самъ онъ по воспитанію, по вкусамъ, по пріемамъ какъ бы еще принадлежалъ къ тому вѣку. Въ немъ сохранялся послѣдній запахъ того стариннаго тонкаго *грансеніорства* съ его неуловимымъ, но неотразимымъ обаяніемъ, самое понятіе о которомъ отойдетъ въ область миѳовъ для нашихъ внуковъ... Умъ его былъ не глубокъ, сила характера не велика, но онъ былъ одаренъ рѣдкимъ тактомъ, необычайною чуткостью и почти женскою впечатлительностью сердца, которую сознавалъ въ себѣ, отъ которой въ теченіе всей своей жизни старался остеречься и

которая всегда брала въ немъ верхъ надо всѣми доводами его разума. Отношенія его къ женщинамъ отличались совершенно рыцарскимъ, чтобы не сказать сентиментальнымъ оттѣнкомъ, источникъ котораго слѣдовало искать въ герояхъ романовъ госпожъ Cottin, de Duras и de Souza, во впечатлѣніяхъ, навѣянныхъ ему литературой и духомъ эпохи его первой молодости. Вертеръ и *Le dernier des Abencerages* Шатобріана—двѣ книги, скажемъ мимоходомъ, съ которыми никогда не разставался Наташанцевъ и которыя онъ перечитывалъ *каждую весну*,—пробуждали въ немъ и теперь то же мечтательное и сладкое волненіе, какимъ наполняли они его въ тѣ минувшіе годы „грезъ первоначальныхъ"...

Съ Ольгой Елпидифоровной онъ былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ, но долго держался насторожѣ, ограничиваясь тѣмъ поверхностнымъ, ни къ чему не обязывающимъ ухаживаніемъ, безъ котораго какъ бы никому не было мѣста въ ея салонѣ. Она ему сильно нравилась, но онъ долго не довѣрялъ ни ей, ни себѣ,—не допускалъ, „чтобъ она могла *понять его и избрать*", боялся и собственнаго „*неразумнаго* увлеченія *такою особой*". Затѣмъ онъ незамѣтно сталъ относительно ея въ положеніе друга, *оберегателя*, тонко и осторожно стараясь отстранить „*опаснѣйшихъ*" изъ ея обожателей... Но онъ былъ уже такъ отуманенъ кипѣвшимъ въ немъ чувствомъ, что проглядѣлъ... или, можетъ-быть,—и на это, увы, бываетъ иногда способенъ влюбленный человѣкъ!—не хотѣлъ видѣть связь ея съ Троекуровымъ... Когда послѣ его телеграммы къ ней въ Москву она вернулась въ Петербургъ и передала ему о своемъ разрывѣ съ мужемъ, вслѣдствіе-де его „грубаго нрава и невоспитанности, которые она, *никому до сихъ поръ не говоря о своихъ тайныхъ слезахъ*, имѣла молъ терпѣніе переносить девять лѣтъ сряду", вслѣдстіе его „сумасшедшей, *ничѣмъ серіознымъ неоправдываемой* ревности",—Наташанцевъ ей слѣпо повѣрилъ и положилъ тутъ же въ душѣ своей „замѣнить, насколько будетъ въ его силахъ, все, чѣмъ судьба обездоливала до сихъ поръ это прелестное созданіе,—cet être adorable, si merveilleusement doué et si digne d'un meilleur sort!"...

Ольга Елпидифоровна поняла это съ самыхъ первыхъ словъ, произнесенныхъ имъ въ ея утѣшеніе, — поняла, что „этотъ человѣкъ *весь ея* съ этой минуты“... Смутное чаяніе, возникшее въ ея головѣ при полученіи его депеши, и на которомъ она со свойственною ей смѣлостью *порѣшила* съ мужемъ, становилось для нея теперь несомнѣнною дѣйствительность. Она кинулась всѣмъ существомъ въ эту нежданно открывавшуюся предъ нею дверь лучезарнаго будущаго...

Они почти не разставались за границей... Графъ былъ вдовъ, занималъ очень важную по іерархіи, но не обременительную придворную должность, былъ поэтому полный хозяинъ своего времени. Онъ вернулся въ Россію только за двѣ недѣли до нея, и то „для избѣжанія разговоровъ“. Волна любви—той „послѣдней любви“, о которой сказано поэтомъ *): „ты и блаженство, и безнадежность“, — уносила его все далѣе и далѣе отъ надежныхъ береговъ старческаго благоразумія...

Въ первый разъ еще въ жизни испытывала въ свою очередь Ольга Елпидифоровна то чувство, которое наполняло ее въ настоящую пору. Страсть такого человѣка, какъ Наташанцевъ, и льстила ей, и подымала ее въ собственныхъ глазахъ, и налагала на нее цѣпи, которыхъ никогда не знала она до сихъ поръ и которыя несла теперь съ невыразимою радостью. Она понимала, она должна была *заслужить* то, что обѣщала ей эта страсть, эта безграничная привязанность; ей надобно было поставить себя на ту ногу, завоевать себѣ ту степень *респектабельности*, при которыхъ честолюбивыя цѣли ея могли бы быть достигнуты, не возбуждая слишкомъ отчаянной оппозиціи, не вызывая слишкомъ бѣшеныхъ криковъ. Природный инстинктъ подсказывалъ ей то, до чего додумалась великая мысль Гёте: „Wer will grosses leisten, der muss sich beschränken wissen“. Ольга Елпидифоровна *ограничивала*, *собирала* себя, сосредоточиваясь въ ожиданіи той минуты, когда новымъ, невидимымъ еще свѣтомъ, должна была уже во всѣ стороны заблестѣть ея счастливая звѣзда... Она пере-

*) Тютчевъ.

воспитывала себя въ постоянномъ обществѣ Наташанцева, прилежно изучала его пріемы, его изящно небрежную рѣчь, пошибъ и складъ его сужденій. „Mésalliance, конечно“, признавалась она себѣ, — „но чтобы ни въ какомъ уже случаѣ не mésalliance d'éducation. А тамъ все забудутъ!“... Пылкость, самолюбіе и льстивый туманъ надеждъ застилали предъ ней безпощадную и вѣковѣчную истину: люди никогда не забываютъ того, что̀ они не хотятъ позабыть....

По возвращеніи ея въ Петербургъ замѣченная въ ней наружная перемѣна возбудила, какъ мы уже знаемъ, удивленіе и толки во всемъ обширномъ кругѣ ея знакомыхъ. Перемѣна отозвалась и на самыхъ отношеніяхъ ея къ этому кругу. Ольга Елпидифоровна сочла необходимымъ „épurer son salon“, очистить его отъ непригодныхъ плевелъ и окончательно изгнать изъ него тотъ тонъ веселаго балагурства и легкой скабрёзности, который до этого времени примѣшивался здѣсь ко всякому разговору, хотя бы даже самаго серьезнаго свойства. Юное офицерство, толпившееся нѣкогда у нея, и тѣ, подобныя ей самой, дамы такъ-называемаго „втораго общества“, къ которымъ изъ „большаго“ ѣздятъ, когда онѣ хорошенькія, всѣ мужчины и ни одна почти женщина, блистали теперь здѣсь, какъ говорится, своимъ отсутствіемъ. „Невозможные“ господа въ родѣ Прыткова допускались еще сюда лишь въ силу своего служебнаго положенія и пользы, ожидаемой отъ нихъ тою „партіей“, которой Ольга Елпидифоровна, принимая въ серьезъ шуточныя слова, сказанныя про нее въ Михайловскомъ дворцѣ, почитала себя теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь „madame Roland“.

Она принимала горячо къ сердцу интересы этой своей „партіи“, ужасно волновалась кипѣвшими кругомъ ея мрачными слухами о томъ, что „всѣ эти Линютины, Бековичи и К° veulent amener un quatre vingt-treize en Russie“, и весьма краснорѣчиво доказывала, повторяя слова ходившей тогда по рукамъ весьма рьяной записки одного камергера (отставленнаго за составленіе ея отъ службы и недавно сосланнаго въ дальнюю губернію), что „толпѣ обѣщаютъ отдать на добычу чужую собственность“ и что русское дворянство этого никакъ

допустить не должно... О такой ея пламенной преданности „à la bonne cause“ заговорили серьезно въ свѣтскомъ Петербургѣ. Въ противоположномъ лагерѣ посыпался по ея адресу градъ раздраженныхъ насмѣшекъ (лагерь этотъ въ свою очередь не щадилъ своихъ противниковъ). Ольгу Елпидифоровну позвали за то на балъ въ два-три „maisons huppées“, двери которыхъ закрыты были для нея до сихъ поръ... Графъ Наташанцевъ (предстательству котораго въ сущности одолжена она была этими приглашеніями,) радовался ея успѣху на этихъ балахъ, любовался горячностью ея „консервативныхъ“ рѣчей, но какъ бы всколзь напоминалъ ей по этому поводу, что „prudence est mère de sûreté!“...

Самъ онъ не волновался, онъ скорбѣлъ... Онъ признавалъ себя „Европейцемъ“, да и по натурѣ своей былъ весьма человѣколюбивый, великодушный и образованный человѣкъ,— онъ самыхъ юныхъ лѣтъ и самымъ искреннимъ образомъ желалъ „свободы Русскому народу“. Но то, какъ „la question a été emmanchée“, говорилъ онъ, пугало его. Вопросъ для него вовсе не состоялъ въ тѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованіяхъ, которыя при этой „свободѣ“ долженъ былъ понести владѣльческій классъ въ Россіи; лично онъ готовъ былъ и на гораздо бо̀льшія жертвы на пользу дѣла, которое называлъ святымъ, „une cause sainte“. Но тотъ способъ, какимъ руководились при разрѣшеніи его, казался Наташанцеву гибельнымъ для всего русскаго будущаго. „Я ничего не понимаю“, говорилъ онъ, „à toutes ces questions de надѣлъ, de пользованіе, de выкупъ; крестьянину, comme de raison, нужна земля, и я безо всякаго выкупа дамъ ему ее, и гораздо больше даже, чѣмъ ces messieurs могутъ придумать, mais il faut, подчеркивалъ онъ, *que nous restions les seigneurs de nos paysans*“. У него было какое-то свое, феодально-патріархальное представленіе объ этомъ предметѣ, отъ котораго онъ не отступалъ: онъ не понималъ крестьянина безъ *барина*,—безъ хорошаго, „настоящаго“ барина, какимъ онъ былъ самъ (крестьяне его дѣйствительно благоденствовали), — руководителя, воспитателя, судьи, и — это было въ глазахъ его главное,— оберегателя темнаго мужика отъ „этой lèpre odieuse du чи-

новничество, которое и такъ у насъ все захватило"... „Faites des lois sévères", доказывалъ онъ, „противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые вздумали бы злоупотреблять своею патримоніальною властью, но не лишайте народъ его естественныхъ покровителей. Вы отымете дворянство у народа и—что̀ дадите на его мѣсто? un самоуправленіе, c'est à dire un кабакъ en permanence, ou bien toujours le même omniscient, omnipotent et вездѣсущій чиновникъ, cet affreux тараканъ, расплодившійся на нашей русской землѣ! А само дворянство, qu'en ferez vous?—лишнихъ dans la hiérarchie sociale людей и слѣдовательно враговъ de ce Trône, котораго отцы ихъ и прадѣды были самые преданные слуги, ou une bourgeoisie sans traditions, envieuse de lucre et de pouvoir, comme en France, то-есть тѣхъ-же опять ennemis nés du само-дер-жа-віе, произносилъ онъ по складамъ,—hors lequel point de salut въ Россіи".

„Насъ ждетъ toute une révolution sociale", печально вздыхалъ Наташенцевъ въ интимныхъ бесѣдахъ своихъ съ предметомъ его страсти... Онъ предвидѣлъ всѣ послѣдствія такой революціи: внезапный разгромъ цѣлаго, сложившагося вѣками, общественнаго строя, наплывъ чуждыхъ, невѣдомыхъ Россіи элементовъ броженія и недовольства, смуту въ умахъ, разоренія, „une mauvaise carricature de l'Europe вмѣсто нашей доброй старой матушки, святой Руси, comme Dieu l'a faite!.." „Не все было хорошо dans cette bonne matouschkà, сознавался онъ, но вѣдь жилось же, и хорошо, многимъ очень хорошо жилось en commençant par mes paysans. Лучше-ли имъ будетъ... да и кому будетъ лучше, когда все прошлое, а съ нимъ de glorieux souvenirs et tout ce qu'a créé l'esprit national, особенный духъ нашего народа, сметутъ съ лица земли и замѣнятъ какимъ-то mauvais échafaudage libéral à l'instar de l'ètranger?"... Странное дѣло, этотъ старый царедворецъ и „Европеецъ", не умѣвшій сложить русской фразы безъ примѣси французскихъ словъ, какимъ-то прирожденнымъ чутьемъ своей народности возмущался болѣе всего опасеніемъ, что перестроенію всей русской жизни будетъ недоставать въ самомъ корнѣ самобытнаго, „особеннаго" русскаго духа!..

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ переживалъ въ тѣ

дни свой трагическій кризисъ... Депутаты „перваго призыва", приглашенные во второй половинѣ 1859 года для совѣщаній по этому вопросу, разъѣхались въ началѣ зимы изъ Петербурга въ самомъ раздраженномъ состояніи [1]). „Петербургскія власти" не имѣли, говорили они, никокого основанія сомнѣваться въ ихъ горячемъ желаніи содѣйствовать благимъ начинаніямъ Государя. Они пріѣхали съ искреннѣйшимъ намѣреніемъ доказать это на дѣлѣ. На милостивое обращеніе къ нимъ Его Величества, при пріемѣ ихъ въ Царскомъ Селѣ [2]), на которомъ произнесены были Государемъ знаменательныя слова: „Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда былъ еще Наслѣдникомъ, гордился и горжусь этимъ и теперь" [3]), одинъ изъ нихъ [4]) прямо объяснилъ даже, что „дворянство готово на жертвы, хотя бы онѣ простирались и до трети ихъ состоянія", и уже самъ Государь изволилъ выразить, что „Онъ не требуетъ такихъ значительныхъ жертвъ и желаетъ, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ"... А между тѣмъ ихъ, представителей *дворянства*, отстранили отъ этого дѣла, имѣвшаго рѣшить всю будущность ихъ сословія. „Они, конечно, вовсе не воображали быть повѣренными отъ земли на совершеніе, обще съ правительствомъ, великаго дѣла уничтоженія крѣпостнаго состоянія, но они никакъ не думали, чтобъ ихъ призвали въ С.-Петербургъ, *чтобы сидѣть каждому на своей квартирѣ, отвѣчать на заданные вопросы и представлять справки*" [5]). Они почитали себя „законно въ правѣ" надѣяться, что голоса ихъ выслушаются въ высшемъ учрежденіи, назначенномъ Государемъ для разрѣшенія вопроса объ освобожденіи [6]), и не по отдѣльнымъ только вопросамъ, но „вообще по существу

---

[1]) *Матеріалы для ист. упразд. крѣп. состоянія въ Россіи.* Берлинъ 1860—1861.

[2]) 4 сентября 1859.

[3]) *С.-Петерб. Вѣдом.* 1859, № 164.

[4]) Воронежскій предводитель, князь Гагаринъ.

[5]) *Депутаты и редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу.* Лейпцигъ 1860. Брошюра, написанная однимъ изъ этихъ депутатовъ.

[6]) Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, учрежденный 8 января 1858 года.

крестъянскаго положенія", а имъ самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещено было „касаться общихъ началъ" *); совѣщаніямъ ихъ между собой не дозволили „имѣть офиціальнаго характера"; отняли у нихъ всякую инициативу, даже ихъ названіе *депутатовъ*, замѣнивъ его обозначеніемъ „членовъ губернскихъ комитетовъ"; заставили, какъ школьниковъ, отвѣчать на вздорные детальные пункты, какіе вздумала предложить имъ редакціонная коммиссія, составленная изъ „бюрократовъ", исполненныхъ-де „самыхъ крайне-демократическихъ и враждебныхъ дворянству убѣжденій", назначивъ имъ для отвѣтовъ такой короткій срокъ, который дѣлалъ невозможнымъ какое-либо общее выраженіе и соглашеніе... Они почитали себя, а въ лицѣ ихъ и все сословіе, ихъ избравшее, обманутыми „бюрократіей", униженными подначальною ролью, въ которую поставили ихъ въ отношеніи въ коммиссіи, глубоко оскорбленными „недовѣріемъ", которое оказано имъ было вообще правительствомъ.

Съ такими сѣтованіями, упреками и обвиненіями вернулись эти представители дворянства въ свои губерніи. Во многихъ изъ этихъ губерній готовились выборы. Они были вообще шумны съ самой той минуты, когда правительствомъ возбужденъ былъ крестьянскій вопросъ. Явилось опасеніе, что разсказы о горькихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ депутатами изъ Петербурга, придадутъ имъ еще болѣе острый характеръ... Циркуляръ министра внуреннихъ дѣлъ **) извѣстилъ нежданно дворянство всей Россіи, что оно „на собраніяхъ своихъ отнюдь не должно входить ни въ какія сужденія по предметамъ, вообще касающимся крестьянскаго вопроса".

Лѣкарство оказалось хуже болѣзни. На выборахъ заволновались, заголосили... Изъ Петербурга отвѣчали молчаніемъ, отказомъ или удаленіемъ предводителей отъ должности на получаемые отъ дворянства адресы и прошенія... ***)

---

*) *Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія*, Ст. Н. П. Семенова, *Русск. Вѣстн.* 1867.

**) Въ ноябрѣ 1859.

***) Отъ рязанскаго, ярославскаго, орловскаго, владимірскаго, тверскаго. *Мат. для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи.*

Политическая рознь,—явленіе, невиданное до тѣхъ поръ на Руси,—проникала теперь во всѣ углы ея... Частные люди и служащіе, сановныя лица и вѣдомства — избранные органы и слуги одной и той же высшей, самодержавной власти,— раздѣлились на два лагеря, мгновенно возненавидѣвшіе другъ друга съ ожесточеніемъ, свойственнымъ лишь какой-либо наслѣдственной, племенной враждѣ... „Прогрессисты", какъ выражалась тогдашняя журнальная публицистика, обзывали „*плантаторами*" ревнителей „сословныхъ привиллегій"; „дворянская партія" въ свою очередь клеймила недруговъ своихъ прозвищемъ „соціалистовъ". Вражда усиливалась отъ недоразумѣній, отъ бабьихъ сплетенъ и постыдныхъ клеветъ. Самомнѣніе „передоваго" канцеляризма и личныя честолюбія съ одной стороны, угрожаемые интересы и оскорбленныя самолюбія съ другой—вели каждый день въ стѣнахъ казенныхъ зданій и въ салонахъ Петербурга неустанную мелкую борьбу взаимныхъ обличеній, презрительныхъ надмеваній и смѣхотворныхъ другъ про друга „анекдотцевъ"... Смыслъ великаго дѣла терялся въ тинѣ всякихъ личныхъ счетовъ и дрязгъ...

Неслыханнымъ нареканіямъ подвергался прежде всего человѣкъ, поставленный высшимъ довѣріемъ во главу этого дѣла... Онъ служилъ мишенью для ударовъ со всѣхъ сторонъ. „Дворянская партія" видѣла въ немъ лютаго себѣ врага. *Колоколъ*—эта гроза и Алкоранъ той поры—громилъ и пятналъ въ то же время имя его чуть не въ каждомъ своемъ листкѣ. Въ самой средѣ ближайшихъ его пособниковъ относились о немъ нѣкоторые небрежно или свысока; онъ слылъ у нихъ подъ кличкой „Капитана", *) угодникомъ и честолюбцемъ... Нелицепріятная исторія заговоритъ иначе объ этомъ человѣкѣ; она воздастъ ему подобающую честь и хвалу за великую заслугу его предъ родиной... Возложенной на него задачѣ онъ отдалъ всю душу свою... и жизнь. Желчная болѣзнь, прямое послѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ, заботъ и душевнаго огор-

*) О несочувственныхъ къ нему отношеніяхъ этихъ лицъ свидѣтельствуетъ лучше всего отзывъ о немъ въ упомянутыхъ изданныхъ за границей *Матеріалахъ для упр. кр. сост.* (Выпускъ I, стр. 380), происхожденіе которыхъ изъ ихъ среды не подлежитъ, кажется, сомнѣнію.

ченія, уложила его въ постель. *Задача* не дала ему ни времени, ни нужныхъ силъ бороться съ недугомъ. Онъ волновался ею сердцемъ на самомъ порогѣ могилы *), — и угасъ, повторяя еще въ предсмертномъ бреду: „Государь, не бойтесь!..“

Должно-ли было это дѣло его погибнуть вмѣстѣ съ нимъ? Оттянется-ли оно на неопредѣленный срокъ? Успѣютъ-ли „крѣпостники“ вырвать его у „бюрократовъ“ и „соціалистовъ?“ Кто станетъ теперь во главѣ его, кто замѣнитъ это лицо, сильное положеніе котораго не въ силахъ были сломить самые высокопоставленные противники его воззрѣній?

Вопросы эти стояли теперь у каждаго на устахъ и въ мысли. Въ канцеляріяхъ били тревогу; свѣтскія гостиныя ликовали...

— Это развѣ очень важно по-вашему, его предсмертная записка? спрашивала въ гостиной, усаживаясь въ глубокое кресло, Ольга Елпидифоровна Ранцова: — expliquez moi cela, cher.

Наташанцевъ не успѣлъ отвѣтить.

— Графъ Шепелевъ, генералъ-графъ Анисьевъ! доложилъ слуга.

Она чуть-чуть повела бровью и вопросительно поглядѣла на своего собесѣдника.

— Конечно, примите! изобразилъ онъ движеніемъ головы и какъ бы благодарно улыбаясь ей за этотъ нѣмой вопросъ.

— Проси!

---

*) 1 февраля утромъ, Яковъ Ивановичъ приказалъ настойчиво послать за княземъ Черкасскимъ. Когда послѣдній и завѣдывавшій дѣлами (П. П. Семеновъ) вошли къ нему, онъ сказалъ: „Вотъ цѣлый мѣсяцъ, князь, какъ я не видалъ васъ, по возвращеніи вашемъ изъ Москвы. Въ это время я былъ безъ силъ; теперь я чувствую силы и долженъ поговорить съ вами“. Затѣмъ онъ повелъ бесѣду о работахъ коммиссій, сначала шопотомъ, потомъ внятно; онъ спрашивалъ: „Увѣрены-ли вы такъ же, какъ я, что обязательный выкупъ для правительства не возможенъ? Увѣрены-ли вы такъ же, какъ я, что срочно-обязанныя отношенія, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбѣжны?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ мы сдѣлали все, что могли только сдѣлать; совѣсть моя спокойна. Силы мои слабѣютъ, но одинъ только саванъ можетъ отдѣлить меня отъ крестьянскаго вопроса“. *Некрологъ Я. И. Ростовцова*, сост. Ѳ. Еленевымъ 19 февраля 1860 года, стр. 19.

Оба они были люди лѣтъ сорока, оба красивы, оба занимали видныя положенія: Анисьевъ по служебной должности (онъ недавно былъ назначенъ на нее изъ губернаторовъ), — Шепелевъ, или, какъ прозывали его друзья, „Chou-Paul“, по выборамъ.

— Eh bien, c'est fini! молвилъ входя первый изъ нихъ, предупредительно раскланиваясь съ Наташанцевымъ и подавая съ особенною любезностью руку хозяйкѣ.

— Вы были на панихидѣ? спросила она.

— Само собою, по обязанности... Но если это можетъ васъ утѣшить, промолвилъ Анисьевъ со своею особенною улыбкой, — я могу вамъ сообщить, что и графъ Игловъ-Савловъ былъ тамъ, и громко всѣмъ выражалъ свою горесть о понесенной отечествомъ утратѣ.

— Не можетъ быть! вскрикнула Ранцова:—послѣ его знаменитаго письма къ покойному, которымъ отъ такъ хвалился намъ и напечаталъ въ Парижѣ!...

— Et dont on a été fort mécontent, протянулъ многозначительно Наташанцевъ.

— Malheureusement! быстро проговорила она,—но это не мѣшаетъ, что онъ высказалъ въ немъ des choses très dures, но совершенно справедливо, насчетъ самовластныхъ дѣйствій Ростовцова, который со своими Линютными et compagnie долженъ былъ только сдѣлать сводъ изъ того, что̀ постановили комитеты въ провинціяхъ, а никакъ не выдумывать своего положенія... N'est-ce pas, comte?—обратилась она къ Шепелеву, который не то угрюмо, не то устало опустился въ кресло насупротивъ ея и молча глядѣлъ на нее бархатно-нѣжными и какъ-бы упрекающими глазами (онъ ревновалъ ее къ Наташанцеву).

Онъ утвердительно повелъ головой на ея вопросъ.

— Да, но вы слышали, что̀ сказалъ сейчасъ графъ Леонидъ Александровичъ, продолжалъ Анисьевъ:—эти „choses dures“ очень не понравились...

— Такъ вы думаете, что онъ это pour rentrer en grâce?... Предоставляю вамъ заключить...

— Mon Dieu, mon Dieu! Человѣкъ такой богатый, si ari-

stocrate, en paroles... Для чего это ему?...—И Ольга Елпидифоровна подняла глаза къ небу.

Анисьевъ, прикусивъ усъ, иронически поглядѣлъ на нее:

— La grande propriété—ваша надежда, а?...

Шепелевъ поморщился. Наташанцевъ опустилъ глаза и тихо вздохнулъ.

— Вы рѣшительно сдѣлались краснымъ въ вашей губерніи! сказала досадливо хозяйка Анисьеву.

— Повозились-бы вы тамъ съ *бѣлыми*, весело возразилъ онъ,—пунцовымъ можно сдѣлаться!...

Она обратилась опять къ Шепелеву:

— И вы не знаете, кто же на мѣсто покойнаго?

— Графъ Сергѣй Северовъ, on dit.

— Онъ не пойдетъ... да ему и не предложатъ, молвилъ негромко графъ Наташанцевъ.

— Это почему?

— Trop entier de caractère...

— Баронъ фонъ-Гагернъ, помѣщикъ Перстневъ! раздался въ дверяхъ голосъ слуги.

— Перстневъ, c'est précisément mon homme, сказалъ Шепелевъ хозяйкѣ:—депутатъ, про котораго я вамъ говорилъ. Très intelligent, промолвилъ онъ.

— Ахъ, да, я очень рада... Проси!

Баронъ фонъ-Гагернъ, Остзеецъ, когда-то товарищъ графа Наташанцева по конной гвардіи, высокій, сухой старикъ съ лоснившеюся до затылка кирпичнаго цвѣта лысиной и съ сѣдыми усами, подчесанными кверху, держалъ себя чрезвычайно прямо, чинно и щеголевато, какъ и приличествовало прибалтійскому феодалу и бывшему кавалеристу. Онъ въ прошломъ году выдалъ одну изъ дочерей своихъ, фрейлину, за сына Наташанцева, и почиталъ нужнымъ, снисходя къ слабости стараго „камрада и нынѣ родственника“, не оставлять своимъ вниманіемъ и „прекрасную даму его сердца“.

Перстневъ, степнякъ и крѣпышъ, съ ворохомъ взъерошенныхъ полусѣдыхъ волосъ на головѣ, высунутою впередъ челюстью и острыми, умными глазами, надъ которыми непродорнымъ кустарникомъ висѣли густыя темныя брови, глядѣлъ

на первый разъ циникомъ и нелюдимомъ. Но это первое впечатлѣніе, какъ только онъ отворялъ ротъ, оказывалось совершенно ошибочнымъ: онъ былъ ужасный болтунъ.

— Очень рада съ вами познакомиться, говорила Ранцова, протягивая ему руку, между тѣмъ какъ другую галантно подносилъ къ устамъ своимъ баронъ фонъ-Гагернъ:—графъ Шепелевъ вотъ говоритъ о васъ, какъ о...

— Какъ о товарищѣ въ будущихъ бояхъ противъ нашихъ Сенъ-Жюстовъ и Бабефовъ, не далъ ей договорить онъ:—такъ оно точно. Да много-ли поораторствовать-то намъ дадутъ? Вѣдь у нихъ тамъ, говорятъ, на Васильевскомъ Острову *) не совѣщанія-съ, а экзамены происходятъ: сидятъ это учителя и наставники—господа все изъ здѣшнихъ министерій—и предлагаютъ темы для упражненія въ прекрасномъ слогѣ, а практики—помѣщики, избранные русскимъ дворянствомъ, обращенные въ школьниковъ, строчатъ на эти темы, спины не разгибая, чтобы къ сроку не опоздать, а то и вовсе съ экзамена, изъ Петербурга то-есть, прогонятъ.

Кругомъ засмѣялись.

— Позвольте познакомить васъ съ... и хозяйка переименовала ему своихъ гостей.

Онъ неловко раскланивался и пожималъ протянувшіяся къ нему руки...

— Я сосѣдъ вашему сіятельству по Чембарскому уѣзду, началъ онъ опять, обращаясь къ Наташанцеву:—мужики-то у васъ тамъ отъ чая да пшеничнаго хлѣба эвотъ какъ отъѣлись, тузы тузами, и не подходи!...

— Да, имъ жить, кажется, не дурно, усмѣхнулся въ отвѣтъ графъ.

Баронъ Гагернъ степенно усмѣхнулся тоже:

— Ну, я полагаю, такихъ мужиковъ, которые каждый день чай попиваютъ и *булки* ѣдятъ, немного въ Россіи?

Перстневъ живо обернулся на него:

— А въ Курляндіи много ихъ, господинъ баронъ?

---

*) Редакціонныя коммиссіи, какъ извѣстно, собирались въ зданіи бывшаго 1-го Кадетскаго корпуса, на набережной Вас. Острова.

Тотъ нахмурился:

— У насъ земледѣлецъ давно свободный есть; помѣщикъ не отвѣчаетъ за него.

— А землѝ у него своей нѣтъ, у земледѣльца у вашего? промолвилъ ему въ тонъ степнякъ.

— Онъ можетъ нанимать у *помѣщикъ* и даже покупать...

— А отдавать ему вашу землю даромъ васъ никто не принуждаетъ?

— Я полагаю, строго протянулъ Гагернъ, медленно проводя рукой по усамъ и изподлобья глядя на своего собесѣдника,—что никто не думаетъ отымать у насъ наши *привиллэгіи*.

— О, на этотъ счетъ будьте покойны! желчно отрѣзалъ Перстневъ,—никто васъ никогда не тронетъ, ни вашихъ „привилегій", ни вашей земли! Съ *нами* все это можно, а съ вами нельзя... Вы настоящее *сословіе*, вы—*рыцарство*, а мы... намъ, представителямъ дворянства, господа эти отъ министерій чуть ужь не прямо теперь въ глаза плюютъ...

— Ну, какъ это возможно! возгласилъ баронъ.

— Очень просто-съ. А вы объ этомъ не слыхали? уже шипѣлъ степной депутатъ:—когда товарищей нашихъ перваго призыва пригласили въ коммиссію въ первое засѣданіе *), прочли имъ вопросные пункты и строжайшую инструкцію, чтобы ни о чемъ другомъ не смѣли они разсуждать помимо этихъ пунктовъ, вышли они оттуда, вы понимаете, какъ въ воду опущенные, уничтоженные, можно сказать... А господинъ Линютинъ имъ вслѣдъ кулакъ показалъ. „Что̀, завопилъ, воображаете себя представителями *націи*, а васъ лишь спрашиваютъ то или другое свѣдѣніе; отвѣтили и—убирайтесь къ чорту!"...

— Ну, можетъ-ли это быть! даже весь вспыхнулъ Остзеецъ, поводя кругомъ себя вопросительнымъ взглядомъ.

Анисьевъ иронически улыбался. Остальные молчали, опустивъ глаза.

---

*) 25 августа 1859 года.

— Генералъ Базанкуръ!... Господинъ Риччи!... Господинъ Чижевскій! произнесъ слуга одно имя за другимъ.

— Vous savez? первымъ дѣломъ спросилъ высокій, благообразный, похожій на барона Гагена, по нерусскому типу наружности, генералъ, поцѣловавъ руку хозяйки и обводя кругомъ общимъ поклономъ.

— Quoi?

— Le remplaçant de Ростовцовъ?

Все обернулось къ нему, все крикнуло:

— Кто же, кто?

— Моравовъ, le ministre des domaines.

— Въ самомъ дѣлѣ? Откуда вы знаете?

— De très bonne source, подчеркнулъ Базанкуръ: — онъ вчера представилъ записку о необходимости освобожденія государственныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ помѣщичьими и ввернулъ въ нее entr'autres, что государственныя имущества могутъ дать шестьдесятъ милліоновъ для выкупной операціи. Vous comprenez qu'un homme qui vous offre soixante millions pour vous tirer d'embarras...

— И который не „красный", замѣтилъ Анисьевъ, насмѣшливо глядя на Ольгу Елпидифоровну.

— Совсѣмъ напротивъ, слава Богу! воскликнула она. — Какъ я рада, какъ я рада!...

— Un homme d'esprit! кивнулъ одобрительно графъ Наташанцевъ.

— Et tout d'une pièce! промолвилъ Шепелевъ.

— Имѣю честь знать, сказалъ въ свою очередь Перстневъ, скаля зубы и потирая руки отъ удовольствія,—баринъ этотъ съ редакціонными коммисіями, полагаю, много разговаривать не станетъ.

Общій сочувственный смѣхъ отвѣчалъ на эту выходку.

— Moi z'ai (j'ai) entendu autre sose (chose), вмѣшался въ разговоръ сѣдовласый Риччи, композиторъ, учитель пѣнія и любезный человѣкъ, принадлежавшій къ числу „паричковъ" хозяйки дома:—z'ai vu auzourd'hui (aujurd'hui) quelqu'un qui m'a dit que le ministre de l'intérieur, Danskoi, avait presenté

une zapiska à Sa Mazesté (Majesté) et que c'est lui qui remplacerait le zénéral défunt.

— Un vieux ramolli! вскрикнула нѣсколько испуганно Ольга Елпидифоровна: — это значитъ опять Липютинъ, Соловейкинъ, tout le fond du panier?

Чижевскій, служившій помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, заговорилъ въ свою очередь:

— Меня сегодня увѣряли, что ни Данской, ни Моравовъ, а будетъ назначенъ министръ путей сообщеній Чевыкинъ...

— Ce méchant bossu? перебила его Ранцова.

— Да... и что-то очень похоже на это: онъ сегодня потребовалъ къ себѣ товарища моего по службѣ, Жукова, который непремѣнный членъ въ редакціонной коммиссіи, и очень долго его разспрашивалъ о *ея* трудахъ... Онъ также представилъ спеціальную записку по вопросу. освобожденія...

— Современный турниръ, сострилъ Перстневъ: — рыцари копьями вышибали другъ друга изъ сѣдла, а наши министры выковыриваютъ другъ друга записками... О чемъ же именно, не изволите знать, записка генерала Чевыкина?

— О необходимости пересмотра остзейскаго крестьянскаго положенія.

Баронъ Гагернъ даже привскочилъ на своемъ стулѣ.

— Pardon, monsieur, вы это знаете какъ... *вѣрное?* обратился онъ къ Чижевскому съ судорожно заходившимъ лицомъ.

— Я, разумѣется, записки не читалъ, отвѣчалъ тотъ съ полуусмѣшкой,—но имѣю основаніе думать, что она дѣйствительно представлена...

— Но это невозможно... невозможно совсѣмъ, забормоталъ баронъ, поспѣшно вставая съ мѣста.

Онъ торопливо пожалъ руку хозяйкѣ, кивнулъ разсѣянно остальнымъ и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной.

Оставшіеся переглянулись съ невольною улыбкой.

— Да-съ, сказалъ Перстневъ,—вотъ эти господа умѣютъ стоять за себя... И отстоятъ, бояться за нихъ нечего!...

— Европейцы! коротко проговорилъ на это Шепелевъ.

— Да что вы думаете, графъ, вскинулся тутъ же слово-

охотливый степнякъ,—если бы насъ, варваровъ, поставили въ тѣ же условія, въ какихъ...

— Я къ вамъ только на полминуты, ma chère, перебилъ его рѣчь голосъ показавшейся въ дверяхъ довольно тучноватой, но очень живой дамы, въ шляпѣ и мантильѣ и съ *дѣловымъ* портфелемъ въ рукѣ (это была Варвара Петровна Мосягина, пользовавшаяся, какъ и графъ Наташанцевъ, правомъ входить во всякое время безъ доклада къ г-жѣ Ранцовой),—я и такъ ужь опоздала въ комитетъ... Bonjour, messieurs! послала она съ мѣста поклонъ поднявшимся при ея появленіи мужчинамъ, и вдругъ разсмѣялась и проговорила въ придачу изъ пѣсни о „Мальбрукѣ“:

La nouvelle que j'apporte
Fera pleurer vos beaux yeux...

— Quelle nouvelle? воскликнула, идя ей навстрѣчу, Ольга Елпидифоровна.

— У меня сейчасъ была Нелли Новицкая, прямо изъ Михайловскаго дворца; ей тамъ сказали, что назначеніе Линютина рѣшено.

— Куда?

— На мѣсто Ростовцова.

Произошло настоящее смятеніе. Все устремилось къ ней...

— Вы шутите?

— Не можетъ быть!

— Quelle infamie! взвизгнула Ранцова...

Перстневъ махнулъ отчаянно рукой по воздуху:

— Продамъ все, заберу семью и удеру въ Америку! Чтобъ уши мои не слышали, глаза не видали!...

— А затѣмъ прощайте! молвила тѣмъ временемъ Мосягина, оборачиваясь и уходя:—спѣшу...

— Куда же вы? погодите минутку, Варвара Петровна! кинулась за ней хозяйка.—Вы намъ ничего не успѣли обстоятельно разсказать, какъ это случилось и навѣрное-ли...

— Я ничего не знаю, кромѣ того, что̀ мнѣ сказали, и не спрашивайте!... Мнѣ очень жаль, что это васъ, милая, огорчаетъ (Варвара Петровна неожиданно охватила при этомъ

Ранцову за шею и звонко чмокнула ее въ щеку), но мои пріютскія сироты гораздо для меня дороже, чѣмъ всѣ ваши combinaisons politiques... Я personellement его даже очень люблю, Линютина... и Бековича тоже... Премилые оба et très drôles quand ils s'en mêlent... а я люблю посмѣяться... Прощайте!

— Позвольте мнѣ предложить вамъ руку до крыльца, любезно молвилъ ей Анисьевъ, взявъ свою каску и уходя за нею... Продольная морщинка стояла между его бровями: онъ былъ озабоченъ не вѣстью объ этомъ назначеніи Линютина,— а тѣмъ, что ему было еще не извѣстно объ этомъ, столь уже рѣшительно, повидимому, распространяемомъ „au palais Michel" слухѣ... Надо было сейчасъ же *провѣрить*.

— Très curieux! сказалъ, прощаясь въ свою очередь, генералъ Базанкуръ:—je vais aux informations.

— Напишите мнѣ сейчасъ же, когда узнаете что-нибудь положительно! потребовала отъ него Ольга Елпидифоровна.

— Vos désirs sont des ordres, madame! отвѣчалъ генералъ нѣжнымъ тономъ и заглядывая ей прямо въ глаза.

Онъ слегка вздохнулъ, замѣтивъ, что глаза эти совершенно нѣмы для него въ эту минуту, пережалъ всѣмъ руки и исчезъ.

— Venez diner chez moi après-demain, Ricci! какъ бы вспомнивъ вдругъ, сказала Ранцова.

Влюбленный Италіянецъ понялъ, что это приглашеніе на послѣзавтра означало: „а въ эту минуту ты здѣсь лишній". Вспышка досады изобразилась на его немолодомъ, но еще свѣжемъ и красивомъ лицѣ.

— Ze vous avais apporté oune (une) nouvelle romance de Gordigiani à santer (chanter), молвилъ онъ, подымая шляпу съ пола и медленно вставая со стула.

Она только головой кивнула.

— Sortons nous ensemble, monsieur Tzizewski? спросилъ онъ молодаго чиновника.—Уходить-молъ, такъ хоть не одному.

Чижевскій всталъ. Перстневъ шевельнулся въ своемъ креслѣ какъ бы съ тѣмъ же намѣреніемъ.

— Погодите! шепнула, наклоняясь къ нему, хозяйка.

Риччи сверкнулъ глазами по направленію Наташанцева и Шепелева, не трогавшихся съ мѣстъ (всѣ „парички“ Ольги Елпидифоровны страшно ревновали къ ней другъ-друга) и удалился съ Чижевскимъ.

Оставшись съ одними „серіозными людьми“, Ольга Елпидифоровна первымъ дѣломъ поставила имъ такого рода вопросъ:

— Неужели вы теперь, господа, не соединитесь крѣпко, не примете рѣшительныхъ мѣръ?... Une adresse à Sa Majesté, qne sais-je!... Вѣдь теперь съ Линютинымъ en tête это будетъ уже не то, что̀ дворянство болѣе или менѣе оберутъ; они уже, не церемонясь, прямо поведутъ à une révolution sociale, comme vous dites très bien, cher comte. — И она обернулась ко графу Наташанцеву.

— Такъ или иначе, cela en sera toujours une!... печально и тихо промолвилъ онъ на это.

— Въ Америку-съ, въ Австралію бѣжать только и остается! пропѣлъ отъ избытка волненія визгливымъ дискантомъ Перстневъ.

— Извѣстіе прежде всего требуетъ подтвержденія, замѣтилъ спокойнымъ тономъ графъ „Chou-Paul“; — я въ немъ очень сомнѣваюсь.

— Почему?

— Я, во-первыхъ, видѣлъ сегодня Линютина на панихидѣ, il n'avait pas l'air joyeux du tout...

— А фельдмаршалъ что̀ же? перебила его вдругъ Ранцова, глядя на него заискрившимися снова глазами:— говорили ему? Что̀ онъ сказалъ? Онъ такъ силенъ, близокъ... и съ нами однихъ мнѣній... Онъ можетъ объяснить, наконецъ, куда хотятъ вести Государя и Россію эти Прудоны въ вицмундирахъ.

— Le maréchal n'a que sa gloire en tête, отвѣчалъ недовольнымъ голосомъ „Chou-Paul“;—онъ взялъ Имама, прекратилъ вѣковую войну,—съ него довольно... Il s'est refusé à tout: „не мое дѣло“, говоритъ...

— И онъ правъ! какъ бы про себя пропустилъ Наташанцевъ.

— Никакой надежды, значитъ, не осталось! воскликнула

съ отчаяніемъ пылкая молодая женщина (она такъ вошла въ свою „политическую“ роль, что слезы дѣйствительно готовы были брызнуть изъ ея прекрасныхъ карихъ глазъ)...

Въ дверяхъ показался еще разъ слуга: онъ несъ письмо на серебряномъ подносѣ.

Ольга Елпидифоровна взглянула на адресъ, узнала руку Прыткова и съ судорожною поспѣшностью сорвала обложку.

На клочкѣ бумаги мельчайшимъ почеркомъ и безъ подписи начертаны были ровно девять словъ:

„По всѣмъ признакамъ, графъ Вилинъ. Сейчасъ потребованъ во дворецъ“.

— Браво, messieurs, браво! вся вспыхнувъ, вскрикнула Ольга Елпидифоровна, передавая письмо графу Наташанцеву:—Линютинъ à bas! Вилинъ будетъ, un grand seigneur, какого нужно было!...

— Графъ Вилинъ! повторилъ, всплеснувъ радостно руками, Перстневъ,—ну, значитъ, дѣло въ архивъ сдано! Онъ Василеостровскую компанію похоронитъ и камнемъ завалитъ.

— Чего онъ не похоронитъ, засмѣялся графъ Шепелевъ,—il est né croquemort!

— Я воображаю, какъ взбѣсится Герценъ, который называлъ его „трехполѣннымъ“, и всѣ наши „либералы“, молвила Ранцова, вторя его смѣху.

— Рано пташечка запѣла, неожиданно уронилъ графъ Наташанцевъ, улыбаясь своею тихою и тонкою улыбкой.

— Вы не вѣрите?

— Чему? A la nouvelle? Вѣрю. Въ остальномъ сомнѣваюсь.

Chou-Paul поднялъ на него свои бархатные глаза:

— Я не менѣе васъ, графъ, сомнѣваюсъ, чтобы изъ этого назначенія могло что-нибудь выйти. Nous connaissons l'homme. Но это самое и должно повести къ желанной цѣли. Вилинъ rendra la редакціонная коммиссія impossible. Онъ ею надоѣстъ до смерти, и ее закроютъ, дѣло перейдетъ опять въ главный комитетъ, который, bongré, malgré, принужденъ будетъ созвать представителей отъ дворянства...

— Et la Russie sera sauvée! перебила его восторженнымъ возгласомъ Ольга Елпидифоровна.

— И мы спасаемъ ее дѣйствительно, впадая въ тонъ молодой женщины, заспѣшилъ говорить Перстневъ: — мы докажемъ правительству, что путемъ споліаціи можно только привести ее къ разгрому и разоренію, что единственный путь въ этомъ вопросѣ есть полное довѣріе къ преданности дворянства престолу, къ его великодушію и патріотическому духу, а исходъ—добровольныя соглашенія помѣщиковъ о землѣ съ освобождаемымъ *лично* народомъ...

— А къ этому, какъ условіе sine qua non, примолвилъ Шепелевъ,—полное, и прежде всего другаго, преобразованіе суда и мѣстной администраціи...

— Суда и мѣстной администраціи, уже захлебываясь, повторилъ за нимъ степной помѣщикъ: — съ какой бы стороны вы ни подошли къ этому, можно сказать, роковому вопросу освобожденія: съ политической, административной, экономической, соціологической..,

— Однако, я думаю, вамъ и обѣдать пора? обратился вдругъ, вынимая часы графъ, Наташанцевъ къ хозяйкѣ, видимо испугавшись дальнѣйшаго краснорѣчія этого „Демосѳена изъ Чембаръ“, какъ назвалъ онъ мысленно Перстнева.

— Въ самомъ дѣлѣ поздно! подтвердилъ Chou-Paul, поспѣшно вставая съ мѣста.

Степной депутатъ досадливо поглядѣлъ на двухъ „аристократовъ“, не давшихъ ему довести даже перваго періода его рѣчи до конца, вздохнулъ и поднялся тоже.

— Messieurs, сказала хозяйка, спеціально относясь впрочемъ къ нему, Перстневу,—то, что̀ я вамъ прочла,—до поры до времени величайшій секретъ, помните!

— Помилуйте, само собой, воскликнулъ онъ, прикладыя даже руку къ сердцу...

Всѣ трое мущинъ, распростившись съ хозяйкой, направились къ дверямъ. Она поднялась, въ свою очередь, проводить ихъ.

Въ слѣдующей комнатѣ графъ Наташанцевъ замедлилъ шаги и остановился предъ висѣвшею на стѣнѣ одною изъ

немногихъ картинъ покойнаго Акулина, удержанныхъ за собою его дочерью.

— J'aime beaucoup ce Lancret, молвилъ онъ, какъ бы задержанный желаніемъ полюбоваться ею еще разъ, между тѣмъ какъ графъ Шепелевъ и Перстневъ выходили въ переднюю...

— Я не довольна вами, какъ только остались они одни, проговорила полушопотомъ Ольга Елпидифоровна, нѣжно глядя ему въ глаза и роняя руку свою въ протянувшуюся къ ней его руку,—вы чѣмъ-то тревожитесь?

Онъ поглядѣлъ на нее и произнесъ тѣмъ задушевнымъ тономъ, которымъ позволялъ онъ себѣ говорить только съ нею,—тономъ, выдававшимъ своимъ искреннимъ паѳосомъ романическую подкладку его натуры:

— J'aime mon pays et—je tremble pour lui!

— Это требуетъ объясненія, сказала Ранцова,—вернемтесь въ гостиную.

Они усѣлись тамъ рядомъ на диванчикѣ и заговорили какъ бы невольно тихими голосами...

— Скажите, спрашивала она,—вы не довольны назначеніемъ графа Вилина? Почему?

— Милый другъ мой, отвѣчалъ онъ,—вы ошибаетесь. Я тревожусь, это правда, но Вилинъ тутъ не причемъ... Вы и наши друзья придаете какое-то огромное значеніе тому, въ чьи руки перейдетъ задача, не довершенная Ростовцовымъ. А я вамъ вотъ что̀ скажу,—онъ осторожно оглянулся кругомъ:—того, чего хотѣли бы мы,—никогда не будетъ! Ни Вилинъ, ни кто бы, излюбленнѣйшій изъ насъ, ни сталъ теперь во главу этого дѣла,—не въ силахъ будетъ сдвинуть его съ того направленія, какое ему дано. Освобожденіе крестьянъ—*лично-е-дѣ-ло Государя*, протянулъ многозначительно графъ:—оно ему всецѣло принадлежитъ и—ни-ко-му другому; Линютинъ et compagnie ne sont que des comparses qui s'imaginent grands rôles, больше ничего. А все это безо всякаго ихъ посредства зародилось въ душѣ Государя; онъ же, не сомнѣвайтесь въ этомъ, доведетъ дѣло до конца и въ томъ духѣ, въ какомъ оно было имъ задумано... Вы слышали переданныя мною Прыткову слова его Величества при полученіи посмерт-

ной записки покойнаго?.... Онъ въ ней видитъ „завѣщаніе“ человѣка, глубоко и искренно проникшаго *его* волею и мыслью, и не отступитъ отъ ея началъ,—вы можете быть въ этомъ увѣрены!

— Но однако же, возразила Ольга Елпидифоровна,—назначенъ на мѣсто этого человѣка другой, совершенно ему противоположный, un grand seigneur, другихъ понятій, воспитанія, традицій...

— Этотъ „grand seigneur“, молвилъ старый царедворецъ, покачивая головой,—безпрекословный слуга высшей власти: онъ строго исполнитъ то, что̀ ему будетъ указано...

— Но въ такомъ случаѣ... вы сами предвидите такія печальныя послѣдствія... не договорила она и вопросительно подняла на него глаза.

Онъ уныло усмѣхнулся:

— Что̀ же дѣлать! Государь не можетъ имѣть къ намъ довѣрія болѣе, чѣмъ мы сами имѣемъ его къ себѣ... А мы... soyons francs: никто изъ насъ *въ себя не вѣритъ!* уже чуть слышно и съ какимъ-то отчаяніемъ проговорилъ графъ.

Оба они замолкли за этими словами.

Онъ первый прервалъ молчаніе:

— Вы не получили еще приглашенія изъ ***го дворца? молвилъ онъ уже съ улыбкой, какъ бы приходя въ себя и отгоняя докучную заботу.

Она вся вздрогнула и загорѣлась взглядомъ:

— Нѣтъ... а развѣ?... не въ силахъ была она докончить отъ радостнаго волненія.

— Vous êtes sur la liste; мнѣ вчера у Оссовицкихъ на балѣ сказала la demoiselle d'honneur de l'endroit, княжна Кубенская.

Ольга Елпидифоровна схватила руку его обѣими своими:

— Oh, mon ami, какъ вы милы, добры, какъ я васъ люблю!...

Онъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ... Она горячо поцѣловала его въ щеку.

— Не почитайте меня пустою и тщеславною, шептала она, прильнувъ *кошечкой* къ его плечу: — я радуюсь всему

этому теперь потому, что я этимъ становлюсь ближе къ вамъ, cher,—къ вамъ, моей единственной привязанности въ жизни...

— О, проговорилъ Наташанцевъ, и пламень глубокой страсти освѣтилъ совершенно юношескимъ пыломъ его красивыя старческія черты, — когда будете вы совсѣмъ моею предъ Богомъ и предъ людьми!...

— Это зависитъ отъ васъ... вы знаете, вся румяная и счастливая отвѣчала она тѣмъ же шопотомъ, глянувъ на него избока своимъ неотразимымъ взглядомъ.

Онъ весь сгоралъ, страстно сжимая и цѣлуя ея руки...

— А изъ Рай-Никольскаго, спросилъ онъ, — есть отвѣтъ на ваше письмо?...

— Сегодня утромъ, я только что встала, явился ко мнѣ *его* повѣренный; онъ пріѣхалъ изъ Москвы безъ письма, но съ порученіемъ сказать мнѣ, что онъ, то-есть mon mari, „на все согласенъ“... „Скажите ей“, передалъ мнѣ тотъ его слова, „что я никогда не захочу помѣшать ея счастью и какъ сказалъ ей, такъ и исполню: вину я приму на себя, пусть она выходитъ, какъ сердце ей скажетъ!“

— Ah, tenez, c'est très beau de sa part! невольно воскликнулъ графъ: — немногіе на его мѣстѣ способны были бы отречься отъ васъ съ такимъ великодушіемъ.

— Да, я всегда скажу, онъ невозможный по воспитанію, но совершенно честный человѣкъ.... Не съ его стороны, конечно, я опасалась... и боюсь препятствій, примолвила Ольга Елпидифоровна съ легкимъ вздохомъ и опущенными глазами, перебирая кольца на рукѣ.

Замѣтное смущеніе сказалось на мигъ въ лицѣ ея собесѣдника:

— Expliquez vous! и онъ тревожно задвигался на своемъ креслѣ.

— Меня не любятъ въ вашей семьѣ, прерывающимся голосомъ отвѣтила она: — мнѣ извѣстно de bonne source, что ваша дочь, княгиня Андомская, напримѣръ...

— Она васъ не знаетъ! не далъ договорить ей Наташанцевъ, какъ бы спѣша успокоить ее этими словами.

— То-есть, *не хочетъ знать*, подчеркнула молодая женщина съ горькою усмѣшкой,—я объ этомъ и говорю...

Онъ вдругъ всталъ, выпрямился; глаза его раскрылись и сверкнули.

— Eh bien, tant pis pour elle, mais il faudra bien quelle passe par là! пылко выговорилъ онъ; — я довольно сдѣлалъ для моихъ дѣтей, и они достаточно богаты и хорошо поставлены въ свѣтѣ, чтобы дозволить наконецъ и ихъ отцу подъ старость лѣтъ de prendre sa part de bonheur dans ce monde!...

Ольга Елпидифоровна всплеснула руками:

— Pas d'emportement, cher ami, au nom du ciel, pas d'emportement! Я лучше соглашусь навѣки отказаться отъ васъ, бѣжать, исчезнуть навсегда, чѣмъ быть причиной раздора между вами и вашими дѣтьми!... Княгиню Андомскую я понимаю: для нея никакъ не можетъ быть пріятна мысль, что я могу... На ея мѣстѣ я чувствовала бы то же недружество къ такой неизвѣстной, незнатной особѣ, какъ я,—слезы стояли въ горлѣ „очаровательницы", — у которой нѣтъ ничего взамѣнъ того, что̀ вы хотите ей дать, кромѣ своего чувства къ вамъ...

— Ваше чувство, mais c'est le ciel... et vous êtes un ange! воскликнулъ, замирая отъ восторга, влюбленный старикъ, прижимая ее еще разъ къ сердцу.

Она стыдливымъ движеніемъ отстранилась чуть-чуть отъ него и продолжала:

— Я хотѣла бы только имѣть случай свидѣться гдѣ-нибудь съ вашею дочерью; я успѣла бы, я надѣюсь, внушить ей если не больше расположенія, то во всякомъ случаѣ менѣе враждебности ко мнѣ.

— Я васъ познакомлю съ нею на балѣ у великой княгини, сказалъ рѣшительнымъ голосомъ графъ. — Вы знакомы съ фрейлиной ея высочества? перебилъ онъ вдругъ себя этимъ вопросомъ.

— Да... и нѣтъ... Я познакомилась съ княжной Кубенской въ Москвѣ, когда она еще жила у тетки, потомъ была

у нея предъ представленіемъ великой княгинѣ, но она до сихъ поръ не отдала мнѣ визита...

— C'est une personne qui s'en fait accroire, je m'en suis aperçu, промолвилъ онъ сквозь зубы, — но все равно... сдѣлайте ей лишнюю учтивость, заѣзжайте къ ней, elle a de l'influence dans la maison...

Я поѣду къ ней завтра же, произнесла покорнымъ голосомъ Ольга Елпидифоровна.

Онъ помолчалъ опять.

— Вы знаете, что 12-го числа grand bal masqué въ Михайловскомъ дворцѣ?

— Да, знаю! вздохнула она... не совсѣмъ искренно: то, что̀ она читала на лицѣ его, не предвѣщало ей нисколько повода ко вздохамъ,—напротивъ.

— Надо, чтобы вы тамъ были, дѣйствительно сказалъ онъ.

— Я! вскрикнула она опять далеко неискренно: — меня тамъ терпѣть не могутъ!

Графъ пожалъ плечами:

— Во-первыхъ, ненависть вовсе не въ привычкахъ de la maîtresse du logis. Во-вторыхъ,—добавилъ онъ со своею тонкою царедворческою улыбкой,—вы ни во что̀ не ставите любопытство?

— Любопытство чего?

— Видѣть васъ.

— La madame Roland du parti perruque? расхохоталась во весь раскатъ своего бывалаго дѣвичьяго смѣха Ольга Елпидифоровна.

Онъ разсмѣялся тоже:

— Eh bien, oui, мнѣ было это сказано.

— Что меня желали бы видѣть?

Онъ утвердительно повелъ головой.

— И я, можетъ-быть... получу пригла...—Голосъ ея оборвался окончательно.

— Надѣюсь.

Она вскочила съ мѣста:

— Oh, cher, cher, cher!...

— И когда моя дочь увидитъ васъ и *тамъ*, il faudra bien qu'elle vous *connaisse*, подчеркнулъ онъ въ заключеніе.

Она нежданно закинула ему обѣ свои руки за шею и прижалась къ нему въ порывѣ невыразимаго счастія...

Ольга Елпидифоровна сѣла въ этотъ день за столъ одна, въ десятомъ часу вечера, такъ какъ по отъѣздѣ графа Наташанцева тотчасъ же принялась писать письмо къ мужу. Въ длинномъ, на четырехъ страницахъ, письмѣ этомъ, какъ солнце въ гладкой скатерти водъ, отразилось все блаженное настроеніе ея духа въ ту минуту. Никогда еще Никаноръ Ильичъ не получалъ отъ нея, да и вообще, такихъ нѣжныхъ строкъ: она его называла въ нихъ „ангеломъ", „благороднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ", „лучшимъ своимъ другомъ" и обѣщалась молиться за него утромъ и вечеромъ... Получивъ письмо, Ранцовъ проплакалъ, запершись у себя, цѣлый вечеръ, а на другой день выѣхалъ изъ деревни... исполнять то, что было имъ обѣщано ей...

III.

Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Пушкинъ.

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя...

Тютчевъ.

Das Hofleben gleicht einer Musik, wo jeder seine Takte und Pause halten muss.

Göthe.

Слѣдующій день былъ воскресенье... Изъ толпы молельщиковъ, сходившей со ступеней Исаакіевскаго собора по окончаніи обѣдни, отдѣлился бѣлокурый, худощавый и еще молодой человѣкъ въ мѣховомъ пальто мѣшкомъ и бобровой шапкѣ и, перейдя черезъ площадь на тротуаръ, зашагалъ медленно, опустя голову, по направленію одного изъ петербургскихъ дворцовъ.

Онъ шелъ, не замѣчая ни движенія на улицахъ, ни холоднаго вѣтра, рѣзавшаго ему лицо, глубоко погруженный въ самого себя... Богослуженіе, только-что прослушанное имъ, навѣяло на него какое-то мистически успокоительное настроеніе. Онъ чувствовалъ себя размягченнымъ и *поднятымъ* въ одно и то же время,—поднятымъ на ту созерцательную высоту духа, съ которой земная забота, земная печаль теряетъ всю ѣдкость свою и самое значеніе. „Житіе бо се — сонъ и сѣнь, и всуе мятется всякъ земнородный“, какъ бы безсозна-

тельно шептали его уста, и то̀, для чего онъ жилъ теперь второй годъ въ Петербургѣ, проводя дни и ночи за упорнымъ трудомъ, вовсе исчезало въ эту минуту изъ его сознанія въ охватывавшемъ его ощущеніи того „таинственно несомнѣннаго“... что̀ впервые прозрѣно было имъ „до дна души“ предъ однимъ чудно прекраснымъ, объятымъ смертью женскимъ ликомъ... Самъ онъ съ минуты той смерти — десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—пересталъ жить личною жизнью: ея могила схоронила и его молодость. Безпощадный ударъ сокрушилъ ее на самомъ разцвѣтѣ, и какъ дубъ, пораженный грозой, зловѣще звенитъ подъ вѣтромъ своими засохшими вѣтвями, душевныя силы его послѣ того удара трепетали лишь отзвукомъ мрачнаго и безысходнаго отреченія. Онъ дожилъ,— дотянулъ до тридцати трехъ лѣтъ безъ радостей, безъ упованій, почти безъ людей, въ суровомъ деревенскомъ отшельничествѣ, исключительно съ книгами и *для книгъ*, отказавшись отъ всякой *внѣшней* дѣятельности, отъ каѳедры—первоначальной золотой мечты юныхъ дней его,—и тщетно стараясь въ своей пустынѣ „забыться и забыть“... Онъ былъ одинъ, какъ перстъ на свѣтѣ. Тетка, воспитавшая его и бывшая ему второю матерью, истаяла и угасла отъ его горя, забыть которое она чувствовала себя безсильною помочь ему...

Онъ зачахъ бы самъ послѣ этой послѣдней потери, или ушелъ бы куда нибудь въ дальнюю обитель,—не разъ въ теченіе безконечно долго тянувшихся для него годовъ приходила ему эта мысль въ голову,—если бы не получилъ однажды совершенно неожиданно въ деревнѣ отъ университетскаго товарища своего, князя Бековича, письма съ предложеніемъ отъ генерала Ростовцева принять участіе въ разрѣшеніи дѣла объ освобожденіи крестьянъ. Что-то давно забытое шевельнулось вдругъ и заискрилось во мракѣ души его. То великое дѣло, о которомъ онъ во дни блаженныхъ порывовъ и трепетныхъ идеаловъ юности говорилъ *ей* прерывавшимся отъ волненія или счастія голосомъ,—оно призывало его теперь къ себѣ, его, рвавшагося тогда къ его недосягаемому призраку всѣми лучшими помыслами и чаяніями своими. Золотые сны тѣхъ дней осуществлялись для него наяву: ему давалось те-

перь дѣйствительно въ руки „*послужить* освобожденію своего народа“... *). Онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Петербургъ, принялся за общую съ другими работу...

Онъ внесъ въ нее, вмѣстѣ съ огромнымъ запасомъ знанія въ подтвержденіе тѣхъ началъ „московской школы“, которымъ оставался онъ незыблемо вѣренъ, какой-то строгій энтузіазмъ народности, мало похожій на тотъ почерпнутый изъ французскихъ книжекъ задоръ западнаго демократизма, на которомъ опирались столпы убѣжденій не малаго числа его петербургскихъ сочленовъ. Онъ *зналъ* и глубоко вѣровалъ въ то, о чемъ очень часто и понятія никакого не имѣли эти лица; не мало было имъ уяснено, направлено, отвоевано у нихъ... Бюрократическіе parti pris, заемныя теоріи должны были не разъ пасовать предъ ратоборцемъ, выходившимъ противъ нихъ во всеоружіи русской бытовой и исторической правды...

Холодная съ виду, почти суровая личность его внушала къ себѣ глубокое уваженіе; друзья и недруги его дѣятельности, рукоплеща ей или ненавидя ее, называя самого его „идеалистомъ“ или „фанатикомъ“, видѣли въ немъ равно совершенно „чистаго“ человѣка, служащаго дѣлу съ полнымъ забвеніемъ самого себя и отсутствіемъ всякой задней мысли... Упреки и подозрѣнія въ разсчетахъ личнаго честолюбія, которымъ подвергались нѣкоторые, ближайшіе къ нему по рѣшительности „направленія“, его товарищи, обходили его; для всѣхъ было внѣ сомнѣнія, что *этотъ* человѣкъ „ничего не ищетъ и ото всего откажется“.

Онъ ничего дѣйствительно не искалъ, кромѣ торжества тѣхъ началъ свободы русскаго крестьянства, которыхъ самъ и эти ближайшіе къ нему люди были представителями. Борьба за нихъ глубоко волновала его; онъ возмущался каждою доносившеюся до него клеветой, каждымъ невѣрнымъ, сознательно или легкомысленно искаженнымъ слухомъ... Онъ увлекался въ этомъ отношеніи иногда до несправедливости; въ своемъ страстномъ увлеченіи онъ не допускалъ другаго рѣ-

---

*) *Четверть вѣка назадъ.* Часть I.

шенія великаго вопроса, какъ то, какое исходило изъ его воззрѣній, и всякое противодѣйствіе ему считалъ „позорнымъ дѣломъ“, дѣломъ эгоизма, корыстолюбія и интриги, доводившимъ его часто до болѣзненнаго, нервнаго раздраженія,..

Онъ шелъ теперь умягченный, какъ мы уже сказали, молитвою и торжественностью прослушаннаго имъ богослуженія, направляясь къ одной молодой особѣ, фрейлинѣ, княжнѣ Кубенской, звавшей его къ себѣ утромъ „на чай“,—особѣ, съ которою онъ довольно часто встрѣчался въ Михайловскомъ дворцѣ (гдѣ весьма благоволили къ нему,) и которая, на первыхъ же порахъ его знакомства съ нею, поразила его смѣлостью не совсѣмъ обыкновеннаго и какъ бы не совсѣмъ женскаго ума и самымъ искреннимъ, показалось ему, сочувствіемъ крестьянскому освобожденію въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ онъ понималъ его... Въ другое время онъ вѣроятно *забылъ* бы объ этомъ приглашеніи,—онъ избѣгалъ вообще женскаго общества,—но въ эту минуту онъ чувствовалъ себя расположеннымъ на *тихій разговоръ* безъ горячихъ преній и ожесточенія, обычныхъ тому кружку, въ которомъ онъ исключительно вращался въ Петербургѣ,—разговоръ, который не слишкомъ бы противорѣчилъ тому настроенію, какое уносилъ онъ изъ храма Божія...

Онъ вошелъ во дворецъ съ одного изъ боковыхъ его входовъ, какъ указано было ему, и спросилъ княжну.

— Пожалуйте! Вотъ онъ васъ проведетъ, отвѣтилъ швейцаръ, указывая на стоявшаго на лѣстницѣ придворнаго лакея въ гороховыхъ штиблетахъ, плисовыхъ черныхъ короткихъ штанахъ и красномъ жилетѣ подъ обшитою галунами ливреей.

— Пожалуйте! повторилъ тотъ, подымаясь по ступенямъ и приглашая оборотомъ головы „господина“ слѣдовать за нимъ.

Фрейлина этого дворца, какъ фрейлины всѣхъ дворцовъ въ мірѣ, помѣщалась на самомъ верху его, „поближе къ небесному пространству и повыше отъ уровня моря“, по выраженію какого-то шутника.

Отсчитавъ цѣлыхъ сто пятьдесятъ ступеней вверхъ, лакей

повернулъ въ корридоръ и, подойдя къ одной изъ выходившихъ сюда дверей, постучался въ нее.

— Къ княжнѣ! проговорилъ онъ съ нѣкоторою многозначительностью, какъ бы сдавая съ рукъ на руки приведеннаго имъ посѣтителя новому, появившемуся на порогѣ этой двери, въ такомъ же красномъ жилетѣ и штиблетахъ, ливрейному слугѣ.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ не менѣе многозначительно тотъ.

— Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

— Извольте обождать.

И онъ тою неслышною, скользящею какъ на пробкахъ и раскидистою поступью, какою слуги ходятъ во дворцахъ, отправился „докладывать", оставивъ молодаго человѣка одного въ полутемной, освѣщенной лишь съ корридора передней.

— Пожалуйте! молвилъ онъ чрезъ мигъ, широко растворяя дверь въ гостиную княжны.

Комната была большая, высокая, въ два окна, выходившія на площадь, и отзывалась нѣкоторою казенностью въ расположеніи мебели, въ протянутыхъ отъ двери до двери коврикахъ и въ полномъ отсутствіи тѣхъ мелкихъ вещицъ, bibelots, безъ которыхъ какъ бы немыслимъ въ нашъ вѣкъ женскій аппартаментъ. Ихъ замѣняли книги, загромождавшія столы, этажерки, окна. Въ двухъ огромныхъ шкафахъ за стеклами расположены были въ стройномъ порядкѣ наслѣдованные княжной отъ отца мюнцъ-кабинетъ и довольно богатая минералогическая коллекція.

Изъ другой комнаты, служившей и кабинетомъ, и спальней, вышла хозяйка и быстро пошла навстрѣчу гостю, протягивая ему руку:

— Спасибо вамъ, что не забыли, Сергѣй Михайловичъ, я очень рада васъ видѣть!

Она замѣтно развилась съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нею въ Москвѣ: плечи ея поширѣли, пополнѣло лицо; но зеленые глаза ея, уйдя глубже подъ полукруги бровей, глядѣли все съ тѣмъ же сосредоточеннымъ и какъ бы усталымъ въ эту минуту выраженіемъ.

Она сѣла на узенькій диванчикъ съ деревянною рѣшетчатою рамкой вмѣсто спинки, предъ накрытымъ чайною скатертью столикомъ, указала Гундурову кресло подлѣ себя и, закинувъ руку назадъ, дернула шнурокъ колокольчика.

— Я сейчасъ изъ церкви; у насъ сегодня служба продолжалась безконечно долго; моя княгиня очень набожна...

— А вы сами? спросилъ съ полуулыбкой гость.

Она какъ бы не слышала вопроса и продолжала:

— Къ намъ тутъ пріѣхала игуменья одна. Ее почему-то очень протежируютъ здѣсь, и она, кажется, думаетъ всѣмъ вертѣть...

Княжна замолкла на полусловѣ: ливрейный слуга ея вносилъ на большомъ подносѣ чайный приборъ и замѣнявшій самоваръ tea-cattle блестящаго англійскаго металла. Онъ уставилъ все это на столѣ предъ нею, зажегъ спичкой спиртъ подъ котликомъ.

— Хорошо, ступайте! сказала она ему и, обращаясь къ Гундурову:

— У меня къ вамъ просьба.

— О чемъ, княжна?

— Сегодня воскресенье, вы свободны?

— Да.

— Обѣщайтесь мнѣ не уходить отъ меня прежде, чѣмъ мы не успѣемъ переговорить объ одномъ... очень важномъ, мнѣ кажется, обстоятельствѣ, и которое васъ во всякомъ случаѣ должно интересовать.

— Говорите, я слушаю, молвилъ онъ.

— Да, но вотъ видите-ли, насъ могутъ прерывать. А я... мнѣ *приказано* принимать сегодня,—и ноздри княжны, пока произносила она эти слова, досадливо и надменно раздулись:— у насъ здѣсь на-дняхъ балъ даютъ... И эта Наѳанаила тоже притащится сюда непремѣнно...

— Игуменья Наѳанаила! доложилъ въ эту же минуту слуга въ дверяхъ.

— Вотъ видите! блеснувъ мгновенно глазами, проговорила княжна...

Она встала навстрѣчу духовной особѣ.

Это была худощавая женщина среднихъ лѣтъ и роста, съ поблеклыми чертами и опущеннымъ набожно взглядомъ, медленно и какъ бы механически двигавшаяся подъ широкими складками своей рясы. Черное флеровое покрывало спускалось съ клобука ея до самаго стана; на груди блестѣлъ крупный золотой крестъ; длинные костлявые пальцы перебирали аметистовыя четки, обматывавшіяся двойнымъ охватомъ кругомъ кисти ея правой руки. Но что-то неуловимо *мірское* просвѣчивало сквозь весь этотъ наружный строго-монашескій обликъ.

— Еще разъ здравствуйте, матушка. Угодно вамъ чаю? молвила княжна, садясь на свое мѣсто и усаживая ее подлѣ дивана на кресло, насупротивъ Гундурова.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчала та слабымъ, точно умирающимъ голосомъ, входившимъ повидимому въ ея понятіяхъ въ число обязанностей ея духовнаго сана, — я прошла послѣ службы къ ея высочеству и выпила тамъ чашку... Ея высочество приказала вамъ напомнить, — проговорила игуменья, уже таинственно наклоняясь къ дѣвушкѣ, — насчетъ предметовъ, которыми она, по своему христіанскому милосердію и щедротѣ своей, положила наградить нашу бѣдную обитель...

— Все собрано, уложено и запаковано, быстро промолвила, перебивая ее, княжна: — можете ихъ взять, когда угодно... А вы скоро думаете ѣхать?

Наѳанаила вздохнула въ отвѣтъ:

— И сердцемъ, и помысломъ рвуся въ тихое пристанище свое... да видно погодить надо. Ея высочество... удерживаетъ меня... и къ тому надѣюсь еще удостоиться пріема у ея величества, Матушки-Государыни...

Княжна чуть-чуть нахмурилась и повела головой въ сторону своего гостя, молча и внимательно вглядывавшагося между тѣмъ въ казавшееся ему почему-то знакомымъ лицо сидѣвшей противъ него особы.

— Матушка, позвольте вамъ представить Сергѣя Михайловича Гундурова!

Опущенные все время до сихъ поръ глаза игуменьи вне-

запно поднялись при звукѣ этого имени и вонзились на мигъ въ строгое, унылое лицо этого далеко не по лѣтамъ состарившагося человѣка... Какое-то странное смущеніе, показалось княжнѣ, сказалось въ ея чертахъ... Она снова быстро поникла взглядомъ, судорожно перебрала своими четками.

— Я знаю Сергѣя Михайловича, какъ бы противъ воли проронила она,—мы встрѣчались... когда я еще въ міру находилась...

— „Надежда Ѳедоровна! Гертруда!“ пронеслось въ головѣ Гундурова *). Лицо его покрылось смертельною блѣдностью. И предъ его внутренними очами мгновенно воскресало въ этотъ мигъ прошлое,—прошлое во всей своей лучезарности... во всемъ своемъ ужасѣ...

— Да... мы встрѣчались въ прежніе годы, повторилъ онъ точно не своимъ, упавшимъ, безпомощнымъ какимъ-то голосомъ.

Проницающая тоскливость его какъ бы заставила вдругъ зазвенѣть всѣ душевныя струны Наѳанаилы. На искусственно безстрастномъ лицѣ монахини выразилось нежданно глубоко искреннее, жалостливое участіе; на глазахъ выступили слезы... Она еще разъ подняла ихъ.

— Мы знали съ вами ангела на землѣ, Сергѣй Михайловичъ! сорвались дрожа слова съ ея языка.

Онъ только моргнулъ рѣсницами и глухо кашлянулъ, словно захлебываясь...

Княжна, ничего не понимая, смотрѣла на нихъ съ изумленіемъ...

— Госпожа Ранцова! доложилъ, отворяя дверь, слуга.

— Кто? торопливо и будто растерянно обернулась тутъ же игуменья на хозяйку.

— Одна тутъ... *модная* дама, отвѣчала нехотя та, — она московская... очень мелкаго, кажется, происхожденія, но вездѣ здѣсь втерлась...

Наѳанаила двинулась въ своемъ креслѣ, какъ бы намѣреваясь встать и уйти. Но глаза ея встрѣтились съ остановив-

*) *Четверть вѣка назадъ.* Часть I.

шимися на ней печальными глазами Гундурова: она подобрала къ щекамъ раскинувшіяся полы своего покрывала, опустила вѣки и голову—и остановилась.

— Проси! медленно промолвила хозяйка все еще стоявшему у дверей слугѣ.—Вы ее знаете? спросила она вполголоса Гундурова.

Онъ безсознательно сжалъ брови...

— Все равно, не уходите, прошу васъ!...

На Ольгѣ Елпидифоровнѣ былъ туалетъ самаго отмѣннаго вкуса: ничего бросающагося въ глаза, „кричащаго", полнѣйшая трезвость въ цвѣтахъ и покроѣ, но во всемъ необыкновенное изящество, обдуманность, гармонія, — „une de ces toilettes qui font rêver", какъ увѣряютъ Французы — и въ томъ числѣ Бальзакъ.

Соотвѣтственно этому держалась и она сама: не слишкомъ сдержанно, не слишкомъ любезно, спокойно и учтиво подошла къ молодой хозяйкѣ, сжала протянутую ей руку, сѣла на мѣсто, которое поспѣшилъ уступить ей Гундуровъ, и начала съ того, что давно собиралась къ княжнѣ и, узнавъ, что она „принимаетъ по воскресеньямъ", пріѣхала теперь къ ней.

— Немного рано, примолвила она въ видѣ извиненія, — но мнѣ хотѣлось васъ непремѣнно застать и благодарить...

— За что?

— Я получила вчера приглашеніе на балъ къ ихъ высочествамъ, молвила уже въ полголоса Ранцова,—et comme madame la grande duchesse me connaît si peu, я не могу иначе объяснить себѣ эту честь, какъ тѣмъ, что вы... *напомнили* о моемъ существованіи, самымъ скромнымъ тономъ объяснила она.

— Je n'y suis pour rien, madame, je vous assure! холодно отвѣтила княжна и поспѣшила приступить къ обряду взаимнаго *представленія* другъ другу присутствующихъ:

— Мать Наѳанаила, Madame Rantzof, Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

Наѳанаила привстала и поклонилась низкимъ монашескимъ поклономъ... Румянецъ чуть-чуть выступилъ на щекахъ Ольги Елпидифоровны. Она узнала съ перваго раза свою бывшую

злополучную соперницу, узнала, едва войдя въ комнату, не смотря на ея рясу и „безпощадную руку времени“, и, говоря съ княжной, соображала мысленно, какъ отвѣчать въ случаѣ, что та заявитъ о своемъ прежнемъ знакомствѣ съ нею; но такъ какъ этого не оказалось, „модная дама“ сочла нужнымъ со своей стороны „забыть“ объ этомъ знакомствѣ. Она отвѣтила на поклонъ равнодушно-почтительнымъ въ свою очередь поклономъ и тотчасъ же обратилась въ сторону Гундурова:

— Мы съ Сергѣемъ Михайловичемъ, Богъ знаетъ какъ давно, знакомы, молвила она, улыбаясь самою очаровательною изъ своихъ улыбокъ,—но онъ меня знать не хочетъ... Не изъ-за разности-ли въ нашихъ мнѣніяхъ избѣгаете вы меня? добавила она, глядя ему прямо въ глаза.

Онъ ее, какъ говорится, не *долюбливалъ* и „въ тѣ годы“, а въ настоящую пору видѣлъ въ ней „извѣстную интриганку плантаторской партіи“, какой слыла она въ его кружкѣ.

— А у васъ есть опредѣленныя мнѣнія? съ нескрываемою ироніей отвѣтилъ онъ вопросомъ на ея вопросъ.

— Мнѣ ихъ приписываютъ, по крайней мѣрѣ. И она засмѣялась самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— А именно что̀? Это очень интересно знать.

Черты ея тотчасъ же приняли серіозное выраженіе:

— То-есть, то, что̀ мнѣ приписываютъ, или то, что̀ я лично думаю?

— Послѣднее прежде всего, конечно, сказалъ онъ, сдерживаясь.

— Я думаю „прежде всего“, подчеркнула она, слегка вздохнувъ,—что люди различныхъ мнѣній не должны ненавидѣть изъ-за этого другъ друга; я думаю затѣмъ, что никого не слѣдуетъ обижать: ни тѣхъ, само собою, *которыхъ* обижали до сихъ поръ, но также и ни тѣхъ, *которые* имѣли возможность обижать прежде, потому что въ послѣднемъ случаѣ это было бы *мщеніе*, а это не по-христіански... Спросите матушку-игуменью, если мнѣ не вѣрите, засмѣялась она опять, указывая на ту глазами.

Наѳанаила поглядѣла на нее изъ-подъ своего надвинувшагося на самыя брови клобука и ничего не отвѣтила, —

только какая-то горькая усмѣшка пробѣжала по ея изсохшимъ губамъ...

— Возвратить обездоленнымъ людямъ ихъ человѣческія права не значитъ *мстить* тѣмъ, которые отымали ихъ у нихъ, скоро вымолвила княжна,—это только *справедливость*!

— Вы совершенно правы, возразила ей самымъ мягкимъ тономъ Ранцова,—но отдавать этимъ людямъ то, что̀ имъ никогда не принадлежало...

Сѣрые глаза Гундурова заискрились пламенемъ изъ своихъ глубокихъ впадинъ:

— Никогда не принадлежало! воскликнулъ онъ:—Не знаю, простительно-ли русской женщинѣ не вѣдать исторіи своего народа, но позорно тѣмъ, которые завѣдомо вводятъ ее въ заблужденіе...

— Княгиня Андомская! прервалъ его, входя опять, слуга.

Молодая фрейлина нѣсколько удивленно подняла голову и промолвила: „Проси!“

По лицу Ольги Елпидифоровны пробѣжало нервное содроганіе; глаза ея на мигъ устремились на дверь и тутъ же опустились, — она успѣла совладать съ собой и *приготовиться*...

Княгиня Андомская могла дѣйствительно внушать страхъ всякому злополучному существу, кто бы ни было оно, женщина или мущина, не пустившему глубокихъ корней въ петербургскомъ свѣтѣ. По „міровоззрѣнію“ своему она принадлежала къ рѣдкому уже и въ тѣ дни species того балтійскаго „майоратсгерра“, который, гуляя одинъ-одинехонекъ по пустыннымъ заламъ своего замка, восклицалъ въ священномъ восторгѣ: „Wenn Ich nur maldenke, wie ich vornehm bin, so wird's mir ganz schauderhaft“! *) Но княгиня не довольствовалась однимъ личнымъ культомъ своей знатности: она еще почитала нужнымъ подавлять имъ весь окружающій міръ, доказывать этому міру при всякомъ удобномъ случаѣ, что ея *сливки* не имѣютъ ничего общаго съ вульгарною сывороткой остальнаго человѣчества. „Знайте, что я не допущу никогда

*) Когда я только подумаю, какъ я знатенъ, мнѣ становится страшно.

ваши низкопробныя волны дохлестнуть до моей родовитой скалы", казалось, говорили ея взгляды, ея движенія, вся ея ледяная, съ выраженіемъ глубокой презрительности и смертельной скуки, наружность... Скука, скажемъ кстати, была высшимъ идеаломъ княгини Андомской, — скука *благородная*, „*entre gens de son bord*", въ тѣсномъ, исключительномъ, убійственно-*комильфотномъ* кружкѣ, гдѣ каждый и каждая знаютъ другъ друга до тошноты и кличутъ съ дѣтства тѣми невѣроятными уменьшительными на *ни*, на *на*, на *би*, на *та*, на *ту*—Са́нни, Ди́нни, Джи́бби, Нини́, Нана́, Тата́, Туту,—корня которыхъ не въ состояніи былъ бы отыскать ни одинъ санскритологъ, и которыя, какъ извѣстно, составляютъ признакъ самаго утонченнаго россійскаго fashion; — кружкѣ, гдѣ говорятъ своимъ особымъ франмасонскимъ языкомъ, полнымъ полусловечекъ и намековъ, вѣдомыхъ только посвященнымъ и вызывающихъ одновременно, какъ бы по командѣ, улыбку или вздохъ на устахъ или изъ груди каждаго изъ нихъ;—кружкѣ наконецъ, гдѣ, кромѣ этой завидной привилегіи благородно скучать „entre soi" и вѣчнаго страха допустить до того же наслажденія остальныхъ смертныхъ, не существуетъ, увы, никакого инаго идеала, ни счастья, ни стремленій, ни задачи въ жизни.

„Les gens de peu", какъ выражалась княгиня Андомская,—подъ этимъ понимались всѣ люди, не имѣющіе 50,000 дохода и „которые *никому* не родня" (никому изъ ея круга, разумѣется),— внушали ей этимъ самымъ глубокую враждебность, какъ только замѣчала она въ нихъ малѣйшее поползновеніе пробиться изъ своего „ничтожества" на солнце большаго свѣта, къ тѣмъ высотамъ картоннаго издѣлія, которыя она и ей подобныя искони привыкли оберегать съ лютостью миѳическаго дракона Гесперидовыхъ садовъ. Горе тѣмъ изъ этихъ злополучныхъ, кого случай подвертывалъ подъ ея удары, подводилъ подъ зоркое вниманіе ея безпощадныхъ сѣрыхъ глазъ.

Ей было лѣтъ тридцать съ хвостикомъ. Бѣлокурая какъ ленъ, узкая и плоская какъ доска, съ правильными, но острыми чертами, большимъ ртомъ, крупные, ровные и крѣп-

кіе зубы котораго заставляли невольно вспомнить о челюсти хищной рыбы, и тонкимъ носомъ, начинавшимъ краснѣть на своей оконечности, она была, какъ говорится, очень „аристократична“, но настолько же не привлекательна на взглядъ.

Она вошла, не то надменно, не то брезгливо поджавъ губы и устремивъ прижмуренные глаза впередъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы дать себѣ съ перваго раза отчетъ, „*какое* общество могла она встрѣтить здѣсь“, и съ перваго же раза почувствовала себя крайне раздосадованною и оскорбленною. Вмѣстѣ съ какою-то монахиней и неизвѣстнымъ ей молодымъ человѣкомъ, „une nonne et un monsieur quelconque“, сидѣла въ гостиной „этой фрейлины“ женщина, которую она, дочь графа Наташанцева, почитала обязанностью ненавидѣть всею своею ненавистью, „de toute son indignation et de toute sa haine“,—сидѣла именно теперь, когда она пріѣхала сюда съ намѣреніемъ поднять противъ нея бурю...

Она еле-еле удостоила княжну пожатіемъ руки, опустилась подлѣ нея на диванъ и, какъ бы для того, чтобы не дать ей времени представить ей своихъ гостей, поспѣшно заговорила, опустивъ глаза на крошечные часы въ бриллiантовой оправѣ, вынутые ею изъ-подъ своей перчатки.

— Я думала увидѣть великую княгиню послѣ обѣдни (разговоръ она вела, само собою, по-французски), но мнѣ сказали, что она занята и не принимаетъ... Гофмейстерина ваша больна, въ постели... Я зашла къ вамъ, мнѣ нужно было съ вами переговорить... но я вижу, что у *васъ* сегодня *пріемный день*, подчеркнула она самымъ вызывающимъ тономъ.

Ноздри у княжны Кубенской мгновенно раздулись; зеленые глаза ея блеснули.

— Да, княгиня, я принимаю сегодня, словно отчеканила она медленно и твердо, — и одолжена этому удовольствіемъ видѣть и *васъ* у себя; въ другіе дни я занята, и дверь моя закрыта *для всѣхъ*.

Та приподняла брови съ изумленнымъ видомъ: она никакъ не ожидала подобной отповѣди...

— Мнѣ хотѣлось переговорить съ вами... насчетъ здѣш-

няго бала... промолвила она уже гораздо мягче и съ чѣмъ-то похожимъ на намѣреніе улыбки на длинныхъ и узкихъ губахъ.

— Вамъ послано приглашеніе, сказала холодно фрейлина.

Княгиня Андомская повела на нее ироническимъ взглядомъ: „Еще бы меня обошли приглашеніемъ!“ краснорѣчиво говорилъ онъ.

— Балъ во сколько персонъ? спросила она тутъ же.

— Триста пятьдесятъ человѣкъ...

— Да, мнѣ говорила ея высочество, что находитъ свою залу не довольно помѣстительною... и что она хочетъ поэтому раздѣлить общество на двѣ группы приглашенныхъ, то-есть дать два бала...

Княжна утвердительно кивнула.

— Adieu, princesse, je vous quitte! проговорила въ это время мать Нафанаила, вставая съ мѣста и давая понять ей сухимъ тономъ этихъ словъ о неудовольствіи своемъ за то, что княжна не позаботилась познакомить ее съ этою „важною княгиней“, а французскою рѣчью—то̀, что она вполнѣ была достойна этой чести.

Княжна тотчасъ же сообразила все это, но нисколько не сочла нужнымъ принять во вниманіе,—ее всю подмывало отъ внутренняго раздраженія,—и поднялась въ свою очередь:

— Прощайте, матушка!

Она двинулась проводить ее до двери и, тутъ-же вспомнивъ:

— Вы не знакомы? обернулась она къ оставшимся сидѣть дамамъ:—княгиня Андомская, madame Rantzof...

И пошла за удалявшеюся Наѳанаилой.

— Я имѣла уже удовольствіе быть вамъ представленною у графини Оссовицкой, княгиня, предупредительно, чтобы не сказать искательно, поспѣшила заговорить Ольга Елпидифоровна, оставшись такимъ образомъ глазъ на глазъ со своею недоброжелательницей.

Та вымѣрила ее взглядомъ отъ стана и до пера ея шляпки, направила его затѣмъ къ окну и уронила съ выраженіемъ глубочайшаго пренебреженія:

— Да, я васъ видѣла, кажется...

Ранцова вспыхнула по самые волосы... Всѣ разсчеты ея на сближеніе съ дочерью своего „друга“, на возможность соглашенія съ нею исчезали теперь какъ дымъ... „А если ужь такъ, на чистоту, я у тебя въ долгу не останусь“, мгновенно заключила она въ головѣ своей, и красивыя черты ея приняли съ своей стороны боевое выраженіе...

Гундуровъ между тѣмъ, съ шапкой въ рукѣ, шагалъ къ двери, остановившись у которой игуменья легкимъ движеніемъ головы звала его къ себѣ.

— Ради Бога, не уходите! шепнула ему княжна на пути.

Она распростилась окончательно со своею духовною гостьей и отошла къ дамамъ.

А та, остановивъ на молодомъ человѣкѣ пристальный и жалостливый взглядъ, произнесла съ тѣмъ знакомымъ ему романическимъ оттѣнкомъ интонаціи, которымъ звучала ея рѣчь во дни ея *міршества*:

— Не знаю, сподобитъ-ли меня Господь свидѣться съ вами еще разъ, Сергѣй Михайловичъ, такъ я желала сообщить вамъ на прощанье, что у меня въ обители *ее* поминаютъ постоянно за литургіей.

И она, склонившись снова предъ нимъ своимъ глубокимъ поклономъ инокини, исчезла за дверью, очень довольная повидимому эффектомъ своихъ словъ.

А у него еще разъ защемило сердце нестерпимою болью. Онъ провелъ рукой по лицу, двинулся машинально за нею... вспомнилъ смутно о просьбѣ княжны и, вернувшись къ своему мѣсту, опустился на него и задумался глубокою и тяжелою думой.

— Elle parle français, votre nonne? спрашивала тѣмъ временемъ свысока флейлину княгиня Андомская, въ понятіяхъ которой, само собою, русская монахиня могла быть только „une femme grossière et de basse classe“.

И, не дождавшись отвѣта, вернулась къ предмету своего перваго разговора:

— Скажите, кто у васъ во дворцѣ составляетъ списки приглашеній?

Княжна отвѣчала замѣтно нетерпѣливымъ голосомъ:

— Во всѣхъ дворцахъ—общіе списки, составляемые при большомъ дворѣ, и изъ нихъ отмѣчаются тѣ лица, которыхъ ихъ высочества желаютъ пригласить.

— Мало-ли кто стоитъ въ этихъ спискахъ, составляемыхъ по адресъ-календарю! высокомѣрно возразила на это княгиня;—вопросъ въ томъ: *кѣмъ* именно дѣлается выборъ изъ нихъ?

— Я вамъ могу только сказать, княгиня, что это не лежитъ на моей обязанности, да я бы никогда и не приняла ея на себя.

— Напрасно, потому что можетъ иногда случиться, что въ число приглашенныхъ попадутъ невзначай личности (des personnes), которымъ здѣсь вовсе не мѣсто, злобно подчеркнула Андомская.

Ольга Елпидифоровна глянула ей прямо въ глаза:

— Какія же могутъ быть эти личности? мягчайшимъ голосомъ, но съ открытымъ вызывомъ въ лицѣ спросила она.

Та отвѣчала ей въ полоборота:

— Mais tout simplement, madame, des personnes sortant on ne sait d'où, которыхъ никто не знаетъ.

— „Никто", то-есть иныя женщины? засмѣялась вдругъ Ранцова.

— Oui, madame, les femmes comme il faut! язвительно выговорила княгиня, поглядѣвъ на дерзкую вопрошательницу со всей высоты своего имени, общественнаго положенія и ста тысячъ ежегоднаго дохода.

— Et polies comme vous, madame! съ самою изысканною ироніей въ тонѣ отпарировала Ольга Елпидифоровна, склоняя предъ ней голову соотвѣтствовавшимъ этому тону поклономъ.

И, не давъ этой „ненавистницѣ" своей сообразить надлежащій отвѣтъ, она шумно поднялась со своего кресла, протянула руку хозяйкѣ, въ глазахъ которой прочла какъ бы невольное сочувствіе и одобреніе себѣ въ эту минуту, и со словами:

— До свиданья, княжна, у меня для бала ихъ высочествъ платье — une des plus heureuses créations de Worth comme grande toilette, надѣюсь, что вамъ понравится! вышла, сіяя

весело глазами, изъ комнаты, подаривъ княгиню Андомскую на прощанье новымъ учтиво-насмѣшливымъ кивкомъ.

Она не успѣла исчезнуть, какъ петербургская grande dame, вся позеленѣвъ отъ гнѣва и не смущаясь присутствіемъ Гундурова, котораго видѣла въ первый разъ въ жизни, вскинулась на молодую фрейлину:

— Я не понимаю, княжна, какъ вамъ дозволяютъ принимать подобныхъ госпожъ!.. Я именно зашла къ вамъ сегодня, не заставъ ея высочества, чтобы просить васъ предварить ее насчетъ этой женщины. Появленіе ея у васъ во дворцѣ произведетъ скандалъ! Vous voyez ses façons! Богъ знаетъ, кто она такая; отецъ ея былъ, говорятъ, un частный приставъ, le dernier des derniers...

— Въ Россіи, перебила ее княжна, сдерживая себя, насколько могла, и насилованно улыбаясь,— люди изъ пѣвчихъ и брадобрѣевъ попадали въ графы и князья, такъ о происхожденіи, мнѣ кажется, говорить по меньшей мѣрѣ безполезно... А у этой дамы мужъ имѣетъ придворное званіе, сама она представлялась и къ Большому и къ Малымъ дворамъ: она имѣетъ полное право быть приглашенною...

— Mais elle a une réputation affreuse! вскликнула Андомская, стискивая зубы;—я не могу вамъ, какъ дѣвушкѣ, разсказывать объ этомъ подробно, но это всѣ знаютъ...

Княжна холодными глазами уставилась на нее:

— Я не понимаю, княгиня, для чего вамъ угодно говорить мнѣ обо-всемъ этомъ: приглашенія идутъ прямо отъ *хозяевъ этого дома*, подчеркнула она,—и если госпожа Ранцова получила его, то на то вѣроятно имѣлись основанія, въ обсужденіе которыхъ я не обязана, да и нисколько не желаю вступать.

— Основанія! повторила та, ядовито улыбаясь: — приглашеніе этой женщинѣ *выпрошено*... и я знаю кѣмъ!

— Можетъ быть, молвила княжна съ невольною усмѣшкой.

Гостья ея судорожно вспрянула со своего дивана.

— J'ai à vous parler seule! пылко вымолвила она.—Pardon, monsieur! добавила она, исполняя по привычкѣ обрядъ свѣтскаго внѣшняго приличія, обернувшись къ Гундурову, ко-

торый все это время, глубоко сосредоточенный въ собственныхъ мысляхъ, на половину и не слыхалъ предыдущаго разговора, и быстрыми шагами направилась къ окну.

Фрейлина послѣдовала за нею, кинувъ на молодаго человѣка умоляющій взглядъ: не взыщите-молъ, ради Бога, и потерпите еще немножко!..

Княгиня Андомская приперла ее къ амбразурѣ окна и заговорила взволнованнымъ шопотомъ:

— О *ней* просилъ мой отецъ, не правда-ли?

— Я не знаю, княгиня; можетъ быть.

— Не играйте въ тайны со мною, прошу васъ! Я все вижу и понимаю. Отца моего любятъ и вездѣ готовы сдѣлать ему пріятное... Въ настоящую минуту — это несчастіе! Cette femme l'a ensorcelé, она дѣлаетъ изъ него, что̀ хочетъ, и тѣ, кто теперь снисходятъ къ его слабости къ ней, оказываютъ ему дурную услугу, а семейство его приводятъ въ отчаяніе... Вѣдь она разсчитываетъ ni plus ni moins, какъ за него выйти замужъ отъ живаго мужа! Вы понимаете, какой это былъ бы позоръ, quel deshonneur pour nous... Я васъ очень прошу, княжна, передать эти мои слова буквально à qui de droit... Здѣсь были всегда такъ благосклонны ко мнѣ, что я надѣюсь, меня не захотятъ огорчить напрасно...

— Но, чтобы не огорчать васъ, княгиня, спокойно замѣтила княжна,—чего стоило ей это спокойствіе!—пришлось бы еще болѣе теперь огорчить графа, отца вашего. Вѣдь для исполненія вашего желанія нужно было бы потребовать назадъ приглашеніе, уже посланное этой дамѣ?

Княгиня Андомская закинула назадъ голову движеніемъ какой-то оскорбленной орлицы:

— Mais où serait donc la morale, le respect de soi, les devoirs qu'impose le rang, вскликнула она,—если бы здѣсь не умѣли дѣлать разницы между мною... et cette créature!... Мнѣ оставалось бы только тогда бѣжать навсегда отсюда, m'expatrier! прибавила она съ нѣкоторымъ уже какъ бы угрожающимъ паѳосомъ.

Княжна молча поглядѣла на нее. „И не убѣжишь, и „respect de soi“ не помѣшаетъ тебѣ пріѣхать преспокойно

на тотъ самый балъ, гдѣ будетъ эта ненавистная тебѣ „créature“, и все это чужеземныя, выученныя фразы, за которыми нѣтъ никакого своего, самостоятельнаго содержанія... и всѣ вы надоѣли мнѣ до смерти, до отчаянья!“ проносилось у нея въ головѣ.

— Я надѣюсь, chère princesse, говорила между тѣмъ ея собесѣдница,—что вы поймете, какъ важно все, что̀ я вамъ сейчасъ сказала, и поторопитесь передать это, какъ я васъ просила...

— Извините меня, княгиня, къ удивленію и досадѣ своей услышала она въ отвѣтъ,—но я никакъ не почитаю возможнымъ взять это на себя. Если вамъ угодно, чтобъ о вашемъ неудовольствіи извѣстно было, гдѣ нужно, вы гораздо легче можете это сдѣлать сами, чѣмъ чрезъ меня: васъ здѣсь знаютъ съ дѣтства, у васъ большое положеніе, а я—пришлая, чужая... да и, признаюсь, не имѣю ни малѣйшей охоты, сорвалось какъ-то неудержимо съ языка княжны,—de tirer les marrons du feu pour qui que ce soit!

Княгиня Андомская вся превратилась въ оцетъ и желчь. Она подобрала губы, прижала нервнымъ движеніемъ локтей одѣвавшую ее мантилію туже къ бедрамъ и, скользнувъ по дерзкой „фрелкѣ“ (какъ выразилась бы Марья Яковлевна Лукоянова,) змѣинымъ взглядомъ:

— Merci de l'aveu, mademoiselle, je m'y conformerai! прошипѣла она и съ мѣста, словно на колесцахъ, покатила къ дверямъ, не оборачиваясь.

Княжна, исполняя свой хозяйскій долгъ, проводила ее тѣмъ не менѣе до передней, обмѣнялась съ ней тамъ ледянымъ поклономъ и, вернувшись въ гостиную, вся блѣдная, съ дрожащими ноздрями и потемнѣвшимъ взоромъ, опустилась на прежнее свое мѣсто у чайнаго стола, откинула голову къ стѣнѣ и уронила обѣ руки:

— Вы видѣли, слышали, обратилась она къ Гундурову, безмолвно слѣдившему за ея движеніями,—вотъ моя жизнь! мнѣ мочи нѣтъ!...

Онъ все также молчалъ и глядѣлъ на нее.

— Извините меня за то, что я заставила васъ выслуши-

вать всѣ эти пошлости, продолжала она все съ тѣмъ же волненіемъ,—но вы, по крайней мѣрѣ, можете себѣ составить по нимъ понятіе о нашихъ нравахъ... Дрязги, сплетни, интриги, подкопы другъ подъ друга, попрошайничество, чванство, низкопоклонство!... И сейчасъ же враги, какъ только отказываешься служить ихъ узенькимъ, гаденькимъ разсчетамъ или ненавистямъ... Вотъ она, cette grande dame, я ужь знаю, отправилась прямо отсюда жаловаться и сплетничать на меня... Но довольно объ этомъ, — прервала она себя вдругъ:—я позволила себѣ такъ откровенно говорить съ вами... съ которымъ я еще такъ мало знакома... но иногда мнѣ приходится не въ силу, а вы... вы поймете, я знаю...

Она обернулась вдругъ прямо къ нему, наклонилась.

— Кто-нибудь опять можетъ помѣшать намъ, а я хотѣла вамъ сообщить очень важную новость. Знаете-ли вы, кто будетъ на мѣстѣ покойнаго Ростовцева?

— Нѣтъ, не знаю! И глаза Гундурова съ тревожнымъ любопытствомъ воззрились на княжну.

— Графъ Вилинъ.

— Что̀ вы говорите! воскликнулъ онъ чуть не испуганно.

— Мнѣ извѣстно изъ прямаго источника, сказала она, утвердительно качнувъ головой;—это, разумѣется, пока большой секретъ, и вы меня не выдадите, но вѣрно... Это ужасно, не правда-ли?...

— Полный поворотъ, значитъ, пробормоталъ онъ поблѣднѣвшими устами.

— Онъ, говорятъ, совершенный ретроградъ, un étouffoir?

— Бюрократъ на барской подкладкѣ, худшая порода людей, какую я знаю! воскликнулъ негодующимъ голосомъ Гундуровъ.

— Ахъ, вамъ надобно показать объ этомъ... о бюрократизмѣ именно! быстро проговорила княжна, вскакивая съ мѣста:—я только-что получила послѣдній листокъ *Колокола*...

Она пробѣжала въ свой кабинетъ-спальню и вынесла оттуда нумеръ.

— Вотъ что̀ онъ говоритъ между прочимъ, читала она на-

ходу: „Редакціонныя коммисіи принимаютъ въ самомъ дѣлѣ несносную форму бюрократическаго учрежденія“ *)...

— Правда это, Сергѣй Михайловичъ? спросила она, усаживаясь опять подлѣ него.

Онъ нахмурился, какъ бы смущенный ея словами; она видимо коснулась его какого-то больнаго мѣста.

— Что же далѣе? спросилъ и онъ вмѣсто отвѣта.

— А вотъ: „Наше дворянство никогда не осилитъ язвы бюрократизма, потому что бюрократизмъ только его дополненіе; одна нога дворянства—помѣщичья, другая—чиновничья, и обѣ давятъ народъ“.

Глаза его загорѣлись.

— Что же, это правда! воскликнулъ онъ.—Но бюрократія создана не дворянствомъ, а властью, какъ орудіе и оплотъ противъ аристократическаго начала на Руси,—вотъ что забываетъ Герценъ! Оба они равно—зло для народа, это безспорно. Но изъ двухъ золъ оно все-таки меньшее. Бюрократія разумѣетъ смыслъ своего происхожденія, бюрократія не заинтересована въ сохраненіи крѣпостной зависимости крестьянъ отъ дворянства; она, вслѣдствіе того особаго значенія, которое придали ей условія нашего историческаго склада, привлекаетъ въ среду свою способнѣйшихъ людей страны... Она, само собою, въ *этомъ* дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, гнетъ на свой рутинный, мелкій... часто все мертвящій шаблонъ. Что же дѣлать?—Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Гундурова:—Мы, *люди земли*, люди независимые отъ службы, должны были сдѣлать ей и тамъ, въ коммиссіяхъ, многія уступки... **) Но мы сдѣлали это,—добавилъ онъ съ загорѣвшимся опять взглядомъ,—въ полномъ убѣжденіи, что освобожденная народная жизнь съумѣетъ обойти искусственныя путы и загородки, нагроможденныя канцелярщиной въ готовящемся для него новомъ положеніи... а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи „подавитъ“ въ свою очередь какъ дворянство, такъ и бюрократію

---

*) *Колоколъ*, 1-го февраля 1860 года.

**) По поводу этихъ уступокъ выражено Конст. Аксаковымъ самое страстное порицаніе въ его брошюрѣ: *Замѣчаніе на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи*, Лейпцигъ 1861.

и поставитъ вмѣсто нихъ свои коренныя, никогда не умиравшія въ его разумѣніи, формы быта...

— На дняхъ за обѣдомъ... на который я была приглашена, молвила княжна, — выражена была такая мысль, что дворянство не продержится и десяти лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права.

Гундуровъ пожалъ плечами; лицо его приняло сухое, чуть не злое выраженіе:

— А Богъ съ нимъ, его пѣсенка спѣта!...

И какъ бы отвѣчая на вопросительный взглядъ дѣвушки:

— Тутъ у васъ сейчасъ эта модная барыня, я ее давно знаю,—пустѣйшее существо... но она служитъ эхомъ партіи нашихъ *феодаловъ*.. Вы слышали, что̀ за чушь несла она съ ихъ словъ: „не слѣдуетъ-молъ *мстить* дворянству, то-есть, отдавать крестьянамъ „то, что̀ имъ никогда не принадлежало“... Что̀ за извращеніе фактовъ, понятій, какое непростительное невѣжество! Эти милые господа пресерьезно воображаютъ себя потомками какихъ-то сподвижниковъ новаго Вильгельма Завоевателя, покорившаго съ ихъ помощью Россію и подѣлившаго ее между ними... Они не знаютъ, или не хотятъ знать азбуки вопроса,—не знаютъ прежде всего, что, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ при Годуновѣ, крестьянинъ, утративъ право свободнаго перехода, получилъ за *это* неотъемлемое право на тотъ участокъ земли, на которомъ засталъ его указъ о прикрѣпленіи; *земля эта у правительства уже навсегда зачислялась въ крестьянскія* и таковою постоянно писалась во всѣхъ правительственныхъ росписяхъ и книгахъ... Они не хотятъ знать затѣмъ, продолжалъ Гундуровъ, оживляясь постепенно все болѣе и болѣе, — что дворяне имѣли право владѣть населенными имѣніями и вообще крѣпостными людьми только подъ условіемъ службы государству, потому что они никогда ничѣмъ инымъ и не были какъ *служилыми*, обязанными людьми, которымъ государство, вмѣсто жалованья, платило трудомъ въ ихъ пользу этихъ крестьянъ, населявшихъ жалованныя имъ помѣстья; уклонялся дворянинъ отъ службы, и вотчины его и помѣстья вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ отбирались въ казну, безъ дальнѣйшаго раз-

говора... Эти два понятія—о неоспоримомъ правѣ крестьянъ на землю и о raison d'être дворянства, какъ землевладѣльческаго сословія единственно въ силу его служилыхъ обязанностей государству, — держались неразрывно и незыблемо въ теченіе двухъ вѣковъ не только въ народномъ, — они у народа никогда не измѣнялись, — но и въ правительственномъ сознаніи до знаменитаго манифеста Петра III о „вольности дворянской",—одного изъ антинаціональнѣйшихъ и беззаконнѣйшихъ правительственныхъ актовъ во всей нашей исторіи, такъ какъ освобожденіе служилаго сословія отъ его прежнихъ обязанностей къ государству должно было ео ipso, въ силу самой простой справедливости, освободить подчиненныхъ ему до тѣхъ поръ крестьянъ отъ дальнѣйшаго обязательнаго труда въ пользу ничѣмъ уже не обязанныхъ помѣщиковъ, а оно, вопреки всякой логикѣ и правдѣ, обратило ихъ окончательно въ рабовъ... Но я замѣчаю, что я вамъ цѣлую лекцію прочелъ... и притомъ горячусь,—молвилъ, прерывая свою рѣчь и слабо усмѣхаясь, Гундуровъ, — а я именно шелъ къ вамъ сегодня въ чаяніи успокоенія отъ нашихъ ежедневныхъ треволненій тамъ въ коммиссіи...

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста продолжайте, Сергѣй Михайловичъ, оживленно молвила княжна;—если бы вы знали, какъ такія „лекціи" полезны! Вѣдь всѣ мы въ нашемъ *мондѣ* какъ въ потемкахъ ходимъ...

— Если это васъ интересуетъ, я вамъ пришлю только-что появившуюся очень хорошую книгу московскаго профессора Бѣляева объ этомъ предметѣ *); вы прочтете тамъ все подробно... а пока я скажу вамъ лишь слѣдующее, княжна: если бы наше любезное дворянство было получше знакомо съ отечественною исторіей, оно поняло бы, что то, что̀ отъ него требуется въ настоящую пору правительствомъ, не только не посягательство на его собственность, а прямая, священная и отъ манифеста Петра III и дворянской грамоты Екатерины лишь отсроченная по наше время уплата долга его русскому народу... Оспаривать неотъемлемое право русскаго крестьян-

*) *Крестьяне на Руси*, Москва 1860.

ства на орошенную пòтомъ отцовъ его землю есть преступленіе противъ нашей исторіи, противъ всего духа нашей народности, — загорячился опять Гундуровъ, — преступленіе, на которое способны только люди, порвавшіе давно всѣ кровныя связи свои съ народомъ, живущіе чужою ему, безпочвенною и безсмысленною жизнью!... Вы сказали сейчасъ, что дворянство погибнетъ вслѣдъ за упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія,—туда ему и дорога... Пусть погибнетъ изъ него все то, чтò не умѣетъ быть русскимъ ни головой, ни сердцемъ!... А Россія не пропадетъ, княжна: избывъ рабство, она возвращается къ исконному синтезу своего историческаго бытія: церковь, царь и народъ...

Она слушала его внимательно и алчно, вся прикованная, какъ говорится, къ его устамъ. Эта горячая и суровая рѣчь съ ея нѣсколько дидактическимъ, нѣсколько „профессорскимъ" оттѣнкомъ была такъ мало похожа на все то, чтò приходилось ей обыкновенно слышать! Слова его подымали собственную ея энергію, воскрешали невольно всѣ тѣ полувеликодушныя, получестолюбивыя чаянія, съ которыми поступила она во дворецъ... Поступая сюда, она мечтала о „дѣятельности", о служеніи „высокимъ идеямъ человѣчества"; она разсчитывала „проводить" ихъ вліяніемъ своимъ на авторитетныхъ лицъ, съ которыми должна была состоять въ ближайшемъ и постоянномъ общеніи. Смутными и раздражающими грезами была полна въ тѣ дни голова ея; она много читала, знала исторію, хранила твердо въ памяти „*все*, чтò могла *всегда* сдѣлать *женщина*, когда она этого сильно хотѣла", начиная хоть со временъ Эсѳири и Аспазіи, и кончая XVIII, — „этимъ по преимуществу *женскимъ* вѣкомъ", разсуждала она... Княгиня Дашкова, преданная и строптивая сподвижница Екатерины (*Записки* которой, напечатанныя Герценомъ въ своей „вольной" лондонской типографіи, жадно читались въ ту пору въ Россіи), приводила ее въ восторгъ. „Связать когда-нибудь свое имя, — какъ сдѣлала эта, такая же какъ она 20-ти-лѣтняя, смѣлая, независимая умомъ и нравомъ, женщина, — съ великимъ историческимъ событіемъ, держать въ рукахъ его нити, замыслить его и исполнить,

убѣдить сомнѣвающихся, увлечь нерѣшительныхъ, направить и повести за собой толпу,“ — таковы были сокровенныя, завѣтныя мечты молодой фрейлины, когда, подъ впечатлѣніемъ ея своеобразной красоты, ея прямыхъ и рѣзкихъ рѣчей, ее встрѣтилъ въ этихъ стѣнахъ одинъ изъ тѣхъ *succès d'engouement*, которые въ придворной средѣ еще болѣе, можетъ быть, чѣмъ среди простыхъ смертныхъ бываютъ столько же внезапны и неожиданны, какъ и скоропреходящи. Успѣхъ на первыхъ порахъ былъ полный... Но она очень скоро должна была замѣтить, что *вліяніе* ея нисколько не росло, да и что достигни оно въ дѣйствительности самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ, все же было бы оно не болѣе, какъ капля въ морѣ, по отношенію къ тѣмъ обширнымъ горизонтамъ, къ которымъ неслась отвага ея юныхъ помысловъ. Ея сужденія о „государственныхъ дѣлахъ“ *потѣшали* только тѣхъ авторитетныхъ лицъ, предъ которыми она считала нужнымъ „проповѣдывать“ ихъ; они снисходили къ этой ея „оригинальности“, соглашались даже иной разъ, en passant и смѣясь, съ вырывавшимся изъ ея устъ какимъ-нибудь мѣткимъ и задорнымъ замѣчаніемъ, но нисколько не расположены были— она это понимала,— поощрять ее на роль нимфы Эгеріи ни у себя, ни у кого-либо другаго... Да и самое тò, къ чему влеклась она безпокойною душой своею, было чуждо и не понятно этимъ лицамъ. У нихъ было свое опредѣленное дѣло, свой традиціонный кругозоръ, свой офиціальный кругъ обязанностей и дѣйствій, за который они, совершенно основательно со своей точки зрѣнія, не почитали себя въ правѣ, да и не желали заходить. Тѣ вопросы *высшаго содержанія*, около которыхъ вѣчно вертѣлась мысль княжны Кубенской, какъ бы вовсе не находили отзвука подъ кровлей величаваго зданія, въ которомъ обитала она...

Ее скоро стало нестерпимо томить ея положеніе. Воспоминанія прошлаго дѣлали для нея еще чувствительнѣе ея настоящее „ничтожество“. Въ далекомъ и обширномъ краю, въ постоянномъ обществѣ умнаго, образованаго и опытнаго отца, которому она весьма часто служила секретаремъ, она съ дѣтства привыкла къ дѣловому обиходу, къ сосредоточенію

мысли на интересахъ и заботахъ крупнаго свойства. Она думала найти, создать себѣ и здѣсь нѣчто подобное... Увы, дѣловитость ея и грамотность оказывались здѣсь пригодными лишь на занятія, глубоко протившія ей и оскорблявшія ея внутреннюю гордость. Отвѣчать казеннымъ французскимъ письмомъ о днѣ и часѣ пріема; прочесть „по порученію начальства“ какой-нибудь модный въ данную минуту французскій или англійскій романъ и передать его содержаніе, „когда не о чемъ болѣе интересномъ говорить“; занимать по долгу службы „пріятнымъ разговоромъ“ на вечерѣ или за обѣдомъ какого-нибудь гофмаршала или адъютанта изъ свиты иностраннаго принца, пріѣхавшаго въ Петербургъ по случаю россійскаго высокоторжественнаго дня; сидѣть *en grande toilette* въ этотъ высокоторжественный день рядомъ съ тѣмъ же гофмаршаломъ и дежурнымъ генералъ-адъютантомъ на спектаклѣ въ большой средней царской ложѣ... „и ничего, ничего больше!“ говорила она себѣ съ отчаяніемъ, съ ужасающимъ сознаніемъ, что это „ничего больше“ не только не требуютъ отъ нея, но и никогда не дозволили бы ей...

А между тѣмъ „великое событіе“, предъ которымъ должно было поблѣднѣть все, что̀ совершено было въ вѣкъ княгини Дашковой, готовилось для Россіи... Помышленіе о немъ поглощало теперь все существо нашей фрейлины... Она негодовала и злилась за то „равнодушіе“ и нѣсколько даже насмѣшливый тонъ, съ которымъ отвѣчали кругомъ нея на ея лихорадочное отношеніе къ дѣлу крестьянскаго освобожденія. „Гнилая, отжившая среда!“ повторяла она часто слова Иринарха Овцына... Въ Михайловскомъ дворцѣ (она была тамъ persona grata), куда ѣздила, сколько могла чаще, она сблизилась съ группой „либеральныхъ“ людей, которые находили тамъ высокое покровительство и къ которымъ примыкалъ Гундуровъ. Она горячо сроднилась съ ихъ воззрѣніями, жила ихъ борьбой, ихъ надеждами и ихъ опасеніями... О, что̀ бы дала она, чтобъ имѣть, какъ они, офиціальное право заступничества „за угнетенный народъ“ противъ „тунеядцевъ и идіотовъ *феодальной* партіи съ ихъ претензіями до-Бироновскихъ верховниковъ и трусливыми душонками византійскихъ

царедворцевъ", какъ ядовито выразился однажды въ разговорѣ съ нею тотъ же Гундуровъ...

— Да, вы правы, говорила она ему теперь съ искривившимися отъ внутренняго волненія глазами, — надо пожить, какъ я, во дворцѣ, чтобы видѣть вблизи, чего стоитъ ужь одна наша свѣтская и придворная soi-disant аристократія; вы правы: „пѣсенка ихъ спѣта"... Но они еще не сознаютъ этого, не уступаютъ поля, Сергѣй Михайловичъ; они еще въ состояніи оттянуть, похоронить дѣло освобожденія... Назначеніе графа Вилина...

Онъ весь измѣнился въ лицѣ.

— О, Боже мой! вскрикнулъ онъ, прерывая ее,—я увлекся сейчасъ общими разсужденіями, а это изъ головы вонъ!.. Вѣрно это, княжна, совершенно вѣрно?

— Несомнѣнно, къ несчастью, сказала она;—я это слышала у *насъ* сегодня за завтракомъ... Противъ этого надо принять мѣры, Сергѣй Михайловичъ! добавила она черезъ мигъ.

— Какія мѣры! Это, видимо, поворотъ... уступка всему этому плачу и стону плантаторской клики... Вчера еще, послѣ полученія государемъ предсмертной записки покойнаго и августѣйшихъ словъ по этому поводу, можно было надѣяться... но видно съ тѣхъ поръ успѣли передѣлать...

— Въ Михайловскомъ дворцѣ объ этомъ еще не извѣстно, я знаю... Надо скорѣй извѣстить, заговорила опять княжна;— тамъ могутъ еще, можетъ быть, предотвратить ударъ... написать, объяснить...

— Я сейчасъ туда съѣзжу, передамъ, молвилъ въ раздумьи Гундуровъ, — но едва-ли это поможетъ. Если, какъ говорите вы, рѣшеніе принято, это не сдѣлано же наобумъ! Очевидно, что произошло что-то, измѣненіе намѣреній...

— Знаете что, воскликнула она неожиданно,—Вилинъ можетъ отказаться!

— Почему вы думаете?

— Онъ долженъ это сдѣлать, если онъ хоть сколько-нибудь себя уважаетъ! пылко объяснила она:—иначе онъ будетъ

или измѣнникомъ волѣ Государя, или измѣнникомъ своей партіи и своимъ убѣжденіямъ...

— Приметъ и—сведетъ дѣло на нѣтъ! желчно засмѣялся на это Гундуровъ.

Глаза дѣвушки мгновенно потемнѣли, ноздри дрогнули съ выраженіемъ какой-то совершенно мужской рѣшительности:

— Онъ этого не посмѣетъ сдѣлать... ему не позволятъ... Онъ долженъ отказаться, упорно повторила она;—если онъ этого самъ не пойметъ, ему это нужно доказать!...

Гундуровъ устойчиво поглядѣлъ на нее, взялъ шапку свою со стула и поднялся.

— Это разъяснится на-дняхъ. Если въ самомъ дѣлѣ возобладала реакція, мы, люди земли, не станемъ конечно ожидать, чтобы насъ погнали: мы уйдемъ сами по первому ея признаку.

Онъ сдерживался, но княжна видѣла, какъ отъ обымавшаго его раздраженія судорожно моргали его глаза и нервное дерганье поводило ему щеку.

— Онъ откажется,—я вамъ отвѣчаю! воскликнула она, сама вся блѣдная, протягивая руку молодому человѣку.

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся, пожалъ ее и вышелъ.

Княжна, оставшись одна, встала, медленными шагами подошла къ окну и, приткнувшись лбомъ къ холодному стеклу, устремила глаза ни улицу. По широкой площади съ глухимъ гуломъ сновали экипажи, стремительно скользили офицерскія санки, развѣвались султаны на каскахъ проходившаго караула...

Но зеленые зрачки ея ничего не видѣли, словно та же темь стояла предъ нею, какъ и въ глубинѣ ея тоскующей и возмущенной души...

— Кира Никитична... ваше сіятельство, пробудилъ ее чей-то голосъ изъ задумчивости... Она оторвала глаза отъ окна.

На порогѣ полуотворенной двери въ ея кабинетъ стояла знакомая читателю синеокая Анфиса и кивала ей, какъ бы таинственно маня ее къ себѣ.

— Что̀ вамъ надобно? нѣсколько рѣзко спросила она, не двигаясь съ мѣста.

Анфиса окинула гостиную осторожнымъ взглядомъ, приперла за собою дверь и безшумно подошла къ ней.

— Тутъ у меня въ комнатѣ сидитъ...—Она замялась и поглядѣла „на свою барышню“ не то робко, не то пытливо,— просится къ вамъ...

— Кто? прервала ее Кира, сдвигая брови.

— Да... Иринархъ Степанычъ... господинъ Овцынъ...

— Что̀ ему нужно? гнѣвно воскликнула княжна,—и что̀ это за манера... пробираться воромъ какимъ-то! Какъ онъ попалъ?

— Да чернымъ ходомъ поднялись, изъ кухонь стало-быть... *Колидоромъ* ко мнѣ и прошелъ... Я ихъ пущать даже сперво-начала не хотѣла,—мало что̀-ли у насъ брехни-то, не вѣсть еще что̀ наплетутъ, люди-то здѣсь, сами знаете, какіе!...

— И хорошо сдѣлали!... А еще лучше когда попросите его теперь уйти; я его не желаю видѣть.

На лицѣ Анфисы изобразилось видимое одобреніе этимъ словамъ. Она качнула головой, повернулась итти и—остановилась, вспомнивъ:

— Они принесли съ собою ларецъ какой-то. Говорятъ, безпремѣнно вамъ передать надо, а что сами завтра и совсѣмъ уѣзжаютъ, изъ *Петербурха* то-ись...

— Что̀ за вздоръ такой... передать... и отъ кого? спрашивала, продолжая хмуриться, княжна.

— Не знаю-съ, а только говорятъ, что безпремѣнно нужно... и всего, говорятъ, „на десять минутъ разговору прошу“.

Дѣвушка помолчала, очевидно колеблясь...

— Во всякомъ случаѣ, сказала она наконецъ, пожимая плечами,—я ему никакъ не позволю пройти чернымъ ходомъ и чрезъ мою спальню... Если ему такъ необходимо меня видѣть, скажите ему, что можетъ войти какъ всѣ, чрезъ переднюю...

— Слушаю-съ... Пустой господинъ по всему! промолвила сквозь зубы Анфиса, выходя изъ гостиной.

Чрезъ нѣсколько минутъ придворный лакей княжны, мелькъ-

нувъ въ отверстіи полураскрытой имъ двери передней абрисомъ своего краснаго жилета и галуновъ съ орлами, — онъ не почелъ нужнымъ войти въ комнату всею своею достойною особой для того *мизернаго* имени, о какомъ приходилось ему теперь докладывать, — произнесъ лѣнивымъ, будто со сна голосомъ:

— Господинъ Овцынъ!...

„Господинъ Овцынъ“ былъ въ статскомъ, опрятномъ платьѣ и даже въ перчаткахъ: онъ видимо постарался явиться сюда въ наивозможно приличномъ видѣ. Длинные, запущенные за уши волосы и широкополая мягкая шляпа, *sombrero*, какъ называли ихъ во время оно, которую волочилъ онъ, низко опустивъ руку, могли лишь развѣ служить признаками принадлежности его къ той особой породѣ человѣческихъ существъ, которая тогда торжественно и побѣдно со всѣхъ столбцовъ петербургской печати кликала себя громкою кличкой „новыхъ людей“ и „солью земли русской“.

Вошелъ впрочемъ „новый человѣкъ“, какъ можно было замѣтить, гораздо болѣе храбрясь наружно, чѣмъ самоувѣренно внутренно. Глаза его бѣгали по сторонамъ съ какимъ-то напускно-разсѣяннымъ видомъ, а въ сущности избѣгая прямо и зорко направленнаго на него изъ глубины комнаты взгляда молодой хозяйки.

Она все также стояла у окна, опершись спиной объ уголъ его амбразуры, „стояла, чтобы не быть принужденною пригласить его сѣсть“,—онъ это тотчасъ же понялъ...

Губы его повело судорогой... Онъ осилилъ себя и, подойдя къ дѣвушкѣ, поклонился короткимъ, но вѣжливымъ по намѣренію поклономъ.

— Здравствуйте, Кира Никитична, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ.

Она наклонила голову въ отвѣтъ и продолжала молча-вопросительно глядѣть на него.

— Здоровы?... Нечего и спрашивать,—перебилъ онъ себя тутъ-же,—все по-прежнему... Ну, и прекрасно, значитъ!...

— Вы говорили моей горничной, сухо заговорила она въ свою очередь,—вамъ что-то необходимо передать мнѣ?...

Онъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ; прищурившись, онъ поводилъ взглядомъ кругомъ себя, какъ бы разглядывая любопытно окружающіе предметы, и перекидывалъ машинально свой sombrero изъ одной руки въ другую.

— Давно-съ не бывалъ я въ вашихъ палатахъ, молвилъ онъ, словно пробуя и отыскивая тонъ, какимъ вести съ нею дальнѣйшій разговоръ,—давно-съ!... И принимали меня здѣсь когда-то иначе. Да, времена, извѣстно, перемѣнчивы,—насильственно хихикнулъ онъ вдругъ,—объ этомъ даже нѣкій древній Римлянинъ стихами выразился...

Княжна молчала.

— Въ послѣдній разъ вѣроятно и вхожу сегодня подъ сѣнь сію, продолжалъ Овцынъ тѣмъ же насилованно-ироническимъ тономъ; — изгнанъ бѣ со срамомъ веліимъ и—безвозвратно... Тàкъ я говорю-съ?

Глаза дѣвушки мгновенно потемнѣли:

— Я не желаю видѣть людей, настолько дерзкихъ, что они дозволили себѣ забыться со мной!

Все лицо Иринарха передернуло. Онъ вскинулъ теперь въ первый разъ прямо на нее свои сѣрые зрачки съ какимъ-то пылающимъ выраженіемъ и злобы и страсти...

— Ну конечно, вы — и я, звѣзда — и червь!... Какъ же смѣть мнѣ было, — онъ заикался и путался въ словахъ отъ раздраженнаго волненія, — какъ смѣть!... Я не салонный пустозвонъ, я миндальничать не умѣю... Я не облекалъ свое... чувство въ сентиментальный сумбуръ стараго романтизма... Я понималъ тàкъ, что и вы далеко отошли отъ него, что и вы отрѣшились отъ старыхъ понятій и желаете итти свободною дорогой...

— Довольно, *monsieur Овцынъ*, перебила его Кира, — къ этому возвращаться не для чего! Если вамъ что-нибудь отъ меня нужно...

— Ну да,—не слушалъ онъ ея,—я высказался предъ вами откровенно, подъ вліяніемъ того здороваго, естественнаго влеченія, которое человѣкъ развитой испытываетъ къ такому же здоровому и способному, я полагалъ, къ правильно развитому женскому существу; ваши придворные *грандёры*, я по-

лагалъ, не успѣли извратить въ васъ способность здраваго мышленія...

— Предваряю васъ, молвила княжна, возвышая голосъ,— что если вы намѣрены еще говорить объ этомъ, я уйду изъ комнаты!...

Онъ какъ-то вдругъ разомъ обробѣлъ и замолкъ. Руки его нервно сжались и словно закоченѣли, ухватившись всѣми десятью пальцами за широкія поля его шляпы.

Кира видѣла это, и по надменнымъ губамъ ея пробѣжала мимолетная усмѣшка (женщинъ всегда подкупаетъ покорство)...

— Что̀ же вамъ нужно отъ меня теперь? спросила она чрезъ нѣсколько времени съ нѣсколько уже смягченною интонаціей въ голосѣ; — вы принесли мнѣ, говорятъ, какой-то ящикъ... Гдѣ онъ?

— Я оставилъ его у вашей служанки, отвѣтилъ онъ, усиливаясь въ свою очередь говорить спокойно и твердо,—предъ вашимъ придворнымъ церберомъ я почелъ безполезнымъ проносить его...

— Отъ кого это?

— Отъ меня собственно... если позволите, сказалъ Иринархъ, попадая опять на пошибъ обычной своей развязности,—такъ какъ я уѣзжаю отсюда завтра...

— Куда? невольно сорвался у нея вопросъ.

— Съ *порученіемъ* въ Лондонъ, многозначительно протянулъ онъ въ отвѣтъ.

Кира поглядѣла на него:

— Къ Герцену? медленно и тихо вымолвила она.

Онъ хихикнулъ:

— Само собою-съ!

— Для чего?

— Съ *порученіемъ*, повторилъ онъ. — Да и для личнаго объясненія притомъ... Читали вы его послѣдній нумеръ?

— Читала.

— Замѣтили тамъ „Письмо изъ Россіи“ и отвѣтъ его по этому случаю? *).

*) *Колоколъ* 1 фев. 1860.

— Гдѣ ему совѣтуютъ „звать Россію *къ топору*“?

— Да, да, именно! воскликнулъ Иринархъ, сверкнувъ глазами.

— А онъ отвѣчаетъ, что онъ врагъ кровавыхъ переворотовъ и что во всякомъ случаѣ не изъ Лондона могъ бы такой зовъ поднять Русскій народъ?

— Другими словами-съ, фыркнулъ Овцынъ: — я-молъ на словахъ богатырь, а на дѣлѣ — тотъ же *буржуа* и *постепеновецъ*... Вотъ-съ объ этомъ мы и потолкуемъ съ достопочтеннымъ Александромъ Иванычемъ! добавилъ онъ, перекашивая губы судорожною гримасой.

Княжна еще разъ поглядѣла на него.

— Это *вы* писали ему о „топорѣ“?

Онъ откинулъ волосы назадъ и какъ бы встряхнулъ этимъ движеніемъ все свое жидкое тѣло назадъ.

— Ну, кто бы тамъ ни писалъ-съ... а что ему объ этомъ прочтется подобающая нотація, будьте на счетъ сего благонадежны-съ!

— Какъ же это вы ѣдете? полюбопытствовала она: — вы оставили университетъ?

— Распростился! Вольный гражданинъ отечества... и, по всей вѣроятности, *вселенной*, произнесъ онъ съ удареніемъ и вскинулъ на нее изподлобья взглядъ, въ которомъ читалось жадное желаніе уловить скорѣе впечатлѣніе, какое могли произвести эти слова его на нее.

Но ничего онъ прочесть на лицѣ ея не могъ: она отвернулась и глядѣла на улицу.

— Такъ вотъ-съ, отрывисто, съ едва одолѣваемою досадой въ звукѣ голоса, началъ онъ чрезъ мигъ, — уѣзжая изъ Петербурга на... неопредѣленное время, я и возымѣлъ счастливую мысль просить васъ сохранить у себя мои бумаги.

Она съ раскрывшимися широко отъ изумленія глазами повела теперь головою въ его сторону:

— Отчего именно меня, и почему это такая, по-вашему, „счастливая“ мысль?

— Очень просто-съ, отвѣтилъ онъ самымъ безцеремоннымъ и самоувѣреннымъ тономъ:—потому, что если бы поли-

цейскимъ ищейкамъ удалось напасть на ихъ слѣдъ, дальнозоркость ихъ замерла бы тотчасъ предъ *внушительною* неприкосновенностью вашего обиталища.

Онъ ее огорошилъ этими словами въ первою минуту. Но она тотчасъ же овладѣла собой.

— И вы полагаете, спросила она свысока,—что я не могу вамъ отказать въ такой просьбѣ?

— Полагаю и—даже увѣренъ, сказалъ онъ, глядя на нее зоркимъ и острымъ взглядомъ;—увѣренъ-съ, потому что въ этихъ бумагахъ содержится касающееся не одного меня; уничтожить ихъ я не имѣю права, скрыть куда въ иномъ мѣстѣ—нашелъ неудобнымъ... а васъ, не смотря на существующія между нами... недоразумѣнія,—нахально промолвилъ онъ,—почитаю настолько *честною* личностью, что вы не захотите отказомъ вашимъ подвергнуть гибели лучшихъ людей въ Россіи...

Она хотѣла возразить... и не рѣшилась... Онъ взывалъ къ ея великодушію, говорилъ о „лучшихъ людяхъ“ (кто не вѣрилъ въ ту пору въ существованіе этихъ „лучшихъ людей“!), которые могли „погибнуть“ вслѣдствіе ея отказа; дѣло касалось наконецъ все тѣхъ же „высокихъ идей человѣчества“, которымъ сама она какъ горячо стремилась служить...

— Что же есть въ этихъ бумагахъ? спросила она неувѣреннымъ голосомъ, какъ бы откладывая минуту рѣшительнаго отвѣта.

— Долго было бы разсказывать. Интереснаго много-съ, одно могу сказать, надъ чѣмъ людямъ правительства пришлось бы провести дрожа не одну безсонную ночь! сказалъ Иринархъ, мрачно и грозно насупливая брови. — Онѣ запечатаны впрочемъ, и чтеніе ихъ такимъ образомъ скомпроментировать васъ не можетъ, язвительно прибавилъ онъ къ этому, какъ бы въ отместку за эту ея „нерѣшительность“.

Она только презрительно усмѣхнулась на это.

— Вы говорили, что ѣдете на „неопредѣленное“ время, молвила она, помолчавъ:—что же мнѣ дѣлать съ этими бумагами, если вы долго... или *совсѣмъ* не возвратитесь?

— Къ вамъ явится въ такомъ случаѣ неизвѣстная вамъ

личность и вручитъ вамъ въ руки, или чрезъ вашу прислугу, запечатанный конвертъ, подъ которымъ вы найдете листокъ съ надписью: *Земля и Воля*; этого будетъ достаточно. Вы этой личности передадите ящикъ, а онъ вамъ дастъ въ принятіи его росписку съ подписью имъ двухъ буквъ: З и В. Вотъ и все!

Княжна чуть-чуть кивнула головой: хорошо-молъ!

Настало довольно продолжительное молчаніе. Онъ мялъ задумчиво свою шляпу въ рукахъ; она опять уткнулась глазами въ окно.

— А теперь *все*? скучающимъ голосомъ произнесла она наконецъ.

— Все... нѣсколько озадаченно промолвилъ онъ.

И вдругъ глаза его загорѣлись вновь страстнымъ пламенемъ, задрожали блѣдныя губы.

— Я не хотѣлъ бы разстаться съ вами, Кира Никитична, залепеталъ онъ,—не разъяснивъ всего того, что̀ въ поводахъ вашихъ къ неудовольствію на меня...

Она остановила его сразу повелительнымъ движеніемъ руки:

— Позвольте!..

И, направившись быстрою поступью къ двери сосѣдней комнаты, она полуотворила ее и кликнула:

— Анфиса Дмитріевна!

— Что̀ прикажете? отозвалась немедленно та, убиравшая что-то въ спальнѣ.

— Господинъ Овцынъ оставилъ у васъ какой-то ящикъ; принесите его сюда.

— Сейчасъ, ваше сіятельство!

Синеокая женщина побѣжала въ свою комнату, между тѣмъ какъ Кира, недвижимо сто̀я на томъ же мѣстѣ, казалось, говорила всѣмъ выраженіемъ своего облика: „вздумай начать опять, и я скроюсь и замкнусь за этою дверью“.

„Ларецъ“, вынесенный Анфисой, оказался не очень объемистымъ, но тяжелымъ (она насилу удерживала его въ рукахъ,) коробомъ, сколоченнымъ изъ тонкихъ бѣлыхъ досокъ;

онъ обмотанъ былъ накрестъ бичевкою, а концы ея припечатаны сургучомъ большою, аляповатою печатью.

Она опустила,—уронила его почти на полъ у ногъ княжны и встряхнула обѣими, натуженными носкою его, руками своими.

— Тутъ ваши бумаги? спросила какъ бы офиціально Кира, полуопуская на него глаза.

— Тутъ! словно прошипѣлъ „новый человѣкъ“.

— Хорошо! коротко сказала она, приподняла голову—и медленно опустила ее тутъ же въ формѣ поклона, самымъ несомнѣннымъ образомъ сказавшаго ему, что затѣмъ ничего инаго не оставалось дѣлать, какъ отвѣтить тѣмъ же и удалиться во-свояси.

Иринархъ побагровѣлъ, позеленѣлъ, заморгалъ вѣками; губы его зашевелились, какъ бы готовясь разразиться потокомъ неудержимыхъ словъ... и ничего не выговорили. Подъ ледянымъ, упорно и безтрепетно направленнымъ на него взглядомъ обѣихъ женщинъ, онъ опустилъ мимо воли дерзкіе глаза свои, коротко и неловко повелъ всѣмъ своимъ туловищемъ вмѣсто отвѣтнаго поклона и, размахивая, какъ говорится, „для контенанса“ шляпой, вышелъ торопливо изъ комнаты.

— Куда мы это дѣнемъ? молвила, едва успѣлъ онъ исчезнуть, княжна съ нѣсколько гадливымъ оттѣнкомъ въ выраженіи, притрогиваясь носкомъ ботинки къ стоявшему все также у ногъ ея коробу.

— А въ печь? отвѣчала на это съ полуусмѣшкой Анфиса, устремляя на нее съ боку свои умные глаза.

Брови Киры досадливо сжались:

— Нельзя... у него тутъ бумаги...

— А тѣмъ паче, Кира Никитична; можетъ что̀ неладное? возразила та. Она въ силу сметки, пріобрѣтенной ею въ интимности Елпидифора Павловича Акулина, на основаніи слышаннаго ею еще въ Москвѣ отъ друга своего Лизаветы Ивановны о „дури“ молодаго Овцына и того, что̀ могла сама замѣтить за нимъ въ ту пору, „когда княжна еще *пущала* его къ себѣ“, чутьемъ чуяла это „неладное“ въ оставленныхъ имъ бумагахъ...

Кира молчала.

— Какъ если чтобы не зналъ никто, сказала, не дождавшись отвѣта, Анфиса,—такъ некуда опричь сюда вотъ! И она указала кивкомъ на шкафъ съ мюнцкабинетомъ:—тамъ нижняя полка пустая.

Въ двери изъ передней звякнула въ эту минуту рукоятка замка... Она мгновеннымъ движеніемъ стала предъ коробомъ, закрывая его всѣмъ объемомъ своей юпки.

— Ея высочество проситъ ваше сіятельство къ себѣ! вѣско и спѣшно отчеканилъ входя красный жилетъ.

„Наѳанаила тамъ или Андомская?“ пронеслось въ головѣ княжны. Она надменно повела губами въ чаяніи неотвратимаго, быть можетъ, столкновенія... Она „конечно, не уступитъ, скажетъ“...

— Хорошо, сейчасъ иду! сказала она, указывая лакею выйти движеніемъ головы.

Она пошла за нимъ, взялась за замокъ и, обернувшись къ Анфисѣ:

— Скорѣй, пожалуйста, уставьте это туда!...

Та поспѣшно открыла на обѣ половинки шкафъ ключомъ изъ связки, висѣвшей у нея за поясомъ, подтолкнула къ нему ногою коробъ, подняла его и уставила къ темному углу, такъ же быстро закрыла и защелкнула шкафъ и заткнула ключи свои опять за поясъ.

— Готово! сказала она.

Княжна вышла.

Синеокая женщина медленно двинулась и остановилась у окна. Она замѣтно похудѣла и осунулась со времени переселенія своего въ Петербургъ... Она безконечно тосковала здѣсь, никуда не выходила изъ дворца, избѣгала всякихъ знакомствъ съ сосѣдками своими по „колидору“ и проводила всѣ дни за работой или за чтеніемъ „божественнаго“. Все, что доводилось ей видѣть, замѣчать и угадывать кругомъ себя, наполняло ее уныніемъ и какимъ-то неопредѣленнымъ, но болѣзненно охватывавшимъ ее страхомъ. „Петербургскій народъ“ представлялся ей совершенно особаго рода лукавою и злокозненною породой людей.

— *Внѣуду являются красны, внутрьуду же полны суть костей и всякія нечистоты*, шептали и теперь блекнувшія уста ея, подъ впечатлѣніемъ свѣжаго разговора объ Иринархѣ Овцынѣ... Она многое угадывала и изъ „тѣхъ мыслей“, которыхъ держалась ея „барышня“ (къ которой она успѣла привыкнуть, и которая въ свою очередь обходилась съ нею съ видимымъ уваженіемъ и довѣріемъ), понимала, что „и ей здѣсь жить не вольготно“...

— И небо-то здѣсь само будто не христіанское! примолвила она про себя, устремясь взглядомъ на виднѣвшійся изъ окна высокій куполъ Исаакіевскаго собора, надъ крестомъ котораго, словно норовя зацѣпить его своимъ черносинимъ краемъ, ползла большая снѣговая туча.

И Анфиса, вздыхая, перекрестила себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ...

IV.

Чертогъ сіялъ; гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.

Пушкинъ.

Wir sind nur insofern zu achten, als wir zu schätzen wissen.

Göthe.

La cour est comme un édifice de marbre: elle est composée d'hommes fort durs, mais polis.

Labruyère.

Въ большомъ зданіи, на одной изъ главныхъ площадей Петербурга, по всему протяженію нижняго этажа сіяли огни. Тамъ давался большой маскарадный балъ.

Это былъ самый блестящій, самый привлекательный и, выражаясь не изобрѣтеннымъ еще въ ту пору выраженіемъ, самый „интеллигентный" *домъ* Петербурга той эпохи, къ которой относится нашъ разсказъ. Въ немъ какъ бы вѣяло живою традиціей Екатерининскаго Эрмитажа, Екатерининскаго ума, Екатерининскаго *вкуса* къ дарованіямъ, къ мысли, къ культурѣ... Обаятельная хозяйка этого дома одарена была драгоцѣннѣйшими въ ея высокомъ положеніи качествами: широкимъ объемомъ помысла, твердою иниціативой воли и тѣмъ безцѣннымъ даромъ умственной *зрячести*,— проникновенія и оцѣниванія людей по настоящей мѣрѣ ихъ способностей и того дѣла, на какое они годны, — безъ котораго нѣтъ *великихъ* въ человѣческой исторіи. Она заботливо дознавалась объ

этихъ людяхъ, привлекала ихъ къ себѣ, очаровывала своею милостью, отзывчивостью и усвойчивостью своего ума. Въ небольшомъ, тщательно избранномъ кругу ея обычныхъ *четверговъ* дипломаты и государственные дѣятели, свѣтскія красавицы и изощренные царедворцы встрѣчались со скромными, *дичащимися*, ни въ какой иной гостиной не показывавшимися учеными; русскій писатель обмѣнивался здѣсь рѣчью съ иностраннымъ собратомъ, съ путешественникомъ, только-что вернувшимся изъ какого-нибудь еще невѣдомаго угла вселенной; многообѣщающій молодой художникъ внималъ поучительной для него бесѣдѣ патентованнаго спеціалиста со многовидѣвшимъ любителемъ или меценатомъ искусства.

Что-то поднимающее и *движущее* заключалось въ атмосферѣ, окружавшей эту женщину,—что-то возбуждавшее силы, энергію, смѣлость въ тѣхъ, кого она поощряла или вызывала на дѣятельность, кому она со своимъ зоркимъ взглядомъ указывала на предлежавшія имъ цѣли... Ея сочувствіямъ и вѣскому предстательству одолжены были главнымъ образомъ извѣстные дѣятели крестьянскаго освобожденія тѣмъ значительнымъ вліяніемъ, какое дано было имъ внести въ его разрѣшеніе. Многое, быть можетъ, въ этомъ дѣлѣ не совершилось бы, или совершилось бы иначе, если бы за этими людьми не стояла она, со своимъ блескомъ и обаяніемъ, со всѣми чарами своего дома, — единственно направленными въ эту минуту къ служенію той высшей государственной задачѣ, которой она была давнишнею и неустанною поборницей.

Привѣтливая, оживленная, еще прекрасная вопреки годамъ, окруженная высшими особами Россіи, она стояла теперь во глубинѣ танцовальной залы „интимнаго“ этажа своего роскошнаго обиталища и, поощрительно улыбаясь слегка прищуреннымъ взглядомъ и красивыми устами, смотрѣла на стройныя пары костюмированныхъ лицъ, проходившія подъ торжественные звуки полонеза мимо мѣста, занимаемаго ея кружкомъ.

Оркестръ заливался. Яркій свѣтъ падалъ съ люстръ и жирандолей на зыбкую волну тѣснившихся кругомъ головъ, сверкалъ искристыми бликами въ граняхъ бриллiантовъ, по обод-

камъ перьевъ и цвѣтовъ, по золоту браслетовъ, эполетъ, по шитью военныхъ воротниковъ. Въ жаркомъ уже воздухѣ струился проницающій запахъ прокуренныхъ духовъ, женскихъ тканей и бѣлья, перчатокъ, хранимыхъ въ благовонныхъ ящикахъ. Людской гулъ и жужжаніе, соперничая съ визгомъ скрипокъ, съ гудѣніемъ валторнъ, словно стояли въ этой насыщенной и раздражающей праздничной атмосферѣ. Всѣ лица сіяли; женскіе глаза горѣли, рдѣли алыя уста въ лихорадочно - радостномъ оживленіи. Не было, знали всѣ, праздниковъ болѣе удачныхъ, болѣе увлекающихъ, какъ въ этихъ стѣнахъ. Тутъ былъ весь дворъ, весь цвѣтъ еще тогда богатаго и многолюднаго большаго свѣта столицы... Новыя вѣянія не успѣли загасить еще тогда „весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ“ былой, безпечальной, отошедшей нынѣ безвозвратно въ вѣчность жизни...

Пары скользили одна за другою... Вотъ двугорбый Полишинель (всѣмъ извѣстный адъютантъ), какъ бы разрѣзанный пополамъ двуцвѣтнымъ своимъ одѣяніемъ, проходитъ съ накладнымъ носомъ и комическою суровостью, возбуждающими звонкій хохотъ *галлереи*, звеня гремушками своей marotte de fou и помахивая ею надъ головой, какъ тамбуръ-мажоръ предъ своими музыкантами: онъ командуетъ цѣлою кадрилью слѣдующихъ за нимъ *Пьеро* и *Пьеретокъ*; всѣ они въ бѣломъ и въ голубыхъ бантахъ, съ того же цвѣта шапочками въ формѣ китайскихъ крышекъ надъ напудренными волосами,— все молодыя, свѣжія, дѣвичьи и юношескія лица... Вотъ *двѣнадцать мѣсяцевъ года* подобранные изъ среды самыхъ красивыхъ женщинъ петербургскаго общества... Новою зыбью колыхнулась и надвинулась къ нимъ толпа. Онѣ проходятъ медленно, гуськомъ, сіяя своими затѣйливыми уборами, блескомъ цвѣтныхъ камней и расширенныхъ какъ бы тревогою зрачковъ, между темными шеренгами жадно взирающихъ на нихъ мужчинъ, направляясь къ группѣ высокихъ лицъ, окружающихъ хозяйку... Ихъ ждутъ тамъ ласковыя улыбки, милостивыя рѣчи...

Вотъ подходитъ *іюль мѣсяцъ*... Читатель, это опять она,— это Ольга Елпидифоровна Ранцова... Благоволящая къ ней

судьба доставила ей нежданно случай предстать въ активной роли на этомъ блестящемъ вечерѣ. Княгиня Гагина, которую замѣняла она теперь, заболѣла внезапно за два дня до того, и *кадрили мѣсяцевъ* грозило разстройство, если бы на нее не было указано все тѣмъ же ея, вліятельнымъ въ придворныхъ сферахъ, „другомъ". Поставлено было это имъ притомъ такъ искусно, что приглашенная же какъ бы оказывала услугу, выводила хозяйку дома изъ нежданнаго затрудненія, принимая на себя заботу приготовить указанный костюмъ въ полтора дня времени,—и заслуживала поэтому особенной благодарности и расположенія...

Костюмъ удался на славу. Съ сверкающими лучами золотаго полусонца поверхъ головы, въ пышныхъ складкахъ воздушнаго газа, отливавшаго цвѣтомъ водной струи, по которому съ лѣваго плеча черезъ все платье до самаго низа его, слегка приподнятаго надъ шелковою второю юпкой, бѣжала гирлянда яркихъ маковъ и золотыхъ колосьевъ, — эффектная красота ея производила поражающее впечатлѣніе... И словно она одна теперь не догадывалась объ этомъ: она шла съ какою-то сдержанностью, едва улыбаясь и отвѣчая, не поворачивая головы, однимъ помаргиваніемъ вѣкъ на восторженныя восклицанія знакомыхъ, мимо которыхъ пробиралася она (не даромъ проходила она высшую школу свѣтскости съ такимъ человѣкомъ, какъ графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ)...

Придворный реверансъ ея былъ безукоризненъ. Она, не спѣша, почтительно и самодостойно, потупила голову и глаза, медленно, чуть-чуть бокомъ, поджала колѣни, подалась слегка тѣломъ назадъ,—и волны ея газа и шелка съ едва слышнымъ шуршаніемъ разостлались кругомъ нея, словно какой-то вдругъ опавшій, сверкающій туманъ...

Она *понравилась*,—это сказалось ей вдругъ, инстинктивно, прежде чѣмъ она успѣла поднять глаза.

Она не ошиблась. Ея красивая наружность и изящество туалета замѣчены были еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ, на балѣ въ *** дворцѣ,—первомъ изъ такихъ баловъ, на которомъ появилась она,—и заслужили высшее одобреніе.. Ее

привѣтствовали теперь нѣсколькими очень благосклонными словами, отъ которыхъ забилось у нея сердце до боли и блаженный румянецъ загорѣлся до самыхъ волосъ.

— Ваше... чего ни сдѣлаешь, чтобъ имѣть счастіе быть вамъ угодною! воскликнула съ пламеннымъ этузіазмомъ молодая женщина. Она готова была бы дать сейчасъ отрубить себѣ голову, чтобы доказать свою преданность „всѣмъ *имъ*, безконечно добрымъ, прелестнымъ, очаровательнымъ!“...

Ее *отпустили* милостивымъ поклономъ. Она присѣла еще разъ и двинулась съ мѣста.

Стоявшій въ группѣ молодой генералъ въ Андреевской звѣздѣ наклонился къ ней:

— Хотите со мной третій контрдансъ, Ольга Елпидифоровна?

О, Боже мой, онъ даже знаетъ, какъ ее зовутъ! Она вспыхнула, присѣла и отошла, не чувствуя ногъ подъ собою...

А онъ, обернувшись къ своему кружку, засмѣялся, произнесъ полушопотомъ имя и нѣсколько словъ объясненія..

— Ah, vraiment?...

Улыбка пробѣжала по всѣмъ устамъ; глаза на мигъ обернулись въ сторону: — тамъ въ группѣ сановниковъ въ звѣздахъ и лентахъ подъ мундирными фраками стоялъ графъ Наташанцевъ, отдѣляясь невольно отъ всѣхъ ихъ тонкимъ изяществомъ своего облика и grand air. Онъ, какъ и прочіе, но тая подъ спокойнымъ видомъ обнимавшее его внутренно волненіе, глядѣлъ на приближавшихся красавицъ, не теряя изъ глазъ въ то же время кружокъ высокихъ гостей хозяйки и угадывая о предметѣ ихъ разговора своимъ старымъ царедворческимъ чутьемъ.

Молодой генералъ подозвалъ его къ себѣ движеніемъ глазъ, подалъ ему руку и весело подмигнулъ ему.

Наташанцевъ блаженствовалъ. Благодарности его не было конца; въ милостивомъ вниманіи, оказанномъ предмету его страсти, онъ разумѣлъ самую лестную для себя награду его дознанной, доказанной, сорокалѣтней преданности...

Онъ безсознательно обратился взглядомъ на дочь. Княгиня Андомская стояла въ группѣ, ближайшей къ тому кружку,

къ которому самъ онъ удостоенъ былъ быть призванъ, среди тѣхъ спеціальныхъ *сливокъ* общества, къ которымъ принадлежала она, и которыя здѣсь, въ этомъ домѣ, держались особою, *эксклюзивною* котеріей.

Она въ свою очередь подняла на отца свои безпощадные сѣрые глаза. „Что̀ ты ни дѣлай, а я не хочу!“ ясно говорили они ему... Онъ чуть замѣтнымъ движеніемъ дернулъ плечомъ и отвернулся.

Но вотъ опять колыхнулась толпа. За костюмированными шли замаскированныя пары въ домино. Мужскіе капуцины были трехъ цвѣтовъ: коричневые, черные и голубые, распредѣленные по росту облекавшихъ ихъ лицъ, — по восьми на каждый цвѣтъ. Для отличія между собою на груди каждаго изъ нихъ висѣла на ленточкѣ карточная фигура... Въ толпѣ мгновенно пробѣжала словно электрическая струя. Кого, чьи лица скрывали эти маски?... На чертахъ всѣхъ мигомъ сказалось выраженіе алчнаго и какъ бы тревожнаго любопытства; всѣ глаза какъ по командѣ вскинулись на входившихъ...

Они, дойдя до хозяйки, раскланялись, разошлись — женщины вправо, мужчины влѣво,—и разбрелись въ одиночку по залѣ.

Посреди ея строился первый контрдансъ. Кавалеры суетились, указывали мѣста своимъ дамамъ. Дамы разсѣянно слушали ихъ рѣчи и, склоняя лицо къ своимъ портбукетамъ, слѣдили избока съ мѣста за пробиравшимися въ толпѣ капуцинами, предъ которыми невольнымъ движеніемъ поспѣшно и осторожно разступались мундиры и фраки...

Одинъ изъ нихъ, коричневый, подошелъ къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ. Она безсознательно вздрогнула и тутъ же съ загорѣвшимся взглядомъ воззрилась въ глаза его...

Она танцовала съ графомъ Анисьевымъ, поспѣшившимъ пригласить ее, какъ только отошелъ отъ нея молодой генералъ въ Андреевской звѣздѣ... Онъ теперь такъ же зорко, какъ и она, но какимъ-то косымъ, лисьимъ взглядомъ направилъ глаза на подошедшаго къ ней и насторожилъ ухо. Но по первому звуку донесшагося до него голоса лицо его приняло свое обычное, искусственно-разсѣянное выраженіе.

— Ты очень счастлива сегодня, кажется? спрашивалъ Ранцову капуцинъ, по-маскарадному.

— Никогда не была такъ счастлива, я не скрываю! радостно воскликнула прекрасная представительница іюля мѣсяца,—а вы... а ты? поспѣшила она поправиться.

— Я такъ отвыкъ отъ шума въ тихой моей обители, что мнѣ здѣсь какъ будто дико, отвѣчалъ онъ.

Она засмѣялась:

— Что̀-жь ты дѣлаешь въ этой твоей обители, beau capucin—молишься?

— Непремѣнно.

— На *кого?* подчеркнула она.

— Этого я не скажу тебѣ.

— Почему? спросила она, продолжая внимательно вглядываться ему въ глаза.

— Ты не поняла бы, отвѣчалъ онъ страннымъ, уколовшимъ ее почему-то тономъ.

— Намъ дѣлать фигуру! предварилъ ее въ эту минуту Анисьевъ.

Когда они вернулись на мѣсто, капуцина уже не было.

— Кто это можетъ быть, какъ вы думаете? съ живостью спросила она своего кавалера.

Онъ улыбнулся своею многозначительною усмѣшкой и—не сейчасъ проговорилъ шепоткомъ, пристально глядя на нее:

— Во всякомъ случаѣ не то, что̀ вы думали.

Она разсердилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ вѣрнѣе угадалъ онъ ея тайный помыселъ, и вся вспыхнула.

— У васъ вѣчно все то же лукавство и ехидство на умѣ! воскликнула она;—почему вы знаете, что̀ я думала?... Что̀ вы думали, *вы*, говорите!

Онъ все такъ же спокойно и улыбаясь глядѣлъ на нее, словно любуясь ея красивымъ гнѣвомъ.

— Вамъ угодно знать? Извольте: я думаю, что завоеваніе графа Леонида Александровича Наташанцева — достаточно блистательный подвигъ, чтобы вамъ этимъ удовольствоваться, сказалъ онъ.

Ольга Елпидифоровна пуще разсердилась отъ этихъ словъ.

— Какое вамъ, скажите, дѣло до меня и до моихъ „завоеваній“!... Я, слава Богу, изъ вашей опеки вышла,—желчно промолвила она, быстро дыша высокою грудью,—и не желаю возвратиться подъ нее!...

— Напрасно! невозмутимо возразилъ онъ:—je suis de bon conseil, какъ вы знаете, а ваше зданіе далеко еще не доведено до крыши... Намъ опять танцовать!...

Пока она *балансировала* со своимъ vis-à-vis, она успѣла одуматься... Война, порученія, затѣмъ губернаторство Анисьева держали его въ отдаленіи отъ нея лѣтъ пять, шесть. Онъ успѣлъ за это время жениться на одной изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ русскаго юга, подарившей его сыномъ и — вдовствомъ по ней послѣ полутора года замужства. Ольга Елпидифоровна почитала всѣ ихъ прежнія отношенія поконченными, почитала себя навсегда избавленною отъ его „кошмара“. Но вотъ онъ опять здѣсь, въ видномъ положеніи, опять сталъ бывать у нея, бывать на ногѣ стараго, *безкорыстнаго* друга. Въ первый разъ заговорилъ онъ теперь прежнимъ, рѣшительнымъ, чуть не угрожающимъ языкомъ. Ей стало жутко вдругъ... Онъ опасный врагъ: онъ интименъ, она знала, въ кружкѣ княгини Андомской; онъ къ тому же опять въ большой милости: его, она слышала, прочатъ еще на новую должность, въ которой онъ будетъ имѣть возможность прямо способствовать ея планамъ, или разстроить ихъ... Но неужели за его содѣйствіе или вмѣшательство придется ей уплатить ему тою цѣной, которой онъ такъ назойливо добивался отъ нея за послуги свои въ годы ея дебютовъ съ мужемъ въ Петербургѣ? проносилось быстрыми, тревожными скачками въ ея головѣ... Нѣтъ, это не возможно, это было бы слишкомъ отвратительно!... „Во всякомъ случаѣ открыто *rompre* съ нимъ не надо!“ рѣшила она въ концѣ концовъ.

— Миръ? проговорила она съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ, вертясь съ нимъ рука въ руку въ заключеніе второй фигуры и слегка пожимая его пальцы.

— Даже *Парижскій*, тихо и смѣясь впалъ онъ въ ея тонъ,—*лучше доброй ссоры*...

А капуцинъ, изъ-за котораго чуть не произошла у нихъ

эта „ссора“, брелъ между тѣмъ по залѣ подъ темнымъ своимъ капюшономъ, промежь пышныхъ кринолиновъ и блестящихъ военныхъ мундировъ, озирая любопытно все это хорошо ему знакомое и давно имъ невиданное свѣтское общество... Онъ попалъ на этотъ вечеръ совершенно неожиданно, пріѣхавъ въ Петербургъ всего за два дня назадъ по своимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе уѣхать обратно въ свою „тихую обитель“, и съ намѣреніемъ „ни у кого не быть“. И вотъ наканунѣ случайно встрѣчается онъ на улицѣ со старымъ своимъ знакомымъ, графомъ Пердро, вѣчнымъ участникомъ и устроителемъ придворныхъ празднествъ, который, съ-оника остановивъ его сани, не давъ ему раскрыть ротъ, съ судорожно-поспѣшными рѣчью и движеніями объявляетъ ему, что его „послалъ самъ Зевсъ“, что „*имъ* не достаетъ восьмаго *dans les capucins bruns*“, что онъ именно „le huitième *spirituel* demandé“, и, не ожидая отвѣта, тутъ же поворачиваетъ оглобли и гонитъ своего извощика на Михайловскую площадь; а вечеромъ приносятъ пріѣзжему въ Демутову гостиницу формальное приглашеніе, является портной брать съ него мѣрку на домино... За часъ передъ баломъ пріѣзжаетъ за нимъ Пердро и везетъ его съ собою. Онъ нѣмъ какъ рыба, серіозенъ какъ могила: именъ будущихъ собратій ихъ по *рясѣ* онъ не открываетъ, говоря только, что они съ нимъ будутъ „въ очень хорошемъ обществѣ“... Они въ отдѣльной, отведенной имъ комнатѣ совершаютъ свой туалетъ, надѣваютъ маски. „Пожалуйте!“ вбѣгаетъ затѣмъ ливрейный слуга звать ихъ и ведетъ черезъ рядъ комнатъ въ покой, гдѣ собираются таинственные ихъ товарищи: *малые*, *средніе* и *большіе*... Изъ другихъ дверей выступаетъ такое же число невѣдомыхъ, укутанныхъ въ разноцвѣтное домино дамъ; кавалеры разбираютъ ихъ по росту, подаютъ имъ руки. Двери отворяются,—они вошли въ залу...

Во всемъ этомъ было нѣчто необычное, какое-то *романическое вѣяніе*, заставлявшее невольно звенѣть въ душѣ пріѣзжаго давно и навсегда, думалъ онъ, замолкнувшія струны. Онъ чувствовалъ себя какъ-бы вдругъ помолодѣвшимъ подъ этою маской, скрывавшею его черты, и изъ-за которой онъ

могъ теперь на полной волѣ тѣшить врожденныя ему наблюдательность и насмѣшливость. Онъ подходилъ къ дамамъ, къ старымъ знакомымъ, вызывалъ ихъ смѣхъ забавнымъ замѣчаніемъ, намекомъ, еще чаще смущая неожиданнымъ словомъ, короткимъ вопросомъ, принимавшими въ ихъ понятіи, благодаря цвѣту его костюма и измѣненному голосу, особое, тревожившее ихъ значеніе. И, не давая имъ разубѣдиться въ заблужденіи, онъ быстро удалялся, исчезалъ въ шумно двигавшейся толпѣ...

Онъ прилежно всматривался въ нее, слѣдилъ за отдѣльною игрой физіономій. *Новое* время ясно сказывалось для него въ нѣсколько пріуныломъ, какъ бы растерянномъ выраженіи на старыхъ лицахъ, — въ замѣтной самоувѣренности, въ какой-то особенной *дезинвольтурѣ* всего облика людей молодыхъ. „*Наше* время пришло", будто сказывалось на лицахъ вчерашнихъ пажей, лицеистовъ, правовѣдовъ, успѣвшихъ уже превратиться въ адъютантовъ и чиновниковъ изъ категоріи „многообѣщающихъ"... Женскія рѣчи и смѣхъ, казалось ему, принадлежавшему первою своею молодостью къ прошлому царствованію, звучали рѣшительнѣе прежняго, „эманципированнѣе" были пріемы, откровеннѣе обращеніе... Каждый очевидно чувствовалъ себя свободнѣе и — безотвѣтственнѣе...

Замаскированные придавали вечеру особенное, своеобразное оживленіе. *Они* и *онѣ* отдѣлялись, невольно привлекая на себя взгляды темными сплошными пятнами своими на яркоколерномъ фонѣ женскихъ одѣяній,—вели въ углахъ залы веселые разговоры съ убѣленными сановниками, уводили изъ вальса, таинственные и важные, какъ венеціанскіе Dieci, хохочущихъ красавицъ и исчезали съ ними во глубинѣ сосѣднихъ покоевъ. За ними слѣдили, перебирали шопотомъ предполагаемыя имена ихъ... Общимъ, сочувственнымъ хохотомъ привѣтствованъ былъ свалившійся на-ходу капюшонъ съ головы одного иза „малыхъ", *голубыхъ* капуциновъ, въ которомъ, не смотря на маску, узнали по его разлетавшимся во всѣ стороны сѣдымъ волосамъ прелестнаго поэта и умнѣйшаго острослова петербургскаго большаго свѣта того време-

ни... Онъ не смутился, закинулъ руку за спину и, поправляя капюшонъ, проговорилъ своимъ пѣвучимъ и протяжнымъ голосомъ по адресу бѣлокурой, хорошенькой женщины, которую велъ подъ руку:

— J'aimerais bien prêter à rire, si l'on me prêtait en retour un peu de jeunesse pour mériter vos regards...

У одной изъ дверей, ведущихъ въ танцовальную залу, стоялъ въ мундирномъ фракѣ и лентѣ по жилету нѣкто, такой же сѣдой, но съ совершенно молодымъ, почти женственно-миловиднымъ лицомъ, и съ нѣсколько задумчивою или озабоченною улыбкой глядѣлъ на танцы... Эта миловидная, привлекательная наружность нисколько не мѣшала тому, что именемъ этого человѣка чуть не пугали въ тѣ дни дѣтей въ иныхъ кружкахъ Россіи... „Прогрессивная" партія за то падала ницъ предъ этимъ умнымъ и бойкимъ бюрократомъ, котораго tacito consensu признавала единогласно своимъ главою.

Высокій мужчина въ коричневомъ, какъ и нашъ пріѣзжій, капуцинѣ и съ червоннымъ королемъ на груди, проходя въ эти двери, остановился на мигъ и, взглянувъ на стоявшаго, произнесъ нѣсколько словъ.

Тотъ какъ-бы встрепенулся вдругъ, выпрямился... и тутъ же, съ тактомъ свѣтскаго человѣка, поспѣшилъ принять прежнюю свободную позу, давъ, какъ видно было, вопрошавшему требуемый отвѣтъ.

Червонный король кивнулъ и прошелъ мимо.

— Вы видѣли? Какъ я рада за Николая Алексѣевича! раздался вслѣдъ за этимъ за спиной пріѣзжаго негромкій женскій голосъ:—вѣдь это...

Пріѣзжій живо обернулся. Объ руку съ бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ въ простомъ черномъ фракѣ (онъ зналъ его по имени, встрѣтившись съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ въ Москвѣ,) стояло стройное женское, чернаго цвѣта, домино, съ желтою розой подъ обшитымъ кружевами капюшономъ. Изъ прорѣхъ атласной маски глядѣли зеленоватые, какимъ-то фосфорическимъ блескомъ горѣвшіе глаза.

— Beau masque, я узнаю тебя! такъ и вырвалось у него вдругъ изъ горла.

Она повела на него головой:

— Можетъ быть, но мнѣ теперь некогда говорить съ тобой, холодно произнесла она въ отвѣтъ. И, взглянувъ на своего кавалера, промолвила:

— Я васъ теперь оставлю, Сергѣй Михайловичъ;—но мы встрѣтимся...

И она удалилась быстрыми шагами.

Капуцинъ направился за нею слѣдомъ.

Въ противоположномъ углу залы, разговаривая съ изящнымъ, блестящимъ, живымъ, какъ юноша, въ золотыхъ очкахъ тонкой оправы надъ сверкающими остроуміемъ темными глазами, княземъ Черниговскимъ, руководителемъ иностранной политики Россіи новаго царствованія, стоялъ непомѣрно длинный, *несуразный*, словно срубленный въ три маха топоромъ изъ тяжелаго, дубоваго кряжа, сановный персонажъ въ широкой лентѣ и крупнаго, какъ онъ самъ, размѣра орденахъ, въ золотыхъ, какъ у князя, но массивныхъ и круглыхъ, какъ у нѣмецкаго гелертера, очкахъ. Онъ поводилъ сквозь нихъ близорукими, не то разсѣянно, не то подозрительно глядѣвшими глазами, и туго поворачивался отъ времени до времени всѣмъ неуклюжимъ своимъ тѣломъ, будто боясь задѣть имъ кого-нибудь по близости... Много анекдотовъ, много забавныхъ разсказовъ ходили въ ту пору объ оригинальной личности этого несомнѣнно способнаго и рѣдко образованнаго,— „безъ толку способнаго и коряво образованнаго“, увѣряли въ *Колоколѣ*, — лица, занимавшаго еще съ прошлаго царствованія важный государственный постъ и только-что наканунѣ нынѣшняго вечера офиціально назначеннаго на первостепенное по значенію его въ ту минуту мѣсто по крестьянскому дѣлу. Онъ появлялся въ первый разъ въ свѣтѣ послѣ этого назначенія и, какъ человѣкъ *въ явной милости*, былъ теперь предметомъ общаго искательнаго вниманія; къ нему постоянно обращались съ заискивающими рѣчами, съ изъявленіями сочувствія и лести, отчего впрочемъ нисколько не измѣнялось сосредоточенное и далеко не веселое выраженіе всего его длиннаго облика.

Домино съ желтою розой подошло прямо къ нему:

— Графъ, хотите-ли дать мнѣ вашу руку?

Онъ недоумѣло обернулся къ говорившей, глядя на нее молча съ безконечной высоты своей внизъ, словно въ колодезь.

Князь Черниговскій быстрымъ, привычнымъ взглядомъ обнялъ стройныя линіи темнаго женскаго облика, стоявшаго предъ нимъ, и засмѣялся веселымъ смѣхомъ:

— Qui que tu sois, voici ton maître,
Il l'est, le fut, ou devra l'être,

промолвилъ онъ изъ Вольтера съ любезнымъ наклономъ головы въ сторону маски. И вамъ чередъ, видно, пришелъ, графъ!

Тотъ, будто только теперь вспомнивъ о томъ, что французы называютъ „les devoirs de la civilité puérile et honnête", суетливо переступилъ съ ноги на ногу и, очень видимо уже озабоченный, разъ вспомнилъ, тѣмъ, что̀ именно нужно дѣлать въ подобныхъ случахъ, сложилъ предварительно свой правый локоть острымъ треугольникомъ къ бедру, — и пододвинулся въ этомъ видѣ бочкомъ къ маскѣ.

Она продѣла въ этотъ треугольникъ свою руку и двинула владѣльца его съ мѣста. Онъ зашагалъ рядомъ съ нею, словно только-что заведенная механическая кукла.

Маска вывела его изъ залы въ сосѣдній покой, гдѣ, кромѣ двухъ, трехъ, такихъ же, какъ она, замаскированныхъ дамъ, прошедшихъ мимо ихъ объ руку со своими кавалерами, никого не было.

— Сядемте сюда! указала она на диванъ въ углу комнаты.

Онъ усѣлся тамъ о̀бокъ ея и уставился прямо ей въ глаза:

— Что̀ имѣете вы сказать мнѣ? спросилъ онъ привычнымъ ему вопросомъ просителямъ въ *пріемные дни*.

Она невольно засмѣялась этому „казенному" тону:

— Много или мало, смотря по тому, какъ вы поймете меня.

Онъ вспомнилъ опять, что „съ дамами надобно быть любезнымъ", и засмѣялся, совершенно для нея неожиданно, какимъ-то всего его будто пошатывавшимъ смѣхомъ.

— Я готовъ васъ выслушать съ удовольствіемъ, сударыня, выговорилъ онъ поощрительно своимъ глубокимъ басомъ.

— Скажите, графъ, вы довольны вашимъ новымъ назначеніемъ? спросила его съ-оника маска.

Онъ такъ былъ изумленъ этимъ „невозможнымъ" въ его понятіи вопросомъ, что смѣхъ мгновенно слетѣлъ съ его устъ и голова отшатнулась назадъ съ видимо-испуганнымъ выраженіемъ.

— Назначеніе это возложено на меня высшею властью, и поэтому я, какъ вѣрноподданный Государя моего, пріемлю его съ достодолжною покорностью, проговорилъ онъ поспѣшно.— А впрочемъ, промолвилъ онъ чрезъ мигъ, какъ-бы пораженный внезапною мыслью,—сколько я понимаю, вашъ вопросъ вовсе не женскій... и не *маскарадный*, подчеркнулъ онъ съ тѣмъ же глухимъ своимъ смѣхомъ.

— Совершенно напротивъ, возразила его собесѣдница, къ новому его удивленію:—только *женщина*, и только *подъ маской*, можетъ говорить объ этомъ съ вами свободно и откровенно. Никакой мужчина, подчиненный вашъ или вамъ равный, не рѣшится говорить съ вами такъ въ глаза.

Онъ пристально уставился на нее еще разъ, очевидно соображая степень вѣскости этой имъ неожиданной отповѣди.

— Вы очень правильно разсуждаете! воскликнулъ онъ вдругъ, словно сдѣлавъ необычайное открытіе:—государственнымъ людямъ бываетъ иногда очень полезно знать, что о нихъ думаютъ другіе и какъ ихъ понимаютъ... Прошу васъ поэтому, сударыня, сообщить мнѣ все, что вы про меня слышали съ обѣщанною вами откровенностью; я буду слушать васъ со вниманіемъ и даже благодарностью.

Слова маски полились горячо изъ ея устъ:

— Да, вамъ полезно будетъ знать, графъ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ узнали о вашемъ назначеніи всѣ, кому дорого крестьянское дѣло. Вчера въ редакціонной коммиссіи, когда объ этомъ узнали, у всѣхъ опустились руки *), всѣ пришли въ отчаяніе...

*) *Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи.* Выпускъ III, стр. 376.

— Отчего же въ „отчаяніе?“ перебилъ онъ ее и хихикнулъ; — скажите: въ „нѣкоторое разочарованіе“; это будетъ, полагаю, болѣе подходящая *редакція*.

— Отчаяніе, повторила она настойчиво,— потому что въ этомъ поняли поворотъ назадъ, отступленіе отъ прежней программы. Вы, какъ всѣмъ извѣстно, человѣкъ совсѣмъ иныхъ взглядовъ, вы status quo par excellence, вы не хотите того, чего, кромѣ вашей партіи, желаетъ весь русскій народъ...

Онъ снова испуганно перебилъ ее:

— Моей „партіи“? Позвольте, сударыня, я внѣ всякихъ *партій!*.. И, глядя на нее уже съ явною подозрительностью:— Вы, можетъ быть, —прошепталъ онъ, наклоняясь къ ней, — принадлежите къ этому *дому*... вамъ, можетъ быть, кѣмъ-нибудь... *поручено*,—вырвалось у него какъ-бы противъ воли,— говорить со мною?...

— Никто мнѣ ничего не поручалъ, поспѣшно молвила маска,—и къ *дому* этому я не принадлежу... Но я, торопливо заговорила она теперь со внутреннимъ самоуслажденіемъ, съ гордымъ сознаніемъ тѣхъ „крупныхъ государственныхъ истинъ“, которыя онъ сейчасъ вотъ услышитъ изъ ея устъ,— но я раздѣляю всею душой тотъ взглядъ, какимъ смотрятъ *здѣсь* на это дѣло. Здѣсь смотрятъ на него, какъ слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ „государственнымъ людямъ“; здѣсь понимаютъ, что мудрое правительство должно не тормозить, а итти впереди всякаго умственнаго движенія въ обществѣ, чтобы не быть имъ обойденнымъ, а владѣть имъ и направлять дальше...

— „Мудрое правительство!“ повторилъ своимъ басомъ графъ Вилинъ:—разсуждать о *семъ* вовсе не женское дѣло.

— Что̀ не помѣшало однако вашему отцу или предку, быстро возразила она, — служить съ пользою великой женщинѣ, которая первая мечтала о томъ, что̀ хочетъ осуществить теперь ея правнукъ... и *подчиняться* — подчеркнула она,— желаніямъ другой особы съ такимъ же государственнымъ умомъ и волею *).

---

*) Княгинѣ Дашковой.

Это напоминаніе ему о его „предкѣ“ произвело въ своеобразномъ процессѣ мысли графа Вилина пріятное на него впечатлѣніе. Онъ вынулъ платокъ, протеръ имъ свои круглыя очки и, поправляя ихъ на носу:

— Вы очень умны, сударыня, проговорилъ онъ, отчеканивая свои слова,— и съ вами пріятно было бы вести бесѣду... о всякомъ другомъ предметѣ, неожиданно добавилъ онъ.

— Возвращаю вамъ вашу любезность, отрѣзала она ему тутъ же въ отвѣтъ:—если-бъ отъ меня зависѣло, я, конечно, не употребила бы вашъ умъ и способности на дѣло, къ которому вы менѣе всего расположены...

— Позвольте, остановилъ онъ ее движеніемъ своей огромной ладони,—вы ничего не можете знать о моемъ, вами такъ называемомъ, „расположеніи“...

— Послушайте, графъ, съ увлеченіемъ воскликнула она, и сейчасъ-же понизила голосъ, замѣтивъ, что проходившій по комнатѣ коричневый капуцинъ съ пиковымъ валетомъ на груди (нашъ пріѣзжій), видимо съ намѣреніемъ замедляя шаги, устойчиво и зорко слѣдилъ за ними взглядомъ:—вы богаты, независимы; вамъ нечего *искать*, какъ другіе... Вы, я не сомнѣваюсь, имѣете свои мнѣнія и дорожите ими; вы не захотите отступить, измѣнить *своимъ*... А тутъ идетъ дѣло о благѣ всего русскаго народа... Откажитесь, графъ, поступите, какъ слѣдуетъ честному человѣку, гражданину!...

— Что̀ это значитъ, сударыня? Что̀ долженъ я разумѣть въ вашихъ словахъ? бормоталъ растерянно сановникъ, пятясь отъ нея на диванѣ, словно отъ привидѣнія или отъ опаснаго звѣря.

— Вы можете только испортить, погубить, такъ же пылко продолжало странное существо;—откажитесь отъ вашего назначенія, скажите, что вы не можете, не чувствуете себя способнымъ исполнить волю Государя!... Повѣрьте, исторія съ благодарностью помянетъ вашъ поступокъ... Въ противномъ же случаѣ, графъ, васъ... васъ проклянутъ, да,—васъ проклянетъ вся Россія!...

Графъ Вилинъ выпросталъ обѣ свои ноги впередъ, под-

нялся на нихъ и выпрямилъ весь свой горбившійся отъ непомѣрнаго роста станъ.

— Милостивая государыня, кто бы вы ни были, произнесъ онъ съ достоинствомъ, которое какъ-бы странно озадачило ее,—довѣріе, коимъ чтили меня мои государи, я неуклонно старался оправдывать по мѣрѣ разумѣнія моего и силъ; отъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей не отказывался никогда, а совѣтовъ и наставленій, тѣмъ паче женскихъ,—промолвилъ онъ, подымая палецъ кверху,—отъ рожденія моего ни отъ кого не принималъ. Такихъ правилъ считаю долгомъ держаться и впредь; равно и отвѣта вамъ дать другаго не имѣю.

И съ мѣста, не оборачиваясь, онъ *потекъ* своимъ механическимъ шагомъ заведенной куклы обратно въ танцовальную залу.

Она осталась на диванѣ, безъ словъ, готовая заплакать отъ досады и страстно возбужденныхъ нервовъ...

А нашъ пріѣзжій между тѣмъ проходилъ далѣе въ глубь покоевъ, выжидая конца этого разговора, съ намѣреніемъ въ свою очередь „заинтриговать“ домино съ желтою розой, обратившее на себя его особое вниманіе... Навстрѣчу ему шелъ высокій капуцинъ одной съ нимъ рясы, съ червоннымъ королемъ на груди. Съ нимъ шла жена тогдашняго англійскаго посланника въ Петербургѣ,—еще недавно пѣвица италіянской оперы,—видимо забавлявшая его—слышался его смѣхъ,—своимъ полнымъ незнакомствомъ съ обществомъ, среди котораго она находилась, и происходившими отъ того наивностями въ ея вопросахъ и отвѣтахъ. За ними, догоняя ихъ, скользила по паркету въ вѣнкѣ и букетахъ изъ розъ по воздушному бѣлому платью прелестная, черноокая баронесса Таль, состоявшая при хозяйкѣ дома въ должности лектрисы и которую звали „le plus charmant spécimen de *l'escadron volant de la reine*“. *)

— My lady, сказала она по-англійски за спиною той,

*) Подъ этимъ названіемъ значились фрейлины французской королевы Catherine de Medicis, отличавшіяся, какъ извѣстно, красотою своею и умомъ.

притрогиваясь къ ея плечу,—васъ повсюду ищетъ вашъ кавалеръ на третій контрдансъ...

И вдругъ взглянула на обернувшагося къ ней спутника посланницы, внезапно покраснѣла и, проговоривъ „pardon“, отступила на шагъ съ видимымъ смущеніемъ...

— Je n'ose vous retenir davantage, молвилъ тутъ-же съ изысканною любезностью червонный король своей дамѣ и принялъ отъ нея свою руку.

Баронесса Таль, нѣсколько растерянная, подхватила ее подъ локоть и, тревожно оглядываясь по пути, выскользнула съ нею изъ комнаты.

Червонный король быстро подошелъ къ пріѣзжему:

— Dis donc, mon cher, хочешь помѣняться фигурами?

— Пердро! вскликнулъ тотъ, узнавая его,—какъ на тебѣ эта карта? Она сейчасъ была, говорятъ, на...

— Мнѣ ее отдали и взяли мою pour dérouter les curieux, таинственно отвѣчалъ Пердро;—это ужасно весело выходитъ... Ты видѣлъ, разсмѣялся онъ,—quel effet j'ai produit sur Hélène Tahl?... А теперь можешь воспользоваться этитъ талисманомъ для собственныхъ твоихъ комбинацій. Дай мнѣ твоего пиковаго валета!

— Пожалуй! отвѣтилъ капуцинъ, перекидывая черезъ капюшонъ ленту со своею картой.

— Merci et bonne chance! кивнулъ ему головой Пердро,— и исчезъ.

V.

Si cadendum est, coelo cecidisse velim.
Падать,—такъ съ неба.

Пріѣзжій остался одинъ... но не надолго. Въ дверяхъ показался стройный обликъ домино съ желтою розой, о которомъ онъ только-что думалъ... Онъ поспѣшилъ къ ней.

— Вы наконецъ покончили съ государственными дѣлами? спросилъ онъ ее, смѣясь.

Она окинула его быстрымъ взглядомъ, замѣтила висѣвшаго у него на груди червоннаго короля...

Боже мой, неужели?... неужели случай доставляетъ ей возможность выговорить все, все, чѣмъ полна ея мысль, „чѣмъ живетъ она душой“, — и быть выслушанною, произвести впечатлѣніе?... Неужели, вотъ сейчасъ, сейчасъ, послѣ неудачной попытки съ Вилинымъ, должны исполниться завѣтныя ея мечтанія, все, чего тщетно добивалась, къ чему напрасно рвалась она до сихъ поръ?... О, лишь бы только нашлась въ ней сила неотразимаго убѣжденія, нашлись тѣ пылающіе огнемъ глаголы, которыми древніе пророки „жгли сердца людей“! проносилось у нея въ головѣ изъ едва-ли не единственнаго стихотворенія Пушкина, которое почитала она достойнымъ своихъ сочувствій...

— Вы почему думаете, что я говорила о государственныхъ дѣлахъ? молвила она, стараясь подавить невольную дрожь голоса и расходившееся въ ней внутреннее волненіе.

— Достаточно для этого одного вида того, съ кѣмъ вы говорили, тѣмъ же веселымъ тономъ отвѣтилъ капуцинъ; —

о чемъ иномъ можетъ быть рѣчь съ графомъ Вилинымъ!... Позволено-ли будетъ узнать, о какой именно статьѣ свода законовъ шла у васъ съ нимъ рѣчь?

— Я говорила съ нимъ не о законахъ, проговорила она, придавая особенную серьезность тону своихъ словъ, — а о его новомъ назначеніи...

— Какомъ?

Желтая роза вскинула на него изумленно глаза:

— Вѣдь онъ поставленъ во главу коммиссіи по крестьянскому дѣлу...

— Въ самомъ дѣлѣ? Я не зналъ, сказалъ онъ самымъ естественнымъ тономъ.

Она еще разъ повела на него взглядомъ... и тутъ-же успокоилась. „Онъ не желаетъ, чтобъ его узнавали“, объяснила себѣ она, „онъ притворяется незнающимъ того, что̀ знаетъ со вчерашняго дня весь Петербургъ. Тѣмъ лучше, такъ объясняться съ нимъ легче“...

— Да, сказала она громко и рѣшительно,—и я ему передала то ужасное впечатлѣніе, какое произвело это назначеніе его на всѣхъ, кому дорого благо Россіи и слава Государя... Государя, отъ котораго такъ много ждетъ она, прибавила она уже дрогнувшимъ голосомъ.

— О, о, засмѣялся капуцинъ,—такъ-таки и передали bel et bien?... Съ какою же цѣлью?

Она смутилась на мигъ.

— Чтобъ убѣдить его отказаться отъ того, что̀ въ его рукахъ... можетъ только погубить дѣло...

— А онъ, спросилъ насмѣшливо ея собесѣдникъ, — онъ, разумѣется, поспѣшилъ сейчасъ же признать основательность вашихъ резоновъ, поѣдетъ завтра въ Зимній Дворецъ и попроситъ тамъ сложить съ него то, на что̀ онъ, по-вашему, не годится?

Она вся вспыхнула подъ своей маской; эта иронія, это отношеніе къ ея словамъ, какъ къ чему-то не серьезному, ребяческому... О, какъ это было больно ей! На рѣсницахъ ея заискрились слезинки...

— О, прошу васъ, не говорите со мною такъ! вырвалось

у нея неудержимо изъ груди;—вы много для себя полезнаго можете услышать отъ меня; до васъ, въ вашемъ положеніи, рѣдко доходитъ правда...

— Почему вы такъ думаете? перебилъ ее капуцинъ съ новымъ, искреннѣйшимъ, повергшимъ ее въ первую минуту въ величайшее недоумѣніе смѣхомъ; — въ нашей обители братія обязана, напротивъ, говорить и выслушивать правду, только правду.

Но заблужденіе ея не разсѣялось отъ этихъ словъ: она поняла только, что „не такъ“ слѣдовало *ей* говорить, не этимъ „прямымъ обращеніемъ къ лицу“, а сохраняя условные пріемы маскараднаго языка.

— Я слышала о вашемъ уставѣ, поспѣшила она отвѣтить, стараясь теперь попасть въ шутливый оттѣнокъ его тона, — но я именно хотѣла сказать, что въ „вашемъ положеніи“ вы слишкомъ отдалены отъ міра. Ваша „обитель“ на высотахъ, и правда, наша дольняя, *простыхъ смертныхъ* правда доходитъ до васъ съ величайшимъ трудомъ. Ваши стѣны такъ неприступны, такъ ревниво охраняемы... Какъ проникнуть чрезъ нихъ къ вамъ?...

— Вы прекрасно говорите, отвѣтилъ онъ, глядя ей пытливо въ глаза,—но чего бы вы собственно желали?

— Я? Чего бы я хотѣла? воскликнула она, сверкнувъ ему въ отвѣтъ пламеннымъ взглядомъ:—я отдала бы, кажется, всю жизнь, чтобы *тамъ*, въ „вашей обители“, знали, сколько можно сдѣлать здѣсь великаго и добраго... Вѣдь у монастырей есть свои земли и населеніе, добавила она, все также силясь держаться условности и *игривости* маскараднаго языка и дѣлая это крайне неловко,—и вы несомнѣнно желаете, чтобъ они были счастливы... Все, все зависитъ отъ того, чтобы къ вамъ доходили голоса истинныхъ друзей народа, а не тѣхъ, кто заинтересованы держать его какъ можно долѣе въ рабствѣ и невѣжествѣ...

Капуцинъ чуть-чуть пожалъ плечами:

— Изъ вашихъ краснорѣчивыхъ словъ я заключаю прежде всего то, что *патеръ* Вилинъ остался глухъ къ вашимъ словамъ, а затѣмъ...

— А затѣмъ, горячо перебила она его,—что я всею моею душой жажду, чтобы великая воля Того, Кто хочетъ дать свободу милліонамъ своего народа, не могла быть извращена Вилиными и компаніей!...

Если-бъ она могла заглянуть въ этотъ мигъ подъ маску своего собесѣдника, она прочла бы то сочувственное выраженіе, которое горячность ея словъ вызывала на его лицѣ. Но онъ не хотѣлъ почему-то высказать ей это сочувствіе; онъ счелъ нужнымъ, напротивъ, насмѣшливо вздохнуть и проговорить съ комическимъ эмфазомъ:

— О Шиллеръ, гдѣ ты!

Она дрогнула, словно подъ душею ледяной воды.

— Отчего „Шиллеръ"? недоумѣло пролепетала она.

— Я помню въ его *Донъ-Карлосѣ*, въ этомъ же родѣ, говоритъ маркизъ Поза королю. Хотя я не Филиппъ испанскій, и вамъ не угрожаетъ тотъ трагическій конецъ...

— Что̀-же, не дала она ему договорить, вздрагивая отъ возбужденія, уносившаго все ея существо, — я готова всегда отвѣтить за свои убѣжденія... Куда хотите: въ монастырь, въ ссылку!...

Она услышала новый смѣхъ его подъ маской:

— Еще бы! Я не сомнѣваюсь, что это доставило бы вамъ большое удовольствіе.

Она теперь почти съ ужасомъ обернула къ нему голову:

— Это что̀ же значитъ?

— Есть натуры, для которыхъ мученичество — пріятнѣе конфектъ. А вы, кажется, весьма изъ этихъ натуръ. Середки нѣтъ въ вашемъ воображеніи, не правда-ли: власть, вліяніе, или ссылка, заточеніе?

— Вліяніе, повторила она какъ бы машинально, высоко дыша грудью, — да, для блага, для счастія людей.. человѣчества...

— О, какія громкія слова... и какая самонадѣянность, *княжна!* какъ бы подчеркнулъ капуцинъ.

— Вы меня узнали!... смущенно пробомотала желтая роза.

— Я васъ *знаю*, отвѣчалъ онъ не сейчасъ,—и мнѣ васъ жаль.

— Я не прошу жалости, пылко вскликнула она на эти слова; и тутъ же, считая нужнымъ говорить „болѣе прилично“:—чѣмъ могла я возбудить въ васъ это чувство? спросила она мягче.

Чѣмъ-то необычайно участливымъ, *добрымъ* зазвучало для нея въ его отвѣтѣ:

— Вы губите напрасно свою молодость, мнѣ кажется... да и не кажется только,—я увѣренъ! Мы живемъ далеко другъ отъ друга, но я могу *вѣрно* сказать вамъ, что̀ происходитъ съ вами. Вы томитесь, алчете, ищете... Чего? Вы въ сущности сами этого не знаете. Вы чувствуете только въ безпокойной душѣ своей какой то *задоръ*, муку по чему-то неженскому, ненормальному въ женщинѣ. Ваша жизнь не удовлетворяетъ васъ... Она васъ никогда не удовлетворяла, не правда-ли?

— Да, растерянно отвѣтила она.

Боже мой, кто же съ нею говоритъ, какъ можетъ знать онъ ее такъ?.. И голосъ его теперь, какъ будто не тотъ, что̀ въ первыя минуты ихъ разговора... Но чей же, чей же это голосъ?!.

— А знаете почему? продолжалъ незнакомецъ: — потому что вы исключительно живете умомъ... Посмотрите (они подошли теперь къ одной изъ дверей танцовальной залы): вотъ предъ вами блестящій праздникъ, музыка, огни, вихрь танца... Я знаю, что̀ вы мнѣ скажете, — быстро примолвилъ онъ, предваряя ея возраженіе: — vanité des vanités, ярмарка тщеславія. Ну да, я знаю, *кругомъ* знаю, весело молвилъ онъ;— но все же за этимъ есть и другое. Вотъ вамъ лица вашихъ сверстницъ; посмотрите, какъ они горятъ, какъ блещутъ ихъ глаза,—вѣдь этого не поддѣлаешь, — онѣ искренно веселятся, ихъ въ этомъ вальсѣ уноситъ теперь лучшее, что̀ имѣется у нихъ: ихъ молодость, ихъ вѣра въ будущее и та крупинка поэзіи, которая есть въ каждой душѣ и à ses heures сказываетъ себя ей... А вы, княжна, отдавались-ли вы когда-нибудь этому уносящему *часу* молодости? На этомъ сверкающемъ балѣ вы однѣ, точно старый статсъ-секретарь, заняты

государственными соображеніями и забываете изъ-за нихъ все и вся...

— Себя не передѣлаешь, мрачно промолвила она.

— Положимъ... но *направить* себя всегда можно...

— На что̀?

— На то, что̀ правильно, возможно, осуществимо... Прежде всего, будьте тѣмъ, чѣмъ Богъ васъ сдѣлалъ,—женщиною, произнесъ онъ съ какою-то особенною ласковостью въ голосѣ.

— Безличностью, то-есть? презрительно уронила она на это съ губъ.

Онъ поглядѣлъ на нее избока.

— А можно просить васъ сказать откровенно: чего вы достигли до сихъ поръ своею *неженственностью*? Вотъ вы сейчасъ говорили съ графомъ Вилинымъ, со мною... у васъ вѣроятно до этого было не мало *дѣловыхъ* разговоровъ и со многими другими лицами... Остались-ли вы довольны ими и полагаете-ли вообще, что ревность ваша о благѣ „человѣчества“ можетъ привести васъ къ чему-нибудь серіозному?

Она не отвѣтила: онъ затронулъ самую больную струну ея... Нѣтъ, ничего она не достигла до сихъ поръ, ничѣмъ не удовлетворила того, что̀ скребло въ глубинѣ души ея и подвигало ее на всю эту ея суетливую и безплодную *дѣятельность*!..

— А что̀ хуже всего, безпощадно говорилъ далѣе капуцинъ, — что вы все-таки для другихъ остаетесь женщиной и что они въ массѣ могутъ судить о васъ только подъ этимъ угломъ зрѣнія... То, о чемъ вы такъ горячо говорили мнѣ сейчасъ, напримѣръ... я вамъ говорилъ,—я васъ *знаю*, знаю, изъ какого *чистаго* источника шли ваши слова... Но другой на моемъ мѣстѣ не могъ-ли бы почесть ихъ за игру, за приманку, за которою скрываются иные, личные мотивы прямо *женскаго* характера?..

Онъ почуствовалъ, какъ мгновенно подъ его локтемъ лихорадочно вздрогнула ея рука. Но вся гордость ея натуры пробудилась вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ невольнаго, какъ бы безсознательнаго стыда.

— Если бы такіе мотивы существовали у меня, я ихъ не скрывала бы, произнесла она звенящимъ какою-то вызываю-

щею отвагой голосомъ, — а пока я говорю другое, никто не имѣетъ права подозрѣвать меня въ нихъ!.. Вы позволите мнѣ васъ оставить? домолвила она, принимая свою руку, кивнула и быстро прошла въ бальную залу.

„Ничего“, сказалъ себѣ мысленно пріѣзжій, глядя ей вслѣдъ, „предварить ее не мѣшало: ей здѣсь добромъ не кончить... А натура интересная, безспорно“... И онъ задумался.

Кто-то притронулся къ его плечу. Онъ обернулся...

— Что̀, довольно съ тебя червоннаго короля? спрашивалъ его шопотомъ графъ Пердро.

— Совершенно довольно; можешь взять его себѣ обратно.

— Давай, давай! молвилъ съ живостью тотъ:—я подойду съ нимъ сейчасъ къ Линютину и озадачу его. „*L'appétit* vient en mangeant“, скажу ему, „mais pour vouloir trop manger du русское дворянство il vous viendra *la pépie*“ *). Hein, il est joli le mot?

Товарищъ его расхохотался невольно этой глупости. Расхохотался, обернувшись къ нимъ, и стоявшій къ нимъ до сей минуты спиною у тѣхъ же дверей и слышавшій эти громко произнесенныя слова, еще молодой, средняго роста, человѣкъ въ черномъ фракѣ безо всякихъ орденскихъ отличій, похожій выраженіемъ лица не то на Тьера, не то на другаго государственнаго человѣка, графа Кавура (счастливая звѣзда котораго стояла въ эту пору на зенитѣ своей славы,), съ чѣмъ-то притомъ своимъ, ѣдко-остроумнымъ, въ складкахъ рта, въ рѣзко выдвигавшемся впередъ подбородкѣ. Звали его князь Бековичъ.

— Il y en a de moins mauvais—et de plus mérités! сказалъ онъ какъ бы веселымъ укоромъ.

Нѣсколько сконфуженный Пердро готовился отвѣтить, какъ въ эту минуту приблизилась къ князю нескончаемая и мрачная фигура графа Вилина.

— Я имѣю вамъ сказать два слова, князь.

— Сдѣлайте одолженіе, графъ!

---

*) Типунъ на куриномъ языкѣ.

И Бековичъ выступилъ на два шага ближе къ нему, въ танцовальную залу.

— Имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами сегодня и имѣя въ виду наше ближайшее нынѣ совмѣстное съ вами служеніе, загудѣлъ опять надъ его ухомъ похоронный басъ графа Вилина,—я буду васъ просить, въ личное мнѣ одолженіе, а также и въ виду особыхъ, мнѣ извѣстныхъ обстоятельствъ, сказать мнѣ, поскольку вамъ вѣдомо, кто эта женская особа въ маскарадной одеждѣ, идущая подъ руку съ молодымъ человѣкомъ, не состоящимъ, какъ и вы, въ коронной службѣ, какъ я могу о томъ судить по его партикулярному фраку?

— Эта высокаго роста особа въ домино?

— Да, да, точно: мнѣ извѣстно, что эта одежда называется „домино".

— Съ желтою розой подъ капюшономъ?

— Да, съ большимъ цвѣткомъ желтаго цвѣта.

Бековичъ поднялъ на него глаза и язвительно улыбнулся:

— Она въ маскѣ, графъ.

— Точно, вижу: лицо прикрыто маской.

— Такъ какъ же вы хотите, чтобъ я вамъ ее назвалъ?

— Вы съ нею не знакомы?

— Это все равно: называть имя особы подъ маской не имѣетъ никто права.

Сановникъ недоумѣло поглядѣлъ на него съ трехаршинной высоты своей, поправилъ круглыя очки... и вдругъ вспомнилъ:

— Вы это точно, правы, глухо, внутрь себя захихикалъ онъ:—это, я слышалъ, входитъ въ правила сего рода забавъ... Надо вамъ сказать, князь, примолвилъ онъ, какъ бы уже *конфиденціально*,—что я никогда маскарадовъ не посѣщалъ, да и вообще, въ виду моихъ, съ раннихъ лѣтъ, постоянныхъ государственныхъ занятій, старался всегда избѣгать свѣтскихъ развлеченій.

Бековичъ, покусывая губы, счелъ нужнымъ одобрительно повести головой.

— А этотъ молодой, не служащій и не имѣющій на себѣ маски, человѣкъ, продолжалъ между тѣмъ Вилинъ,—имя его не составляетъ тайны?

Князь уже громко разсмѣялся:

— Такъ же мало, какъ то, что солнце грѣетъ и зимою холодно. „Этотъ молодой человѣкъ“—товарищъ мой по редакціонной коммиссіи и по непринадлежности къ „коронной службѣ“,—подчеркнулъ онъ,—Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

— А-а! протянулъ сановникъ;—я много слышалъ о его дарованіяхъ и даже учености. Очень радъ, что имѣю возможнось познакомиться заранѣе съ характеромъ, такъ-сказать, его наружности...

Онъ примолкъ, словно оборвалъ. Бековичъ съ любопытствомъ глядѣлъ на него... И вдругъ, нежданно, онъ засмѣялся своимъ глухимъ и какъ бы уже не хотѣвшимъ прекратиться теперь смѣхомъ:

— А вотъ, сказалъ онъ князю,—вы не хотѣли сообщить мнѣ имя этой особы съ большимъ цвѣткомъ, а я знаю, кто она, мнѣ раньше сказали. Это княжна Кубенская, фрейлина одна.

И сановный оригиналъ-гигантъ, завернувъ на своихъ огромныхъ ступняхъ и продолжая веселить себя собственнымъ смѣхомъ, отошелъ отъ своего собесѣдника, дѣйствительно пораженнаго этою выходкой.

— Князь, подошелъ къ нему нашъ пріѣзжій въ коричневомъ капуцинѣ, оставшійся стоять у дверей въ продолженіе этого времени,—до меня долетѣло сейчасъ въ вашемъ разговорѣ имя княжны Кубенской. Я имѣю особыя причины быть въ этомъ случаѣ нескромнымъ: можете-ли вы мнѣ сообщить, что̀ могъ сказать вамъ о ней вашъ длинный собесѣдникъ?

— L'illustre homme d'état et orateur de la droite! засмѣялся тотъ своимъ острымъ смѣхомъ;—ничего не понимаю: онъ началъ съ того, что спросилъ меня, кто эта маска, а когда я, само собою, отказалъ ему въ отвѣтѣ, онъ назвалъ мнѣ ее во всеуслышаніе.

— Вы знакомы съ княжною? спросилъ опять капуцинъ.

— Знакомъ, какъ же!

— Благоволите къ ней?

— Очень, очень! съ жаромъ молвилъ Бековичъ.

— Такъ передайте ей объ этомъ эпизодѣ; я имѣю основаніе думать, что вы окажете ей этимъ услугу.

— Сейчасъ же; очень вамъ благодаренъ.

Они подали другъ другу руки. Бековичъ направился въ сторону княжны и Гундурова. Капуцинъ исчезъ въ дальнихъ покояхъ... Онъ искалъ Пердро.

Бонмотистъ, очень довольный вечеромъ, въ устройствѣ котораго принималъ усерднѣйшее участіе, и похвалами, которыя получены были имъ по этому случаю, сидѣлъ одиноко въ полутемномъ углу и, снявъ маску, жадно пилъ сельтерскую воду пополамъ съ шампанскимъ, отдуваясь отъ жары и двухъ сутокъ тревожной бѣготни:

— Ah, mon cher, mon cher, крикнулъ онъ,—ступай сюда, садись!... C'est-il réussi la soirée d'aujourd'hui, hein? Хочешь шампанскаго?... А ты слышалъ la nouvelle romance de Tsips (такъ называлъ онъ интимнѣйшаго своего друга, весьма любимаго тогда въ петербургскихъ гостиныхъ, композитора и піаниста, Леви,) на мои слова:

J'en fais l'aveu,—vous étiez si jolie,
Mon coeur charmé se donna sans retour...

— Послушай, сказалъ ему тотъ,—я пришелъ предварить тебя, что я уѣзжаю...

Пердро такъ и вскочилъ съ мѣста:

— Что̀ ты, что̀ ты! Ignores tu l'étiquette? Развѣ можно отсюда уѣзжать до конца вечера! Подумай, вѣдь это можетъ пасть на меня!

— Ничего не падетъ и никто не замѣтитъ. Всѣ меня давно забыли...

— Eh, eh, on n'oublie pas un millionaire!...

— Ну, какъ знаешь, а только я не могу оставаться; нестерпимо болитъ голова и душно,—а снять маски не хочу; не хочу, чтобы кто-либо и зналъ, что я былъ здѣсь, — понимаешь?

— Ah, hab'Verstand,—affaire de femme! Déjà? взвизгнулъ комически Пердро. Онъ всталъ въ позу, поднялъ руку театральнымъ жестомъ и запѣлъ каррикатурнымъ англійскимъ

акцентомъ на фразу тенора въ извѣстномъ тріо *Лукреціи Борджіа:*

Oh, quelle situechene (situation) affreuse
For an English gentleman! *)

— Прощай! крикнулъ капуцинъ, махнувъ на него рукой и уходя.

— Eh, dis donc, крикнулъ онъ ему въ свою очередь,— если про тебя спросятъ, я скажу, что ты уцалъ съ *дромадера.* Ты мнѣ за это поставишь завтра—я зайду къ тебѣ завтракать,—*дрей-мадеры* въ пять рублей бутылку.

— И веревку въ придачу, не могъ не разсмѣяться его пріятель:—послѣ срамоты подобнаго каламбура тебѣ остается только повѣситься...

Гундуровъ, которому княжна только-что сообщила о разговорѣ ея съ графомъ Вилинымъ (они сидѣли теперь въ одномъ изъ угловъ залы,), былъ повидимому гораздо болѣе смущенъ, чѣмъ сама она, когда князь Бековичъ передалъ ей о томъ, что̀ ему было сказано тѣмъ: онъ тотчасъ же сообразилъ, что изъ этого могутъ „произойти для нея непріятности".

Князь, узнавъ, въ чемъ дѣло, былъ того же мнѣнія.

— Этотъ человѣкъ, говорилъ онъ, смѣясь,—не видитъ ничего внѣ фокуса своего дѣловаго міра; онъ отнесетъ вашъ разговоръ съ нимъ къ разряду *офиціальныхъ,* сочтетъ нужнымъ *доложить* о немъ, меморію о немъ составить... Непріятно въ сущности то,—примолвилъ онъ уже серьезнѣе,— что, судя по тому, что̀ онъ сказалъ вамъ, онъ заподозрилъ васъ подосланною къ нему хозяйкой этого дома; изъ этого могутъ выйти серьезныя компликаціи...

— Д-да, какъ бы машинально подтвердилъ Гундуровъ.

Княжна Кубенская внимала имъ, безмолвная и незримая подъ своей маской, съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ... Какое ей было дѣло до могущихъ ожидать ее „непріятностей", — и что̀ онѣ сравнительно съ тѣмъ терзающимъ сознаніемъ своего *безсилія,* которое испытывала она теперь!...

---

*) О, какое ужасное положеніе для англійскаго джентлемена.

Да, онъ былъ правъ, тотъ... послѣдній, съ которымъ она говорила... И кто онъ, этотъ странный человѣкъ... котораго она приняла за другаго... и который судилъ о ней такъ строго— и такъ вѣрно?... Да, онъ правъ; всѣ эти ея мечты „вліянія", власти,—все это мыльные пузыри, тщета, дымъ! Она ничего, ничего не можетъ. Ея никому не нужно, ея содѣйствія никто не проситъ. Она видитъ, понимаетъ: даже вотъ эти два самые сочувственные ей и ей сочувствующіе человѣка въ Петербургѣ не только не благодарны ей, но осуждаютъ въ душѣ то, что̀ вздумалось ей сдѣлать въ цѣляхъ, мечтала она, „общаго ихъ дѣла"; они даже прямо высказываютъ, что ея непрошенная выходка можетъ отозваться непріятною „компликаціей" для высокой особы, благоволящей къ нимъ, и которая имъ гораздо болѣе дорога, чѣмъ она... То, что̀ она говорила, вся эта горячка ея рѣчей, ея страстное желаніе служить „высокимъ идеямъ человѣчества" могутъ быть истолкованы „личными мотивами *женскаго характера*",—могли бы быть объяснены такъ тѣмъ, съ кѣмъ думала она говорить. О, стыдъ!... О, смѣхъ! Она смѣшна — больше ничего! „Донъ-Кихотъ во фрейлинскомъ шлейфѣ", съ горечью говорила она себѣ, „съ канвовою иглой вмѣсто копья"... И неужели, дѣйствительно,— съ новою тоской щемило у ней сердце,—ни къ чему, ни къ чему не найдетъ она приспособить себя, свои способности, свою неизсякаемую жажду большаго, широкаго дѣла, — и нужно уступить общей людской пошлости, опустить голову, итти за всѣми по избитымъ до тошноты колеямъ жизненной дороги? О, еще разъ, какъ онъ былъ правъ, этотъ невѣдомый ея собесѣдникъ: „заточеніе", „ссылка" были бы для нея во сто разъ предпочтительнѣе этого давящаго сознанія своей безполезности, несостоятельности всѣхъ ея душевныхъ задачъ и стремленій!...

А блистательный праздникъ между тѣмъ сверкалъ кругомъ нея всѣмъ своимъ опьяняющимъ соблазномъ. Забирающій, страстный вальсъ Штрауса какими-то раздражающими струями лился ей въ уши, билъ по какимъ-то еще невѣдомымъ ей самой струнамъ въ какомъ-то далекомъ уголку ея существа... „Да", припоминались ей опять *его* слова: „му-

зыка, огни, вихрь танца, и имъ всѣмъ весело, *дѣйствительно* весело; въ нихъ говоритъ теперь лучшее, что есть у нихъ: ихъ молодость и та *крупинка поэзіи*, которая есть въ каждой душѣ". Вотъ, чуть-чуть склонивъ вѣнчанную бѣлыми лиліями голову, высокая и тонкая, какъ сама она, съ такими же блѣдными, русалочьими глазами, охваченная ловкою рукой статнаго молодаго командира одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, проносится княжна Лонгоманова, одна изъ красавицъ, изъ наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе свѣта красавицъ Петербурга. Предъ Кирой мелькнули на быстромъ поворотѣ ихъ сдержанная улыбка дѣвушки, блаженно пылающіе глаза ея темнокудраго кавалера... „Ils s'aiment", сказалось ей опять въ томъ тайномъ уголкѣ, „онъ безгранично вѣритъ въ нее, ихъ ждетъ счастіе... Счастіе, *поэзія*", безсознательно повторяла она внутри себя, — она лишь одна „будто старый статсъ-секретарь"... А развѣ бы не могла и она... „О, еслибъ *это* когда-нибудь *захватило* ее"... кинулось ей внезапно, какъ вино въ голову, и не договорилось ею...

Прямо въ ея сторону несется новая пара. Мчитъ знакомую ей „интригантку", жену „какого-то никому невѣдомаго" камеръ-юнкера Ранцова, коротенькій и юркій офицеръ Хлыстовъ, изъ „академистовъ". Она его тоже знаетъ, слышала о немъ: новый продуктъ новой эпохи, онъ одновременно и нагло либеральствуетъ въ кругу „авторитетныхъ" сотрудниковъ „непризнающаго авторитетовъ" *Современника* и раболѣпствуетъ предъ властью, предъ звонкими именами, предъ свѣтскимъ успѣхомъ, предъ каждымъ призракомъ успѣха и власти. Онъ заносчивъ и злоязыченъ, лихорадочно лѣзетъ въ большіе люди и уже страстно ненавидимъ равными и низшими... Онъ близко, тѣсно прижимаетъ къ себѣ роскошный станъ своей дамы. Она усмѣхается какъ бы невольно, но замѣтно отворачиваетъ лицо свое отъ его пыхтящаго лица...

„И это тоже *поэзія?*" съ новою горечью поднялось со дна души нашей фрейлины. И еще скептичнѣе, еще презрительнѣе, чѣмъ прежде, сжались ея губы подъ маской.

Собесѣдники ея исчезли, какъ бы не желая прерывать ея задумчивость. Она отошла отъ круга танцующихъ и побрела,

направляясь въ дальніе покои и слѣдя инстинктивно глазами за кое-гдѣ еще мелькавшими въ толпѣ коричневыми пятнами мужскихъ домино. Она, сама не давая себѣ въ этомъ отчета, искала новой встрѣчи съ тѣмъ, кого за четверть часа предъ этимъ покинула подъ вліяніемъ мгновенной на него досады.

Мимо нея проходитъ баронесса Таль подъ руку съ высокимъ Остзейцемъ, барономъ Гагерномъ, отцомъ молодой графини Наташанцевой, ея, княжны, предмѣстницы въ *** дворцѣ. Ихъ занимаетъ оживленный и повидимому вѣскій по своему мотиву разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ:

— Васъ просятъ только не вмѣшиваться, доносится до чуткаго слуха княжны торопливый голосъ хорошенькой лектрисы, — оставьте русскихъ покончить со своимъ вопросомъ, какъ они знаютъ; *нашего* положенія не тронутъ.

— Вы уполномочены сказать мнѣ это? такъ же быстро спрашивалъ онъ, низко наклоняясь къ ней.

Отвѣта уже не слышно, только затылокъ барона откидывается назадъ какимъ-то торжествующимъ движеніемъ.

— Отчего же, отчего же „не тронутъ?“ Развѣ вашъ обезземеленный крестьянинъ счастливѣе нашего крѣпостнаго? готова была чуть не крикнуть Кира, взорванная внезапно опять въ своихъ завѣтныхъ помыслахъ этою „несправедливостью“.

Но они прошли... Другой вѣскій разговоръ заставляетъ ее невольно остановиться и прислушаться снова:

Князь Бековичъ стоитъ у дверей, въ которыя намѣрена пройдти она, съ рослымъ, плечистымъ, высоколобымъ иностранцемъ. Это—прусскій посланникъ, извѣстный въ Петербургѣ, какъ страстный любитель медвѣжьей охоты, на которой проводитъ онъ половину своего времени. Выраженіе лица его, съ круглымъ очертаніемъ глазъ и подстриженныхъ кругомъ рта короткихъ усовъ, наноминаетъ сильный, самоувѣренный и жесткій обликъ большой хищной птицы... Еще нѣсколько лѣтъ, и не будетъ имени въ Европѣ громче его имени,—а пока онъ ѣздитъ, „великій ловецъ предъ Господомъ“, въ новгородскіе и олонецкіе лѣса, всего менѣе появляясь въ свѣтѣ и всего болѣе вожжаясь съ медвѣжатниками и сѣрымъ

людомъ страны, въ которой аккредитованъ онъ своимъ правительствомъ...

— N'allez vous pas trop vîte? съ легкою, прирожденною ему, задержкой языка, чтобы не сказать заиканіемъ, говоритъ онъ своему собесѣднику:—il aurait fallu, ce me semble, donner aux opinions le temps de *se tasser* *).

— Разъ на-ходу, намъ ужь некогда ждать, живо, съ какою-то дѣланною шутливостью возражаетъ ему князь:—намъ суждено высшею судьбою, какъ одному изъ богатырей нашихъ сказокъ, бездѣйствовать цѣлый рядъ лѣтъ...

— Pour vous *recueillir*, съ чуть замѣтною ироніей прервалъ его дипломатъ, намекая на извѣстныя, разнесшіяся тогда по всей Европѣ слова: „La Russie ne boude pas, elle se recueille".

Бековичъ, какъ бы не слышавъ, продолжалъ:

— И потомъ надѣвать семимильные сапоги, чтобы догнать вышедшихъ ранѣе насъ на дорогу исторіи.

— Чтобы *перегнать* ихъ, конечно? вскинувъ на него быстрый и пытливый взглядъ, ввернулъ тотъ.

— Eh, eh, засмѣялся князь своимъ язвительнымъ смѣхомъ,—Dieu aidant, petit oiseau deviendra grand.

Посланникъ засмѣялся тоже:

— Chi va *piano* va sano **), громко и дружелюбнымъ тономъ сказалъ онъ только.

— Насъ этому учить не нужно: въ Россіи и такъ все *пьяно*, раздался подъ самымъ ухомъ Бековича чей-то голосъ.

Онъ поспѣшно обернулся.

Подлѣ него стоялъ высокій капуцинъ и, приложивъ палецъ ко рту, таинственно шепталъ ему:

— Это то, что vous autres, *Slaves* moscovites, appelez le „русскій духъ".

— Шутъ, съ невольнымъ раздраженіемъ промолвилъ сквозь зубы князь, отворачивась, между тѣмъ какъ посланникъ, повинуясь пригласительному движенію головой хозяйки

---

*) Установиться, сложиться.

**) Кто идетъ тихо, идетъ благоразумно.

дома,—они стояли не въ дальнемъ разстояніи отъ ея мѣста,—быстро направлялся къ ней.

Княжна не слышала послѣдняго разговора: глаза ея не отрывались отъ капуцина съ червоннымъ королемъ. Она еще двинулась шагъ впередъ.

— О чемъ рѣчь, не секретъ? проговорила она, налаживаясь на шутливый тонъ и относясь къ Бековичу.

— Nous parlions musique, et spécialement *piano*, beau masque, поспѣшилъ отвѣтить за него червонный король.

Эта острота, этотъ французско-польскій акцентъ...

— Графъ Пердро! вырвалось у нея невольнымъ и досадливымъ возгласомъ.

— *Perdreau rôti*... d'amour, pour vous servir! скаламбурилъ онъ на свое собственное имя, предлагая ей свой подвернутый *калачикомъ* локоть.

Но, къ нѣкоторому изумленію его, она, не отвѣчая, скользнула мимо и исчезла за дверями.

VI.

Умякнуша словеса ихъ паче елеа и та суть стрѣлы.

Псалмопѣвецъ.

Она забралась въ какую-то полуосвѣщенную гостиную, опустилась тамъ у двери на диванъ и, закинувъ голову на его спинку, какъ бы замерла въ тяжелой душевной истомѣ...

Но вотъ шаги, кто-то входитъ въ сосѣднюю комнату. Въ отворенную дверь доносятся до нея чьи-то голоса. Ей не до нихъ, она не слушаетъ, но звуки ихъ будто ей знакомы... Это, кажется, княгиня Андомская, а другой мужской голосъ—не голосъ-ли ея отца?

Да, это они. Графъ увелъ дочь сюда, въ отдаленный покой, для объясненія, для просьбы, на которую отвѣчаетъ она отказомъ...

— Я слишкомъ уважаю себя и *васъ*, говорила она, подчеркивая, своимъ отборнымъ французскимъ языкомъ (княгиня Андомская принадлежала по воспитанію къ той еще порѣ, когда свѣтскія дамы Петербурга говорили по-русски, какъ ихъ Француженки-швеи,),—чтобы согласиться на это.

— Послушайте (по-французски vous: онъ не говорилъ иначе съ дѣтьми своими,) отвѣчалъ графъ, приглашая ее движеніемъ руки занять мѣсто въ креслѣ и садясь самъ подлѣ:— на дняхъ въ *** дворцѣ я хотѣлъ познакомить васъ съ нею формально; вы не согласились. Теперь я у васъ прошу немногаго: будутъ танцовать мазурку, — выберите ее въ какой-нибудь фигурѣ... это васъ ни къ чему не обязываетъ далѣе...

— Je ne le ferai pas, mon père!... Я этого не сдѣлаю! повторила она рѣшительнымъ тономъ:—въ танцахъ, какъ во всемъ прочемъ, я вожусь только со *своими* (je ne fraye qu'avec mes *pareilles*), съ *тѣми*, кого я знаю.

— „Со своими"!... повторилъ замѣтно взволнованнымъ голосомъ графъ Наташанцевъ; — довольно, кажется, что она принята въ свѣтъ... и вы могли видѣть, какого милостиваго вниманія была она предметомъ.

— Мнѣ это совершенно все равно, высокомѣрно возразила ему дочь: — я не привыкла руководиться во мнѣніяхъ моихъ о людяхъ степенью ихъ *фавора*.

Красивый старецъ тоскливо повелъ на нее глазами.

— Да что̀ вы, наконецъ, имѣете противъ нея? вырвалось у него противъ воли, съ тутъ же сказавшимся чувствомъ сожалѣнія за этотъ вопросъ, который, онъ чувствовалъ, могъ вызвать цѣлый рядъ непріятныхъ для него отвѣтовъ.

Но она отвѣтила самымъ лаконическимъ образомъ:

— Вы должны сами это знать, батюшка!

Онъ судорожно задвигался въ своемъ креслѣ.

— Вамъ оклеветали ее... Завистницы и злые языки наговорили про нее нелѣпостей... Когда женщина, какъ она, столь же умна и талантлива, сколько хороша собой, у людей... у насъ въ обществѣ въ особенности... является какой-то зудъ злости, страстное желаніе растерзать, разорвать на клочки ея репутацію...

— А куда она своего мужа дѣла? прервалъ его хлесткій и жесткій, словно палочный ударъ, вопросъ дочери.

— Куда? пробормоталъ онъ уже озадаченно:—онъ... онъ живетъ въ деревнѣ...

— Потому, что она съ нимъ жить не хочетъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Потому, что она почитаетъ положеніе свое не достаточно блестящимъ и добивается высшаго, продолжала ядовито княгиня,—потому, что она въ своей дерзости мечтаетъ замѣнить въ вашемъ домѣ мою покойную мать?...

Наташанцевъ съ какимъ-то будто испугомъ воззрился на нее, будто только теперь въ первый разъ, вслѣдствіе этихъ

словъ ея, формуловалось для него съ полною ясностью то положеніе, въ какомъ „стояли вещи“... Но эти же слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, подняли со дна его души всю силу его чувства къ той, къ которой съ такою, видимо, ненавистью относилась его дочь... „Рано или поздно надо было этого коснуться“, пронеслось въ его мысли, — „а разъ она первая начала, тѣмъ лучше, я не остановлюсь“...

— А если-бъ и такъ! заговорилъ онъ горячо́ и спѣшно, какъ бы для того, чтобы не дать ей времени на возраженіе:— я до сихъ поръ жилъ единственно для васъ, для моихъ дѣтей. Братъ вашъ и вы, надѣюсь, не можете упрекнуть меня въ томъ, чтобъ я не заботился устроить самымъ завиднымъ образомъ ваше благосостояніе. Вы выдѣлены, богаты оба, въ видныхъ положеніяхъ; я никогда не тяготѣлъ надъ вами моею отцовскою властью,—чего же еще больше вамъ нужно?... Оставьте же и мнѣ,—визгливо крикнулъ онъ въ заключеніе („они не имѣютъ права запретить мнѣ это!“ подстрекалъ онъ самъ себя внутренно, досадуя на себя же за тотъ надменный, владычный видъ, съ какимъ слушала его дочь,)—оставьте и мнѣ, наконецъ, подъ старость, право пожить для себя, для счастья... какимъ я его понимаю и хочу! прибавилъ насколько могъ энергичнѣе онъ.

— Старость! повторила она съ ироническимъ выраженіемъ:—вся-то бѣда въ томъ, mon père, что вы слишкомъ молоды!

— Вамъ до этого дѣла нѣтъ! пылко вскликнулъ онъ на это.

Она со своей стороны старалась говорить какъ можно хладкокровнѣе, но слова ея шипѣли, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ:

— Я и братъ мой поэтому и не протестовали, не касались вашихъ... *сердечныхъ дѣлъ*, пока они оставались вашимъ личнымъ дѣломъ... Но разъ вы желаете навязать намъ ихъ послѣдствія, разъ вы не только не хотите подумать о томъ стыдѣ, которымъ покрылъ бы насъ бракъ вашъ... *съ такою* женщиной, подчеркивала княгиня Андомская,—но забываете еще и уваженіе къ самому себѣ, къ обществу, къ которому

вы принадлежите по рожденію (le respect que vous devez à vous même, à la caste à laquelle vous appartenez)...

— Это еще что̀, при чемъ тутъ мое общество! прервалъ ее отецъ, придираясь къ этому слову, чтобъ отвлечь теченіе ея болѣзненно отзывавшихся въ душѣ его упрековъ.

— Noblesse oblige, mon père, а въ теперешнее время тѣмъ болѣе! произнесла она съ какою-то печальною наставительностью, задушевный тонъ которой сильно поразилъ его (не обычное ей тщеславіе, — высокое чувство родоваго достоинства говорило теперь въ ней,):—вы видите, что̀ готовится: демократическая волна заливаетъ насъ отовсюду; насъ разоряютъ, отымаютъ у насъ все прежнее значеніе...

— Да, une révolution sociale, невольно, сквозь зубы, подтвердилъ онъ.

— А мы,—и глаза ея лихорадочно блеснули,—мы ничего не умѣли, не умѣемъ отстоять, мы даемъ себѣ пустить кровь изо всѣхъ жилъ... У насъ скоро останутся одни наши имена и наши преданія... И вы, одинъ изъ уважаемѣйшихъ, изъ виднѣйшихъ людей нашего общества (de notre bord), вы хотите дать собою примѣръ презрѣнія къ этому послѣднему нашему достоянію, желаете попрать ногами (fouler aux pieds) ваше имя, вашу незапятнанную до сихъ поръ жизнь, уваженіе къ вамъ дѣтей вашихъ... tout ce qu'on nomme respect humain! вскликнула княгиня,—изъ-за прихоти какой-то авантюристки, которая навязывается вамъ въ жены отъ живаго мужа!

Наташанцевъ, весь блѣдный, поднялся съ мѣста. На его изящныхъ и выразительныхъ чертахъ сказывалась вся та мучительная борьба, что̀ разрывала ему сердце въ эту минуту. Такъ много отзвуковъ находили въ немъ эти жестокіе... и „справедливые“ дочерніе укоры!... Да, онъ былъ до сихъ поръ безупречный семьянинъ и слуга своего долга, онъ честно носилъ громкое имя и завѣты своихъ предковъ, онъ... Быть можетъ, если бы „не такъ язвительно, не такъ обидно“ говорено было о женщинѣ, для которой онъ забывалъ все это свое прошедшее, онъ нашелъ бы еще въ себѣ достаточно силъ для противодѣйствія увлекавшему его водовороту... Но нѣтъ, ее „оскорбляютъ такъ безпощадно, такъ *безвинно*“, ее

„заѣдятъ, еслибъ онъ“... Нѣтъ, онъ обѣщалъ, онъ „навсегда уже связанъ съ нею“, связанъ всѣмъ, что̀ дорого и свято человѣку,—страстью, жалостью, рыцарскимъ долгомъ...

— Оставимъ это! торопливо, рѣзко выговорилъ онъ, спѣша теперь „покончить скорѣе съ этимъ“, — я не измѣню своего рѣшенія.

Она встала въ свою очередь съ искаженными чертами, съ прерывавшимся тяжело дыханіемъ.

— А я клянусь вамъ, отецъ мой, что я подвигну небо и землю (que je remuerai ciel et terre), чтобы помѣшать вамъ опозорить себя и имя, которое носила моя покойная мать!

Онъ какимъ-то отчаяннымъ движеніемъ махнулъ рукою и съ поспѣшностью юноши вышелъ, выбѣжалъ изъ комнаты.

Княгиня еще разъ перевела духъ, судорожно отряхнула свой кринолинъ и медленно послѣдовала за нимъ.

Кира Кубенская (послѣдняя часть разговора звучала на такихъ высокихъ нотахъ, что она ее невольно услышала изъ своей комнаты,) отдѣлилась отъ спинки дивана, о который опиралась она, откинула капюшонъ на затылокъ и вся какъ-то выпрямилась...

— Такъ и *тутъ* можетъ быть свой фанатизмъ? прошептала она и—глубоко задумалась.

А та, изъ-за которой „фанатизмъ“ этотъ разводилъ отца съ дочерью, чувствовала себя въ эту минуту на самомъ верху блаженства... Вотъ она, наконецъ, та кульминаціонная точка, къ которой устремлены были всѣ завѣтные помыслы ея жизни. Она проникла, достигла!... Дворъ, милостивыя рѣчи, ласковыя улыбки — „съ тѣхъ устъ!“... А кругомъ завистливые женскіе и восхищенные мужскіе взгляды, сладкое жужжаніе льстивыхъ словъ, сдержанный шопотъ страстнаго желанія, или дальновидное искательство предъ восходящею, объясняла она себѣ, новою свѣтскою звѣздой, какою становилась она. Послѣ тѣхъ двухъ баловъ въ высшихъ сферахъ, она является уже равноправною со всѣми этими „гордячками“, благосклонности которыхъ она тщетно добивалась въ теченіе цѣлыхъ почти десяти лѣтъ... Что̀ ей за дѣло теперь до нихъ, до ихъ доброжелательства или до ихъ злобы! Она отвѣчаетъ торже-

ствующимъ равнодушіемъ на ихъ высокомѣрныя усмѣшки, на то, чуть не гадливое, выраженіе, съ какимъ онѣ, опустивъ глаза, поспѣшно прижимаютъ къ себѣ рукой свои пышныя юпки, когда она проходитъ мимо нихъ, будто съ тѣмъ, чтобы не осквернить себя прикосновеніемъ къ газовымъ волнамъ ея костюма *іюля мѣсяца*... „Пусть ихъ тѣшатся!“ Побѣда ея надъ ними очевидна для всѣхъ. Ихъ мужья, братья, отцы,— „всѣ они“ у ея ногъ. Дворская ласка къ ней какъ бы даетъ освященіе и давнишнему ихъ культу ея вызывающей красоты, и ея смѣлымъ отношеніямъ къ старой, „буржуазной“ нравственности. Они спѣшатъ теперь къ ней публично, предъ лицомъ этихъ дочерей своихъ, женъ и сестеръ, съ курильницами того ѳиміама, въ который они до сихъ поръ довольствовались лишь кидать тайно щепотки на тѣсномъ алтарѣ ея гостиной. Къ давно знакомымъ ей присоединяются ежеминутно новые, чающіе ея благоволенія... Самъ князь Черниговскій просилъ сейчасъ представитъ его ей и, сіяя изъ-подъ золотыхъ очковъ блескомъ живыхъ глазъ, выискалъ для нея въ сокровищницѣ своей неисчерпаемой любезности одно изъ своихъ тончайшихъ, проницательнѣйшихъ „mots heureux“; она вся даже вспыхнула отъ самодовольства—и отъ намека, заключавшагося въ этомъ *mot*... Да, она достигла, достигла! Ее внесло, наконецъ, долго противнымъ *ей* вѣтромъ въ тѣ глубокія воды, къ которымъ такъ давно направляла она свои паруса; пристань въ виду, — замужство ея съ графомъ Наташанцевымъ представляется теперь въ ея воображеніи уже ни чѣмъ болѣе, какъ *подробностью*—„un détail“...

Она несется въ эту минуту въ полькѣ съ гусаромъ Шастуновымъ, отъ котораго не могла отдѣлаться цѣлый вечеръ. Она не хотѣла дать ему ни одного изъ своихъ contrendanses, приберегая ихъ для „cavaliers plus sérieux“ и въ виду нерасположенія Наташанцева къ этому „пупырю“, какъ называлъ его Троекуровъ... Она была притомъ въ такомъ *вознесенномъ* настроеніи, что „Basile mon fils“ представлялся для нея уже очень мелкимъ и „противнымъ“ со своимъ кривымъ носомъ и „гостинодворскимъ“ характеромъ головы, вдавленной въ непомѣрно развитый торсъ, съ „глупо“ приподнятыми

плечами... Онъ это чувствовалъ со своей стороны и съ тѣмъ большею назойливостью приставалъ къ ней, тѣмъ упорнѣе вертѣлся кругомъ нея (онъ былъ вообще изъ числа тѣхъ мухъ въ человѣческомъ образѣ, что̀ тѣмъ неотступнѣе лѣзутъ, чѣмъ ихъ нетерпѣливѣе отгоняютъ).

— И неловокъ вѣдь какъ! совсѣмъ уже сердито вскрикнула она на половинѣ тура, чувствуя и видя, какъ онъ шпорой оборвалъ цѣлое полотнище газа съ ея юбки.

Она остановилась, скинула поспѣшно руку съ его плеча, пока онъ весь красный отъ смущенія суетился надъ кускомъ, обмотавшимся кругомъ его гусарскаго сапожка...

Кто-то подлѣ засмѣялся.

Она нахмурилась:

— Finissez en donc! крикнула она на него.

— *Moi je* ne sais pas vraiment, какъ это случилось, забормоталъ онъ, теряясь еще болѣе.

— Пойдемте, ma chère, я вамъ покажу, гдѣ уборная, сказала видѣвшая это со своего мѣста у стѣны (она давно уже состояла на положеніи „tapisserie“ въ свѣтѣ) Варвара Петровна Мосягина, спѣша ей на помощь.

Онѣ ушли изъ залы. Basile побѣжалъ за ними, дождался у дверей уборной, пока, уколотая и подшитая на прежній ладъ, не вышла изъ нея красавица, и кинулся къ ней съ извиненіями и изъявленіями. Ея досада успѣла пройти, она усмѣхалась теперь въ отвѣтъ на его *нудныя*, но, она не могла сомнѣваться, искренно „влюбленныя“ рѣчи.

— Вы мнѣ телеграфировали въ прошломъ году de Moscou, что вы мною „особенно займетесь“, расписывалъ онъ, — et *moi je* comptais là dessus съ такимъ восторгомъ. А вы, вмѣсто этого, и совсѣмъ меня къ себѣ не пускаете, я васъ еще ни разу въ этомъ году не видалъ одну... вы даже на письма мои ни на одно не отвѣчали...

— Потому что это все вздоръ и пустяки, говорила она въ отвѣтъ, дѣлая усилія итти скорѣе впередъ (она не рѣшилась отказать ему „въ счастіи вести ее подъ руку“), между тѣмъ какъ онъ, напротивъ, старался какъ можно болѣе замедлять шаги;—неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, еще такой ре-

бенокъ, что не понимаете шутокъ и могли вообразить себѣ, что я приму всѣ эти ваши декларацiи, вздохи и письма au sérieux?

Его всего перекосило отъ задѣтаго самолюбiя.

— *Moi j'*en vaux bien un autre! прошипѣлъ онъ;—у васъ теперь, я знаю, только *этотъ старикъ* въ головѣ. Всѣ dans le monde говорятъ, что вы хотите за него замужъ выйти... И васъ за это въ куски рвутъ, я вамъ прямо скажу...

— Да какое вамъ до меня дѣло, оставьте меня въ покоѣ! крикнула она на него, силясь выдернуть руку, которую онъ страстно прижималъ къ себѣ локтемъ.

Шастуновъ удержалъ ее.

— Онъ старъ, а я молодъ, продолжалъ онъ, не слушая ея и, какъ всѣ тупые люди, силясь прошибить стѣну лбомъ,— и я гораздо богаче его, et puis *moi je* suis *prince*, et c'est plus que *comte*...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! перебила она его со смѣхомъ.

— Non, attendez! упорно промолвилъ онъ:—s'il veut vous épouser, *moi je* veux aussi!

Она такъ и покатилась—благо были они теперь одни, проходя чрезъ пустую комнату, — звонкимъ, неудержимымъ смѣхомъ. Ей вспомнилась Аглая, ихъ послѣднее объясненiе въ Сицкомъ *), встрѣча съ нею въ Москвѣ, ея самодовольная тупость, какъ бы вылинявшая и на лицѣ этого „мальчишки", пресерiозно мечтающаго отбить ее у ея „cher, cher, cher ami"... Все это въ тотъ мигъ показалось ей такъ забавнымъ, такъ „непроходимо-глупымъ"!..

— Послушайте, безцеремонно сказала она подъ этимъ впечатлѣнiемъ,—вѣдь это вы только съ вашею маменькой способны на такiя наивности...

— Maman—пожалуй, я не спорю, отпустилъ онъ на это съ самымъ внушительнымъ видомъ,—mais *moi je* ne suis pas bête, je vous en réponds! Я сдѣлаю карьеру, j'ai le temps, какъ и вашъ monsieur le comte. Et *moi je* vous adore и умоляю

---

*) *Четверть вѣка назадъ.* Часть II.

васъ de me donner la préférence sur ce vieux!.. Moi, en général, я очень нравлюсь женщинамъ, — *moi j'ai* des preuves, добавилъ онъ какъ бы послѣднимъ, неопровержимымъ уже аргументомъ,—отчего вамъ меня не полюбить?

Ольга Елпидифоровна перестала смѣяться.

— Довольно шутовства однако, mon prince, промолвила она, окидывая его взглядомъ, отъ котораго такъ и повѣяло *грандамой*, какою она теперь уже всецѣло чувствовала себя;— вы меня одолжите никогда болѣе, — слышите, *никогда*! — не возобновляя этого разговора со мною.

Онъ, что̀ говорится, совершенно *опѣшилъ* вдругъ, заморгалъ растерянно глазами...

— *Moi je... moi je* voulais... несвязно забормоталъ онъ.

— Ахъ, кажется, мазурка начинается, перебила она его, освободила изъ-подъ его руки свою, кивнула ему слегка головой и, чтобъ отнять у него возможность дальнѣйшаго разговора, обратилась вдругъ къ стоявшему у дверей бальной залы Гундурову съ весьма неожиданнымъ для него вопросомъ:

— А вы никогда не танцуете, Сергѣй Михайловичъ?

Онъ вскинулъ на нее глаза чуть не испуганно, видимо не понявъ даже, о чемъ она его спрашивала... Она чуть-чуть усмѣхнулась и прошла мимо... Онъ опять ушелъ весь въ себя, въ свою задумчивость, въ далекое прошлое, къ которому только-что уносилась его мысль...

Это былъ первый балъ, на которомъ онъ присутствовалъ послѣ десяти лѣтъ, послѣ *тѣхъ* дней... Былъ тоже праздникъ *тогда*... Онъ стоитъ на подмосткахъ въ черномъ плащѣ Гамлета... О, молодость, о незабвенныя, нестерпимыя—и блаженныя муки... и тѣ лазурные, васильковые глаза, и золотистые волосы, и голосъ робкій, и трогательный, какъ пѣніе малиновки,—о, гдѣ, гдѣ все это!.. А тамъ—тотъ ужасъ, та минута, когда онъ увидѣлъ ее съ сомкнутыми вѣждами, покрытую цвѣтами... цвѣтами Офеліи, и свѣтъ выкатился изъ глазъ его, и онъ упалъ на руки Ашанина... Десять лѣтъ не могли смыть всю эту горечь, это отчаяніе. Сердце его очерствѣло; онъ чувствуетъ самъ: къ этому сердцу нѣтъ болѣе доступа; одна голова его, словно безпощадный жерновъ, размалываетъ те-

перь неустанно сложныя задачи предстоящаго отечеству его новаго строя жизни. . Онъ глубоко вѣритъ въ дѣло, которому онъ служитъ, вѣритъ все тою же своею одиноко работающею головой; замкнувшееся сердце не допускаетъ сожалѣнія о всемъ тотъ завѣтномъ прошлаго, что̀ развѣетъ на вѣки, размететъ безвозвратно по лицу Русской земли это дѣло. Fiat justitia, pereat mundus!.. „Да и о чемъ жалѣть?“...

Онъ поводитъ безучастно глазами по головамъ этой чуждой ему, незнакомой свѣтской толпы. „Великая пустыня человѣковъ“!.. „Счастіе милліоновъ“, какимъ-то механическимъ процессомъ мысли говоритъ онъ себѣ вслѣдъ за этимъ. И вдругъ, подъ громъ музыки и топотъ танцующихъ, вспоминается ему какимъ-то налетомъ текстъ Писанія: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ“.

— Сергѣй Михайловичъ!

Онъ оборачивается.

Предъ нимъ стоитъ домино съ желтою розой.

— Сергѣй Михайловичъ, не знаете-ли вы одного адъютанта, барона Грюнштейна?

— Адъютанта герцога... Знаю! Вы желаете его видѣть?

— Онъ изъ *умниковъ*, засмѣялась она, — говоритъ, что танцуетъ только „avec les dames qui savent causer“, и удостоилъ пригласить меня поэтому еще на *нашемъ* балѣ на сегодняшнюю мазурку. Она ужь началась, а я совсѣмъ было забыла, что *приказано* къ мазуркѣ снять домино и быть въ toilette de bal. Я сейчасъ переодѣнусь, а вы, если увидите его, попросите за меня извиненія и чтобъ онъ немножко подождалъ,—я сейчасъ буду...

Она двинулась... и остановилась.

— Слышите? шепнула она Гундурову.

Близко къ нимъ стоялъ знакомый уже читателю сѣдой господинъ съ миловиднымъ женственнымъ лицомъ и со спокойною, но чуть-чуть насмѣшливою улыбкой внималъ громкой рѣчи другаго, стоявшаго рядомъ съ нимъ, въ мундирномъ же фракѣ и лентѣ, чиновнаго господина. Полголовою выше сосѣда, статный, прекрасный, съ линіями головы и длинной шеи образцовѣйшаго рисунка, словно срисованный—собствен-

ною рукой любовно срисованный—съ фотографіи англійскаго лорда, этотъ послѣдній говорилъ какъ съ амвона. Не оборачиваясь на своего собесѣдника, а поводя кругомъ ласковыми, какъ бы *снисходящими* очами—именно *очами*, а не глазами просто,—онъ пріятнѣйшимъ бархатнымъ баритономъ, протяжно и внушительно, ронялъ одно за другимъ, будто многоцѣнныя жемчужины, слова свои съ устъ (разговоръ шелъ, очевидно, все о томъ же крестьянскомъ вопросѣ, и именно по поводу съѣхавшихся въ ту пору въ Петербургъ дворянскихъ депутатовъ „втораго призыва“):

— Le *jus romanum* nous a légué la formule de l'éternelle justice, вѣщалъ онъ:—*audiatur et altera pars*. Il serait de toute équité, ce me semble, d'accorder aux délégués de la noblesse le droit de libre discussion des éléments de notre futuv *jus rusticum* élaboré par la sollicitude éclairée des редакціонныя коммисіи *).

Онъ остановился на мигъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы дать своему собесѣднику время вникнуть и зарубить въ памяти все изящество и вѣскость выговореннаго имъ мнѣнія, и съ мягкою, нѣсколько уже игривою улыбкой продолжалъ порусски:

— Я, конечно, не полагаю сказать этимъ вашему превосходительству что-либо новое, но осмѣлюсь напомнить въ настоящемъ случаѣ, что для гармоническаго вообще процесса государственнаго оркестра не всегда достаточно однако аппробующаго гула волторнъ; нужны нерѣдко и прямое порицаніе гобоя, и пчелиная насмѣшка маленькой флейты.

— Нравится вамъ? проговорила княжна на ухо своему спутнику: — это, говорятъ, восходящее свѣтило... Фамилія его Павановъ; онъ у Нѣмцевъ въ Ригѣ выучился такъ ораторствовать...

Гундуровъ не успѣлъ отвѣтить.

---

*) Римское право завѣщало намъ формулу вѣчной правды: „выслушай и противную сторону“. Мнѣ казалось бы согласнымъ со справедливостью предоставить представителямъ дворянства свободное обсужденіе тѣхъ началъ нашего будущаго *сельскаго права*, которыя выработаны просвѣщенною заботливостью редакціонныхъ коммиссій.

Миловидное выраженіе лица сѣдаго господина внезапно измѣнилось: что-то ѣдкое и жесткое сказалось теперь въ его усмѣшкѣ, въ тонѣ его отвѣта:

— Хорошъ былъ бы „государственный оркестръ", если-бъ его предоставить „благородному россійскому дворянству"!... Libre discussion имѣло оно время заняться всласть въ своихъ губернскихъ комитетахъ и совѣщаніяхъ. Посмотрѣли бы вы, что̀ изъ этого вышло! Невообразимый хаосъ самыхъ нескладныхъ, противорѣчащихъ другъ другу по самымъ основнымъ пунктамъ вопроса, дикихъ и корыстныхъ мнѣній (у насъ въ коммиссіи съ величайшимъ трудомъ могли составить изъ нихъ сводъ,), изъ которыхъ иныя не только „государственнаго", но и никакого *человѣческаго* смысла не имѣютъ... На *кошачью* лишь развѣ *музыку*—вотъ на что̀ способны ваши *благородные дворянскіе инструменты!*... А они съ претензіями на совѣты и контролированіе правительства! Съ какого права, въ силу какихъ антецедентовъ? вскликнулъ уже онъ, сверкнувъ глазами.—Русская исторія выработала со своей стороны *формулу*, на которой вся она и выросла: царь повелѣваетъ, а всѣ классы народа безразлично и безотвѣтно повинуются... Воспитанная на энциклопедистахъ Екатерина вздумала было слиберальничать, попробовала созвать депутатовъ,—и тутъ же распустила ихъ, убѣдившись, что изъ „libre discussion" въ Россіи можетъ только выйти безтолочь одна, или пустое горланство.

Величественный сосѣдъ говорившаго моргнулъ своими снисходящими очами.

— И ваше превосходительство полагаете, возразилъ онъ все съ тѣмъ же изысканнымъ эмфазомъ въ рѣчи и произношеніи словъ,—что по прошествіи почти ста лѣтъ со временъ великой монархини накакого, если дозволено мнѣ будетъ выразиться по-европейски, *amendement* нельзя допустить въ жесткой редакціи старой русской „формулы", на которую изволили вы сослаться?

— Полагаю, засмѣялся въ отвѣтъ сѣдой господинъ, — и тѣмъ болѣе, что крестьянская реформа еще упрощаетъ ее: предъ нами въ ближайшемъ будущемъ стоитъ уже *безсослов-*

ный, уравненный во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ *народъ* Русскій, а надъ нимъ все та же единоличная, самостоятельная власть, которой останется только избирать способныхъ агентовъ для исполненія своей программы управленія этою *безотличною* массой населенія.

— Une monarchie démocratique,—le césarisme de la France actuelle? произнесъ какъ бы уже нѣсколько *инсизивно* господинъ, списанный съ англійскаго лорда.

— Называйте, какъ хотите,—не въ кличкѣ дѣло...

Разговоръ оборвался на этомъ словѣ.

Звонкій хохотъ подлѣ нихъ заставилъ въ то же время Гундурова и княжну вскинуть глаза въ другую сторону.

Къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ Ранцовой (они случайно остановились за ея стуломъ,), танцовавшей съ графомъ Мышинскимъ, красивымъ Полякомъ, прибывшимъ недавно изъ Варшавы для какихъ-то, говорили, „политическихъ“ переговоровъ „съ *русскимъ* правительствомъ“, подлетѣла съ разбѣга веселая тройка, состоявшая изъ офицера Хлыстова по срединѣ и двухъ очень молодыхъ генераловъ по бокамъ.

Она поспѣшно встала.

— *Плечи, прелесть, заглядѣнье!* загоготалъ, близко наклоняясь къ ней, Хлыстовъ придуманную ими, согласно дѣлаемой фигурѣ, *фразу* изъ трехъ словъ.

Она усмѣхнулась лукаво и двусмысленно и, протягивая правую руку лѣвому изъ нихъ:

— Само собою „заглядѣнье“! словно процѣдила она сквозь пышныя губы, горячо вскидывая на него — и тутъ же опуская глаза.

— И прелесть — первый сортъ! воскликнулъ съ новымъ хохотомъ молодой генералъ, охватилъ ея талію и понесся съ нею по залѣ...

— Княжна, скажите, молвилъ вдругъ Гундуровъ (брови его сдвинулись, губы иронически скривились), какъ у васъ въ Петербургѣ относятся къ этимъ *откровенностямъ:* „съ аппробующимъ гуломъ волторнъ“, или съ „пчелиною насмѣш-

кой маленькой флейты?“ А по-моему, „гобою“ этого вашего „восходящаго свѣтила“ разразиться какъ разъ было бы у мѣста на этого рода мотивъ.

Она не отвѣтила, кивнула ему въ знакъ прощанія и отправилась переодѣваться.

VII.

Herb ist des Lebens
Innigster Kern.

Schiller.

Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Державинъ.

Дня три спустя княжна Кубенская вернулась утромъ снизу послѣ завтрака (она въ своемъ качествѣ фрейлины постоянно завтракала съ высокою особой, при которой состояла, и ея семействомъ,) въ свой поднебесный аппартаментъ въ весьма невеселомъ настроеніи духа.

Погода была морозная, и каминъ въ ея гостиной топился съ утра. Она подошла къ нему и протянула руки къ огню, какъ бы желая отогрѣть ихъ; но ее знобило не отъ холода, а отъ нервнаго возбужденія, съ которымъ она не въ силахъ была справиться.

Она не могла не замѣтить сдержанности, чтобы не сказать *сухости*, съ которою съ ней обращались сейчасъ. Ею очевидно не довольны, на нее „дуются". За столомъ у всѣхъ какъ-то странно опускались глаза въ тарелки, когда она начинала говорить... Бывшая тутъ игуменья Наѳанаила—„о, противное существо!"—даже вздохнула два раза, съ очевидною аффектаціей отвѣчая ей, и повела на нее изподлобья глаза съ такимъ выраженіемъ, что „я-молъ по своему сану должна скорбѣть о тебѣ"... А когда встали, и княжна, по обычаю,

спросила: „Madame a t'elle des ordres à me donner pour ce matin?“ ей отвѣтили поспѣшно, „видимо желая скорѣе отъ нея отдѣлаться“, и по-русски: „Нѣтъ, благодарю васъ, можете располагать вашимъ днемъ“... „Вашимъ *днемъ*“,—значитъ: ее весь день не желаютъ видѣть...

Это все такъ мало походило на столь еще недавнія къ ней ласки и милость... Досада княжны усиливалась еще сознаніемъ, что, помимо „наговоровъ“, многое въ ея поступкахъ за послѣднее время могло подать серьезный поводъ къ неудовольствію на нее,—„само собою, съ *ихъ* точки зрѣнія“, говорила она себѣ... Но отчего же не скажутъ прямо, *что* именно? Она могла бы объяснить, оправдаться... А то молчатъ, хмурятся, не глядятъ...

Грудь ея высоко подымалась, зеленые глаза обводили кругомъ комнату съ разгнѣваннымъ выраженіемъ. Она „не раба, не горничная, она *этого* не снесетъ,—она *потребуетъ* объясненія“, шептали, не раскрываясь, ея поблѣднѣвшія губы.

„Объясненіе“ не заставило себя долго ждать. Ливрейный слуга княжны широко раскрылъ дверь и торопливо проговоривъ: „мать игуменья!“ такъ же быстро попятился назадъ и съ почтительно наклоненною головой пропустилъ тутъ же входившую, не ожидая отвѣта хозяйки.

Это уже одно свидѣтельствовало о степени значенія, пріобрѣтеннаго духовною особой въ этихъ стѣнахъ.

Кровь кинулась въ голову Киры. Но она сдержалась, отвѣтила наклономъ головы на входный поклонъ игуменьи и, не отходя отъ камина, указала ей рукою на кресло подлѣ него.

Та сѣла, опустила глаза, оправила свое черное покрывало и тяжело перевела духъ, какъ бы готовясь къ продолжительной и не особенно пріятной бесѣдѣ.

Но княжна начала первая:

— Вы ко мнѣ *съ порученіемъ?* отчеканила она, воззрясь ей прямо въ лицо.

Игуменья не успѣла отвѣтить. Дверь изъ передней такъ же широко растворилась еще разъ и въ просвѣтѣ ея показался красный жилетъ:

— Ея высокопревосходительство, госпожа камеръ-фрейли-

на, Прасковья Александровна Охвостова! торжественно доложилъ онъ.

Это была двоюродная тетка Киры и, какъ извѣстно читателю, особа, по предстательству которой поступила наша княжна во дворецъ. Она уже давно жила на почетномъ покоѣ въ дворцовомъ помѣщеніи и, кромѣ какъ на интимные придворные вечера, куда приглашалась по старой памяти (ее очень уважали,), никуда изъ него не выѣзжала. Пріѣздъ этой семидесятилѣтней старушки къ ней—къ „дѣвочкѣ", какою не могла не почитать себя Кира сравнительно съ нею, былъ чѣмъ-то столь необычнымъ, что у нея вдругъ ёкнуло сердце. Ничего добраго не предвѣщало ей это посѣщеніе. „Не даромъ же", пронеслось у нея въ головѣ, „рѣшилась она взобраться на вышину моихъ 125-ти ступеней"...

Она быстро, съ протянутыми руками, пошла навстрѣчу нежданной посѣтительницѣ:

— Ахъ, тетушка, могла-ли я думать... Вы, надѣюсь, на машинѣ поднялись? перебила она себя предупредительнымъ вопросомъ.

— Да, на машинѣ... Спасибо, я не устала... Я пройду сама, молвила та въ отвѣтъ, нехотя давая племянницѣ поцѣловать себя въ щеку и слегка отстраняясь отъ этихъ рукъ ея, протянувшихся съ тѣмъ, чтобы поддержать ея шаги.

Она еще не нуждалась въ такой поддержкѣ. Не смотря на свои лѣта, Прасковья Александровна Охвостова ходила бодро и держалась необыкновенно прямо. Вся она была словно подтянута благовоспитанностью и чинностью дворскихъ пріемовъ стародавняго времени. Въ черномъ отъ головы до ногъ (она не выходила обыкновенно изъ этого цвѣта со времени смерти одной, угасшей на зарѣ жизни, молодой особы царской крови, къ которой она была особенно привязана, измѣняя его на сѣрый лишь для придворныхъ вечеровъ,), съ двумя накладными сѣдыми буклями, обрамлявшими подъ низкою шляпкой ея узенькое, морщинистое и нѣсколько строгое лицо, — ея худоба и прямизна стана придавали общему характеру ея облика всю ту внушительность и важность, которыя недоставали ей со стороны ея невысокаго роста. Она была очень

близорука и то-и-дѣло должна была прибѣгать къ помощи одноглазаго золотаго лорнета старинной формы, висѣвшаго у нея на груди на широкой, чернаго же цвѣта, лентѣ, и который наводила она на лицо говорившее съ нею не разомъ, а поводя имъ сначала изъ старой привычки учтивости по сторонамъ. „Il est malséant de fixer les gens de façon à pouvoir les embarasser“, входило въ ея *правила*... Прасковья Александровна говорила по-русски охотно — и по-старинному, произнося *этто* вмѣсто *это*, *быдто* вмѣстѣ *будто*, и т. п. и примѣшивая самымъ страннымъ сочетаніемъ простонароднѣйшія выраженія и обороты къ галлицизмамъ и книжному языку двадцатыхъ годовъ.

— Куда прикажете, тетушка? спрашивала ее Кира, невольно нѣсколько суетясь.

— Подалѣе только отъ огня: глаза мои не переносятъ пламени...

Княжна усадила ее на диванъ и поспѣшила заставить пламя камина стоявшимъ подлѣ экраномъ.

Мать Наѳанаила поднялась со своего кресла и подошла къ дивану:

— Ваше высокопревосходительство...

— А, матушка игуменья! промолвила та, узнавая ее, и, тотчасъ же вставъ, вынула изъ муфты, которую кинула на диванъ, обѣ свои руки и уложила ихъ одну на другую во испрошеніе ея благословенія... Но на лицѣ ея въ то же время сказалась замѣтная досада.

Игуменья, высоко поднявъ сложенные персты, осѣнила истово эти руки крестнымъ знаменіемъ и тутъ же, съ видомъ крайней почтительности и искательства, сжала ихъ въ своихъ.

Прасковья Александровна сѣла опять, повела прищуренными глазами на нее, на племянницу,—и, съ тѣмъ же досадливымъ выраженіемъ въ чертахъ, молча, забарабанила своими сухими и маленькими пальцами по гладкой поверхности стола, стоявшаго предъ нею.

Наѳанаила сѣла тоже, нѣсколько видимо смущенная наставшимъ затѣмъ молчаніемъ.

Молодая хозяйка прервала его первая:

— Вы имѣете мнѣ что-то сказать, тетушка? отважно произнесла она, прямо вызывая ее на разговоръ.

Та подняла голову:

— Вы должны разумѣть, *княжна*, заговорила она съ прорвавшимся вдругъ возбужденіемъ, подчеркивая для большей внушительности нѣкоторыя слова, — что я въ мои преклонныя лѣта не собралась бы на вояжъ къ вамъ, если бы не имѣла въ *этомъ разѣ значительные* на то резоны... Я и точно прибыла сюда, чтобъ имѣть съ вами *нѣкоторый* разговоръ...

Игуменья поспѣшно встала, услышавъ эти слова.

— Вы мнѣ позволите въ такомъ случаѣ удалиться, ваше высокопревосходительство, проговорила она съ насилованною улыбкой и худо скрываемою обиженностью въ звукѣ голоса:— мнѣ также *поручено* было передать *нѣчто* княжнѣ, но я ужь потомъ... я успѣю...

Кира остановила ее движеніемъ руки. Въ лицѣ ея читалось нетерпѣніе и рѣшимость „вывести все это сейчасъ же на чистую воду“.

— Позвольте, матушка, — я имѣю основаніе думать, что то, что̀ вамъ „поручено“, состоитъ въ очень близкомъ отношеніи къ тому, что̀ желаетъ сказать мнѣ тетушка. Во всякомъ случаѣ, у меня нѣтъ тайнъ, и я не желаю ихъ. Прошу поэтому и тетушку, и васъ передать мнѣ теперь же открыто все, что̀ имѣете мнѣ сказать: пусть каждая знаетъ, что̀ мнѣ скажетъ другая.

Камерфрейлина нѣсколько уже дрожавшею отъ лѣтъ рукой подняла, по привычкѣ, свой лорнетъ, приставила къ правому глазу и тутъ же уронила его, какъ бы сказавъ себѣ: „и смотрѣть на нее не сто̀итъ!“ Она не ожидала такого рѣшительнаго тона у дѣвушки, „chez une jeune fille!“ и не привыкла къ нему.

Она откинулась въ сторону игуменьи:

— Новыя понятія, новое обхожденіе, какъ видите, матушка! ѣдко произнесла она:—audace et bravade... *неглиже съ отвагой*, какъ говорятъ люди.

Мать Наѳанаила опустилась снова въ свое кресло, перебрала четками и глубоко вздохнула.

Кира закусила губу: ее подмывали и злость, и желаніе засмѣяться.

— Соблаговолите же, матушка, *доложить* княжнѣ, что̀ вамъ *поручено*, продолжала подчеркивать Прасковья Александровна,—а я покамѣстъ *слушать* буду.

Та развела руками и вознесла глаза въ потолокъ, словно призывая его во свидѣтели того христіанскаго прежде всего смиренія, съ коимъ возлагала она на себя тяжелое бремя предстоявшей ей задачи.

— Не посѣтуйте на меня, княжна, жалобно запѣла она,— за то, что̀ можете услышать для себя прискорбнаго изъ моихъ устъ. Сказано: *Твори волю пославшаго тебя*. Какъ приняла приказаніе, такъ по совѣсти и послушанію должна я...

— Говорите, пожалуйста! перебила ее, хмурясь, дѣвушка:— къ чему тутъ извиненія!

— Пылкость молодости, молвила на это Наѳанаила, обращаясь къ Охвостовой и какъ бы прося у нея извиненія за эту „пылкость“, — при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, какъ это почти всегда бываетъ въ эти годы, увлекаетъ часто нашу милую и умную княжну далеко за предѣлы... должной осторожности... Она,—если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться,—очень часто грѣшитъ par trop de zèle, comme a dit Talleyrand, добавила она, считая не безполезнымъ щегольнуть образованностью предъ такою „высокопоставленною *личностью*“, какъ эта „придворная старушка“.

Но придворная старушка только на это поморщилась: въ ея понятіяхъ „православной инокинѣ“ было совсѣмъ „malséant“ говорить въ серіозную минуту на иностранномъ нарѣчіи, да еще о Талейранѣ.

— Д-да... А дальше? коротко проговорила она.

Наѳанаила испустила новый вздохъ:

— Зложелательствомъ исполнены люди въ нашъ вѣкъ, не прощаютъ они другъ другу ни слабостей, ни достоинствъ, а паче всего—превосходства умственнаго и душевнаго... Зависть

снѣдаетъ мелкія души... Такъ самыя блестящія качества княжны служатъ ей часто во вредъ...

Кира перебила ее еще разъ:

— Я вамъ очень благодарна, матушка, за мнѣніе ваше о моихъ качествахъ,—но нельзя-ли скорѣе о *порученіи* вашемъ?

Игуменья глянула на нее теперь изъ-подъ нахлобученнаго клобука съ тѣмъ самымъ „зложелательствомъ", въ которомъ она только-что упрекнула „людей нашего вѣка". Она никакъ не могла простить нашей фрейлинѣ того, что она одна въ этихъ стѣнахъ не хотѣла поддаваться на *эффекты*, къ которымъ бывшая дѣвица Травкина сохраняла все такую же страсть, играя на нихъ и подъ этимъ монашескимъ клобукомъ своимъ.

— До свѣдѣнія высокихъ особъ, начала она теперь ледянымъ голосомъ, съ примѣсью худо сдерживаемой язвительности, — дошло объ одномъ „весьма неприличномъ" — передаю буквально, извините, княжна! — разговорѣ вашемъ на вечерѣ съ графомъ...

— Такъ объ этомъ уже знаютъ здѣсь, — опечалили *ихъ* уже этимъ! не давъ ей кончить, вскликнула камерфрейлина, вся выпрямившись и направляя на этотъ разъ свою золотую одноглазку прямо на лицо племянницы: — Отмѣнно, княжна, отмѣнно, могу вамъ только принести по этому случаю мой усерднѣйшій комплиментъ!... И какъ вы, право удивительно, *быдто* свайкой въ кольцо, такъ и попали, что мы съ матушкой объ одномъ и томъ же съ вами *гуторить* съѣхались! Не даромъ видно сказывается: на ворѣ шапка горитъ... А мнѣ объ вашей *конверсаціи* передала вчера на вечерѣ у Ихъ Величествъ самая та персона, съ которою вы доставили себѣ удовольствіе имѣть таковую.

— А! такъ и вырвалось у Киры (она этого ждала):—онъ успѣлъ и вамъ нажаловаться!...

— Не знаю, возразила Прасковья Александровна, заморгавъ взволнованно глазами, — что̀ вы разумѣете подъ „нажаловаться!" Онъ, какъ человѣкъ благорожденный и серіозный, *вѣдая*, что я вамъ единственная родня въ Петербургѣ и что *чрезъ меня*, — протянула она, — доставлено вамъ то *знатное*

положеніе, въ коемъ вы *по сю пору* имѣли счастіе находиться, онъ долженъ былъ спросить меня, какъ ему понимать слѣдуетъ *этто*... ваше... votre inimaginable sortie, договорила она по-французски, не находя въ своемъ русскомъ словарѣ соотвѣтствующаго надобности энергическаго выраженія.

— Нечего было ему спрашивать! пылко отрѣзала княжна:— я достаточно ясно высказала ему свои убѣжденія... которыя и готова повторить во всякое время и кому угодно! домолвила она, сверкнувъ глазами по направленію матери Наѳанаилы.

Та поспѣшно втиснула пальцы въ пальцы, тѣсно прижала ихъ ко груди и вонзила еще разъ глаза свои вверхъ: — Тымолъ, Господи, вѣси, а я ничего ужь не могу послѣ *этого!*..

— Какъ вы сказали: „у-бѣж-де-нія?“ повторила по складамъ Охвостова: — да, да, знаю, un mot, которое я начинаю часто слышать и читаю въ этихъ вашихъ новыхъ русскихъ журналахъ. Слово глупое *вообще*, а въ вашемъ *ртѣ* (dans votre bouche) и совсѣмъ негодное!

— Это еще почему? вскликнула дѣвушка.

— Потому, пока вы носите цвѣта и ѣдите хлѣбъ здѣшняго дома, вы своихъ „у-бѣж-де-ній“ не дерзаете имѣть, а обязаны держаться манеры смотрѣть и думать (manière de voir et de penser) тѣхъ, кому вы служите. Безъ того вы имъ не слуга и не другъ, а предательница и врагъ... А давали-ли они вамъ право поступить, какъ вы сдѣлали, говорить, что̀ вы себѣ позволили?

Отвѣта не послѣдовало. Кира не находила его противъ *этихъ* доводовъ.

Тетка ея горячо продолжала:

— Вы вотъ сейчасъ похвалялись съ азартомъ матушкѣ, *быдто* какой савраска безъ узды, что готовы и вдругорядь, и „предъ кѣмъ угодно“, *повторить*, что̀ вы расписывали тамъ подъ маской. Значитъ, такъ я понимаю, что за всѣ *ихнія* милости и благодѣянія вы *имъ* же теперича неприлично отвѣчать собираетесь? Похвалы достойно, во-истину! А чтобы, какъ требуетъ честь и долгъ dans toute âme bien née, спросить себя спервоначала, не можете-ли вы compromettre своими без-

умными словами тѣхъ, при комъ имѣете счастіе состоять и кого беречь должны, — такъ на это у васъ не достало ни сердца, ни разума.

Глаза Киры засверкали.

— Позвольте, тетушка, я васъ очень уважаю, но я никому не даю права оскорблять меня!...

Прасковья Александровна вся даже въ лицѣ перемѣнилась; голосъ ея задрожалъ:

— Оскорблять васъ!... Вотъ какъ вы чувствительны въ вашемъ самолюбіи!... А о томъ вы не подумали, какъ оскорбили вы меня *въ нихъ? Я* васъ къ нимъ приставила, *я* отвѣчаю за васъ; *они* могутъ—въ первый разъ въ жизни!—пожалѣть о томъ, что послушались меня... А вы... Мы дожили до такого времени, что вы и чувствъ моихъ не поймете совсѣмъ; можетъ-быть, не поймете, что̀ *они* для меня... Я бабки ихъ, блаженной памяти императрицы Маріи Ѳедоровны, воспитанница и фрейлина (слезы при этомъ выступили на глазахъ старой камерфрейлины)... Я видѣла образецъ всѣхъ добродѣтелей подъ вѣнцомъ, знала государыню-*мать*, давшую тысячи воспитанныхъ и честныхъ матерей моему отечеству... Потомство ея дороже мнѣ паче собственной жизни... Два поколѣнія его родились, выросли у меня подъ глазами... Они привыкли съ дѣтства видѣть во мнѣ преданнаго друга и вѣрную слугу... А вы?... Въ какое положеніе поставили вы меня теперича къ нимъ?...

Она остановилась перевести дыханіе. Княжна заговорила въ свою очередь:

— Я допускаю, тетушка, что *съ вашей точки зрѣнія я*, въ качествѣ фрейлины, обречена на всю жизнь мою молчать какъ рыба; но я никакъ понять не могу, *чѣмъ* въ данномъ случаѣ могла я „compromettre“ тѣхъ, при комъ я состою. Въ томъ, что̀ я сказала, выражено было лишь желаніе, чтобы великая мысль Государя объ освобожденіи крестьянъ, которой я глубоко сочувствую—и должны сочувствовать тѣмъ болѣе близко стоящія къ нему лица, внушительно примолвила она,— не была извращена исполнителями Его воли.

— Что̀ можете вы знать про мысли Государя! воскликнула

Охвостова негодующимъ шопотомъ:—*Сердце царево въ руцѣ Божіей*, оно внушаетъ ему, что̀ нужно для блага его народовъ... А вы,—говорила она уже съ какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ, вы съ дерзостью вашихъ двадцати лѣтъ рѣшаетесь вмѣшиваться, рѣшаетесь аппробовать или порицать—parceque l'un ne va pas sans l'autre!—такія Его дѣла, гдѣ, кромѣ Бога одного, не можетъ быть Ему судьи dans tout l'univers!...

Она не въ силахъ была продолжать: губы ея дрожали, пятна выступили на лицѣ... Наѳанаила, все время одобрительно кивавшая, будто въ тактъ ея словъ, воспользовалась перерывомъ и съ искреннимъ повидимому увлеченіемъ схватила обѣ руки ея и прижалась къ ней губами. „Придворная старушка" была такъ взволнована, что и не замѣтила этого изліянія восторга.

Кира какими-то растерянными глазами глядѣла на тетку...

„Я ничего тутъ не понимаю!" казалось, говорили они... Она впрочемъ начинала ничего не понимать и въ себѣ самой.

Въ этомъ напряженномъ состояніи прошло нѣсколько минутъ.

Прасковья Александровна достала изъ своей муфты оправленный золотомъ флакончикъ, открыла его и поднесла къ ноздрямъ.

— Ея высочество у себя? еще не отымая его, спросила она, ни къ кому опредѣленно не относясь.

— У дѣтей, поспѣшила отвѣтить Наѳанаила.

— А! тѣмъ лучше! Давно ихъ не видала, пойду къ нимъ... Такъ оставить *этто* нельзя! столь же неопредѣленно промолвила она.

— Я провожу ваше высокопревосходительство, если позволите...

Старушка, не отвѣчая ей, встала и двинулась съ мѣста.

— Reconnaissez vous votre faute au moins? спросила она вдругъ, останавливаясь на-ходу, по адресу племянницы, но не глядя на нее.

Княжна стояла у своего стула, нервно перебирая пальцами по его спинкѣ:

— Для чего спрашивать, тетушка! отвѣтила она съ потемнѣвшимъ взглядомъ и чуть-чуть приподымая плечи:—я, дѣйствительно, забыла и виновата въ томъ, что *пока я здѣсь, я*—узникъ, обреченный на безмолвіе и *безсмысліе*, подчеркнула она;—но я не виновата,—прибавила она съ какимъ-то намѣреніемъ улыбки,—что я дитя своего времени и не могу раздѣлять въ душѣ моей всѣхъ вашихъ идей...

Прасковья Александровна горько улыбнулась:

— Ну да, конечно, *ветхая мимо идоша и вся быша новая*... Такъ я говорю, матушка?.. Счастливы-ли вы оттого станете, что все разрушите старое, не знаю!.. А впрочемъ слышала я отъ покойнаго Ивана Андреевича Крылова — c'était un véritable *русскій* человѣкъ et homme d'esprit,—очень мѣтко сказанное: „напала на кошку спѣсь, не хочетъ и съ печки слѣзть“... Пойдемте, матушка!..

И, опершись на предложенный ей игуменьей локоть, вышла съ нею безъ дальнѣйшихъ словъ изъ комнаты.

„Прощенія станетъ теперь за меня просить, извинять меня *молодостью*, какъ эта противная Наѳанаила, себя выгораживать“, злобно говорила наша фрейлина, проводивъ ихъ до двери передней и возвращаясь къ своему камину.

Она подкинула въ него полѣно и устремила недвижно глаза свои въ пламя. Мысли безпорядочными скачками проносились у нея въ головѣ... „Убѣжденіе — *глупое слово*“, говоритъ, а у самой вѣра въ эти свои старые догматы тверже скалы... Папа покойный какой умный былъ, а свое тоже бывало: „отпустишь — развалится“... Само, значитъ, держаться не можетъ. Чего же жалѣть, что развалится?.. Нѣтъ, не то! какимъ-то вдругъ горячимъ взрывомъ поднялось изъ груди дѣвушки:—вотъ она, старуха, вся еще пылаетъ сердцемъ за свое, за эту вѣру въ *нихъ*,—а я... одна „спѣсь, какъ у кошки“, говорятъ, а на душѣ тоска, тоска...

VIII.

Some sins do bear their privilege in earth.
Shakesp. *King John.*

Ну, какъ-по вашему? По-нашему—смышленъ!

Бѣгу, не оглянусь! Пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...
Горе отъ ума.

— Свиты Его Величества генералъ, графъ Анисьевъ! неожиданно пропѣлъ въ эту минуту жирнымъ и зычнымъ голосомъ ливрейный княжны, распахивая съ шумомъ дверь...

— Графъ Анисьевъ? съ изумленіемъ повторила это имя она:—онъ никогда у меня не бывалъ...

— Очень просятъ принять, сказалъ шопоткомъ красный жилетъ, притворяя за собою дверь для большей предосторожности.

— Проси! молвила Кира, подумавъ.

Графъ Анисьевъ, въ сюртукѣ и эполетахъ, раздушенный, щеголеватый и улыбающійся, вошелъ въ гостинную.

— Princesse, началъ онъ по-французски, — я долженъ прежде всего просить у васъ извиненія, что, имѣвъ честь быть вамъ представленнымъ еще мѣсяцъ тому назадъ, такъ опоздалъ явиться къ вамъ изъявить мое почтеніе... Но я еще не очень давно въ Петербургѣ и такъ былъ заваленъ дѣломъ съ первой же минуты, что нахожу съ величайшимъ трудомъ возможность урываться отъ него для исполненія моихъ свѣтскихъ обязанностей...

Она молча повела въ отвѣтъ на эту учтивость подлежа-

щимъ въ этихъ случаяхъ движеніемъ головы, сѣла сама и указала ему на кресло противъ себя.

Онъ сѣлъ, заговорилъ о „прелестномъ вечерѣ“, отзываясь съ „энтузіазмомъ“ о томъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ на него лично.

— Вы не можете себѣ представить, весело говоритъ онъ,— что̀ испытываетъ въ этихъ случаяхъ человѣкъ, который, какъ я, прозимовалъ три года до этого въ глуши провинціи, среди запоздалыхъ модъ, темныхъ улицъ, губернскихъ львицъ, которыя говорятъ тебѣ „ваше сіятельство“, и заматорѣлыхъ медвѣдей-помѣщиковъ, готовыхъ въ настоящую минуту, когда правительство рѣшается наконецъ вырвать изъ ихъ лапъ несчастныхъ ихъ рабовъ, разорвать тебя, какъ представителя его, этими же грязными лапами своими... Вдругъ послѣ общества *антропофаговъ* se retrouver en plein monde élégant!... Смѣшно сказать, княжна, въ мои лѣта, но я былъ счастливъ какъ школьникъ. Вѣдь это мой первый петербургскій балъ послѣ трехлѣтней моей ссылки... Я не могъ, къ величайшему моему сожалѣнію, такъ какъ въ тотъ же день обязанъ былъ *по особому порученію* уѣхать на сутки въ Москву, быть на предшествовавшемъ ему балѣ у *васъ*, въ этихъ стѣнахъ, но онъ, говорятъ, былъ тоже прелестный...

— Д-да... говорятъ, сказала разсѣянно Кира.

Онъ засмѣялся:

— Вы такъ безучастно повторяете „говорятъ“, что можно было бы подумать, что и вы, какъ я, знаете о немъ только по наслышкѣ.

— Нѣтъ, я, разумѣется, была на немъ, слабо усмѣхнулась она.

— Но... Онъ пріостановился, какъ бы выжидая второй части фразы, и, не дождавшись, договорилъ самъ:—но у васъ другіе вкусы, чѣмъ свѣтъ (vous avez d'autres goûts que le monde),—такъ это?

Она холодно взглянула на него:

— Можетъ быть; но почему могло бы это быть вамъ извѣстно? Вы меня совсѣмъ не знаете.

— О, весело возразилъ онъ,—а опытъ жизни и свѣта!...

Я тотчасъ же составилъ себѣ объ этомъ понятіе на томъ вечерѣ во время мазурки, замѣтивъ, какъ тщетно добивался этотъ бѣдный Грюнштейнъ вашей улыбки, наводняя вашъ слухъ своими остзейско-французскими любезностями, и какъ вы морщились, когда Хлыстовъ со своимъ ревомъ заставлялъ васъ подыматься съ мѣста: „Grand rond, s'il vous plait!"... Il ne vous plaisait pas du tout, я это хорошо видѣлъ, хихикнулъ въ заключеніе Анисьевъ собственному своему *mot*.

— Я танцую не охотно, это правда, сказала она.

— Вы и появились только въ мазуркѣ... Я разумѣю: въ бальномъ туалетѣ, тонко промолвилъ щеголеватый генералъ, зорко вдругъ взглянувъ на нее,—такъ какъ вы могли, *невѣдомая никому*, быть тутъ и ранѣе...

„Что это", пронеслось въ головѣ Киры,—„намекъ опять на тотъ мой разговоръ?... И онъ!... Прямо бы ужь объявили меня государственною преступницей!..." И прозрачныя ноздри ея гнѣвно раздулись и затрепетали.

— Я, дѣйствительно, была до этого въ домино и маскѣ, отчетливо выговорила она, вызывающимъ взглядомъ отвѣчая на его остановившійся на ней взглядъ.

Но онъ самымъ невиннымъ тономъ и какъ бы вовсе не обративъ вниманія на этотъ относящійся къ ней лично фактъ, а пользуясь только ея отвѣтомъ для продолженія разговора на тотъ же общій мотивъ, замѣтилъ, что „ничего не могло быть счастливѣе этихъ неожиданно появившихся масокъ и подбора ихъ изъ числа esprits les plus fins de Saint-Pétersbourg, и что въ этомъ „сейчасъ же угадывается та, которой принадлежала эта мысль"... Intelligence supérieure, какихъ въ настоящую пору весьма мало en Europe",—онъ не находилъ достаточно словъ для восхваленія ея. Отъ общаго онъ совершенно логичнымъ путемъ перешелъ затѣмъ къ частному, заговорилъ о ближайшемъ участіи, принимаемомъ этою высокою особой въ вопросѣ о крестьянскомъ освобожденіи, и выразилъ и съ этой стороны полную ей аппробацію... Самъ онъ оказывался „самымъ горячимъ другомъ прогресса" (онъ призналъ необходимымъ сдѣлаться таковымъ съ первыхъ же дней новаго царствованія), восторженно говорилъ о „grand acte",

которое должно было „вознести нынѣшнее царствованіе превыше вѣка Екатерины и Петра“, упомянулъ съ новымъ негодованіемъ объ этихъ „ours mal léchés“, помѣщикахъ, „encroutés въ рабовладѣльческихъ традиціяхъ,“ въ обхожденіи съ которыми, по его мнѣнію, правительство „очень могло бы и не надѣвать бѣлыхъ перчатокъ“ (aurait pu tout aussi bien ne pas mettre des gants blancs). При этомъ такимъ же естественнымъ сочетаніемъ мыслей воздана была имъ хвала „литературѣ и вообще печати“, которыя, „къ величайшей ихъ чести, идутъ рука объ руку съ правительствомъ“ и, проводя въ общественное мнѣніе современныя идеи Европы, стремятся *именно къ тому,* что̀ правительство въ своихъ просвѣщенныхъ начинаніяхъ желало бы, такъ сказать, — игриво выражался онъ, — привить (enter) къ заплѣсневѣлому дереву матушки святой Руси (à l'arbre vermoulu de la sainte mère Russie)... „Конечно, молвилъ онъ, снисходительно поводя плечомъ, дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ прискорбныхъ увлеченій (de regrettables entraînements), но нельзя не признать, что корень ихъ все-таки лежитъ въ самыхъ благородныхъ и „вполнѣ патріотическихъ“ побужденіяхъ. Сожалѣя о томъ, что они „иногда переходятъ за предѣлы терпимаго (de ce que l'on peut souffrir)“, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не сочувствовать ихъ искренности и заключающемуся въ нихъ горячему желанію пользы отечеству... И по этому случаю заговорилъ о Герценѣ:

— Это очень большой умъ... Я въ немъ признаю даже геніальность (je lui reconnais du génie), и—васъ, можетъ быть, удивитъ мое мнѣніе, княжна, вернулъ въ скобкахъ изящный генералъ, таинственно вдругъ понижая голосъ,—хотя его *Колоколъ*, строго говоря, долженъ быть почитаемъ обоюдоострымъ оружіемъ (une lame à deux tranchants), которое приноситъ столько же вреда, сколько пользы, я искренно пожалѣлъ бы, если бы какія-нибудь обстоятельства заставили его прекратить свое изданіе. Намъ нуженъ этотъ набатъ (ce tocsin) за границей, чтобы не давать всѣмъ намъ спать (pour nous tenir tous en éveil), стыдить насъ за нашу отсталость и заставлять догонять Европу...

И онъ, какъ бы въ ожиданіи ея отвѣта, вперилъ еще разъ въ лицо княжны свои зоркіе глаза.

— Меня ваше мнѣніе не удивляетъ, спокойно произнесла она:—оно мнѣ кажется очень основательнымъ.

— Не правда-ли, не правда-ли? воскликнулъ онъ, будто очень обрадовавшись ея одобренію.— Конечно,— сказалъ онъ чрезъ мигъ,—вліяніе у насъ Герцена, котораго никто конечно не станетъ отрицать, оказывается, повторяю, иногда черезъчуръ сильнымъ на нѣкоторые неопытные, по преимуществу молодые умы, увлекающіеся одною *утопическою*, такъ сказать, стороной его мнѣній... Но какъ не извинить опять въ душѣ этихъ пылкихъ, всегда благородныхъ молодыхъ людей,— полувздохнулъ, полуусмѣхнулся Анисьевъ,— которые въ этомъ блестящемъ талантѣ видятъ...

Онъ оборвалъ вдругъ на полуфразѣ, прищурился:

— Да вотъ, напримѣръ, проговорилъ онъ небрежно: — вамъ, кажется, родня, княжна, нѣкій бывшій студентъ университета, Овцынъ?... Иринархъ... Ѳедоровичъ, если не ошибаюсь... да, Иринархъ Ѳедоровичъ Овцынъ?

Кира въ свою очередь воззрилась теперь ему прямо въ лицо:

— Мнѣ онъ не родня совсѣмъ, но у насъ есть съ нимъ общіе родные... А что̀?

— Онъ именно одинъ изъ тѣхъ чрезъ мѣру увлекающихся молодыхъ людей, о которыхъ я говорилъ... Не знаю, извѣстно ли вамъ, произнесъ вдругъ съ какою-то вѣскою медленностью Анисьевъ,—что онъ уѣхалъ въ Лондонъ не подъ своимъ именемъ, съ чужимъ паспортомъ?

Краска невольно бросилась въ голову дѣвушки; она начинала понимать, чему обязана была визитомъ этого любезнаго ея гостя. Но гордость не измѣнила ей въ эту минуту.

— Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ я не знала, проговорила она съ полнымъ хладнокровіемъ,— но я видѣла его недѣли двѣ назадъ, и онъ говорилъ мнѣ, что собирается ѣхать въ Лондонъ.

Анисьевъ быстрымъ движеніемъ тѣла закинулъ глаза за

спину и, увѣрившись, что дверь въ переднюю заперта, такъ же быстро наклонился съ мѣста ко княжнѣ:

— И предъ этимъ отъѣздомъ своимъ передалъ вамъ ящикъ съ бумагами? проговорилъ онъ шопотомъ.

— Что это за вопросъ? И глаза ея засверкали искрами.

Онъ помолчалъ, не отрывая отъ нея взгляда, и промолвилъ затѣмъ участливымъ, чуть не нѣжнымъ голосомъ:

— Извините меня, княжна,— но съ вашей стороны было довольно неосторожно принять эти бумаги.

Она поняла, что фактъ былъ ему самымъ положительнымъ образомъ извѣстенъ, что она напрасно стала бы отрицать его... Да она и не съумѣла бы, — она еще ни разу въ жизни не солгала, — она бы только „спуталась". Нѣтъ, „такъ лучше, пусть знаетъ!" Она на этой почвѣ можетъ вѣрнѣе оставаться самой собою...

— Это уже мое дѣло и никого другаго не касается! громко сказала она.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, возразилъ онъ, пуская теперь въ ходъ свою многозначительную улыбку: — господинъ Овцынъ *бѣжалъ* за границу, очевидно, съ преступною цѣлью. Правительству извѣстны его антецеденты... необходимо выяснить теперь его дальнѣйшія намѣренія. Бумаги, которыя онъ оставилъ у васъ, представляются такимъ образомъ крайне важными...

Она молчала.

Онъ опять наклонился къ ней, заговорилъ мягкимъ, словно убаюкивающимъ шопотомъ:

— Княжна, умоляю васъ выслушать меня съ полнымъ довѣріемъ къ моей искренности! Вести съ вами рѣчь о такомъ... щекотливомъ обстоятельствѣ нисколько, какъ вы должны знать, не входитъ въ предѣлъ моихъ обязанностей. Если я согласился принять на себя это совершенно... *экстраординарное* порученіе, то это, повѣрьте, единственно съ цѣлью отстранить отъ васъ... тѣ непріятности, которыя могли бы возникнуть, если бы... *это* пошло другимъ путемъ... Никто, конечно, и не думаетъ заподозривать васъ въ какихъ-либо... *сочувственныхъ*,—подчеркнулъ онъ,—сношеніяхъ съ нашими эми-

грантами и ихъ здѣшними единомышленниками и корреспондентами... Я увѣренъ даже, что, согласившись по незнанію... или великодушію принять отъ господина Овцына бумаги его на сохраненіе, вы не полюбопытствовали и взглянуть на нихъ...

— Конечно, нѣтъ! такъ и вырвалось у Киры; она опять вся покраснѣла отъ мысли, что кто-нибудь могъ заподозрить ее въ нескромномъ любопытствѣ.

Анисьевъ отвѣчалъ на это полупоклономъ, какъ бы говоря: „вы видите, что я ни единой минуты въ этомъ и не сомнѣвался",—и продолжалъ:

— Но, повторяю, если-бъ это пошло *инымъ путемъ*, васъ должны были бы попросить тогда... *по правиламъ*,— промолвилъ онъ какъ бы нѣсколько уже пренебрежительно,— отвѣчать на извѣстные... *офиціальные* вопросы, что̀ уже одно могло бы оскорбить васъ, и не могло бы быть притомъ сдѣлано иначе, какъ уже *съ вѣдома хозяевъ этого дома*... А этого, считаю долгомъ предувѣдомить васъ... для вашего успокоенія,—добавилъ онъ, вскинувъ пристально еще разъ глаза на дѣвушку,—прежде всего желали бы избѣгнуть...

— А какъ же, думаете вы, можно было бы избѣгнуть этого теперь? свысока и нехотя отвѣтила она на это.

— О, ничего нѣтъ легче! засмѣялся онъ самымъ уже успокоительнымъ образомъ: — разговоръ нашъ такъ и останется частнымъ разговоромъ... вы передадите мнѣ эти бумаги...

— Никогда! воскликнула она, прерывая его негодующимъ взрывомъ, съ широко раздувшимися ноздрями, со внезапнымъ пламенемъ въ глазахъ.

Онъ какъ бы уныло опустилъ голову и вздохнулъ.

— Мнѣ извѣстно, что вы очень умны, княжна, началъ онъ, довольно долго помолчавъ предъ тѣмъ, — и мнѣ трудно понять поэтому, какъ вы рѣшаетесь... *усложнять ваше положеніе* изъ-за человѣка, который, во-первыхъ, теперь внѣ власти Русскаго правительства и поэтому внѣ всякой опасности кары или даже задержанія; а, вовторыхъ, который, какъ сами должны вы видѣть, настолько же не деликатенъ, насколько и легкомысленъ, такъ какъ, рѣшившись навязать вамъ роль какой-то будто сообщницы его, не умѣлъ даже схоронить

концы настолько, чтобы сношенія его съ вами и фактъ переданныхъ вамъ бумагъ остались неизвѣстными.

Кира нервно мотнула головой:

— Какое мнѣ до него дѣло! презрительно уронила она... и иронически усмѣхнулась чрезъ мигъ;—но вы, кажется, не совсѣмъ логичны, графъ?

— Почему вы думаете? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Судя по тому, какъ *либерально* говорили вы въ началѣ раговора, я никакъ, согласитесь, не могла ожидать, что онъ долженъ будетъ кончиться *этимъ*.

Анисьевъ нисколько не смутился этимъ аргументомъ ad hominem. Онъ многозначительно потянулъ свой прекрасный усъ, который носилъ теперь не попрежнему, крючкомъ вверхъ, а вытянутымъ въ струну à la Napoléon III, — на котораго, какъ извѣстно, вслѣдъ за Парижскимъ миромъ пошла большая мода въ Петербургѣ,—и возразилъ, тонко ухмыляясь:

— Мнѣ кажется, напротивъ, княжна, что одно совершенно логично истекаетъ изъ другаго. Oui, je suis complètement libéral dans mes opinions: мы должны быть Европа и пройти, чрезъ что она прошла. Я знаю, что ни одно государство не можетъ обойтись безъ революціи и что она у насъ впереди; знаю, что все наше старое зданіе прогнило до костей и что его надо перестроитъ сверху донизу... Но дерево, у котораго внутри уже ничего нѣтъ, часто еще держится корой, княжна, (на лицѣ изящнаго генерала невольно сказалось удовольствіе, причиняемое ему такимъ удачнымъ сравненіемъ,) и его до поры до времени не слѣдуетъ валить. C'est notre cas, princesse:—Россія тоже держится корой. Нашъ народъ, le bas peuple, былъ до сихъ поръ безсловесное животное, „быдло", какъ называютъ его Поляки-помѣщики, сосѣди мои по Могилевской губерніи. Получивъ свободу, онъ очень скоро пойметъ и потребуетъ себѣ дальнѣйшихъ правъ, il demandera ses droits de citoyen... Тогда, я не спорю, идеи Герцена и нашихъ *передовыхъ* людей будутъ имѣть свою настоящую raison d'être и возможность быть примѣненными къ дѣлу. А до тѣхъ поръ ne touchez pas à la hache, не трогайте топора! Потому что

все хорошо въ свое время, а иначе можно только компрометировать самое дѣло прогресса... Вотъ почему, княжна,—уже съ торжествующимъ выраженіемъ во всѣхъ чертахъ заключилъ онъ,—я положительно порицаю, порицаю въ интересахъ ихъ же идей, тѣ нетерпѣливые умы, которые, какъ господинъ Овцынъ и ему подобные, торопятся будущею революціей и думаютъ теперь же въ одиночку, не подготовивъ достаточно силъ и средствъ, свалить это гнилое внутри, но еще крѣпкое корой дерево... А пока оно еще стоитъ, ему, vous comprenez, princesse, нельзя запретить защищаться!..

Онъ, словно сожалѣя объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, приподнялъ плечи и замолкъ.

Она слушала его внимательно и сосредоточенно, не отрывая отъ него глазъ и съ какимъ-то загадочнымъ для него выраженіемъ въ складѣ губъ, въ тѣсно сжавшихся бровяхъ...

Онъ ждалъ въ свою очередь отвѣта.

Она нежданно поднялась съ мѣста и гадливо уронила съ губъ:

— Вы даже не вѣруете въ то, чему служите и во имя чего дѣйствуете!..

Блестящій генералъ весь измѣнился въ лицѣ...

А она неторопливымъ шагомъ дошла до двери сосѣдней комнаты, полуотворила ее, кликнула: „Анфиса!“ и, вернувшись къ своему креслу, опустилась въ него и молча устремила глаза свои въ огонь камина.

Гость ея еще не успѣлъ притти въ себя, какъ на порогѣ той двери показалась красивая, синеокая горничная и съ вопросомъ: „чего прикажете?“ подошла ко княжнѣ.

— Гдѣ тотъ коробъ съ бумагами, который оставилъ у насъ Иринархъ Ѳедоровичъ Овцынъ?

— Въ шкапу, ваше сіятельство, съ легкою запинкой проговорила та, быстрымъ вопрошающимъ взглядомъ окидывая свою барышню и невѣдомаго военнаго мущину, показавшагося ей почему-то подозрительнымъ.

— Достаньте его оттуда!

Синеокая женщина еще разъ взглянула ей въ лицо, какъ

бы не совсѣмъ довѣряя этому приказанію и ожидая его подтвержденія.

Кира поняла, усмѣхнулась и утвердительно кивнула головой.

Анисьевъ, еще нахмуренный, но съ оживленными любопытствомъ глазами и нѣсколько озадаченно, слѣдилъ за ними.

Анфиса подошла къ шкапу, отперла его ключомъ изъ связки, висѣвшей у нея на поясѣ, потянула къ себѣ изъ темнаго угла извѣстный читателю коробъ и, взявъ его на руки, донесла и опустила къ ногамъ княжны.

— Вотъ онъ! промолвила та, указывая на него кивкомъ „либеральному“ генералу:—вы видите печати, никто къ нимъ не притрогивался.

Онъ недоумѣло повелъ на нее взглядомъ, хотѣлъ отвѣтить и не успѣлъ...

— Киньте это въ каминъ, Анфиса! услышалъ онъ „невѣроятное“ приказаніе...

— Княжна! былъ онъ только въ состояніи вскрикнуть.

— Кидайте! торопливо повторила она.

Анфиса своими сильными руками приподняла разомъ тяжелый коробъ, обернулась съ нимъ къ огню и быстрымъ движеніемъ, рискуя обжечь себѣ всѣ пальцы, вдвинула его въ самую середину очага.

Анисьевъ безсознательнымъ порывомъ кинулси съ мѣста къ нему... и отступилъ...

Между имъ и каминомъ стояла также быстро обернувшаяся теперь къ нему лицомъ синеокая женщина, и эти ея синіе, прекрасные и рѣшительные глаза будто говорили ему: „пока не сгоритъ—не подпущу!“

Онъ покраснѣлъ невольно, прикусилъ губу...

— Вы видите, графъ, услышалъ онъ опять голосъ княжны Кубенской,—что меня никакими „путями“ нельзя заставить сдѣлать то, что я почитаю *безчестнымъ*.

Онъ уже овладѣлъ собою, усмѣхнулся опять своею многозначительною улыбкой, поклонился и, разводя слегка обѣими руками, проговорилъ:

— Вижу, княжна, но за послѣдствія я ужь не отвѣтчикъ!

— Какія угодно! надменно и презрительно произнесла она въ отвѣтъ,—и тѣмъ легче, что я сегодня же перестану принадлежать къ этому дому!

Она съ какою-то теперь злою радостью заранѣе жгла свои корабли.

Графъ Анисьевъ не нашелъ слова отвѣтить: въ этой дѣвичьей отвагѣ было что-то необычно и увлекательно *красивое*, чего онъ, въ качествѣ „знатока женщинъ", не могъ не замѣтить и не *оцѣнить*... Онъ поднялъ свою каску съ пола, склонился предъ княжной глубокимъ свѣтскимъ поклономъ и вышелъ изъ комнаты.

— Барышня... княжна, заговорила Анфиса, полуулыбаясь, полутревожно, какъ только затворилась за нимъ дверь,—а не выйдетъ какого худа изъ эвтого самаго, что̀ мы съ вами спроворили?...

Кира пожала плечами.

— Вамъ очень жаль будетъ разстаться со дворцомъ? спросила она вмѣсто отвѣта.

— И ни въ жисть! воскликнула та.—Чего мнѣ-то жалѣть, барышня, измаялась я вся тутъ, въ палатахъ въ здѣшнихъ... Особливо если теперича опять въ матушку въ Бѣлокаменную вздумаете... Гори, гори!—прервала она себя, схватывая каминную кочергу и приподымая ею въ очагѣ толстую кипу бумажныхъ листовъ, чтобы дать ихъ скорѣе охватить огню,—и праху твоего чтобъ не осталось!...

Дверь изъ передней еще разъ широко распахнулась и въ нее уже безъ всякаго доклада вошла Прасковья Александровна Охвостова. Она казалась очень утомленною, и придворный слуга княжны велъ ее подъ руку.

Кира быстро пошла ей навстрѣчу, довела ее до дивана, усадила... Анфиса въ свою очередь догадливо заставила опять огонь экраномъ, выбѣжала въ спальню, вынесла оттуда какую-то шитую подушку и заложила ее за спину почтенной особы.

Та поблагодарила ее взглядомъ. Синеокая женщина глубоко поклонилась и вышла по знаку своей барышни.

Старушка перевела дыханіе, вынула свой флакончикъ, нюх-

нула и, не отнимая его отъ ноздри, начала медленно и по-французски:

— Я и не знаю, какъ вы должны быть благодарны Провидѣнію за то, что вамъ приходится имѣть дѣло съ самою милостью и добротой (avec la grâce et la bonté elles mêmes). Я была ими умилена до слезъ. Въ благородномъ сердцѣ той, при комъ вы имѣете счастіе состоять, я нашла за васъ адвоката, какимъ не могла бы быть сама... и не намѣрена была быть,—примолвила строго она,—такъ какъ почитаю поступокъ... да и вообще всю вашу *tenue* здѣсь далеко несообразными съ тѣмъ, къ чему обязываетъ васъ ваше положеніе фрейлины.

— Тетушка, перебила ее Кира,—я съ сегодняшняго же дня перестаю быть ею.

— Что-ò? протянула та въ изумленіи:—когда вамъ великодушно прощаютъ всѣ ваши неосторожности и прорухи (vos imprudences et vos maladresses), когда это великодушіе простирается до того, что меня спрашиваютъ: не слишкомъ-ли „жестко“ передавала вамъ эта игуменья то, чтò поручено было вамъ сказать „*для вашей же пользы*“,—вы кобенитесь и фыркаете какъ вырвавшійся конь (vous regimbez et piaffez comme un cheval échappé) и играете въ обиженное самолюбіе!..

— Выслушайте меня, тетушка, сказала на это дѣвушка,—и затѣмъ судите, самолюбіе-ли, или побужденіе, менѣе заслуживающее вашего порицанія, заставляетъ меня принять это рѣшеніе.

Прасковья Александровна молча поднесла лорнетъ свой ко глазу, направила его на племянницу и словно застыла въ ожиданіи ея объясненія.

Кира спокойно и обстоятельно сообщила ей объ отношеніяхъ своихъ къ Овцыну, „двоюродному брату ея двоюродной сестры“, о его „нѣсколько крайнихъ мнѣніяхъ“, — которыя, впрочемъ, говорила она, „раздѣляются, кажется, всею теперешнею молодежью“ и „свободно, съ дозволенія цензуры, высказываются и въ журналахъ“,—о томъ, наконецъ, что онъ, уѣзжая за границу, явился къ ней съ просьбой сохранить до возвращенія свои бумаги, которыя *могли многихъ* скомпроме-

тировать", и что она *именно въ виду этого* рѣшилась ихъ принять...

Лорнетъ выпалъ изъ руки Охвостовой... Она всплеснула ею о другую руку и вскрикнула въ ужасѣ:

— Бумаги заговорщиковъ (les papiers des conspirateurs)!...

Но когда племянница начала далѣе о визитѣ графа Анисьева, о томъ, что ему было извѣстно о передачѣ ей Овцынымъ этихъ бумагъ, и онъ хотѣлъ, чтобъ она теперь *выдала* ихъ *ему*, — старая камерфрейлина задрожала вся какъ въ лихорадкѣ:

— Полицейскій розыскъ въ этихъ стѣнахъ, подъ этою кровлею,—только этого не доставало! задыхающимся голосомъ застонала она, закрывая себѣ лицо платкомъ.

Кира примолкла... Сама она была блѣдна какъ полотно, только зеленые глаза ея горѣли своимъ обычнымъ, гордымъ пламенемъ.

— Что̀ же вы сдѣлали? спросила ее чрезъ минуту тетка, опираясь обѣими руками на столъ, а головою объ эти руки, будто съ тѣмъ, чтобы не смотрѣть на нее.

— Я сожгла ихъ, при немъ, въ этомъ каминѣ...

Руки внезапно упали, и Прасковья Александровна вся, всѣмъ своимъ худымъ старушечьимъ тѣломъ потянулась теперь чрезъ столъ прямо къ лицу племянницы:

— Вы... это сдѣлали... при немъ? повторила она.

— А что̀ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? уронила въ отвѣтъ Кира.

Старушка, тяжело дыша, опустилась на свое мѣсто:

— Да... выдать ихъ вы... не могли... Un dépôt est sacré.. пролепетала она черезъ силу...

Послѣдовало долгое молчаніе.

— Послѣ этого, конечно, заговорила, нѣсколько успокоившись, Охвостова,—оставаться вамъ здѣсь нельзя... Я ваше рѣшеніе одобряю. У васъ благородное сердце, но голова вверхъ дномъ (vous avez le coeur noble, mais le tête à l'envers); вы не созданы для дворцовой жизни, вы способны только компрометировать здѣсь и себя, и другихъ.

— Я это вижу, съ горечью сказала княжна, — и хотѣла сейчасъ же пойти и сказать...

Та остановила ее движеніемъ руки:

— Погодите! Надо, если можно, избѣгнуть всякой огласки... скандала... Вы сдѣлали себѣ теперь врага изъ этого Анисьева, но я надѣюсь — если только это уже не дошло до свѣдѣнія *выше*,—что самъ онъ, для себя, не захочетъ раздуть этотъ... эпизодъ съ вами... А тамъ я переговорю, съ кѣмъ слѣдуетъ...

Она вдругъ завздыхала:

— Боже мой, что̀ бы я дала, чтобы до *нихъ*, бѣдныхъ, *здѣсь*, не дошла эта новая непріятность!... Вѣдь это уже не разговоры съ Вилинымъ, а нѣчто посерьезнѣе... заговорщики, хоронящіе свои ужасы подъ *ихъ* кровомъ!... Я сейчасъ же напишу, пошлю за этимъ Анисьевымъ, сказала она, вставая,— надо это привести въ ясность. А вы сидите пока смирно и придумайте приличный предлогъ (un motif plausible) уѣхать отсюда... Что̀ вы думаете изъ себя дѣлать теперь? спросила она какъ-то внезапно. Эта мысль, очевидно, только въ эту минуту пришла ей въ голову.

— Не знаю... За границу поѣду, можетъ быть...

— Одна... безъ средствъ?... проговорила участливо Прасковья Александровна, прищурясь на нее.

— Въ Женевѣ у меня друзья есть... Сибиряки, изъ возвращенныхъ... А средства,—у меня пенсія послѣ батюшки... Развѣ отымутъ теперь...

Старая камерфрейлина вспыхнула вся:

— Какъ вы *ихъ всѣхъ* знаете! Charitables tous et miséricordieux comme Dieu lui-même!... Неужели вы можете думать, что вамъ станутъ мстить?...

Она пожала плечомъ, направилась къ передней, остановилась у двери:

— Пріѣзжайте ко мнѣ вечеромъ, мы рѣшимъ, какъ это наилучше устроить...

Кира наклонилась невольнымъ движеніемъ поцѣловать ея руку.

Та нежданно и порывисто закинула ей эту руку за го-

лову, прижала ее ко груди и дрогнувшимъ голосомъ прошептала по-русски:

— Ахъ, головушка, несмысленная головушка, что̀-то тебя ждетъ впереди!... и быстро взялась за замокъ дверей, чтобы не выдать далѣе охватившаго ее волненія.

Кира проводила ее по корридору до подъемной машины и вернулась, лишь увѣрившись, что она благополучно спустилась до низу.

Въ своей передней она въ полутьмѣ замѣтила мужскую фигуру.

Это былъ посланный отъ Гундурова съ запискою къ ней. Она взяла ее, вернулась въ гостиную и, сорвавъ обложку, усѣлась съ нею на прежнее свое мѣсто у камина.

Гундуровъ почиталъ нужнымъ извѣстить ее, чтобъ она не безпокоилась относительно послѣдствій *извѣстнаго* разговора ея на вечерѣ. „Объ этомъ разговорѣ знаютъ“, писалъ онъ ей, „и очень смѣялись испугу графа В., которому (привожу буквально) notre jeune exaltée a dû faire l'effet de Jeanne d'Arc, l'oriflamme à la main, tapant sur les Anglais“...

Письмо выпало изъ рукъ Киры.

„*Jeanne d'Arc!*... Да, я смѣшна, смѣшна!“ заныло новымъ, невыносимымъ уколомъ у ней въ сердцѣ...

Она откинулась затылкомъ въ спинку своего кресла и залилась внезапно нервными, злыми слезами...

Онѣ еще не успѣли просохнуть, когда неожиданное имя, отчетливо произнесенное басистымъ голосомъ вошедшаго слуги ея, донеслось до ея слуха:

— Господинъ Троекуровъ, Борисъ Васильичъ!

Она вся выпрямилась, поглядѣла на докладывавшаго, машинально, быстро провела рукой по глазамъ...

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ? громко повторила она;—онъ здѣсь?... Проси!...

Ей почему-то казалось невѣроятнымъ, чтобъ онъ могъ быть здѣсь, могъ явиться къ ней „именно въ эту минуту“...

Онъ вошелъ. Ей прежде всего кинулась въ глаза въ немъ перемѣна костюма. Онъ былъ въ партикулярномъ habit de matin, съ цилиндромъ въ рукѣ, въ лиловыхъ перчаткахъ. Складки

просторной одежды ложились съ какою-то особою, изящною мягкостью кругомъ тонкихъ очертаній его высокаго, все также стройнаго туловища, но въ лицѣ онъ казался пополнѣвшимъ. Прежнее выраженіе усталости, обычное этому лицу, смѣнилось теперь чѣмъ-то спокойно-вдумчивымъ, сознательно-довольнымъ. Кира тотчасъ же замѣтила эту новую черту... Только глубокіе глаза его сохранили знакомую ей привычку нервнаго помаргиванія, да бѣлокурые усы кудрявились надъ все также нѣсколько скептически улыбавшимся ртомъ.

— Какимъ образомъ вы здѣсь, Борисъ Васильевичъ, и давно-ли? спросила она, подымаясь ему навстрѣчу.

— Для чего пріѣзжаютъ изъ провинціи люди въ вашъ отвратительный городъ, отвѣчалъ онъ, смѣясь: — само собою по дѣламъ, по скучнымъ, глупымъ дѣламъ... У меня такое дѣло въ Сенатѣ...

— И давно вы здѣсь? повторила она.

— Дня два, три... сказалъ онъ вскользь, усаживаясь въ кресло, которое указывала она ему.

— Что̀ Сашенька?

— Спасибо!... Велѣла вамъ кланяться, жалуется, что не имѣетъ отъ васъ извѣстій...

— Я виновата, дѣйствительно, предъ нею: не отвѣчала на ея послѣднее письмо... Когда Сережа Лукояновъ былъ здѣсь, я ему часто поручала передать сестрѣ то, что̀ не успѣвала написать сама, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ за границу...

— Вы забыли о ней? договорилъ Троекуровъ, помаргивая направленными на нее глазами.

Брови Киры болѣзненно сжались вдругъ:

— Въ сущности, что̀ можетъ быть для нея занимательнаго въ моихъ письмахъ!... Вамъ, я думаю, *тамъ* вдвоемъ ни до чего въ мірѣ нѣтъ дѣла? промолвила она съ какою-то неодолимою горечью.

— Нѣтъ правилъ безъ исключенія, отвѣтилъ онъ весело;— но, говоря по правдѣ, чѣмъ менѣе *здѣшняго* доходитъ *туда*, тѣмъ, по-нашему, по-*моему* особенно, лучше.

— Развѣ васъ не интересуетъ однако же то, что̀ здѣсь

дѣлается теперь, что̀ готовится для Россіи? спросила она, насилуя себя на разговоръ.

— Общее, les grandes lignes,— да, конечно! И издали, а не близко... Вблизи не красиво, княжна: наглядѣлся и наслушался я въ эти нѣсколько дней...

— А что̀?

— Да какъ вамъ сказать? Во-первыхъ, крупныя и очень хорошія въ сущности слова, но которыя уже успѣли опошлить до тошноты: „свобода“, „прогрессъ“, „человѣчество“, „современность“ и такъ далѣе, и такъ далѣе; ихъ вамъ теперь, куда ни ткнешься, чуть не вмѣсто лимона и сливокъ къ чаю подаютъ... А отъ словъ—какое-то всеобщее пьянство мысли, и не хорошее пьянство, знаете... Отворили тюрьму, пустили на вольный воздухъ,—понятно, человѣкъ и перехватить готовъ отъ радости. Но вѣдь это ужь не то: это похоже ужь прямо на колодниковъ, сорвавшихся съ цѣпи и лѣзущихъ разбивать кабаки. Все долой, глаза въ крови и пѣна у рта!... Не красиво, нѣтъ!...

— Ну, а вы что̀ же, княжна? быстро перемѣняя разговоръ:—все тѣ же иллюзіи? спросилъ онъ, намекая на послѣдній ихъ разговоръ въ Москвѣ, годъ тому назадъ.

Зеленые глаза ея засверкали и тутъ же потухли... Нѣтъ, не насмѣшкою звучалъ его голосъ, да и что̀ онъ могъ знать „обо всемъ *этомъ*“, происшедшемъ съ нею?...

— „Иллюзіи“, повторила она тономъ, поразившимъ его своимъ безотраднымъ выраженіемъ: — я покидаю дворецъ и Петербургъ...

Онъ быстро вскинулъ на нее взглядомъ, потянулъ усъ и, не разспрашивая, какъ бы вовсе не интересуясь тѣмъ, что̀ могло побудить ее къ этому, спросилъ только:

— И жалѣете о нихъ?

— Нѣтъ, не о нихъ... о собственномъ обманѣ, отвѣтила она безъ запинки, въ свою очередь какъ бы вовсе не удивляясь тому, что онъ будто уже все знаетъ и спрашиваетъ ее не о фактахъ, а о томъ, какъ они отзываются въ ея чувствѣ.

— Я радъ, коротко сказалъ онъ на это.

— Чему?

— Вы душу живу вынесете отсюда.

— На что̀ она? вырвалось и замерло у нея какимъ-то стономъ.

— Жить!... „Жизнь для жизни намъ дана“, княжна... Это, если не ошибаюсь, даже самъ митрополитъ Филаретъ сказалъ *).

Глубокая продольная морщина сложилась между ея бровями:

— Я охотно сейчасъ отдала бы эту жизнь, если-бъ она на что-нибудь *настоящее* пригодилась.

— Это „настоящее“ указано женщинѣ съ тѣхъ поръ, какъ люди... люди... Но вы почему-то, какъ мнѣ кажется, княжна, примолвилъ Троекуровъ съ ласковою усмѣшкой, — всегда задавали себѣ темою стараться не думать и не чувствовать по-женски?...

Она вдругъ вся заалѣла, встрепенулась:

— Такъ это вы были!... Вы неправду сказали сейчасъ, будто только два дня тому пріѣхали. Вы раньше... Это *вы* говорили со мною подъ маской на томъ вечерѣ... Какъ это я васъ тогда же не узнала?...

Онъ съ серіознымъ лицомъ взглянулъ на нее, утверждая, что она ошибается, что онъ никогда не былъ, не могъ быть ни на какомъ „вечерѣ“, такъ какъ и не показывался никому въ обществѣ.

Но она не повѣрила ему. Каждое изъ сказанныхъ имъ тогда словъ звучало теперь живымъ звукомъ въ ея ухѣ:

— Не отрицайтесь! говорила она съ какою-то задушевностью, которой онъ до сихъ поръ еще никогда не замѣчалъ въ ней:—вы одни могли знать меня настолько, чтобъ угадать... понять, когда я васъ приняла за... за другаго... что я „изъ чистаго источника“... Это *вы* сказали... Я въ первую минуту разсердилась, но я... я благодарна вамъ, Борисъ Васильевичъ, за ваши слова, за... Вы какъ другъ говорили со мною...

Она оборвала и, высоко дыша грудью, протянула ему руку.

Онъ не сталъ разувѣрять ее далѣе, стиснулъ ея пальцы и спросилъ прямо:

---

*) Въ извѣстномъ переложеніи стихотворенія Пушкина: „Даръ напрасный, даръ случайный“ и пр.

— Что̀ же, Вилинъ нажаловался на васъ?

Его видимое,—„хорошее“, какъ говорила она себѣ внутренно, — участіе такъ-то странно успокоивало ее теперь. Она засмѣялась на его вопросъ:

— Это вы же поручили Бековичу сообщить мнѣ о его разговорѣ съ нимъ обо мнѣ? Онъ смѣшной, но я его не виню. Онъ спросилъ у тетки моей, Охвостовой, что̀ я за человѣкъ и какъ ему слѣдуетъ „понимать мои слова“. Я не могу сердиться на него,—онъ былъ правъ... Но я не изъ-за того—поспѣшила она объяснить,—рѣшилась покончить съ моею дворцовою жизнью. Тутъ произошло другое; вотъ что̀...

И она передала ему во всей подробности эпизодъ съ Анисьевымъ по поводу Овцынскихъ бумагъ.

— Этотъ дрянный мальчишка, сказалъ, дослушавъ ее, Троекуровъ, пригодился хоть на то, что послужилъ къ скорѣйшей развязкѣ вашего положенія здѣсь, и вы за это должны быть ему благодарны. Сколько я понимаю, вы кончили бы какимъ-нибудь еще худшимъ coup de tête, или истомились бы въ конецъ, на̀-смерть...

— А теперь, со внезапнымъ напоромъ прежней тоски вскликнула Кира,—я не истомлюсь развѣ отъ бездѣйствія, отъ безцѣльности моего существованія?... Я уѣзжаю за границу безо всякаго плана, безо всякой опредѣленной задачи въ будущемъ...

Троекуровъ отвѣчалъ не сейчасъ:

— Княжна, вы до сихъ поръ все искали для себя крупнаго *общаго* дѣла—и не находили возможности приложить себя къ нему съ успѣхомъ... Хотите-ли попробовать маленькаго и не виднаго, просто *добраго* дѣла, за которое горячо благодарна вамъ будетъ та, для которой вы сдѣлали бы его.

— Хочу, конечно! Что̀ такое, говорите! быстро проговорила она, уставившись пристально въ него.

— Тетка ваша, мать моей жены, Марья Яковлевна, очень плоха.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Я не знала, воскликнула Кира.

— Я видѣлъ въ Москвѣ доктора ея, Варвинскаго. Онъ говоритъ, что сердце у нея въ самомъ жалкомъ состояніи и

что со дня на день можно ожидать катастрофы. Сама она, бѣдная, предвидитъ ее и говоритъ о ней... Я, разумѣется, тотчасъ же привезъ бы къ ней жену, но въ ея положеніи,— промолвилъ вскользь Борисъ Васильевичъ (Александра Павловна была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности,) — это было бы опасно, и Марья Яковлевна сама ни за что этого не хочетъ. Саша и не знаетъ, что матери такъ не хорошо... Вы не всегда сходились съ теткой, княжна,—продолжалъ онъ, пока она все также сосредоточенно и безмолвно глядѣла ему въ лицо,—но она, по-истинѣ, добрая и благородная женщина и любитъ васъ, я знаю. Она была бы несомнѣнно счастлива, если бы вы теперь были при ней... Не долго, вѣроятно, пришлось бы вамъ походить за нею...' А для васъ это un prétexte tout trouvé, самая естественная въ глазахъ всѣхъ причина отъѣзда вашего отсюда, заключилъ Троекуровъ какъ бы мимоходомъ.

Но Кира поняла, что въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалась главная сущность его предложенія,—что онъ прежде всего озабоченъ былъ мыслью „найти для нея самое *приличное* объясненіе этого отъѣзда ея изъ дворца".

Какое-то радостное, давно ею не испытанное чувсто шевельнулось у нея въ груди. Она провела медленно по лицу своею блѣдною рукой и тихо улыбнулась:

— Этотъ „предлогъ" разрѣшаетъ все, сказала она:—спасибо вамъ за него! Я отпрошусь сегодня же и могу завтра уѣхать въ Москву.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да!... Самое позднее—послѣ-завтра... Вѣдь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше теперь?

Онъ утвердительно качнулъ головой и всталъ.

— Дайте мнѣ знать въ Демутову гостиницу, нумеръ четвертый, когда вы именно могли бы уѣхать. Я распоряжусь, чтобы вамъ было на поѣздѣ особое отдѣленіе. А я тогда выѣхалъ бы ранѣе, чтобы успѣть предварить больную о томъ, что вы къ ней ѣдете.

— Я напишу вамъ сегодня вечеромъ... можетъ быть поздно,—все равно?

— Конечно!—Онъ засмѣялся.—Люблю такія быстрыя рѣшенія!

Кира посмотрѣла на него мимолетнымъ, страннымъ взглядомъ.

— Въ васъ вѣрить можно, Борисъ Васильевичъ, быстро пролепетала она въ отвѣтъ.—До свиданія!...

XI.

Les hommes ne vivraient pas longtemps en société
s'ils n'étaient les dupes les uns des autres.
La Rochefoucauld.

Видишь ты, мудрый, какъ крылато племя
Ни землю пашетъ, ни жнетъ, ниже сѣетъ;
Отъ руки вышней однакъ въ свое время
Пищу довольну, жить продлить, имѣетъ.
Кантемиръ.

Цѣлыя полторы недѣли покоилась Ольга Елпидифоровна Ранцова на лаврахъ успѣха, пожатыхъ ею на вечерѣ, на которомъ читатель имѣлъ случай видѣть ее во всемъ ея торжествѣ. „Position“ ея въ большомъ свѣтѣ казалась ей съ той поры вполнѣ обезпеченною; на это были у нея самыя убѣдительныя данныя. Она послѣ того вечера была еще на двухъ вечерахъ въ high life'ѣ и имѣла тамъ *сукцесъ* неслыханный: о мущинахъ и говорить уже нечего, но и дамы „des plus huppées“, двѣ даже изъ интимной котеріи княгини Андомской (самой княгини, по случаю какой-то „счастливой“ простуды, на этихъ балахъ не было, „а то бы онѣ при ней не рѣшились“, признавалась себѣ наша красавица,), знакомились съ ней, выбирали ее въ мазуркѣ, восхищались ея Вортовскими туалетами и завезли ей затѣмъ свои карточки... Наконецъ три разомъ сестры Саватьевы завтракали у нея въ эту минуту и занимали ее веселымъ и льстивымъ разговоромъ...

Семья Саватьевыхъ служила въ тѣ дни самымъ вѣрнымъ барометромъ свѣтской атмосферы,—барометромъ, на которомъ для вящшей точности указывала погоду не одна стрѣлка, а цѣ-

лыхъ шесть,—шесть сестеръ, шесть здоровыхъ, бойкихъ, ничѣмъ не смущаемыхъ организмовъ, сызмала налаженныхъ воспитаніемъ пробиваться въ жизни *клиномъ*, какъ нѣкогда македонская фаланга, и добиваться отъ нея сообща unguibus et rostro всѣхъ тѣхъ благъ земныхъ, какія только въ состояніи дать она.

Желчные люди называли ихъ „интригантками", зубоскалы—„снобсами"... Но это были, по-истинѣ, добродушнѣйшіе снобсы и интригантки во всей природѣ. Онѣ и не подозрѣвали, чтобы могли существовать на землѣ люди, способные возмутиться ихъ неустаннымъ искательствомъ, оскорбиться ихъ наивно-агрессивнымъ тщеславіемъ. Онѣ были такъ мягки сердцемъ, такъ любезны обхожденіемъ, такъ доброжелательны ко всѣмъ... Пріѣдетъ къ нимъ близкая кузина изъ провинціи, старосвѣтская деревенская пріятельница,—онѣ и тѣхъ обласкаютъ, „обворожатъ", накормятъ конфектами отъ Балле, зацѣлуютъ въ передней на прощанье... Правда, онѣ эту деревенскую пріятельницу завтра же не узнаютъ въ театрѣ, не поклонятся ей, встрѣтясь носъ съ носомъ на улицѣ. Правда, если въ то время, когда эта ближайшая родня сидитъ у нихъ въ гостиной, вбѣжитъ слуга съ докладомъ громкаго имени изъ *гранжанра*, всѣ сестрицы съ растерянными взглядами, съ проступившими отъ волненія сизыми пятнами на щекахъ, вскинутся разомъ, будто стая вспугнутыхъ перепелицъ, замечутся, заголосятъ и тутъ же съ мѣста увлекутъ родную plebs куда-нибудь подалѣе, „къ нянѣ", въ дѣвичью и оставятъ ее тамъ сидѣть въ недоумѣломъ одиночествѣ до отъѣзда *именитости*... Но вѣдь, согласитесь, какъ же быть иначе? Княгиня Красно-рѣ-цкая, или графиня Бо-ро-динская, и вдругъ оставить сидѣть рядомъ съ нею какую-нибудь дѣвицу Лу-кош-ки-ну! Развѣ это возможно? „Вѣдь кто же носитъ, въ самомъ дѣлѣ, такую непозволительную фамилію!" объясняли онѣ прямо со своимъ голубинымъ простодушіемъ...

Сами по себѣ онѣ не были ни знатны, ни богаты. Папаша ихъ, „умѣренностью и аккуратностью" вышедшій въ люди, пучеглазый и тучный, дѣйствительный тайный совѣтникъ,—ими же, дочерьми, посаженный подписываться „съ большинствомъ"

въ одно изъ высшихъ учрежденій Имперіи, — казалось, говорилъ всѣмъ своимъ недоумѣлымъ обликомъ: „Какъ это я попалъ на такую степень?..“ Мать, маленькая, щедушная и больная, изъ древняго, но захудалаго рода князей Мордовскихъ, проводила половину жизни въ постели и по старой привычкѣ шпыняла мужа его „вульгарною фамиліей“... „Je suis née princesse, et mes filles, grâce à vous, ne sont que des *savattes* *) pour le monde“, колко острила она ему въ глаза по этому поводу... Но это были совершенно неосновательные попреки. Безъ ея *savattes* въ большомъ свѣтѣ кошекъ, какъ говорится, не сѣкли. Чуткія, смѣлыя, одаренныя желѣзнымъ здоровьемъ и неодолимою безусталостью, сестрицы, какъ мыши, пронюхивали и проползали въ каждую норку, какъ пчелы выбирали воскъ и медъ изъ каждаго цвѣтка и несли свою *взятку* въ родной улей... *Саватьевой* оставалась впрочемъ одна, старшая, „la belle Lydie“, пышная и брезгливая бѣлокурая особа, идолъ прочихъ сестеръ, уже осьмой годъ съ появленія своего въ свѣтъ пребывавшая въ дѣвствѣ, такъ какъ по ея понятіямъ „менѣе чѣмъ за 50,000 дохода не стоитъ продавать свою свободу мужчинѣ“;—остальныя были мужнія жены или вдовы. Но, какъ связаны физіологически пальцы на рукѣ, онѣ такъ неразрывно связаны были между собой общностью цѣлей, вкусовъ, уровнемъ духовныхъ своихъ потребностей, что отдѣльные интересы каждой изъ нихъ какъ бы вовсе не находили себѣ мѣста между ними: *личность* поглощалась *племенемъ*... „La tribu des Savatief“ не даромъ называли ихъ въ свѣтѣ... Каждый Божій день слетались онѣ со всѣхъ концовъ Петербурга къ завтраку въ родимое гнѣздо, „къ maman“, и, нашушукавшись вшестеромъ по всѣмъ угламъ дома, разлетались опять по городу исполнять каждая назначенный ей на тотъ день *урокъ* въ общемъ планѣ дѣйствій. Высшая справедливость людская награждала по достоинству это примѣрное семейное согласіе. Юркимъ сестрицамъ какъ бы никто ни въ чемъ, ни въ большомъ, ни въ маломъ, отказать не смѣлъ: ни въ казенной ложѣ, ни въ отдѣльномъ вагонѣ, ни въ круп-

*) Истрепанные, башмаки.

номъ мѣстѣ одному изъ ихъ мужей, ни въ наградѣ „не въ примѣръ прочимъ“ другому, ни въ небывалой правительственной ссудѣ третьему изъ этихъ счастливыхъ супруговъ. Онѣ вхожи были во всѣ подъѣзды дворцовъ, интимны во всѣхъ министерскихъ домахъ; неизбѣжныя спутницы всѣхъ солнцъ и звѣздъ данной минуты, онѣ были посвящены въ интимныя свѣтскія тайны, въ тончайшія закулисныя отношенія въ мірѣ властей, знали до мелочи, и *что*, и *какъ*, и *гдѣ*, кто за или *противъ* кого, и на что *ловится* тотъ или другой, и у кого *сила* сегодня, и къ кому должна перейти она завтра,—и сооружали сообразно съ этимъ свои поразительныя по дальновидности и смѣлости комбинаціи...

Это прирожденное имъ свойство извѣстно было всѣмъ и каждому изъ посѣтителей петербургскихъ гостиныхъ. Зачастятъ къ кому-нибудь онѣ, или станутъ усиленно приглашать обѣдать „къ maman“, всѣ ужь и знаютъ: такому-то (или такой-то) *повезло*, или *должно повезти* на дняхъ, и Саватьевы заранѣе закидываютъ удочку въ воды его чаемой удачи...

На первомъ же придворномъ балѣ, на который приглашена была Ольга Елпидифоровна, Нелли Новицкая, одна изъ младшихъ сестеръ, употреблявшаяся обыкновенно на аванпостную службу, просила въ мазуркѣ своего кавалера „назвать ее“ Ранцовой и сказала ей, что она давно „восхищается ею въ оперѣ“, и что она, Ранцова, la femme certainement la mieux mise de Pétersbourg“... За ужиномъ на томъ же балѣ Ольга Елпидифоровна очутилась за однимъ столомъ съ двумя другими изъ сестеръ, баронессой Идой Фитцгеймъ, томною вдовой, носившей въ семействѣ кличку „le camée“, и Зизи Полинарьиной, *весельчакомъ* семьи („le loustic du régiment, какъ называла она себя сама), которая закланялась ей тутъ же, какъ давнишней знакомой, сказала ей въ свою очередь, что у нея „une toilette étourdissante“, а подъ конецъ ужина назвала ее даже „душечкой“.

Вслѣдъ за успѣхомъ нашей барыни на извѣстномъ маскарадномъ вечерѣ пущены были на нее два новые завоевательные корпуса: Дина Палецкая, „l'artiste de la famille“, и старшая сестра, дѣва, „la belle Lydie“. Въ резервѣ осталась еще

главная боевая сила, Nanie Базина, рѣшительная особа, отправившая мужа своего за какую-то скверность на Кавказъ, „se faire oublier pour un certain temps“, и сугубо по этому случаю преданная общимъ интересамъ „племени“, слѣпо со своей стороны подчинявшагося ея высшей мудрости. Она должна была лично появиться на полѣ битвы лишь по окончательномъ созрѣніи нѣкоего тончайшаго плана, зародившагося въ ея изобрѣтательной головѣ изъ соображенія о блестящемъ дебютѣ „неизвѣстной до сихъ поръ“ Ранцовой въ высшихъ сферахъ общества и о страсти къ ней такого высоко стоявшаго на общественной лѣстницѣ человѣка, какъ графъ Наташанцевъ, „une passion évidemment bien vue en haut lieu“, разсуждала она...

Остальныя сестры между тѣмъ, согласно установленному плану, вели правильную атаку обычными имъ орудіями „очарованія“. Не проходило уже дня съ упомянутаго вечера, чтобъ Ольгою Елпидифоровною не завладѣла одна изъ нихъ. Она была съ Зини Полинарьиной въ Михайловскомъ театрѣ на бенефисѣ Лемениля, каталась на конькахъ въ Таврическомъ саду съ Нелли Новицкою и Идою Фитцгеймъ, ѣздила верхомъ въ Кавалергадскомъ манежѣ съ „la belle Lydie“, заказала, по рекомендаціи Дины Палецкой, свой портретъ au pastel новоприбывшему Французу-художнику, котораго та „пускала въ моду“... Зизи, Нелли и Ида напросились къ ней сегодня „на устрицы“, безъ которыхъ, „слышали“ онѣ, она-де никогда не завтракаетъ. За этимъ завтракомъ Зизи смѣшила компанію до упаду, представляя въ лицахъ разговоръ изъ какой-то *салонной* комедіи, которую она видѣла на нѣмецкой сценѣ. Она искусственно картавила и слегка заикалась, что̀ прибавляло еще болѣе комизма ея рѣчамъ. Сестры видимо восхищались ея подражательнымъ талантомъ (онѣ самымъ искреннимъ образомъ восхищались вообще другъ другомъ,) и поощряли ее „голосомъ и взоромъ“, обращая вниманіе хозяйки на каждую счастливую подробность этого дароваго представленія.

Ольга Елпидифоровна чувствовала себя въ прелестнѣйшемъ настроеніи духа. Она сама была, какъ говорится, „не промахъ“ и нисколько не обольщалась насчетъ безкорыстія

этой внезапной дружбы къ ней Саватьевыхъ (она знала о о нихъ давно по разсказамъ своихъ „паричковъ“ и завсегдателей). Но онѣ были всѣ такія „bonnes enfants“ въ своихъ пріемахъ, такъ добродушно и сообщительно смѣялись, такъ мило и откровенно разсказывали, что она невольно поддавалась ихъ обаянію и чувствовала себя сама почти готовою вся *распуститься* съ ними въ *милотѣ* и откровенности...

Завтракъ былъ заказанъ ею своему повару тонкій: тутъ были и устрицы, и примёры, и начинавшее входить тогда въ моду moselle mousseux... Сестрицы оказывались гастрономками перваго сорта,—а moselle mousseux „обожали“.

— Мы должны непремѣнно выпить *брудершафтъ*, душечка! вскликнула вдругъ Зизи, вскакивая съ мѣста и съ расплескивавшимся бокаломъ подлетая къ хозяйкѣ.

— Quelle folle! поощрительно хохотали ея сестры.

— *Финисъ, монъ фреръ, пуръ доместикъ!* примолвила Нелли, повторяя чей-то будто бы вольный переводъ съ русскаго на французскій языкъ и кивая на прислуживавшихъ за столомъ.

Но Зизи, не обращая на это вниманія и заставивъ невольно подняться смѣющуюся Ранцову, ловко продѣла свою руку съ бокаломъ подъ ея руку и опрокинула себѣ остатки вина въ горло съ совершенно гусарскимъ молодечествомъ.

Ольга Елпидифоровна выпила въ свою очередь. Маленькая Зизи приподнялась на кончикахъ ногъ и чмокнула ее въ самыя губы.

— Мы теперь *на ты*, душечка, et pour la vie! вскликнула она съ комическимъ эмфазомъ, — и чрезъ мигъ прибавила, лукаво подмигнувъ ей, и по-французски:

— Надѣюсь, что *кто-то* не станетъ ревновать тебя ко мнѣ за это?

— Кто этотъ „кто-то?“ спросила, будто не догадываясь, Ранцова.

Всѣ три сестры закивали разомъ головами и снова захохотали:

— Какая лицемѣрка!

— Объ этомъ только и рѣчи à la cour et à la ville, а она одна этого не знаетъ!...

— Mesdames, мы кончили; извините, больше ничего не будетъ, сказала смѣясь Ранцова, норовя прекратить этотъ разговоръ, и встала изъ-за стола.

— Прелестно! Задала намъ Валтасаровъ пиръ и еще извиняется!

— Lucullus dinant chez Lucullus, промолвила Нелли Новицкая, спеціальность которой состояла въ повтореніи всѣхъ подобныхъ ходячихъ въ обществѣ труизмовъ.

Сестры принялись всѣмъ скопомъ обнимать хозяйку, благодаря за „божественный“ завтракъ.

Она перешла съ ними въ гостиную.

Но разговоръ, который она старалась избѣгнуть, поднялся здѣсь еще съ пущимъ азартомъ.

— А что̀ же бѣдный твой гусаръ теперь? точно выстрѣлила вдругъ Зизи Полинарьина. И за этимъ вопросомъ глаза всѣхъ трехъ сестеръ вонзились разомъ въ лицо Ранцовой.

— Какой гусаръ?

— Et le petit Шастуновъ?

Ольга Елпидифоровна только плечами пожала на это.

— Pas de ça, pas de ça! заголосила Зизи;—пожалуйста не отнѣкивайся: я знаю навѣрное, что Irma Thénard дѣлаетъ ему ужаснѣйшія сцены изъ ревности къ тебѣ.

— Je sais mieux que cela, заспѣшила ввернуть Ида:—онъ надѣется, что вы разведетесь съ мужемъ и выйдете за него, онъ говорилъ...

Ранцова насилованно разсмѣялась:

— За него! Я вотъ ему за это уши выдеру...

— За что̀ же, chère? Онъ не виноватъ, что вы его съ ума свели!

— Онъ мальчишка и болѣе ничего!

— Годы тутъ—вздоръ, живо возразила Нелли:—онъ сумасбродъ, а умная жена взяла бы его въ руки и помѣшала бы ему расточить его огромное состояніе. Онъ въ прошломъ году, промолвила она какъ бы мимоходомъ и съ небрежною

усмѣшкой,—очень сталъ было ухаживать за Lydie, нашею сестрой... Она, конечно, elle n'a pas pris cela au sérieux...

Ида томно вздохнула:

— Она такъ хороша, Lydie!... Ей нужно un grand parti,— она родилась большою барыней до кончика ногтей.

Ольга Елпидифоровна насторожила уши: подъ оболочкою этой шуточной, ничего, повидимому, не значащей свѣтской болтовни она тонкимъ чутьемъ своимъ угадывала какой-то опредѣленный замыселъ со стороны сестрицъ.

— Я знаю Базиля Шастунова съ дѣтства, равнодушно уронила она:—умная женщина сдѣлаетъ изъ него всегда все, что̀ захочетъ:—разоритъ, или женитъ на себѣ, на другой... на комъ хотите, чуть-чуть подчеркнула она.

Даже уши побагровѣли у сестеръ отъ внезапнаго возбужденія.

— „Умная женщина"—это *ты?* такъ и впилась въ нее пронзительными глазами Зизи.

— Конечно, конечно, она! восторженно вскликнула тутъ же Ида,—она можетъ все, что̀ захочетъ!...

„Вотъ оно!" сказала себѣ Ранцова: — „тебѣ-молъ онъ теперь оказывается лишнимъ, такъ уступи его намъ... А вотъ посмотримъ, на что̀ сами думаете вы мнѣ быть годными, сестролюбивыя голубки! Вы очень милы, безспорно, но пальца я вамъ зря въ ротъ не положу,—откусите!..."

Но это между тѣмъ очень забавляло ее; она закусила слегка губу, чтобы не разсмѣяться...

Зизи быстрымъ и недовольнымъ взглядомъ глянула на Иду, какъ бы говоря: „умѣрь свой восторгъ!" Она въ свою очередь понимала, что ея новая пріятельница видитъ ихъ игру и что съ нею надо пустить въ ходъ большіе козыри.

— Дина хотѣла быть сюда съ Lydie, и Nanie тоже думала пріѣхать, сказала она, прищуриваясь на большіе Булевскіе часы въ углу гостиной.

— Она вамъ очень понравится, Nanie, я знаю, закивала Ида,—elle est charmante, ma soeur Nanie, замѣчательно умна et irrésistible, когда захочетъ.

— Да, это правда! подтвердила со смѣхомъ Зизи:—ужь

если она такую несносную особу, такъ Toutou Андомскую, умѣла апривуазировать... Ты вѣдь ее знаешь, Toutou? самымъ невиннымъ тономъ спросила она.

— Княгиню Андомскую?... Имѣю нѣкоторое пріятное понятіе о ней, иронически отвѣтила Ольга Елпидифоровна.

— Ну да, ну да, тотчасъ же впадая въ ея тонъ, быстро заговорила Полинарьина:—rogue, intraitable, insolente... Я ея не переношу... Но вообрази же себѣ, что Nanie сдѣлала ее мягкою какъ перчатка и вертитъ ею рѣ-ши-тельно, какъ хочетъ. Она безъ Nanie жить не можетъ.

— Да-а? протянула Ранцова, внимательно глядя на говорившую.—„За уступку Базиля, значитъ, предлагается мнѣ ходатай предъ княгиней Андомской... Не дурно придумано!“ сказала она себѣ мысленно.

— Александра Петровна Палецкая съ сестрицею! раздался въ дверяхъ докладъ слуги.

— А, вотъ онѣ! вскинулись разомъ Зизи и Нелли и побѣжали стремглавъ встрѣчать сестеръ на лѣстницу.

Онѣ, по неизмѣнному своему обычаю, перешушукались тамъ вчетверомъ, насколько было имъ нужно, и вошли всѣ вмѣстѣ, сіяющія, будто вновь отчеканенный золотой.

— Дина интересныя тебѣ вѣсти привезла! крикнула съ порога Зизи хозяйкѣ, вышедшей къ нимъ въ первую комнату.

— Да, да, мы сейчасъ видѣли вашихъ amoureux, и стараго, и молодаго, подтвердила Дина, цѣлуясь съ нею, между тѣмъ какъ величавая Lydie, медленно склонивъ голову въ видѣ поклона и не вынимая рукъ изъ муфты, проходила мимо нея въ гостиную.

— Ma chère, nous la tenons! быстро кинувшись къ ней, шепнула ей на ухо остававшаяся тамъ Ида Фицгеймъ:— черезъ нее можно будетъ все устроить!

Lydie снисходительно улыбнулась, опустилась, не отвѣчая, въ кресло у фортепіано и, все также руки въ муфтѣ, словно вся замерла въ пышныхъ складкахъ своего toilette de visite... Она могла пробывать такъ цѣлые часы, красивая, безмолвная и безучастная.

— Ну, ну, разсказывай, разсказывай! тормошила Дину

Зизи Полинарьина, когда всѣ онѣ разсѣлись кругомъ хозяйки въ гостиной.

— Мы съ Lydie, начала та,—сейчасъ отъ monsieur Durand, который долженъ начать портретъ ея, Lydie, послѣ вашего,— и застали тамъ Nanie и Toutou Андомскую...

„Ты слышишь?“ сказали разомъ обратившіеся вслѣдъ за этимъ именемъ на Ольгу Елпидифоровну глаза Иды, Нелли и Зизи.

— Онѣ были у Татьяны Борисовны и заѣхали en passant (Татьяна Борисовна была очень почтенная и извѣстная своею набожностью особа, весьма уважаемая и, какъ утверждали, даже вліятельная въ высшихъ сферахъ). А Durand сидитъ за вашимъ портретомъ. Прелесть, ma chère! Vous êtes adorable, просто, и главное — живая!... И вотъ, только-что мы успѣли сказать ему нѣсколько словъ, дверь отворяется, и входитъ le petit Шастуновъ, гусаръ... И очень сконфузился, увидѣвъ насъ. Потому что, надо вамъ сказать, онъ прошлою зимой началъ очень ухаживать за Lydie и потомъ вдругъ увлекся вами... И онъ, разумѣется, пришелъ теперь pour admirer votre portraiture, острила разскащица,—какъ вдругъ grand coup de théâtre: входитъ самъ графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ!...

Всѣ сестры загалдѣли разомъ:

— О—о! Браво!

— Какая прелесть!

— Ахъ, какъ досадно, что я тамъ не была! воскликнула Зизи, — я обожаю эти драматическія минуты! Ну, что же Toutou?

Ольга Елпидифоровна зорко взглянула на Палецкую:

— Я отсюда вижу, сказала она съ дѣланною веселостью,— съ какимъ лицомъ она глядѣла на мой портретъ и какія злости говорила она на мой счетъ по этому случаю!

— Ахъ нѣтъ, право нѣтъ! Ничего рѣшительно!

— Ну, говори, говори правду! обратилась къ сестрѣ нежданно Зизи:—*Ольга* насъ не выдастъ, а ей нужно знать à quoi s'en tenir съ Toutou.

Дина нѣсколько недоумѣло поглядѣла на нее, на осталь-

ныхъ сестеръ. Всѣ онѣ разомъ закивали поощрительно подбородками своими.

— Если такъ, — то вотъ что̀ было. Надо вамъ сказать, что когда онъ вошелъ, графъ, у него было очень невеселое лицо...

— Да? вырвалось тревожно у Ольги Елпидифоровны.

— Да... Онъ вѣрно дурно спалъ, или не такъ здоровъ; онъ показался мнѣ блѣднымъ очень и будто разстроеннымъ... И потомъ видно было, что онъ никакъ не ожидалъ видѣть тутъ дочь... а, можетъ-быть, и Шастунова, и что ему это было не пріятно... Но какъ только онъ сталъ предъ вашимъ портретомъ, une vraie métamorphose сдѣлалась съ нимъ. Глаза заблестѣли, все лицо его точно заиграло отъ радости. А Toutou тутъ и пустила свою иголку. „Une charmante *fantaisie* de monsieur Durand“, говоритъ она ему... Какъ онъ взглянулъ на нее, если бы вы видѣли! Quelle indignation dans ses traits! Онъ даже не отвѣтилъ ей, а обернулся къ Durand и говоритъ ему: „C'est toute la poésie de la personne réelle, un double chef d'oeuvre de la nature et de l'art; je vous en félicite, monsieur!“ И крѣпко, крѣпко пожалъ ему руку и сейчасъ же потомъ ушелъ, даже не взглянувъ на Toutou и поклонившись всѣмъ намъ вообще...

— Браво! едва давъ сестрѣ кончить, воскликнула Зизи, кидаясь къ Ранцовой:—и ты послѣ этого осмѣлишься сказать, что этотъ человѣкъ не влюбленъ въ тебя безумно и не готовъ на все, чтобы доказать тебѣ это?... Mais je l'adore pour cela, ce cher comte!

— Да, да! заголосили остальныя сестры со всѣхъ своихъ мѣстъ,—il est charmant!

— Молодые такъ не умѣютъ любить! Никогда!...

Зизи, прилегши на диванъ, на которомъ сидѣла хозяйка, охватила ея шею рукою и закартавила шутливымъ шопотомъ:

— Ты будешь *гуафиня* Наташанцева, душечка, и очень *скоо*, я тебѣ *напеёдъ говою*.

— А гусара женѝте на нашей Lydie, принимая глупенькій видъ (она на этой струнке играла), отпустила ей на ухо,

но слышно чуть не на всю комнату, Ида Фицгеймъ, сидѣвшая рядомъ съ нею по другой сторонѣ.

Lydie, до которой долетѣли эти слова, обернула къ ней голову:

— Quelle bêtise, Ida! величественно уронила она.

Зизи махнула въ свою очередь рукою Идѣ, какъ бы тоже говоря: „перестань со своими глупостями!“ И обратилась снова и тѣмъ же шопотомъ къ Ранцовой:

— Скажи мнѣ откровенно, спросила она: — où en est l'affaire de ton разводъ?

Какъ ни была увлечена невольно Ольга Елпидифоровна всѣмъ этимъ гамомъ, веселостью и ласками, но этотъ вопросъ à brûle-pourpoint значительно смутилъ ее:

— Ахъ, право, я ничего не знаю! со внезапно выступившимъ на лицѣ румянцемъ громко вырвалось у нея.

— И я ничего не знаю, вмѣшалась, продолжая наивничать, Ида, — но если вамъ нуженъ Далматовъ, таинственно пропустила она, называя тогдашняго синодскаго оберъ-прокурора, — то знайте que nous l'avons en poche; онъ родня и лучшій другъ мужа Нелли... Вы его знаете, Далматова?

— Нѣтъ, онъ у меня не бываетъ, уже нарочно слышнымъ голосомъ произнесла Ранцова, которой начинали очень досаждать эти таинственности и вмѣшательство въ ея дѣла, хотя добродушный, веселый, какъ бы вѣтреный тонъ, сопровождавшій ихъ, отымалъ у нихъ въ дѣйствительномъ обмѣнѣ рѣчей всю ту вѣскость, которую они въ нашей передачѣ пріобрѣтаютъ, можетъ быть, въ глазахъ читателя. Саватьевы сестрицы были по преимуществу свѣтскія особы: онѣ отлично умѣли держать себя на той грани, съ которой, въ *случаѣ чего*, можно тотчасъ же все обратить въ шутку и обсмѣять еще при этомъ того, кто вздумалъ бы принимать въ *серьезъ* это все...

— Нелли, кликнула Ида, — давно ты не видѣла друга твоего Далматова?

— Онъ былъ у меня вчера послѣ комитета министровъ.

— А опять увидишь когда?

— Я его пригласила въ четвергъ обѣдать къ maman...

Зизи даже визгнула:

— Ахъ, какъ это кстати! Чего лучше случай познакомиться съ нимъ! Пріѣзжай, душка, и ты! затормошила она Ольгу Елпидифоровну.

„Племя“ загалдѣло все еще разъ.

— Да, да, quelle bonne idée!

— Maman будетъ въ восхищеніи!

— C'est une si aimable personne, maman, я васъ предваряю, умильно улыбалась Ида Фицгеймъ, для которой хвалить *родное* было чѣмъ-то въ родѣ болѣзни.

— Такъ въ четвергъ, да?

— Вамъ можно въ четвергъ?

Ольга Елпидифоровна не успѣла отвѣтить.

— Анна Петровна Базина, произнесъ входя слуга.

Всѣ сестры, кромѣ Lydie, повскакали съ мѣстъ:

— Nanie, Nanie! Проси!... Не правда-ли, просить? защебетали онѣ въ одинъ голосъ, словно воробьи на крышѣ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Конечно! Что же ты не сказалъ, что я принимаю? поспѣшно молвила та.

— Имъ доложено-съ, объяснилъ слуга:—онѣ изволятъ въ каретѣ сидѣть и приказали сказать-съ, что очень извиняются, никакъ не могутъ выйти, а просятъ къ себѣ одну изъ сестрицъ ихнихъ сойтить къ нимъ, потому, онѣ говорятъ, очень нужно-съ.

Мгновеннымъ перекрестнымъ огнемъ засверкали глаза сестеръ; недоумѣніе, любопытство, испугъ сказались въ этихъ обмѣненныхъ ими взглядахъ. Сама невозмутимая Lydie вынула одну изъ своихъ рукъ изъ муфты и обдернула ею нервнымъ движеніемъ свою бархатную мантилью.

Ранцова замѣтила все это:

— Со стороны madame votre soeur очень не любезно лишать меня удовольствія познакомиться съ нею, сказала она, насколько могла, учтивымъ тономъ, но изъ-за котораго весьма ясно для сестеръ просвѣчивала досада.

— Ахъ нѣтъ, chère, напротивъ, воскликнула Зизи: — ей очень хотѣлось, но, видно, она никакъ теперь не можетъ...

Она вѣрно куда-нибудь спѣшитъ, куда ей очень, очень нужно, и хочетъ намъ только передать... Я сейчасъ спущусь къ ней, узнаю...

— И я съ тобой, залепетала Нелли. — Nanie вѣрно что-нибудь очень, очень нужно намъ сказать, повторила она хозяйкѣ слова сестры, но уже чуть не плачущимъ голосомъ.

И обѣ онѣ стремглавъ вылетѣли изъ гостиной, сбѣжали съ лѣстницы и наткнулись внизу на сестру Nanie, которая со своей стороны отъ великаго нетерпѣнія и съ покраснѣвшимъ не столько отъ холода, сколько отъ волненія, вострымъ носикомъ выскочила изъ своей кареты и вбѣжала въ сѣни— „скорѣе, скорѣе сообщить *aux soeurs* нужное“...

— Вамъ нечего тутъ болѣе дѣлать, стремительно зашептала она сразу, забившись съ ними въ темный уголъ сѣней:— le mariage ne se fera pas, или, если *онъ* сдѣлаетъ глупость, заупрямится, sa position est perdue...

— Да что̀ такое, что̀ ты узнала, Nanie? допрашивали онѣ лихорадочно въ свою очередь.

— *Le vieux* былъ вчера во дворцѣ... Былъ разговоръ, и ему дали понять, что, если онъ женится, *ее* не будутъ принимать...

— Ah, mon Dieu!... Но къ ней были такъ милы на тѣхъ двухъ балахъ?...

— Все перемѣнилось. Пока думали, что съ его стороны это было только та̀къ, une flirtation, on en a ri, и ее допускали pour lui faire plaisir. Но разъ онъ вздумалъ жениться на ней et l'imposer двору и свѣту... она уже болѣе не получитъ ни одного приглашенія, это *сказано*... И вамъ надо скорѣе уѣхать... Очень не осторожно, что вы всѣ тутъ у нея собрались... Surtout Lydie, une jeune fille... Съ нею нельзя теперь оставаться знакомою...

— А егермейстерство для Динина мужа? воскликнула растерянно Нелли:—ты думала вѣдь это устроить чрезъ *ея* вліяніе sur le vieux...

— Et le mariage de Lydie? добавила Зизи.

— Le vieux ничего не можетъ въ эту минуту, il s'est compromis съ этою глупою страстью, все также ужасно то-

ропясь и едва переводя духъ отъ волненія, возражала на это великая политиканша Nanie:— quant à Lydie, вы понимаете, *эта* ни за что теперь не захочетъ выпустить Шастунова изъ рукъ; она его непремѣнно будетъ держать въ запасѣ, на случай, если le vieux не рѣшится пожертвовать ей своимъ положеніемъ...

— Такъ, значитъ, для Lydie кончено?

— Совсѣмъ, совсѣмъ нѣтъ, пылая побѣдно глазами, воскликнула Базина:—совсѣмъ не кончено, но надо другимъ путемъ... Я сейчасъ у Татьяны Борисовны познакомилась avec la mère de Шастуновъ,—она изъ Москвы пріѣхала,—une femme horriblement sotte, съ которою можно будетъ все сдѣлать. Я ее завтра везу знакомиться съ maman...

— Ахъ, какая ты умница, Nanie! такъ и вырвалось у Нелли и Зизи вслѣдъ за этимъ новымъ доказательствомъ находчивости и ловкости ихъ сестры-руководительницы; — такъ мы сейчасъ дадимъ понять aux soeurs и уѣдемъ всѣ...

— Да, и скажите Lydie, что я везу ее вечеромъ въ оперу, — у меня генералъ-губернаторская ложа; кто хочетъ изъ васъ, пріѣзжай... Et qu'elle fasse une toilette à effet. Эта дура Шастунова тамъ будетъ, я знаю; ее можно будетъ пригласить въ ложу, такъ чтобъ она видѣла Lydie dans tout son avantage... А Динѣ передайте, что насчетъ егермейстерства у меня другая комбинація,—я сейчасъ ѣду для этого...

И, не договоривъ, она повернулась на каблукахъ, побѣжала,—выѣздной ея едва поспѣвалъ за нею,—вскочила въ карету и покатила приводить въ дѣйствіе свою новую „комбинацію“...

Все это шушуканье въ сѣняхъ продолжалось не болѣе пяти минутъ; но время, употребленное на это, показалось вѣчностью оставшимся сидѣть въ гостиной троимъ или шести представительницамъ счастливаго „племени Саватьевыхъ“. Онѣ сидѣли какъ на иголкахъ, сгарая нетерпѣніемъ и тревогою, не находя двухъ словъ въ отвѣтъ на рѣчи хозяйки, старавшейся, какъ предписывала ей обязанность, „поддерживать разговоръ“ со своими гостьями.

Но вотъ въ дверяхъ показались, „наконецъ“, Нелли и

Зизи... Сестры такъ привыкли читать въ чертахъ другъ друга, что по первому лишь взгляду на вошедшихъ поняли, что произошло нѣчто еще имъ невѣдомое, но требующее немедленной перемѣны фронта. Сообразно съ этимъ мгновенно измѣнился весь ихъ обликъ: онѣ разомъ, какъ по командѣ, подобрались всѣ, поджались, словно закисли. Съ устъ сбѣжала самая тѣнь улыбки; холоднымъ и тусклымъ блескомъ стали подернулись глаза, за нѣсколько лишь мгновеній предъ тѣмъ искристо и искательно обращавшіеся на Ольгу Елпидифоровну...

— Nanie очень извиняется, проговорила, подходя къ ней, Нелли Новицкая,—у нея очень нужное дѣло... и она никакъ, никакъ не могла зайти... И намъ также очень нужно, permettez nous de vous dire adieu, madame...

Это былъ точно знакъ дирижерской палочки. Всѣ сестры вспорхнули съ мѣстъ...

— Куда же это̀ такъ скоро? молвила учтиво-спокойно Ранцова, невольно волнуясь въ то же время внутренно тѣмъ чѣмъ-то недобрымъ, что̀ угадывала она за этою, слишкомъ ясною для нея, перемѣною обращенія.

Но выходило, что у каждой изъ сестрицъ имѣлся какой-либо настоятельнѣйшій поводъ уѣхать сейчасъ же:

— Мнѣ очень жаль, но я принуждена... Я обѣщала мужу быть дома ровно въ два, а теперь почти четыре, увѣряла одна.

— Поздно, мнѣ предстоитъ еще цѣлые четыре визита, говорила другая,—и между прочимъ chez une amie malade.

— Намъ надо съ Lydie къ madame Andrieux, томно вздохнула Ида Фицгеймъ, жалостливо при семъ взглянувъ на Ранцову (она въ семьѣ имѣла спеціальностью „безконечную доброту“).

— Мы здѣсь и такъ съ утра; не надо навязываться ближнему своему до одуренія! съ холоднымъ смѣхомъ отпустила Зизи Полинарьина, забывая и „божественный“ завтракъ съ устрицами, и „брудершафтъ“, который пила съ этою „душкою“, и чувствуя болѣе всѣхъ остальныхъ потребность скорѣе, скорѣе отряхнуть свои ботинки отъ праха ея гостиной, оказывавшейся теперь опальною.

— Очень жаль, принужденно улыбнулась Ранцова, вставая проводить ихъ.— До свиданія, значитъ? примолвила она, вспоминая ихъ приглашеніе на обѣдъ къ maman Саватьевой:— въ четвергъ вы сказали, кажется?

Сестры переглянулись со страшнымъ перепугомъ,—онѣ и забыли объ этомъ приглашеніи!... Прошло нѣсколько секундъ растеряннаго молчанія...

Первая нашлась Зизи, болѣе всѣхъ, послѣ отважной Nanie, владѣвшая Саватьевскою способностью выкидывать за бортъ все, въ чемъ въ данную минуту не оказывалось болѣе нужды интересамъ „племени“:

— Да, конечно, въ четвергъ, залепетала она,—maman будетъ очень рада... Впрочемъ она, бѣдная, очень часто у насъ хвораетъ, и съ нею никогда нельзя быть увѣреннымъ... Я лучше всего спрошу ее завтра и тогда напишу вамъ уже навѣрное pour quel jour... И тутъ же, быстро перемѣняя разговоръ:—Дина, возьми меня въ сани; Нелли поѣдетъ въ своей каретѣ... Partons, partons!...

И всѣ онѣ, словно гонимыя вѣтромъ, не глядя въ лицо хозяйки („la belle Lydie“ какъ вошла, такъ и ушла, не вынимая рукъ изъ муфты), и, торопливо притронувшись кончиками пальцевъ ея похолодѣвшей руки, вылетѣли за двери съ порывистостью стаи утокъ, вспугнутой нежданнымъ охотникомъ.

X.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
И меланхоліи печать была на немъ.
Жуковскій.

Unseemly woman in a seeming man.
Shakespeare. *Romeo and Juliet.*

Che ti fa ciò che quivi si pispiglia?
Vien dietro a me e lascia dir le gente.
Dante. *Purgatoria.*

Ольга Елпидифоровна осталась одна, смущенная еще болѣе, чѣмъ обиженная. Надо было дѣйствительно случиться чему-нибудь особенно „невыгодному“ для нея, проносилось у нея въ головѣ, чтобъ объяснить оскорбительную „безцеремонность“, которая явствовала для нея изъ образа дѣйствій съ нею Саватьевыхъ... Она достаточно наслышалась о нихъ, достаточно могла вывести о нихъ заключеній и изъ собственныхъ своихъ недолгихъ сношеній съ ними: она знала, что рабство предъ успѣхомъ входило въ самую сущность ихъ организма, составляло эсбукетъ всей ихъ raison d'être. Но именно это, извѣстное ей, отличительное качество ихъ давало ей мѣру того ея успѣха, предъ которымъ почитали онѣ своимъ долгомъ раболѣпствовать все это время... И вдругъ все разомъ, разомъ обрывается... Пріѣзжаетъ эта Nanie, „la grande cheville семьи,“—Ранцова это знала,—сама не входитъ, вызываетъ сестеръ... И затѣмъ — крахъ! все измѣняется, онѣ становятся не приличны: пригласили ее обѣдать къ матери, а теперь не нужно... Эта „парикмахерская кукла“, Lydie, ушла, даже не подавъ ей руки... Дѣло ясно. Nanie привезла вѣсть о чемъ-то

несомнѣнно грозящемъ ей, ея только что завоеванному положенію въ свѣтѣ, ея ближайшимъ „планамъ“... Но что̀ именно? *Онѣ* теперь испуганно убѣжали отъ нея, „точно отъ зачумленной“, говорила себѣ, поочередно блѣднѣя и краснѣя, Ольга Елпидифоровна, „а за пять минутъ передъ этимъ чуть мнѣ руки не цѣловали. О, отвратительныя существа!...“

Волненіе ея росло съ каждымъ новымъ мгновеніемъ: ей вспоминались слова „этой Дины“ о томъ „разстроенномъ видѣ“, какой замѣтила та у *него* въ мастерской Durand. *Онъ*, такой свѣтскій, умѣющій сдерживать себя человѣкъ; произошло что-то „въ самомъ дѣлѣ ужасное“, если это отразилось на его наружности, если онъ далъ другимъ читать въ его чертахъ... Это что-то, оно несомнѣнно въ связи со внезапнымъ бѣгствомъ Саватьевыхъ, съ тѣмъ, что̀ привезла имъ „эта скверная *Нанька*“ (красивая барыня, не смотря на свое десятилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ, никогда не могла разучиться объясняться сама съ собою по - уѣздному). Но *что̀* именно, что̀!... И это вдругъ теперь,—теперь, когда, казалось ей, уже все достигнуто. У нея начинало двоиться въ глазахъ...

Не громкіе и не торопливые шаги донеслись до нея изъ первой комнаты.

— Это онъ, онъ!... Она вскинулась съ мѣста, побѣжала, увидѣла Наташанцева и, съ простертыми къ нему руками, съ истерически-спиравшимся дыханіемъ въ горлѣ, кинулась къ нему на грудь:

— Au nom du ciel, qu'est-ce qui arrive?

Онъ ужасно встревожился, обнялъ ее, повелъ, повлекъ обратно въ гостиную, опустилъ на диванъ, выбѣжалъ въ ея спальню, вынесъ оттуда графинъ съ водою и стаканъ, налилъ и поднесъ къ ея губамъ...

Она глотнула, перевела духъ и любовно глянула ему въ лицо.

Если бы на душѣ его было и во сто разъ болѣе муки, чѣмъ насколько испытывалъ онъ ее теперь, она бы мгновенно исчезла предъ этимъ неотразимымъ для него взглядомъ.

Онъ опустился предъ нею на колѣни, ухватилъ ея обѣ руки въ свои:

— Ангелъ мой, зашепталъ онъ ласкательнымъ и дрожащимъ шопотомъ, — что̀ съ вами, изъ чего этотъ перепугъ, что̀ значитъ вашъ вопросъ?

Она улыбнулась черезъ силу:

— Глупости!... Мнѣ сказали сейчасъ, что васъ видѣли у Durand передъ моимъ портретомъ и что вы казались разстроеннымъ, больнымъ... Мнѣ стало страшно! Но вы тутъ, вы все тотъ же, вы... *ты*, проговорила она ему на ухо, роняя ему руку на плечо:—ты любишь меня по-прежнему?..

— О-о! могъ только пролепетать онъ.—Люблю-ли!...

Она поднесла руку къ его лбу, опрокинула ему нѣсколько голову назадъ и пытливо наклонилась глазами къ его глазамъ:

— А все же это правда: что-то съ вами было, лицо у васъ не то̀!.. Что̀ было, говорите!

Онъ не зналъ, какъ отвѣтить, что̀ сказать; подъ лучами этихъ глазъ онъ не находилъ словъ. Онъ, выражаясь извѣстнымъ стихомъ Мицкевича, готовъ былъ, замирая въ безмолвномъ блаженствѣ, лишь глядѣть въ эти глаза „до скончанія и по скончаніи свѣта“...

Она это знала; она отвѣчала ему чувствомъ глубокой и нѣжной признательности... какимъ-то облагороживавшимъ ее въ собственномъ ея сознаніи чувствомъ, которое лелѣяла она въ себѣ, какъ лучшій цвѣтъ своей души... Ну да, и она любила несомнѣнно, преданно, горячо... Но теперь не до нѣжностей...

— Послушайте, cher, сказала она,—я вамъ разскажу нѣчто... очень забавное въ сущности, но изъ чего я не могла не заключить, что *намъ*—я не отдѣляю себя теперь отъ васъ,—грозитъ откуда-то и чѣмъ-то... Да встаньте! прерывая себя, сказала она ему полунетерпѣливо, полуласково,—вы меня не слушаете...

Онъ поднялся съ колѣнъ, сѣлъ подлѣ нея, не выпуская рукъ ея изъ своихъ...

Ранцова передала ему эпизодъ съ Саватьевыми; начала

она, насколько могла, спокойно, но негодованіе ея росло по мѣрѣ того, какъ она говорила; чувство оскорбленія брало теперь верхъ надъ боязливымъ недоумѣніемъ первой минуты.

— Такъ вѣдь не поступаютъ съ горничною! воскликнула она съ гнѣвнымъ пламенемъ въ зрачкахъ:—вѣдь онѣ не посмѣли бы, если бы чего-нибудь не узнали!.. Онѣ все это время заискивали во мнѣ неслыханно, и я очень хорошо понимала, что это въ виду васъ... Одна изъ нихъ прямо меня спросила даже, когда... Ольга Елпидифоровна остановилась, какъ бы затрудняясь въ выраженіи того, что̀ хотѣла сказать,—когда у насъ съ вами... все будетъ кончено, словно проглотила она,—и всѣ онѣ выражали мнѣ полное сочувствіе *этому*... И вдругъ эта перемѣна du tout au tout... Вѣдь эта штука съ приглашеніемъ обѣдать у ихъ матери, а потомъ отказъ, — c'est donc ignoble, и если онѣ такъ поступили, то, ясно, потому, что имъ нѣтъ болѣе нужды во мнѣ, а слѣдовательно и въ васъ!

— А слѣдовательно во мнѣ! повторилъ Наташанцевъ съ невеселою противъ его воли усмѣшкою.

Она быстро взглянула на него и вскрикнула перепуганно опять:

— Qu'est-ce qu'il y a?.. Ваша дочь... Она уже не сомнѣвалась, что бѣда нагрянула и что бѣда идетъ отъ княгини Андомской;—говорите, что̀ случилось?

Онъ всталъ съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, нервно потирая руки и судорожно жмуря вѣки:

— Je suis bien malheureux: мнѣ дѣти, дочь въ особенности,—враги! Она отравляетъ мнѣ жизнь своею желчью, своимъ колючимъ характеромъ... Не знаю ужь, право, въ кого она! Я никогда не былъ золъ, мать ея тоже. А она... Elle est fière, comme un Artaban, властолюбива, безпощадна и упорна, какъ финляндская скала какая-то!.. Съ ней никакой компромиссъ не возможенъ, она никого въ жизни не любила и не любитъ, дѣтей у нея нѣтъ, вся жизнь ея проходитъ въ неустанномъ кипяченіи надменности и злости...

— Вы узнали о чемъ-то новомъ? перебила его съ нетерпѣніемъ Ольга Елпидифоровна.

— Она кричитъ, всѣмъ жалуется, интригуетъ, сорвалось у него неудержимо съ языка.

Ранцова сразу поняла, что это относилось къ высшимъ сферамъ, что „жалобы“ княгини Андомской „дошли туда“ и что объ этомъ передано было, быть можетъ, даже „говорено“ ея отцу. „Онъ не сталъ бы самъ жаловаться теперь, онъ *пренебрегъ* бы, если бы дѣло шло о простыхъ смертныхъ“, основательно разсуждала умная барыня.

— Et on vous en a parlé? быстро спросила она, прямо ставя, какъ говорится, вопросъ ребромъ.

Онъ смутился, повелъ на нее унылымъ взглядомъ... И тутъ же, какъ бы внезапно испугавшись прочесть въ лицѣ ея упрекъ въ малодушіи, быстро пріосанился, опустился на прежнее мѣсто подлѣ нея и завладѣлъ опять обѣими ея руками:

— Chère ange, заговорилъ онъ, видимо настроивая себя на тонъ совершенно спокойнаго отношенія къ тому, что̀ имѣлъ сказать ей, — j'ai été un fidèle serviteur de mes maîtres pendant trente ans, они не могутъ сомнѣваться въ моей преданности... Но я никому, никому, повторилъ онъ усиленно, съ явнымъ намѣреніемъ утишить ея тревогу, — не пожертвую моею любовью къ вамъ!

Ольга Елпидифоровна слегка поблѣднѣла:

— Меня *тамъ* не хотятъ? воскликнула она съ потускнѣвшими глазами.

Онъ отвѣчалъ не сейчасъ,— ему было такъ тяжело говорить съ ней объ этомъ...

— Не вините *ихъ! Она* (онъ разумѣлъ дочь,) подняла на ноги всѣхъ нашихъ святошъ (tout le clan de nos dévotes). Пошелъ вой, un clabaudage de tous les diables!...

Ранцова закивала головой:

— Эта Базина пріѣхала сюда за сестрами отъ Татьяны Борисовны: теперь все объясняется!... Она узнала тамъ то, что̀... изъ деликатности... вы не хотите мнѣ передать, не такъ ли?... Но вы можете говорить, я не оскорблюсь...

Наташанцевъ пожалъ судорожно плечами, тревожно въ то же время слѣдя за каждымъ движеніемъ ея лица. Въ его соб-

ственныхъ, изящныхъ чертахъ сказывалось безконечно-мучительное чувство:

— Оскорбленъ всѣмъ этимъ могу быть только я. Я полагалъ, что заслужилъ достаточно уваженія всею моею жизнью, чтобы та, которая дѣлаетъ мнѣ честь принять мою руку (accepter ma main), чтобы моя избранная, моя будущая жена, пользовалась въ этомъ качествѣ всѣми тѣми преимуществами, на какія должно дать ей право мое положеніе... Разъ же этотъ предметъ можетъ кому-либо представляться маломальски спорнымъ, — bien vôtre serviteur, je m'en vas! проговорилъ онъ сразу, не останавливаясь:—между положеніемъ моимъ и сердцемъ выборъ у меня давно рѣшенъ!...

Ольга Елпидифоровна неотступно глядѣла на него... Слова его глубоко западали ей въ душу. Она видѣла его насквозь, она понимала: бо̀льшаго доказательства безграничной любви не могъ бы дать ей ни единый человѣкъ въ мірѣ... Вѣдь это былъ стараго закала, страстный и *убѣжденный*, царедворецъ, пріявшій въ плоть и кровь свою весь экстрактъ, всю *суть* тѣхъ исключительныхъ сферъ, въ которыхъ прошла и которымъ посвящена была цѣлая жизнь его. Онъ съ самаго дѣтства не дышалъ инымъ воздухомъ, не разумѣлъ иной атмосферы. И то, что̀ онъ намѣренъ былъ сдѣлать теперь, онъ дѣлалъ сознательно, зная, чего это должно будетъ ему стоить, терзаясь мыслью оторвать себя отъ того, что̀ до сихъ поръ составляло какъ бы условіе sine qua non его существованія... „Онъ безъ *нихъ* исчахнетъ и понимаетъ это", говорила себѣ она,—„онъ мягокъ и слабонервенъ какъ женщина, страдаетъ и мыслью отойти отъ нихъ, и тѣмъ, что они могутъ почесть его неблагодарнымъ... болѣе же всего боязнью, что его *забудутъ*, что прежнее не вернется для него никогда... И всѣмъ этимъ дорогимъ, завѣтнымъ, потребнымъ ему какъ хлѣбъ насущный, онъ приноситъ въ жертву изъ-за меня и мнѣ, мнѣ одной"!..

И со свойственною ей впечатлительностью и порывистостью ощущеній она закинула ему обѣ руки за голову, припала къ его плечу и расплакалась:

— О милый, милый, лепетала она сквозь свои нервныя слезы,—comment vous payer pour tant d'amour!...

Онъ прижалъ ее къ себѣ, покрывая поцѣлуями ея роскошные и пахучіе волосы съ гораздо болѣе отеческою въ эту минуту, чѣмъ страстною нѣжностью:

— Знать, что вы счастливы, вотъ лучшая для меня уплата! произнесъ онъ съ безсознательнымъ эмфазомъ, свойственнымъ французской рѣчи, на которой велся ихъ разговоръ... — А развѣ для этого непремѣнно нуженъ Петербургъ? добавилъ онъ какимъ-то уже робкимъ и заискивающимъ шопотомъ, заглядывая въ ея влажные глаза;—скажите мнѣ, мой ангелъ, станете-ли вы очень жалѣть о нашей хладной столицѣ (notre froide capitale) подъ свѣтлымъ небомъ Италіи, напримѣръ?

— А вы? быстро переставила она вопросъ.

— Съ вами необитаемый островъ покажется мнѣ земнымъ раемъ, воскликнулъ онъ.

— Une île sur la Seine, уже звонко засмѣялась красивая женщина,—le Paris de la Cité? *).

И съ этимъ именемъ въ ея подвижномъ воображеніи предстали всѣ еще такъ недавно извѣданныя ею чары Парижа,—беззавѣтнаго, разнузданнаго, неотразимо увлекающаго въ свой бѣшеный водоворотъ Парижа Второй Имперіи, гдѣ жизнь—одинъ непрерывающійся пиръ, день—одно нескончаемое похмѣлье: утра „au bois“ **), гдѣ ея красота, ея „beauté éminemment slave“ и роскошные туалеты привлекали взоры *спортсмэновъ*, кокотокъ и „mondaines“ изо всѣхъ концовъ міра, Лукулловскіе обѣды у французскихъ сановникокъ, „premières“ ***) въ *Bouffes* или *Gymnase*, вечера у princesse Mathilde, княгиня Меттернихъ, нѣжно-скабрезныя шансонетки Гюстава Надо, приглашенія въ Compiègne, герцогъ Морни, дебюты Оффенбаха, вечернія „conférences“ ****) католической знаменитости въ церкви Saint-Sulpice, многолюдныя и занимательныя, какъ раутъ, ужины „en partie fine“ въ *Maison Dorée* или *Café anglais* съ веселыми соотечествен-

---

*) Старый Парижъ, la Cité, построенъ, какъ извѣстно, на островѣ Сены.

**) Булонскій лѣсъ, извѣстное мѣсто прогулки моднаго Парижа.

***) Первыя представленія.

****) Проповѣдь.

ницами и высокопоставленными русскими „друзьями“ en vacance... И всѣмъ этимъ ей будетъ дано насладиться опять,— съ тою только разницей, что на карточкахъ ея будетъ значиться подъ графскою короной извѣстное во всей Европѣ аристократическое русское имя, что рука ея будетъ опираться на руку человѣка, положеніе и состояніе котораго поставятъ ее на равную ногу со всѣми именитостями вселенной... А тамъ, вздумается ей, „чрезъ годъ, чрезъ два“, вернуться съ нимъ на берега Невы, „все будетъ давно сглажено и позабыто“, всѣ нынѣшія предубѣжденія смолкнутъ „предъ fait accompli“, — и графиня Ольга Елпидифоровна Наташанцева, какъ ни интригуй потомъ „ея belle-fille Toutou, займетъ при дворѣ и въ свѣтѣ то имѣющее принадлежать ей по праву мѣсто, которое осмѣливаются теперь оспаривать ей...

Она теперь была почти рада тому, что̀ за нѣсколько мгновеній предъ этимъ представилось ей разгромомъ всѣхъ ея надеждъ и плановъ будущаго. Оказывалось „все къ лучшему“, какъ у Вольтеровскаго *Кандида*. „*Подвохи* дочери дали *ему* только случай доказать мнѣ на дѣлѣ, что онъ *мой*, безвозвратно и безраздѣльно *мой*... Что̀ взяла, злючка, оборванная кошка?“ говорила себѣ она мысленно по адресу княгини Андомской, торжествуя въ душѣ свою побѣду надъ нею, — и словно разцвѣтшая всѣмъ красивымъ обликомъ своимъ подъ восхищенными взглядами своего собесѣдника.

— Paris, повторялъ онъ послушнымъ и веселымъ отзвукомъ, — cela s'entend de soi-même; вы имѣли тамъ слишкомъ много успѣха, чтобы вамъ, а слѣдовательно и мнѣ, не желать его повторенія... Но лѣтомъ, но въ тѣ дни, когда природа манитъ насъ своею прелестью и душа невольно проситъ идилліи (et l'âme tourne involontairement à l'idylle), добавилъ онъ полушутливо, полусентиментально,—позволите-ли вы мнѣ увезти васъ въ какой-нибудь уединенный уголокъ земли... не слишкомъ далеко, конечно, — на островъ Уайтъ или на Комо?..

— Да развѣ я не *ваша!* воскликнула съ новымъ порывомъ Ольга Елпидифоровна; — развѣ я не *обязана буду* исполнять всѣ желанія моего *законнаго* властелина, медленно промол-

вила она чрезъ мигъ, какъ бы стыдливо опуская глаза и краснѣя самымъ искреннимъ образомъ.

— Навѣки, навѣки моя! страстно проговорилъ Наташанцевъ...—*Онъ* здѣсь, перебилъ онъ себя тутъ же:—мой повѣренный, въ Москвѣ, которому я приказалъ слѣдить за этимъ, пишетъ мнѣ, что онъ выѣхалъ оттуда въ Петербургъ третьяго дня.

— Да, подтвердила Ранцова,—я получила вчера вечеромъ письмо отъ Захарова, котораго вы мнѣ совѣтовали взять *попечителемъ* по этому дѣлу. Онъ подалъ отъ меня просьбу въ консисторію и вчера же утромъ видѣлся съ... avec monsieur Ранцовъ... Свидѣтели, les faux témoins, vous savez, найдены, и Захаровъ говоритъ, что въ консисторіи дѣло пойдетъ скоро... Но mon époux объявилъ ему, что предъ этимъ онъ желалъ бы самъ явиться ко мнѣ для какихъ-то „переговоровъ"... Я понимаю, что ему хотѣлось бы меня видѣть, примолвила она съ дѣланною гримасой, сквозь которую невольно просвѣчивало самодовольное чувство,—но, признаюсь, я предпочла бы обойтись безъ этого.

— И конечно лучше! Il vaut toujours mieux éviter tout contact avec les gens violents et peu élevés, съ какою-то безсознательною презрительностью сказалъ на это графъ.

Что-то въ родѣ угрызенія пробѣжало въ совѣсти Ольги Елпидифоровны. Бѣдный Ранцовъ—„violent"... „Peu élevé", конечно,—онъ не говоритъ по-французски, онъ по манерамъ своимъ „армейщина", но „violent"!... Онъ только разъ въ жизни, тогда, въ Москвѣ... И то, говорилъ въ ней внутренній голосъ, такъ-ли бы еще поступилъ другой на его мѣстѣ, заставъ ее *тамъ* съ Ашанинымъ!... Въ результатѣ этого соображенія оказалось, что „она ни за что, ни за что не хочетъ его видѣть"...

— Захаровъ очень мнѣ преданный и дѣловой человѣкъ, говорилъ ей между тѣмъ Наташанцевъ:—съ его умѣлостью и не щадя денегъ надо надѣяться, что въ консисторіи дѣйствительно дѣло не протянутъ. Но тамъ какіе-то еще сроки положены, потомъ синодъ... Онъ мнѣ говорилъ недавно, что ранѣе четырехъ, даже пяти мѣсяцевъ окончательнаго рѣшенія

нельзя ждать... Et cette attente me tue! примолвилъ онъ съ новымъ порывомъ.

Она слегка сжала брови:

— Это поведетъ насъ почти до осени... И, говорятъ, пока совсѣмъ не кончится, присутствіе мое здѣсь необходимо, и нельзя будетъ никуда уѣхать.

— Знаете, что̀ я вамъ предлагаю, съ живостью молвилъ онъ:—послѣ Пасхи, то-есть въ концѣ апрѣля, я, „для излѣченія болѣзни", прошусь въ долговременный отпускъ и уѣзжаю въ мое Псковское имѣніе; оно подъ самымъ городомъ. Vous m'y rejoignez dans quelques jours. Захаровъ будетъ извѣщать насъ регулярно обо всемъ, что̀ касается дѣла и когда именно вамъ нужно быть въ Петербургѣ... Да и нужно-то будетъ,—разъ онъ вашъ *попечитель* и ведетъ за васъ дѣло,—на какой-нибудь день, много два... Мы дотянемъ тамъ, chez moi,—on y est bien, je vous assure,—до августа—я полагаю самый долгій срокъ,—quand le „святой правительствующій синодъ" vous dégagera окончательно отъ вашихъ узъ. На другой же день послѣ полученія этого счастливаго извѣстія старикъ мой, отецъ Іаковъ, un trés brave homme и мой духовникъ, вечеромъ, въ моей домовой церкви... (онъ досказалъ, прижавшись долгимъ поцѣлуемъ къ ея горячимъ рукамъ,), а изъ церкви прямо въ дормезъ, и летимъ съ моимъ божествомъ въ Туарогенъ... *). А изъ-за границы, поспѣшно прибавилъ онъ (онъ нѣсколько походилъ въ эту минуту на человѣка, торопящагося кинуться въ воду, чтобы покончить скорѣе съ томительнымъ ощущеніемъ боязни ея чаемаго холода,),—я посылаю имъ формальную просьбу объ отставкѣ... Надѣюсь, что madame la comtesse Olga даруетъ мнѣ великодушно на это дозволеніе?

Онъ говорилъ съ нервною веселостью, замѣтно насилуя себя на нее и стараясь настроить на то же свое „божество". Помимо того, что̀ его самого глодало внутри, онъ продолжалъ тревожиться за тотъ недочетъ, который, въ его понятіи, долж-

*) Въ ту пору Петербургско-Варшавская желѣзная дорога состояла еще въ постройкѣ.

на была испытывать она, лишаясь съ потерею его положенія всего того, что это положеніе даровало бы ей лично и чего, говорилъ онъ себѣ, „она такъ въ правѣ была ожидать“...

Ольга Елпидифоровна читала въ его мысли, какъ въ открытой книгѣ. Она была тронута и спѣшила въ свою очередь успокоить его:

— „La comtesse Olga“, засмѣялась она, — будетъ вполнѣ счастлива только тогда, когда она со своимъ графомъ Леонидомъ очутится *вдвоемъ* на такомъ краю свѣта, гдѣ о Петербургѣ и о его vanités даже во снѣ никому изъ нихъ не приснится.

— C'est vrai cela, c'est vrai? вскрикнулъ онъ радостно, пожирая ее глазами.

— Mon ami, самымъ серіознымъ, какъ бы нѣсколько даже обиженнымъ тономъ молвила она на это,—неужто же вы думали, что я выхожу за васъ замужъ изъ за вашей position de service?

Онъ снова очутился у ея ногъ, обнимая ея колѣни и покрывая ихъ поцѣлуями съ горячностью двадцатилѣтняго юноши...

— До свиданія! говорилъ онъ ей чрезъ часъ, держа шляпу въ рукѣ:—мы увидимся сегодня вечеромъ у Варвары Петровны Мосягиной. А мнѣ теперь еще нужно chez ma vieille amie, mademoiselle Okhvostof, передать ей на счетъ племянницы ея, l'ex-demoiselle d'honneur *** дворца...

— Почему „ex“? перебила его удивленно Ранцова: — вы говорите о княжнѣ Кубенской? Что она, замужъ выходитъ?

— Нѣтъ, она просто уѣхала къ какимъ-то роднымъ въ Москву и оттуда прислала просьбу отпустить ее съ миромъ... Juste ce que je compte faire de mon côté, засмѣялся Наташанцевъ.

— Да изъ чего же это, вы не знаете?

Онъ пожалъ плечами.

— Она, повидимому, какая-то очень фантастическая особа... et d'idées très avancées. Вы меня не выдавайте, но она надѣлала совершенно невозможныхъ вещей: приняла на со-

храненіе отъ какого-то убѣжавшаго въ Лондонъ cousin ея компрометантныя бумаги, и когда Анисьевъ, которому поручено было, pour éviter le scandale, добыть ихъ у нея келейно, явился къ ней съ этимъ, она ихъ сожгла въ его присутствіи... Mais le plus comique это тò, что она на маскарадномъ балѣ въ Михайловскомъ дворцѣ упрашивала Вилина отказаться отъ предсѣдательства редакціонныхъ коммиссій потому, что онъ— „un retrograde et un крѣпостникъ"... Рѣчь даже шла отнять у нея пенсію, которую она получаетъ послѣ отца; но это мнѣ удалось устроить, и я ѣду сообщить объ этомъ ея теткѣ...

Онъ двинулся съ мѣста и вдругъ вспомнилъ:

— Vous souvenez-vous, спросилъ онъ, и какая-то унылая усмѣшка скользнула по его губамъ,—какъ вы радовались назначенію этого долговязаго croquemort? „Un grand seigneur", говорили вы, — при немъ дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ при Ростовцовѣ". А я вамъ тогда же сказалъ: „Не вѣрьте!" Помните?

— Да, помню... Чтò же?

— А тò, что онъ не далѣе какъ вчера объявилъ публично въ коммиссіи, что, согласно данному ему свыше повелѣнію, онъ не измѣнитъ ни одного параграфа выработанныхъ ею положеній и не удалитъ ни одного изъ состоящихъ въ ней членовъ *). Ergo, все попрежнему, и *для насъ* не остается болѣе никакой надежды... Чтò вы на это скажете?

Ольга Елпидифоровна подняла на него глаза... Все лицо ея словно дрогнуло отъ внутренняго смѣха:

— Вы меня любите, проговорила она,—я буду ваша чрезъ нѣсколько недѣль, quant au reste je m'en soucie maintenant comme de ça!... И, задѣвъ розовымъ ногтемъ за свои сверкающіе зубы, щелкнула имъ съ ухорствомъ чистокровнѣйшей Парижанки.

Наташанцева всего повело отъ вульгарности этого жеста, и всего приподняло отъ раздражающей граціи его исполне-

---

*) *Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи.*

нія. Онъ порывистымъ движеніемъ обнялъ „очаровательницу“ за талію, глянулъ ей безумно влюбленными глазами въ глаза и тутъ же прошепталъ ей на ухо:

— Vous êtes adorable, но, ради Бога, не повторяйте этого ни передъ кѣмъ!..

XI.

I thought to love, was but to bless,
I never dream'd of wretchedness.
Festus.

Ich bin bübisch um mein Leben bestohlen, bestohlen durch sie!
Schiller. *Kabale und Liebe.*

Забыть! Я-то ничего не забылъ... Ну, да Богъ съ вами!
Лермонтовъ. *Максимъ Максимовичъ.*

Чрезъ два дня послѣ того, что̀ сейчасъ передано нами читателю, графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ, только что выбритый и одѣтый, въ длиннополомъ сюртукѣ, служившемъ ему халатомъ, съ *Indépendance Belge* въ одной и сигарою въ другой рукѣ, сидѣлъ у высокаго, изваяннаго мраморнаго камина въ пространномъ кабинетѣ съ колоннами, составлявшемъ крайнюю комнату длиннаго ряда покоевъ его барскаго дома на Дворцовой набережной. Глубокій, нѣсколько похожій наружнымъ видомъ на порталъ театральной сцены, альковъ, за которымъ помѣщалась его спальная, отдѣлялся отъ кабинета сплошными занавѣсами стариннаго французскаго штофа, синяго цвѣта съ золотыми разводами, какимъ отянуты были и задрапированы стѣны, мебель, окна и двери этой комнаты (графъ очень дорожилъ и гордился тѣмъ, что „ни единаго гвоздика не перемѣнилъ въ ней“ со временъ отца своего, одного изъ ближайшихъ людей къ императору Александру I-му въ первые годы его царствованія). Незримая на первый взглядъ, отянутая тѣмъ же штофомъ, дверь, продѣланная въ одной изъ боковыхъ стѣнокъ алькова, давала доступъ

въ небольшой корридоръ, на который выходила уборная и ванна графа и помѣщеніе его камердинера; онъ кончался узенькою каменною лѣстницей, спускавшеюся къ отдѣльному отъ всего остальнаго жилья маленькому крыльцу на дворѣ. Съ этого крыльца выѣзжалъ незнаемо изъ дому и возвращался къ себѣ хозяинъ, жившій исключительно въ послѣднее время въ этомъ своемъ интимномъ аппартаментѣ, такъ какъ весь остальной домъ уступленъ имъ былъ въ пользованіе сыну, пріѣхавшему въ продолжительный отпускъ изъ Вѣны съ молодою женою... Онъ видѣлся съ ними рѣдко, по утрамъ, на нѣсколько минутъ, не имѣя привычки завтракать, а обѣдая по большей части въ Яхтъ-Клубѣ, или у Ольги Елпидифоровны Ранцовой. Отношенія его къ дѣтямъ какъ бы совсѣмъ *расклеились* въ послѣднее время: онъ избѣгалъ ихъ...

Онъ уронилъ газету и задумчиво уставился взглядомъ въ разгоравшійся уголь камина. Мысли его брели далеко. Онъ только-что успѣлъ усиленнымъ напряженіемъ воли отогнать тоскливую докуку, сопряженную въ этихъ мысляхъ съ принятымъ имъ рѣшеніемъ отказаться отъ своего высокаго придворнаго положенія и уѣхать въ *опалѣ* за границу, — уѣхать надолго, быть можетъ навсегда, — и уносился воображеніемъ къ радужнымъ днямъ близкаго будущаго... Онъ думалъ теперь объ одной виллѣ на lago di Como, принадлежавшей хорошему его знакомому, маркизу Альдобрандини, въ которой онъ провелъ нѣсколько дней осенью, много лѣтъ тому назадъ, и о которой сохранилъ какое-то лучезарное воспоминаніе. Альдобрандини умеръ, и графъ зналъ, что наслѣдники отдавали ее теперь внаймы; онъ наканунѣ писалъ по этому поводу въ Миланъ. Вилла эта съ ея розово-мраморнымъ портикомъ, отсвѣчивающимся въ темно-голубой скатерти озера, не выходила у него теперь изъ головы. „Онъ увезетъ *ее* туда въ сентябрѣ, прямо съ Уайта; подъ этими сводами, разносясь по этому водному пространству, будетъ звучать по вечерамъ ея дивный, ея проницающій голосъ, а онъ будетъ слушать ее, слушать *одинъ*, погрузясь взглядомъ въ синія глуби италіянскаго неба, убаюканный этими пѣвучими волнами, уносимый райскими снами“...

— Ваше сіятельство, прервалъ блаженное его молчаніе

голосъ вышедшаго изъ-за занавѣски алькова, стараго камердинера его, Калистрата, человѣка угрюмаго, разсудительнаго и преданнаго барину той патріархальною, безграничною преданностью былаго слуги, которая мыслима и возможна была только во дни исчезнувшихъ *баръ*. Онъ посвященъ былъ „во всѣ секреты своего графа“ и „убивался душевно“ о немъ теперь, вѣдая, порицая внутренно его „слабость“ и ненавидя въ то же время всѣхъ, кого зналъ врагомъ ея.

Сухой и длинный, съ мрачнымъ взглядомъ, жесткими сѣдыми волосами и сутоловатою спиной, онъ имѣлъ привычку говоря морщить лицо въ комъ, на-подобіе печенаго яблока, и язвительно улыбаться въ бокъ, чтобы скрыть свои почернѣвшіе и на половину выпавшіе зубы, некрасивое зрѣлище которыхъ наводило, по его убѣжденію, „уныніе“ на „его господина“.

— Ваше сіятельство, повторилъ онъ осторожнымъ шопотомъ, останавливаясь за самою спиной Наташанцева и закладывая руки за спину,—*ихній* супругъ пріѣхали и желаютъ повидаться съ вами,—господинъ Ранцовъ.

— Ранцовъ? вскликнулъ графъ, быстро оборачиваясь на него:—съ большой лѣстницы? домолвилъ онъ съ какимъ-то безсознательнымъ безпокойствомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—и Калистратъ скосился взглядомъ на сторону: онъ тотчасъ же понялъ опасеніе барина,—я онамедни еще наказалъ швейцару, чтобъ если кто къ вашему сіятельству собственно-лично по дѣлу, такъ отправлялъ бы на наше крыльцо... Они и зашли теперича оттуда... окромя меня никто съ ними не встрѣчался.

— Хорошо; такъ ты проси его сюда, а швейцару скажи, что я уѣхалъ... и со своего крыльца не пускай никого болѣе!..

— Слушаю-съ... Одни съ ними останетесь? понижая голосъ, спросилъ черезъ мигъ старый слуга.

Графъ удивленно поглядѣлъ на него:

— Конечно одинъ!... А что̀?

— Ничего-съ, прошамкалъ Калистратъ сквозь зубы, направляясь назадъ за занавѣсь...

„Что̀ ему отъ меня нужно?“ спрашивалъ себя Наташан-

цевъ съ невольною тревогой, въ ожиданіи нежданнаго гостя... Онъ подошелъ къ двери, соединявшей кабинетъ съ большими пріемными покоями дома, заперъ ее на ключъ и машинально задернулъ надъ нею портьеры...

Въ то же время маленькая дверь въ корридоръ отворилась настежь, и въ нее вошелъ Никаноръ Ильичъ Ранцовъ. За нимъ мелькнула на мигъ мрачная и, какъ показалось графу, нѣсколько встревоженная фигура Калистрата и тотчасъ же скрылась, щелкнувъ за собой дверным замкомъ съ шумомъ, не совсѣмъ обычнымъ такому, какъ онъ, благовоспитанному слугѣ. „А вы все же берегитесь!“ словно имѣлъ онъ намѣреніе сказать этимъ барину.

Мимолетная усмѣшка пробѣжала по губамъ Наташанцева. Онъ изъ глубины кабинета двинулся съ протянутою рукой навстрѣчу вошедшему:

— Извините, что принимаю васъ по-домашнему и чрезъ этотъ внутренній ходъ,—ко мнѣ пріѣхалъ сынъ съ женою, и я оставилъ себѣ въ домѣ вотъ только то, что̀ видите...

— Ничего-съ, все равно... невнятно пробормоталъ на это тотъ.

— Не угодно-ли?

Графъ сѣлъ и указалъ ему на мѣсто насупротивъ себя подлѣ камина, внимательно вглядываясь въ него и слѣдя за игрою его физіономіи.

Онъ его мало зналъ. Въ прежніе дни, когда его, Наташанцева, отношенія къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ состояли еще на положеніи „безкорыстной дружбы“, онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на тѣхъ, кого считалъ для нея „опасными“, и менѣе всего на ея мужа; самъ же Ранцовъ, когда находился въ Петербургѣ, замѣтно избѣгалъ общества поклонниковъ своей жены и постоянно отсутствовалъ въ извѣстные часы ея пріемовъ „entre deux et cinq“. Графу такимъ образомъ едва-ли пришлось обмѣняться съ нимъ десятью словами во все время ихъ знакомства...

Но онъ *помнилъ* наружный обликъ его настолько, что не могъ не замѣтить, что „этотъ человѣкъ значительно опустился“ съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ.

Его впалые, мутные глаза, съ опухлыми и покраснѣвшими вѣками, показались прежде всего графу „подозрительными“... „Il doit se soûler, le gredin!“ пронеслось у него въ первую минуту въ мысли... Но онъ тотчасъ же, со свойственною ему совѣстливостью, упрекнулъ себя въ этомъ. *Она* его никогда ни въ чемъ подобномъ не упрекала, и говорила даже, что онъ, „à part sa mauvaise éducation et sa féroce jalousie“, очень порядочный человѣкъ; очень можетъ быть, что онъ просто мучается сожалѣніемъ, что теряетъ ее, и раскаяніемъ въ своихъ mauvais procédés съ нею... „Pauvre homme!“ заключилъ Наташанцевъ,—и поднявшіеся на него теперь глаза Ранцова какъ-то мгновенно заискрились въ отвѣтъ на ласковое выраженіе, сказавшееся подъ этимъ впечатлѣніемъ въ его собственныхъ глазахъ.

— Я къ вамъ-съ для нѣкотораго... объясненія пришелъ, проговорилъ вдругъ дрожащимъ голосомъ Никаноръ Ильичъ.

— Что̀ прикажете? не совсѣмъ увѣренно въ свою очередь спросилъ графъ.

Гость его судорожно прижмурилъ на мигъ вѣки, качнулся слѣва направо, кашлянулъ и заговорилъ, упершись глазами въ синеватый огонь угольевъ, тлѣвшихъ въ каминѣ:

— Очень, признаюсь вамъ, затрудняюсь, какъ съ этимъ дѣломъ начать... потому ни краснорѣчія, ни собственно даже правъ не имѣю... безпокоить васъ въ этомъ... А только что какъ по совѣсти, и какъ мнѣ извѣстно про васъ, что вы... настоящій, благородный человѣкъ, я рѣшился... Это мнѣ очень тяжело, ваше сіятельство! словно подавившись, оборвалъ онъ вдругъ, вынулъ платокъ и поспѣшно отеръ имъ свое влажное отъ внутренняго волненія лицо.

— Я честный человѣкъ, вы не ошиблись, сказалъ на это не менѣе взволнованный такимъ дебютомъ Наташанцевъ,—и прошу васъ поэтому говорить совершенно откровенно... Въ чемъ дѣло?

Ранцовъ перевелъ духъ.

— На завтрашній день требуютъ меня въ консисторію, ибо, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, дѣло начато,—о моей... супружеской невѣрности... подана просьба. Скорбно ирониче-

ская нота зазвучала въ его голосѣ, но онъ тутъ же поспѣшно перебилъ себя:—Я, конечно, по первому еще письму отъ... отъ Ольги Елпидифоровны извѣстилъ ее, что на все согласенъ и готовъ взять на себя, потому что̀-же... чужой вѣкъ заѣдать, и все это выполню, какъ сказалъ... Я желалъ даже лично повидаться и переговорить... отъ нея самой узнать *настоящее* хотѣлъ, подчеркнулъ онъ,—но она на̀ то... почему ужь, право не знаю,—не изъявила своего согласія.. Я, графъ, повѣрьте, всегда ей добра желалъ... и впредь готовъ все, что̀ отъ меня зависитъ, лишь бы только это ей дѣйствительно на пользу... А то сами посудите, этакую му̀ку и страмоту на себя принять... Обличать вѣдь тебя тамъ будутъ... позорить публично, негодяи подкупные показывать будутъ на тебя, будто видѣли... Потому чтобы *дѣйствительно*... это я ни за что̀ не могу, путался и краснѣлъ бѣдняга.

Наташанцевъ не отрывался отъ него взглядомъ. И ему становилось „тяжело:“ этотъ „грубый“ мужъ, какимъ представлялъ онъ его себѣ по *ея* разсказамъ о немъ, оказывался теперь несомнѣнно и глубоко страждущимъ человѣкомъ, вызывавшимъ невольно искреннее къ себѣ сочувствіе и состраданіе, — „насколько бы и ни былъ онъ самъ виноватъ въ своемъ теперешнемъ печальномъ положеніи“, поспѣшилъ домолвить внутренно графъ, какъ бы для собственнаго успокоенія.

— Да, я понимаю, какъ все это должно быть противно! сорвалось у него невольно съ устъ.

Ранцовъ махнулъ рукой:

— Что̀ ужь! Не о себѣ я... лишь бы въ прокъ ей пошло... Я для этого самаго и обезпокоилъ васъ моимъ визитомъ, быстро промолвилъ онъ, поднимая глаза.

— Я васъ слушаю, сказалъ коротко графъ.

— Я, ваше сіятельство, продолжалъ тотъ, глубоко вздохнувъ, — никогда себя на счетъ своей особы не обманывалъ... и не разъ въ жизни своей, повѣрьте, мучался тѣмъ, что не такого... не такого мужа, какъ я, требовалось ей. Съ ея умомъ, образованіемъ... и при такой красотѣ!... Только ужь очень я любилъ ее! Молоденькою ее взялъ, жизнь у нея знаете изо

всего существа ключемъ била. И что предоставить ей *жить* нужно было, это я хорошо понималъ и дѣломъ, такъ сказать, совѣсти почиталъ своей. Переѣхали мы по ея желанію изъ уѣзда въ Петербургъ,—кружокъ у нея составился, сами знаете, какой. И люди, и понятія, ну и за границу ѣздила, видѣла все, вникала... Я не то что препятствовать,—я радовался: въ свое, значитъ, настоящее теченіе попала, и слава Богу!... Самъ я, изволите знать, и не жилъ почти въ Петербургѣ, а все больше въ деревнѣ, на обухѣ тамъ, что̀ говорится, рожь молотилъ, чтобы только она здѣсь ни въ чемъ не имѣла безпокойства, — въ родѣ управителя ея почиталъ себя... и, могу сказать, счастливъ бы этимъ былъ до самой могилы... Впрочемъ, перебилъ онъ себя еще разъ,—я напрасно васъ этимъ утруждаю разговоромъ. Я даже и вовсе не про то хотѣлъ.... Я не про себя-съ, повѣрьте, и даже ее... Ольгу Елпидифоровну, то-есть, видитъ Богъ, за свое несчастіе не виню. Что она меня никогда любить не могла, что я ей, можно сказать, въ тягость всегда былъ, вырвалось у него стенящимъ звукомъ изъ груди, — такъ вѣдь что̀-жь съ этимъ дѣлать! Сердце не холопъ, говорится, не повернешь его, не поломишь; ее, можетъ, и самоё-то иной разъ грызло, видя мою къ ней безграничную преданность, да не въ силахъ она была преодолѣть себя... Да и по истинѣ, съ какимъ-то надрывающимъ смиреніемъ досказалъ онъ,—что̀ за такая фигура я, чтобъ ей мною прельщаться! Всякъ въ этомъ свѣтѣ свою силу знаетъ и подъ пару этой своей силѣ ищетъ, я это очень хорошо понимаю, ваше сіятельство...

— Никаноръ Ильичъ, для чего вы это мнѣ все говорите! вскрикнулъ Наташанцевъ; его всего поводило внутренно отъ щемящаго впечатлѣнія, которое производили на него эти слова.

На блѣдныхъ щекахъ его собесѣдника выступила краска: онъ не понялъ того душевнаго къ нему участія, что̀ сказывалось въ этомъ восклицаніи.

— Я позволилъ себѣ говорить-съ, съ холодною сдержанностью отвѣтилъ онъ,—потому что Ольга Елпидифоровна писала мнѣ, что отъ меня зависитъ ея счастіе, что если я соглашусь *развязать* ее, она... она за васъ замужъ можетъ вый-

ти... Такъ я за тѣмъ и пришелъ къ вамъ, чтобы просить удостовѣрить меня: точно-ли это такъ и дѣйствительно-ли вы намѣрены со своей стороны?...

Графъ утвердительно, съ внезапною краскою на лицѣ, склонивъ голову:

— Совершенно такъ, и это мое самое пламенное желаніе, даю вамъ въ этомъ слово!

Губы Ранцова дрогнули.

— Я впрочемъ со стороны вашей другаго не ожидалъ, съ нервною торопливостью произнесъ онъ,—а только счелъ нужнымъ, такъ сказать, удостовѣрить себя, такъ какъ, зная столько лѣтъ Ольгу Елпидифоровну и ея слишкомъ пылкій нравъ, могъ всегда опасаться за нее... По крайности буду знать теперь положительно, что не даромъ станутъ изъ меня жилы тянуть завтра, добавилъ онъ съ какимъ-то неудавшимся намѣреніемъ улыбки, — что хоть промѣняла она меня на настоящаго человѣка, а не на какого-нибудь Ашан...

Голосъ его оборвался вдругъ разомъ...

— Ашан... Какъ вы сказали? вскликнулъ въ то же время графъ, выпрямляясь весь съ высоковздымавшеюся грудью, — кто это?

— Ашанинъ, тамъ, въ Москвѣ, одинъ такой есть... пробормоталъ Никаноръ Ильичъ.

— Для чего вы о немъ теперь упомянули?

Ранцовъ былъ видимо смущенъ: ему очевидно не слѣдовало произносить это, сорвавшееся у него съ языка, злополучное имя предъ человѣкомъ, которому онъ единственно почиталъ *разумнымъ* передать свои права на Ольгу Елпидифоровну,—права на заботу о ней, о ея счастіи... „Зачѣмъ ему знать о *прочемъ*, зачѣмъ *разстраивать*?“ Онъ даже ужаснулся вдругъ отъ этого сказаннаго себѣ имъ безсознательно слова „разстраивать“. Онъ зналъ по опыту, что за терзанія овладѣваютъ душой вслѣдъ за потерей вѣры въ любимое существо, за потерею уваженія къ нему. А онъ теперь — „точно будто мстить захотѣлъ“... „Нѣтъ“, рѣшилъ онъ тутъ же, и глаза его мгновенно заискрились: „подлецомъ я никогда не былъ и не буду“...

— Къ слову пришлось, молвилъ онъ громко въ отвѣтъ:— потому, когда Ольга Елпидифоровна еще въ дѣвушкахъ была, этотъ самый Ашанинъ хотѣлъ на ней жениться тоже.

— Онъ и теперь въ Москвѣ живетъ?

— Въ Москвѣ.

— Что̀ онъ тамъ дѣлаетъ?

— Да ничего... Шалберничаетъ, невольно уронилъ Никаноръ Ильичъ.

— Когда Ольга Елпидифоровна была въ прошломъ году въ Москвѣ, она видѣла его, не знаете? продолжалъ допрашивать графъ, не совсѣмъ удачно стараясь скрыть свое волненіе подъ спокойною улыбкой.

— Не... Нѣтъ, отвѣтилъ Ранцовъ невольно дрогнувшимъ голосомъ:—у нея въ ту пору отецъ былъ при смерти... такъ когда же тутъ кого видѣть? примолвилъ онъ, очень обрадованный такимъ счастливо имъ найденнымъ объясненіемъ.

Но оно нисколько не удовлетворяло Наташанцева,—напротивъ; оно даже прямо противорѣчило тому, что̀ *она* сама, вернувшись тогда изъ Москвы, разсказывала ему о „сумасшедшей ревности“ мужа, вслѣдствіе которой она должна была „разорвать съ нимъ“. Не ревновалъ же онъ ее къ стѣнамъ! Очевидно, что тутъ былъ живой мотивъ, вызвавшій эту ревность, и что подалъ его этотъ самый Ашанинъ (Наташанцевъ вспомнилъ, что она тогда вскользь произнесла его имя,), съ которымъ она несомнѣнно видѣлась, хотя мужъ теперь увѣряетъ противное... Для чего онъ это дѣлаетъ: изъ великодушія-ли къ ней, или потому, что ему стыдно за себя, за свои обидныя для нея и, какъ она выражалась, „ничѣмъ серьезнымъ неоправдываемыя“ подозрѣнія? Графъ лихорадочно ухватился за это послѣднее положеніе.

— Никаноръ Ильичъ, молвилъ онъ какъ можно мягче,— чѣмъ же слѣдуетъ объяснить произошедшую у васъ тогда въ Москвѣ размолвку съ Ольгою Елпидифоровною?

Тотъ вспыхнулъ весь еще разъ. Онъ понялъ, что вопросъ этотъ прямо обличалъ его во лжи, въ сокрытіи истины съ какою-нибудь личною цѣлью, которую графъ могъ истолковать себѣ самымъ некрасивымъ для него образомъ. Жена его посту-

пила умнѣе: она, это было ясно, сообщила графу „объ исторіи своей съ Ашанинымъ“, но освѣтивъ дѣло такъ, что вся тѣнь ея падала не на нее, а на мужа... Горько, очень горько показалось это бѣдному Ранцову.

— Графъ, сказалъ онъ,—позвольте васъ спросить сначала: какъ объясняетъ это сама Ольга Елпидифоровна!

Наташанцевъ нѣсколько тревожно задвигался въ своемъ креслѣ:

— Я прежде всего, Никаноръ Ильичъ, долженъ удостовѣрить васъ моимъ честнымъ словомъ, что Ольга Елпидифоровна не говоритъ никогда иначе про васъ, какъ съ полнымъ уваженіемъ, какъ о честнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ... То̀, какъ стоитъ теперь дѣло между вами, она приписываетъ долголѣтнимъ недоразумѣніямъ, которыя произошли отъ несходства характеровъ, а главное... Онъ заикнулся.

— Главное? переспросилъ тотъ.

— Отъ вашего слишкомъ... подозрительнаго нрава, чуть не шопотомъ договорилъ Наташанцевъ.

Огни запрыгали въ глазахъ Ранцова. Онъ вскочилъ съ мѣста въ неудержимомъ порывѣ:

— Отъ моего подозрительнаго нра... Да я въ нее девять лѣтъ невступно какъ въ Бога вѣрилъ! застоналъ онъ, ударяя себя обѣими ладонями въ грудь,—да я бы, кажется, истерзалъ собственными руками, кто бы мнѣ только намекнулъ... пока самъ я, самъ...

И вдругъ, очнувшись мгновенно, со страшною блѣдностью на лицѣ, онъ упалъ снова въ кресло, растерянно устремивъ глаза въ каминъ.

Наташанцевъ, въ свою очередь блѣднѣе полотна, глядѣлъ на него недоумѣлымъ взглядомъ:

— Что̀ же вы — „*сами*“?... безотчетно пролепеталъ его языкъ, между тѣмъ какъ сердце у него колотилось въ груди съ язвительною болью.

Но Никаноръ Ильичъ успѣлъ уже овладѣть собою; онъ пожалъ плечами:

— Я такъ долженъ сказать впрочемъ, молвилъ онъ, какъ

бы не слыхавъ вопроса и будто отвѣчая собственной мысли:— никто въ своемъ дѣлѣ не судья... Можетъ быть, точно, тутъ и много отъ „недоразумѣнія“ вышло... Ольга Елпидифоровна— особа горячая, увлекающаяся, сами знаете, во вредъ себѣ иной разъ тò сдѣлаетъ, за чтò люди осудить могутъ... Если же я по такому случаю, для ея же пользы, можетъ быть когда и замѣтилъ ей, да своимъ простымъ языкомъ не умѣлъ выразить, какъ должно, она и дѣйствительно могла думать...

Онъ не договорилъ; ему была тошна и гадка фальшь, на которую принуждалъ онъ себя теперь съ цѣлью противодѣйствія неблагопріятному *для нея* впечатлѣнію, которое собесѣдникъ его могъ вынести изъ только-что вырвавшихся у него опять неосторожныхъ „проклятыхъ“ словъ. Онъ повелъ на него робкимъ и вопрошающимъ взглядомъ.

Графъ, съ глубокою продольною морщиной между бровями, недвижно и безмолвно глядѣлъ поверхъ его головы на округлость капители одной изъ колоннъ своего пространнаго кабинета.

Ранцовъ въ замѣшательствѣ всталъ и взялъ шляпу.

— Позвольте проститься, графъ...

— Вы уходите! вырываясь изъ задумчивости и будто въ испугѣ, воскликнулъ Наташанцевъ.

— Чтò же-съ... кажется, все. Мнѣ только остается благодарить васъ. По крайности теперь могу со спокойнымъ сердцемъ на эти мытарства *иттить*, усмѣхнулся тотъ, — такъ какъ слову такого человѣка, какъ вы, могу довѣряться *вполнѣ*, подчеркнулъ онъ.

Наташанцевъ нежданно схватилъ его руку обѣими своими:

— А вы меня уничтожаете этою своею благодарностью!.. Вѣдь вы ее безумно любите до сихъ поръ, вы идете на эти муки изъ-за нея и благодарите меня, отымающаго ее у васъ!...

Все дрогнуло въ лицѣ Ранцова: глаза, губы, подбородокъ; слезы внезапно брызнули ключемъ изъ-подъ его рѣсницъ. Онъ выхватилъ еще разъ платокъ изъ кармана и скрылъ за нимъ свои исковерканныя мучительною тоскою черты.

„А кому изъ насъ двухъ тяжелѣй теперь,—право, трудно рѣшить!“ пронеслось въ головѣ графа... Онъ быстро всталъ

съ мѣста и зашагалъ торопливыми и невѣрными шагами по комнатѣ.

Прошло такъ нѣсколько минутъ. Никаноръ Ильичъ поднялъ голову, оглядѣлся кругомъ и заговорилъ, словно вспоминая послѣ сна о сказанномъ ему предъ тѣмъ:

— Жизнь моя прахомъ пошла, такъ что ужь обо мнѣ говорить. У каждаго свой предѣлъ, сказывается, его же не прейдешь... А я, какъ истинно вамъ докладывалъ, такъ и теперь говорю: какъ знаю я характеръ Ольги Елпидифоровны, такъ для счастія ея не можетъ быть лучше, какъ теперь... съ вами... Я съ радостью, повѣрьте!... Такимъ мужемъ, какъ вы ей, разумѣется, только гордиться... Не то, что съ нашимъ братомъ изъ темныхъ армейцевъ... *Вамъ* она, поспѣшно домолвилъ онъ, пораженный страдальческимъ выраженіемъ лица остановившагося передъ нимъ Наташанцева, — вамъ она настоящею, *вѣрною* женой будетъ, повѣрьте слову!...

— Вы „настоящій человѣкъ!“ вырвалось неудержимо изъ устъ графа,—дайте мнѣ вашу руку!

Онъ крѣпко стиснулъ ее. Ранцовъ сконфуженно отвѣчалъ на это пожатіе.

— Никаноръ Ильичъ, Ольга Елпидифоровна не согласилась видѣться съ вами. Каюсь, это по моему совѣту... Я дурно судилъ о васъ тогда, я боялся для нея... непріятностей... А теперь я думаю, — это *для васъ* лучше... Въ такихъ случаяхъ надо избѣгать всего, что можетъ растравить рану, помѣшать забыть...

— Забыть! трепетно зазвучалъ голосъ Ранцова: — пробовалъ-съ... не вырвешь! Видно такъ до гроба нести надо, еле слышно домолвилъ онъ.—Будьте здоровы, графъ!

Наташанцевъ, безъ слова, подошелъ къ стѣнѣ и дернулъ за снурокъ звонка. Дверь въ корридоръ немедленно распахнулась, и въ ней показалась суровая и подозрительная фигура Калистрата (онъ, видимо, стоялъ за нею все время, въ чаяніи „не дай Богъ чего“ между „его графомъ“ и этимъ „ихнимъ мужемъ“, наружность котораго показалась ему почему-то „бѣдовою“).

„Его графъ“, къ немалому его удовольствію, пожималъ

въ эту минуту самымъ дружелюбнымъ, долженъ онъ былъ убѣдиться, образомъ руку этому мужу, и, обращаясь затѣмъ къ нему самому:

— Калистратъ, сказалъ онъ,—проведи Никанора Ильича... И одѣваться мнѣ потомъ!...

— Слушаю-съ!... „Кажный то-есть звѣрь, коли *они* только захотятъ того, станетъ *имъ* ноги лобызать", заключилъ мысленно про барина Калистратъ, уходя съ торжествующею улыбкой на кривыхъ устахъ.

Наташанцеву хотѣлось скорѣе выйти изъ дому, хотѣлось воздуха, пространства, уличнаго шума... Его душило въ этихъ стѣнахъ; въ ушахъ его неотступно нылъ голосъ этого человѣка, котораго онъ „*съ нею*" присудили на „мытарства", на муку, которую, „въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ", говорилъ онъ себѣ, тотъ дѣйствительно „понесетъ до гроба"... Онъ чувствовалъ,—счастье, то безконечное счастье „вдвоемъ, подъ италіянскимъ небомъ", о которомъ онъ мечталъ какихъ-нибудь полчаса тому назадъ, все это уже болѣе недостижимо для него: образъ, призракъ этого человѣка съ его „мутными, красными отъ слезъ глазами" будетъ преслѣдовать его и въ *ея* объятіяхъ!... „Въ ея объятіяхъ!... А этотъ *Ашанинъ*, что онъ, *чѣмъ* былъ для нея?„ взмывало у него новымъ язвительнымъ страданіемъ: „она изъ-за него порвала съ *нимъ*, съ мужемъ, и онъ, онъ же выгораживаетъ ее теперь, великодушно лжетъ и заметаетъ слѣды, наивно успокоиваетъ меня, что *мнѣ* она будетъ „*вѣрная* жена"... О Боже! А онъ, со своей стороны, порываетъ съ дѣтьми, съ отечествомъ, съ *ними*, „avec ses maîtres", обрекаетъ себя на опалу, на скитальчество изъ-за „авантюристки" (вздрогнувъ, вспомнилъ онъ слова дочери,), „вздумавшей выйти за него замужъ отъ живаго мужа". И уже все кончено, онъ уже неразрывно связанъ съ нею, онъ назадъ не можетъ... „Да я и не хочу, я люблю ее, она будетъ моею; да, люблю malgré tout, malgré tout, et dût le ciel me tomber sur la tête!" вырвалось у него изъ груди со страстнымъ отчаяніемъ...

— Карета сейчасъ выѣзжаетъ, доложилъ, выходя изъ-за алькова, Калистратъ, съ сюртукомъ барина на рукѣ.

— Не нужно, подай бекешь; я пойду пѣшкомъ.

— Сиверко, ваше сіятельство, снѣгъ мететъ—страхъ!

— Все равно. Шляпу, палку!

— Прикажите каретѣ за вами ѣхать, настаивалъ старый слуга.

— Не нужно, говорятъ тебѣ! нетерпѣливо отрѣзалъ графъ, выходя въ бекешѣ и шляпѣ въ корридоръ.

— Извольте кашне надѣть, суетился, кидаясь за нимъ, тотъ.

Но баринъ его не слушалъ и быстро, словно юноша, спѣшащій на свиданіе, спустился съ лѣстницы и вышелъ, — чуть не выбѣжалъ на Набережную.

XII.

L'orchestre est las, les valses meurent,
Les flambeaux pâles ont décru,
Les miroirs se troublent et pleurent...
Sully.-*Prudhomme.*

...Но это оскорбленье!...
— Нѣтъ, у нея оно вошло въ обыкновенье.
Хмѣльницкій. *Свѣтскій случай.*

„Пятый часъ въ исходѣ, а его нѣтъ“, говорила себѣ Ольга Елпидифоровна Ранцова, стоя одна съ озабоченнымъ лицомъ предъ большими Булевскими часами своей гостиной (ея ежедневный пріемъ въ эту пору былъ отказанъ ею на сегодня).—„Неужели ему не лучше?“...

Она наканунѣ объ эту пору получила отъ него записку, въ которой онъ въ короткихъ словахъ извѣщалъ ее, что слегка простудился и отъ кашля плохо спалъ ночью, что его докторъ совѣтовалъ ему поэтому „не выходить денекъ изъ дому“ (слова такъ и приведены были по-русски во французской запискѣ,), но что на слѣдущій день онъ *непремѣнно* въ обычный часъ, „entre quatre et cinq“, будетъ у нея.

„Если-бъ я имѣлъ еще слабость вѣрить въ счастіе, я искалъ бы его въ *привычкѣ*“, вспомнились ей прочтенныя ею когда-то слова Шатобріана. Она усилилась усмѣхнуться и объяснить себѣ этими словами то глухое еще, но постоянно наростающее клокотаніе тревоги, которое чувствовала она внутри себя. „Я такъ привыкла къ его аккуратности, къ тому, что въ положенный часъ онъ войдетъ въ эти двери, радостно улыбаясь своимъ тонкимъ, аристократическимъ ртомъ, жадно ожидая моего перваго взгляда... Но какъ же я и напущусь на него,

когда онъ явится, за то, что заставилъ меня о немъ безпокоиться!“ принужденно прервала она себя мысленно, быстро повернулась и присѣла къ своему Эрару.

Первый аккордъ, машинально взятый ею миноромъ въ басу, какъ-то странно заставилъ ее вздрогнуть. Она, словно испуганно, оторвала пальцы отъ клавишъ, усмѣхнулась еще разъ, попробовала какой-то вальсъ, сбилась на второмъ колѣнѣ и вдругъ, какъ-бы нежданно для себя самой, запѣла mezza voce:

Depuis une heure je l'attends,
Conçoit-il mon impatience?
A-t-il compté tous les instants
Qui s'écoulent en son absence?

Это былъ мало извѣстный романсъ стариннаго пошиба на французскія слова двадцатыхъ годовъ, слышанный ею въ первые годы молодости, когда она жила съ отцомъ въ уѣздномъ городѣ, отъ стараго отставнаго гвардейца, разореннаго помѣщика той мѣстности, и удержавшійся въ ея памяти благодаря его задушевной мелодіи, происхожденіе которой (увѣряли ее графъ Пердро и пріятель его „Tsips“,) непремѣнно должно быть *славянское*, „такъ какъ никакой французскій голосъ, говорили они, не способенъ придать ей того accent pénétrant, какой принимаетъ она въ вашихъ устахъ“... Изо всего ея обширнаго репертуара пѣнія не было вещи, которую бы болѣе любилъ Наташанцевъ. Незатѣйливый, пѣвучій, исполненный того элегическаго чувства на элегантной свѣтской покладкѣ, которое входило, какъ говорятъ Англичане, въ линію—in the line—всего его внутренняго *я*, романсъ этотъ неизмѣнно приводилъ изящнаго обожателя Ольги Елпидифоровны въ сладкую задумчивость и вызывалъ блестящія росинки слезъ на его темныя рѣсницы... Онъ поэтому какъ-то самъ собою напрашивался въ эту минуту въ душу нашей пѣвицы, отвѣчалъ и тревогѣ ея, и мысли о томъ, кто вызывалъ ее въ ней. Она начала вполголоса, но съ каждою нотой звуки все металличнѣе вылетали изъ ея груди, разстраивая ее самое до слезъ... и, допѣвъ послѣднюю строфу со словами:

Ah, si j'en juge par moi-même,
Qu'il doit souffrir, qu'il doit souffrir!

она не выдержала и вскочила съ мѣста съ нервнымъ рыданіемъ...

— Et bien oui, il souffre, услышала она за собою, прежде еще чѣмъ успѣла обернуться, голосъ, отъ нежданнаго звука котораго вся она перепуганно дрогнула и поблѣднѣла,—но все же не изъ чего пока въ отчаяніе приходить.

— Ахъ, Варвара Петровна, вскликнула она, узнавая пріятельницу свою, Мосягину, и схватывая руку ея обѣими своими,—ради Бога, скажите, вы что-нибудь знаете?... Онъ писалъ мнѣ, что будетъ сегодня, я его ждала... Я чувствую,—недаромъ я расплакалась,—что что-нибудь нехорошее...

— Я для этого и пріѣхала къ вамъ, чтобы сказать вамъ, что онъ не здоровъ, молвила та, — я сейчасъ была тамъ, у *нихъ*, неопредѣленно промолвила она.

— У кого? У молодыхъ Наташанцевыхъ?

— Да... Надо вамъ сказать, что ко мнѣ часа два тому назадъ заѣхала Нелли Новицкая: она мнѣ сосѣдка и часто такъ заѣзжаетъ, en passant devant ma porte... Ну, какъ извѣстно, эти Саватьевы всегда раньше всѣхъ все знаютъ; она мнѣ и говоритъ: „Знаете-ли вы, что вашъ cousin Léonide *очень* боленъ?..“ Не пугайтесь, милая, поспѣшила прибавить Варвара Петровна, сжимая руку Ранцовой, — оказалось не такъ... или не совсѣмъ такъ.—„Что съ нимъ?“ спрашиваю,—сама перепугалась!.. А она мнѣ и разказываетъ, что была вчера у сестры своей Базиной, гдѣ застала Toutou Андомскую, которая отъ Базиной спѣшила къ отцу, такъ какъ получила записку отъ belle-soeur своей, молодой Наташанцевой; писала ей та, что она съ мужемъ очень безпокоятся „на счетъ рара“, что онъ пошелъ утромъ гулять въ сквернѣйшую погоду, и вернулся avec une fièvre de cheval, и такъ слабъ, что слегъ: они сейчасъ же послали за Штраухомъ, который пока болѣзни не опредѣлилъ, но, кажется, „assez inquiet“... А сегодня, это уже Нелли опять говоритъ мнѣ, Штраухъ, который и ея докторъ, былъ у нея и на ея вопросъ, „что съ графомъ Леонидомъ?“ поморщился и сказалъ: „воспаленіе въ легкихъ“...

— Воспаленіе... въ его годы! вскликнула, перемѣняясь въ лицѣ, Ольга Елпидифоровна.

— Вотъ услышалъ бы онъ это „въ его годы“, не сказалъ бы вамъ спасибо! засмѣялась никогда не унывавшая Варвара Петровна:—что̀ его за такіе годы, чтобы не выдержать хотя бы une fluxion de poitrine!.. Только вы понимаете, все же это меня очень обезпокоило. Я тотчасъ же велѣла запрягать карету, отправила Нелли и, вопреки моимъ привычкамъ, не заѣзжая въ мой пріютъ, прямо велѣла на Набережную... Пріѣзжаю; принимаетъ меня Lucie Наташанцева. Мужъ, говоритъ, поѣхалъ за Здекауеромъ...

— Консультація! перебила молодая женщина, тревога которой росла съ каждымъ мгновеніемъ.

— Онъ самъ, говорятъ, пожелалъ его видѣть... Леонидъ, то-есть. Онъ очень любитъ Здекауера... О консультаціи не было и рѣчи.

— А его самого видѣли вы? И что̀ говоритъ тотъ, другой докторъ?

— Леонидъ спалъ въ то время, когда я тамъ была, и къ нему никого не пускали... А тотъ, Штраухъ, что̀ говоритъ? Извѣстно, мычитъ, какъ всѣ доктора въ этихъ случаяхъ, не могла не разсмѣяться опять веселая филантропка:—вы знаете ce qu'a dit Molière: „un médécin est un quidam qui vient vous faire tirer la langue jusqu'à ce que la nature vous ait guéri ou ses remèdes vous aient tué“ *). Я въ нихъ не вѣрю, вы знаете...

— Ахъ, Варвара Петровна, неудержимо вырвалось у Ранцовой,—какъ вы ужасны съ вашими шутками въ эту минуту!

Та серіозно, почти строго подняла на нее глаза:

— А вы бы хотѣли, чтобы я, подобно вамъ, заранѣе приходила въ отчаяніе? Это, во-первыхъ, грѣхъ; а затѣмъ... Она оборвала на полусловѣ и, ласково поведя на нее взглядомъ:

— Вы его очень любите? спросила она съ полуусмѣшкой.

— И не скрываю! Я никого еще въ жизни такъ не любила!

Почтенную и нѣсколько экзальтированную госпожу Мосягину глубоко тронулъ этотъ, очевидно для нея, прямо изъ сердца вырвавшійся кликъ.

---

*) Врачъ есть нѣкто, заставляющій васъ показывать ему языкъ, пока природа не излѣчитъ васъ, или лѣкарства его васъ не убьютъ.

— Ну, такъ вотъ что̀, сказала она: — онъ желаетъ васъ видѣть...

— Онъ говорилъ?.. Какъ вы знаете?

— А вотъ какъ. Простилась я съ Lucie, спустилась съ лѣстницы. Гляжу, въ сѣняхъ стоитъ и видимо ждетъ меня его Калистратъ... Вы его знаете; а я съ тѣхъ поръ, какъ Леонида помню, знакома съ этимъ его Калебомъ *). Онъ очень всегда благоволилъ ко мнѣ, зная мою искреннюю дружбу къ его барину... „Что̀, говорю, Калистратъ, какъ графу?“ —Спятъ, говоритъ, покойно, надо такъ надѣяться, что полегчало, а ночью, говоритъ, совсѣмъ не спали: кашель и очень безпокойны были“... И какъ тутъ стоялъ швейцаръ, онъ его отослалъ, а самъ шепчетъ мнѣ: „*Оченно* желалъ бы съ вашимъ превосходительствомъ посовѣтоваться насчетъ одного дѣла“. Отошли мы съ нимъ въ уголъ, онъ мнѣ и говоритъ: „Графъ мой очень скучаетъ по одной дамѣ,—вамъ, говоритъ, извѣстно-съ, кто онѣ“. Я засмѣялась, говорю: „Знаю; а онъ тебѣ говорилъ?“ „Они, говоритъ, имъ писали вчера, что сегодня будутъ у нихъ безпремѣнно, а какъ теперь докторъ запретилъ имъ настрого выѣзжать, они очень этимъ безпокоились, хотѣли писать имъ опять... Велятъ мнѣ подать имъ портфель съ бумагою, чернильницу и начнутъ на колѣняхъ писать имъ письмо, а потомъ разорвутъ, велятъ клочки въ каминъ кинуть, и опять. Такъ до трехъ разъ принимались, пока совсѣмъ устали и заснули“... Только я тутъ его перебила и говорю: „Если Леониду Александровичу очень хочется видѣть *эту даму*, такъ онъ достаточно почтенный и пожилой человѣкъ, а къ тому же боленъ, и она можетъ очень хорошо пріѣхать навѣстить его“...

— Я только-что хотѣла это сказать, спасибо, что вы предварили, вскрикнула опять Ольга Елпидифоровна,—я умираю сама отъ нетерпѣніи увидѣть его...

— А вотъ мы съ Калистратомъ и сговорились на счетъ этого. Ждите отъ него извѣщенія: онъ обѣщалъ пріѣхать извѣстить васъ, переговоривъ съ Леонидомъ, по его пробужденіи и визитѣ Здекауера... Онъ предвидѣлъ одно... неудобство,

*) Извѣстный типъ преданнаго слуги въ *Ламермурской Невѣстѣ* В. Скотта.

примолвила Варвара Петровна, сама нѣсколько затрудняясь тѣмъ, что̀ хотѣла выразить.

Но Ольга Елпидифоровна тотчасъ же поняла въ чемъ дѣло:

— Дѣти его... Княгиня Андомская... сидятъ вѣрно тутъ, у него въ комнатѣ?..

— Да, да!..

— Прелестная Toutou, желчно продолжала Ранцова,— изображаетъ изъ себя теперь, разумѣется, нѣжную и встревоженную дочь... и бѣдный Калебъ нашъ боится, что она не захочетъ допустить меня къ отцу, которому она вѣкъ свой отравляла существованіе злостью своей и дерзостью?...

Варвара Петровна прервала ея раздраженную рѣчь:

— Оставьте ее, ma chère, въ покоѣ! Нрава вы ея не передѣлаете, а сами только безполезно разстраиваетесь... Она все-таки воспитанная особа, и если вамъ дѣйствительно придется тамъ съ нею встрѣтиться, она никакъ не рѣшится *въ такую минуту* и *въ отцовскомъ домѣ* быть съ вами неприличною... Я впрочемъ вотъ что̀ сдѣлаю: когда вы будете знать, въ какое именно время ѣхать къ нему, пришлите мнѣ сказать, я весь день буду дома—и я тогда тоже поѣду навѣстить еще разъ больнаго сегодня... При мнѣ она не рѣшится... Я отведу бурю во всякомъ случаѣ, закончила женщина смѣясь.

Она обняла свою protégée (она не иначе глядѣла на Ранцову, и стоять за нее всѣми своими силами считала дѣломъ чести своей и достоинства,), крѣпко поцѣловала въ щеку и, сказавъ ей на прощанье: „du courage, chère, перемелется, мука будетъ“! быстро вышла изъ гостиной.

Хозяйка проводила ее до лѣстницы, въ нервномъ порывѣ кинулась ей съ свою очередь на шею, расплакалась и убѣжала въ свою спальню.

Но когда осталась одна, ее стало разбирать безпокойство до такой степени, что она, какъ говорится, мѣста себѣ нигдѣ найти не могла. Она припоминала и перетолковывала себѣ каждое изъ словъ, сказанныхъ ей Варварою Петровной въ смыслѣ, все болѣе и болѣе ужасавшемъ ее. Опасность, грозившая ея „другу“, представлялась ей несомнѣнною. Она заклю-

чила объ этомъ уже изъ самаго того, что Варвара Петровна первая завела рѣчь о желаніи *его* видѣть ее... „Варвара Петровна очень добрая женщина“, разсуждала Ольга Елпидифоровна, „и очень любитъ меня, но она—une vertu и очень строга ко всякимъ *конвенансамъ*: она очень хорошо понимаетъ, какого рода чувство питаетъ *онъ* ко мнѣ и къ какой цѣли стремится, но она тщательно избѣгала всегда со мною всякаго разговора объ этомъ и притворялась думающею, что онъ просто любитъ меня, какъ милую и несчастную въ супружествѣ женщину, съ маленькимъ оттѣнкомъ того свѣтскаго flirtation que tout homme de goût doit à une jolie femme. Если она теперь рѣшилась заговорить о томъ, „люблю-ли я его“, и передать то, что̀ ей говорилъ Калистратъ, значитъ, сама она, не смотря на ея успокоивающія слова, судитъ о его положеніи какъ объ очень серьезномъ и находитъ, что *теперь* я могу „ѣхать навѣстить его“, не компрометтируя ни его, ни себя. „Дѣйствительно, человѣка при смерти никто уже компрометтировать не можетъ“, вся содрогаясь отъ ужаса, поясняла себѣ молодая женщина. „И что̀ же, если въ самомъ дѣлѣ это несчастіе... Что̀ же тогда будетъ со мною?“...

Она сидѣла на низенькомъ креслѣ подлѣ своего туалета, закинувъ обѣ руки за голову, съ трепетно вздымавшеюся грудью, съ прижмурившимися судорожнымъ движеніемъ глазами...

Въ притворенную ею дверь спальни раздался со стороны гостиной легкій стукъ.

Она не обратила на него вниманія... „Что̀ будетъ со мною?“ повторяла она мысленно:—„съ нимъ все кончено, все разлетается какъ дымъ... Останется мнѣ только бѣжать изъ Петербурга... безъ него меня здѣсь заѣдятъ, заѣдятъ на смерть... Господи, а еще вчера казалось мнѣ это такъ близко, такъ несомнѣнно“...

— Gnädige Frau, s'ist eine Dame da! раздался за нею голосъ.

Она вздрогнула отъ неожиданности, обернулась съ нахмуреннымъ лицомъ...

Въ просвѣтѣ небольшой двери, соединявшей спальню ея

съ уборною, она увидѣла бѣлобрысую фигуру своей, выступившей изъ-за отдернувшейся занавѣси, Амаліи, съ которою мы имѣли уже случай познакомить читателя.

— Какая дама?.. Я приказала никого не принимать сегодня!..

— Ja wolh, aber... s'ist die Mutter des jungen Fürsten, это мамашенька молодой князь, гусаръ... aus Moscau... Она пріѣхалъ не долго здѣсь, Morgen will sie weg, и сказалъ швейцару, что ошень желаетъ васъ видайть,—объясняла, подмигивая и покачивая головой съ какимъ-то забавно значительнымъ и таинственнымъ видомъ, чухонская субретка.

— Княгиня Шастунова! вскликнула ея барыня, и безсознательная усмѣшка, машинально вызванная этимъ именемъ, пробѣжала по ея засохшимъ отъ внутренняго волненія губамъ.

— So, so! подтвердила Амалія, все также подмигивая и продолжая по-нѣмецки: — Она все ждетъ въ каретѣ; Ѳедоръ стучался къ вамъ, но вы не отвѣчали; онъ думалъ, что вы заснули и пришелъ меня спросить, но какъ я знаю, что вы никогда не спите въ этотъ часъ...

— Пошлите сказать, что я прошу ее! — прервала Ольга Елпидифоровна.—„Ея глупость хоть разсѣетъ на нѣсколько времени эту невыносимую тоску“, разсудила она.

Она сѣла передъ зеркаломъ, оправилась, отерла холодною водой нѣсколько покраснѣвшіе глаза свои и, не торопясь, вышла затѣмъ въ гостиную.

Въ противоположныя двери ея вплыла тѣмъ временемъ княгиня Аглая Константиновна.

Она окинула своими круглыми глазами отянутыя шелкомъ стѣны этой гостиной, ея цѣнный Обюсоновскій коверъ и золоченую мебель и, сказавъ себѣ: „mais c'est très cossu chez cette ex-Olga Akouline“, съ сугубою улыбкой на губахъ, замѣтно притертыхъ помадою, направилась къ выходившей ей навстрѣчу хозяйкѣ.

— Je n'ai pas voulu partir de Pétersbourg sans venir vous voir, заголосила она, протягивая ей руку и заглядывая ей умильно въ лицо,—я настояла, чтобы вы меня приняли. Je suis toujours heureuse de retrouver de vieilles connaissances.

— Очень вамъ благодарна, княгиня, отвѣчала съ нѣсколько холодною учтивостью Ольга Елпидифоровна, усаживая ее на диванѣ и сама садясь подлѣ;—я не знала, что вы здѣсь, хотя въ прошлый понедѣльникъ въ оперѣ мнѣ показалось, будто вы или какая то очень похожая на васъ особа вошли въ антрактѣ къ Саватьевымъ въ генералъ-губернаторскую ложу. Это меня даже очень удивило. Но у меня въ тотъ вечеръ голова болѣла и я тутъ же уѣхала домой, такъ что не успѣла удостовѣриться, дѣйствительно вы-ли это были.

— Oui, c'était moi! У меня была своя ложа бельэтажа, но онѣ очень просили меня зайти къ нимъ... Ce sont des personnes très aimables toutes, n'est-ce pas? примолвила Аглая Константиновна, вопросительно уставившись на Ранцову,— vous les cannaissez?

— Кого это? Саватьевыхъ? Кто же ихъ не знаетъ?

— Но онѣ... Elles appartiennent au meilleur monde, n'est-ce-pas? съ видимымъ уже безпокойствомъ допрашивала княгиня.

— Къ лучшему, къ лучшему, иронически поддакнула ея собесѣдница,—de l'orfévrerie Ruolz *) première qualité.

Аглая не поняла и испуганно захлопала глазами.

— Vous avez toujours eu beaucoup d'esprit chère, Ol... chère madame, поправилась она,—и я вижу, что вы шутите... Но я (она вдругъ приняла сосредоточенный видъ,) я, je vous avoue, хотѣла именно узнать отъ васъ, et j'espère... à titre d'ancienne enfant de la maison, вы мнѣ не откажете сказать... Je ne connais pas Pétersbourg, а онѣ, ces dames, такія любезныя всѣ... Я познакомилась, il faut vous dire, съ одною изъ нихъ, madame Bazine, у Татьяны Борисовны. Vous la connaissez?

Ранцова неопредѣленно кивнула головой.

— Я у нея была pour l'affaire de mon église... Я, вы знаете, въ Сицкомъ... que vous connaissez bien, j'espère, выстроила церковь...

---

*) Поддѣльное серебро. Парижскій Ruolz—предшественникъ извѣстнаго петербургскаго Кача.

Она тутъ же стремительно вздохнула и продолжала:

— Въ память моей бѣдной Лины, dont vous avez été l'amie... и вообще parce qu'il faut protéger, je trouve, la religion de son pays... Хотя теперь (она наклонилась вдругъ къ самому уху хозяйки,), avec cette émancipation, которую намъ обѣщаютъ, можно ожидать qu'on renversera tout, et le trône et l'autel...

— Да, перебила ее та, которую нисколько не интересовала исторія церкви „въ память бѣдной Лины", а хотѣлось скорѣе добраться до новой *продѣлки* ненавидимаго ею теперь племени Саватьевыхъ, — вы говорили, что познакомились у Татьяны Борисовны avec la fameuse Nanie Bazine.

— Отчего „fameuse"?

— Отчего? Этой женщинѣ современемъ статуи будутъ воздвигать на площадяхъ съ надписью: „Богинѣ эксплуатированія ближняго, à la déesse de l'exploitation de son prochain"... Она довела до высокаго творчества искусство выжиманія изъ лимоновъ сока и выкидыванья ихъ корокъ за окно...

Аглая продолжала ничего не понимать и обробѣло глядѣла на расходившуюся молодую женщину. А у той все сильнѣе разливалась желчь. Воспоминанія о недавнемъ пассажѣ съ ней Саватьевыхъ, о дружбѣ этой Nanie съ ея злѣйшимъ врагомъ, княгинею Андомской, примѣшивали всю свою ѣдкую горечь къ тому состоянію нервнаго возбужденія, въ которомъ застала ее гостья. Слова, шипя, съ обрывистымъ и колкимъ смѣхомъ, падали изъ ея устъ:

— Она васъ съ перваго же раза и окрутила: я вижу это отсюда. Не дали вамъ времени вздохнуть, какъ вы уже очутились засосанною en plein Саватьевскимъ болотомъ, всѣми его Динами, Идами, Зизи, e tutti quanti; васъ завертѣли, закидали приглашеніями, повезли обѣдать къ *maman*"...

Аглая Константиновна даже руками всплеснула:

— Ah, mon Dieu, какъ это вы все знаете! Я третьяго дня, c'est vrai, была приглашена à dîner chez madame Savatief... Elle est très bien née cette dame, внушительно качнула она подбородкомъ, — une princesse Mordovskoi de naissance...

— И сынъ вашъ также приглашенъ былъ на этотъ обѣдъ.

— Да, Basile mon fils aussi.

— И за обѣдомъ посадили его между двумя изъ сестеръ, изъ которыхъ одна была непремѣнно „la belle Lydie“, дѣвица?...

Удивленная гостья все шире открывала глаза:

— C'est cela! Но кто могъ вамъ все это передать?

— Ровно никто. Я вамъ сказала: я вижу это отсюда. Я ихъ наизусть знаю... Да и какъ трудно угадать, когда знаешь, что онѣ вбили себѣ теперь въ голову выдать эту свою безсловесную куклу-сестру за вашего Базиля.

— А вы это знаете?

Ранцова только плечами пожала.

Аглая Константиновна принялась вдругъ смѣяться, утвердительно и самодовольно покачивая головою:

— Vous savez, Базиль мнѣ сказалъ, qu'elle est folle amoureuse de lui.

— Ну да, презрительно повела губами Ольга Елпидифоровна,—она вотъ уже десятый годъ влюбляется такъ поочередно во всѣхъ здѣшнихъ богатыхъ жениховъ, но на ея несчастіе ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ не подловился на эту удочку.

— Ah, mon Dieu, неужели она уже такъ давно въ свѣтѣ? Je la croyais encore fort jeune.

— Ей по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать, отрѣзала Ранцова, прикидывая „по крайней мѣрѣ“ года три лишнихъ къ настоящему возрасту дѣвицы Саватьевой.—А вы что̀ же, добавила она свысока,—вообразили, что это дѣйствительно могла бы быть подходящая партія для вашего сына?

На жирномъ лицѣ Аглаи изобразилось чувство самой плачевной безпомощности:

— Ахъ, chère Olga... Pardonnez moi, что я васъ называю comme autrefois... Я объ этомъ хотѣла поговорить съ вами comme avec une vieille ami. Я... je me perds dans votre Pétersbourg, не знаю съ кѣмъ посовѣтоваться... Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что mon fils Basile, avec son nom и съ тѣмъ, что̀ онъ можетъ ожидать отъ меня, a le droit de prétendre à la

main de tout ce qu'il y a de mieux ici... Но,—и она самымъ неожиданнымъ образомъ расхныкалась, — je vous avoue cela la mort dans l'âme, — я ужъ и не знаю, что̀ лучше: согласиться qu'il épouse une non titrée, et pauvre, et plus âgée que lui, какъ эта Саватьева, или оставить его faire ce tas de dettes pour une gredine, какъ его Yrma... Вѣдь она еще болѣе жадная, чѣмъ та, l'autre, vous savez, Lucie Ladrague. Онъ ей, я знаю, подписалъ векселей на сорокъ тысячъ, кромѣ того, что̀ долженъ по всѣмъ магазинамъ за ея брилліанты и туалеты. Il me ruine, mon fils, и у меня только одна надежда, что если бы онъ могъ попасть въ руки d'une femme à caractère et comme il faut, она удержала бы его sur la pente de l'abime.

Ольга Елпидифоровна прервала ее новымъ язвительнымъ смѣхомъ:

— Вотъ дайте ему попасть къ Саватьевымъ въ руки, онѣ ему покажутъ, что̀ такое характеръ!...

Та замахала руками:

— Я не объ этомъ! Basile совсѣмъ о другомъ думаетъ. Онъ нисколько не тронутъ par l'amour de cette demoiselle; онъ находитъ только, что у нея des épaules qui ne sont pas mal и больше ничего... Она вдругъ осклабилась и продолжала уже таинственнымъ шопотомъ, искательно глядя на молодую женщину:

— Но есть другія плечи, онъ говоритъ, отъ которыхъ онъ съ ума сходитъ...

— Мои, то есть? преспокойно и чуть-чуть усмѣхаясь объяснила Ранцова.

— Oui, chère Olga, oui!.. Вы въ самомъ дѣлѣ теперь plus belle que jamais, я понимаю моего сына. — Она завздыхала опять:—Et puis vous êtes désintéressée et femme du monde... Вотъ если бы я знала, что Basile имѣетъ des relations sérieuses съ такою женщиной, какъ вы, я была бы спокойна, что онъ не разорится, comme son père, ce pauvre Michel, que j'ai sauvé de la misère...

— Это что̀ же значитъ: „des relations sérieuses?“ прервалъ ее вопросъ:—*связь*, то есть, ce qu'on nomme *une liaison*?

Она засмѣялась игриво и невинно:

— Mais vous savez, quand des personnes s'aiment...

Ольга Елпидифоровна въ свою очередь теперь уставилась ей въ глаза.

— Другими словами, чтобы избѣгнуть съ одной стороны слишкомъ дорого стоящей въ мірѣ лоретокъ Ирмы, съ другой—недостаточно дорогой на свѣтскомъ рынкѣ Лидіи Саватьевой, вы желали бы, чтобъ я сдѣлалась la maitresse de Basile votre fils. Такъ это?

Несчастная Аглая растерянно захлопала глазами: она никакъ не предвидѣла, чтобы ей могли когда либо вывести ея *тонкіе намеки* на чистоту.

Красивая барыня залилась гомерическимъ смѣхомъ:

— Вы тѣмъ милы, княгиня, проговорила она съ самою откровенною безцеремонностью, — что вы неизмѣнны и незыблемы, какъ какая нибудь египетская пирамида...

— Mais, ma chère madame, испуганно залепетала та,—je ne voulais pas vous offenser...

Ранцова хотѣла что-то отвѣтить... и вдругъ вскочила съ мѣста и съ торопливымъ „pardon" кинулась къ полуоткрывшейся двери въ ея спальню, откуда ея Амалія видимо вызывала ее къ себѣ какими-то многозначительными знаками и пальцевъ, и глазъ.

— Изъ дома *графа* пришла къ вамъ одна женщина, быстро доложила она ей на ухо по-нѣмецки,—и говоритъ, что ей непремѣнно нужно говорить съ вами сейчасъ.

— Гдѣ она?

— Я ее увела въ мою комнату, чтобы никто не видѣлъ.

Женщина эта была жена Калистрата, которую тотъ прислалъ съ извѣщеніемъ, что больной графъ „безпремѣнно проситъ госпожу" пріѣхать къ нему, не теряя времени, „потому самое обѣденное время: графчикъ съ графинюшкой и сестрица ихъ, княгиня, кушаютъ въ столовой, а *самъ* — одинъ въ своемъ покоѣ и желаютъ, чтобы быть безъ свидѣтелевъ."

— А пріѣхать къ нимъ, объясняла она „госпожѣ",— требуется не съ Набережной, а со двора, къ *собственному*

графскому крыльцу. Калистратъ Стѣпанычъ ужь тамъ ждать васъ будетъ и проведетъ...

— Сейчасъ! не дала ей договорить Ольга Елпидифоровна.— Вы на извощикѣ пріѣхали?

— Такъ точно-съ! Калистратъ Степанычъ наказывалъ, чтобъ какъ можно спѣшить...

— Погодите же минутку, я съ вами вмѣстѣ поѣду... Амалія, шубку, капоръ и вуаль! А сами сейчасъ же послѣ меня отправляйтесь въ саняхъ къ Варварѣ Петровнѣ Мосягиной и скажите, что я поѣхала,—она уже знаетъ... Проведите насъ на черный ходъ!...

Она черезъ мигъ была одѣта, окутана вуалью и бѣжала по корридору, сопутствуемая едва поспѣвавшею за ней пожилою женой Калистрата.

— Und die Frau Fürstin, ваша гостья, она тамъ у васъ осталась,—вспомнила, выпуская ихъ за дверь на черный ходъ, Амалія,—was soll ich Ihrer Duchlaucht sagen?

— Скажите ей, что она дура! крикнула ей на это съ сердцемъ барыня, исчезая со своею спутницей за поворотомъ лѣстницы.

Амалія покачала головою ей вслѣдъ, повернулась и, пройдя черезъ спальню въ гостиную, застала тамъ „ея сіятельство“ одну-одинехоньку и весьма замѣтно смущенною этимъ одиночествомъ.

— Die gnädige Frau lässt sich entschuldigen... Мой госпожа очень сфиняетъ себя, проговорила чухонская субретка,— у нея ушасно зубы болѣлъ, и она поѣхалъ къ свой дантистъ.

Княгиня Аглая Константиновна безмолвно уперлась круглыми глазами въ ея косые глаза, судорожно передернула свою новехонькую отъ Andrieux мантилью и, красная какъ піонъ, недоумѣло вышла изъ комнаты.

— Elle est au fond très impertinente, cette ex-Olga Akouline! рѣшила она, додумавшись въ сѣняхъ, пока ея ливрейный вздѣвалъ шубу на ея крутыя какъ Балканскія горы плечи.

XIII.

Чаръ твоихъ могучихъ сила
Можетъ мертваго поднять...
Соколовскій.

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört.
Cöthe. *Die Braut von Corinth.*

Извощичьи сани съ Ольгою Елпидифоровной и ея спутницей, скользнувъ подъ ворота дома графа Наташанцева, завернули вправо и остановились у „собственнаго“ крылечка.

Жена Калистрата проворно выскочила изъ нихъ и поспѣшно дернула за мѣдную ручку звонка...

Дверь тотчасъ же отворилась. Калистратъ приставилъ къ ней, въ ожиданіи ихъ, какого-то мальчика.

Самъ онъ, заслышавъ шаги въ корридорѣ, выскочилъ изъ уборной на встрѣчу прибывшихъ.

Онъ отослалъ жену назадъ повелительнымъ движеніемъ руки и, оставшись вдвоемъ съ Ольгою Елпидифоровной, прошепталъ ей:

— Я *имъ* сказалъ, что вы безпремѣнно желаете быть у *нихъ*, такъ вы ужь, на милость, извольте такъ и съ вашей стороны говорить; *они* васъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ.

— Какъ ему? торопливо спросила она.

По изрытому лицу стараго слуги, показалось ей, пробѣжала судорога:

— Ослабѣли очень, вскользь проговорилъ онъ... Я имъ

сейчасъ доложу-съ, поспѣшилъ онъ примолвить,—потрудитесь чуточку погодить здѣсь.

Онъ ввелъ ее въ *туалетную*, довольно просторную комнату, съ длиннымъ вдоль стѣнъ рядомъ дубовыхъ шкафовъ, а самъ быстро скользнулъ изъ нея въ спальню, совершенно неслышно шагая по ковру своею безъ каблуковъ обувью.

— Пожалуйте! молвилъ онъ, возвращаясь чрезъ нѣсколько мгновеній и наклонясь къ ней ближе:—Господинъ докторъ строго наказывали, чтобъ *имъ* отнюдь не говорить, такъ ужь дозвольте, сударыня, просить васъ... поберегите *ихъ!* досказалъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ.

Ее передернуло отъ его выраженія... Безотчетно замедляя шаги, переступила она черезъ порогъ *его* спальни...

Глаза ея, сами собою, прежде всего остановились на *немъ*. Онъ сидѣлъ въ своемъ длиннополомъ домашнемъ сюртукѣ, рядомъ со вплоть прикрытою темномалиновымъ байковымъ одѣяломъ желѣзною кроватью, на низкомъ креслѣ, съ протянутыми на табуретъ ногами, лицомъ къ ней и спиною къ высокому, старинному, съ бронзовыми украшеніями комоду, съ котораго пламя четырехъ свѣчей въ старинномъ же бронзовомъ porte-bougies подъ четырехугольнымъ зеленымъ колпакомъ падало отвѣсно на голову больнаго, отчетливо обрисовывая лобъ его по брови, со спутанными надъ нимъ прядями сѣдыхъ волосъ, и оставляя въ полутѣни всѣ остальныя черты. Онъ представлялся такимъ образомъ въ рамкѣ этого своего кресла, съ засунутою за спину его бѣлою подушкой, единственно освѣщеннымъ пунктомъ высокаго и обширнаго алькова, отдаленные углы котораго пропадали въ мглистой, колеблющейся тьмѣ. Лишь кое-гдѣ въ складкахъ спущенныхъ занавѣсей, отдѣлявшихъ этотъ альковъ отъ кабинета, свѣтъ случайными искорками игралъ по золоту разводовъ густой темносиней ткани...

— C'est vous... Enfin! угадала взволнованная молодая женщина скорѣй, чѣмъ услышала его слова.

Она кинулась теперь къ нему, схватила протянувшіяся къ ней руки его, наклонилась, жадно глянула ему въ лицо и, въ неудержимомъ порывѣ, съ ужасомъ отъ страшной пере-

мѣны, которую нашла она въ немъ, опустилась вдругъ, словно подломленная, на колѣни и, сдерживая подступавшее къ горлу рыданіе, судорожно приникла губами къ этимъ рукамъ...

— Что̀ вы дѣлаете! Встаньте! *Тамъ*... вскинувъ неопредѣленно глазами за спину, пролепеталъ онъ какъ бы испуганно,—и не договорилъ... Было нѣчто страшно зловѣщее въ слышавшемся свистѣ, съ какимъ вылетали эти звуки изъ его груди, въ порывисто короткомъ дыханіи, которое сопровождало ихъ.—Садитесь тутъ... подлѣ меня...

Тамъ, она поняла, значило кабинетъ, гдѣ могли находиться, или сейчасъ войти *они*, *его* дѣти, — ея враги... Они могли подслушать, подглядѣть изъ-за этихъ занавѣсей... Онъ принимаетъ ее тайкомъ отъ нихъ—и, видимо, не имѣлъ уже духа обезпечить неприкосновенность этой тайны, не рѣшился приказать не впускать ихъ на свою половину, пока она тутъ... Сердце заныло у нея острою, жгучею болью: „это—отреченіе отъ себя... отъ жизни“, чуялось ей какимъ-то внутреннимъ нервомъ въ самой глубинѣ ея существа.

Онъ между тѣмъ глядѣлъ на нее неотрывающимся, проницающимъ и воспаленнымъ лихорадкою взглядомъ. Страненъ былъ этотъ взглядъ для нея; едва узнаваемы эти черты, въ которыхъ она еще столь недавно читала такую безконечную страсть...

— Мнѣ не хорошо... Я хотѣлъ видѣть васъ... пропускалъ онъ чрезъ силу, пожимая влажными и палящими руками ея оледенѣвшіе пальцы,—j'ai besoin de vous parler...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! прервала его она: — вамъ вредно, докторъ запретилъ... Когда вамъ станетъ лучше...

Онъ закачалъ головою, болѣзненно морщась:

— Будетъ поздно... C'est fini, я чувствую... Выслушайте меня!...

— Ради Бога, замолчите, я не хочу этого слышать... Это вздоръ, вы выздоровѣете... скоро! лепетала она съ насилованною улыбкой, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Онъ судорожнымъ движеніемъ потянулся къ ней руками... и безсильно упалъ опять спиною въ подушку:

— Милая, какъ я любилъ васъ—знаетъ Богъ... Но видно, не надо было... Мы были виноваты...

Она вся вздрогнула:

— „Виноваты“? повторила она:—чѣмъ?

— Вы... знаете... Я *его* видѣлъ, проговорилъ Наташанцевъ еле слышно.

— Его?.. Моего... мужа? блѣднѣя прошептала она на это.—Гдѣ?.. Для чего?

— Онъ былъ у меня... Онъ... онъ васъ безконечно...

Сухой, острый, надрывающій кашель не далъ больному продолжать; онъ нагнулся головою впередъ, поднося платокъ ко рту. Ольга Елпидифоровна инстинктивно приставила ему ко лбу руку... Онъ тотчасъ же прикрылъ и прижалъ ее своею, поднялъ глаза и, словно пріободрясь вдругъ:

— И жить, и умирать подъ этою рукой сладко, сказалъ онъ, силясь улыбнуться... и въ то же время безотчетно моргнулъ и прижмурился отъ ударившаго ему сбоку свѣта въ глаза.

Кто-то тихо отдернулъ одну изъ полъ занавѣсей и вошелъ изъ-за нихъ въ спальню, — вошелъ и остановился съ видимымъ изумленіемъ...

Это была belle-fille графа, жена его сына, рожденная баронесса фонъ-Гагернъ, стройная особа лѣтъ двадцати пяти, съ правильнымъ и холоднымъ нѣмецкимъ лицомъ... Она очевидно никакъ не ожидала застать теперь у свекра „*эту* женщину“ (она никогда не видала ея, но тотчасъ же догадалась, кто она,),—и вся застыла въ первую минуту въ цѣломудренномъ негодованіи, увидавъ эти сплетенныя ихъ руки, это „дерзкое“ женское лицо, наклонившееся надъ больнымъ „съ самою безспорною фамильярностью (avec la familiarité la plus incontestable)“.

Ольга Елпидифоровна точно также никогда не видала ея и въ свою очередь тотчасъ же ее узнала. Но она только скользнула по ней взглядомъ и зорко устремила его въ просвѣтъ раздернутыхъ молодою графиней занавѣсей. Тамъ, въ кабинетѣ, освѣщенномъ двумя высокими карселевскими лампами, сидѣло кругомъ камина нѣсколько лицъ; они, видимо,

только-что вышли изъ-за стола и перешли сюда пить кофе, „поближе къ больному“, согласно съ подобающимъ въ этихъ случаяхъ приличіемъ. Вытянувшись въ креслѣ во всю длину свою, съ обращенными къ огню толстыми подошвами тюленевыхъ башмаковъ вѣнскаго издѣлія, въ клѣтчатомъ домашнемъ костюмѣ и съ pince-nez на носу, лѣниво потягивалъ дымъ изъ сигары молодой графъ Наташанцевъ, блондинъ лѣтъ тридцати, похожій на сестру пренебрежительнымъ, какъ бы гадливымъ выраженіемъ своего узкаго, гладко выбритаго лица. Сама она, княгиня Андомская, съ китайскимъ garde-feu въ рукѣ, оберегая ланиты свои отъ пламени, помѣщалась подлѣ брата и, наклонясь къ нему бокомъ, съ озабоченною физіономіей передавала ему что-то, чему внималъ онъ, казалось, съ полнымъ равнодушіемъ, не раскрывая рта, стряхивая отъ времени до времени, механическимъ движеніемъ, пепелъ со своей сигары крѣпкимъ и длиннымъ въ цѣлый вершокъ ногтемъ, выращеннымъ его заботами на правомъ мизинцѣ. Двѣ, три дамы изъ близкой родни, да кто-то изъ тѣхъ intimes de la maison, безъ которыхъ не обходится ни одинъ большой домъ въ Петербургѣ, съ чашками въ рукахъ, вели тутъ же, по близости, неслышный межъ собою разговоръ.

Ранцова въ одинъ мигъ обняла все это общество... „Да“, сказала она себѣ, „*они* теперь, подъ видомъ дѣтской нѣжности и тревоги за него, ворвались въ это послѣднее его убѣжище, распоряжаются у него, какъ бы уже вступивъ въ его наслѣдство, и ведутъ лицемѣрныя рѣчи о томъ, чего сами съ нетерпѣніемъ ждутъ въ своихъ скверныхъ душонкахъ... А онъ,“ — и глаза ея съ безмѣрною жалостью обернулись на страждущаго, — „онъ, безпомощный и уже безмолвный, онъ уже ничего... ничего противъ нихъ не можетъ...“

— Cher papa, рѣжущимъ звукомъ раздался въ ея ушахъ голосъ молодой Наташанцевой (она отдѣлилась отъ темнаго фона занавѣса и быстрыми шагами подошла теперь къ свекру,),—вы не спите? Вамъ пора ваше лѣкарство принять...

— Да, Калистратъ знаетъ... Рука его протянулась къ колокольчику на столикѣ, стоявшемъ подлѣ него вмѣстѣ съ аптекарскими стклянками.

Но старый слуга былъ уже тутъ и, поднеся столовую серебряную ложку ко свѣчамъ на комодѣ, медленно и прищурясь лилъ въ нее микстуру...

Глаза больнаго поднялись на невѣстку съ какимъ-то не то раздраженнымъ, не то умоляющимъ выраженіемъ; впалыя щеки его замѣтно заалѣли отъ внутренняго волненія.

— Ma chère Lucie, я попрошу васъ оставить меня на нѣсколько минутъ одного... avec madame... Madame Rantzof,— ma meilleure amie ici-bas, отчеканилъ онъ въ поясненіе, какъ бы находя опять въ эту минуту тотъ вѣскій и внушительный тонъ знатнаго и уважающаго себя барина и главы дома, предъ которымъ семья его въ оны дни безропотно склоняла головы...

Молодая графиня и не нашла слова отвѣтить. Она ледянымъ, но учтивымъ поклономъ повела въ сторону нашей барыни, причемъ углы ея губъ чуть-чуть дрогнули надменною усмѣшкой, и прошла въ кабинетъ.

— Калистратъ, занавѣси!... проронилъ графъ, глядя ей вслѣдъ...

Онъ поспѣшно прикрылъ еще разъ ротъ платкомъ, чтобы заглушить хриплый свистъ кашля, ломившаго ему грудь, пока Калистратъ, угадывая его желаніе, торопливо задергивалъ занавѣси алькова и недвижно словно замиралъ предъ ними, съ очевидною рѣшимостью не дозволять болѣе никому доступа изъ-за нихъ.

— Ils veulent être toujours là, замѣтилъ больной, тяжело переводя духъ,—я имъ сказалъ, что хочу спать, чтобы не мѣшали, но вотъ... вы видѣли... Et il me reste si peu d'instants pour vous parler...

— О милый, дорогой!... могла только выговорить она сквозь прорвавшееся у нея неудержимо рыданіе.

— Не плачьте, успѣете! почти строго молвилъ онъ на это,—Богъ не хочетъ... намъ надо повиноваться...

Она слушала, глотая слезы, прижимая руку къ нервно-вздрагивавшимъ губамъ и неотступно глядя въ его горячечно горѣвшіе глаза.

— Я не ропщу, падали черезъ силу слова изъ его устъ,— я умру спокойно... если вы мнѣ дадите слово...

— Какое слово! пробормотала она, — я хочу, чтобы вы жили... вы будете жить!...

Онъ безнадежно усмѣхнулся, потянулся рукою къ ея рукѣ.

— Вы должны мнѣ поклясться, твердо промолвилъ онъ, сжимая ее,—что вы вернетесь къ нему...

— Къ „нему"!... Къ мужу? растерянно вскрикнула Ольга Елпидифоровна.

Онъ медленно склонилъ голову.

— C'est le dernier voeu d'un mourant... dun ami, для котораго ваше счастіе дороже собственной жизни. Я умоляю васъ объ этомъ, для васъ... и для себя... Я никому не сдѣлалъ зла въ этомъ мірѣ... Я не хочу унести *туда* мою вину... предъ нимъ... Et vous, mon ange bien-aimé, промолвилъ онъ съ безконечною любовью въ задыхающемся голосѣ,—вы, когда меня не станетъ, васъ ждетъ такая злоба, ненависть... Онъ, онъ одинъ способенъ такъ же безгранично любить и охранять васъ... Другой... un jeune homme... un Ашанинъ—вылетѣло у него помимо воли какою-то послѣднею вспышкой страсти,—погубитъ васъ!...

„Онъ знаетъ! Отъ кого? Неужели *тотъ* нажаловался ему на меня?" пронеслось молніей въ головѣ Ранцовой.—„И это жжетъ ему душу въ эту минуту..."

Глаза ея въ тотъ же мигъ безотчетно направились въ глубину комнаты, гдѣ у замѣтно задвигавшихся занавѣсей происходила какъ бы какая-то борьба между стоявшимъ предъ ними спиною къ ней Калистратомъ и кѣмъ-то, кого онъ очевидно не хотѣлъ пропустить изъ-за нихъ въ спальню. Преданный старый слуга ухватился руками за обѣ полы, просунувъ голову въ узкій между ними просвѣтъ, и велъ, повидимому, съ этимъ невидимымъ кѣмъ-то переговоры, глухой сначала шопотъ которыхъ начиналъ становиться все явственнѣе...

Онъ долетѣлъ и до слуха больнаго:

Калистратъ, что̀ это? произнесъ онъ, вздрогнувъ и оборачивая голову по его направленію.

— Да вотъ-съ ея сіят... не договорилъ тотъ, машинально опуская руки и въ свою очередь оборачиваясь на голосъ барина.

Занавѣси въ то же время быстро и широко раздернулись, и изъ-нихъ, мимо отшатнувшагося предъ ней невольно Калистрата, выступила княгиня Андомская... Братъ ея, со своимъ pince-nez на носу, засунувъ обѣ руки въ карманы жакетки, показался за нею, но, не выступая за грань кабинета, остановился во глубинѣ, откуда съ зоркимъ и безцеремоннымъ любопытствомъ такъ и вонзился взглядомъ въ красивую барыню, о которой наслышался такъ много злобныхъ разсказовъ въ обществѣ своей сестры.

Княгиня подошла прямо къ отцовскому креслу:

— Mon père, принужденно спокойнымъ тономъ произнесла она, глядя ему прямо въ лицо и будто вовсе не замѣчая присутствія его собесѣдницы:—vous vous faites beaucoup de mal. Вы знаете, что доктора строго запретили вамъ говорить...

Голосъ его занылъ, глаза загорѣлись негодованіемъ:

— Vous ne voyez donc pas que madame est là! указалъ онъ на Ольгу Елпидифоровну: — она мнѣ сдѣлала честь посѣтить меня, а вы... Я просилъ, чтобы ко мнѣ не входили, а вы... врываетесь... насильно!...

Княгиня вспыхнула вся и тотчасъ же закусила губу, чтобъ удержаться отъ слишкомъ рѣзкой отповѣди:

— Vous ne pouvez pas, il me semble, mon père, en vouloir à *votre fille*, подчеркнула она, но съ оттѣнкомъ полнѣйшей почтительности,—за то, что ваше здоровье заботитъ насъ... Madame, добавила она, поведя взглядомъ въ сторону Ранцовой,—doit le comprendre aussi, j'espère!

Та не выдержала:

— Вы не ошибаетесь, княгиня, язвительно пропустила она,—я васъ понимаю... Понимаю и то, что иныя заботы могутъ принести больному болѣе вреда, чѣмъ самое рѣшительное равнодушіе.

Андомская внезапно дернула шеей и уставилась на ненавистную ей женщину сверкающими какъ у ящерицы зрачками:

— А вы, прошипѣла она, — желаете удержать за собой право нанести ему и послѣдній ударъ!...

Раздирающій, стенящій хрипъ вырвался изъ груди ея отца:

— Ah, c'est vous... vous qui me tuez!...

Судорожно простершіяся къ ней руки его мгновенно упали, ударившись о ручки кресла, голова безчувственно заломилась назадъ...

— Mon père! визгнула отчаянно княгиня, кидаясь къ нему...

На этотъ крикъ съ молодымъ Наташанцевымъ впереди хлынуло изъ кабинета все, что̀ тамъ находилось. Спальня наполнилась людьми, замелькали чьи-то блѣдныя, перепуганныя лица, надвигаясь въ растерянномъ переполохѣ подобныхъ минутъ тѣснымъ и безполезнымъ стадомъ ко креслу „умирающаго"... Ольга Елпидифоровна вспрянула съ мѣста, зашаталась... и упала на чьи-то подхватившія ее во̀-время руки...

Она очнулась въ туалетной Наташанцева. Она лежала на кушеткѣ съ какимъ-то валькомъ подъ головой. На краюшкѣ подлѣ нея сидѣла Варвара Петровна Мосягина со стклянкой одеколона, которымъ только-что терла ей виски, и глядѣла на нее съ жалостливымъ участіемъ...

— Ради Бога, что̀ онъ! вскрикнула молодая женщина, еще недоумѣло озираясь кругомъ.

Пріятельница ея скорбно сжала брови:

— Пришелъ въ себя... Но обманывать я васъ не буду: Штраухъ здѣсь и сказалъ мнѣ, что ему... не протянуть до утра. Болѣзнь пошла такимъ быстрымъ ходомъ, говоритъ онъ, что они ничего не могли противъ нея... Когда же они что-нибудь могутъ!...

— О, дайте, дайте мнѣ взглянуть на него! взмолилась къ ней та, подымаясь на ноги.

— Нѣтъ, милая,—твердо возразила Варвара Петровна,— я васъ не пущу! Я и такъ насилу могла привести васъ въ чувство. А онъ... онъ сейчасъ потребовалъ священника. Дайте ему умереть спокойно, христіаниномъ... примирившись со своими!... Я васъ сейчасъ отвезу домой.

Ольга Елпидифоровна не отвѣчала. Она упала опять головой на валекъ и такъ и замерла.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

PG
3467
M327
1885
t.5-6

Markevich, Boleslav Mikhailovich
Polnoe sobranie sochinenii
t. 5-6

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY